

Краткая ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Объяснение
полутора
тысяч слов
и понятий

Славянской Мифологии

Н.С. Шапарова

Краткая энциклопедия
СЛАВЯНСКОЙ
МИФОЛОГИИ

Около 1000 статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель Русские словари
Москва
2001

ВВЕДЕНИЕ

Славяне — крупнейшая в Европе группа родственных народов. Современные славяне подразделяются на три ветви: восточные (русские, украинцы, белорусы), южные (болгары, сербы, черногорцы, хорваты, словенцы, боснийцы-мусульмане, македонцы) и западные (поляки, чехи, словаки, лужичане). Все они говорят на языках славянской группы индоевропейской семьи. Происхождение названия «славяне» до сих пор недостаточно ясно; по-видимому, оно восходит к общеиндоевропейскому корню, смыслом которого является понятие «человек», «люди», «говорящие» (в таком значении термин *славяне* встречается в ряде славянских языков); при этом этноним *славяне* в различных модификациях чаще всего прослеживается на периферии расселения славян (ср.: словенцы, словаки, словинцы, словени).

Как и многие другие народы, славяне и их предки прошли долгий путь от первобытно-охотничьего строя к скотоводству и земледелию. На этом пути менялись их взгляды на мир, менялась и их мифология. Но что же такое мифология? Само это слово, если буквально перевести его с греческого, означает «изложение преданий»; с точки же зрения ученых, это прежде всего «выражение особой формы общественного сознания, способ осмысления окружающего мира, присущий людям на ранних стадиях развития». Славянская мифология, по одному из определений, — это «совокупность мифологических представлений древних славян (праславян) времени их единства (до кон. I тыс. н.э.)». Известно, что эта мифология была языческой. Славянское язычество — это «часть огромного общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубин тысячелетий и послуживших основой всех позднейших мировых религий». Но язычество — это очень расплывчатый термин. Он возник в церковной христианской среде и первоначально означал все дохристианские и нехристианские верования — и шаманство сибирских охотников, и славянские земледельческие обряды, и мифологию древней Греции. Термином «язычество» обозначался сложный комплекс явлений — и древнейшие представления о мире, олицетворенном в богах и духах, и магические обряды, и прочая, и прочая. Славянское язычество было суммой тех религиозных представлений, которые христианство застало в VI-X вв. на славянских землях. Эти представления претерпели множество изменений с момента их зарождения в глубине веков, когда первые люди еще только начали создавать себе богов и упорядочивать свое представление об окружающем мире.

Языческие представления древних людей тесно связывали человека с природой. Язычник воспринимал мир как живое существо, такое же, как и он сам. Следствием этого было одушевление природы, олицетворение вещей и явлений, перенос на природные объекты человеческих или животных свойств. При помощи такого одушевления природы люди пытались объяснить, почему происходят те или иные природные процессы, и так рождались мифы — мифы о богах и духах, управляющих миром и постоянно воздействующих на человека.

Древние мифы славян являлись нерасчлененными: они не разделялись на множество отраслей, по-разному осмысляющих разные фрагменты действительности, а пытались объяснить все сразу. Из-за этого в мифологическом сознании практически не разделялись сущность и явление, вещи и слова, имя и то, что им называют. Миф не углублялся в поиски сущности, поэтому внешнее сходство в нем предстало как тождество (на этом принципе основывалась симпатическая магия, опирающаяся на закон подобия и закон соприкосновения). Поэтому в мифах происхождение предмета часто выдавалось за его сущность; т.е. для мифа объяснить вещь или явление означало рассказать об их возникновении, и мифы об устройстве мира выглядели как рассказы о происхождении его элементов. Мифы славянских народов во все времена были очень разными и в то же время очень похожими. Это были мифы о творении мира и о конце света, о происхождении человека и животных, о загробном мире, о происхождении культурных благ и пр. При этом мифы являлись частью религиозных верований и были сопряжены с ритуальными действиями и общением с богами и духами.

В настоящее время судить о мифологии, т.е. мировосприятии древних славян, достаточно трудно уже потому, что о славянском язычестве сохранилось очень мало сведений. Собственно славянские мифологические тексты не сохранились: христианство, яростно боровшееся против язычества, искореняло все древние верования, все обряды и обычаи, как только могло. Так что о славянской мифологии теперь можно судить только по вторичным — письменным, фольклорным и вещественным — источникам.

На данный момент главный источник сведений по раннеславянской мифологии — это средневековые хроники, анналы, написанные посторонними наблюдателями и славянскими авторами. К сожалению, составители летописей обычно не стремились зафиксировать сведения о древних верованиях; например, авторы древнерусских поучений против язычества упоминали о языческих божествах только потому, что осуждали поклонение им. Поэтому письменные сведения в большинстве своем были отрывочны и случайны, хотя и давали некоторое представление о прежних верованиях, о поклонении стихиям и олицетворявшим их божествам. Несколько более подробные и гораздо более беспристрастные сообщения о славянском язычестве дают также труды византийских писателей и историков, восточных путешественников (например, арабских купцов, бывавших в славянских землях) и других современников, соприкасавшихся со славянами в древности и оставивших записи об их культуре, быте, обычаях и обрядах.

Помимо письменных сообщений, очень богатым источником для исследователей славянской мифологии является фольклор — сказки, былины, обрядовые песни, заговоры и пр., основанные на древних мифах и легендах. Конечно, мифы в таком изложении сильно исказились, и основная проблема исследователей заключается в том, чтобы вычленивать, реконструировать древнейшие представления, очистить их от всего, привнесенного позднее. Например, по пред-

положениям специалистов, многие сказки содержат описания быта людей каменного века, охотничьих обрядов инициации, сцен охоты и т.п. Сказка, а также былины и эпические песни в ряде случаев сохраняют некоторые сюжеты языческих мифов о тотемных животных, богах, духах и вообще мироустройстве. То же относится и к обрядовым песням и заговорам, сохранившимся даже лучше других источников; в этих песнях нашли отражение самые разные представления об окружающем славян мире. Некоторые песни и заговоры сохранили даже имена языческих богов, хотя в большинстве случаев эти имена и упоминаются лишь мимоходом, например, в форме припева. Календарные обрядовые песни и древние заговоры были неотъемлемой частью магических ритуалов, обрядов, позволяющих людям общаться с богами и духами; эти ритуалы в глазах славян были необходимы для людского благополучия, так как они стимулировали плодородие земли, кормящей земледельцев, и потому даже многовековые старания христианских деятелей не смогли полностью уничтожить ни эти обряды, ни связанные с ним песни и заклинания.

Еще одним источником сведений о жизни древних людей и об их верованиях, причем наиболее достоверным источником, являются данные археологии. Археологические находки дают информацию без каких-либо искажений, связанных с передачей ее через множество поколений с разными взглядами и разной верой. Но при этом археология дает сравнительно небольшой объем материала для изучения собственно мифологии; поэтому археологические данные в этом отношении приходится связывать с данными, полученными из фольклора или письменных источников.

Вообще, все археологические находки можно разделить на несколько групп, каждая из которых дает свои сведения о мифологии. Например, на основании захоронений древних людей можно судить о том, какие в древности проводились погребальные обряды, и уже на их основе судить о представлениях древних людей о жизни и смерти, о "потустороннем мире мертвых и пр. Раскопки языческих святилищ дают информацию о древних языческих богах и тех" ритуалах, которые с этими богами были связаны, например, о жертвоприношениях. В некоторых случаях удается даже отыскать сохранившихся идолов, что позволяет установить приблизительный внешний облик богов в представлениях язычников. Встречающиеся при раскопках языческие обереги, украшения (подвески, браслеты, ожерелья, колты, фибулы и пр.) и атрибуты языческих обрядов (ритуальные жезлы, туры рога, чары для гаданий, святочные маски и пр.) также позволяют восстановить внешний облик некоторых божеств, а также связанные с ними празднества (например, некоторые браслеты и ритуальные рога, покрытые узорами, содержали целые мифы, ритуальные игрища или представляли всю картину Вселенной с небесным миром, землей и подземным миром мертвых). Схожие изображения мифологических персонажей, мифических сюжетов и пр. содержали и различные предметы быта, покрывавшиеся" языческой символикой: посуда, музыкальные инструменты, различные вещи из домашнего обихода и т.д.

Существует и еще один источник информации, также помогающий исследователям реконструировать древнейшие представления о мире. Это — этнографические материалы, вся народная культура в целом. Этнографический материал содержит описания семейных (родильных, похоронных, поминальных и пр.), календарных (святочных, масленичных, весенних, троицких, купальских и пр.) и прочих (повседневных или связанных с какими-то определенными событиями, например, с постройкой дома или выпеканием хлеба) обрядов, представлявших собой слияние языческих и христианских элементов, а также описания жилища, утвари и традиционной одежды, т.е. всего окружения славян, наполненного языческими и христианскими символами (ср. коньки, причелины, полотенца, наличники и т.д., узоры которых в совокупности передавали всю космогоническую картину мира; а также узоры на одежде и домашней утвари — на прялках, ложках, рушниках и пр.). К этнографическим данным относились и записи о ряде верований и связанных с ними обрядов, относящихся к домашним духам или духам природы (ср. многочисленные былички о русалках, леших, домовых, водяных, а также существах, являющихся прямым продолжением образа языческих богов, например, мокуши и т.п.).

К сожалению, данные этнографии — самый ненадежный источник информации по древней языческой мифологии, так как на протяжении столетий остатки языческой мифологии скрылись под многочисленными наслоениями: свое влияние оказало и христианство, и просто время, стершее или лишившее смысла древние представления (например, русская деревянная резьба, прежде содержавшая множество магических символов, оберегавших дом и его обитателей от вторжения зла, уже в XIX в. стала, фактически, просто украшением, и, как следствие, древние символы стали перемежаться красивой, но бессмысленной резьбой). А хуже всего то, что с середины XIX в. традиционность славянских крестьянских общин стала разрушаться новыми социально-экономическими отношениями. Но, тем не менее, этнографический материал до сих пор служит источником для исследователей славянской мифологии.

Некоторый материал для исследования древних мифов предоставляет и сам славянский язык: слово и миф издревле были тесно связаны между собой, и некоторые слова, возникшие сотни и даже тысячи лет назад, могут передать древнейшие верования наших предков, нести в себе мифологические образы. Например, в качестве источника сведений по языческой мифологии ученые нередко используют топонимику, так как некоторые географические объекты, различные урочища и горы до сих пор сохраняют некоторые древнейшие имена божеств (ср., например, названия типа: село Волосово, Велесово дворище, Бабья гора, Перынь, Ярилина плешь, Мокошин верх, Перунов дуб, Русаловка и т.п.). Изучение таких данных позволяет судить о распространении каких-либо верований на определенных славянских" территориях.

Таким образом, учет всех возможных источников, т.е. письменных памятников, фольклора и данных археологии и лингвистики, позволяет в какой-то мере восстановить древнейшие языческие представления наших предков. При этом помощь могут оказать и мифы соседних славянам народов, например, греческие, скандинавские и прочие верования. Мифы всех народов в какой-то мере сходны друг с другом, так как они возникли и развивались, в общем, в сходных условиях. У всех первобытных народов существовало обожествление природы и представления о богах-громовниках, богинях, олицетворявших землю, и т.д.; поэтому сравнение славянской и, например, иранской или индустемской мифо-

логии иногда позволяет более точно воспроизвести древний миф. А на основе верований северных народов (якутов, эвенков и пр.) можно в какой-то мере судить о том, какими были представления славян (или, вернее, предков славян) во времена охотничье-рыболовческого строя, до появления земледелия.

На основе всех этих данных исследователям в принципе удалось не только более-менее восстановить древние верования славян, но и разделить их, отделить более древние от позднейших, существовавших перед самой христианизацией представлений. В принципе, уже древнерусские книжники XI-XII вв., писавшие о язычестве, пытались заглянуть в историю славянских верований и показать различные их стадии в глубокой древности. Они выделяли две стадии воззрений славян. Первая стадия — это культ природы, когда люди «рощением, кладезем и рекам жряху и не познаша бога»; в это время языческих богов как таковых, в общем, еще не существовало, было лишь общее представление о духах природы — упырях и берегинях. Позднее у людей появились представления об отдельных божествах, в облике которых персонифицировались разнообразные явления природы; и в это время возникла вторая стадия древнеславянских воззрений, которая была связана с изготовлением идолов и человеческими жертвоприношениями: «и начаша кумиры творити: ови древяны, ови медяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены. И кланяхуся им и привожаху сыны своя и дъщери и закалаху пред ними и бе вся земля осквернена». По археологическим данным мы знаем, что идолы у полян и «прочих поганых» существовали уже в III-IV вв. н.э.

В некоторых летописях упоминалось даже три стадии: первой считался каменный век, когда люди вооружены только палицами и камнями, знают лишь групповой брак и не знают единого бога; вторая стадия — это эра Сварога, божества неба и огня, который научил людей ковать металл, пахать и сеять, установил законы моногамной семьи; а третья стадия — эра Дажьбога, сына Сварога, когда установилось классовое общество, появились богатые и сановитые люди. Таким образом, русские книжники эпохи Владимира Мономаха разделяли славянских языческих богов в такой последовательности: у первобытных людей каменного века отсутствовала вера в высшее божество; с открытием металла и появлением земледелия появилось представление о Свароге — боге неба и огня; а затем возник культ Дажьбога-Солнца.

На основании таких исследований древних книжников, а также современных данных археологии и фольклора исследователи пришли к выводам о следующей эволюции славянских представлений. В древности люди еще не знали богов и поклонялись только духам, воплощавшим добро и зло — упырям и берегиням («А преже того клали требы упиремь и берегыням»). Берегини были духами-охранителями, защищающими людей от всякого зла, а упыри представлялись злом, повсеместно разлитым в природе, аморфным и воплощающим все, чего опасались первобытные люди, — тьму, холод, голод, смерть, зиму и т.д. Затем постепенно у славян появились представления о богине-матери, возможно, о двух богинях-рожаницах, небесных хозяйках мира. В это время уже существовали представления о трех ярусах мира: верхнем мире с его светилами, срединном мире людей и животных и нижнем, подземном мире мертвых. Несколько позднее появились и представления о мужских божествах — Роде и, возможно, Велесе, Свароге, Дажьбоге, Макоши. Эти боги были особенно важны для земледельцев, но представления о них могли возникнуть и в охотничье-скотоводческое время (например, Велес, предположительно, был известен еще древним охотникам и почитался как покровитель зверей и одновременно охоты). При развитии земледелия верховным божеством стал считаться Род (как олицетворение Вселенной, всей природы и плодородия) и сохранялось почитание рожаниц: «Се же словене начали трапезу ставили Роду и рожаницам переже Перуна бога их». А уже в более позднее время появились новые божества, которые постепенно заняли главенствующее место; к таким божествам относился, в частности, Перун, бог-громовник, выступавший как покровитель княжеской дружины. А христианство, придя на славянские земли и утвердившись там, породило некий синтез старых и новых верований: славяне стали почитать нового бога, его ангелов и святых, придерживаться христианских обрядов, но при этом упорно продолжали верить и в языческих божеств, ставить им требы и т.д. Земледельцы просто не могли отказаться от тех обрядов и ритуалов, которые на протяжении многих лет стимулировали плодородие земли и скота и таким образом определяли и жизнь людей. Так что, когда древние боги были объявлены демонами, «отступниками» от единого Бога, славяне просто перенесли их функции на христианских святых и стали обращаться к этим новым божествам все с теми же, хотя и несколько (а позднее — довольно сильно) измененными обрядами-молениями, приносить им жертвы и пр.

Так что Русь и вообще славянский мир еще долгое время после христианизации оставался полуязыческим. Однако христианству в конце концов удалось практически уничтожить чисто языческие представления, поэтому на сегодняшний день знания о полном составе праславянских богов весьма ограничены, хотя названия и функции некоторых божеств удалось восстановить — что-то по летописным источникам и пр., а что-то — по соответствиям в разных славянских традициях (например, у восточных славян был известен Сварог, которому соответствовал *Zuarasiz* балтийских славян; ср. также древнерусского Дажьбога и южнославянского Дабога, Ярилу и Яровита [*Gerovitus*] у балтийских славян, Перуна и литовского Перкунаса, Велеса и балтийского Велса, и т.д.). При этом славянская мифологическая система наиболее полно была представлена восточнославянской мифологией и мифологией балтийских славян (т.е. западнославянских племен северной части междуречья Эльбы и Одера). Западнославянская мифология известна только по нескольким локальным вариантам, относящимся к балтийским славянам, чешским и польским племенам (как правило, речь идет только об отдельных божествах, связанных с локальными культурами); при этом у балтийских славян сохранились достаточно многочисленные сведения о божествах (порой наделяемых схожими функциями и сходных по описанию), а вот о польских и чешских богах сведений очень мало и они весьма разрознены. Данные же о южнославянской мифологии совсем скудны: рано попав в сферу влияния древних цивилизаций Средиземноморья и ранее других славян приняв христианство, южные славяне практически полностью утратили сведения о былом составе своего пантеона.

Введение христианства в славянских землях (с 9 в.) положило конец официальному существованию славянской мифологии, сильно разрушив высшие ее уровни и низведя прежних божеств до уровня демонов. Но при этом, конечно, языческая мифология не ограничивалась только богами и связанными с ними представлениями, а низшие уровни славянской мифологии оказались гораздо более устойчивыми и создавали порой сложные сочетания с господствующей христианской религией. Сохранились прежде всего представления о духах природы, многочисленные обряды и представления, связанные с домашним хозяйством, а также система общих противопоставлений. Так, мир у древних славян описывался системой двоичных представлений (бинарных оппозиций), определявших пространственные, временные, социальные и прочие его характеристики; такие противопоставления сохранились и после христианизации. Традиционно противопоставлялись жизнь и смерть, чет и нечет, правое и левое, мужское и женское, день и ночь, лето и зима, верх и низ, белое и черное, небо и земля, север и юг, запад и восток, вода и огонь, море и суша, и т.д. При этом с одной стороны (днем, летом, жизнью и пр.) связывалось обычно все положительное, благодатное, а с другой стороны (ночью, зимой, смертью и т.д.) — все отрицательное, нечистое, неблагоприятное. Такой дуалистический принцип противопоставления благоприятного — неблагоприятного для людской общины реализовывался иногда в мифологических персонажах, наделенных положительными или отрицательными функциями (ср. Белобога и Чернобога), или в персонифицированных членах оппозиций (ср. Долю и Недолю, Счастье и Несчастье). Все подобные представления, являвшиеся остатками язычества, сохранялись в крестьянской среде вплоть до XX в., тем более что многие языческие символы и сакральные элементы выполняли ключевые ритуальные функции и в христианской традиции: например, хлеб «замещал» в литургии Тело Христово; освященная вода была основой таинства крещения, а святая вода служила защитой от любых злых сил; огонь (лампадный и свечной) воспринимался как бескровная жертва Богу; земля же понималась как «материальная сущность человеческой плоти» («яко земля еси есть и в землю отыдеши»).

Данная работа является попыткой систематизации мифологических понятий как западных, так и восточных славян в комплексе. В работу сознательно не включены многие понятия, информация по которым является предположительной, не имеет археологических подтверждений либо имеет сомнительные источники.

А

АВСЕНЬ, Овсень, Баусень, Таусень, Усень — в восточнославянской мифологии ритуальный персонаж, связанный с Новым годом, с переломным моментом, границей между годом прошедшим и годом наступающим. Этот персонаж нередко упоминался в различных обрядовых песнях, причем преимущественно в колядках, исполнявшихся на святках. Возможно, Авсением в древности называли некое сезонное божество, олицетворявшее переход от старого к новому году.

Авсением, таусенем, усенем, говсенем или коледой, богатым вечером в XIX вв. в народе именовался Васильев вечер, на который, по юлианскому календарю, приходился Новый год. Помимо этого, имя Авсения часто связывалось с началом весны и осени, с весенним солнечным циклом, а также с плодородием; очевидно, это было связано с тем, что Новый год некогда приходился сперва на март, а потом на сентябрь, т.е. сперва на пору весеннего расцветания природы, а потом на время созревания и уборки урожая.

Этимология слова «авсень», «овсень» не вполне ясна. Вероятно, наиболее древняя форма этого имени — Усень (слово, встречающееся в документах XVII в. и в различных архаичных песнях); формы же типа Таусень, Баусень, Говсень и т.п. могли возникнуть (например, под влиянием песен) из слова «Усень» и соответствующего восклицательного элемента — та, ба, гой и т.п. Имя Усень, Авсень, возможно, было связано со старорусским словом оусинь — «синеватый», а также с древними названиями декабря и января (стыка одного и другого года) типа «просинец» в разных славянских языках — от синевы, сияния, характеризующего небо в этом отрезке цикла. Кроме того, некоторые исследователи полагали, что имя Авсения, сезонного божества, покровительствовавшего весенним всходам, было связано с посевами, молодыми всходами и т.п. (ср. немецкое *awsten* — посев, латинское *owsep* — овес).

Возможно также, что имя Авсень, Усень было выведено из глагола, обозначающего восход солнца, начало светлой части дня и года. Это имя может быть возведено к тому же санскритскому корню *ush*, от которого были образованы и обозначения утренней зари в разных языках (например, санскр. *ushas* — заря, *usga* (в Ведах) — утро, рассвет, лит. *auszta* — утренняя заря, *auszla* — рассвет, др.-нем. *oslan*, скан, *austur* — восток, слав, утро, *jutro* и т.п.). С этим же корнем *ush* и с теми же понятиями рассвета, зари, утра, восходящего солнца были связаны имена различных божеств разных народов: древнегерманской Остары (богини зари, блестящего утра и весны, приводящей с востока встающее от ночного и зимнего сна солнце),

древнеиндийской

Ушас (в ведической религии богини утренней зари), древнегреческой Эос, римской Авроры, латышского бога Усиньша и пр.

В соответствии с этим, Авсень, очевидно, некогда означал некое божество, «возжигающее солнечное колесо и дарующее свет миру», олицетворявшее поворот солнца и «приводящее с собой утро дня или утро года (весну)». Весна, весеннее просветление неба и воскрешение природы после долгой зимы и в языке, и в народных обрядах и поверьях постоянно отождествлялось с утренним рассветом и пробуждением мира от ночного сна (ср., например, лит. *auszra* — утренняя заря, *auszti* — светать, *pawasaris* и *sz-auszla* — весна светает, т.е. начинается; или санскр. *vasara* — день, *vastar* — утро, *vasanta* — весна). Имя Авсения сочеталось с праздником новорожденного солнца, так как в это время светило, по народному убеждению, возгоралось новым пламенем и дневной свет начинал побеждать ночную или зимнюю тьму.

Как персонафицированное начало года-прибытка, Авсень издавна почитался подателем всяческих благ. Считалось, что он, являясь в мир, открывает путь новому году и новому лету, а также «несет из райских стран щедрые дары плодородия и как определено божественным судом — так и распределяет их между смертными: одним дает много, с избытком, а других лишает и самого необходимого». В песнях к нему обращались с просьбой о даровании благополучия в наступающем году: «Авсень, Авсень, шелковая борода, золотая голова, подай пирога или курочку с хохолком, петушка с гребешком; подай денежку с орлом и копечку с копьем!» Вероятно, на подобные представления об Авсене как подателе благ повлияло и то, что он ассоциировался с возрождающимся солнцем, дарующим свет, тепло и плодородие, и то, что его праздник некогда приходился сначала на весну, т.е. на пору расцвета природы, а затем на осень, т.е. на время созревания и сбора плодов, па время праздника в честь урожая.

Имя Авсения чаще всего фигурировало в песнях коляд очного типа, распеваемых во время праздников на стыке Старого и Нового года (подобные празднества носили обычно карнавальныи характер и сопровождалась множеством разнообразных песен). При этом в большинстве известных колядок имя «Авсень» и его варианты употреблялись преимущественно как восклицания-междометия, уже лишенные своего первоначального смысла; однако сохранились и песни, где Авсень, Овсень — это имя ритуального персонажа, персонафицирующего как сам праздник, так и его центральное событие — «авсеньский» ритуал (Авсень идет по дорожке, находит топор, срубает им сосну и мостит мост, по которому идут или едут три брата,

Аграфена Купальница

олицетворяющие большие годовые праздники — Рождество Христово, Крещение и Васильев день); далее в колядках упоминалась ритуальная еда — блины, лепешки, каша, пирог, свиные ножки и т.д. — после чего следовали различные типы благопожеланий.

В фольклоре имя Авсея повсеместно связывалось с мотивом копя: например, в колядках Авсень обычно приезжает верхом на коне вместе с Новым годом (ср., например: «Мосточки мостили, / Сукном устлалли, Гвоздями убивали. / Ой Овсень, ой Овсень! / Кому ж, кому ехать По тому мосточку? / Ехать там Овсеню

Да Новому году»), на коне он привозит и вести о приходе весны или осени (ср. поверье о том, что Весна и Осень ездят на негой кобыле). Исключением является одна из колядок, в которой «добрый молодец Овсень» едет на свинье: «На чом ему ехать? / На сивинькой свинке. Чем погоняют? Живым поросенком». Возможно, эта колядка указывает на тождество славянского Овсеня со светоносным богом германцев Фрейром, который, согласно мифам, в период зимнего солнцестоятия выезжал на небо на борове со златой щетиной; возможно также, что это намек на обычай в Васильев день, некогда именовавшийся «авсенем», подавать на стол свинину (ср. поговорки: «На Василия Великого свиную голову па стол», «Свинку да боровка для Васильева вечерка» и т.п.).

В некоторых местах Авсень считался покровителем копей и пастухов (ср. латышский «конский бог» Усиньш). О связи Авсеня с конем говорит и приурочивавшийся некогда к «авсенивому празднеству» обряд рожения и вождения «кобылки» (русские некогда па праздник Коляды «накладывали па себя личины и платье скоморошеское и меж себя, нарядя, бесовскую кобылку водили»; в Подолии же вплоть до XIX в. водили под Новый год па дворах живую лошадь, покрытую попоной и убранный пучками сухих цветов и овса).

Эта связь сезонного божества, олицетворявшего собой «поворот солнца», с конем объяснялась, очевидно, тем, что солнце как у славян, так и у многих других народов с древнейших времен ассоциировалось с бегущим конем или со всадником на коне (или на колеснице, запряженной копиями). Так, например, согласно древнегреческим мифам, Гелиос-солнце ежедневно совершает свой путь от востока к западу на лучезарной колеснице, запряженной четырьмя белыми копиями; немецкая мифология также упоминает о двух копиях, влекущих солнечную колесницу. У сербов существовало предание о золотой колеснице и белых конях солнца. Хорутане представляли Солнце вечно юным воином, разъезжающим па небу на одноколке, запряженной двумя большими белыми конями. Восточные славяне верили, что Солнце ездит па небу па белых конях, которых ему выводят и заводят две сестры — Утренняя Заря и Вечерняя Заря; при этом Заря у многих народов, в том числе и у славян, сама иногда представлялась не только красивой девушкой-богиней, но и светоносной кобылицей. Сказки, предания

и загадки разных стран с незапамятных времен изображали солнце в виде коня или всадника на коне (ср., например, русскую загадку: «Ни стуку, ни груку (грома) — сивый конь на дворе»). Поэтому пет ничего удивительного в том, что Авсень, олицетворявший собой возрождающееся солнце и смену времен года, представлялся славянам ездящим на коне, ассоциировавшемся в народном сознании с солнцем и с движением.

АГРАФЕНА КУПАЛЬНИЦА. Аграфена -Лютые Коренья — день памяти святой мученицы Агриппины (23.VI/6.VII). День этот в славянской народной традиции наделялся особым значением; причиной же тому был справляемый на следующий день праздник рождества Иоанна Крестителя. Фактически эти два праздника представляли из себя единое неразрывное целое, так как главное их событие — купальское празднество, включавшее в себя возжигание обрядовых костров, купание в реках и озерах и ритуальный сбор различных трав и корней — происходило в ночь со дня Аграфены па день Ивана Купалы. Купальскому же празднеству в народе придавалось очень большое значение: оно считалось не менее важным, чем весеннее празднование масленицы или зимнее празднование святок.

Причина такого глубокого уважения к этому празднеству кроется в тех далеких временах, когда славяне, тогда еще поклонявшиеся своим исконным языческим богам, а не единому христианскому Богу, одним из самых важных годовых праздников считали русалии — праздник «макушки лета», «огня и воды». Справляли эти русалии около дня летнего солнцестояния, т.е. около того дня, па который по старому стилю приходился день Иоанна Предтечи; при этом празднование продолжалось около двенадцати дней и включало в себя множество различных обрядов и обычаев, необходимых для обеспечения достатка и благополучия.

Праздник русалий имел для древних славян очень большое значение потому, что приходился на время расцвета вегетативной силы и посвящался аграрной магии и молениям, обращенным к солнцу и воде, вернее, к божествам, их олицетворявшим. Покровительствовавших земледелию духов, олицетворявших различные стихии и природные явления, в эту пору, по мнению земледельцев, следовало непременно умоливать дарами и молитвами, чтобы они обеспечили хороший урожай. Эту-то цель и преследовали многочисленные русальские обряды, которые были столь важны для крестьян, что, несмотря на все старания церкви, пережили христианизацию и в той или иной степени сохранились вплоть до XIX в. Земледельцы-христиане прибегали к ним в то же время, что раньше язычники, то есть примерно в течение двух недель начиная со дня солнцестояния. При этом большинство таких обрядов стало приурочиваться к трем христианским праздникам: дню памяти святой Агриппины

Аграфена Купальница

(Аграфена Купальница), рождеству Иоанна Предтечи (Иван Купала) и дню памяти святых апостолов Петра и Павла (Петровки, Петры-Павлы).

Таким образом, день Аграфены Купальницы являлся как бы первым, вступительным днем двенадцатидневного праздника, включающего в себя множество различных полужыческих-полухристианских обрядовых действий, приговоров и песен, всевозможных примет, гаданий, поверий и т.д. День святой Аграфены посвящался своеобразным подготовительным обрядам (например, обрядам очистительным); вечером же начинался собственно праздник, который у восточных славян именовали Купалой, в Литве — Росой (Rossa) или Купайлой, а в Польше — Соботками («соботка», т.е. «со-бытие», совместный сбор). Ночь накануне дня св. Иоанна Предтечи именовалась обычно либо Росой, либо Ивановской (Ивановой) ночью; в эту ночь все плясали и веселились у костров, святили воды и приносили им жертвы, а также совершали различные обряды с растительностью.

На Руси в старину день Аграфены Купальницы проходил примерно следующим образом. С самого утра (реже — после обеда) все домочадцы «от мала до велика» отправлялись в бани и там мылись и парились, чтобы укрепить и восстановить свои силы, отогнать болезни и «запасть здоровьем». В это время мыли даже старых и больных людей, которых приносили в бани и там парили и натирали различными целебными травами. Банные веники для мытья нередко заготавливали в самый день Аграфены Купальницы, причем в некоторых местах бытовало поверье, что все веники, заготовленные в этот день, обладают особой целительной силой, тогда как веники, изготовленные до этого дня, могут быть даже вредны для здоровья. Так, например, на всем Русском Севере бабы и девки традиционно ездили заготавливать веники в день святой Агриппины: после обеда запрягали лошадь и ехали в лес, где ломали молодые березовые ветви, из которых потом вязали веники. При этом, кроме обычных веников, на Аграфену делали еще и особые ритуальные веники из разных пород деревьев и растений: в них обычно вкладывали по ветке березы, ольхи, черемухи, ивы, липы, смородины, калины, рябины и по цветку разных сортов, а также различные целебные травы. Нередко в веники вкладывали и траву купальницу (смолистую дрему кукушечью, или лютик едкий), или даже делали веники целиком из этой травы, полагая, что купальница выводит все «нечистоты» и болезни, накопившиеся в течение года. Веники, сделанные на Аграфену, потом хранили в течение года и не только парились ими, но и использовали их для различных обрядов: ими обряжали недавно отелившихся коров для защиты от порчи и болезней; их перебрасывали через голову или бросали на крышу бани с целью узнать будущее (если веник упадет комлем к погосту, то бросающий умрет, а если метелкой — останется жив), и т.д.

За мытьем обыкновенно следовало угощение. При этом во многих местах принято было устраивать так называемые обетные мирские каши, когда односельчане устанавливали посреди деревни столы и в складчину устраивали угощение, состоявшее обычно из разных постных яств и, в частности, обетной каши для «нищей братии». На такое угощение иногда собиралось по сто и больше неимущих.

После угощения, примерно с полудня, начинались общенародные увеселения и игрища, продолжавшиеся до глубокой ночи. Сборища устраивались обычно на берегах рек, на возвышенных местах, где с наступлением сумерек зажигались особые костры; у этих костров юноши и девушки, мужи и жены, украшенные цветами и травами, плясали, пели, водили хороводы, кружились, пировали, гадали, прыгали через огонь, купались в реках и в росе и т.д. В некоторых местах такими игрищами руководила особая девушка («перворожденная дева»), которую наряжали наподобие невесты; в некоторых местах ее называли Купалой.

Важное место в обычаях Аграфенова дня занимали обряды, связанные с культом растительности. Так, например, в этот день, во время купальского праздника, широко использовалась всевозможная зелень: участвовавшие в празднестве водили хороводы вокруг срубленной и украшенной березки, кидали зеленые ветки и травы в огонь, в воду и т.д. Кроме того, все участники праздника (как девушки и дети, так и парни, и даже иногда семейные мужики и бабы) обязательно носили на себе сплетенные из трав и цветов венки, опоясывали себя цветочными гирляндами и т.д. Особое внимание при этом во многих местах уделялось чернобыльнику и живокости: из чернобыльника обычно сплетались венки и гирлянды, а побегов живокости держали в руках парни и девушки, прыгавшие через огонь (при этом крестьяне верили, что всякий, кто будет смотреть на купальский огонь, держа в руках побег живокости, т.е. рогатого василька, не будет страдать никакой болезнью глаз в течение целого года).

С культом растительности был связан и обычай собирать в этот день различные травы, отчего и сам день святой Аграфены в народе нередко называли «Аграфена — злые (лютые) коренья». Собранные в этот день растения потом в течение целого года использовали для целительства и различных магических обрядов, а также как обереги от нечистой силы. В первую очередь, конечно, сбором различных растений занимались знахари и колдуны: первые — для изготовления мазей, отваров и т.п., а вторые — для волхования, колдовства. Вообще же, за травами, цветами и кореньями на Аграфену ходили многие люди, особенно женщины и девушки. Так, по описанию в рукописи, относящейся к 1882 г., в Витебской губернии в канун Иванова дня, рано утром, девушки и молодухи отправлялись в поля, леса, луга для сбора цветов и трав; травы при этом собирались с определенными песнями, чтобы усилить их целебную силу. Каждая

Аграфена — Лютые Коренья

женщина набирала как можно больше цветов и трав и связывала их в огромный букет в виде снопа. В этом букете обязательно должны были находиться следующие травы: иван-да-марья, золототысячник, купальник, зверобой, междуперник, разрыв-трава, медуница, чистотел, повилка, богородицкие слезки и мокрец, потому что за ними народом признавалось особая, отличная от других трав целебная сила и способность к охранению домов от грозы и скота от заговоров и дурного глаза. Принесенные домой букеты цветов и трав хранили обычно до следующего дня в холодном месте; при этом их не держали в воде, полагая, что вода «унимает» (уменьшает) у них «дарованную природою силу».

Обычай собирать травы именно в этот день, а также в день Ивана Купалы, основывался на убеждении, что все травы и целебные коренья в это время бывают «в самом соку» и обладают наибольшей силой. По мнению крестьян, каждая трава, сорванная накануне «Ивана-травника», в день Аграфены Купальницы, «пользительна быват». Сила, наполняющая в это время все растения, представлялась народным целителям столь могучей, что они считали травы, сорванные па Аграфену или на Ивана Купалу, превосходящими по целительности травы, сорванные в другое время. В некоторых местах сбором растений занимались вообще преимущественно в период с Аграфены Купальницы до Петрова дня, полагая, что все травы, цветы, листья и коренья в это время бывают необычайно целительными, но после этого периода уже теряют свои целебные свойства.

С теми же представлениями о растениях, наделяемых в день Аграфены Купальницы особой силой, были, судя по всему, связаны и поверья о различных волшебных цветах, зацветающих в ночь на Ивана Купалу и способных делать людей невидимыми, открывать любые запоры и т.д. Так, например, практически у всех славян было известно поверье о цветке папоротника, который зацветает в эту ночь и который может добыть смелый и ловкий человек.

Аграфена — Лютые Коренья — см. *Аграфена Купальница*

АД — согласно христианским верованиям, часть «того света», где пребывают все грешники, претерпевающие различные мучения за свои земные грехи. Другой частью «того света» считался рай — место вечного блаженства праведников. Католичество при этом выделяло на «том свете» еще чистилище — промежуточное место между адом и раем, где души грешников, не получившие прощенья в земной жизни, но и не отягощенные смертными грехами, прежде чем получить доступ в рай, горят в очищающем огне.

Народные представления об аде у славян сформировались отчасти под влиянием книжных (церковных) представлений о геенне огненной, а отчасти — под влиянием древних языческих поверий о потустороннем

мире мертвых. Поэтому церковные представления об аде нередко довольно сильно отличались от народных, причем как книжные, так и народные представления не раз смешивались или сосуществовали, порой даже противореча друг другу.

Согласно христианской книжной традиции, ад был создан после измены Богу Люцифера, в прошлом ангела света, и его низвержения в качестве Сатаны с небес в недра земные вместе с сонмом слуг — падших ангелов, превратившихся позднее в чертей и бесов и ставших распорядителями адских мук душ грешников, подвергаемых вечным пыткам. Учение о вечности мук в аду окончательно утвердилось в церкви па соборе 533 г. В Ветхом завете адские муки еще не упоминались, но в Новом уже существовало предупреждение о Страшном суде и описание стихий ада: огня, тьмы, боли и плача. Литература же IV-XII вв. (например, «Апокалипсис Павла», «Житие св. Патрика», «Видение Тунгдала» и пр.) рисовали еще более детализированные и «чувственно-наглядные» картины ада, где черти заставляют грешников лизать раскаленные сковородки, подвешивают их за язык или за ребро на крюке, разрывают их на части, бьют раскаленными прутьями, варят в огромных котлах и т.д.; где грешники вечно мучаются в огне и смоле (реже в воде), страдают от жажды и голода, от капающей на голову раскаленной серы, от пожирающих их живьем змей и червей и т.д. Так, например, в «Хождении Богородицы по мукам» говорилось, что одни грешники и грешницы в аду мучаются в огненном озере, погруженные по пояс, по грудь, по шею и с головой; другие возлежат на пламенных одрах; многие подвешены за ноги, руки, языки, уши, сердце и поедаемы червями и змеями; некоторых дьяволы «прободают» железными прутьями и рожнами, а иных сосет лютый змей — чудовище с огненным языком и железными когтями.

Сам ад в средние века изображали жадно раскрытым и поглощающим людской род зевом, подобным волчьей пасти; старинные памятники говорят о бездне, дверях и челюстях адских. «Идеи зияющей бездны, отверстой пасти, ворот и крепких, неодолимых запоров так естественно возникали в данном случае, что разные народы постоянно обращались к этим образам». Русские церковные и лубочные изображения Страшного суда рисовали ад в виде открытой и огнедышащей пасти чудовищного змея (отголосок древнеславянских преданий о Ящере — повелителе подземного мира?). Огонь при этом считался непременно атрибутом ада: адские вертепы традиционно описывались как мрачные, темные и дымные подземелья, в которых пылает неугасимое темное пламя (часто — горящая смола, сера, деготь и т.п.).

Примерно такие же представления об аде отражали, в общем, и народные поверья. Так, например, согласно традиционным славянским верованиям, ад — это место, находящееся где-то в глубинах земли и представляющее собой темное подземелье, царство мрака, «страну тьмы и сени смертной», где сам свет

подобен темной ночи (ср. синоним ада — преисподняя). В то же время, ад наполнен огнем, адским пламенем, и объят густым дымом (отсюда церковнославянское название ада «геенна огненная», а также древнеславянское «пекло»); даже вход в него — «разинутая адская пасть» — описывался как глубокий, извергающий страшное пламя колодец. В некоторых местах ад представлялся озером кипящей смолы (отсюда другое название ада — «смола», встречающееся в восточном Полесье), наполненной огнем пропастью или огненной рекой, которую душа человека непременно должна пересечь по пути на «тот свет»: считалось, что души при этом идут через мост в виде топкого волоса, настила или бревнышка (его ширина в поверьях нередко зависит от греховности души), и грешные души срываются с моста и падают прямо в ад, а праведные свободно и безбоязненно проходят по мосту и попадают в рай.

Исконными обитателями ада славяне считали бесов, чертей и дьяволов, а также разных других нечистых духов, подчиняющихся Сатане, например, демонов-болезней и т.п. Так, например, во многих местах существовало поверье о том, что главная и самая страшная из лихорадок находится в аду, прикованная множеством цепей; считалось также, что именно из адских вертепов прилетают в определенную пору своего губительного влияния (определяемого физическими условиями) весенние лихорадки, коровий мор и другие болезни, обыкновенные спутницы и помощницы Смерти. В аду же, по народному убеждению, пребывают во время летних месяцев морозы и выюги. В некоторых местах верили также, что в аду обитают гады (змеи и т.д.) и вообще все «нечистые» существа, так или иначе связанные с нечистой силой.

Помимо этих существ в аду, по народному убеждению, находятся грешники, которых там подвергают различным мучениям, соответствующим тяжести их грехов. При этом, «неразвитый ум и огрубелое чувство простолюдина не в силах были представить себе, чтобы муки душевные могли быть нестерпимее телесных»; поэтому простые крестьяне верили, что за тяжкие грехи черти в аду заставят их сидеть в котлах с кипящей смолой, повесят за язык, ребро или за ногу, станут бить раскаленными прутьями и мучить на страшном ложе, усеянном иглами и ножами; они верили, что лгуны и клеветники будут по смерти лизать горячую сковороду, что ростовщики и сребролюбцы будут выгребать из печи жар голыми руками, что на опойцах черти станут возить дрова для адских горнов и воду для приготовления кипятка, что бабы, которые, торгуя молоком, подмешивали в него воду, будут осуждены в аду поливать друг друга водой, а любодейницы станут сосать лютые змеи. Все эти казни издревле рисовались на иконных изображениях «Страшного суда» и долгое время служили богатым материалом для лубочных картинок; так, например, на одной из любимых в народе лубочных картин, изображавшей «смерть грешника», сатана говорит осужденному:

«Любил ты на белом свете мыться и нежиться на мягком ложе; поведите теперь его в мою баню огненную и положите на ложе огненное», после чего черти ведут грешника в баню и парят горячими вениками и кладут на раскаленное ложе, а в заключение повергают сто в огненный колодец). При распределении загробных муок народная фантазия руководствовалась мыслью о соответствия наказания с грехом; поэтому, по убеждению крестьян, язык, произносивший клевету, должен в наказание лизать горячее железо, а руки, загребавшие золото, — загребать горящие угли, т.е. жар, издревле служивший метафорическим обозначением золота.

Согласно христианскому вероучению, душа грешника, попав в ад, будет там подвергаться мучениям вечно (ср. диалектное болгарское и македонское название ада — «вечна») или, по крайней мере, до конца света и Страшного суда, когда все когда-либо жившие люди телесно воскреснут и по приговору высшего судьи — вторично пришедшего в мир Иисуса Христа — получат каждый по делам своим и по вере своей («Будет мука розная: иным грешникам будут огни негасимые, иным — зима студеная, иным — смола кипучая, иным — черви ядовитые, а иным — тьма песьетимая и пропасть глубокая»). После этого суда, по убеждению христиан, адским мукам будут подвергнуты и сами нечистые духи, тогда как некоторые грешники будут от них освобождены; по до той поры попавшие в ад грешники обречены на пытки, которым их подвергают бесы.

При этом, однако, у славян во многих местах существовали поверья о том, что адские муки временами прекращаются и могут даже прекратиться насовсем. Так, например, восточные славяне верили, что на Благовещение и на время с Пасхи до Вознесения или от Страстного четверга до Троицы грешников в аду не мучают, давая им временную передышку. В некоторых районах Сербии и Украины существовало также поверье, что Богородица иногда (обычно в те же большие годовые праздники, т.е. на Вознесение и т.п.) закидывает в ад особую сеть и вытаскивает оттуда не очень грешные души. Освободить не слишком больших грешников из ада могли, по народному мнению, и горячие молитвы родных и близких.

Как место вечных мук грешников, ад и в церковной, и народной традиции издревле противопоставлялся раю, месту, где святые и праведные люди в мире и покое пребывают подле Господа. Даже само расположение ада и рая в церковной христианской традиции подчеркивало это противопоставление: по христианскому вероучению, рай находится на небесах, в облаках, тогда как ад пребывает где-то глубоко под землей.

Народные верования, однако, нередко указывали совсем иное месторасположение ада. Так, например, кое-где у восточных славян долгое время бытовало поверье о том, что ад и рай территориально не разделены и, в сущности, являются одним и тем же местом, только разделенным на две части огненной рекой или

высокой стеной, большой оградой или иной неодолимой преградой; по одну сторону от этой преграды, по народному убеждению, находится ад, где мучаются грешники, а по другую сторону — рай, где пребывают в блаженстве праведники. Некоторые южнославянские племена (например, сербы) верили, что все покойники находятся на небе, где ад и рай четко разделены, но находятся рядом (по некоторым поверьям, ад расположен ниже рая); рай при этом занимает лучший, утопающий в цветах и плодах участок, а ад — худший, обвешанный тьмой и дымом, огнем и кипящим дегтем, навсегда лишенный солнечного света и населенный только чертями, гадами и грешниками.

Кроме того, у всех славян были известны поверья об аде, расположенном не на небе и не под землей, а на земле, но где-то в отдаленных местах: так, например, гуцулы полагали, что ад находится на острове посреди моря (океана), а в некоторых районах Белоруссии считали, что ад расположен на краю света и имеет вид огромной горы, посреди которой горит огонь и кипят котлы с грешниками. Во многих местах существовали также поверья о том, что ад расположен где-то далеко на западе (где «умирает дневное светило») или на севере (в «полуночной стороне» вечной ночи и зимы, ассоциировавшейся со смертью), и путь к нему лежит через высокие горы и бездонные пропасти, а иногда и через огненную реку; сам ад при этом представлялся состоящим отчасти из пропастей и бездн, наполненных кипучей смолой, а отчасти — из снежных и железных гор (откуда зимой прилетают Морозы и Вьюги). Кое-где такой ад и вовсе представлялся целиком ледяным: так, например, в древнеславянских переводах и оригинальных произведениях словом «тартар» (в греческой мифологии — подземный мир мертвых, соотносимый с адом) обозначалась подземная пропасть, никогда не освещаемая и не согреваемая солнцем, место вечного, нестерпимого холода, куда будут посланы души грешников: «а се есть глаголемый тартар — зима несь грема и мразь лють».

Таким образом, с адом соединялись самые противоположные представления: яркого пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимого жара и мертвящих морозов. И, судя по всему, многие из подобных поверий основывались на архаичных, сохранившихся с древнейших времен представлениях об устройстве мира. Язычники не знали ада как такового, хотя у них и существовали представления о загробной жизни и о потустороннем мире, куда отправляются души усопших. При этом некоторые представления о душе появились у славян еще во времена первобытных охотников, хоронивших своих покойников в скорченном виде, имитирующем позу эмбриона. Умерший человек, по мысли хоронивших его, должен был вскоре родиться вновь, воплотиться в каком-либо новом живом существе, и ради этого его во время погребального обряда готовили к реинкарнации. Позднее, примерно в IX в. до н.э., покойников стали хоронить уже в позе спокойно спящего человека, полагая, что в этом случае он

останется человеком и по ту сторону жизни, обретя при этом вечный покой. Чуть позже трупы умерших стали сжигать на больших погребальных кострах, хотя прах после этого по-прежнему хоронили в земле, и этот обычай уже основывался на идее существовании души, более долговечной, чем тело человека. Для древних земледельцев такой сложный обряд погребения означал примерно следующее: при сожжении тела умершего его душа с дымом погребального костра возносится на небо, в мифический Ирий (Вырий, Сваргу), и, находясь на небе, содействует всем небесным операциям (таким, как дождь, туман, снег) на благо оставшимся на земле потомкам; прах же покойного, после кремации похороненный в родной земле, как бы охраняет земельные угодья племени и способствует рождающей силе земли.

Таким образом, у славян имелось представление о каком-то чудесном поднебесном мире, где обитают боги и души умерших предков. Имелось у них и представление о некоем подводно-подземном мире, хозяином которого, по некоторым данным, в древние времена считался Ящер — божество, связанное с водой, у которого, судя по всему, некогда существовали и свои святилища (например, святилище в языческом Новгороде или т.н. «болотные городища»). Но подобные представления о подводно-подземном мире, в принципе, могли развиваться на основе все тех же представлений об Ирии. Ирий, согласно древним преданиям, располагался на небе, там же, где находились и все небесные запасы воды — «хляби небесные», имевшие для земледельцев огромное значение. Без дождей, росы и туманов, увлажняющих почву, древние люди, уже начавшие распахать и засеять землю, не мыслили своего существования. Дожди и грозы, приносящие дождь, являлись вместе с мрачными тучами, громом и молниями; тучи же издревле соотносились в народном сознании с горами, скалами и темными вертепами. Поэтому небесный мир со временем вполне мог превратиться в мир подземный, сохранив при этом связь с водой и с душами умерших. На связь подземного, загробного мира с небом указывают и многие другие верования, например, представления о том, что Млечный путь — это дорога, которая ведет умерших на тот свет. Но с забвением исконного смысла старинной метафоры, уподобившей облака горам и подземельям, и с перенесением ада (тогда еще просто загробного мира мертвых, а не места наказания грешников) в действительные недра земли, сказания о нем стали противопоставляться мифу о небесной (райской) обители богов и их любимцев (героев, праведников и пр.).

Такое раздвоение загробного мира было свойственно не одним славянам; у других народов наблюдалось то же самое. Так, например, в мифах древних греков и скандинавов, близких к мифам славян, существовали понятия как о «верхнем мире», где обитают боги, так и о «нижнем мире», где пребывают души умерших. Согласно этим легендам, к богам (на высокую гору

Олимп или в чудесный поднебесный город Асгард) возносятся только души героев, погибших в бою, тогда как души всех остальных людей (например, души женщин или людей, умерших от старости или от болезни, и даже души «благородных и возвышенных личностей», умерших не в пылу сражения) попадают в некий туманный мир мертвых (в Тартар, царство Аида-Гадеса, или в Нифльхейм, царство Хель), находящийся либо в глубоких подземных вертепах, либо где-то за облаками. Все эти мифы уже четко различали небесный мир богов и подземный мир усопших; однако во всех них потусторонний мир мертвых, ад — это лишь место пребывания душ усопших, а никак не место наказания грешников. Представления об аде как о месте пыток и мучений появились гораздо позднее, когда у людей уже выработалась «известная сумма нравственных правил». Собственно говоря, строгое различие между грядущими после смерти судьбами добрых и злых людей и местами их посмертного пребывания было указано христианством, требовавшим от человека высокой нравственной чистоты и судившего его по его «внутренним достоинствам». Христианская религия основывалась на идее воздаяния, обещавшей страждущим и обездоленным обретение счастья и свободы в царстве небесном; в противовес же блаженству, ожидающему праведников на небесах, приводились страшные муки, ожидающие тех, кто не выполняет заповедей Христа.

Под влиянием христианского вероучения языческие предания о потустороннем мире начали изменяться и, в конце концов, языческий небесный Ирий в народном сознании стал соотноситься с раем, а подземный мир — с адом. Однако древние мифы об устройстве мира не исчезли бесследно. Так, например, описание самого облика ада у всех народов очень напоминали поэтическое описание грозы: непроницаемая тьма загробного мира указывает на помрачение неба черными грозовыми тучами, а хлопочущее и всепожирающее адово пламя — на сверкающие в этих тучах молнии. Путь к аду издревле представлялся пролегающим либо через воду, либо через неодолимые высокие скалы, пропасти, горные ущелья и огненные реки; все это также указывает на то, что подземное, загробное царство изначально было лишь метафорическим обозначением грозовых туч. Обитающие в аду существа — гады и нечистая сила — традиционно были связаны с водой: так, например, черти в народных поверьях неизменно выступали как стихийные духи (ср. например, поверья о том, что их появление сопровождается бурей, сильным ветром, вихрем, а иногда также громом и запахом серы; а также представление о том, что «черт очень любит воду и никогда не упускает возможности поселиться в ней»). Само слово «пекло», обозначающее ад, по-видимому, перешло от понятия громовой тучи, пылающей молниями и «преисполненной кипучею влагою живой воды» (в старинных славянских рукописях греч. «Тартар», обозначение подземного мира мертвых, переводили

как *гроза*: «инии грозе предаются»). Подобные указания можно найти в мифах всех славянских племен (а также и в мифах многих других народов мира).

Так, например, в Белоруссии, как и в других славянских землях, ад представлялся местом пламени, боли и плача, расположенным ниже мира людей, под землей; однако при этом поверья располагали его не в подземных вертепах, а в воде. Белорусы верили, что земля натянута, как кожа или шкура, над водой, а ад располагается на самом дне этих подземных вод. Схожие поверья встречались и в других местах: так, например, практически у всех славянских племен было известно поверье о том, что входом в ад (или на тот свет вообще) служат так называемые «чертовы окна» (небольшие, но глубокие ямы на лугах и болотах), омуты (ср. поговорку «Из омута в ад — рукой подать») и вообще вода (ср. общеславянские представления о воде как о пути на тот свет), а также колодцы, пропасти, овраги, пещеры, глубокие ямы и т.п.

Во многих русских, украинских и проч. легендах и сказках входы в ад рисовались не столь близкими и доступными: они помещались где-то высоко в горах, на краю света и т.д., а между ними и окружающим миром пролегали непреодолимые препятствия: скалы, горы, провалы, огненные потоки и пр. Возле врат ада в таких легендах помещались страшные стражи: чудовища, змеи, драконы и пр.; при этом представления о «вратах адовых», обычно охраняемых стражами-чертями или бесами, львами (западнославянское), страшными псами (южнорусское), чудовищным змеем (рус. старообрядческое) и т.п., были характерны и для книжной апокрифической традиции.

С поверьями о существующих где-то в мире людей «вратах адовых» было связано множество народных сказок и легенд. Так, например, словаки рассказывали об одном охотнике, который, по указанию бабы-яги, ездил в ад, и для того, чтобы попасть туда, спускался в глубокую пропасть на летучем змее, который все время просил накормить его; когда у охотника кончились припасы, он вынужден был дать змею кусок мяса от собственной ноги и оттого навсегда остался хромым. Точно такие же сказки о героях, посетивших ад, были известны и у украинцев, и у поляков, и у русских, и у других славянских племен (ср., например, русскую сказку о молодце, который отправился за своей невестой в «пекельное царство», спустившись туда через колодец и выбравшись назад через глубокую пропасть на гигантской птице Мокол).

Вообще же, посещения ада в народной традиции приписывались не только сказочным героям. Так, например, повсеместно у славян существовало поверье о том, что во время «обмирания» (т.е. летаргии) или просто очень глубокого сна душа человека странствует в подземном царстве и видит там адские муки; в связи с этим поверьем у всех славян были известны былички о людях, которые таким образом побывали в аду и потом рассказывали всем о том, что там видели. Так, например, в одном из подобных рассказов говорится:

«Идемo степом, коли яма така глибоченна, що й дна не видно. Дид (путеводитель по аду) каже: лизь! Мусила я полизтн. Гляну, аж се вже другий свит. Скризь сидять помершши души, усе по статтям... Идемo, аж миждь двома дубами горить у поломки чоловік и кричить: ой, проби! укройте мене, бо замерзну! ой укройте мене, бо замерзну! Дид и каже: оце той чоловік, що просився до ёго зимоу в хату подорожний, а на двори була метелиця та хуртовина, а вин не пустив, дак той и змерз пид тином. Оце-ж тепер вин таку муку, як той подорожний терпив од морозу. Идемo дальше, коли лежить чоловік коло криници; тече ёму ривчак через рот, а вин кричить: проби! дайте напитця! Дид и каже: сей не дав чоловікови в жнива води напитця; жав вин на ниви, аж йде старчик дорогою, а жара велика, Спасивська. Ой, каже, чоловіче добрий! Дай, ради Христа, води напитця. А вин ёму: оце ж для тебе вивиз! вилию на ниву, а не дам такому дармоиду, як ти! Тот от тепер ёму ривчак через горло бижить, а вин ще пить просить, и довику вичного буде ёму так жарко та тяжко, як тому старцев и, що й шов дорогою».

Описание подобных мучений в аду далеко не ново: например, наказание, по которому грешник, стоя по самые уста в воде, не мог утолить нестерпимую жажду, по свидетельству Гомера, было определено Танталу. Может быть, подобные мифы вначале относились вовсе не к грешникам, а к стихийным духам, и отнюдь не являлись формой наказания. Так, например, бабы, осужденные обливаться друг друга водой (за то, что при жизни, торгуя молоком, разводили его водой), напоминают ведьм — «похитительниц небесного молока, купающихся в дождевых ливнях», а женщины, которых в наказание за прелюбодеяние сосут змеи, могут ассоциироваться с древним представлением облаков в виде женских грудей (змей-молния сосет эти груди, вытягивая из них молоко-дождь). Грешники же, замерзающие среди пламени или томимые вечной жаждой, стоя по горло в воде, очень напоминают сказочных великанов — помощников богатыря-героя. Сюжет таких сказок обычно бывает таков: герой отправляется добывать себе невесту и по пути встречает великанов, один из которых (называемый часто Обьедало) разом пожирает целые возы хлебов и целые стада быков, и все-таки не наедается, другой (Опивало) выпивает целые озера за один глоток, по все-таки не напивается, третий (Мороз-Трескун, Студенец) входит в чугунную, докрасна натопленную баню, но не может согреться, и т.д.; все эти великаны отправляются вместе с героем, и каждый, в силу своих особенностей, помогает ему добыть красавицу-девицу. В разных сказках великаны бывают разными, но все они принадлежат к одному роду и являются, по-видимому, олицетворением стихий: Опивало — это переполненная дождем туча, Студенец — воплощение мороза и т.д. Свидетельства о подобных существах существуют, кстати, не только в сказках, но и в мифах как славян, так и других народов: так, например, согласно старинным скандинавским сагам, Тор (бог-громовержец) запросто

поглощал на пиру двух и более быков и выпивал по три бочки меду, а некогда даже опорожнил пол-океана; а в Ведах говорится, что Индра (опять-таки громовержец) во время грозы раскалывает скалу (т.е. облако) и, «укрепляясь к битвам», поглощает божественный напиток в таком избылии, что живот его вздымается подобно горе и сравнивается с морем (туча, бочка и брюхо обозначаются в санскрите одинаковыми названиями). Так что, возможно, все мифы о мучениях в аду основывались на древнейших представлениях о мироустройстве, которые в связи с приходом христианства и попыткой уничтожить или дискредитировать язычество были включены в картину ада как царства зла.

АДАМ — (от евр. 'adam — «человек») в библейских сказаниях первый человек, прародитель всего человечества, созданный Богом во время творения мироздания.

В Библии (Книге Бытия) имеется два основных сказания о сотворении человека Богом; они слиты вместе и одно из них является как бы уточнением другого. Одно сказание, народное, содержит рассказ о создании Богом мужчины из праха и дыхания жизни, а жены — из его ребра: и не было человека для возделывания земли. И создал Бог Яхве человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою... И сказал Бог Яхве: нехорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Бог Яхве образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. И навел Бог Яхве на человека крепкий сон, и, когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотью. И создал Бог Яхве из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут одна плоть».

Другое сказание, жреческое, принадлежит к более позднему пласту библейских текстов, носит богословский характер и «исходит из сложившегося у израильтян в первом вавилонском плену представления о Боге как творце вселенной»; в нем сотворением людей завершается шестидневное творение мира Богом: «И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю,

и обладайте ею, и владьте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле».

Оба сказания, предписывая поведение человека, дали объяснение этим предписаниям, связав их с происхождением человека и т.д.; например, процессом творения они объясняли причину привязанности мужа и жены, ритуал питания (запрет употреблять в пищу кровь) и т.д. Однако при этом содержание этих сказаний несколько расходится по ряду мотивов. Например, по одному сказанию, человек «образован» из «праха земного» и «дыхания жизни», природа его двойка (плоть от праха, душа — из дыхания божьего); он создан прежде всего сущего, чтобы возделывать землю, а уже после него, затем, чтобы он не был одинок, Богом создаются растительность и животные (которым он дает имена, участвуя, таким образом, в творении мира), и в заключение — женщина, помощница и жена человека. В другом же сказании человек богоподобен и, вместе со всем мирозданием, сотворен из ничего силой «слова Божьего»; при этом мужчина и женщина созданы одновременно и в завершение замысла божьего, в последний день творения накануне субботы, и благословлены Богом на размножение и владычество над рыбами, птицами, скотом, гадами и всей землею.

В принципе, все эти библейские мифы вполне согласуются с многочисленными антропогоническими мифами многих других народов. Так, сотворение человека из земли или глины встречается в египетских и шумеро-аккадских мифах; в частности, известно аккадское сказание о сотворении людей из глиняных статуэток: люди при этом создавались парами, а жизнь в них была вселена через пуповины (кстати, вопрос о том, имел ли пуповину Адам, не рожденный, но сотворенный высшей силой, веками обсуждался христианскими богословами и волновал иконописцев: например, на французской миниатюре 11 в. изображен Бог, перстом создающий углубление на животе глиняного Адама). Аккадский Мардук создал человека из глины, смешанной с кровью первобытного чудовища Кингу; Иоскеха, демиург у гуронов, вылепил людей из глины по своему отражению в воде; египетский Хнум лепил людей на гончарном круге. Вообще, в мифологической модели мира человечество традиционно связывалось с землей, «срединным» миром; и эта идея нашла отражение в преданиях практически всех народов мира. Так, например, в варианте шумерского мифа Энки, бог-творец, выпускает людей из земли, проделав в ней отверстие мотыгой; у народов Тропической Африки первопредок Калунга сам выходит из земли, а затем творит первые человеческие пары. По другим мифам, богиня-мать (мать-земля) порождает богов и первопредков людей. Фактически, в основе всех этих мифов лежало представление о браке неба и земли: небо, проливая дождь, оплодотворяет землю, после чего она «родит», производя на свет все живое.

Те же представления об устройстве мира и о плодородии земли, по-видимому, стали основой и для библейских мифов: Адам, вылепленный из земли (глины, «праха»), был как бы сыном земли и неба (тело — от земли, а дух — от небесного божества). Само имя Адама, по-видимому, также было связано с землей (женский род евр. *ʾadamah* означает «земля», первоначально, возможно, «краснозём»; так же, как лат. *homo*, «человек» связано с *humus*, «земля»).

Миф о сотворении женщины из ребра мужчины, в принципе, мог быть отражением имевшегося уже у людей к тому времени опыта размножения лозы от черенка. Впрочем, по мнению многих исследователей, здесь более вероятна другая версия, по которой сюжет о создании Евы из ребра был заимствован из шумерского предания о боге Энки, для исцеления больного ребра (на шумер, языке — «ти») которого была создана богиня — исцелительница ребра, предположительно, по имени Нин-ти. Шумерское слово «ти» означало не только «ребро», но и «давать жизнь» (так же, как в русском языке слово «живот» прежде означало и часть тела, и саму жизнь); имя же Евы (Хаввы), «женщины из ребра», как раз и означало «дающая жизнь».

О последующей судьбе первой человеческой пары повествует сказание, первоначально не связанное с рассказом о творении, но объединенное с ним в каноническом тексте Библии и представленное в книге Бытия, — сказание о том, как поддавшаяся искушению змея «жена» (Ева), а за пей и «муж», «человек» (Адам) вкусили в «саду эдемском» (раю) запретный плод с дерева познания добра и зла, нарушив предписание Бога, что имело роковые последствия для Адама, Евы и всего человеческого рода: в наказание за прегрешение человек, лишившийся бессмертия и (по одной из версий) изгнанный вместе с женой из рая, был обречен «в поте лица» добывать свой хлеб. Этот сюжет в христианском богословии был истолкован как «грехопадение», «первородный грех», исказивший «исконную природу» человека, созданного вначале невинным и безгрешным, его «богоподобие»; искупил же этот грех своей смертью Иисус Христос, «сын человеческий». Спасение человека от последствий «первородного греха» и католическая, и православная традиции видели в акте крещения, устанавливающем причастность крещеного к Иисусу Христу («новому Адаму»).

Согласно сказанию о «грехопадении», Бог Яхве, насадивший в начале времен сад в Эдеме на востоке и поместивший там созданного им человека, чтобы тот возделывал и охранял его, позволил человеку есть «от всякого дерева в саду», кроме дерева познания добра и зла, предупредив, что, если запрет будет нарушен, человек умрет: «И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не

ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь».

Однако запрет был нарушен, так как змей (по-еврейски слово мужского рода), самый хитрый из всех «зверей полевых», созданных Яхве, знал правду о том, что от запретного плода люди не умрут, как угрожал Яхве, но лишь «познают добро и зло», и он обольстил жену, используя ее наивность и намеренно исказив содержание запрета: «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел».

Немотивированность поведения змея впоследствии дала повод считать его «воплощением зла» и «искусителем»; агадические и коранические легенды считали змея падшим ангелом, который не захотел подчиниться человеку, завидуя ему; а в христианской традиции прочно утвердилось отождествление змея с дьяволом, сатаной, только принявшим обличье змея. Агадические рассказы при этом пытались психологически объяснить поведение персонажей повествования: так, по одному из них, змей дотронулся до запретного дерева, но остался в живых, чем и продемонстрировал несостоятельность опасений жены; по другому — он толкнул жену так, что она сама коснулась дерева, увидев при этом ангела смерти, но она сказала себе: если я умру, Бог создаст Адаму другую жену, так дам я и ему отвесть плода — тогда мы или умрем вместе, или останемся живы.

Отведав плода, жена дала его мужу, и тот также попробовал его. После этого у них обоих открылись глаза на собственную наготу, которой они раньше не замечали («И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились»); они узнали чувство стыда и прикрылись листьями смоковницы («фиговый листок»): «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания». Бог узнал об их прегрешении не сразу: вечером, когда он прогуливался по саду, люди спрятались от него, но Бог призвал человека к себе, и уже из его ответов узнал, что его заповедь была нарушена: «И услышали [люди] голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая. И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: [Адам,] где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. И сказал [Бог]: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала

мне от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела».

Здесь в легенде снова возникает некоторое несоответствие жреческому сюжету о сотворении мира и людей: там Бог рисуется непознаваемым, всемогущим и всезнающим; но, тем не менее, он ничего не знает о прегрешении человека, и все узнает только из ответов Адама. После этого он поступает как справедливый судья, вынося «наказание по справедливости» и налагая проклятия последовательно на змея, жену и мужа: «И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку. Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

Таким образом, проклятие божественного судьи давало объяснение и странному способу передвижения змеев, загадочности их питания и неприязни людей к этим пресмыкающимся; и тому, что человек должен терпеть лишения и добывать себе пропитание тяжким трудом (рассказ вообще внушает мысль, что земля стала уделом людей в наказание); и тому, что жена должна во всем слушаться мужа и рожать ему детей в муках (в христианстве библейское предание, изображающее в качестве «прельстившегося» не «мужа», а «жену», использовалось для подчеркивания особой «греховности» женщины и обоснования ее подчиненного положения).

Эпилог сказания о «грехопадении», по мнению некоторых исследователей-библеистов, был составлен из двух рассказов. Согласно первой версии, после проклятия Господь выгнал людей из сада Эдемского и поставил у входа привратника-херувима, чтобы не допустить их возвращения обратно. По второй версии, в саду Эдемском находилось не только дерево познания добра и зла, но также и некое древо жизни, на плодах которого также лежал запрет (хотя исконно речь шла, по-видимому, об одном и том же дереве); и Яхве, опасаясь, как бы люди не вкусили плодов и от него тоже, получив таким образом вечную жизнь и совершенно не уподобились богу, оставил людей в саду, но поставил охранять доступ к дереву чудесный огненный меч. В книге Бытия оба этих рассказа были слиты вместе: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его

одежды кожаные и одел их. И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслаз его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

После «грехопадения», как гласят мифы, Адам жил еще много лет и имел потомство — сыновей и дочерей: «Адам жил сто тридцать лет, и родил сына по подобию своему, по образу своему, и нарек ему имя: Сиф. Дней Адама по рождению нм Сифа было восемьсот лет, и родил он сыновей и дочерей. Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер» (далее продолжается родословие потомков Сифа; рассказ же о Каине, как старшем сыне Адама, имеющийся в каноническом тексте Библии, исконно, по-видимому, не был связан со сказанием об Адаме). Согласно библейской традиции, от сыновей и дочерей Адама и зародился человеческий род.

Жизнь Адама и Евы составила содержание апокрифического «Жития», имеющего несколько версий и созданного в Иудее во 2-й иол. 1 в. до н.э. — 1-й пол. 1 в. н.э. Христианскими являются эфиопский и арабский переводы, вероятно, непосредственно с еврейского (утраченного) подлинника. Рано появившаяся греческая версия была уже в 4 в. переведена на латинский язык и затем на многие языки Западной Европы. Содержание «Жития Адама и Евы» сводится к следующему: Адам и Ева после изгнания из рая каются, дав обет стоять порознь 40 (или 37) дней в реках Тигр и (или) Иордан (причем, согласно сказанию, они и в раю обитали раздельно: Адам — среди животных-самцов, а Ева — среди самок); сатана вновь оболещает Еву и тем самым мешаает покаянию; потом у Адама и Евы рождаются Каин и Авель, и один из них убивает другого; затем рождается Сиф (Шет) и другие дети; Адаму предсказана смерть, и он заблелевает; Ева посылает Сифа, их сына, за «маслом жизни», которое течет из «древа милосердия», растущего в раю, но достать его невозможно, и Адам умирает на 930-м году жизни (70 лет он, по еврейской легенде, «уступил» Давиду). После его смерти ангелы молят Бога об отпущении греха Адама; он прощен, и ангелы просят дозволения похоронить трупы Адама и Авеля в раю. Через шесть дней после Адама умирает и Ева, успев завещать своим детям высечь на камне житие первых людей. Адаму и Еве дано заверение в том, что грядущий «сын божий» (Иисус Христос) их спасет.

Библейские своды и толкования библейских текстов нередко обращали внимание на противоречия в преданиях об Адаме и комментировали спорные положения. Так, например, буквальное толкование текста о происхождении человека (Быт. 2, 18), допускающее чье-то участие в сотворении Адама Богом (совет Бога с кем-то), породило предание о том, что небесный совет

ангелов будто бы разошелся во мнении по вопросу, стоит ли вообще создавать человека; одновременно была сделана и попытка устранить противоречие в вопросе о создании Адама волей одного только Бога-творца: «ангелы» рассматривались как ипостаси — аллегории божьих качеств, так что Бог как бы совещался «сам с собой».

Появлялись со временем также и другие подробности, связанные с сотворением и жизнью Адама. Так, у некоторых толкователей Адам рассматривался как существо двуполое или бесполое. По другой версии, Адам и его жена были сотворены двадцатилетними, т.е. в самом зрелом возрасте; при этом, предвосхищая подозрения о характере их сношений, комментаторы указывают, что изгнание их из рая последовало сразу же после того, как они увидели себя нагими, так что в раю не было совокупления. Согласно одной из легенд, первой женой Адама была не Ева, а Лилит: Бог, сотворив Адама, сделал ему из глины жену и назвал ее Лилит, но у Адама с Лилит сразу же возник спор, так как Лилит утверждала, что они равны, будучи оба сделанными из глины; не сумев убедить Адама, она улетела, но вскоре ее настигли три ангела, посланные Богом, и когда она отказалась вернуться (заявив, что создана, чтобы вредить новорожденным), ангелы взяли с нее клятву, что она не войдет в дом, в котором увидит их самих или их имена; помимо этого, в наказание, у Лилит должно ежедневно умирать сто из ее детей. По-видимому, на основе этой легенды возникло предание о том, что Адам, сожительствуя с Лилит, породил злых духов.

Согласно некоторым толкователям, Адам исконно был великаном — его тело простиралось от земли до неба (в этом фольклористы видят влияние иранской мифологии); но впоследствии, после грехопадения, он стал ниже ростом. Адам представлялся также провидцем, которому Бог открыл будущее рода людского, мудрым мужем, владевшим «всеми 70 языками мира» (хотя и непонятными остаются вопросы, откуда взялись эти языки, и у кого же он научился им, когда ему еще не у кого было учиться). По одному из преданий, которое должно было подтвердить мудрость Адама, Сатана не справился с наименованием животных, а Адаму это удалось, и этим Бог доказал превосходство земного человека над ангелами; Сатана был в отчаянии, так как человек оказался сильнее, и отсюда возникла зависть и вражда Сатаны по отношению к роду человеческому.

Представления об Адаме и Еве получили дальнейшее развитие в христианстве. В евангелиях Иисус Христос называет себя «Сын человеческий» (арам. Baḡʿanas, евр. Benʿadaam, «сын Адама»). Богоподобность Адама в библейских представлениях, с одной стороны, и двойственность его природы, с другой, позволили соотносить новозаветного «сына человеческого» с ветхозаветным Адамом, что в значительной мере сказалось на понимании образа Адама христианством. В генеалогии Иисуса (Лук. 3, 23-38) Христос — прямой

АДАМОВА ГОЛОВА

потомок Адама, Авраама и царя Давида: «Иисус, начиная Своё служение, был лет тридцати, и был, как думали, Сын Иосифов, Илиев, Давидов, Авраамов, Сифов, Адамов, Божий». Это само по себе лишь указывало на человеческое и еврейское, притом царское происхождение Иисуса Христа. Но одновременно в Евангелиях развивалось учение о Христе (идушее от Павла) как о «втором Адаме», «новом Адаме». Жизнь Адама как бы предопределила то, что должно было свершиться с родом человеческим в будущие времена — времена грядущего «второго», или «нового», Адама. Общность судьбы Адама и Иисуса усматривалась толкователями Библии, например, в искушениях, которым подвергался и тот, и другой со стороны сатаны-дьявола; однако лишь «второй Адам» преодолел их и тем самым явился спасителем рода человеческого от «первородного греха». В основе типологического отождествления Адама и Христа лежало апокалиптическое восприятие и библейского Адама (как родоначальника людей), и «нового Адама» (как спасителя рода человеческого); при этом Христос осмыслился как своего рода антитип Адама: если Адам впал в первородный грех и обреч таким образом человечество на смерть, то «новый Адам» пришел, чтобы очистить людей от греха и дать человечеству «жизнь вечную» («как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут»). Точно так же соотносились в христианской традиции Ева и Мария («новая Ева»): вторая, своим послушанием и покорностью воле Божьей, как бы искупала грех первой.

Типологическое совмещение образов Адама и Христа часто проявлялось в христианском богословии и иконографии. Так, например, место распятия Христа — Голгофа (букв. «место черепа») подчас изображалось и как могила Адама (ср. русский духовный стих о «Голубиной книге», в которой говорится, что крест с распятым Христом стоял «на святой главе Адамовой»), а у ног распятого часто рисовался череп — подразумевалось, что это череп Адама. В сюжете сошествия в ад воскресший Христос освобождает из преисподней в числе других и прощенного Адама.

АДАМОВА ГОЛОВА — чудесная трава, в некоторых травниках именуемая «царь во всех травах». Согласно древним травникам, «трава адамова голова... растет возле сильных раменских болот, а растет кустиками по 8, по 6, по 9 и по 12 в листе ростом в пядь, цвет багров, кругленький, а расцветает вельми хорошо — кувшинцы всяким видом» (другой вариант: «...растет по раменю, возле болот, кустиками в лоток по 3, 5 и 12 ростом в колено, цвет рудожелт, красен, как головка с ротком»). Как и другие чудесные травы, «адамову голову», по мнению знахарей, следовало собирать с крестом и молитвой: «И ту траву рвать с крестом Господним и говорить: Отче Наш, помилуй мя Боже...».

Траву «адамова голова» издавна использовали как оберег и лекарство от многих болезней. Так, например, отвар из нее в некоторых местах давали пить людям, на

которых наслали порчу, а также беременным женщинам, которым пришло время родить (чтобы облегчить роды); кроме того, ее использовали как присыпку на раны и т. п.: «И принеси ту траву в дом свой, который человек порчен и кто портит дай пить и того обличит... А когда кто ранен или сечен — приложи к ране, в три дня заживет». В Нижегородской губ. «адамову голову» вместе с корнем травы «петров крест» зашивали в рубашку по швам и особенно в воротник, а также привязывали эти травы к нательному кресту, почитая это универсальным средством от всякой болезни. В Пермской губ. «адамову голову» вместе с «петровым крестом» зашивали в ладанку вместе с травой и вешали коровам на шею «в предостережение от чумы».

Согласно поверьям разных мест, трава «адамова голова» внушает храбрость и избавляет от страха высоты: «кто хочет высоко лазить — с ней ужаса нет и земля кажется близко». Собранной в Иванов день и тайком сохраняемой до Великого четверга «адамовой головой» охотники окуривали свое охотничье снаряжение (силки, сети и ружья с пулями), полагая, что после этого оно будет надежно защищено от порчи и никакая добыча не уйдет от охотника. В некоторых местах «адамову голову» использовали и при строительстве плотин и мельниц: ее клали «на подушку к запруде», полагая, что после этого «запруда во веки нерушима будет».

Помимо этого, траву «адамову голову» в народе применяли для того, чтобы получить определенную власть над нечистыми духами. Так, крестьяне верили, что человек, желающий видеть всю «отпадшую силу», должен настоять корень этой травы на освященной воде и пить полученный настой, а также положить траву «адамову голову» в церкви под престол и оставить ее там на сорок дней, после чего она, по народному убеждению, приобретет такую чудодейственную силу, что если ее держать в руке, то можно видеть дьявола, чертей, бесов и т. д.: «А кто хочет дьявола видеть или еретика, и тот корень возьми водой освяти, и положи на престол и незамай 40 дней и те дни пройдут носи при себе — узриши водяных и воздушных демонов. А воду хочещи держать или мельницы ставить — держи при себе». При этом в некоторых местах такой обряд освящения советовали проделывать не над травой, а над цветком «адамовой головы» (*Surgipedium calceolus* из семейства орхидей), зацветающим к Иванову дню: его клали на 40 дней под престол, полагая, что если после этого взять его в руку, то можно увидеть разных нечистых духов; «тогда можно сорвать с лешего шапку (т.е. шапку-невидимку, которой, по поверьям, обладают нечистые духи — леший, банник и пр.), надеть на себя и станешь так же невидим, как и леший».

АДАМОВЫ ДЕТИ — одно из народных названий многообразной нечистой силы — домовых, леших, водяных, полевых и т. п.

Очевидно, название это восходит к апокрифической легенде о детях Адама и Евы, появившихся на свет после грехонадения перволюдей. Согласно этой легенде, многие нечистые духи произошли от детей Адама, которых он спрятал от Бога: «показать всех своих детей на свет Божий Адаму было стыдно, и потому он скрыл их в избе, в бане, в риге, в лесу и в воде, а Бог за эту скрытность сделал так, чтобы дети праотца навсегда остались в местах сокрытия, где и живут (с тех пор), размножаясь подобно людям»; «Атчаво ега лисавьи завялпсь, вадяньни, иалявьи, дамавьи? Ега ат дятей Адамовых, что он посовестился Богу показать за тым, что яго жонка целую араву нарадила... Как шел Адам от Бога, думайть: «Дай зайду, вазьму сваих дятей у камыши!» А их ужу там и звания нет, — паложим

сабе яны не пропали, а зделались сильь темный: хазяевами па дамам, лясавыми па лесам, валяньными па вадам — иде которыму Бог жить произвел».

Кроме того, в названии «адамовы дети», по-видимому, нашло отражение старинное представление о многих нечистых духах (леших, водяных, домовых и т.н.) как об особых «потаенных людях», предках, покойниках; как о людях, родившихся от обычных мужчин и женщин, но по каким-то причинам превратившихся в нечистую силу (недаром «адамовы детки» в народных представлениях — это, помимо всего прочего, еще и «все люди в смысле грешников»).

Представления о том, что нечистые духи, населяющие воды, землю, леса, поля и даже человеческие дома, в прошлом были людьми, были широко распространены практически у всех славян. Так, например, лешие, водяные, домовые и пр. практически повсеместно соотносились с душами умерших: в домовом древние люди видели духа умершего основателя дома, а в русалках — души утонувших девушек; леших нередко считали проклятыми или похищенными нечистой силой людьми и т.д. Даже отношение к этим духам природы в народных верованиях было совсем иным, чем к чертям и бесам — истинным нечистым духам. Черт в народных поверьях всегда воплощение зла, он никогда не творит добрых дел; лешие же, водяные или полевые, а уж тем более домовые, настоящего зла, как правило, людям не делают, и хотя порой и подшучивают недобро (заставляют блуждать в лесу или в поле, кидаются вещами, пугают), в трудную минуту могут и помочь. Так, например, домовые духи с незапамятных времен представлялись крестьянам хранителями домашнего очага, помогающими по хозяйству, и если домовый «хозяинушко» начинал вдруг вредить хозяйству, гонять и морить скот, душить по ночам хозяев и т.д., это в большинстве случаев объясняли не природной злобой того или иного духа, а неосторожными действиями людей или какими-либо обстоятельствами, спровоцировавшими такое поведение (к примеру, во многих местах считалось, что если домовый вдруг навалился ночью и начал душить хозяина, в доме в скором времени ожидаются перемены). Впрочем, в некоторых местах верили, что лешие, водяные и домовые

— это те же черти, которые могут «уморить» человека до смерти и утащить его душу в ад; но такие поверья, судя по всему, появились в результате усиленного искоренения христианской церковью древних народных верований и перекрытия образов природных духов образом злого черта.

АИСТ — одна из наиболее любимых и почитаемых в народе птиц. Такое уважительное отношение к аисту, очевидно, было связано, во-первых, с представлениями об аисте как охранителе и очистителе земли от гадов и прочей нечисти, а во-вторых, с тем, что аист в народных поверьях издавна наделялся человеческими свойствами и вообще соотносился с человеком.

Так, например, само происхождение аистов в народных легендах связывалось с людьми. В некоторых местах, к примеру, считалось, что в аиста некогда был в наказание заклят человек, которому Бог дал мешок с гадами, велев выбросить его в море (или сжечь, закопать, оставить на вершине горы); из любопытства человек развязал мешок, и вся нечисть из него разползлась по земле, а Бог, рассердившись, превратил человека в аиста, чтобы тот очищал землю от гадов; в это время у аиста от стыда покраснели ноги и клюв, которые с тех пор так и остались красными. Согласно другим народным легендам, аистом стал косец, не ответивший на приветствие Христа, или косец, у которого перед Христом упали штаны (ср., в связи с этим, поверье о том, что аист, прилетая, скидывает штаны и ходит в жилетке); убийца, разбросавший части тела убитого (которые потом стали лягушками) и т.д.

Очевидно, в связи с этими представлениями аиста в народе часто называли человеческими именами: Иван, Василь, Яша, Адам и т.п. Облик аиста в народных легендах также связывался с его человеческим происхождением: так, например, черно-белая его окраска нередко ассоциировалась с одеянием ксендза или шляхтича, с черной жилеткой и т.д. Аистам повсеместно приписывали различные человеческие особенности: считалось, например, что у них человеческие пальцы и душа, они понимают язык человека и плачут слезами, молятся Богу (так воспринимался их клекот), и т.д. По народному убеждению, аисты, как и люди, вместе справляют свадьбы, и каждая их семейная нара неразлучна; при этом кое-где считалось даже, что в случае гибели одного из супругов-аистов другой добровольно идет на смерть вслед за ним. В некоторых местах верили также, что аист, как и человек, может покончить с собой из ревности, а самку, заподозренную в супружеской измене, аисты публично судят и наказывают (убивают или изгоняют).

Представления о человеческой природе аистов породили и поверья о том, что аисты могут на время превращаться в людей; при этом поверья эти, как правило, были связаны с легендами о некой мифической земле аистов. Так, например, в Болгарии и некоторых других местах аистов называли паломниками и верили, что они ежегодно посещают святую землю, а на

зиму улетают на край света, где, искупавшись в чудесном озере, становятся людьми; весной же, искупавшись в другом озере, они вновь становятся птицами и возвращаются назад, так как Господь запретил им выводить птенцов в своей земле. В Польше также верили, что аисты на зиму улетают далеко за море, где превращаются в людей и пребывают в таком облике до весны, причем человек, попав на берег того моря, тоже может обратиться в аиста и перелететь с другими аистами в их землю. В некоторых местах верили еще, что аист, прилетев в теплые края, мочит свой клюв в крови и становится человеком; омочив же себя в воде, он вновь становится аистом.

В народной традиции аист повсеместно связывался с деторождением. Поверье о том, что аист приносит детей, было известно повсюду, особенно у западных славян. Так, например, во многих местах верили, что аист вытаскивает детей из болота или из моря и приносит их в корзине, лохани, корыте, а потом бросает их в дымоход; в некоторых местах рассказывали также, что аист бросает в печную трубу лягушек, которые, попав в дом через дымоход, приобретают человеческий облик. Согласно некоторым приметам, ребенка следует ожидать там, где кружит аист, или тому, к кому на поле часто прилетает аист; считалось также, что аист снится женщине к беременности или рождению сына. По народному убеждению, если аист встанет на трубу во время свадьбы, у молодых вскоре появится ребенок. В Белоруссии и на Украине детям говорили, что для того, чтобы аист принес ребенка, нужно поставить на окно тарелку с сыром или просто попросить аиста принести братика или сестричку (например, такими словами: «Буську, буську, принеси мені Маруську!»). По белорусскому обряду, во время празднования родин ряженный аистом приходил в дом и поздравлял родителей с новорожденным. Подобные представления об отношении аиста к деторождению были, очевидно, связаны с фаллической символикой его клюва; символика эта, в частности, проявлялась в поведении ряженного аистом в рождественской обрядности, когда он своим клювом «клевал» девушек (ср. схожую с этим обычаем русскую святочную игру «в гуся» или «в быка», представлявшую собой видоизмененный языческий обряд, связанный с плодородием).

Вообще, с аистом было связано немало различных примет, и не только касающихся деторождения. Так, например, особое значение в народной традиции повсеместно придавалось первому аисту, увиденному весной: поверья гласили, что летящий аист предвещает здоровье, урожай и замужество; неподвижный — боли в ногах, а также смерть, засуху, неурожай, безбрачие; стоящий — высокий лен; пара аистов — замужество или роды. Деньги в кармане при встрече с первым аистом сулили богатство, ключи — изобилие, а пустые карманы — убытки. Крик первого аиста, услышанный натошак, предвещал несчастье или битье горшков в течение целого года. При виде первого аиста крестьяне нередко совершали какие-либо действия,

долженствующие способствовать благополучию, например, бежали за ним вслед, приседали и кувыркались, катались по земле, прислонялись к плетню, к дубу или к дереву вообще, чтобы не болели ноги и спина; завязывали узел на шнурке от шейного креста, чтобы летом не видеть змей; брали из-под ног землю и бросали ее в воду, которой потом кропили себя и дом для защиты от блох и т.д. На Благовещение к прилету аистов во многих местах принято было выпекать особые хлебцы с изображением ноги аиста; эти хлебцы дети потом подбрасывали вверх, обращаясь к аистам с просьбой об урожае, а также приветствовали аистов в надежде, что те принесут им кошелек с деньгами.

Аист повсеместно считался священной птицей, приносящей во всем удачу и благополучие. Гнездо аиста на крыше дома воспринималось как счастливый знак; считалось, что само его присутствие оберегает дом от «громового удара» и молнии, от града и ураганов, от злых чар и духов, а также способствует обогащению хозяев. В некоторых местах крестьяне верили даже, что те дома, в которых аистов уважают и не беспокоят, надежно предохранены от пожара, потому что, если в них где-нибудь что-нибудь и загорится, аисты немедленно слетятся к нему и принесут в своих клювах воду и примутся, носясь в воздухе, лить ее на огонь, пока не погасят показавшееся пламя. Дом, который аисты избегали, в народе считали проклятым; если аист покидал гнездо, это считали дурной приметой, предвещающей запустение дома или смерть кого-либо из домочадцев, но чаще всего — пожар (при этом во многих местах верили, что аист предчувствует пожар и покидает гнездо заранее, причем переносит своих птенцов в безопасное место).

Поверья об аистах, приносящих счастье, заставляли многих хозяев устраивать этим птицам гнезда на доме или возле жилья. Такие гнезда сооружали обычно на кровлях зданий из старой бороны или тележного колеса; при этом в некоторых местах полагали, что втащить колесо-гнездо наверх должен холостяк с помощью девушки. Разорять гнезда аистов, убивать самих птиц или их птенцов и вообще причинять аистам какой-либо вред строго воспрещалось; нарушение же этого запрета считалось тяжким грехом и сулило различные несчастья. Так, например, поверья гласили, что это может повлечь за собой смерть обидчика или смерть его матери, сына, близкого родственника, а также телесные уродства, слепоту и глухоту у детей, ущерб в хозяйстве, появление крови в молоке у коров и т.д. Многие наказания за вред, причиненный аисту, относились к области метеорологии: так, крестьяне многих мест верили, что за убийством аиста или разорением его гнезда и уничтожением птенцов непременно последует засуха, наводнение или продолжительные дожди, ливни (говорили, что это убитый аист «три дня после смерти плачет»). Поверья приписывали аисту способность навлекать страшные грозные тучи, а также ураганы и т.п.; при этом в Болгарии аиста даже считали предводителем градовых туч, а поляки верили,

Алатырь

что аист разгоняет тучи, когда кружит высоко в небе, тогда как клекот его служит предвестием ливня и бури. Власть аиста над бурями и ветрами нашла отражение и в обрядах белорусского Полесья, где жницы просили аистов: «Иванько, Иванько, зашли нам трохи витру, бо не здюжим жать».

Во многих местах верили, что аист, как предводитель страшных грозовых туч, может в наказание навлечь на своего обидчика удар молнии и устроить пожар. Вообще, пожар считался наиболее распространённым наказанием за причинение вреда аисту: так, согласно поверьям многих мест, аист в отместку за разорение своего гнезда навлекает на дом удар молнии, либо высекает клювом огонь или приносит в клюве головню или уголь, которыми и поджигает крышу. В одной из украинских быличек, к примеру, аист, у которого унесли из гнезда детенышей, прилетел с огнём в клюве и бросил огонь в свое опустевшее гнездо, отчего весь дом сгорел дотла; в русской же быличке аист, у которого похитили яйца, вернулся с целой стаей других аистов, и все они принесли в клювах жар (горячие уголья) и с разных сторон подожгли избу обидчика. Подобные поверья об аисте, приносящем в клюве огонь, нашли отражение и в многочисленных закличках, обращённых к аисту (например: «Дядько Михаль, выкраш агню, закурым люльку!», «Барыс, дай закурить!» и т.п.); при этом в некоторых местах существовала даже легенда, что в аиста Бог обратил курильщика.

Вероятно, все эти представления об аисте, способном навлекать бури и грозы и низводить на землю небесное пламя, были основаны на наблюдениях за поведением аистов. Появляющийся с приближением бури и кружащий в небе среди грозовых туч аист, красный цвет клюва и ног которого напоминал людям огонь молнии, вполне закономерно соотносился в народном сознании с такими небесными явлениями, как дождь, гроза и т.п. Отождествление аиста с грозой прослеживается во всех быличках: огонь, которым он поджигает дома своих обидчиков, прямо соотносится с молнией, а вода, которой он тушит загоревшиеся дома добрых к нему людей, — с дождем. На связь аиста с грозой и небесным огнём, вероятно, указывает и обычай делать ему гнездо из колеса, издревле считавшегося символом солнца и огня, эмблемой небесного пламени. При помощи тележного колеса некогда добывали священный живой огонь. Символом в виде колеса с шестью спицами, в Белоруссии и некоторых других местах называемым «громовым знаком», на древних, ещё языческих календарях обозначался главный грозовой день в году — Перунов (позднее — Ильин) день, день божества грозы и молний. На русском Севере такое колесо с шестью спицами вырезалось на причелинах изб для того, чтобы уберечь дома «от грома»; на Украине же, где деревянная резьба отсутствовала, ту же функцию оберега от молнии выполняло старое тележное колесо или обод от него, помещаемые на соломенной кровле хаты и сарая.

АЛАТЫРЬ — в восточнославянских средневековых легендах и фольклоре «всем камням камень, всем камням отец (мать)». Он воспринимался славянами как центр мироздания, пуп земли, наделенный различными сакральными (т.е. священными, относящимися к вере, религиозному культу) и целебными свойствами. Древнерусские легенды гласили, что камень алатырь некогда упал с неба и на нем были начертаны законы небесного бога Сварога.

В народном фольклоре местонахождение алатырь-камня соотносилось с центром мира и при этом обычно неразрывно связывалось с Буяном — чудесным островом, находящемся где-то в мировом «окиян-море». Так, например, едва ли не треть всех народных заговоров начиналась словами: «На море-океане, на острове Буяне лежит алатырь-камень...» и т.д. Покоящийся на острове Буяне алатырь народная традиция называла и горой, и «малым студеным камнем»; но при этом камень этот почти всегда обозначался постоянным эпитетом «бел-горюч», заменяемым иногда выражением «кип-камень» (от глагола *кипеть*).

Народные легенды гласили, что под алатырь-камнем «сокрыта сила могучая, и силы той конца нет». Именем этого камня часто скреплялись различные словесные формулы, сопровождавшие магические действия. Так, например, многие древние заговоры «замыкались» словами тина: «Кто камень-алатырь изложет, тот мой заговор превозможет» (подразумевалось, что подобное дело никому не под силу и, следовательно, «превозмочь» заговор не сможет никто).

Предания и заговоры связывали алатырь-камень с самыми разными сверхъестественными явлениями и образами. Так, например, во многих местах считалось, что из-под этого чудесного камня текут источники живой воды (в более поздней, христианской обработке мифа заменённые рекой Иорданом): «Белый латырь-камень всем камням отец. Почему же ён всем камням отец? С-под камешка, с-под белаго латыря протекали реки, реки быстрыя по всей земле, по всей вселенной, всему миру на исцеление, всему миру на пропитание». На этом камне или рядом с ним (над ним) в заговорах и поверьях стоит мировой трон или алтарь (престол), растёт мировое древо и т.д. Рядом с ним нередко находятся различные мифические существа (например, чудесные птицы Алконост и Гамаюн или небесные матери, от которых произошли все земные звери, птицы, змеи и насекомые). На этом камне в заговорах восседает прекрасная дева Заря, «зашивающая раны кровавые» и расстилающая свою розовую фату над всем миром, пробуждая его ото сна (об этой пелене Зари заговор говорит: «твоя фата крепка, как горюч камень-алатырь»).

Во многих заговорах, песнях и народных поверьях алатырь-камень так или иначе соотносился со святыми и даже с Матерью Пресвятой Богородицей. Так, например, в одном из заговоров для излечения ран говорилось: «На море, на окияне, на острове Буяне, лежит

Алатырь

горюч камень алатырь, на том камне сидит пресвятая Богородица, держит в руке иглу золотую, вдвевает нитку шелковую, зашивает рану кровавую: тебе, рана, не болеть, тебе, кровь, не бежать. Аминь!» Заговор от всяких болезней заклинал: «Пойду под восточную сторону к окияну-хмору; на окияне-хморе стоит божий остров, на том острове лежит бел-горюч камень алатр, а на камени святой пророк Илия с небесными ангелами. Молюся тебе, святой пророче божий Илия! Пошли тридцать ангелов в златокованом платье, с луки и стрелы, да отбивают и отстреливают от имярека уроки и призоры и притки». Другой же заговор представлял собой такую молитву: «На море-окяне лежит бел-алатр-камень, а на камени сила небесная. Пойду я поближе, поклонюсь пониже: силы небесные! пошлите свою помощь и силу на наш скот милый живот — в чистое поле, в зеленые луга, а темные леса».

Некоторые заговоры и народные стихи даже помещали рядом с камнем самого Господа Иисуса Христа со всем его небесным воинством. Так, например, в одном из вариантов стиха о Голубиной книге говорилось: «На белом латыре на камени беседовал да опочив держал сам Иисус Христос, царь небесный, с двенадцати со апостолами, с двенадцати со учителям; утвердил он веру на камени, распущал он книгу Голубиную но всей земле, по вселенныя, — потому бел-латырь-камень всем камням мати!»

Очевидно, представления о чудесном алатырь-камне были очень древнего, еще дохристианского происхождения; но при христианстве священное значение, какое придавалось ему в язычестве, не было утрачено: он все так же считался наделенным некоей благодатной, святой силой и соотносился с явлениями и силами света, противостоящими всякому злу. Правда, христианство наложило свой отпечаток на представления об алатыре: так, например, многие заговоры и поверья были «подновлены в христианском духе», языческих божеств (таких, как Заря, Перун или Лада) в них сменили христианские святые (например, Илья-Пророк, святой Петр или дева Мария). Однако и эти христианские заговоры всячески подчеркивали святость как самого алатырь-камня, так и его местонахождения, ср. например: «На окяне-море лежит кии-камень, на том кип-камне стоит апостольская божья церква за тремя дверями, за тремя замками... В божьей церкви стоит престол, на том престоле сидит госпожа святая-пресвятая Богородица... Миколай-угодник, Илья-пророк, Егорей Храбрый, Михайло-архангел, Петр и навел и все святые святители», или: «Под восточной стороной есть окяин-синее море, на том окяине на синем море лежит белолатырь-камень, на тч белолатыре-камне стоит святая золотая церковь, во той золотой церкви стоит свят золот престол, на том злате престоле сидит сам Господь Иисус Христос, Михаил-архангел, Гавриил-архангел...» и т.д.

По-видимому, чудесный алатырь-камень, покоящийся где-то на Буяне-острове, был некогда не чем иным, как метафорой небесного огня, в первую очередь

ясного весеннего солнца, посылающего на землю и тепло, и свет. Представление солнца и небесного огня горючим светозарным камнем было свойственно многим народам (так, например, в древнейшем англосаксонском намятнике на вопрос: «Что такое солнце?» — был дан следующий ответ: «Солнце — горюч-камень»). Весьма вероятно, что с этим уподоблением солнца белому, горючему камню уже в глубокой древности сливалось общераспространенное представление грозового облака и молнии скалой или камнем. Возможно даже, что алатырь-камень некогда олицетворял собой не только небесный огонь, но и все весенне-летнее небо в целом (ср. весьма распространенные представления неба в облике хрустальной или золотой сияющей горы или скалы).

О тождественности алатырь-камня с солнцем и небесным огнем говорят и народные песни, поверья и заговоры, особо подчеркивавшие огненную природу этого «бел-горюч камня» (так, в народной песне муж. при разлуке с женой, говорит ей: «Гляди, жена, на синё море: что повыстынет бел-горюч камень, тогда я домой буду!», выражая этими словами отсутствие надежды на свое возвращение), и его окружение в тех же заговорах, песнях и преданиях. Так, например, чудесный остров Буян, на котором в заговорах покоится камень алатырь, был, по-видимому, не более чем поэтическим названием весеннего сияющего неба: само название «буян» (от слова *буй*, служившего синонимом слова *яр*), принятое позднее за имя собственное, первоначально было всего лишь характеристическим эпитетом «небесного царства». Пребывающие рядом с алатырь-камнем «змея, всем змеям старшая», «птица, всем птицам старшая и большая», «пчелиная матка, всем маткам старшая» и т.п. были олицетворением ветров, бурь, гроз, молний и т.п. т.е. различных небесных природных явлений. Текущие из-под камня источники живой воды, дающие всему миру «пропитание и исцеление», олицетворяли собой живительную влагу дождей, воскрешающую природу и способствующую урожаю; растущее же над алатырь-камнем и над струящимися из-под него источниками мировое древо было олицетворением небесных дождевых туч.

Восседающая на алатырь-камне дева Заря в древности была одновременно и богиней утренней зари, и богиней-громовницей; она считалась подательницей как утреннего света и росы, так и весеннего просветления неба и дождей. Местонахождение ее возле алатырь-камня, т.е. на небе возле небесного огня (как лучистого огня солнца, так и грозового огня молний), было вполне уместным, так же, как и пребывание там Перуна, бога-громовника, посылающего на землю молнии-стрелы и живительную влагу дождя. В заговорах христианских времен Перун, конечно, не упоминался; однако часто встречался заменивший его в мифах и поверьях Илья-пророк или просто некий неведомый стрелец, который, стоя на алатырь-камне, «стреляет по чисту полю, убивает всякие боли», а

Албаста

также защищает своими стрелами от сглаза, недугов и очарования (ср. представления о том, что гроза бывает оттого, что Илья-пророк — или его предшественник Перун — мечет молнии в нечистых духов, в том числе и вызывающих болезни).

Пребывающие рядом с алатырь-камнем различные святые также так или иначе были связаны с небом, молниями, грозами, дождевыми тучами, небесной водой и т.д. Так, например, под именем небесных сил, божьего воинства в народе нередко понимались духи весенних гроз (ср. поверье о том, что сама гроза бывает оттого, что Илья-пророк или даже сам Господь со светлыми силами гоняет нечистых духов и разит их молниями). Пречистая Богородица, в народе нередко называемая еще огненной Марией, во многих местах почиталась как громовница, распорядительница небесного огня. Святой Илья-пророк, чей культ сменил культ Перуна, повсеместно был известен как воплощение грозы, распорядитель громов и молний. Апостол Петр, по христианскому вероучению — хранитель ключей царства небесного, в простонародье считался небесным ключником, в весеннюю пору отпирающим золотым ключом (молнией) небо и выпускающим на волю все творческие силы лета, в том числе и «праведное солнце». Что же касается предания о стоящей на алатырь-камне христианской церкви, где и пребывают многочисленные святые во главе с самим Господом, то этот миф, вероятно, возник на основе представления небесного свода («седалища и обители бессмертных богов») царственным троном и куполом храма; при этом, возможно, свою роль сыграло и народное переосмысление евангельского изречения касательно Петра (чье имя означает камень): «Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою, и врата адава не одолеют ей».

О том, что, собственно, означает слово *алатырь*, *латырь* теперь можно только догадываться. Название это, по-видимому, очень древнего происхождения. Некоторые исследователи полагали, что славянский алатырь тождествен янтарию (ср. назв. Балтийского моря — Алатырское море), напоминающему его своей горючестью, красноватым или бело-желтым, огненным цветом и местонахождением в морских волнах; само слово алатырь (алатр, алабырь, латырь) они признавали за переделку греческого слова «электрон» (лат. *electron*), означающего янтарию. Русское название «алатырь-камень» и греческое слово, обозначающее янтарию, восходят, по-видимому, к санскр. корню *ark*, означающему «блистать, испускать лучи, сиять» (*arkas* — луч, солнце, кристалл, медь, *arkis* — блеск). В греческом языке словами, родственными слову янтарию, обозначались и солнце (т.е. сияющее), и блестящий металл (смесь золота и серебра). В древних же азбукониках про янтарию говорилось: «илектр-камень зело честен от великих камней, именуем златовиден, убо вкупе и сребровиден... проявляет неумалюемую и чистую светлость... и световидную и небесную зарю».

АЛБАСТА. лобаста, лопаста — стихийный дух; разновидность нечистой силы.

В народных верованиях название *албаста* могло, в принципе, относиться и к женским, и к мужским духам (в мужском варианте — албастый, лопастый и т.д.). Так, например, албастым, лобастым, лопастым в Вятской губернии называли лесного духа, появляющегося вместе с вихрем, бурей, сильным ветром; на Урале же лопастами, лопастиками нередко называли чертей и мелких бесов (ср. выражение: «Не наше дело попов судить, на то лопастики есть»).

Однако чаще всего название албаста, лопаста относилось к женскому демоническому персонажу, связанному с водой и сходному со «страшной» северорусской русалкой. Так, например, кое-где на севере албастой называли водяницу, живущую в камышах, по большей части в болоте или заболоченных местах (ср.: «Тута камышами по ночам албаста шатается»). Согласно поверьям Астраханской и Вятской губерний, лобаста — это отталкивающего вида нагая лохматая женщина большого роста, «весьма полная», с огромными грудями (которые она, передвигаясь по суше, закидывает иногда через плечи за спину) и длинными, достигающими земли космами волос (ср.: «Глядь, ан за ериком-то девка — знать лобаста — нагишом, чешет голову, а волосы-то длинные-предлинные, а тело-то лохматое-прелохматое; да как захохочет, да в ладоши ударит — они и пуще того испугались: как бы не защеконала»). В некоторых местах албастам приписывали и вовсе демонический, чудовищный облик («Вот она какая лобаста! Попадете к ней в болото, не спустит. Ростом лобаста, как эта осина, тело белое, что заячий пух, а ручки, словно крыльце с красным когтем, словит да этим когтем, хоть и нежен он, что костянка, а защекочет до смерти»). Впрочем, хотя лобаста и наделялась иногда совершенно демоническим обликом, чаще ее представляли пусть уродливым, но вполне человекообразным существом; это, по-видимому, было связано с тем, что происхождение лобасты (как и русалок) связывалось с заложными покойниками и душами умерших (так, некоторые поверья гласили, что в лобаст, как и в русалок, превращаются дети, умершие некрещеными, или девушки-утопленницы, скончавшиеся до свадьбы).

Поведение лобасты в рассказах и поверьях обычно также весьма напоминало поведение русалок и водяниц. Так, например, в быличках албаста часто появляется у рек и озер, вообще у воды, где сидит на камне и расчесывает длинные распущенные волосы; при появлении человека она бросается в воду и исчезает (иногда — оставив на камне свой гребень или мыло). Как и русалки, лобасты, по народному убеждению, очень подвижные и резвые; в некоторых местах считалось, что на русальной неделе они бегают по лесу или в цветущих полях, играют, водят хороводы и иногда ловят девушек (если те окажутся в лесу одни и не сумеют защититься себя), затаскивают их в свой хоровод и уводят с собой. Нередко они также ловят случайных

Албаста

прохожих и щекоют их до смерти или утаскивают в омут: «Она (лобаста) живет в больших болотах, озерах и омутах. Своим видом она наводит страх на людей, и, кроме того, захватывает людей, проходящих мимо ее жилища, затаскивает в болото и щекоет сосками своих грудей, щекоет иногда до смерти».

Как и русалки, лобасты в некоторых местах считались не просто духами воды, но также и стихийными духами, способными насыщать бурю, дождь или град, сильный ветер и т.п.; как и другие заложные покойники, они могли быть предводителями дождевых туч. При этом в поверьях некоторых районов средней и нижней Волги (например, Саратовской и Астраханской губерний) даже сам облик лобасты был подобен буре и грозным тучам: она представлялась женщиной огромного роста — «величиной от неба до земли», с телом, представляющим собой серую массу неясной формы, с косматой головой, оскаленными клыками и очень длинными руками со скрюченными пальцами; считалось, что появляется она в бурю, возникает из тучи и при этом оглушительно смеется громовым хохотом; встреча с нею могла обернуться для человека гибелью или, по крайней мере, предвещала несчастья и смерть.

Такой образ албасты в поверьях, конечно, не был случайным. По-видимому, длинноволосая, с огромными грудями страшная русалка-лобаста была отголоском древнего образа богини плодородия и дождя, от которой зависели также и судьбы людей, их жизнь и смерть. Так, например, образ восточнославянской богини плодородия Макоши с приходом христианства трансформировался в образ женского злого духа, имеющего безобразный облик (большие груди, растрепанные волосы и т.д.) и связанного с водой, прядением и судьбой (ср. мокушу, кикимору и т.п.). Вполне возможно, что и в основе образа лобасты, олицетворявшей в поверьях неуправляемые стихии природы, лежит образ некой богини — покровительницы плодородия, может быть, той же Макоши, известной не только у восточных, но и у западных и южных славян. Впрочем, более вероятно связь албасты с рожаницами, древнейшими небесными богинями, хранительницами живой воды (дождя, вообще небесной влаги) и покровительницами плодородия, связанными с человеческими судьбами.

Этимология слова *албаста* или *лобаста* не вполне ясна. Возможно, это слово связано со старорус. лабудь, лебедь. Еще более вероятно заимствование этого слова из тюркских языков. Так, например, существо, называемое албасты (или албасти, алвасти, албассы, албарсты, алмасты и т.п.), было известно у турок, казанских, крымских и западносибирских татар, казахов, башкир, тувинцев, алтайцев, узбеков, туркмен, таджиков, киргизов, азербайджанцев. В поверьях этих народов албасты выступал как злой дух, женское демоническое существо, имеющее обычно облик огромной уродливой женщины с длинными распущенными светлыми волосами, спускающимися до земли руками

и длинными грудями, закинутыми за спину (облик, свойственный славянским русалкам и лешачихам). Некоторые поверья при этом гласили, что у албасты птичья стона, вывороченные ступни или копыта на ногах, на руках острые когти, один глаз во лбу и нос из камня (или красной меди), а на спине нет плоти и видны все внутренности (черты, которыми некоторые поверья наделяли русалок и вил).

Киргизы, татары и пр. верили, что албасты обитает преимущественно вблизи рек или других водных источников и обычно является людям на берегу, расчесывая волосы. Считалось, что она может принимать облик различных животных и неодушевленных предметов, например, воза, копны сена, ели и т.д. Татарские верования приписывали ей способность менять свои размеры: считалось, что вдали албасты бывает не более собаки, но, приближаясь к человеку, увеличивается в размерах и становится величиной со стог. Весьма распространены были представления о любви албасты к лошадям: считалось, например, что она часто ездит на них по ночам, расчесывает и заплетает им гривы (та же страсть в некоторых местах приписывалась и восточнославянским русалкам).

В поверьях албасты выступала обычно как вредное существо, насылающее болезни и ночные кошмары, давящее по ночам (и могущее задавить до смерти), иногда пьющее кровь своих жертв, но особенно часто вредящее роженицам и новорожденным (так, по некоторым поверьям, албасты крадет легкие, печень или сердце роженицы и спешит с ними к воде; как только она положит их в воду, женщина умрет). Впрочем, при этом албасты могла выступать и как существо не однозначно вредное, и даже полезное для людей. Таджики, киргизы и пр. считали, например, что албасты хоть и опасна для рожениц, но при этом необходима для появления ребенка на свет. Алтайцы и тувинцы верили, что албасты не только приманивает людей и вселяется в них, но также иногда сожительствоует с охотниками, вступает с ними в сексуальную связь и при этом приносит удачу в охоте, поит охотников молоком из своих длинных грудей и кормит их мясом, которое отрезает от ребер (ср. мифы о сожительствоющих с мужчинами русалках и вилах у восточных славян). По народному убеждению, албасты можно подчинить человеку, но для этого нужно завладеть каким-либо из принадлежащих ей предметов, часто — ее волосом (ср. поверье о том, что вила подчинится тому, кто похитит ее одежду), или, по другим мифам, воткнуть в ее одежду иглу. Усмиренная и ставшая покорной албасты, по поверьям, будет выполнять все приказания, помогать по дому и способствовать обогащению своего хозяина, помогая ему излечивать заболевших по ее вине людей.

Все эти предания об албасты татар, киргизов, казахов и пр. весьма напоминают мифы об албасте, или лобосте, Астраханской, Саратовской и проч. губерний. Однако это не обязательно говорит о заимствовании образа, так как татарские, киргизские и т.д. мифы об

АЛКОНОСТ

албасты очень схожи со славянскими мифами о русалках и вилах; да и вообще, образ албасты, восходящий к глубокой древности, имел аналогии в мифологиях многих народов.

Вопрос о происхождении образа албасты недостаточно ясен. По одной версии, албасты является персонажем тюркского происхождения; согласно же другой версии, представления об албасты связаны с традициями иранской мифологии, а само название демона произошло от сочетания «ал» (считаемого иранским словом) и «басты» (трактуемого как тюркское «надавил»). В основе слова «ал», предположительно, лежит древнее именование божества, а морфема «басты» является индоевропейским термином, означающим «дух», «божество» и родственным русскому «бес». Возможно, некогда албасты считалась доброй богиней, покровительницей плодородия, домашнего очага, а также диких животных и охоты, и лишь позднее была низведена до роли одного из злых духов. Ее близость к славянским женским духам, некогда почтившимся божествами плодородия, а потом постепенно превратившимся в демонических персонажей, послужила основанием для частичного заимствования образа, и в результате в некоторых славянских областях духов, называемых в иных местах русалками и вилами, стали называть албастами.

АЛКОНОСТ и СИРИН — в русских средневековых легендах мифические сестры-птицы, жительницы Вырия (рая).

Как алконост, так и сирин обычно представлялись птицами с женской головой и прекрасным лицом; на лубочных картинках их еще иногда изображали с крыльями, но с человеческими руками, телом и лицом женщины. Подобный образ, возможно, восходит к греческому мифу об Алкионе, бросившейся в море и превращенной богами в зимородка; в народной же традиции он, по-видимому, выражал связь различных мифических существ (сиринов, вил и пр.) с небесными чертогами, чудесным раем, находящимся где-то за облаками.

Согласно легендам, алконост и сирин обитают где-то за морем, на мифическом острове Буяне или в райских садах (в Вырии); там они выводят и своих птенцов. При этом считалось, что яйца свои алконост (иногда и сирин) несет на морском берегу, на краю моря или за морем, и, погружая их в глубину вод, делает море спокойным на семь дней, пока не вылупятся птенцы. Вероятно, в связи с этим поверьем алконосту и подобным ему мифическим птицам нередко приписывалась способность управлять ветрами и погодой.

Широко были распространены предания о чудесном голосе сирин и алконоста. Так, например, в некоторых местах считалось, что пение этих птиц так прекрасно, что способно заморозить человека и заставить его позабыть обо всем на свете. При этом некоторые поверья называли алконоста птицей радости, а сирин — птицей печали; пение алконоста считалось прекрасным,

но безвредным, а пение сирин — губительно чарующим; человек, слышав его, будто бы забывал обо всем на свете и вскоре умирал, причем смерть для него в этот момент была желанной. Возможно, в этом поверье сказались отголоски греческого мифа о сиренах — существах с удивительными голосами, своим пением заставлявших моряков забывать о цели путешествия и бросаться в море — на гибель.

Предания о сирине и алконосте не были, по-видимому, исконно русскими и имели, скорее всего, византийское происхождение, хотя на Руси они очень скоро слились с местными легендами и поверьями. С райскими птицами сирин и алконостом славян, очевидно, познакомили так называемые лубочные картинки (например, известная «Космография»), где были расписаны все баснословные, сказочные страны и их чудеса. На основании этих картинок на Руси некогда возникли поверья о блаженных островах Макарийских, а также о песиглавцах (людях с псыими головами, якобы живущих на южных границах славянских земель и отличающихся необычайной выносливостью, свирепостью и жестокостью), амазонах (страшных человекоподобных существах с темными, как у арапов, свирепыми и воинственными лицами, вооруженных копьями и луками) и неких дивных людях, будто бы найденных Александром Македонским внутри Рифейских гор (эти люди рисовались обычно одноногими, трехрукими, одноглазыми, двуногими и т.д.). С тех же картинок в русские легенды проникли и образы сирин и алконоста; предания же о них сформировались, по-видимому, частично на основе представлений о птицедевах-вилах и пр., а частично — на основе легенд о мифической птице Стратим, упоминаемой в стихах о Голубиной книге (согласно этим духовным стихам, Стратим, как и алконост, «детей производит на океане-море» и при этом обладает властью над погодой; от ударов ее крыл рождаются ветры и подымается буря). АМБАРНИК. амбарный — разновидность домового (дворового); домашний дух — хранитель, живущий в амбарах — строениях для хранения зернового хлеба, муки, а иногда и прочих товаров. Вообще, представления об амбарнике были довольно расплывчаты, а сведения о нем — немногочисленны и отрывочны, вероятно, потому, что образ амбарника у крестьян перекрывался образом домового или дворового — существа, отвечающего за все хозяйство в целом.

Согласно народным поверьям, амбарник заботится о сохранности зерна и содержит амбар в чистоте, наводит в нем порядок, если только хозяева почитают его и сами не избегают работы; в противном же случае он вредит хозяевам тем, что портит и разбрасывает зерно, рассыпает муку, ломает оставленные в амбаре вещи и т.д.

Вообще, амбарник в поверьях крестьян нередко выступал как недобрый, даже злой дух, подобный скорее зловредному баннику, чем доброму домовому

В некоторых местах верили даже, что амбарник может навредить человеку, пришедшему в амбар, особенно если тот явился туда в неурочное время. Так, например, в Архангельской губ. рассказывали об амбарнике, который погубил мужика, пришедшего к нему в амбар: «Девки побежали к амбару в святки (гадать), очертились, как полагается. А тут один мужик хотел попутать девок. Пойду, говорит, в амбар запрусь да нашёпчу им всяко много. Пошел, заперся, а девки прибежали к амбару под замок и слышат, там кто-то приговаривают: «Лучку мну, в корзинку кладу. Ножку мну, в корзинку кладу. Головку мну, в корзинку кладу». Девки прибежали в деревню и рассказали мужикам, что слышали. А утром открыли амбар, а тамотки того мужика скрутило. Отдельно ножки, ружьи, головка, все, как девки слышали. Захотел попутать, самого скрутило».

Святочные гадания у амбара встречались реже, чем гадания у бани, но, тем не менее, были распространены достаточно широко (особенно среди крестьян севера и северо-запада России). Заключались они обычно в том, что гадающие слушали у амбара, как *вещут* себя его сверхъестественные обитатели, пытаясь по звукам, доносящимся из строения, определить свою судьбу. Так, например, в некоторых местах девушки на святках ходили к амбару и, встав возле него, говорили: «Суженый-ряженный, приходи рожь мерять!»; если после этого в амбаре слышался звук сыплющегося зерна, считалось, что гадающая скоро выйдет замуж за богатого человека, если девушке чудилось, что в амбаре метут пол веником, то считалось, что она выйдет замуж за бедного, а тишина в амбаре свидетельствовала о том, что девушка в будущем году останется незамужней.

Впрочем, нередко гадающие вопрошали о будущем не самого «амбарного хозяина», а оживотворяемое содержимое амбара. Так, например, на Колыме верили, что если под Рождество приложить ухо к замку амбара, то можно услышать, как лежащие там рыбы (колымчане хранят улов в амбарах) говорят между собой, и от них можно узнать всю свою судьбу. А жители Новгородчины ходили «слушать судьбу» к туше борова, повешенной в амбаре (или другом «замкнутом нежилом помещении»): «Сидели мы на посидке (посиделках), и вздумалось нам идти погадать к убитому борову, который висел в амбаре. Пришли к амбару, очертили круг и стали в него. Я первая спросила: «Боров, скажи мою судьбу!» — Боров ответил: «Скажу, только угадайте, сколько горошин в мерке». Услышав голос, мы в ужасе бросились бежать домой. Бежим и слышим, что за нами кто-то гонится. Оглянулись — какая-то фигура, вся в белом, бежит за нами. Мы в избу и сказали старухе. Та сейчас же одела нам на головы горшки (способ, нередко применяемый в таких случаях в разных местах). К нашему ужасу, большая белая фигура схватила нас за головы, сорвала с голов горшки, разбила их вдребезги о стену и тут же с хохотом провалилась сквозь землю... Если бы мы не одели горшки, то лишились бы своих буйных головушек.

Случилось же оттого, что мы, когда услышали в амбаре голос, не заминили, а сразу убежали».

АНГЕЛ — (греч. «вестник») в христианской традиции «существо духовное, одаренное разумом и волею»; представитель небесных сил. Согласно христианским верованиям, ангелы — это духи, созданные Богом; они верно служат Богу, воюют с его врагами, воздают ему честь и несут сто волю стихиям и людям.

По церковной традиции, все сотворенные Богом ангелы беспрекословно подчиняются ему и являются его безупречными воинами, кроме некоторых из них, некогда соблазненных Сатаной и выступивших против Бога. Эти отступники, по преданию, были прокляты Господом и свергнуты с небес, после чего превратились в демонов, чертей, бесов. Те же ангелы, которые остались верными Богу, получили небесное блаженство и стали вестниками, посредниками между небесами и землей, между Богом и людьми. Впрочем, при этом на периферии христианской традиции существовало еще предание об ангелах, в час небесной битвы оставшихся нейтральными и с тех пор ожидающих окончательного приговора на страшном суде.

Название «ангел» традиционно обозначало святое и безгрешное существо, верного слугу Божьего. Ангелов, некогда низвергнутых с неба за бунт и превратившихся в демонов, тоже иногда по-прежнему называли ангелами (ср., например, описание сражения светлых и темных сил в Апокалипсисе: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним»: или упоминание об «ангеле Бездны»: «Царем над собою она (саранча, жалающая людей) имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион»). Однако при этом к названию ангелов-изменников нередко прибавляли эпитет «падшие», «темные» и т.п., чтобы подчеркнуть их отступничество, «несвятость», причастность к силам зла.

Впрочем, при этом в библейских и пр. текстах ангелы света и тьмы были порой малоразличимы. Так, с одной стороны, ангелы выступали как силы света, святые и безгрешные существа; но с другой стороны, они являлись порой и как безжалостные и грозные воители, ангелы-искусители, ангелы смерти, истребляющие грешников по приказу Бога. Например, во Второй книге Царств описано истребление людей ангелом в Иерусалиме: «И простер Ангел [Божий] руку свою на Иерусалим, чтобы опустошить его; но Господь пожалел о бедствии и сказал Ангелу, поражавшему народ: довольно, теперь опусти руку твою». В Четвертой книге Царств говорится: «Посему так говорит Господь о царе Ассирийском: не войдет он в сей город, и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала... И случилось в

Ангел

ту ночь: пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые».

Вообще, в библейских текстах есть много упоминаний о том, как ангелы карали смертью людей, согрешивших перед Богом (как сказано в Книге Притчей Соломоновых: «Возмутитель ищет только зла; поэтому жестокий ангел будет послан против него»). В Апокалипсисе же ангелам фактически приписывалось уничтожение человечества и вообще всего мира: «И я видел семь Ангелов, которые стояли пред Богом; и дано им семь труб... Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела. Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью, и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла. Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки. Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была — так, как и ночи. И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить! Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих... Шестой Ангел вострубил, и я услышал один голос от четырех рогов золотого жертвенника, стоящего пред Богом, говоривший шестому Ангелу, имевшему трубу: освободи четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрате. И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей... И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю. Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его. Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и все одушевленное умерло в море. Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь. Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной, и они хулили

имя Бога, имеющего власть над семи язвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу. Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания, и хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих. Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного... Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось! И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое! И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его. И всякий остров убежал, и гор не стало; и град, величиною в талант, пал с неба на людей; и хулили люди Бога за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая».

Библейские повествования о грозных ангелах, по приказу Господа уничтожающих целые народы, послужили причиной того, что в народной традиции ангелы стали разделяться на добрых и злых (злые ангелы, ангелы смерти, при этом порой отождествлялись с демонами); при этом немалое влияние на такое разделение оказало и двойное воззрение на Смерть, как на существо с одной стороны — злое, демоническое, а с другой — светлое, божественное. Разделение ангелов было известно у многих народов. Например, немецкие саги повествуют о двух ангелах — добром и злом, обходящих землю и предающих людей смерти.

Славяне также различали два типа ангелов и верили, что когда человек умирает, за его душой приходит либо светлый, либо темный ангел, в зависимости от того, праведной ли жизнью жил усопший, или нет. Например, народный русский стих так изображал кончину праведника и грешника: «Ссылает Господь Бог святых ангелов, / Тихих ангелов, всемилостивых,

По его душеньку по Лазареву. Вынимали душеньку честно и хвально, / Честно и хвально в сахарны уста, Да приняли душу на пелену, Да вознесли же душу на небеса... Сослал Господь грозных ангелов, / Страшных, грозных, немилостивых, По его душу по богачёву; Вынули его душеньку нечестно, нехвально, / Нечестно, нехвально, сквозь рёбер его, / Да вознесли же душу вельми высоко, / Да ввергнули душу во тьму глубоко, / В тоё злую муку — в геенский огонь». Та же мысль была выражена и в одной из народных легенд, согласно которой праведник умирает, окруженный семьей, и, лежа на смертном одре, дает своим сыновьям и снохам родительское наставление и нерушимое благословение и прощается со всеми; Смерть является к нему с ангелами, вынимает душу, и ангелы относят ее на золотом блюде в пресветлый рай. Грешник же умирает посреди житейских забот и веселья; смерть приходит к нему неожиданно и ударяет его в голову тяжелым молотом, а

затем грозные, немилостивые ангелы (которых в легендах и поверьях часто заменяют дьяволы) хватают душу грешника, как свою добычу. В некоторых легендах такие ангелы являются даже без Смерти: они сами поражают грешников, вынимают их души и низвергают их в ад; при этом главное отличие грозных ангелов от дьяволов то, что они являются по приказу Бога и карают человека «справедливо». Так, сербская легенда повествует о святом архангеле, который поражал смертных: одного человека он иссек в куски, другого ударил ножом три раза, а на третьего только замахнулся — как он уже умер; по словам архангела, «у оног е првог човека душа грешна на неће да изаће из тела, зато сам га свега исекао док сам е истерао. У оног другог човека душа е мало безгрешнија, зато сам га трипут ударно. А душа овог трећег човека са свим е праведна, зато сам на њу само замахнуо, а она мени те у недра сама ускочи».

Поверий и преданий о добрых и злых ангелах, прилетающих за душой человека, существовало, в общем, немало; но, так как ангелам, по народному мнению, все-таки была не свойственна жестокость (ведь ангелы, согласно христианской традиции, безгрешны и святы), темных ангелов, ангелов смерти в народных верованиях обычно заменяли черти, дьяволы. Отсюда возникли и средневековые сказания о борьбе ангелов и чертей за обладание душой усопшего: русские верили, например, что у одра умирающего всегда спорят ангел-хранитель и дьявол, и если добрые дела человека перевешивают злые деяния, то ангел-хранитель прогоняет дьявола копьём, а если перевешивают злые дела, то ангел удаляется с плачем. Кстати, сострадание к умирающим приписывалось крестьянами даже ангелам смерти: так, например, одна из русских легенд гласит, что некогда за душами умерших приходил архангел Гавриил, но однажды он отказался забирать жизнь бедняка, у которого было много детей, и Бог за это разгневался, отобрал у Гавриила меч и отдал его архангелу Михаилу. По другой, сходной, легенде ангела смерти, который пожалел забирать душу у одной матери, родившей двойню, Господь в наказание лишил крыльев и заставил в течение трех лет вести земную жизнь.

Описание ангелов в различных вероисповедных системах и в различные исторические периоды очень отличалось (даже в Библии оно далеко не единообразно), но тем не менее выявляло и некоторые сходные черты. Так, согласно практически всем описаниям, ангелы — это «бесплотные умы»; они бестелесны и не связаны ни тяжестью тела человека или животного, ни его подверженностью «плотским нуждам». Будучи бестелесными, они, как правило, невидимы для людей, если только не имеют специального намерения быть увиденными. Эта «бесплотность» ангелов со временем стала интерпретироваться как полная нематериальность; однако произошло это достаточно поздно. Ни в библейских текстах, ни в народных верованиях вопрос о материальности или нематериальности

ангелов попросту не ставился, хотя при этом часто предполагалось, что ангелы обладают особым, «духовным» телом.

Природа ангелов описывалась обычно через уподобление наиболее тонким, легким и подвижным в мире материям — огню, ветру и, в особенности, свету. Так, например, в ряде библейских текстов ангелы «огневидны»; они являются в огне (ср., например: «И явился ему (Моисею) Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает»), повелевают огнем (ср. текст Апокалипсиса: «И иной Ангел, имеющий власть над огнем, вышел от жертвенника») и родственны огню молнии, «огненным» небесным светилам (ср.: «И видел я другого Ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головою его была радуга, и лице его как солнце, и ноги его как столпы огненные»; или: «И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце»), а возможно, и очистительному огню жертвоприношений (ср., например, легенды об ангелах, поднимающихся в столбе жертвенного дыма, как в эпизоде жертвоприношения будущих родителей Самсона: «И взял Маной козленка и хлебное приношение и вознес Господу на камне Когда пламень стал подниматься от жертвенника к небу, Ангел Господень поднялся в пламени жертвенника. Видя это, Маной и жена его пали лицом на землю. И невидим стал Ангел Господень Маной и жене его. Тогда Маной узнал, что это Ангел Господень»). При этом в поздней христианской мифологии древнее представление об огненной природе ангелов испытало значительное воздействие учения о всепроникающем и животворящем духовном огне — «огненной пневме».

О родстве ангелов со светом говорят многочисленные описания, сообщающие, что «ангелы света», как и сам Господь, имеют тела и одежды, как бы состоящие из чистого сияния, и обладают легкостью, быстротой и блистательностью света (ср., например: «Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием; Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер»). Сияющие на небе звезды народные поверья соотносили с ангелами, пребывающими на небесах. Само слово «свет» входило в состав традиционного еврейского имени одного из ангелов (архангелов) — Уриил (Уриэль).

О родстве же природы духов-ангелов с ветром говорит уже то, что в древнееврейском, арамейском и арабском языках слова «дух» и «ветер» обозначались одним и тем же словом (руах, руха, рух). В новозаветном Апокалипсисе ангелы обладают властью над ветрами: «И после сего видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево». В одном из ветхозаветных псалмов поэт обращается к Творцу, шествующему «на крыльях ветра» (или «на крыльях духов») со словами: «Ты творишь ангелами Твоими духов (ветра), служителями Твоими — огонь пылающий». В Книге пророка

Даниила ангел влажным ветром охраняет от огня трех «мужей Иудейских», отказавшихся поклоняться золотому истукану и брошенных за это в пылающую печь царем Навуходоносором: «Но Ангел Господень сошел в печь вместе с Азариею и бывшими с ним и выбросил пламень огня из печи, и сделал, что в середине печи был как бы шумящий влажный ветер, и огонь нисколько не прикоснулся к ним, и не повредил им, и не смутил их». Вообще, ангелы, как представители небесной стихии, воплощение эфира, традиционно связывались с ветром, движением воздуха. На Руси в некоторых местах, когда среди затишья внезапно возникал легкий теплый ветерок, говорили: «Тихий ангел пролетел» (то же самое говорилось обычно и в том случае, если в шумной компании все вдруг замолчали).

В принципе, ангелы могли уподобляться не только ветру, но и вообще воздушным явлениям — облакам, туману и т.п.; так, например, в книге Исход говорится, что когда фараон преследовал евреев, бежавших из Египта, «двинулся Ангел Божий, шедший пред станом [сынов] Израилевых, и пошел позади их; двинулся и столп облачный от лица их и стал позади их; и вошел в средину между станом Египетским и между станом [сынов] Израилевых, и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не сблизились одни с другими во всю ночь».

По христианской традиции, ангелы являются управителями, распорядителями, покровителями и хранителями светил, водных источников, растений и животных, облаков и дождей, небесных сфер и т.д., а также отдельных людей и целых человеческих общин, городов, стран, народов и т.д. (фактически, ангелы и святые при этом как бы заменили собой многочисленных языческих божеств и духов, заведовавших всеми сферами бытия, приняв на себя их функции). Помимо этого, ангелы наставляют людей на путь Божий, возвещают людям волю Бога и охраняют верующих от злых сил; при этом считалось, что к каждому человеку Богом бывает приставлен свой особый ангел-хранитель, который ведает образованием его тела в чреве матери, а затем сопровождает его «на всех путях жизни».

Представление о том, что к каждому человеку на земле бывает приставлен свой ангел, было известно практически повсеместно. Так, например, среди русских крестьян бытовало поверье, что ангел-хранитель от самого рождения следит за всеми делами человека и старается, по мере сил, наставить его «на путь истинный» и охранять от «греха наносного» и ухищрений нечистой силы; при этом, когда человек совершает хорошие поступки, он радуется, а когда плохие — плачет. Ангел-хранитель наблюдает за человеком с неба, из оконца Божьего терема, которое людям видится как звезда, и каждое дело земное вверенного ему человека записывает в книгу небесную; когда же человек умирает, небесное оконце захлопывается и люди могут увидеть, как надает звезда «с выси небесной на грудь земную» — это ангел летит за душой усопшего

(отсюда поверье — если увидишь падающую звезду и, пока она не погасла, успеешь загадать желание, оно непременно исполнится, так как ангел на этом своем пути никому и ни в чем не отказывает и исполнит желание, или, по другому поверью, донесет просьбу до Господа).

В связи с представлениями об ангелах-хранителях, у русских и вообще у славян существовали различные поверья и запреты. Так, например, в некоторых местах считалось, что после смерти человека его ангел-хранитель пребывает в доме усопшего еще сорок дней, и поэтому в течение этого срока крестьяне во многих местах не садились под божницу (там и пребывает ангел), а в сороковой день одна или две бабы традиционно провожали ангела (по другим поверьям — душу умершего) с хлебом, солью и пивом. Кое-где существовало поверье о том, что нельзя спать на правом боку, иначе можно заспать своего ангела-хранителя. Повсеместно запрещалось плевать через правое плечо, так как там незримо присутствует ангел-хранитель; слева же таится черт, «стережет малую промашку, — так на него и плюй!» На ночь избу следовало подметать, «чтоб ангелам чисто прохаживаться». Увидеть ангела во сне считалось знаком величайшего счастья и радости. К ангелу-хранителю крестьяне обращались даже с особой молитвой: «Ангел мой, сохранитель мой! Сохрани мою душу, укрепи мое сердце на всяк день, на всяк час, на всяку минуту. Поутру встаю, росой умываюсь, пеленой утираюсь Спасова Пречистого образа. Враг-сатана, отшатнись от меня на сто верст — на тысячу, на мне есть крест Господень!»

Согласно христианским верованиям, на небе, возле Бога, находятся «тысячи тысяч» ангелов, и все они имеют свое предназначение, среди них есть высшие и низшие. Так, например, ангелы-хранители, ведающие судьбами отдельных людей, относились к низшим ангелам; высшие же, такие, как архангел Михаил, ведали целыми народами (то же самое наблюдалось и в иерархии языческих божеств: так, например, древним грекам, римлянам, славянам и пр. были известны как низшие духи-помощники, олицетворявшие и оберегавшие источники, рощи и т.д., так и высшие божества, олицетворявшие собой целые стихии и покровительствовавшие различным ремеслам, определенным сословиям, племенам и пр.).

Византийский богослов Дионисий Ареопагит (5-6 вв.) в своем трактате «О небесной иерархии» описывал три ангельские иерархии — высшую, среднюю и низшую, причем каждая из них, в свою очередь, делилась на три чина. К высшей иерархии относились серафимы (ближе всех стоящие к Пресвятой Троице), херувимы и престолы, к средней — господства, силы и власти, а к низшей — начальства (которые «начальствуют над низшими ангелами, направляя их к исполнению Божественных повелений», а также управляют вселенной, охраняют страны, народы и племена, наставляют людей «воздавать каждому честь, подобающую его званию» и «учат начальствующих исполнять

должностные обязанности не ради личной славы и выгод, а ради чести Божией и пользы ближних), архангелы (которые «благовествуют о великом и преславном,

открывают тайны веры, пророчества и разумение волн Божией, укрепляют в людях святую веру») и ангелы (которые наиболее близки к людям и занимаются тем, что «возвещают намерения Божии,ставляют людем к добродетельной и святой жизни..., хранят верующих, удерживают от падений, восставляют падших», а также помогают всем верующим, взывающим к их помощи). Все чины небесных сил носили общее название ангелов — по сути своего служения; но при этом считалось, что «Господь открывает Свою волю высшим ангелам, а они, в свою очередь, просвещают остальных».

Церковная христианская традиция ставила над всеми ангелами единого Бога, как творца всего сущего, в том числе и ангелов. Однако при этом ангелы, заступившие место языческих божеств, в народном сознании порой практически сравнивались с Господом: если Бог воспринимался как всемогущая, но довольно абстрактная сила (в мифах Бог редко действует сам, обычно посылая выполнить то или иное поручение своих ангелов), то ангелы, исполнители его воли, почитались именно как сила реальная, фактически, как олицетворенная сила Господня. По этой причине и многие молитвы, заговоры и пр. призывали на помощь не самого Бога, а его «силу» — ангелов и святых, заменивших собой древних языческих богов и духов и принявших на себя их функции.

АНДРЕЙ — один из 12-ти апостолов, день памяти которого отмечался 30.XI 13. XII. Андрей первым из апостолов последовал за Христом, а затем привел к нему своего родного брата, св. апостола Петра, с которым вместе ранее занимался рыболовством; за то, что он был первым призван Христом в число апостолов, в православной традиции его обычно именовали Андреем Первозванным. На Руси Андрей Первозванный был одним из самых почитаемых святых; он издавна считался патроном православия и покровителем русской церкви: так, про него говорили, что его имя «связывает мать — церковь Константинопольскую с ее дочерью — Русской Церковью».

Согласно легенде, Андрей немало странствовал по свету, «претерпевая гонения от язычников», и повсюду (в том числе и у балканских народов и скифов) проповедовал христианство. Отправившись в восточные страны, он по Днепру поднялся до того места, где позднее был построен город Киев, и сказал своим ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет великий город, и Бог воздвигнет много церквей». Водрузив на горах крест, он поднялся еще выше по Днепру и дошел до поселений славян, где был основан Новгород. Вернувшись затем во Фракию, он в небольшом селении Византии, будущем Константинополе, основал христианскую церковь. Затем он снова пустился в странствия и, в конце концов,

достиг города Патры, где «обратил в истинную веру многих язычников», за что и был по распоряжению римского магистрата распят на Х-образном кресте (отсюда — андреевский крест). По легенде, Андрей принял свой приговор с радостью и сам взошел на место казни; два дня он с креста проповедовал Христово учение горожанам, которые, в конце концов, потребовали снять его с креста. Испугавшись народного бунта, правитель города приказал прекратить казнь, но Андрей стал молиться, чтобы Господь удостоил его крестной смерти, и тогда «сияние Божественного света осветило крест, а когда оно исчезло, святой апостол уже предал свою святую душу Господу».

На Руси Андреев день считался праздником, с которого начинается зимний цикл календаря; в католической традиции это был первый день предрождественского поста. Как и другие подобные праздники «перелома года», этот день связывался с особой активностью потусторонних сил. Так, например, согласно карнатским верованиям, ночь перед днем св. Андрея — время разгула нечистой силы, когда особенно опасны бывают ведьмы, отбирающие молоко у коров; для защиты от них гуцулы в эту ночь жгли на возвышенных местах «андреевские костры». Вероятно, с той же целью уберечься от нечистой силы, словацкая молодежь в ночь накануне Андреева дня устраивала обрядовые бесчинства: выкрадывала из чужих дворов хозяйственную утварь, затыкала соломой трубы и т.д.; при этом в некоторых местах вместе с подобными бесчинствами совершали еще и такой обряд: молодые люди приближались к домам, где жили парни по имени Андрей, и разбивали о двери старые глиняные горшки.

С Андреевым днем в народе связывалось немало различных обрядов, поверий, обычаев и пр. Так, например, в селах украинского Полесья к Андрееву дню была приурочена особая игра, называемая «Калита» или «Калиту кусать»; заключалась она в том, что специально для этой цели испеченный корж подвешивали на шнурке к потолку, а играющие по очереди «подвезжали» к нему верхом на кочерге и пытались откусить от висящего коржа кусок без помощи рук. Если играющий при этом, вопреки запрету, смеялся, то ведущий мазал его по лицу сажей или глиной.

Во многих местах ко дню святого Андрея традиционно приурочивались обрядовые обходы, в общем, схожие с рождественскими и новогодними. Так, например, в украинских селах восточной Словакии мальчики на заре Андреева дня обходили все дома в селе с пожеланиями, чтобы у хозяев хорошо неслись куры, причем иногда один из таких поздравителей рядился «Андреем» и появлялся в большой шляпе, с мешком за плечами и с палкой в руке. Словацкие девушки также совершали подобные обходы: ранним утром в Андреев день они собирались группами и с поздравительными песнями обходили все те дома, в которых жили мужчины по имени Андрей. При этом девушки нередко носили с собой соломенное чучело,

именуемое «Андрешко»; посещая дома, они делали вид, что подбирают для него «невесту», а затем разыгрывали с чучелом шуточную свадьбу.

Возможно, этот обычай устраивать «свадьбу Андрея» был связан с тем, что святой ап. Андрей у западных и восточных славян почитался как олицетворение мужского начала и покровитель брака. По этой причине во многих местах девушки, желающие скорейшего и удачного замужества, соблюдали пост накануне дня Андрея Первозванного и молились этому святому о даровании им хороших женихов. Андреев день издавна считался удачным временем для девичьих гаданий о замужестве, в целом сходных со святочными гаданиями: в ожидании вешего сна девушки ставили под кровать миску с водой, подкладывали под подушку щепотку кутьи (или зеркало, пояс, мужскую шапку, щепку со двора своего избранника и т.п.); выбегали во двор, обхватывали колья забора или приносили в дом охапку дров и считали их (парный счет предвещал замужество); трясли забор или дерево и по доносившимся звукам старались угадать будущее: срезали ветки фруктовых деревьев и ставили их в воду (распустившаяся к Рождеству ветка сулила скорое вступление в брак) и т.д. У белорусов и украинцев девушки «сеяли» семена льна или конопли в доме (под столом или у порога, вокруг кровати и т.д.), либо выскакивали в одной сорочке во двор и сыпали зерна вокруг хаты, под окнами или у колодца, при этом приговаривая: «Андрею, Андрею, я на тебя конопли сею, дай мне знати, с кем буду собирать!» (варианты: «свадьбу играти»,

«под венцом стояти»); разбросанные семена потом «боронили» фартуком или юбкой, мужскими штанами, а затем уходили спать, ожидая вешего сна. На Полесье девушки, желая увидеть во сне своего «суженого-ряженого», сеяли лен в горшке, наполненном землею, а затем, прочитав над горшком «Отче наш» девять раз стоя, девять раз на коленях и девять раз сидя, говорили: «Святой Андрею, я на тебе лен сею, дай же мини знати, за ким я буду той лен рвати» и т.д. Основанием для возникновения подобных обычаев и поверий, связывавших святого Андрея и день его памяти с мотивами брака, послужило, вероятно, само имя апостола — Андрей, которое по толкованию с греческого означает «муж».

АНТИПКА. антип, антипка беспятый — одно из названий черта, нечистого духа, возникшее, судя по всему, в результате искажения имени антихриста. Антихристами (анчихристами) или антипками в народе называли как самого «князя тьмы», противника Бога, так и его подручных; при этом на Псковщине говорили, что «антихрист» — не просто антихрист, но «половина беса». Прибавка же «беспятый» характеризовала одну из существенных деталей в облике черта: крестьяне повсеместно верили, что черт, хотя и прикидывается иногда человеком, всегда «неполон» и обладает какими-то нечеловеческими признаками, например, лапами животного или птицы.

Очевидно, название «антипки» нечистым духам было дано вследствие табуирования слова «черт», «антихрист». Повсеместно считалось, что упоминать черта, нечистого духа вслух — грешное и опасное дело, так как всякий «нечистик» немедленно откликается на свое имя и непременно явится и спрячется всячески вредить. Запрет произносить имя нечистой силы известен с очень давних времен: он был вызван убеждением, что произнесение имени как бы материализует своего носителя, и тот получает определенную власть над человеком, неосторожно его упомянувшим.

Антипками в народе называли всякую нечистую силу: не только чертей и бесов, но иногда и некоторых водяных, лесных, банных и т.д. духов. Однако при этом прибавка «беспятый» в имени нечистого духа указывает на него именно как на черта, который, по народному убеждению, имеет некоторые характерные отличительные черты, например, лапы животного или птичьи ноги.

АНТИХРИСТ — (греч. «противохристос») в христианской мифологии противник Иисуса Христа и Господа Бога, «сын погибели», который, согласно Апокалипсису (Откровению святого Иоанна Богослова), должен появиться на земле в конце времен, незадолго до второго пришествия Христа, для борьбы с христианской церковью. Он возглавит темные силы, выступающие против Христа, но в конце концов будет побежден: его погубит очная встреча с явившимся Христом («И тогда откроется беззакониях, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего»).

В Апокалипсисе, где фигура антихриста описывается особенно ярко, он наиболее отчетливо сохранил черты древней мифологии, черты зверя, выходящего из бездны: «Стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него — как у медведя, а насть у него — как насть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира... И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. Он действует перед

ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела; и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудеса, которые дано было ему творить перед зверем, он оболещает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» («Число зверя», упоминающееся в Апокалипсисе, обычно понимается так, что ему должна равняться сумма числовых значений еврейских или греческих букв имени антихриста).

Антихрист, согласно новозаветным текстам — это «человек греха», посланник сатаны, действующий по его наущению и воплощающий в себе абсолютное отрицание христианской веры: «Кто же он такой? Не сатана ли? Нет, но некий человек, принявший всю его силу». Вообще, в Новом завете под антихристом мог пониматься не только конкретный персонаж, человек, который перед концом света должен возглавить все противостоящие Христу темные силы, но и вообще безбожник, не признающий святую Троицу, отрицатель «телесной реальности воплощения логоса»: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире»; «Ибо многие оболещители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть оболещитель и антихрист»; «И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время. Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши. Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это антихрист, отвергающий Отца и Сына».

Согласно текстам Нового завета, антихрист — лжец и самозванец, стремящийся занять место Христа, быть за него принятым; он лицемер, ложный чудотворец, имитирующий добродетель и чудеса Христа. Если дьявол, по средневековому выражению, — «обезьяна Бога», то антихрист — «обезьяна Христа», его лжедвойник (так, например, на фресках Л. Синьорелли в

соборе итальянского города Орвието (кон. 15в. — нач. 16в.) облик антихриста был максимально приближен к облику Христа, но в то же время был наделен горделивым, унылым и неуверенным выражением). В Евангелии говорится, что антихрист «придет во имя свое» (а не во имя Бога): «Не принимаю славы от человеков, но знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу. Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете». Если Христос в своей «земной жизни» добровольно отказался от божественного сана, принадлежащего ему по праву, то антихрист, самоутверждаясь, немедленно присвоит себе этот сан, ему не принадлежащий: «Да не оболещит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога».

Антихрист — кровавый гонитель всех «свидетелей» истины, утверждающий свою ложь насилием, говорящий и действующий так, чтобы «убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя»; в числе его жертв упоминаются два «свидетеля» и могущественных чудотворца, которых традиция отождествляла с ветхозаветными праведниками Енохом и Илиёй («И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище. И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят»).

Общий срок творимых антихристом гонений — 42 месяца, т.е. три с половиной года, что в зеркальном отражении отвечает продолжительности проповеди Христа. Все это время на земле будет царство антихриста — царство морального зла, в котором «люди будут себялюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, непослушны родителям, неблагодарны, нечестивы, немилостивы, неверны слову, клеветники, невоздержны, безжалостны, чужды любви к добру, предатели, наглы, напыщенны, любящие наслаждение больше Бога». Царство антихриста «в некоторой мере равнозначно возвращению к Хаосу»: оно будет отмечено полным отрицанием общественных, моральных и религиозных ценностей и окончится сражением Бога и Дракона, зверя (ср. мифы многих народов: светлые боги в начале времен побеждают тварей, воплощающих зло, тьму и холод, и после этого творят мир и людей; но сражение между силами света и тьмы должно произойти еще раз, и после него мир вновь исчезнет, поглощенный первозданным хаосом).

Средневековые толкователи (Блаженный Августин, Феодорит Кирский, Григорий Великий и др.), комбинируя новозаветные тексты с различными ветхозаветными пророчествами, «выстраивали развернутый

Антихрист

сюжет жизни антихриста». Обычно предполагалось, что антихрист будет иудеем из колена Данова; а наряду с этим существовало также очень древнее (но сохранившееся вплоть до 18 в.) представление об антихристе как об ожившем и чудесно возвратившемся императоре Нероне, известном своими гонениями на христиан (по одной из распространенных версий, именно его имя было зашифровано под «числом зверя» — 666). Местом рождения антихриста считали Вавилонию, так как, во-первых, по преданию, именно туда ушло Даново колено, а во-вторых, Вавилон был популярным библейским символом мятежа против Бога. По некоторым версиям, антихрист должен родиться либо от блудницы, принимаемой за девственницу (пародия на девственное, «непорочное» зачатие Христа), либо от монахини, нарушившей свой обет (как будущее воплощение отступничества), либо от кровосмесительной связи. Антихрист будет стремиться к власти, и, распространив славу своих мнимых добродетелей и чудес, победив на войне трех царей — египетского, ливийского и эфиопского (ср. ветхозаветное изречение из «Книги пророка Даниила»: «И прострет руку свою на разные страны; не спасется и земля Египетская. И завладеет он сокровищами золота и серебра и разными драгоценностями Египта; Ливийцы и Ефиопяне последуют за ним»), он захватит мировое господство и сделает себя предметом поклонения либо в оскверняемых христианских церквях, либо в восстановленном специально для этой цели Иерусалимском храме. Мощником антихриста будет лжепророк. Когда антихрист придет к власти, почти все люди отступятся от веры и предадутся греху; и только горстка оставшихся верными укроется на Масличной горе (место Гефсиманского сада — последнего приюта Христа). Когда же придет срок, воинство антихриста надет, и будет оно гибнуть от третьего часа (около девяти часов утра) до вечера, и долина между Масличной горой и Иерусалимом наполнится кровью. По некоторым версиям, антихрист, спасаясь от приближающегося Христа, поднимется на высокую гору и затем бросится вниз.

Представления об антихристе, связанные с ожиданием приближающегося «судного дня» и сложившиеся под влиянием, с одной стороны, библейского учения, сочинений отцов церкви и апокрифов, а с другой стороны, традиционных мифологических представлений о неизбежном конце «родившегося» некогда мира, существовали у всех народов, принявших христианство, в том числе и у славян. При этом у славянских народов, в частности, у русских, на народные представления об антихристе наибольшее влияние оказали пользовавшиеся большой популярностью сочинения и сказания религиозного содержания, например, Слово святого Ефрема Сирина «На пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово», апокриф «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской» и др. Эти сказания, изображавшие будущую судьбу мира «с особенной подробностью и картинностью», наделяли антихриста поистине

фантастическим и страшным обликом: «Видение лица его мрачно, власи глави его остры, яко стрелы, вид ему яко и дивьяку, око ему десное аки и звезда заутра восходящая а другая аки льву, уста ему локти, зубы ему пяди, персти ему аки и серпи стопа ногу его пядию двою, и на лици его пишется Антихрест». Возможно, что на подобные чудовищные описания антихриста повлиял и Апокалипсис (где антихрист символически изображался в образе семиглавого и десятироногого зверя), и вообще представления об антихристе как о существе нечистом, демоническом, воплощении абсолютного зла (ср., например, традиционно ужасный, демонический, полужвериный облик сатаны). Неудивительно, что и в представлениях народа антихрист, воплощение сатаны, не только именовался «зверем», «змием», но также и принимал самые разные ужасные обличья, например, огромного змея или чудовища.

Рождение антихриста у славян обычно приписывалось монашке, нарушившей свой обет или оскверненной. Так, например, по одному из народных преданий, рожден антихрист будет черницей, которая, сидя в келье, услышит птицу, «поющую таковые песни, иже ни ум человек возможет разумети»; пожелав увидеть эту птицу, она откроет оконце, «птица же взлетевши и зашибет ее в лице... и в том часу зачнется у нея сын нагубе, окаянный антихрист». Этот антихрист будет наделен большими дарованиями, но употребит их лишь во зло людям, хотя вначале и будет, по мнению всех окружающих, «кроток и смирен, богобоязник, пицелюбив», будет почитать старших, помогать обездоленным, исцелять страждущих и т.д. Со временем он возвысится и поступит на службу к греческому царю Михаилу, где его все полюбят, и в конце концов, изберут царем. Однако вскоре после этого нрав антихриста и образ его действий резко изменятся, и он, движимый одним лишь желанием утвердить свою власть, попытается прельстить народ чудесами: «Антихрист будет обольщать мир своими знамениями и чудесами по пущению Божию, потому что исполнилось нечестие этого мира; настало время искусить людей духом лъсти. И велик нужен подвиг для верных, чтобы устоять против тех чудес и знамений, какие он совершит». Творя чудеса своей силой, он сдвинет горы с места, и созовет со всей земли «единым словом» всех гадов, и птиц, и зверей, «и по морской бездне учнет ногами своими ходити, аки по суху», после чего войдет в город Иерусалим и «сядет в церкви Божии равно Богу».

Возвысившись, антихрист потребует, чтобы всякий пришел и поклонился ему, и всякому поклонившемуся станет накладывать «антихристову печать» (особый знак на правой руке и на лбу, которым будут отмечены поклонники антихриста) и выдавать за это «мало снеди»; все сокровища и власть при этом сосредоточатся в руках антихриста, а на земле наступят невиданные засуха и голод, «реки потекут кровью». Отказ поклониться антихристу станет равносителен смерти от голода и жажды. Для обличения антихриста Господь пошлет

Иоанна Богослова, Еноха и Илию, но антихрист их убьет, «и поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца». Однако антихрист не оправдает надежд голодных, они «разочаруются и восплачутся». Три с половиной года будет длиться царствование антихриста, а закончатся его правление вторым пришествием Христа и Страшным судом — «тогда явится знамение Сына Человеча с небеси силою и славою многою». После же наступления Страшного суда «сатана и дьявол, иже есть лживый пророк антихрист, будет свержен в озеро огненное (по-видимому, имеется в виду преисподняя, которую часто представляли в виде огненного озера) и вси с ним творящие волю его».

Прихода антихриста и наступления Страшного Суда у славян ожидали с древнейших времен, едва ли не с тех самых пор, как христианство пришло в их земли. Мысль о близком конце света будоражила умы не только простых крестьян, но и видных государственных деятелей, правителей и отцов церкви. По русскому преданию, греческий проповедник «показал Владимиру картину Страшного Суда, причем объяснил ему, что если кто в их веру вступит, то, умерши, воскреснет, и не умрет после веки, если же в другой закон вступит, то на том свете в огне гореть будет, и этим произвел сильное впечатление на Владимира». Позднее на Руси постоянное ожидание конца света и пришествия антихриста неизменно усиливалось в переломные моменты истории. Так, например, в послании митрополита Киприана (XIV в.) говорится: «Ныне последнее время и летам скончание приходит и конец веку. Бес же весьма рыкает, хотя всех поглотить, но небрежению и лености нашей. Ибо оскудела добродетель, перестала любовь, удалилась простота духовная, и зависть, лукавство и ненависть водворились». Сходная же мысль — о близости кончины мира но истечении семи тысяч лет от его сотворения — имела и в житии Сергия Радонежского.

В XV в. вопрос о близости конца мира «но наступлении 7-го тысячелетия» еще больше стал занимать людские умы, и знаменами конца света начали считать практически любые значительные и недобрые события: голод, засуху, солнечные затмения и прочие небесные «предвиденья», чуму, эпидемии, пожары и пр. Следующий «всплеск» ожидания антихриста и конца света пришелся на XVII в., а предполагаемая дата воцарения антихриста — на 1666 г., т.е. на «время исправлений в русской церкви и государстве, не принятых значительной частью населения и породивших раскол». Бедствия, смуты и перемены воспринимались народом как признаки упадка веры и предвестники «светопреставления». При этом некоторые (и в первую очередь раскольники, староверы) полагали даже, что «скорбь велия» (т.е. царство антихриста) наступило еще во времена патриарха Никона и длится с тех пор; Никона же воспринимали как воплощение антихриста, ср., например: «Во время самых исправлений патриарха Никона суеверы распространяли разные толки и

лжемистические вычисления по Апокалипсису, делали, например, такие вычисления: “5733 Христос нашего ради спасения во ад сошед и связал Сатану на тысящу лет и как минуло 1733, тогда пущен бысть, и тому 873, с нынешним 167, а егда исполнится от развезания 666 (не гли) тогда явится власть сына погибели, иже Апокалипсис указывает”».

Производились в XVII-XVIII вв. и другие вычисления, также ориентировавшиеся на число имени антихриста — 666 (в связи с этим особенно роковым и страшным считался 1666 год). Кроме того, староверы утверждали, что антихрист первоначально воплотился «в образе Троицы», в связи с чем упоминались имена царя Алексея Михайловича, Никона-патриарха и Арсения Грека. После этого с антихристом постоянно связывали верховные власти: так, например, в XVIII в. воплощением антихриста считали Петра I, так как «на римском языке император пишется иператор и заключает в себе число зверино», а кроме того, в Писании сказано, что антихрист будет восьмой царь, и т.п. Протестуя против петровских реформ, староверы заявляли, что «чувственные бесы, посланные антихристы учинили народную перепись, назвали православных раскольниками и обложили их двойным денежным окладом». «На основании убеждения, что православные городские и сельские общины, расписанные Петром на губернии, провинции и уезды, повинующиеся антихристу и приставам его, — губернаторам и прочим властям, — суть области царства антихристово, раскол стал развиваться, на новых местах, свои народные общины, не разделяя их на города и села. По общинному значению раскол называл их согласиями, сообразно с сельскими мирскими согласиями, как назывались крестьянские мирские сходы... Все они уже при Петре I, несмотря на страшные препятствия и полную гражданскую несправность, стали стремиться к выходу из антихристовых областей».

Вообще, в разные времена «библейский образ антихриста соотносился с обликами исторических лиц, деятельность которых влекла к столько бедствия народной жизни, сколько резкие и непонятные, угрожающие «вере отцов» и устоявшемуся, традиционному укладу жизни перемены». Фактически, начиная с XVII в., государство воспринималось значительной частью населения как «царство антихристово» (так, например, согласно сообщению из Архангельской губ. второй пол. XIX в., «православные христиане древнего благочестия полагают, что в православной церкви царствует теперь антихрист чувственно; второе пришествие Христово будет через год, а много через два; православные храмы построены на седмиглавом змее и суть обители антихристово, потому лучше ходить в кабаки, или еще хуже куда, чем в них. Священники слуги антихристовы, потому их слушать не следует, что бы они ни говорили. Солдаты и все военные чины — воинство антихристово»). При этом некоторые полагали, что антихрист проник не только в «гражданское общество», но и в стихии — землю, воду и огонь: так, например,

Антропогонические мифы

один из раскольников-самокрещенцев по имени Павел специально крестился в лесу, набрав дождевой воды, так как считал, что «нет рек, источников и кладезей, которые бы прикосновением антихристовых слуг не были осквернены; моря и озера кораблями и судами антихриста наполнены; словом, нет воды, в которой бы можно было окреститься».

Представления об антихристе и о конце мира были широко распространены как у русских, так и у других славянских народов; но при этом основная масса крестьян (составлявших большую часть населения) имела обо всем этом весьма смутное представление. Антихрист представлялся им каким-то непонятным «лукавым человеком», который должен появиться перед самым концом мира, чтобы «смущать добрых христиан», ср., например: «А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку (т.е. антихриста) увидят... Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнется, так Тришка и придет... Тришка — это будет такой человек удивительный, который придет; а придет он, когда наступят последние времена. И будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет... Захотят его, например, взять крестьяне; выйдут на него с дубьем, оцепят его, но а он им глаза отведет — так отведет им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острог его посадят, например, — он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнет туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они с него так и попадают. Ну, и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ христианский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек».

Вообще, мифы об антихристе по приближающемся концу света, бытовавшие в крестьянской среде, отличались большим разнообразием. Так, например, вологодские крестьяне верили, что «конец ему (миру) будет в третьей тысяче. До Страшного Суда должен появиться на земле антихрист. Двенадцать девок последовательно родят двенадцать незаконных младенцев; последний из них и будет антихрист. Тогда вспыхнет война, иссякнут все воды и все клады выйдут на поверхность. Люди будут искать воды везде, но не найдут, а найдя клады пойдут от них прочь и скажут: «Гьфу! Проклятое золото!» Потом загорится земля и тогда все люди умрут и души пойдут в рай или в ад, а земля станет пуста». Колымчане полагали, что антихрист должен родиться от шестого поколения незаконнорожденных. Орловские крестьяне утверждали, что признаками близкой кончины мира будет то, что «земля не станет родить хлеба, травы и плодов, скот весь подохнет, люди будут питаться падалью и разными нечистотами. После трехлетнего мучения две трети или более народу перемерет, остальные будут завидовать мертвым, просить на себя смерть;

отступится от них; к большому мучению, птицы с железными клювами станут терзать людей. После всех этих мучений прозвучит труба архангела Михаила, солнце и луна надут на землю; и померкнут звезды. В то время встанут из гробов мертвые, выйдут из воды утопленники, явятся все съеденные зверями и соберутся со всех мест на Страшный Суд, на котором каждый услышит свой приговор и, смотря по делам своим, вселится в рай или в ад». В одном из уездов Вологодской губ. рассказывали еще, что когда антихрист воцарится, «он все заберет в свои руки: и землю и воздух, и хлеб, и воду в реках и озерах, вместо воды, потечет христианская кровь. В амбарах, вместо хлеба, в закромах будет лежать золото».

Знамениями наступающего конца света крестьяне считали обычно самые разные явления: засуху, неурожай, мор, а также кометы, солнечные затмения и пр. А в конце XIX в. — нач. XX в. признаками близящегося «царства антихриста» стали считать и многие предметы технического прогресса, например, самолеты, железные дороги, пароходы и даже самовары и т.п. (ср., например: «Суеверные крестьяне говорят, что будто о железной дороге, о телеграфе и самоварах в Библии написано так: “В последние дни китайская стрела (намек на китайский чай) прострелит весь народ, медные змеи (самовары) зашипят на столах, и антихристовы гады (железные дороги и телеграф) опутают всю землю” “Нонеци все это есть, знать, пришли последние времена, не хватает только Антихриста” »).

АНТРОПОГЕНИЧЕСКИЕ МИФЫ - мифы о происхождении (сотворении) человека. В славянской народно-христианской традиции антропогонические мифы развивались преимущественно под влиянием библейских преданий (а прежде всего — апокрифов) о первочеловеке Адаме (евр. 'adam — «человек»).

Например, народные предания о жизни перволюдей после грехопадения и зарождении человечества имели чисто христианскую основу: в большинстве своем они повествовали о споре Бога и сатаны и о попытках дьявола совратить людей и подчинить их себе. Об изгнании согрешившей нары из рая рассказывалось, например, в апокрифе «Об исповедании Евином»; согласно этому апокрифу, когда Адам поселился на земле и стал пахать и сеять, сатана пришел к нему и сказал, что небеса и рай принадлежат Богу, а земля — дьяволу, и потребовал «рукописание», которое отдало бы людем во власть сатаны; Адам дал ему расписку, и потом ему пришлось искупать этот грех постом и молитвой (по другому варианту, Адам обманул сатану, дав ему расписку в том, что будет принадлежать Владыке земли, имея в виду истинного Владыку — Бога).

Впрочем, очень немногие антропогонические мифы основывались исключительно на библейских преданиях. Большинство из них являло собой причудливое переплетение христианских легенд и древнейших языческих преданий о сотворении мира и перволюдей.

Антропогенические мифы

Создание человека традиционно считалось завершающим актом творения мира. Согласно апокрифическому сюжету, распространенному в болгарской и древнерусской книжной традиции, Адам, первый из людей, был создан Богом из восьми частей — элементов мироздания: тело было взято от земли, кости — от камней, кровь — от моря, глаза — от солнца, мысли — от облаков, «отсвета — свет», от ветра — дыхание и от огня — теплота (по другому варианту: «сердце от камня, тело от персти, кости от облак, жилы от мглы, кровь от черного моря, теплота от огня, очи от солнца, дух от Святого Духа»). Но помимо этого мифа, в народной традиции с созданием человека связывалось и множество других самых разнообразных легенд.

Так, например, в Несторовой летописи содержится дуалистический миф о сотворении человека, приписываемый языческим волхвам, но восходящий, судя по всему, к «еретическому» учению богомилов. Согласно этому мифу, Бог мылся в бане и, вспотев, утерся ветошью, которую потом бросил с небес на землю; после этого сатана пришел к Господу и стал спорить с ним о том, кому создать из ветоши человека, и в результате дьявол сотворил тело, а Бог вложил в него душу: «Бог мывься в мовници и вспотивься, отерься ветхом, и верже с небесе на землю; и распресе сотона с Богом, кому в нем створити человека? И створи дьявол человека, а Бог дупло в не вложи; темже аще у мреть человек — в землю итеть тело, а душа к Богу». Варианты этой легенды встречались у славянских народов и в начале XX века: так, например, в некоторых местах рассказывали, что «при начале веков Бог, пробудившись от сна, пошел по белому свету, и когда достиг земли, то от чрезмерной усталости выступил на нем пот; и вот упала на землю капля божественного пота, оживотворилась и образовала из себя первого человека»; по этой причине, заявляет легенда в конце, люди и осуждены работать и «снискать свое пропитание в поте лица».

Во многих областях Болгарии и Руси была распространена следующая легенда о создании человека. Когда Господь сотворил тело Адама, он оставил его лежать на земле, а сам ушел, чтобы взять первочеловеку «очи от солнца»; сатана же в это время вымазал Адама нечистотами. Вернувшись, Господь сиял с тела первочеловека грязь и, смешав ее со слезами Адама, сотворил собаку, чтобы та охраняла человека, а затем отправился за «дыханием» для Адама. Пока его не было, сатана вновь явился к человеку, но собака не подпускала его близко, поэтому он взял палку и истыкал тело Адама, впустив в него «семьдесят недугов». Бог вновь изгнал сатану и очистил Адама, а затем послал ангела за именем для первочеловека; ангел, посетив все четыре стороны света (восток, запад, север и юг), принес буквы «аз», «добро» и «мыслете», и из этих букв Бог создал имя «Адам». После этого Бог наделил человека душой, поставил его «царем над всеми тварями» и сотворил первую женщину Еву из левого ребра Адама.

Согласно многим украинским легендам, первоначально Бог вылепил человека из теста, но его съела собака; тогда Бог создал Адама из глины, а собака вырвала у него ребро, из которого Господь потом сотворил Еву. Сатана пытался испортить человека, оплевав его; но Бог вывернул Адама наизнанку, оплеванной поверхностью внутрь, отчего у людей появились болезни. По одной из легенд, сатана, желая уподобиться Господу, пытался сам сотворить человека, но у него получился волк.

Подобные легенды могли иметь вариации или представлять в несколько упрощенном виде, например: Господь, сотворив мир, создал затем человека из глины (дерева, камня) и вдохнул в него жизнь; сатана пытался помешать ему, но не смог (или пытался сам сотворить человека, состязаясь с Богом, но не сумел оживить его). Большинство таких мифов было основано на древнейших языческих мировоззрениях о сотворении первых людей из дерева, из камня или из глины. Подобные предания были известны не только славянам, но и многим другим народам. Так, например, персидская мифология утверждала, что прародители человечества, первые муж и жена, произошли из дерева. В Эдде содержится рассказ о том, что светлые боги (Один, Вили и Ве или, по другому варианту, Один, Гёнир и Лодр) пришли на берег моря и нашли там два дерева, из которых и создали первых людей — мужа и жену, назвав их Аск (т.е. ясень) и Эмбла (возможно, «заботливая хозяйка»); Один дал им жизнь, Вили — ум и чувство, а Ве — слово, слух, зрение и внешний облик. Подобные же верования были не чужды грекам и римлянам: так, например, имя нимфы-

океаниды, матери первого человека в Аргосе, означало «ясень»; Пенелопа в мифе спрашивает неузнанного сю Одиссея: «Происходишь ли ты от славного дуба или от камней?»; «Энеида» также упоминает о людях, происшедших от твердого дуба и древесных пней. Создание людского рода из камней засвидетельствовано греческим мифом о Девкалионе, которому, после потона, Гермес дал повеление бросать через себя кости матери-земли (камни), и все камни, брошенные Девкалионом, обратились в мужей, а камни, брошенные его женой, — в женщин. Схожий миф был известен и литовцам, которые признавали своими предками исполинов и рассказывали, что когда схлынул великий потоп, на литовской земле осталось только два человека, — старые муж и жена; боги велели им скакать через кости земли, и «сколько раз перескочил старик — столько восстало дородных юношей, а сколько раз перескочила старушка — столько взрослых и прекрасных девиц» (всего каждый из стариков смог перескочить девять раз, создав, таким образом, девять новых нар, от которых и народилось девять поколений литовского народа). О создании человека из глины говорит греческий миф о Прометее, «творце людского рода»: по этому мифу, Прометей низвел на землю небесный огонь и вдохнул его в человеческий образ, сформированный из глины.

Антропогонические мифы

Созданные из деревьев или скал люди представлялись как славянам, так и прочим народам довольно необычными существами. Судя по мифам, это еще не были люди в полном смысле слова; они были более близки к богам и духам, нежели к своим далеким предкам. Например, некоторые древнерусские легенды гласят, что из Адама, сотворенного из космических первоэлементов, потом образовались все сословия: так, в духовном стихе о «Голубиной книге» говорится, что от Адамовой головы пошли цари, от «мощей» — князья и бояре, от «колена» — крестьяне и т.д. В другом варианте того же стиха упоминалось, что из головы Адама выросло мировое дерево («кипарисовое древо»), и что крест, на котором был распят Христос, был поставлен «на святой главе Адамовой».

Предания о том, что Адам и вообще все перволюди были людьми огромного роста и неумеренной силы, были известны повсеместно. Так, например, в некоторых апокрифах Адам изображался таким великаном, что его голова напоминала гору (в болгарской и древнерусской «Легенде о крестном древе» Соломон попадает в «кастаную пещеру», способную вместить «300 мужей», которая оказывается черепом Адама). На Украине существовало также предание о «прародителях», перволюдях, которые были так сильны, что, наступая на камни, оставляли на них свои следы (отчего возникли т.п. камни-следовики); после грехопадения, однако, перволюди потеряли свою силу, и уже камни стали вдавливаться в их ступни (отсюда у людей впадины на ступнях). Эти предания тесно сливались с известными у всех восточных славян легендами о волотах — перволюдях, имевших гигантский рост и ужасающую силу; считалось, что волоты некогда населяли всю землю, но потом своей похвальбой и буйством прогневали богов и исчезли с лица земли (по другим вариантам — ушли под землю или перебили друг друга; ср. греческое предание о том, что землю до людей населяли жестокосердные исполины, которые истребили друг друга в битвах).

Возможно, легенды о величине и необычной силе первых людей возникли на основе древних представлений о сотворении и обустройстве мира. Все мифы о сотворении мира у славян так или иначе были связаны с водой и огнем, считавшимися животворящими силами (ср., например, миф о том, что земля появилась из воды, а жизнь на пей зародилась тогда, когда ее согрел огонь; или предание о том, что вселенную создали царь-огонь и царица-вода). Все эти мифы как бы поэтически описывали наступление весны, когда солнечные лучи топят льды и снега, превращая их в шумные и многоводные потоки, дожди проливаются на землю и жизнь как бы возрождается после зимнего оцепенения (ср. представление о том, что бог-громовержец прогоняет зиму молниями и небо оплодотворяет землю дождем, после чего земля «родит»).

Неудивительно, что и сотворение первого человека мифы ставили в теснейшую связь с преданиями о происхождении огня и легендами о животворности небесных

вод. Даже само сотворение мира народное предание относило к первому весеннему месяцу — марту. Богом-творцом в представлении древних людей повсеместно считался небесный бог-громовержец, повелитель молний и туч, оплодотворитель земли, податель урожая. Молния, «громовая палица» этого божества, бьющая с небес и напоминающая детородный орган, а также падающие с неба капли животворного дождя, пробуждающие животворящие силы земли, сближали в народном сознании грозу с актом соития и зарождения младенца (ср., например, древнее поверье о том, что каждый раз при рождении ребенка бог-громовник низводит с неба молнию и возжигает в нем пламя жизни).

Отсюда, по-видимому, и возникали распространенные у всех славян (ну многих других народов тоже) легенды о происхождении человека из дерева или из камня: люди верили, что, как на земле огонь добывается через удар камнем о камень или через трепне одного полена, вставленного в отверстие другого, так и на небе бог-громовник высекает своими ударами искры из облачной скалы или сверлит гигантское дерево-тучу своей острой палицей, отчего она «чреватееет» и «рождает» молнию. Согласно с этими мировоззрениями, старинные мифы отождествляли первых людей со стихийными, грозowymi духами — великанами. Усматривая в грозе брачный союз неба с землею, плодом которого является возрождение земной жизни (кстати, слово «плод» в древнейших текстах славянского периода священного писания служило для обозначения исполина, гиганта), и перенося мифические сказания о скалах-тучах на обыкновенные горы («кости земли»), древние народы пришли к заключению, что первоизданный человек, великан и прародитель всех людей, был порожден Землей, общей матерью и кормилицей всех смертных (так, например, согласно мифам, племена скифские вели свой род от божественной четы — громоносного Неба (Divus) и матери-Земли (Aria).

Подобные мифы, наравне с библейскими преданиями и апокрифами, и послужили основой для многочисленных антропогонических мифов, появившихся у славян в христианские времена и сохранившихся вплоть до XX века. Так, например, миф о происхождении человека из капли божественно пота, несомненно, имел языческое происхождение (ср., например, языческую веру в то, что «Род (бог-творец), сидя на въздусе, мечет на землю груды (капли) и в том ражаются дети»; или скандинавский миф о том, что первые муж и жена и все племя великанов-гримтурсов произошли от плодородного нота Имира) и возник, по-видимому, на основе преданий о животворящей силе небесных вод. Снежные облака, облегающие небо в зимние месяцы, под влиянием весеннего тепла превращаются в дождевые и проливаются живительной влагой; то есть, небесный бог-громовник, пробуждаясь от зимнего сна, «потеет» и купается в дождевых потоках. Подобная метафора весенних гроз встречается в одной из купальских языческих песен, которая рисует такую

Антропоморфизм

картину: стояла верба, на ней горели свечи (т.е. стояло дерево-туча, а на нем горели свечи-молнии); «С той вербы капля упала — озеро стало: в озере сам Бог купався с дитками-судитками». Из божественного пота, т.е. паров и туманов, поднимающихся от пропитанной весенними наводками и согретой солнцем земли, образуются грозовые тучи, т.е. как бы нарождаются великаны. Таяние снегов и следующее за тем половодье древние поэты изображали всемирным потоком, в котором омывается грешная (опустошенная Зимой, неплодная) земля, а дождевые ливни — баней, в которой «на сильном грозовом пламени кипятится живая вода»: в этой живой воде омываются боги, обретая при этом ту светлую красоту и те благодатные силы, с какими они являются перед людьми в летнюю пору. Поэтому создание человеческого рода издревле связывалось со сказаниями о потопах и «совершалось в то время, когда Бог потеет и купается в мовнице». Вторжение же с неба «ветхого рубища» могло быть олицетворением разорванной громовыми ударами тучи (тучи издревле представлялись божественной одеждой — покрывалом, плащом и т.п.).

АНТРОПОМОРФИЗМ — (от греч. *ανθρωπος*; — человек и *μορφή* — форма, вид) уподобление человеку, наделение человеческими свойствами (например, сознанием или обликом) различных предметов, природных явлений, небесных тел, животных, мифических существ и т.д.

Пожалуй, наиболее часто в мифах и обрядах «очеловечивались» стихии, природные явления и т.п. Так, например, человеческими особенностями, сознанием, волей, а порой даже человеческим обликом в легендах и поверьях с древнейших времен наделялись ветер, огонь, гром, вода, земля, солнце и луна, звезды и т.д. Ветер, к примеру, часто представлялся в облике стремительного всадника или быстро бегущего и при этом дующего п свищущего человека. Земля п небо в поверьях традиционно представали в облике дородной женщины и оплодотворяющего ее мужчины. Солнце п луну мифы изображали в виде мужчины и женщины, шествующих по небу пли едущих в колесницах; звезды же представлялись прекрасными молодыми девушками с горящими свечками в руках.

Наряду с природными явлениями, нередко антропоморфизировались и предметы, особенно предметы быта, в ритуалах непосредственно связанные с человеком. Так, например, в восточнославянских обрядах и поверьях человеческими свойствами традиционно наделялись горшки, дежа и т.п. Часто «очеловечивались» и разные ритуализированные объекты — деревья, камин и т.п.

Подобные воззрения на неодушевленные предметы, стихии и т.д. как на нечто, подобное человеку, появились в древнейшие времена и основывались, судя по всему, на аниматических верованиях, т.е. на убеждении, что все в природе живое — и камень, и огонь, и

дерево, и молния. Пытаясь объяснить непонятные ему явления, древний человек населял мир духами и боже-ствами, олицетворяя все то, что было для него важно и необходимо для благополучия. Стихии и разные природные явления представлялись ему некими высшими существами, во всем подобными человеку, но обладающими особыми, недоступными людям силами; существами, приносящими обычно благо, но в то же время своенравными и капризными, а оттого представлявшими определенную опасность. Следовательно, этих существ нужно было задабривать и вообще вести себя так, чтобы не вызвать их гнев. Отсюда и возникло почитание огня, ветра и т.д., а вместе с ним появились и мифы об удивительных антропоморфных существах — братьях-ветрах, дедушке-огне, девелуис, блистательном богатыре-солнце, властители воды водяном пли воплощении леса лешем. Подобные существа в мифах, преданиях п поверьях очень часто имели не только человеческий облик, но и человеческий характер: так, например, крестьяне и в XX в. полагали, что водяные, лешие и прочие стихийные духи бывают шаловливыми, а порой и вздорными; что они любят пить водку, играть в азартные игры (карты и т.н.), шумно и весело гулять, подшучивать друг над другом и людьми; что они женятся, имеют собственное хозяйство и вообще живут и ведут себя точно так же, как обычные деревенские мужики.

Кроме стихий, явлений природы, различных важных предметов и т.н., у славян, как и других народов, человеческими чертами п человеческим разумом в поверьях, сказках и обрядах традиционно наделялись различные живые, но «неразумные» существа, обитающие рядом с людьми: животные (медведи, волки, ласки, лошади и пр.), птицы (аисты, вороны, орлы п т.д.) и гады (змеи, ящерицы, лягушки и т.п.). Такие воззрения были, по-видимому, тесно связаны с тотемизмом — комплексом верований и обрядов первобытного общества, основанных на представлениях о родстве между группами людей (родами) и «тотемами» — определенными видами животных и растений (реже — явлениями природы и неодушевленными предметами). Сам термин «тотем» происходит от слова «от-отем» или «от-отам» (букв. «его род») североамериканских индейцев. Некогда, на раннем этапе развития общества, тотемизм выражал все мировоззрение первобытного человека, в нем «сливались» и были выражены и мифология, и представления о природе, и социальные отношения людей, и религиозные взгляды».

Тотемизм был известен всем первобытным народам. Возникновение тотемизма, наиболее древней формы почитания животных, ученые относят к самым ранним ступеням развития человеческого общества; однако при этом тотемизм в некоторых местах (например, в Австралии) сохранился вплоть до XIX и даже XX в., а его пережитки встречаются в обрядах и поверьях всех народов мира (ср., например, мифы о предках в образах медведя, волка, тигра, даже лягушки

Антропоморфизм

или чайки, известные у народов Урала и Западной Сибири). Происхождение тотемизма было, по-видимому, связано с тем, что на ранних этапах развития человек еще не выделял себя из природы, из мира животных; для него животные, птицы, растения были такими же существами, как он сам: «Вначале человек не отличает себя от животных, которых он видит вокруг себя и с которыми ему приходится иметь дело. Это вытекает, во-первых, из того, что он вообще не выделяет себя из природы. С другой стороны, нельзя не признать, что у него были и реальные основания к тому, чтобы ставить себя па одну доску с животными: он действительно мало чем отличался от них». Некоторые представления и обряды, зародившиеся еще в тотемических обществах первобытной эпохи, перешли в религии последующих эпох. На дальнейшее развитие почитания животных оказали влияние развитие промыслового культа и, по-видимому, суеверный страх перед опасными для человека животными (хищниками, ядовитыми насекомыми и гадами и т.п.).

Как правило, тотемами считали именно животных; это было связано, скорее всего, с охотничьим хозяйством первобытного человека (древние люди промышленяли охотой и были заинтересованы в первую очередь в увеличении поголовья тех животных, которых они употребляли в пищу; отсюда и возник обряд «умножения тотема»). Тотемические предки, судя по всему, представлялись людям не совсем обычными животными; они скорее были близки к духам природы. Так, например, различные тотемические мифы повествуют о подвигах животных-предков, выступающих в образах фантастических существ или людей с именами и чертами животных; в мифах они ведут точно такую же жизнь, как и люди: кочуют, охотятся и т.д.; по помимо этого, они могут передвигаться по воздуху или под землей, обладают особенной силой и умением (например, могут передвигать скалы, превращаться в дерево или вселяться в скалы, делаться невидимыми и т.д.).

Тотемизм отличался от других форм почитания животных тем, что не являлся формой поклонения животным в прямом смысле слова. Тотемы не были божествами, и главным в тотемизме было не поклонение им, а сама вера в родство и взаимосвязь с животным. Тотему запрещалось причинять какой-либо вред, охотиться на него и т.д. (этот запрет был связан с представлениями о родстве и некой сверхъестественной взаимосвязи человека и тотема), хотя в некоторых случаях, например, во время обряда умножения тотема, тотемное животное полагалось убивать и употреблять в пищу (обычно это объяснялось тем, что человек теряет связь с тотемом как в том случае, когда ест много его мяса, так и в том случае, если совсем не ест его). Но в остальное время предков-животных старались оберегать; более того, группы людей, ведущие свое происхождение от того или иного вида животного и обычно называющие себя по имени своего тотема (например, люди-волки, люди травяного семечка и

пр.), выполняли целый ряд обрядов и церемоний с целью не только сохранить, но и умножить вид животного-тотема, а вместе с ним и свою группу, свой род. Подобные обряды должны были усилить связь человека с тотемом и обычно включали в себя магические песни-заклинания, ритуальное поедание мяса тотема (положившее начало обрядам причащения), а также традиционное пролитие крови, натирание тела кровью тотема (обычай, который со временем перешел в разрисовку тела особыми тотемическими рисунками при помощи красок) и обязательные тотемические пляски, имитировавшие танцы зверей. Исполнявшие такие пляски люди специально наряжались так, чтобы напоминать животное-тотем, и старались подражать его прыжкам, движениям и повадкам; при этом подобные пляски нередко представляли собой мимический пересказ тотемического мифа о жизни и подвигах тотема.

Все эти обычаи, существовавшие в свое время и у славян, конечно, не могли не оставить свой отпечаток па преданиях и обрядах. При переходе от охотничьего быта к земледелию и скотоводству многие обряды и поверья тотемизма и промыслового культа, конечно, стерлись и исчезли бесследно, но почитание животных осталось в мифологии, искусстве и некоторых суевериях, претерпев, однако, определенные изменения. Почитаемые животные превращались в божества, а затем их образы постепенно приобретали человеческие черты и утрачивали черты животные. Зачастую дух-покровитель со смешанными человеческими и животными чертами превращался со временем в культурного героя, практически полностью освобождаясь при этом от животных черт. Отголоски представлений о животном происхождении в таких случаях оставались лишь в легендах о воплощениях этого божества в образы животных или в представлениях о связи божества с какими-то определенными животными (так, например, греческий Зевс, согласно мифам имеющий человеческий облик, в легендах часто является людям в образе животного или птицы (орла); славянский же Велес, также представлявшийся антропоморфным, неизменно связывается в мифах с медведями). С развитием цивилизации пропасть между человеком и животным в людских представлениях увеличивается, а вместе с ней растет и число отличительных черт почитаемого духа или предка, отделяющих его от животного и приближающих к человеку; предания о его происхождении и жизни обрастают все большим количеством мифических подробностей, объясняющих, отчего этот герой или бог так почитаем, и все эти новые детали безнадежно искажают изначальные представления. Однако древние мировоззрения и представления при этом не исчезают безвозвратно. Вера в родство и мистическую связь человека и животного, ежегодные обряды с участием особых «ряженных», изображавших животных-тотемов, — все это сохранилось в поверьях, уподоблявших животных людям, и в сказках о животных-помощниках. То же самое происхождение имели и предания о людях-оборотнях и духах природы в

Анцыбал

животном облике, и представления о душах умерших в облике животных, и принесение некоторых животных в жертву, и многие другие обычаи и поверья как славян, так и других народов мира.

АНЦЫБАЛ. анцибал, анцыбул, анчибал, анчибул — одно из названий нечистой силы. Чаще всего так называли злых духов, обитающих в болотистых местах: например, анцыбалом могли именовать болотного черта или водяного, болотника и т.п.; на Урале анцыбалом иногда называли конечного, болотного лешего. Зачастую этим названием (так же, как и названием «болотник» или «черт») обозначали вообще всю неопределенную, многоликую и вредоносную силу, обитающую, по народному убеждению, на болотах, в местах, которые «ни вода, ни земля».

Вообще, название «анцыбал» закрепилось преимущественно в бранных выражениях, например: «Анцибал проклятый!», «Ах ты, анцыбал этакой!», «Чтоб тебя анчибал подхватил!» и т.п. В некоторых местах анцыбалами именовали басурман или других инородцев. В быличках же и рассказах о нечистой силе анцыбал упоминается редко и часто заменяется чертом, бесом или другим типичным болотным «нечистиком».

АНЧУТКА. анчут, анчутик — в восточнославянской мифологии злой дух, связанный с водой; одно из русских названий чертенят, мелких бесов, происходящее, по всей видимости, от балтийского названия утки (литов. апСіі'йе — «маленькая утка»). Обычными эпитетами анчутки были: «водяной» или «болотный», а также «роговой», «беспятый» или «беспалый» и т.п.; все они подчеркивали принадлежность этого духа к чертям, нечистой силе (ср. поверье о том, что у черта «гусиные ноги», копыта, рога и т.д.).

В народных поверьях анчутка — одно из наиболее распространенных названий мелких нечистых духов, а иногда и нечистой силы вообще. Так, например, в некоторых местах название «анчутка» употребляли вместо слова «черт» (например, про пьяного в Рязанской губ. говорили, что он «допился до анчутков», т.е. допился до того, что стал видеть чертей). На севере России анчутками именовали банников и кикимор («В бане видел чертей, банных анчутков, кикиморами что прозываются»), водяных («Водяные анчутки намедни в омуте плескались»), леших («Лесной анчутка — это леший, черт лесной, значит», «Пойди-ка ночью в лес, там тебя анчутка схватит») и полевых («Полевые анчутки в поле ходят») без разбора. Иногда анчутками могли называть даже домовых духов: так, например, на Смоленщине детям, болтающим ногами во время еды за столом, грозили, что им «анчутка на ноги сядет». тому, кто ругался на ночь, говорили, что ему «анчутка приснится», и т.д.

Однако чаще всего анчутками именовали водяных бесов, помощников водяных и болотников. Считалось, что они обитают по большей части в омутах, в реках и

прудах, на болотах и вообще в воде и у воды (вода — обычное местообитание черта, который, по народному убеждению, «в воде плодится», «очень любит воду и не упускает возможности поселиться в ней»), хотя показываются и в банях, и даже в лесу, в поле и т.д. (что, по всей видимости, связано с представлением о вездесущности черта).

Кроме пристрастия к воде, с чертом анчутку роднят и многие другие черты. Так, согласно народным рассказам и быличкам, анчутка, подобно черту, может быстро передвигаться с места на место и даже летать, появляясь в самых неожиданных местах и изменяя свой облик. Как и другие нечистые духи, он, по народному убеждению, мгновенно отзывается на упоминание собственного имени и немедленно является к человеку, неосторожно призвавшему его, чтобы подшутить над ним (толкнуть человека в воду, заставить блуждать по болоту и т.д.). Впрочем, при этом в быличках почти не встречаются свидетельства об исключительной злонамеренности анчутков: если черти часто стараются погубить человека, заведя его в болото, в густую чащу, на скалу и т.д., то анчутки скорее «шутят» — подчас зло, но обычно не смертельно для человека (в этом они близки скорее к лешим, которые нередко «шутят» над людьми, по вскоре оставляют их в покое, не причиняя большого вреда).

АПОКРИФЫ — (греч. «тайный», «скрытый») произведения религиозного содержания, не признаваемые христианской церковью каноническими. Слово «апокриф» первоначально относилось к произведениям одной из групп христиан — гностиков, стремившихся сохранить свое учение в тайне; затем так стали называть раннехристианские писания, не признанные «богословными». Подобные тексты, несмотря на то, что церковь не считала их священными, оказали большое влияние на славянские народные верования и стали основой для многих народных легенд, преданий и поверий.

Апокрифы представляли собой сложную жанровую систему. Большая часть апокрифов разделялась на ветхозаветные («видения», повествования о сотворении мира, а также о библейских царях и пророках) и новозаветные (протоэвангелия, повести на евангельские сюжеты, апокрифические деяния и послания апостолов, откровения или видения, апокалиптические сказания и т.п.), созданные до канонизации текста Нового завета в IV — нач. V в., которые церковь не включила в канон. Новозаветные апокрифы при этом разделялись еще на «отреченные» (т.е. запрещенные; первый список таких книг был составлен в Восточной Римской империи в V в.) и дозволенные для чтения (но не для богослужения); большинство «отреченных» книг известно только по названиям и по цитатам, приведенным в произведениях христианских писателей II–IV вв., которые с этими книгами спорили. Помимо собственно ветхозаветных и новозаветных, к апокрифам принято также относить и различные жития,

послания, молитвы, вопросы и ответы, гадательные книги и т.п. (при этом в ряде апокрифов все эти жанры не всегда четко различаются).

Двойственное положение апокрифов в системе церковнославянской литературы и их связь с фольклором весьма способствовали их популярности и «живому обращению в славянской среде». Разнообразные конфессиональные различия и еретические движения (богомилство и т.п.) не препятствовали широкому распространению апокрифических текстов, а в некоторых случаях (например, в богомилской среде), судя по всему, даже укрепляли авторитет апокрифов.

Славянские апокрифы в основном представляли собой переводы с греческого и — изредка — с латинского и древнееврейского. Наиболее популярными среди новозаветных апокрифов были: «Хождение Богородицы по мукам» (апокриф, ярко отраженный в фольклорных жанрах и особенно в духовных стихах), «Евангелие от Фомы» (или евангелие детства Христова), обиходы и учения апостолов (деяния апостолов Петра и Павла, а также апостолов Андрея, Матфея, Фомы и др.), легенды о Христе (Христос — иерей, пахарь, целитель, мальчик-раб и т.п.) и др. Из ветхозаветных апокрифов были распространены: «Сказание об Адаме», «Книга Еноха», «Откровение Варуха», «Житие Моисея», «Лествица», «Заветы 12 патриархов» и др. Не позднее первой половины XIII в. на Руси была переведена с древнееврейского группа апокрифов талмудического происхождения (о Ноевом ковчеге, о царе Соломоне и Китоврасе), вошедшая в «Толковую Палею». Особые группы составляли также эсхатологические сказания («Вопросы Иоанна Богослова», «Вопросы Авраама», «Откровение Мефодия Патарского» и др.) и апокрифические мучения (Федора Тирона, Георгия, Никиты, Игнатия, Ирины и пр.); тексты мучений, особенно жития св. Георгия, оказали при этом сильное влияние на славянские духовные стихи и легли в основу ряда устных легенд.

Особый вид апокрифов составляли вопросы и ответы («Беседа Трех святителей», «Разумник», «Слово Господа Иисуса Христа», «Вопросы св. Ефрема», «Сон царя Иоаса», «Толковая литургия»), которые содержали элементы средневекового и занимательного богословия, природоведения, географии и народоведения, нередко представленные в символах.

Пожалуй, самое значительное влияние на славянские устные народные предания оказали апокрифы-молитвы и апокрифы — гадательные книги. Апокрифические молитвы фактически являлись заговорами с типичными для апокрифов мотивами и персонажами (такими, как Адам и Ева, Авраам, Христос, апостолы, архангелы, святые и пр.), изгоняющими нечистую силу (беса, 12 бесиц-трясавиц, ведьм и др.). Подобные заговоры-молитвы были обычно направлены против разных болезней (лихорадки, болезненного жара, ревматизма, различных кровотечений, зубной боли и пр.), а также против различных бед: дождя, ветра,

грома, бури, града, вредных насекомых, волков, укусов змей или бешеных собак, несправедного суда, дурного глаза, дьявола, нежити и т.п. Некоторые из таких заговоров-молитв содержались в требниках и молитвенниках 15-17 вв., в том числе и печатных (сербские и венецианские издания). Подобные заговоры-молитвы (некоторые — в значительно измененном виде, а некоторые — почти без искажений первоначального текста) быстро «вошли в обиход»: ими пользовались все знахарки и знахари, занимавшиеся лечением людей и скота, и даже обычные старухи-домохозяйки, по мере надобности занимавшиеся снятием порчи и лечением самых распространенных болезней.

АРЕД — в русской традиции старый колдун, ведьма, злой знахарь, а также нечистый дух, черт, помогающий колдунам (ср., например: «У, аред тебя подхвати!»). Судя по всему, такое название нечистого духа и связанного с ним злого колдуна возникло при наложении имени Ирода, одного из самых ненавистных народу персонажей Священного Писания, и имени Иареда, Ареда, библейского старца, прожившего около тысячи лет. С Аредом-Иродом в народных воззрениях связывалось все самое грешное, недоброе: так, по народному выражению, «аредское дело самое злое, ехидное, сатанинское».

Кроме того, слово «аред», как правило, ассоциировалось с ветхостью, дряхлостью (ср. выражение: «Рассыпьясь аредом, да не доставайся скаредам», т.е. рассыпьясь прахом, пылью, «пропадай добро мое, да не доставайся ворогу»). Аредом на Руси мог именоваться не только старый колдун, «выживший из лет», но и вообще «дряхлый старичишка, заедающий чужой век: старый брюзгач, кашей». Про старого скрягу, зажившегося на свете, в некоторых местах говорили, что он «живет аредовы веки, мафусаиловы годы» (Мафусаил в ветхозаветных преданиях — один из праотцов человечества, проживший 969 лет).

АРХАНГЕЛЫ — (букв. «ангелона начальники») в христианской традиции старшие ангелы (в системе ангельской иерархии они — восьмой из девяти чинов ангельских и стоят выше собственно ангелов), «провозвестники Божией воли». Термин «архангел» впервые появился в грекоязычной иудейской литературе предхристианского времени и служил для передачи выражений вроде *sar haggadol* («великий князь») в приложении к Михаилу ветхозаветных текстов. Затем этот термин был воспринят новозаветными авторами и более поздней христианской литературой.

Древнее предание, восходящее к ветхозаветным представлениям, говорит о семи архангелах. Из них общераспространенная ортодоксальная традиция особо выделяла трех: Михаила, Гавриила и Рафаила; кроме них, известны также архангелы Уриил, Селафаил, Иегудиил, Варахиил и Иеремиил, чьи имена встречаются в поздних христианских апокрифах.

Михаил Архистратиг, Михаил Архангел, чье имя в переводе с еврейского означает «кто как Бог», был самым почитаемым архангелом и одним из самых

Архилим

известных святых. Его почитали как ангела-хранителя и защитника всех верующих в Господа. Согласно христианским верованиям, он был возвышен Господом за свою верную службу и поставлен начальником над всем небесным воинством. По легенде, именно он низринул с небес возгордившегося Сатану и других надших духов, а также совершил множество других подвигов и чудес, «восславивших силу Господню». На иконах он изображался попирающим ногами дьявола, держащим в левой руке зеленую финиковую ветвь, а в правой — пламенный меч или копье с белой хоругвью с начертанным на ней червленым крестом.

Гавриил — «крепость (сила) Божия, провозвестник и служитель Божественного всемогущества», почитался как божественный посланник, принесший «благовест» Деве Марии. На иконах он изображался с райской ветвью, принесенной им Пресвятой Деве, или со светящимся фонарем в правой руке и зеркалом — в левой.

Рафаил — «врачевание Божие», ангел-целитель, врачующий человеческие недуги, которому молились все больные, также весьма почитался верующими. Он изображался обычно держащим в левой руке сосуд с целительными снадобьями и ведущим правой рукой Товию, несущего рыбу.

Уриил («огонь (свет) Божий, просветитель») изображался держащим в поднятой правой руке на уровне груди обнаженный меч, а в опущенной левой руке — «пламень огненный». Селафаил («молитвенник Божий, побуждающий к молитве») изображался обычно в молитвенном положении, смотрящим вниз, с руками, сложенными на груди. Иегудиил («славящий Бога, укрепляющий труждающихся для славы Господней и ходатайствующий о воздаянии им за подвиги») изображался держащим в деснице золотой венец, а в шуйце (левой руке) — бич из трех красных или черных веревок. Варахиил («раздатель благословения Божия на добрые дела, испрашивающий людям милости Божии») изображался облаченным в одежды со множеством розовых цветов. Иеремиил же («возвышение к Богу») изображался держащим в руке весы.

АРХИЛИМ — чудесная трава, которая, по древнему описанию, «ростом в локоть, тонка, а видом синя, на сторонах листиков по девяти; на ней четыре цвета: червлен, багров, синь, желт... А растет по берегам рек, при болотниках».

По сообщению травников, «та трава вельми добра: кто ее рвет, и тот человек вынимает золотую или серебряную гривну, ту траву носит на себе, и тот человек не боится дьявола ни во дни, ни в ночи, ни злого человека, и на суду супротивника одолеет, и люди его любят... А корень ее добр: у которой жены детей нет, и ты истопи того коренья в каком ни есть молоке и дай пить, то будут дети; а у кого старая порча, хоть за тридцать лет — выйдет вон».

Асилки — см. Велеты.

АСПИД¹, аспиды — (греч. змея) мифический крылатый змей, сходный с огненными змеями, летающими и халами. Упоминания об аспидях чаще всего встречаются в старинных азбуковниках (вообще,

аспид, аспиды — это, по-видимому, в большей степени «книжный» персонаж), а также в заговорах. При этом слово «аспид» могло иногда означать и просто змею (в библейских текстах аспид упоминается в этом смысле, ср., например: «Ягоды их ядовитые, грозды их горькие; вино их яд драконов и гибельная отравка аспидов»; или: «Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею; на аспиды и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона»), и змея-дракона, и «мать змеев» (в заговорах ей также соответствует змея Скарапея или Гарафена). и даже огромного «старшего» змея, главного над всеми другими змеями и гадами.

Согласно поверьям, обликом своим аспид подобен дракону или огненному змею: он имеет птичий нос, два хобота, змеиное тело и крылья. Местообитанием его считались какие-то отдаленные и пустынные места, расположенные «за горами и за долами», нередко — «мрачный, суровый, лесистый север», «печерские горы»; при этом некоторые поверья гласили, что аспид никогда не садится на землю, а только на камень (одна из легенд объясняет это тем, что земля не держит его).

В преданиях аспид обычно выступал как существо, несущее всяческие разрушения и опустошения, всеобщую гибель: «а в коей земле вчипитса, ту землю пусты учинит». Фактически представления об аспиде были аналогичны поверьям о драконах, огненных змеях и т.п. Подобно им, аспид представлялся практически неуязвимым существом; уничтожить же несущего разрушения аспиды могли, по народному убеждению, только колдуны, «знахари-обаянники», особые «знающие люди», которые для этой цели использовали «трубный глас»: «Пришедше же обаянницы, обаяти ю, и копают ямы, и садятся в ямы с трубами, и покрывают дном железным и замазывают суглинком, и ставят у себя уголие горящее: да разжигают клещи и егда вострубят, тогда она (змея-аспид) засвищет, яко горы потрясутся, и прилете к яме, ухо свое приложит на землю, а другое заткнет хоботом». Тогда-то, по свидетельству преданий, знахари-обаянники хватали мечущегося от «трубного гласа» аспиды и держали его раскленными клещами, пока он не погибал.

Аспид² — (греч. яшма) камень, описание которого приводилось в «Книге, глаголемой прохладный вертоград» (XVII в.): «Аспид есть камень многими и различными цветы бывает, а из них лучше и сильнее светлозеленый, чтобы в нем струи червленья проходили сквозь». Камень аспид наделялся чудесными лечебными и охранительными свойствами: «Того камени

крест кто носит на себе, сохраняет того человека от потопления в воде. Также кто его носит на себе в чистоте пребывает; трясавичное биение уймёт и водоточную болезнь изгонит. Тот же камень помощен женам во время рожения их и всякое ночное и стенное нахождение отгоняет и от соблазна охраняет. Тот же камень утробу кроваву уймёт и у жен лишнее течение менстрово заключает, и разуму острость подает, а коли тот камень обделан серебром, тогда силою своею исполнен есть».

Б

БАБА, бабка, бабушка, баушка — распространенное у всех славян слово, обозначающее женщину, старшую в роде, семье, нередко — вообще замужнюю женщину, а иногда также лекарку, знахарку, повитуху и т.п. (ср. русское «бабничать», «бабить» — «принимать роды», «лечить, заниматься знахарством, ворожить»). Так, например, на Руси бабкой, бабушкой традиционно называли женщин, принимавших роды и следивших за здоровьем новорожденных и рожениц первые дни после родов (ср., напр.: «Пеленание и купание ребенка предоставляется бабке [повитухе] в продолжение 9 дней. Во время пеленания бабка говорит: «Одну душу Бог простил, другую народил. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь». При этом кладет на младенца крестное знамение»). Нередко бабками именовали и ворожей, травниц, деревенских знахарок, кстати, также зачастую исполнявших обязанности повитухи (ср.: «Люди, занимающиеся лечением болезней, называются у крестьян знахарями, бабками, лечейками»; или: «Знахарь и знахарка (местами называется — бабушка) лечат от разных болезней, снимают порчу и угадывают, кем что украдено и где положено»).

Но, кроме этого, слово «баба» у славян часто использовалось для обозначения женских мифологических персонажей, а также отдельных дней, атмосферных явлений, астрономических объектов и некоторых ритуальных предметов. Так, например, «баба» в народной традиции была персонажем и объектом жатвенного обряда, различных игр, ритуальных действий и обходов ряженных; словами «баба» и «дед» традиционно обозначались умершие предки и персонажи нечистой силы.

Слово «баба» зачастую входило в словосочетания, второй элемент которых воспринимался как имя собственное (ср. рус. Баба Рюха, Баба Ляга, серб. Баба Рога, болг. Баба Марта и т.п.). При этом словом этим зачастую называли различных женских демонических существ. Так, например, восточнославянские сказки и предания знали бабу Ягу — старуху-колдунью, привратницу потустороннего мира мертвых. Русские, украинские и пр. поверья называли бабой Середой женский мифологический персонаж, схожий с Мокушей и святой Пятницей и тесно связанный с прядением и ткачеством. На Руси белой бабой именовали водяного демона (русалку, водяницу), лешей бабой — демона лесного (лешачиху), а бабкой Марой — кикимору, путающую и рвущую оставленную без присмотра кудель; бабкой запечельницей и банной бабушкой величали мифических существ, обитающих соответственно за печью в доме и в бане. В украинских поверьях

существовали «зализна баба» (дух, пребывающий в кукурузе), «житна баба» (полевой дух, дух ржи), «дика баба» (женское демоническое существо, соблазняющее молодых мужей и схожее с поветрулей или русской русалкой) и т.п.

Слово «баба» в народной традиции могло обозначать и смертную женщину, так или иначе связанную со сверхъестественными силами, т.е. ведьму, знахарку, ворожею, колдунью (ср. серб. баба — «колдунья»; рус. бабка — «знахарка»; «баба-нерасческа», «баба-пустоволоска» — ведьма или вообще женское вредоносное существо с непокрытыми, распущенными и неприбранными волосами). Кроме того, слово «баба» иногда встречалось в названиях различных болезней и женских демонических существ, олицетворяющих различные хвори: так, например, болгары называли бабой Шаркой оспу, представляя ее антропоморфным злым и неприглядным существом; русские же называли оспу бабухой, а белой или красной бабой иногда именовали «моровое поветрие»; ср. также серб. диал. бабице (пли бапке, бабиле) или макед. бапке — воплощение послеродовых болезней и болезней младенцев.

Помимо этого, слово «баба» нередко встречалось в названиях дней и времен года. Так, например, у болгар, македонцев и сербов воплощением марта была Баба Марта — антропоморфное существо, борющееся со своим братом Малым Сечко (февралем). У сербов и хорватов существовали поверья о бабе Коризме — воплощении семи недель Великого поста: считалось, что она ходит с семьей налками и каждую неделю поста бросает по одной палке; в южной Черногории ею пугали детей, просящих в пост что-либо скоромное. У сербов снежные дни в марте назывались «Бабини дни», «Бабини ярци», «Бабини количи» («бабы дни, бабы козлы, бабы козлята»), У болгар Бабиным днем именовался день повитухи, а в центр. Полесье названием «Бабы» обозначали второй поминальный день после Дедов.

В астрономической и метеорологической терминологии слово «баба» использовалось практически повсеместно. Так, например, Плеяды на Украине называли «баби», а на Руси — бабы (др.-рус. Бабы); Орион же сербы именовали Бабини штапи («бабины палки»). Болг. диал. Баба месечинка, Баба Гале — луна; детское бабин пояс — радуга; бабино просо — град; серб, и хорв. бабин кут («бабин угол») — «гнилой угол», т.е. край неба, откуда часто приходит непогода. Поляки говорили о лунных пятнах: «Баба сбивает масло» или «Баба печет хлеб», а польские дети во время «слепого» дождя (дождя при солнце) пели: «Дождик идет, солнце светит, баба Яга масло сбивает».

Кашубы при перемене погоды и появлении снега говорили: «Старая баба пошла танцевать»; просто выражение «старая баба» у них служило синонимом дождя. 13 польских Карпатах выражение «уже баба замерзла» употреблялось, когда вершины гор покрылись инеем или первым снежком. Польские крестьяне про засуху говорили: «Баба-колдунья сидит на дубе, высиживая яйца, и пока их не высидит, засуха будет продолжаться». «Бабьим летом» на Руси называли неделю после Семенова дня, а иногда и просто теплое и солнечное время, установившееся в осенние дни.

В славянских жатвенных обрядах слово «баба» нередко означало последний сноп. Так, например, во многих районах Польны последний сноп традиционно величали «дедом» или «старой бабой»; на Руси такой сноп-«бабу» обычно наряжали в блузку, фартук и платок (или одевали в рубашку и обвязывали платком), после чего несли его на праздник урожая и там водили вокруг пего хороводы и т.д. Словенцы Каринтии, ударяя серпом по последнему снопу, говорили, что «убили бабу», а на Смоленщине изготовление последнего снопа иногда обозначали выражением «бабу вязать».

Бабой у некоторых славянских народов принято было называть также и куклу, уничтожаемую ранней весной и символизировавшую зиму, смерть и т.д. Так, выражение «резати старую бабу» у словенцев означало то же, что сжигать и топить Смерть-Зиму; для этого обряда в среду на третьей неделе Великого поста делали куклу — «бабу» — которую сперва клали на бревно и колотили дубинами, перепиливали надвое и затем с песнями предавали огню.

«Баба», наряду с «дедом», повсеместно у славян являлась обязательным персонажем святочного и масленичного ряжения; иногда бабой называли и чучело, уничтожаемое в подобные праздники. Как правило, «баба» во всех этих случаях символизировала существо, связанное с потусторонним миром, миром мертвых: она либо представляла души предков (появляющихся на земле именно в эти годовые праздники), либо олицетворяла само смертоносное начало (зиму, холод, смерть и т.д.), которое изгоняли с «поворотом зимы на лето».

Так, например, во многих местах постоянным персонажем святочных «страшных наряжонок» была «белая баба» — олицетворение смерти, покойница. Одной из главных примет этой маски был огромный, устрашающий рост, который достигался различными способами (например, «белую бабу» могли изображать двое парней в длинных белых рубахах: один из них усаживался на плечи другому и разрисовывал себе лицо как личину). Действия такой «белой бабы» мало чем отличались от действий «покойника», «мертвеца», «смерти» и т.д.: она бегала по избам, стучалась в окна и пугала девушек и детей, гонялась за ними и т.д.

Кроме «белой бабы», на святки по домам традиционно ходили и «стариками» — «дед» и «баба». Эти

персонажи могли иметь разный облик и принимать участие в самых разнообразных обрядах и игрищах: по практически все их действия так или иначе были связаны с идеей плодородия, а иногда и с идеей смерти и воскрешения. Так, например, в Вологодской губ. «дед» наряжался в вывернутую наизнанку шубу, привязывал к спине большой горб, на лицо надевал маску из бересты и цеплял бороду из кудели; «баба» также цепляла на спину горб, надевала старую одежду, пачкала лицо сажей и закрывала его тряпкой. Придя на посиделки, «стариками» сначала пугали своим нарядом девушек и детей, а затем устраивали представление: «баба» делала вид, что умерла, а «дед» оплакивал ее; затем «бабу» sprysкивали водой и она «оживала», после чего начиналось всеобщее веселье и игрища, во время которых «стариками» брали на себя роль «женачей» и «женили» всех присутствующих парней и девушек. В Болгарии «дед» и «баба», ходившие по домам на святки и на масленицу, во время посещения посиделок дурачились, участвовали в игрищах и часто разыгрывали представления, во время которых «дед» валил «бабу» и совершал «половой акт», а затем «баба» рожала «ребенка» (выпускала из-под платья котенка или щенка, доставала и показывала присутствующим вырезанную из дерева куклу с фаллосом, сделанным из красного перчика, и т.д.).

Подобные обычаи встречались у славян повсюду. По-видимому, некогда присутствие «бабы» на молодежных посиделках, ее поведение и (в некоторых случаях) символическое уничтожение было частью сложной системы обрядовых действий, связанных с идеей воскрешения после смерти и призванных обеспечить плодородие земли, скота и самих людей; позднее же эти обряды потеряли смысл и превратились в обычные молодежные игрища.

БАБАЙ, бадяй — в поверьях и сказках северных районов России — недобрый дух, похищающий детей; в деревнях им традиционно пугали ребятишек, чтобы они не баловались и не докучали родителям (так, например, матери, когда их чада плакали и капризничали, угрожали им: «Не реви, Бабай заберет», или: «Спи, а не то придет Бабай и утащит тебя»). Имя Бабай упоминалось и в некоторых колыбельных: «Ай, бай, бай, бай, / Не ходи, старик Бабай, / Коням сена не давай. / Копи сено не едят, / Все на Мишеньку глядят. / Миша спит по ночам И растет по часам. Ай, бай, бай, бай, / Не ходи ты к нам, Бабай» и т.п.

Название «бабай», возможно, произошло от тюркского «бабай» — старик, дедушка. В сказках и народных поверьях Бабай описывался обычно как черный и страшный кривоногий старик, часто — немой, безрукий или хромой (характерные признаки нечистой силы), повсюду таскающий с собой котомку или большой мешок, в который он и забирает непослушных детей. Детям рассказывали, что вечером, в то время, когда малышей обычно укладывают спать, Бабай приходит (по некоторым поверьям — из огорода или из

береговых зарослей), бродит по улицам и сторожит под окнами; если же он слышит в доме капризы и детский плач, то шумит, шуршит, скребется, стучит в окно, пугает или даже похищает непослушных, досаждающих матери детей.

БАБА—ЯГА. Яга Ягишна, Яга Виевна, Яга Змиевна — сказочный персонаж; «род ведьмы или злой дух под личиною безобразной старухи».

Согласно сказкам восточных и западных славян, Баба-Яга обладает характерным демоническим обликом: кости у нее «местами выходят наружу из-под тела»; сосцы (нередко костяные или «железные цычки») висят ниже пояса; она может быть слепой на один глаз, хромой (у нее «костяная нога»), черной, лохматой, растрепанной и т.д. Сказки часто подчеркивают огромность этого существа: «Баба-Яга лежит из угла в угол: в одном углу ноги, в другом голова, губы на прилолке, нос в потолок уткнула»; «Баба-Яга через всю избу протянулась: ноги на порожке, губы на сошке, руки из угла в угол, нос в потолок»; «Баба-Яга, костяная нога, морда глиняная, на лавке лежит, грудью печку затыкает» и т.п. Очевидно, образ ее аналогичен образу Лиха Одноглазого, которое, согласно поверьям, «ростом выше самого высокого дуба».

В сказках Баба-Яга обитает, как правило, вне обычной сферы жизни человека, чаще всего в густой и непроходимой лесной чаще, «в избушке на курьих ножках»; при этом не только ее вид, но и сам образ жизни противостоят и противопоставлены человеческим. Так, например, в сказках она «руками в печку садит вместо лопаты, ногами уголье выгребает, языком печку лижет» и т.д. Забор вокруг ее избы — из человеческих костей, а на заборе вместо горшков висят черепа; вместо засова у нес — человеческая нога, вместо запоров — руки, а вместо замка — рот с острыми зубами (или волчья пасть). В печи Баба-Яга жарит (пли, по крайней мере, старается изжарить) похищенных детей; при случае же она пожирает и взрослых людей, попавших в ее владения.

Передвигается Баба-Яга обычно также подобно ведьме или нечистому духу. Так, в сказках она ездит в железной ступе, погоняя ее пестом и замечая следы помелом: «Яга-баба... ездит за человеческим мясом, похищает детей, ступа ее железная, везут ее черти; под поездом этим страшная буря, все стонет, скот ревет, бывает мор и надеж; кто видит Ягу, становится нем». Иногда она может перемещаться с места на место, принимая облик вихря или бури; вообще, она, как и ведьма, может оборачиваться змеей, кобылой или коровой, деревом, различными предметами, природными явлениями и т.д. Слугами Бабы-Яги, как и слугами ведьмы, считали гадов (змей, лягушек, ящер и пр.), черных котов, воронов и ворон; считалось также, что у нее в подчинении находятся черти и вообще всякая нечистая сила, а также различные фантастические существа (например, сказочный Кот Баюн, наделенный голосом, слышимым за семь верст, и способный

видеть за семь верст, а своим мурлыканьем выпускающий колдовской сон, почти неотличимый от смерти).

Такой образ Бабы-Яги, злобной колдуньи, был характерен для многих, но далеко не для всех народных сказок. Вообще, сказки знали три разных формы Яги. Первый тип, наиболее распространенный, — это «Яга-похитительница», уносящая людей и в особенности детей, которых она потом пытается изжарить и съесть. Второй тип, встречающийся реже двух других, — «Яга-дарительница», которая принимает героя, иногда испытывает его и вручает ему чудесного огнедышащего коня, богатые дары, чудесные предметы (сапоги-скороходы, ковер-самолет, меч-кладенец и пр.) и т.п. И, наконец, третий тип — это «Яга-воительница», сражающаяся с героями и побеждающая многих из них. Яга-воительница в сказках — это обычно антагонист героя: прилетев в избу и застав в пей постороннего человека, она избивает его до полусмерти, вырезает у него из спины ремень и т.д.; побеждает же ее только одаренный особой силой, хитростью и умением богатырь. Такая Яга (словенск. Ежи-баба) в некоторых сказках выступала еще и как мать Змеев — противников богатырей: как правило, в сказках богатырь сперва сражался с ее сыновьями, а потом уже с ней самой.

Для бытующих славянских поверий XIX-XX вв. сказочный образ Бабы-Яги, в общем, не был характерен; лишь изредка рассказы повествовали о ней как о существе относительно реально, подобном ведьме или нечистому духу. Так, например, в некоторых местах верили, что Баба-Яга (иногда — с дочерью Марийкой) живет в болоте или в лесу («в доме на куриных ножках, на веретеной пятке»); она страшная, мохнатая и косматая, одежда на ней белая или «как на ели кожа», а на голове повойник. Белорусы верили, что она ездит по поднебесью в огненной ступе и погоняет огненную метлой, а во время ее проезда воют ветры, стонет земля, трещат и гнутся вековые деревья; русские же полагали, что она летает на помеле, ухватив песте и т.п. или стремительно бегаем по лесу, и при этом «помелом себя бьет, чтобы шибче бежать». В доме она «прядет, сидя на брус», а также колдует около печи, на печном шестке. По народному убеждению, она может сама оборачиваться птицей, животным или различными предметами, а кроме того, может оборачивать людей в предметы или животных, насылая порчу, лишая жизни и т.д. Считалось, что она заманивает к себе детей, а потом жарит их в печи и пожирает; или крадет детей прямо из дворов, подымает их в воздух и бросает оттуда мертвыми на кровлю дома. Белорусы верили также, что Смерть передает усопших Бабе-Яге, вместе с которой она разъезжает по белому свету, а Баба-Яга и подвластные ей ведьмы питаются этими душами и от того делаются столь же легкими, как и сами души. В некоторых местах бабу-Ягу считали главной ведьмой и верили, что она командует всеми остальными ведьмами.

Баба — Яга

Таким образом, в большинстве поверий Баба-Яга весьма напоминала колдунью, ведьму, а также лесных и стихийных духов (лешуху, русалку) и духов, обитающих в избе и связанных с прядением (кикимору и т.п.). В некоторых рассказах и былинках Ягой прямо называли того или иного персонажа нечистой силы: «Яга-баба — лешачиха»; «Во ржи баба-яга бегала, волоса у нее распущены»; «Баба-яга — это, значит, ведьма» и т.п. Но такие поверья встречались относительно редко; вообще же о Бабе-Яге повествовали преимущественно сказки. При этом, однако, многие из этих сказок, судя по всему, являлись отголосками различных древних легенд и поверий.

Так, например, в некоторых южнославянских сказках Баба-Яга выступает не как злая лесная старуха, а как степная богатырша, иногда — мать, жена или сестра убитых богатырями змеев. Царство ее находится «за тридевять земель в тридесятю царстве», «за огненной рекой», часто — в подземном мире; дворец ее огорожен тыном, на котором торчат человеческие головы. Она владеет стадами скота и табунами волшебных коней; в некоторых сказках герой, чтобы получить такого коня, нанимается к Яге пастухом (при этом в некоторых сказках она превращает в чудесных кобыл своих дочерей и заставляет героя в порядке испытания насти этот табун: искомым волшебным конем при этом оказывается невзрачный конек, сын Бабы-Яги) или попросту крадет коня и спасается бегством, а Яга преследует его только до пограничной реки, которую перейти не в силах. Во многих сказках Яга сама ездит верхом на коне и сражается подобно богатырю; она выступает против приехавших в ее царство богатырей, причем, в отличие от Змея, который обычно выступает единолично (хотя, благодаря своей многоголовости, является как бы символом множественности нападающих), нападает во главе целого воинства. Ее «рать-сила несметная» наступает подобно грозе: «как бы облок катится по краю неба». Богатыри побеждают войско Яги, и она проваливается в подземелье, куда за ней следует и герой сказки. В подземелье кузнецы, швеи и ткачихи готовят для Яги новое войско, но богатырь убивает их всех, а затем побеждает и саму бабу-Ягу, которая при этом иногда обороняется кузнечным молотом. Иногда упоминается еще, что в своем подземном царстве Баба-Яга враждует с каким-то старым богатырем, которого она ослепила за потраву ее полей. Мужских враждебных персонажей сказки такого типа, как правило, не знают (хотя в группе подобных сказок Баба-Яга стремится погубить богатырей в отместку за убийство ее сыновей-змеев); зато совместно с Бабой-Ягой нередко действуют ее дочери или жены ее сыновей, обычно числом 3 или 12. Так, например, в сказке о «бое на калиновом мосту» змеинные жены пытаются расправиться с богатырями, превращаясь в различные привлекательные предметы: в яблонево сад с «духовитыми» яблоками, в колодец с ключевой водой, в кровать с пуховой периной и т.п.; пользование всеми этими благами для усталых от похода богатырей

должно закончиться их погибелью, но богатыри избегают соблазна и уничтожают змеев, после чего встречаются с главной опасностью — Змеихой-матерью, Бабой-Ягой. Она в подобных сказках бывает обычно обрисована комическими чертами: обращается то в тучу, то в гору с пещерой, то в бесконечную стену; иногда, «раззявив рот так, що одна губа по-лид облаками, а друга по земли волочется», она проглатывает богатырей с их конями. Во многих сказках она гонится за богатырем, но он спасается от нее, сперва бросая ей в огромную насть то пять пудов соли, то стог сена, то поленницу дров, чтобы задержать ее, а потом прячась в железной кузнице; при этом он часто ищет защиты от Яги у ковалей Кузмы и Демьяна (иногда сливающихся в один образ кузнеца Кузьмодемьяна). Прилетевшая к кузнице Яга вынуждена бывает пролизывать дверь; но в тот момент, когда она достигает цели, кузнецы хватают ее за язык кузнечными клещами и бьют молотом, т.е. поступают с ней так же, как со Змеем в схожем мифе. Но если Змея после победы обязательно впрягали в плуг (ср. миф о происхождении Змиевых валов), то бабу-Ягу обычно «перековывали на кобылу», хотя в некоторых сказках также, как и Змея, впрягали в плуг и пропахивали борозду «аж на сажень у вышки». «Перекованную» же Ягу отдавали богатырю; однако она, согласно сказкам, в этом случае не удерживается у своего хозяина и скоро гибнет.

В основу подобных сказок-легенд о воинственной Яге-богатырше, обитающей где-то «за степной рекой среди шелковых трав, у криничной воды возле моря», вероятно, легли сказания о войнах с царством амазонок, живших у Меотиды. Так, например, описания «подземного» царства Яги, среди которого нередко возвышаются горы, были, очевидно, навеяны преданиями о каких-то областях, расположенных за горами, с которых нужно спуститься (как в подземелье) вниз, в долины, населенные воинственными и многочисленными женщинами-всадницами (образ которых нередко замещает традиционный образ Змея), возглавляемые некой «Царь-Девичей». Сказочные описания дороги в страну Яги и самой страны очень напоминают сказочные же описания «Подсолнечного Девичьего царства», которое находится «за тридевять земель, за тридевять морей», за «огненным морем». В этих описаниях угадываются южные приморские области. Согласно сказкам, в Девичьем царстве есть город, окруженный каменной стеной или железным тыном высотой 12 сажень; правит им сама Царь-девица, которая ездит на богатырском коне, под которым гнутся мосты и в «ископыти» которого увязают обычные кони. В ее владении находится и живая и мертвая вода, и молодильные яблоки, и прочие чудеса; за ними-то и отправляются смельчаки-герои (например, три сына старого царя), хотя поездка эта небезопасная: в подчинении у Царь-девицы находится целое войско «удалых полениц», с которыми она «тешится в зеленых лугах»; богатыри, которые пытаются пробраться к этой воинственной царице, обычно гибнут: «Много туда ехало

Баба—Яга

разных богатырей, а ни один оттуда не вернулся. Все-то головушки ихни на тычинушках, а только одна тычинка стоит порожная — не твоей ли головушки быть?». Впрочем, поездка главного героя сказки к Царь-девице обычно бывает мирной и не носит характера военного похода: герой (Иван-Царевич) добирается до Девичьего царства, застаёт Царь-девицу спящей в шатре и овладевает ею, а она рождает сыновей и заставляет героя жениться на ней, угрожая, что иначе разрушит его царство: «Я все царство побую, поплению, головней покачу».

По-видимому, сказки о царстве воинственной Бабы-Яги являлись вариантом мифа о чудесном «Девичьем царстве». Предания же об этой чудесной стране, очевидно, отразили реальное пребывание на юге каких-то «женоуправляемых» кочевников. Географически амазонки приурочивались к побережью Меотиды — Азовского моря; упоминались они в связи с ранними эпизодами греческой мифологизированной истории (троянская война, поход аргонавтов, вторжение амазонок на Балканский полуостров) и соотносились, скорее всего, с сарматами или киммерийцами (греческие авторы в своих сказаниях нередко путали амазонок с киммерийцами). Хронологический диапазон действий киммерийцев и сарматов составлял целое тысячелетие (тысячелетие до н.э.) с интервалом в VII—III вв., когда соседями праславян были скифы-кочевники.

На то, что в основу сказок о Яге-всаднице и о девицах-поляницах легли предания о борьбе славян (символизированных одним или тремя героями) со степными кочевниками, южными народами, «женоуправляемыми» сарматами или киммерийцами (символизируемыми многоголовыми Змеями или Ягой с войском змеих), указывают и расположение страны у каких-то гор с ущельями и пропастями, близ моря или за морями, и постоянные упоминания о скоте, пастбищах, табунах превосходных (волшебных) коней, и тесная связь самой Яги и ее дочерей с конями (так, например, миф о дочерях Яги, оборачивающихся кобылицами, мог возникнуть так же, как возник миф о кентаврах, — на основе наблюдений за умелыми всадниками, каковыми являлись степняки-кочевники), железная ступа Бабы-Яги (напоминающая скифские или сарматские котлы на поддоне), в которой она в некоторых сказках преследует героя, и крепости с высокими каменными стенами (в южных причерноморских землях были десятки хорошо укрепленных греческих городов, завоеванных кочевниками-сарматами), и человеческие головы на «тычинах» вокруг города Царь-девицы или дворца Бабы-Яги (о таком обычае сообщал Геродот, описывая быт тавров Крымского полуострова: «У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов... тело жертвы сбрасывают с утеса в море... голову же прибавляют к столбу... «С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем,

воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом»).

В сказках с участием Яги, вероятно, нашли отражение и войны с киммерийцами в «змеиной земле», и противостояние скифским наездам, и полуновеллистические сказания о взаимоотношениях с сарматами и сарматками. Баба-Яга в этих сказках могла символизировать и Царь-девицу, повелительницу амазонок, поскорее всего, подобно Змею, олицетворяла всю «степную силу» в целом. Конечно, такая конная Яга, мать змеев и оборотней-кобылиц, — это не та традиционная русская сказочная Баба-Яга, которая живет в избушке на курьих ножках в дремучем непроходимом лесу. Хотя у них имелись и общие черты: например, и та, и другая в сказках и поверьях неизменно связывались со змеями.

В основе северного образа Бабы-Яги, колдуньи и повелительницы зверей, обитающей в лесной чаще и иногда похищающей и пожирающей детей, а иногда помогающей герою советом и делом, как и в случае с южной Ягой-воительницей, лежали древнейшие предания, воззрения и обычаи. Образ лесной Яги-колдуньи восходит, по-видимому, к древнейшим представлениям о Великой Матери мира — хозяйке зверей, прародительнице всего живого, ведающей судьбами людей и наделяющей шаманов их сверхъестественной силой. Связь Яги со смертью также может объясняться этим ее прообразом: «...смерть на некоторой стадии мыслится как превращение в животных. Но так как смерть есть превращение в животных, то именно хозяин животных охраняет вход в царство мертвых (то есть в царство животных) и дает превращение, а тем самым власть над животными, а в более позднем осмыслении дарит волшебное животное». Яга в сказках выступает именно как привратница, стерегущая границу между миром живых и миром мертвых, и проводница в иной мир; она испытывает героев, пытающихся проникнуть в мир мертвых, и помогает тем, кто эти испытания выдержал. Избушка Яги, стоящая на границе двух миров, является как бы вратами в мертвое царство, загробный мир; даже облик ее в сказках и поверьях напоминает о смерти: она весьма схожа с домовиной (погребальным сооружением в виде человеческого жилища) и нередко бывает окружена человеческими останками (на плетне висят черепа, дверь подпирается ногой и т.д.).

Вместе с тем, Баба-Яга явно связывалась в народном воображении не просто со смертью, но и с обрядами перерождения, с идеей умирания и воскрешения. Так, например, в сказках она часто похищает детей и стремится изжарить их в печи, что напоминает известный во многих местах обряд «перепекания ребенка», совершавшийся над больными или слабыми детьми: ребенка символически уничтожали, чтобы он возродился вновь уже другим человеком. Возможно даже, что сказки о «Яге-похитительнице» возникли на основе древнего колдовского обряда инициации, посвящения юношей в охотники, введения их в определенную

возрастную группу. Обряд инициации заключался обычно в том, что подростков, мальчиков 10-12 лет, на некоторое время уводили из селения и подвергали различным испытаниям, проводя своеобразный экзамен по всем практическим охотничьим навыкам; при этом юноши как бы «умирали» для племени, чтобы вместо них «родились» мужчины, воины и охотники. «Экзаменом на зрелость», который все юноши должны были «сдать», руководил, по-видимому, мужчина, охотник. Однако инициации содержали не только испытания в ловкости, меткости, бесстрашии и выносливости, но являлись также и частичным приобщением подростков к священным тайнам племени, к магическому ритуалу охотников. В древнейшие времена этим сложным ритуалом, церемонией посвящения юношей в охотники, могла руководить и женщина-ведунья, которую впоследствии, с исчезновением матриархата, сменил учитель-мужчина (послуживший прототипом «дедушки лесового»). Вероятно, такая женщина символически представляла все ту же Великую Мать, богиню — повелительницу и прародительницу животных, связанную с потусторонним миром мертвых. Образ такой «ведающей» женщины вполне мог послужить основой для создания сказочного образа Бабы-Яги, приходящей из леса, похищающей детей (т.е. уводящей их для обряда инициации) и стремящейся изжарить их в печи («убить ребенка, чтобы родился мужчина»), а также дающей советы и помогающей избранным героям, выдержавшим испытания.

Многие детали сказок, повествующих о страшной Яге, живущей где-то в глухих лесах, позволяют предположить, что образ Яги является конечной трансформацией древнейшего образа богини-матери, повелительницы мира, ведающей судьбами людей. Некогда эта богиня-мать считалась верховным божеством; однако со временем, с переходом от матриархата к патриархату и от охотничьего хозяйственного комплекса к земледельческо-скотоводческому, произошли определенные трансформации этого образа, и богиня-мать стала почитаться людьми уже не как хозяйка мира, но как богиня-громовница, распорядительница таких небесных операций, как дождь, необходимый для посевов. С приходом же христианства образ языческой богини вновь подвергся изменениям, и она превратилась в демоническое существо, в мифах и поверьях, однако, сохранившее некоторые черты прежнего образа (ср. преобразование образа Макоши, богини плодородия, в образ Мары, кикиморы и т.п.).

Так, например, Баба-Яга, как и многие подобные ей существа, представлялась народу пряхой (ср. широко известное представление о богинях-пряхах, прядуших человеческую судьбу); считалось, что она прядет кудель, тклет холсты и гоняется за своими жертвами с железным гребнем в руках. На то, что Яга некогда считалась олицетворением дождевых туч, бури, вихря, т.е. на то, что она некогда была богиней грозы, указывает не одна черта, сохранившаяся в ее облике; ср.,

например, представления о том, что Баба-Яга летает с бурей, погоняя свою железную или огненную ступу пестом-молнией и заметая свои следы огненным помелом — ветром; имеет огненные пальцы и острые железные зубы (т.е. разряды молнии), а также длинные груди, которые можно забросить за плечи, и спутанные, растрепанные волосы (метафора дождевых туч и дождя); обладает чудесными огнедышащими конями, сапогами-скороходами, ковром-самолетом, гусями-самогудами и мечом-самосеком (т.е. распоряжается и быстролетными облаками, и «бурными напевами грозы», и разящими молниями); охраняет источники живой воды (т.е. дождя); заботливо прячет в своих кладовых медь, серебро и золото (т.е. сокровища солнечных лучей, скрываемых за тучами); насылает ненастье или засуху, преследует сказочных героев черной тучей и т.д. На Руси бабу-Ягу называли ярою, бурюю, дикою, что указывает на связь ее с бурными, грозвыми тучами, а также, отчасти, и на связь с культом плодородия (слово *ярый* было связано с представлением о весеннем плодородии; русское «ярый» — «горячий, огненный, яростный, буйный»). Отголоски функций богини плодородия сохранились также и в некоторых народных поверьях, помещавших Ягу в поле, среди плодоносящих растений; так, например, во многих славянских областях (у русских, сербов, украинцев и пр.) детей, чтобы они не лазали по садам и огородам, не щипали горох и не бегали по хлебным полям в пору колосшения, пугали Бабой-Ягой, говоря, что тех, кто в неурочное время ходит в поле, она ловит и душил своей железной грудью или толчет в железной маслобойне, загрызает железными зубами, отнимает зрение и т.п.; когда ветер волнует ниву, — это она гоняется за ребятами. Схожие действия поверья приписывали и русалкам, также духам вод (изначально небесных — дождя, росы и т.п., а позднее земных — рек, источников и пр.) и, соответственно, плодородия (божества и духи, связанные с водой, традиционно считались покровителями плодородия).

На связь Яги с водой, бурей, дождевой тучей указывает и ее связь со змеями. Яга, как и другие одноногие или хромые существа, издревле соотносилась с образом змеи; так, в сказках она, как правило, не ходит, а летает, подобно мифическому змею, и к тому же однонога или хромает (возможно развитие представлений: змея — человек со змеиным хвостом — одноногий человек — хромой и т.п.; возникновение образа смешанной природы — верхняя часть фигуры от человека, а нижняя от змеи — относится еще к палеолиту). Подобно мифическому змею, они пожирает человеческое мясо и чует «человеческий дух» (ср. народные сказки: когда Яга или змей возвращаются в свой дом, где притаился герой, они восклицают: «фу-фу! Человеческим духом пахнет!») и т.п.). Многие сказки называют ее повелительницей и даже матерью, прародительницей змей и змеев. Баба-Яга и мифическая Змеиха, мать змеев, в преданиях славян выступали как личности тождественные; на Украине «поедучую ведьму»

Бабка

обычно называли змеей. Подобно змеям, Яга нередко сосет белые груди красавиц и сторожит источники живой и мертвой воды. Предположительно, само слово «яга» является изначальным, позднее измененным названием змеи: известно, что общерусское «змея» не является исконным названием этого пресмыкающегося. а возникло, вероятно, как табу по связи со словом земля — «ползающая по земле». Слово же яга (ега, пол. jedza, jedzi-baba, словац. jenzi, jenzi, jezi-baba, чеш. jezinka, галиц. язя) соответствует санскр. ahi — змеи (звук h, сохранный в русском, в других славянских наречиях смягчается в дж=дз (пол. dz), ж и з).

Конечно, как олицетворение грозы, Яга могла быть связана со змеями, в народной традиции неизменно олицетворявшими воду, дождь, а также молнии (ср. олицетворение молнии в облике огненных змеев). Змеи в народных поверьях любят сосать белые груди красавиц, извлекая молоко (т.е. дождь); змеи же сторожат источники живой воды и даже обычные криницы, колодцы и т.д. Древний миф о происхождении грозы гласит, что дожди и солнечный свет похищает некий змеевидный демон, Змей; бог грозы Перун сражается с ним и разбивает тучи молнией, высвобождая воду и открывая миру солнце. Помимо всего прочего, змеи издревле считались существами, сопричастными к стране мертвых, и это представление также могло повлиять на сближение змей с Бабой-Ягой, существом, соотносимым со смертью и с потусторонним миром усопших.

Бабка, бабушка — см. Баба.

Бага — см. Бука.

БАГАН — у белорусов дух-покровитель рогатого скота, разновидность дворового духа. Главное отличие его от дворового в народных поверьях состоит в том, что баган присматривает только за домашним скотом (в первую очередь за коровами и овцами), а дворовик следит за всем двором, т.е. за хозяйством в целом.

Согласно народным поверьям, баган, если он всем доволен, всячески заботится о скоте — кормит и холит коров и овец, охраняет их от болезней, умножает приплод и т.д. Но в случае гнева он, по народному убеждению, всячески вредит и скоту, п хозяевам: «куролесит» в хлеву, «творит самок бесплодными» или убивает ягнят и телят при самом их рождении.

Для того, чтобы избежать гнева багана, к нему старались относиться со всем вниманием и уважением, не беспокоить его, угощать в определенные дни и т.д. Хорошие хозяева даже специально отделили для багана в коровьих и овечьих хлевах особое место и устраивали там маленькие ясли, наполненные сеном. Это место и считалось жилищем багана. Сеном из таких яслей, как целебным снадобьем, нередко кормили отелившихся коров.

Бажник, бадник — см. Болотник.

БАДНЯК. бадник — рождественский персонаж южнославянской мифологии; дух, воплощенный в новогоднем (рождественском) полене, пне или ветке, сжигаемых в сочельник.

Представления о бадняке появились в древнейшие времена и были тесно связаны с зимним солнцеворотом. Это время издревле считалось у всех народов радостным праздником, так как в это время светонесущая сила солнца начинала переходить от постепенного угасания к постепенному возрастанию. Люди видели в этом возрождение или воскрешение солнца и в честь столь радостного события, совершавшегося на небе, зажигали по городам и селам костры от «живого» огня и непременно обновляли огонь в домашнем очаге, издревле считавшемся жертвенником и обиталищем огня-Сварожича.

Некогда этот праздник возрождения светила призывался, по-видимому, непосредственно ко времени зимнего солнцеворота; но с приходом христианства его начали приурочивать ко дню Рождества Спасителя и к рождественским святкам. Тут, по-видимому, сыграло свою роль и величие этого праздника в глазах христиан, и в особенности то обстоятельство, что Иисуса Христа в церковных песнях величали не иначе как «праведным солнцем, пришедшим с востока». Позднее же, когда новолетие было перенесено на 1-е января, мысль о нарождающемся новом годе весьма удачно совпала со старинным мифом о рождении солнца, движением и поворотами которого определялась смена времен года. Так что древние обряды паления костров в честь возрождающегося солнца со временем стали приурочиваться по большей части к двум церковно-народным праздникам: Рождеству Христову и Новому году (а в некоторых местах эти обряды совершались еще и на Крещение). Так, например, у всех восточных славян принято было во время Рождественской заутрени жечь у церкви смоляные бочки. На Украине крестьяне, начиная с 25-го декабря, целую педелю собирали весь сор в избе в одну кучу, а на Новый год перед самым восходом солнца выносили его в сад и зажигали, полагая, что оживленные действием этого огня деревья принесут на будущее лето обильный урожай вкусных плодов; при этом некоторые хозяева собирали сор для этого обряда и в течение целого года, зажигая его на дворе или в саду накануне Рождества. Схожие обряды наблюдались у всех славян: русские, поляки, сербы, белорусы и пр. традиционно раскладывали обрядовые костры на Рождество или под Новый год, а зачастую и в канун обоих этих праздников, отмечая таким образом «возжжение солнца светильника».

К подобным обрядам у южных славян и относилось возжигание бадняка. Собственно бадняком (бадньак) сербы, хорваты, болгары и пр. называли колоду, сжигаемую в сочельник на домашнем очаге. «Бадним днем» (бадњи дан) у этих народов именовался канун Рождества, а само Рождество называлось Божий,

Бадняк

Божич (т.е. сын божий, новорожденный божественный младенец). Слово бадняк, предположительно, восходит к санскр. *Badh* — бить (слав, бодать, литов. *Badyti*; ср. рус. «колоть» и «колода»); возможна также связь этого слова с др.-славян, корнем бьд (бьд-етн, боудити) и с понятием пробуждения, бодрствования (пробуждения солнца от зимнего сна).

Рождественские обряды, связанные с бадняком, были, в общем, схожими у всех южных славян. Так, например, но сербскому обычаю (известному также и у хорватов), на бадний день домохозяин (доманин) отправлялся в лес, подыскивал молодой дуб, вырубал из него колоду и привозил ее на свой двор (при этом в Герцеговине для этой перевозки использовали раньше шесть или восемь волов); с сумерками он вносил колоду в избу и, обращаясь к домочадцам, приветствовал их: «Добар вече и честит вам бадн>и дан!» («Добрый вечер и счастливого вам Рождества!»), а они отвечали: «Дао ти Бог добро сретњи и честити!» или: «И с тобом заедно сретно и честито!» Принесенную колоду обмазывали по краям медом и посыпали зерновым хлебом, а затем клали в печь на горячие уголья; при этом в некоторых деревнях, кроме большого бадняка, на огнище возлагали еще пять меньших, называемых «баднячица» или «блажена палица». После возжигания бадняка хозяйка устилала пол свежей соломой и разбрасывала по ней орехи; затем следовало семейное пиршество, а за ним — пляски, песни и вообще веселье, а на рассвете следующего дня — традиционные выстрелы из ружей. Рождественским утром дом непременно посещал ползаник — ритуальный гость (которого хозяева обычно выбирали и приглашали заранее), воплощение всех радостей и всех бед, которые выпадут на долю обитателей дома в будущем году. При входе в избу ползаник бросал горсть хлебных зерен и произносил: «Христос се роди!», а кто-нибудь из домашних отвечал ехчу: «Ва истину роди!» и осыпал его самого житом. После этого ползаник приближался к огнищу и, ударяя кочергой по горящему бадняку так, чтобы искры посыпались во все стороны, приговаривал: «оволико говеда, оволико конья, оволико коза, оволико оваца, оволико крмака, оволико кошница, оволико срепе и напретка!» («Сколько искр, столько пусть будет коров, коней, коз, овец, свиней, ульев, счастья и удачи!»). После этого следовал обед, причем перед трапезой все присутствующие брали в руки по зажженной восковой свече, молились Богу и целовали друг друга со словами: «Мир божи! Христос се роди, ва истину роди, поклан амо се Христу и Христову рожанству»; по окончании молитвы и взаимных приветствий все свечи передавались домохозяину, который соединял их в один пук, ставил в чашку, наполненную разного рода хлебными зернами, и, немного погодя, гасил их в этих зернах, опуская зажженными концами вниз. Затем начиналась трапеза, на которой обязательными блюдами был мед и чесница (пресный пшеничный хлеб с запеченной в нем серебряной или золотой монетой), которую хозяин разламывал на

несколько кусков и раздавал по куску всем сидящим за столом; при этом тот, кому доставался кусок с монетой, считался счастливым человеком, который будет «насретии и оне године».

Все эти обряды, как и многие другие, совершавшиеся в это время были обеспечить дому процветание, благополучие и счастье; прежние же беды и несчастья, болезни и злые мысли минувшего года должны были, по народному поверью, сгореть в священном огне бадняка. По этой причине в некоторых местах принято было всю ночь следить за ритуальным сожжением бадняка, чтобы он не потух, так как это могло предвещать несчастья в будущем году. При этом по бадняку традиционно гадали о будущем годе, о грядущем урожае и о судьбах домочадцев, а также совершали с ним различные магические действия, например, окуривали его тлеющей головней ульи (полагая, что это помогает дружному роению пчел), а потом, когда она гасла, относили ее в сад и ставили на молодую сливу или яблоню, чтобы в будущем году было изобилие меда и садовых плодов (при этом схожей плодородной силой в некоторых местах наделялся не только бадняк, но и божитные семена и солома: семенами закармливали кур, чтобы не было недостатка в яйцах, а солому относили на нивы, «да би больше родиле»).

После сожжения бадняка оставшиеся уголья и золу собирали и потом употребляли как лекарство против болезней домашнего скота и лошадей.

В некоторых местах над бадняком совершался даже целый сложный комплекс обрядов, связанных с верой в необычайную целительную и плодородную силу этого рождественского полена. Так, например, в Черногории на бадний день каждая семья приготавливала толстое дубовое полено, обвитое лавровыми ветвями; на закате солнца это бревно вносили в избу, посыпали его пшеницей и приговаривали: «Я тебя пшеницею, а ты меня мужскими главами (т.е. одари меня потомством, сыновьями), скотиною, хлебом и всяким счастьем!» Затем старейшина, вместе с домочадцами, клал бревно на очаг и зажигал с обоих концов, а когда оно разгоралось, лил на него вино и масло и бросал в огонь горсть муки и соли (а иногда также горсть зерна, несколько монет и т.д.). Затем он затепливал от священного пламени восковые свечи и лампаду перед иконами и, сотворив молитву о благоденствии своей семьи и всех православных христиан, брал чашу вина, отпивал немного и передавал ее старшему сыну; тот, в свою очередь, передавал ее следующему по старшинству родичу, и так продолжалось до тех пор, пока круговая чаша не обходила всех мужчин и женщин в семье. При этом каждый, взяв в руки чашу, прежде, чем отпить из нее, плескал вином на бадняк со словами: «Будь здрав, бадняче-веселяче, с великом и добром сретом у кучу улега!» По окончании этого обряда хозяева делали несколько залпов из ружей, а затем все приступали к вечерней трапезе, причем стол для этой трапезы непременно устилался соломой и посередине стола клались один на другом три хлеба, причем

Бадяй

верхний хлеб украшался лавровой веткой с апельсином или яблоком. Бадняк же оставался в печи и тлел там до самого Нового года; и все это время праздничные яства не снимались со стола, чтобы хозяева в любое время могли угостить желанных гостей — друзей, знакомых или просто странников, зашедших в дом. Всякий гость, входя на рождественские святки в избу, подвигал бадняк к задней стороне печи и, как только начинали сыпаться искры, высказывал доброе пожелание: «Да будет у хозяина столько же детей, коров, овец и денег, сколько выпало искр!»

Схожими же обрядами с бадняком сопровождался канун Рождества у болгар. Вечером глава семейства, его жена и дети выходили на двор с зажженными лучинами в руках и отправлялись к месту, отведенному для рубки дров, где и выбирали бадняк — толстое, длинное и сырое дубовое полено. Найдя подходящее полено, хозяин снимал шапку и с благоговением произносил: «Помози, Боже и ти Коледо, да поживеем и до друга година!» Потом, взвалив дубовое полено на плечо, он в сопровождении всех домочадцев возвращался в избу, клал бадняк в печь и разводил огонь; приступая к очагу, он провозглашал молитву и обращался ко всем присутствующим со словами: «Христос са роди!», а домочадцы отвечали ему: «Истинно са роди!» и целовались друг с другом. Возжженное накануне Рождества полено-бадняк должно было медленно и постоянно гореть в течение всех святок до самого Крещения. В некоторых деревнях Болгарии принято было даже 24-го декабря (т.е. накануне Рождества) тушить все огни во всех домах, а затем выгнать из сухого дерева новый, «живой» огонь — «святой (божий) огнец», которым и возжигали все домашние очаги с заготовленными поленьями-бадняками. Когда бадняк разгорался, хозяин дома поднимал его и несколько раз ударял им со словами: «За плод и здраве!»;

при этом искры, посыпавшиеся от первого удара, символизировали приплод лошадей, искры от второго и третьего ударов — приплод коров и овец, и так далее. После этого обряда хозяева пекли на разведенном в печи огне пресный хлеб с золотой или серебряной монетой внутри, называемый «боговица»; разбрасывали по полу солому, грецкие орехи и пшеницу, а затем накрывали на стол, причем подавали на ужин вино, мед и разные плоды: яблоки, сливы, сухие персики, изюм, виноград, горох в стручках и орехи. Как только стол уставляли яствами и напитками, глава семейства брал кадильницу, читал молитву и кадил по избе ладаном; после этого домочадцы садились за стол и принимались за ужин, причем откладывали часть меда и фруктов в особую миску и ставили ее под образа, а потом сберегали эту отложенную за трапезой еду на случай какой-либо болезни, почитая ее самым лучшим лекарством. После ужина набожные люди, «верные заветам старины», не укладывались спать, а оставались бодрствовать возле очага, следя, чтобы священное пламя бадняка ненароком не погасло. Пепел, оставшийся от сожженного полена, частично употребляли

для лечения домашней скотины, а частично рассыпали по нивам, пастбищам и виноградникам, полагая, что это способствует хорошему урожаю; ту же часть бадняка, которая не успела сгореть до Крещения, зарывали в землю посреди поля или виноградника или хранили дома до следующего Рождественского сочельника и тогда разводили ей «новый огонь».

Большая часть подобных обрядов, производимых с ритуальным поленом бадняком, появилась еще в глубокой древности и была, по-видимому, связана с богом грозы и небесного огня, богом — подателем животворящего дождя, обеспечивающего плодородие. Этим божеством, по-видимому, был Перун (др.-рус. Перун, общее лав. Репунъ, в балтийской мифологии — Перкунас) или, может быть, какое-нибудь другое небесное божество со схожими функциями (так, например, у восточных славян Перуну предшествовал Род, не только небесный бог плодородия, податель дождя, но также и бог-творец, демиург, создавший землю; он был некогда гораздо более почитаем земледельцами, чем Перун — сперва просто бог-громовец, а затем бог — покровитель княжеских дружин).

О связи Перуна, как бога-громовеца, с бадняком говорит многое. Так, например, бадняк традиционно изготовлялся из дубового дерева, а дуб в языческие времена считался деревом Перуна, и священный «живой огонь» добывали преимущественно из этого дерева. В капищах Перуна некогда поддерживался неугасимый огонь, причем бросали в это священное пламя только дубовые дрова. Перуну же посвящались орехи, а потому разбрасывание их по избе может также указывать на культ громовника. Масло и вино, которыми поливали бадняк, и хлебные зерна, которыми его осыпали, могли служить символом посылаемого Перуном дождя, осеменяющего землю и дарующего ей плодородие. Может быть, во всех этих обрядах нашли отражение древние представления о том, что когда облачные демоны гасят или похищают дневное светило, тотчас же появляется бог-громовник, который бурвит своей палицей дерево-гучу, добывает из него живое пламя молнии и вновь возжигает или освобождает солнце, при этом проливая на землю дождь. То же самое могло относиться и к зимнему солнцевороту: Перун (или другой бог-громовник, бог солнца и света, может быть, Дажьбог), побеждая зиму с ее снеговыми тучами, заново возжигает солнце (ср. обычай на Рождество Христово зажигать и скатывать с горы тележное колесо). Вероятно, в честь этого события и возжигался бадняк — обрядовое дубовое полено.

Бадяй - см. Бабай.

БАЕЧНИК. перебаечник — в русских народных поверьях и сказках злой домашний дух. Согласно поверьям, появляется он только ночью и очень не любит, чтобы за ним наблюдали; заговаривать с этим духом также считалось опасным — по народному

Байница

убеждению, от этого «добра не будет», можно опасно заболеть.

Баечник в народных поверьях воплощал собой страх, связанный с вечерними разговорами о чем-то страшном, о нечистой силе и т.п. Так, например, в некоторых местах считалось, что когда вечером рассказывают страшные сказки и истории, то после того, как все улягутся спать, можно услышать баечника: в это время он тихо плачет и глухо, сдержанно стонет, бормочет что-то прерывисто-кратким, неразборчивым голосом, бродит по избе, шуршит, постукивает, мерещится в темных углах и т.д.

Представлялся баечник старичком, маленьким и неповоротливым. По поверьям, ходит он всегда босиком — чтобы не слышно было, как он подкрадывается и стоит над человеком с протянутыми над головой руками (хочет узнать, страшно тому или нет). Считалось также, что баечник, подобравшись к человеку, будет разводить над ним руками до тех пор, пока тому не приснится рассказанное на ночь и человек не проснется в холодном поту (по народному убеждению, если в это время зажечь лучину, то можно увидеть убегающие от постели тени — поспешно скрывающихся баечников).

По некоторым поверьям, баечников в доме бывает четыре или пять, причем самый страшный из них — усатый прсбаечник, у которого усы заменяют руки. В некоторых местах рассказывали, что некогда защитой от баечников служили заклятия-заговоры, но они были забыты со временем; а больше баечники, по народному убеждению, «ничего не страшатся».

Байница — см. Банная бабушка.

БАННАЯ БАБУШКА, баянная матушка, банниха, банница, байница — в русских поверьях женский дух, обитающий в бане; дряхлая добрая старушка, покровительница знахарок и повитух, способная излечить человека от всех болезней. По поверьям, она всегда приглаживает за роженицей с ребенком, когда они еще находятся в бане, и обычно бывает доброжелательна к больным и слабым.

По-видимому, такое представление о доброжелательном банном духе (для народных поверий, кстати, нетипичном: духи, обитающие в бане, повсюду обычно представлялись злыми) в облике старушки было тесно связано с обликом бабки-повитухи (и недаром появление банной бабушки нередко непосредственно связывалось с родами). Жизнь крестьянских детей начиналась обычно в бане, куда роженица вместе с повивальной бабкой удалялась перед родами и где обычно проводила первые дни после родов. Повитуху, помогавшую роженице и присматривавшую за роженицей и ребенком первое время после появления ребенка на свет, традиционно называли бабушкой и весьма почитали в крестьянской среде. Возможно, именно бабка-повитуха, ухаживающая за роженицей и младенцем в бане, и послужила прообразом банной бабушки.

БАННИК — у русских и белорусов дух — хозяин бани. У русских его еще именовали баенником, байником, баенным, байнушкой, байником, банным (ср.: «банной хозяйин»), а также банным нечистиком, банным анчуткой, банным чертом, банным шишом; у белорусов его иногда называли еще лазником.

Банник, как правило, считался злым, вредоносным духом, родственным черту (что отразилось и в некоторых его названиях типа «банний нечистик» и т.п.), хотя в некоторых местах его и почитали как доброго, радушного банного хозяина, подобного домовому (ср. пословицу: «Нет злее банника, да нет его добрее»). Во многих местах также придерживались мнения, что банник, в общем, не особенно враждебен человеку и не станет вредить хозяевам бани, если только те сами не навлекут на себя его гнев своими действиями. Очевидно, во всех подобных поверьях нашло отражение двойственное отношение к самой бане: с одной стороны, баня воспринималась как место очищения, необходимое для всех (ср. убеждение, бытовавшее во многих русских деревнях, что человек, который не ходит в баню, — человек недобрый, нечистый) и способное даже излечивать многие болезни, место, где начиналась человеческая жизнь (крестьянские женщины обычно рожали в банях); с другой же стороны, она повсеместно считалась местом нечистым и недобрым, неосвященным, в котором пребывает нечистая сила, местом, где человека могут подстергать всяческие опасности — болезни, угар, морок и т.д. Персонификацией этих подстерегающих человека в бане опасностей, воплощением бани как места «нечистого» и считался банник.

Согласно народным поверьям, банник обычно бывает опасен для людей и вредит моющимся, если те нарушают определенные правила поведения. Так, например, в быличках и поверьях банник наиболее часто нападает на людей, которые являются в баню в неурочное время. По народному убеждению, банник очень любит мыться (в некоторых быличках он моет волосы в кипятке, парится и г.д.), причем моется он обычно вечером или ночью, после всех людей, обыкновенно разделяющихся на три очереди и моющихся «около 5-7 часов пополудни». Тем же, кто приходит в баню в это время (т.е. после захода солнца, ночью или после двух-трех смен парящихся), банник вредит: пугает, прикидываясь человеком; брызжет, плещет кипятком и кидается раскаленными камнями из каменки; напускает угару; кричит, «стучочет» и т.п. Нередко он сильно и зло парит попавшегося ему человека, обдирая кожу, а если человек не сумеет убежать от него «умеючи», т.е. задом наперед, то банник может запарить и до смерти. Так, например, в быличке из пензенской области мужик, который, припозднившись в дороге перед праздником, пришел в баню после полуночи и, раздеваясь второпях, вместе с рубахой снял с шеи крест, начав париться, вдруг почувствовал, как кто-то невидимый стал сильно хлестать его вениками

Банник

но бокам; мужик еле слез с полка, кинулся к двери, но обнаружил, что дверь «так притворена, что и не отделиться». Жена мужика, спохватившись, что мужа долго нет, пошла к бане и стала звать мужа и ломиться в дверь; на ее крик собрались соседи и стали рубить дверь топорами, но от двери только искры летели, а шепок не было. Тогда позвали бабу-знахарку; та пришла, окропила дверь святой водой, прочла молитву, и дверь отворилась, мужика вытащили из бани живым, но в беспамятстве: «насилу оттерли его снегом».

Во многих местах было известно и поверье о том, что банник может задушить человека, моющегося в одиночку вечером или ночью: сперва он усыпляет человека, а потом длинными и толстыми губами обволакивает ему рот и загоняет в грудную клетку горячий воздух (этим крестьяне нередко объясняли неожиданную смерть от удушья в бане). Кроме того, банник может и «заесть», загрызть неосторожного человека (ср. быличку: «Один мужик пошел с бабой в баню. Вдруг кто-то застучал... И закричало нечеловеческим голосом: «Уходите скорее, а то заем!» Мужик и баба побежали домой»). В некоторых быличках банник также сдирает с пришедшего париться человека кожу, которую потом обычно вешает сушиться на каменку; или затыкает тело моющегося в какую-нибудь узкую щель, например, за печку-каменку, где человек и задыхается (ср. быличку: «Вот нет его, нет... Она пошла в баню. Смотрит, а из-за каменки ноги торчат. А там же от каменки до стенки места всего-то с ладонь будет, чуть побольше... Вот как он туда? Это банник его засунул за печку-то»).

Вообще, запрет мыться в бане ночью часто объяснялся не только присутствием в ней в это время банника. По народному убеждению, ночью и в «четвертый нар» (т.е. в четвертую смену) в бане моется и собирается на посиделки всякая нечистая сила — не только банники, но и черти, бесы, овинники, лешие, русалки, проклятые и т.п.; человеку же в это время мыться нельзя, так как нечистые духи непременно навредят ему — нашьют болезнь, напугают, а может быть, и убьют. Так, например, крестьяне многих мест верили, что поздно вечером, после того, как люди вымоются, банник пускает к себе в гости чертей («вот почему зачастую и повсеместно рассказывают, как, проходя ночью мимо бани, слышали, с каким озорством и усердием хлещутся там черти и при этом жужжат, словно бы разговаривают, но без слов»); человек же, который в это время пойдет париться в баню, живым оттуда уже не выйдет: «черти его задушат, а людям покажется, будто угорел или запарился».

Однако при этом, по народному убеждению, всякая нечистая сила пребывает в бане только время от времени; банник же находится в бане постоянно и является полновластным ее хозяином. Он может пускать или не пускать к себе различных нечистых духов; он бдительно следит за поведением хозяев бани и, если они не соблюдают определенных правил поведения, может напасть на них в любое время дня или ночи. Вообще,

согласно некоторым поверьям, банник властен не только над баней, но и над теми местами, где люди моются и парятся. Так, в некоторых северных лесных местностях крестьяне в баню не ходили вовсе, предпочитая париться в больших печах, занимающих целую треть избы; бани там хотя и существовали, но практически не использовались по назначению (так, например, в Вологодской губернии «под увлечением хорошими урожаями льна и на соблазне охотливых и усиленных заграничных требований через архангельский порт они [бани] были превращены в маленькие фабрики-трепальни и чесальни»). И в этих местах существовало поверье, что людей, залезающих мыться в печь, банник, «помимо власти и разрешения домового», иногда так плотно заставляет заслонкой, что «вытащат их либо в обмороке, либо совсем задохнувшихся».

Согласно народным поверьям, банник, по большей части, бывает невидим; но его часто можно слышать в бане, особенно ночью: он «шбуршитесь», ворочается в куче свежих неопаренных веников, бормочет под полком, за каменкой и т.д. Изредка он показывается людям, и при этом обычно принимает антропоморфный вид, например, облик человека с длинными волосами; голого старика, покрытого грязью и листьями от веников; маленького голого человечка с радужными глазами; черного мохнатого человека, иногда огромного роста, с длинными растрепанными волосами и железными когтями; небольшого мужика в колпаке и т.д. В некоторых местах верили, что банник может показаться в облике кошки (черной или — реже — белой), лохматой собаки, лягушки, белого зайца, веника, угля и т.п. Наиболее же часто облик банника в быличках подобен облику хозяина дома или кого-либо из его родных, знакомых и т.д.; в связи с этим во многих местах был очень распространен сюжет о баннике, который, обернувшись знакомым или родственником, заманивает людей в баню и там сильно и зло нарит, а иногда и запаривает до смерти. Так, например, в одной из быличек банник явился мужику в облике его кума и позвал с собой париться в баню, но едва не запарил его насмерть («насилу тот жив остался»); в другой быличке банник, прикинувшись проезжим барином, попросил крестьянина истопить баню и «запарил» в ней его жену. В рассказе из Новгородской губернии мужик, пришедший в баню в неурочное время, услышавший шум и спрятавшийся на полке, увидел двух банников в обличье двух дюжих парней, которые притащили в баню солдата, содрали с него кожу и бросили ее прямо на мужика; мужик в страхе стал читать молитву: «Да воскреснет Бог», а банники, услышав это, вторили ему: «Да растреснет лоб»; мужик говорил: «Да расточатся враги Его», а они в ответ: «Да раскачается осина»; когда же мужик прочитал всю молитву, банники исчезли, а вместо кожи солдата на перепуганном мужике оказалась рогажа.

Обиталищем банника традиционно считалось место за каменкой или под полком, на котором парятся; может он, по народному убеждению, обитать и в куче

неошпаренных банных веников, или вообще просто в бане (он как бы находится во всех ее углах одновременно). При этом, по некоторым поверьям, в бане может быть сразу несколько банников, среди которых может быть главный банник и его подчиненные (хотя такие поверья встречались довольно редко, возможно, потому, что во многих местах верили, что банники любят драться и нередко дерутся не только с лешими, чертями и т.п., но и с другими домашними духами, например, с овииниками, и даже между собой, не уживаясь вместе с другими банниками). В некоторых местах считалось также, что вместе с банником в бане могут обитать его жена и дети. Жена — банника или обдериха — в былинках и поверьях обычно весьма напоминает самого банника по своему облику и занятиям: она, как и банник, является людям в бане в облике родственницы или знакомой и парит, обдирает человека, иногда запаривает его до смерти. Дети банника обычно представлялись уродливыми и крикливыми существами, которых банник иногда оставляет людям вместо похищенных человеческих детей. По этой причине опытные повитухи и родные старались ни на минуту не оставлять роженицу с ребенком в бане одних: считалось, что если только ребенок останется один без присмотра, банник может украсть его, оставив на его месте свое собственное дитя — уродливого подмышша, сильно отстающего в развитии, который потом умрет или превратится в банный веник или в головешку; при этом банник может не только похитить ребенка, но и погубить мать. Однако, хотя во многих местах считалось, что банник может по злобе навредить роженице и новорожденному, в некоторых местах верили, что банник очень любит, когда родильницы приходят жить к нему в баню до третьего дня после родов или далее на неделю (как это было заведено в хороших семьях); существовало даже поверье, что первый раз банник появляется в бане как раз после того, как там побывает роженица, а «если в какой байне не бывало рожениц, то нет в пей и байного» (возможно, это поверье было связано с представлениями о том, что домашние духи по своему происхождению являются душами умерших предков).

Впрочем, подобные поверья о милостивых и благосклонных к человеку банниках (олицетворяющих, очевидно, «благостную» сторону бани) были достаточно редки. Как правило, банник (наряду с овииником) воспринимался как один из самых вредоносных и недобрых домашних духов, хотя, являясь все-таки «своим», имеющим прямое отношение к человеческому жилищу и сфере обычной человеческой жизни существом, считался несколько менее опасным, чем «чужие» духи, обитающие за пределами освоенного и обжитого человеком пространства (т.е. лешие, водяные, упыри и пр.). Как домашний дух, банник мог даже защищать людей от этой враждебной нечисти: так, например, в быличке из Владимирской губ. банник укрывает в бане мужика, попросившего защиты от гнавшегося за ним упыря, и сам дерется с упырем, не

подпуская его к человеку; в новгородской быличке мужик просит банника пустить его переночевать и видит, как в полночь в баню приходит овииник, который хочет задушить мужика и которого прогоняет «банний хозяин» («Лег это я на полок и заснул. Вдруг входит такой мужчина, ровно как подовинник, и говорит: «Эй, хозяин, на беседу звал, а сам ночлежников пускаешь, я его задушу!») Вдруг поднимается половица, выходит хозяин и говорит: «Я его пустил, так я и защищаю, не тронь его». И начали они бороться... Хозяин (банник) и кричит мне: «Сними крест да хлещи его!» Я начал хлестать, и вдруг оба пропали»). Но, тем не менее, в быличках тех же мест банник нередко сам является причиной гибели человека: он душит заночевавших в бане, запаривает до смерти и т.д. Он недоброжелателен даже к хозяевам бани и, будучи рассержен на что-то, не даст мыться никому: «всех из бани-то повыгонит». Особенно же часто его гнев в быличках и рассказах обращается на выпивох и пьяных, а также на «ночлежников»: по народному убеждению, людей, ночующих в бане, банник непременно задавит, особенно если они пришли, не испросив его разрешения (по этой причине ночевать в банях обычно решались только самые «лихие» люди, чаще всего — бродяги и беглые, «которым, как известно, все на свете нипочем», а обычные люди, например, идущие на заработки, часто предпочитали ночевать в стогах или под кустами, чем в банях). Считалось также, что банник не любит тех людей, которые хвастаются посещением его жилища в неурочное время, и, дождавшись, когда они придут мыться, непременно душит их угаром.

Для того, чтобы банник не причинял вреда входящим в баню, его всячески задабривали. Так, например, для того, чтобы не сердить «банного хозяина», в бане обычно старались не шуметь и не ругаться (хотя иногда и считалось, что именно бранной и матерной руганью можно отогнать банника). Саму баню хозяева старались содержать в чистоте, чтобы банник не сердился, и при этом иногда верили, что если «банний хозяин» доволен хозяевами, то помогает убирать в бане, подметая пол веником и т.д.

Жертвы баннику приносили обычно при постройке новой бани, а также в некоторые большие праздники и в тех случаях, когда банник начинал пугать и беспокоить моющихся. Так, во многих местах, желая расположить к себе банника, хозяева, идя в первый раз в новую баню, брали с собой ржаной хлеб, круто посыпанный крупной солью, и оставляли его в бане в дар баннику; иногда также сыпали соль сверху на каменку. Для того, чтобы банник «не страшал моющихся и удалял из бани угар», под порогом бани хоронили задушенную (а не зарезанную) и неошипанную черную курицу (реже петуха), причем, закопав курицу, уходили, пятясь задом и кланяясь. Обычно такую жертву также приносили новой бане, и особенно бане, отстроенной после пожара, стараясь подгадать время под Чистый четверг на Страстной неделе. Вероятно,

Банника

это время выбирали потому, что некогда, во времена язычества, именно в Чистый четверг и именно в бане славяне задабривали враждебные души умерших: «И мыльница топят, и на печь льют, и попел посреде сыплют следа ради. И глаголють: “Мойтесь!” И чехли встають и у бруси, и велят ся терти. Беси же смиются злоумию их (хозяев дома). И възлезаше мыються, и порплются в попели том, яко и кури след свой покажут на попеле ...и трутся чехлы и убрусы теми. И приходят топившей мовници и глядают на попеле следа и егда видять на попели след и глаголють: “Приходили к нам навья мытсся!”» Банник, несомненно, воспринимался крестьянами как недобрый дух; в то же время, он, как и другие домашние духи, соотносился с душами умерших, с заложными покойниками. Поэтому и обряд задабривания его мог происходить примерно таким же образом и в то же время, что и обряд задабривания навий в дохристианскую старину.

Почести баннику во многих местах обязательно оказывали и при каждом посещении бани. Так, например, практически повсеместно крестьяне, идя в баню мыться, всегда сперва просились у «хозяина», и лишь потом шли париться (причем в некоторых местах, забираясь на полок, еще приговаривали: «Хрещеный на полок, нехрещеный с полка»). Вымывшись и выходя из бани, на полке обычно оставляли, не благословив и не перекрестив, ведро воды, кусочек мыла и веник для банника, а затем благодарили «баенушку» как радушного хозяина; или даже, перекрестившись, обращались к самой бане: «Тебе, баня, на стоянье, а нам на доброе здорovie».

Как правило, вступать в прямой контакт с банником, существом опасным и, в общем, весьма недобрим, крестьяне избегали. Но в некоторых случаях люди намеренно старались встретиться с «банным хозяином», надеясь получить от него какую-либо вещь или услугу, узнать будущее и т.д.

Так, например, баня в народном быту была обычным местом для гаданий, а ее таинственный обитатель — банник — часто принимал непосредственное участие в девичьих гаданиях. Гадания эти могли проходить по-разному, но, в общем, все они сводились к тому, что гадающие приходили к бане и спрашивали банника о будущем. Так, северорусские девушки, гадая о замужестве на Святках, брали землю из-под девяти столбов забора и затем бросали ее на каменку с приговором: «Байничек, девятиугольничек! Скажи, за кем мне быть замужем?» В полночь девушки шли к бане, завернув подол на голову, обнажали ягодицы и пятясь входили в баню, приговаривая: «Мужик богатый, ударь меня рукой мохнатой!»; считалось, что если к голому телу прикоснется волосатая рука, то жених будет богатый, если безволосая и жесткая — то бедный и лютый, а если мягкая — у жениха будет мягкий характер. Схожие гадания известны во многих местах: девушки, гадая о замужестве, на святки в полночь подходили к челу каменки или снаружи к окну или двери бани, просовывали в двери голую спину или

совали руку в дымник, ожидая прикосновения банника; считалось, что если банник прикоснется мохнатой рукой — жених будет богатый, если голой рукой — бедный, если ударит когтистой лапой — к беде, если нежно погладит мохнатой и мягкой, шелковистой и большой ладонью — к счастью. При этом, по народному убеждению, такие способы гадания были сопряжены с некоторой опасностью, так как банник мог навредить гадающим: например, в одной быличке банник задавил пришедшую в баню гадать девушку; в другой быличке девушке, сунувшей руку в банное окошко, он сковал пальцы железными кольцами («все пальцы сковал в одно место, так что и разжать их нельзя было»), и т.д.

Еще одной причиной для небезопасных контактов с «банным хозяином» было нахождение у банника неких таинственных волшебных предметов: шапки-невидимки, «беспереводного целкового» и т.п. Так, например, во многих местах было известно поверье о том, что раз в год, на Пасху, ловкий человек может добыть у банника шапку-невидимку. Для этого необходимо в Пасхальную полночь пойти в баню, положить нательный крест и нож в левый сапог, сесть лицом к стене и все проклясть; тогда, по народному убеждению, из-под полка появится старик и даст шапку-невидимку (при этом иногда считалось, что человек, получивший такую шапку, может стать колдуном после Вознесения). В других местах полагали, что шапку-невидимку можно отобрать у банника во время «христовской заутрени», для чего нужно пойти в баню и найти там банника, который в это время обыкновенно спит, снять с него шапку и с нею как можно скорее бежать в церковь, чтобы добежать до нее прежде, чем банник проснется (считалось, что если человек не успеет добежать до церкви, то проснувшийся и рассерженный банник непременно догонит и убьет его). Для получения же у банника «беспереводного целкового» (т.е. монеты, которая всегда возвращается к хозяину), по народному убеждению, нужно спеленать черную кошку и в полночь бросить ее в баню со следующим приговором: «На тебе ребенка, дай мне беспереводный целковый!»; затем следует быстро выбежать из бани и крестом очертить себя три раза, тогда банник (или, по другому варианту, черт) не сможет навредить и даст желанную монету.

Банника, банница — см. Банная бабушка.

БАНЯ — место, с одной стороны, считавшееся нечистым и опасным для человека, связанное с нечистой силой и колдовством, а с другой стороны, воспринимавшееся как очищающее и «целительное», необходимое в крестьянском быту.

Баня в крестьянском обиходе традиционно считалась местом недобрим; очевидно, здесь сказывались и некоторая отдаленность ее от дома (бани ставились обычно по оврагам и косогорам, на отшибе, подальше от прочих деревенских строений), и смываемая в бане

грязь, и отсутствие в бане освященных предметов (в бане исконно не вешали икон, а идя в баню, снимали нательные кресты). Возможно, на представление о бане как о нечистом месте повлияло и то, что в ней совершались роды, издавна считавшиеся делом опасным и нечистым (ср. поверье о том, что «с брюхом ходить — смерть на вороту носить»).

Баннные тазы, кадки, ушаты, шайки, ковши и вообще все, предназначенное для мытья, также издавна считалось «нечистым». Так, по народному убеждению, воду, приготовленную для мытья, нельзя пить, даже если она чистая. Банище (место, где была баня), также считалось «нехорошим» местом: по поверьям, если на месте сгоревшей бани поставить избу, то хозяйство либо одолеют мыши и клопы, либо дом вскорости сгорит; в северных лесных местностях полагали даже, что в этом случае банник, бывший обитатель бани, не даст хозяевам покоя и передумит весь скот («п не поможет тогда ни закладка денег в углах избяного сруба, ни разводка муравейника среди двора и тому подобное»).

Крестьянская баня, место нечистое и неосвященное, имеющее обычно законченный, обветшалый и заброшенный вид, издавна считалась местом обитания или, по крайней мере, временного пребывания самой разной нечистой силы. Так, по поверьям, в банях могут обитать банники, кикиморы, черти, лешие, проклятые и т.д. В былинках и поверьях черти, лешие, овиинники и пр. собираются в банях на посиделки, моются или устраивают танцы и т.п.; проклятые плетут в банях лапти, прядут и т.д. (ср. популярный рассказ о явлении в бане проклятой девушки, на которой затем женится парень, решившийся ночью взять с банной каменки камень или сунуть руку в печную трубу). По народному убеждению, баня — «уже прямо-таки обиталище чертей»; по этой причине повивальные бабки, прежде чем привести в баню роженицу, бросали по углам камни с каменки со словами: «Черту в лоб!» В Новгородской области был весьма популярен сюжет о черте, обучающем в бане молодых людей игре на гармони, или о колдуне, который показывал сыну черта в бане (ср.: «А колдун, раз он умел колдовать, так он показывал сыну шишка. Зачем сын сказал, что нет никого, ни беса, ни Шишков, никого нету. Вот колдун п стал говорить: «Я грешный человек, Бога не могу показать (Бога кто может показать), а грешка я покажу, шишка... Я вперед уйду в байню, а ты после за мной приди». Ну, малец справился, попосля его и пошел. Баню открыл... А шишок сидит с отцом на скамейке! Вот малец назад, и белье забыл, и ушел домой. И пока в армию не взяли, в баню свою не ходил мыться»). По народному убеждению, «в бане вообще можно видеть всех нечистиков, какие только бывают, они бани-то очень все любят».

Кроме того, с давних, еще дохристианских времен баня считалась местом, где могли пребывать души умерших, однако, по преимуществу, души «нечистых», заложных покойников. Так, например, в бане могли находиться русалки — души утонувших девушек,

а также кикиморы — души младенцев, умерших до крещения. В бане в Чистый четверг традиционно встречали навий (т.е. тоже заложных, нечистых покойников): для того, чтобы умиловить их, для них специально топили баню и оставляли в ней еду. В некоторых местах баню топили и для «дзядов», т.е. благожелательных духов предков; однако такое делалось далеко не везде и не всегда.

Как место, связанное с нечистой силой и потусторонним миром, баня повсеместно считалась подходящим местом для передачи колдовства: так, например, в многочисленных быличках из самых разных мест колдуны и ведьмы передают свою силу (а вместе с ней нередко и своих подручных-чертей) желающим именно в банях. Если колдун вовремя не передавал свою силу, то ему грозила долгая и тяжкая агония; но и в этом случае на помощь нередко приходила та же баня. Так, например, в некоторых местах долго болеющего и умирающего «дурного» человека (колдуна и т.п.) переносили в баню, крышу которой несколько приподнимали осиновыми клиньями; делали это для того, чтобы черт, пришедший за душой умирающего грешника, смог забраться в образовавшуюся щель и побыстрее покончить с больным, забрав его душу с собой в ад. Баню в ряде районов России считали также и наиболее подходящим местом для неизлечимых кликуш. т.е. женщин, одержимых бесом: считалось, что кликуши (вернее, сидящие в них злые духи) особенно беснуются на Рождество и Пасху, п тогда «родственники не пускают их в церковь, а к этому времени топят баню, и порченые лежат там все праздники, в нечистом банном месте им лучше».

По-видимому, баня, как «нечистое» место, доступное для всяких «нечистиков», была доступна также и для болезней, представлявшихся злыми духами: так, о болезни, приключившейся неизвестно от чего, говорили: «Из бани вынес». Впрочем, различные хвори, которые, по народному убеждению, «приключились» в бане, могли быть следствием пагубного воздействия нечистых духов; так, например, по некоторым поверьям, на человека, который в неурочное время пошел в баню, банник может напустить болезнь, угар и т.д.

В бане, где пребывала нечистая сила, нередко занимались гаданиями. Так, например, во многих местах был распространен такой способ гадания: девушки приходили в полночь к бане, заворачивали подол платья на голову, чтобы обнажить ягодицы, и, пятясь, входили в баню со словами: «Мужик богатый, ударь рукой мохнатой!»: считалось, что если к телу прикоснется волосатая и мягкая рука, жених будет богатым и с мягким характером, а если голая и жесткая рука — жених окажется бедным и лютым. В Костромской губ. девушки во время святок, при огне, приходили в баню, снимали пояс, крест, распускали косы и расстегивали все пуговицы; затем ставили одну девушку в середину, а вокруг нее водили черту и поочередно смотрели в зеркало со словами: «Придите сорок чертей с чертеньями, из-под пеньев, из-под корней и из других

мест». Черты должны были «показать» суженого или показаться в его облике; по при этом считалось, что если девушке покажется, будто в зеркале черт выходит по пояс, то ей надо срочно «расчертиться»; если же черт явится в полный рост, то девушкам грозит гибель. В Забайкалье был известен схожий способ гадания: там смелые девушки ставили в бане (обычно перед каменной) зеркало и настойчиво просили: «Суженый-ряженный, приходи, приходи, в зеркало погляди»; считалось, что в зеркале после этого должно появиться изображение суженого, но девушка при этом ни в коем случае не должна оглядываться, «а то нечистый задушит». В Сургутском крае на святки баню топили специально для нечистого, полагая, что он придет париться, после чего либо поблагодарит ожидающую у дверей девушку, попросит подать ему чистое белье (к замужеству), либо потребует подать гроб (к смерти). Все подобные гадания считались в народе чрезвычайно опасными, так как при малейшей оплошности со стороны гадающих вызываемый нечистый дух мог погубить их. Впрочем, имелись и менее опасные гадания, совершаемые в банях: так, например, в некоторых местах девушки оставляли на ночь в бане свой гребень (иногда — с приговором, например: «Суженый-ряженный, скажи мне сущую правду, какие волосы у моего жениха»), а наутро смотрели, нет ли в гребне волос и какого они цвета.

Баня была местом, опасным для человека; но в то же время «переходное», очищающее пространство бани было необходимо: в пей вместе с пылью и грязью как бы смывались грехи, болезни и все нечистое, происходило своеобразное возрождение человека. По народному убеждению, «ходить в баню должен всякий, а кто не ходит, тот не считается добрым человеком». Баня обязательно топилась не только ежедневно, но и перед праздниками, и по случаю каких-либо значительных событий (при родах, для невесты накануне свадьбы и т.д.). У русских, украинцев и многих других славянских народов баня имела в каждой, даже самой захудалой деревне; и во многих местах каждая крестьянская семья, обустраиваясь, считала своим долгом поставить себе отдельную баню.

Так, например, крестьяне Архангельской губ. считали баню крайне необходимой, так как, по их наблюдениям, после тяжелой работы в сырости и холоде она действовала очень благотворно, снимая не только грязь и пот, но также и утомление и усталость, придавая силы, «полируя кровь» и предупреждая возможные простудные и другие заболевания; поэтому баня там имела при каждом доме и даже при большинстве промысловых избушек, разбросанных по глухим лесам. В Костромской губ. баня считалась настолько необходимой, что даже там, где не было возможности построить обыкновенную баню (например, в тех местах, где селения ежегодно заливались весенними разливами рек и постройки приходилось поднимать на деревянных столбах), крестьяне строили баню на сваях. Исследователи так описывали эти костромские

бани: «Среди плакучих ив причудливой формы и необыкновенных размеров, на уровне птичьих гнезд, на высоких четырехметровых столбах, напоминающих скорее сухие стволы деревьев, повисли в воздухе рубленые избушки с маленькими волоковыми окошками, со спускающимися на землю узкими и длинными лестницами, по которым быстро поднимались жители с ведрами воды, связками хвороста. Это были бани, живописно раскинувшиеся большими группами вокруг деревни и оживавшие в каждый субботний вечер, когда их начинали топить. Эти бани, по существу, ничем не отличаются от широко распространенного в прежнее время тина обычных курных бань, имеющих теплое помещение с очагом для подогрева воды и для пара, полог и лавку у окошка для мытья и холодный предбанник для переодевания. В связи с тем, что весь сруб был поставлен на высокие сваи, с одной стороны на выпускных бревнах устраивался помост с перилами и лестницей, соединяющей баню с землей». Подобные бани встречались и у других соседних народов: так, например, в одной рукописи, относящейся к Олонецкой губ. (1880 г.), автор, давая описание расположенного на берегу озера карельского села (оказавшегося, по его словам, неожиданно большим — «домов до тридцати»), пишет: «Перед глазами почти у каждого обывателя села на сваях, вбитых в озеро, стояла баня, куда вели узкие мосточки».

Места, где не было бань, были достаточно редки; и в таких местах баню обычно заменяли русские печи, достаточно большие, чтобы в них можно было париться. Вечером, когда печь несколько остывала, из нее удаляли золу и уголь, настилали солому, а затем влезали в печь, подавали себе пару (т.е. брызгали по сторонам и по верху водой) и начинали мыться и париться веником. Но вообще, отсутствие в деревнях бань было скорее редкостью, чем правилом: бани обычно составляли неотъемлемую часть большинства восточнославянских селений.

Баня была известна славянам с древнейших времен. О банях упоминается уже в летописи Нестора, где указывается, что бани у славян видел еще апостол Андрей Первозванный, который «и приде в Словени, ид еже ныне Новгород, и виде ту люди сушая, како есть обычай им, и како ся мыють и хвощются, и оудивися им. И иде в Варяги, и приде в Рим и исповеда елико наоучи, и елико виде, и рече им дивно видех словенскую землю, идучи ми семо; видех бани дрвенны, и пережгутъ е рамяно, и совлокуться и будут нази, и облеются квасом усняном и возмуть на ся прутье младое и быються сами, и того ся добыють, егда влезуть ли живи, и облеются водою студеною, и тако оживуть, и то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенья себе а не мученья».

В последующие века баня также была во всеобщем употреблении и особом почитании у русского народа. Народные пословицы говорили про нее: «Баня мать родная», «Коли б не баня, все б мы пропали». О пристрастии русских и других славян к баням упоминали

многие иностранные путешественники. Так, например, Адам Олеарий (секретарь Голштинского посольства) в своем путешествии в Московию в XVII в. отмечал, что у русских во всех городках и селениях «множество общественных и частных бань, в которых всегда почти найдешь много моющихся». «Русские, — писал Олеарий, — могут выносить чрезвычайно жар, и в бане, ложась на полках, велят себя бить и тереть свое тело разгоряченными березовыми вениками, чего я никак не мог выносить; затем, когда от такого жара они сделаются все красными и изнемогут до того, что уже не в состоянии оставаться в бане, они выбегают из нее голые, как мужчины, так и женщины, и обливаются холодной водою; зимою же выскочив из бани, они валяются на снегу, трут им тело, будто мылом, и потом, остывши таким образом, снова входят в жаркую баню».

Баня на Руси издревле была одним из лучших средств народной медицины; и при этом русскую парную баню признавали целительной не только сами крестьяне, но и многие старые русские исследователи, и даже некоторые иностранные врачи. Например, проф. Высоцкий, один из исследователей народной медицины, говорил, что парная баня оказывает целебное воздействие на человека, действуя как сильное потогонное, возбуждающее деятельность сердца, легких и колен: вследствие высокой температуры бани кровь сначала усиленно приливает к внутренним органам, сосуды которых расширяются, затем переполняются кровью и сосуды кожи, отчего кожа краснеет, температура ее повышается и наступает обильное отделение пота, а растирание мочалками и парение веником вызывает еще более усиленный прилив крови к коже и потоотделение. А доктор Саншес, родом португалец, лейб-медик при дворе Елизаветы Петровны, написал даже работу о русской бане на французском языке; впоследствии она была переведена на русский язык и напечатана в 1799 г. под заглавием: «О парных российских банях, поелику споспешествуют они укреплению, сохранению и восстановлению здоровья». В своей работе Саншес писал: «искренне желание мое простирается только до показания превосходства бань Российских перед бывшими вдревле у греков и римлян и пред находящимися ныне во употреблении у турков, как для сохранения здравия, так и для излечения многих болезней»; он также предлагал применять русскую парную баню «для пользы общества» вместо различных лекарств, «приготавливаемых с толикими изживлениями, и привозимых изо всех четырех стран света с неописанною трудностью», полагая, что русская баня способна исцелять многие болезни быстрее и действительнее: «Всяк ясно видит, сколь бы счастливо было общество, если бы имело нетрудной, безвредной и толь действительной способ, чтоб оным могло не токмо сохранять здравие, но исцелять или укрощать болезни, которые так часто случаются. Я с моей стороны только одну российскую баню, приуготовленную

надлежащим образом, почитаю способною ко принесению человечеству толь великого блага».

Согласно народной поговорке, «баня парит, баня правит, баня все исправит». В русской народной медицине значительное место занимали различные виды водолечения, массаж, натирания, кровопускание и др.; почти при всех болезнях прежде всего применяли тепло (лечения холодом обычно избегали, так как считали, что можно «забудиться»), как правило, в виде влажного и сухого пара, в виде припарок и ванн. И главное место среди всех этих народных способов принадлежало бане. Баня, кроме применения ее с гигиенической целью, была главным лекарством от многих болезней и испокон веков считалась хорошим средством для врачевания различных недугов. Крестьяне полагали, что баня способна «отпарить», изгнать из тела человека «всякую хворь»; в некоторых местах прогреванием и парением в бане лечили даже такие болезни, как, например, оспа и корь. парная баня вплоть до XX века (а в деревнях, и особенно на севере, и в XX веке, вплоть до нынешнего времени) считалась у русских крестьян хорошим средством для восстановления сил после дальней утомительной дороги и при сильной усталости, так как после мытья в жарко натопленной бане все болезненные явления обычно быстро проходят. Северные великороссы обычно предлагали прибывшим издалека гостям хорошо вытопленную «баньку».

В русских деревнях была распространена так называемая «черная баня», которую можно было быстро протопить (что представляло большое удобство, так как во многих местах бани принято было топить по нескольку раз в неделю, а иногда и каждый день). Баня «по-черному» строилась с небольшим предбанником, служившим для раздевания и одевания. Дым из такой бани выходил обычно через дверь. Внутри у входа в баню находилась печь-каменка, на которую накладывали камни; когда они накалялись докрасна, часть их бросали в кадку с водою для ее нагревания (причем такая гретая раскаленными камнями вода считалась особенно полезной, и крестьяне верили даже, что она предупреждает и уничтожает «сварботу», т.е. чесотку), а часть периодически обливали водою или (изредка) квасом для того, чтобы баня была жарче (это называлось «поддать пару», так как вода мгновенно превращалась в густой горячий пар, наполняющий всю баню).

Очень часто мытье в бане сопровождалось обливанием холодной водою. Зимой после бани моющиеся нередко выскакивали на улицу и обтирались снегом, причем в некоторых местах даже специально устраивали из самого горячего отделения бани ход во двор, на специально сделанную снежную площадку: через этот ход «распаренный докрасна любитель сильных ощущений выбежал на мороз и бросался голым в кучу рыхлого снега — валялся, так что от него валил пар столбом, и через минуту вновь бежал в баню, на горячий пол, обливался горячей водою с головы до ног,

хлестал себя горячим веником, и снова шел от него нар, как от котла... и все это проходило безнаказанно для здоровья».

В бане традиционно не только мылись, но и парились на специальных полках, и при этом хлестали себя и других моющихся особыми березовыми вениками (устраивая, таким образом, своеобразный массаж, снимающий усталость, ломоту и пр.). По народной пословице, «веник в бане всем господин». Веники для бани женщины и дети резали «на межнях» (т.е. около времени летнего солнцеворота, на Аграфену Купальницу или на Ивана-Купалу, когда молодой лист на березах достигал своей полной «поры»); лучшими при этом считались веники из ветвей березы бородавчатой, «весьолки». Кроме березовых, часто использовали также пихтовые и дубовые веники (последние считались полезными тогда, когда человек лечился от какой-либо внутренней болезни); иногда в веники вкладывали и разные лечебные травы. Особенно ценились свежие зеленые веники; считалось, что они наиболее «пользительны телу», а высыхая, теряют часть своей целебной силы.

Именно паренье вениками в жарко натопленной бане крестьяне признавали первейшим средством при всевозможных заболеваниях: так, например, в Архангельской губернии баня составляла первое медицинское средство от всех болезней, и любого «занедужевшего» первым делом вели парить в баню, стараясь при этом вызвать у него испарину, которую потом поддерживали укутыванием в постели и употреблением горячего чая с водкой и под. Кроме того, во многих местах больных нередко там же, в бане, натирали различными «спиртами» и «снадобьями», «правили кости и животы», «пускали кровь», «накидывали горшки» и т.д. Для натирания употребляли обычно тертую редьку и ее сок, хрен, белое и лампадное масло, водку, различные настои и ир. Так, например, в Псковской губ. при болезнях, особенно при простуде и горячке, больных водили в баню, где и натирали их редькой; в Воронежской губ. водкой, крепко настоянной на стручковом перце, растирали в бане на полку онемевшие члены, устраняя также их «ломоту»; медом с солью в некоторых местах растирали больных при простуде. При ломотных заболеваниях костей крестьянами употреблялась нередко молодая крапива: так, в Сибири считалось, что крапива жгучая разбивает кровь, и ею растирали тело в бане перед тем, как париться; а у украинцев вениками из свежей крапивы двудомной парились от ломоты. Употреблялись и другие травы: например, в Енисейской губ. чесотку (особенно у детей) лечили клоповником (веничником), который распаривали в воде, держали над паром, а затем этой водой мыли, а веником из травы парили больного; а в Нижегородской губ. от простуды настаивали бодягу в деревянном масле и этим настоем натирались в бане.

Баня применялась и при лечении лихорадки. Так, например, во Владимирской, Орловской и Вятской

губ. больного лихорадкой перед приступом болезни приносили в баню, клали на стол и покрывали чем-нибудь белым; считалось, что в этом случае, когда «придет лихорадка», она подумает, что человек уже мертв, и уйдет прочь. То же самое нередко проделывалось и в случае других болезней: больные перед приступом приходили в жарко натопленную баню, залезали на полку и «проделывали ложный пароксизм» или притворялись умершими, надеясь обмануть болезнь; такой же прием практиковался и в предупреждение холеры. В Сургутском крае одним из самых радикальных средств от лихорадки считали лечение в горячей черной бане: больной во время приступа должен был залезть на каменку и лежать там безмолвно и неподвижно; считалось, что если он выдержит это испытание, то лихорадка «разозлится, оплоет ему все лицо и убежит», а у больного после этого лицо «опрыщевеет», и ему станет легче, так как лихорадка его «бросила»; но если, по народному убеждению, больной во время приступа пошевелится или что-нибудь произнесет, то лихорадка примется «еще злей и тошней его трепать». В принципе, лечение лихорадки в бане было вполне рациональным: ведь к лихорадочным относились многие простудные заболевания, связанные с ознобом, и все их лечение сводилось прежде всего к тому, чтобы прогреть больного и вызвать пот, что и делала жарко натопленная баня.

Для крестьян баня была не только местом очищения и лечения болезней, она также служила и родильным помещением. В русских, украинских и пр. деревнях крестьянки, как правило, рожали именно в бане («Банька — вторая мать!»). Обычно роженица уходила в баню перед родами, а потом пребывала в ней еще около трех дней, отдыхая после родов и набираясь сил. В это время повитуха, выпарив роженицу, «правила» новорожденного, парила его, читала над ним заговоры, совершала особые обряды и т.д. Так, например, в Архангельской губ., сразу после родов, бабка повитуха шла с ребенком и его матерью в баню; в бане она брала кусочек хлеба и говорила в него слова: «Как на хлеб — на соль и на камешок ничто не приходит, так бы и на рабицу Божию [имя] ничто не приходило: не притчи, не прикосы, не озеvy, не оговоры и никакие скорби. Поставлю я кругом тебя (родильницы) тын железный от земли до неба, от востоку до запада» (хлеб клался за пазуху родильнице). Затем бабка в воду, в которой собиралась мыть младенца, клала три камешка, которые брала из избы, с улицы и из бани, и говорила: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Как эти камешки спят и молчат, никогда не кричат, не ревят

и ничего они не знают, ни уроков, ни призору, ни озеvu, ни оговору и никакой скорби, так бы и у меня раб Божий младенец спал бы и молчал, никогда не кричал, не ревел и ничего бы он не знал: ни уроков, ни призору, ни озеvu, ни оговору и никакой скорби. Будьте мои слова плотно на плотно, крепко на крепко; к моим словам ключ и замок и булатна печать». После этого часть воды бабка налила на каменку и

Баранец — трава

говорила: «Мою я младенца в жару да в пару, как идет л;з каменки жар, из дымника нар, из сеней дым, так бы сходили с раба Божьего всякие скорби и болезни». паря младенца, повитуха также традиционно читала какой-нибудь заговор, долженствующий благотворно повлиять на ребенка и защитить его от различных бед. Так, например, в Вятской губ. повитухи, паря новорожденного, традиционно зывали к бабушке Соломониде,

легендарной восприемнице Христа, и при этом упоминали баню как живое существо (может быть, как олицетворение духа предка и как очищающее место; ср. также известное в некоторых местах поверье о «банной бабушке» — благожелательном женском банном духе в облике доброй сухонькой старушки): «Бабушка Соломоньюшка Христа парила да и нам парку оставила. Господи благослови! Ручки, растите, толстейте, ядренейте; ножки, ходите, свое тело носите; язык, говори, свою голову корми! Бабушка Соломоньюшка парила и правила, у Бога милости просила. Не будь седун, будь ходун; банюшки-паруши слушай: нар да баня да вольное дело! Банюшки да воды слушай. Не слушай ни уроков, ни причисев, ни уродицев, не от худых, не от добрых, не от девок-пустоволосок. Живи да толстей да ядреней»

БАРАНЕЦ—ТРАВА, баранец — фантастическое животное-растение, растущее, по народным поверьям, в низовьях Волги. Про это чудесное растение русские, живущие в Поволжье, рассказывали, что оно «приносит плод, похожий на ягненка; стебель его идет через пупок и возвышается на три пяди; ноги мотаются. рогов нет, передняя часть как у рака, а задняя совершенное мясо. Он живет не сходя с места до тех пор, пока имеет вокруг себя пищу». В старину иностранцам показывали даже меховые шапки и уверяли, что шапки эти сшиты из меха баранца.

Вообще, мифы о баранце были, похоже, распространены больше у иностранцев, чем у русских, обитающих в тех местах, где баранец якобы произрастал. В середине века и даже в XVIII в. в Европе еще был неизвестен хлопчатник, который, по-видимому, и скрывался под именем баранца; «имели распространение только сказочные представления о дереве-баранце, дающем растительную шерсть», и представления эти основывались на сбивчивых и неточных рассказах путешественников, возвратившихся из далеких и таинственных восточных стран. Отсюда и мифы о чудесных барашках с нежной теплой шерстью, «торчащих из распустившихся бутонов некоторых растений», которых якобы видели отважные путешественники, добравшиеся до «расположенного на берегу Каспийского моря царства Тартар». Так, например, в 1681 г была издана книга о путешествии Струйса, в которой содержалось такое описание: «На западном берегу Волги есть большая сухая пустыня, называемая степь. В этой степи находится странного рода плод, называемый «баромец» (Barometz) или «баранч» (от слова «баран». что значит по-русски «ягненок»). так

как по форме и внешнему виду он очень напоминает овцу и имеет голову, ноги и хвост. Его кожа покрыта пухом очень белым и нежным, как шелк. Он растет на низком стебле, около двух с половиной футов высотой, иногда и выше... Голова его свешивается вниз, так, как будто он пасется и щиплет траву; когда же трава увядает, — он гибнет... Верно лишь то, что ничего с такой алчностью не жаждут волки, как это растение».

БАРВИНОК — одно из вечнозеленых растений-оберегов; обычные его эпитеты — зелененький и крещатый (по расположению ветвей, стелющихся по земле). Символика барвинка, как и других вечнозеленых растений, была связана с представлениями о жизненной силе и бессмертии, постоянстве и устойчивости, верности и любви.

Вместе с двумя другими травами — васильком и любистком (по-великорусски — зарей), барвинок входил в букет символических трав, означающих половую любовь в разных видах. В украинских купальских и колядных песнях этим трем растениям обычно давалось мифологически единое происхождение — из изрубленного и посеянного или сожженного существа мужского пола, именуемого обычно Иваном: «Иване, Ивашечку, / Не переходи дороженьку! Як перейдеш — виноват будеш: / Посичемо, порубимо, Посичемо тебе на дрибий мак, на дрибий мак, на капусту, Поснемо тебе в трёх городцях. Та вродиться три зильячка: / В першим городци — любисточок,

В другом городци — барвиночок, / В третям городци — василечок. / Любисточок — для любощив,

Барвиночок — сади устилае, Василечок — три запахи мае (вариант: Барвиночок — для дивочок, Любисточок — для любощив, Василечок — для запаху)». Подобный образ очень древен, он встречается и в песнях других славян; так, например, в польской песне из девицы, изрубленной и посеянной в огороде, вырастают три зелья — рута, лилия и шалфей.

Барвинок, как символ бессмертия и брачных торжеств, использовали во многих обрядах. С этой целью сто либо собирали в лесу, либо выращивали в огороде или даже дома, чтобы и зимой иметь его для украшения ритуальных предметов и т.н. (при этом в некоторых местах девушке запрещалось сажать барвинок, так как считалось, что когда он зацветет, она может умереть). Барвинок иногда брали «на развод», и при этом оставляли на земле деньги и кусок хлеба, чтобы он не перевелся у того, кто его дает. Собирали барвинка нередко сопровождалось особыми обрядами: так, например, у западных украинцев срезать барвинок для свадьбы часто отправлялась целая свадебная процессия с музыкой и пением; при этом для свадьбы или в коем случае не резали барвинок с того места, где его рвали на венок умершему.

В народных песнях различные видоизменения, происходящие с барвинком (его сажание, возрастание, цветение, увядание, полотно, топтание, рвание,

Барвинок

плетение и т.п.) обычно соответствовали различным эпизодам свадьбы и любовных отношений. Так, например, сажание барвинка во многих песнях — это символический образ приготовления к браку и приближения к любви, предпочтения любовных и супружеских чувств родственным (ср.: «Зелененький барвиночок садила, / За нею батенько тихенько. / Сади, сади, Марьечко, зиялячко: / “Не ходи ти, мий батенько, за мною: / Не мила мини беседонька з тобою. / Ой ходи, ходи, Ивасенько, за мною, / Мила мини беседонька з тобою”»). В некоторых песнях мать невесты, заботясь о счастье дочери и выдаче ее замуж, сажает барвинок и ухаживает за ним. поливает его, ожидая, когда придет пора и его срежет невеста. Девушка перед свадьбой режет барвинок на свадебный венок своими руками (ср.: «Ходить Марьечка по садочку, / Риже барвиночок соби на випочок»), или его срезают для «княгини» (невесты) ее подруги (ср.: «В долину, паяночки, в долину, / По хрещатий барвинок, / Свой дивчини на винок»). Барвиновый венок — это символ состояния невесты, короткого, но радостного и праздничного периода в жизни девушки, после которого у нее наступает уже совсем иная жизнь — жизнь в чужом доме, вместе с чужими людьми; поэтому такой венок — это еще и символ разлуки с родителями (ср.: «Наробив мини, винку, горя, / Бо вжеж мене з моим батеньком / На вики розлучено!»).

Вообще, барвинок на свадьбе нередко украшал не только голову невесты (в виде венка), но и голову жениха: «молодой князь» во время бракосочетания затыкал барвинок за свою шапку — символ мужского молодечества. Очевидно, такой обычай, как и поэтический образ топтания или срывания барвинка в песнях, означал замужество; так, в одной из украинских песен девушка просит: «О, мой крещатый барвинок! Не расстилайся по саду: туда пойдет мой немилый, топчет тебя ногами, сорвет тебя руками. Расстелись, барвинок, когда будет идти мой милый, стопчет тебя ножками, сорвет ручками и заткнет за шапочку, на свою золотую головку». Не цветущий барвинок нередко служил образом измены (ср.: «Зелененький барвиночку, чому рано не цвеш? Чому милий, чорнобривий, не по правди живеш? / Прийде вечир, ти до иншої йдеш!»), а увядание — символом несчастного брака и дурного обращения мужа с женой или любовницей (ср.: «Хрещатенький барвиночку, завьяв в прискриночку. / Звялив, ссушив, вражий сину, чужу дитиночку»).

В некоторых южнорусских песнях барвинок упоминается и как «свадебное зелье», и как символ тех девических увеселений, той беззаботной жизни, которая «начинает знакомиться с любовью в танцах и играх». Так, в песне девица, которой хорошо у родителей, ходит от ночи до ночи в хороводе, в венке из крещатого барвинка и пахучего василька; когда на нее смотрит тот, кто ей не люб, венок ее вянет, а когда смотрит ее милый — венок цветет («З ночи до ночи в тапочку (хороводе) / В хрещатеньким барвиночку, /

В запашеньким василечку... / Щиплю, ломлю барвин листок, / Барвин листок — синий цвоток. Со-вью винец, пиду вь танец... / Нелюб гляне — винец тана, / Милий гляне — винец цвите»). Ночевать в барвинке — означало предаваться любовным наслаждениям (ср.: «Ночувала ничку в зеленом барвинку, З тобою, мий недовирку?»); барвинок же означал молодца-любовника (ср.: «Ой Янку, мий Янку, хрещатий барвинку. / Ой в чистому полю дивчина траву жала, / Прийшов до ней Янку / Хрещатий барвинко»).

Как символ брачного торжества, свадьбы, а также любви и любовных удовольствий вообще барвинок, естественно, использовался в первую очередь в свадебных обрядах, а также в любовной магии, в девичьих гаданиях о замужестве и т.д. Так, венок из барвинка во многих местах принято было класть на свадебный каравай; из барвинка вили свадебные венки и делали «квитки» — маленькие букетики для участников свадьбы. В «Травниках» барвинок упоминался как средство укрепления любви между супругами. Во время весенних хороводов и летних игрщи девушки украшали себе голову барвинком и дарили пучки барвинка своим возлюбленным в качестве украшения на шапку. Кроме того, девушки на выданье украшали барвинком рождественский хлеб, чтобы в новом году в их доме состоялась свадьба, и гадали с барвинком о замужестве (бросая его в реку или в миску с водой, просили суженого прийти умыться или наблюдали, сойдутся ли вместе листки барвинка).

Использовался барвинок и в других обрядах и обычаях. Так, например, как и другие вечнозеленые растения (особенно хвойные), барвинок традиционно применяли для изготовления или украшения обрядового деревца (например, деревца для весенне-летних обрядов). В некоторых местах повитуха на крестинах одаривала букетиком барвинка каждого гостя. Освященные венки из барвинка нередко вешали на придорожные кресты или клали на место строящегося дома, на растущий лен или капусту, окуривали ими хлебную кашню и т.д.

Барвинок, вероятно, как символ бессмертия и неистребимой жизненной силы, иногда использовали и в похоронных обрядах. Так, например, вместе с другими травами его добавляли в воду, предназначенную для обмывания покойника, клали в гроб к умершему, сажали на могилах и т.д. В некоторых местах существовал еще и такой обычай: при прощании с покойным каждый брал в руки ветку барвинка и кропил умершего святой водой, желая покоя его душе. В венках из барвинка хоронили умерших детей, девушек и неженатых парней; при этом иногда мертвому ребенку клали в гроб шапку с венком из барвинка.

Как и другие вечнозеленые растения, барвинок применялся в качестве оберега от нечистой силы, змей, морового поветрия и т.д. Так, например, считалось, что это растение оберегает детей от сглаза; его также использовали в народной медицине. Польские пастухи

Батаман

измельчали барвинок, добавляли в соль и давали слизывать овцам в канун Купалы, чтобы нечистая сила не могла наслать на них порчу. Коров окуривали барвинком, чтобы их не испортила ведьма; испорченное же ведьмой молоко трижды процеживали через венки из освященного барвинка, чтобы уничтожить злые чары, снять с молока порчу.

Вместе с тем, барвинок считался также и колдовским средством, которым могут воспользоваться колдуны и ведьмы. Так, например, считалось, что отваром из корней барвинка, настоянным в течение девяти дней, ведьмы поливают место, которое хотят заколдовать, и человек, пройдя через такое заколдованное место, будет сохнуть и умереть. По народному убеждению, ведьмы варят корни барвинка, чтобы призвать к себе нужного человека: когда вода закипит, они выкликают имя, и названный человек тотчас же поднимается в воздух и прилетает на призыв. Считалось также, что ведьмы натираются соком барвинка, чтобы полететь. Вообще, барвинок как колдовское средство использовали не только колдуны и ведьмы: так, например, некоторые чешские охотники-браконьеры промывали отваром барвинка свои ружья, чтобы они стреляли без промаха.

БАТАМАН, батаманко, батаманка, батамушко, батанушка — в народных поверьях домовый, «коневого хозяина»; дворовой, приглядывающий за скотиной. Считалось, что он ухаживает за скотом, особенно за лошадьми; кормит и поит скот, нередко таская при этом корм у соседей, и вообще заботится о животных. Любимым лошадям он заплетает гривы в косички, подбрасывает им корм, гладит их, холит и лелеет; такие лошади без всякого ухода будут выглядеть красивыми и здоровыми. Если же он «не залобит» какую-либо скотину, то ее, по народному убеждению, «вовек не откормить»: сколько за ней не ходи, она все равно будет худеть и болеть, шерсть у нее собьется в колтуны и т.д.; если же такую скотину не продать как можно скорее, то она вскорости и вовсе погибнет.

Для того, чтобы батаман следил за скотом и любил его, хозяева старались покупать скот той масти, которая нравится батаману; масть же определяли обычно по цвету голубей, обитающих на дворе. Кроме того, батамана обычно старались задобрить; так, например, в некоторых местах специально для него вязали из белой шерсти рукавицы, причем обе на левую руку.

Как и дворовой, батаманушко в некоторых местах считался «семейным», женатым и имеющим детей. Иногда считалось даже, что батаманов в хозяйстве бывает несколько (обычно — столько же, сколько домочадцев в доме) и они распределяют между собою всю работу. Однако большинство поверий гласило, что батаман-дворовой живет одиночкой и чужаков не любит; если же в его хозяйстве появится другой батаман, то они будут драться между собой и порядка и покоя в доме не будет, пока один батаман не уйдет.

Баусень — см. Авсень.

Баушка — см. Баба.

Баянная матушка — см. Банная бабушка.

БДЕНИЕ — в народной традиции намеренное воздержание от сна во время важнейших событий семейной жизни (похорон, родов, свадьбы), в календарные праздники (на Рождество, Пасху, Юрьев день, Троицу) или в определенное время суток (на закате, в полдень). Под бдением понималось также и частичное ограничение сна (например, умышленно поздний отход ко сну или обязательное преждевременное вставание), и смягченные формы запрета спать (обычай спать без подушки, не раздеваясь, не гася свет и т.д.).

Обрядовое бдение, намеренное воздержание от сна было связано с представлениями о сне как о состоянии, близком к смерти и потому опасном для жизни человека. Идея смерти в доисторическую эпоху сближалась с понятием ночного мрака (уход солнца, а вместе с ним тепла и света, наступление тьмы, зимы, холодов и т.д. с древнейших времен означало для людей голод, лишения, а в худшем случае — и смерть); так что сон, одолевающий человека в ночные часы и делающий его похожим на умершего, вполне естественно сближался в народном сознании со смертью. Смерть и сон в мифологиях самых разных народов издревле представлялись явлениями близкими, даже родственными: так, например, греки и римляне называли Смерть и Сон братьями, часто — близнецами, и чадами Ночи, полагая, что они живут вместе у западных границ мира, где-то в глубоком и мрачном подземном царстве, рядом с сумрачным миром мертвых (так, по свидетельству Гомера, сон, брат смерти, пребывая в подземном мире, возлежит на маковых снотворных цветах в сладком покое, а вокруг его ложа «толпятся легкие сновидения в неясных образах»). На такую же древнейшую связь понятий смерти и сна указывают и славянские предания. Так, например, русская народная пословица утверждает их братство словами: «сон смерти брат». В славянских сказках богатыри, убитые врагами, но окропленные живой водою, воскресая, произносят обычно: «Ах, как же долго я спал!»; «Спать бы тебе вечным сном, кабы меня рядом не случилось», — отвечает при этом верный друг богатыря. «Вечный сон» в русском языке и поныне остается метафорическим названием смерти; летаргический же сон (во время которого душа человека, по рассказам поселян, путешествует на том свете и видит рай и ад) в простонародье издавна называли обмиранием. Животные, впадающие в зимнюю спячку, по общепринятому выражению, «замирают на зиму». Заходящее вечером солнце с давних времен представлялось как умирающим, так и засыпающим, а восходящее утром — восстающим от сна (воскресающим). Зимнее замирание, умирание природы иначе называется ее зимним сном; о замерзших реках и озерах в народе часто говорили, что они «заснули». О рыбе традиционно говорят, что она

Бдение

«уснула», вместо «умерла». Умерших людей называли и называют усопшими (от глагола спать, усыпить, т.е. буквально называют уснувшими) или покойниками (т.е. успокоившимися, спокойно заснувшими), а в некоторых местах (например, в Смоленской губ.) еще п жмуриками (от глагола «жмурить» — закрывать глаза; теперь — общепринятый жаргонизм); места же «успокоения» мертвых называли усыпальницами. Малорусы, при известии о чьей-либо кончине, раньше говорили: «Нехай з'Богом спочиває!» У всех славян было распространено поверье, гласившее, что тот из молодых, кто во время первой брачной ночи первым заснет, тому и умереть суждено раньше; во многих местах верили также, что человек, который засыпает тотчас, как ляжет в постель, долго не проживет. Сербы (да и многие другие народы тоже) не советовали спать на закате солнца, чтобы вместе с умирающим светилом не заснуть «вечным сном» и самому человеку. Слово «отемнеть» в народных говорах употреблялось в значении: ослепнуть, умереть (согласно с этим, упырей, т.е. мертвецов, после смерти поднимающихся из могил, часто представляли слепыми). В причитаниях, обращаемых к покойникам, часто встречались такие выражения: «И вы, наши роднинькие, встаньте, пробудитесь, поглядите на нас!» или: «Пришли-то мы на твоє жицѣ вековешноє, ужь побудзиць-то пришли от сна крепкова!» и т.п.

Подобные представления о братстве сна и смерти и заставляли людей остерегаться засыпать в некоторые особенно опасные, по их представлениям, дни и часы. Как сон сближался со смертью, так, наоборот, бодрствование уподоблялось жизни; поэтому глагол «жить» употреблялся в некоторых местах в смысле «бодрствовать, не спать», а слово «жилой» означало неспящего (например: «Мы приехали на жилых», т.е. приехали, когда еще никто не спал). Именно такими представлениями был вызван обычай будить всех спящих в доме, мимо которого движется похоронная процессия: считалось, что душа умершего может забрать с собой душу спящего. Бодрствованием человек охранял себя и делался недоступным для Смерти или других злых сил.

Кроме того, бдение могло иметь не только профилактическую, но и охранительную функцию: считалось, что уже самим фактом бдения бодрствующий человек отпугивает злые силы; поэтому к подобному охранительному бдению прибегали обычно в тех случаях, когда требовалось защитить кого-то или что-то от воздействия нечистых духов. Так, например, широко распространено было традиционное обрядовое бдение дружки возле спальни молодых в первую брачную ночь; на старинных же великокняжеских свадьбах вокруг опочивальни новобрачных всю ночь ездил верхом специальный боярин с обнаженной саблей, охраняющий молодых. У западных и южных славян существовал обычай проводить бессонные ночи возле роженицы и новорожденного с целью уберечь их от нечистой силы, способной наслать болезни и даже похитить

или подменить ребенка (при этом спать в первую ночь после родов нередко запрещали и роженице, полагая, что сон в это время может повредить ей).

Бдение возле умершего в народной традиции объяснялось необходимостью охранять покойника от нечистых духов («щоб чортяка не зробив якої капості над мертвим») или «стерегти» его душу. Обычно караулили тело родственники или друзья умершего, иногда в одиночку, а иногда и группами: так, например, украинцы нередко проводили возле умершего бессонные ночи, порой развлекаясь при этом играми, шутками, рассказыванием сказок. Кроме того, стеречь тело умершего нередко приглашали одну или нескольких пожилых женщин, которые и оберегали покойного до погребения. Изредка встречалось и бдение в первую ночь после похорон, по оно, как правило, имело уже несколько другую цель: человек, совершающий бдение, охранял уже не покойного, а его родных; так, например, в некоторых местах после поминального ужина в доме оставляли на ночь специально приглашенную женщину, «чтобы она не впустила умершего, если бы он захотел вернуться». Возвращение умершего (например, вследствие его «нечистой» смерти) могло повлечь за собой гибель всех его родных («мертвяк в дом проникнет... всех живых перетаскает»), а посторонний человек, бодрствующий и неподвластный смерти, мог «отвадить» мертвого от дома.

В календарном цикле запреты спать приурочивались чаще всего к рождественским праздничным обрядам. Так, например, весьма распространен был запрет спать в сочельник взрослым членам семьи, так как считалось, что тот, кто заснет в эту ночь, «проспит царствие небесное». В Закарпатье один из членов семьи должен был бодрствовать в ночь под Рождество, иначе «могло би нечисте дістатися до хати і тоді цілий рік у хаті були би хвороби та нещастя». У южных славян обычай рождественского бдения был связан со сжигаемым в эту ночь ритуальным поленом (бадняком), за которым наблюдали всю ночь, чтобы оно не потухло (это могло повлечь за собой неудачи, неурожаи и т.п.). Утром же на Рождество, считали повсеместно крестьяне, следует вставать как можно раньше, чтобы не повредить урожаю зерновых и не быть сопливым за работой. Запрет спать во время встречи Нового года объяснялся обычно угрозой смерти: «с закрытыми глазами Новый год не встречают — умрешь».

Аналогичные запреты и мотивировки относились также и к пасхальной обрядности, и особенно к пасхальной ночи: так, например, повсеместно считалось, что нельзя спать во время пасхальной всенощной, так как Бог в этом случае не простит грехов или «не даст доли»; будет нанесен ущерб хозяйству, скоту, урожаю (например, полягут хлеба, лен, все посева, травы на покосах); человек будет сонлив весь год, проспит свою долю, заболеет, ослепнет или заснет навсегда; летом будет встречать много змей, не найдет грибов, яиц

диких уток, клада и т.п. Тех, кто проспал заутреню, принято было обливать водой — «во искупление».

Обрядовое бдение приурочивалось и к другим большим годовым праздникам: так, например, у южных славян существовал запрет спать в Юрьев день (считалось, что иначе голова будет болеть весь год) и на Троицу; в украинском Полесье запрещалось спать днем в течение всей Русальной недели, потому что спящему «русалка мешка на вочы натягне и будэш спати цилый год», «русалки зашьют очи» (т.е. человек ослепнет или будет сонлив). Кроме того, некоторые запреты на сон связывались не с годовыми праздниками, а с определенными часами: так, повсеместно был известен запрет спать в полдень (особенно во время полевых работ) или на заходе солнца, так как считалось, что в этом случае можно заснуть навеки, подвергнуться нападению лихорадки или полудниц, вызвать у ребенка бессонницу (так что он будет плакать и кричать по ночам) и т.д.

Фактически, все эти запреты были связаны с одним и тем же представлениями о переломном времени, когда мир людей соприкасается с таинственным и опасным потусторонним миром, «тем светом», обителью сверхъестественных существ и непостижимых сил, управляющих миром. По народному убеждению, нечистые духи (в том числе и Смерть, и сопровождающие ее повсюду помощники — Лихорадки. Поветрия и пр.) в это время получают особую власть над людьми; и следовательно, именно в это время люди и должны особенно усердно соблюдать все правила, служащие оберегом от враждебных сил. Бдение было именно таким оберегом: люди верили, что во время бодрствования смерть не посмеет подступить к ним, и, следовательно, они будут в безопасности, пока не заснут.

БЕДА — сказочный персонаж; воплощение всяческих бед и несчастий, нищеты и т.п. В народных пословицах, песнях и сказках Беда (или, в других вариантах, Горе, Нужда, Лихо, Кручина) выступала как некое демоническое существо, практически аналогичное Лиху или Недоле (вообще, образ Беды, судя по всему, является трансформацией древнего образа Недоли). Постоянного, определенного облика такое существо в поверьях обычно не имело, хотя его и представляли иногда в облике дряхлой и оборванной старухи-нищенки, древнего старика в обносках и т.п. Иногда считалось также, что Беда бывает невидима и живет за печкой, а некоторые поверья приписывали ей способность менять свой облик. Так, например, в песнях и сказках Беда (Лихо, Горе) часто превращается в черного ворона, собаку, мышь и т.д., пробираясь таким образом в дом или преследуя человека-бедовика (ср., например: «Повернулся добрый молодец ясным соколом, поднимался выше леса под самые облака, а Горюшко вслед черным вороном, и кричит громким голосом: «Не на час я, Горе, к тебе привязался!») надет добрый молодец серым волком, стал добрый молодец

серым волком поскакивать, а Горюшко вслед собакою»). Кроме того, она часто меняет размеры: может сделаться огромной, но чаще становится настолько маленькой, что может спрятаться в табакерку или коробок. В одной из сказок Горе похвальноется, что нет такой щели, куда оно не могло бы спрятаться, и в подтверждение своих слов влезает в ступицу колеса; в другом рассказе Нужда ночует в корчаге. Таким образом, Беда (Нужда, Горе) в сказках и поверьях выступает обычно как существо аморфное, не имеющее определенных черт и практически вездесущее; она — олицетворение и неизменная причина всех бед, несчастий, неудач, которые только могут преследовать человека.

Согласно народным поверьям, Беда все время странствует по белому свету в поисках бедовиков, т.е. людей, обреченных на несчастье, не имеющих своей доли. Считалось, что Беда идет к таким людям навстречу и гонится за ними; она неутомима в преследовании и неизбежно настигает свою жертву, а потом хватается человека, вцепляется в него, садится ему на плечи, бьет, давит и мучит его (ср. поговорки: «Беда (горе) ходит не по лесу, а по людям», «Беда не спит, а по людям ходить», «Напасть (лихо) не по дереву ходить, а по тих людям», «Где беда ни шаталась, а к нам пришатилась», «Не кличь биди до себе, сама придет до тебе», «Лиха не шукай — воно само тебе найде»; «Ты от беды, а беда впереди», «Кого беда учепицца, того тримаецца», «Лихо не возьмеш, коли Бог не даеш» и т.п.). В некоторых местах считалось даже, что Беда-Недоля рождается вместе с иным человеком, шаг за шагом следует за ним в продолжение всей его жизни и провожает его в могилу (ср. нешто: «Ой пиду-ж я, пиду, да с сего края пиду, Ой покыпу я да у сим край Биду; / Ой оглянись я за кругою горою — / Аж иде Беда следочком за мною... Ой, чего-ж ты, Беда, за мною вчепылася? / «Я з'тобою, безталанний, з'тобою родылася» / Ой, чего-ж ты, Беда, за мною ввязалась? / «Я з'тобою, безталанний, з'тобою венчалась» и т.п.). По этой-то причине, считали крестьяне, бедовиков и преследуют разные беды, и что бы они ни делали, все бывает обречено на неудачу; помощь же в таких случаях бывает не только бесполезна, но и небезопасна: бедовику все равно не видать удачи, но кроме того, он и сам приносит несчастье, поэтому в доме его лучше не держать — беда от него перейдет и на других.

Впрочем, согласно некоторым сказочным сюжетам, бедовик все-таки может избавиться от преследований Беды, как правило, с помощью хитрости. Так, например, в русской сказке мужик, которого преследовали несчастья, обманом завлек Беду в мешок и схоронил ее; после этого жизнь его резко изменилась к лучшему. Богатый брат мужика, завидя его неожиданному успеху, откопал мешок и выпустил Беду, рассчитывая, что она вернется к мужику; но Беда вместо этого последовала за ним самим и довела его, в конце концов, до нищества.

Вообще, Беда, Горе — это скорее сказочный и пещенный персонаж; но в народных поверьях и преданиях ей соответствовали мары и злыдни — зловредные маленькие существа, невидимки или создания не вполне определенного образа, поселяющиеся за печкой и приносящие дому всяческие несчастья, нищету и т.п. У белорусов сохранилась пословица: «Впросилися

злыдни на три дни, а в три годы не выживешь!» По народному убеждению, злыдни, как и Беда или Горе, странствуют по свету и располагаются на житье обществами (ср. поговорки: «Беда не приходит одна», «Беды вереницами ходят» и т.п.). Подобно Бедо, они садятся на спину бедняку и, оседлав его, ездят на нем до самой его смерти; и прогнать их, как и Беду, трудно и даже почти невозможно.

БЕЛБОГ. Белобог — у западных славян светлый бог, олицетворяющий свет, добро и благополучие в целом и противопоставляемый Чернобогу — воплощению мрака, посылающему людям беды и несчастья.

Сведения о Белобоге, в общем, довольно скудны: в мифах он упоминался очень редко и неопределенно и представлялся обычно не столько божеством, сколько олицетворением, персонификацией добрых и благодатных сил вселенной. При этом он выступал, в первую очередь, как противник Чернобога, олицетворения сил злых и враждебных людям.

По-видимому, представления о Белобоге и Чернобоге основывались на вере славян (как и других народов) в то, что миром управляют две противоположные силы: одна из них (представляемая светлыми божествами и пр.) действует на благо человеку, а другая (представляемая темными богами, демонами и т.д.) — ему во вред. Эти силы — светлая и темная, добро и зло, свет и тьма, жизнь и смерть — вечно противостоят друг другу, вечно сражаются между собой. Эту битву между добром и злом древние люди могли наблюдать каждый день: с закатом дневного светила мир охватывает ночь, холод и оцепенение, которые проходят лишь поутру с возвращением света; с уходом лета и помрачением ярких солнечных лучей зимними туманами и снежными тучами начинаются стужи и морозы, и земная жизнь погибает или замирает, скованная холодом, воскресая и оживляясь лишь с наступлением весны. Летом, при свете солнца, люди могли безбоязненно работать и наслаждаться жизнью; но с наступлением зимы для них наступали тяжелые времена. Естественно, что у первобытных племен, боготворивших и олицетворявших все благое, связанное с жизнью, плодородием, развитием и т.д., сложилось убеждение, что мрак и холод, враждебные свету и теплу, посылаемым людям добрыми богами, насылаются другой могучей силой — нечистой, злой и разрушительной, с которой добрым силам приходится бороться ежедневно и ежечасно. Так возник дуализм в религиозных верованиях, изначально проистекавший не из нравственных требований человеческого духа, а из чисто физиологических условий и их зримого различного воздействия на

живые организмы и на человеческую судьбу. В связи с этими представлениями, мир в народной традиции издревле описывался системой двоичных противопоставлений (бинарных оппозиций), определявших его пространственные, временные, социальные и пр. характеристики. Этот дуалистический, двойственный принцип противопоставления (благоприятный — неблагоприятный) нередко реализовывался в мифологических персонажах, наделаемых положительными и отрицательными функциями, или в «персонифицированных членах оппозиций».

Олицетворение и противопоставление добра и зла было известно у славян с древнейших времен, когда язычники поклонялись еще даже не богам, появившимся позднее, а упырям и берегиням, т.е. фактически первобытным сверхъестественным силам. Упыри и берегини — исчадия зла и духи-охранители людей — были древними, архаичными наименованиями олицетворений двух противоположных начал — злого и доброго, враждебного человеку и оберегающего человека. Аниматический культ упырей и берегинь существовал довольно долгое время; однако со временем у славян появились и другие мифические персонажи, как высшей (боги), так и низшей (духи, персонификации природных явлений и пр.) мифологии, одни из которых были персонификацией благодатных сил и явлений природы, а другие — сил и явлений, неблагоприятных для человека. Среди таких персонажей были, например, Доля и Недоля, Среча и Несреча, Правда и Кривда, Жизнь и Смерть — существа, олицетворявшие добрую, удачливую и злую, несчастливую судьбу.

По-видимому, персонификациями такого же рода были и Белобог и Чернобог. Если Чернобог был воплощением зла как такового (неудачи, злой судьбы, смерти и пр.), то Белобог, подобно Доле, Правде, Срече и т.д. олицетворял собой все «правое», доброе и благоприятное для человека — жизнь, удачу, счастливую судьбу, правду, солнечный свет и тепло, плодородие и т.д., т.е. все, что есть в мире светлого и доброго, «белого». Белый цвет издревле соотносился со светом, блеском; а слова, означающие свет, блеск и тепло, вместе с тем служили и для выражения понятий блага, счастья, красоты, здоровья, богатства и плодородия (тогда как слова, означающие мрак и холод, содержали в себе и понятия зла, несчастья, безобразия, нищеты, болезни и неурожая). В гаданиях, ритуалах, приметах и т.д. белый цвет, белый свет обычно соотносился с положительным началом, и им светопоклонники обозначали все, достойное уважения и поклонения, тогда как черный цвет соотносился со всем отрицательным, злым, враждебным и т.д.

Впрочем, теперь нельзя сказать с уверенностью, существовало ли на самом деле у славян-язычников божество Белобог. Имя его появляется преимущественно в поздних, «вторичных» источниках начиная с 16 в., где он определяется как бог удачи и счастья; более же ранние и достоверные источники собственно

Белобог

Белобога, по-видимому, не знали, хотя в них порой упоминался Чернобог (так, например, согласно «Славянской хронике» Гельмольда (12 в.) и некоторым другим источникам, балтийские славяне знали Чернобога — зловещее божество, от которого исходит все зло в мире). Однако при этом практически у всех славян были известны топонимы, производимые от сочетания эпитетов «белый» или «черный» и слова «бог»: ВеЬищ — остров с монастырем на Реге (в Померании); Бялобоже и Бялобожница — в Польше; Белье боги — урочище у большой дороги от Москвы к Троице; Троицко-Белбожский монастырь — в Костромской епархии; Чернобожье — в Порховском уезде, Чернобожна — в Буковине, Чернобожский городок — в Сербии и т.д. В земле лужичан (лужицких сербов), близ Будишина, существовали две горы, называемые «Белый бог» и «Черный бог», о которых сохранилось предание как о местах языческого богослужения; при этом с первым из этих названий связывалась положительная семантика, а со вторым — отрицательная.

Все это дает основания полагать, что у славян действительно существовал миф о Белобоге, образующем с Чернобогом дуалистическую пару; и при этом, судя по уцелевшим географическим названиям и народным преданиям, вера в Белобога и Чернобога была некогда общей у всех славянских племен и отчасти сохранилась даже и после прихода христианства. Так, например, по рассказу Густинской летописи (1070 г.), старинные волхвы были убеждены, что «два суть божи: един небесный, другой во аде»; бессарабские переселенцы на вопрос, исповедуют ли они христианскую веру, отвечали: «Мы поклоняемся истинному Господу нашему — белому Богу». Южные славяне издревле поклонялись белому богу — богу доброй судьбы и удачи; у белорусов сохранились предания о Белуне — подателе богатства и счастья, а на Украине уцелела клятва: «Щоб тебе чорний бог убив!». Таким образом, представления о Белобоге и Чернобоге имелись практически у всех (если не у всех вообще) славян, хотя и не исключено, что под этими именами понимались какие-то другие божества, которых можно было, по присущим им функциям, назвать белыми или черными богами.

Так, например, очень велика вероятность того, что у западных славян имя Белобог первоначально было лишь одним из кеннингов бога света и солнца Свентовита (соответствующего Перуну и, отчасти, Дажьбогу восточных славян). Свентовит, бог балтийских славян, считался «первым, или высшим из богов», «богом богов» и был связан с войной и победами, а также с плодородием и гаданиями. Как олицетворение солнца, света, тепла и пр. он противостоял Чернобогу — богу тьмы, холода и т.д. В различных источниках Свентовита нередко называли и добрым, и светлым, и белым богом. Так, например, в своей «хронике» Гельмольд сообщает: «Удивительно суеверие славян, ибо они на своих празднествах и пирах обносят круговую чашу, возглашая над нею слова — не скажу: благословения,

но проклятия, во имя богов доброго и злого, так как ожидают от доброго бога счастливой доли, а от злого — несчастливой; поэтому злого бога даже называют на своем языке дьяволом или черным богом (Чернобогом — Zerneboch)»; далее же он говорит, что «добрый бог есть Свентовит».

По-видимому, то же наблюдалось и у других славян: так, например, у русских, украинцев и пр. Белым богом, Белобогом могли именовать Дажьбога, бога «белого света», или Перуна, бога-громовника, т.е. божеств, так или иначе связанных со стихией света. Позднее под Белобогом мог пониматься и единый христианский Бог.

Белобог — см. Белбог.

БЕЛУН — мифологический персонаж белорусских преданий; сверхъестественное существо, практически аналогичное Белбогу западных славян.

Белун обычно представлялся старцем с длинной белой бородой, в белых одеждах и с посохом в руке, порой — окруженным сиянием, светом. По-видимому, когда-то, в языческие времена, он считался небесным божеством, олицетворяющим свет; при этом крестьяне в некоторых местах и при христианстве верили, что Белун, находясь на небесах, управляет ими: собирает своим посохом белые облака, если их разогнали ветры, и протыкает их, чтобы пролить дождь, а также разгоняет облака, чтобы светило солнце, и т.д. Возможно, под Белуном, белым богом в языческие времена понимался Дажьбог — бог белого света, податель благ и покровитель людей.

В легендах и преданиях Белун неизменно выступал как податель всяческого добра, удачи и счастья, различных благ, богатства и плодородия, а также как воплощение света и олицетворение светлого времени дня. Так, например, белорусы верили, что Белун является только днем, и при этом часто помогает путникам, заблудившимся в дремучем лесу, выводя их на дорогу; существовала даже поговорка: «Цёмна у лесе без Белуна»

(«Темно в лесу без Белуна»). Кроме того, Белун в поверьях очень часто выступал как дух нивы и жатвы. Считалось, например, что в страдную пору он присутствует на нивах, ходит возле полей (часто — по опушке леса вдоль поля), появляется в колосистой ржи, охраняет колосья и помогает им расти, цвести и поспевать, а также часто помогает жнецам, работающим в поле. Существовала также легенда, что Белун иногда показывается в колосистой ржи с сумою денег на носу, манит к себе какого-нибудь бедняка, работающего в это время в поле, и просит утереть себе нос: если же тот исполнит его просьбу, то из сумы немедленно посыплются деньги, а Белун исчезнет без следа (по-видимому, с этой легендой была связана поговорка: «Мусяц посябрыўся (должно быть, подружился) с Белуном», употреблявшаяся в смысле: его посетило счастье). При этом количество денег, которым Белун награждает бедняка, по народному убеждению, бы-

Белый цвет

вает разным, смотря по тому, чем человек утер ему нос: если рукой, то золота из сумы высыплется столько, сколько можно забрать в горсть; если платком или полой одежды, то сколько может в них поместиться. Легенда о рассыпании Белуном богатств основывалась, очевидно, на древнейшем отождествлении солнечного света и золота.

БЕЛЫЙ ЦВЕТ — цвет, с одной стороны, связанный с белым солнечным светом, со всем святым, светлым, добрым и т.д., но с другой стороны, символизирувавший потусторонний мир, смерть и т.д.

Белый цвет, ассоциировавшийся с сиянием солнца, белым светом, был неизменным атрибутом всего священного, благого, чистого, девственного. Солнечный свет дает возможность видеть и различать предметы окружающего мира, их формы и краски, а темнота уничтожает эту возможность; без света и солнечного тепла ничто на земле не растет, не цветет и не плодоносит. Для людей исчезновение солнечного сияния означало холод, голод и исчезновение самой жизни; поэтому белый свет, белый цвет в народном сознании отождествлялся со всем добрым, радостным, полезным, тогда как отсутствие света, т.е. черный цвет, противопоставлявшийся белому как свет — тьме, ассоциировался со злом, холодом, смертью. Например, во всех легендах, преданиях и поверьях святые, ангелы и сам Господь являлись людям облаченными в белые, как бы сияющие одежды, тогда как черта все поверья и предания неизменно описывали как существо черного или темного (бурого или синего) цвета. Эпитет «белый», «светлый», в народной традиции также служил указанием святости, чистоты, возвышенности, ср., например: белый свет, белый Царь, Белбог и пр.

Однако, в то же самое время, белый цвет также являлся и символом смерти и причастности к потустороннему миру, миру мертвых. Призрачная белая фигура в народных поверьях, быличках, рассказах являлась обычно персонификацией судьбы, а порой и самой смерти. «Предвестник в белом» являлся одним из самых популярных персонажей народных поверий, особенно в XIX-XX вв. Так, множество народных быличек повествовало об очень высокой и закутанной в белые одежды фигуре, иногда — со свечой в руках, являющейся случайным прохожим, крестьянам и пр. и предсказывающей судьбу, причем как отдельным людям, так и целым селам, городам и даже странам: например, в одной быличке таинственная женщина в белом является едущему на ярмарку крестьянину и плачем и стоном предсказывает ему смерть; в другой же быличке такая же женщина в белом балахоне, явившаяся путнику, предсказывает скорую войну и следующие за ней голод и мор. Но при этом, впрочем, таинственные «фигуры в белом» обычно не считались предвестниками только одних бед и несчастий; иногда они могли являться и просто к переменам, порой и к неожиданной радости, а иногда и без особой причины.

Например, известно несколько рассказов о «женщинах в белом» (духах судьбы), отвечающих на вопросы путников в благодарность за оказанную услугу (ср., напр.: «Один шофер ехал, вдруг машина резко остановилась, он видит: женщина идет. Одета во все белое. Подошла и просит его купить белого материала с полметра. “А как купишь, — говорит, — сюда же приезжай. Потом рассчитаемся” Он съездил, купил... А как проехать стал то место, машина опять остановилась. И женщина та идет. Спрашивает его: “Купил?” Он отдал материал. Она и говорит: “Что хочешь теперь проси, все исполню” Он перетрусил, не знает, что спросить. Потом спросил первое, что пришло в голову: “Война будет?” Она отвечает: “Войны не будет”»).

Таким образом, подобные сверхъестественные фигуры в белом воспринимались крестьянами как духи судьбы, не злые и не добрые, просто предвещающие будущее. Однако при этом такие образы порой объединяли в себе персонификацию судьбы и смерти; недаром описания таинственных белых фигур зачастую напоминали покойников в смертном одеянии. Представления о том, что умерший может явиться из могилы, прийти за живыми и «увести» их за собой, погубить их, были распространены у всех славян, да и у многих других народов тоже. По-видимому, белый цвет погребальных одежд и стал одной из причин, по которым белый цвет стал соотноситься с потусторонним миром. Сама Смерть — демонический персонаж, отнимающий жизнь у людей, — традиционно представлялась в облике покойницы, иссохшей бледной женщины (иногда — скелета) в белом саване. В поверьях XIX-XX вв. таинственная фигура «бела и высокая» нередко прямо называлась смертью и в рассказах могла восприниматься как покойник в саване (ср., например: «Белая женщина в белом саване является тому из семьи, кто скоро умрет»; «Явилась (гадающей) такая вот женщина в белом... Ну, и девка померла вскоре, и года не прошло»; «Вот он обернулся, а за ним бежит такая фигура, высокая и в белом вся (покойница)»; «Стоит женщина... и все причитает. Высоко-о-кая такая, в белом вся... Так и плакала... А мужик тот потом умер, так говорили, что это Смерть ему показалась» и т.п.).

Близко к образу покойников в белом, как существ, несущих с собой смерть и воплощающих ее, стоит и образ демонических персонажей, воплощающих болезни и мор. Так, по верованиям крестьян, болезни иногда ходят по миру в облике худых бледных женщин в белых или красных одеждах; они насылают разные недуги и даже эпидемии (ср., например: «Есть люди, утверждающие, будто видели, как в полночь в избу входила женщина в белой одежде и, пройдя по избе, неизвестно куда исчезла; или же останавливалась перед кем-либо из семейства и пристально, долго на него глядела. На другой день человек заболел»; или: «Многие видели, как по зорям у колодцев появлялась девка в белой одежде и что-то сыпала в воду... Пытались

Берегини

ее поймать, но не смогли... А в деревне потом мор начался»).

Многих мифологических персонажей, по происхождению своему связанных с усопшими (заложными покойниками), народные поверья также соотносили с белым цветом. Например, в поверьях ряда губерний России русалок и лесунок называли «белыми бабами», полагая, что они имеют белое тело или носят белые рубашки (ср.: «Мы только подошли — стоит женщина! Вся в белом, как снегурка. Все у нее горит около головы так. У этой проруби конской стоит и грозит нам пальцем»; или: «Он (приятель рассказчика) отошел эдак в сторонку от меня, срубил березу, дерет себе лыка, я тоже. Вдруг как закричит во все горло!.. «Пришла, говорит, ко мне девка, высокая, белая, косы распущены, да как схватит меня рукой за галстук (шарф) и галстук сорвала». Я посмотрел, а у ево на шее пятно большущее багровое... «Ну, говорю, Лавруш, побегим скорее домой, это леший с нами шутит, щобы чево худова не сделал, видно, березняк-ать — это ево»). Водяных и леших в некоторых рассказах также описывали как белых мужчин с седыми волосами, носящих белые одежды (так, в одном из рассказов, записанных на берегу Белого моря, в лесу крестьянину является высокий мужчина в белом, с лентой через плечо, и предсказывает крестьянину близкую войну и гибель; в другом рассказе, записанном в Новгородской губ., купающихся в реке утаскивает на дно белый нагой мужчина с зелеными волосами (водяной); кроме того, считалось, что леший порой принимает облик животных, имеющих белый цвет шерсти (например, облик белого волка, предводителя волчьих стай, ср., например: «Гляжу — волчиные стада, а с ними белый волк», или: «Тэй белый царик, кали тропить чилавека, то и у си (волки) на яго; а ня тронить, то ни водин ни тронить»). Белый цвет нередко приписывался и духам-

кладовикам: считалось, что они нередко являются в облике людей в бледных одеждах, либо в облике белых животных (так, например, про один из курганов у Иртыша в окрестностях рассказывали, что в нем сокрыт клад, и иногда по ночам над этим курганом появляется белая женщина на белом коне; в Архангельской губ. рассказывали о белой змее — хранительнице кладов, а на Вологодчине верили, что клад может явиться в облике белой коровы, белого коня, белого зайца, белого человека и т.п.).

БЕРЕГИНИ, берегини — в восточнославянской мифологии благожелательные женские духи, оберегающие людей от злых сил и противостоящие упырям — силам зла.

Почитание берегинь известно с очень давних времен: оно уходит своими корнями в матриархально-родовой культ духов-покровителей. Поклонение и принесение жертв упырям и берегиням относится к первой эпохе в развитии славянских религиозных представлений: «Се же с л о вен е начали трапезу ставити

Роду и рожаницам переже Перуна бога их. А преже

того клали требы упиремь и берегиням». Культ упырей и берегинь представлял собой «первобытный анимизм с ярко выраженным дуализмом» и возник, по-видимому, во времена охотничьего хозяйства, может быть, уже в палеолите или мезолите, вероятно, в те времена, когда люди еще не знали богов. Упыри и берегини в народной традиции представляли две силы, управляющие миром: силу злую, враждебную человеку, и силу благую; они олицетворяли собой два противоположных начала — злого и доброго, враждебного человеку и оберегающего человека.

Изначально вампиры и берегини были, по-видимому, единственными представителями внешнего мира для первобытных людей. В те древние времена природа дифференцировалась еще не по таким категориям, как «рощения» и источники, солнце и луна, огонь и молния, а только по принципу отношения к человеку: с одной стороны, ее представляли злые упыри-вампиры, которых нужно было отгонять и задабривать жертвами, а с другой стороны, добрые берегини, которым тоже нужно было «класть требы», но уже в качестве благодарности и для того, чтобы они активно проявляли свою доброжелательность к человеку.

О внешнем облике древних берегинь и упырей данных, в общем, не сохранилось. Упыри, как сила злая, никогда не изображались в искусстве и вообще не сопоставлялись точно с чем-либо реальным (хотя в позднейших мифах и соотносились порой с бесами и павьями, также представлявшими силы зла); берегини же изображались в русской домовой резьбе и т.п. в виде сирен с птичьим или рыбьим обличьем, однако такой их облик, скорее всего, являлся уже некоторым видоизменением первоначальных представлений. Полиморфизм берегинь и аморфность упырей в фольклоре, очевидно, ведут к древнейшим представлениям о сверхъестественных, волшебных силах, неразрывно связанных с магическим отношением к природе, облик которых очень трудно определить.

Итак, хотя как упыри, так и берегини, по-видимому, исконно не имели определенного облика, однако с ними связывались вполне определенные представления. Если упыри представляли собой все неблагоприятные для человека явления природы (холод и тьму, болезни, смерть и пр.), то берегини выступали как духи-охранители, предвестники будущих добрых божеств, защищающих людей и посылающих им все, необходимое для жизни (тепло, свет, жизнь, плодородие и т.д.).

В древних письменных источниках (в различных «Словах» и поучениях против язычества) берегини косвенно приравнивались к русалкам или вилам, и поклонение им соотносилось с разными формами молений о плодородии, о своевременных дождях и т.п. (ср., например: «Адрузии к кладезям молятся и в воду мечють вслеару жертву приносяще. А друзии огневи (молятся) и камеиу и рекам и источникам и берегиням...»). По-видимому, во времена земледельческо-скотоводческого хозяйства берегини тесно связывались

с водой и наделялись теми же функциями, что и русалки-вилы, которые до христианства представлялись славянам не демоническими существами и коварными утопленницами, а красивыми крылатыми девами, заботящимися о посевах и о дожде для нив.

Вообще же, связь берегинь-русалок с водой, сохранившаяся во всех видах представлений о них, была, по-видимому, еще более древней и появилась не во времена земледелия, а во времена охотничье-рыболовнического хозяйства. Этимология самого названия «берегиня» не вполне ясна (предположительно, оно произошло от старославянского *прегыня* — «холм, поросший лесом»); но это слово, по-видимому, было связано с двумя различными понятиями: берегом водного пространства и с глаголом *оберегать*, *беречь*, и эта связь, скорее всего, была не случайна, а вполне закономерна, но только для весьма отдаленных времен, когда человек еще только учился плавать по бурным и полноводным рекам и когда его окружали бесчисленные озера и болота, образовавшиеся после таяния ледника. Для первобытного охотника и рыбака эпохи мезолита и неолита было бы совершенно естественно соединить понятие о берегу, о твердой и надежной земле с понятиями оберегания, охраны от нежелательного, от возможной беды. Это подтверждает и то, что в современных русских диалектах слово «берегиня» уцелело только на русском Севере, где дольше всего сохранялся охотничье-рыболовческий быт. Связь же берегинь с дождем, росой и т.п. была, очевидно, позднейшим земледельческим переосмыслением, так как для земледельцев, заботящихся об урожае, вода небесная была важнее воды земной (и, вознося молитвы рекам и источникам, крестьяне надеялись повлиять на «хляби небесные», заоблачные запасы воды). В какой-то связи с берегинями, возможно, состоит и «береза» — священное дерево славян и обязательная принадлежность летних молений о дожде (в языческие времена приурочивавшихся к 4 июня, а в христианские — к Семику и Троице); на это указывает и то, что береза издревле считалась среди славян «деревом духов» и излюбленным деревом русалок (считалось, например, что они обитают на березах или в них, качаются на березовых ветвях и т.д.).

О многом говорит и традиционное изображение русалок в русской домовой резьбе. Сама эта резьба, украшавшая дом каждого крестьянина и состоявшая из множества различных символов, представлявших собой систему, воспроизводящую макромир, должна была оберегать всех домочадцев от сил зла, повсеместно разлитых в природе; и присутствие в этой сложной, охранявшей дом системе берегинь, духов-охранителей от зла, было вполне уместным. Двойственность же образа берегини в этой резьбе (девушка-птица и девушка-рыба) являлась, очевидно, попыткой выразить, с одной стороны, родство со стихиями воды и воздуха, а с другой — родство с самим человеком.

БЕРЁЗА — одно из наиболее почитаемых славянами деревьев, в народной традиции выступающее и как «счастливое» дерево, оберегающее от злых сил, и как дерево вредоносное, связанное с женскими демонами и душами умерших. При этом поверья о полезных и вредоносных свойствах березы сосуществовали у восточных и западных славян в одних и тех же регионах: так, например, в одних польских селах березу считали вместилищем духов (поэтому, по народному убеждению, в нее часто бьет молния), опасным для человека, а в других почитали ее как дерево, приносящее счастье, здоровье и добро.

Представления о том, что береза — недоброе дерево, приносящее беду, существовали в разных местах. Так, например, в некоторых деревнях Полесья березу запрещалось сажать рядом с домом, чтобы на хозяев не напали болезни и не вымерла семья, а также потому, что береза часто «плачет», в нее часто «бьет гром» и т.д. Согласно карнатским поверьям, если женатый мужчина посадит березу во дворе, то кто-нибудь из членов его семьи вскоре умрет. Кое-где на Русском Севере места, где когда-то росли березы, считались несчастливыми, в таких местах новых домов не ставили, опасаясь бед, болезней и пожаров. Кое-где избегали даже пользоваться березовыми дровами и жечь бересту, полагая, что от этого заводятся клопы.

Вместе с тем, во многих местах березу почитали как дерево, приносящее удачу; ее специально сажали во дворе, рядом с домом для благополучия всей семьи, по случаю рождения ребенка, для защиты от молнии, для отпугивания злых сил и т.п. По веткам березы, поставленным в воду, и по березовым венкам девушки гадали о замужестве. Ветка березы, установленная в переднем углу при строительстве дома, являлась символом здоровья хозяина и всей его семьи. Березовые ветки крестьяне втыкали в поле, чтобы получить богатый урожай злаков или льна; березовое полено закапывали под порогом новой конюшни, чтобы в ней «велись» кони; в печь после выпечки хлебов бросали березовые поленья, чтобы «ягнята были белыми», и т.д.

Во многих народных легендах береза выступала как благословенное дерево, некогда укрывшее своими ветвями Богородицу и младенца Христа от непогоды (польское поверье) или святую Пятницу от преследований черта (русское). Но вместе с тем, существовали и легенды о том, что береза — проклятое Богом дерево, прутьями которого хлестали Христа (сербское).

В народных представлениях береза наделялась ярко выраженной женской символикой. Так, например, в обрядовых приговорах при сватовстве береза и дуб выступали как символы невесты и жениха («у вас есть береза, а у нас дуб...»). В украинских обрядах лечения детских болезней девочек носили к березе, а мальчиков — к дубу. В Полесье верили, что посаженная близко к дому береза вызывает женские болезни у его обитателей; что наросты на березовых стволах образуются от женских проклятий («бабских проклёнов»). В

некоторых полесских селах при похоронах тело умершей женщины покрывали березовыми ветками, а тело мужчины — ветками тополя. В белорусских причитаниях умерших братьев именовали «зялеными кусточками», а умерших сестер — «белыми бярезами».

Во многих свадебных и лирических песнях береза была самым распространенным символом девушки и женщины, причем нередко даже более женщины, чем девушки. Так, например, о вышедшей замуж девушке в песнях поется, что она «вчера была красная калина, теперь стала белая береза». В одной из рекрутских несен береза сопоставляется с матерью, оплакивающей сына, которого отдают в солдаты; известна и песня, в которых береза сопоставляется с печальной матерью, носящей на руках плод беззаконной любви. В другой песне береза относится к дубу, как мать к сыновьям: «Ой дуб до берези верхом похилився; козаченько своей неньци низко поклонився». Песни, где упоминалось бы любовное свидание под березой, неизвестны, но есть песни, где упоминается потеря девства под этим деревом: «Утратила свий виночок (т.е. девство) пид билою березою, не пьяною, тверезою». Впрочем, известны и песни, где береза соотносится с девицей: так, в одной из таких песен невеста сравнивается со срубленной березой, а девица, плачущая по милому, — с березой наклонившейся. В свадебной галицкой песне с березой, хвальной своей достоинствами, сопоставляется девица, которая хвалится своими косами. По-видимому, в большинстве случаев береза ассоциировалась с молодой женщиной (т.е. уже не девочкой, но еще и не старухой), как еще не вышедшей замуж (хранящей девство), так и уже замужней.

Связь березы с нечистой силой и душами умерших в народных поверьях также указывает на женскую символику. Так, например, о русалках в Полесье говорили, что они «с березы спускаются» или «на березах качаются»; в русальных песнях они сидят обычно «на белой березе» или «на кривой березе»: «На гряний недилы / Русалки сидили... Сидили русалки / На кривий берези». В одной из народных песен утонувшая девица превращается в березу: «Казав брат сестрици: не становись на кладку! / Сестрица не слухала, на кладку ступила, / Кладка схитнулася, сестрица втонула, Як потопала, три слова сказала: / Не рубай, братику, билою березоньки, / Не коси, братику, шовкової трави, / Не зривай, братику, чорного терну: / Білая березонька — то я молоденька, / Шовкова трава — то моя руса коса, Чорний терен — то мой карі очі» («Брат говорил сестре: не становись на доску Она не послушалась и утонула; а как утопала, сказала три слова: не руби, братец, белой березы, не коси шелковой травы, не рви черного терна: белая береза — это я, молодая, шелковая трава — моя русая коса, а черный терн — мои карие очи»). Сюжет о превращении погибшей девушки или обиженной родителями мужа женщины в березу встречается во многих восточнославянских легендах, сказках и балладах (ср., например, песню о женщине, которая много

терпела от свекра, попрекавшего ее каждым куском хлеба, и наконец превратилась в березу; отец ее, отправившись срубить березу, узнает в ней свою дочь).

В народных поверьях принадлежащими русалкам и вообще душам умерших считались, как правило, одиноко растущие в поле березы с ветвями, свисающими до земли; на Троицкой неделе к ним боялись приближаться, опасаясь русалок. В Польше такие плакучие березы называли деревьями духов, так как считалось, что в них вселяются души умерших девушек (реже — вообще души заложных покойников), которые выходят по ночам и насмерть «затанцовывают» случайных прохожих. В Польше же существовало поверье о том, что под одиноко растущей березой покоится душа умершего насильственной смертью и вместо сока в ней течет кровь. У белорусов необычный вид березы (например, искривленной или сросшейся с другим деревом) считался свидетельством того, что под ней погребена невинно загубленная душа. В Костромском крае об умирающих девушках (а иногда и об умирающих взрослых женщинах) говорили, что они «в березки собираются»; при этом во многих местах верили, что на Троицу в березовые ветки, украшающие дома, вселяются души умерших родственников.

Вообще, береза повсеместно считалась деревом, причастным к миру сверхъестественного. Она была связана не только с душами умерших, но и нечистыми духами, и в народных быличках, рассказах и т.д. часто выступала как атрибут разнообразной нечистой силы. Так, например, согласно многочисленным поверьям, ведьма может надоить молока с ветвей березы и летать по ночам не только на помеле или хлебной лопате, но и на березовой палке; в быличках чудесные белые кони, подаренные человеку чертом или ведьмой, к утру превращаются в кривые березы или березовые жерди, а поданный чертом хлеб — в березовую кору; ведьмы и колдуны, по народному убеждению, порой устраивают свои шабаши на березах; в одном из рассказов женщине, в которую вселился бес, во время приступа «бросало» на березу, и т.д.

Может быть, эта связь березы с душами умерших, с русалками и ведьмами объяснялась тем, что березы, особенно «плакучие», соотносились в народной традиции с водой, дождем, облаками. Вообще, дождевые тучи, «потемняющие небесный свод ширококораскинутою и многоветвистою сению», еще в глубокой древности уподоблялись дереву-великану, мировому дереву, «обнимающему собою весь мир». Некоторые легенды сообщали, что корни этого дерева находятся в подземном мире, и возле них пребывают змеи и прочие гады; ствол его пронизывает мир, а на кроне его, находящейся на небе, покоится Ирий, где обитают птицы, души умерших и боги. Однако более архаичными, по-видимому, являлись те легенды и предания, которые гласили, что ветви этого дерева обращены вниз, к земле, а корни простираются до самого высокого неба (отголосок этого представления встречается в некоторых русских заговорах, в которых сказано, что «на

острове Буяне стоит белая береза — вниз ветвями, вверх корнями, а на той березе сидит Матерь Пресвятая Богородица»). Само это баснословное дерево было мифическим представлением тучи; живая вода у его корней, разбрасываемые дровом по всей земле семена и мед, капающий с его листьев, были метафорическими названиями дождя и росы, а остров и море, где произрастает дерево, — обозначением неба и «хлябей небесных», т.е. запасов дождевой воды, находящихся за небесной твердью. Легенды о таком всемирном древе (и при этом легенды, очень схожие между собой) существовали не только у всех славян, но и у многих других народов; и повсюду под этим мифическим дровом понимали какое-либо реальное дерево: ясень, дуб, яблоню, фиговое дерево или березу с ее «плакучими» ветвями и сладким соком, напоминающими о дожде. Как олицетворение дождя, небесных туч и т.д. береза вполне резонно соотносилась в поверьях с душами умерших (пребывающими, по древним верованиям, в Ирин — заоблачном мире «хлябей небесных»), с вилами, русалками (духами — подательницами животворной влаги) и ведьмами (некогда, по-видимому, жрицами, своими молитвами, обрядами и т.д. вызывающими дождь).

Возможно, именно эти представления, связывавшие березу с небесными тучами и дождем, а также с силами, заботящимися о плодородии и ниспослании на землю небесной воды, и стали причиной двоякого отношения березе, когда одни поверья провозглашали это дерево священным, а другие — проклятым. По-видимому, почитание березы существовало еще в древнейшие языческие времена, и при христианстве следы этого почитания сохранились, но не во всех местах и не в полной мере. Христианство отвергало все языческое, поэтому благожелательные облачные девы и ведьмы-жрицы, обеспечивавшие необходимые посевам дожди, стали причисляться к злым духам, враждебным и опасным, а к посвященным им деревьям, олицетворявшим некогда дождевые тучи, люди стали относиться с опаской, полагая, что они могут навлечь несчастье (может быть, привлекая недобрых духов).

Мифическое представление тучи в виде дерева, березы, объясняло, вероятно, и важное место, занимаемое березой в обычаях весенне-летних празднеств, посвященных созреванию урожая. Так, например, повсюду у восточных славян на Троицу принято было совершать обряды с растущей или срубленной березкой; занимались этим преимущественно девушки и женщины (что, по-видимому, было связано с женской символикой березы), которые отправлялись в лес, выбирали там молоденькую красивую березку (называемую в разных местах «кума» или «гостейка», «семик», «куст», «красота», «баба» и т.п.), обвивали ее поясом или лентами, украшали ее, завивали на ее ветвях венки, устраивали под ней совместное угощение, водили хороводы, гадали и т.д. В некоторых местах с деревцем совершали и другие обряды: девушки «кумились» с березой, просили у нее доли, умывались

березовым соком для красоты и здоровья и т.д. В Костромском крае существовало поверье, что девушка, первой свешая в тени «завитой» березы, выйдет замуж в текущем году.

В Нерехтинском округе девушки сперва «кумились» друг с другом (для чего свивали нижние ветки березы венком и понарно целовались через этот венок), а затем одна из девушек, подражая пьянице, бросалась на землю и каталась по траве, после чего притворялась заснувшей крепким сном; другая девушка пробуждала притворившуюся спящей и целовала ее. В этом обряде, возможно, роль спящего некогда исполнял парень (ср. один из весенних норвежских обрядов, когда на Майский праздник в зеленые листья заворачивали молодого парня, которого его возлюбленная покинула и вышла замуж за другого; этот парень, называемый Женихом Мая, опускался на землю и притворялся спящим, а девушка, которая любила его и хотела бы стать его женой, подходила к нему и будила его, а затем предлагала свою руку и шарф, после чего пара шла в харчевню и открывала тайцы, причем парень снимал с себя лиственное одеяние и отдавал его своей партнерше по танцам, а она делала себе из него букет). Возможно, в подобных обрядах пробуждение спящего человека символизировало весеннее возрождение растительности; пробуждающая же спящего девушка была, по-видимому, олицетворением весны, живительного тепла и солнечного света. Недаром обряд этот совершался сразу после обрядов с березкой, символизировавшей дождь, без живительной влаги которого невозможно распускание и цветение зелени.

По окончании всех обрядов, совершаемых с березкой, ее обычно либо «развивали» (снимали с нее наряды, расплетали ветви и т.д.), либо срубали и ходили с ней по селу, а затем «проводжали березку» или «хоронили» ее — бросали ее в воду, в овраг, в костер и т.д. Обрядовые шествия с березкой на Троицу совершались во многих местах и были известны практически всем славянским народам. Например, в последний четверг перед праздником Троицы в некоторых русских губерниях крестьяне отправлялись в лес, пели песни, сплетали венки и срубали молодую березку, которую обряжали в женское платье и украшали разноцветными лентами и лоскутками. После этого наряженную березу с радостными песнями и плясками приносили в родную деревню и устанавливали в одном из домов, где дерево в качестве желанного гостя оставалось до Троицы. В следующие два дня крестьяне посещали дом, в котором находился этот удивительный «гость», а на третий, Троицын день они выносили дерево из дома, с песнями приносили его по деревне и затем топили его вместе со всеми украшениями в реке (что, по мнению крестьян, должно было обеспечить необходимый для посевов дождь). Подобные обряды, кстати, были известны не только славянам, но и многим другим народам (ср. обрядовые шествия с майским деревцем и обрядовой зеленью, совершавшиеся в Европе в начале лета).

Беременность

В некоторых местах особые обряды совершали с березкой не только на Троицу, но и на Купалу: с заходом солнца все девушки собирались на условное место, украшали березку цветами, лентами и венками, а затем водили вокруг нее хороводы и пели песни. Такое дерево в народе нередко именовали «Кунало». По окончании обряда деревце также уничтожали: сжигали, бросали в воду и т.д.; иногда делали и так: к девицам подбегали парни, которые прорывались сквозь хоровод девиц, защищающих березку, и разрывали деревце на части (впрочем, в подобном обряде чаще использовалась верба, а не береза).

Березовые ветки традиционно украшали дома, хозяйственные постройки, дворы и т.д. в течение всего цикла летних празднеств. После этого часть веток уничтожалась, а часть сохранялась на долгое время, так как ветки березы, особенно те, что использовались в обрядах, в народной магии расценивались как надежный оберег. Так, например, у всех славян существовало поверье, что березовые ветки, заткнутые под крышей дома или оставленные на чердаке, защищают от молнии, грома и града; воткнутые посреди посевов в июле, они отгоняют грызунов и птиц; брошенные же на огородных грядках, предохраняют капусту от гусениц. С помощью березовых веток и веников из них крестьяне пытались защититься от нечистой силы, «ходячих» покойников, болезней и т.п. Накануне дня Ивана Купалы березовые ветки втыкали над дверями хлевов, чтобы ведьмы не проникли к коровам и не навредили им; на рога коровам для защиты от ведьм надевали березовые венки. У западных славян надежным средством защиты от всяких злых сил считалась березовая метла, прислоненная к постели роженицы или к колыбели новорожденного. Во многих местах существовало также поверье, что болезнь отступит, если бить заболевшего ребенка березовым прутом, и т.п.

Вообще, береза часто использовалась в народной медицине для лечения различных болезней. Так, например, у всех славян действенным приемом лечебной магии считалось хождение к растущей березе для «передачи» ей болезни. «Передавали» болезни поразному: выливали под березу воду, оставшуюся после купания больного ребенка, относили к березе вещи больного и т.д.; при этом подобные действия могли сопровождаться заговорами, нередко содержащими мотив угрозы по отношению к болезни (ср. русский заговор от грудной жабы: «Брошу жабу под березов куст, чтоб не болело, чтоб не шемило»). Русские крестьяне обращались к березе с просьбой об исцелении и при этом скручивали над больным березовые ветки, угрожая не отпускать их до тех пор, пока болезнь не отступит от человека. В некоторых местах для исцеления от малярии больному советовали трясти березу с приговором: «Тряси меня, как я тебя, а потом перестань».

Лечебным средством повсеместно считался березовый сок. Его пили от чахотки; применяли как наружное средство при язвах; давали свежий березовый сок в

молоке детям во время прорезывания зубов. Впрочем, куда чаще березовый сок использовали как лакомство, как вкусный и полезный напиток. Во многих местах из него делали квас (иногда с примесью солодового сусла), а иные помещики приготавливали из него шипучку и уксус. Сибирские крестьяне, живя на пашне, варили из березового сока чай. Вообще же, «березовик» (т.е. березовый сок) зачастую пили просто так, как полезный и прохладительный напиток; в Смоленской губернии при этом приговаривали: «Свяжинка у раток, а здороуя у живаток. Заичья прыткость, медвежья сила, волчиная ловасть» и т.д. Употребление сока, добываемого ранней весной из ствола березы, было очень распространено у русских, украинцев и белорусов. В Сибири об этом говорили: «В лесу даром что пи зеленой травы, ни цветков нет, а полакомиться можно: березовка побежала. Возьмешь туясок, подставишь иод березку — в день-то глядишь полон туяк накоплет. Из маленьких березок березовка не сладка, да п мало; надо березовку цедить из больших берез».

БЕРЕМЕННОСТЬ и **РОДЫ** — процесс вынашивания плода и появления ребенка на свет; время, когда сама женщина и все, окружающие ее, должны были строго придерживаться особых правил поведения. Родильный обряд и система отношений, связанная с беременной женщиной, роженицей и новорожденным, являлись, с точки зрения славян, едва ли не определяющими в судьбе каждого человека. Обряды и ритуалы этого цикла (включающие в себя определение пола ребенка, запреты, связанные с беременностью, обереги беременной, облегчение родов, обереги ребенка п роженицы после родов, очистительные ритуалы и т.п.) довольно точно вписывались в общую систему представлений о мироустройстве, сформировавшуюся еще во времена язычества, но со временем получившую христианскую окраску и трактовку.

В общем и целом отношение к беременности и рождению детей у славян, как п у всех остальных народов, было положительным. Забота о продолжении рода сказывалась на ритуальных действиях уже в свадебном обряде. Так, например, для того, чтобы способствовать благополучному зачатию, во многих местах жениха и невесту традиционно провожали на первую брачную ночь после свадебного пира с горстями соломы в руках в подклеть или укладывали спать на снопы, а также подбрасывали в постель новобрачным деревянную куклу или полено, завернутое в пеленку, и т.п.

Какое-то время на Руси, как и в других местах, существовало представление о том, что женщина может зачать одна, без участия мужчины. Она была единственной продолжательницей рода. Иногда считалось, что беременность можно вызвать и словами — заклинанием или колдовской фразой; кроме того, «непорочные зачатия» в мифах нередко соотносили с миром духов и богов. Такие представления сохранились и при христианстве, особенно в русских сказках, где героиня могла забеременеть, отведав плодов или

Беременность

ягод, каких-либо корешков и пр. (кстати, и в жизни крестьянки иногда ели горох или дрожжи, чтобы забеременеть, вероятно, из-за связи этих продуктов со способностью «разбухать», ср. русскую сказку: «Горох распух, и царица потяжелела»). Отголоском древнейших языческих представлений об оплодотворяющей силе дождя была и вера в то, что беременность может вызвать вода; например, крестьянки нередко пили наговоренную или просто дождевую воду, а также в определенные дни купались в реках, чтобы вернуть себе способность рожать. То же самое встречается и в сказках, в которых героиня «увидела реку, попила водицы и понесла... У нее родился сын»; при этом в сказках такие дети традиционно наделялись необыкновенными способностями (примерно такими, какими в греческой мифологии обладали дети, рожденные от богов). Беременность могли вызывать и рыбы, как существа, связанные с водой и загробным миром, а также обладающие большой плодовитостью; так, в некоторых местах рыбу ели от бесплодия, а в народных сказках женщины нередко рожают ребенка, поев рыбы. Кроме того, некоторые сказки о чудесном рождении ребенка были тесно связаны с мотивом реинкарнации (т.е. с древнейшим представлением о том, что люди после смерти возрождаются в других телах) и с культом огня и его вместилища — печи, олицетворявшей женское чрево (ср., например, многочисленных героев русских сказок, лежащих на печи).

Во всех подобных представлениях и сказочных мотивах видно отражение веры в непосредственную связь человека с природой: она может одарить его своей производящей силой (по принципу симпатической магии), и рождение человека, как и его жизнь и смерть, находится в полной ее власти. Схожие представления, кстати, существовали и при христианстве, когда возникла вера в то, что детей людям дарит Бог, т.е. олицетворение всей Вселенной.

«Дети составляют благословение Божие и выражают собою присутствие Святого Духа в семье, они ее опора и счастье», — таков был преобладающий взгляд народа на детей. Появлению ребенка радовалась обычно любая семья, и это было не просто стремление к продолжению рода. Дети должны были стать помощниками и преемниками родителей, продолжить дело всей их жизни. Поэтому-то холостяки, какими бы «достаточными» людьми они ни были, в народе считались «бездомовниками», «сиротами до старости», не выполнившими своего жизненного предназначения и потому во многих отношениях людьми далеко не равноправными с другими.

В хорошей семье радовались появлению ребенка любого пола; но при этом во многих случаях предпочтение отдавалось мальчишкам, сыновьям. В первую очередь это касалось крестьянских семей, где, при тяжелых условиях жизни, каждый работник был на счету. Сын означал надежную помощь в работе и продолжение рода; обзаведясь семьей, он приводил в семью новых работников — жену и детей. Поэтому в

первый раз беременной жене едва ли не всякий муж-крестьянин, пусть и в шутку, да наказывал: «Смотри, рожай парня, а не девку». Дочери воспринимались крестьянами как «пустодомки»: «Дочь, что? Корми ее, не корми, она все не твоя и, рано или поздно, со двора уйдет», т.е. выйдет замуж и уйдет работницей в чужой дом. На девочек крестьяне смотрели снисходительнее обычно лишь тогда, когда они рождались после одного или даже нескольких мальчиков.

Если женщина часто приносила детей, это, в общем, считалось хорошим признаком, «расположением Божиим»; однако при этом к плодовитости женщины относились в разных семьях по-разному. Достаточные семьи только радовались обилию детей: «Подавай Бог, кормить есть чем, на всех хватит». Однако в бедных семьях, лишенных возможности прокормить и вырастить детей, на постоянную беременность женщины смотрели косо и даже упрекали ее: «Наживать ребят умеете, а кормить так нет вас», «Вот, жрать самим нечего, а она, как кошка, плодить». При этом, однако, отсутствие детей считалось несчастьем всякой семьи, и бедной, и богатой. Бесплодие женщины считалось выражением гнева Божия и кары за грехи мужа и жены или их отцов; по этой причине богомолье и обеты и считались такими могущественными средствами против бесплодия. То же самое относилось к выкидышам: кроме тяжелых подъемов и работы, падений, ушибов, побоев мужа, порчи, оговора и воздействия нечистой силы, выкидыши приписывались таким прегрешениям матери, как несоблюдение постов, нерадивость в молитве, неверность мужу, совокупление с ним под праздник и т.п., и требовали от женщины для предупреждения выкидышей главным образом применения «религиозных средств». Чтобы доносить ребенка и родить вовремя, мать, по народному убеждению, должна была приобщаться во время беременности святых Тайн.

Выкидыши и бесплодие, почитаемые «карой Божией», практически всегда приводили к раздорам в семье, а аборт в традиционной культуре однозначно относился к сфере греховного, поэтому предотвращение беременности, намеренные выкидыши и плодотворение практиковались практически исключительно девушками, вдовами и женами, забеременевшими вне брака (например, солдатками, «забрюхатевшими» в отсутствие мужа), и лишь крайне редко замужними женщинами. Вообще, женщины, если они не хотели иметь детей, всегда предпочитали прибегать к различным магическим или обычным средствам предотвращения беременности, так как это считалось меньшим грехом, чем аборт, убийство уже зачатого ребенка.

Для предотвращения беременности и родов прибегали к самым разным средствам: пили свое «временное», собирали вместе с мочой кровь месячных очищений с земли или со снега, мыли рубахи после месячных и лили воду в бане, на полку, или собирали в бутылку и зарывали ее в землю или под печной столб, полагая, что пока бутылка в земле, как бы девка ни

Беременность

«гуляла», ни за что не «забрюхатеет», а если выйдет замуж и захочет иметь детей, тогда ей стоит только вырыть эту бутылку и разбить ее. С той же целью предотвратить беременность в бане бросали в жар сорочку с первой ночи, вырезали из рубашки пятна от месячных очищений, сжигали их, а пепел разводили в воде и пили (при этом считалось, что это средство особенно действенно, когда оно применяется в церкви, во время пения херувимской). Новобрачные, по народному убеждению, навсегда избегнут беременности, если во время венчания в церкви, как будто не нарочно, погасят свечи со словами: «Огня нет — и детей нет». С целью избежать беременности женщины в некоторых местах также ели с хлебом шерсть яловой коровы или овцы, а также ягоды «воронец», пили воду, в которой были обмыты куриные яйца, или воду, собранную из 40 различных ключей, а иногда брали черную курицу и в полночь обходили с ней вокруг осинового кола, вбитого посреди двора.

Для предотвращения или прерывания беременности женщины нередко обращались к знахаркам, повитухам, которые для произведения выкидыша и прерывания беременности прибегали как к распространенным народным средствам (перетягиванию живота и т.д.) и механическим приемам, так и к средствам особым, магическим. Так, например, некоторые бабки-повитухи «вытравливали» плод отваром трав, собранных на вечерней заре; другие же с этой целью давали беременной с маленьким сроком выпить большое количество пива, затем вели ее в баню и там парили и мяли живот. Кое-где для совершения выкидыша некоторые знахарки прибегали и к такому магическому средству: ставили икону вниз головой, обмывали ее водой, взятой из природного источника (родника, ручья, реки), потом собирали эту воду и тайком выпивали беременной женщине (таким же образом навели порчу на человека, которому хотели причинить вред). В некоторых местах рассказывали даже про таких искусных знахарок, которые с помощью каких-то тайных средств умеют сделать так, что у законных жен дети рождаются живыми, а от незаконных сожительств рождаются мертвые младенцы. Вообще же, способы совершения абортов, практикуемые как знахарками, так и обычными женщинами, большей частью были чисто физиологическими, не связанными с магическими представлениями.

К различным способам предотвращения или прерывания беременности в деревнях, в общем, прибегали достаточно часто, хотя большинство крестьян, особенно пожилых, смотрело на это с отвращением и считало подобное тяжким грехом. Плодоизгнание практически всегда называли «душегубством» и лишь изредка говорили: «Что чертом дано, то черту и отдано». Девушка, уличенная в плодоизгнании, могла остаться вовсе незамужней; гораздо больше шансов выйти замуж имела девка, явно и открыто родившая ребенка. Особенно же враждебно и неодобрительно крестьяне относились к лицам, для которых плодоизгнание было

ремеслом; в некоторых местах их считали даже самыми «последними», «негодными» людьми, которых и убить не грех, «а все равно, что из огорода дурную траву вырвать вон». Коли уж ребенок был зачат, он, по народному убеждению, должен был родиться на свет.

Способность иметь детей, способность выполнять репродуктивную функцию, носящую в народной традиции выраженный социальный характер, определяла в первую очередь «качество» женщины и особенно супруги. Поэтому практически все способы лечения бесплодия были связаны именно с женщиной. Способы эти были различными: так, например, в одних местах для того, чтобы забеременеть, крестьянки носили в фартуке (или просто заворачивали в фартук) хлеб и яйца (символы жизни и плодородия) и затем угощали ими беременную женщину (не из числа родственников), а в других местах с той же целью употребляли в пищу свиное молоко (свинья в представлениях крестьян — животное не менее плодovitое, чем курица).

В народе существовали многочисленные приметы и обряды, указывающие на предстоящую беременность, определяющие пол ребенка и т.д. Так, например, считалось, что если у женщины при надевании платья подол окажется завернутым, то она в этом году непременно родит ребенка (при этом часто верили, что если у беременной загнется правый край подола — родится сын, а если левый — дочь); то же должно случиться, если жена наступит на мужнины штаны, если у нее будет чесаться в ушах или если во сне ей привидятся журавли. По народному наблюдению, если у беременной бабы «пуза острая» (т.е. живот маленький и прямой), то она носит мальчика, а если «широкая пуза» (живот широкий и неправильный) — родит девочку; если же живот раздваивающийся, то это указывает на скорое появление двойни. Очень распространено было также гадание по расположению плода после начала его «шевеления» и по тому, когда это произошло: так, считалось, что девочка лежит слева «у сердячка», а мальчик справа «у печеночки».

Нередко о поле ребенка судили и по внешнему виду будущей матери. Считалось, например, что беременная с чистым и румяным лицом родит мальчика, а с лицом рябым, покрытым пятнами — девочку; худое и тощее лицо беременной также указывало на рождение мальчика, а полное и одутловатое — на рождение девочки. Белые соски матери, по мнению повитух, указывали на скорое появление сына, а темные — девочки. В некоторых местах считалось еще, что женщина, предпочитавшая во время беременности селедку, беременна мальчиком, а предпочитавшая свеклу или редьку, — беременна девочкой.

Гадание о поле будущего ребенка, о том, каким он будет (красивым или некрасивым, удачливым или несчастным и т.п.), о его судьбе и т.д. с давних времен было одним из традиционных занятий беременной женщины. Так, например, в некоторых местах будущие матери гадали так: окончив ткань, беременная выбегала на улицу и ожидала там первого встречного,

Беременность

полагая, что если им окажется мужчина, то родится мальчик, а если женщина — то девочка. В древней Руси было также распространено гадание по поведению медведя: «и чреваты жены медведю хлеб дают из руки, да рыкнет, девица будет, а молчит — отрок будет».

Вообще, в народе считалось, что мать до известной степени может повлиять на пол будущего ребенка с помощью определенных обрядовых действий. Часть таких обрядов связывалась с противопоставлением правого (мужского) и левого (женского): так, например, если супруги хотели девочку, то во время полового акта мужчина «залезал» на женщину слева, а если мальчика — то справа; или женщина в это время лежала соответственно на левом или правом боку. Другие способы связывались с использованием типичных женских и мужских инструментов и предметов: так, если хотели девочку, женщина клала на время полового акта под подушку «прялочку», выструганную из лучинки; если же хотели мальчика, под подушку засовывали топор (при этом подобные действия служили, по-видимому, еще и оберегом, так как прялку часто подвешивали над колыбелью девочки, чтобы уберечь ее от злых духов; топор с той же целью клали под колыбель мальчика, а взрослые порой укладывали его в головы в «лесовой избушке», чтобы защититься от лешего). Кроме того, крестьяне верили, что если жена во время совокупления положит шапку под голову или наденет ее во время супружеского акта на голову мужа, то у нее родится мальчик; если же она вместо этого повяжет мужа бабьим платком, то родится девочка.

Как правило, забеременев, женщина немедленно попадала в центр внимания окружающих; особенно же сильно это проявлялось в деревнях, где беременность женщины, несмотря на частоту этого явления, при скудности деревенских общественных интересов, составляла своего рода событие. Как только беременность становилась заметна, об этом начинали толковать все соседи, сообщая друг другу, что такая-то «забрюхатела», «понесла», «стала тяжела» или «ходит на сносях». При встрече с ней мужики подшучивали насчет ее положения, а бабы, из любопытства, частенько забегали к ней в дом, осведомлялись о ее здоровье, подавали различные советы, отчасти помогали по хозяйству и нередко приносили «гостинца».

Положение женщины в семье во время беременности также обычно менялось в лучшую сторону: в это время все семейные начинали обычно относиться к ней снисходительнее, освобождали ее от тяжелых работ и т.д. В хороших семьях беременную даже кормили отдельно от остальных более вкусной и питательной пищей, а также освобождали ее, по крайней мере за несколько дней до родов, вообще от всех работ. Желания беременной исполнялись беспрекословно, принимались во внимание все ее странности и прихоти. Конечно, такое предупредительное отношение к беременной проявлялось только в состоятельных и согласных семьях; в более же бедных и малочисленных семействах,

где каждая копейка и каждые лишние руки были на счету, беременным женщинам часто приходилось работать вплоть до самых родов, причем не только по дому, но и в поле: вязать на жнитве рожь и овес, сгребать сено, молотить и жать. В деревнях иногда случалось и так, что женщина начинала рожать прямо за работой на дворе, во время дойки коров, во время полотьбы на огороде, на речке во время стирки, на сенокосе, в поле и т.д.; так, например, известны случаи, когда крестьянки рожали в дороге (едучи на базар в село, на мельницу и т.д.): почувствовав схватки, они отходили за кусты, а разрешившись, клали ребенка в подол и продолжали путь. В страдную пору, на покосах или во время жатвы, женщины порой рожали на полосе, серпом или косой перерезали пуповину, а потом самостоятельно, в одиночку, возвращались домой, сами топили баню и мыли ребенка.

Такие неожиданные роды, происходившие порой в отдаленных от жилья местах, нередко случались как раз из-за необходимости «работать во что бы то ни стало», а иногда и из-за распространенного в деревнях, особенно в бедных семьях, мнения, осуждающего «барыню» и «неженку», не способную работать перед родами. Крестьяне полагали, что «деревенской бабе неколи барствовать и баловаться, а надо работать», и очень многие мужики смотрели на своих жен прежде всего как на работниц; а так как в семье женщины нередко и появлялись из-за необходимости лишних рук, от работы их не могла избавить даже беременность. Некоторые мужья и вовсе относились к беременным женам с полным безучастием: «Да что делается от родов бабе? Хоть корова вырасти у ней в пузе — и та выскочит».

Еще одной причиной родов вдали от дома, без всякой помощи, были роды вследствие «греха»: такие роды, являющиеся следствием незаконного сожителства, обычно проходили в обязательной тайне. Свою роль здесь играл, несомненно, и тот факт, что среди крестьян помогать таким женщинам нередко считалось бесчестным и даже греховным, так что им приходилось самим быть для себя повитухами, а ради стыда и прятаться при этом подальше от людских взоров.

Существовала и еще одна, отнюдь не маловажная причина неожиданных и спешных родов, иногда прямо за работой и вдали от родного дома. Эта причина заключалась в уверенности, что беременность и в особенности момент наступления родов должны скрываться от окружающих как можно дольше. Во многих местах существовало убеждение, что роды будут тем мучительнее и труднее, чем больше народа о них знает: беременная должна будет «лишнее страдать за всякого, кто узнает об этом, и будет мучиться за каждый грех узнавшего»; потому крестьяне и говорили: «Оборони Бог, если кто спознает, что баба родит, замучит ее, ни за что не родит, как должно». По этой причине скрытность женщин иногда достигала таких пределов, что они не сообщали о своей беременности даже своим мужьям и семейным, пока те не замечали сами. Самое

Беременность

наступление родов часто скрывалось до последнего, и лишь в критическую минуту об этом сообщалось (и то не всегда) кому-нибудь из самых близких в семье. Крестьянки верили, что если кто-то догадается о предстоящих родах, то это предвещает роженице лишние муки, а хуже всего, если узнала девушка, так как роженице придется «отстрадать за каждый волосок на ее голове». По распространенному мнению, есть только два человека, которые могут знать о родах безнаказанно для роженицы: это бабка-повитуха и родная мать или свекровь; остальные же члены семьи должны оставаться в неведении. Так, например, деревенские женщины так рассказывали о родах: «Семья у нас большая, одних мужиков пять. После ужина стало меня мутить, а я и виду не показываю, только, думаю, как бы обмануть всех, чтобы не догадались. В хлеву уйти морозно было, хлев у нас не мшонный, вот я и говорю: что-то меня знобит, видно, я простыла, пойдучка да залезу в печку. Все и поверили, а я в печке-то и родила»; «Пошла она (рассказывает про невестку свекровь) корму коровам задать. Только, что-то долго нет бабы, думаю, к соседям ушла, поколотырить-то тоже любит. Жду, жду, нет. Я, грешница, уже ругнула ее. Вечер пришел, надо опять кровам корму давать, пошла сама, пришла в хлев, а она как мертвая, на навозе, у загородки, лежит, а корова ребеночка-то уж остатки долизывает, почесть, всего вылизала».

Но хотя женщины подчас и старались до последнего скрывать свою беременность и час родов, как они сами, так и все люди, их окружающие, обязаны были четко придерживаться некоторых особых правил и исполнять некоторые необходимые обряды; отступление от этих правил грозило бедой как матери и ребенку, так людям, контактировавшим с ними. Зачатие определялось по чисто физиологическим признакам; после этого беременная женщина попадала в особый мир запретов и предписаний, который сочетал в себе рациональные и магические действия. При этом многие из этих обрядовых действий и запретов основывались на неоднозначном, двойственном отношении к беременности в народной традиции: с одной стороны, беременной женщине, как олицетворению плодородия, повсеместно приписывалась особая магическая сила и всевозможные благотворные свойства; с другой же стороны, беременность повсюду считалась очень опасным и даже нечистым временем, так как, по народному убеждению, в женщине в это время присутствуют две души и она бывает близка к границе жизни и смерти (ср. выражение: «С брюхом ходить — смерть на врату носить»).

Способность беременной женщины к магической передаче плодородия использовалась во многих обрядовых действиях, в первую очередь, направленных на то, чтобы способствовать рождению детей и плодovitости скота и домашней птицы, обеспечить плодородие полей, плодовых деревьев и т.д. Так, например, повсюду считалось, что беременная женщина может избавлять от бесплодия. К ней обращались хозяйки,

собираясь вести корову на случку, полагая, что если беременная женщина снимет свой фартук и трижды ударит им корову, случка пройдет благополучно и корова вскоре принесет приплод. В некоторых местах было принято во время засухи обливать беременную женщину водой, чтобы вызвать дождь, необходимый для урожая; при этом, возможно, той же связью беременной женщины с водой объяснялось и поверье, что если беременная во время пожара обойдет вокруг горящего дома, огонь немедленно утихнет.

Но хотя беременная женщина и участвовала в некоторых важных для крестьян обрядах, ее социальные функции, как правило, были резко ограничены. Так, например, на последних месяцах беременности женщина не могла участвовать в свадебном обряде, быть крестной матерью, свахой или дружкой. Ее участие и в похоронном обряде также оговаривалось особо: она не должна была обмывать, обряжать и провожать покойника, чтобы ребенок не родился мертвым или бледнолицым; и лишь в том случае, если покойник приходился ей близким родственником, ей разрешалось провожать и целовать его, но только с хлебом под мышкой.

Поведение окружающих по отношению к беременной женщине было строго регламентировано и должно было предохранить женщину и ее ребенка от действия злых сил, обеспечить благополучные роды, а также уберечь окружающих беременную женщину людей от опасности, связанной с ее присутствием. Так, например, в присутствии беременной женщины запрещались ссоры, крики и даже громкие разговоры, способные испугать ее и повредить ребенку. Беременной нельзя было говорить какие-либо неприятные или способные испугать ее вещи, чтобы это не отразилось на ее здоровье, на родах и на младенце. Считалось также, что беременной нельзя отказывать ни в какой просьбе, особенно если просьба касается еды, — иначе мыши могут погрызть одежду, у ребенка появится родимое пятно и т.п. Если беременная желала съест что-нибудь особенное, то ей покупали это без разговоров, полагая, что это она «желает с брюшка», «животом захотела», оттого, что ее «перебирает на молодое»; иногда отказать в такой прихоти беременной считали даже за грех, так как этого требует «душа младенца». В некоторых местах мужья избегали во второй половине беременности иметь с женой половые сношения, полагая, что в это время «ангел приносит младенческую душу и вкладывает ее в зародившегося ребенка».

Сама беременная женщина также должна была соблюдать осторожность и принимать различные меры, чтобы не навредить окружающим, так как даже само ее поведение, по народному убеждению, легко могло оказать отрицательное влияние на окружающий мир и посторонних. Так, например, во многих местах считалось, что если беременная перейдет кому-либо дорогу, то на того человека непременно «нападут» чирьи; если она переступит через седло или хомут, то станет очень тяжело лошади, а если будет присутствовать при чистке колодца, вода в нем делается «дурной».

Беременность

Вообще, женщина во время беременности обязательно должна была придерживаться множества особых правил поведения и непременно избегать нечистых мест, нечистых предметов и нечистого времени, чтобы не причинить вред ни окружающим, ни себе, ни будущему ребенку. Она должна была особенно строго соблюдать общие для всех запреты и предписания: так, например, ей строго воспрещалось шить по праздникам, чтобы не зашить младенцу глаза и рот (т.е. чтобы он не родился слепым или немым) или чтобы не вызвать этим тяжелые роды. Во многих местах беременные женщины не расчесывали волос в праздники, чтобы ребенок не был вшивым, и по пятницам, чтобы роды не были тяжелыми (на Украине при этом верили, что беременная, расчесывая волосы по пятницам, обижает святую Параскеву Пятницу и лишается ее помощи при родах). Часть запретов относилась к «перешагиванию» (вероятно, потому, что отсутствие нижнего белья фактически обнажало перед объектами, находящимися внизу, детородные органы): так, например, беременным запрещалось переступать через оглобли или коромысло, чтобы ребенок не родился горбатым, и через земляные плоды, чтобы не было выкидыша, а также перешагивать через хомут, дугу, жердь, веник, топор, вилы, грабли и т.п., чтобы не вызвать этим тяжелые и неблагоприятные роды. Повсеместно беременным также советовали избегать брать в руки веревку или проходить под ней, а также переступать через ткацкую основу, через вожжи, канат и т.п. или наматывать нитки, чтобы пуповина не обмоталась вокруг шеи ребенка и не задушила его. Особо регламентировались и отношения с животными, чей облик могли принимать колдуны, ведьмы или нечистая сила: беременной нельзя было пинать или гладить кошек, собак или свиней, так как считалось, что иначе у нее заболят ноги и спина, будут трудные роды или у ребенка появятся такие болезни, как «щетинка», «собачья старость», слепота и т.п. (при этом считалось, что болезни «щетинка» или «кочерга» могут появиться у ребенка и в том случае, если беременная помочится на солому или кострику). Часто считалось также, что беременная не должна смотреть на огонь, чтобы ребенок не родился с красным или покрытым красными родимыми пятнами лицом. Очень многие запреты были связаны с «нечистыми» предметами, местами, действиями и временем: так, во избежание трудных родов беременной запрещалось стоять или сидеть на пороге или на меже, находиться на перекрестке или на кладбище, подходить к строящемуся дому, выходить из дома после захода солнца, перелезть через забор или через окно и т.д. (по-видимому, такие запреты основывались на опасении, что своими действиями она привлечет внимание нечистой силы, особенно для нее опасной в это время). Беременная также не должна была заготавливать белья для младенца, так как считалось, что в этом случае ребенок «жить не будет». Для того же, чтобы предотвратить выкидыш, беременной следовало пить дождевую воду с

опрокинутого вверх дном ведра и остерегаться наступать в след коня.

Немало запретов и правил, соблюдаемых беременными женщинами, было связано с убеждением, что от их поведения зависит Как физическое, так и психическое состояние ребенка. Так, например, во многих местах считалось, что беременная не должна есть двойных (сросшихся) плодов, так как от этого у нее могут родиться близнецы. Считалось также, что дитя будет плаксивым, если его мать во время беременности ела на ходу; пугливым — если она ела заячье мясо; станет вором — если мать ела тайком; вырастет «невежею», если она клала кусок хлеба за пазуху. Если беременная увидела падаль и плюнула, то у новорожденного, по народному убеждению, будет пахнуть изо рта, а если она смотрела на пожар и почесалась, то на соответственном месте у ребенка появится темное пятно, вроде обожженного; такое же пятно появится у него и в том случае, если беременная чего-нибудь испугается и схватится за свое лицо рукой, а также если она что-нибудь украдет (тогда родимое пятно у ребенка своей формой будет напоминать украденную вещь) или перейдет дорогу, когда несут покойника (от этого у ребенка «запекается кровь»). По мнению крестьян, если беременная испугается волка, то щеки или какая-либо другая поверхность тела ребенка обростут волчьей шерстью. Беременной запрещалось пристально всматриваться в уродов или слепых, чтобы эти недостатки не передались ребенку; нередко ей вообще советовали избегать смотреть на что бы то ни было уродливое, чтобы ребенок родился красивым, без физических недостатков. Беременная также не должна была чистить сажу в трубе (чтобы ребенок не страдал удушьем), носить в фартуке щепки (чтобы у ребенка не было килы), пить воду прямо из ведра (иначе ребенок будет мучиться изжогой) или выплескивать воду через порог (иначе ребенок будет страдать рвотой).

В общем, большая часть запретов и обычаев, связанных с беременностью женщины, сводилась к соблюдению различных прострационных и временных ограничений и к сокращению контактов с определенными предметами (ср. запрет смотреть, касаться, переступать и т.д.), животными, явлениями природы или стихиями (луной, звездами, огнем, водой, вихрем и т.д.), и даже людьми (ср. запрет красть, передразнивать, участвовать в обрядах и т.п.).

Особую группу составляли обряды, связанные с защитой роженицы и ребенка от нечистой силы, сглаза, порчи и т.п. Считалось, что беременная и ее нерожденное еще или новорожденное дитя очень подвержены пагубному воздействию нечистой силы и ведьм, стремящихся испортить или даже погубить и мать, и ребенка. Во многих местах, к примеру, были распространены былички о ведьмах-вещицах, которые пробираются в дом сороками, похищают младенца прямо из утробы матери, жарят его в бане и поедают, а на его место в материнскую утробу кладут кусок мыла, головешку, хлеб, веник и т.п. (ср.: «Векшица — та же

Беременность

ведьма. Векшицей любой может сделаться. Лекарство у них есть, они намажутся и в трубу вылетают... Женщине последнее время ходить, они ребенка достанут. А на то место положат пли мыло, или головенку, а женщине ниче больше не сделают»). Для того, чтобы избежать опасности, беременной женщине следовало всегда иметь при себе различные обереги, в роли которых обычно выступали красные шерстяные нитки, обыденные нити (нити, сотканые особым образом), лоскуты, ленты, пояс или шнурки, которые обвязывались вокруг пальцев, рук, шеи, талии и т.д.; пучки разноцветной пряжи, завязанные «мертвым узлом»; разные железные предметы (чаще всего — нож или игла, которую обычно затыкали в подол или ворот платья); уголь, кусочек кирпича от печи, соль (особенно четверговая), щепки от разбитого молнией дерева и пр. Помимо этого, оберегами могли служить и некоторые специальные действия, например, традиционная молитва на ночь, выворачивание одежды наизнанку, развязывание узлов на одежде, надевание мужской (мужниной) одежды и пр. Некоторые способы оберегов соотносились с ориентацией в пространстве избы, а также с положением во время сна и т.д.: так, например, для того, чтобы защитить беременную от вештиц и т.п., муж во сне должен был обнять жену или закинуть на пес ногу; сама беременная должна была ложиться спать поперек пола, ориентируясь по направлению женской лавки, или наоборот, вдоль пола в соответствии с направлением матицы.

Особенно опасным временем для роженицы и ребенка считались собственно роды и первое время после них. В это время как мать, так и ребенок могли погибнуть либо в силу естественных причин, либо из-за действия враждебных злых духов, которые могли также похитить или подменить дитя, навести порчу и т.д. Поэтому в это время рядом с роженицей постоянно должен был находиться кто-то, кто помогал бы при родах и охранял (хотя бы своим присутствием) ее и младенца от всякого зла. Этим кем-то обычно оказывалась либо повитуха, либо мать роженицы. Многие женщины, если у них выдавалась такая возможность, предпочитали рожать, особенно первого ребенка, в материнском доме, так как мать могла лучше других позаботиться о роженице и младенце и обеспечить условия для родов.

В крестьянских семьях для родов выбиралось обычно какое-нибудь тихое и по возможности укромное место. Иногда роды происходили в доме, в жилой избе, нередко — в общем помещении, на печи, на полатах, на полу, в углу за занавеской и т.д.; при этом все домашние под разными предлогами выпроваживались из избы, отправлялись к соседям или на работу, а если кто-то из них и оставался дома, то старался симулировать свое отсутствие (например, притворяясь спящим и т.п.). Но по причине обычной тесноты крестьянских помещений и многочисленности семей жилые избы, в общем, не считались идеальным помещением для родов, поэтому многие роженицы отправлялись рожать

либо к какой-нибудь одинокой старухе, повитухе, либо в подызбицу, голбец, чулан, летом в катух или клеть, сарай, амбар, овин, на гумно, сеновал или просто в какое-либо другое место на дворе, где удобнее «схорониться от постороннего глаза», например, в закутки для скота, овчарни, хлев, конюшню и т.п. Наиболее же часто крестьянские дети рождались в банях, которые, если только роды не наступали неожиданно, специально топили, чтобы распарить и «размягчить» тело роженицы. В некоторых местах роженицы отправлялись в баню аж за три дня до появления младенца на свет. В бане же роженица с младенцем нередко проводили первые дни после родов, и лишь потом возвращались в жилую избу.

Такое оставление женщинами перед родами общего семейного жилища и пребывание их какое-то время вне дома, в банях или других дворовых постройках, основывалось не только на недостатке более удобных помещений и на довольно распространенной вере в то, что роды непременно должны происходить втайне. Женщина первое время после родов издавна и повсюду почиталась существом нечистым и даже поганым; потому-то ее удаление из общесемейного помещения очень часто считалось обязательным. Во многих местах ей запрещалось в течение сорока дней после родов, до очистительной молитвы, ходить в церковь, подходить близко к божнице, брать в руки икону или зажигать перед нею свечу, присутствовать на молебне в доме, святить корову, осматривать пчел и даже ходить в гости, на праздник, а иногда и пить крещенскую или освященную во время молебнов воду, доить корову, дотрагиваться до хлеба и ходить в амбар, где хранится зерновой или молотый хлеб, т.е. прикасаться и вообще приближаться к чему-либо святому, чтобы не осквернить его. В некоторых местах даже члены того семейства, где была роженица, считались нечистыми, и до тех пор, пока священник не совершал над роженицей очистительную молитву, никто из них не посещал церковь. Вообще, в Большом требнике, кроме обычных молитв «о жене по рождении младенца и в 40-й день», существовали и молитвы «на благословение дома (храма), в котором родился младенец, женщинам, находившимся при рождении, и бабе (бабке), принимавшей младенца».

Принимавшие младенцев бабки-повитухи, особенно опытные и умеющие делать роды непродолжительными и безболезненными, в крестьянской среде пользовались неизменным и исключительным доверием и почетом. Конечно, случалось и так, что женщине приходилось рожать одной, без всякой помощи; в некоторых случаях ей могла помогать родная мать, свекровь или кто-либо из близких женщин, но вообще для этой цели традиционно приглашалась повитуха — опытная женщина, для которой помощь при родах стала профессией. Повитухами, как правило, становились бабушки-знахарки, по большей части одинокие старушки, вдовы; «бабили» иногда и замужние женщины, но только те, которые сами перестали рожать и у которых

Беременность

нет месячных очищений. Девица, хотя бы и престарелая, повитухой быть не могла, так же, как и бездетная женщина: «Какая она бабка, как она бабить будет, коли сама трудов не пытала?»; если же такие и становились повитухами, то их редко кто звал, так как считалось, что при ней и рожать труднее, и дети не всегда в живых будут. Помимо этих ограничений, повитуха непременно должна была быть безукоризненного поведения, как в настоящем, так и в прошлом, и не должна была быть замечена в неверности мужу: считалось, что у таких дети рождаются больными, уродами и долго не живут. Избегали в деревнях и таких бабок, которые когда-либо обмывали мертвых или имели злой и непокладистый характер и черные глаза: по народному убеждению, у таких «тяжелая рука» и при них труднее роды. Зато хорошо зарекомендовавшие себя знахарки не оставались без работы и без благодарности; при этом их нередко приглашали для акушерской помощи не только при женских родах, но и при родоразрешении домашних животных, что иногда считалось даже как бы лучшей рекомендацией для повитухи.

Так как самым важным при родах считалось держать их, насколько возможно, в секрете не только от соседей, по подчас и от большинства домочадцев, повитуху зачастую не звали заблаговременно, а бежали за ней только с наступлением родовых схваток. Приглашали повитуху в строжайшей тайне, и в тайне же отправлялась к роженице сама повитуха, пробиралась тайком, иногда через гумна и огороды, чтобы ее никто не заметил.

При нормальных родах роль повитухи заключалась в том, что она осматривала роженицу, ободряла ее, готовила к родам (укладывала на солому, надевала на нее чистую рубашку и т.д.) и по возможности унимала родовые боли — «бабью муку». Она разглаживала беременной поясницу, с приговором: «Расступитесь, растворитесь, косточки», растирала ей живот деревянным маслом, вводила во влагалище для «смягчения» кусочки мыла и т.п. Во время родов она утешала женщину и подавала советы; при каждой схватке она, накрывая живот роженицы, чтобы «не вышло остуды», следила через влагалище за ходом ребенка и подбадривала женщину: «Ну, подужай, подужай, ну еще разок потужись, вот, вот, уже весь на воротах стоит». Если роды проходили трудно, замедлялись и т.д., повитуха принимала необходимые меры, например, «распаривала» живот роженицы, либо, напротив, выводила ее по зимнему времени в сени «охолонуть» или клала ей на живот снег (повитухи объясняли это так: «Холодок хорошо, поутомить жарто нужно, там от жару все вздуло, вот, Бог и не даст»). При этом почти все повитухи считали очень важным, чтобы роженицу при родах рвало, для чего давали ей «давиться» ее собственной косой или, для раздражения глотки, щекотали ее горло пальцем, поили дрожжами, конопляным или деревянным маслом, полагая, что после рвоты скорее пойдут потуги («роженицу сорвет, вот, силу Бог и даст»). Для того, чтобы направить

ребенка по его настоящему пути, повитухи старались обычно как можно сильнее «выгнуть» спину роженицы, подкладывая под нее скатанный из тряпья клубок или помещая ее на ступе или кадке, так, чтобы ноги и голова свешивались. С целью исправить положение ребенка роженица иногда заставляла становиться на четвереньки, скакать с лавки, кувыркаться через голову и перекидываться на кровати мужа, плясать на печной заслонке и т.д.; для того же, чтобы «вытряхнуть» плод, ее встряхивали, подвешивали к матице за ноги и т.д. Кроме того, повитухи часто заставляли роженицу стоять до самых родов, полагая, что ребенок так скорее и свободнее выйдет, а при лежании может подкатиться под ложечку. Для того, чтобы ребенок не «застоялся» и чтобы «расходились все жилы роженицы п все ее члены», считалось очень полезным с промежутками или непрерывно, иногда до самого момента появления младенца, водить и таскать под руки роженицу по избе, обводить с молитвой вокруг стола и т.д.; это хождение также совершалось при помощи бабки-повитухи и продолжалось до тех пор, пока не показывалась голова ребенка (после этого повитуха клала роженицу на постель, брала руками головку, понемногу раскачивала и говорила роженице: «Ну, помогай, силы поддавай»). Очень частым приемом при родах был и такой: через брус, потолочную матку или балку перекидывалась веревка, а роженица хваталась за нее руками и, упираясь пятками о кровать или пол, держалась в полувисячем положении; особенно рекомендовался этот прием в тот момент, когда покажется головка младенца (этот момент в очень многих местностях определялся термином «Бог простил»: считалось, что в этот момент посланный от Бога и присутствовавший при родах ангел влагает душу в ребенка и улетает на небо). Повитухи объясняли этот обычай так: «Каждая вещь упадет наземь, коли пи на чем не держится, потому и ребенка, тут, тоже к земле тянет, а коли лежит баба, как есть, ну, и он лежит мирно».

Помимо чисто медицинской помощи при родах, в обязанности повитухи входило также и проведение над роженицей различных обрядов, долженствующих помочь ей разродиться и обеспечить благополучное разрешение и появление на свет здорового, без изъянов, младенца, а также уберечь мать и дитя первое время после родов от разных «напастей». При этом немалая часть таких обрядов была так или иначе связана с религией, с христианскими верованиями.

Беременность и роды, в общем, считались в народе временем нечистым; однако при этом рождение ребенка почиталось святым и богоугодным делом, и религиозный элемент выступал при родах очень сильно. Так, например, во многих местах повитуха традиционно, едва только выйдя из своего дома за ворота, обращалась лицом к востоку и произносила молитву (например, говорила: «Батюшка Восток, бывает на тебе сам Иисус Христос. Благословите меня, рабу грешную, на мир Божий, к рабе Божией (имя роженицы),

Беременность

Казанская Божия Матерь, Михаил Архангел и все святые угоднички»); после этого она отправлялась в дорогу, и во все время пути до дома роженицы читала «Богородицу». Придя в дом роженицы, она приветствовала ее: «Помогай Бог трудиться»; потом она окуривала роженицу росным ладаном, опрыскивала и давала испить крещенской воды, зажигала перед иконами (которые в некоторых местах даже приносили в баню, если роды совершались там) восковую свечку, а иногда ставила икону и святую воду к головам роженицы. Во время родов повитуха постоянно крестилась, клала земные поклоны и читала молитвы, обращаясь к различным святым; заметив приближение ребенка, она приговаривала: «Матери Божии, святые угодники, Иисусе Христе, ослобоните рабу Божию, пошлите ей на все хорошее». Роженица также возносила молитвы на всем протяжении родов, полагая, что призываемые святые помогут ей легко и благополучно разрешиться от бремени.

Вообще, в народе очень часто считалось, что при родах присутствуют различные святые силы: так, например, очень широко была распространена вера в то, что во время родов прилетает Михаил Архангел и все апостолы, а сама Божия Матерь и некоторые мученицы и святые помогают роженице. Скорыми и усердными помощницами при родах считалась, например, Анна Пророчица и Параскева Пятница, а также святая Варвара и Екатерина Великомученица, которые, по народному убеждению, принимают близко к сердцу муки роженицы, так как сами «трудились» родами. Кроме того, деятельной помощницей при родах в народе повсюду почиталась бабушка Соломонида, принимавшая, по апокрифическому сказанию, Иисуса Христа. Покровителями рожениц и помощниками при родах считались и св. Иоанн Богослов, и св. Власий (который, по некоторым поверьям, имеет власть «разрешать» роды), и некоторые другие «божии угодники». Ко всем этим святым и зывала, разрешаясь беременем, роженица (ср., например, молитву: «Казанская Божия Матерь, Смоленская Божия Матерь, Иерусалимская Божия Матерь, не погнушайся мне, грешной, помоги мне при родах»), а также помогающая ей повитуха (ср. молитву: «Пресвятая Богородица, отпусти матушку Соломониду. Бабушка Соломонида, приложи свои рученьки к рабе Божией. Чистый четверг, великая пятница, честная суббота, святое воскресенье, отблагодарите нас добрыми делами»). Нередко к молитвам перед родами и во время них прибегал также и муж роженицы, а иногда и все домашние, даже дети становились на молитву, полагая, что это поможет роженице благополучно и безболезненно разрешиться от бремени.

В некоторых местах для роженицы считалось полезным перед родами просить благословения родителей и вообще предков (обычай, сохранившийся, очевидно, с древнейших времен, когда культ предков еще занимал одно из главнейших мест в народной традиции); в других же местах роженица просила прощения

у домашних и у мужа (или, наоборот, просил прощения у роженицы муж), у родных и соседей, а иногда вообще «прощалась» со всем и со всеми: «Простите меня, угоднички святые, мать — сыра земля, батюшка с матушкой, мой благоверный супруг и мои родимые детушки!» (по-видимому, этим она очищалась от вольных и невольных грехов, что должно было облегчить роды). В некоторых местах схожий обряд «прощания», «всемирного покаяния» совершался и при тяжелых и долгих родах: если другие средства не помогали и Бог не «прощал» роженицу, повитуха справлялась у жены-роженницы и у ее мужа, не согрешили ли они когда под праздник и не нарушил ли кто-либо из них седьмую заповедь; если кто-то из них давал утвердительный ответ, бабка, смотря по тому, кто согрешил, собирала в избу роженицы мужчин или женщин из числа соседей. Если виноват был муж, то он делал перед образом три поклона и, падая ниц, говорил всем находящимся в хате: «Мирушко, православный народушко! Простите меня, православные, за мою незаконность» (при этом просить прощения полагалось не только действительно виноватым, но и вполне безупречным); присутствующие же отвечали ему хором: «Бог тебя простит и мы туда же»; роженица при этом прибавляла: «Простите меня, в чем я нагрестила», а ей вновь все разом отвечали: «Бог тебя простит и мы туда же», после чего женщины подходили к роженице «прощаться» и все расходились по домам. Считалось, что уж после этого роженица непременно скоро разродится.

Вообще, для ускорения затянувшихся родов прибегали к самым разным приемам. Так, например, в некоторых местах в этом случае старались испугать роженицу, для чего неожиданно окатывали ее холодной водой из ковша или приглашали постороннего мужчину, чтобы он, подойдя к двери того помещения, где находится роженица, постучал в нее кулаком и негодуящим голосом прокричал: «Что же вы, леший вас поберите, так долго конаетесь?» Иногда роженицу заставляли все время двигаться по избе (в некоторых местах она при этом стучала пятками о порог, ползала вокруг стола и, крестясь, целовала его углы); при этом, обводя ее вокруг стола, повитуха нередко давала ей в руки зажженную венчальную свечу и сама при этом читала молитву «Святой Боже» или шептала: «Освободи, Господи, душу грешную, а другую безгрешную». Для облегчения родов в некоторых местах роженица бралась руками за матицу и затем за лицо, а потом ей мазали лицо сажеей из печи. Так как затянувшиеся тяжелые роды часто считали следствием не сохранения их в тайне, повитуха иногда, чтобы помочь роженице скорее разрешиться, могла пойти к человеку, узнавшему о родах, и заставить его набрать в рот воды и передать ее ей; после этого она сама, так же, изо рта в рот, передавала эту воду роженице. Если повитуха подозревала, что роды «закрывает» колдунья, роженицу поили водой из трех ключей, в которой размыкали три замка или развязывали три узла. Если же никакие

Беременность

способы не помогали, то некоторые повитухи поили роженицу водой с куриного яйца, на которое нащептывали: «Как курица яичко скоро сносит, так бы и раба Божья скоро распросталась».

Кроме этого, для облегчения и ускорения родов принято было прибегать к различным приемам симпатической магии, состоявшим, в основном, в расстегивании, развязывании и открывании различных предметов. Так, например, в некоторых местах перед самыми родами и особенно при трудных родах для того, чтобы «отворились врата у роженицы», в доме открывали и отмыкали все, что только было затворено, заперто, завязано, застегнуто и т.д.: отпирали все замки, развязывали все узлы, открывали печные заслонки, двери, ворота, окна, все сундуки, ящики, коробки и т.п., и даже выгоняли скот, полагая, что если все в доме будет развязано и открыто, то и роды «развяжутся» скорее, и у роженицы также свободно «откроются» все «затворы и запоры», затрудняющие выход ребенка. При тяжелых родах родственники роженицы иногда просили даже распахнуть в церкви «царские врата». Самой же роженице почти повсеместно перед родами расстегивали ворот рубахи, снимали пояс, кольца и серьги, развязывали все узлы на одежде, расплетали косу и т.д., причем в некоторых местах, развязывая на роженице все узлы, приговаривали: «Не будь у нее запору и затору, развяжись ее утроба, как ефти узлы». Кое-где с роженицы даже заблаговременно, за сутки и более до родов, снимали всю верхнюю одежду и оставляли в одном нижнем белье, расстегивали ворот, удаляли заплетки из волос и снимали даже крест, после чего роженица, простоволосая, с распущенными волосами и в одной рубашке, должна была ходить взад и вперед, через пороги, из избы в сени и обратно, из одной комнаты в другую чуть не до самых родов, так как считалось, что как свободно женщина расхаживает, так же свободно выйдет из нее и ребенок. Кое-где с роженицы вообще снимали все, что на ней есть, оставляя ее совершенно голой в убеждении, что иначе ей придется особо выстрадать за каждую вещь, которая будет на ней находиться в момент родов; помимо этого, для того, чтобы женщине легче было родить, все домочадцы и даже наемные работники и работницы непременно расстегивали на себе все пуговицы, распускали пояса, расплетали косы, снимали все кольца, серьги и т.п. Впрочем, такое делалось далеко не везде; гораздо чаще расстегнуть и развязать на себе все, что можно, должен был только муж роженицы, а не все домашние без разбора.

Вообще, поведение и роль мужа при родах в разных местах были довольно разнообразными. Особенно отличались взгляды на присутствие мужа при родах жены. Так, например, в некоторых местах к нахождению мужа рядом с женой во время родов относились с безразличием; в других же местах мужу запрещалось присутствовать при этом, так как считалось, что этим он затрудняет роды жене или нарушает «принцип целомудрия»: «Не место мужикам там быть, где бабы

свои дела делают». В некоторых же случаях присутствие мужа, наоборот, считалось желательным, а иногда и обязательным, так как считалось, что при нем роды бывают легче и муж, присутствуя при родах, как бы берет на себя часть родовых мук жены. Иногда его роль во время родов могла носить религиозный характер: так, например, в некоторых местах муж при родах жены с четверговой или венчальной свечой в руках молился Богу и усердно клал земные поклоны, читал вслух «сон Богородицы», ходил вокруг избы с образом, опрыскивал роженицу святой водой и т.п. В других случаях роль эта могла быть и чисто пассивной и заключаться в расстегивании ворота, распускании пояса, снятии сапог, надевании на себя женской рубашки или юбки, повязывании головы платком и т.д. Однако при этом нередко, особенно при затянувшихся родах, мужу отводилась и куда более деятельная роль: так, например, во многих местах верили, что для ускорения родов муж должен перешагнуть через роженицу (нередко — несколько раз), лечь на нее или держать жену за плечи, помогая ей тужиться, причем будет лучше, если он при этом снимет штаны, и еще лучше, если разденется совсем. В некоторых местах муж, для облегчения родов, обнажал половой член и приговаривал: «Как вошел, так и выходи». Иногда, при тяжелых и трудных родах, муж становился посреди избы, растопырив ноги, а жена проползала между ними; или муж растягивался на полу, а мучающаяся родами жена перешагивала через него, полагая, что это поможет ей скорее разрешиться от бремени. Часто считалось также, что муж облегчит родовые муки жены и поможет ей скорее разрешиться, если, вытянув вперед шею, встанет у изголовья и станет кричать и стонать вместе с женой, как бы принимая на себя часть ее боли. Вообще, в народе считалось, что любая женщина, мучаясь «бабьей мукой» (родовыми болями), может перевести боль на любого человека, даже на постороннего (ср. рассказ: «Бабе одной в лесу приспичило. Вот она увидала мужика чужого. Он от нее далеко-конько ведь был, а муку бабью она на него наслала. Вот он покорчился!»); однако передать боль мужу, человеку близкому и более восприимчивому, для роженицы, по народному убеждению, значительно проще. Кроме разных магических приемов, связанных с облегчением родовых болей, муж роженицы мог участвовать и в других обрядах: так, например, в некоторых случаях повитухи призывали мужа уже после родов для «обряда зааминивания»: после рождения ребенка, в предупреждение появления двойни или тройни, муж должен был «зааминить» промежность родильницы, чтобы она «еще не наносила».

Когда роды, наконец, заканчивались и ребенок появлялся на свет, повитуха принимала его (причем в некоторых местах особым образом: мальчиков — на «мужнину рубаху», а девочек — на полотенце, которое потом вешалось над колыбелькой) и перевязывала ему пуповину, как правило, суровой ниткой или прядями льна, чаще всего свитыми вместе с волосами матери;

Беременность

волосы при этом брались обычно из правой косы или с правого виска и служили для того, чтобы «ребенок всю жизнь был привязан к матери». Затем бабка перерезала пуповину и смазывала ее деревянным маслом. Перерезание осуществлялось чаще всего хлебным ножом или ножницами; при этом у девочек ее нередко отрезали ножом на грёбенке, чтобы девушка хорошо прядла, а у мальчиков ножом на топоре, чтобы юноша хорошо владел им. Иногда, в предупреждение грыжи, пуповина также перегрызалась бабкой-повитухой зубами.

Особые действия приходилось совершать повитухе, если ребенок рождался «обмершим». В этом случае младенца опускали на несколько секунд в холодную воду и били ладонями по ягодцам, а если это не помогало, делали что-то вроде искусственного дыхания: брали ребенка за ножки и несколько раз опускали вниз головой. Иногда также с целью «оживить» ребенка, повитухи дули в задний проход, качали ребенка над зажженным помелом, давая дыму попадать в ротик и ноздри, и вводили в нос гусяное перо, а иногда жгли над ребенком бумагу и при этом приговаривали: «Жив Господь на небесах, живи душа в теле», каждый раз добавляя к приговору имена отца и матери младенца. Кое-где обмершего ребенка старались «открычать», для чего повитуха качала его и выкрикивала имя его отца, которое за ней хором повторяли сам отец и все присутствующие.

Если роды прошли благополучно и ребенок родился живым и здоровым, повитуха, «приняв» его, приступала к изгнанию послёда, «детского места». Делалось это по-разному. Так, например, некоторые повитухи «выкликали» детское место, приговаривая: «Кыс, кыс, кыс», «ратуя» о детском месте (послэде) и слегка подергивая за пуповину. В некоторых случаях послэда «выманивали» на сахар, а иногда давали родильнице, для изгнания его, сок из свежего лошадиного кала в количестве двух стаканов. Нередко применялось подкуривание родильнице почесьями льна на страстной свече; использовался также маленький, привязываемый к пуповине, лапоть и веник, положенный к половым частям родильницы. Кое-где прибегают и к такому способу извлечения послэда: прикрепляли пуповину к одному концу кочерги, а за другой конец привязывали небольшую собаку, которая таким образом, через кочергу и пуповину, и вытягивала детское место. Кроме того, многие повитухи для изгнания послэда и занятия «золотником» (маткой) надлежащего места после родов читали особый заговор: «Я, раба Божия (имярек), рожденная, я, раба Божия (имярек), крещенная, шла через три порога, несла три золотые рога к рабе Божией (имярек), рожденной, к рабе Божией (имярек), крещенной, животом вниз направляти. Я живот вниз направляю, в гору не поднимаю, не сама собою живот направляю, силой Бога из него выгоняю. Золотника прошу, как родного брата: золотник-золотниченский, братец, ты, светлый месяц, я тебя прошу, как родного брата, сядь ты на мое местечко, на золото крыльечко. А тут тебе не бывать, тут

тебе не гулять, тут тебе не воевать, и тихохонько, и легохонько на лес сухой да на яр глухой из животика ея, рабы Божией (имярек), выбывать». Если послэда не выходил через полчаса, то это воспринималось как недобрый знак; но еще худшим признаком считалось, если он не выходил и через час. В этих случаях бабки старались обычно вытащить послэда, усиленно тянули и при этом порой обрывали пуповину; это, по их объяснению, происходит тогда, когда послэда «прирастает к телу».

С извлеченным послэдом, т.н. «постелькой», поступали по-разному. Изредка его высушивали, хранили на божнице и использовали для лечения болезней (терли им больное место), но в большинстве случаев «хоронили» (в отличие от коровьего послэда, который либо закидывали на чердак или на крышу, либо забрасывали в огород, чтобы склевывали птицы), причем нередко с соблюдением различных обрядов. Так, например, во многих местах детское место, тщательно обмытое и завернутое в тряпочку, часто с ломтем черного хлеба или яйцом, а иногда и с несколькими головками лука, зарывалось в землю (порой — в лапте с правой ноги) в каком-нибудь сокровенном месте, выбранном бабкой-повитухой, там, «куда солнце не надаёт» и «где собаки не съедят», чаще всего под полом избы, в подвале, подполе, около печки или в переднем углу, реже — под полком бани, на дворе, на огороде, изредка — в навозе, в хлеве или конюшне. Для того, чтобы у ребенка не было грыжи, послэда зарывали под подвальным бревном; в тех же случаях, когда в семье все предшествующие дети умирали, послэда зарывали обычно на меже, перекрестке чужого поля. Если хотели, чтобы следующим ребенком был мальчик, «постельку» предварительно выворачивали или хоронили ее на чердаке, под святым углом, а если желали девочку, то несли детское место на чужое поле и зарывали там. При этом в народе считалось, что если детское место не хоронить три дня, то у родившей женщины три года не будет детей; если же зарыть его пуповиной книзу, то детей у роженицы больше не будет совсем. В некоторых местах послэда, прежде чем зарыть, на короткое время клали под голову родильнице, чтобы у нее не болел живот, и терли послэдом ее лицо, чтобы на нем не было «матей»; в других же местах перед похоронами «постельки» отрезали от нее небольшой кусочек, полагая, что от того, куда мать отнесет и бросит этот кусок, будет зависеть судьба новорожденного и развитие будущих его качеств (например, если мать бросит его в лошадиный навоз, то новорожденный будет любить лошадей; если повесит на соху — будет хорошим пахарем; если оставит возле кабака или лавки, будет торговцем, а если около церкви — будет Бога любить и может стать монахом, священником и т.п.). Очень часто зарывание послэда сопровождали особыми приговорами, имеющими отношение к здоровью роженицы или будущему ребенку, ср., например: «От земли взято, земле предавайся, а раба Божия (имярек) на земле оставайся», «Тебе, святое местечко, на лежанье, а ей (родильнице)

Беременность

на здоровье», «Месту гнить, а ребенку жить, да Бога любить, отца, мать почитать и бабку не забывать» и т.п. Нередко пуповину и послед вместе зарывали в конюшне или на дворе для того, чтобы был приплод у скотины: так, в некоторых местах, если родился мальчик, отец сам нес послед в конюшню и зарывал под ясли, говоря: «Дитятко роста и лошадка роста».

Если ребенок родился «в рубашке», ее, в отличие от последа, непременно высушивали и сохраняли, полагая, что она приносит счастье. Ее подкладывали в постель для лечения ребенка; использовали для умиловивления суда; благословляли ей уходящих в армию парней и девушек при выходе замуж; скармливали ее кусочки корове, которую вели на случку, чтобы теленок родился здоровым, и т.д. Человек, родившийся «в рубашке», нередко носил свою «рубашку» в ладанке на шею, полагая, что она обеспечит успех в любом деле, за какое бы он ни взялся. В некоторых семьях такую высушенную «рубашку» даже передавали по наследству, полагая, что она принесет удачу не только родившемуся в ней, но и всем его потомкам, и вообще семейным.

По окончании родов повитуха обязательно мыла и чистила младенца, а потом, по необходимости, «правила»: сжимала голову младенца, чтобы сделать ее более округлой; сдавливала двумя пальцами или вытягивала слишком широкий или приподнятый нос; стягивала, выгибала и туго бинтовала кривые ноги; «изничтожала» головную опухоль или, обнаружив, что у младенца припухлые грудные соски, «высасывала» из них предполагаемое молоко. Такое «исправление» ребенка обычно проделывалось только в самое первое время после родов, пока дитя «парено», но в некоторых случаях производилось и в течение всей первой недели, а иногда и шести недель после родов. В это же время над ребенком производились и различные манипуляции, предназначенные для того, чтобы защитить ребенка или повлиять на его будущее, характер и т.д. Так, например, для того, чтобы ребенок был «спокоен», некоторые повитухи, еще даже не обмыв новорожденного, завертывали его в тряпки, перевязывали лычком и клали в передний угол; другие, спеленав дитя, три раза слизывали его голову языком и лизали только в маковку, сплевывая в левую сторону, полагая, что «это от худого глаза хорошо — как слизнешь, доступности он уже и не будет иметь». Если при этом находили у ребенка грыжу, то перекусывали большое место зубами или давали сделать это пойманной мышью. Для того, чтобы ребенок был тих, первый раз его клали на правый бочок, а первое его испражнение завертывали в тряпочку и втыкали в бане под потолок. Чтобы сделать ребенка удачливым и счастливым, первый раз его купали в «осеребренной» воде (т.е. опускали в воду для купания серебряную монету); а чтобы ребенок быстро и хорошо рос, купальную воду выливали под рассадник. Чтобы ребенок был здоров, живуч и пользовался любовью и расположением отца, его после рождения завертывали в грязную

отцовскую рубаху или штаны. Для того, чтобы ребенок был белотелым, его первый раз купали в молодом квасу и парном коровьем молоке; чтобы он был румяным и краснощеким, его ягоды мазали кровью из пуповины, а саму пуповину хранили и водой с нее поили ребенка, если у него появлялась грыжа. Желая, чтобы ребенок был здоров и «едрен», первую кашу ему варили на молоке матери. Чтобы у ребенка не болели глаза и не было прыщей на лице, его обмывали материнским молоком и не кормили грудью во время и сразу после грозы. Для здоровья мальчикам часто старались давать молоко только из правой груди, а девочкам только из левой. В некоторых местах верили также, что молоко матери в первые два-три дня вредно для ребенка, и потому на это время давали ему соску из вареной свеклы и моркови с сахаром; кое-где полагали даже, что ребенку не следует давать грудь, пока его не окрестят, и до самого крещения давали ему только соску из жеваного хлеба, каши, баранок и т.п. Однако при этом многие крестьянки кормили своих детей грудью до двух-трех лет, полагая, что в этом случае они не смогут забеременеть: «пока кормишь одного, нового не понесешь, на сырое же молоко живо пристанет».

По поведению новорожденного ребенка нередко гадали о его характере и будущем. Так, например, народные приметы гласили, что если ребенок сразу после рождения сильно и громко кричит и голос имеет «толстый», то «будет живуч», «хозяйин будет»; если он, напротив, кричит тоненьким голоском и с визгом, значит, родился «с нутряным» или «тихоньким»; если же кричит «шибко» и долго, значит, будет «вопливый»,

сердитый и вздорный. Ребенок, родившийся очень полным, «сырым», с «развалившейся» головой, мягкими ушами и острым подбородком должен, по мнению крестьян, скоро умереть, тогда как тощий, цепкий, с маленькой и крепкой головкой, торчащими ушами и тупым подбородком вырастет здоровым. «Не жильцом» считали и ребенка, родившегося синим или белым; хорошим же здоровьем, но и сердитым характером должен был, по народному убеждению, обладать ребенок, родившийся красным. Часто считалось также, что если ребенок имеет густые брови, то он вырастет «продувным и хитрым»; если первые дни он долго не будет открывать глаз, — вырастет суровым, строгим; если будет быстр в движениях и скоро начнет поворачивать голову на бок — будет работящим, сильным и любознательным; если родится востроголовым, с длинными, отвислыми ушами, — вырастет дураком, а если длинноволосым, жестковолосым и широколобым — вырастет умным (большая голова вообще служила признаком большого ума, хотя и не всегда: бывает и так, что «лоб широкий, да в голове-то мох»). Очень широко было распространена вера в то, что ребенок, родившийся в «сорочке», будет счастливым; по этой причине «сорочку» почти всегда высушивали, зашивали в ладанку и тщательно сохраняли (так как считалось, что куда бы человек ни поехал с ней и что бы ни стал делать, во всем ему будет удача), а иногда даже

Беременность

передавали из поколения в поколение, полагая, что она является счастьем для всего дома. Кроме того, во многих местах существовало поверье, что ребенок, родившийся личиком к земле, долго не проживет, а родившийся лицом вверх будет распутным человеком; что если пуповина крепится у края детского места, то ребенок скоро умрет, а если в центре — будет жить долго; что если младенец родится перевитым пуповиной, то вырастет хорошим солдатом, родится с зубами — будет плутом, а если явится на свет под великий праздник, то добра из него не выйдет — вырастет либо уродом, либо слабоумным. В некоторых местах крестьяне верили также, что если ребенок родился длинноволосым, тяжелым или пухлым и нежным, то это его «земля тянет» и потому он «не жилец», долго не проживет.

После окончания родов повитуха во многих местах традиционно давала родильнице ломоть ржаного посоленного хлеба (при этом в некоторых местах с этим ломтем предварительно спускались в подполье, обходили все углы и, призывая домового, приговаривали: «Суседушко, батюшко, иди-ко-ся за мной»), часто хорошую порцию водки, иногда настоянную на калгане, черносливе, корице и гвоздике, а иногда квасу с толокном, ржаным солодом или овсяной мукой; изредка — головку лука или редьку и стаканчик конопляного масла. Вероятно, этот обычай кормить и поить роженицу сразу после родов основывался на вере в то, что «если больной хотя немного поест хлеба с солью, то не умрет». Водка давалась роженице для подкрепления сил, калган — для того, чтобы «встал на место золотник», а квас, толокно и пр. — чтобы «завязалось» в животе (считалось, например, что от квасу с овсяной мукой «легче бывает на нутре», «способнее и скрипотнее»).

После этого повитуха обязательно мыла и парила родильницу вместе с новорожденным в бане или в печи; при этом во многих местах родильнице непременно полагалось «три бани», а иногда и больше, так как в это время роженица могла «отдохнуть» после родов и набраться сил. Топить баню для родильницы менее трех раз в некоторых местах считалось даже выражением семейной нелюбви к ней. Вообще, баня играла очень большую роль не только при самих родах, но и в послеродовом периоде. Если позволяли обстоятельства, то роженица вообще не выходила первые дни из бани, мылась и парилась вместе с новорожденным каждый, а то и по несколько раз в день, иногда непременно одним и тем же веником. В баню приходили к роженице с поздравлениями и подарками родственники, соседи и знакомые, а в некоторых случаях туда являлся для молитвы и священник, причем сама молитва, читаемая в это время, получила название «банной». С баней связывалось множество послеродовых обрядов и обычаев. Так, например, среди крестьян было довольно распространено убеждение, что роженица может «загрызть гръжу» новорожденному, кусая ворот своей рубахи в бане, а также поверье,

что роженица не должна кормить ребенка до окончания третьей бани. Во многих местах принято было умывать новорожденного и роженицу после каждой из трех бань водой, пропущенной сквозь банную каменницу; а кое-где существовало также поверье, что роженица скорее поправится после родов, если первую баню истопить тележной осью.

Причин для пребывания матери с новорожденным в бане в первые дни после родов было несколько. Во-первых, в бане, вдали от лишних глаз, повитухе удобнее было «править» живот родильнице и достигнуть того, чтобы у нее «не спустилась и не скопилась дурная кровь, а шла бы из тела легче и скорее». В бане повитухи скорее могли поставить у родильницы на место «золотник»: сначала они старались «промять и пропарить» женщину, чтобы «растомить и размягчить косточки», а затем растирали ей мылом живот и применяли некоторые специальные приемы, а иногда прибегали к заговорам (например: «Как на этом месте лежит раба Божия, так бы и в рабе Божией (имярек) стоял золотник, с боку на бок не ворочался, не ломил бы он ни заднего прохода, ни переднего»; пли: «Сростайся, низушка, сустав в сустав, только х...v место оставь»). Во-вторых, роженица сразу после родов все еще считалась существом нечистым, и потому еще не могла вернуться в дом. В-третьих, в бане легче всего было схоронить родильницу и новорожденного от постороннего глаза и тем предотвратить порчу, сглаз и т.п. В некоторых местах опасение сглаза было столь велико, что в течение некоторого времени роженица и ее родные вообще старались скрывать от соседей даже самый факт родов. Нередко случалось и так, что в первые дни после рождения ребенка к роженице имели право подходить только повитуха и близкая женщина, да еще муж, которому при этом, однако, не показывали ребенка раньше трехдневного срока. Период такой особой восприимчивости роженицы и новорожденного к сглазу в некоторых случаях достигал двух-трех недель; в это время роженица старалась всячески скрывать ребенка даже от близких и, пусть и пребывая в добром здравии, ни в коем случае не показывала посторонним, что хорошо себя чувствует, чтобы не случилось «оговора».

Из-за опасностей, по народному убеждению, подстерегающих женщину в послеродовой период, над роженицей сразу после родов принято было проводить множество разнообразных защитных обрядов. Так, например, в некоторых местах перед тем, как отвести роженицу в баню для мытья после родов, повитуха терла ей лоб солью и приговаривала: «Как эта соль не боится ни жару, ни вару, ни опризорищей, ни оговорищей, так бы раба Божия не боялась ни опризорищей, ни оговорищей», после чего бросала соль наотмашку. Затем она провожала мать с ребенком в баню, причем делала это также с особыми обязательными обрядами, так как баня повсеместно считалась местом нечистым и доступным для нечистой силы, а для роженицы, существа нечистого, и новорожденного, еще не окрещенного

Беременность

и потому беззащитного, «чертова сила» была особенно опасна. Леший, банник, черти и прочие нечистые духи могли, по народному убеждению, не только наслать на роженицу порчу, но и украсть, подменить младенца или даже погубить и мать, и ребенка. Поэтому повитуха, идя с ними в баню, часто несла впереди себя икону, зайдя в баню, крестила все углы и печку, а во время мытья младенца непрестанно твердила: «Ангелы с тобой, хранители с тобой» и т.п. В некоторых местах, с целью защитить мать и дитя, повитуха также ставила кувшин воды «иод святые», ставила на колени мужа роженицы и читала над водой заговор «от похищения злым духом младенца»; наговоренной водой она потом поила родильницу и обмывала новорожденного. В Олонецкой губернии при походе в баню бабка с новорожденным и сковородником в руках шествовала впереди, а за ней, с ножницами в руках, шла роженица; подойдя к банным дверям, бабка со словами: «Благослови, Господи» делала на дверях три креста и передавала сковородник роженице, а та брала его в правую руку и, входя в баню, им подпиралась, а в левой руке держала ножницы, острием вперед. Вымыв ребенка, для того, чтобы у него всю жизнь было много одежды, еды и денег, бабка вытирала его тряпкой, в которую были завернуты клочок шерсти от барашка, выстриженного в первый раз, яйцо от молодой курицы и серебряная монета (по возвращении из бани, тряпочка со всеми этими предметами и ножницы клались в изголовье ребенка, а сковородник роженица держала у своей постели).

Помимо всех этих обрядовых действий, повитуха обычно старалась постоянно оставаться рядом с роженицей все время, пока та находилась в бане, и не только для того, чтобы помочь ей и приглядеть за младенцем, но и для того, чтобы своим присутствием отпугнуть нечистых духов. Особенно важно было ее присутствие в течение первых трех дней или около недели после родов, т.е. все то время, когда русские крестьяне называли женщину «сырой бабой», полагая, что в это время у нее все еще открыты все «ходы и протоки», и замечая, что «на сырую бабу блазнит много». В народе считалось, что именно с такими бабами предпочитает вступать в связь сатана: «Сатана-то сырых баб шибко любит, когда у них в теле все открыто и мокро, вот и приходит, если такую бабу одну после родов оставят. Приходит, блуд сотворит, а потом и задавляет». О роженице, неосторожно оставленной в бане в одиночестве, ходили разнообразные былички; и практически во всех них развязкой оказывалась либо смерть (реже — болезнь) матери и ребенка, либо похищение или подмена младенца (замена его на существо, рожденное нечистыми духами, либо на какой-то предмет — веник, осиновое полено, куклу и пр., — которому был придан человеческий облик).

В народе существовало несколько способов узнать подмененного ребенка: часто считалось, например, что такое дитя и выглядит по-другому (более уродливо и т.д.), и более капризно, и растет куда медленнее обычного

младенца. Кое-где для того, чтобы наверняка узнать подменьша, ребенка клали на порог в доме, накрывали осиновым корытом и трижды рубили корыто топором, полагая, что если ребенок вскоре после этого умрет, то это не настоящий младенец, а подменьш (ср., например, быличку: «Одна баба родила парня да на второй день мыть его пошла. А воды-то в бане нет, она его на лавку положила, а сама за водой побежала. Приходит, а парнишка-то под лавкой лежит. Когда его достала, совсем не такой оказался, какой был. Они осиновое корыто сделали, сверху им ребенка накрыли и рубили до трех раз. Через день помер. Стало быть, ребенок подмененный был. А раз подмененный, то не жилец»). Обнаруженного подменьша нередко старались обменять обратно на свое родное дитя, прибегая при этом к различным обрядам. Очень часто в таких случаях обращались к священнику или к «знающему» человеку. Так, например, в одной из быличек рассказчик сообщал: «У нас у бабушки был сын, Ваней его звали. Она его родила дома. Потом она истопила баню... В бане-то холодной воды нету, ребенка-то положила, пошла — ведро воды принесла... Ребенок ревет, день и ночь ревет... И вот пришел цыган... глядит на ребенка и говорит: «Ой, Танюша, это не твой Ванюша. Давай топи баню, я тебе его выменяю. В какой ты его бане сменила?» — «Да, — говорит, — в своей бане». И баню стопила. На третью баню ребенка только достали... Первую баню он (цыган), значит, делал, ему его не отдали — то свиненка, то голубенка, то веник сухой выбросят. На вторую баню так же. На третью баню выменял... «Вот, — говорит, — был не ребенок, а веник, — говорит, — был». Веник был брошен. Вот он и шумел, веник-то. Ревет. Качает — ревет, молоком кормит — ревет. Он сухой, шубуршит, а кажется — ребенок ревет. А ребенка всего измучили. Вон, чуть тепленький. Так трое суток спал. Банник его подменил, пока она за водой ходила». Очень распространен был и сюжет о возвращении в родительскую семью подмененной банником девушки заключения брака с нарцем: парень, повстречав ночью в бане девушку, ведет ее венчаться, а потом она приводит его в дом своих родителей, где в колыбели лежит плаксивое, крикливое и не растущее дитя; девушка кидает его через левое плечо и оно оборачивается поленом, после чего девушка рассказывает своим родителям и мужу, что ее в детстве подменил банник и она выросла в бане.

Во избежание таких случаев повитуха и прибегала к различным защитным мерам все первое время после родов. Последним же существенным элементом родильного обряда было очищение повитухи и роженицы и возвращение их в обычную среду. Нечистота роженицы и ее неустойчивое положение между жизнью и смертью продолжалось в народных представлениях от сорока дней до трех месяцев после родов: «Она (роженица) сорок дней в гробницу смотрит», «У рожинки двенадцать недель гробница открыта». В связи

Бес—волосатик

с этой особенностью послеродового периода усиливались ритуальные запреты: матери новорожденного запрещалось есть со всеми за одним столом, ходить в баню и доить корову в течение недели после возвращения в избу, общаться с незнакомыми в течение двенадцати недель после родов и т.д. Окончательное же очищение роженицы и повитухи, а с ним и отмена запретов происходили после особого очистительного обряда, например, после распространенного в некоторых местах ритуала «размывания рук» (происходившего чаще всего после крещения ребенка), в ходе которого роженица и повитуха по очереди поливали друг друга на руки, после чего повитуха получала в подарок платок, отрез ткани, обувь, мыло и полотенце.

Бес-волосатик — см. Волосатик.

БЕССОННИЦА — болезненное состояние; прерывистость или прекращение ночного сна, возникающее иногда у людей в силу различных причин. Отсутствие сна издревле считалось тревожным признаком, так как хороший сон (когда, по народному выражению, «и рука спит, и нога спит»), по народному убеждению, является первым условием для здоровья. Если больной человек хорошо спал и просил есть, это означало, что дело идет к выздоровлению; вообще, крестьяне полагали, что «болезнь проходит сном». Самым здоровым сном в народе почитался так называемый «черный сон», т.е. сон до полуночи, «первый спень» (спень — это часть сна «от первого засыпа до первого пробуду»: «первый спень — с вечера до первых петухов, второй — до вторых, третий — до третьих... первый спень на левый бок, другой спень — на правый бок, третий спень — навзничь»). Хороший сон считался предохранительным средством от болезни; и наоборот, отсутствие сна воспринималось как признак серьезного недомогания.

Основной причиной бессонницы в народе считалось губительное воздействие враждебных человеку нечистых духов, в первую очередь — женских демонических существ. Согласно народным поверьям, сон у людей могут отобрать: ночница, полночь, полуношник, «бессонница», шекотиха-блудиха, лесная баба, ведьма, крикса и т.д. Все эти существа в поверьях очень схожи. Так, например, на Смоленщине ночницу представляли себе в виде женщины в темном одеянии, которая неслышно проникает в дом, дотрагивается до спящего и тем лишает его сна. Украинцы верили, что «бессонница» в женском облике ходит по домам в ночь новолуния или накануне Андреева дня, причем особенно часто нападает на маленьких детей, вызывая болезнь «неспячки», «крыкливци». Беспрестанный плач и крик ребенка по ночам белорусы считали свидетельством того, что в доме находится ночница, которая и беспокоит дитя. Русские северных областей приписывали детскую болезнь, именуемую «ночная плакса» или «крикса», воздействию злого духа, беса, домового. В Вологодской, Новгородской, Архангельской и

др. губерниях верили, что если дитя сильно плачет и взвизгивает по ночам, то его тревожат нечистые духи: ревун, вопун или щекотун; когда ребенок сильно и долго кричит, это значит, что в него вселилась крикса, а если он беспокоится, плачет и не спит по ночам, значит, что к нему пристал полуношник или матенка-полуношенка забавляется с ребенком. Болгары называли духа, вызывающего бессонницу, «горска майка» и верили, что он обитает в горах и лесах, а ночами проныкает в дома и не дает спать как детям, так и взрослым; если же этого духа вовремя не прогнать, то человек может сойти с ума или даже умереть.

Для того, чтобы предотвратить бессонницу, крестьяне соблюдали целый ряд различных запретов и правил. Так, например, повсеместно считалось, что нельзя ложиться спать без молитвы и не перекрестившись, так как этим можно вызвать бессонницу. Для того, чтобы не лишить младенца сна, запрещалось после захода солнца качать пустую колыбель; искупав ребенка, выливать воду во двор; оставлять на ночь пеленки во дворе; давать вечером из дома хлебную лопату и жар из своей печи и т.д. Широко распространено было поверье о том, что если при посещении роженицы пришедший в дом гость не присядет хотя бы на мгновение, новорожденный будет страдать бессонницей. Во многих местах избегали упоминать зайца в присутствии маленьких детей, так как считалось, что заяц либо вовсе не спит, либо спит с открытыми глазами; в связи с тем же поверьем при укачивании матери избегали называть ребенка «зайчиком», а беременные женщины не употребляли в пищу зайчагины, полагая, что это может вызвать у младенца бессонницу.

Для избавления от бессонницы люди применяли самые разные приемы; но при этом большинство таких приемов было направлено на отгон или отпугивание нечистой силы, вызывающей болезнь. Так, например, во многих местах для защиты от злых духов, отнимающих сон, крестьяне на ночь клали под подушку металлические или колющие предметы (нож, топор, иглу, ключ, замок, веретено, гребень и т.п.); ставляли за двери перевернутую вверх прутьями метлу; подвешивали к матице (балке) старый веник; крестили окна и двери кочергой, оставляли кочергу под колыбелью и т.д. Функцию оберега от бессонницы приписывали в некоторых местах домашнему мусору: его собирали со всех углов дома и сыпали в колыбель, либо подкладывали под подушку. Нередко использовали и так называемые покойнички предметы: так, например, в некоторых местах при плохом сне человека окуривали свечой, побывавшей в руках умирающего; подкладывали под подушку страдающему бессонницей зуб мертвеца или сыпали ему за ворот рубашки песок с могилы никем не оплакиваемого покойника и т.д. В некоторых белорусских селах верным средством от бессонницы считались также «находные» (т.е. собранные по дорогам и чужим дворам) куриные перья, из которых делали специальную маленькую подушечку и спали на ней. Кроме того, хорошим средством от

Бессонница

бессонницы в разных местах считали особые кости некоторых животных и рыб: так например, крестьяне Сургутского края полагали, что в голове у налима (а по некоторым поверьям — и у окуня) есть «сон» — две маленькие кругленькие косточки, находящиеся по обе стороны его мозга, благодаря которым налимом дремлет; эти-то косточки и клали под подушку больным бессонницей.

При детской бессоннице родители также совершали разнообразные обряды, направленные на отгон нечистых духов, лишаящих детей сна. Так, например, для того, чтобы избавить младенца от полуночницы, во многих местах в люльку к мальчику клали игрушечный лучек (снаряд, наподобие скрипичного смычка, которым били шерсть), а к девочке — маленькую пряслицу (прялку), с наговором: «Вот тебе, полуночница — щебетунья, дело и работа, а ребенка не шевели ни во дни, ни в ночи, ни в какие часы». Духополуночника часто отгоняли в бане: для этого мать ребенка оставалась в предбаннике, а знахарка с ребенком входила в саму баню и начинала парить его, приговаривая: «Парю, парю»; мать спрашивала из-за двери: «Кого ты наришь?», а бабка отвечала:

«Полуночника»; тогда мать говорила: «парь его горазже, чтобы прочь отошел, да век не пришел». Для избавления от ревуна, криксы и других подобных духов, ребенка шесть зорь, утром и вечером, носили к верее и говорили: «Вереея, верееюшка, тебе стоять, не гнить, здоровой быть, а моему младенцу не вопить, не реветь. Возьми с него щекотун и ревун и дай ему сон и угомон». Если же это не действовало, то младенца 12 зорь носили в овин и там, наклонив ребенка к окну, говорили: «Батюшка овин, возьми с моего младенца щекотун и ревун, а ему дай сон и угомон»; или брали веник и били его на пороге тупым косарем, три раза при этом произнося: «Парю вопун, припариваю щекотун, денной, полуденный, ночной и полуночной, минутный, полуминутный, часовой, получасовой. Поди, вопун-щекотун, на пень, на болото, ломай пенья да колоды, а моего младенца не трогай. Аминь», — и выбрасывали веник за дверь.

Очень часто при лечении детской бессонницы и ночного плача прибегали к помощи домашних животных. Так, например, во многих местах ребенка, лишившегося сна и плачущего по ночам, вечером, в то время, когда куры уже обычно сидят на насесте, бабки носили в курятник или в загон для свиней, где его на мгновение укладывали на подстилку. В Рязанской губернии советовали ходить с больным бессонницей ребенком на руках посреди овечьего стада, чтобы овцы «крик отблеяли».

Для лечения бессонницы (как у детей, так и у взрослых) широко использовались и различные растения, обладающие снотворными свойствами или действующие как оберег. Так, например, для избавления от бессонницы больным во многих местах клали под подушку «сонное зелье» (опий, маковые коробочки), а также осыпали кровать семенами мака, поили больного

маковым отваром и т.д. Мак, вообще, был наиболее распространенным снотворным средством, особенно при детской бессоннице. Например, в Иркутской губернии лучшим средством против «неспячки» считали маковый настой и виноградное вино, причем их не только использовали для внутреннего употребления, но и смачивали ими темечко больному ребенку. В Енисейской губернии в случае бессонницы также применяли маковый настой, который готовили особым образом: одну-две головки красного или черного мака, сорванные еще совсем зелеными, парили в молоке, навар цедили через сито и давали пить детям. Кроме мака, от бессонницы часто принимали и настои других трав, также считавшихся снотворными: так, в Казанской губ. с этой целью использовали настой сорочьего клея, а в Забайкалье — настоем корня кипрея.

Нередко для лечения бессонницы применялись и растения с названиями тина сон-трава, дрема, дремотник, дремки и т.п.; при этом часто считалось, что такие растения отгоняют злых духов, вызывающих болезнь. Так, например, в Смоленской губернии для защиты от ночниц, насылающих бессонницу, постель и порог дома осыпали сушеными цветами дремы, а перед сном читали заговор, причем либо делали это с закрытыми глазами, либо просто старались в это время не смотреть на дверь, чтобы не увидеть ночницу, которая, по поверью, в этом случае надолго может привязаться к человеку. Желанием отогнать нечистую силу, отнимающую сон, объяснялось и частое использование при бессоннице освященной зелени: так, например, для того, чтобы ночница не имела доступа к спящим, венки из освященной зелени клали в колыбель ребенку или под подушку взрослым; оставляли на пороге дома ветки освященной вербы; окуривали кровать тмином или укропом и т.д.

Заговорные формулы были обязательным компонентом многих магических приемов, избавляющих от бессонницы. При этом в зачинах заговоров, сопровождавших обряды от бессонницы, обычно содержалось обращение к каким-либо силам, стихиям, мифическим существам и т.д., например, к заре, вечеру, звездам, месяцу; к лесу, дубу, березе, вербе; к лесным зверям, птицам, курам; к ночнице, полуднице, лесному деду, лесной бабе, «горской майке» и т.п. Заговаривающие просили их забрать бессонницу и отнести ее в какие-то отдаленные места, «в пустые горы, где петух не поет, собаки не лают» и т.д. При этом просьбы нередко сочетались с угрозами в адрес вредоносных сил: «Вот тебе, ночная ночница, злая мученица, воды — захлебнись, вострый нож — заколоться, петля — задавиться!» Кроме того, в ряде заговоров содержался мотив обмена бессонницы на сон («Заря-заряница, красная девица! Возьми бессонницу, а младенцу дай сон и доброе здравие») или на различные дары («Курачки-рябачки, возьмите хлеб-соль, а деточке нашей дайте сон!»), причем подобным словесным формулам обмена часто предшествовали призывы заключить союз в виде кумовства, сватовства, побратимства с тем или иным

Бесчинства

мифическим персонажем. Произносились все эти заговоры обычно на пороге дома или возле окна, у печи, во дворе, на мусорной куче, в курятнике, на перекрестке, под деревом и т.д. (т.е., по большей части, в традиционных местах общения с нечистой силой).

БЕСЧИНСТВА — форма ритуального поведения («антиповедение»), характерная для ряда календарных и семейных обрядов, проявляющаяся особенно во время обходов ряженных (на святки, масленицу и др.), ночных бдений (вокруг купальского или пасхального костра, в ожидании «игры солнца») и других обрядов и сборищ. Как правило, обрядовые бесчинства совершала мужская часть молодежных групп, по иногда ответные действия совершали и девушки (обычно это происходило на следующую ночь или в следующий праздник).

Состав действий, относящихся к бесчинствам, был обычно стереотипен: тайный вывоз или вынос со двора пахотных орудий (борон, сох, плугов), транспортных средств и их деталей (телег, саней, лодок, тачек, колес, оглобель и т.п.), домашней утвари (ручных мельниц, ступ, ульев, мялок, бочек, корзин, горшков, лавок, лестниц и т.п.), а также дров, старой одежды и обуви, соломы, пряжи и т.п.; перемещение этих предметов на чужой двор, на дорогу или перекресток, на кладбище или пустырь, за село, в поле, к реке, в лес, на гору, в овраг, в реку, в прорубь, в колодезь, затаскивание их на крышу, на дерево, на колодезный журавль, на сарай и пр.; переворачивание, опрокидывание, разбрасывание, разрушение, разламывание, разбиение на части, иногда сжигание (обычно плугов и телег), разваливание (например, поленицы дров, стогов сена), сваливание заборов, снятие ворот, калиток; заваливание, подпираание, замыкание или завязывание дверей и ворот; затыкание, закрывание труб соломой, тряпками; замазывание окон, стен, ворот, калиток, дверей, дверных замков дегтем, сажей, глиной, грязью или нечистотами; возведение преград на улице или на дороге в виде баррикад из краденых вещей; возведение преград путем «снования» (т.е. натягивания ниток поперек улицы или дороги, от дома к дому); выведение из хлевов скотины, привязывание ее к дверям дома, к воротам и т.д., иногда — угон скотины со двора; а также непереносимое пугание встречных чучелами, пугалами и непереносимым шумом (который обычно производили битьем в косы, сковороды, кастрюли, печные заслонки и т.д., а также выстрелами, щелканьем кнута, «молотьбой» ценами под окнами, привязыванием к дверям колотушек, трещоток и т.п.) и др.

Такой деструктивный характер, время и место действий (обычно вечер или ночь, сумерки), а также типичные мотивировки действий (отогнать нечистиков, напугать ведьму, преградить пути нечистой силе и т.п.) сближали бесчинства с другими обрядами проводов, отгона и символического уничтожения нечистой силы (ср., например, обряд опахивания села, когда

женщины в одних рубашках и с распущенными волосами опахивали село и при этом кричали, шумели, били в различные предметы и пр.).

Другой разновидностью бесчинств являлись действия, адресованные девушкам на выданье или девушкам, только что вступившим в брак. Так, например, в некоторых местах принято было снимать ворота во дворе «заневестившейся» девицы и относить их на двор ее кавалера, а также натягивать нитки и пряжу между домами девушки и парня и т.п. Бесчинства могли совершаться и в отместку девушкам, отказавшим своим кавалерам, не вышедшим на гулянье, и т.д.

Нередко бесчинства совершались и с целью поругания и наказания «нечестных», не сохранивших свою невинность невест. Так, например, в некоторых местах таких девушек обмазывали сажей («би сатану роблять») или доставали сажу из печной трубы и размазывали ее по всему дому, а иногда даже разваливали в доме невесты печь и мазали сажей всех ее родственников. В других местах в случае «нечестности» невесты вырывали мох из стен между бревнами, заставляя молодую снова конопатить стены; забрасывали грязью мать невесты; кидали в саму невесту грязные постолы (лапти) или привязывали их матери; обували невесту (или ее мать) в лапти или одевали в грязное тряпье; привязывали невесте солому; заматывали матери и крестной матери невесты юбки на голову; сажали мать невесты на борону и катали по деревне с хомутом на шее; барабанили в битые ведра и т.п. Подобные действия сопровождалась обычно пением хулительных и непристойных песен и припевок.

БЕСЫ — в древнеславянских языческих религиозно-мифологических представлениях злые духи, подобные архаичным упырям и навьям. Название «бес», по видимому, предшествовало наименованию «черт», появившемуся на Руси не ранее XVI-XVII вв. По видимому, слово бес (старослав. Бесь) восходит к санскр. корню *bhi* — *timere*, *bhishay* — *terrege*, откуда *bhisha* — ужас, *bhishana* — страшный, *bhishma* — злой дух, литов. *besas*; возможна и связь с санскритским же *bes* — «бурно, стремительно двигаться», а может быть, и с санскр. *bhas*—«светить».

В христианских религиозно-мифологических представлениях бесы были духами зла, антагонистами ангелов, слугами, воинами и шпионами дьявола, «врагами невидимыми» человеческого рода. Как «сеятели дурных внушений, болезней (и особенно душевных расстройств — «беснования») и всякой скверны и порчи», как разрушители социальных связей, с особенной ненавистью относящиеся к браку и строящие против него всякие козни», бесы сопоставимы со злыми духами самых разных мифологий, начиная с самых примитивных. Но согласно христианским представлениям, бесы не только опасны, как недобрые духи, но абсолютно злы и не могут иметь никакого отношения к чему бы то ни было, связанному с добром. С ними запрещалось общаться, заключать договоры и

т.д., так как все это бесы могли использовать во вред людям. От обычных злых духов других мифологий (например, от иранских дэвов и пр.) бесов отличало еще и то, что, с точки зрения христианства, живущее в них зло являлось не свойством, изначально присущим их природе, а следствием «ложного выбора их свободной воли»: бесы и дьявол не были порождением какой-либо иной, неподвластной богу «теневого» стороны бытия, по созданию самого бога, предавшими его слугами, в прошлом — «ангелами», не сохранившими «своего достоинства». Изменив, они стали «ангелами сатаны», «ангелами бездны» (в церковнославянском и русском народном обиходе иногда было принято, в отличие от добрых «ангелов божиих», называть бесов «аггелами», что соответствует орфографии, по не произношению греч. слова *αγγελος*; — «ангел»). От своего ангельского прошлого бесы сохранили, хотя и в малой степени, сверхчеловеческое знание и могущество (которые они стали теперь употреблять во зло), несвязанность условиями пространства и власть над стихиями, а также возможность тонкого проникновения в ход человеческих мыслей и вкладывания в ум и сердце людей нужных бесам внушений. Однако бесы, по убеждению христиан, при этом не обладают полным и достоверным знанием о глубинах человеческих душ (об этом ведаёт только бог), поэтому «тайное решение твердой и праведной воли имеет шанс скрыться от глаз бесов».

В славянской Библии слову «бес» было равнозначно слово «демон». Демонами в Древней Греции именовали вездесущих, легко изменяющих облик духов; при этом представления о таких созданиях существовали не только у греков, но и практически у всех народов мира. Демон в народных поверьях — это и неясного обличья «налетающая» на человека злая сила, и насылающее беды существо, в некоторых поверьях приравниваемое к судьбе. Демонами, как и бесами, в христианстве часто называли языческих богов. Однако термин «бесы» был известен у славян задолго до христианства; недаром он часто встречается в архаичных фольклорных текстах и особенно в заговорах. Из языческой терминологии слово попало в христианскую традицию и было использовано для перевода греческого; — «демоны»; при этом в старых церковных поучениях против язычества оно продолжало использоваться в первоначальном значении «злой дух», хотя категория злых духов была весьма расширена за счет включения в нее старых славянских языческих богов и духов — Перуна, Велеса, Макоши и др. Всех этих божеств и изображавших их идолов в древнерусских Словах и Поучениях против язычества называли бесами. Так, например, в сказании «О бесе, творящем мечты пред человеки, живущему во граде на Каме-реке», описывается «еще старых Болгар мольбище жертвенное», куда «схождахуся люди мнози со всея земли Казанския, варвары и черемиса, мужи и жены, жруще [принося жертвы] бесу и о полезных вопрошающе»; позднее этот «бес», «будучи прогнан

Христовою силою», улетает огненным змеем на запад. В одной из летописей на вопрос: «То каки суть бози ваши?» — кудесник из Чуди отвечает: «Суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще» (т.е. соответствуют описаниям чертей и бесов). В сказании же о святом великомученике Георгии Победоносце говорится, что когда император Диоклетиан, отчаявшись сломить Георгия пытками, предложил ему стать своим соправителем и принести жертву богам в капище Аполлона, святой мученик подошел к истукану, сотворил крестное знамение и спросил истукана, хочет ли тот принять от него жертву как Бог; тогда «бес, обитавший в идоле» закричал: «Я не Бог и никто из подобных мне не Бог. Бог Един только Тот, которого ты проповедуешь. Мы из служащих Ему ангелов сделались отступниками и, одержимые завистью, прельщаем людей».

Причисление языческих божеств к сонму бесов привело к тому, что со временем бесами стали называть самых разных представителей нечистой силы — как собственно нечистых духов (чертей, нежить), так и духов природы (некогда — младших божеств, духов-помощников верховных богов) — леших, водяных, полевых и пр. Особенно это касалось народных верований, где облик беса сложился на стыке христианской и языческой, письменной и устной традиции. Образы библейского беса и народных представителей нечистой силы взаимодействовали на протяжении столетий, и этим словом крестьяне обозначали ту вездесущую и непонятную силу, которая позже приобрела более-менее четкие образы домового, лешего, водяного и пр. (ср. многочисленные синонимы названий «бес» и «черт»: змий, крошечный, враг, лукавый, недруг, неистовый, не-наш, недобрый, нечистый, неладный, блазень, соблазнитель, игрец, шут, некошной, морок, мара и пр.). Например, в народных поверьях нередко встречаются упоминания о таких существах, как «полуденный бес» (полудница), «дворовой бес» или «бес-хороможитель» (дворовик или домовой), «полевой бес» (полевик), «бес-волосатик» (леший) и пр. Кое-где существовало даже представление о «белых бесах», обитающих в «верхнем мире», которые противопоставлялись подземным «страхам»; может быть, здесь сказались представления о добрых природных духах, ставших при утверждении христианства бесами (здесь следует учесть, что во многих местах лешие, домовые и пр., хотя и воспринимались обычно как существа «нечистые», отвергнутые богом, вовсе не считались однозначно злыми духами и в поверьях порой выступали даже как существа, благосклонные к людям и защищающие их от бед, и таких существ, в принципе, могли называть «белыми бесами»).

Возможно, именно это смешение древних добрых духов и духов зла стало причиной того, что бесы в народных поверьях выступали обычно как существа хотя и недобрые, но не всегда однозначно зловредные и даже могущие оказаться полезными. Так, например, с помощью бесов люди нередко пытались узнать свое будущее, свою судьбу (ср., например, гаданье: «Ходят

слушать на перекрестки дорог; чертят около себя сквородником круг три раза со словами: “Черти чертите, бесы бесите, нам весть принесите”»). Считалось также, что с бесами можно заключить договор, их можно заклясть или заручиться их помощью; и примеры такой деятельности бесов (далекой от канонических христианских представлений) встречались не только в народных быличках, но и в житиях различных святых (так, бес, закрещенный в умывальнике Иоанном Новгородским, в одну ночь возит его в Иерусалим и обратно; бес сторожит у пустытника репу; Феодор Печерский закликает мешающих ему бесов носить дрова, чтобы отстроиться после пожара, так что бесы в результате «не только мололи на монастырскую братию, но и принимали деятельное участие в построении Киево-Печерского монастыря»). Кроме того, по некоторым мифам, бесы, как и многие другие «нечистики» (леший, водяной и т.п.), могут иногда помогать человеку в благодарность за какую-либо услугу, награждая его богатыми дарами, устраивая его судьбу и т.д. (так, например, в некоторых быличках бес, в благодарность за освобождение его из закрещенного сосуда, из расщепленного дерева и т.д., исполняет желания освобожденного его человека, помогает ему жениться на богатой невесте и т.д.).

Но в общем, бесы в поверьях, рассказах и пр. выступали по большей части как персонажи отрицательные, противопоставляемые светлым силам, тесно сближаемые с чертом и однозначно относящиеся к злым духам (ср., например, присловья и пословицы: «Вина напиться — бесу предаться», «От беса крестом, а от свиньи пестом», «Кой бес вомчал, тот и вымчит», «Шутил бы черт с бесом, а водяной с лешим», «Беден бес, что у него Бога нет», «Беден бес, а богат Бог милостью», «Старого черта да подпер бес», «Силен бес: и горами качает, и людьми, что вениками, трясет», «Радостен бес, что отпущен инок в лес», «Бегают грязные ребята, ровно бесенята» и т.п.).

Теперь уже сложно определить, какие именно представления связывались с бесами изначально. Повидимому, они, как и упыри и навьи, представлялись людям некой абстрактной силой, олицетворением буйных и необузданных стихий, «злом, повсеместно разлитым в природе». Возможно, некогда бесы были персонификацией зимних снеговых туч, застилающих солнце и несущих людям холод, голод и лишения; недаром и в XIX — нач. XX вв. крестьяне продолжали верить, что зимние вьюги, бураны и метели насылают бесы, которые резвятся в снегу и носятся с тучами, вихрями и свирепыми ветрами. Как тучи и ветра, бесы были многолики, неопределенны, аморфны, и при этом многочисленны: у славян злые силы, в отличие от сил добрых, почти никогда не персонифицировались и в поверьях выступали во множественном числе (практически все славянские боги, за редким исключением, были богами хотя и грозными, но в целом добрыми и милостивыми, благосклонными к людям; они олицетворяли все те явления природы, которые

были людям во благо). Вообще же, в славянских мифах и легендах христианских времен бесы обнаруживают основные качества как собственно демонов-бесов, так и многоликой нечистой силы, что подтверждает устойчивость и давность основных представлений о бесах-печистиках: они многолики и вездесущи, распоряжаются разными областями жизни людей и могут пагубно воздействовать на человека, в народном сознании иногда приравниваясь к судьбе.

Согласно христианским религиозно-мифологическим представлениям, бесы, хотя и являются духами (как падшие ангелы), тем не менее, материальны и имеют собственные тела: «Бесы — духи. Священное писание часто называет их духами, которые костей и плоти не имеют. Но представления о злых духах еще в первохристианстве приняли грубо-материальные черты. «Каждый дух крылат, а также ангелы и демоны», — говорит Тертуллиан, который самое существо Божие и человеческую душу представлял материальной... Материализм в представлении демонов поддерживался в первохристианстве отождествлением их с языческими богами... В древнерусской литературе бесы рисуются в чувственных чертах». Народные поверья также представляли бесов «в чувственном облике»: например, в Олонецкой губ. считали, что бесы «имеют тело более тяжелое, чем добрые ангелы, хотя тоже невидимы людям».

Свою способность к перевоплощениям, умение быть невидимыми и являться людям по собственному произволу бесы, по народному убеждению, удержали от своего ангельского прошлого. Образы, которые принимают бесы, зависят от их собственного выбора: но так как сущность бытия бесов — ложь, то и образы эти — фальшивая видимость, маска. По характерной русской пословице, «у нежити своего облика нет, она ходит в личинах». Считалось, что для того, чтобы добиться полного доверия соблазненного человека, бесы могут принять вид монаха, святого отшельника, или даже облик светлого ангела или самого Иисуса Христа: явившись в таком образе, «бесы говорят возгордившемуся монаху о его святости и богоизбранности, а малодушного, напротив, запугивают мнимой неизбежностью его осуждения». Подобные видения, навеянные бесами, по народному убеждению, вызывают тяжелое чувство смущения и тоски или, напротив, судорожной веселости; вообще же, обычным симптомом видимой или невидимой близости беса повсюду считалась тошнота (ср. название бесов в русском фольклоре — «тошная сила»).

Помимо святых образов, бесы, чтобы вкрасться в доверие, принимают, по поверьям, облик реальных отсутствующих людей, например, близких друзей, родственников и пр. Другие личины нужны бесам для побуждения похотливых чувств: так, пустынникам и отшельникам бесы, согласно легендам, могут явиться в облике прекрасных женщин; тоскующих вдов они приходят навещать и ласкать в облике умерших или находящихся в отъезде мужей; мужчинам и женщинам

они являются соблазнительными особами противоположного пола (такие представления о бесах, предлагающих себя для блуда мужчине — в виде женщины [«суккуба»], а женщине — в виде мужчины [«инкуба»]), были особенно характерны для позднего средневековья и не чужды Древней Руси — ср. «Повесть о бесноватой жене Соломонии», 17 в.).

Существовал у бесов и третий род личин — гротескные подобия фантастических, уродливых чудовищ, вроде дракона, псоглавца (кинокефала — человека с лохматой собачьей головой на плечах), «динаока» (циклона), «мюрина» (человекообразного существа черного, темного или грязно-зеленого цвета, мохнатого, с длинными всклокоченными волосами, длинным высунутым собачьим языком, длинными когтями на руках и ногах, зубчатыми, как у летучей мыши, крыльями и маленьким поросячьим хвостиком, иногда — с рожками на голове, железным крюком в руках и лицом на животе) и т.п. Очень часто образ беса в народных поверьях сливался с образом огненного змея, летающего к одиноким женщинам, вдовам и пр. и сожительствующего с ними, а также нападающего на людей, «запирающего» воду, смущающего отшельников и т.д. (так, например, в житии Иоанна, Печерского затворника, говорится, что, когда Иоанн закопался на тридцать лет в землю, бес выгонял его огнем, прилетая в виде огненного змея).

Считалось также, что бесы любят принимать вид животных, особенно хищных и опасных (таких, как лев, медведь, волк и т.п.), либо «нечистых» и внушающих отвращение, подозреваемых в связи с нечистой силой (таких, как жаба или лягушка, змея, мышь, насекомые, а также черный пес или кот, свинья, козел и т.д.). Помимо этого, бесам приписывалась способность превращаться и в неодушевленные, особенно «нечистые» предметы (например, в веник, палку, пень, кочергу, бочку, стог сена, куст бузины и пр.), а также появляться в облике огненного колеса, шаровой молнии и т.д.

Излюбленными обличьями бесов считались также облики чужаков (разбойников, воинов и солдат, скорморохов и т.п.), иноверцев (мусульман, иудеев и пр.) и иноземцев, причем обычно либо наиболее экзотических («черные мурины», т.е. эфиопы, — постоянное обозначение бесов в старинной русской литературе), либо, напротив, наиболее известных и ненавистных (например, ляхов и литвинов в древнерусских текстах). По-видимому, тут в первую очередь сказались страх и неприятие чужаков, с давних времен укоренившееся в народе: крестьяне опасались пришлых (ср. хотя бы рассказы о том, что цыгане воруют не только предметы обихода и лошадей, но даже и детей), видя в каждом чужаке, а тем более иноверце, потенциального врага или, по крайней мере, вестника несчастья. А намять о набегах, совершаемых некогда соседними народами, еще больше сблизила в сознании простого люда образы иноземцев и нечистых духов: например, монголы, с огнем и мечом прошедшие сквозь русские

селения, вполне могли показаться простым крестьянам теми самыми сверхъестественными силами зла, которые в древние времена носили название бесов.

Наиболее обычный образ беса в народной фантазии и иконографических традициях православного и католического средневековья совмещал обычно антропоморфные и зооморфные черты, приближаясь в этом отношении к образам языческих богов, полулюдей-полуживотных. Так, например, в народных поверьях бесы обычно представлялись безобразными демоническими существами темного (обычно черного или синего) цвета, мохнатыми, крылатыми (в воспоминание о своей изначальной ангельской природе; впрочем, в западной традиции, а позднее и в традиции славянской, это обычно крылья летучей мыши — еще одного «нечистого» животного), хвостатыми и рогатыми, с когтями на руках и ногах, часто — со свиными рылами, длинными ушами, петушиными шпорами, козыми ногами, оканчивающимися копытами, и т.п. Во многих местах бесов также считали хромыми, кривыми и т.д. (хромота и т.п. — отличительные признаки нечистой силы), распространяющими отвратительный смрад, дым и (в более поздних поверьях) запах серы. Помимо этого, бесов нередко (особенно у южных славян) считали великанами, огромными существами выше самых высоких деревьев; но в то же время другие поверья наделяли их небольшим, даже маленьким ростом (с кошку, а иногда и меньше — с лягушку, муху и т.д.). Более же ранним, по мнению ряда исследователей, был такой облик беса: женоподобный юноша с густыми, всклокоченными и как бы приподнятыми над головой («шишом») волосами, с крыльями и, возможно, хвостом и синим, багряным или черным лицом.

Бесы нередко рисовались «существами общественными, имеющими правильное политическое устройство»; считалось, что «в отношениях между собой бесы соблюдают братство». Так, в «Повести о бесноватой жене Соломонии» бесы во время пирушки соблюдают определенный порядок мест, «друг друга честию больша себе творяще», пьют из круговой чаши и т.д. У них даже есть своя религия; поклоняются же они повелителю своему Сатане (они пытками и убеждениями добиваются от Соломонии, чтобы она «веровала в них и Отца их Сатану»). Может быть, подобные представления о бесах объяснялись тем, что бесы ассоциировались иногда с язычниками, верующими в своих древних богов.

По народному убеждению, бесы могли жить семьями и иметь жен и детей; так, в рассказах, заговорах и т.п. наряду с бесами нередко упоминаются и существа женского пола — бесихи (бесовки, бесицы), и юркие, проворные малыши-бесенята, сходные с чертовками (чертихами) и чертенятами. Некоторые былички описывали даже жилища «бесовских общин», расположенные обычно где-то в глухих местах, часто в воде, на дне озер и омутов, в болотах и пр. (ср.: «Все бесы в воду, да и пузырья вверх», «Навели на беса, как бес на болото», «В болоте бесы плодятся» и т.п.). Может

быть, такие поверья возникли из-за сближения образов беса и черта: так, например, по народным поверьям, черти любят обитать в болотах, омутах, тихих заводях и т.п., где они не просто живут, но женятся на чертихах, плодятся и размножаются.

Помимо воды, обычным местом обитания бесов — как и чертей, и прочих нечистых духов — считались пустоши и леса, пещеры и овраги, пропасти, провалы, расселины, вообще всякие «неудобья». В некоторых местах верили, что бесы, подобно многим «нечистикам», любят селиться в пустых дуплах старых деревьев; ср., например, поговорку: «Из пустого дупла — либо сыч, либо сова, либо сам Сатана». По польскому поверью, дьявол, или бес, превратившись в сову, имеет обыкновение сидеть на старой дуплистой вербе, откуда он вещует, кому вскорости умереть; по этой причине мужики опасались срубать старые дуплистые вербы, боясь этим привлечь к себе внимание беса. Может быть, эта связь бесов с деревьями объяснялась тем, что за бесов христиане считали всех языческих богов, а богам в древности нередко поклонялись в рощах и лесах (так, например, в житии князя Константина Муромского говорится: «...дуплинам деревянным ветви уброщем обвешивающе, и сим поклоняющесь»).

Бесы, согласно народным поверьям, вездесущи и умеют быстро перемещаться в пространстве; иногда они носятся с бурей и вихрем, а порой путешествуют шумной толпой, приплясывая и играя на музыкальных инструментах, напоподобие скоморохов. Они могут сожительствовать с женщинами (особенно с одинокими вдовами, солдатками и женами, мужа которых находят в отлучке), прилетая к ним в образе огненного змея; женщины от такого сожительства обычно быстро чахнут и вскоре умирают, если не отвадят беса. Помимо этого, бесы в народных поверьях часто вредят скотине в хлеву («творят многу пакость в хлебне») и беснуются в доме; водят и носят на себе людей, сбивают с пути; охраняют клады; могут утопить лодку или лошадь на переправе; оборачиваются в различных зверей и в этом облике вредят людям; «смущают иноков-отшельников, подходят к келпи рыкать и ляскать зубами» (ср.: «Превращаяся убо враг сы демон во зверское видение в медведя и волки и притче ноцию к келии св. Стефана и рыкающе и зубы скрегчуще, хотя святого устрашити и сим из пустыни изгнати»); подталкивают людей на разные недобрые поступки и т.д. По некоторым поверьям, бесы очень любят непогоду осенью и зимой: в это время они беснуются по лесам и полям, хрюкают, визжат, чавкают, воют, плюются и кувыркаются, кружась в бешеной пляске и поднимая бурю, метель и т.п.; уводят с пути одинокого путника, заводят его в непролазную чащу или в трясины, толкают в прорубь; пугают коней и, вцепившись в гриву, загоняют их до смерти; смущают людей, мерещатся им и т.д.

Одним из традиционных «бесовских свойств» в христианской традиции считалось стремление всячески

искушать человека и сбивать его с пути истинного. При этом, по народному убеждению, особенно неотступно бесы преследуют монахов, отшельников и аскетов, находящихся с ними в состоянии «объявленной войны» (отшельники ранней поры монашества некогда намеренно избирали для проживания места, пользовавшиеся наиболее недоброй славой по части «нечистой силы», рассчитывая «сразиться с бесами в самом их гнезде» и «посрамить дьявола»). Считалось, что бесы, надеясь победить «воинов христовых», всячески стараются заставить их согрешить, соблазняют и искушают их самыми разными способами. То же они делают и в отношении обычных людей, обещая им богатство, подсовывая спиртные напитки и т.д.; так, например, «бесовским искушением» на Руси называли вино и вообще пьянство, а «бесовским зельем» именовали табак. Крестьяне и в нач. XX в. верили, что к каждому человеку от рождения, наряду с ангелом-хранителем, бывает приставлен бес, который стремится «сбить человека с пути истинного» (и потому, советовали нижегородские крестьяне, стоя на молитве нужно держать ноги, и особенно пятки, как можно сильнее сдвинутыми, «чтобы бес не проскочил между ног и не произвел какого-нибудь соблазна в уме и сердце»); недаром в народе многие недобрые поступки, совершенные непонятно по какой причине, объясняли тем, что человека «бес попутал» («Что умоисступленный человек поступает под влиянием беса, народ в это твердо верит и таких оправдывает пословицей: “Бес попутал”»).

Считалось, что, искушая, бесы стараются ввести человека в грех чревоугодия, блуда, тщеславия, сребролюбия, гнева, уныния, гордости и т.п. Соответственно, в книжных миниатюрах (XVII в.) «бес пьянства напоминал обрюзглого силена; бес обжорства протягивал свое свиное рыло; бес лихвы держал мешок с деньгами; блудный бес сладострастничал; бес гнева и ярости грозил дубьем и т.п.».

Средневековая демонология разработала целый ряд классификаций бесов, объединявших их либо по принадлежности к тем или иным природным стихиям, либо — к воплощаемым им порокам. Подробные перечни бесов строились соответственно делению их на три иерархических уровня (как и у ангелов). В средневековой Европе их наделяли функциями, соответствовавшими функциям различных должностных лиц при королевских дворах: адские церемониймейстеры, управители и пр.; они носили титулы маркизов, графов, виконтов и др. В славянской православной традиции такого деления, в общем, не наблюдалось, но, тем не менее, существовали представления о старших и младших бесах; ср., например, русское выражение «мелкий бес» или поверье о том, что старший — самый старый из всех — бес сидит в аду (по одному из поверий — прикованный толстыми цепями к железному трону) и распоряжается всеми младшими бесами, в частности, приказывает им бродить по земле и «смущать честной народ», а также проникать в людей

(влетать им в рот в виде мухи, входить в них с ветром и т.д.) и вызывать у них припадки и различные болезни.

Вселение в человека также считалось одним из традиционных бесовских свойств. Считалось, что вседушие бесы нередко разносят болезни, а еще чаще причиняют их, проникая внутрь человека с его едой или питьем, во время сна и т.д. Представление народа о подобной способности бесов оставалось неизменным на протяжении веков. Так, например, крестьяне XIX в. все еще верили, что бес может отдавить ногу, опустить особую «запойную» каплю в бочку с вином, неожиданно толкнуть человека, «попутать» или проникнуть в любой «сосуд непокровенный», чтобы потом с питьем войти в человека и поселиться в нем, вызывая падучую, кликушество, сумасшествие и другие болезни, которые в народе называли «одержание бесом». В некоторых местах при этом считали еще, что бес может входить и в отдельные части человеческого тела: «войдет он в губу — губа вздуется, в руку — рука отнимется, в ногу — отнимется нога». Но, в общем, чаще считалось, что бес, проникая в человека, овладевает всем его телом, и такое «одержание бесом» обычно сопровождается истерическими припадками, судорогами и т.п. Так, например, крестьяне в некоторых местах верили, что «при икоте сто бесов живот гложет», а в кликуш вселяется бес, который требует определенной пищи и питья и «говорит» изнутри; рассказывали также, что бесы, сидящие в кликушах, особенно охотно бранят священников и начинают кричать и биться, когда к большой подносят освященные предметы. Больных, страдающих от беса, иногда называли «бесовниками», а бесовством, бесовщиной именовали «неистовство всякого рода, соблазнительные призраки, дьявольское наваждение».

Конечно, вселение в человеческое тело беса — нечистого и злого духа — в народе считалось крайне нежелательным; но некогда оно могло рассматриваться совсем с другой точки зрения. У первобытных народов подобное объединение человека и сверхъестественной силы нередко воспринималось как особый и редкий дар. Так, например, шаманизм, сохранившийся у некоторых сибирских народов и до наших дней и являющийся «первобытным проявлением стремления человека войти в общение с сверхъестественными силами», рассматривал людей, способных на такое слияние, как необыкновенно одаренных и отмеченных духами; именно такие люди и становились шаманами — людьми уважаемыми и необходимыми для всей общины. Деятельность шамана заключалась во врачевании, гадании, предсказании погоды и результатов промысла, в отыскивании пропавших вещей и пр.; он должен был предостраивать несчастья, провозвещать души умерших в мир мертвых, прогонять злых духов и т.д. Во всем этом ему помогали особые духи-покровители, посредники между людьми и богами, являвшиеся шаману чаще всего в образах зверей и птиц; общение же с ними шамана или шаманки могло происходить по-разному: либо душа шамана во время

камлания покидала его тело и посещала духов, либо духи просто слетались и пребывали рядом с шаманом, либо в тело шамана вселялся добрый дух-помощник, который и направлял его и указывал, что нужно сделать в том или ином случае (ср., в связи с этим, известное в некоторых местах представление о том, что кликуши могут пророчествовать и отвечать на вопросы о будущем, если их спросить: «когда после бурных проявлений припадка кликуша лежит без движения и как бы спит, бес выходит из нее, рыскает по свету и разузнает о выспрашиваемом»).

Может быть, такое намеренное (и желанное) воссоединение и слияние человека и сверхъестественной силы и стало основой для позднейших преданий об одержимости людей злыми духами. Маловероятно, конечно, чтобы бесы когда-либо рассматривались как добрые силы, хотя, в принципе, они, как олицетворение стихий, некогда могли считаться не однозначно злым или добрым, но просто сверхъестественным явлением, грозным и могущим причинять как вред, так и добро (подобно тому, как дождь, необходимый посевам в летнюю пору, в то же время может и погубить их). Но при христианстве все сверхъестественные существа и силы, как благоприятные, так и вредоносные, были объявлены злом, а представления о них постепенно начали смешиваться и переплетаться с христианскими мифами и легендами. По-видимому, когда объединение человека с духами-покровителями стало рассматриваться как захват человеческого тела «нечистым», сами духи-помощники стали ассоциироваться с «нечистиками», а нечистую силу традиционно представляли бесы — существа недобрые, вредные и, в народном представлении, вполне способные на такое насилие. Следовательно, их необходимо было как можно скорее изгнать из тела; а так как бесы к тому времени уже воспринимались как «сатанинские отродья», «дьяволы прислужники», то и бороться с ними, по мнению крестьян, нужно было при помощи светлых сил и предметов, с ними связанных, т.е. с помощью молитв, креста и т.п.

Так, например, по общераспространенным представлениям, бесы не терпят крестного знамения, пения петуха, молитвы, ладана, освященных предметов и т.п. Помимо этого, согласно некоторым поверьям, бесы, как и черти и вообще вся нечистая сила, очень боятся грозы, так как молния и гром их убивают. Во многих местах грозу объясняли тем, что Илья-Пророк или Михаил Архангел, разезжая на пламенной колеснице, запряженной огненными конями, мечет на землю стрелы-молнии, поражая насмерть всех злых духов, в первую очередь — чертей и бесов; они же в страхе мечутся по земле, отыскивая себе убежище, и скрываются в жилых и нежилых строениях (вскакивая через открытые двери и окна или влетая через печные трубы и вообще всякого рода незащищенные отверстия), а также в густой хвое, в тени развесистых деревьев, вообще за всяким подходящим прикрытием. Самым же надежным укрытием у бесов и чертей

Благовещение

являются, по народному убеждению, животные и люди, оказавшиеся в это время под открытым небом; однако небесная кара находит их и в этом убежище, и оттого людей и животных иногда поражает молнией. При этом, однако, повсеместно считалось, что «Илья знает невиновность того человека, которого избрал дьявол себе для защиты, и жалеет Божье создание, хотя в то же время твердо убежден, что все равно тот человек, в которого успел вселиться дьявол, погиб бы, так как злодей не покинет своей жертвы уже во всю жизнь и, рано или поздно, заставит потонуть или повеситься... Убивает он избранного, как случайную жертву, в уверенности, что Бог милует и приемлет таких несчастных, удастаивая их царства небесного, так как они сослужили полезную службу людям своей смертью, которая, вместе с тем, вызвала одновременно и смерть злого духа».

Для защиты от бесов, ищущих в грозу надежное убежище, в народе применялись самые различные меры. Так, например, люди, застигнутые грозой на улице, при всякой вспышке молнии со словами: «Свят, свят, свят», налагали на себя крестное знамение, надеясь отогнать этим беса. Ранее для защиты от бесов применяли и различные обереги (острые железные предметы, травы и т.д.). Чтобы не привлечь к себе и своему жилищу внимание бесов и не навлечь тем удар молнии, крестьяне также строго соблюдали обязательные посты, особенно в Ильинскую пятницу, и старались не произносить вслух имени беса (так как бесы, подобно другой нечистой силе, мгновенно отзываются на упоминание собственного имени и устремляются к человеку, его произнесшему). Опытные деревенские хозяйки советовали: «Во время грозы нельзя быть с растрепанными волосами, в подоткнутом платье — много места тут укрыться ачутке-беспятому (бесу). Всякую посуду в избе надо опрокинуть, если она пустая, а налитую следует поспешно закрестить. Не надо в голове искать: не одну такую бабу стрела (молния) забила насмерть, других же оглушала». Повсеместно также считалось полезным держать на чердаке громовую стрелу или чертов палец (белемнит, раковину древнего моллюска, или спеченный молнией в конусообразный камень песок и т.д.), чтобы «отвадить» беса и защитить дом от удара молнии. Во многих местах для защиты от беса во время грозы также мазали молоком косяки дверей и окон; вывешивали за окно полотенце с покойника; зажигали свечу, с которой молились в Страстной четверг на «стояниях», когда читались 12 евангелий Господних Страстей, либо пасхальную или богоявленскую свечу; сыпали ладан на уголья в печной загнетке или на раскаленную сковородку и т.д.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ. Благовещение Пресвятой Богородицы — в христианских религиозно-мифологических представлениях «начальный момент истории очеловечивания бога, т.е. земной жизни Иисуса Христа»; один из великих двенадцатых праздников, посвященный дню, когда архангел Гавриил известил

деву Марию о будущем рождении Христа (25.03/7.04).

Согласно евангельскому повествованию (Лук. 1, 26-38), архангел Гавриил, посланный Богом к деве Марии в галилейский городок Назарет (где Мария вела девственную жизнь в доме своего мнимого мужа Иосифа Обручника), сообщил ей, что у нее родится сын Иисус, и это будет мессия и сын божий: «В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца». Услышав это, Мария спросила ангела, как исполнение этого совместимо с соблюдением избранного ею девственного образа жизни; Гавриил разъяснил ей, что младенец будет чудесно зачат «по действию духа святого» без разрушения девственности матери, и Мария, уяснив, что речь идет об исполнении воли Бога, ответила смиренным соглашением: «Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел».

В евангельском тексте не сказано прямо, но предполагается, что миг, когда Мария выразила свое согласие, и был мигом девственного (непорочного) зачатия: как при сотворении мира слово Бога «да будет» привело к созданию бытия, так и ее слово «да будет» низвело Бога в мир. В церковной традиции акт послушания Марии, осуществленный Марией как бы за все погрязшее во грехе и спасаемое человечество, противопоставлялся акту непослушания Адама и Евы, приведшего к грехопадению. Дева Мария как «новая Ева» искупила грех «первой Евы», начиная «возвратный путь к утраченной жизни в единении с Богом»; поэтому Благовещение и явилось для христиан «суммирующим предвосхищением» спасения людей.

Благовещение считалось в народе третьим по значимости и величине праздником, главным после Рождества и Пасхи; причем в некоторых местах его ставили даже выше Пасхи, полагая, что Благовещение — «самый большой у Бога праздник». В соответствии с этим, крестьяне верили, что праздник Благовещения отмечают все на небе, на земле и даже в подземном

Благовещение

мире (по поверью, в этот день, как и на Пасху, грешников в аду не мучат, давая им отдых), и сама природа радуется великому дню. Так, например, по народному убеждению, даже всякая неразумная тварь чувствует этот великий праздник, а особенно радостно встречают его птицы; поэтому на Благовещение принято было «птицам волю давать», т.е. выпускать их из клеток на свободу. Во многих местах считалось также, что на восходе в праздник Благовещения (как и в другие важнейшие церковно-народные праздники — Пасху, Куналу, Рождество, Петров день) солнце, радуясь благой вестю, «играет», т.е. переливается разными цветами.

В народном календаре праздник Благовещения отмечался как начало весны и день «открытия земли», пробуждение ее ото сна. Согласно поверьям, в этот день из «отворившейся» земли выходят на свет гады (змеи, лягушки, мыши, насекомые и пр.); с этим же днем связывалось и появление на земле нечистой силы, а также прилет птиц (ранее считалось, что они прилетают в этот день из Вырия, а позднее — что они вылетают из рая) и пробуждения пчел и медведя.

Ко дню Благовещения были приурочены многочисленные обряды встречи весны. Так, например, в Белоруссии молодежь в этот день забиралась на возвышенные места, на крыши бань, овинов, на поленицы дров и «гукала», «зазывала весну»; в некоторых местах одновременно с этим было принято еще жечь костры — «налить зиму» и «греть весну». Очень часто в этот день крестьяне «встречали аистов»: пекли лепешки в виде лап аиста (галепы, бусневы лапы), которые дети выносили во двор, подбрасывали и кликали аиста; затем их раздавали всем членам семьи или только детям, а иногда подбрасывали в гнезда аистам.

Благовещенье представлялось в народе днем полнейшего покоя и совершенной свободы от всяких дел. В этот день величайшим грехом считалась самая легкая работа, даже отход или отъезд на дорогу на заработки. Любая работа на Благовещение, по народному убеждению, могла вызвать гнев Божий и навлечь на виновников всяческие беды: так, например, во многих местах на Благовещение во избежание засухи и градобития запрещалось даже топить печь и готовить еду; запрещалось также расчесывать волосы, чтобы куры летом не «расчесывали» грядки. По народному убеждению, «на Благовещение и птица гнезда не завивает, и девица косы не заплетает»; по старинной легенде, кукушка не имеет своего гнезда именно потому, что завилась свое гнездо на Благовещение и Бог покарал ее за то, что она работала в тот день, когда «даже глупая курица на такую работу не пускается». Наравне с этим, во многих местах существовало также поверье, что птицу, которая по забывчивости сошьет гнездо в этот день, Бог накажет за непочтение к празднику, и ее гнездо обязательно сожжет молния; иногда считалось также, что такая птица некоторое время не сможет летать (так как бог отнимет у нее крылья) и будет

вынуждена ходить по земле и нести яйца-болтуны, из которых никто не выведется.

В древнем русском быту с праздника Благовещения, воспринимавшегося как начало весны и оживления природы (а следовательно, и полевых работ, т.е. как бы нового этана в жизни земледельца), считали начало года (который в некоторых местах так и называли — «благовещенским»). Соответственно, народные поверья гласили, что Благовещение, подобно Рождеству или Новому году, предвещает и магически предопределяет весь грядущий год. В связи с этим, ко дню Благовещения приурочивалось множество обрядов, связанных преимущественно с будущим урожаем, с благополучием семьи и т.д. Так, например, на Благовещение, как и на Новый год или Рождество, старались быть сытыми, здоровыми, хорошо одетыми, иметь при себе деньги и т.д., полагая, что каким будет Благовещение, таким окажется и весь год. Воры на Благовещение «заворовывали», т.е. стремились осторожно и незаметно украсть хотя бы какую-нибудь безделицу, чтобы потом весь год пользоваться удачей в своем ремесле (так как если вора не поймали в этот день, то считалось, что он не попадетсЯ и впредь и будет удачлив в воровстве). Хозяйки на Благовещение, между праздничной заутреней и обедней, сгоняли помелом кур с насеста, полагая, что от этого они начнут нестись уже к Пасхе, чтобы приготовить к Светлому празднику свеженьких яиц для христосования.

Немало благовещенских обрядов было связано с просфорами (специальными ритуальными хлебцами), которые, наряду с семенами для посева, традиционно освящались накануне или в самый день Благовещения. Каждый человек старался запастись хотя бы одним таким освященным хлебцем, полагая, что он приносит счастье, удачу и здоровье. Во многих местах просфоры даже пекли сами, по числу членов семьи, и при этом нередко в одну из благовещенских просфор запекали копейку (человека, которому досталась такая просфора, считали счастливым и удачливым, поручали ему начать сев и другие важные работы).

Благовещенские просфоры (как полученные в церкви и освященные, так и неосвященные, испеченные дома) использовали в народе с самыми разными целями. Например, их широко применяли для лечения лихорадок и вообще различных болезней, причем как у людей, так и у скота (так, крошки просфор иногда примешивали в корм скоту для защиты от мора). Просфорным порошком, смешанным с медом, пчеловоды подкармливали пчел, и при этом молились, чтобы «повелел Господь пчелам начать святые меды, желтые и белые, и частые рои в пожитке и миру христианскому в удовольствии». Однако наиболее часто просфоры, как знак видимого благословения Божия, использовались в обрядах, связанных с урожаем: кусочки их зарывали по углам поля от града и засухи, клали в семена, предназначенные для сева (для хорошего роста и плодородия нив), или в первый сноп, в сусек (чтобы мыши не поели зерна). Во многих местах просфору

Благовещение

обязательно брали с собой при севе, привязывали ее к сеялке или клали в сеялку для обеспечения благополучия всходов, урожая и т.д.

Вообще, праздник Благовещения в народном сознании повсеместно связывался с будущим урожаем; очевидно, это было связано с тем, что на Благовещение земля, по народному убеждению, «пробуждается» от зимнего сна (прикасаются к земле, «беспокоить землю» до этого праздника строго воспрещалось, а нарушение запрета грозило засухой и прочими бедами). По древнему народному верованию, в день Благовещения сам Бог благословляет землю, «открывает ее на сеяние»; в этот день, согласно одной из народных легенд, архангел Гавриил водит соху с запряженным в нее белым конем, а Мать Пресвятая Богородица пригоршнями разбрасывает из золотой кошницы жито, моля Господа о ниспослании благословения на будущий урожай.

С праздника Благовещения у восточных славян традиционно начиналась пахота. Впрочем, при этом в некоторых местах считалось, что на Благовещение сев начинать нельзя, так как этим можно накликать неурожай; существовало даже поверье, что тот день, на который пришелся этот праздник, будет несчастливым для посевов и пахоты, зато следующий за ним день будет для урожая самым удачным и счастливым. Вместо пахоты на Благовещение часто занимались гаданием о будущей погоде и урожае (ср., например, приметы: «Каково Благовещение, таково и Светлое Воскресение», «На Благовещение дождь — родится рожь», «Мокрое Благовещение — грибное лето» и т.п.). Вероятно, запрет начинать пахоту в самый день Благовещения был связан с общим запретом на работу в этот день; кроме того, крестьяне, по-видимому, считали нужным дать земле на Благовещение окончательно очнуться от сна, принять благословение небес и, возможно, выпустить из недр своих всех существ, укрывшихся там на зиму (не только зимующих под землей гадов, но и нечистую силу, которая, по народному убеждению, с первыми заморозками проваливается сквозь землю).

К празднику Благовещения, как к празднику весны, когда «открывалась» земля, было приурочено множество различных обрядов (близких по своему характеру к купальским и, в большинстве своем, сохранившихся со времен язычества), целью которых было отогнать и отпугнуть всю появившуюся в этот день из земли «нечисть» — гадов, вредных насекомых, нечистую силу, болезни и пр. Так, например, в этот день крестьяне били в металлическую посуду или в заслонки и пр., звонили в колокольчики и даже в колокола, кричали и стреляли из ружей, щелкали кнутами и т.д., полагая, что это защитит скот во время летнего выпаса от волков (считалось, что волк будет держаться от скота на таком расстоянии, на какое распространится звук). Змей обычно отгоняли огнем, поджигая мусор, тряпки, старую обувь и зимние соломенные постели, конский и коровий навоз. Для защиты от мух,

блох и др. насекомых старались при еде во время праздника не пролить ни капли и не уронить ни крошки. Для того, «чтобы не было коросты» и вообще для защиты от болезней на рассвете в день Благовещения умывались в источнике или реке.

Для защиты от ведьм крестьяне обводили топором или косой по земле вокруг дома круг, «чтобы ведьма не приступила»; старались также не давать ничего из дома, «чтобы босорка (ведьма) не отняла у коровы молоко», и т.д. Прочую нечистую силу, как и волков, традиционно отгоняли выстрелами, битьем в печные заслонки, криком и шумом, колокольным звоном и т.д., а также огнем. Так, например, благовещенские костры (в которых обычно жгли соломенные постели, прослужившие целый год, а также ветхие лапти и вообще все старые, ненужные уже вещи) считались главной защитой не только от нечистой силы, но и от порчи, болезней и т.д.; через эти костры скакали и окуривали их дымом одежду, проводили через них скот и т.д.

Вообще, с огнем в праздник Благовещения были связаны самые разные приметы и обычаи. Так, например, в некоторых местах старались не зажигать огня ни в этот праздник, ни накануне, и вообще считали грехом с этого дня сидеть и работать по вечерам с огнем, полагая, что праздник, обиженный за непочтение к нему, накажет виновных тем, что напустит на пшеницу голодно, а на пчел — ленивое роенье. Однако при этом в народе удачливым считался тот человек, который на Благовещение сжег в печи несколько щепоток соли и с этого праздника начал спать в клету (потому, вероятно, что жженная соль, по народному убеждению, обладает целительной силой при горячках и лихорадках, а спанье на холоде вообще укрепляет здоровье). В некоторых местах к празднику Благовещения приурочивался и обряд добывания («вытирания», получения трением) «живого» огня: от него зажигали очистительные благовещенские костры, а также разносили его по всем домам, обновляя, таким образом, домашний огонь (ср. схожие обычаи на Рождество и на Новый год).

Во всех этих обрядах выражалась вера в очистительную и целебную силу огня, свойственная всем древним языческим религиям и, в частности, религии древних славян. Приурочены эти обряды были к празднику Благовещения потому, что этот день издревле считался началом весны (весеннее равноденствие около 25 марта) и преобладания дня над ночью, началом времени пробуждения всеоживляющего солнца, источника теплоты и света, необходимых для жизни; и недаром этот день считался в народе одним из величайших праздников года. В языческие времена около этого дня праздновались комоедицы, медвежьих праздники, языческая масленица. Эти весенние празднества должны были быть прикреплены к солнечной фазе; и только христианский великий пост, начало которого падало то на февраль, то на март,

Блазник

отгеснил языческую масленицу за пределы ее исконного места в календаре.

Праздники комоедиц, праздновавшиеся около дня весеннего равноденствия, были известны как у славян, так и у древних греков; и так как они были связаны с плодородием и урожаем, имевшим для крестьян первостепенное значение, то отголоски этих праздников сохранились (и очень неплохо сохранились) и при христианстве. Так, например, в Белоруссии комоедицы

проводились обычно 24 марта, накануне православного Благовещения; и в честь этих праздников деревенские хозяйки пекли специальные «комы» из гороховой муки, а народ устраивал пляски в вывернутых мехом вверх одеждах в честь весеннего пробуждения медведя. Приурочивание же ко дню весеннего равноденствия христианского праздника Благовещения имело целью перекрыть древнее языческое празднество и уничтожить языческие «богопротивные» обряды и суеверия, такие, как «бесовские пляски», ряжение и т.п. Но обряды и обычаи сохранились, пусть и не в исконном виде; и поэтому церковь не могла не осуждать их. Так, например, уже в Кормчей 1282 г. (Кормчие книги — сборники церк. и светских законов на Руси с 13 в.) содержался запрет против тех людей, которые в день Благовещения «пред храмины своими, или враты домов своих, пожар (т.е. костер) запалившие, прескакают по древнему некоему обычаю».

БЛАЗНИК. блазень, блазнь, блазна — (от «блазить, блазнить» — «мерещиться, чудиться») привидение, призрак, галлюцинация; видение, которое по форме появления и проявления ближе всего к покойникам. Так, например, слово «блазнит» означало, что нечто (невидимое или неясное, расплывчатое) передвигается, издает звуки, мерещится: «Блазнит, ровно кто ходит в пустом доме у нас»; «Таперича долго блазнить да мерещить станет после такого гама и сутолоки»; «Умерший сын являлся отцу своему — блазнилось отцу-то»; «Тут, вишь, блазнит по ночам, нечисто. Сижу я без огня, вдруг что-то мне приблазнило. Никак вошел кто? Нет, это блазнит»; «Ему все мертвецы блазняются»; «Блазнит меня нечистый, в другой раз привиделся»; «Блазнь его в бане-то нашла»; «А как думали бежит, да все ведь блазник жа», и т.п.

По некоторым поверьям, людям больше всего «блазнит» с Николина дня (6.XII) до Крещения (6.1). В некоторых местах это объясняли тем, что в этот промежуток времени Сатана повелевает своим слугам ходить по земле и предсказывать людям их судьбу, «чтобы их больше любил народ».

БЛИЗНЕЦЫ — в народных верованиях — носители единой судьбы, воплощение двойничества, связанного со значением числа «два». Рождение близнецов у славян могло восприниматься и как положительное, благостное событие, и как несчастье, предвестие бед и горестей.

Представление о том, что появление близнецов в семье — плохой знак, было распространено во многих местах. Часто считалось, что рождение близнецов приносит несчастье не только всей семье, всему дому, но и всему селу; отворотить несчастье, по народному убеждению, могла только смерть одного из близнецов, так как считалось, что умерший при этом унесет с собой все несчастье, а оставшийся в живых избежит беды. Во многих местах крестьяне полагали, что двойня «не рождается к счастью», что «двойнята никогда не будут жить, — один обязательно умрет», либо, если родятся близнецы, «отец или мать умрет». Зачастую появление близнецов воспринималось как позор или как кара (считалось, например, что женщина может родить близнецов в наказание за то, что выгнала из дома нищего), наказание за какие-либо грехи и пр. Очень часто причиной рождения близнецов считали и нарушение каких-либо запретов: так, например, практически у всех славян беременной женщине запрещалось есть что-либо сдвоенное, сросшееся (плоды, яйца с двумя желтками и т.п.), перешагивать через рало или плуг, брать два валька для белья, класть хлеб в печь так, чтобы буханки могли слепиться и запечься, и т.п.; нарушение любого из этих правил могло повлечь за собой рождение близнецов. Те же последствия могло иметь и нарушение запрета на половую связь накануне больших годовых праздников: так, в некоторых местах считалось, что близнецы появляются в результате зачатия их в те дни, когда церковь запрещает супружескую близость, например, в канун «дедов» или больших годовых праздников.

Отрицательное отношение к близнецам было распространено довольно широко; но наряду с ним у славян существовали и представления о том, что близнецы появляются в семье к счастью, как знак расположения небес и т.д. Кое-где рождение близнецов воспринималось как знак удачи и благополучия для всего дома. Впрочем, при этом иногда верили, что добрым знаком является лишь рождение близнецов одного пола; а если на свет появятся близнецы разного пола, то счастья не будет ни им, ни окружающим, и вероятнее всего, один из близнецов или даже оба близнеца вскоре умрут.

Таким образом, к рождению близнецов в семье в разных местах могли относиться по-разному: и положительно, и отрицательно, и просто безразлично (в некоторых областях рождению близнецов удивлялись, как необычному явлению, но при этом не связывали с этим событием ни плохих, ни хороших предзнаменований). Однако при этом появление близнецов у домашнего скота повсеместно считалось добрым знаком, признаком того, что скот будет хорошо вестись и год будет урожайным. Коровам и овцам нередко даже специально давали сросшиеся плоды, чтобы у них рождались близнецы. В некоторых местах существовало еще поверье, что, когда во ржи обнаруживаются «спорыши», следует ожидать в доме двойню, и это

Блины

плохо; но если «спорыш» отдать овце, то близнецы родятся у овцы, а у хозяев их не будет никогда.

По-видимому, такое разное отношение к близнецам-людям и близнецам-животным объяснялось тем, что животные в народной традиции обычно не наделялись душой (во всяком случае, такой, как у человека). Появление двойни у коровы или овцы, безусловно, было для скотоводов радостным событием; и в близнецах-телятах они могли видеть знак благополучия и счастья. Но люди — дело другое, так как у них есть душа, которой каждый человек наделяется при рождении; соответственно, у каждого человека душа своя, она имеет свои особенности и свою судьбу. Но похожесть близнецов заставляла предположить, что и душа (судьба) у них одна; а это воспринималось как явление скорее плохое, чем хорошее.

Вера в общность души и судьбы близнецов сказывалась, например, в традиции называть близнецов близкими или почти одинаковыми именами (Драго и Драгица, Стоян и Стоянка, и т.д.), а также в запрете присутствовать одному из близнецов на свадьбе своего другого; в некоторых районах этот запрет распространяется также на похороны и поминки (считалось, что присутствие на этих ритуалах брата-близнеца покойника грозит ему неминуемой смертью). Вообще, в народе очень широко было распространено поверье, что смерть одного из близнецов может повлечь за собой смерть другого; по этой причине, в случае смерти одного из близнецов, исполняли обряд «раздвоения», «разделения душ». Обряды эти могли проходить по-разному: так, например, в некоторых местах для этого на пороге дома разрубали топором монету и затем половинку, упавшую на двор, зарывали в могилу умершего брата, а другую оставляли в семье; или брат-близнец умершего бросал в могилу желтый цветок, произнося: «Я тебе желтый цветок, а ты мне белый свет». В других местах при погребении одного из близнецов в могилу ложился побратим живого брата (сестры) и говорил: «Умерший тебе не брат (сестра), отныне я тебе брат (сестра)»; либо выбрасывал камень и говорил: «Отныне этот камень тебе брат». Подобные обряды в некоторых местах проводили не только над собственно близнецами, но и над людьми, им подобными: например, у сербов и болгар (а кое-где и у восточных славян) к близнецам нередко приравнивали двойняшек, а также «одномесячников» и «однодневок», т.е. детей, родившихся от одной матери или в одной семье (доме) в один и тот же месяц (день) или в один и тот же день недели. В случае смерти одного из таких детей с оставшимся ребенком проводили тот же обряд «раздвоения», что и с близнецами.

Кровная, единокровная связь близнецов была крепка и при этом очень опасна как для самих близнецов, так и для окружающих; но при этом эта же связь в народной традиции могла направляться на защиту от внешней пагубной силы — чумы, заразы, эпидемии, града, засухи и т.п. Например, в обряде опахивания села, проводимого для защиты скота и людей от болезней,

во многих местах обязательно принимали участие близнецы (как люди, так и животные): именно они опахивали село или тянули соху. Так, в некоторых местах считалось, что обряд опахивания будет иметь гораздо большую силу, если опахивать село будут братья-близнецы на черных близнецах-волах (или близнецы-девушки на близнецах-буйволицах). В других местах при опахивании села носили и потом закапывали в землю двух черных петухов одного выводка; такое онахивание часто сочеталось с обрядом добывания «живого» огня, причем нередко огонь добывали близнецы, пользуясь ралом, сделанным из двуствольного дерева. У западных славян для защиты от чумы и вообще мора применяли еще и такой обряд: две сестры-близняшки со схожими именами ткали за ночь обыденное полотно; одновременно совершалось опахивание села волами-близнецами и близнецами — братом и сестрой. Схожие обряды применялись и в тех случаях, когда требовалось вызвать дождь или защитить поля от бури и града: например, в некоторых местах хлебные поля для предотвращения града опахивались близнецами-волами или близнецами-телками, и при этом желательным считалось, чтобы пахали на них братья-близнецы или близнецы-сестры. При этом в подобных обрядах, по-видимому, нашло отражение представление о том, что близнецы имеют власть над погодой (поверье, не слишком распространенное у славян, но довольно часто встречающееся у других народов, например, у некоторых индейских племен Британской Колумбии; ср., например, обращение к дождю и ветру: «Утихни, ты, дыхание близнецов», а также поверье о том, что в детском возрасте близнецы могут движениями рук вызывать ветер, хорошую или плохую погоду и т.д.).

БЛИНЫ — обрядовое кушанье (его заменяли в некоторых местах различные виды хлеба, каша-кутья или зерно); своеобразное печенье, готовившееся на праздники, а по возможности, и в обычные дни. В старину, пожалуй, никакое другое блюдо русской кухни не могло сравниться по популярности с блинами. Блин сопровождал человека всю жизнь — от рождения (роженицу кормили блином) и до самой смерти (обязательное блюдо во время поминальных обрядов). Никто не знает, когда блины впервые появились на нашем столе, но известно, что они были ритуальным блюдом еще у языческих славянских народов, задолго до принятия христианства. Блинами и поминали покойника, и праздновали свадьбу, с той только разницей, что на поминках их подавали наперед всего, а на свадьбах после всего. Блины пекли на счастье, брали с собой в поле и т.д. Блины предназначались также душам умерших, суженому, первому встречному, пастуху, скоту, Христу, св. Власию, чучелу Масленицы, Морозу и др. Особое значение в народе имел горячий, первый блин и блин, испеченный последним, сухой, лежащий сверху в стопе, соленый блин.

БЛИНЫ

Символика блинов в народной традиции была тесно связана с представлением о смерти и потустороннем мире. Блины с давних времен посвящали умершим, символически кормили ими души предков, передавали блины на «тот свет» в гробу с покойником и т.д. Блины обязательно пекли на похороны и поминки как поминальное блюдо, посвящаемое умершим. В день погребения хозяйки ставили на стол кипу блинов, и старший из присутствующих мужчин разламывал первый блин и клал его на окно для покойника. На похоронах и поминках первый горячий блин, как и хлеб, не резали, а рвали на части и раскладывали на окнах, чтобы нарком от него питалась душа умершего. Блины иногда клали и на грудь умершему, или ему в гроб, на могилу. Блинами на могиле поминали умерших, а остатки их отдавали нищим странникам; при этом в некоторых местах на следующий день после поминовения еще приносили завтрак покойному, также оставляя блины на могиле. Блины традиционно пекли на девятый, на сороковой день и в последующие номинальные дни, а также в календарные поминальные («родительские») праздники: на Фоминой неделе (на «дедовую неделю», Красную Горку, Радуницу), в Дмитровскую субботу и т.д. Крестьяне верили, что от блинов, испеченных на «деды», «дедам пара идет» (т.е. покойники в этот день прилетают домой и питаются паром горячих блинов). Блины использовали и как оберег от мертвых, часто являющихся во сне: считалось, что для того, чтобы «мертвяк отстал», нужно с горячим блином сесть на порог и пригласить к себе умерших обедать.

Помимо погребальной обрядности, блины очень часто использовались в обрядности праздничной. Вообще, их могли печь на любой праздник как лакомое угощение: но в некоторые праздники приготовление блинов считалось не только желательным, но и обязательным, ритуальным. Блины в этом случае могли использоваться в самых разных обрядах; и само их приготовление могло символизировать собой некое священное действие.

Особенно важны были блины на масленой неделе. Блины на масленицу считались главным блюдом и повсеместным угощением; их подавали на стол в каждом доме всю масленичную неделю, во всякий день: и утром, и в полдень, а у доброй хозяйки и вечером, «хотя бы и холодные, да лишь бы с маслом» (так, по народным пословицам, «без пирога не именинник, без блинов — не маслена»; «Как на масляной неделе в потолок блины летели», «На масленицу на горках показаться, в блинах повалиться») и т.п.).

Первый блин на масленице посвящали обычно святому Власию или умершим; со словами: «Честные родители наши, вот для вашей души блинок!», этот блин клали «родителям» на слуховое окно, божницу, крышу или могилу, отдавали нищим в намять о предках или съедали за упокой усопших. В Прощеное воскресенье или в субботу с блинами традиционно ходили на кладбище «прощаться с родителями». Значительное

место занимали блины и в обряде «проводов зимы» и «встречи весны». Для таких обрядов изготовлялась обычно большая кукла Масленицы, которую выставляли на ярмарке или на площади, носили по деревне и т.д., а в конце праздника уничтожали («хоронили Масленицу»). Во многих местах в руки чучелу Масленицы обязательно вкладывали блин или даже сковородку для блинов.

С масленичными блинами традиционно связывались и обряды, исполнявшиеся на масленицу породнившимися семьями. Так, на «лакомки», то есть в среду «масленой недели», тещи приглашали «на блины» зятьев с женами; особенно этот обычай соблюдался в отношении молодых нар, недавно поженившихся (отсюда, собственно, и пошло выражение «к теще на блины»). Обычно в этот день «для удовольствия любимого зятя» собиралась на гулянье вся местная родня. А позднее, в пятницу на тещины вечера, уже зять угощал блинами тещу с тестем. По обычаю, зять и дочери звали старших «поучить их уму-разуму», и такое приглашение считалось для родителей великой честью, о нем обычно знали все соседи и родня; пренебрежение же зятя к этой традиции очень тяжело переживалось, осуждалось и грозило возникновением вечной вражды между ним и тещей. При этом угощение тещи блинами было весьма своеобразным: званая теща обязана была с вечера прислать в дом к молодым весь блинный скарб: таган, сковороды, черпак и даже кадку, в которой замешивалось тесто для блинов; тесть же присылал муку и кадушку с коровьим маслом.

Такое почитание и повсеместно использование блинов на масленицу было связано с тем, что блины издревле являлись символом солнца, и их изготовление и коллективное поедание отмечало победу дня над ночью, света над тьмой. Масленица была праздником «перелома года», временем, когда зима отступает, а весна вступает в свои права, солнце начинает светить ярче и греть сильнее, а дни становятся длиннее. Готовя блины, крестьяне как бы помогали весне и лету победить зиму, прогнать холод, тьму и смерть. В русских деревнях IX-X вв. использовались даже специальные круглые глиняные сковородки (диаметр 20 см) с зубчатыми краями и с прочерченным еще по сырой глине крестом, знаком солнца; они делались именно для выпечки масленичных блинов, и вся такая небольшая сковородка с ее лучистыми краями являлась как бы миниатюрной моделью солнца.

Помимо масленицы, блины пекли на Вознесение, называя их при этом «христовы онучи»). Блины были составной частью угощения на дожинках и в начале жатвы. Кроме того, блины традиционно пекли и на Рождество; например, их часто специально пекли для колядников. В некоторых местах первый блин в сочельник давали овцам от мора; или отдавали скоту остатки блинов и рождественской кутьи, чтобы скот не болел и давал большой приплод. Помимо этого, во многих местах под Рождество хозяин с кутьей и блинами выходил звать Мороз на ужин, полагая, что в

этом случае «сытый» мороз не тронет посевы и вообще будет милостив к людям.

Блинами угощали и на обручении, и в канун свадьбы; угощение блинами сопровождалось в некоторых местах символическими «похоронами» невесты или упоминанием покойника; невеста в это время должна как бы «умереть» как девушка, чтобы потом «воскреснуть» в новом качестве. После брачной ночи молодых кормили блинами, устраивали «блинный стол»; мать невесты присылала блины к выходу молодых из бани; теща угощала зятя блинами в конце свадьбы. С блинами (чаще всего на святки) девушки гадали о замужестве, используя первый или соленый блин, от которого откусывали все гадальщицы: с блином под мышкой, за пазухой или на голове выбегали или выезжали на кочерге на улицу и давали блин первому встречному мужчине, узнавая его имя; оставляли блин на перекрестке «жениху на вечеринку»; наступив на блин ногой, слушали на мусорной куче (откуда залает собака, оттуда и жених), и т.п.

С печением блинов в народной традиции был связан целый ряд бытовых предписаний и запретов, а также разнообразных магических приемов. Так, например, посторонним обычно запрещалось смотреть, как пекут блины, так как считалось, что в этом случае они «нс зададутся». Приготовление первой опары стряпухой должно было держаться в тайне даже от всех домашних, а уж тем более от посторонних, — иначе всю неделю «не будет ей давать покоя тоскадокука».

Сама опара для блинов нередко изготавливалась крестьянами особым образом: например, при ритуальном выпечении блинов некоторые хозяйки выходили вечером готовить опару на реку, озеро или к колодцу, другие готовили ее на своем дворе при свете месяца, и т.д. Кроме того, домовитые хозяйки-стряпухи, заведя блины, еще с вечера приговаривали над опарой: «Месяц, ты месяц, золотые твои рожки! Выглянь в окошко, подуй на опару!»; считалось, что у тех, кто не забудет сказать это, блины выйдут воздушные и вкусные. Выпекая первый блин на праздник (особенно в дни поминовения умерших), хозяйки нередко звали покойных родных прилететь есть его. Первый блин перед обедом во многих местах давали какому-нибудь молодому домашнему животному, а последний оставляли на сковороде и после обеда скармливали матери этого животного. Одолженную под блины сковороду у хозяек принято было возвращать не пустую, а с последним блином, причем держать ее не голыми руками, а сковородником, и т.д.

Вообще, каждая хозяйка имела свой рецепт приготовления блинов и держала его в секрете от своих соседей. Блины обычно пеклись большие — во всю сковородку или с чайное блюдце, тонкие и легкие. В старину блины пекли, как правило, из дрожжевого теста; и разновидностей их насчитывалось немало: гречневые, пшеничные, яшные, овсяные, просяные, гороховые, из пресного и кислого теста, из манной крупы, из творога

и т.д. Подобные блины изготавливались примерно по тем же рецептам, что и в глубокой древности.

В начале XX в. блины выпекались деревенскими хозяйками примерно следующим образом. При приготовлении блинов дрожжи обычно разводили в теплой воде, а затем постепенно добавляли молоко и муку, замешивали тесто, а затем покрывали кастрюлю полотенцем и ставили в теплое место. После увеличения опары в кастрюлю добавлялись все остальные компоненты, все тщательно перемешивалось и снова ставилось в теплое место. После того, как тесто поднималось второй раз, можно было печь блины, хорошо протопив печь мелкими сухими березовыми дровами, поддерживая равномерный жар. Сковороды для блинов брались особые, чугунные, небольшого размера (величиной с блюдце); они состояли из нескольких маленьких сковородок, сваренных вместе. Очень важно было, чтобы сковороды были абсолютно чистыми. Для этого их ставили на огонь, дно посыпали солью, прокаливали, а затем протирали сухой чистой тряпкой. После такой процедуры блины не прилипали к сковородам и легко отставали от их дна. Перед тем как вылить тесто на раскаленную сковороду, ее смазывали растительным маслом, либо несоленым салом. В качестве помазки использовали половину картофелины или чистую тряпочку, намотанную на вилку. Готовые блины укладывали стопкой, смазывая каждый сливочным или топленым маслом, и ставили в теплое место, чтобы не остыли; для этой цели существовала специальная блинница — большое керамическое блюдо с полусферической крышкой. К готовым блинам на стол подавали различные приправы: сметану, масло, яйца, лук, икру, мед, сметки и пр.

БЛУД, блудь — дух, сбивающий человека с дороги и заставляющий плутать в лесу. Блудом, блудью называли, как правило, нечистую силу, похищающую людей и скот или заставляющую их блуждать по лесу. Представления о блуде были связаны с повсеместно известным поверьем о том, что люди блуждают и теряются в лесу «нс своей волей», а их заставляет «блудить», «водит» какая-то нечистая сила обычно неопределенного облика или в образе людей-попутчиков, знакомых, родственников и т.п.

Согласно распространенным поверьям, в лесу обычно «водит» леший, которого в некоторых местах чаще всего и обозначали словом «блудь» (ср.: «Водит леший, водит блудь», «Лесовик скотину убирает да кормит травой и народ блудит», и т.п.). Так, в некоторых местах полагали, что леший обычно обитает в темной чаще, и в таком лесу непременно будет «блудить», будут теряться люди и скот. Но вообще, по народному убеждению, похищать людей или заставлять их блуждать в лесу могут самые разные нечистые духи: бесы, черти и пр.

Причины «блуждания», по народному убеждению, тоже могут быть различными. Так, например, часто считалось, что «блудить» будет человек, который ушел

Блуждающие огни

из дома без благословения или появился в лесу без традиционного обращения к лешему (по мнению крестьян, следует непременно «попроситься у хозяина», прежде чем входить в лес). Считалось также, что леший может увести человека, появившегося в его владениях в неурочный или в «недобрый» час; особенно же часто он «заводит» людей, злоупотреблявших спиртными напитками (ср. поговорку: «блуд водит пьяных»). Помимо этого, причиной «блуда» могло быть проклятие, наложенное на человека, или слишком шумное поведение в лесу.

Очень распространенной причиной «блуда» среди крестьян считался и «нечистый след»: по поверьям, леший и вообще нечистые духи оставляют за собой следы, и если человек наступит на такой след или перейдет его, то непременно заблудится (ср. быличку, записанную на Терском берегу Белого моря: «Я жила в Пялице в няньках. Хозяин с хозяйкой раз ушли ягель копать. Олени набежали к ним. Хозяин говорит жене: «Ты докапывай, а я пойду оленей посмотрю». Хозяйку оставил — хозяйка подождала; кричала — Ивана нет. И пошла домой — может, домой ушел. А нет его. Зачали его отворачивать. Видно, не на чистый след ступил: черт подхватил. Отворачивали. Жене и приснился сон: «Он будет принесен к окошку и показан в семь часов. Берите его в тот же момент!» Я стала с ребенком играть, а хозяйка пошла корову доить. Я с ребенком играю на полу. Смотрю: хозяин принесенный за окном! Так руки растянуты! А хозяйки нету — не ухватить. И опоздали. И когда из дома вышли — он уже на спичечны коробки разорван весь. И корову раз отводили. Корову привел — надо тую минуту брать, как говорено. Не взяли в тот же момент — на куски разорвало! Во как может блудь подшутить!»).

Для того, чтобы избежать блуда, в разных местах совершали различные защитные действия. Так, например, крестьяне, входя в лес, старались непременно «попроситься» у лесного хозяина или оградить себя от него молитвой и крестом. В некоторых местах совершали даже особый ритуал: так, в Сургутском крае женщины, отправляясь в лес за грибами или по другим делам, прежде, чем войти в лес, собирались на опушке вокруг «вожаты», которая три раза читала молитву, а остальные три раза повторяли «аминь», а затем, опять-таки три раза, хором кричали: «Бог на помощь!» — и лишь после этого расходились по лесу. Нередко также идущие в лес брали с собой различные обереги (луковку, чеснок, острые колющие предметы и т.д.).

Если человек все-таки заблудился, то должен был, по убеждению крестьян, вывернуть на себе всю одежду наизнанку и поменять местами обувь (правый лапоть одеть на левую ногу и наоборот); только так он мог избавиться от лешего. Помимо этого, считалось, что лешего, который «водит» человека, можно отогнать с помощью молитвы (особенно Воскресной молитвы) или, напротив, матерной брани.

Заблудившихся, обмороченных лешим людей разыскивали с особой осторожностью; так, в некоторых

местах советовали: «А блудящему человеку не кричи, ежели увидишь, тогда только кричи». Возможно, такие предосторожности были связаны с тем, что на крик могла отозваться нечистая сила и зовущий мог сам заблудиться, идя на крик, принадлежащий, по его мнению, потерявшемуся человеку.

Считалось, что «ответи», вернуть заблудившегося обратно могут колдуны или знахари, а также молитвы домашних и отслуженные определенным образом молебны. Иногда нечистая сила может дать знать, когда вернет похищенного человека или животное; однако если возвращенного никто не заберет, то нечистая сила возьмет его обратно или разорвет на части. Так, в одной быличке леший унес маленького ребенка; родители, желая вернуть дитя, обратились к колдуну, и тот, заколов, сообщил им, что леший принесет ребенка в полночь к родному дому; ночью леший принес ребенка, но родители, испугавшись, не вышли забрать дитя, и леший забрал ребенка себе. В другой подобной быличке нечистая сила увела корову; колдун по просьбе хозяев стал «отводить» корову и сказал хозяевам, что ее приведет ночью к порогу хозяйского дома и ее нужно забрать, но хозяева, боясь нечистой силы, не решились в нужный час выйти и забрать свою скотину, и корову «на куски разорвало».

БЛУЖДАЮЩИЕ ОГНИ, бродячие огоньки, блудячий огонь — разнообразные огненные явления в воздухе: метеоры, болотные огни, вообще непонятные огоньки, не греющие, мерцающие, появляющиеся по ночам на болотах, в лесах, на кладбищах, на древних курганах и пр.

В народных поверьях славян «блудячие огни» обычно служили свидетельством о присутствии душ умерших или каких-либо иных потусторонних сил и существ. Так, русские крестьяне верили, что огоньки, показывающиеся иногда на болотах или на могилах, на древних курганах или в «нечистых» местах, — это души особо грешных покойников, колдунов, «нехристей», либо души людей, умерших неестественной смертью и не нашедших успокоения. Подобные поверья были известны повсеместно: в Вологодской губ., например, полагали, что кладбищенские огни — это души грешников и еретиков, которых не пускают в рай; в Пермской губ. верили, что это души покойников, требующие от своих родных молитв и поминовения; в Костромском же крае считали, что огоньки «кажутся» там, где бросают предметы, оставшиеся после обмывания покойника. У всех славян было распространено поверье о том, что мерцающие синие или зеленые огоньки, похожие на свечи, нередко появляются на могилах самоубийц, утопленников, опойцев и удушенных, а также на могилах (или в местах смерти) убитых, погубленных людей и некрещеных, умерших при рождении или брошенных матерями младенцев.

Отношение к блуждающим огням в народе было двойственным. С одной стороны, блуждающие огоньки, «огоньки-свечки», во многих местах традиционно

Блуждающие огни

воспринимались не просто как непонятные, но и как «нечистые» и недобрые явления, проделки нечистой силы, к которым очень опасно приближаться. Само их появление могло служить дурным знаком. Их считали «дьявольскими огнями», при помощи которых недобрые духи увлекают путников в болота и лесные чащи, овраги и омуты. Русские крестьяне, например, утверждали, что блуждающие огоньки, появляющиеся на болотах, — это фонарики мертвецов (обычно — заложных покойников, людей, которые потонули в этом болоте), которые могут «завести» человека, если тот неосторожно последует за ними. У восточных славян бытовало поверье, что русалки по ночам нередко зажигают огни на прибрежных курганах, чтобы заманить к себе путников, а потом сбросить их с высокой кручи в водные пучины; схожие поверья существовали и у западных славян, которые считали, что синие огоньки, вспыхивающие иногда на болотах, в лесах, на кладбищенских курганах или высоких речных берегах, разводят русалки и некрещеные дети, которые таким образом заманивают к себе путников и сбивают их с дороги. Болгары верили, что болотник иногда бродит по краю своих владений и с помощью болотных огней заманивает к себе путников, а потом топит их в трясине. Во многих местах существовали также представления о том, что «блудячими огнями» шуты (черти) заманивают людей «для забавы»; что огни на болотах — от дьявола, увлекающего сбившихся с дороги путников, которых он затем душит; что бродячими огнями летают черти и огненные змеи; что бродячий огонек — это «глаз Кривого черта», и т.п.

Но с другой стороны, таинственные бродячие огни в некоторых местах считались не «дьявольским наваждением», а знаком невинно загубленных и даже особо праведных душ. Так, например, в Архангельской губ. говорили, что «огоньки на кладбищах суть знаки, даваемые от Бога людям, что те лица, на могилах которых они выдаются, скоро будут прославлены... Явление огоньков на кладбищах, особенно на раскольничьем в Кургоминском приходе, заставляет раскольников ожидать скорого явления мощей своих собратьев. Они если услышат, что такой-то крестьянин видел огонь на кладбище, то непременно придут к нему, подробно расспросят о местности, на которой показался огонек, и в заключение всех своих суждений выведут, что огонек показался на могиле такого-то старца-раскольника, всю свою жизнь не бывшего в еретической церкви и никогда не принимавшего еретического причастия». Схожие представления существовали и в других местах: например, крестьяне Владимирской губ., рассказывая о нечистом, заколдованном, проклятом моховом болоте, утверждали, что зажженные на трясине огоньки, которые многие мужики видели по ночам, — «то праведные души людей, нечаянно попавших в это болото... Душеньки их горят ровно свечки предьиконные, и жалуются Царю Богу Всемилоствому на свою смерть напрасную, преждевременную».

При всем при этом, блуждающие огни в народных верованиях традиционно связывались с кладами, спрятанными кем-то сокровищами; и по этой причине, считали ли их дьявольскими кознями или знаком Божиим, людей они притягивали к себе неизменно и повсеместно. Считалось, что клады, вышедшие из земли, часто являются свечами или «блудячими» огоньками («Увидел, что в поле ровно свечка теплится... А это верная примета — клад там, значит, запрятан»); такие огоньки, по народному убеждению, показываются обычно начиная с сумерек и до полуночи и выглядят, как огненные язычки, непрестанно меняющиеся в цвете (от белых до синих). По народному убеждению, тот, кто увидит такой огонек, должен немедленно «зачураться» (т.е. сказать: «Чур, чур, свято место, — чур Божье да мое»; если этого не сделать, то клад, по поверью, уйдет в землю на большую глубину), и тогда ему останется только вырыть клад на том месте, где он увидел огонек.

Преданий о сокрытых богатствах, обозначенных таинственными огнями, у всех славян (как и у других народов) существовало множество. Например, в Архангельской губ. говорили, что «блуждающие огоньки, к которым боятся подходить, в лесу, на кладбищах, в заповедных рощах, где были прежде поселения, или разрушенные строения, вообще же на холмах — показывают клады, о которых поверье сохранилось в народных преданиях доселе». На Новгородчине считали, что «огонек-свечка» может появляться там, где убитый некрещеным младенец (дух-кладовик) сторожит подземные сокровища. Крестьяне Гродненской губ. рассказывали, что на одном из кладбищ в сумерках часто появлялись бело-голубые мерцающие огненные язычки; местные жители считали, что это показывались зарытые шведами деньги, но из опасения осквернить кладбище их никто не решался выкопать. В Костромской губ. полагали, что огоньки, появляющиеся на древних курганах, указывают на зарытые в них сокровища. Схожие предания существовали и в других областях России, ср., например: «(На месте клада) часто видали и видают огни, которые то сдвигаются через значительное расстояние один к другому, то опять раздваиваются» (Вятская губ.); «Огни показываются сиянием из-под земли, или с блеском золота; так, будто бы горят на местах кладов воскуяровые свечки, стоят золотые петухи, кажутся золотые карты...» (Архангельская губ.); «Огоньки на кладбищах, болотах — клады, которым миновал срок заклатья, п они ищут счастливого человека, чтобы перед ним сначала оборотиться в какое-нибудь животное белой шерсти и потом рассыпаться в деньги, если нашедший ударит по кладу» (Орловская губ.), и т.п.

Возможно, поверья об огоньках-кладах были непосредственно связаны с верой в то, что «блудячие огни» являются душами умерших, в первую очередь, — нечистых покойников (нередко превращающихся в нечистую силу: ср. представления о происхождении русалок, леших, водяных и пр.); отсюда и поверья о

Богатство

том, что огоньки кладов обычно показываются на древних курганах, на кладбищах или в глухих, часто «нечистых» местах по вечерам и ночью (т.е. во время особой активности нечистых духов). Представления же о том, что клады сторожит нечистая сила, и в первую очередь, — заложные покойники, были известны повсюду. Так, например, в Вологодской, Новгородской и многих других губерниях существовало представление о том, что хозяева кладов, особенно богатые и жадные скряги, после смерти бродят вокруг места, где спрятан клад, и сторожат его. Наряду с этим, существовало и множество преданий, рассказов и быличек о нечистых духах, охраняющих клады и старающихся навредить людям, нашедшим сокровища (ср. хотя бы былички о людях, отправившихся искать клад и угловивших во власть нечистой силы, став подневольными сторожами этих самых кладов).

Вероятно, именно эти опасности, исходящие от злых духов и поджидающие кладоискателей, и нашли отражение в представлениях о том, что, хотя блуждающие огни и указывают места, где покоятся клады, подходить к ним чрезвычайно опасно. Так, например, согласно уральским поверьям, «огоньком-свечкой» показываются преимущественно клады, зарытые с недобрými пожеланиями или проклятиями тому, кто откопает сокровище: «Как только изойдет срок заклать, бес тотчас и подсунет эту казну какому-нибудь отпетому молодцу. За этот клад бес не держится, а сейчас же постарается сбурить его; знает, что он не пройдет даром. Кто достанет такой клад, тот в добре не бывает: иль-бо умрет в одночас, иль-бо с кругу сопьется, иль-бо в напасть попадет какую. Этот клад показывается свечкой, ничем другим. Если случится, ночной порой, в поле, в степи ли, в лугах ли — все единственно — увидеть теплоющую свечку, то крестись, батенька, и твори молитву, да скорей беги прочь. Это заклый клад, душу твою уловляющий».

БОГАТСТВО — множество, обилие, изобилие имущества, денег и пр. Для крестьян богатство означало в первую очередь обилие скота (ср. связь значений «скот» и «имущество»; «скотница» — казна) и урожая, земных плодов, а также золота, серебра, денег и пр. Древнейшими символами богатства были шерсть, мех (овчина, мохнатая шуба, пряжа и т.п.), волосы, зерно, муравьи, пчелы, капли воды (дождь), земля (горсть земли) и др. предметы с общим признаком множественности.

Пожалуй, для всех за редчайшим исключением людей богатство было (и остается и поныне) желанным, но труднодостижимым явлением еще и потому, что оно всегда было относительным: каким бы богатым ни был человек, ему постоянно хотелось большего, особенно если поблизости находился кто-то более богатый, чем он сам. Богатство не только позволяло меньше работать и лучше жить, оно также давало уважение, более высокое положение в обществе и шанс приумножить достаток. Естественно, что каждый тем

или иным, честным или нечестным способом старался обрести и приумножить свое богатство.

Добыть богатство можно было разными способами: упорным трудом, различными ремеслами, торговлей, а также воровством, хитростью и пр.; но подобное удавалось не всем, не всегда и не сразу, поэтому многие в отчаянии прибегали к самым разным магическим способам, полагая, что это даст результат более быстрый и надежный. Например, символом богатства традиционно считались деньги, золото и серебро, и поэтому существовало немало обрядов для обретения богатства с использованием различных монет, а также золотых и серебряных предметов. Так, чтобы стать богатыми, русские умывались в Великий четверг водой, в которой лежали золотые и серебряные вещи или монеты, а также трясли кошельком или хватались за монеты, либо бросали горсть земли через голову при появлении молодого месяца, при куковании кукушки в канун Юрьева дня или при первом куковании, при первом прилете аиста, первом громе и т.п. Считалось, что если увидеть справа от себя только что народившийся месяц и показать ему хоть медную копейку, то деньгам «перевод не будет». По народным приметам, найти монету, пусть даже мелкую, — это к счастью и богатству. Выщербленные деньги, по русским поверьям, обещают прибыль, и потому их непременно нужно хранить в кошельке. Чтобы не лишиться богатства, деньги старались не отдавать и не давать в долг вечером, в большие годовые праздники и по понедельникам (чтобы не таяли, как воск, в течение всей недели).

Помимо денег, во многих народных обрядах, гаданиях и приметах о богатстве традиционно присутствовали также мотивы шерсти и зерна. Например, зерно с древнейших времен служило признаком достатка и богатства, поэтому крестьяне осыпали им избу, различные сакральные предметы и людей в самые важные и торжественные моменты (ср., например, обычай на Рождество осыпать зерном ритуальное полено бадняк; осыпать друг друга зерном в самый Новый год; посыпать зерном избу во время свадьбы, на святки и т.д.). Считалось также, что богатство приносит мех, волосы, пряжа и вообще все, что мохнато, а не «голо»; поэтому людям с волосатым телом обычно предсказывали богатство. По древнему обычаю, хозяйка в сочельник надевала овчинный тулупчик шерстью наружу и рукавицы, когда сажала в печь и пекла «крачун» (обрядовый пирог); крестьяне объясняли это так: «Чтобы быть богатым, крачун не надо брать голой рукой и надо надевать гуно». С теми же самыми представлениями о шерсти были связаны и народные гадания. Так, например, на Русском Севере на Крещение гадающие заходили в баню или овин и обнажали какую-либо часть тела, полагая, что, если банник (овинник) прикоснется к голому телу мохнатой («шоснатой») мягкой рукой, жизнь у гадающего будет богатая, если же жесткой и голой — бедная. На Украине на святках совершали похожее гадание: гадающие ходили в хлев «лапать» (шупать) в темноте корову, считая, что

Богатство

прикосновение к рогам предвещает бедность, а к мохнатуму заду — богатство.

В народной традиции богатство нередко связывали с «небесными водами», очевидно, как с явлением, без которого невозможен урожай. Так, например, дождь, неожиданно начавшийся во время свадьбы, означал благословение, плодородие и богатство. Во время первого дождя в некоторых местах принято было звенеть монетами, чтобы их прибавилось. Тихий дождь, привидевшийся во сне, обещал земледельцу выгоду и прибыль, а сильный дождь с градом, громом и бурей сулил убыток богатым, но совершенный успех в делах бедным. Дожди на Благовещение и в мае считались предвещающими хороший урожай, а потому и сулящими богатство.

Во многих местах считалось также, что богатство могут предвещать и «притягивать» т.н. «двойчатки» (близнецы), которые поэтому старались хранить в доме или носить с собой: считалось, например, что снесенное яйцо с двумя желтками приносит богатство дому, двойной колосок, найденный на поле, обеспечивает обильный урожай, а ношение в кошельке ореха с двумя ядрами дает богатство его владельцу. Помимо этого, по народному убеждению, богатство и изобилие предвещали муравьи, появившиеся около дома или в доме, и черные тараканы, которых поэтому при новоселье переносили в новый дом и внимательно следили, чтобы они не исчезли (считалось, что это предвещает пожар или бедность). Вообще, любых тараканов крестьяне старались никогда не изводить совсем, и только выносили из избы «лишних», для чего хозяйка в одной рубашке трижды «объезжала» верхом на помеле избу, приговаривая: «Гребу и мету лишних тараканов и посылаю их за богатством».

Чтобы из дому «богатство не уплыло», избу также «объезжали» на ухвате или кочерге в Чистый понедельник утром натошак. Кроме того, в одной избе разными вениками не мели (а то «богатство по углам разойдет»). Для сохранения богатства старались в определенные дни и время суток не давать займы некоторые предметы и продукты: например, не давали закваску из дома в Великий четверг, чтобы с ней не ушло богатство; когда в доме была толока (коллективные работы), не одалживали огня, чтобы с ним не ушло благосостояние (ср. название огня — «багатец»), и т.д.

Кое-где считалось еще, что богатство может быть наградой за скромность и воздержание, поэтому земледельцы в начале пахоты и сева ели одно только толокно с квасом, чтобы разжалобить землю бедностью и таким образом обеспечить богатый урожай.

Множество обрядов для обеспечения богатства совершалось у славян при беременности и рождении ребенка. Например, женщины во время беременности, желая, чтобы их ребенок был богатым, не брали ничего займы и никому не давали в долг. После рождения ребенка его послед закапывали и осыпали зерном, а самого младенца клали на шкуру или вывороченный

мехом наружу тулуп; на таком же тулупе его потом носили в церковь на крещение и сажали при последнем кормлении ребенка грудью, надеясь всем этим обеспечить ему безбедное житье. Принято было еще класть новорожденному деньги под подушку, чтобы он всегда жил в достатке. Иногда монету клали и в пеленки младенца, которого несли крестить; но при этом часто считалось, что в этом случае будет окрещена монета, а не младенец, и в результате ребенок будет очень богат, но душа его попадет в ад.

Традиционно обряды, обеспечивающие богатство, приурочивались и ко времени свадьбы. Большая часть таких обрядов при этом связывалась, опять-таки, мехом, шерстью и деньгами, а также с зерном. Например, для того, чтобы молодые жили богато, отправляя в церковь, их сажали на шубу; и даже в самое жаркое время, снаряжая невесту к венцу, родные надевали на нее шубу, чтобы «ей жить в приволье». С собой молодые на свадьбе традиционно носили деньги, чтобы не испытывать в них недостатка в семейной жизни. Практически повсеместно молодых на свадьбе также осыпали зерном и деньгами чтобы они никогда не испытывали голода и нужды.

Подобные обряды, обычаи и поверья, должны обеспечить достаток и благополучие в доме, были широко распространены у всех славян; но они, конечно, не обеспечивали непременно успех и неожиданное обогащение. Однако при этом у всех славян существовали поверья о том, что любой человек может внезапно разбогатеть, применив особые «тайные» обряды или просто оказавшись в нужное время в нужном месте.

Так, например, белорусские поверья гласили, что богатство бедняку может принести добрый дух Белун, который бродит среди спелой ржи с сумой на шее и предлагает встречным утереть ему нос; если человек выполнит его просьбу, из сумы посыплется богатство, а Белун исчезнет. С этим поверьем перекликаются общеславянские представления о кладах: так, например, русские полагали, что клады иногда выходят из земли и бродят в человеческом или животном обличье; кто распознает оборотня и ударит его наотмашь, тот разбогатеет, так как оборотень немедленно рассыплется деньгами. Клад можно было обнаружить и другими способами, но это считалось делом трудным и опасным, потому что кладоискатели старались обычно раздобыть какие-либо чудесные предметы, помогающие в поисках клада. Считалось, например, что богатым и удачливым станет тот человек, который сможет добыть цветок папоротника: он сможет видеть все тайное и явное, в том числе и спрятанные под землей клады.

Надежным способом разбогатеть считалась в народе и сделка с какими-либо сверхъестественными существами; однако такая сделка обычно грозила человеку адскими муками после смерти, поэтому решались на нее далеко не все. Поверья гласили, что если заключить договор с нечистыми духами, они потребуют себе человеческую душу, но взамен будут носить человеку

деньги и все, что он пожелает, научат его колдовать и укажут, что делать, чтобы обрести богатство. Так, например, считалось, что колдуны и ведьмы бывают богаты оттого, что они посредством нечистой силы или злых заклинаний отбирают урожай с чужих полей, молоко у чужих коров и достаток соседей. Про иных зажиточных мужиков рассказывали, что они заключили договор с домовым, и тот носит им богатство с чужих дворов (вообще, среди крестьян считалось, что без домовика в доме и селе богатства не будет; а если домовая любит хозяев, то богатство само придет). Во многих местах существовало также поверье о том, что иногда колдуны или даже простые люди выводят из петушиного яйца змея-василиска (хованца), который таскает им деньги, еду и пр. Ближе к этому поверью стоит и представление о том, что к одиноким девкам и вдовам летает огненный змей, оборачивается человеком и носит им деньги и гостинцы; но при этом женщина, к которой летает змей, вскоре умирает, а богатство ее пронадеет неведомо куда. Вообще, считалось, что большим богатством владеют многие нечистые духи — черти, змеи, дворовые духи и пр.; однако отобрать у них это богатство трудно, почти невозможно, и решаются на это только колдуны и лихие люди.

БОГИНКИ — у западных славян женские демонические существа, подобные босоркам, вештицам, марам, русалкам и пр. Главной их функцией считалось похищение и подмена детей.

В быличках и поверьях богинки описывались обычно как старые безобразные женщины с большими головами, отвисшими грудями, вздутыми животами, кривыми короткими ногами, черными клыкастыми зубами и длинными ногтями, похожими на когти (т.е. они фактически повторяли облик «страшных» северных русалок, чертих или кикимор); нередко им, как нечистым духам, приписывались хромота и кривизна (ер., например, поверье о Лихе Одноглазом или представление о том, что черт часто бывает хромым, а у Бабы-Яги «костяная нога»). Изредка богинки также представлялись в облике молодых и милостивых бледных девушек с распущенными волосами (подобных восточнославянским русалкам); но в общем такой облик был для них не характерен.

Как и многим другим нечистым духам, ботинкам повсеместно приписывалась способность к оборотничеству. Так, например, во многих местах считалось, что они могут появляться в облике различных (и особенно «нечистых») животных — лягушек, собак, кошек (обычно черных), змей и др. Часто считалось также, что богинки могут иногда становиться невидимыми, показываться как тень и т.д.

Происхождение богинок (так же, как и русалок) обычно связывалось с за ложными покойниками. Так, например, по народному убеждению, в богинок превращаются иногда роженицы, умершие до совершения над ними обряда ввода в костел, а также похищенные ботинками дети, девушки и женщины; кроме того,

ботинками могут стать души погибших (особенно «нечистой» смертью) женщин и девушек, избавившихся от плода или убивших своих детей, а также души женщин-самоубийц, клятвопреступниц, женщин, умерших при родах, и др.

Местами обитания богинок считались обычно пруды, реки, ручьи, болота, трясины, реже — овраги, норы, ямы, провалы, пещеры, лесные чащи, поля, горы. Согласно народным поверьям, появляются богинки чаще всего по трое или больше, реже — в одиночку. Являются они обычно либо ночью (в полночь), в сумерках, вечером, либо в полдень, либо во время ненастья, бури; но вообще, увидеть их (как и русалок) можно и в другие часы, в любое время дня и ночи.

Былички рассказывают о встрече людей с ботинками в лесу, в поле, а чаще всего — у воды, где они стирают белье и детские пеленки с громкими ударами вальков; или танцуют, купаются, плещутся в воде, прядут пряжу или расчесывают свои длинные волосы. Помешавшего им человека они гонят и бьют, иногда могут даже убить его или наслать на него болезнь. Кроме того, иногда они специально заманивают к себе прохожих, зазывают их к себе, а потом топят их в реке или омуте, затанцовывают до смерти; или сбивают людей с пути и заводят их в болото, глухую чащу и т.д. Нередко они посещают беременных женщин и рожениц и манят их, зовут с собой, очаровывают их голосом, взглядом, а затем похищают их, уводят в свои вертепы (после чего женщины тоже превращаются в богинок). У рожениц богинки могут также похищать детей, подменивать их, подбрасывая на их место своих уродцев; похищенных же детей они потом превращают в нечистых духов.

Помимо этого, богинки нередко мучают людей по ночам, давят и душат их, сосут грудь у детей и мужчин, насылают на детей порчу, пугают и губят скот на пастбищах. Кроме того, как и русалкам, богинкам иногда приписывалась страсть к лошадям: считалось, например, что богинки очень любят ездить на лошадях, что они гоняют коней по полям (иногда так, что те потом оказываются все в мыле), заплетают им гривы и т.д.

БОГОРОДИЦА, Богоматерь, Матерь Божия, Пресвятая дева Мария — в христианской традиции наименования девы Марии, иудейской девственницы, в результате непорочного зачатия родившей Иисуса Христа. Имя «Богородица» было известно у всех славян; при этом оно часто заменялось или дополнялось эпитетами типа «Пречистая», «Пресвятая» и т.п., что должно было подчеркнуть ее особую чистоту и святость в глазах всего христианского мира.

О происхождении и детстве Марии каноническое евангельское повествование не говорит ничего; да и вообще, сведения в нем о Марии чрезвычайно скудны. Источником же данных, воспринятых позднее литургической, иконографической и фольклорной традициями, явилось раннехристианское предание из

Богородица

апокрифа «Книга о рождении Марии» (позднее получившего название «Первоевангелие Иакова Младшего»), а также многочисленные тексты, восходящие к этому первоисточнику.

Согласно этой традиции, Мария происходила из мессинского «колена» Иуды, из царского рода Давида; ее родители — праведники Иоаким и Анна — долгое время не имели детей, и наконец, уже в пожилом возрасте, их молитвам ответили — ангел возвестил им о зачатии дочери, которое свершилось в Иерусалиме, где и родилась Пресвятая Дева, нареченная Марией. Девочка росла в обстановке особой ритуальной чистоты; с трех лет она воспитывалась при храме, а к 12 годам дала обет вечного девства. Однако совершеннолетняя девственница не могла оставаться при храме, и ей начали подыскивать супруга, который охранял бы ее, не прикасаясь к ней и уважая ее обет. Из нескольких кандидатур, по чудесному знамению (горлица, вылетевшая из посоха), был выбран престарелый Иосиф Обручник. В его доме Мария жила, работая над пурпурной пряжей для храмовой завесы; а затем произошло благовещение, когда архангел Гавриил возвестил Марии, что ей предстоит стать матерью мессии, и обещал, что она зачнет от духа святого, без нарушения девства (начиная с этого момента, события описывались в каноническом евангельском повествовании, лишь детализируемом апокрифической версией). Вскоре беременность Марии стала явной, и огорченный Иосиф лишь из жалости не хотел опозорить ее публичным обвинением; но ночью Иосифу явился ангел и убедил его в невиновности его «обручницы».

Из-за проводившейся переписи населения Иосиф и Мария вынуждены были перед самым сроком родов отправиться в Вифлеем, на исконную родину колена Давидова. Для усталой с дороги роженицы не нашлось места в гостинице, и приют ей дал чужой хлев, где она спокойно и безболезненно родила Христа и положила его в ясли. В эту ночь, согласно легенде, ее и младенца навестили пастухи, видевшие удивительное знамение, и волхвы, приведенные чудесной звездой. На сороковой день после родов Мария явилась в храм для ритуального очищения, а также посвящения богу Иисуса, как первородного сына иудейской семьи; в храме она встретила Симеона Богоприимца, узнавшего и восславившего мессию.

Позднее, спасая младенца от царя Ирода, Мария и Иосиф вынуждены были бежать в Египет, где и пребывали до смерти Ирода. Далее евангельские канонические тексты отмечают участие Марии в паломничестве на праздник пасхи в Иерусалим, во время которого двенадцатилетний Иисус исчез, а затем был обнаружен Марией и Иосифом в храме. Потом упоминается присутствие Марии на свадьбе в Кане Галилейской, где по ее просьбе Христом было совершено чудо превращения воды в вино; с точки зрения христианской традиции, это чудо «открыло бесконечный ряд милостей, из века в век оказываемых Христом по молитвам Марии, «ходатаицы», «молебницы» и «заступницы»

за людей во всех их нуждах». При этом отношения матери и сына в преданиях описывались «в тонах сурового, строгого отречения сына от природной любви матери во имя исполнения его миссии». Как православная, так и католическая традиции предполагали физическое или духовное присутствие Марии во время страданий ее сына (например, встреча с ним во время несения креста на Голгофу); евангельское предание говорит, что она стояла «при кресте Иисуса», и, умирая, он велел матери усыновить своего «любимого ученика», которого церковное предание отождествляет с Иоанном Богословом. По православной и католической традиции, после своего вознесения Христос прежде всего явился Марии (хотя новозаветные тексты об этом не упоминают).

О дальнейшей судьбе Марии известно мало. По некоторым православным преданиям, Мария вместе с апостолами отправилась проповедовать; по жребию ей выпала Иверия (Грузия), однако ангел вместо этого указал ей путь на Афон (которому предстояло стать мировым центром православного монашества, местом особого посвящения Марии). По другой, более распространенной версии, Мария тихо жила в доме Иоанна Богослова, проводя время в молитвах и за рукоделием, а также посещала места, имеющие особое отношение к истории жизни Христа. Незадолго до смерти ей вновь явился архангел Гавриил, предвещавший ей скорое приятие в «небесную славу». За успением (т.е. разлучением души с телом) Марии последовало ее чудесное воссоединение с ее сыном Иисусом и, по некоторым представлениям, уход воскресшего тела в потусторонний мир (апостолы, раскрывши гробницу для запоздавшего Фомы, нашли ее пустой).

Со времени утверждения в славянских землях христианства Мария чрезвычайно почиталась всеми славянами. Простые крестьяне видели в ней милостивую заступницу, оберегающую людей от всякого зла, бед, нечистой силы, напастей и страданий; ее считали милостивой и отзывчивой небесной заступницей всех нищих, убогих и обиженных. Молитвы ей возносились столь же часто, как и самому Господу Богу; к ней взывали и в общественных молениях, и в народных заговорах. На основе апокрифов и древних преданий о ней слагали множество легенд и поверий, воспевая ее милость, доброту, веру и отзывчивость. Например, у всех славян были известны легенды о том, что Богородица иногда извлекает из ада не слишком больших грешников и позволяет им войти в царство Божие. Например, сербы верили, что из свечей, поставленных перед иконой Богородицы за упокой души, Пречистая Дева плетет сеть, которую один раз в год (по многим поверьям — на Пасху) забрасывает в ад и вытаскивает оттуда души тех, кто «отстрадал» свои грехи. На Украине женщины, вытаскивая коноплю из воды, бросали по течению одно перевясло конопли, полагая, что Богородица из такой конопли прядет нитки и делает сеть, при помощи которой вытаскивает из адских вертепов не слишком грешные души. Ближе к этим

Богородица

представлениям стоит и болгарское поверье о том, что все грешные души в аду раз в году — от Страстного четверга до Троицы — освобождаются от мук по просьбе Богородицы. Подобные легенды были, по-видимому, основаны на апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», а также на апокрифе «Сои Пресвятой Богородицы», который практически у всех славян использовался в виде амулета и носился на шейном кресте.

Дева Мария была очень любима народом; однако при этом народный культ Богородицы весьма отличался от церковного. Фактически, иногда обряды и поверья, связанные с Богородицей, носили скорее языческий характер, и объяснялось это, по-видимому, тем, что культ Богородицы наложился и со временем слился с культом древних языческих богинь — Макоши и рожаниц. Поэтому многие функции, присущие этим богиням, в народном сознании перешли на Деву Марию и с годами прочно закрепились за пей.

Например, как богини-рожаницы, так и Макошь были, фактически, воплощением Богини-Матери, прародительницы всего живого; поэтому они считались покровительницами плодородия, ведающими человеческими судьбами. Богинь-рожаниц люди почитали еще во времена неолита, в охотничье-рыболовецкую эпоху, когда еще не существовало богов как таковых, по уже развивались представления о духах природы и о двух небесных хозяках мира, породивших и людей, и животных, и все, что есть на земле. С появлением земледелия их облик как бы слился воедино, и появилась еще одна богиня — Мать-Земля, Великая Богиня-Мать, олицетворение земли-кормилицы, оплодотворяемой небом и дарующей людям земные плоды («Богородица — великая мать сырая земля есть»). Все эти богини были очень важны для земледельцев, ведь именно от их милости зависел урожай, а следовательно, и благополучие людей, их жизнь или смерть (отсюда представление о том, что рожаницы и Макошь, подобно языческим Мойрам, ведают судьбами людей). И все эти представления народная традиция, пусть и с некоторыми искажениями, передала новому персонажу, возникшему и утвердившемуся на месте старых богинь, — матери Богочеловека, Спасителя.

У всех славян с Девой Марией связывалось множество самых разных обрядов и поверий. Например, Богоматерь традиционно считалась покровительницей всех женщин, и особенно рожениц, что, без сомнения, обуславливалось мотивом материнства Матери Божией и этимологической связью слов «Богородица» и «роды». Поэтому знахарки и повитухи, принимавшие роды, традиционно обращались к Деве Марии с заговорами и молитвами о благополучном разрешении родов. Например, у сербов при родах традиционно обращались к Богоматери с молитвами о помощи и при этом иногда омывали водой икону с изображением Богоматери, а потом давали пить эту воду роженице, полагая, что от этого она легко и быстро разрешится от бремени. Кроме того, чтобы облегчить роды, в Сербии

женщину на сносях порой заранее опоясывали веревкой, которая перед этим провисела в церкви у иконы Богоматери целую ночь. Бесплодные женщины в Сербии (да и в других местах тоже) на коленях молились перед иконой Богородицы, иногда проводя в молитвах долгие часы, а порой также соскребали с иконы немного краски, растворяли ее в воде и пили, полагая, что это помогает зачатию младенца. У болгар сразу после родов повитуха с молитвой кадила вокруг роженицы и ребенка, а также вокруг молодых (чтобы они тоже рожали), и затем переламавала обрядовый хлеб со словами: «Ну, святая Богородица, у кого нет — пусть будет, а у кого есть, пусть повторится»; обрядовый пирог, выпекаемый в Болгарии сразу после родов, обычно называли «богородична пита». У восточных славян беременные женщины нередко носили при себе в ладанке на груди апокрифический текст «Сон Богородицы», полагая, что он помогает при трудных родах. Вообще, повсюду у славян был известен обычай молиться Богородице, ставить в церкви свечки у ее иконы и обращать к пей многочисленные заговоры и молитвы с целью благополучного зачатия и разрешения от бремени.

Помимо этого, Богородица традиционно считалась и покровительницей детей, их заступницей на этом и на том свете. Считалось, что она охраняет малышей от всякой беды, кормит грудью осиротевших или забытых матерями младенцев, а также уносит души усопших детей в царство Божие и передает на попечение ангелов. Русские крестьяне полагали, что мать, «заспавшая» своего ребенка, должна несколько ночей подряд одна замаливать свой грех и молиться Богородице о прощении; тогда, по поверью, в первую ночь Богородица покажет ей ее ребенка, целиком покрытого кровью, во вторую ночь — покрытого кровью только наполовину, и в конце концов, полностью очищенного и готового войти в райские сады. Кстати, подобные рассказы в народе могли звучать и несколько иначе: так, по одной из северорусских быличек, когда мать, заспавшая свое дитя, стала молиться ночью в церкви, перед ней появились бесы, которые показали ей кричащего и окровавленного ребенка, пытаясь выманить се из очерченного мелом на полу круга; как продолжалось несколько ночей, и в последнюю ночь мать увидела, как сама Богородица взяла очищенного молитвой матери ребенка и забрала его в светлый рай.

Наряду с роженицами и детьми, под особой защитой Богородицы находились, по народному убеждению, и молодые «заневестившиеся» девушки. Девы, вошедшие в брачную пору, молились ей о ниспослании им хороших и добрых женихов, а невесты, выдаваемые замуж насильно, против их желания, молились Пречистой Деве о защите и покровительстве. Например, на Руси в праздник Покрова едва ли не каждая девица, желающая выйти замуж, считала своим долгом пораньше (желательно — раньше других) поставить свечу Богоматери и помолиться ей о скором и удачном браке.

С культом Богородицы у южных славян был связан ряд легенд и поверий, а также запретов в предрождественский период, когда «Богородица мучилась Христом». Например, у боснийских сербов не принято было петь в Сочельник, а женщины в некоторых районах Македонии на святки не занимались женским рукоделием, чтобы не оскорбить Богоматерь, ожидающую приближение родов (ср. также восточнославянский запрет расчесывать волосы или пряхть в пятницу, чтобы не «исколоть» и не оскорбить Параскеву Пятницу — еще одну святую, культ которой наложился на культ Макоши).

С Богородицей и рождением Христа в народе связывались также и некоторые представления о «святых» и «нечистых» деревьях и животных. Например, в болгарских колядках часто встречался мотив проклятия, наложенного Богородицей на ясень, осину и на кукушку: Богородица искала в лесу чистое место для люльки с новорожденным Христом и нашла золотой граб, благословила его и повесила люльку; все деревья при этом поклонились Богородице и Богомладенцу, кроме ясеня, и Мария прокляла его, как прокляла и осину (болг. трепетлика) за то, что та продолжала трепетать и шелестеть листьями, когда все деревья замерли, и кукушку, которая продолжала куковать, когда все птицы почтительно замолчали. Аналогичные легенды встречались также и в сербском и македонском фольклоре, а также у восточных славян: например, по одной из восточнославянских легенд, осина была проклята Богом за то, что она отказалась укрыть Богородицу и новорожденного Христа, когда те убегали от преследования, или за то, что она дрожанием своих ветвей выдала Марию с младенцем Христом, прятавшихся под ней во время бегства в Египет. На основании подобных же легенд благословенным деревом поляки считали березу, которая укрыла Богоматерь и Христа от непогоды. Даже происхождение некоторых растений в народной традиции связывалось с Богородицей: считалось, например, что чудесная плакун-трава, «всем травам мати», выросла из слез Богородицы, пролитых во время крестных мук Христа.

В связи с тем, что культ Богоматери в народной традиции сближался и сливался с культом Матери-Земли, многие обряды, относящиеся к севу, жатве и пр. и связанные с мотивом рождения, плодоношения и изобилия, неизменно сопровождались обращением к Пречистой Деве. Например, в Забайкалье, да и в других местах, принято было перед началом сева зажигать свечи и трижды возносить молитву Богоматери, так как считалось, что только в этом случае земля даст хороший урожай. Повсюду у восточных славян встречались и обряды выноса запрестольного креста и иконы Богоматери в поля, обход с ними крестьянских дворов, народные моления об урожае и т.д.; ср., например, обычай в первый день Пасхи выносить икону Богородицы в крестьянские дворы, когда икону Богоматери ставили в лен и сыпали ей «в глаза» горсть

овса. Кое-где схожие обряды совершали на Благовещение, например, клали освященную просфору в семенной овес и при этом молились: «Мать Божия! Гавриил Архангел! Благовестите, благоволите, над урожаем благословите: овсом да рожью, ячменем, пшеницей и всякого жита сторицей!». При этом существовало еще поверье, что на Благовещение Богоматерь сама засеивает поля, а ей помогают святые и даже сам Господь.

Богородице традиционно молились и для оберега домашних животных. Например, в некоторых местах в дни особого разгула нечистой силы к Богородице обращались с молитвами и заговорами, чтобы защитить коров от нападения ведьм и бесов, ср., например: «Если не закрыть корову в стойку с иконой Богородицы, а двор не обойти с воскресной молитвой и не закрыть с нею все ворота, корову обязательно испортят, и она начнет доиться кровью» (старообрядцы Забайкалья, празднование Ивана Купалы). К Богородице обращались с молитвой и в день первого выгона скота в поле.

Народное почитание Богородицы было связано с т.н. «богородичными праздниками» — Благовещением, Рождеством Пресвятой Богородицы, Введением во храм Пресвятой Богородицы, Успением Богородицы. При этом в некоторых местах такие праздники назывались именем Богородицы и соответствующим сезону или хозяйственному периоду эпитетом: «Травяная», «Посевная» и т.п. Каждый такой праздник был связан со своей легендой о жизни Пречистой Девы и сопровождался своими обрядами. А помимо собственно богородичных праздников, у восточных славян, и особенно у русских, принято было праздновать также дни памяти прославленных икон Богоматери — Казанской (8.VII), Смоленской (28.VII), Владимирской (23.VI), Тихвинской (26.VI) и др. Эти праздники относились к страдной поре летних крестьянских работ, а праздник иконы Казанской Богоматери — к грозовой поре лета, времени окончательного созревания ржи.

С именем Богородицы в народе сближались и некоторые другие большие праздники. Например, крестьяне многих мест верили, что на Пасху Богородица ходит по земле; а в некоторых местах полагали также, что Богородицу можно увидеть и в другие праздники, когда она появляется между людьми и следит за тем, как соблюдаются обряды и обычаи. Кроме того, у белорусов и украинцев существовали легенды о том, что Богородицу можно увидеть плачущей перед каким-либо несчастьем — войной, голодом и пр.

БОЖИЧ — (серб.-хорв. Божий, Vozic, словенск. Vozic, болг. Божич, макед. Божик) рождественский персонаж южнославянской мифологии, часто упоминаемый в рождественских колядках наряду с различными символами (златоторгий олень, ворота, свинья, огонь) и обрядами, обозначающими начало весеннего солнечного цикла. Он соотносился с молодостью (ср.

Болезнь

серб. Мали Божий), Рождеством, Новым годом и обычно противопоставлялся Бадияку как молодой год старому: так, у сербов, кроатов и далматинцев сочельник, канун Рождества, называли «бадний день» (от слова «бадняк»), а самое Рождество именовали Божий.

При христианстве название Рождества — Божич — соотносилось с сыном Божиим, новорожденным божественным младенцем. Но Рождество лишь перекрыло известные у всех древних славян-язычников празднества, приурочивавшиеся ко дню зимнего солнцеворота и посвящавшиеся возрождению, обновлению солнца, небесного огня. Так что под Божичем исконно, по-видимому, понималось само солнце, в этот день возрождающееся к жизни. На это указывают и символы, в колядках упоминаемые вместе с Божичем. Так, например, сербскую колядку: «Божий, Божий бата, на обоја врата, носи киту злата, да позлати врата», — можно понять так: «новорожденное Солнце стучится в небесные врата и, отверзая их, позлащает восток блестящим утренней зарей». Златорогий олень, выступавший как символ Божича, издревле олицетворял собой движущееся по небу солнце, а его рога уподоблялись солнечному сиянию.

С «воскрешением солнца» (или «поворотом солнца на лето») были, по-видимому, связаны и представления о том, что в полночь накануне Рождества сходит с неба и путешествует по земле новорожденный Бог, и в это время отверзаются небесные врата, воды в реках и источниках оживают, превращаются в вино и получают целебную силу, на деревьях распускаются цветы и зреют плоды (кстати, схожие представления были известны и другим народам: так, по немецким преданиям, в период зимнего солнцеворота растворяется небо, светлые боги нисходят на землю и благословляют воды и растения; там, где они шествуют, воды превращаются в вино, а деревья — в розмарин). Зимний поворот солнца «на лето», обновление небесного светила означало скорое возрождение природы: с этого дня как бы уже начиналось пробуждение земли от зимней спячки. И земледельцы, радуясь возрождению светила, а с ним и возрождению жизни, верили, что уже в этот день новорожденное солнце даст им знак о скором наступлении благодатной летней поры.

Вообще, поклонение солнцу обычно выражалось в поклонении божеству, его олицетворявшему: этому божеству пели хвалу и приносили жертвы, его старались умилостивить и задобрить. Скорее всего, этим божеством, которому посвящался праздник солнцеворота, был Дажьбог (восточнослав. Дажьбог, южнослав. Дабог или Дајбог, западнослав. Дас'бог), первоначально — бог солнца и солнечного света, а позднее также и бог — податель всех благ, «дающий бог». У восточных славян сохранилось даже предание о том, что осенью Дажьбог умирает, а зимой, 24 декабря, с поворотом солнца «на лето», рождается (или, вернее, возрождается) новый, молодой. И Дажьбог вполне мог дать название празднику солнцеворота, хотя полное

его имя (ни в названии праздника, ни в песнях) при христианстве, конечно, не сохранилось, осталась лишь вторая часть.

Есть и еще одна причина полагать, что Божич и Дажьбог — это одно и то же божество. Как известно, Божичем сербы и другие южнославянские народы называли Рождество; а во времена соперничества славянского язычества с византийско-варяжским христианством Дажьбог в известной мере сопоставлялся с Иисусом Христом. Когда христианство стало проникать в славянские земли, языческим жрецам, помимо разрушения храмов, различных запретов и пр., необходимо было противопоставить ему равнозначную религиозную категорию. В том виде, в каком христианство некогда преподносилось язычникам, на главное место в нем был поставлен библейский ветхозаветный творец мира, бог-отец Саваоф, а на втором месте стоял бог-сын, Иисус Христос; о святой Троице, совершенно непонятной язычникам, упоминаний еще не было; Мария же была обрисована как женщина, воплотившая Слово Бога и родившая Сына Бога. В известном соответствии с этим и был в свое время создан Пантеон Владимира; в нем христианскому Богу-отцу соответствовал Стрибог (который олицетворял небо и поэтому мог быть назван и Сварогом, т.е. «Небесным»), Богу-сыну — Дажьбог (олицетворение солнца, сын небесного божества, Сварога или Стрибога), а Матери Божией — Макошь (богиня плодородия).

БОЛЕЗНЬ — в представлении крестьян — почти всегда результат действия демонов болезней, нечистой силы и сверхъестественных сил вообще. Так, например, по народному убеждению, все душевные и лихорадочные болезни вызывают или насылают демоны (девы-лихорадки, бесы, черти и т.д.) или колдуны и ведьмы; кроме того, многие болезни посылает людям сам Бог — «в наказание или для вразумления».

Согласно народным поверьям, «на всякую болезнь полагается особый дух, и каждый из них имеет свой вид»: так, лихорадки в быличках и рассказах обычно являются в виде белых бабочек, оспа — в виде лягушки, корь — в виде ежа и т.д. При этом демоны человеческих болезней в поверьях выступали преимущественно в антропоморфном виде, чаще всего — в женском обличье, реже — в мужском или неопределенном (неясная фигура, смутная тень, некто страшный) Болезни же вообще нередко являлись и в зооморфном облике, принимая вид собаки, кошки, медведя, свиньи, мухи, паука, бабочки, мыши, змеи, ящерицы, лягушки и т.д. (ср., например, представление о том, что коровья смерть проникает в деревни под видом какого-нибудь животного, чаще всего — кота или собаки, а иногда и в облике коровы, входя в село вместе со всем стадом). Болезнь могла являться в птичьей облике или в облике существа, схожего с птицей и гадом одновременно: так, в некоторых местах верили, что болезнь (оспа, мор, чума) летает в виде утки со змеиной головой и хвостом; является огромной и

черной птицей, летающей по ночам и машущей крыльями над домами, насылая болезнь; прилетает черным вороном и т.д. В народных поверьях демоны болезни могли также представляться паром, туманом, воздухом, мглой, облаком, дымом и т.д. (ср. поверье, что болезнь может войти в человека вместе с ветром, дыханием, водой); могли оставаться невидимыми или показываться тенью, и т.п.

Антропоморфные демоны болезней могли иметь вид цыганки, цыгана или вообще чужеземца, жителя соседнего села, незнакомого человека, родственника и т.д. Сами же болезни в поверьях обычно имели вид молодых девушек или женщин с длинными волосами, либо старых и уродливых баб, часто бледных, худых, костлявых, нередко — очень высоких, даже огромных, или, напротив, маленьких, сморщенных. В соответствии со своей демонической природой, они могли иметь длинные руки, когти, оскаленные зубы, огненные глаза; могли быть кривыми (одноглазыми), хромыми, горбатыми, лохматыми, крылатыми, легкими, как перо, или очень тяжелыми; могли иметь клюв, бычью голову, индюшачьи лапы, козы или коровьи копыта, хвост и т.п. В рассказах некоторые болезни появляются с косой в руках (облик их в этом случае практически повторяет облик Смерти); с луком и стрелами; со списком своих предполагаемых жертв; с платком (обычно красного или белого цвета), сеющим заразу; иногда — в сопровождении злых духов или «нечистых» животных (например, филинов, сов, летучих мышей, черного кота и пр.). Сея вокруг себя мор, болезни обычно обходят села пешком или ездят в колеснице (на телеге, с цыганским табором и т.д.), летают по воздуху (в вихре, туче, с бурей, на летучих мышах, на облаке), разъезжают на повозках торговцев (ср. распространенный сюжет о том, как мужик подвозит в село женщину, которая оказывается болезнью), и т.д.; могут они ездить верхом и на человеке: считалось, например, что иногда болезни подкарауливают какого-нибудь путника, вскакивают ему на спину и он вынужденно приносит их с собой по разным деревням и городам.

В принципе, в народных поверьях каждой болезни (и особенно болезням опасным, тяжелым и «моровым») приписывался как свой собственный облик, так и свой способ передачи заболевания. Так, например, лихорадки в народных рассказах обычно описывались либо как соблазнительной наружности женщины, воздействующие на людей с помощью чар или заражающие их своим поцелуем, либо как злые, худые, безобразные и оборванные простоволосые существа, набрасывающиеся на прохожих, либо как древние старухи, которые ходят в лаптях и стучат по ночам в окна своей клюкою: кто отзовется на их стук, к тем они и «пристают». Оспе в некоторых местах представляли в виде безобразной женщины с воловьими пузырями вместо глаз и с ядом на языке: «как только она оближет кого-то своим языком, так тотчас же этот человек заболевает оспой». Моровым болезням нередко приписывался облик женщин, одетых в красные

или белые платья и держащих в руках белые или красные (огненные) платки: по народному убеждению, размахивая этими платками, они распространяют заразу (ср. распространенный сюжет о том, как Морючая дева в красном платье ездил на мужике по деревням и махала по сторонам огненным платком, заражая всех вокруг страшной болезнью). Поветрия также часто представлялись молодыми девушками, иногда простоволосыми и облаченными в белое (так, жители одной из деревень Пензенской губ. рассказывали, что у них как-то была повальная болезнь, пущенная в колодцы девкой, и многие видели, как по зорям приходила какая-то неизвестная девка, доставала из колодцев воду, нашептывала и выливала обратно в колодцы, а когда эту девку ловили, она всегда исчезала, как дым).

В народной традиции иногда одна болезнь могла представляться в виде множества демонов, ходящих по двое, по трое или в количестве 7, 9, 12, 16, 27, 40, 77 и т.п. При этом в народных поверьях многие болезни могли находиться между собой в родственных отношениях (так, например, лихорадок исконно считали сестрами) и даже иметь детей (так, у чумы и оспы в некоторых народных рассказах есть ребенок). Многие болезни поверья даже наделяли собственными именами, как правило, в соответствии с симптомами, вызываемыми данной болезнью: так, например, лихорадок в народе обычно именовали Тресея, Огня, Ледея, Гнетя, Глухя, Ломея и пр.

По народным поверьям, все болезни (или вызывающие их демоны) обитают либо на краю света (там, где «земля сходится с небом»), за морем, на краю земли, за горами, опоясывающими мир), либо в адских подземных вертемах, либо где-то недалеко от людей, как правило, у воды (ср. представления о воде как вместилище нечистой силы), вблизи источников, в болотистых местах, прудах, колодцах, или в пустынных местах, непролазных и глухих лесных чащах, колючих кустарниках, вблизи старых деревьев, в пещерах, оврагах, ямах и провалах, т.е. во всех тех местах, которые в народе считались местом обитания нечистой силы.

Из этих-то мест, по народному убеждению, и приходят болезни. Явившись к людям, они либо сразу нападают на человека или на скот, либо проникают в дом, чаще всего — в непокрытые сосуды, где и живут какое-то время, пока не представится случай проникнуть в кого-нибудь. Ночью они могут давить человека, дышать на него отравленным дыханием, садиться на грудь спящим и т.д., вызывая этим заболевания. В некоторых местах существовало даже поверье, что всякий человек во сне бывает одержим различными болезнями (по некоторым поверьям — как наказание Божье), которые, однако, проходят сами собой, если больной проснется вовремя; но если человек, претерпевая во сне недуг, будет разбужен прежде его окончания, тогда он немедленно и непременно заболевает той самой болезнью, которая посетила его во сне.

Обычные поверья связывались в народе с наиболее опасными болезнями, вызывающими мор, эпидемии. Считалось, например, что такие болезни никогда не приходят сами, но завозятся приезжими людьми; в село они обычно проникают верхом на человеке (оседлавая его, например, при переправе через реку, на перекрестке и т.д.). Придя в село, болезни иногда останавливаются на окраине и расспрашивают о месте жительства своих жертв; или ходят по селу, помечая одни дома красными буквами, а другие — черными. Нередко они окликают под окнами хозяев по имени или смущают их громким плачем и поражают болезнью тех, кто откликнулся или выглянул в окно.

Главной причиной возникновения болезней в народе считалось воздействие на человека мифологических персонажей. Это воздействие, по народному убеждению, чаще всего является наказанием за нарушение запретов, регламентирующих взаимоотношения между ними и человеком (например, за причинение вреда этим духам или за непредусмотренные контакты с ними, за вторжение в место их пребывания, повреждение их деревьев, за называние болезней их настоящими именами и т.п.), или запретов на определенные виды работ в праздники (за что человека могли наказывать также боги или святые). Так, например, крестьяне верили, что различные болезни (лихорадку, ломоту в суставах, горячку, бессонницу и пр.) на человека может наслать лесной или полевой дух за то, что человек шумел и непочтительно вел себя в лесу или в поле, снал в неполюженном месте (например, на меже или на перекрестке), в неполюженное время (на закате солнца, на Русальной неделе) и т.д. Болезни в наказание за грехи, посылаемые как нечистыми духами, так и святыми или самим Богом, могли преследовать и людей, работавших на Благовещение, на Пасху или в другие великие праздники.

Вообще, появление многих болезней, и в особенности болезней эпидемических, считалось обычно наказанием Божьим за грехи; существовало даже предположение о том, что редкая болезнь случается с человеком без ведома Господа. Недаром многие славянские названия болезней заключали в себе понятие о карающем божестве (ср., напр., чешск. *bogina* — оспа; *Boza gapa* — язва, чума; *bozj Bic* или *Boza moc* — падучая, бешенство; *Boza ruka* — паралич). В некоторых местах существовало даже поверье, что все болезни живут между небом и землей, в доме из железа и стали, за медными дверями и за 12 замками с наложенными на них Богом печатями, а ключи от этих замков хранятся у дьявола; когда же Господь прогневается на какого-нибудь человека, то посылает ангела выпустить одну из болезней, и ангел, прилетев к дому болезней, снимает печати, а дьявол отпирает дверь и выпускает болезнь, которая, по указанию ангела, поражает согрешившего человека и идет с ответом к Богу, а после этого ангел снова запирает ее в доме болезней и накладывает на замки печати.

Но все-таки гораздо чаще, чем с Богом, происхождение болезней связывалось с дьяволом и нечистой силой (это, кстати, нередко объясняли тем, что когда Бог отступает от грешников, они попадают в распоряжение дьявола). Во многих местах крестьяне придерживались убеждения, что все болезни находятся в непосредственном подчинении у дьявола и пребывают у него в аду; причем дьявола нередко признавали даже отцом всех самых опасных болезней (или даже вообще всех болезней), полагая, что по этой причине такие болезни и являются самыми трудными, опасными и зачастую неизлечимыми.

Способность вызывать разного рода недуги приписывалась всей нечистой силе (как собственно демонам болезней, так и другим злым духам) повсеместно. Нечистая сила (ведьмы, колдуны, лешие, русалки, водяные, бесы, черти и пр.) могла насылать различные болезни не только в наказание за прегрешения, но и просто так, в силу своей природы. Например, ведьмам и колдунам, по убеждению крестьян, вовсе не требуется причина, чтобы наслать болезнь или порчу на скот, на кого-либо из соседей или даже на совсем посторонних людей (ср. представление о том, что ведьмы нередко посылают порчу по воздуху, «на кого попадет»); они делают это только потому, что этого хочет их повелитель — сатана, дьявол. При этом иногда считалось, что нечистые духи являются виновниками только психических и нервных болезней (тина «беснования»), иногда — еще и повальных, моровых, а иногда — и вообще любых болезней, как самых легких, так и наиболее тяжелых. Некоторые народные названия болезней прямо свидетельствуют, что многие из них прежде прямо отождествлялись с нечистыми духами (ср., например: стрел — черт и стрелы — колотье; чёмор — дьявол и чемер — боли в животе, голове или пояснице; худоба (сухотка), худая болезнь (сифилис) и худой — злой бес; черная немочь (наралич), черная смерть (мор) и черный — эпитет нечистого духа; лядеть (лядаший, бессильный) и ляд — черт («Ну те к ляду!»); ворогуша (лихорадка) и враг — ворог, дьявол).

Насылание нечистой силой болезней могло происходить по-разному; но наиболее распространенной причиной заболеваний у крестьян считалось проникновение демона болезни в человека. При этом в народе бытовало мнение, что наиболее часто болезни проникают в тело человека во время сна, еды или питья, либо будучи невидимыми, либо в виде некоторых пресмыкающихся, земноводных и насекомых, чаще всего — в виде змей и ящериц, лягушек и жаб, червей, бабочек, мух и т.п. (ср., например, сюжет о мужике, который заболел оттого, что проглотил муху; или сюжет о человеке, которому в рот во время сна заползла змея, которая и вызвала боли и недомогания). Все эти создания в рассказах и быличках осознавались как воплощение духов болезни; причем болезнь могли также вызвать их укусы, прикосновения и т.д. (так, по поверью, колтун образуется от прикосновения летучей мыши к волосам; заболеть можно, если случайно проглотить

кошачий волос; болезнь вызывает дыхание или слюна ласки и т.п.). Из-за возможности проникновения в тело человека злого духа в народе повсеместно советовали соблюдать некоторые правила: не спать с разинутым ртом (чтобы змея или другой гад не мог заползти в него), прикрывать рот во время зевоты (чтобы злой дух не влетел в него мухой), креститься во время питья (чтобы с водой не проскочил внутрь черт), не зевать во время молитвы (в одном рассказе дух проник в женщину именно в этот момент: «Начала я перед сном молиться Богу, да три раза и зевнула. Только на четвертый раз рот открыла, слышу, зажуужало что-то с правой стороны, как все равно муха, да прямо в рот и улетело. Я проглотила, вскрикнула и с той минуты со мной что-то как будто подеялось»), и т.д. Нарушение этих правил, по мнению крестьян, и влекло за собой различные болезни, вызываемые вселившимся в человека демоном болезни.

Согласно народным поверьям, злые демоны-болезни, войдя в человека, поселяются у него внутри — в жилах, внутренностях, животе, волосах и т.д. Известны также поверья о том, что иногда нечистый дух, демон болезни, может войти и в отдельную часть тела человека: «войдет он в губу — губа вздуется, в руку — рука отнимется, в ногу — отнимется йога». Но чаще болезни, проникнув в человеческое тело, захватывают его целиком и постепенно иссушают и изнуряют больного, вызывая своим присутствием падучую болезнь, сумасшествие, кликушество, лихорадку и прочие заболевания. Если же болезнь вовремя не удалить из человека, то она так и останется в больном, сведя его, в конце концов, в могилу. После смерти больного (или после изгнания недуга) болезни обычно либо возвращаются в места своего постоянного обитания, либо сразу же переходят жить в другого человека или животное. Так, например, у крестьян считалось, что если человек перейдет дорогу перед гробом умершего от болезни, то болезнь непременно войдет в него: поэтому о внезапно захворавшем иногда говорили, что он «покойника перешел».

Большим разнообразием отличались способы насылания недугов у различных нечистых духов, не являющихся собственно демонами болезней. Так, например, во многих местах происхождение различных болезней приписывали тому, что больной перешел след нечистой силы (ср. представление о том, что самые серьезные болезни происходят от перехода через след лешего) или повстречался с нечистой силой (обычно в июле или на дороге) и та «опахнула» его своим духом. Особенно опасными в этом отношении! считались перекрестки дорог, любимое местопребывание «пострела» (одного из видов нечистого духа), а также вообще дороги и околицы; поэтому крестьяне советовали обязательно креститься в этих местах, полагая, что иначе непременно заболит голова и ноги, будет ломить спину и т.д. От подобных дьявольских проделок люди не были защищены даже в доме: так, например, крестьяне Орловской и Костромской губ. верили, что у того, кто пройдет ночью босиком по полу, неизбежно случится кашель, так как он почти наверняка попадет на

след домового, имеющего привычку всю ночь бегать по хате и играть со своими детьми или заниматься домашними делами.

Другим распространенным способом пасы линия болезней, свойственным практически всем нечистым духам, считался вихрь. Так, по народному убеждению, бесы и черти (или даже сам сатана), а также лешие и прочие стихийные духи часто принимают вид сильного ветра или вихря и носятся по дорогам и перекресткам; и если человек не успеет убежать и вихрь пройдет сквозь него, то неосторожный путник непременно получит тяжелую болезнь, умрет или сойдет с ума (ср., например, быличку: «Наш мужик ехал из города, едет это, с товарищами, глядь, вихрь находит. Мужик-то и скажи: «Ой, братцы, как бы этот вихрь с меня шапки не снял». Сказал так-то, вихрь как налетит, шапку-то ему и сбил. Ну, приехал мужик домой, да и залежал. Жена его бежит ко мне: «Бабушка Марфа, мужик мой залежал, как бы не от глазу?» Ну, я пришла, глянула: «Нет, — говорю, — это вихрь нашел, а не от глазу: от глазу — коверкает, а тут так, — лежит себе, да и все». Ну, я наговорила, и ничего, — полегчало»). Кроме вихрей и ветров, болезни могли причинять также туманы, росы, ядовитые испарения, возникающие при затмении солнца, лунный свет и т.д.; но практически во всех быличках и поверьях, описывающих подобные случаи, также прослеживается влияние нечистых духов (подразумевается, что это сама нечистая сила насылает ядовитые туманы, отравляет росу и пр.).

Вообще, хотя в народе и считалось, что многие болезни происходят от нечистых духов, часто оставалось несным, какой именно дух и каким именно образом наслал болезнь. Поэтому многие случаи списывались просто на самого вероятного в данном случае духа: так, например, если болезнь случилась в лесу, считалось, что виноват в ней леший, если в поле — полевой дух, а если в доме — домовый или дворовой. Орловские, новгородские и вологодские крестьяне многие болезни непонятного происхождения приписывали воздействию «подшута», или «поглума» (т.е., фактически, все того же черта). Если заболевание произошло ночью («сделалось с ночи»), то это почти всегда считали проказой домового или дворового («Домовой хозяин подшутил»), который ночью иногда наваливается на спящих, садится на грудь, давит и душит (вызывая иногда этим серьезный недуг), сильно и больно щиплется, отчего на теле остаются синяки (т.н. «ночной щипок»), и даже «надыхает спящему в самый рот», отчего у человека появляется чахотка, сильный кашель и боли в горле (ср. выражение «Это ему нечистик надыхал»). Насылание кашля нередко приписывали и еще одному ночному духу — полуночнику; считалось, что он, пользуясь оплошностью человека, перед сном забывшего перекрестить свой рот, в самую полночь подкрадывается к нему и дует ему в рот, и с этого момента у человека начинается особый сильный кашель (отличительная черта этого кашля та, что он с вечера бывает сильнее, нежели утром или днем).

Многие серьезные недомогания и болезни крестьяне приписывали также тому, что человек пил воду в неурочное время и без соблюдения определенных предосторожностей (не перекрестившись и т.д.). Так, например, одна орловская крестьянка так описывала момент своего заболевания: «Встала это я, в полдень, у ручья в наклонку, не перекрестилась да и пью. Вдруг как юркнет мне что-то в самую серединку, так вот сразу и вступило». Вообще, у крестьян часто считалось, что чох, насморк, а иногда и водянка бывают у тех, кто ночью пил воду, не перекрестившись и из неприкрытого сосуда, так как, по поверью, если воду на ночь ничем не прикрыть, она приобретает вредные свойства оттого, что туда нахаркают и наплюют нечистые духи; а кроме того, и сам нечистый дух может забраться в такую воду и потом, понав вместе с ней в человека, вызовет тяжелый кашель или какое-нибудь бурное желудочно-кишечное заболевание (так, деревенские бабы урчание в животе объясняли тем, что «это недобрый усожил, вот он и рычит, хочет выйти, да не может»).

В некоторых местах воздействию нечистого духа, черта, приписывали даже травмы, возникающие при работе. Так, например, крестьяне верили, что черт прибегает к самым разным уловкам, чтобы вызвать болезнь: то под видом лошади отдавит в ночном ногу заспавшемуся парню; то толкнет кого-нибудь или «попутает» какого-нибудь человека нанести удар другому так, что тот упадет и сломает руку или ногу или отхватит себе топором палец; то опустит в бочку вина особую, запойную каплю, обладающую удивительным свойством: выпивший ее или запьется до смерти, или начнет пить запоем, и только в исключительных случаях, по особой милости Божией, эта капля не приносит вреда и пропадает даром — бутылка с водкой лопається.

Фактически, все болезни в народном сознании связывались с понятием судьбы. Если человеку суждено заболеть (в наказание за грехи и т.д.), то он непременно заболеет, что бы ни делал; и если ему суждено умереть от болезни, то он обязательно умрет, кто бы и как бы его ни лечил. Разделение болезней на два вида — «не к смерти» и «к смерти» — было известно повсеместно. Поэтому в народе существовало множество примет, по которым можно было узнать, выживет ли больной или вскоре умрет. Так, например, крестьяне считали, что если больной внезапно вздрогнет, это знак, что ему заглянула в очи Смерть; если больной говорит о конях или дороге, он скоро «уйдет»; если собака доедает за больным пищу (или тесто, которым специально мазали больного), то больной выживет, а если нет — погибнет; если больной трудно чихнет — будет жив; если чашу после больного вылили на пса и тот не стал облизывать себя, а «вострясся, как болза трясет», значит, больной скоро скончается, и т.п.

Конечно, над больным человеком не только гадали, его пытались и лечить, и при этом зачастую применяли не только собственно лечебные приемы (лекарства, мази и т.п.), но и различные обряды, символизирующие изгнание или уничтожение болезни (т.е. демона,

вселившегося в человека и вызвавшего болезнь). Обряды производились обычно над самим больным человеком или над его субстанциями (кровью, потом, волосами, ногтями), а также над его вещами и предметами, которые считались носителями болезни (например, над одеждой, меркой больного, над растениями, плодами, предметами, которыми дотрагивались до больного места, ит.п.).

Наиболее типичными способами избавления от болезни у славян были: очищение огнем (в том числе окуривание, высекание огня над больным и т.п.) или водой (купание, обливание), т.е. символическое сожжение или смывание болезни; выбрасывание или удаление болезни (вещи больного относили за границы села, спускали по воде, забрасывали в отдаленные места); передача болезни другому человеку, животному, растению или предмету (болезнь символически подбрасывалась на дорогу, скамливалась скоту, забрасывалась на дерево, передавалась дереву с водой и т.п.); отправка болезни «на тот свет» (для этого вещи больного подкладывали в гроб к умершему); закапывание болезни в землю, развеивание ее по ветру и т.д. Нередко болезнь также старались отпугнуть (шумом, битьем посуды, криком и пр.), задобрить (символическим кормлением и т.п.), обмануть (притворяясь мертвыми, прячась в подполье или в бане, изменяя облик больного и т.д.), уничтожить (символически забив ее, утопив и т.д.) или оскорбить (при помощи обрядового обнажения, иногда — матерной брани и пр.). Во всех этих случаях нередко использовались заговоры, содержащие все те же мотивы отгона болезни, ее задабривания или же оскорбления (брань, проклятия и угрозы). Кроме того, иногда больного человека символически заменяли на здорового (для этого использовали обряды «вторичного рождения», «продажи», переименовывания и пр.).

Существовало в народе также и множество профилактических обрядов, которые должны были отогнать от людей и скота различные болезни. К таким обрядам, например, относился обряд опахивания села, когда женщины ночью проводили вокруг села глубокую борозду, считая, что ее не сможет пересечь дух болезни. В качестве профилактической меры против болезни использовались также обереги и молитвы, которые носили с собой или держали в доме. Помимо всего этого, от болезней могла, по мнению крестьян, уберечь и «праведная жизнь» (ср. представление о том, что праведных, святых людей болезни, как и все нечистые существа, боятся и никогда не приближаются к ним): так, например, чтобы не навлечь на себя гнев Божий и не заболеть, крестьяне повсеместно соблюдали запрет на работу в праздники, обязательные посты и пр.

БОЛИ—БОШКА — в сказках и поверьях дух леса, живущий преимущественно в ягодных местах, особенно «на клюкве да бруснике». Согласно поверьям, выглядит он обычно как большеголовый, неуклюжий, одетый в старую, рваную и кое-как залатанную одежду

старичок; про него нередко говорили, что он «весь измозделый, карла, квелый, как палый лист», у него «птичья губа, востренький носик, сам рукастый, а глаза не то печальные, не то хитрые-хитрые».

Заметив человека, Боли-бошка выходит навстречу и просит помочь ему найти утерянную сумку или еще что-нибудь; однако на его уговоры поддаваться ни в коем случае нельзя, сколько бы он ни умолял. Считалось, что если человек уступит ему, то немедленно начнет думать о потере, смотреть по сторонам, наклоняться, искать, а в это время Боли-бошка вскочит на шею, голову петлей стянет и будет водить по лесу; от этого у неосторожного путника голова разболится, он заблудится и может даже вовсе пропасть.

БОЛОТНИК, болотняник, болотяник, болотный, багник — злой дух, появляющийся на болотах; разновидность водяного. В принципе, болотниками нередко называли и различных мифических персонажей, обитающих в болоте, вообще всякую болотную нечистую силу неопределенного, расплывчатого облика. Так, «болотные хозяйка» в народных воззрениях нередко смешивались с лешими, водяными, чертями и бесами.

Согласно народным поверьям, собственно болотник (дух болотных топей) выглядит как седой старик с широким желтоватым (как болотная вода) лицом или как человек с длинными руками, покрытым серой шерстью телом и длинным крючковатым хвостом (фактически, это образ водяного беса или черта). Нередко болотника описывали точно так же, как водяного; так, например, в некоторых быличках он имеет вид голого старика, покрытого тиной, черного человека, одетого в болотные растения, и т.п. Вообще же, болотника, даже более, чем водяного, считали склонным к оборотничеству, полагая, что он может принять такой вид, какой захочет, например, облик путника, монаха, знакомого и пр.

Обиталищем болотника, в общем, считалось все болото; «болотник всему болоту хозяин». Излюбленными его местами считались обычно трясины и глубокие омуты, особенно заросшие травой и на первый взгляд кажущиеся зеленой лужайкой. В некоторых местах верили, что болотник живет в большом каменном доме (под водой или посреди болота) с женой и детьми; женами болотников считали обычно болотниц, бесиц или дев-утопленниц, русалок.

Подобно водяному, болотник повсюду слыл недобрым духом. Былички никогда не приписывали ему добрых поступков; он, как и черт, считался существом однозначно зловредным и очень опасным для людей, угодивших в его владения. Так, например, считалось, что идущих через болото людей болотник часто пугает резкими и непонятными звуками: вздыхает, булькает, утробно гукает и стонет, выдувает воздух пузырями, громко причмокивает и хлопает ладонями по воде. Кроме того, он часто подстраивает ловушки для несведущих людей — укладывает на их пути зеленую траву или корягу, бревно, под которыми находится бездонная

топь или трясины; едва путник наступит на них, как они ускользнут из-под ног и человек погрузится в воду.

Помимо этого, болотник, по некоторым поверьям, иногда специально заманивает людей к себе на болото, чтобы утопить их или, по крайней мере, заставить их поплутать среди трясин. Так, например, во многих местах считалось, что болотник в виде черного человека с фонарем в руках нередко бродит по краю болота; освещая своим фонарем дорогу путникам, он сбивает их с пути и заводит в омут. С той же целью болотник разводит на трясилах болотные огни: путник, принимая их за фонари (или надеясь отыскать указываемый огоньком клад), заходит в болото и тонет там (ср. поверья Новгородчины: «на болотах... живут болотные духи. По ночам они зажигают огни на болотах и заманивают к себе людей»). В Новгородской губернии рассказывали еще, что болотник порой, обернувшись монахом или старцем-пустынником с железными веригами за плечами, заводит с прохожим благочестивые беседы, но при этом не носит креста и не поминает Спасова имени, и по этим приметам его можно узнать; если же человек не сумеет вовремя распознать болотника и «отчураться» от него, то тот непременно заведет его в топь (например, под предлогом отдыха в тихой келье и т.п.) и исчезнет с силым хохотом, оставив человека тонуть, либо набросится на путника и утянет в трясины.

БОЛОТНИЦА, омутница, лопатница — разновидность русалки или чертихи; водяная дева, живущая на болоте, в омутах и трясилах.

Как и русалок, болотниц нередко соотносили с заложными покойниками; считалось, например, что в болотницу может превратиться погибшая в болоте или унесенная нечистым духом девушка. Впрочем, в некоторых местах болотницу считали скорее духом, родственным бесихам и чертихам: в поверьях она иногда выступала как разновидность нечисти, по своему происхождению не имеющей никакого отношения к человеческому роду.

Облик болотницы, как и облик русалок, в поверьях был неоднозначен. В некоторых местах (напр., на Русском Севере) болотниц считали страшными и безобразными демоническими существами, лохматыми, черными, с большими отвислыми грудями, кривыми зубами, иногда — с хвостом, рожками, когтями и т.д. (ср. облик черта или беса). В других же местах (во Владимирской, Нижегородской и пр. губ.) верили, что болотница бывает очень красива: так, в быличках и рассказах ее нередко описывали как молодую бледнолицую девушку с зелеными или голубыми глазами и черными или зелеными волосами, всегда небрежно раскинутыми по плечам и убранными осокой и незабудками; ходит она обычно нагой, а тело у нее бледное (в нем «нет ни кровинки»), почти прозрачное, полувоздушное и как бы светящееся, сияющее (оно «блестит и сквозит перед лучами месяца»). Красоту

БОЛОТНЫЙ

болотницы. по народному убеждению, портят только ноги, так как они у нее гусиные, с перепонками.

Чаще всего болотницы, по народному убеждению, появляются возле трясин, озер и глубоких омутов, там, где человеку ходить опасно или даже вовсе невозможно. Так, например, в Нижегородской губ. рассказывали, что болотницу можно встретить на чарусах, т.е. в тех местах, где на поверхности бездонной трясины лежит ковер болотных трав. Чаруса выглядит как чудесная полянка, сулящая путнику долгожданный отдых; но ходить по ней без опаски могут только кулички и другие маленькие болотные птицы, а человек или зверь своей тяжестью тут же прорвет тонкую земляную шкуру, и болото мгновенно засосет его. Такие места, по рассказам крестьян, и избирает болотница. Согласно поверьям, в ясную летнюю ночь она поднимается из трясины и садится среди трав и цветов (или, по некоторым поверьям, в цветок кувшинки с котел величиной), пряча свои гусиные ноги. Завидев человека, она начинает звать его сладким голосом, умоляет вывести ее из болота и показать ей солнце, причитает жалобным голосом и при этом разводит руками, закидывает назад голову, манит к себе человека и обещает ему неслыханные наслаждения и даже несметные богатства; по если человек, очарованный ее чудесным видом, ступит на чарусу, то она в то же мгновение окажется рядом с ним, обовьет его своими белоснежными руками и утащит к себе на дно, в гибельную трясины.

Вообще, болотницам, как и другим подобным духам, повсеместно приписывалась особая зловредность. Считалось, например, что они часто очаровывают путников, оказавшихся рядом с болотом, своим чудесным видом, заманивают их к себе, после чего щекочут их до смерти или топят в трясины. Кроме того, по некоторым поверьям, болотницы (подобно русалкам и ведьмам) могут иногда насылать на поля сокрушительные бури, проливные дожди и разрушительный град, а также похищать у заснувших без молитвы женщин нитки, холсты и полотна.

Болотный, болотняник — см. **Болотник**.

БОЛОТО — зловещее и неопределенное («ни вода, ни земля») место, издревле считавшееся в народе опасным и нечистым. Такое отношение к болоту вполне понятно: со временем славяне, как и прочие народы, сумели обжить леса и степи и могли чувствовать себя в этих местах более-менее в безопасности, могли даже ощущать себя их хозяевами; но болота с их трясины, бездонными омутами и непроходимыми завалами с давних времен оставались для человека неизведанными и загадочными. Человек, попавший в болото, подвергался немалой опасности, причем исходила эта опасность не от врага, с которым можно было бы бороться, а от самого места. Отсюда и возник страх перед болотом, а вслед за ним возникли и мифы, олицетворяющие все подстерегающие человека на болоте опасности в виде злобных нечистых духов.

Таким образом, болото в славянской народной традиции стало характерным местообитанием всевозможной нечистой силы. Например, восточнославянские верования помещали на болотах леших, водяных, бесов, болезней, упырей и пр., а в первую очередь — черта, наиболее зловредного и недоброго из всех нечистых духов (ср., хотя бы, народные поговорки и пословицы: «было бы болото, а черти будут»; «болото без черта не обойдется», «всякому черту вольно в своем болоте бродить», «где балота, туды-й черт», «черт без балота ня будець, а балота без черта», «айдзе привык, черце? — а в болоце», «черт богато грошей мае, а в болоце сидить», «ганя, як черт по болоту», «у тихому болоти чорти плодяцца» и т.п.). У белорусов существовало даже представление об иерархии среди «нечистиков» в зависимости от глубины, на которой они обитают в болоте: считалось, что главный бес — оржавиник — обитает в оржавине (болото с элементами железной руды); выше живет вировник (вир — глубокое место в болоте, реке), а еще выше — болотник. Болотные черти, по народному представлению, живут в омутах и трясины семьями и там плодятся; из болота они выходят редко, но человека, попавшего на болото, непременно стараются утащить к себе и утопить в трясины («не ходи при болоте, а то черт уши обколотит»).

В западнославянской традиции болото также воспринималось как место постоянного обитания самых разных демонических персонажей. Так, например, считалось, что на болоте часто показываются стригони, заманивающие человека в болото и сталкивающие его в воду. Болотным духом в Польше называли Рокиту; считалось, что он часто принимает облик коня, мужика, монаха или блуждающего огонька и заманивает путников в трясины. Привычной средой обитания богинок считались топкие места, трясины; на болотах богинок, согласно поверьям, обычно скрываются, убегая от людей. В болотистых местах в виде огненного шара показывался польский латавец. В глухих болотных местах среди трясин, по народному поверью, иногда показываются болотник и болотницы, заманивающие людей в бездонные омуты. Кроме того, болото у всех славян считалось местом пребывания душ «нечистых» покойников; считалось, что именно на болотах они показываются в виде болотных огоньков и т.д.

В связи с представлениями о болоте как о месте «нечистом», крестьяне часто использовали его для удаления из сферы человеческого обитания «нечистых», вредных и опасных вещей и явлений. Так, например, на болото традиционно выбрасывали старые вещи (изношенные лапти и пр.), святочный мусор, а также «нечистые», «покойнички» и вообще опасные предметы (например, старые веники; сделанные ведьмой на хлебе заломы; щепки от гроба; воду, в которой мылся больной человек, и т.п.). На болото иногда «относили» болезни (т.е. символически передавали болезнь какому-нибудь предмету, а потом

кидали его в трясины) или отсылали демонов болезни на болото при помощи заговоров. На болоте нередко хоронили «нечистого» покойника, закапывая его рядом с тропой и наваливая на могилу кучу веток и камней.

Согласно народным поверьям, у болота нет дна и в глубину оно достигает до самой преисподней. Кроме того, болото нередко представлялось местом, где находятся двери в ад (ср.: «из омота в ад как рукой подать»). По народному убеждению, земля натянута как шкура над водой, а в этой воде, в самой глубине, находится ад; на болотах же земляная шкура тоньше всего и в ней находятся «чертовы окна» — глубокие ямы с водой, небольшие озера и т.п. через которые и можно проникнуть в самый ад.

Может быть, это поверье было связано с одним из вариантов легенды о сотворении мира. Согласно этому варианту, на земле сначала была сплошная вода; Бог ходил по ней и однажды встретил плывущий мутный пузырь, который лопнул, и из него выскочил черт. Бог приказал черту достать со дна земли; черт нырнул и достал землю, но не отдал ее Богу всю, а припрятал немного за щеку. Бог стал разбрасывать землю по воде, и там, где она падала, появилась суша, а на ней выросли деревья, кусты и травы. Но растения стали прорастать и во рту у черта, который поэтому спешно выплюнул землю. Так и появились болота — разжиженная земля с малорослыми, уродливыми деревьями и грубой травой.

Другие народные легенды также нередко приписывали создание болот и вообще всех неблагоприятных для человека явлений нечистому духу. Так, например, в некоторых местах считалось, что Бог создал землю плоской и удобной, без гор и болот; но сатана, из зависти, решил испоганить созданное Господом и сотворил болота, вулканы, пустыни, ядовитых насекомых и т.п.

Таким образом, с болотом в народе связывались преимущественно отрицательные представления, и само его создание традиционно приписывалось нечистому духу. Но некоторые данные свидетельствуют, что некогда болота, возможно, воспринимались не так отрицательно и были местом поклонения каким-то божествам; на них даже строились своеобразные капища — т.п. «болотные городища». Появление болотных городищ относят к середине I тысячелетия до н.э.; основная их масса вписывается в рамки милоградской культуры неуров. Культура неуров в значительной своей части находилась в наиболее болотистой области Восточной Европы — в Припятских болотах; недаром те славянские племена, которые там обитали, получили у соседей собирательное наименование «дреговичей» (от белорусско-литовское «дрыгва» — болото).

Судя по археологическим данным, болотные городища представляли собой небольшие круглые площадки (большинство — диаметром 25-30 м; а некоторые, встречающиеся изредка, — примерно в 30 и

больше), находящиеся посреди болота и окруженные двумя-тремя концентрическими валами и рвом (4-6 м шириной). По-видимому, эти болотные городища создавались как святилища, но только для таких молений, которые не сопровождалась ни жертвоприношениями, ни поеданием жертвенной пищи или приготовлением священного пива. Городища не были «требищами», т.е. местами потребления священной еды и питья (от чего должны были бы остаться вещественные следы — глиняная посуда, ножи, кости жертвенных животных и пр.); единственное, что прослежено на них, — это следы костров, иногда каменные вымостки, следы деревянных конструкций, изредка куски руды. На внутренней площадке малых городищ могло уместиться во время обряда две-три сотни человек; могли быть использованы и внутренние скаты вала, на которых могли сидеть зрители, не участвующие непосредственно в церемонии. На больших же городищах с площадью до 20000 кв.м количество участников могло доходить до нескольких тысяч. Малые болотные городища располагались в некоторых районах очень густо, близко друг к другу; большие же отстояли друг от друга на 30-60 км и являлись, по всей вероятности, общеплеменными религиозными центрами, позволявшими всем правомочным членам племени принять участие в ритуале.

Трудно сказать, с культом какого именно божества были связаны болотные капища. Но их несомненная связь с культом воды и подводно-подземного «нижнего мира» позволяет предположить, что они посвящались хозяину этого нижнего мира, в роли которого у славян часто выступал Ящер. Ящер — это очень древнее божество; культ его, по-видимому, был мало связан с земледельческим мировоззрением славянских племен лесостепного юга и в большей степени отвечал архаичным воззрениям лесных племен, в жизни которых большую роль играли рыболовство и охота. Поэтому образ ящера встречался чаще всего и был наиболее устойчив именно на озерном севере, хотя следы его почитания известны и у других славян. Как фундамент земного мира, ящер был широко представлен на так называемых шаманских бляшках северо-восточного угла Европы: так, например, в космологической композиции угорских или самодийских шаманских бляшек нижний мир всегда изображался в виде ящера с волчьим ухом и разинутой пастью — ящер глотает вечернее заходящее солнце.

Вот этому-то ящеру, хозяину подземно-подводного мира, и могли поклоняться в болотных капищах. Болото с его неизведанными и недоступными глубинами, таинственными болотными огнями, коварством болотной зелени и трясин, зловредностью болотных лихорадок лучше всего выражало связь культа воды и подводно-подземного «нижнего мира». Отсутствие на городищах реальных следов потребления жертв участниками обряда может говорить об особой форме жертвоприношения, отличной от обычного возложения жертвенного мяса на огонь и последующего поедания

БОЛОТЯНИК

его. Вероятно, жертв «метали в воду», чтобы умиловать божество. Следы такого жертвоприношения отчасти сохранились в некоторых славянских обрядах. Так, например, у всех славян был известен обычай в некоторые годовые праздники сжигать или топить в воде чучело, называемое Купала, Кострома и т.д. Куклы, сжигаемые или утопляемые во время обрядов, заменяли собой не божество Кострому или Купалу, а человеческую жертву, приносимую в благодарность природным силам. При этом жертва приносилась не самим этим силам сезонного действия, а их мифическим повелителям, например, Ящеру.

Болотяник — см. Болотник.

Бомка — см. Бука.

Бор, боровик — см. Боровой.

БОРОВИКИ — в некоторых поверьях и народных сказках хозяева (и воплощение) грибов, обитающие в борах. Их иногда соотносили с боровиками-лешими, способными принять любой облик, в том числе и облик грибов.

Поверья о боровиках, по-видимому, основывались на неоднозначном отношении людей к грибам: в народных представлениях грибы занимали промежуточное положение между растениями и животными и нередко выступали как некие живые существа, состоящие в родстве с различными демонологическими персонажами (карликами, чертом, лешим и пр.), связанные с нечистыми, хтоническими животными, обладающие способностью к оборотничеству и некой таинственной силой, влияющей на жизнь людей. Олицетворением этих странных и непонятных людям созданий, не то растений, не то животных, и стали боровики.

Согласно поверьям Вологодчины и некоторых других губерний, боровики показываются обычно в облике маленьких, ростом в четверть аршина (вершка в два) старичков, несколько напоминающих своим видом гриб-боровик. Считалось также, что боровики любят принимать облик различных (и особенно съедобных и вкусных, либо очень ядовитых) грибов — белых, груздей, подосиновиков, рыжиков и т.д.; изредка — мухоморов или поганок.

По народному убеждению, именно боровики «заведуют» всеми грибами в лесу. Они живут под грибами (по некоторым поверьям — и питаются ими) и помогают грибам расти, распределяют их по лесу, охраняют их и т.д. Людей, собирающих грибы в лесу, боровики обычно не жалуют; людей же, делающих это без разрешения «лесового хозяина» и «не в пору», не вовремя, а также шумящих в лесу, проявляющих неуважительное отношение к лесу и т.д., они и вовсе терпеть не могут и стараются им как-то навредить. Так, например, крестьяне верили, что боровики могут «заводить» людей, и особенно грибников, в глубь леса и заставлять их подолгу плутать в чаще; при этом они

нередко принимают облик грибов, чтобы заманить человека в чащобу.

БОРОВОЙ, бор, боровик — в восточнославянских поверьях хозяин бора; леший, обитающий в бору, сосновом лесу, иногда — просто на возвышенном месте в лесу.

Согласно народным поверьям, боровик любит появляться в облике огромного и нередко бесхвостого медведя, но порой, подобно лешему, принимает и другие облики: зайца, волка, путника, инородца и т.д. Кроме того, в некоторых быличках бору приписывался и еще один облик, характеризующий его как олицетворение леса: ростом выше самых высоких сосен, иногда — с длинными волосами, похожими на березовые косы, и бородой, похожей на мох, в зеленом плаще (или кафтане) из хвои и зеленой шапке. Считалось, что бор (как и леший) может и днем и ночью враз обозреть все свои владения; ночью его глаза иногда можно видеть как огненные точки, похожие на светлячков.

Бор, боровик в поверьях мог иногда описываться как младший лесной дух, подчиненный главному лесовику, или, наоборот, как самый главный и страшный лесной дух: «По бору ходит боровой, хуже медведя, самый страшный... Борового-то зовут леший» (Архангельская губ.); «Уж она (ворожея) лучше знат, как звать — боровой, лешак ли» (Арх. губ.); «Боровой-то и ешь лешой» (Псковская губ.). Считалось, что он не слишком любит людей и нередко прогоняет их из своих владений: например, в украинских рассказах боровик нередко голосит, кричит страшным голосом, свистит, гулко хохочет, пускает по лесу эхо, сбивая человека с пути. Нередко считалось также, что боровик любит пугать людей, оборачиваясь медведем, а иногда переходит путнику путь, заставляя того долго плутать вокруг одного и того же места.

Кроме бора, народные поверья (например, поверья Архангельской области) знали и аналогичного женского духа — боровуху, женского лесного духа, появляющегося в борах в облике девушки или женщины (ср.: «В лесу леший и боровухи-те»). Боровухи в народных рассказах и быличках весьма напоминают лешачих и русалок, хотя имеют и некоторые отличия: обитают они преимущественно «на бору» («Боровухи — это лешачихи, на бору дак») и, согласно некоторым поверьям, красивее и привлекательнее лешачих («Красивой-то боровуха выгладит, а лешачиха некрасивая, волосы растрепанные»), любят «наряжаться как девочки» и вообще украшать себя. При этом они могут и принять какой-либо чужой облик, например, показаться прохожему знакомой женщиной или родственницей, а то и просто красивой женщиной или девушкой.

Но, несмотря на внешнюю привлекательность, боровухи, согласно поверьям, не менее и даже более опасны, чем лешачихи; красота их и встреча с ними гибельна для людей. Вообще, в большинстве рассказов и быличек «подчеркивается не столько роль боровухи

Борона

как лесной (боровой) хозяйки, сколько исходящая от нее опасность и способность соблазнить, напугать до потери рассудка, напустить болезнь»; фактически она выступает как персонаж, родственник русалкам, «лесовым девкам», т.е. не столько духам леса, сколько практически повсеместным вредоносным существам.

Так, например, считалось, что боровухи, подобно русалкам, стремятся к сожительству с мужчинами, для чего не только принимают привлекательный облик, но и оборачиваются женами идущих через лес мужиков, охотников и пр., пытаясь вынудить их к «блуду»; соительство же с боровухой (а также страх, испуг при виде боровухи), по народному убеждению, может стать причиной помешательства и даже смерти человека: «У нас один охотник жил в Нюхче. По ворге (болотистой местности) раз пошел и встретил свою жонку. Они давно не виделись и сотворили, что надь. А это борову ха была, вот и помер он, и как помер-то на кровати, дак меж досками оказался»; «Вот дедушка, он испугался тех боровух и чокнулся потом. Она и обнимать начнет, как муж и жена. Говорят, как сотворишь блуд с борову хой, дак и с ума сойдешь». Насылание боровухами недуга, сумасшествия и т.п. упоминается и в других быличках, например: «Поехал пахать, пашет, и вдруг впереди лошади мышь пробежала. А лошадь-то испугалась. Он взял и матюгнулся. Приехал домой — болен невозможно. Там в деревне-то и говорят: “Ну, это боровухи к нему привязались” Вот отцу-то его и говорят: “Ты возьми, воскресну молитву прочитай в рубаху-то, да и дай эту рубаху сыну-то. Если он оденет воскресну-то рубаху, то это не боровухи, а если не оденет, то это боровухи, значит, привязались, надо от боровух лечить”».

БОРОНА — сельскохозяйственное орудие для разрыхления почвы, состоящее из решетки из прутьев или деревянных брусьев, между которыми закреплялись (обычно корнями и т.п.) деревянные или железные зубья. В древние времена борону называли суковаткой, так как некогда она делалась из еловых бревен с оставленными довольно длинными сучками. Боронили поле, как правило, при заделке семян или во время сева. Начиная пахоту, земледельцы сперва распахивали землю сохой (чтобы получились частые и глубокие борозды), а затем боронили ее. Как гребень прочесывает волосы, так и крестьянская борона «расчесывала» поле, выдирая камешки; после бороны земля, по народному выражению, «как пух лежит».

Но помимо сельскохозяйственных работ, борона в крестьянском быту часто использовалась и в ритуально-магических целях, например, в качестве оберега против ведьм и нечистых духов (что отражено и в самом названии бороны, связанном с обороной, защитой). Так, с целью оберега от нечистой силы, ведьм, болезней и пр., крестьяне в некоторых местах обходили кругом все село с боронкой на голове в купальскую ночь. После сбора урожая земледельцы традиционно совершали троекратное боронование вокруг села, чтобы

никакое зло не проникло на двор и не повредило хозяйству. Повсеместно существовал обычай в случае эпидемий или мора скота обходить с боронкой вокруг села, проводя глубокую борозду; считалось, что пн один нечистый дух (такой, как лихорадка, поветрие, коровья смерть и т.п.) не переступит ее. Для защиты отдельных дворов и домов от нечистых духов и ведьм крестьяне втыкали зубья бороны в столбы ворот. Зуб бороны иногда вбивали в голову мертвецу, если считали, что он может стать вампиром. Для избавления от нечистой силы, беспокоящей и давящей по ночам спящих (домового и пр.), борону порой клали зубьями вверх на того, кого мучила нечисть, полагая, что нечистые духи после этого не посмеют приблизиться к человеку. Борону нередко ставили в хлеву возле коров (или напротив двери, зубьями вперед), чтобы уберечь скот от посягательств ведьмы или домового; кроме того, чтобы помешать ведьме летать по дворам и отбирать у коров молоко, найденную где-нибудь старую борону иногда сжигали в ритуальном костре в купальскую ночь.

С помощью бороны нередко старались также выследить ведьму, повадившуюся доить тайком соседских коров. В народе считалось, что когда ведьма прилетает доить коров, то увидеть ее очень трудно, так как она отводит людям глаза или принимает облик какого-нибудь животного (свиньи, кошки, лягушки и т.и.); а если человек и сумеет увидеть ее, то она может сильно навредить ему (навести порчу, задавить и т.д.). Единственный способ подстеречь ведьму и при этом защититься от ее пагубного влияния, по мнению крестьян, заключался в том, чтобы караулить ее, сидя в хлеву под самой боронкой: сквозь борону человек сможет увидеть ведьму, пришедшую к коровам, и при этом сам останется незамеченным ею. В некоторых местах этот способ распространялся даже и на некоторых других нечистых духов: считалось, например, что если поставить рядом три бороны, сесть между ними и караулить всю ночь, можно увидеть домового (пришедшего ухаживать за коровами или гонять лошадей) или леших (явившегося, чтобы украсть молоко или какую-нибудь вещь, положенную без благословения).

Близко к представлению о том, что через борону можно видеть нечистых духов, стояло поверье, гласившее, что борона опасна для русалок. Известно несколько быличек о том, как русалки (в другом варианте — вилы), проникавшие на крестьянский двор во время русальной недели, застревали в зубьях бороны, зацеплялись за нее и не могли сами освободиться (заставшие их хозяева накидывали на них крест, после чего русалки оставались с людьми и иногда выходили замуж и рожали детей, как обычные женщины). Широко известно также и представление о том, что уберечься от русалок можно, назвав число зубьев в бороне, обведя вокруг себя круг зубом бороны и т.д.

В определенной связи со всеми этими представлениями стоял и белорусский обряд, по которому перед поминальной трапезой через борону, поставленную в

Борона

дверях, прогоняли души умерших, приговаривая: «А кишь, душечки, на обед: малые через борону, а старые через дверь!» Известно, что лешие, русалки и домовые воспринимались крестьянами также как души умерших, «заложных» покойников. Чем объясняется эта связь бороны с душами умерших — сказать трудно, по можно предположить, что это — отголосок древнейших представлений, уподоблявших орудия пахоты — плуг, соху, борону — грозовой туче: как пахарь режет, боронит и засеивает землю, так и небесный бог-громовник пронизывает молниями облачное небо, бороздит его вихрями и разбрасывает животворящее семя дождя, оплодотворяя землю.

Уподобление облака плугу или бороне вполне может объяснить связь этого орудия и с духами умерших, и с нечистой силой. Так, например, согласно древнеславянским представлениям о мироустройстве, все души умерших пребывают на небе, там, где находятся небесные запасы воды (дождя); отсюда они содействуют всем небесным операциям, необходимым для плодородия, таким, как дождь, роса, туман и пр. (ср., например, представление о ведогонях или заложных покойниках как о предводителях дождевых туч). Нечистые духи в народных поверьях также традиционно были связаны с дождем, облаками и т.д.; так, например, русалки (вилы) в древности считались существами, заботящимися о том, чтобы посевам хватало влаги для роста и плодоношения (фактически они также были олицетворением дождевых облаков, влаги).

Теми же древнейшими представлениями объяснялась, по-видимому, тесная связь между бороной и ведьмой в народных поверьях. Ведьмы в языческие времена были жрицами, в обязанности которых входило вызывание дождя (или его остановка в случае продолжительных ливней) и умилоствление богов плодородия, в нужное время посылающих дождь посевам. Связь ведьмы с дождем, влагой нашла отражение во многих позднейших народных поверьях: так, например, доение коров ведьмой означало вызывание дождя (дождь, льющийся из тучи, издревле уподоблялся молоку, текущему из вымени коровы или из груди женщины). При этом молоко ведьма могла надоить не только с коровы, но и с какого-нибудь предмета, например, с березовых ветвей (береза, особенно плакучая, — древний символ тучи и льющегося из нее дождя) или с той же бороны: так, по поверью, если ведьма сядет под борону, как под корову, и станет «доить» ее зубья, то с них потечет настоящее молоко, а у соседских коров молоко при этом пропадет.

Связью бороны с дождем, тучей можно объяснить и некоторые сельскохозяйственные обряды, долженствующие, по мнению крестьян, благотворно повлиять на плодородие земли. К таким обрядам, например, относился обряд вызывания дождя при засухе, во время которого участники обряда объезжали на бороне вокруг села или бороновили дорогу, высухшее русло реки, болото и т.д. В древности этот обряд, возможно, проводили специальные жрицы-ведьмы, а в более

позднее время его исполняли обычно девушки или девочки, реже — женщины, выбираемые из числа деревенских: так, например, в некоторых местах обряд вызывания дождя исполняла раздетая донага и увешанная венками девочка, которая бороновила пересохшее дно реки или даже мелководье; в других же местах реку или болото бороновили ночью девицы.

Может быть, та же связь бороны с водой и дождевой тучей отразилась и в весенней обрядности, в обычаях, связанных с аграрной магией. Впрочем, здесь борона могла выступать и просто как орудие пахоты, необходимое для засеивания нив, а значит, и для урожая. В славянской народной традиции она, наравне с сохой, могла служить своеобразной колесницей для едущей по полям весны (ср. узоры на русских вышивках, изображающие Ладу и Лелю, двух богинь весенне-летнего цикла, сидящими верхом на сохах), что нашло отражение в обрядах и песнях. Так, например, белорусы для обряда встречи весны выбирали самую красивую девушку в деревне, называли ее «вясноука» (т.е. весна), украшали ее венками, сажали на борону, и парни возили ее по полям, предназначенным под яровые посева.

Такую же картину прибытия весны давали и обрядовые песни-веснянки, ср., например: «Уж вы кулички-жаворонки, солетайтесь, сокликайтесь. Весна-красна, на чем пришла? На сошечке, на бороночке, на лошадиной голове, на овсяном снопочку, на ржаном колосочку, на пшеничном зернышку-у-у!» Другая песенка, также обращенная к жаворонкам, просила первых весенних птиц: «Сани унесите, а соху, борону принесите». Подобные песни-веснянки распевались по деревням ребятишками, бегавшими со специальным обрядовым печеньем — жаворонками, выпекавшимися на день Сорока мучеников (9/22.III). Позднее же, в день Благовещения (25.III/7.IV), в некоторых местах вместо жаворонков пекли хлебец в виде бороны, который либо съедали сами, либо скармливали скоту или брали в поле, когда начинали сев или жатву; а иногда с этим хлебцем встречали аиста, протси у него хорошего урожая и достатка в доме (кстати, из бороны иногда сооружали гнездо для аистов с той же целью: считалось, что если аист поселится в нем, то принесет с собой счастье, богатство, урожай и т.д.). Приурочивался к Благовещению и еще один обычай, связанный с бороной и называвшийся у русских «греть весну»: по этому обычаю, люди зажигали ритуальные очистительные костры из соломы, старых лаптей и др., раскладывая их на старой бороне; потом эту борону вместе с костром пускали по воде.

В народной традиции борона нередко наделялась фаллической (эротической) символикой. Так, например, она нередко фигурировала в народных частушках любовно-эротического содержания (ср.: «Уж я шел стороной / Борновать бороной, / Борона железная — / Поцелуй, любезная!») и шуточных песнях (ср., например, песню, в которой соседка в ответ на просьбу молодницы одолжить хотя бы на день мужа предлагает

Борона

взамен мужа борону). По-видимому, это объяснялось связью бороны с плодородием и урожаем: крестьяне верили, что плодородие земли находится в тесной симпатической связи с плодородием людей, и, следовательно, предметы, причастные к урожаю, возрастанию и колошению хлебов, должны влиять на плодородие у женщин. Может быть, оказало некоторое влияние и представление дождевой тучи боронной: ведь гроза, падающий с неба дождь и блещущие молнии в мифах славян издревле соотносились с оплодотворением земли небом; в молнии древние люди видели фаллос небесного бога, а в дождевых каплях — семя, от которого на земле зарождается жизнь.

С эротической символикой бороны было связано немало народных обычаев, обрядов и поверий. В первую очередь, это были обряды и поверья, имеющие отношение к браку и деторождению. Так, например, согласно некоторым поверьям, если работники забудут в поле борону, к девушкам в деревне не будут свататься женихи; поэтому, найдя такую борону, девушки сообщают тайком прятала ее в овине или в крапиве или рубили ее и раскидывали куски подальше друг от друга. Схожий обряд иногда выполняли и на Новый год: девушки топором секли украденную где-нибудь борону, а зубья от нее разбрасывали по полю, чтобы после святок к ним приехали сваты. В некоторых местах под Петров день (29.VI/12.VII) борону носили на голове из деревни в деревню — «в какую принесешь, туда и замуж выйдешь». На святки волочение бороны (нередко краденной) представляло собой вид девичьего гадания: считалось, что где из бороны выпадут зубья, там быть свадьбе.

Вообще, у славян очень широко были распространены обряды, связанные с идеей «воспроизводства» и включавшие в себя волочение бороны. Приурочивались такие обряды обычно к большим весенне-летним праздникам. Так, например, в канун Петровского поста или на Иванов день (24.VI/7 VII) в некоторых деревнях у девушек принято было волочить украденную где-нибудь борону, чтобы в деревне было больше свадеб; после этого обряда борону иногда бросали в воду. Но наиболее часто «волочение бороны» совершалось на масленицу, так как именно в масленичной обрядности наиболее полно проявлялись две основные идеи, связанные с репродуктивной магией: плодородие земли и плодородие женщины. Безбрачие и бездетность женщины с древнейших времен рассматривались не только как наказание Божие; земледельцы, кроме того, верили, что бесплодность может пагубно повлиять и на природное плодородие, вызвать неурожай, спровоцировать голод и пр. Поэтому безбрачие молодых людей у всех славян принято было наказывать, а делалось это при помощи особых ритуалов, долженствующих, помимо всего прочего, стимулировать будущие браки и предотвращать неурожай. Некоторые из этих ритуалов в качестве орудия наказания использовали именно борону.

Так, например, в северорусских областях существовал такой обычай: мужики на масленицу сажали на зубья бороны парня, который не раз сватался, но получал отказ, и тащили его с песнями, свистом и криком на горку; это считалось в народе большим бесчестьем. Там же, и тоже на масленицу, исполнялся обряд «выборанивания девок», вовремя не вышедших замуж: борону волочили по селу, чтобы к девкам скорее кто-нибудь посватался. Очень часто борону использовали и в качестве т.н. «колодки». Обычай волочения колодки был известен как у всех славян, так и у других народов, и заключался он в том, что наказываемую девушку или молодого человека «впрягали» в бревно, борону или другой предмет, называемый в народе колодкой, и заставляли волочить его по селу. В некоторых случаях провинившиеся могли откупиться и избежать волочения колодки (ср.: «Это у нас на мясаед, если парень ни жанился, Яхму гаварять, вешають барану, а он откупаица»); но такая поблажка давалась парням и девушкам далеко не везде и не всегда: так, например, в некоторых местах рядом с домом провинившегося, даже если он откупился, все равно ставилось срубленное бревно — знак позора.

Но при этом известные как у славян, так и у прочих народов другие обряды и обычаи позволяют предположить, что некогда обряд волочения колодки вовсе не был наказанием. Сам по себе он весьма напоминал процесс распахивания полей; недаром в тех местах, где вместо бороны в качестве колодки использовали бревно, это бревно зачастую было необструганым, с ветвями и сучьями, напоминающим такие виды нахотных орудий, как белорусская верша лина, борона-суковатка и т.п. При этом следует вспомнить, что во многих местах к празднику масленицы приурочивались такие обряды, как умышленное и добровольное таскание по полям бороны, плуга и пр. Так, например, в Литве принято было на масленицу волочить по полям или из дома в дом бревно, и нередко это заставляли делать именно девушек, полагая, что это стимулирует хороший урожай зерновых, а также капусты, свеклы и т.д. В Германии ритуальные обходы с плугом совершали непременно мальчики, а в Австрии плуг по полям волочили обычно молодые люди, в первую очередь — девушки, которых при этом обливали водой и обсыпали зерном для получения хорошего урожая. Схожие обходы с плугом, боронной и т.д. совершались на масленицу и в Швейцарии, и у западных славян, хорватов и словенцев (ср., например, словенский масленичный обычай волочения бревна ряжеными), и во многих других местах; и все они имели целью спровоцировать вегетацию и плодородие земли. Таким образом, можно предположить, что масленичные обычаи волочения бороны (или бревна, схожего с боронной и другими сельскохозяйственными орудиями), долженствующие наказывать молодежь, вовремя не вступившую в брак, являлись «результатом достаточно длительной и сложной эволюции некоторых продуцирующих обрядов». По-видимому, именно магическое влияние

Босорка

волочения бревна на урожай и стало причиной того, что обряд этот в некоторых местах со временем превратился в вид наказания «неплодных», холостых людей: так как их неплодие могло пагубно повлиять на жизнетворные силы земли, именно их и стали заставлять проводить обряд вызывания плодородия, полагая, видимо, что часть живой вегетативной силы земли перейдет и на них.

Вообще, ритуальное волочение бороны, положительно влияющее на плодородие, в народе применяли во многих случаях. Так, например, в польских масленичных обрядах на бороне катали не только девушек и парией, долго не вступавших в брак, но также и выюниц — молодых женщин, недавно вышедших замуж: их сажали на старые бороны (пли розвальни, повозки, а также на лопаты, прядильные гребни, метлы, вилы и т.п.) и волокли на них; а в тех случаях, когда женщин возили в специальных красивых повозках, их, тем не менее, старались непременно пару раз вывалить по дороге па землю и повалить по ней, что также имело продуцирующую семантику. Такие же обряды иногда применялись и в других местах: так, например, у восточных славян тоже был известен обычай катать на бороне зубьями вверх (пли на сохе, корыте, старой тачке) молодых, тещу, свата, неженатого парня, повиуху и пр. Этот обычай также мог применяться как форма наказания: так, например, традиции требовали, чтобы нарядные молодые па масленицу выезжали «на люди» в расписных саях, поэтому «новоженов» в этот праздник часто катали по селу, но если за это получали плохое угощение, могли прокатить молодых не в саях, а на бороне.

Борона в народе иногда использовалась при родах (видимо, тоже как объект, стимулирующий плодородие). Так, например, в народе существовала поговорка: «Жена родит — муж песок боронит»; она отражала народный обычай, в силу которого муж во время тяжелых родов жены боронил песок, полагая, что это поможет роженице скорее разрешиться от бремени (ср. использование бороны в обрядах вызывания дождя, а также древнее языческое представление о том, что «Род, седа на въздусе, мечеть на землю груды (капли) и в том раж даются дети»). Зуб бороны в некоторых местах клали новорожденному мальчику под подушку, дабы не пресекался род; помимо этого, он служил ребенку оберегом от злых сил. Иногда борону использовали и с целью увеличить приплод у домашнего скота. Так, например, в некоторых местах под Новый год хозяйка трясла борону со словами: «Бароначка, тру сися, так ты, курачка, нясися».

БОСОРКА. босоркань — в карпатско-славянских (украинских, польских, словацких) и южнославянских, а также венгерских представлениях ведьма, двоедушница. Ее считали безобразной старухой, обладающей способностью летать и превращаться в различных животных (собаку, кошку, козу, лошадь, свинью, зайца, мышь и пр.) и предметы (колесо, копну

сена, кочергу и пр.). При этом в некоторых местах считалось, что днем босорка может вести себя как обычная женщина, мало отличающаяся от обычных деревенских старух, но ночью она засыпает глубоким, беспробудным сном, и в это время бродит вне своего тела в зверином либо в человеческом обличье, причиняя разные беды.

Босорке, как и любой ведьме, повсеместно приписывалась способность насылать болезни и порчу на людей и животных: ее магии, например, традиционно приписывались неожиданные недомогания скота п людей, исчезновение молока (или молоко с кровью) у коров, возникновение эпидемий и т.п. Украинские поверья связывали босорку с внезапным исчезновением плода из чрева матери: считалось, например, что босорки иногда летают сороками по домам и крадут младенцев прямо из живота рожениц, пожирают новорожденных и пьют кровь беременных женщин, а также подменивают детей, оставляя взамен веник, полено или уродливое детище, порожденное нечистым духом.

Помимо этого, ведьму-босорку обычно считали способной управлять погодой, насылать засуху, похищать дожди и красть росу с полей, насылать продолжительные ливни, ураганы и грозы. По поверьям, босорка может летать с тучами и ветром, уничтожая посевы и насылая болезни.

Согласно народным поверьям, босорки вредят людям преимущественно ночью, но есть у них и время особой активности, когда они могут напасть в любое время: такими днями традиционно считались Иванов день (24.VI 7 VII), день мученицы Лукии (венг Луцы, 13 26.XII) п день святого Георгия, покровителя скота (24.IV 6.V). Так, например, считалось, что на Иванов день ведьмы-босорки собираются на свои шабаши, а на рассвете Егорьева (Юрьева) дня они голыми руками собирают росу, чтобы увеличить удои своих коров.

Защитой от босорки служили, в общем, те же самые обычаи и обряды, которые обычно применяли для защиты от ведьм, вештиц, богинок и т.п. Так, например, на Благовещение украинцы обводили топором или косой по земле вокруг хаты, «чтобы босорка не приступила», а также старались не давать ничего из дома, чтобы босорка не отняла молоко у коров. На Иванов день в щели хлева нередко затыкали крапиву пли другие жгучие растения, чтобы босорка не добралась до коров; застав же в этот день в хлеву кошку или другое животное, хозяева непременно били и прогоняли его, полагая, что это босорка хочет украсть молоко.

БРАК — союз между мужчиной и женщиной; особая связь, «освященная небесами и церковью», между двумя людьми разного пола. В языческие времена у славян существовали самые разные формы брака, в том числе и полигамия, когда мужчины могли иметь сразу несколько жен. Простота нравов и этических норм, присущих древнеславянским представлениям о браке, отчасти сохранилась и при христианстве,

например, в некоторых полужыческих ритуалах и обрядовых играх. Христианское восприятие брака как «тайнства» долгое время практически никак не влияло на народное сознание. После христианизации славянами были приняты постановления, в которых брак объявлялся прерогативой Церкви; но простой народ все еще праздновал свадьбы на языческий лад, с песнями и плясками, круговыми чашами, жертвоприношениями и пр.

Брак издревле рассматривался людьми как постоянный союз мужчины и женщины, в котором обе стороны имели определенные обязательства, хотя при этом играл обычно более важную роль (как защитник, который должен прокормить семью, обеспечить ее всем необходимым). При этом брак практически повсюду воспринимался людьми как «предначертание свыше», нечто, определяемое Господом; вероятно, такое поверье основывалось на представлении о том, что судьба человека определяется при его рождении, и изменить ее уже невозможно. Очевидно, именно с представлением о том, что нара для каждого человека определяется при его рождении, были связаны народные названия жениха и невесты — «суженый и суженая».

Западноукраинская легенда так объясняла связь между двумя людьми разного пола. После грехопадения первых людей Бог проклял Еву, повелев ей при жизни рожать детей в муках, а после смерти — нести яйца: каждый день прародительница должна снести столько яиц, сколько людей умирает на земле. Бог потом разрезает эти яйца пополам и бросает на землю, где из одной половины рождаются мальчики, а из другой — девочки. Считалось, что когда мальчик и девочка, появившиеся из двух половинок одного яйца, вырастают, то их женят; но если одна из половинок яйца упадет в море, будет съедена зверем и т.д., то человек, который вырастет из уцелевшей половинки, останется на земле без нары и никогда не вступит в брак.

Из-за таких представлений, возникших под влиянием церкви, брак в народной традиции выступал как вечная связь: так, во многих местах существовало представление о том, что люди, однажды вступившие в брак, будут вместе даже и после смерти, в загробном мире; при этом, однако, встречались и повторные браки (например, в случае смерти одного из супругов), призванные, вероятно, предотвратить «прелюбодеяние», незаконное сожителство мужчин и женщин. Вообще, в древности, в языческие времена, мужчины могли иметь столько жен, сколько были в состоянии прокормить, и изменить этого христианство сразу было не в силах, так что, несмотря на издаваемые законы (так, в XVII в. «разврат», т.е. сожителство без благословения церкви, карался насильственным заточением в монастырь), вплоть до XVIII в. во многих местах существовали «скотоложество и содомия».

Брак считался одним из главных событий в жизни человека; молодые люди (и особенно девушки), как

правило, ожидали его с нетерпением. При этом, однако, далеко не все браки совершались по любви: во многих случаях брак являлся следствием договора родителей, а не жениха и невесты; молодые же люди порой и вовсе не имели представления о том, с кем им предстоит «под венцом стоять». Собственно, само слово «невеста», предположительно, означает «неизвестная, неведомая», что, возможно, указывает на тот древний обычай, по которому жених с невестой сочетались браком не по своей воле, а по родительской, и могли увидеть друг друга только «после венца», уже в качестве новобрачных (возможно, поэтому венчание в старину и называли «судом Божиим»). Даже в XIX в. в некоторых местах жених с невестой иногда узнавали друг друга только на рукобитье, а порой и в самый день свадьбы. И, однако, несмотря на это, практически любая девушка, едва достигнув брачного возраста, не только мечтала о замужестве, но и всячески старалась содействовать своей скорейшей свадьбе; к этому же стремились и многие парни (впрочем, парней, как правило, гораздо меньше, чем девушек, заботило создание семьи).

Это страстное желание выйти поскорее замуж или жениться нашло отражение в многочисленных гаданиях, поверьях и обрядах, соблюдаемых «заневестившимися» девушками и вошедшими в брачный возраст парнями. Все эти гадания, распространенные повсеместно, были направлены на то, чтобы узнать, каков окажется жених или невеста и как сложится жизнь в супружестве.

Гадания о судьбе и замужестве были очень многочисленны и разнообразны. Так, например, значительная их доля была связана с обращением к нечистой силе: гадающие намеренно вступали в контакт с потусторонним миром, чтобы при помощи особых магических действий узнать свою судьбу. К гаданиям такого рода относилось, например, такое: девушка накрывала в пустой комнате стол, ставила прибор (кроме ножа и вилки) и приглашала «суженого» ужинать, полагая, что после этого суженый (вернее, нечистый дух в его облике) явится к ней, сядет за стол и ответит на все ее вопросы. Известны гадания, в которых парни и девушки, желая узнать свою судьбу, вступали в контакт с чертями, водяными и пр. Но вообще, большая часть подобных гаданий была связана не с чертями, а с домашними духами, существами не столь враждебными, как бесы и прочие «нечистики», и более близкими к людям (ср. представление о том, что домовые, дворовые и пр. — это души умерших предков; т.е. обращение к ним могло рассматриваться как испрашивание судьбы и благословения у своих старших родственников). Для того, чтобы узнать свое будущее, гадающие приходили в те места, где они могли без помех общаться с духами (например, в нежилую избу, баню, овин и т.д.), и учтиво вопрошали о судьбе, а затем по звукам или прикосновениям судили о том, состоится в будущем году свадьба или нет, богатым будет супруг или бедным (ср., например, распространенное гадание у

бани или овина: девушка должна была сунуть руку в окно или войти в строение и спросить о судьбе, а затем ждать: дотронется до нее кто-то мохнатой рукой — выйдет за богатого, дотронется голой рукой — выйдет за бедного, а если ничего не произойдет — останется «в девках»).

Гадания с участием потусторонних персонажей считались в народе самыми надежными, но существовало и множество других, также весьма распространенных способов узнать судьбу. К таким способам относилось, например, подслушивание, когда гадающие вечером ходили слушать под окна или у замочных скважин соседних изб, хозяйственных построек (например, того же овина) или даже церкви или часовни, по звукам, доносящимся изнутри, стараясь определить, чего ждать в будущем году — свадьбы или безбрачия, удачи или смерти. Широко известны были также гадания с различными предметами (воском, зеркалом, водой, кольцами, зерном, поленом, башмаком, расческой и пр.) и домашними животными (овцами, коровами, лошадьми, курами и др.). Например, в некоторых местах одним из самых «верных» гаданий считали такое: девушки, как стемнеет, снимали с насеста курицу, приносили ее в дом и ждали, какой из разложенных перед ней предметов она выберет (чья курица станет пить воду — у той девушки муж будет пьяница; клонет золотое кольцо — муж будет богатый; сдвинет с места медное колечко — муж будет нищий, и т.д.). В других местах предпочитали узнавать судьбу по вылитому в воду и застывшему воску, или по принесенному в темноте из дровяного сарая полену, или по башмакам, перебрасываемым через ворота (в какую сторону носком упадет — туда и за муж отдадут), и т.д.

Кроме гаданий, в народе существовали также и способы стимулировать или как-то ускорить вступление в брак. Например, существовало множество способов, по народному убеждению, способных возбудить любовь в избранном парне или девушке. К таким способам относились и заговоры, и различные sympathetic средства, и довольно сложные магические действия, используемые деревенскими ворожеями. Например, «любобная необходимость» изобрела чары над змеями: считалось, что если изловить в лесу змею и продеть сквозь ее глаза иголку с ниткой, сказав: «Змея, змея! как тебе жалко своих глаз, так чтобы раба (имярек) любила меня и жалела», — а затем продеть эту иголку с ниткой в платье желанной так, чтобы никто этого не заметил, то в девушке немедленно возгорится любовь, которая будет продолжаться дотолы, пока нитка будет находиться в платье. При этом еще нередко советовали взять змею, выпотить из нее сало и сделать свечку, которую нужно носить с собой; тогда, если влюбленный заметит охлаждение в любви, ему достаточно будет зажечь эту свечу — и любовь девушки возгорится снова; но когда сгорит вся свеча — тогда любовь навеки остынет. К любовным чарованиям относились и чары над лягушками: крестьяне верили,

что человек, желая «обладать красотой девичьей», должен поймать на утренней заре парных лягушек, положить их в продырявленный кувшин, добежать до первого муравейника и зарыть в него кувшин, а затем бежать прочь, не оглядываясь; нечистая сила при этом будет шуметь, кричать и визжать ему вслед, но если он не обернется, то злые духи не смогут причинить ему вреда, и когда он через три дня вернется к муравейнику, то найдет чудесные косточки парных лягушек — вилку и крючок. Эти косточки в народе признавались одним из наиболее сильных любовных средств: считалось, что стоит только зацепить девушку этим крючком, то в ней возгорится любовь, а если девушка позже станет в тягость, то ее можно оттолкнуть вилкою, и она на всю жизнь останется равнодушной к самой горячень любви.

Своеобразным способом стимулировать свадьбы были святочные, масленичные и пр. игрища и ряжения. Например, практически повсеместно у славян были известны святочные игрища, представлявшие собой символическое «венчание» и ритуальный брак с духом предка, которого представляли ряженные. Эти ряженные на святки бегали по деревням и по избам, приходили на посиделки и разыгрывали целые сценки (порой весьма непристойные, сопровождавшиеся эротическими намеками и жестами, а также припевками, наполненными нецензурной лексикой) с участием всех присутствующих, и в первую очередь незамужних девушек и неженатых парней (ср., например, святочную игру «в быка», когда на посиделках парень, наряженный бычком, держал в руках под покрывалом большой глиняный горшок с приделанными к нему настоящими рогами быка, и этими рогами бодал девок, притом бодал так, чтобы было не только больно, но и стыдно; после этого «быка» убивали, разбивая поленом горшок). Подобные игрища были известны у славян с древнейших, еще языческих времен (некогда они, по всей видимости, были частью культа плодородия) и должны были способствовать скорейшему заключению браков и деторождению.

С давних времен у славян было известно несколько способов заключения брака. Так, например, во многих местах были известны т.н. «беглые свадьбы», «самокрутки» и т.п., когда заключению брака предшествовало умыкание невесты, причем зачастую — мнимое похищение по взаимной договоренности парня с девушкой или же самовольный уход девушки к жениху (т.н. «тихоматный брак»). В некоторых случаях, впрочем, похищение могло и не быть мнимым: девушку могли похитить и выдать замуж против ее воли; впрочем, такое случалось не слишком часто, по крайней мере, во времена христианства.

Беглые свадьбы совершались, как правило, без согласия и даже ведома родителей (хотя в некоторых случаях родители потворствовали беглым свадьбам во избежание расходов), чаще всего — «по тайной любви и соглашению», когда молодые люди не могли ожидать родительского благословения. Причины тому

могли быть разные: любовь между неравными по состоянию или по положению, долгое безбрачие девушки, скучная девичья жизнь между золовок, преследование мачехи, нередко — желание прикрыть беременность, и т.д. Во многих случаях девушка сама принимала непосредственное участие в побеге и далее, если могла, предварительно переправляла жениху свое приданое, а уж потом бежала сама. Убежав, молодые обычно старались немедленно обвенчаться, а потом отправлялись к родителям невесты, падали в ноги отцу и матери и просили прощения. Как правило, родители невесты после этого прощали их или, по крайней мере, смирялись с нежелательным браком. В некоторых приволжских губерниях отец, когда дочь с женихом приходила домой с повинной, ударял молодых по спине плетью и приказывал встать, затем прощал и благословлял образом и хлебом-солью; после этого родители обычно отдавали дочери ее приданое (если она не взяла его с собой при побеге).

Судя по всему, в языческие времена обычай похищать девиц был тесно связан с «игрищами меж селы»: так, по некоторым данным, в древности у радимичей, вятичей, северян и пр. молодые парни во время игр, песен и плясок, устраивавшихся на полях, выбирали себе невест и уводили к себе в дом. Этот древний обычай, очевидно, нашел отражение в некоторых народных песнях, сохранившихся в некоторых деревнях вплоть до XX в. (песни тина: «А мы просо сеяли, сеяли...»).

Еще одним способом заключения брака была покупка невесты женихом. Следы этого обычая, вероятно, сохранились в обряде выкупания невесты у ее брата и подруг, в символической продаже ее косы и т.п. Вообще, древний обычай покупать или выкупать невест был некогда известен у многих языческих народов. Так, например, Геродот упоминал об обычаях енотов, пришедших из Иллирии, в определенный день устраивать своеобразные торги: все девицы, достигшие совершеннолетия, сходились в сопровождении своих родителей в условленное место, куда приходили и молодые парни, и вообще мужчины, которые и покупали девиц. Более мягким вариантом этого обычая был русский обряд смотрин, когда девушки собирались все вместе, а парни приходили с родителями и присматривали себе невест. Возможно, некогда обряд смотрин был аналогичен обычаю, описанному у Геродота, и изменился лишь позднее, вероятно, под влиянием христианства.

Различны были не только способы заключения, но и сами формы брака. Так, например, в древности у славян было известно многоженство, а изредка встречалось и многожество (что, вероятно, являлось отголоском матриархата). Существовали также пробные браки, когда невеста переселялась к жениху, а свадьба откладывалась до рождения ребенка; если же «супружество» оказывалось неудачным, свадьба не устраивалась вовсе, а невеста возвращалась к родителям, получая какой-либо подарок от жениха, вознаграждение

Помимо обычного брака с переходом жены к мужу, встречался также и брак, при котором зять брали в дом жены; такого жениха невеста иногда сама шла сватать, он участвовал в девичнике, готовил приданое, назывался «примаком», «подживотником», «привальнем», в шутку даже «молодухой»; говорили, что он «выходит замуж», а невеста «женится» на нем. Во многих местах встречались повторные браки, однако их во многих случаях заключали между собой только вдовы и вдовцы, поскольку считалось, что овдовевшие соединяются на «том свете» со своим первым супругом; в первый же брак с вдовами и вдовцами вступали неохотно из опасения остаться на «том свете» без нары.

Ограничения и запреты к вступлению в брак касались преимущественно родства и вероисповедания, а также возраста. Так, например, во многих местах соблюдалась очередность вступления в брак детей, особенно дочерей, согласно старшинству; в некоторых местах девушка даже могла «засидеться в девках» из-за того, что ее старшая сестра не могла или не хотела выйти замуж. Свадьбам нередко препятствовала и различная вера, а также принадлежность к разным сословиям, иногда — разница в возрасте жениха и невесты. Нередко препятствием к вступлению в брак могло послужить то, что девушка не сохранила до свадьбы свою невинность; впрочем, от «нечестных» невест женихи отказывались не везде (так, например, по некоторым данным, у пермяков девушки редко сохраняли девство до свадьбы, однако женихи обычно не обращали на это особенного внимания и брали охотно даже беременных, порою — в расчете на то, что «мирен (незаконнорожденный) скоро работник будет»). Но все-таки девственность невесты всегда считалась желательной, что, в частности, отразилось на народной лексике, на названиях невесты со значением моральной оценки: так, невесту, сохранившую свою девственность до брака, называли честной, хорошей, скромной, доброй, правильной, праведной, справедливой, совестной, законной, чистой, целой и т.п., а невесту, утратившую девственность до свадьбы, — худой, плохой, нечестной, гадкой, недостойной, несовестной, непотребной, прогулянной, покрыткой и т.п. (эти обозначения были направлены, с одной стороны, на прославление, величание и чествование «честной» невесты и ее родителей, а с другой — на осуждение, поругание и осмеяние «нечестной» невесты и ее семьи).

О том, возможен ли брак между нарнем и девушкой, удачным ли и выгодным ли он будет, судили обычно родители и ближайшие родственники молодых. Едва девушка или парень достигли брачного возраста, их родители обычно немедленно начинали присматривать им пару, причем старались выбрать человека из хорошей и богатой семьи, работающего, умелого и т.д. Так, например, во многих областях России отец, решив, что его сын уже достаточно взрослый и ему пора жениться, сам, прислушиваясь только

к советам умудренных годами родственников, выбирал благонравную и послушную девушку, способную хорошо вести хозяйство, родить здоровых детей и т.д.; сын о выборе отца мог и не знать до самого рукобития. Самым подходящим возрастом для вступления в брак на Руси обычно считался возраст около восемнадцати лет (хотя браки порой заключались и в раннем возрасте, в некоторых областях — в 12-13 лет); к 25 годам холостыми обычно оставались только парни, либо жившие в крайней бедности, в сиротстве, либо слишком некрасивые собой, либо по каким-то причинам не желавшие заводить семью. Некоторые парни женились, даже не достигнув еще восемнадцатилетия; такая ранняя женитьба обычно объяснялась тем, что их родители желали иметь в доме лишнюю пару рук, еще одну работницу, а также старались удержать сыновей от противозаконных шалостей (заботы, связанные с появлением семьи, должны были, по мнению родителей, отвлечь молодых людей от незаконных или неприличных развлечений).

Брак, как правило, связывал людей на всю их жизнь (по крайней мере, до конца жизни одного из супругов). Но так как брак далеко не всегда оказывался удачным (обычно из-за того, что супруги сошлись не по своей воле, а по воле родителей, или из-за того, что брак был заключен слишком поспешно, когда молодые еще не узнали друг друга как следует), в семьях нередко возникала супружеская неверность. Случалось, например, так, что молодая жена, насильно отданная за уже немолодого и нелюбимого мужа, встретила молодого красивого парня, и тогда между ними нередко возникала интимная связь. Точно так же и многие мужья, неудовлетворенные супружеством, отправлялись искать ласки и близости у жен соседей, либо у молоденьких девиц. Супружеская неверность осуждалась и наказывалась: так, например, в некоторых местах пару, уличенную во внебрачной связи, передевали в платья противоположного пола (мужчину в женскую одежду и наоборот), а затем с позором водили по улицам. Однако внебрачные связи вовсе не были такой уж редкостью как в деревнях, так и в городах, как среди простого населения, так и среди высшего сословия.

Явная неприязнь супругов, их ненависть по отношению друг к другу могли послужить причиной для развода. При разводе супруги или свидетели обычно разрывали над проточной водой или на перекрестке дорог полотенце, пояс или другую деталь одежды, что символизировало разрыв супружеских отношений. Но при этом разводы обычно не одобрялись ни церковью, ни даже населением, и по этой причине в древности случаи разводов были весьма редки. Подобное отрицательное отношение к разводам в некоторых деревнях сохранилось вплоть до XIX и даже XX вв.

Брак мог оказаться и неудачным, и нежелательным; но при этом свадьба, венчание, вступление в брак повсеместно считались радостным и счастливым событием. При этом всякая свадьба повсеместно и с

времен обставлялась самыми разнообразными обрядами, обычаями, гаданиями и пр. Во время всех этих обрядов и пр. использовалось множество различных вещей и совершалось множество действий, как правило, символизирующих счастье, вступление в супружеские отношения и т.д.

Мотив круга — обобщенный символ брака — встречался в свадебных обрядах наиболее часто. В свадебном обряде повсеместно применялись такие предметные символы, как кольцо, венок, круглый каравай, кольцеобразный калач и т.п. Кроме того, понятие круга как символа брака встречалось во многих свадебных терминах: «окручаться» (вступить в брак), «крученка» (любовная связь), «крутить», «повивать» (менять невесте прическу и девичий головной убор на женский), «окрута», «повойник», «завивало» (головной убор замужней женщины), «верч» (вид свадебного хлеба) и т.д. В некоторых местах в древности практиковалось даже заключение брака путем обхода молодых вокруг дерева, озера, дома, церкви, стола, дежи и т.п., оборачивания кругом на одном месте и т.д.

Цветовыми символами брака считались белый и красный, поэтому на свадьбе использовались вещи преимущественно этих цветов: белое или красное покрывало, фата невесты, красно-белое свадебное знамя, красные ленты в косе невесты, красный кушак свата, красный передник матери невесты, красные цветы, ягоды, украшения и т.д. Цвета эти должны были символизировать девственность невесты: белый — ее чистоту и девственность, а красный (цвет крови) — сохранение невестой девственности до свадьбы; символика этих цветов была тесно связана с наиболее распространенным ритуалом проверки девственности невесты, в той или иной степени известном практически всем славянам, — с демонстрацией сорочки невесты пли простыни с постели молодых после первой брачной ночи.

Символом заключения брака для невесты являлась перемена прически и головного убора (после которой девушка считалась взрослой женщиной и женой), а также связанное с этим покрывание и раскрытие головы невесты на свадьбе. Так, во многих местах принято было перед свадьбой расплетать невесте косу надвое, надевать на нее женский головной убор — кокошник, кокуй или кичу, а также покрывать голову фатой — символом стыдливости и скромности; делали это обычно либо подруги невесты, либо взрослые женщины, наряжающие ее, например, мать, сваха и т.д.

Брак символизировали и различные способы сведения жениха с невестой, а также сажание их рядом «на посад», опоясывание, соединение голов, волос, связывание рук, рукобитие, связывание кочерги с помелом для удачного сватовства, запрягание молодых и т.д. Идея брачного соединения и скрепления передавалась также в свадебных песнях, в которых упоминалось кование венца, свадьбы. Кроме того,

Брак

символом брака являлись действия, связанные с добычей, поимкой (например, мотивы охоты, ловли рыбы, а также осады города, полона, часто упоминаемые в свадебных песнях). Действия же разрушения и разделения, также используемые в свадебных обрядах, заключали в себе идею расторжения связи с прежним состоянием, жизнью до свадьбы (отсюда — используемые в свадебных песнях и обрядах мотивы топтания травы, ломания калины, обрядовое битье горшков, ломание ложек после угощения, преломление хлеба над новобрачными и т.п.).

Некоторая часть обрядов, приуроченных к свадьбе, символизировала не просто брак, а отношения между супругами. Так, например, некоторые из этих обрядов обозначали покорность невесты и господство мужа над женой. Вообще, женщина с давних времен воспринималась как существо, находящееся в практически рабском положении и во всем зависящее от мужчины; даже христианство указывало, что «дело жены — повиноваться мужу». На такую зависимость, очевидно, указывал и обычай покупки невест (как символической, так и действительной), и некоторые свадебные обряды. Так, например, практически повсеместно был известен такой обычай, как «снятие сапога», когда новобрачная разувала своего супруга; жених в это время слегка ударял невесту плетью, а затем одаривал ее деньгами. Выражение «девичье куничное», «свадебная куница», означавшее откуп за невесту, также говорило о рабской зависимости девушек и женщин (впоследствии кунами, или куницами, в Литве стали называть цепи, в которые заковывали девиц при церковном входе за нарушение целомудрия). Подобные обычаи, символизировавшие зависимость женщины от мужа и вообще мужчин (отца и пр.), долгое время соблюдались не только простыми крестьянами, но даже и боярами и князьями: так, например, некоторые иностранные исследователи писали, что в Москве на боярских свадьбах «совершался обычай разувания и трехкратное ударение плеткой, которою вместе с гостинцем клали в ларчик».

Во время свадьбы повсеместно совершалось множество обрядов, направленных на то, чтобы повлиять на будущую жизнь молодых, способствовать их счастью, миру в семье и достатку, рождению детей и т.д. Так, например, молодых повсеместно принято было обсыпать хмелем, зерном и даже деньгами, чтобы они жили счастливо, сыто и богато. Символом богатства и достатка являлся также свадебный каравай и вообще богатое угощение. Богатство символизировало и сидение на мехах (молодых на свадьбе сажали на меховую шубу или даже просто мохнатую шкуру), а прибыль в доме, по народному убеждению, обеспечивало спяние на ржаных снопах, которые стелили молодым вместо постели. Накануне свадьбы и после нее молодые обязательно мылись в бане, что выражало чистоту брачного ложа и вообще чистоплотность. Подобные обычаи при этом соблюдались не только среди простого народа, но даже и в царских и боярских домах.

Многие обряды, приуроченные к свадьбе, имели целью защитить молодых, а также гостей и родных, от злого воздействия колдунов. По народному убеждению, ведьмы и колдуны всегда стараются испортить молодоженов: препятствуют заключению брака (например, заставляют лошадей останавливаться на полпути к церкви); делают так, чтобы в семье всегда было неладно, молодые болели и ссорились, не было достатка, не рождались дети и т.д.; иногда же и вовсе обращают жениха и невесту, а вместе с ними и весь свадебный поезд, в волков или медведей. По этой причине во время свадьбы молодым необходимо было иметь при себе самые разные обереги: они опоясывались сестью, носили с собой железные предметы, написанные на листках и закрепленные на шейных крестах молитвы и т.д. Кроме того, если в деревне имелся колдун, его непременно приглашали на свадьбу, чтобы таким образом задобрить его и предотвратить порчу; колдуна в этом случае именовали вежливым и считали его одним из самых главных участников обряда (наравне с дружкой). Если же в деревне было несколько колдунов, старались пригласить самого сильного из них, полагая, что если его принять должным образом (т.е. встретить с поклоном еще на пороге, посадить на самое почетное место, хорошенько угостить и т.д.), он ответит от молодых всякое зло и нейтрализует все недобрые чары других колдунов.

Особое место в свадебных обрядах занимали птицы, и в первую очередь курицы, т.к. курица являлась символом женских гениталий. Еще во времена язычества у литовцев в первый день бракосочетания муж раздирал принесенную ему на постель жареную куропатку, часть которой отдавал своей подруге. В некоторых местах еще при отправлении невесты с приданным к жениху ее голову покрывали наметкой, а в руки давали курицу. Жареную курицу (курая вечерняя) в первый день подносили новобрачным и в России; кроме того, в некоторых местах также принято было на свадьбу дарить молодым пару живых гусей в ленточках, а иногда даже лебедей. Лебедей же, но уже в жареном виде, подавали в старину молодым на княжеских пирах; существовало даже поверье, что лебедей можно есть только новобрачным.

Одним из главных элементов всякого свадебного обряда с давних времен являлись свадебные песни. Собственно, песнопением сопровождался весь обряд бракосочетания: песни пелись и во время сговора, и во время свадьбы, и даже в то время, когда новобрачных отводили в спальню (в некоторых местах девушки до полуночи пели песни у спальни молодых). Некоторые из этих песен пелись во время посиделок и игр, когда определялись будущие супружеские нары; другие песни пелись во время обряда «окликания» молодых, и т.д. Песни эти нередко сопровождались музыкой: так, на свадьбы повсюду принято было звать дудочников, гусельников (гусляров) и прочих музыкантов. В свадебных песнях, как правило, высказывалось «приготовление к обязанностям жены и хозяйки,

Бродячие огоньки

изображение замужней жизни, иногда выражение девичьей тоски при воспоминании о том, как волей-неволей она должна оставить дом родителей». При этом многие свадебные песни содержали отголоски старинных языческих обычаев, а в некоторых из них упоминались (по большей части в припевах) и языческие божества — покровители любви и брака: Лада (Ладо), Яр-Тур (вероятно, Ярила) и Леля (иногда в мужском роде — Лель). Упоминались в этих песнях и «сине море», «бел-горюч камень (Алатырь)», терема и светлицы, «скатерти браные», караваи, перепечи, сахарные яства, гривны и т.п.

Кроме свадебных песен, в народе существовали еще и свадебные причитания, голосования. Согласно поверью, невесте необходимо еще перед свадьбой, в девичнике, плакать и причитать, так как, по старинной поговорке, «не плачешь за столом — будешь плакать за столбом». Поэтому невеста, иногда — уже накрытая фатой, вместе с девицами-подругами садилась где-нибудь на возвышенном месте и там начинала причитать, т.е. не то протяжно распевать, не то говорить напевным голосом, оплакивая свою прежнюю вольную девичью жизнь, посылая привет отцу и матери, братьям и сестрам, вообще всем родственникам, прощаясь со своим домом и (если ее выдавали в другое село, на чужбину) со своими прежними подругами.

Из всех лиц, участвующих в свадьбе, самым деятельным лицом, на которое возлагались самые важные обязанности, являлся обычно дружка. Во многих местах он фактически распоряжался всей свадьбой и руководил многими из свадебных обрядов. Дружка обязан был знать все обычаи, песни и вообще все, необходимое для проведения свадьбы; он должен был быть «и весельчак, и плясун, вообще ловок, смышлен, а также и недурен собою и в обращении». Когда заканчивались приготовления к свадьбе, именно дружка должен был ехать ко всем родным и знакомым со стороны и жениха, и невесты и от имени вступающих в брак звать всех в гости, приветствуя их при этом рифмованным приговором, например: «Бью челом бачко (имя-отчество), бью челом мачка (имя-отчество), к новобрачному князю, к молодой княгине, хлеба кушати». Собрав всех и приготовив весь поезд собранных со стороны жениха к невесте гостей, дружка обращался сначала к отцу и матери молодого, в несенной форме сообщая им, что все гости уже собрались и кони «новобрачного князя дожидаются», чтобы ехать к молодой; он призывал родителей благословить молодого, который едет «по свою новобрачну княгиню, сужену взять, ряжену взять, по Божьему велению, но царскому уложению, по господскому приказанью, по мирскому приговору. (Благословляйте!)». Окончив свою стихотворную речь, дружка, также в стихах, обращался к собравшимся гостям, причем сначала к мужчинам, затем к молодым женщинам, после к девушкам и, наконец, к «малым ребятам»; в своем обращении к гостям он также призывал благословить молодого. После этого он отправлялся вместе с женихом и гостями к невесте.

При этом, не доехав до селения невесты, он оставлял поезд в поле, а сам с «поддружием» приезжал на двор к свату. Сват встречал их с пивом в руках; дружка принимал это подношение с прибауткой, а затем входил в горницу и говорил хозяевам: «Еста! сватушка и свахонька коренные, нам сват и сваха приказали про вас расспросить, про свое рассказать: наш сват и сваха добры и здоровы по сяков день и по сяков час. Как вас Бог несет?» После этого дружка на несколько минут присаживался за стол, а затем вставал, брал пиво и потчевал свата, повторяя сказанный перед этим приговор и прибавив к нему просьбу поскорее собрать невесту. Затем, по соизволению отца, он сажал невесту за стол и, поднося свату пива, просил, чтобы тот дал невесте стража, который сидел бы рядом с ней до самого

приезда жениха. Когда это распоряжение исполнили, дружка, вновь в песенной форме, сообщал, что он, как и сват, выполнил свою обязанность («Приехал к тебе на широкий двор, широки двory осматривал, новы стойницы опрастывал... Я ходил в нову горницу, Богу помолился, с вашей милостью поклонился, ваша милость встречали, за дубовые столы сажали, посидел, погостил, что надо себе получил, новобрачну княгиню за стол посадил; не так просто уезжал, а сторожа оставлял») и теперь должен вернуться за женихом и гостями. Сват отвечал, что рад всех принять, и дружка отправлялся за женихом. Когда же дружка возвращался вместе с женихом, сват непременно встречал их и сажал за стол. Дружка после этого вставал и говорил какой-либо соответствующий стихотворный приговор, в котором призывал свата и сваху благословить «новобрачного князя с новобрачной княгиней» отправиться «под венцом стоять, закон Божий принять». Когда же новобрачные возвращались домой после венчания, когда заканчивалось свадебное застолье, дружка вставал и говорил: «Еста, сватушка коренной / И свахонька коренная! Благословляйте своих детей / На подклет идти, Под шубой спать, / Под куньей спать, Кунью шубу в ногах топтать, / Здоровенько спать, / Веселенько встать». После этого, вновь приветствовав всех гостей, дружка оканчивал всю церемонию свадебного обряда.

Бродячие огоньки — см. Блуждающие огни.

Бу ван — см. Бука.

БУКА, бага, буван, букан, буканка, буканушко, буканай, букарица, букачка, бомка — фантастическое существо, которым пугают детей (ср.: «Спи, спи! А то вот бука придет к окошку... и сволокет тебя к цыганам»; «Не шуми, а то буканушко придет»; «Не плачь, а то букан съест», «Нишни, деушка, не то букан придет и тебя возьмет», «Вот буканко-то тебя!», «Пугают молодого букой, а старого мукой», «Пугают ребят и просто букою; ее считают черною, оборванною женщиною», и т.п.). Так же называли и нечистую силу неопределенного облика, таинственное существо,

обитающее в пустых постройках, в глухих углах дома или в лесной глухомани.

Представления о буке — детском страшилище — были распространены повсеместно, однако описания буки в народных поверьях весьма расплывчаты. Как правило, его описывали как страшилище с растрепанными волосами, с огромным ртом и длинным языком, нередко горбатое, кривое, хромоте и т.п. Часто это нечто толстое, расплывчатое, уродливое по форме, «букатое»; оно ходит только ночью, около домов и дворов, хватает, уносит с собой и пожирает детей. В некоторых рассказах и поверьях бука принимает облик мохнатого «хозяина» пустого дома или лесной чащи («В монастыре как-то ночевал, в пустом. Крысы шум подняли, а я думал, бука гремит»; «И ветер поднялся, думала, крышу ухватит, то ли водяник поднялся, то ли русалка али букачка»; «Отец болел, сон видел. Пришел он в лес. Вдруг как закричит по лесу: «Ягод-то надо? Красенькие, беленькие!» Бука и был»; «Ходишь букой лесовой», и т.п.).

Поверья о буке были известны не только русским, причем бука не обязательно выступал только как «детское пугало». Например, в рассказах мордовских крестьян Саратовской губ. бука выступал как разновидность оборотня: считалось, что он, «с виду похожий на копну сена», появляется преимущественно ночью и гоняется за прохожими, издавая звуки, «похожие на рычание сердитой собаки»; при этом он любит кружить по площади вокруг церкви, и когда народ сбегается посмотреть на него, немедленно проваливается «в землю, в тартар». В поверьях алтайцев и тувинцев бука, бук — это тоже нечто вроде оборотня: он появляется в сумерках, принимая облик различных животных, пугает людей, вызывает болезни и ночные кошмары.

По-видимому, бука в славянских поверьях был персонификацией ночного морока, опасности, страха, ужаса, некоей таинственной силы, которая может проявиться где угодно, чаще всего — в особо опасных местах (в лесной глухомани, в заброшенных строениях и т.п.) и в особо опасное время (в полночь и т.п.). Но в отличие от других подобных существ, он в поверьях крестьян XIX-XX вв. в первую очередь, был сказочным детским пугалом, а не воспринимаемым всерьез мифологическим персонажем. Его использовали для того, чтобы устроить и заставить притихнуть расшалившихся или капризничающих детей, а также для того, чтобы отлучить младенцев от груди, как бы перевести их во взрослую категорию (например, в иных случаях мать, желая отлучить младенца сосать молоко, натурала соски сажай и, указывая на черное пятно, говорила требующему груди ребенку, что это «бука»; а в Олонекской губ., если подросший ребенок никак не желал расставаться с зыбкой, ряженный букой уносил ее из избы). Само слово *бука*, особенно адресованное детям, создавало «образ чего-то не вполне определенного, но опасного, темного и в то же время заволаживающего, пробуждающего творческую фантазию,

сродни игре слов: «От стукания пошло буканье, от буканья пошло оханье», и т.п.

При всем при этом бука, очевидно, нередко ассоциировался с другими персонажами народных верований, в первую очередь с домовым. Так, подобно домовому, бука в рассказах бывает мохнат и может напоминать медведя («Робёнку, буде не слухатце, говоришь: «Спи, спи, бука идет». А спросишь, какой бука, — а в шубы, шерстью повернут»; «Букой детей пугали, это медведь значит»). В детской колыбельной («Баю, баю, баю, бай, поди, бука, под сарай, коням сена надавай, у нас Колло не пугай!») буку прогоняют под сарай кормить лошадей — занятие, традиционное для домового, дворового. Как и домового, бука может жить в голбце, в подполье, вообще где-то в доме, в конюшне, на сеновале (ср.: «Вот посажу тебя в голбец, там тебя бомка схамкает»; «Заговорив о суседке, вам расскажут еще о какой-то букарице, которая обитает чуть ли не в том же подполье», и т.п.). Подобно домовому или дворовому, бука может в сумерках бродить по дому или двору, пугать, издавать непонятные звуки, давить и душить спящих, насылая кошмары и т.д. Вообще, в некоторых поверьях (особенно Русского Севера и Сибири) образ буки нередко бывает слит с обликом домовых духов, которые, по народным поверьям, не только покровительствуют хозяйству, но и персонифицируют судьбу обитателей дома, предвещают (а иногда и приносят) несчастья, болезни, смерть. Похищение же букой детей близко стоит к представлениям о том, что домовые — это души умерших (в некоторых поверьях — души некрещеных младенцев) и они иногда могут похищать детей и уносить их к себе, превращая в домовых и дворовых.

О родстве буки и домового говорит, возможно, и само его имя. Названия такого типа (возводимые к индоевропейскому гнезду с корнем *b(e)u-*, *bh(e)u-* — «надувать, отекать, пухнуть, вздуться, наполняться») в верованиях многих народов имеют преимущественно домовые духи, а также черти (например, ирландское *phuka*, английское *pusk*, нижненемецкое *rook*, древнешведское *ruke*, древнорвежское *ruki* — «домовой», «черт» ит.п.). Впрочем, название «бука» может также являться производным от общеславянского *bukati* — «реветь, плакать, вообще издавать различные звуки — мычать, бурчать, урчать» и т.п.; а по некоторым предположениям, бука — образование в детской речи от междометия «бу».

Вообще бука — это лишь самое распространенное название страшилищ, которыми пугают детей. В народных поверьях существует множество чудищ-пугал, сходных с букой: гуга, внитериха и т.п.

БУЯН — в народных легендах и заговорах мифический остров, находящийся где-то «на море-окияне», наделявшийся в народной традиции фантастическими чертами потустороннего мира. Так, например, в заговорах Буян неизменно указывался как место пребывания различных мифологических персонажей, в том

Буян

числе и христианских святых, помощь которых, по мнению знахарей, придавала заклинаниям силу. Кроме того, по свидетельству заговоров, на этом острове также находится некий чудесный предмет, обеспечивающий получение желаемого; в роли такого предмета чаще всего выступал священный камень алатырь. Упоминание этого «бел-горюч камня», лежащего на острове Буяне, встречается во множестве самых различных заговоров; так, например, практически любой заговор, обращенный к стихийным божествам, обычно начинался следующей формулой: «на море на окиане, на острове на Буяне лежит бел-горюч камень алатырь», а многие из таких заговоров при этом еще заканчивались фразой тина: «кто тот камень изложет, тот мой заговор превозможет» (что считалось делом совершенно немислимым и потому надежно «запирало» заговор).

Судя по всем этим многочисленным заговорам, песням и преданиям, Буян-остров, находящийся посреди мирового океана и являющийся местопребыванием различных мифологических существ и чудесных предметов, в древности был не чем иным, как олицетворением весенне-летнего неба, с которого на землю нисходят и жаркие солнечные лучи, и прохладные дождевые струи, согревающие и увлажняющие землю и заставляющие растения расти, цвести и приносить урожай.

Небо в народной традиции издревле уподоблялось всесветному морю; светила же, появляющиеся на время на небе и вновь исчезающие где-то за горизонтом, представлялись древним народам погружающимися в морские воды. Так, например, сербы верили, что солнце и месяц каждые сутки купаются в море, чтобы не утратить своего блеска; восточные же славяне загадывали о потухающих поутру звездах такую загадку: «Катилися каточки по липову мосточку (мост — это небесный свод), увидели зорю — пошли в воду». У русских, да и у других славян тоже были в употреблении выражения тина: «луна выплывает из-за туч» или «месяц плывет по небу».

Светло-голубое, блистающее небо представлялось лежащим за облаками, или за дождевым морем; и чтобы достигнуть царства солнца, луны и звезд, по верованиям славян, необходимо было переплыть эти воды (так, дорога к солнцу, по свидетельству сказок, почти всегда идет через море). А так как это небесное царство представлялось окруженным со всех сторон водами, в народном воображении оно неизбежно соотносилось с островом. Вероятно, этот-то воображаемый, поэтический остров сказки и заговоры и стали называть Буяном, хотя, по всей вероятности, это название первоначально было не более чем эпитетом (так, в некоторых местах вместо названия «Буян-остров» традиционно использовалось выражение «буевой остров»). Слово Буян было, по-видимому, образовано от слова «буй», синонима слова «яр» (о чем говорит частая замена этих слов одного другим: например, Буй-тур и Яр-тур),

закрывающего в себе такие понятия, как весенний, горячий, пылкий, страстный, урожайный, яркий. То же понятие весеннего плодородия заключалось и в слове «буй»: так, глагол *бу ять* означал вырастать, нежиться (ср. выражение: «он буял у батюшки»), или слова народной песни: «Дерево кипарисовое, где ты росло, где буяло? Я росло на крутой горе, буяло против солнышка»), а прилагательное *буйный*, употреблявшееся обычно применительно к нивам, лугам и лесам, служило обозначением быстрого роста, густоты и богатого урожая (ср. выражения: буйные (т.е. густые и высокие) травы, буйный лес, буйные хлеба, буйные ягоды; чешек, буйна пшенице, обили буйне). Вообще же, слово буйный (буявый) в народе употреблялось в смысле: дерзкий, наглый, неистовый, яростный; слово *бу есть* понималось как удасть, отвага, а выражение «буйная головушка» применялось по отношению к людям бесшабашным, отважным, смелым. Буйные ветры означали ветры сильные, стремительные; буйная зима — зиму студеную и резкую. Болгары давали этот эпитет и огню («буен оган»). Выражение же «остров буян» было, по-видимому, поэтическим названием весеннего неба — хранилища теплых солнечных лучей и живительной влаги дождя, активизирующих все жизненные, «ярые» силы земли, одевающих ее зеленью и цветами и обеспечивающих хороший урожай земных плодов.

Как воплощение неба, остров Буян представлялся славянам средоточием всех могущественных сил весенних гроз, всех мифических олицетворений громов, ветров и бури, всех стихийных явлений, связанных с небом. Там, согласно песням, преданиям и заговорам, находятся и «змея всем змеям старшая», и «вещий ворон, всем воронам старший брат», который клюет огненного змея (ср. древнее предание о том, что гроза бывает оттого, что Илья-пророк гоняет по небу Змея), и птица, «всем птицам старшая и большая, с железным носом и медными когтями» (по некоторым преданиям, это чудесная птица Стратим, «всем птицам мать», которая «живет на океане-море и творит своими крыльями буйные ветры»), и пчелиная матка, «всем маткам старшая». То есть, на острове Буяне лежит громоносный змей — олицетворение грозовых туч, грома и молний, гнездится птица-буря и роятся пчелы-молнии, посылающие на землю «медвяную влагу дождя»; от них-то, как от небесных матерей, по народному убеждению, и произошли все земные гады, птицы и насекомые.

Кроме этих мифических существ, на острове Буяне, по свидетельству заговоров, находятся и дева Заря (олицетворявшая собой не только утреннее и вечернее солнце, но и молнии, зарницы), и пророк Илья (культ которого заменил при христианстве культ языческого бога грозы Перуна; ср. выражение: «На море на окиане,

на острове на Буяне гонит Илья-пророк в колеснице гром с великим дождем»), и сама пресвятая Богородица (в народе нередко чествовавшаяся под именем громницы, громовницы и огненной Марии). Таким

образом, на Буяне обитали небесные божества — победители Зимы и податели животворящей небесной воды, без которой ничто на земле не растет и не цветет.

Соотносился остров Буян и с солнцем, также находящимся на небе и необходимым для плодородия. Так, например, «бел-горюч камень алатырь», покоящийся на нем, судя по всему, был не чем иным, как метафорой ясного солнца, плавающего по воздушному небу-океану; да и сам остров Буян описывался иногда как сияющая золотая гора, соотносимая с солнцем (так, например, один из списков «Сна пресвятой Богородицы» начинался следующими словами: «На горе на горюне (от слова *гореть*), на горе на Буяне»), что объяснялось, очевидно, древним представлением неба в образе хрустальной или золотой горы).

Таким образом, остров Буян был средоточием всех сил, необходимых для плодородия и вообще для благополучия людей. К обитающим на этом чудесном острове сверхъестественным существам древние славяне обращались со своими молитвами, с просьбами даровать хороший урожай и безбедное житье, послать дождь или солнце, исцелить от ран и болезней, послать счастье в любви, на охоте и в домашнем быту. В легендах и заговорах христианских времен остров Буян даже в какой-то мере соотносился с раем — благодатным царством вечного лета, где пребывают святые и праведники, а с ними и сам Господь.

Представления о чудесном острове Буяне были весьма близки к русским легендам о соотносимых с раем блаженных островах Макарийских, где, по преданиям, цветут чудесные сады и текут реки молочные и медовые, а берега у них кисельные (по указанию старинных апокрифов, райские реки текут млеком, вином и медом). Русские сказки рассказывали, что на этих островах всего в изобилии: «Девка выйдет, одним концом коромысла ударит, готовый холст поденет; другим зачерпнет, нитки жемчугу вытянет»; там, по народному убеждению, находятся и береза — золотые сучья (мировое древо), и корова — «на одном рогу баня, на другом котел», и чудесный золоторогий олень, и райская птица сирий, у которой «перья непостижимой красоты, пение обаятельное, лик человеческий», и т.д. Древняя лубочная карта, известная под заглавием: «Книга, глаголемая Козмография, переведена бысть с римского языка», размещала «остров Макарийский» на восточной стороне, в омывающем круглую равнину земли океане; про этот остров говорилось, что он «под самым востоком солнца, близ блаженного рая; потому его тако нарицают, что залетают в сий остров птицы райские Гомаюн и Финикс и благоухание износят чудное... тамо зимы нет».

Самое предание о Макарийском острове, лежащем на восточной стороне вседневного океана, где царствует Солнце и вечная весна, было, очевидно, античным преданием (ср. древнегреческое предание об острове, омываемом океаном, где находится чертог Зари-Эос и откуда поутру выходит светлый Гелиос) и попало к славянам уже в средневековой переделке, «чрез

посредство переводных хронографов». Но при этом оно вполне согласовывалось с древнейшими славянскими легендами и поверьями. Так, например, у всех славян были известны представления о том, что у Солнца есть свое царство далеко на востоке, за морем, где царит вечное лето и откуда весной приносятся на землю семена различных растений. Считалось, что туда на зиму скрываются перелетные птицы, насекомые и даже змеи. У восточных славян эта страна именовалась Вырием или Прием: так, например, Владимир Мономах, говоря о появлении перелетных птиц, прибывающих из южных, теплых земель, писал: «сему ся подивуемы, како птица небесная из ирья идуть... да наполнятся леей и поля». Ирий, Вырий упоминается и во многих народных песнях (ср., например, украинскую песню о соколе: «Видна ж моя головонько, що я рано з вырья вийшов»). В древние времена эта чудесная страна считалась небесным миром, в котором обитают боги и души умерших предков — «дзядов». Эти представления об Ирии как о небесном загробном мире мертвых также говорят в пользу того, что предания об острове Буяне возникли на основе древних легенд о Вырии: так, словами *буй*, *буйвище*, *буево* в русском языке обозначались погосты, кладбища, места около церкви, обнесенные оградами, где в старину погребались умершие.

Бык — одно из наиболее почитаемых животных, воплощение ярой жизненной силы, олицетворение плодородия; традиционное жертвенное животное.

Бык был необходимой частью множества славянских обрядов и молений еще с языческих времен, когда его приносили в жертву богам и духам. Древнейшее свидетельство о жертвенном быке принадлежит Прокпию Кесарийскому (VI в.), который сообщил, что славяне веровали в верховного бога громовержца и в жертву ему приносили быков и иных священных животных. Принесение быков в жертву высшим силам дожило в иных местах (например, на Русском Севере, в Нижегородской, Пензенской и Орловской губ.) и до XIX-XX вв., а некогда, судя по всему, было распространено повсеместно.

Наиболее часто быка жертвовали в Ильин день (2.VIII ст.ст.), некогда — день громовержца Перуна. Так, например, в восточной Сербии в Ильин день традиционно резали быка, варили его в большом котле и съедали сообща всем селом. Жертвенный бык покупался на общие деньги; например, в местности, где было пять священных ключей-колодцев, люди, придя к этим ключам умываться по пятницам и воскресеньям, непременно оставляли там деньги, на которые потом и покупался бык, которого затем закалывали и поедали там же — на месте «Петикладенци». В Македонии быка также приносили в жертву в Ильин день: жители села или даже нескольких сел собирались на особом «оброчном» месте и после общей молитвы варили мясо быка, которое и поедали сообща.

У восточных славян существовал обычай устраивать в Ильин день мужскую скотоводческую братчину, на которой собравшиеся приносили своеобразную жертву — закалывали быка, специально к этому празднику выкармливаемого всей общиной. Подобные жертвоприношения совершались, например, во многих русских деревнях: поселяне, чествуя начало жатвы, устраивали общинные обеды в складчину (в Пермской губ., например, на такой пир собиралась вся волость) и непременно закалывали к трапезе быка или теленка. Убитого быка тут же варили в больших котлах и съедали или раздавали его мясо и сохраняли кости, которые, по народному убеждению, приносили владельцам удачу: так, например, олонецкие охотники и рыболовы верили, что кость «ильинского» быка утраивает добычу, и даже простые мужики на братчине старались во что бы то ни стало заполучить кусок бычьего мяса с костью, чтобы «захватить счастье» (так как, по поверью, «с тем, кто имеет ильинскую кость, всегда пророк Илья»). На Орловщине и в некоторых других местах кости быка после братчины нередко закапывали в хлев, «чтобы не переводился скот в доме», или по краям поля, «чтобы хлеб лучше родился». При этом по жертвенному быку во время братчины иногда гадали об урожае и о погоде во время страды: так, например, в Олонецкой губ. считалось, что жертвенный ильинский бык «красного цвета» обеспечивает ясную погоду во время жатвы и сенокоса.

Схожее жертвоприношение быка во многих местах совершалось также и в праздники, посвященные Николаю Чудотворцу. Например, в Костромском крае при болезнях и надежде скота традиционно устраивали «Микольщину» («величали Великому Миколу»): «обещали» новорожденного бычка растить до трех лет, чтобы затем заколоть его к празднику зимнего Николы и справить обед на всю деревню. На Нижегородчине такая же «Никольщина» — обеденный пир с поеданием трех летнего бычка — приходилась на мясоед, глухую осень или раннюю весну.

Не менее часто связывалось жертвоприношение быка и с Петровым днем (29 июня ст. ст.). Так, например, в Новгородской губ. на первое воскресенье после Петрова дня у церкви устраивалась народная «мольба» или «жертва», где убивалось иногда до 30 голов скота; задние части при этом отдавали церковному причту, а все остальное жертвенное мясо складывалось на столы у церкви и после освящения и песнопений подалось поселянами. При этом местные крестьяне рассказывали, что раньше для этого жертвоприношения к церкви приходили олени: «В старое время приходили к нашей церкви два оленя и было сказано, что брать для убоя только одного, а другого отпускать на волю. Вот по один год и удумали заколоть обоих оленей. Как только сделали против заповеди, олени и перестали ходить».

Вообще, схожие легенды о жертвенных оленях, замененных позже быками, были распространены в народе очень широко. Так, например, на Русском

Севере, у верховьев реки Ваги, в первое воскресенье после Петрова дня перед обедней убивали быка, купленного «на общий счет целою волостью», варили его мясо в больших котлах и по окончании обедни съедали со-обща, причем в трапезе принимал участие и священник. Предание из тех мест также уверяло, что некогда в этот день из леса выбегал олень, и именно его убивали для праздничного пира, но однажды олень перестал прибегать, и крестьяне, не дождавшись, заменили его быком, а олень с тех пор не появлялся.

Подобные же легенды рассказывали и крестьяне тех мест, где жертвоприношение быка совершалось около дня Рождества Богородицы, в осенний праздник урожая. Например, в Новгородской губ. «В старое время 8 сентября прибегали на погост Комоневского прихода две лани; одну из них резали и варили, а другая уходила. Но после того, как поп Ванька заколол обеих, лани уже не появлялись. Усердные богомольцы вздумали заменить их приводем домашнего скота». На Белоозере же, в окрестностях Кирилло-Белозерского монастыря, бытовала такая легенда: «В день Рождества Богородицы самки оленя ежегодно приводили с собой детеныша, которого (крестьяне) закалывали и варили и им угощали проходящих, а мать отпускали. Когда же праздник приходился в постный день, тогда олени приходили накануне и праздновали накануне, что делается и до настоящего времени, но теперь олени уже не приходят, и крестьяне приносят в жертву рогатый домашний скот». Варианты этой легенды из тех же мест гласили, что некогда в день Рождества Приснодевы

Марии к церкви прилетали различные птицы (лебеди, гуси, утки) и приходили олени (и вообще разные звери; по одному из вариантов — даже особой породы быки, выходявшие из озера), одного из которых убивали, а остальные исчезали; когда же крестьяне стали убивать и остальных животных, птицы и звери перестали приходить, и вместо них на храмовый праздник у паперти стали приносить в жертву «обещанного» быка: закалывали его, варили его мясо и отдавали это мясо нищим, а остальной «обещанный» скот продавали мясникам, передавая вырученные деньги в пользу церкви.

В принципе, такие легенды о чудесных жертвенных оленях, замененных позже быками, вполне можно объяснить древними преданиями о двух небесных важеньках (оленихах или лосихах) — прародительницах всего живого. Представления о небесных лосях (позднее — наполовину женщинах, наполовину лосихах) были свойственны многим охотничьим народам: в образе лося первобытные племена представляли себе верхний мир, небесную стихию, само небо, солнце и звезды. Предания о небесных хозяйках мира в образе важенок, возникшие, по-видимому, еще в каменном веке, дожили у полудиках охотничьих народов тайги и тундры и до XIX в.: так, например, мифы эвенков знали и небесную лосиху Хэглэн, и лосиху или самку оленя Бугады Энинтын («относящаяся к Вселенной мать их»), являющуюся Хозяйкой Мира и матерью

зверей и людей. Но в земледельческой культуре славян культ двух зооморфных богинь, женщин-лосих, сменил культ антропоморфных богинь-рожаниц, покровительниц земледелия, богинь плодородия и деторождения (посвященный им праздник при христианстве был заменен праздником Рождества Богородицы). Вероятно, в древности этим богиням действительно приносили в жертву оленей, а позже заменили их быками — рогатыми домашними животными, в народных представлениях тесно связанными с культом плодородия. Этот переход, в частности, нашел отражение в обрядовых вышивках: так, например, на одной из северорусских обрядовых ширинок (возможно, предназначенной для престольных праздников с жертвоприношениями) была изображена небольшая квадратная скатерка, по одну сторону которой располагалась женская фигура с поднятыми к солнцу руками, и по сторонам ее — две самки оленя с коротенькими хвостами, а по другую сторону скатерти находились олени с ветвистыми рогами, и между ними — похожий на плаху жертвенник с отрубленной головой быка на нем.

Таким образом, бык занимал важное место в обрядах, связанных с плодородием, в первую очередь, как традиционное жертвенное животное. Однако роль быка в подобных обрядах отнюдь не ограничивалась только принесением в жертву: так, в некоторые праздники быка не убивали, а, наоборот, наряжали, украшали лентами и цветами и в сопровождении торжественного шествия водили по селу. Например, в Польше бык выступал как центральный персонаж троичских обрядов: его покрывали старой сенью и обряжали цветами и ветками, вешали на рога венки из ветвей березы и гнали впереди стада; либо сажали на него чучело «рыцаря» из ольховой коры и затем сбрасывали его наземь, называя этот обряд воловьей свадьбой. Подобные обряды явно были связаны с культом растительности, и бык в них, по-видимому, служил воплощением какого-то весенне-летнего божества солнца и плодородия наподобие Ярилы.

У восточных (а отчасти и у западных) славян культ быка был тесно связан со святками и масленицей. Так, например, в Архангельске на масленицу возили по городу быка на огромных санях, запряженных в двадцать и более лошадей. Бык также был излюбленным персонажем ряжения, традиционного для святочных и масленичных празднеств: участники святочных обходов и масленичных шествий надевали бычьи маски, вывернутые мехом наружу шубы, заворачивались в бычьи (воловы) шкуры и т.д., стараясь походить на быка. В Польше на святках по домам традиционно водили парня, наряженного быком.

Во многих местах известны были также святочные игры в быка, когда парень, держа горшок на ухвате (рога), приходил в избу, мычал около девок и махал головой, как бык; его «продавали» и, сговорившись о цене, кто-то из толпы «убивал быка» — бил по горшку, разбивая его, после чего парень, изображавший быка,

убегал вон из избы, а другие парни били заранее приготовленными соломенными жгутами девок, спрашивая: «С кем быка ела?» Известен и другой вариант этой игры: парень, ряженный быком, вбегал на посылки и начинал «бодать» девок, задирая им подолы, причем старался боднуть побольше; потом быка «убивал» кто-нибудь из присутствующих парней. Подобные обряды, по-видимому, также были связаны с культом плодородия и должны были способствовать деторождению.

Итак, бык у славян считался священным животным, посвященным богам плодородия. Как представитель домашнего скота и как сакральное животное, он противопоставлялся диким зверям, обитающим вне сферы человеческого жилища. Болгары верили даже, что бык недосыгаем для нечистой силы, наряду с волком и медведем. Но вместе с тем, бык в народной традиции мог иногда и соотноситься с нечистыми духами, что, в принципе, могло быть следствием его почитания язычниками и его связи с языческими божествами и духами, позднее объявленными церковью нечистыми «врагами рода человеческого». Так, например, сербы-лужичане верили, что «нечистый» может появляться в облике стада черных быков или бычков-телят, а украинцы полагали, что черт иногда принимает вид двух дерущихся бычков; в восточнославянской традиции облик бычка (порой черного или белого, а иногда и огненного быка) также мог приписываться полевому и вообще стихийному духу.

Наряду с этим в некоторых местах существовали и былички о бычках — «скотинках лесового бога» (ср. русское поверье о том, что леший иногда забирает потерявшихся коров в свое стадо) или быках и коровах водяного (черта). Существовали также поверья о том, что клады или духи-кладовики могут появляться в облике черного, белого или рыжего (огненного) быка. Например, в Нижегородской, Пермской, Вологодской, Архангельской и др. губ. существовали былички о людях, которым клад показался в облике быка; одних он словно подманивал, показываясь и исчезая в месте, где были зарыты богатства (ср., например: «Вот однажды шел мужик с поля, а вечер уже наступил, и вот видит — идет по полю белый бык. Мужик за ним, бык — от него, и вдруг не стало его. Мужик и догадался, что там клад зарыт...»), других же, наоборот, отгонял от найденного клада («Вот уже совсем было взял горшок с золотом, и тут, откуда не возьмись, налетел на него бык... Мужик вскочил и бежать. Потом опомнился, вернулся, а клада как не бывало, и даже места того отыскать не смог...»). У сербов также существовали поверья о быке, охраняющем клад, причем они считали, что для того, чтобы выкопать клад, «надо принести в жертву своего быка и зарезать его на месте закопанного клада».

Близко к преданиям о духах-кладовиках, появляющихся в бычьем облике, стояли предания о духах — охранителях ключей, источников, колодцев и озер, появляющихся в облике быка; причем таким духам

нередко приписывалась недоброжелательность по отношению к людям и домашнему скоту. Сербы в Метохии рассказывали, например, что на Подриме из глубокого источника некогда выходил большой бык и нападал на сельских волов; тогда кто-то из крестьян выковал железные наконечники, укрепил их на рогах своего вола, и вол забодал быка, после чего источник пересох на десять лет. У украинцев также были известны схожие предания о чудесных быках, появляющихся вблизи источников и никому не дающихся в руки, а порой и нападающих на людей, непочтительно относившихся к источнику (ср. германское поверье о том, что водяной выходит из болота или из моря оплодотворять коров в виде дикого быка).

В южнославянской космологии бык (иногда буйвол или вол) также был связан со стихией воды и считался опорой земной тверди. Схожие представления, впрочем, были известны и другим славянам: сербы, например, верили, что земля покоится на четырех быках — черном (на западе), сивом (на юге), белом (на севере) и красном (на востоке); считалось, что быки эти стоят в густой желтой воде, пьют ее и ею насыщаются, но при этом они постепенно стареют и слабеют, и однажды у них подкосятся ноги, тогда земля даст трещины, желтая вода проникнет в них и случится всемирный потоп.

Таким образом, во всех обрядах и поверьях, связанных с культом быка, прослеживается постоянная связь этого животного с водой и плодородием; наблюдается также и связь с небом, небесными светилами и огнем. Связь эта нашла отражение даже в народных загадках и некоторых названиях природных явлений. Так, например, во Владимирской губ. передовые ряды темно-красноватых, грозových туч, выплывающих из-за горизонта, и в XX в. называли быками. Грохот грома в загадках издревле сближался с мычанием быка, а молнии — с его рогами: «Ревнувь виль на сто гирь, на тысячу городивь», «Крикнувь виль на десять дворивь, а на тысячу городивь чутко», «Ревнуль вошь за сто горь, за сто речек» (гром), или: «Тур ходит по горам, турица-то по долам; тур свистнет, турица-то мигнет» (гром и молния). Огню домашнего очага, как символу небесного пламени грозы, давалось в народе все то же метафорическое название: «Бык железный, хвост кудельный» (огонь и дым), «Лежит бык — осмолёный бок» (печная заслонка), «Рыжы бык ды чорнага ліже» (огонь и горшок), «Бык в хлеве, хвост на хлеве» (нар, клубящийся из окна или дверей избы), и т.п. Помимо этого, народные загадки сближали быка с небесными светилами (и в первую очередь — с «рогатым» месяцем), ср.: «Лысый вил кризь забор дывиця» (месяц сквозь забор светит), «Белый бык (корова) в подворотню сморит», «Два быка бодутся — вместе не сойдутся» (месяц и солнце, а также день и ночь, небо и земля), «Белый вол всех людей поднял» или «Лысый вил усих людей звив» (день), «Сирий бик у вокно ник» (рассвет) и т.п. (ср. также эпитет греческой Селены — «волоокая»). Под тем же образом быка

представляли народные загадки и мороз (рассматриваемый как холодное дыхание тучи), и воду (соотносимую с небесным дождем), ср.: «Сивый вол выпил воды полный двор» (мороз, сковавший лужи), «Конец села забито вола, до каждой хижки (избы) тянутся кишки» (река или криница, из которой село берет воду), «Бык ревет, хвост к небу дерет» (деревенский колодец), и т.п.

Эта связь с водой, земной и небесной, а также с огнем и светилами, объяснялась, очевидно, одним из древнейших и наиболее распространенных верований, представлявших дождевые облака быками и дойными коровами, а дождь — молоком, ниспадающим на землю. Летние облака, питающие дождем нивы, уподоблялись быку, семя которого плодит стада, и корове, молоко которой кормило семью пастуха. В древние времена скот доставлял человеку и пропитание, и одежду; теми же благодатными дарами наделяли людей и земля, производящая хлеб и лен, и небо, яркими солнечными лучами и животворными дождями пробуждающее вегетативные силы земли. Поэтому пастухи и пахари древности обозначали творческие силы природы и стада коров, овец и коз схожими названиями. Так, например, в санскрите обозначения облаков, быков и коров, дождя и молока были тождественными или происходящими от одного корня: *gotra* означало стадо коров и облако, *godhrita* (от *go* — корова и *dhr* — содержать) — коровье молоко и дождь, *gaweduh* (от *go* и *duh* — донть) — облако, а *goduh* — доящий корову, пастух.

Представление дождевых облаков стадами скота было известно многим народам. Так, например, по свидетельству гимнов Ригvedы, Индра поражает своей громовой палицей демона Вритру, разрушает облачные скалы и освобождает небесных коров, даруя людям дождь; по другим же гимнам, Индра, как могучий мясник, разрезает облачному быку сухие, связующие жилы и низводит на землю шумные потоки вод, питающих землю. По представлениям последователей индуизма, бык (Индра) — это оплодотворитель неба, а облака — это трижды семь пятнистых коров. Индру при этом некоторые гимны прямо называли быком: «Ты наш бык! (т.е. шествующий в туче, одетый грозовым облаком) отверзи облака, всегдашний податель благ!», или: «Воспой мощного этой песнею, хвали Парджанью, благоговейно чти его! С ревом скоро дарующий бык испускает свое семя (дождь) и дает плод злаку».

Те же представления были свойственны и грекам. Так, например, греческий бог-громовержец Зевс (по своим функциям близкий к индийскому Индре) иногда принимал облик быка (ср. миф о похищении Европы), и быков приносили ему в жертву. Посейдон нередко изображался с бычьей головой; при этом он, по легенде, выслал из моря (соотносимого с дождевыми потоками) дикого быка, который (подобно Зевсу, овладевшему Европой) вступил в любовный союз с Пасифаей, и плодом этого союза стал Минотавр —

чудовище с человеческим телом и шеей и головой быка. Дионис, бог плодородия, также часто изображался в виде быка (или хотя бы с головой или только рогами быка) и наделялся такими эпитетами, как «рожденный короной» или «бык», «быколикий», «быкорогий» и т.п., причем посвященные ему обряды нередко включали в себя жертвоприношение быка: так, например, раз в два года жители Крита устраивали праздник, на котором собственными зубами разрывали на куски живого быка, инсценируя миф о страданиях, смерти и воскресении божества (согласно одному из вариантов мифа, Зевс в виде змея посетил Персефону, и та родила ему рогатого младенца Диониса; новорожденный, едва появившись на свет, воссел на трон своего отца, но вскоре на него напали титаны, и он, спасаясь от них, принимал разные облики, но в конце концов вражеские ножи настигли его в облике быка и разрезали на куски).

Скандинавская мифология говорит о четырех черных быках, порожденных богиней моря и великаном, а гольштейнская сага — о двух быках, которые роют рогами гору (тучу) и поднимают бурю. Финская Калевала рассказывает, что на свадьбу громовника Ильмаринена привели столь огромного быка, что ласточке нужно было не менее дня, чтобы пролететь между его рогами, а белке пришлось бы целый месяц взбираться по его хвосту; когда этого быка убили, то мясом его наполнили сто ушатов, кровью — семь лодок, и семь же бочек — жиром. В Зендавесте первоначальным существом, из которого произошли все творения, называется бык Абудад, хранитель семян всего сущего; Митрас (Митра) убил его в темной пещере и его кровью (т.е. дождем) оплодотворил землю.

Существовало представление о быке-туче и у славян. Весеннего, плодотворящего землю бога-громовника (Перуна, Ярил у и пр.) они соотносили с быком, яр-гуром, символом могучей весенней живительной силы плодородия. При этом, соответственно различным поэтическим воззрениям, бог-громовник, податель оплодотворяющего землю дождя и, следовательно, плодородия, или сам выступал в образе ярого быка, златорогого буй-тура (золото — символ молнии), или представлял пастухом, выгоняющим на небо облачные стада, либо пахарем, бороздящим облачное небо (возделывание земли издревле совершалось волами или быками; та же работа приписывалась в некоторых мифах и небесным быкам Перуна-громовержца).

Представление небесных туч, мечущих молнии и проливающих оплодотворяющий землю дождь, в облике чудесных небесных быков и послужило, очевидно, причиной того, что бык в народе стал восприниматься как священное животное, посвященное богам-громовержцам, заведующим всеми небесными операциями. По этой причине быки стали неотъемлемой частью обрядов и молений, посвященных таким божествам, как Перун (бог грозы и дождя, податель небесной влаги), Ярила (бог плодородия, возможно, одна из ипостасей Перуна), Радегаст (божество, схожее с Свентовитом; идол его, стоящий в городе Ретре, правой рукой держал щит с изображенной на нем черной бычьей головой) и пр. Быков приносили этим божествам в жертву; кроме того, в праздники, посвященные этим богам, быков наряжали и водили по улицам, а также рядились в быков, подражали их поведению, надевали украшения с изображением быка и т.д.

В некоторых весенних песнях бык, или тур, упоминался наравне с весенне-летними божествами плодородия (ср., например: «ой, Тур — Дид-Ладо!»); возможно, что под именем тура в этих песнях также подразумевалось некое божество (ср. одно из имен эпитетов Ярилы — Яр-Тур). Сами весенне-летние праздники в некоторых местах некогда именовались «Турицами»: например, у южных славян так называли весенний карнавал на масленицу, а у западных славян праздники «турицы» отмечались около троицына дня. Именно с этими праздниками, возможно, были связаны различные женские украшения с изображением быка, тура. Например, в землях радимичей были найдены круглые подвески, на которых изображалась огромная голова быка с четко профилированными рогами, ушами, большими круглыми глазами и вырезанным на лбу двойным треугольным знаком, опускающимся углом книзу; вокруг головы быка располагались семь схематично изображенных женских фигурок. Помимо таких подвесок, были известны и головные уборы с рогами быка: так, например, у потомков дреговичей и вятичей вплоть до XIX в. сохранился девичий головной убор с большими «турьими» рогами из соломы и ткани; а в бывшей Калужской губернии у девушек и в конце XIX в. был довольно популярен праздничный головной убор с огромными рогами, хотя священники и не пускали таких «рогатых» девиц в церковь.

В

БАЗИЛА — у белорусов разновидность домового или дворового, дух-покровитель лошадей. Название его было, по-видимому, образовано от глагола *возить*.

Согласно народным поверьям, вазила выглядит как маленький человечек с конскими ушами и копытами. Всякий домохозяин имеет своего вазилу, который живет в конюшне (сарая), около лошадей. Будучи доволен хозяевами, вазила заботится о лошадях, оберегает их от болезней, а когда они ходят в табуне на выпасе — прогоняет от них хищного зверя и следит, чтобы они не отбились и не потерялись, не были похищены. Крестьяне верили, что у хозяина, дружащего с вазилой, всегда будут водиться лошади; но если вазила рассердится, то заездит и замучает лошадей до того, что они заболеют и погибнут.

ВАМПИР, упырь, упир — оборотень-кровосос, восставший из гроба недобрый мертвец. Само название «вампир» было мало распространено на Руси, так как представление о кровожадном вампире проникло из Западной Европы только на Украину и в Белоруссию (укр. упир, белорус, вупор). В великорусских поверьях, однако, были существа, в какой-то степени напоминающие вампиров, — еретики, упыри и т.п.

Согласно народным поверьям, возникшим под влиянием европейских мифов, вампирами становятся люди, укушенные другими вампирами. Но в славянских верованиях превращению покойника в вампира способствовала чаще всего «нечистая» смерть или несправедная жизнь покойного. Считалось, например, что если человек был большим грешником, то земля не примет его, он станет выходить из могилы и мстить живым, высасывая их кровь, пожирая их и т.д. В некоторых местностях Украины верили, что вампиром может стать человек, рожденный в «такой час», в особо злую и неблагоприятную минуту (например, в полночь или в безлуние). Иногда превращение умершего в вампира приписывали несоблюдению некоторых обрядов: например, практически повсеместно у славян был известен обычай завешивать пли отворачивать к стене зеркало, когда в доме находится покойник; по поверью, если этого не сделать, то умерший станет вампиром. Считалось также, что вампирами часто становятся покойные колдуны и ведьмы, которые при жизни знали с нечистой силой и продали душу нечистому (черту).

По народному убеждению, мертвец, ставший вампиром, не подвержен гниению; он лежит в гробу лицом вниз, и лицо у него красное (или лицо бледное, но глаза налиты кровью), а язык острый, как жало змеи;

по многим поверьям, он обладает острыми звериными клыками и может быть глухим или слепым. По ночам вампир выбирается из могилы и бродит по земле (при этом в некоторых местах украинцы верили, что мертвого вампира носит на спине живой), причиняя различные беды: насылая град и засуху, распространяет различные эпидемические болезни, наводит порчу, вызывает мор, а также гоняется за одинокими прохожими и душит или пожирает (загрызает) их. Иногда вампирам, подобно чертям и огненным змеям, приписывали сожительство с живыми женщинами: считалось, что вампир может ходить к своей жене или одинокой вдове, которая после посещения ночного гостя начинает быстро худеть, сохнуть, терять силы и вскоре умирает. Кроме того, по некоторым поверьям, вампир нередко является в дом своего прежнего врага, а иногда и друга или родственника, ложится на грудь своей жертвы, прижимается губами к сердцу или сонной артерии на шее и пьет горячую кровь (ср. подобные поверья о ведьмах и колдунах, например, чешское поверье о тига — душе злой чародейки, которая в полночь покидает тело и бросается на сонных людей, давит их и сосет из груди горячую кровь). При этом вампир может приходиться к своей жертве в течение нескольких ночей (в некоторых местах при этом верили, что он обычно является в виде тумана, вихря, столба пыли, блуждающего огня, тучи или какого-либо животного, например, летучей мыши, кошки, собаки, мухи и т.п.), постепенно выпивая ее кровь и жизненные силы. У человека, ставшего жертвой вампира, остается лишь маленькая, едва заметная ранка, однако он с каждым днем становится все бледнее и, в конце концов, погибает.

Для того, чтобы прекратить блуждания мертвеца-вампира, крестьяне применяли самые разные способы. Одним из надежнейших средств считался осиноый кол: так, в некоторых местах существовало поверье, что ходячего покойника, вампира, можно убить ударом осинового кола (полена) наотмашь; в других же местах селяне, подозревая в каком-нибудь покойнике вампира, раскапывали его могилу (делали это днем, пока он лежит в гробу) и забивали ему в грудь, в спину или в сердце осиноый кол, либо отрубали покойнику голову, забивали в рот осиноый колышек или зуб бороны, сжигали труп на осиновом костре и т.п., полагая, что после этого мертвец потеряет свою силу и уже не сможет выйти из могилы. Вообще, вторжение вампира в мир живых в традиционной культуре преодолевалось обычно специальными обрядами удаления трупа из могилы (например, в случае засухи крестьяне некоторых мест извлекали из могилы покойника, про

Василиск

которого считали, что он стал вампиром, и бросали его в воду) или пригвождения его к земле (осиновым колом или другими предметами).

Кроме того, против вампира, как и против других заложных покойников, применяли различные обереги, например, острые железные предметы (иглы, воткнутые в одежду, топор, который клали в изголовье, и т.д.), обыденные предметы и т.п. У южных и западных славян в качестве оберега от вампира часто использовались сети, невод и т.п.: например, на севере Македонии умершего на ночь покрывали рыбацкой сетью, чтобы он не стал вампиром и «не утащил с собой кого-нибудь», а у кашубов умерших иногда даже хоронили вместе с сетью, полагая, что вампир не сможет выйти из могилы и навредить кому-нибудь, пока не развяжет все узлы на сети.

У восточных и отчасти западных славян в качестве оберега от вампиров и ходячих покойников большой популярностью пользовались разнообразные жгучие или колючие растения, например, чеснок, который развешивали по дому или носили как ожерелье, или крапива, которую забивали в щели домов и клали на крыльцо и на подоконник. Хорошей защитой от вампира считались также терн (и не только из-за его колючек, но и из-за того, что «терновый венец» был надед на Христа во время распятия) и боярышник, ветки и шипы которого помещали в воротах и над окнами домов на ночь; в некоторых местах шип боярышника втыкали в покойника, если подозревали в нем вампира, а в других местах под кустом боярышника хоронили умерших некрещеными детей, чтобы они не стали вампирами.

Помимо всего прочего, для защиты от вампиров традиционно применяли и различные сакральные предметы — крест, иконы, просфоры, воск и пр. Например, для того, чтобы воспрепятствовать превращению умершего в вампира, поляки облепляли шею усопшего пятью шариками из воска, а украинцы возлагали на грудь покойному восковой крестик и в руку вставляли восковую свечу; русские крестьяне носили на шейном кресте записанные на бумажке молитвы и специальные ладанки, полагая, что это предохранит от нападения вампира и вообще нечистой силы, а в некоторых местах и сам нательный крестик считался достаточной защитой от нечистого покойника. При этом особой силой нередко наделяли кресты, изготовленные особым образом или из особого материала (например, из остатков бадняка, из осины, тиса, воска ит.д.).

ВАСИЛИСК — (лат. basiliscus, от греч. ; — «царь») демонический персонаж, нечистый дух в птичье-змеином облике; по некоторым поверьям — царь змей (василиско — одно из традиционных названий змей в заговорах).

В народных поверьях василиск описывался обычно как змей, одновременно имеющий сходство с петухом (именно такой облик приписывали ему древнерусские

азбуковники), а иногда и с разнообразными гадами. Например, в некоторых местах крестьяне верили, что василиск имеет тело петуха с головой индюка, глазами жабы, крыльями летучей мыши и хвостом змеи; либо обладает крыльями дракона, когтями тигра, хвостом ящерицы, клювом орла и т.п. В других же местах полагали, что василиск похож на большую ящерицу, либо обладает туловищем жабы, хвостом змеи и головой петуха, увенчанной гребнем в виде диадемы или украшенной сияющим драгоценным камнем.

Происхождение василиска обычно связывали с куриными яйцами, высиженными (или выношенными) необычным образом, либо с яйцами петуха. Так, например, на Руси существовало поверье, что если петух старше семи лет, то его не годится держать в доме, так как он может снести яйцо, из которого родится огненный змей или василиск; колдун возьмет такое яйцо и будет носить его у себя за пазухой или закопает в горячий навоз, а через шесть недель из яйца вылупится змей-василиск и станет носить ему серебро и золото (ср. сходные поверья об огненном змее, хованце и т.п. — персонажах, весьма близких к василиску). В некоторых местах это поверье звучало несколько иначе: крестьяне рассказывали, что петуху раз в сто лет разрешено снести маленькое уродливое яичко-спорышок (в нем один желток и нет белка), и если такое яйцо девка шесть недель будет носить под мышкой, то из него вылупится василиск. Иногда считалось также, что василиск может родиться из петушиного яйца, высиженного жабой, или из яйца, снесенного и высиженного петухом в алтаре (из такого яйца может также появиться летающий змей, черт или домовый дух). При этом, по некоторым поверьям, сам василиск также может снести яйцо, однако из него вылупится не другой василиск, а гадюка.

Об удивительном и ужасном василиске в народе существовало множество поверий. Так, например, крестьяне некоторых мест полагали, что василиск может соединиться с колдуном и невидимо жить в нем, даря ему колдовскую силу; верили также, что василиск исполняет все приказания своей мачехи, выносившей его под мышкой: таскает ей серебро и золото, мстит за нее тем, на кого она зла, и т.п. По некоторым поверьям, василиск также может сожительствовать с женщинами, подобно огненному змею; от такой связи рождаются ведьмы и колдуны. Нередко считалось еще, что василиск, подобно дракону, является хранителем кладов.

Помимо всего этого, народные поверья наделяли василиска смертоносным взглядом и гибельным дыханием. Считалось, например, что от дыхания василиска сохнет трава и посевы, трескаются скалы, гибнут животные и люди. Взгляд василиска смертелен для всех, в том числе и для него самого: он умирает, увидев свое отражение в зеркале. Губителен для василиска также вид или крик петуха; помимо этого он, по народному убеждению, как и все нечистые духи, боится молитвы и креста, освященной еды и т.п.

Ведогоны

Обитает василиск, по народному убеждению, в расщелинах скал или в пещерах, в пустынных и заброшенных местах. Помимо этого, он может также жить на чердаке или во дворе того дома, где живут его хозяева; в этом случае он может обитать там же, где обычно обитают домовые духи, — в подпечье, в надворных постройках, в подвале и т.д. (ср. сербское поверье о петухе-змее или русские былички о дворовом духе, принимающем иногда вид змеи с петушиной головой). В пище василиск не нуждается: ему достаточно полизать камень, чтобы утолить голод.

В некоторых местах образ завораживающего взглядом василиска, развитый, очевидно, ассоциативной игрой (василиск — василисковый — васильковый), нашел отражение в народных представлениях об особых качествах василькового цвета как опасного, завораживающего, бездонного. Соответственно оказались связанными василиск и васильки: так, на Васильков день (4.VI) в некоторых местах запрещалось пахать и сеять из опасения, что в поле вырастут одни васильки.

Сейчас уже сложно сказать, на основании каких представлений возникли мифы о василиске. Повидимому, они имели те же истоки, что и мифы об огненных змеях, и опирались на древнейшие представления грозных туч огромными птицами. По древнему поэтическому представлению, восходящее поутру солнце рождалось из темных недр ночи, а солнце весеннее — из недр грозных туч. Согласно с этим, золотое солнечное яйцо несла черная птица-ночь или птица — молниеносная туча; этот миф по преимуществу соединяли с петухом, как птицей, в образе которой «равно олицетворялись и утренний рассвет, и пламя грозы». С началом весны, после долгих семи зимних месяцев, эта птица (черный петух) прилетает и вьет для себя гнездо в облачных пещерах, а потом сносит золотое яйцо; т.е. в весеннюю пору из мрачной грозной тучи является ясное солнце, и в то же самое время в кипучих облаках (горячем навозе) зарождается грозной змеей-василиск (ср. древнейшее представление молний и дождевых туч змеями). Этот змей — олицетворение грозы: его мертвящее дыхание — это холодные ветры, которые считали дыханием туч; его губительный взгляд — это молнии: он связан с золотом и кладами, т.е. с небесным огнем; драгоценный камень на его голове — это укрытое в тучах солнце; его клекот — это рокот грома, и т.д. Происходя от петуха, змей-василиск от него и погибает (его убивает петушинный крик); т.е. «демонический змей-туча умирает в грозе, когда небесный петух заводит свою громовую песню».

ВЕДОГОНЫ, ведогони — у южных славян незримые духи, сопутствующие людям (а по некоторым поверьям — и животным) до самой смерти.

Поверья о ведогонах очень близки к поверьям о душе. Черногорцы и сербы верили, например, что у каждого человека есть свой особый дух-ведогонь (Ледогонья), который исходит из человеческого тела во

время крепкого сна и охраняет принадлежащее человеку имущество от воров, а его самого — от других ведогоней и от волшебных чар. Кроме того, ведогонь во время сна человека нередко летает по миру, и то, что он видит, человек видит во сне. Наравне с этим существовало еще поверье, что между собою ведогони нередко ссорятся и дерутся, а порой и убивают друг друга, и в этом случае тот человек (или животное), ведогонь которого погиб в драке, уже более не проснется: в тот же самый миг он умрет во сне (поэтому черногорцы, если воину случалось умереть во сне, рассказывали, будто его ведогонь сражался с ведогонями врагов и был убит ими).

В некоторых поверьях ведогони воспринимались народом не столько как временно покидающие тело человека духи, сколько как души умерших, незримо присутствующие в мире живых. По народному убеждению, ведогони обычно невидимы (хотя и могут принять облик птицы или насекомого; ср. поверье о том, что, когда спит ведьма, из нее выходит ее дух-ведогонь в образе бабочки, летает по избам, садится на сонных людей и поражает их смертельно в левую грудь), но их присутствие выдают некоторые признаки, в первую очередь — сильный, разрушительный ветер. Например, кое-где у сербов существовало поверье, что тонкие паутинки, летающие осенью, — это несущиеся с ветром ведогони; кроме того, и сербы, и черногорцы считали, что когда вихрь срывает с деревьев листья и они, колеблясь, несутся по воздуху, — виной тому бывают борющиеся между собой ведогони, которые порой, разбушевавшись, в полете разрушительной бури, даже отторгают от гор большие камни, вырывают в лесах деревья и борются ими между собой, как враждующие рати. Адриатические славяне рассказывали, что к ним иногда прилетают ведогони с итальянского берега и сражаются с местными, и те, которые одолеют противника, уносят летние плоды (урожай) на свою землю.

Наряду с этим, в некоторых местах ведогонями называли еще и домовых духов (ср. общеславянское представление о том, что домовый — это дух умершего предка): так, например, черногорцы полагали, что ведогони охраняют жилье и имущество своих кровных родичей от нападения воров, недругов и чужеродных ведогоней. А нападения чужих ведогоней, по народному убеждению, случаются довольно часто: так, о сербских ведогонях рассказывали, что они любят расхищать чужое имущество и при этом постоянно и озлобленно дерутся между собой, стараясь победить противника и завладеть хозяйством, которым тот заведует (ср. русские рассказы о подобных же битвах между домовыми).

ВЕДУНЫ и **ВЕДУНЫ** — колдуны и колдуньи, знахари и знахарки; обозначение людей «ведающих», «знающих», обладающих знаниями и недоступными прочим людям умениями. В древности ведуны и ведуньи воспринимались народом как некие особые существа, умеющие превращаться в волков, повелевать

облаками и даже устраивать затмение луны и солнца; их магическим действиям приписывалось влияние на все силы природы, обеспечивающие урожай.

Некогда, в языческие времена, ведуны и ведуньи были, по-видимому, жрецами различных богов и хранителями знаний. Они были и лекарями, и предсказателями будущего; в их обязанности входило умиротворять грозных богов и в нужное время совершать различные обряды, благотворно влияющие на урожай, вызывающие дождь или, напротив, прекращающие продолжительные ливни, и т.д. Но с приходом христианства ведунов, как слугителей языческого культа, стали считать носителями зла; им приписывали насылание порчи, мора и т.п. Представление о том, что ведуны могут влиять на погоду и на урожай, превратилось в поверье о том, что ведуны могут вызвать засуху или град, грозу, погубить посевы и отобрать урожай.

Правда, крестьяне-христиане все-таки не считали ведунов исключительно злыми и враждебными существами: так, за ними по-прежнему признавали способность лечить людей, заговаривать болезни и предсказывать будущее. К знахаркам-ведуньям, например, крестьяне продолжали обращаться и в XIX в. Многие ведуньи и ведуны при этом пользовались в народе большим уважением (хотя к этому уважению зачастую примешивалась немалая доля страха), и к ним обращались гораздо чаще, чем к «ученым» врачам, причем по всякому поводу: при простуде или лихорадке, при тяжелых и непонятных крестьянам недугах, во время родов и даже в случаях порчи, разлада в доме, болезнях скота и т.д. Христианская церковь, в общем, относилась ко всему этому неодобрительно, но особых гонений со времен яростной борьбы с язычеством не устраивала, так что ведуны и ведуньи встречались во многих деревнях и в XIX-XX вв.

ВЕДЬМА, ведьмица, ведунья — (от глагола «ведать», т.е. знать) изначально, по-видимому, женщина-жрица, «исконная носительница тайных знаний», имеющая определенную чудесную власть над разнообразными проявлениями бытия природы и человека; позднее же, во времена христианства, — демоническое вредоносное существо, имеющее непосредственное отношение к нечистой силе и применяющее свои способности во вред людям. При этом ведьм в народных поверьях нередко смешивали с другими женщинами, также обладающими определенными сверхъестественными способностями (и, в принципе, почти аналогичными ведьмам); так, ведьму в разных местах могли называть: колдуньей, ведуньей, вещницей (вештицей), ворожеей, чародейкой, чаровницей и т.д.

Теперь уже сложно сказать, какую роль играли ведьмы-жрицы в прошлом. Скорее всего, они были в первую очередь хранительницами знаний, передававшими из поколения в поколение методы лечения болезней, руководившими различными обрядами (например, обрядами вызывания дождя), совершавшими жертвоприношения богам, занимавшимися

гаданиями и знахарством. В принципе, тем же самым занимались некогда языческие волхвы-мужчины; однако они, судя по всему, производили, в первую очередь, общественные магические действия и руководили обрядами, в которых принимали участие толпы (например, они возглавляли празднества, проходившие в городах или селах, и совершали жертвоприношения и обряды в храмах языческих богов), тогда как в семейном, домашнем обиходе, в вопросах гадания о личной судьбе, в лекарском знахарстве видная роль принадлежала именно женщинам, ведьмам.

Не исключено, что в древности колдовством занимались вообще преимущественно женщины; но, во всяком случае, в культуре тех народов, у которых долгое время (вплоть до XIX-XX вв.) сохранялся охотничий образ жизни (ср. народы Сибири, такие, как чукчи, якуты, эвенки и пр.), функции шаманов, очень близкие к функциям древних ведьм и колдунов, с одинаковым успехом выполняли как мужчины, так и женщины, причем нередко считалось, что женщина может быть более сильным шаманом, чем мужчина (хотя с рождением детей она, по некоторым поверьям, нередко утрачивает свою силу). В некоторых местах (например, в Северо-Восточной Сибири, в Средней Азии, в Индонезии) встречались даже особые «превращенные» шаманы — шаманы-мужчины, ведущие себя как женщины. Такие «превращенные» шаманы носили женское платье, выполняли женскую работу и порой даже «выходили замуж» за других мужчин, причем такой «брак» воспринимался окружающими как должное. Подобные женоподобные шаманы — энареи («не мужчины»), по сообщениям Геродота и некоторых других греческих авторов, были и у скифов. Подобное явление травестизма (т.е. «превращения пола») основывалось на каких-то архаических взглядах, возможно, на дуалистическом (двойственном) представлении мира, состоящего из двух начал — мужского и женского; весьма вероятно также, что оно являлось отголоском древнего матриархата, когда мужчины занимались преимущественно охотой, а обеспечение благополучия семьи и племени (в том числе и колдовство, шаманство и т.п.) было делом женщин.

Многие исследователи обычаев славян отмечали особое призвание женщин в деле колдовства, сохранения ведовских секретов, древних знаний и верований; даже в XIX-XX вв. в особо важных или критических случаях ворожили, колдовали обычно женщины, а не мужчины. При этом следует еще помнить о том, что некоторые магические обряды, жизненно важные для благополучия людей, по самой логике вещей, должны были совершать именно женщины. Таковыми, например, были обряды, связанные с культом плодородия, Великой Матери-Земли, дарующей людям пищу Кому, как не женщинам, имеющим непосредственное отношение к деторождению и, следовательно, плодородию, следовало совершать такие обряды? Недаром и в XIX-XX вв. ритуалы вызывания дождя, обеспечения

роста и плодоношения растений исполняли, в основном, женщины.

Скорее всего, в древности в каждом доме была своя «ведьма» — старшая из женщин, исполнявшая различные обряды, которые должны были способствовать благополучию семьи, и хранившая семейный очаг от всяких бед (ср. особую связь ведьм с печью в народных поверьях: ведьма может летать на хозяйственной утвари — ухвате, кочерге и т.п.; колдует чаще всего у печи; оборачивается сорокой, кувыркаясь на печном шестке; вылетает из дома через дымоход, и т.д.). В принципе, подобные хранительницы семьи существовали в славянских (и не только) селениях всегда: так, и в XX в. в крестьянских семьях хозяйка зачастую не просто следила за порядком и достатком в доме, готовила, прибирала, ухаживала за домашними животными и т.д., но и совершала некоторые обряды, которые должны были уберечь дом и двор от всякой беды, болезни, бедности и пр. В древности же, когда всем бытом земледельцев управляла вера в необъяснимые сверхъестественные силы, имеющие власть над судьбой человека, подобные обряды, очевидно, должны были быть едва ли не главной обязанностью любой хорошей хозяйки. Но помимо таких женщин-ведуний, занимавшихся благополучием только каждого в отдельности дома и его обитателей, должны были существовать еще и женщины-жрицы, совершавшие общественные моления и обряды, оказывавшие влияние на жизнь всего сообщества — села, деревни или даже целого города. Такие женщины-волхвы, женщины-ведьмы, выступали, по-видимому, как служительницы высших женских божеств славянского пантеона, в первую очередь рожаниц (Лады и Лели) и Макоши (ср. древнерус. «мокшить» — «колдовать», «мокоша» — «ворожающая женщина»), покровительниц урожая и домашнего очага, подательниц дождя и распорядительниц человеческих судеб. Должно быть, в былые времена такие ведьмы пользовались большим уважением и почтением окружающих, ведь от них в немалой степени зависело, уродится ли хлеб, не обрушится ли засуха и неурожай, мор, голод и смерть на людей.

Но почтение к ведьмам, посредницам между людьми и божествами, с приходом христианства сильно изменилось, и эти «ведающие женщины» в народном сознании превратились в демонических существ, преимущественно вредоносных, хотя и наделяемых иногда положительными свойствами, очевидно, присутствующими им прежде, в языческие времена. Так, в некоторых местах считалось, что от ведьм и ведьмаков «зависит урожай и неурожай, болезни и выздоровление, благосостояние скота и часто даже перемена погоды». Однако в большинстве верований христианских времен ведьма упорно считалась источником разнообразных бед: «Что бы ни случилось в крестьянской семье, виновной оказывается ведьма».

Конечно, представления о ведьмах после принятия христианства изменились далеко не в один миг. Фактически, они менялись несколько веков, ведь и само

христианство долгое время не могло побороть славянское язычество (так, например, в XVI в. еще продолжали переписываться церковные поучения против «ставящих трапезу Роду и рожаницам», а в некоторых местах вера в древних богов сохранялась и еще дольше); да и победу христианства, воцарившегося, в конце концов, на всей славянской территории, нельзя назвать полной, так как христианские представления тесно переплелись с языческими и претерпели значительные изменения.

Как же представляли себе ведьм крестьяне XVIII–XX вв.? В общем, представления эти были различными в разных местах и в разное время. Так, например, рассказы малорусских степей описывали ведьм как, по большей части, зрелых, уже вышедших из девического возраста, но еще отнюдь не старых и отличающихся красотой женщин, нередко — молодых вдов, шаловливых и лукавых «чернобровых красоток». Схожие представления были известны во многих местах, но при этом обычно считалось, что хотя ведьмы часто и бывают очень привлекательными, и даже сверхъестественно красивыми, красота у них бывает «недобрая», «дьявольская».

Согласно великорусским поверьям, ведьмы могут иметь облик красивых и соблазнительных женщин, по могут также выглядеть и как старые и толстые некрасивые бабы с растрепанными седыми космами, костлявыми руками и огромными синими носами. Порой таким страшным ведьмам приписывались и традиционные признаки нечистой силы: считалось, например, что они могут быть горбатыми и кривыми, хромыми, косыми и т.п. Иногда считалось также, что многие уродливые ведьмы скрывают свой облик под личиной красивых молодых; и наоборот, молодые и красивые ведьмы могут притворяться иногда старыми и безобразными.

Традиционный облик колдующей ведьмы, наиболее часто встречающийся в восточнославянских былинках, — женщина в белой рубаше, с длинными распущенными волосами, иногда с кубаном (горшком) за плечами, с подойником или корзиной на голове или в руках. В доме ведьма обычно колдует у печи, очага; покидая дом, она вылетает из трубы дымом, вихрем, птицей (обычно сорокой) и т.п. Она может быстро передвигаться, летать; для того, чтобы полететь, она оборачивается птицей (реже — лошадью или каким-либо зверьком) или становится женщиной-всадницей. «Конем» ведьме может служить метла, хлебная лопата или кочерга, палка (чаще всего березовая), лутошка (липовая палка без коры), плуг или ступа, иногда — коса или вилы, лошадиный череп, сорока или какое-либо другое животное; кроме того, она может ездить верхом на пойманном и заколдованном ею человеке или верхом на ночном ветре. Колдует, оборачивается и летает или бежит оборотнем ведьма чаще всего в сумерках, вечером или ночью.

В поверьях лесного севера России облик ведьм обычно сближался с обликом сказочной бабы-яги. Так,

Ведьма

в северных рассказах и быличках ведьмы часто описывались как безобразные, злобные, старые и косматые старухи, имеющие мрачные, воспаленные, покрасневшие глаза или дикий, хмурый взгляд; они всегда угрюмы и молчаливы, держатся в стороне, суровы в обращении и очень обидчивы. Часто считалось, что у ведьм, особенно прирожденных, могут быть демонические черты: две тени, хвостик или даже рожки, горбатость, хромота, кривизна и т.д. Многих ведьм в поверьях отличает привычка не смотреть прямо в глаза; при этом считалось, что если посмотреть ведьме в глаза, то в зрачках ее можно увидеть перевернутое отражение человека.

Впрочем, такой фантастический облик в народе иногда приписывался только ведьмам, обладающим колдовским даром от рождения. Те же ведьмы, которые получили свой дар от нечистой силы, согласно поверьям, внешне почти ничем не отличимы от обычных баб и девок: заключив договор с чертями, бесами и т.д. и начав колдовать, они обычно сохраняют тот же облик, который имели до заключения договора (хотя у них и могут при этом появиться какие-то новые черты: родимые пятна необычной формы, косоглазие или диковатый взгляд, нелюдимость, привычка разговаривать с чем-то невидимым и т.д.).

Вообще, по народному убеждению, все ведьмы в мире делятся на прирожденных и наученных. Прирожденные ведьмы — это женщины, в силу каких-либо причин родившиеся с колдовским даром. Причин, могущих привести к рождению ведьмы, народные поверья знали немало: так, например, считалось, что женщина может стать ведьмой, если она является дочерью ведьмы; если мать кормила ее грудью более двух лет; если ее мать и она сама были рождены вне брака; если ее родители совершили какой-то грех (не соблюли пост, прелюбодействовали и т.д.); если она (или ее родители) была проклята до своего рождения; если она была зачата родителями в «недобрый час» или в канун большого праздника; если она родилась «в рубашке» особого кровавого цвета, либо появилась на свет в период последней лунной фазы, и т.п. В некоторых местах верили еще, что «девка девку рождает до 9-ти (или 12-ти) раз, а десятая (тринадцатая) будет ведьма с хвостиком»; пока она еще молодая, ее хвостик будет «не более вершка, а к 50-ти годам он достигнет 5 вершков».

Но вообще, несмотря на обилие причин, обуславливающих рождение ведьмы, народные представления гласили, что ведьмы прирожденные встречаются реже, чем ведьмы наученные. Наученные ведьмы — это женщины, которые получили колдовские способности посредством договора с нечистой силой или переняли свою силу у других ведьм и колдунов. В первом случае будущая ведьма должна была совершить довольно сложные ритуалы, которые позволяли призвать дьявола и заключить с ним договор; по этому договору ведьма получала свою силу и помощников-чертей, а в обмен отдавала дьяволу свою душу и давать

творить зло (напускать порчу, распространять болезни, делать заломы на хлебе и т.д.). Во втором случае, ведьма могла получить свою силу и против воли, случайно: так, например, у восточных славян широко распространены были былички о людях, неосторожно взявших что-либо из рук умирающего колдуна или ведьмы и вместе с этой вещью перенявших и колдовскую власть. Былички эти основывались на представлении о том, что ведьмы и колдуны не могут умереть, если не передадут кому-то своей силы; нечистая сила будет мучить их много дней, и подходить к ним в это время крайне опасно (ср., например, былички о том, как умирающие колдуны и ведьмы, пользуясь неопытностью детей, подзывали их к себе, хватили за руку и со словами: «На тебе!» передавали свою силу; вскоре после этого дети начинали слышать голоса, требующие дать им работу или вынуждающие навредить порчу).

Впрочем, передача колдовской силы от одной ведьмы к другой вполне могла происходить и по обоюдному согласию. Так, например, согласно рассказам крестьян, ведьма, чувствуя собственную смерть, обычно старается как можно скорее подыскать себе преемницу (изредка — преемника), и только в том случае, если подходящей кандидатуры не найдется, пытается хитростью избавиться от своей силы. При этом нередко случалось так, что кто-то из родственниц, знакомых или соседней ведьмы добровольно соглашался перенять ее искусство (ср., например, быличку: «В Нерчинске жила бабка. Она умирать начала и призвала соседку, чтоб ей передать, что знала-то. Она весь вечер просидела с этой бабкой. Потом под вечер кошки ли не кошки — на чертей похожи — они через дорогу перебежали от той бабки, которая умирала, к той бабке, которая, значит, к ней приходила. Перебежали кошки. Ну, люди-то видели, говорили вот... А у нее было всего две черных кошки, у той бабки, а тут много-много через дорогу-то перебежало. И бабка эта в тот же вечер померла. Ну, она передала. Вот эти кошки-то все перешли. Черти ли они, кошки ли — все перешли»). В некоторых случаях ведьма даже могла выбирать себе преемниц из нескольких желающих девушек, проверяя их храбрость и пригодность к колдовскому ремеслу (ср.: «Девки наши пошли к одной колдовке, чтобы она научила их. А она из них только одну и выбрала. Посадила ее в комнату пустую и говорит: «Ты, дева, ничего не бойся», — и вышла. Вдруг дверь открывается, входит медведь. Подошел к ней и стал ее гладить. Она сидит молчит. Ушел медведь. Потом волк ли че ли вошел... Она вся обомлела, но молчит. Только волк ушел, гадюка заползает. Стала вокруг ее шеи обвиваться. Ну, девка-то та не выдержала и давай кричать. Гадюка-то и уползла быстренько. Только уползла она, а тут эта старуха входит. Говорит ей: «Дура ты, девонька, это я была», — и выгнала ее»).

Подобные рассказы о ведьмах, передающих свою силу, возможно, основываются на древнейших обычаях и обрядах, связанных с ведьмами как служительницами

Ведьма

богов и хранительницами знаний. Так, например, поверье о том, что ведьма не может умереть, пока «грехи свои не передаст», вероятно, основывалось на обычае передавать знания из поколения в поколение. Любые мастера, будь они плотниками, оружейниками, кузнецами, лекарями и т.д., старались, рано или поздно, отыскать себе преемников, которые продолжили бы начатое ими дело, что было подобно продолжению рода: если у человека нет детей, то его род угаснет, исчезнет с лица земли, и точно так же исчезнут, канут в небытие секреты мастерства, если мастер не отыщет достойного продолжателя своего дела. Перенять все приемы ремесла, усвоить их, сохранить, преумножить и передать дальше мог далеко не каждый, и поэтому вполне естественно, что мастера нередко устраивали своим ученикам испытания, дабы выяснить, достойны ли они выбранного дела. То же самое должно было касаться в древности и ведьм (ср. испытания, которым ведьмы в быличках подвергают своих кандидатов в ученики). Ведьмы должны были знать в совершенстве множество обрядов и магических и прочих приемов для умилостивления стихий и повелевающих ими божеств (ср. хотя бы обряды, вызывающие или останавливающие дождь, стимулирующие плодородие и т.п.), а также для отгона нечистой силы, лечения болезней, предсказания судьбы и т.д.; но эти знания они должны были кому-то передавать, чтобы в селении всегда был человек, умеющий в нужное время призвать дождь или остановить разрушительный град, обеспечить обильный урожай, избавляющий! от голода, предотвратить эпидемию и отогнать болезни, зло, смерть от людей. Позднее же, когда сила ведьм была объявлена «нечистой» и «дьявольской», процесс передачи колдовской силы стал восприниматься совсем иначе: крестьяне верили, что ведьма должна передать кому-то свою нечистую силу для того, чтобы черти позволили ей умереть спокойно (иногда при этом подразумевалось, что нечистые духи, желая, чтобы зло на земле продолжалось, вынуждают своих служителей передавать свою нечистую силу, чтобы она не исчезла с их смертью).

Таким образом, ведьмами, по народному убеждению, становились женщины, либо в силу каких-либо причин наделенные колдовским даром от рождения, либо получившие колдовскую силу из рук нечистых духов или других ведьм и колдунов. Впрочем, в некоторых местах поверья называли еще и третью причину возникновения ведьм: считалось, что ведьмой может стать женщина, в которую вселился злой дух или душа умершего. Подобные поверья, по-видимому, основывались на древней, возникшей еще в глубоком язычестве идее слияния человека и духа (ср., например, греческих пифий или шаманский обряд камлания, в ходе которого шаман впадал в транс или экстаз, и в это время, по убеждению окружающих, общался с духами). При христианстве такое единение человека с духами стали считать «дьявольщиной» и обозначили как «одержание бесом»; такое «одержание», по народному

убеждению, могло привести и к тяжелой болезни, и к кликушеству, и к ведьмовству, когда сидящий в женщине злой дух мог заставить ее, даже против ее воли, насылать порчу и болезни, богохульствовать и т.д.

Кстати, в некоторых местах женщины, получившие свой колдовской дар через нечистую силу, называли не ведьмами, а колдуньями; ведьмами же именовали только женщин, от рождения наделенных даром колдовства. Так, в некоторых селах говорили, что «разница ведьмы с колдуном и знахарем та, что последние бывают по науке, а первая по наследству, так что ведьма родится от ведьмы; отличительный наружный признак ее — хвост».

По народному убеждению, всякая настоящая ведьма сочетает в себе черты женщины и демона. В некоторых местах верили, что у прирожденной ведьмы две души, и вторая, демоническая, покидает ее тело ночью, когда ведьма спит; эта вторая душа и вредит людям во время своих скитаний по свету (ср., например, народные сказки и рассказы: «...Старуха лежала, растянувшись на лавке, и казалась мертвой... она продолжала лежать неподвижно, как бревно. “Взгляни-ка, — сказал он (герой сказки), — старуха-то умерла” “Вот еще! Так она и умрет! — вздохнула девушка. — Теперь она, верно, кажется мертвой. Сейчас полночь... смертный сон сковал ей тело... а душа ее, кто знает, по каким путям-дорогам носится да черное колдовство ткет. До самых петухов будет она сосать кровь умирающих или опустошать души несчастных...”»). Коегде такие прирожденные ведьмы-двоедушницы считались самыми опасными, главными над всеми остальными колдуньями и чародейками. Однако при этом в других местах нередко считалось, что прирожденная ведьма добрее наученной и может даже помогать людям, исправляя нанесенный наученными ведьмами вред.

Ведьмам повсеместно приписывалась способность к оборотничеству. Так, например, считалось, что ведьма может обернуться практически любым животным (жабой, кошкой, собакой, свиньей, коровой, лаской, волчицей и ир.), птицей (сорокой, вороной, совой, курицей, уткой, гусыней, лебедем, воробьем и т.д.), насекомым (мухой, бабочкой, ночным мотыльком, пауком, тараканом и пр.), каким-либо предметом (колесом, решетом, катящейся бочкой, стогом сена, клубком ниток, палкой, веткой, корзиной, иглой и т.п.) или стихийным явлением (шаровой молнией, вихрем, бурей или сильным ветром и пр.). Кроме того, она может по желанию стать невидимой (ср., например: «Она мне говорит: «Ладно, — говорит, — я пойду». Я повернулся вот так — ее нету! Она как растаяла, эта старуха! Меня аж затрясло — нету старухи! А вот так стояла...») или отвести глаза так, чтобы ее не замечали (ср.: «Вот он смотрит тем глазом, который мазью-то мазнул, и видит, как эта ведьма ходит... и берет, что хочет, а никто не видит...»; или: «...Она глаза отводит мастерица. Вот идет, а тебе кажется, что это собака идет, или просто пыль катится...»). В некоторых

местах полагали, что возможных обликов ведьмы — двенадцать; однако в большинстве поверий их число не ограничивалось, и считалось, что ведьма может превратиться практически во что угодно (хотя при этом не может принять вид креста, иконы и вообще освященных предметов), хотя и предпочитает в большинстве случаев принимать вид сороки, свиньи или кошки, вообще нечистых животных и предметов.

Согласно народным поверьям, для того, чтобы превратиться во что-нибудь, ведьма в полночь три раза кувыркается через огонь на печном шестке (или в подполье, на гумне), через ножи и вилки или через 12 ножей, через веревку, хомут, рябину и т.п. (ср.: «Вот он стал смотреть... А она разделась и давай на шестке скакать, перекувыркнулась и в трубу улетела. Птицей улетела в трубу...»; «Они, колдовки-то, сороками летают... Вот так через огонь скакнут — и в трубу, и по избам через трубы летают, потому трубы закрывать надо»; «Ну, парень-то сперва не поверил, что мать его ведьма, и сел караулить ее. Вот ночью смотрит — она встала... через нож перекувыркнулась и свиньей убежала. Он нож этот вниз воткнул, под стол. Ведьма прибежала — нет ножа... Так и бегала свиньей, пока сын нож обратно не воткнул»; «Муж прикинулся спящим, а сам стал смотреть, что будет делать его жена. Ведьма соскочила с постели и побежала... подбежавши к терни (мельнице для пеньки), ведьма перекинулась через нее слева направо и, сделавшись свиньей, побежала на село», ит.п.).

Может ведьма «оборачиваться» и с помощью волшебной мази, которой натирает все тело или только губы, глаза, подмышки и т.д.; (ср. например: «Тепериче, печку затопили, сковороду поставили, масло налили. Че-то нашаманили. Одна мазнула — фырк! Вторая мазнула — фырк! Масло-то намазали по губам. Улетели...»; «Они, говорит, чем-то вот так помазали, на ладошке вот так помазали и на следиках вот так — босиком. И — фырк! — в трубу. Улетели в трубу»; «Мать достает там че-то: мазь, тряпки каки-то — у нее черный сундучок, там все лежало. Намазались, эти тряпки надели черные... А так русская печь стояла, труба... Ну, они вылетели и птицами обратились»; «Вот ночью, часов в двенадцать, все уснули, а тот мужик-то не спит. И видит — выходит хозяйка. Она про него забыла, по мужика-то... Надела белую рубашку, под мышками сажей намазала, подвязалась красным поясом — и в трубу улетела», и т.п.).

Но вообще, судя по многим быличкам, всевозможные обряды были для ведьм не всегда обязательны: так, в народных рассказах ведьма нередко изменяет свой облик без всяких обрядов и церемоний в любое время суток (ср., например: «... Они в клуб-то прошли, а потом из клуба пошли и видят: старуха бежит, вот так сгорбилась, бежит. И за имя ударилась. Они лихоски ревут, а она чушкой сделалась и бежит за имя. Потом ребятишки фонарями ее осветили — и не стало! Поворотятся — она опять бежит»; «Вот он сел под борону и смотрит. Видит — прибежала женщина, и давай корову

доить... Он выскочил, как хватит ее по спине, и приговаривает, как знахарка учила: «Раз, раз!» И тут сказал: «Два!», а ведьма-то и вывернулась сразу, кошкой сделалась и на спину ему скакнула...»; «Те двое уснули, а я не сплю. А время-то двенадцать часов. Тут выходит старшая дочь, лампу зажгла, к печке подходит, открыла трубу — фырк! Потом вторая вышла, подошла к печке, тоже — фырк! — и не стало ее. И третья за ними. Ну, я испугался, пошевелиться не могу. А на рассвете слышу: в двери заходят, хохочут... улетели в трубу, а зашли в двери»).

Превращаться в различных животных и пр. ведьмы могли с разными целями; однако, как правило, все эти цели были недобрыми. Считалось, например, что ведьмы в облике сорок или других птиц летают ночью по домам, попадая в избы через печные трубы, и вредят роженицам — пугают, вызывают выкидыш, сосут кровь и т.д. Но особенно часто они похищают детей, причем как новорожденных, так и еще не рожденных: так, например, множество народных быличек повествует о том, как ведьмы, прилетая птицами в дом, вытаскивали младенца из утробы матери, заменяя его голиком, головешкой, поленом и т.д. Похищенных младенцев они, по народному убеждению, отдают нечистой силе или жарят и поедают на своих сборищах (ср., например: «В селе нашем муж с женой жили. Вот муж смотрит: жена не ест ничего уж несколько дней. Он и стал за ней следить. А она мазь наготовила. Мазью под мышками смажет и в трубу вылетает... Раз она только себя намазала и вылетела, муж тоже намазался — и за ней! А она прилетела в дом, где беременная баба живет. Та спит, а она вытащила у нее ребенка, на его место голик вставила...»; или: «Один женился, а его Мать невестку не полюбила. Невестка в положении ходила. Пришло время рожать, прилетают сороки... Ну вот, они прилетели, усыпили невестку и вытащили ребеночка, а потом сами-то улетели. Утром невестка просыпается — тяжело ей и живота нет... Первого ребенка так, и со вторым такая же история... Третья беременность была. Жена плачет и просит мужа не уходить... (Муж) спрятался под койкой, зарядил ружье и лег там. В двенадцать часов ночи прилетают эти сороки. Первая подходит свекровка и начинает... И огонек уже на шестке развели. Сын, как только она вытащила ребенка (он еще живой был), подстрелил ее»). Чтобы уберечься от вредоносных ведьм, похищающих детей, беременные женщины должны были соблюдать некоторые запреты и обычаи, например, закрывать на ночь печные трубы, носить обереги и т.д.; кроме того, беременных женщин, особенно на последних месяцах беременности, старались не оставлять одних.

Помимо нападения на рожениц, ведьм обвиняли и в других бедах. Так, по народным поверьям, ведьмы в образе животных нередко преследуют людей; они пугают, кусают и даже заедают людей, а иногда превращают их в лошадь и заезжают насмерть или до полного изнеможения. Среди крестьян весьма многочисленны

были рассказы о колдовских полетах и поездках ведьм верхом на человеке; при этом ведьма могла изменить обличье как свое, так и своей невольной «лошади». Известно, например, немало быличек о том, как ведьма, оборачиваясь кошкой или другим животным, подкарауливает человека в сумерках и, вскочив ему на спину, принуждает его носить ее на себе до первых петухов (или до зари и т.п.). Известны также рассказы о том, как ведьма превратила в лошадь спящего или зазевавшегося человека, накинув на него уздечку, и ездила на нем (на шабаш или в другие города, иногда по всему миру или только по окрестностям деревни). При этом в некоторых таких рассказах человек, которого ведьма пыталась заколдовать, сам превращал ее в кобылу с помощью хитрости или колдовских сил и ездил на ней; такие рассказы обычно заканчивались замужеством или гибелью ведьмы-лошади.

Практически повсеместно ведьмам приписывали и наведение порчи на людей, скот и даже неодушевленные предметы, растения, продукты, урожай, землю и т.д. В Сибири и некоторых других местах такой вид порчи называли «надеванием хомута» (ср. представление о том, что все, принадлежащее к конской упряжи и вообще к езде, может служить для передачи колдовства; так, узда и хомут традиционно считались одними из самых «колдовских» предметов) и считали одним из главных вредоносных свойств ведьм. В результате «надевания хомута» у людей и скота начинались боли, появлялись опухоли, бессонница, ломота и пр. (ср. например: «Однако, года четыре где-то... така-то история была... По животу брус прошел. Вот, хомут, говорят, был»; «А тут-от хомуты одевают, слова по ветру пускают... Я с работы иду, у меня лицо зазудилось, загорелось. Огнем горит лицо!.. А она (ведьма) по ветру пустила, и до меня пришло»; «...Но и вот. Эта корова, значит, вскором пришла: вымя все разнесло! Мать сразу видит: хомут надела...»; «...А то на людей надевают [хомут]. Быстро — опухоль, как серавно змея укусит, — пухнет...»; «У нас вот здесь бабка, она одет... Ну, она хомуты одет. Если вот че-нибудь ей начудят: дрова раскидают или еще че — вот так посмотрит, отойдет в сторону, три раза плюнет... Сделала так этому, Коле, одела она хомут. Но, а хомут — это не видно, что он одет, правильно? Она вот так полоса по телу... Днем-то он ниче ходит, а ночью он давит его. Он задыхается — воздуху не хватат и все... У него потом начали волосы вылезать. Как дурак становится. Она потом не красна, а кака-то фиолетова, желта, полоса-то. Кровь идет носом, давит его. И ночью стало, и днем давить его...» и т.п.). По убеждению крестьян, от надетого «хомута» не избавят ни врачи, ни обычные лекари: чтобы боль прошла, следовало снять «хомут», а сделать это могли либо «знающие» люди (знахари, в некоторых случаях и колдуны, а иногда и просто люди, перенявшие у кого-то соответствующие магические приемы, ср., например: «...Она на меня и надела хомут. Но я потом ночью-то заболела, лихоматом редела. На коленочках ползала! Вот здесь

все как ножами, изрезало! А у нас дедушка был Евлампий Романьч. Вот он потом стал мне кого-то ладить: на воду поладил, на масло поладил. Я попила, брюхо помазала — перестало...»), либо те же самые ведьмы (в бы личках, например, некоторых ведьм, надевавших «хомуты», заставляли «снимать» их угрозами или, наоборот, щедрым вознаграждением, ср.: «Вот он к ней (ведьме) пошел и говорит: «Ты что, сволочь, сделала? Да я ж тебя!..» Она: «Милок, милоч, ладно... Счас я», — и так руками погладила, и сразу ничего не стало...»; или: «Ну, как терпеть-то мочи не стало, он к ней побежал, к Мишихе-то. «Сними, — говорит, — сделай милость». Гостинцев ей принес. Она чего-то ладила, нашептала на масло, напоила его, намазала... Все прошло»). Впрочем, нередко считалось, что ведьмы, надевшие хомут, потом сами не в состоянии его снять; для снятия хомута в таких случаях всегда обращались к другим ведьмам, знахарям и пр. (ср.: «Вот к этому старику пошли, он и снял [хомут]. Сама-то она не могла. Она наденет, а сама снять уже не может...»; «А они, кто одеют хомуты, они потом снять-то не могут. Надо, другой чтоб, друга чтобы старуха, котора снимат. А она опять одеть не может хомут. Они, кто оденет, она уже не снимет его, не заговорит»).

«Надевание хомута» считалось среди крестьян одним из самых плохих видов порчи; но при этом народные поверья знали и многие другие виды порчи, наводимой ведьмами как на людей, так и на скот, посевы, предметы и пр. Повсеместно считалось, что в результате злых козней ведьм люди и животные болеют и даже гибнут или исчезают бесследно, новорожденные не спят по ночам и плачут, домочадцы ссорятся, свадьбы расстраиваются, продукты портятся, нитки рвутся, различные предметы ломаются, работа «не спорится» и т.п.

Порчу и болезни ведьмы, по народному убеждению, могли насылать самыми разными способами, например, напускать через ветер, воду или разные предметы. Так, считалось, что ведьмы нередко посылают порчу «на ветер» и она летит вместе с ним (иногда — в облике мухи, пылинки и т.п.), а тот человек, которого овеет таким вихрем (или который случайно проглотит насекомое или пылинку), немедленно заболит. Столь же часто встречалось и наведение порчи через воду или через какие-либо предметы. По этой причине крестьяне старались по возможности ничего не давать ведьмам, не одалживать им предметы домашнего обихода и пр., чтобы ведьмы не использовали эти предметы для порчи (ср.: «У нас тут дядя Ваня был. Вот к нему приходит молода, веревку просит... Он ниче не знат, дал ей веревку с простой души. И вот она че-то сделала, хомут ли че ли на него надела...» и т.п.); кроме того, брать что-либо из рук ведьмы также считалось опасным, так как с водой, различными предметами и пр. ведьма могла передать болезнь или несчастье (так, например, считалось, что ведьмы для порчи девиц употребляют особую траву «петровы

батыги», и если девица напьется чего-либо с соком этой травы, то будет «чиликать сорокою»). Вообще, опытная ведьма, по убеждению крестьян, могла наслать порчу даже посредством простого прикосновения или взгляда, иногда слова (ср.: «Вот она так глянула только и пошла... А сестра после этого заболела, сильно так заболела»; «...Глянула на ребеночка, головой покачала и пошла. А он давай плакать. Вот плачет и плачет, никак успокоить не могут...») и т.п.).

Особой разновидностью порчи, причиняемой ведьмами, крестьяне считали порчу скота, в результате которой у коров пропадало молоко (или появлялась кровь в молоке, наступало истощение и даже смерть животного). Так, например, практически повсеместно было известно поверье о том, что рано утром ведьма собирает росу на межах и пастбищах, волоча но траве полотно (или сорочку, фартук, платок, цедилку, вожжи), которое она затем выжимает и собранной росой поит свою корову; после этого корова ведьмы будет хорошо доиться, а соседские коровы будут терять молоко. В некоторых местах считалось также, что ведьма отбирает молоко у коров, просто загребая к себе росу на пастбище руками и окликаая коров, перечисляя их имена. Широко было известно и поверье о том, что умелая ведьма может надоить молока и просто с намокшей от росы ткани или с березовых веток, с ножа, воткнутого в соху, и т.д. В некоторых случаях ведьмы могли применять и специальные обряды для отбирания молока: так, по рассказам некоторых мест, раньше в канун Егория Вешнего (6.V) ведьмы ходили по дворам, отворяли ворота и срезали с них стружки, которые затем варили в подойниках, отнимая этим молоко у коров.

Но вообще, ведьмам, по народному убеждению, обычно даже не требовалось прибегать к специальным обрядам: они могли просто выдоить молоко у соседских коров, прибегая в чужой хлев в сумерках, обернувшись кошкой, лягушкой, свиньей и т.п. Тайком подобравшись к корове, ведьма могла совершенно выдоить ее, иногда обходясь даже без дойницы, просто перетягивая вымя невидимыми волосками. При этом считалось, что ведьма всегда старается выдоить чужую корову в первый раз после тела, так как в этом случае сможет ее доить целый год; поэтому такую корову хозяевам следует особо охранять. Кроме того, практически повсеместно крестьяне верили, что ведьм следует особо опасаться во время летнего солнцеворота (в Иванов или Петров день), так как именно в эту пору ведьмы особенно активно стараются проникнуть в хлева и подобраться к скоту, а если им это удастся, они смогут надолго отобрать у коров молоко.

Солнцеворот считался у славян порой особой активности ведьм; но кроме него, народные поверья называли и еще несколько праздников, когда вредоносная сила ведьм могла серьезно повредить скоту. Так, например, по поверьям восточных славян, на пророка Малахию голодные ведьмы порой задаивают коров до смерти, а на Силу-святителя (на Силу и Силуяна, 30

июля) многие ведьмы обпиваются молоком чужих коров до того, что обмирают, т.е. засыпают так, что их невозможно разбудить; в этом случае ведьме нужно прижигать пятки соломой, а если этого не сделать, то ведьма может умереть, и при этом под ней будет трястись земля, завоют звери, налетят вороны, скот сбегит со двора, в избе все будет стоять «не на месте», и т.д. Кроме того, почти таким же опасным, как солнцеворот, считался для скота и Егорьев день: в это время, по поверьям, ведьмы нередко стараются испортить скот и отобрать молоко у коров. Так, согласно некоторым поверьям, для того, чтобы напустить на скот болезни, ведьмы выходят на луга в ночь с Лукова (5.V) на Егорьев день, устилают траву тонкой холстиной и таким образом собирают росу; после этого они накидывают мокрый холст на корову, которую хотят испортить, и корова после этого начинает болеть и чахнуть, молоко у нее идет с кровью, и она быстро погибает.

Впрочем, для порчи скота ведьмы могли использовать и более простые приемы, прибегая к ним в любой день. Например, очень распространенным способом порчи считалось зарывание в хлеве скатанных комочков шерсти (ср. бы лички тина: «нана наш жил, у него все было: и кони, и все... А дядя наш, брат папин, то купит, друго — ниче у него нету: то конь ногу сломат, то волк разорвет, корова пропадет... И какой-то шел мужичок и попросился у него ночевать. Он и говорит: «Дядя, у вас не в порядке во дворе»... Поел. Взял ерничинку, вот так махнул и говорит: «В матке вот тут колупай». Он колупать стал — вот такой комок коровьей шерсти закатан, в другой раз колупать стал — конская шерсть, там ишо стал колупать — опять там чушечья щетина и куричье перо. Скатано так, что нельзя разорвать!... «Это, — говорит (мужичок), — кума, это она». Он че-то сделал пошел. «У тебя теперь, дядя, кони будут, все будут. Все будет нормально». И все хорошо стало»). Вместо скатанной шерсти иногда зарывали и другие предметы — магических куколок, тряпки, мертвых животных и т.д. (ср.: «Вот мы с дочерью (по совету цыганки) пошли копать вилами и выкопали тряпку. Цыганка не велела развязывать, велела в печке сжечь, а мы развязали. Ой-е-ей! Ниток суровых сколько было замотано, можно трое обуток сошить, и там деревянна подковка и еще что-то. Мы все бросили в печку...»; «Вот мы выкопали... Там такая петушья голова из камня и такие нитки да тряпки. Мы камень расколотили, все сожгли»). Помимо этого, ведьмы могли применять и другие способы порчи: ударяли корову наговоренной веревкой, втыкали в нее щепки, а также перевязывали вымя коровы наговоренным волосом. Причины для наведения порчи могли быть разными: и месть, и просто злоба, и желание отобрать у коровы молоко и забрать его себе. При этом в народе считалось, что у коровы, которую доит ведьма, быстро пересыхает вымя, она начинает чахнуть и вскоре погибает.

Судя по народным былинкам, коровы наиболее часто становились объектом нападения ведьм; но при этом ведьмы нередко вредили и другому скоту — лошадям, овцам и козам, свиньям, курам и пр. Считалось, например, что опытная ведьма может отнимать не только молоко у коров, но и сало у свиней (т.е. жир с чужих свиной переходил к свиньям ведьмы, даже если она их не кормила), яйценосность у чужих кур и т.д. Способность ведьм отнимать что-то у соседей и присваивать себе распространялась даже на неодушевленные предметы: так, по рассказам крестьян, в присутствии ведьмы женщины обычно не могут прясть много пряжи, так как вся нить идет на веретено ведьмы. Нередко считалось также, что ведьма способна «держат обилие», т.е. заключать в себе и хранить огромные запасы денег, жита, плодов и даже пушных зверьков.

На Украине переходит по преданию счет, употребляемый ведьмами: одион, другиан, тройчан, черичан, подон, лодон, сукман, дукман, левурда, дыкса; одино, попино, двикикиры, хайнам, дайнам, сповелось, сподалось, рыбчин, дыбчин, клек. Верили, что ведьмы, пересчитывая скот и т.д. таким образом, наводят на него порчу.

Помимо порчи скота, одной из главных вредоносных способностей ведьм в народе считалась способность насылать порчу на поля или отбирать урожай. Способов для этого, по убеждению крестьян, существовало немало, но самыми распространенными видами порчи при этом считались так называемые «заломы» на зеленом хлебе, завязывание «завитков» и «куколок» во время цветения ржи или льна, сшибание или вырезание ржаных колосьев и т.п. Так, например, по поверьям, скручивая, заламывая и связывая стебли (т.е. делая «закрут», «залом»), ведьма тем самым «связывала плодородие», препятствуя созреванию злаков или отбирая урожай. Считалось также, что в ночь на Ивана Купалу ведьмы нередко делают на чужих полях «пережин», т.е. специальными ножницами выстригают во ржи узкую дорожку и собирают колоски, вместе с ними забирая себе весь урожай с поля. В некоторых местах существовало еще поверье, что с того загона, где ведьма сделала куклу или прожин, нечистая сила по зернам таскает ведьме полные закрома; черные жучки, ползающие в узле куклы, по мнению крестьян, и есть нечистая сила, отбирающая урожай. Куклу, залом или закрутку, сделанную ведьмой, нельзя было не только вырывать, но даже трогать без риска смертельно заболеть; для того, чтобы уничтожить их, скрученные и заломленные стебли вырывали кочергой или осиновым колом, а потом сжигали или топили, но делали это преимущественно колдуны или священники, вообще «знающие люди», а не хозяева поля.

От порчи тина «залом» трудно было избавиться; но еще труднее было побороть всевозможные природные явления, по воле ведьм, вредящие урожаю. Вера в то, что ведьмы могут насылать град, ураганные ветры,

наводнения, пожары, засуху и т.п., существовала повсеместно. Считалось также, что ведьма может притягивать к себе или даже «втягивать» в себя влагу, задерживая дождь, росу и т.п., прятать и хранить в мешке или в завязанном горшке дождь, град, бурю; может прогнать дождевые тучи, размахивая своим фартуком; способна разогнать тучи метлой или метелкой из тринадцати петушиных перьев. Свое умение управлять погодой ведьмы могли применять и в добрых целях, но как правило, использовали свои способности либо во вред другим, либо во благо только себе (ср. бы лички о том, как град, сильный дождь или засуха погубили все посевы, кроме ведьминых, так как над полями ведьмы всегда вовремя шел дождь или светило солнце).

Помимо управления погодой, ведьмам приписывалась и своеобразная власть над небесными светилами. Считалось, например, что ведьма может похищать или «портить» месяц или звезды, реже — солнце. Так, по некоторым поверьям, на Васильев вечер или в другие дни ведьмы скрадывают месяц с неба, если его неожиданно заволокло тучами или случилось затмение. У западных и южных славян были распространены поверья о том, что ведьмы могут поедать или сметать помелом с неба луну или звезды, а также воровать светила (так, в одной из бы личек ведьма «скрала» луну во время свадьбы для того, чтобы участники свадьбы не нашли дороги). По некоторым русским поверьям, ведьма может скинуть с неба месяц и надуть с него молока. У болгар существовало также поверье, что луна во время затмения превращается в корову, и ведьмы тотчас же начинают доить ее, приготовляя из ее молока чудесное целебное масло. Кроме того, в некоторых местах верили, что сначала ведьмы учатся «портить» редьку и месяц, а лишь затем — человека. Месяц, по народному убеждению, ведьма портит следующим образом: становится «окарач» (на четвереньки), смотрит на месяц через банное корыто и колдует, отчего край месяца чернеет, как уголь.

Согласно народным поверьям, особенно опасными ведьмы становятся в периоды полнолуния или новолуния, в середине зимы и в дни летнего солнцеворота, в грозные ночи и в большие годовые праздники (Юрьев день, Пасха, Благовещение, Троица, Рождество, ночь на Ивана Купалу; у западных славян — дни свв. Яна, Люции, Петра и Павла, Зеленые святки, праздник Божьего Тела, а также канун 1 мая — Вальпургиева ночь). Дни солнцеворота и большие календарные праздники — это своеобразные празднества ведьм, сопровождаемые активизацией всех сверхъестественных сил и существ. В это время ведьмы и колдуны особенно часто наводят порчу на людей, скот, домашнюю утварь и посевы; в это же время они устраивают свои шабашы, на которых пируют, устраивают свои игрища с чертями и т.п.

Так, например, согласно общеславянским поверьям, в ночь на Ивана Купалу (а по западнославянским поверьям, и накануне Вальпургиевой ночи) ведьма

варит в горшке свое зелье из пепла купальского костра, мажется жиром крота, соком барвинка или беленым маслом (маслом из белены), после чего стремительно вылетает через дымоход (обычно оседлав метлу или оборотившись сорокой) со словами: «Выезжаю, выезжаю, ни за что не задеваю». Сначала она летит на полдень — к Лысой (ведьминой) горе, а оттуда ее тянет на закат.

Вообще, по народным поверьям, местом сборищ всех ведьм могут быть не только «лысые» горы, но и горы вообще, а также перекрестки дорог, межи, чуланы, чердаки и бани, часто — деревья (береза, дуб, груша, сосна, тополь), иногда — вообще любые «нечистые» места. На своих сборищах ведьмы (нередко — вместе с колдунами, бесами, чертями и другой нечистой силой) веселятся, пируют и танцуют, затевают игры, дерутся между собой, сбивают масло и т.д. там же они сговариваются, как лучше вредить и портить людей и скот. В некоторых быличках свидетелем таких шабашей ведьм оказывается случайный прохожий или муж одной из ведьм; ведьмы, обнаружив следящего за ними человека, отправляют его обратно, наградив чудесным конем, который на самом деле оказывается палкой, помелом, кривой березой и т.д. (ср., например: «Жили мужик с женой. Ну ладно. Это все же на великий четверг. Тепериче, он замечат: что такое? Она че-то налаживается. Он это лег, присматривается. Приходят подружки... Печку затопили, сковороду поставили, масло налили. Че-то нашаманили...

масло-то намазали по губам. Улетели. Мужик сидел, сидел. Думат: «Дай я». Только мазнул — фырк туды! К имя же. У их там пир идет. Баба-то увидела его: «Ты че тут? Тебя тут сожарят, съедят!.. Пойдем, я тебе коня дам. Убегай скорее, пока не увидали. Уж скоро петух запоет». Пришел: стоит конь, белый конь. Сял — раз! — и дома. Но, думат, я этого коня свяжу... Утром встал, пришел посмотреть коня — а там березка, связанная стоит»).

Для того, чтобы защититься от опасных и вездесущих ведьм, особенно во время больших календарных праздников, земледельцы совершали определенные магические действия, использовали различные обереги и т.п. Так, например, для защиты от ведьм на окна дома клали жгучую крапиву или вообще колючие или жгучие растения, а также ветки осины, клена, березы; эти же растения затыкали в дверные щели, в щели ворот, в хлев и т.д. Кроме этих растений также применяли траву чернотыльник, которая, по поверьям, противна ведьмам и охраняет от них двор и дом; наряду с ней применяли и иногда разные другие травы, например, неодолим-траву и т.п. (эти растения не только хранили дома, но и носили с собой, обычно на нательном крестике). На порог дома клали режущие и колющие предметы (нож, топор, косу и т.п.). В столбы ворот втыкали зубья бороны, а на воротах укрепляли метлу на длинной палке или образ и свечу, освященную на Сретенье (при этом спустя сутки свеча, по рассказам, могла оказаться искусанной ведьмой, которой

она мешала проникнуть внутрь двора). Для того, чтобы защититься от ведьм скот, в дверях скотного двора ставили молодое осиновое дерево или подпирали дверь хлева осиновым поленом, а возле двери ставили борону зубьями вперед или вилы, ухват и т.п. Для защиты от ведьм также нередко вводили символическую преграду: осыпали дом и хлев маком или льняным семенем, обводили косой по земле круг, очерчивали мелом стены, рисовали на дверях кресты.

В случае нападения ведьмы на человека или животное ее старались отогнать при помощи тех же оберегов или молитвы, а в некоторых случаях старались избить или даже убить ее, хотя это считалось делом небезопасным: ведьма могла при помощи чар не только защититься от человека, но и погубить его. Однако при этом считалось, что ведьму или животное, в которое она превратилась, можно убить или сильно избить, если бить наотмашь, от себя; в некоторых местах верили даже, что если ударить ведьму наотмашь со всей силы, то она потеряет свои колдовские способности или хотя бы их часть. Кроме того, считалось, что лучше всего бить ведьму тележной осью (по другим поверьям — троицкой зеленью), при каждом ударе повторяя слово «раз»; но сказать «два» — значит сгубить себя, так как удары тут же станут отскакивать от ведьмы и она сможет околдовать человека (ср., например, быличку о мужике, на которого ведьма напала в облике кошки: пока он бил ее, приговаривая «раз», она пыталась убежать от него, но стоило ему сказать «два», как у него тут же отнялись руки, ведьма вскочила ему на спину и едва не заездила его до смерти). Нередко советовали еще бить не саму ведьму-оборотню, а ее тень (ср., например: «Это не простая свинья, это колдовка кака-то бегаёт. Вы по ней не бейте, а бейте в тень, по тени», или: «Вот птица кака-то летала, скот у нас пугала. Отец в нее выстрелил — она ниче, не надаёт, а стрельнул по тени — она упала и пропала. Наутро отец к соседке пришел, а у нее рука перевязана...»).

Вообще, народные поверья знали несколько способов лишить ведьму колдовской силы хотя бы на время. Так, например, считалось, что можно обезвредить ведьму, если «приколотить» ее тень гвоздями, нанести по тени удар осиновым колом и т.п. По некоторым поверьям, если повернуть печную заслонку дужкой вовнутрь, то ведьма покинет дом и уже не сможет в него вернуться, а если опрокинуть у печи ухват, то ведьма потеряет способность колдовать и не сможет выйти из дома (ср.: «Лама-то сказал: ухват кверху рожкам поставь — шаман из избы не выйдет», или: «Она испортила если, то ей не терпитс: обязательно придет в этот дом, где испортила... А я ухват кверху ладом поставила, она уйти-то не может»). «Запереть» ведьму в доме можно было и при помощи железных предметов, воткнутых в порог (ср.: «Я потихоньку ножницы взял и в порог воткнул и забыл. И уехал опять на работу. Это в четыре часа, а я до шести работал. Приезжаю, а она сидит. А это... жена-то говорит:

«Старуха сдурела ли ново ли? Одно ревет: отпустите меня! А я ее че, привязала ли че ли?!» Только я ножницы выдернул, так она — только задница мелькнула — убежала», или: «Вот я иголку-то воткнула в порог и смотрю... А она соберется идти и снова сядет. Вот встанет: «Но, дева, идти надо...» — а сама тут же сядет. Так до вечера просидела. Потом уже попросила: «Век не буду. Отпусти». Я иголку вынула, она ушла...»).

По некоторым поверьям, ведьмы боятся щенков (как людей, так и животных) и ничего не могут им сделать. Так, считалось, что собаки никогда не могут одолеть ведьмы, даже если она сама обернется собакой; однако ведьмы далеко обходят те дворы, где есть собака, родившаяся первой от суки, оцененной в первый раз. Ведьмы боятся даже лая таких собак; поэтому, узнав, что где-нибудь собака в первый раз принесла щенят, ведьмы всегда стараются украсть или убить первого из них.

На Афанасия-ломоноса (18/31.1) крестьяне некогда приглашали знахарей гнать ведьм; считалось, что во время афанасьевских морозов ведьмы летают на шабаш и там «теряют намять от излишнего веселья». Приглашенный знахарь приходил в дом; о его приходе должны были знать только хозяин и хозяйка. В полночь знахарь начинал заговаривать трубы, забивать клинья под «князек», рассыпать по «загнетке» собранную заранее из семи печей золу; после этого он отправлялся к деревенской околице, сыпал там золу и выкликал заговоры. Считалось, что ведьма, желая нанести кому-либо вред, влетает в трубу; но если труба заговорена, то весь дом и двор защищены от ее колдовства. Кроме того, если западная сельская изгородь также заговорена знахарем, ведьма, летящая на шабаш, или бросится «за тридевять земель» от села, или разобьет себе голову, если только ступит босой ногой на рассыпанную золу.

Одной из главных целей обычаев и ритуалов, приуроченных к опасным дням календаря, было стремление распознать ведьму, выследить ее, уличить и обезвредить. Так, в ночь на Иванов день нередко устраивалось символическое сожжение соломенного чучела, конского черепа или других вещей, обозначавших ведьму. Купальские костры, через которые прыгали и переводили скот, также оберегали людей от ведьм; при этом считалось, что купальский костер притягивает к себе ведьму, вызывая у нее физические страдания, и она вынуждена прийти к костру, чтобы прекратить свои мучения. Для того, чтобы привлечь ведьму к купальскому костру, нередко прибегали и к различным магическим способам: кипятили цедилку с воткнутыми в нее иглами или осиновыми колышками, лили молоко испорченной ведьмой коровы в огонь или на раскаленный серп и т.п.

При этом к подобным способам в некоторых местах прибегали не только в купальскую ночь, но и тогда, когда считали, что на скот или на кого-то из домашних навели порчу. Подобные обряды основывались на

представлении о том, что выдаиваемое молоко сохраняет связь с отнявшей его ведьмой: так, по поверьям, если такое молоко кипятить, то ведьма будет испытывать страшные мучения или у нее «все внутри закипит», а если в масло, сделанное из этого молока, воткнуть нож, то выступит кровь. В некоторых местах хозяйки, заметив, что корова стала давать мало молока, брали цедилку и варили ее в горшке с пеплом купальского костра или же выливали надоенный после ведьмы остаток молока на сковороду и ставили на огонь, считая, что от этого ведьма заболит и придет просить что-нибудь взаимы; в этом случае хозяйка ничего не должна давать ей, так как если ведьма не сможет взять с собой хоть щепку или песчинку, то начнет сохнуть и скоро умрет, а в противном случае выздоровеет и будет продолжать вредить.

В опасные календарные дни или в случае, если у коровы начинало пропадать молоко, крестьяне нередко старались подкармливать ведьму в хлеву. Считалось, что ведьма проникает в хлев в облике жабы или какого-либо другого животного, поэтому, обнаружив возле коровы жабу, змею и т.д., хозяева избивали ее, пробивали ей лапу или глаз, и на следующий день смотрели, которая из соседок ходит с перевязанной рукой, хромотает или окривела. Иногда пойманное в хлеву животное убивали или бросали в воду, полагая, что от этого ведьма должна умереть или утопиться. Вообще, изувечивание или убийство животного, принимаемого за ведьму, было широко распространено повсюду и применялось во многих случаях; так, например, в Сибири и в XX в. существовало множество быличек, повествующих о подобных случаях (ср., например: «Вот ходил за мной один парень, тоже... Все ходил, меня сговаривал. Но, а мать-то его меня не любила, не брала меня. И вот мы сядем за воротами на лавочке, и тут собачонка прибежит и тяфкает, и за ноги хватает. Он (парень) возьмет камень, ли че ли, ударит, она отбежит. Опеть... И так вечеров несколько. Потом один раз он говорит: «Погоди, я ее того, отучу!» Взял топор... Как наотмачь этот топор-то бросит ей в спину — и она убежала, эта собака... Приходит домой-то, а мать-то его залажилась. Он взял окно выставил, залез: у нее, значит, позвоночник-то переломленной, перерубленной»; или: «Вот нам старик рассказывал. В их деревне жила мать с дочерью. Дочери годов восемнадцать было, а матери под шестьдесят — худенька такая, горбатенька. И вот они ночами жили в пещере, в скалах, а днем дома. Превращались в птиц страшных и нападали на людей. Напугали раз его (рассказчика) сестру. Дак вот, один старик его научил: «Ты, — говорит, — ось снимай с передка, а как они свиной или птицами побегут, бей в тень». Он так и сделал. Утром пошли, а у нее, у матери, все расшиблено»).

Вообще, в народе существовало немало способов узнать, которая из женщин в деревне ведьма. Так, по народным поверьям, стоит только, проходя мимо группы женщин, сложить пальцами правой руки «дулю» и засунуть ее под мышку левой руки, как

Ведьма

ведьма тут же начнет браниться и ругать проходящего; но этой примете ее можно узнать. Во многих местах полагали, что одно из свидетельств присутствия в доме ведьмы — дым из трубы, выходящий особенно причудливыми кольцами: считалось, что у ведьмы «первый дым из трубы никогда не выходит спокойно и тихо, а всегда его вертит и крутит клубами во все стороны, какая бы ни была погода».

Для того, чтобы опознать ведьму, нередко использовали ее особую связь с водой. Так, заподозренных в ведовстве женщин в древности бросали в воду (в реку, в озеро и т.д.), так как верили, что ведьма не тонет в воде; при сильных засухах к такому способу прибегали для того, чтобы найти ведьму, наколдовавшую засуху и, возможно, удерживавшую в себе или у себя дождь. Вероятно, поверье о том, что ведьма не тонет в воде, было связано с народной верой в способность ведьм воздействовать на воду и управлять стихиями; возможно также, что поверье это основывалось на представлении о том, будто вода, почитавшаяся святой, «не принимает» нечистого, так же, как земля, по поверьям, «не принимает» колдунов, ведьм и прочих заложных покойников. По-видимому, обычай бросания ведьмы в воду в случае засухи мог расцениваться и как казнь, и как очищение, жертвоприношение, после которого должен был пойти удерживаемый ранее ведьмой дождь; возможно также, что этот обычай был отголоском древнейших обрядов, во время которых для вызывания дождя обливали водой некоторых людей, например, ряженых, девушек-допол и пр.

Очень часто некоторые обряды для распознавания ведьм крестьяне проводили в церкви или рядом с ней. Вообще, во многих местах считалось, что ведьмы избегают ходить в церковь и редко появляются там даже по большим праздникам; однако, по некоторым поверьям, ведьмы, наоборот, обычно кажутся самыми истовыми верующими и непременно появляются в церкви во все важные дни, так что в большие праздники в церкви можно обычно встретить всех окрестных ведьм. Так, например, русские верили, что для того, чтобы узнать, которая из соседских женщин ведьма, в день заговенья (в Прощеное воскресенье на Великий пост) нужно взять в рот кусочек творогу, положить его за щеку и спать, а на следующее утро, в понедельник на первой неделе Великого поста, этот кусочек творогу нужно вытащить из-за щеки и прибрать, а идя говеть, взять этот творог с собой. Считалось, что в день причастия Святых Тайн человек, у которого с собой такой кусочек творогу, будет видеть и знать, какие из говеющих в церкви женщин ведьмы. В некоторых местах такой же обряд совершали и на Пасху, держа за щекой кусочек сыра, сбереженный с Чистого четверга; считалось, что когда священник скажет: «Христос Воскрес!», то все ведьмы в церкви покажутся с дойницами (посудой, в которую доят коров) на головах, и стоять они будут задом к иконам. Однако, согласно некоторым поверьям, таким способом узнать можно только наученных

ведьм, а природные ведьмы с хвостами будут знать об этом, и их не удастся узнать.

Согласно народным поверьям, в день Светлого Христова воскресенья ведьмам дается сила, при помощи которой они могут становиться невидимыми. В день этого праздника все ведьмы стоят на службе задом к царским вратам, но из-за народа их не видно; только священник, выходящий из царских врат со святыми дарами, может видеть этих ведьм. В некоторых местах полагали также, что к началу праздничной пасхальной службы ведьмы обязательно приходят в церковь и даже стараются коснуться священника (возможно, чтобы получить исходящие от него сакральные, магические силы); поэтому если во время пасхальной заутрени посмотреть на присутствующих в церкви через кусок дерева от гроба покойника, то можно увидеть всех ведьм с кувшином молока или подойниками на головах.

Кое-где считалось еще, что человек может увидеть находящихся в церкви ведьм, если, собираясь в какой-либо праздник к обедне, наденет на себя все совершенно новое; в этом случае все ведьмы в церкви покажутся стоящими задом к алтарю, лицом к выходной двери. Однако если на человеке будет что-то хотя бы раз надеванное, то он не увидит ведьм. Тот же, кто с помощью этого способа увидит ведьму, по поверью, проживет недолго, так как ведьма будет знать, что он узнал ее, и с помощью злых духов уничтожит его. Поэтому в некоторых местах старались не надевать в церковь все новое, чтобы случайно не увидеть ведьму.

Ведьм, по народному убеждению, можно часто увидеть и в доме, и во дворе, особенно рядом со скотом. При этом караулить ведьм следует под бороной, лучше всего в хлеву, куда ведьма приходит доить коров. В некоторых местах для того, чтобы увидеть и опознать ведьму, делали даже специальную борону, которую изготавливали из осины по четвергам Великого поста, полагая, что если в Страстную субботу спрятаться за этой бороной с зажженной свечой и ждать, то можно увидеть ведьму. Нередко крестьяне также старались приманить ведьм, чтобы увидеть их и обезвредить: так, например, в некоторых местах считалось, что если весь пост оставлять по полену от утренней топки, а во время пасхальной заутрени затопить этими поленьями печь, то все ведьмы слетятся просить чародейного огня; если же вытащить между ними и дверью половицу, то они не сумеют выйти из избы.

Согласно общеславянским поверьям, за свою связь с нечистой силой ведьма наказывается трудной смертью. Время своей кончины она может знать за три дня. Умирают ведьмы обычно долго и в страшных мучениях:

в агонии они надают с лавки на пол, стараются подлезть под печку, откатываются к порогу и т.п. Нередко считалось, что при кончине ведьму обступают черти, которые мучают ее, тормозят, затаскивают иод пол. Во время агонии ведьмы нередко поднимается буря или появляется черная собака (реже — лошадь), не исчезающая до самых похорон; по поверьям, это сам

Ведьмак

Сатана приходит за ее душой (так, в одной из быличек перед сауной смертью ведьмы распахнулось окно и в нем показалась голова рыжего коня; конь высунул длинный язык, после чего ведьма страшно вскрикнула и умерла; тут же окно захлопнулось, а конь исчез, а старухи потом рассказывали, что это сам Сатана в облике коня забрал душу ведьмы).

По народному убеждению, ведьма не может умереть, пока не передаст кому-нибудь свою силу; если же она не нашла себе преемника и не смогла хитростью заставить кого-либо взять у нее силу, то будет умирать долго и очень мучительно. Для того, чтобы ускорить кончину ведьмы, над умирающей совершали различные обряды: давали ей в руки веник; протаскивали ее через хомут; разрывали на крыше солому или снимали черепицу: вбивали в конек зуб бороны; вынимали половицу; поднимали матицу; разбирали потолок дома; снимали князек с крыши; накрывали умирающую телячьей шкурой; подкуривали ладаном, «купарисовым деревом» и т.п., а иногда переносили ведьму в баню или другие дворовые постройки. Все эти обряды, по-видимому, имели целью облегчить исход души из тела ведьмы, а возможно, и доступ к ней нечистых духов, пришедших за ее душой. В некоторых местах при этом рассказывали, что когда ведьма наконец умирает, у нее изо рта высовывается необычайно длинный язык, очень похожий на лошадиный; считалось также, что на груди покойницы-ведьмы собираются змеи, ящерицы, лягушки и т.п.

Опасные при жизни, ведьмы, по народному убеждению, бывают беспокойны и вредны и после смерти. Так, часто считалось, что после смерти ведьма может по ночам навещать свой дом или дома односельчан, преследовать их, даже заедать людей и вообще бродить по земле, причиняя различные несчастья, болезни, мор, засуху, град, бурю и т.д. (хотя при этом в некоторых местах полагали, что после смерти ведьмы встают и вредят не так часто, как покойные колдуны, и преимущественно лишь первое время, обычно только первые три дня или же сорок дней после похорон). Умершие ведьмы могут мстить пытавшимся обличить их при жизни священникам, преследовать неосторожно отвергших их любовь парней или своих женихов и т.п. Так, в одной быличке умершая ведьма после своей смерти стала преследовать своего жениха; парень, по совету соседей, три ночи ходил на могилу своей невесты, сидел на кресте ее могилы и каждую ночь видел, как ведьма ищет его до первых петухов. Все три ночи ведьма выходила из своей могилы; в первую ночь она искала его одна, во вторую ночь — со своими подругами, а в третью, чтобы отыскать парня, ведьмы принесли с собой младенца с хвостиком, который и указал им, где сидит парень. Но в то время, когда младенец указал на парня, петухи прокричали — и ведьмы провалились сквозь землю, вернувшись в свои могилы, а младенец так и остался с протянутой рукой, и по нему нашли его родителей («а это важно, потому что с этими людьми обращаются с осторожностью и за ними

наблюдают, чтобы чего скверного не сделали православным»).

Для того, чтобы раз и навсегда избавиться от преследований умершей ведьмы, ее гроб и могилу «стерегли» с особыми предосторожностями. Ведьму обычно хоронили лицом вниз, а также пробивали ее гроб осиновым колом или клали в гроб осиновые стружки и т.п. Нередко также старались сжечь тело ведьмы; при этом верили, что во время кремации из огня начнут выползать различные гады (жабы, змеи и пр.), которых также нужно сжечь. Иногда ведьму сжигали вместе с ее домом; при этом во многих местах рассказывали, что когда избу умершей ведьмы жгут, то оттуда слышится лай, визг, крик и т.д.

ВЕДЬМАК, ведьмовище, ведьмачка, укр. видьмак, видьмар, видьмун, белорус, ведзьмак, ведзьмар — знахарь(знахарка), колдун;оборотень.

В славянских мифах ведьмак, в общем, был практически аналогичен ведьмам и колдунам. Считалось, что ведьмак, как и ведьма, может быть прирожденным и наученным; при этом в некоторых местах считали, что у прирожденного ведьмака не бывает бороды и усов, вообще волос на теле, и может не быть половых органов, зато есть небольшой хвостик с четырьмя волосками и могут быть маленькие рожки, а изображение в его зрачках бывает перевернуто вверх ногами. У прирожденного ведьмака, как и у ведьмы, две души — человеческая и демоническая, и эта вторая душа как раз и обладает сверхъестественной силой. Ночью, во время сна, она может выходить из тела ведьмака (по некоторым поверьям — через рот в каком-либо обличье, либо через отверстие под коленной чашечкой, иод бедром или копчиком).

Как и ведьм и колдунов, ведьмаков в народе наделяли обычно способностью к оборотничеству, полагая, что ведьмак может принять облик коня, собаки, волка, kota, мотылька, какого-либо предмета и т.д. При этом в народных поверьях ведьмаки и ведьмачки наделялись обычно особой вредоносностью и способностью к оборотничеству; их нередко отождествляли с волколаками или вампирами (ср.: «Ведьмак — это вовкулака, оборотень, упырь, кровосос... он ходит после своей смерти и морит людей»). Порой словом «ведьмак» обозначали и вообще практически любого человека, имеющего отношение к колдовству (например, знахарей тоже иногда называли ведьмаками, по всей вероятности, от слова «ведать», т.е. знать); однако чаще так называли недобрых, враждебных человеку существ, отбирающих урожай, насылающих град и засуху, причиняющих болезни и смерть (ср.: «Ведьмаки это от Бога отринуты. Ведьмак кто колдует и делает вред»; «Вот ведьмаки каки-то были. Колдовать умели. Черные магии, эти книги, — по ним...»). В некоторых местах считали еще, что ведьмак — это особо «сильный» колдун-покойник, который из-за своих грехов не находит успокоения и после смерти, а потому выходит из своей могилы и губит людей, загрызая их,

поедая или высасывая кровь. Вообще, в народном сознании ведьмак (подобно упырям и еретикам) порой даже персонифицировал смерть (воспринимаемую нередко как пожирание человека неким сверхъестественным существом); и в связи с этим его считали иногда едва ли не исконным злом, подобно демонам и бесам.

Согласно некоторым поверьям, настоящие, природные ведьмаки знают всех ведьм и колдунов и управляют ведьмами, которые держат отчет перед ведьмаком о том, что они натворили на свете. Накануне Рождества и Пасхи, а также Иванова дня ведьмаки, по народному убеждению, собираются на перекрестках дорог, пустошах и пр. и там танцуют и веселятся; при этом их сборища обычно совпадают с шабашами ведьм. По одному из поверий, в большие годовые праздники все ведьмы собираются на шабаш на Лысых горах, а ведьмаки, как и другие мужские демонологические персонажи, — на Красных; впрочем, чаще считалось, что и ведьмы, и ведьмаки, и вся прочая нечистая сила любят собираться вместе и устраивать свои празднества, где они пируют, танцуют, вступают друг с другом в половые сношения и договариваются, как лучше вредить людям. При этом, по некоторым поверьям, именно ведьмаки учат ведьм, как портить людей и скот. Вообще, по народным представлениям, ведьмаки нередко действуют заодно с ведьмами: отбирают молоко у коров, насылают порчу на людей, скот и посевы, отбирают урожай, превращают в волков свадебные поезда и т.д. Считалось также, что ведьмаки часто используют свои способности для того, чтобы посчитаться со своими недругами: они могут вынуть у человека глаза и вернуть их на место без какого-либо вреда; подуть человеку в рот, отчего у него выпадут все зубы; посмотреть встречному в глаза таким взглядом, что человек немедленно заболит, а через несколько дней умрет; передать с водой или питьем, или даже с ветром, порчу, от которой человек испытывает сильные боли, головокружение, лихорадку и т.д.

Ведьмакам повсеместно приписывалась особая власть над погодой: считалось, что они по своему желанию могут управлять тучами, насыпать ветер, град, засуху и пр. В некоторых местах верили, что ведьмаки могут перемещаться с вихрем и в грозу летают по небу; им не могут навредить русалки. Кроме того, считалось, что ведьмаки умеют управлять пчелами и, подобно ведьмам, «заключать в себе обилие».

Для борьбы с вредоносными ведьмаками применяли, в общем, те же способы, что и против ведьм, колдунов, оборотней и упырей. Так, например, считалось, что ведьмака, как и ведьму, можно распознать, если под церковным порогом закопать косточки ножек ягненка (тогда ведьмак не сможет выйти из церкви), или если воткнуть в порог дома нож (тогда ведьмак не сможет покинуть избу). Если в кипящую воду бросить конскую подкову и камень, то ведьмак, по убеждению крестьян, будет мучиться и придет в тот дом, где он кого-то или что-то испортил; при этом, по некоторым

рассказам, ведьмак, явившись в дом, может попросить молока испорченной им коровы, чтобы прервать свои мучения, и если не дать ему молока, он может умереть. От напавшего в зверином облике ведьмака крестьяне советовали обороняться тележной осью, причем бить не прямо, а наотмашь; широко использовался также осиновый кол, который вбивали в грудь умершему ведьмаку, чтобы он не бродил по земле после смерти. С ведьмаками-упырями, из-за своей второй, нечистой души встающими из могилы и вредящими людям, боролись и другими способами: например, отрубали ему голову, клали лицом вниз, забивали ему в рот кол, клали в гроб кусок осины, гвозди, воск, втыкали в покойника шин боярышника, рассыпали на могиле мак или горчичные зерна и т.д.

Рассказы о страшных ведьмаках встречались повсюду у восточных и даже западных славян; по наряду с ними, кое-где существовали и другие представления о ведьмаках. Так, например, в некоторых местах верили, что ведьмак делает лишь добро: заговаривает болезни, лечит людей и животных, защищает людей от ведьм и злых колдунов, а также от нечистой силы. По некоторым поверьям, ведьмак возглавляет шабаш ведьм и не даст им возможности причинять людям зло. В одной украинской быличке, отец-ведьмак своими советами спасает сына, три ночи ночующего с умершей вдовой, и побеждает всех ведьм, даже главную из них — киевскую; в другой быличке, ведьмак помогает селянам, на которых нападает ведьма.

По поверьям, ведьмак перед смертью, как и ведьма, должен передать кому-нибудь свои знания, иначе он будет умирать долго и мучительно (ср.: «Вот он никак не мог помереть. Ну, никак. Уже думали, все, помер, а он с лавки соскочил и в подпечье полез... Этих, которые силу-то свою не передали, черти перед смертью сильно мучают»). Когда умирает ведьмак, нередко наступает засуха или начинаются нескончаемые дожди. После смерти ведьмак может вставать из своей могилы; при этом в некоторых местах считалось, что даже после своей смерти он не теряет своей силы и, выходя из могилы, дерется с чужими мертвецами («еретиками»), не пропуская их в село и не давая им причинять людям вред (насылать засуху, неурожай и т.д.).

Все подобные представления о ведьмаках вполне соотносятся с представлениями о ведьмах и колдунах: ведьм также считали обычно вредоносными существами, но при этом в некоторых местах неизменно сохранялись поверья о том, что ведьмы (или колдуньи) делают добро и защищают людей от злых сил. Очевидно, причина таких несоответствий была одна и та же: ведьмы и ведьмаки в древности вовсе не являлись злыми, вредоносными существами, а были «ведающими» людьми, волхвами, руководившими различными обрядами и хранившими древние знания. Такие люди почитались среди язычников не меньше (а скорее всего, даже больше), чем при христианстве служители церкви, священники. Без «ведающих» людей никогда

Ведьмачка

не проходило ни одно празднество, ни одно моление богам, так как именно в обязанности волхвов входило исполнение специальных обрядов, долженствующих, во-первых, умиловить богов, а во-вторых, отогнать от селений зло и несчастья. Христианство же яростно истребляло подобные мировоззрения, объявляя всех языческих богов злыми демонами, а их служителей — отступниками и еретиками; и вследствие этого, волхвы, ведьмы и ведьмаки стали восприниматься чуть ли не как исчадья зла, персонификация бед, горя и смерти. Но прежняя вера исчезла не полностью и не всюду; отсюда и предания о добрых ведьмах и ведьмаках, защищающих людей от всякого зла.

Ведьмочка — см. Ведьмак.

Ведьмица — см. Ведьма.

Ведьмовище — см. Ведьмак.

Векшица — см. Вештица.

ВЕЛЕС. волос — бог богатства, торговли и скота, а также бог мудрости; покровитель волхвов, пастухов, торговцев, поэтов и т.п. Считалось, что он наделяет человека талантами и физической красотой, хорошим голосом и слухом, высоким ростом и т.п. По некоторым данным, атрибутами Велеса являлись конский череп и змея; день Велеса — понедельник.

Волос-Велес был очень архаичным божеством, восходящим, возможно, к охотникам палеолита, маскировавшимся в звериные шкуры и во время охоты, и во время заклинательного ритуала (Волос, Велес — волосатый, волохатый; отсюда волхв — тоже волохатый, возможно, одетый в медвежью шкуру). Вероятно, в далеком охотничьем прошлом Велес мог означать «духа убитого зверя», «духа охотничьей добычи», т.е. бога того единственного богатства, которое олицетворяла туша побежденного зверя. Возможно, некогда Велес был зооморфным божеством, сохранившим в новых условиях старое имя, происходящее от слов «волосы», «шерсть» и т.п.

Как мужское божество, являвшееся хозяином леса, Велес со временем начал понемногу вытеснять древнейший культ небесных рожаниц-лосих; по-видимому, это начало происходит на более поздней фазе развития охотничьего общества. На этой же стадии произошла и замена наименования созвездий: созвездие Лося (Лосихи) стало созвездием Медведя (Большой Медведицы); т.е. рожаниц-лосих сменил Велес-медведь. Медведь издревле воспринимался людьми как лесной хозяин; и его культ был тесно связан с культом Велеса на протяжении столетий, хотя при переходе к скотоводству и земледелию и произошло некоторое расслоение образа Велеса-медведя: с одной стороны, его почитали как медведя, «лесного царя», которого молили о сохранности всякой скотины от лесных зверей, а с другой стороны, его воспринимали как бога — покровителя скота. Но связь Велеса с медведем, тем не менее, не исчезла. Так, например, с Велесом

было связано созвездие Плеяд-Волосынь, сияние которых, по народным поверьям, предвещает удачную охоту на медведя. При раскопках языческого капища Волоса в Ярославской области был даже найден ритуальный топор с головой медведя. Само название медвежьей лапы — «скотий бог» — также указывает на связь этого животного с Велесом; такие медвежьи лапы крестьяне и в XIX в. вешали в хлеву, считая этот оберег лучшей защитой для скота. Праздником Велеса считались медвежьи праздники комоедицы, ныне святки и масленица, пора пробуждения медведей. При этом, очевидно, моления Велесу не ограничивались только заключительным днем зимних святок, а начинались с Нового года и продолжались шесть дней, отмеченных разгулом нечисти. Эта вторая половина святок, начиная с новогодней ночи, была связана со скотом и зверьем и представляла собой «велесовы дни». В эти дни и почитали Велеса разнузданными карнавалами, буйными русалиями; в это время рядились в вывернутые мехом наружу тулупы и звериные маски, устраивали ритуальные процессии, пели обрядовые песни и т.п., слава «скотьего бога» Велеса.

Культ Велеса как «скотьего бога», покровителя уже прирученных зверей, возник, вероятно, в неолите и в бронзовом веке, тогда, когда праславяне научились приручать диких животных и когда главным богатством племени был именно скот. Поскольку скотоводство развилось из охоты, из отлова и выращивания дикого молодняка, то при переходе к скотоводству хозяин леса и повелитель лесного зверья вполне мог быть переосмыслен в покровителя одомашненного зверья, стать «скотым богом». Такой переход от представлений о покровителе удачной охоты к скотью богу был даже не слишком контрастен: ведь в обоих случаях конечный результат воспринимался как убийство и поедание животных, только охотник преследовал и убивал свободного зверя, а скотовод резал связанную скотину, но они оба кормили себя и своих соплеменников мясом.

Переход к земледелию не потребовал нового переосмысления образа «скотьего бога», так как скотоводство осталось существенным и незаменимым элементом комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Скот обеспечивал вспашку полей, шерсть, кожу и мех для одежды, молоко, сыр, масло для стола, рог и кость для поделок. Как и при пастушеском хозяйстве, скот олицетворял богатство племени. Поэтому вплоть до средневековья слово «скот» означало не только домашних животных, но также и имущество, деньги, богатство (так, слово «скотолобие» означало корыстолюбие; «скотница» — казна, и т.п.); и в результате к средневековью Велес стал считаться также богом богатства и торговли.

Кроме того, со временем бог скота, богатства и плодородия неизбежно приобретал и некоторые земледельческие функции. Так, на одном из серебряных браслетов (XII-XIII вв.) личина Велеса (узколицая бородастая голова с рогами или, что более вероятно,

торчащими ушами) была изображена над засеянным полем, что говорит о нем как о покровителе плодородия, урожая. Об этом же говорит и обычай, в силу которого в дар Велесу, богу богатства (в том числе богатого урожая и хлебных запасов), крестьяне оставляли на убранном поле несжатými несколько стеблей хлебных злаков — волотей, называемых в народе «Волосовой бородкой». Существовал и схожий обычай «завивать Велесу бороду», исполнявшийся в некоторых областях южной России: после созревания хлеба жницы с песнями отправлялись в поле и одна из них, захватив рукой пучок колосьев, закручивала их на корню и потом перегибала или переламявала в сторону, чтобы его было всем видно и ни один серп не коснулся такого закруга; считалось, что после такого обряда никакой лихоей и колдун уже не в силах будет наслать на хлеб порчу (интересно, что такой же метод во многих местах применяли колдуны и ведьмы для того, чтобы навести на хлеб порчу). Однако, несмотря на подобные обряды, такие дополнительные земледельческие функции не заслонили основной сущности Велеса как скотьего, звериного бога.

Помимо функции охранителя скота, Велес в народной традиции издревле наделялся и еще одним свойством — связью с миром мертвых. При этом со временем архаичная связь Велеса с убитым, мертвым зверем, возникшая еще в охотничью пору, со временем стала осмысляться шире — как связь с миром мертвых вообще. Судя по некоторым данным, некогда Велес считался проводником в загробный мир и вообще мог олицетворять подземное царство усопших. Некоторые исследователи полагают, что функции Велеса-Волоса как скотьего бога соответствует общеиндоевропейское представление о загробном мире как о пастбище, где один из богов пасет души мертвых; с этим связано ритуальное принесение в жертву скота как при погребении, так и во время поминальных празднеств у славян. Само имя Велес, очевидно, имело семантический оттенок, связанный с культом мертвых: ср. балтийское *welis* — покойник, *welci* — души умерших; корень *vel* вообще имел значение «мертвый». Балтийские народы в древности почитали бога Велса или Виелону, который пасет души умерших. У литовцев существовал особый праздничный ритуал, посвященный богу

Виелоне; заключался он в том, что для праздничного пира закалывали свинью и приглашали Виелону вместе с мертвыми принять участие в этом пире. У литовцев же в день поминовения умерших («время Велса») был обычай сжигать кости животных. Очевидно, балтийский Веле, как и славянский Велес, сочетал в себе функции покровителя скота и повелителя загробного мира. В пользу того, что Велес был связан с загробным миром, подземным миром мертвых, говорит и то, что на Збручском идоле он был изображен в самом нижнем, «подземном» ярусе, держащим на плечах всю землю. Кстати, возможно, что именно связь с загробным подземным миром сблизила культ Велеса с земледелием: ведь в сознании древних пахарей умершие

предки, предаваемые земле, должны были содействовать плодородию и урожаю, а угощение «дзядов» традиционно носило аграрно-магический характер.

Итак, образ Велеса-Волоса на протяжении столетий претерпел значительные изменения: первоначально, в охотничьем неолитическом обществе (когда культ медведя уже частично оттеснил лосих-рожаниц), Волос мог быть хозяином леса, божеством охотничьей добычи, выступавшим в медвежьем обличе. Возможно, что само имя его было лишь нарицательным иносказанием, вызванным табу на подлинное имя: Волос — волохатый, косматый, как в позднейшее время медведь — «мед ведающий», лось — сохатый, рогатый и пр. В представлениях древнейших охотников, по видимому, существовали две основных идеи: одна из них касалась природы вообще, изобилия животных для охоты, и олицетворялась в небесных женских божествах, будто бы рождающих весь звериный приплод; а другая относилась к «технике охотничьего дела», к добыче, убийству зверя. Волос был воплощением этой второй идеи, и сейчас уже трудно сказать, на каком этапе развития охотничьей магии возник этот образ косматого покровителя удачной охоты, т.к. тот же мамонт также был косматым и «волохатым», а сведения о связи культа Волоса с медведем относились к уже более поздней поре жизни охотничьих племен (возможно, к тому времени, когда медведь уже был крупнейшим из оставшихся в лесах хищных зверей). Возможно, образ Велеса возник тогда, когда охотники маскировались в звериные шкуры, и когда жрец-шаман, имитируя процесс охоты, выступал в звериной шкуре и был «волохатым». Позднейшие охотники в шкуры уже не маскировались, но как ритуальная одежда медвежья шкура просуществовала вплоть до XIX в.

С развитием скотоводства функции звериного бога стали включать в себя охрану домашних животных от всяческих нападений, в том числе и от нападения хищников — того же медведя и волков. В эту пору Велес уже стал божеством всяческих благ, как охотничьих, так и скотоводческих, божеством всего племенного богатства (кстати, такие же метаморфозы претерпело и охотничье оружие: например, рогатина, использовавшаяся при охоте на медведя, стала главным магическим предметом в обрядах, сопровождавших первый выгон скота в поле).

Земледелие, связанное со скотоводством, оставило Велеса «скотым богом», но в какой-то мере воскресило архаичную связь этого божества с подземным миром мертвых и с идеей смерти, воспринимаемой теперь несколько иначе: захороненные в земле умершие теперь должны были заботиться о полях племени, охранять их и способствовать плодородию земли. Поэтому и Велес, который во времена тотемизма и представлений о реинкарнации связывал первобытного охотника с миром зверей, теперь стал в какой-то мере покровителем плодородия, связанным с культом предков и «аграрным круговоротом жизни и смерти». Среди

языческих идолов славянского средневековья нередко встречалось изображение бородатого мужчины с огромным турьим рогом в руке — «рогом изобилия», символизовавшим всякий достаток, плодородие земли и скота; эти идолы исследователи соотносят с Велесом, покровителем комплексного, земледельческо-скотоводческого хозяйства древних славян.

По-видимому, в более поздние времена Велес наделялся и другими функциями. Например, Боян в «Слове о полку Игореве» был назван «Велесовым внуком», что может отражать древнюю связь культа Велеса с обрядовыми песнями. Очевидно, Велес был не только богом торговли, но и богом культуры вообще, в том числе и искусства, в частности и песнетворчества. Возможно также, что Велес, как покровитель скота, был и божеством пастухов (в одной словацкой колядке слово «велес» прямо употребляется в значении «пастух»: «Пасли овец велесы при бетлемском салаше...») и пастушеской поэзии. Кроме того, известно, что в древности существовал обычай под Новый год (как раз праздник Велеса) исполнять целые циклы былин-старин; исполнители этой ритуальной поэзии вполне могли именоваться «велесовыми внуками». Зимние святки являлись кульминацией праздничного «песенно-танцевального творчества всех жанров», поэтому неудивительно, что то божество, вокруг которого и ради которого все это затевалось, оказалось в представлении древних славян покровителем песен, сказаний, поэзии вообще.

Судя по некоторым мифам, Велес-Змей, возможно, некогда считался противником бога грозы Перуна; спор их якобы разгорелся из-за похищения Велесом скота (по другим легендам — дождя, изредка — невесты). Крестьяне верили, что гроза бывает оттого, что Перун мечет молнии в Велеса; результатом битвы бывает поражение Велеса и проливание на землю животворного дождя. Впрочем, миф о противостоянии Велеса и Перуна мог иметь достаточно позднее происхождение и относиться к тем временам, когда главенствующее положение в славянском пантеоне божеств занял Перун как бог — покровитель княжеской дружины. Но для простых земледельцев Перун оставался в первую очередь богом грозы и подателем животворящего дождя; поэтому он почитался, в общем-то, не более, чем Велес, также покровитель плодородия и скота. В летописях нет упоминаний об открытом противоборстве Перуна и Велеса; наоборот, там говорится, что русские почитали обоих этих богов: «...и кляшася оружием своим и Перуном богом своим и Волосом скотием богом...», «Да имем клятву от бога, в него же веруем и от Перуна и от Волоса скотия бога».

Миф о противоборстве Перуна и Велеса мог возникнуть на основании противопоставления Велеса, покровителя торговли, ремесел, земледелия и скотоводства, Перуну как богу не только грозы, но и битв, покровителю воинов. А в соответствии с этим противопоставлением изменился и древний миф о Перуне, сражающемся с демонами, змеями и пр. и

освобождающем небесные воды: Велес, связанный с потусторонним миром мертвых и с культом лесных зверей, просто занял место демонического противника Перуна.

В христианскую эпоху Велес был замещен покровителем скота Власием Севастийским (созвучным языческому скотьюему богу Волосу), а также Николаем и Юрием (Георгием). Согласно легендам, св. Власий некогда был пастухом и однажды совершил чудо: заставил волка вернуть похищенного поросенка, принадлежащего бедной вдове. Вообще, на то, что культ христианского святого Власия заменил собой языческий культ Велеса, указывают многие факты: например, к празднику святого Власия в некоторых местах приурочивался целый ряд обрядов заклинания скота, когда хозяин в шубе вверх мехом кормил скот особым освященным хлебом и заклинал его иконой, богоявленской водой из «иордани», а также производил магические манипуляции с топором, чтобы оградить скот от хищников. Существовал также обычай приносить на праздник св. Власия в церковь коровье масло и класть его перед иконой святого. Кстати, на некоторых иконах Власий изображался на коне в окружении лошадей, коров и овец (т.е. опять-таки выступал как пастух); а у восточных славян день св. Власия нередко называли конским или коровьим праздником. При опаживании села для защиты скота от коровьей смерти у русских крестьян принято было носить с собой икону св. Власия, а также св. Николая Мирликийского.

ВЕЛЕТЫ. волоты, асилки, осилки — в восточнославянской мифологии великаны-богатыри, населявшие землю еще до людей и позднее исчезнувшие с лица земли; существа, подобные титанам греческих мифов.

В мифах о велетах нашли отражение народные представления о первопредках — существах, живших на земле прежде обычных людей и ставших их прародителями; эти существа у славян, как и у многих других народов, признавались великанами, людьми огромного роста. В принципе, миф о великанах был известен практически всем народам мира, и даже в ветхозаветной Книге «Бытия» упоминается о том, что земля в древнейшие времена была населена гигантами, которые сперва были добрыми и славными («В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди»); но постепенно, согласно мифам, обитавшие на земле исполины деградировали и стали угнетать людей, а затем и вовсе исчезли с лица земли. По-видимому, этих-то первых людей, населявших мир в древнейшие времена, народные поверья и называли велетами (в Белоруссии — волотами, в Малороссии — велетнями). Само название велет, волот, по-видимому, родственно хорватск. великаш (velikas) и словен. веляк (veljak), буквально означаящим «великий муж», великан.

Велеты

Великорусские сказки, повествуя о великанах, называли их обычно дикими людьми и описывали как огромных существ выше леса, свободно переходящих вброд самые глубокие моря и зачастую вооруженных вырванными с корнем дубами. В некоторых сказках и былинах они могли выступать как богатыри, вооруженные палицами (ср. предания о богатыре Святогоре, который, будучи великаном огромного роста, мог ходить только по горам, так как земля его не держала). На обыкновенных смертных великаны, по свидетельству сказок, смотрят обычно презрительно, как на слабых червей, которых им ничего не стоит раздавить ногой. При этом народные поверья наделяли исполинов неутомимой жаждой битв: так, в былине один из великанов, тридцать три года пролежавший на ратном поле убитым, будучи окроплен живой водой, немедленно вскочил и тотчас же предложил своему спасителю помериться силами в рукопашном бою.

Все эти легенды и поверья, касающиеся великанов, были, в общем, идентичны преданиям о велетах. Народная традиция описывала велетов как могучих, прекрасно сложенных исполинов, в которых «сила соединялась с ростом и дородством». Обитали они, по преданиям, по большей части в неприступных горах, дремучих лесах или диких степях вместе со своими женами — великаншами-велетками, ни в чем не уступавшими им по силе и даже иногда превосходившими в этом своих мужей.

В белорусских легендах богатыри-велеты иногда выступали как герои-защитники: они разрушали горы и стены, за которыми томились похищенные змеем люди, побеждали змеев-похитителей и т.д. (возможно, эти мифы являются вариантами мифа о борьбе громовержца-Перуна с его противником Змеем). Но при этом, согласно многим мифам, велеты, наделенные огромной силой, обладали необузданным характером и постоянно изменяли мир: создавали реки и воздвигали утесы, а когда сердились, то вырывали с корнями деревья, сбрасывали вершины гор, устраивали бури и штормы, разбивали камни каменным оружием и т.д. Играючи, они подбрасывали в небо огромные каменные булавы, чем вызывали гром (отсюда, возможно, и другое название велетов — асилки — от индоевропейского корня ак-¹ означающего «камень, каменное небо»). Эта дикость и необузданность велетов в сочетании с необыкновенной силой объяснялась, возможно, тем, что великаны-велеты, предположительно, были олицетворением страшных и неразумных сил физической природы.

О том, куда и почему исчезли велеты, большинство мифов умалчивает. Впрочем, одна из белорусских легенд сообщает, что в давние времена велеты возгордились своей силой и стали угрожать Богу, чем разгневали его, и были им уничтожены; в Сибири же существовало предание о том, что целый народ велетов в давние времена заживо ушел в землю. По народному убеждению, огромные кости, которые иногда находят в земле, — это останки велетов: в память о велетах в

летками или волотками в народе называли древние курганы, которые в некоторых местах считали могилами исполинов и богатырей, «первонасельников и первопредков». Некоторые легенды связывали с велетами также камни-следовики (считалось, что следы на этих камнях — следы велетов) и «каменные бабы» — камни, напоминающие антропоморфные изваяния: «Кам'яні баби — то люди колись були. їх одні звали великдонами, а інші веленями. Це, кажуть, був превеликий народ, і жив він до створення сонця. Як послав Господь сонце, стали великдони виходити на могили, стали плювати на нього. Господь розгнівався і прокляв їх. З того часу вони зменшилися і покам'яніли».

Кстати, существуют и летописные свидетельства того, что великаны-велеты некогда населяли земли славян (а вероятно, и вообще всю землю повсеместно). Так, например, Ахмед Ибн-Фадлан, в 921-922 годах вместе с посольством багдадского халифа посещавший царя волжских булгар, а после путешествия восточный по русским владениям, писал, что до него дошли слухи о том, что при дворе владыки Булгарского царства содержится «человек чрезвычайно огромного телосложения»; однако увидеть этого человека своими глазами ему не довелось, так как его умертвили из-за буйного и злобного характера. Впрочем, Ибн-Фадлану показали останки этого великана, и он рассказывал, что «голова его подобна большой кадке, ребра его подобны самым большим сухим плодовым веткам нальм, и в таком же роде кости его голеней и обе его локтевые кости». Другому арабскому путешественнику, Лбу Хамиду ал-Гарнати, спустя более ста лет после Ибн-Фадлана посетившему столицу Волжской Булгарии, повезло больше: он встретил живого великана («А я видел в Булгаре в 530 году [1135-36] высокого человека из потомков адитов, рост которого больше семи локтей, по имени Данки. Он брал лошадь под мышку, как человек берет маленького ягненка. А сила у него была такая, что он ломал рукой голень лошади и разрывал мясо и жилы, как другие рвут зелень. А правитель Булгара изготовил ему кольчугу, которую возили в повозке, а шлем для его головы, как будто котел. Когда случалось сражение, он сражался дубиной из дуба, которую держал в руке, как палку, но если бы ударил ею слона, то убил бы его. И он был добрым, скромным; когда встречался со мной, то приветствовал меня и здоровался со мной почтительно, хотя моя голова не доставала ему до пояса, да помилует его Аллах»). Похожие сведения сохранились и в скандинавских источниках, касавшихся набегов викингов в отдаленные районы Русского Севера: там воинственные землепроходцы будто бы неоднократно сталкивались с племенами исполинов, причем как обычных великанов мужского пола, так и исключительно женских особей. Да и сами русские даже в XIX-XX вв. рассказывали о находимых иногда огромных черенах и костях гигантских людей (ср.: «Один старичок у нас есть, без двух лет восемьдесят ему, так отец его помнит — нашли могилу, где раскопали неприятельских солдат

Великий четверг

— скелеты, оружие, латы. Черепа были такие, что на голову вполне легко даже одевались. Вот какие были чудные люди — великаны»).

Великий четверг — см. Страстной четверг.

ВЕНИК — в народных представлениях опасный и «нечистый» предмет, служащий орудием порчи и колдовства, но иногда выступающий и как оберег от злых сил. По-видимому, эта двойственность объяснялась тем, что веник был предметом, с одной стороны, тесно связанным с домом и предназначенным для очищения, но с другой стороны, контактировавшим с грязью, нечистотами, мусором, т.е. «нечистым».

Представления о венике как о предмете, связанном с нечистой силой, были весьма распространены. Так, например, у всех славян существовали поверья о том, что демоны могут появляться в виде летящей метлы (причем нередко — огненной метлы, что указывает на олицетворение кометы, «хвостатой звезды»), оборачиваться помелом или веником, волочить за собой веник или держать его в руках. В народных поверьях колдуны и злые духи, похищающие человеческих детей, нередко придавали облик ребенка венику, чтобы родители не заметили исчезновения своего чада; считалось, что такой веник-ребенок не растет, не говорит и только беспрерывно плачет (ср.: «...Ребенок-то все плачет и плачет... Она его взяла и в угол кинула. И ребеночка не стало, а только голик лежит...»). Веником ведьмы сбивали росу с трав на пастбище или дотрагивались им до вымени чужой коровы, чтобы отобрать у нее молоко; а волоча веник по полю, ведьма могла отобрать урожай, перенести «спорину» на свое поле. Веник или метла считались традиционным «конем» ведьмы: считалось, что именно на метле ведьмы предпочитают летать на свои сборища. Веник ведьмы колдуны могли использовать и для наведения порчи, для чего подбрасывали его к дому, под порог, в огород, перебрасывали через дом, подкладывали в телегу жениха и невесты, бросали вслед человеку и т.д.

С веником были тесно связаны и домашние духи. Считалось, например, что банник живет в куче неошпаренных банных веников, а под домашним веником может обитать домовый (по одному из поверий, на Федорин день домовый вообще не покидает своего убежища под веником, и потому мусор в этот день выносить нельзя). Вообще, веник иногда как бы сам являлся олицетворением домашнего духа, достатка и благополучия, и вероятно, именно на этом представлении основывался обычай, согласно которому хозяева при переезде в новый дом обязательно брали веник с собой (как бы переносили вместе с ним и своего домового, и свою удачу и богатство).

Старый веник запрещалось выбрасывать вблизи дома, на дороге или вообще в тех местах, где на него может наступить человек или животное, так как считалось, что это может повлечь за собой болезни (коросту, чесотку, бессоницу и пр.) и различные беды. Кроме

того, старый веник нельзя было сжигать в печи, так как это, по народному убеждению, могло вызвать бурю, вихрь, нашествие нечисти — клопов, тараканов и т.п., а также ссоры в семье. Строго запрещалось и бить человека или скотину веником, так как считалось, что из-за этого они не будут расти, начнут болеть и станут худыми и сухими, как веник.

Защитные свойства веника, его способность противодействовать нечистой силе находились в тесной связи с его функцией очищения, устранения всего нечистого. В связи с этим его часто использовали для отгона нечистой силы, для чего ставили метлу или веник перед дверями дома или хлева (часто ручкой вниз), с приговором мели пол в доме (обязательно к порогу, чтобы вымести за дверь нечистых духов) или обходили дом, размахивая метлой и произнося специальные заклинания. В некоторых местах для защиты от сглаза и порчи веник бросали вслед человеку, обладавшему, по мнению соседей, дурным глазом; при этом кое-где это объясняли тем, что возможная порча перейдет на веник, а не на человека. Веником или прутьями из метлы нередко били пойманную ведьму, полагая, что это лишит ее силы; зачастую так же поступали и с подменышем, считая, что от битья веником с него спадет человеческое обличье, и нечистая сила, подкинувшая его, заберет его обратно и вернет украденного ребенка. В Сибири и в некоторых других местах веником били о порог дома, прогоняя чужого домового (в быличках «свой» домовый, сражающийся с чужим, иногда даже сам просит об этом хозяев). Для защиты от злых духов веник кое-где клали в изголовье или у постели роженицы, а также прислоняли веник к колыбели, чтобы защитить мать и дитя от злых духов.

С теми же очистительными функциями веника было связано и использование его в обрядах, совершаемых над больными людьми. Так, например, для того, чтобы устранить болезнь или, по крайней мере, ослабить ее, больных били веником или обметали им: прикасались веником или привязывали его к больному месту; укладывали больного на веник и веником же накрывали больного; перебрасывали веник через больного или заставляли больного перешагнуть через него; кропили больного водой с веника; парили прутья веника и давали больному пить этот отвар; окуривали больного прутьями веника; с приговором рубили веник на пороге или на поясице больного радикулитом, и т.п. Для избавления ребенка от ночного крика его в некоторых местах водили по дому, обметая его новой метлой; клали его у печи и трижды обметали веником с головы до ног; били его веником на пороге; зашивали девять прутиков в одежду ребенка или выбрасывали одежду ребенка со старым веником в окно. В некоторых местах венику также передавали болезнь, а затем выбрасывали его в болото, на пустырь и т.д.; а некоторые колдуны, по свидетельству быличек, через веник напускали свои чары в воду или передавали перед смертью свою силу венику и пускали его по реке (при

Венок

этом считалось, что тот, кто выловит такой веник, примет вместе с ним и колдовскую силу).

Использовался веник и в других народных обрядах. Так, например, в некоторых местах для защиты посевов и урожая от птиц и грызунов поле обходили по солнцу со старым веником в руках и махали им от себя; подкладывали в снопы колядный веник или три прутика от него; рассыпали прутья веника в амбаре или погребе. Если плохо сбивалось масло, хозяйки били маслобойку старым веником или подкладывали под нее веник; так же иногда поступали и с дежой, если плохо поднималось тесто. Чтобы при тканье не путалась основа, ее трижды ударяли веником; чтобы хорошо выпекался хлеб, старый веник жгли на припечке. При пожаре со старым веником обходили горящий дом, полагая, что от этого огонь утихнет. При первом выгоне скота хозяева в некоторых местах подкладывали веник под порог, а также терли им коров или кропили скот водой с веника. Когда корову вели на случку, погоняли ее обычно старым березовым веником, чтобы она «погуляла». Веником били также плодовые деревья, чтобы вызвать хороший урожай фруктов. Чтобы куры держались своего дома, на чердак по праздникам забрасывали веник; веник и старый лапоть также подвешивали на угол дома для защиты цыплят от хищных птиц. Старый веник нередко втыкали в грядки и в поля растущего льна и ржи, чтобы уберечь их от порчи и разных стихийных бедствий (града или бури).

Во время обряда опаживания села при море или эпидемии женщины нередко держали метлы и веники в руках. Во многих местах во время похорон умершего от холеры за гробом шла вдова и мела веником до самого кладбища, «выметая холеру»; в других местах с той же целью за гробом бежали две вдовы с голиками в руках, которые выбрасывали эти голики за селом. Для предотвращения засухи сухой веник бросали в колодец; разбрасывали прутья от веника на перекрестке; жгли на распутье 12 старых веников; обходили с веником село и т.д. Для остановки дождя и отгона грозовой тучи хозяйки выбрасывали из дома веник (часто — вместе с хлебной лопатой и кочергой) или забрасывали метлу и кочергу на крышу. Весной, услышав первый гром, в некоторых местах трижды кувыркались через веник для здоровья и т.д.

В девичьих гаданиях о замужестве использовался обычно так называемый колядный веник, т.е. веник, которым подметали в доме на святки. Его подбрасывали вверх, примечая, в какую сторону он упадет; бросали на дорогу, ожидая, что его поднимет суженый; выбрасывали веник на мусорную кучу, прислушиваясь к собачьему лаю («откуда залает — туда и замуж идти»), и т.д. На Русском Севере девушки гадали еще и с банными вениками: после мытья в бане в день Аграфены Купальницы (23.VI) они бросали свои веники в реку и по тому, как они плыли или тонули, гадали о жизни, смерти и о замужестве.

Немалое значение придавалось венику в свадебных обрядах. Так, например, веником традиционно расчищали путь свадебному поезду, а также дорогу жениху и невесте, идущим в баню, чтобы защитить молодых от порчи. Особо большую роль при этом играл банный веник: во время девичника его наряжали и, пока топили баню, ставили его на крышу, а затем торжественно несли перед невестой в баню или разбирали веник на прутья, каждый обвязывали красной лентой и втыкали по обеим сторонам дорожки в баню («вершили дорожку»). На обратном пути из бани веник, которым парилась невеста, обычно раскидывали и по нему шли к дому. Считалось, что все это должно способствовать здоровью молодых и их счастливой супружеской жизни.

Широко практиковалось использование веников в сезонных календарных обрядах, приурочивавшихся к различным праздникам. Так, например, на Ивана Купалу старые веники принято было сжигать в купальском костре, что символизировало сожжение ведьмы. Заготовка новых веников на весь год, особенно веников банных, приурочивалась обычно ко дню Аграфены Купальницы; заготовленными в этот день банными вениками с вложенными в них различными травами и цветами парились для красоты и здоровья. На масленицу вениками украшали дуги, хвосты лошадей и упряжь при проводах масленицы; кроме того, старые веники традиционно подвешивали к чучелу Масленицы, а иногда и само чучело делали из веников. Веники (в качестве орудия устрашения, битья, пародийного подметания) непременно входили в реквизит масленичных ряженных. Веником на мусорной куче в пародийной («цыганской») свадьбе символически венчали ряженных «молодых», и т.д.

В погребальном обряде и в поверьях о смерти веник связывался обычно с душой умершего. Так, например, для облегчения агонии умирающего (особенно умирающего трудно колдуна) веник иногда перебрасывали через крышу дома, а домочадцы без особой нужды старались не трогать веник, чтобы «не тревожить душу». После выноса покойника веник принято было выбрасывать (обычно в реку или на лед) вместе с мусором, щепками от гроба и прочими «мертвецкими» предметами. В некоторых местах листья от веника разбрасывали по дну гроба или набивали ими подушку для покойника; выражение «пора на веники» означало «пора умирать». На Радуницу вениками обметали могилы близких. Покойницкий веник кое-где использовался в хозяйственной и лечебной магии: его прятали в хлев для оберега скота, втыкали в поле.

ВЕНОК — обрядовый предмет, изготавливаемый из различных растений, трав и цветов, а также ленточек, бумаги и т.д.; элемент убранства, широко использовавшийся во время проведения разнообразных обрядов, праздничных шествий, свадебных церемоний, игрищ и пр. При этом венок служил не только украшением людей, животных и различных предметов, но и

использовался как оберег от нечистой силы, порчи, сглаза и вообще всяческих несчастий.

Венок являлся обязательным головным украшением девушек во время весенне-летних игр и обрядов, вероятно, как символ расцвета вегетативной силы природы; так, например, во время «проводов русалки» для девушки, ряженной «русалкой», плели специальный венок с добавлением крапивы или делали много венков, надевая их ряженой на голову, руки, шею и т.д.; иногда «русалку» вообще одевали только в зелень и венки, которые после обрядов выбрасывали в воду, в костер, на кладбище, перекресток, на дерево и т.д., что символизировало изгнание русалки.

Венки были обязательным атрибутом участников купальских игр: так, например, повсеместно накануне Иванова дня девушки и дети (а иногда и нарни) плели венки из цветов и разных трав, веток и пр. и в этих венках вечером с песнями перескакивали через огонь или крапиву, плясали у костров и т.д. Венками в это время также украшали дома и дворовые постройки, а также купальское деревце. На заключительном этапе купальского обряда венки обычно уничтожались: их бросали в костер, закидывали на дерево или на крышу, а иногда относили их на кладбище, перекресток и пр. Девушки обычно пускали свои венки по воде и гадали по ним о замужестве и о своей судьбе (реже подобные гадания производились с венками, заброшенными на дерево, на крышу дома и т.п.). Впрочем, во многих местах часть венков при этом сохраняли, чтобы позднее использовать их для лечения больных, для охраны полей от града, а домов от молнии и пр.; так, например, в некоторых местах венки после купальского праздника бросали на крышу дома, где они высыхали, после чего из них делали отвар, которым мыли голову от болей.

Изготовление венков было характерно и для обрядности католического праздника Божьего Тела, отмечаемого в девятый четверг после Пасхи. Каждая из участниц церковных праздничных шествий заранее плела нечетное количество небольших веночков (5, 7, 9) и несла их с собой; по завершении обходов венки оставляли в костеле, где они висели до следующего четверга, а в десятый послепасхальный четверг после церковного освящения их забирали домой и использовали в течение года для магических и лечебных целей: вешали над дверями и окнами или оставляли на чердаке против молнии, грозы, пожара; развешивали в амбаре или клали под первый сноп нового урожая против грызунов; подкладывали в гнезда наседкам, в колыбель новорожденному, под подушку роженице для защиты от злых сил; размещали по углам гроба или под подушку умершему, «чтобы зло не подступило»; носили под рубашкой «от ведьм»; окуривали подожженной зеленью такого венка больных и т.д. Вообще, крестьяне верили, что венки, освященные в праздник Божьего Тела, защищают от всяческого зла, от любой напасти и беды.

Плетение венков и ритуалы с ними составляли основу обрядности Юрьева дня. Венками украшали овец и коров, подойники, овчарни и хлева; над входом в загон для скота укрепляли дугообразный венок, под которым прогоняли все стадо. В некоторых местах пастухи плели специальные юрьевские венки и прикрепляли их к рогам коров, а после праздника забрасывали венки на крыши домов или расплетали и бросали в воду, чтобы в течение всего лета ведьмы и волки не вредили скоту.

В четверг перед Троицей венки традиционно завивали на молодой березке, закручивая ветки кольцами и связывая их лентами или поясами. Такой обряд назывался «завиванием березки» и исполнялся молодыми девушками. После «завивания березки» девушки водили вокруг украшенного деревца хороводы, пировали и кумились, целуясь через венки и меняясь нагельными крестиками. До самой Троицы эти венки оставались на березе, и к ним в это время старались не подходить, полагая, что в это время там находятся русалки (собственно, и завивание венков в некоторых местах делалось специально для русалок); на Троицу же девушки ходили развивать эти венки, гадая по ним о будущем (так, увядший или развившийся венок сулил скорую смерть или безбрачие, а свежий и зеленый — скорое замужество и счастливую безбедную жизнь). При этом одновременно с «развиванием березки» девушки плели и простые травяные венки, в которых ходили весь Троицын или Духов день, а вечером бросали их в воду и тоже гадали по ним. Венки плели и во время сбора троичкой зелени, предназначенной для украшения домов, причем в такие венки, помимо полевых трав и цветов, часто вплетали полынь, чернобыльник, как средство против русалок, а также зелень, которой украшалась на Троицу церковь, и иногда — дубовые ветки; такие венки не только носили сами, но и надевали их на рога коровам перед выпасом для защиты от ведьм, а также оставляли на полях полях и огородах от беды, града, засухи и пр.

Особый жатвенный венок изготавливали из колосьев в день окончания жатвы прямо на поле. Этот венок иногда вручался работниками хозяину как символ окончания жатвы (ср. жатвенные песни: «Наше село веселе, Ми виночка несемо, / Не з золота, — з ярици, / З назимой пшеници, / Не з золота, а з жита; Нам горилка налита. / Ой, обжинки, паночку, обжинки! / Дай нам меду горилки; / прочиняй, нане, ворота, / Несем тобі винки из злота!»); либо его возлагали на голову лучшей жнице. В такой венок вкладывали особые колосья — двойные, считавшиеся символом изобилия; колосья переплетали с полевыми цветами и лентами. Иногда жатвенный венок сооружали из колосьев, взятых из последнего снопа (или украшали им последний сжатый сноп); после праздника его с почетом несли на руках домой и потом хранили в амбаре до следующей жатвы или до засева, так как считалось, что этот венок сохраняет силу зерна и передает ее будущему урожаю. В некоторых местах

Венчание

принято было даже начинать сев с зерен из колосьев жатвенного венка.

Как символ растительной животворящей силы, венок использовался во всевозможных магических обрядах. Например, в некоторых местах хозяйки процеживали сквозь венок молоко, полагая, что от этого корова будет давать больше молока; иногда такой способ использовали даже для снятия порчи (когда корова давала молоко с кровью, и т.д.). Девушки умывались из венка, брошенного на воду, для красоты и здоровья. В некоторых местах венки применяли и для выслеживания ведьмы или домашних духов: считалось, например, что через праздничный венок можно увидеть домового или ведьму, когда они ходят возле скота.

В народных песнях венок из цветов традиционно выступал как принадлежность и священный символ девственности. Уважение венку при этом высказывалось чрезвычайное: он «выше горы и яснее звезды» («Ище вишчий од гори, / Ще ясниший од зори»). В песне стояли под вербой три девицы: одна в бархате, другая в золоте, а третья только в венке; та, что в бархате, по словам песни, годится топить печь, та, что в золоте, — мыть ложки, а та, что в венке, — в хоровод («Пид вербою три дивчини стояли, / Одна стоить в оксамити, / Другая стоить в щиром злоти, / Третья стоить у виночку. / В оксамити — пич налити, / В щиром злоти — ложки мити, / А в виночку — до тачночку»). Венок считался настолько священным, что девица, утратившая девство, просто не смела надеть его; так, в одной галицкой песне «нечестная» девица, убившая своего незаконного ребенка, сама выдала себя тем, что не осмелилась надеть венка («Вен дивочки наняночки до двора стунали, / Та й на своих головоньках все виночки мали. А молода Марисенька по затиллю йде, / Та и на свой головоньци винця не несе. Марисенько, Марисенько, чом винка не ма? / Болила мя головонька, том ю не ввила. / Ой узали Марисеньку под билии боки, / Та кинули марисеньку у Дунай глибокий»). Потеря девства в песнях соотносилась с потерей венка: «Я на ричци биль билила, / Там я, мати, винчик загубила... / Треба мати правду сказати: / Ихал полем козак молоденький, / Зирвав з мене виночок зелененький». Отдать венок милому для девицы означало «отдаться ему вполне»; и выходя замуж, девица снимала свой венок. В народной поэзии существовал даже образ пускания венка девицей по воде: кто венок поймает, тот и будет ее супругом («Пиду я в садочок, та вирву листочок, / Да зовью виночок — пушу на ставочок; / Кто винок пойме, той мене возьме»).

В народной традиции венок считался традиционным девичьим головным убором до свадьбы. Замужние женщины венка, как правило, не носили; не надевала его и выходящая замуж вдова, и невеста, утратившая девственность до брака (у последней могла быть половина венка, т.к. она его уже «пролежала», «продрала»). Свадебный венок невесты тесно смыкался с девичьими головными уборами («перевязкой»,

«повязкой», «налобнем» и т.п.), в том числе со специальными свадебными, которые просватанная невеста носила перед самым венчанием («венцом», «коруной», «плачей», «волей», «лентой» и др.). При этом такому свадебному венку в народе придавалось особое значение; он был одним из основных атрибутов свадебного обряда, наряду со свадебным деревцем, хлебом и знаменем. Как и другие кольцевидные или круглые свадебные предметы (кольцо, калач, каравай), он являлся символом брака; его вручали девушке как знак сватовства. Свадебный венок во многих местах надевали на голову или на шапку жениху; нередко его носили и другие лица, участвующие в обряде (друзья, подружки невесты и пр.).

Особые венки использовались при разыгрывании шуточной, пародийной свадьбы (например, когда ряженая женихом «женилась» на ряженном невестой: когда «молодых» венчали венником на мусорной куче, и т.д.), подставной невесте иногда надевали венок, сплетенный из колючек, зеленого лука, крапивы или лебеды, соломы, гороховых стеблей и т.п.

Для изготовления настоящего свадебного венка использовали особые травы, являвшиеся оберегами и символизировавшие, помимо всего прочего, девственность и чистоту невесты, а также ее переход на новый социальный уровень. Так, например, для плетения свадебного венка часто использовали барвинок, самшит, руту, розмарин, калину, лавр, мирт, виноградную лозу, базилик и т.д. Для оберега, деторождения, любви, богатства или счастья в венок влетали или вкладывали чеснок, лук, жгучий перец, красные нитки и ленты, хлебные колосья, любисток, монеты, сахар, кольца и пр. Надевание свадебного венка невесте нередко предварялось обрядовым расплетением косы и сопровождалось закрыванием ей лица покрывалом или фатой; иногда невеста могла носить до трех венков на голове.

Свадебные венки часто сохранялись в доме долгое время для счастья в супружестве, достатка и благополучия в доме. Иногда их вешали у образов, зашивали невесте в подушку, оставляли матери или подружке невесты, а иногда в церкви. Кроме того, свадебные венки широко использовали в лечебных и магических целях: например, их клали в колыбель, чтобы ребенок рос здоровым; давали в порошок ребенку от испуга; подкуривали им при детской бессоннице и др. болезнях; доили через него корову, когда от порчи молоко у нее пропадало или шло с кровью; давали переступить через него корове, когда приводили ее от быка; отгоняли им градовые тучи; давали как амулет сыновьям при отправлении на войну; умывались через него для красоты, здоровья, счастья и т.д.

ВЕНЧАНИЕ — один из центральных обрядов свадьбы, оформляющих брак, наряду с обручением, брачной ночью, ритуальным сведением молодых (выкупом невесты, соединением рук, благословением и т.п.), переменной невесте прически и головного убора.

Венчание

Без венчания в христианских семьях брак не мог считаться действительным, а люди, живущие вместе без венчания, вызывали всеобщее осуждение и даже обвинялись в несчастьях, обрушивающихся на семью или все село (так, например, тех, кто вступал в супружеские отношения невенчанными, нередко считали виновниками засухи, а во время града таких невенчанных супругов выгоняли из дома, чтобы строение не поразил гром или молния).

Венчание, заключение церковного брака, было одним из семи таинств, признаваемых в православии и католицизме, и для христиан оно имело огромное значение, так как, согласно христианскому вероучению, при совершении таинства брака на супругов изливается благодать Божья, которая обеспечивает «неразрывный семейный союз, основанный на любви, верности и взаимной помощи до гроба и на общей заботе супругов о воспитании детей в духе христианской религии и высокой нравственности». Первоначально таинство брака совершалось во время литургии и лишь с 13 в. стало самостоятельным, а ритуал его складывался постепенно и со временем обрел свои особенности в православии и католицизме (так, современную форму в православной церкви таинство брака обрело только к 17 в.).

Собственно венчание у восточных славян происходило большей частью вечером и обычно отличалось пышностью и торжественностью. При этом обряд венчания неизменно сопровождался множеством разнообразных охранительных обрядов, так как славяне верили, что именно в это время всевозможные злые пожелания, проклятия и колдовские действия имеют особую силу, молодые особенно подвержены недоброму колдовскому воздействию, и опасность им может грозить буквально отовсюду. Так, например, считалось, что одно неосторожное слово или взгляд «дурного» человека могут стать причиной неудачного брака, бездетности молодой и т.д. Кое-где считалось, что молодых (в особенности невесту) могут похитить злые духи (ср., например, былички о похищении невесты водяным или чертом, а также русские, польские и др. сказки, в которых невесту похищает злой дух, дракон, леший и т.д.). Крестьяне верили также, что колдуны всегда стараются помешать свадьбе, особенно если их не почтили вежливым приглашением, и поэтому всячески вредят: останавливают лошадей так, что те не могут сдвинуться с места; пугают лошадей, чтобы они понесли или разбежались; наводят различные мороки, вследствие которых свадебный поезд может сбиться с дороги, заблудиться и т.д. Самой же страшной проделкой колдунов в это время считалось превращение молодых, а иногда и всего свадебного поезда, в волков (реже — в камни). В народе очень широко распространены были былички о подобного рода несчастьях, когда целые группы людей оказывались заклятыми и вынуждены были бегать волками иногда по несколько лет. При этом в некоторых местах полагали,

что такие невольные оборотни всегда находятся в большой опасности, так как настоящие волки не принимают их и могут загрызть; они также могут погибнуть с голоду (так как не едят сырого мяса и пропастины), или их могут убить охотники (ср. былички о том, как под шкурой убитого волка люди обнаружили невесту в свадебном наряде, жениха или свата).

Для предотвращения подобных несчастий на свадьбу всегда старались звать наиболее сильного колдуна в деревне (в Сибири его при этом величали «вежливец»), чтобы он своими чарами защитил молодых и всех собравшихся от козней других колдунов. Приглашенного колдуна на свадьбе чествовали едва ли не более, чем самих жениха и невесту; его сажали на лучшее место и потчевали самыми лучшими яствами.

Помимо этого, во время венчания применяли также традиционные обереги от нечистой силы: звонили в колокола, чтобы отогнать нечистых духов; венчались в шапке или в одежде, имеющей красный цвет или вышитые кресты; опоясывались сетью, держали при себе нож, чеснок, неодолим-траву и т.д. С той же защитной целью во время венчания ритуально отмечались все пространственные границы, преодолеваемые участниками обряда: порог дома, ворота двора, граница деревни (поле невесты, иоле жениха), вода (река, колодец), порог церкви, алтарь (аналой) и пр.

В венчальных обрядах нередко реализовывался мифологический мотив преодоления водной границы, символизирующей заключение брака: молодые должны были обязательно пересечь через реку по пути к венчанию или обратно, водой «переливали» дорогу свадебному поезду, и т.д. У южных славян сохранился также обряд венчания с обведением молодых вокруг дерева, бочонка с вином или места, где совершалось богомолье. Следы нецерковного венчания возле дерева или воды сохранились и у восточных славян, где иногда венчали обведением вокруг дуба, озера, «круг ракитова куста», вокруг вербы или на озере под пихтой («Венчали вокруг ели, а черти пели» и пр.); подобные ритуалы иногда совершались в случае умыкания невесты или просто после венчания в церкви.

Ряд действий во время венчания носил характер скрепления брачных уз, соединения людей в единое целое. Так, например, молодым традиционно связывали руки вместе; они одновременно крестились, задували свечи и вставляли на один «подножник» перед аналоем, так, чтобы их ноги были на одной половине; выходя из церкви, они переступали через положенный на порог замок, который затем замыкали и бросали в реку или колодец; на свадебном пиру молодые пили из одной чаши, ели из одной тарелки и т.п. Помимо этого, во время венчания повсеместно совершали множество магических действий и гаданий, имеющих целью повлиять на плодородие молодых и на будущие роды; например, чтобы обеспечить рождение детей, к невесте подводили и сажали на колени маленького мальчика, и т.д. Кроме того, во время венчания невеста должна была иметь при себе множество различных предметов:

от порчи — иглы в одежде, воск, елей, ладан, нателный крест с прикрепленными к нему молитвами, в башмаке льняное семя, просо, пшено, за пазухой луковицу или чеснок, мак, гвозди и т.п.; для богатства и благополучия в хозяйстве — деньги, золото и серебро, хлеб и соль, хмель, жито, лен, шерсть и пр. Примерно такие же предметы (хотя обычно в меньшем количестве) держал при себе жених, а нередко и окружающие; кстати, те же самые предметы использовались и во время различных обрядов, сопровождавших венчание (ср. обычай обсыпать молодых хлебом, хмелем и деньгами, сажать их на шерсть, шубу, тулуп и т.д.).

Окружающим, присутствующим на свадебной церемонии, всегда следовало быть очень осторожными, чтобы ничем не навредить молодым. Например, во время венчания запрещается проходить между молодыми (иначе они разлучатся) или произносить что-либо неприятное (чтобы это не отразилось на жизни молодых). Свадебная процессия ни в коем случае не должна была встретиться с процессией похоронной, так как это грозило новобрачным смертью. Вообще, с венчанием в народе было связано множество различных примет и поверий. Например, бодрое поведение коней в свадебном поезде служило счастливым знаком; тогда как неожиданная остановка коней по дороге к церкви считалась плохим предзнаменованием. Много гаданий совершалось по огню свечей в церкви: считалось, что яркий огонь означает хорошую и счастливую жизнь, а тусклый — жизнь мрачную и невеселую; огонь ровный служил знаком ровной жизни, мигающий — жизни бедной, а трескучий — ссоры и разлады в семье; считалось также, что у кого из новобрачных раньше сгорит свеча, тот раньше и умрет. Если невеста под венцом роняла свой платок, верили, что ей придется вдовствовать; если же падал венец, считалось, что один из новобрачных (тот, чей венец упал) вскоре умрет. Если в момент отъезда из церкви начинали звонить к вечерне, это считали знаком того, что жизнь молодых будет недолгой. Дождь во время венчания знаменовал богатство или счастливую жизнь молодых, но иногда и слезы; а солнце чаще всего предвещало светлую, веселую жизнь, но иногда и бедность; гром же сулил скорое несчастье или смерть.

Под словом «венчание» у славян обычно понималось церковное заключение брака; однако при этом в народной традиции многих славянских народов существовало также и символическое венчание как людей, так и предметов и пр. Например, в некоторых местах был известен такой обычай: для избавления от бедности супруги шли в церковь и там символически «развенчивались», а затем вновь «обвенчивались», а священник читал им молитву «за неимущих чадов»; считалось, что после этого несчастья и бедность должны оставить семью, которая как бы начинала свою совместную жизнь заново. пародийное венчание устраивалось иногда и в завершение самой свадьбы: например, в некоторых русских селах после настоящего обряда венчания специальные ряженые «поп» и

«дяк» «венчали молодых», в качестве которых могли выступать и гости, переодетые в одежду противоположного пола (в этом случае девушка, переодетая в мужскую одежду, символически «женилась» на парне, наряженным девицей), и родители новобрачных. Таких «молодых», нередко облаченных в шутовскую одежду (например, в венках из лебеды и крапивы и т.д.) «венчали» обычно старым венком на мусорной куче или вокруг ступы; иногда после этого символически разыгрывался и половой акт молодых, и рождение ребенка. Иногда подобные обряды совершались в особых случаях, например, когда родители жениха женили своего последнего сына; в этом случае на его свадьбе они могли быть «молодыми» и их возили вокруг дома под конец свадьбы. Помимо этого, такие шуточные свадьбы очень часто разыгрывались на святки: тогда ряженые врывались на посиделки и разыгрывали пародийное венчание с обведением «молодых» вокруг корзины или стула, нередко и с разыгрыванием первой брачной ночи, последующим деторождением и пр. (ср. стимулирующие плодородие — причем как людей, так и скота, полей и пр. — святочные игрища с участием «покойника», «медведя» и т.д., когда присутствующих девушек заставляли целовать ряженых и т.д.).

Символическое венчание иногда совершали над скотом; так, например, в некоторых местах принято было «венчать» коров на Троицу, для чего пастух плел один венок на рога корове, а другой для ее хозяйки. В некоторых случаях «венчали» или, наоборот, «развенчивали» и некоторые предметы или даже природные явления: так, например, для отгона градовой тучи ее иногда перекрещивали подвенечным платьем или махали на нее венчальным венком, чтобы она «развенчалась» и ушла; для избавления от лихорадки вещи больного относили на вербу, которую «венчали» с болезнью, и т.д.

Мотив венчания был представлен и в некоторых народных поверьях о явлениях природы. Считалось, например, что вихрь бывает оттого, что «черт с ведьмой (или утопленницей, самоубийцей) венчаются», и сам вихрь считали несущейся по дорогам «чертовой свадьбой». Об «игре солнца» в некоторых местах говорили, что «солнце до венца идет». У восточных славян верили также, что русалкой становится обрученная невеста, умершая до венчания или обвенчанная, но оставшаяся девственной; и для того, чтобы умершая не стала нечистым духом, в некоторых местах отец обрученной девушки, умершей до свадьбы, совершал символическое венчание ее с деревом (березой и пр.).

ВЕРБА — символ роста и жизненной силы, а также символ весеннего расцвета природы. Представления о ней были двоякими: с одной стороны, она воспринималась как растение полезное, даже святое, но с другой стороны, ей нередко приписывались и недобрые свойства, связь с нечистой силой и пр.; при этом такое разделение нередко соотносилось с возрастом вербы (так,

Верба

у славян считалось, что молодая верба защищает от нечистой силы, стихийных бедствий, болезней и т.п., в то время как старая служит прибежищем чертей, водяных и других «нечистиков», и на нее можно отсылать различные болезни).

Положительные свойства вербы, по-видимому, были в немалой степени связаны с «вербою, как общепринятым знаменем тех зеленых вай, с которыми встречен был Спаситель при входе в Иерусалим». К празднику Вай у всех славян принято было срезать молодые прутья вербы с пушистыми «распуколками» и освящать их в храмах; из-за этого обычая в русском церковнославянском месяцеслове даже неделя Вай обыкновенно называлась Вербною неделей, вербницей, вербичем (ср.: «Название это дано неделе Вай у нас потому, что по климатическим условиям наших стран на праздник Входа Господня в Иерусалим положено в церкви освящать вербу, которая скорее других деревьев распускает почки»). При этом приготовление к празднику вербных веток в древности представляло собой особый обряд, в котором «очень живое участие принимали все — от царя до простолюдина». Действительно, известно, что в древние времена «патриархальной простоты и благочестия» перед Вербною субботой жители Москвы и с ними «благочестивые наши цари» ходили ломать вербу в Китай-город, на реку Неглинную, на берегах которой в изобилии росли ивы и вербы; помимо этого, по сведениям некоторых иностранных писателей, посещавших Россию (к ним относятся, например, Олеарий и Вер), в былое время в Вербную субботу перед обедней, при большом стечении народа, из Успенского собора выносили большое цветное дерево, украшенное разными искусственными плодами, и, установив его в сани, возили в крестном ходе. Конечно, подобные торжества проводились далеко не везде, но и в XIX в. в некоторых местах западной Руси на неделю Вай крестьяне привозили в церковь целую вербу и после ее освящения ломали себе ее ветви.

Освященная в храме на праздник Вай верба чрезвычайно почиталась среди славян и воспринималась ими как сакральный предмет необыкновенной силы. Ее почитали как целебное средство от разных болезней и порчи, равно спасительное и для людей, и для домашнего скота. Например, отваром освященной вербы купали детей «на здравие тела», а от переполоха (испуга) вбивали в стену колышек вербы, заостренный в виде гвоздя. Кроме того, освященную вербу часто использовали как профилактическое или лечебное средство от лихорадки: например, с этой целью во многих местах ели сами, а иногда давали есть и скоту девять распуколок (шишечек) с освященной вербы. Почки освященной вербы особенно советовали есть бесплодным женщинам; их также иногда давали есть кликушам, полагая, что это изгонит из них злого духа. В некоторых местах освященную вербу растирали в порошок и засыпали им раны, а также делали из вербы

и можжевелника отвар и пили при больном горле, желудке, лихорадке, употребляли для примочек от опухолей и ушибов. Кое-где освященной вербой опоясывались при жатве, чтобы не болела спина. Довольно широко был распространен также обычай окуривать освященной вербой больной скот; а в некоторых местах для предотвращения надежа домашних животных хозяин, придя от заутрени, бросал веточки освященной вербы в пищу скотине.

У всех восточных, а кое-где и у западных славян было хорошо известно хлестание вербой как профилактическое средство от болезней, порчи и бед. Например, вернувшись из церкви в Вербное воскресенье, русские стегали друг друга прутьями освященной вербы, приговаривая: «Не я бью, верба бьет»; тех же, кто проспал заутреню, хлестали посильнее с приговоркою: «Верба хлест — бей до слез». Нередко делали еще и так: проснавших заутреню ударяли освященной вербой и обливали водой, приговаривая: «Будь великий, як верба, а здоровый, як вода!»; считалось, что это дарует здоровье и красоту, предохраняет от сонливости, лихорадки и пр. Кое-где хлестание освященной вербой совершалось также и в день Сорока мучеников, и в Юрьев день, когда крестьяне хлестали себя и скот, после чего втыкали ветки в поле, бросали их в пруд или реку, затыкали за иконы и пр. При первом выгоне лошадей в ночное (чаще всего на Николу вешнего) табун также обычно стегали не кнутом, а освященными ветками вербы. Чехи специально святили на коровий праздник (*hody kravske*, празднуется в начале апреля) вербовые и березовые прутья и выгоняли ими коров, чтобы они давали много вкусного молока.

Широко использовалась освященная верба и для защиты от грома, молнии, бури. Так, во многих местах принято было только что освященную вербу втыкать за образа, в потолок домов и члехов для ограждения зданий от грозы, молнии и пожара; кое-где даже особо ставили освященную вербу во время грозы на окнах домов, полагая, что это уберезет от грома и молнии. Освященную вербу также втыкали в полях и огородах для того, чтобы сберечь посеvy от града, мышей и кротов; при этом для защиты урожая от града в Пахотную землю иногда втыкали даже крест, специально для этой цели сделанный из вербы. Считалось даже, что освященная верба, брошенная против ветра, прогоняет бурю, а брошенная в пламя пожара — умеряет его разрушительное действие; в некоторых местах верили также, что ветки освященной вербы, выброшенные во двор, останавливают град. Освященную вербу при грозе жгли в печке, «чтобы дым отвел грозу и дьявол при этом не прятался в трубе»; иногда мелкие ветки вербы сжигали в печке, а большой горячей вербовой веткой хозяйка дома крестила грозовую тучу, чтобы она рассеялась. При буре и граде в некоторых местах кропили тучу освященной вербой и святой водой и жгли ветки вербы, а также клали их на подоконник, полагая, что это прогонит ненастье. С освященной

Верба

вербой выходили и на первую пахоту ярового поля, и на распахивание целины.

Вообще, магической силой в народе наделялись не только освященные, но и просто молодые ветки вербы, которые поэтому нередко использовали в различных обрядах и магических действиях. Так, например, в Юрьев день девушки и вообще молодежь плели из вербы венки, «чтобы прибыль в доме росла, как верба весной»; опоясывались вербой, чтобы на будущий год быть «с пузом» (т.е. выйти замуж и забеременеть); опоясывали вербным прутиком подойник, «чтобы прибывало молоко», и т.п. На Ивана Купалу девушки украшали вербу цветами, водили вокруг нее хороводы, а затем парни врываются в их круг, захватывали вербу и разрывали ее на части. Додолы, проводившие обряды вызывания дождя, нередко рядились почти исключительно в ветки вербы и ходили с вербой, вербовыми палками в руках, и т.д.

Довольно широко использовалась верба и для передачи болезней. Например, в некоторых местах больные лихорадкой опоясывались соломенным перевязлом, а потом скрытно от всех шли к молодой вербе и опоясывали ее тем же самым перевязлом, «передавая» ей с ним свою болезнь; считалось, что после этого верба засохнет, а лихорадка пройдет. В других местах болезнь «венчали» с вербой; при этом на вербу ставили зажженную свечу длиной, равной окружности головы больного. Знахари вновь выученный заговор сначала произносили на вербу, а потом уже заговаривали людей и скот, для того, чтобы заговор «так же легко принялся, как принимается верба». При этом подобные обряды нередко проводили со старой вербой как деревом нечистым и опасным, связанным с недобрыми духами.

Старую вербу практически повсеместно считали проклятым деревом. Например, в некоторых местах существовало поверье, что на вербе с Крещения до этого дня обитает в воде, в «лозе», а после этого дня — на клене и в жите. Кое-где считалось также, что водяной часто сидит на самой высокой вербе и высматривает свою жертву; вообще, старую вербу, особенно склоненную над водой и укрывающую корнями ямы и провалы, нередко считали обиталищем водяного или черта (впрочем, чаще при этом верили, что черти предпочитают сухую и дуллистую вербу). Считалось также, что на вербе могут обитать самодивы-вилы и русалки. По восточнославянскому поверью, черти весной «отогреваются» на вербе, а после того, как вербу освятят в Вербное воскресенье, они надают в воду, поэтому от Вербного воскресенья до Пасхи нельзя пить воду, которую зачерпнули под вербой.

Кстати, проклятие, лежащие на вербе, кое-где объясняли тем, что из нее делали щепки, которыми мучили Христа; впрочем, это поверье относилось обычно не к вербе, а к иве, ср., например, галицкую колядку: «Коли жидове Христа мучили, / На розпятию гей разпинали, / Клюков за ребра гей розбивали, /

Терновый венец на голов клали, / Глогови (боярышниковые) шпильки за ногти били; / Всяке деревце не лезло в тельце, / Червива ива ой согрешила — / Исуса Христа кровцю пустила». «Гива тим червива, — говорили малорусы, — що килками з'ней Христа мучили».

Верба в славянском фольклоре и верованиях нередко оказывалась причастной к сфере чудесного, магического. Например, чехи и болгары верили, что из вербы можно сделать волшебную дудочку, которая способна развеселить загрустившего, заставить танцевать того, кто этого никогда не делал, привлечь к себе в ульи чужих пчел, разоблачить убийцу и т.п., но только если верба, из которой делают дудочку, росла в самой глубине леса, там, где ее не касался солнечный луч и где она никогда не слышала ни петушиного крика, ни шума бегущей воды. Кое-где освященную вербу, подобно цветку папоротника, применяли и для поиска сокровищ: так, например, чехи разыскивали клады с освященной вербой и тремя палочками белого орешника (одна палочка служила для отыскания золота, другая — серебра, а третья — водных ключей).

Интересны некоторые литовские предания о происхождении вербы. По одному из этих преданий, в вербу была заклета женщина Блинда, жившая в Литве в древние времена: эта женщина была одарена изумительным плодородием и рождала детей с необычайной легкостью, и не только из чрева, но даже из рук, ног, головы и других частей тела; земля, самая плодovitая из матерей, позавидовала ей, и когда Блинда шла однажды лугом, ноги ее вдруг погрузились в болотистую топь, и земля так крепко охватила их, что бедная женщина не могла сдвинуться с места и тут же обратилась в вербу. В связи с этим мифом (а также, очевидно, с той необычайной легкостью, с которой разводится верба), вербе в народе приписывалось благодатное влияние на чадородие жен: простые крестьянки в древности приходили к вербе и молили ее о даровании им детей. Кстати, представления, подобные литовским, были известны и другим славянам; так, например, на Украине утверждали, что до Николы Вешнего купаться нельзя, не то «з'человика верба виросте», и там тоже встречались представления о плодovitости вербы, которую она может передать людям.

В некоторых поверьях прослеживается прямая связь вербы с небом и солнцем или молнией, а также с небесными водами. Так, например, в веснянках решето — символ солнца — оказывается помещенным на вербе; в загадках верба — это солнце; в северорусских свадебных песнях «золотая верба» напрямую соотносится с Божьим храмом. В некоторых заговорах верба, наряду с дубом, березой и некоторыми другими деревьями, выступает как «мировое дерево», центр мироздания (а мировое дерево — это олицетворение дождевых туч). По-видимому, верба, как и некоторые другие деревья, в древности выступала как олицетворение грозы, молнии, облаков, несущих дождь; отсюда и представление о том, что верба имеет власть над

погодой, может защитить от бури, молнии, грозы и грома.

ВЕСНА — начало хозяйственного, а в средневековье и календарного года (1 марта); необычайно радостное событие для земледельцев и «для всего мира».

Начало весны в земледельческом календаре приходилось преимущественно на масленицу и мартовские праздники; середина — на Пасху и близкие к ней праздники — дни св. Георгия, Марка, Еремии; завершали же цикл Троица и Иван Купала. Деление года у древних славян определялось «теми естественными, для всех наглядными знаменами, какие даются самою природою»: год распадался на две половины — летнюю и зимнюю, и начинался с первого весеннего месяца — марта, так как именно с этой поры природа начинает обычно пробуждаться от мертвенного зимнего сна. Поэтому и апокрифы, и народные поверья с древнейших времен относили сотворение мира и первого человека к марту месяцу (ср. житие Стефана Пермского: «Март месяц — начало всем месяцам, иже и первый наречется в месяцах, ему же свидетель-

ствует Моисий законодавецъ, глаголя: месяцъ же вам первый в месяцах да будет март... марта бо месяца начало бытия — вся тварь Богом сотворена бысть от небытия в бытѣе, марта же месяца в 21 (25?) день и первозданный человек, родоначальник Адам, рукою божиею создан бысть»). Воцарение на Руси христианства не скоро изменило старинный обычай начинать новолетие мартом, и хотя церковь, руководствуясь византийским календарем и святцами, приняла сентябрьский годичный круг, простой народ и даже князья долгое время (в «делах житейских и гражданских» — вплоть до конца XV в.) так и оставались «при своем мартовском годе» и продолжали обозначать месяцы древнеславянскими именами; и Нестор, и его продолжатели придерживались мартовского года, а к сентябрьскому исчислению летописцы перешли уже в позднейшее время. Январский же год был введен еще позднее, уже Петром Великим.

Из всех четырех времен года весна рассматривалась славянами как преддверие лета, а осень — как первая пора зимы; поэтому у сербов, чехов и других славян весну часто называли пролетьем (прольете), подлетьем, «налетним часом», младым летом и т.п., а осень — предзимьем (predzima), подзимьем, «назимним часом». Помимо этого, весне и прочим временам года, а также отдельным месяцам давались и другие названия, обычно связанные с теми занятиями или явлениями природы, которые были присущи тому или иному времени (ср., например, древнеславянские названия весенних месяцев: март — сухой, березозол, свистун, пролетье, чеш. и словац. buezen, лит. birzelis от Briza — береза; апрель — брезозор и березозол, цветень, пол. kwiecień, чеш. и словац. duben, рус. простонарод. заиграй-овражки; май — травень, травный, мур от мурава — трава, росеник, кроат. и венд. veiki traven, болг., чеш. и словац. kweten. кроат. gozrnjak и

gozocvet). Собственно же слово *весна* (пол. wiosna, чеш. wesno) возникло, по-видимому, от санскр. vas — Исеге, и означало собственно светлое, ясное, теплое время года (что подтверждается и другим присвоенным ему названием — ярь); по другим же предположениям, это слово возникло от санскр. vas — одевать (vasana — vestis), так как весна одевает деревья листвою, а землю травой.

Как и прочие времена года, весна представлялась славянам не просто временем года, но живым существом, воплощением стихийных богов и богинь, ср.: «Весна наречется, яко дева украшена красотою и добротою, сияюще чудно и преславне, яко дивитися всем зрящим доброты ея, любима бо и сладка всем...». Отголоски таких поверий сохранились в народных поговорках и присловьях (ср., например: «Весна-красна пришла», «Весна в зелень рядится, в воду глядится», «Весна ездит на пегой кобыле», «Весна Зиму поборола» и пр.), а также в песнях-веснянках, которыми в марте и апреле некогда закликали весну, обращаясь к ней как к существу живому, благодатному, творческому: «Весна, Весна красная! Приди, Весна, с радостью, с великой милостью: со льном высокиим, с корнем глубокиим с хлебами обильными»; или: «Весна красна! На чем пришла, на чем приехала? На сошечке, на бороночке!»; или: «Весна, Весна — днем красна! Что ты нам принесла? Принесла я вам летечко, чтоб родило зильячко, и рута, й червонный мак, и мьята, й зеленый барвинок». Таким образом, Весну чествовали подобно богине, пробуждающей землю от зимнего смертельного оцепенения, возрождающей животворные, плодородные силы природы, как бы возвращающей весь «белый свет» из мира мертвых; недаром со словом *весна* сближали понятия веселья, радости, счастья.

Весна действительно в древности соотносилась со светлой богиней растительной силы, а именно с богиней Лелей (Лялей), дочерью Лады-лета. Например, белорусы прямо называли весну Лялей, представляя ее юной, стройной и красивой девой (отсюда поговорка: «Пригожая, як Ляля!»); в ее честь устраивали празднества накануне Юрьева дня (6 мая — Юрий Вешний), называя этот праздник «Ляльником». В это время крестьянские девушки собирались где-нибудь на лугу, избирали из своей среды самую красивую девушку, называли ее Лялей, наряжали в белые покровы и в молодую зелень, а на голову надевали венок из весенних цветов; «Ляля» садилась на дерн, возле нее ставили различные припасы (хлеб, молоко, масло, творог, сметану, яйца) и клали зеленые венки, а остальные девушки, взявшись за руки, водили вокруг нее хороводы, пели обрядовые песни и обращались к «Ляле» с просьбой об урожае: «Дай нам жытцу, да пшаницу, в агародзе, сенажаце — ровны гряды, ровны зряды». Леля раздавала девушкам венки и угощала всех приготовленными яствами; а те венки, которые девушки получили от нее, наряду с той зеленью, в

которую наряжалась Леля, сберегали до следующей весны.

У поляков и вообще у западных славян богиней весны, родственной Леле, считалась Жива (сокр. форма имени Живена, или *Žiē/vonia*, что означает «дающая жизнь»; ср. санскр. *dziv* — живу, *dziva* — живой). Живу почитали богиней, воскрешающей природу, дарующей земле плодородие; и само ее имя было родственно «всему, что служит условием жизни» (ср.: жито, житница, житник, живность, живот, жилье, жира, житуха [хорошее, привольное житье], жировать [жить в изобилии], жировой [счастливый], зажиточный, жировик [домовой], пажити, живица и пр.; а также выражения тина: «вода заживает» [о весеннем половодье], «жизнь моя!» [как самая нежная, задушевная ласка], и т.п.) Согласно летописным источникам, богине Живе некогда было устроено капище на горе, названной по ее имени Живец, где в первые дни мая собиралось множество людей, желающих испросить у той, которую почитали источником жизни, долговременного и благополучного здоровья. Посвященной Живе птицей в народе считалась кукушка, вещая, небесная посланница; поэтому убийство этой птицы некогда вменялось в преступление и даже влекло за собой уголовное наказание. Кстати, схожие представления о кукушке существовали также и у восточных славян; ср., например, общеславянское поверье о том, что первое услышанное весной пение кукушки предвещает человеку столько лет, сколько раз повторялся ее голос, а также древнее представление о том, что ключи от Вырия хранит кукушка, и именно она отпирает весной небеса.

К весенней поре у славян приурочивалось множество разнообразных обычаев, обрядов и поверий, основанных на представлении об обновлении (воскресении) природы и связанных в первую очередь с близостью лета и страдной поры. При этом крестьяне начинали приветствовать весну с первыми признаками пробуждения природы (такими признаками служили пробуждение животных, прилет птиц, появление насекомых, распускание почек и появление первых цветов). Конечно, в разной местности эти признаки начинали проявляться в разное время, поэтому и первые весенние обряды — обряды закликания и встречи весны — приурочивались в разных местах к разным дням, хотя практически всегда и всюду они приходились на март, первый весенний месяц. Очень часто первый призыв весны приходился прямо на 1-е марта, когда дети и девичьи влезали на кровли амбаров, забирались на ближайšie холмы и пригорки и оттуда призывали: «Весна, Весна красная! Приди, Весна, с радостью, с великой милостью», и т.д. Тот же самый призыв повторялся 9-го и 25-го марта (22 марта и 7 апреля по новому стилю), на Светлую неделю и на Красную Горку (воскресенье Фоминой недели). На 9-е марта, когда (по народной примете) прилетают жаворонки, крестьянки пекли из теста этих птичек, обмазывали их медом, золотили им крылья и головы сусальным золотом

и ходили с ними закликать Весну, причем обращались в своих песнях как собственно к Весне, так и к Леле и матери ее Ладе: «Благослови, мати, ой мати Лада, мати, весну закликати!», или: «Благослови, Боже, благослови, мати, весну закликати, зиму провожати!» и т.д. В старину закликание Весны, невидимому, сопровождалось жертвенными приношениями, и отголоски этого обычая в некоторых местах сохранились вплоть до наших дней: так, например, болгары 1-го марта на утренней заре выходили встречать Весну со специально приготовленным круглым хлебом; а русские поселянки в это же время расстилали в поле новые холсты и клали на них пирог, приговаривая: «Вот тебе, матушка Весна!», после чего, оставив в поле свои дары, возвращались домой, полагая, что матушка Весна оденется в новину и за принесенные ей хлеб-соль в изобилии уродит лен и коноплю.

Одним из наиболее заметных ритуалов, сопровождавших закликание и встречу весны, у славян были костры, разжигаемые на возвышенностях или на открытых местах (в некоторых местах такой обряд назывался «греть весну»). Возжигание костров часто сопровождалось другими ритуальными действиями: прыжками через огонь, прогоном скота вокруг костра, хождением по полям с факелами, зажженными от общего костра, пением обрядовых песен, танцами и др. Подобные костры символизировали весеннее солнце, набирающее силу, и воспринимались людьми как могущественный оберег: например, считалось, что там, где виден свет костра, град не побьет посевы, не будет засухи и мора, родится хороший урожай, и т.д. При этом костры обязательно зажигали как в самом начале весны, так и несколько позднее, на масленицу: например, у великороссов принято было вечером в воскресенье, в последний день масленицы, выносить из всех дворов по снопу соломы и, сложивши их на окраине деревни, сжигать под радостные крики и песни; при этом иногда пуки соломы (реже — дегтярные бочки) привязывали на шести, расставляли их вдоль дороги и налили после заката солнца, называя это «сожжением Масленицы». В некоторых местах в это же время сжигали еще ледяную гору, обложенную собранными по всем дворам щепками, хворостом, старыми кадками и пр.; такой костер также служил знаменем весеннего солнца, растапливающего снежные покровы зимы.

Весенние костры также символизировали уничтожение или изгнание зимы и нечистой силы; в них сжигали символическое чучело ведьмы, зимы, смерти и т.д. (его обычно так и называли — Зима, Смерть, а иногда Мара, Марана, Марена). Такое чучело обычно изготавливалось из соломы, тряпок, иногда — из старых предметов (например, из веников — символа зимних вьюг); его выносили за село, иногда били, колотили, колошматили, а затем сжигали, разрывали на части, топили, раскидывали по полю и т.д. Подобные ритуалы необходимо было совершать во имя благополучия живущих: считалось, например, что если из села не вынести вовремя обрядовую куклу Марену, то

девушек перестанут брать замуж, скот не будет вестись, летом град побьет посевы, и т.п. Поэтому создание и уничтожение такой куклы считалось делом необходимым и производилось обычно с большим тщанием. Так, например, в Малороссии при встрече весны крестьяне с песнями носили по улицам и полям чучело Мары, изготовленное из соломы и одетое в женское платье; потом это чучело ставили на возвышенном месте и поджигали его, и все время, пока кукла горела, плясали вокруг и закликали Весну. В великорусских же губерниях часто само возжжение праздничных весенних костров означало торжество Весны над Зимой, Жизни над Смертью. Интересно, что при этом весна среди крестьян часто считалась временем особого разгула нечистой силы, которая в эту пору будто бы просыпается от зимней спячки и приобретает особую силу; по-видимому, это поверье было связано с древнейшими языческими представлениями, в которых лешие, полевые, водяные и пр. еще не считались злыми духами, а воспринимались как добрые духи природы, которые весной оживают вместе со всей природой. Позднее же все духи природы были объявлены христианством «нечистыми», и потому от них следовало защищаться, что крестьяне и делали при помощи разнообразных обрядов, приурочивавшихся ко времени встречи весны. Так, например, у восточных славян считалось, что ведьмы, черти и вся «отпадшая сила» бывают очень опасны 1 марта и в последний день масленицы, в юрьевскую ночь, на Пасху и в Вальпургиеву ночь накануне дня св. Филиппа и Иакова (1 мая), поэтому в это время их обычно символически «сжигали» или изгоняли, хлопая бичами или стреляя из ружей.

Помимо обрядов встречи весны, для периода ранней весны (примерно до Пасхи) были очень характерны также ритуалы по очищению земли, в том числе и от хтонических существ (змей и т.п.), и превентивные меры, направленные на их изгнание (сожжение старых вещей, прошлогодних постелей, ветхих лаптей и пр., а также подметание венником в доме и дворе, сгребание и сожжение накопившегося за зиму мусора и др.). К ним примыкали обряды очищения и обновления жилища, домашней утвари и пищи (обрядовое мытье дежи, разбивание старой посуды, уничтожение остатков старой масленичной пищи; обычай белить хату в Страстной четверг и пр.), а также обрядовое обновление старого огня (в один из праздников с этой целью тушили все огни в деревне, а затем добывали новый огонь трением и разносили его по всем избам). Обязательным обрядом было и очищение самого человека (для чего применялись такие меры, как пост, обмывание, обрядовое мытье в бане и др.).

К ранневесенней обрядности относится также значительное количество ритуалов, связанных с «магией первого дня», начала года. Так, например, Юрьев день считался хозяйственным рубежом года, и в этот день крестьяне вставали раньше обычного, чтобы не лениться и не быть сонливыми весь год. В Страстной

четверг по всей Руси обязательно мылись в банях, чтобы весь год быть чистыми и здоровыми, а на масленицу много ели и пили, чтобы быть сытыми и веселыми в течение года.

Большую роль в ранневесенней обрядности играли также поверья, ритуалы и запреты, относящиеся к земле. Так, например, в народе считалось, что с осени до весны земля бывает «замкнута», она «спит», «замерзла» и т.п., в связи с чем до определенного момента ее нельзя было трогать (пахать, сеять, копать, строить заборы, даже просто втыкать в нее палки и пр.), так как это могло повлечь за собой губительные для урожая и людей последствия. Время «открытия», «пробуждения» земли от зимнего сна относилось преимущественно к марту месяцу, хотя в зависимости от климата могло наступать раньше или позже. Так, например, по приметам великороссов, 1-го марта просыпается бабак, выходит из норы и начинает свистать; 4-го прилетают грачи, 9-го — жаворонки; к 17-му числу лед на реках становится настолько непрочным, что его «шuka хвостом пробивает»; 25-го марта ласточка вылетает из Ирия и несет с собою тепло; 5-го апреля пробуждаются сверчки, а 12-го медведь выходит из берлоги; в мае же месяце земля уже «принимается за свой род».

Чаще всего днем, когда земля «пробуждается» и когда можно начинать работы на земле, считали Благовещение, а днем «замыкания» на зиму — Воздвижение; при этом иногда считалось, что на Благовещение одновременно с землей «пробуждается» и вся природа в целом («оживает» корень у растений, птицы и гады возвращаются из Ирия и т.д.). Со времени пробуждения земли славяне начинали совершать различные магические действия и ритуалы, относящиеся к будущему урожаю и направленные на обеспечение роста растений; к ним относились и масленичные танцы ради «высокого» льна и конопли, и катание с гор и на лошадях, разжигаемые на полях костры, и обходы полей, сопровождаемые молебнами, трапезой в поле, и др. К ним примыкали магические акты по охране посевов и урожая от града и непогоды, полевых вредителей, а также от нечистой силы, которая могла отобрать плодородие. С целью защитить посевы от всяких напастей, крестьяне, кроме того, соблюдали различные запреты, а также праздновали особые дни («градовые четверги» и т.д.). К этому же периоду относятся обряды вызывания дождя, совершаемые при засухе или во время обрядовых выходов в поле, а также многочисленные запреты на полевые работы, соблюдаемые в «сухие дни». Помимо этого, примерно в это же время в деревнях и селах традиционно совершались обряды, связанные с выгоном скота на пастбища или переводом его с зимних пастбищ на летние; в это время проводились многочисленные магические действия по охране скота от зверей, змей, нечистой силы и т.п. Кстати, порой такие обряды сливались с другими обрядами защиты, например, с ритуалами, долженствующими защитить дом, дворовые постройки и всю семью от

порчи, болезней, грома, молнии, нечистых духов, всяческих бед. К таким обрядам, например, относились действия со страстной свечой, т.е. восковой свечой, которую горячей приносили из церкви после «всенощного стоянья»; такой свечой сразу по прибытии домой выжигали на дверях и потолках домов и хлебов кресты для отогнания злых духов, а потом сохраняли свечу целый год, полагая, что она, будучи зажженной во время грозы, предохраняет дом от грома и молнии, поставленная в пчельнике — дарует изобилие меда, а также оказывается способной исцелять многие болезни. Помимо свечи, иногда использовали и уголья, оставшиеся от специально сжигаемых у храма в Светлое Христово Воскресение смоляных бочек; такие уголья, наряду со свечами от заутрени, приносили домой и затыкали за стрехи, чтобы охранить здания от пожара, а домашнюю скотину от порчи.

Еще одним отличительным моментом весенних празднеств были обряды, связанные с душами умерших. Представление о том, что мертвые в весенний период посещают землю и ходят среди живых людей, было известно всем славянам и было, по-видимому, связано все с той же идеей воскрешения природы, солнца и всего мира: считалось, что когда по весне земля просыпается от морозного сна и птицы возвращаются из светлого Ирия, с ними вместе прилетают и «дзяды», почившие предки, которых нужно чествовать. У восточных славян в этом отношении выделялись Страстной четверг и пасхальный четверг («Навский Велик-день»), когда покойники, по поверьям, появляются на земле, а также Фомина неделя, когда их выпроваживали обратно; южные же славяне считали, что предки покидают землю на Вознесение, Троицу или в Духов день, а до этого пребывают обычно на цветах и траве. Так, например, русские, белорусы и пр., полагая, что души умерших, слившиеся после смерти с природой, вместе с весной ненадолго возвращаются в мир живых, ^ж ранним утром в четверг страстной недели налили у ворот солому и кликали мертвых, а затем готовили им баню и угощение. В пасхальный четверг принято было посещать могилы мертвых, очищать их и разделять свою трапезу с мертвыми (для чего продукты закапывали в могилы или оставляли на могилах). А на Фоминой неделе покойникам устраивали прощальную трапезу, после чего выгоняли их, полагая, что теперь они должны вернуться обратно на небо и оттуда способствовать всевозможным небесным операциям, необходимым для роста и плодоношения хлебов.

ВЕТЕР — природное явление, в народе нередко наделяемое свойствами демонического существа. Могущество ветра, его разрушительная (наравне с градом, бурей, метелью) или благотворная (как у дождя или солнечных лучей) сила вызывала необходимость задабривать ветер: ласково с ним разговаривать, «кормить» и даже приносить ему жертву. Вообще, в народе ветры нередко делились на «добрые»

(попутные, благоприятные) и на «злые» (вихрь, буря и т.п.). Ветер, особенно сильный, по своей природе считался существом могущественным, но непредсказуемым; он мог как вредить, так и помогать людям.

В славянских верованиях ветер воспринимался как живое существо, обычно своенравное и обладающее вспыльчивым нравом. Считалось, что обитает он в местах далеких, таинственных и недостижимых, таких, как глухой лес, далекий берег «за морем-окияном», необитаемый остров в океане, высокая и крутая гора, скала на краю света, «четыре угла земли» и т.п. Кое-где считали, что все ветра обитают на небе, в раю (Ирии) или, наоборот, в аду, где их держат прикованными к скале. Местами пребывания ветра считались также различные пропасти, ямы и пещеры, которые, по поверьям, стерегут летучие змеи, черти, одноглазая ведьма или слепой старец, безуспешно пытающиеся закрыть дыру, из которой выходит ветер. В некоторых местах также верили, что ветров бывает двенадцать; они прикованы к скале посреди океана или на краю света, и когда один из них освобождается, начинается буря.

Облик ветра в рассказах и преданиях, в общем, сильно варьировал, но чаще всего его представляли в облике сердитого старика, иногда с закованными устами (когда они раскуются, ветер начинает дуть). Очень часто ветер представляли также в облике стремительно передвигающегося (иногда летящего) и дуошего, свищущего, размахивающего руками человека; при этом иногда его представляли также человеком, не имеющим ни рук, ни ног (ср. загадку: «Без рук, без ног, по полю рыщет, поет да свищет, деревья ломает, траву к земле пригибает»). Обычно ветер невидим, но обнаруживает себя свистом и пр. Подобную персонификацию ветра в народе называли различными именами: ветреник, ветровой, ветряный, ветряный муж, ветровая (ветростная) сила и т.п.

Традиционным было и представление ветра в облике коня или всадника. Так, например, на Русском Севере ветры закликali так: «Сивушки-бурушки, вещи воронюшки, пособите, помогите!» в загадках же ветер — «жеребец, которого всему миру не сдержать». Кстати, и стихийные духи, перемещающиеся в образе ветра, вихря, нередко описывались как всадники, стремительно несущиеся по дороге на вороных конях (а иногда конями им служат самоубийцы).

Согласно народным поверьям, ветров бывает много, но у них есть глава, которому повинуются все ветры и вихри; именно он указывает им, куда и когда дуть. В качестве такого повелителя ветров могло выступать и высшее небесное божество (например, Стрибог, «дед ветров»), и просто самый сильный ветер, именуемый «вихровой атаман» или «ветряной царь» (а в некоторых местах называли целых четыре главных ветра: Восточный, Полуденный, Западный, Полуночный). Распоряжаться ветрами в поверьях могли и нечистые духи (ведьмы, черти и пр.), а также ангелы, которых Бог, по народному убеждению, поставил по четырем

Ветер

сторонам света («они дуют поочередно: один устанет дуть — другой начинает»). Повелительницей ветров называли иногда и их прародительницу — старуху, величаемую «Ветровой матерью» (ср., например, русские сказки, где герой, достигнув конца света, встречается с сухонькой старушкой, которая оказывается матерью всех ветров).

Ветер представлялся одушевленным, передвигающимся по воздуху существом; его приглашали, вызывали в тех случаях, когда он был необходим (при веянии жита, для работы мельниц и т.д.). Вызывали ветер свистом, реже — пением; женщины прибрежных поморских селений вечером выходили к морю, становились лицом к востоку и обращались к восточному ветру напевным голосом с просьбой «не сердчать», «потянуть», помогать их близким, находящимся в море, обещая за это наварить ему каши и напечь блинов. При веянии жита старухи изо всех сил дули в ту сторону, откуда ждали ветер, и махали руками, показывая нужное направление. Мельник должен был уметь «запречь ветер», вызвать его в затишье, бросая горстями муку с верхушки мельницы. Вообще, дар или жертва ветру встречались у всех славян: ветер «кормили» хлебом, мукой, крупой, мясом, остатками праздничных блюд; навстречу ветру бросали пепел от костей животного, потроха. Чтобы успокоить сильный ветер, сжигали части одежды, старую обувь; приглашая ветер во время жары, ему обещали отдать девочку, называя ее по имени.

Во многих местах ветер заклинали, стараясь заставить его помогать людям. Так, в некоторых местах на Митрофана вечером, после солнечного захода, старухи сходились за околицей и окликали ветер, т.е. размахивали руками и кричали: «Ветер-Ветрило! Из семерых братьев Ветровичей старший брат! Ты не дуй-ка, не плюй дождем с гнилого угла, не гони трясавиц-огневиц из Неру си на Русь! Ты не сули, не шли-ка, Ветер-Ветрило, лютую болезнь-помаху на православный народ! Ты дуй-ка, из семерых братьев старшой, теплым теплом, ты пролей-ка, Ветер-Ветрило, на рожь-матушку, на яровину-яровую, на поля, на луга дожди теплые, к поре да ко времечку! Ты сослужи-ка, буйный, службу да всему царству христианскому: мужикам-пахарям на радость, малым ребятам на утеху, старикам со старухами на прокормленье, а тебе, буйному ветру, над семерыми братьями старшому-большому, на славу!»

Появление ветра часто связывалось с общеславянскими представлениями о ветре как местопребывании душ и демонов. Так, например, душа (в виде дыхания, дуновения) традиционно отождествлялась с воздухом, ветром, вихрем, и поэтому у славян нередко считалось, что с ветром летают души умерших, спустившихся на землю, и в первую очередь — души больших грешников; сильный ветер в поверьях означал чью-то насильственную смерть. По многим поверьям, в завывающем ветре слышны стоны висельника, а холодный ветер

дует с той стороны, где утонул человек. Ветер в день поминовения умерших означал «плач души». Появление «ходячих» покойников в рассказах и быличках нередко сопровождается порывами ветра; ветер сопровождает и появление таких демонов, как вила, ведьма, черт, поветруля, «ветреник», «вигрэнница» и т.п. В некоторых местах верили, что проклятых хватает и уносит нечистая сила, которая летает с ветром.

Считалось также, что ветер появляется оттого, что дьявол играет на вербовой дудочке, или оттого, что помощники ветра или кузнецы надувают мехи; оттого, что рушатся деревья, поднимаются морские волны и т.д. В некоторых местах верили, что тихий ветерок возникает от дуновения ангелов, а бурный — результат действия дьявольских сил. По народному поверью, зимние вьюги бывают оттого, что нечистые духи, бегая по полям, дуют в кулак.

Согласно народным поверьям, помимо обычных или «добрых», «святых» ветров, бывают также «злые», вредоносные ветра. Такие «злые» ветра, по народному убеждению, являются источниками многих болезней; при этом считалось, что мор, эпидемии и т.п. могут не только разноситься ветром, но и быть самим ветром (откуда и названия эпидемий — «поветрия»). По представлениям крестьян, духи-ветра могут нападать на людей и вызывать эпилепсию, душевное расстройство; «дикие» и «бешеные» ветра вызывают бешенство у людей и животных; небольшие, тихие ветерки (называемые иногда «красный», «белый», «голубой», «желтый» и т.д.) также переносят разные болезни вроде лихорадки. При этом «болезнями от дурного ветра» могли иногда считаться не только эпидемические болезни, но также и грыжа, язва, удар, нарывы, разные опухоли и пр. Кроме того, по поверьям, вместе с дуновением ветра распространяется не только зараза, но и порча, которую знахари, колдуны и чаровницы «по ветру пускают», «бросают чары на ветер», как будто «сеют» их. Несомое ветром вредоносное слово (урок), болезнь в поверьях и заговорах изображалось как ветер, стрела, а человек, напускающий по ветру порчу и болезни, мог именоваться ветряным.

Лечение принесенных ветром болезней могло включать относ (подарок, жертву) вызвавшему их ветровому духу, ветру; относ обычно сопровождался почтительным обращением к духу. Нередко также использовались заговоры; при этом в заговорах от болезни, порчи и т.п. нередко использовался мотив ухода нечисти вместе с ветром («Ветер тебя принес, ветер тебя отнес», ит.п.).

Для предупреждения ветра в народе соблюдались обычно различные запреты. Так, например, считалось, что для того, чтобы ветер «не буйствовал», нельзя бить землю палкой, бичом, разорять муравейник, сжигать старый веник, дуть на огонь в Рождество, расчесывать волосы в среду и пятницу, проклинать ветер и многое другое.

Вештица

ВЕШТИЦА. вештица, векшица, вешейка — разновидность ведьмы; вредоносное существо, вредящее роженицам и новорожденным, насылающее порчу и т.д.

Согласно народным поверьям, вештицей могла стать (по достижении зрелости) девочка, которая была зачата родителями в «недобрый час», в канун большого праздника, либо рожденная «в рубашке» особого кровавого цвета, либо появившаяся на свет в период последней лунной фазы. Опасность стать вештицей грозила также и женщинам, потерявшим способность к деторождению. По некоторым поверьям, злой дух в виде черной с красными точками бабочки, вселившийся в тело пожилой женщины, также делал ее вештицей, ведьмой. В некоторых местах вообще считалось, что вештицей может стать кто угодно: «Векшица — та же ведьма. Векшицей любой может сделаться. Лекарство у них есть, они намажутся и в трубу вылетают...

Чаще всего вештицу представляли себе в типично демоническом облике, например, в облике старой женщины, седой, сгорбленной, косматой, страшной, с волосатыми ногами, со сросшимися бровями, пробиравшимися усиками, косоглазой или с глубоко сидящими глазами, злобным взглядом, длинным носом, кривыми зубами и т.д. Часто считалось, что у нее есть незаметный хвостик или крылья и рожки. Кроме того, вештиц традиционно считали оборотнями, полагая, что они могут принимать вид ночной бабочки, мотылька, сороки (иногда бесхвостой), совы или черной птицы, курицы, гуся, индюшки, а также жабы, кошки, собаки, свиньи, волка и пр. Иногда при этом верили, что сама вештица не меняется: она кладет свое тело под ступу, а сама (по-видимому, ее злая душа) сорокой улетает в трубу и всю ночь бродит по свету, вредя людям. По другому варианту этого поверья, вештица в полночь оборачивается в подполье через двенадцать ножей, и верхняя ее половина становится сорокой, а нижняя половина туловища все то время, пока вештица летает, хранится в подполье под поганым корытом.

Народные представления о вештицах, в общем, были очень близки к поверьям о ведьмах. Считалось, например, что вештицы, подобно ведьмам, поздно ночью мажут свое тело волшебной мазью, произносят магические заклинания и вылетают через трубу на метле, веретене или верхом на человеке; они летают с едва заметным синим огоньком, и их полет сопровождается грохотом, свистом, а следом тянется огненный хвост. Местами сборов вештиц считали обычно деревья (груша, орех, дуб), заросли напоротника, можжевельника, перекрестки дорог, заброшенные строения, бани, кладбища и пр. По некоторым рассказам, на своих сборищах вештицы избирают из своего числа главную вештицу, а также поедают сердца младенцев, намечают очередные жертвы, сговариваются, как лучше портить людей, веселятся, водят хороводы и т.д.

Как и ведьмам, вештицам крестьяне приписывали множество вредоносных свойств. Например, считалось, что вештицы могут отбирать молоко у чужих коров, урожай с чужих полей, мед у пчел, яйценоскость у соседских кур. Им приписывалась способность управлять стихиями и насылать на людей, скот и поля порчу, болезни, засуху, град, наводнение, бурю, мор п пр.; их зачастую обвиняли и в том, что они разлучают супругов, ссорят между собой людей, а также крадут или сбрасывают с неба месяц и доят его, как корову.

Помимо этого, вештицу в поверьях наделяли также и вампирскими свойствами, полагая эту особенность самым ее вредоносным свойством. Так, например, по свидетельству многочисленных бы личек, вештицы в птичьем обличье ночами летают по чужим избам, пробираясь туда через печные трубы или приподнимая передний угол; они пьют кровь спящих (особенно новорожденных, маленьких детей), а также выгаскивают и поедают человеческие сердца, извлекая их особым образом — дотрагиваясь до груди спящего человека особой палочкой; тело спящего, у которого извлекли сердце, но рассказам крестьян, к утру срастается, но он неизбежно погибает от каких-либо случайных причин, например, его убивает упавшее дерево, удар молнии и т.п. О внезапно умершем, не болевшем до того ребенке в некоторых местах говорили, что вештицы выпили его сердце.

Особенно часто злые вешейки, по народному убеждению, нападают на беременных женщин и новорожденных детей. Так, например, во многих местах верили, что вештицы, прилетев в дом в облике сорок и проникнув в помещение через дымовую трубу, парализуют женщину, находящуюся на последней стадии беременности, или насылают на нее глубокий сон, а затем вынимают у нее из чрева ребенка и кладут на его место мыло, головешку, хлеб, веник, кусок сырой свинины, льдинку, кусок хлеба, лягушку и т.д. (кое-где при этом считали, что такие подмены «потом и рождаются с даром слова»); вынутый плод они жарят и поедают в банях, на перекрестках и в других местах их сборищ, а иногда и прямо в доме роженицы, причем погубленных мальчиков они при этом называют «иалимчиками», а девочек — «сорожками» (ср., например: «Женщине последнее время ходить, они ребенка достанут, а на то место положат или мыло, или головенку, а женщине ниче больше не сделают»; «У них там пир идет... Этих ребят вырезали, взамен толкали голики, да чс... Вот эту штуку творили, эти, вешейки, значит»; «Одна вешейка головешкой обвела вокруг жены, та и родила легко, и не проснулась даже. Они ребеночка-то взяли, а у них уже и огонь был разведен, и сковородка готова, все это...»; «Лежит эта женщина-то в полночь, пробудилась, хватъ — мужа-то уж на следку нет... Смотри: прилетели две вештицы, глядят на нее, а она на них; хотела реветь, а не ревется; хотела соскочить, да не встается — и шевельнуться не может. Вот вештицы подошли к ней, выпяли ребенка из брюха, одна и говорит: «Положим заместо ребенка голик!» — а другая;

«Краюшку!» — и давай спорить промежду собой. Оно, конечно, ладно, что та переговорила — положить краюшку, а сделайся наоборот?» и т.п.). Для защиты от вештиц беременным женщинам приходилось все время держать при себе различные обереги: например, в некоторых местах беременные женщины в отсутствие мужей ложились спать, надев на себя мужскую одежду (например, мужнины штаны) или подпоясавшись мужниным поясом для того, чтобы вештица не украли ребенка; вообще же крестьяне верили, что вештицы в первую очередь вредят тем, кто спит без креста и без пояса, навзничь. При этом в некоторых местах считалось, что если роженица сумеет уберечься от вештиц, они улетят и вынут плод у тельной коровы.

Согласно народным поверьям, особенно опасны вештицы бывают в ночные часы и в больше годовые праздники — накануне дня св. Евдокии, Юрьева дня, Иванова дня (Ивана Купалы), Страстной пятницы, на Рождество, масленицу. В это время людям приходилось использовать множество разнообразных оберегов и обрядов для защиты. Например, чтобы не дать вештице проникнуть в дом, на ночь в двери дома втыкали нож (или клали его под подушку), натирали детям пятки чесноком, выставляли за двери метлу, перевернутую вверх прутьями, клали на ночь в дверях головешку, заговаривали и ставили в дверях икону, закрывали на ночь печные трубы, помещали на хлев и овчарню конский или воловий череп, и т.д. Во многих местах традиционно применяли также словесные обереги, например: «Ты, злая вешейка, когда пересчитаешь все травы в поле и все листья в лесу, тогда уморишь моего ребенка», и пр. Помогала против вештиц и молитва на ночь, а также разнообразные травы-обереги и сакральные предметы, включая нательный крест, молитвы. ладан и пр.

Кое-где против вештиц применяли и другие способы, ср., например: «Вештицы являются в виде сорок — в величину лукошка, садятся где-нибудь на крыше и щекочут. Если кому случится увидеть эту щекочунью, то следует только разорвать на себе рубашку, или разломить вилы, или переломить на колено лутошку, и тогда ведьма из оборотня надет к ногам обнаженная и просит помилования — и в это время можно что угодно с ней делать»; или: «Если вештица летит в образе сороки, то стоит по направлению к ней наотмашь (т.е. от себя) бросить обломком дуги или обруча, как сейчас же у нее получится перелом крыла, и она ис в состоянии будет летать. Только упомянутый обломок должен быть случайно найденным где-либо на дороге».

В некоторых местах существовало еще поверье, что если вынудить вештицу дать обещание больше не вредить, то она потеряет свои магические способности и станет обычной женщиной (ср. представление о том, что бес, назвавший человеку свое имя, теряет свою силу и уже не может навредить). Чтобы распознать вештицу, в некоторых местах поступали так: ловили вечером мотылька, прилетевшего на свет, опалили ему крылышки и говорили: «Приходи завтра, я дам тебе

соли»; считалось, что утром вештица со следами ожога на теле должна прийти и попросить соли. Применяли еще и такой способ: заметив, что корова стала давать мало молока, брали цедилку и варили ее в горшке вместе с пеплом купальского костра либо выливали надоенный после ведьмы остаток молока на сковороду и ставили на огонь, полагая, что от этого вештица станет сильно мучиться и вынуждена будет прийти в тот дом, где она испортила корову, чтобы прекратить свои мучения.

Интересно, что в некоторых местах (например, в поверьях крестьян Архангельской губ.) вештицами (ведуницами) иногда называли болезни, схожие с лихорадками. Они представлялись людям старыми, злыми и безобразными женщинами с котомками за плечами, напоминающими поэтому странниц. Больные, которые якобы видели их лицом к лицу (обычно во сне или горячечном бреду), рассказывали, что эти вешейки, обнаружив человека, сперва бывают приветливыми и ласковыми, стараются поцеловать человека в губы, но позднее, когда отходят, становятся сердитыми, ругаются и порой говорят больному, «что и не но сердцу, чего они испугались и отчего уходят» (повидимому, это происходит в то самое время, когда болезнь покидает больного и отступает). По мнению крестьян, «вештицы не имеют оседлого жительства во вселенной, а странствуют из государства в государство, из края в край, и горе тому народу, который они полюбят».

ВИЙ — (от *вия*, *вейка* — «ресница») в малоросских поверьях демонический персонаж. Выглядит он, по народному представлению, как могучий старик, раскорячистый и косолапый, покрытый шерстью; у него огромные брови и веки до самой земли, либо густые, очень длинные ресницы; он является «весь в черной земле» и имеет «подземный голос». Руки и ноги у него, «что корни дерева»; ходит он тяжело, так как земля его не держит. Свои веки (ресницы или брови) Вий не может поднять сам; ему поднимают веки виллами его помощники — нечистая сила или летучие мыши. Согласно поверьям, если поднять Вию веки, то ничто не утаится от его губительного взгляда: растения начнут вянуть, животные и птицы надут мертвыми, реки высохнут и даже земля обратится в пустыню. Человек, согласно поверьям, также не может выдержать взгляда Вия и умирает; своим взглядом Вий может сокрушить даже города, оставляя от них только пепел.

Образ Вия в народных поверьях очень схож с образом св. Касьяна (воплощение високосного года, 29 февраля). Так, согласно преданиям, Касьян сидит неподвижно и не видит «божьего света» из-за ресниц, которые достигают его колен; взгляд его губителен для всего живого. Живет он в пещере, куда не проникает свет, или лежит в яме, засыпанной землей.

В народном фольклоре известны и другие персонажи, обладающие сходными с Вием признаками. В

поверьях Волыни, например, часто упоминался чародей «шелудивый Буняка»; считалось, что веки его столь длинны, что их поднимают вилами. В поверьях Подолии встречался некий Солодивый Бунио, взглядом превращавший в пепел целые города и деревни; его густые брови и низко прильнувшие ресницы (длиннее веки) тоже поднимали вилами или лопатами в тех случаях, когда ему нужно было уничтожить вражеские рати или сжечь неприятельский город. В некоторых русских сказках также упоминался могучий старик с огромными бровями и необычайно длинными ресницами, настолько густыми, что они полностью затемнили ему зрение, и, чтобы он мог взглянуть на мир божий, требовалось несколько силачей, которые смогли бы поднять ему брови и ресницы железными вилами. Сама Смерть в русских поверьях иногда описывалась как чудовищная женщина с огромными веками; когда ее глаза открываются и она смотрит на человека, он умирает.

Возможно, образ страшного Вия основывался на образе бога-громовника, Деда Перуна, олицетворявшего собой грозу: из-под облачных бровей и ресниц (спадающего на землю дождя?) он мечет молниеносные взоры и посылает смерть и пожары. Человек с густыми, сросшимися бровями у южных славян назывался волчьим глазом, а тучи в древности нередко олицетворялись в образе волка. Представление же о том, что Вий обитает под землей, в непроницаемых для света пещерах, могло возникнуть на основании древнейшего представления грозových туч скалами, горами, пещерами.

ВИЛЫ. самовилы, болг. дивы, самодивы — древние духи-покровительницы животворной влаги, необходимой для созревания урожая. Так, по народным поверьям, от вил зависит плодородие нив: они выливают росу из своих рогов, и хлеба начинают колоситься. Судя по всему, некогда культ вил заменил собой культ берегинь, духов-покровителей, оберегающих людей от преземестного зла (упырей).

Очевидно, вилы изначально были богинями — покровительницами животворной влаги дождя и росы, покровительницами водных источников и олицетворением небесных туч, несущих дождь. Они нередко упоминались вместе с рожаницами и Макошью, богиней урожая, а также с другими весьма почитаемыми божествами древних славян: «... и ныня по украинам их молятся проклятому богу их Перуну, Хорсу и Мокоши и вилам»; «... верующе в Перуна и Хорса, и в Мокошь, и в вилы, их же числом 30 сестренищ».

Вилы чрезвычайно почитались древними славянами. В древности им приносили жертвы и именовали их богинями: «... То все мнять богынями и тако покладывають им требы и кур им режють»; кстати, принесение в жертву вилам птиц хорошо подчеркивает важность птичьего элемента в культе птицедев. Почитание вил сохранилось и при христианстве; так, обряд

жертвоприношений вилам совершался в некоторых местах несколько столетий после крещения Руси.

Болгарский фольклор сохранил описание вил (самовил) как добродетельных богинь влаги. Вилы представлялись очень красивыми, высокими и стройными молодыми девушками с длинными распущенными волосами, в светлых одеждах или покрывалах, иногда с золотыми поясами или коронами на головах; считалось, что они имеют крылья, которые являются средоточием их сверхъестественной силы. Сербский фольклор описывает вил как молодых красавиц с длинными волосами, спускающимися по спине и груди; одеты они в белые платья длиной до пят; правда, по некоторым поверьям, эти длинные одеяния скрывают козьи, лошадиные или ослиные ноги вил. В некоторых местах полагали, что вилы могут иметь и другие демонические черты, например, огромные груди, переброшенные на спину, неприятный запах, исходящий от волос, и т.п.

В быличках, рассказах и преданиях вилы смертны, но отличаются большой силой и при этом невесомостью: они ходят легко, как тень, или летают по воздуху на своих крыльях (качества, вероятно, характеризующие их как духов воздушной стихии). При этом западные славяне верили, что если отнять у вилы крылья, то она потеряет способность летать и станет обычной женщиной; в некоторых местах считалось также, что вилы подчиняются тому, кто отнял у них их одежду или крылья (ср. польские сказки о лебединой деве, у которой герой отнимает одежду и крылья, а затем женится на ней).

Вилам часто приписывалась способность к оборотничеству: считалось, что они могут превращаться в лебедя, в сокола, в волка и в змею. По некоторым предположениям, вилы могли иметь также и обличье сиринов, птиц с женскими головами; так, на украшениях вилы изображались в виде сиринов, а в русском переводе XI в. греческой хроники Георгия Амартола античные сирены приравнены к славянским русалкам-вилам: «яже и сирины наричутся, реще вилы Античные сирины были связаны с богиней плодородия Деметрой, славянским соответствием которой является Макошь. По-видимому, такой образ должен был подчеркнуть связь вил с небом, воздушным пространством. Образ птицедев возник очень давно: так, в крито-микенской культуре известны статуэтки крылатых женщин, а в Центральной Европе в бронзовом веке существовали своеобразные погребальные урны в виде грубоватых женских фигурок с крыльями и штриховкой, воспроизводящей оперение; урны эти бытовали в той части Европы (Средний Дунай), где обитали италийские племена до их расселения на Апеннинском полуострове, а праславяне были соседями этих племен.

Согласно некоторым поверьям, вилы могут жить общиной и иметь свою предводительницу. Живут они в удаленных от людей местах: в горах, скалах, горных пещерах и ямах под землей, в горных озерах и источниках,

реже в небе или тучах (ср. представление небесных дождевых туч скалами и пещерами). Считалось, что вилы скрывают и берегут свои жилища и жестоко наказывают тех, кто в них проникает (например, насылают на вторгшегося в их владения человека слепоту, болезни и пр.). Некогда считалось также, что вилы обитают где-то на краю света, «а к нам прибывают лишь однажды в году и в нужное время орошают дождем хлебородные нивы». В некоторых местах сохранилось еще предание о том, что где-то существуют «вилыны горы», на которых у бесчисленных родников растут чудесные деревья с серебряными стволами и золотыми листьями.

В рассказах и поверьях вилы, как покровительницы живительной влаги, обычно появляются из воды или у воды, им принадлежат многие источники и водоемы. Считалось, что увидеть вил можно у источников или на берегу реки, а также на деревьях (особенно прибрежных), на опушке леса, реже — на пепелище, перекрестке или мусорной куче (т.е. в местах, где является нечистая сила). При этом вилы, подобно нечистым духам, чаще всего показываются в сумерках, ночью или в предрассветные часы, в новолуние или полнолуние, весной и летом, часто по большим праздникам.

Вилам, как духам, связанным с растительностью, посвящались некоторые растения и травы. Так, бильской травой в народе считался ковыль (*Stipa pennata*), а деревом вил — боярышник и береза (ср. представления о березе как о дереве-туче, посвященном русалкам). Считалось также, что вилы, подобно русалкам, в летнюю пору появляются в цветущей ржи, сторожат ее и помогают ей расти, поливают ее росой по утрам. Само происхождение вил также часто связывалось с влагой и растениями: считалось, например, что вилы рождаются от утренней росы или из травы; кроме того, по некоторым поверьям, вила рождается в то время, когда светит солнце и накрапывает дождь. Считалось также, что в вил у может быть превращена красивая девочка.

Согласно народным поверьям, вилы знают все полезные свойства растений и являются их покровительницами. В рассказах вилы, собираясь на опушках или у берегов рек, постоянно поют, водят хороводы, играют; и там, где они танцуют, вырастают кругами грибы, буйно растет трава и т.п. Вилы любят купаться, умываться, расчесывать волосы; часто они ездят верхом на лошадях и оленях. Питаются они медом и молоком (иногда считалось, что они доят коз на пастбищах), а также хлебом, который пекут в своих пещерах; кроме того, они едят ту еду, которую спрятал человек.

Славяне верили, что вилы могут сожительствовать с мужчинами и даже вступать с ними в брак (на Украине мужа вилы называли «див», «дивок»); они даже рожают детей, но часто убегают от своих мужей, бросив детей на произвол судьбы. Вообще, их трудно удержать: считалось, что они скучают по своей прежней жизни, особенно если их принудили к браку

насильно, и рано или поздно покидают людей (в некоторых сказках и быличках это происходит после того, как они возвращают себе отнятую у них одежду или крылья). Однако при этом считалось, что вилы, даже убежав из дома, могут приходить к своим покинутым детям и кормить их; они также могут заботиться о детях, оставленных жнищами в поле, на меже и т.д. Дети, вскормленные вилами, по поверьям, приобретают необыкновенную силу и красоту.

В целом вилы, по народному убеждению, бывают добры к человеку: они приносят счастье и хороший урожай, одаривают людей золотом и серебром, помогают в хозяйственных делах, заботятся о детях, лечат людей от порчи и болезней, предсказывают судьбу и т.п. По некоторым поверьям, вилы защищают обиженных и сирот.

Однако при этом иногда считалось, что вилы могут и вредить людям, карая их за причиненный вред или за неправедное поведение. Согласно некоторым поверьям, вилы завистливы и мстят людям за красоту, хороший голос и т.п.; они могут отнять воду и иссушить поля, украсть урожай и вредить скоту, насылать бурю, град и т.д. Считалось, что если вил разозлить, то они могут убить одним взглядом.

Чтобы не пострадать от вил, люди должны были соблюдать определенные правила: не пить воду, набранную после захода солнца, не наступать на то место, где вилы водили хоровод, и т.п. Особые запреты касались того времени, когда происходили игрища-русалии. В это время нельзя было работать, нельзя посещать особые самовильские кладенцы (русалочьи колодцы), нельзя спать под священным самовильским деревом; все люди должны были быть на игрищах-русалиях, чтобы не навлечь на себя гнев вил.

По всей видимости, именно на смену вилам у восточных славян со временем пришли русалки. Так, в русских средневековых источниках есть слово «русалии», но нет «русалок»; это слово соответственно заменено словом «вилы»; в этнографических же материалах широко известны русалки, но нет вил. Функции вил и русалок весьма схожи; возможно, само название «русалка», возможно, имеет связь с преданием о рождении вилы из росы. В тех же местах, где намять о вилах сохранилась, нередко рассказывали, что вил уже больше нет: они исчезли (улетели на край света, на небо) с появлением огнестрельного оружия.

ВИХРЬ, вихрик, вихревик, вихревой — нечистый, опасный для человека ветер, олицетворение демонов и результат их деятельности. В отличие от ветра, вихрь воплощал в себе только злое, враждебное начало, связанное с нечистой силой или с различными нарушениями законов природы и ритуальных запретов (ср. украинские и белорусские рассказы о людях, захваченных вихрем и пропавших без вести, а также народные проклятия тина: «щоб тебе буря вивернула!», «щоб тебе взяло та понесло поверх дерева!», «щоб тебе понесло по-за витряками», «щоб тебе вихрами та

бурами вынесло!», «вихор табе надыми!» и пр.). При этом магические свойства вихря переносились в народе и на те предметы и явления, которые считались результатом его деятельности: дерево-выворотень, колтун, закрученное вихрем полотно или сено.

Местами наиболее частого появления вихря считались всевозможные нечистые места: дороги, лес, перекрестки, пустыри, иногда печные трубы и мусорные кучи, а также могилы самоубийц и места самоубийства. «Вихоревым гнездом» (а также «ведьминой метлой» и т.п.) в народе называли тонкие высохшие веточки березы, ветлы или другого дерева, спутанные клубком во время вихря; верили, что это «гнездо», подобно разрыв-траве, может разрушить вражеское оружие одним своим прикосновением. Кроме того, «вихорево гнездо» использовали как оберег: подвешивали его на скотных дворах, в заутреню Чистого четверга окуривали им скот и т.п.

Согласно народным поверьям, в вихре, летящем по дорогам, крутятся, танцуют, дерутся, справляют свадьбу черти, ведьмы, чаровницы, халы, вилы, караконджалы, полудницы, лешие, шишиги и пр. Нередко считалось, что вихрь — это нечистая сила, убегающая от грозы или просто быстро перемещающаяся с места на место. По некоторым поверьям, в вихре может носиться по миру вредоносный дух, вихрь («... в вихор не надо попадать, в сторону отходи, може в ем вихрик есть, попадешь и заболешь неизлечимой болезнью»). Вообще же вихриком, вихровым, вихорем, вихровой силой и т.п. могли называть любую нечистую силу, имеющую облик вихря, обитающую в вихре или даже просто вызывающую вихрь.

Облик нечистой силы, обитающей в вихре, в народных поверьях был весьма расплывчат. Чаще всего считалось, что духи вихря, называемые вихровой, вихорный и т.п., имеют облик бегущего человека, размахивающего руками; могут они показаться и в облике молодца, серого кота или пса, волка и т.п. Помимо этого, в вихре, по народному убеждению, можно увидеть чертей и ведьм с куриными лапами вместо ног. В вихре могут помещаться (или вызывать вихрь, появляться с вихрем) два старика с большими носами, рогами и собачьими ногами. Несущаяся вихрем нечистая сила могла иметь облик коней или всадников; при этом конями нечистой силе могли служить и заложные покойники. Во многих местах полагали также, что в вихре можно увидеть всякую нечистую силу в самых разных обликах.

Появление вихря в народе особенно часто связывалось с неестественной смертью, с самоубийством. Так, например, во многих местах существовало поверье о том, что вихрь летит в ту сторону, куда повернуто лицо висельника; что он гонит душу повесившегося; что он ночует на могиле самоубийцы, возникает в местах захоронения удавленника или утопленника и т.п. Очень часто вихрь, по народному убеждению, появляется «перед головой», т.е. перед чьей-то безвременной

смертью, особенно смертью нечистой. Вихрь обычно сопровождает смерть ведьмы или колдуна, а также смерть самоубийцы; иногда считалось, что это черт в облике вихря летит за душой покойного. По некоторым поверьям, с вихрем также прилетает домой душа безвременного умершего родственника; поэтому когда ветер завывает в трубе, в некоторых местах говорили, что это плачет покойник, а когда вихрь срывает крыши — что это выражают свое недовольство умершие.

Вихрь в славянских поверьях традиционно соотносился с проклятыми людьми. Так, например, нередко считалось, что «черт насвистывает и накрикивает сильный ветер и этим ветром уносит к себе тех, кто прогрешил». По поверьям, нечистая сила в облике вихря хватает и уносит с собой проклятых, причем может забрать их даже из дома: так, в одной быличке леший вихрем спустился в трубу и унес с собой проклятого матерью младенца. Некоторое время после такого похищения проклятые и унесшая их нечистая сила, по словам крестьян, находятся в стремительном кружении, пролетая иногда огромные расстояния, а иногда кружась все время вокруг одного села; так, по поверьям Русского Севера, в вихре вертятся проклятые мужчина, женщина и дьявол. В некоторых местах верили также, что, если проклятый снял с себя крест, принял от унесшей его нечистой силы еду или если его за время кружения не «отвели», не сумели вернуть родные, то он исчезает безвозвратно и может стать частью вихря (летящей в нем нечистой силы) или просто вихрем, ветром.

Согласно народным поверьям, демонов, чертей и т.п., обитающих в вихре, можно увидеть, если снять с себя крест, наклониться и посмотреть между ног, под левым плечом, через рукав или через вывернутую рубаху. Дети же и чистые, святые люди, наряду с людьми «знающими» (обычно ведьмами и колдунами, знахарями и шептунами), могут видеть их и просто так (ср.: «Дети, они же чистые, на них греха нет, вот они и видят всякую отпадшую силу»). Существовало еще поверье, что если бросить в вихрь нож, то на нем появятся капельки крови.

Вихрь, по народному убеждению, переносит различные болезни, порчу, демонов-лихорадок и пр., и сам нередко является причиной заболеваний. О людях, попавших в вихрь, говорили, что их «пидвияло», «вихор перейшов»; считалось, что таких людей, если они не умрут, непременно разобьет паралич, у них искривится рот и лицо, вырастет колтун, они станут немыми или ослепнут и т.д. Считалось также, что вихрь часто является причиной психических заболеваний, прежде всего эпилепсии; человек, «подвеванный вихрем», повреждается в уме, становится бесноватым или ясновидящим. Сам вихрь и человек, в него попавший, по мнению крестьян, приносят неудачу и несчастья. Вылечить же болезни и порчу, полученные от вихря, считалось делом практически невозможным, хотя в некоторых местах для их лечения и применяли

заговоры, «иорданскую» (т.е. освященную на Крещение в проруби) воду, нож, семь раз освященный на Пасху (им крестят больного, произнося заговор), или закрученные вихрем сено и листья. Вообще же, в таких случаях советовали звать толкового знахаря или вообще «знающего» человека, который для лечения нашептывал на воду, использовал освященные предметы и пр.

ВЛАСИЙ. Влас (у католиков Блажей, Блаж) — христианский святой великомученик, епископ Севастийский, день памяти которого отмечался 11/24.11. Согласно житию, Власий во время гонений на христиан скрывался в пустынных местах и жил на горе Артеос в пещере, к которой кротко подходили дикие звери, во всем подчинявшиеся Власию и получавшие от него благословение и исцеление от болезней.

Очевидно, в связи с этой легендой, а также в связи с тем, что имя Власий соотносилось в народном сознании со скотым богом Велесом, Власий повсеместно считался покровителем животных и, в первую очередь, домашнего скота. Так, на иконах его иногда изображали на белом коне в окружении лошадей, коров и овец или же только рогатой скотины. Образ св. Власия нередко ставился в коровниках и хлевах; иконы эти использовались и во многих обрядах, связанных со скотом, в частности, при общих молебнах в день первого выгона скота в поле. В Иркутской губернии при первом выгоде скота приговаривали: «Угодник Божий Власей! Не оставь екоитипу в путе и в дороге, итить безо всякова препятствия». Во время эпидемии скота, и особенно при обрядовом опаживании села, Власию во многих местах возносились молитвы; с иконой Власия в некоторых местах во время мора обходили без священника больных овец, барана, лошадь и корову, связанных хвостами и выведенных на деревенскую площадь (по обходе зараженных, их гнали за село, в овраг и там побивали их камнями с приговором: «Мы камнями побьем и землею зарежем, землей зарежем — коровью смерть вобьем, вобьем глубоко, не вернешься в село»; после этого на трупы набрасывали солому и щепки и устраивали костер, такой, чтобы спалить жертвенных животных без остатка).

В русской традиции Власия, культ которого сменил культ языческого Велеса, нередко именовали «коровым богом», а день его памяти — «коровым праздником»; в Новгороде ко дню св. Власия к его образу приносили коровье масло. У белорусов же день св. Власия назывался иногда «конское свято»: в этот день объезжали лошадей и устраивали особую трапезу.

Власьев день иногда называли также «Власий-бокогрев» или «Власий-сшиби рог с зимы» из-за того, что приходился он на то время, когда зимние холода обычно становились более мягкими и морозы шли на убыль. В некоторых местах (например, в Тамбовской губернии) говорили, что «с Власьева дня полоз саней покатится и корова бок греет», т.е. следы полозьев, остающиеся в февралье на снегу, начинают «лосниться»

(это и называется «полоз покатится»), а выпущенная на прогулку скотина, из-за того что на дворе еще очень холодно, старается встать так, чтобы солнышко светило прямо на нее.

Власьев день весьма почитался в народе и праздновался широко и разгульно. Так, например, в Вологодской губернии празднование по случаю дня святого Власия нередко затягивалось по всем приходам на три дня и больше: хозяева варили пиво, покупали водку, готовили угощение, приглашали всю родню и т.д.

Так как Власий повсеместно считался покровителем домашних животных, практически все обряды и поверья, приуроченные к его дню, были связаны со скотом. Так, например, у русских принято было в день Власия обращаться к святому с молитвой: «Святой Власий, дай счастья на гладких телушек, на толстых бычков, чтобы со двора шли — играли, а с поля шли — скакали», и т.п. В день св. Власия в некоторых местах совершали ритуал окликания звезды: когда на небе появлялись звезды, овчары выходили на улицу, становились на руно (шерсть) и пели, призывая звезду осветить «огнем негасимым белояровых овец» и умножить их приплод, «чтобы овец было больше, чем звезд на небе».

На Украине рано утром на Власия приносили из колодца воду, которую ставили в красном углу, где она и стояла три дня; потом ею кропили скот в хлеву и частично выливали назад в колодец, т.к. ее уже «освятит св. Власий». В некоторых местах при этом еще и клали на «покуть» пряжу, полагая, что она, как и вода, в день св. Власия приобретает целебную силу.

На Власия повсеместно соблюдали различные запреты, например, не причесывались и не работали, а также соблюдали запрет на прядение, вязание и шитье, чтобы не болел скот и его хозяин, чтобы «не появился влас в глазах» и хлеб на корню не вырастал без колоса.

Власьев день во многих местах знаменовался многолюдными молебнами (простыми и водосвятными), совершавшимися обычно между заутреней и обедней. Кроме того, в этот день в некоторых областях России (например, в Вологодской губернии) принято было печь караваи ржаного хлеба, которые хозяйки во время празднества, при большом стечении народа (собиравшегося иногда даже из соседних волостей), клали на особые столы, а порою (если места не хватало) даже и на церковный пол. Священник кропил эти караваи святой водой, освящая их, а после этого хозяйки скармливали хлеб скотине, полагая, что это предохранит скот от болезней и порчи.

Похожие обычаи были известны и во многих других местах. Так, например, в Болгарии на Власьев день хозяйки пекли два хлеба («питы»), называемые «святая Петка» (святая Параскева Пятница) и «святой Влас», клали один хлеб на другой, затем отламывали от них кусочки для волов и раздавали соседям. В западной Болгарии обрядовый хлеб клали на трапезный столик, несли в хлев или загон и там кадили; хлеб «св. Петка» разламывали и раздавали соседям «за волове

Вовкулака

здравие», а хлеб «св. Влас» несли волам и скармливали его вместе с солеными отрубями. В Македонии в день св. Власия женщины пекли хлеб (или лепешку) и спешили отнести его в церковь и раздать еще горячим, веря, что если от хлеба идет нар, скот целый год будет здоровым; в некоторых деревнях такой хлеб раздавали прямо на улице, и каждый, кто брал кусочек этого хлеба, подпрыгивал и желал здравствовать хозяевам и волам. В Сербии в день св. Власия месили сакральный хлеб (пирог, калач); первым его разрезал с молитвой «за здравие волов» священник или хозяин.

В Болгарии на Власьев день обычно устраивалась совместная трапеза: люди ходили по селу, мычали и собирали продукты для общего стола и покупки вина; общее пиршество иногда сопровождалось общим танцем «хоро», исполнявшимся, «чтобы танцевали и волы». Кроме того, в некоторых местах в этот день все хозяева, имевшие скот, выходили за село на гору, зажигали свечи, резали вола, ели и пили сообща; возвращаясь домой, они бежали что есть духу, мычали, ржали, блеяли, во всем подражая скоту. В других районах в день св. Власия молодки собирались в шинке и пили горилку, «чтобы коровы были ласковыми», а потом, придя домой, били своих мужей донцами прялок, «чтобы волы были послушными». Волов в день св. Власия почти повсеместно не запрягали, так как, по болгарскому поверью, вол всегда опоясан 9 невидимыми поясами, и только на Власия он распоясывается, теряет силу, и потому его нельзя запрягать.

Ко Власьеву дню в некоторых местах приурочивался еще и обряд, связанный с болезнью скота и даже человека. Имя Влас народная этимология связывала со словом «влас», означавшим как «волос, волосок», так и разные виды болезни скота, а иногда и человека. Болезнь «влас» представлялась в народе едва видимым, тонким, как волосок, червячком; чтобы скот не болел этой болезнью, хозяин постригался в день св. Власия. Раны от «власа» у скота и людей лечили присыпанием пепла от сожженных волос (шерсти и щетины), состриженных со скота в день св. Власия; помимо этого, «влас» лечили заговором и обрядом, «секущим» эту болезнь.

Вовкулака — см. Волкодлак.

ВОДА — святая, чистая стихия, но вместе с тем — местообитание нечистой силы. Как правило, чистые источники, родники в народе считались священными и целебными; болота же и вообще водоемы со стоячей глубокой водой признавались обычно обиталищем нечистых духов. Так, например, почти все колодцы, выкопанные святыми подвижниками, а также источники, появление которых было вызвано каким-либо чрезвычайным случаем (например, т.н. «громовые ключи», бьющие из-под камня и происшедшие, по поверью, от удара молнии), считались в народе священными и святыми, подле них обычно ставили часовенки и иконы; к ним приходили за водой для лечения

и приносили им жертвы. Болота же и глубокие омуты, по народному убеждению, являются родным домом чертей, водяных и т.д.

Почитание воды у славян известно с древнейших времен. Так, например, древние славяне задолго до прихода христианства приносили воде жертвы и молились возле нее, произносили клятвы и т.п. Поклонение священным источникам и колодцам у славян связывалось с культом Макоши, а позднее — с культом Параскевы Пятницы — покровительницы водной стихии; защитником рыбаков, мореходов и пр. также считался св. Николай. Кроме того, владение целебными источниками некогда приписывалось самодивам и вилам, способным «запирать» воду; хозяином земных вод нередко выступал также змей, дракон, ящер и т.п. Сама же вода нередко представлялась живым существом, обладающим собственным характером, а в древние времена почиталась как богиня; это боготворен не воды отчасти сохранилось в народных поверьях и при христианстве (ср., например, поверье о том, что вода мстит за нанесенные ей оскорбления, насылая на людей болезни, и обряд «прощения у воды», когда больной человек приходил к реке, опускал на воду кусочек хлеба и, отступая по одному шагу назад, до трех раз с низкими поклонами произносил: «Пришел я к тебе, матушка-вода, с повислой да с повинной головой — прости меня, простите и вы меня, водяные деды и прадеды!» — стараясь во время заклинания ни с кем не разговаривать, не оборачиваться и не налагать на себя крестного знамения).

В народных представлениях вода была границей между «этим светом» и «тем светом», а также путем в загробное царство, местом обитания душ умерших. Считалось, например, что душа человека после его смерти погружается в воду, поэтому существовали запреты использовать воду, имевшуюся в доме в момент смерти кого-либо из домочадцев. При встрече с похоронной процессией человек, несущий ведро воды, выливал воду на дорогу, чтобы душа умершего не погрузилась в нее и не осталась на земле. Во время агонии умирающего из дома выносили и выливали всю воду, чтобы душа умершего не задержалась в ней; такая вода считалась «мертвой», и ее нельзя было пить, причем ядовитой вода, по народному убеждению, становилась и в тех домах, мимо которых прошла похоронная процессия (такую «мертвую» воду спешили вылить, чтобы никто не смог ее выпить).

Как граница между миром живых и миром мертвых, потусторонним миром, вода в народных поверьях являлась и характерным местом обитания нечистой силы. Так, по народному убеждению, нечистая сила «очень любит воду и не упускает возможности поселиться в ней». Общеславянские поверья гласят, что в воде обитают черти, а также русалка, водяной, различные злые духи; да и сама вода, разгневавшись, становится губительной силой. Отсюда, вероятно, и пошли поговорки тина: «Где вода, там и беда», «Где много воды — там жди беды», «Черт огня боится, а в

воде селится», «Хороши в батраках огонь да вода, а не дай им Бог своим умом зажить», и т.п. Поэтому, набирая воду из ручья, переходя вброд реку или собираясь искупаться, люди обычно предпринимали ряд предосторожностей: крестились сами и осеяли крестом воду, бросали в воду кусочки хлеба или оставляли возле воды дары, обращались к воде с почтительными приветствиями и просьбами. Чтобы обезопасить себя от воздействия нечистой силы, обитающей в воде, в некоторых местах, входя в реку, говорили: «Дидько з води, а я — в воду!», а выходя после купания: «Я з води, а дидько — в воду!» Хранящуюся в доме воду на ночь плотно закрывали крышками и даже закрещивали, чтобы в нее не забрались черти или не напакостил нечистый дух.

Церковное освящение воды имело целью именно изгнание из нее бесов, очищение от скверны. По народному убеждению, при погружении в воду святого и животворящего креста из водоема силой и наитием святого Духа изгоняется вся «дьявольская сила», и поэтому вода становится безукоризненно чистой и святой. Главным праздником в году, включавшим обряд освящения воды, было Крещение; освященная в этот день вода («святая», «богоявленная», «иорданская») считалась наиболее здоровой, целебной, способной излечить болезни и защитить от нечистой силы. Реже освящение воды происходило в другие праздники: накануне Пасхи, Ивана Купалы, в первый день августа (Мокрый Снас); кроме того, в доме воду иногда освящали в день годовых поминок по умершему родственнику. При этом в некоторых местах хозяева иногда сами «святили» воду: так, например, в вологодских краях в Великий четверг большуха-хозяйка, зачерпнув воды из колодца, святила ее, опуская в ведро «серебрушку» (серебряную монету); потом этой водой она умывала ребят для здоровья, а девки с такой «святой водой» бегали «до вороны» (т.е. пока ворона не закаркала) на хмельники, где умывались с приговором: «Пусть и меня так же любят молодцы, как любят хмель добры люди».

Однако при этом первенствующее значение повсеместно придавалось «богоявленной» воде: ее хранили в каждом доме вместе с благовещенской просфорой и четверговой свечой в красном углу перед иконами, сохраняя ее в течение года, полагая, что она не может испортиться (не станет затхлой и не замутится), если только ее не коснется чья-нибудь «нечистая рука». Использовали ее, по большей части, для исцеления (в этих случаях ее обыкновенно пили натошак) и при этом лечили ею не только обычные болезни, но и кликушество, порчу и т.п.; кроме того, считалось, что в случае смерти, когда умирающий никак не мог приобщиться святых Тайн, эта вода могла заменить их и «умиротворить беспокоящуюся совесть умирающего и близких его». При этом нередко считалось, что наиболее благодатной силой наделены бывают верхние слои освящаемой воды, поэтому после водосвятия всякий человек старался зачерпнуть воды прежде других,

желательно первым, отчего церковное благочестие в это время нередко нарушалось криками и перебранками, невообразимой суетней и толкотней.

Вообще же, хотя самой чудодейственной и магической в народе считалась вода, освященная в большие праздники, и другой воде в народной традиции также придавались особые целительные и волшебные свойства. Так, например, особой силой, по поверьям, обладала вода, набранная из источников и колодцев на Рождество, Новый год, Сретенье, в Страстной четверг или пятницу, на Ивана Купалу. При этом вода иногда могла наделяться сверхъестественной силой на какое-то определенное время. Например, широко было распространено поверье, что в полночь перед Рождеством (или Крещением, Пасхой) вода в источниках превращается в вино (в золото, серебро, в кровь Христа и т.п.); верили также, что если в самую Крещенскую полночь вода в проруби сама колыхнется, в ней можно увидеть Господне Крещение.

Особой силой обладала, по народному убеждению, и вода, набранная особым образом. Так, за водой ходили ранним утром до восхода солнца, и особенно ценной почиталась вода, набранная утром раньше всех других односельчан («непочатая» вода); при этом воду следовало набрать один раз, не отливая ее из ведра и не зачерпывая вторично, а домой ее нужно было нести в полном молчании (поэтому такую воду иногда называли «немая вода») и так, чтобы никого не встретить по дороге. Дома такой водой умывались, поили больных, кропили скот, ульи, хозяйственные постройки; использовали ее для гаданий. Магическую силу придавали воде также и опущенные в нее растения, монеты, зерно, угли из печи и т.п.

Чудодейственные свойства приписывались воде, которая стекала с колес водяной мельницы или с морды коня после водопоя; которая была набрана из 3, 7 или же 9 колодцев, ручьев или из того места, где сливаются три (реже — два) потока; которая осталась после варки пасхальных яиц; которая была пролита сквозь решето; которой ополаскивали хлебную дежу, иконы, обливали церковный колокол и т.п. Нередко особой силой наделялась и дождевая или грозовая вода (особенно собранная в первую грозу или дождь в году), вода из рек, только что очистившихся ото льда, а также роса, собранная по утру на поле (и особенно собранная в большие праздники). Доброй славой пользовалась и обычная проточная вода: в ней умывались для бодрости и здоровья, ею обливали людей, чтобы у них спорилось дело, и пр.

Во многих местах существовали свои чудодейственные источники, к которым люди ходили для исцеления от болезней и т.п.; при этом иногда считалось, что больной, вымывшись водой из такого источника или выпив ее, либо скоро выздоровеет, либо вскорости умрет. Набирание воды из таких источников обычно сопровождалось различными ритуалами и обрядами. Так, когда ходили за водой к источнику, старались по дороге ни с кем не разговаривать; придя к источнику,

молились на все четыре стороны, после чего вешали на ближайшее дерево какую-либо вещь большого (пояс, нательный крестик, и т.п.). Когда набирали воду, в некоторых местах загадывали, «на живое» или «на мертвое» берут воду: если «на живое» (к выздоровлению больного), то вода в источнике будет неподвижной и свежей, а если «на мертвое» (к смерти), то источник забьет ключом, и вода будет с песком, мутной. Когда набирали воду, то говорили: «Царь водяной и царица водяная, царь земляной и царица земляная, дайте мне водицы на доброе здоровье рабу Божию (имя больного)», и т.п.

Вообще чистая, прозрачная, особенно проточная вода в народном представлении была символом красоты, здоровья, силы, роста и т.п.: так, традиционной формулой благопожеланий у славян было: «Будь здоров, как вода»; водой обливались и умывались для здоровья и красоты; в воде купались в определенные дни, чтобы отвести от себя всякую порчу, и т.д. Обычная чистая родниковая вода, подобно святой воде, могла исцелять: так, например, в некоторых местах в случае болезни (все равно — человека или животного) совершали обряд «отчерпыванья воды»: окачивали водой крест или медный образок, спуская при этом воду на уголья, облепленные воском и ранее опрыснутые богоявленской водой, читая про себя молитвы и поя больных.

Вода использовалась во множестве самых разных обрядов. Так, например, с давних времен над водой гадали: пускали по воде венки, лили в воду воск, опускали в нее крест или даже просто наливали воду в специальную чашу и смотрели в нее. У воды же справляли различные большие праздники, в первую очередь — праздник Купалы. Сосуды с водой выставляли за окна перед кончиной кого-либо из членов семьи: считалось, что в этой воде купается и очищается от плотских грехов душа. Вообще вода, как святая и чистая стихия, обладала, по народному убеждению, способностью смывать все «нечистое» и очищать от грехов и пр.: так, например, в крещенских прорубях с этой целью купались все святочные ряженые; холодной водой «во искупление» обливали всех, проспавших одну из заутреней на пасхальной неделе, работавших в большие праздники и т.д. Водой обливали друг друга и для того, чтобы избежать засухи, а в некоторых местах существовали даже особые праздники — «мокриды», являвшиеся, очевидно, остатками языческих обрядов и связанные, по всей вероятности, с Макошью.

Воду традиционно использовали в обрядах, связанных с беременностью и родами. Так, например, если женщина часто «брасывала», повитуха брала воду из трех источников, наливала ее в глубокую посуду (чаще всего в миску), опускала туда три замка и замыкала их на ключ, затем погружала в воду три веревки и завязывала на них узлы, а потом трижды поила этой водой беременную, полагая, что после этого выкидыши прекратятся. При этом, однако, воду могли использовать и для производства выкидыша: для этого

ставили вниз головой икону и обмывали ее водой из источника, а потом собирали эту воду и тайком выпаивали беременной женщине. Очень часто использовалась вода в обрядах, должествующих облегчить родовые муки женщин и ускорить разрешение от бремени. Так, например, для ускорения родов повитухи нередко обливали водой обручальные кольца мужа и жены, а затем поили этой водой роженицу; с той же целью они sprыскивали роженицу водой, в которой была вымочена «гажья выползина» (кожа ужа) или которой окатили три камешка, взятые из трех различных бань. Свойством облегчать и ускорять роды, по народному убеждению, обладает также вода, которой омыли все замки в доме (и которая «отмыкает все врата и запоры родильницы»); вода, которой окатили первое снесенное курицей яйцо или три обычных яйца с приговором: «Как в курочке яичко не держится, так не лежал бы младенец Христов в утробе рабы Божией»; вода с углей, выскочивших во время топки из печи; вода, которой были омыты все четыре угла стола со словами: «Как на этой доске вода не держится, так бы у рабы Божией младенец Господень не держался ни в костях, ни в суставах», и т.п. В некоторых местах роженицу для облегчения родов опрыскивали и поили водой, налитой в сапог мужа; при этом считалось, что лучше всего будет, если муж предварительно обойдет с этим сапогом вокруг избы. Иногда также считалось полезным поить роженицу водой изо рта мужа; а так как во многих местах считалось, что роды замедляются оттого, что кто-то прознал о них (тогда как день и час родов полагалось держать в строжайшей тайне), то бабка-повитуха порой шла к человеку, который «дознался» о родах, и заставляла его набрать в рот воды и передать ей, а потом уже она, так же изо рта в рот, передавала эту воду роженице. Широко практиковалось и неожиданное окатывание роженицы холодной водой из ковша, чтобы испугать ее и ускорить роды.

Использовалась вода и в других обрядах. Так, например, если оставленная на ночь под открытым небом вода сохраняла к утру чистоту и прозрачность, то это считалось хорошим знаком при выборе места для строительства нового дома; чтоб быстро шла работа, первое изделие обучающегося ремеслу бросали в быстрый ручей, и т.д. Воду препоручали и старые, ветхие, уже непригодные иконы, стершиеся и потемневшие: их запрещалось предавать огню, а следовало с краткой молитвой осторожно «пустить по воде» (обязательно проточной, например, по реке).

С водой было связано и множество преданий. Так, например, многие реки представлялись в легендах живыми существами богатырского склада; широко, например, была распространена легенда о том, как богатырша Непра Королевична (олицетворение Днепра) вступила в богатырский спор на пиру князя киевского с Доном Ивановичем; в единоборстве Дон убил ее каленой стрелой, после чего сам в отчаянии нал на нож, а от крови, потекшей из ран, образовалась «Непра-река». Подобные же рассказы ходили о

разных реках. Весьма распространен был также сюжет об озере, в которое погрузился целый город (в вариантах — церковь, храм и т.д.). Так, например, согласно легенде, в светлых водах лесного озера Светлояр издавна находится город Большой Китеж, чудесным образом укрытый там во времена нашествия Батя; молва уверяла, что благочестивые верующие люди могут слышать звон колоколов, церковное пение и видеть кресты и купола затонувших церквей этого города.

Рытьем колодцев обычно занимались особые мастера, называемые колодезниками. Чтобы вода в колодцах была «и чиста, и пьяна, и от всякого лихого глаза на пользу», колодцы нужно было рыть с Федора Стратилата. Под Федоров вечер (8/21.VI) колодезники ставили на те места, где думали выкопать колодец, «наговоренные» сковороды и оставляли их до утра. С первым солнечным проблеском сковороды снимали и гадали по ним: если сковорода отпотела, покрылась каплями воды, то на этом месте «многоводная жила», здесь можно вырыть хороший колодец; если на сковороде «мало поту земного» — мало и воды; если же сковорода сухая — с этого места нужно уходить, воды тут не добыть вовсе. Считали также, что если наговоренную сковороду намочит дождем, то «все время, до нового лета, спорины не будет».

Водовик — см. Водяной.

Водява, водяная баба, водяная чертовка — см.

Водяница.

Водяник — см. Водяной.

Водяниха — см. Водяница.

ВОДЯНИЦА, водяниха, водява, водяная баба, водяная чертовка и т. п. — женский дух, обитающий в воде (или показывающийся у воды); утопленница из некрещеных (хотя в некоторых местах полагали, что она, наоборот, «утопленница из крещеных»); русалка, чертовка. По некоторым поверьям, водяница — жена или дочь водяного; ее иногда отождествляли с русалкой, чаще всего — с русалкой «страшной», образ которой традиционен для северных и северо-восточных областей.

Водяница представлялась нагой женщиной с длинными распущенными волосами (по некоторым поверьям, именно в волосах заключается ее сила); ее облик схож с обликом русалки. Водяница (водяная женщина) — это персонификация стихийных сил; существо, которое почти не вступает в отношения с человеком, а лишь иногда «проявляет» свое присутствие, возникая и тут же исчезая. Возможно, некогда она были связана с колдовскими действиями у воды, колдовством над водой и стихиями.

По поверьям, живут водяницы преимущественно в лесных и мельничных омутах, но больше всего любят нади под мельницами, где быстрина мутит воду и

вымывает ямы. Под мельничными колесами водяницы вместе с водяными собираются на ночлег или на свои игрища: они плещутся в воде, играют с бегущими волнами, прыгают на мельничные колеса и вертятся вместе с ними; нередко рвут сети или портят жернова. Их можно также увидеть у воды; так, в быличках водяница обычно сидит на камне и расчесывает свои волосы, а при появлении человека тут же исчезает в воде, реже — угрожает человеку, старается утащить его под воду. По некоторым поверьям, водяницы появляются чаще всего там, где мельник «отдал головы людей», т.е. посулил их водяному.

Против водяниц, по народному убеждению, помогает одолень-трава (белая кувшинка) и различные обереги; для того, чтобы водяницы не вредили людям, старались также соблюдать определенные запреты (например, запрет на работу в определенные дни, запрет на кунание в определенное время и т.п.).

ВОДЯНОЙ, водяник (царь-водяник), водовик, водяной дедушка — дух, обитающий в воде; хозяин воды, «водяной царь». В народных поверьях водяной мог быть и живой водной стихией, ее олицетворением, и мифическим хозяином воды, и обитающим в воде нечистым духом (так, водяного нередко именовали водяным чертом, шишком, шутом; в некоторых местах его называли «дедко водяной дьявол»).

Считалось, что водяных великое множество и они есть везде, где есть вода; при этом даже в самом маленьком пруду или ручье есть свой водяной. Охотнее же всего водяные, по народному убеждению, селятся в лесных озерах (в первую очередь в небольших, но глубоких, в уровень наполненных темной, с ржавчиной водой), а также в тех реках, которые «прорезаются сквозь непроницаемые чащи еловых боров и тихо, медленно пробираются в низменностях и впадинах... Сюда, сквозь сеть сплетшихся корней, никогда не проникают солнечные лучи; здесь опрокинутые в воду деревья бурелома никем не прибираются и никому не нужны. Они или делают естественные мосты, или строят самородные плотины и образуют те глубокие, обрывистые омуты, какие намеренно устраиваются около мельниц». При этом в одном водоеме водяных может быть несколько; они могут жить семьями, и среди них может быть старший водяной и подвластные ему водяные-утопленники. Вообще водяные, по народному убеждению, распоряжаются определенными территориями в воде и могут даже распределяться «по погостам», «по церковным приходам» и т.п.

Любимыми местами водяного крестьяне считали тихие и глубокие места на реках, где водятся крупные щуки и сомы. Так, по поверьям, водяные особенно любят селиться под водяными мельницами (там, где быстрина мутит воду и вымывает ямины) или в зарослях тростника и осоки, а также в глубоких и опасных местах на реках, в омутах, в народе называемых «темными», в водоворотах рек, прудов и озер, на дне водоемов в ямах, над которыми «вертит воду» (такие

места называли «чертовыми домовищами»), и т.п. Иногда также верили, что жилище домового находится где-то глубоко под землей; водяной уходит туда через отверстия в русле, а эти таинственные отверстия бывают во всяком озере.

В народных поверьях водяной мог выглядеть почти как человек; однако считалось, что он почти всегда имеет какое-то характерное отличие от обычного человека. Так, водяной часто представлялся безобразным стариком большого или очень маленького роста, иногда востроголовым и с длинными ногами. В различных поверьях он голый или замotan в тину, реже — одет в красную рубаху; у него большой вздувшийся живот и опухшее лицо; он косматый, с бородой до колен; на голове у него шапка из куги (безлистного водяного растения). В некоторых местах полагали, что водяной выглядит как человек, только «почернее наших будет»; его описывали как мужика, который «с лица черен, а голова как сенная копна». Иногда верили, что водяной может обернуться ребенком, «недоросточком с пестрыми волосами». В одной из быличек его описывали как горбоносого старика с длинными, до пят, вклокоченными волосами и бородой по пояс; «глаза так и искрятся, как звезды, то затухнут, то загорятся»; «сам такой грязный, зеленый, волосы как бодяга». По некоторым поверьям, возраст водяного меняется в зависимости от луны: при молодой луне он выглядит молодым мужчиной со свежими и зелеными, как водоросли, волосами, а на исходе луны превращается в старика с белыми, седыми волосами.

Кроме того, водяной, по народному убеждению, мог принимать вид получеловека-полурыбы; так, про водяного говорили, что у него «голова человечья, передние руки есть, а вместо ног рыбий хвост». Водяной-полурыба в некоторых местах имел особое название — навпа или павпа; кроме того, таких водяных иногда называли фараонами.

Водяной мог показываться серым чудовищем или иметь смешанный облик. Так, иногда считалось, что у водяного собачьи ноги и туловище с шерстью, как у выдры; перепонки между пальцами рук и ног; лапы с длинными пальцами; хвост и рога на голове; гусиные лапы; горящие, как уголья, или большие (с человеческую ладонь) и красные глаза; черная рыба чешуя по всему телу; коровье брюхо и коровьи или лошадиные ноги; тело, сплошь заросшее густым мхом и травой; черный нос величиной с рыбацкий сапог и т.п.

В некоторых местах образ водяного очень сильно сближался с образом черта. Так, например, водяного нередко описывали как мужика, очень широкого в плечах, с длинными и тонкими ногами; в рассказах у него иногда бывают небольшие рога, тело покрыто чешуей; хвост «четверти три длиною»; пальцы рук и ног очень длинные, с кривыми, крепкими ногтями, а между пальцами перепонки. Он мог принимать вид черного, обросшего волосами («он мохнатый, как метла») человекоподобного существа с рогами, хвостом и когтистыми лапами.

Образ водяного иногда сближался и с образом лешего. Так, в некоторых местах верили, что «видом своим он подобен лешему, только шерсть на нем очень лохматая и белого цвета»; «образом своей жизни он вполне подобен лешему, только леший царствует в лесу, а водяной — в воде», и т.п. Согласно многим поверьям, водяной — «нагой старик, весь в тине, похожий своими обычаями на лешего, но он не оброс шерстью, не так назойлив и нередко даже с ним бранится... от их драки по лесу идет грохот, треск падающих деревьев и плеск волн».

В некоторых местах облик водяного слит с обликом реки, в которой он обитает: пена — это его борода или слюна, которая бежит изо рта; тина — «это волосья евоныи, от как осерчает, так и зачнет волосы-то выдирать с головы да с бороды, только ключья летят». Сучья топляков — это гребень водяного: «Он лохматый-прелохматый, волосья-то предлинные, длинные... Станет он свои кудри расчесывать чесалом, ну и запутляется, потому горазд кудрявый уродился... Сучья-то чесало самое и есте, ему таким не дойдет, как у нас бабы да девки чешутся, потому башка больно неохватиста, что твой котел... Ну вот, как он это чесанет себя с сердцов-то... волосья на сучьях и останутся. Он вытащит-то прядь, а на место ее чуть что не копна вырастет».

Согласно поверьям, водяной иногда подражает звукам, издаваемым человеком или животными — кричит, визжит, стонет, свистит, ухает, бухает, воеет, верещит и т.п. По некоторым поверьям, если водяной кричит выпью, значит, он переключается с лешим. Вообще же водяного повсюду считали оборотнем и верили, что он не только подражает голосам, но может также и менять свой облик, прикидываясь бревном, лошастью, собакой, быком, лягушкой, коровой, свиньей, утопленником и т.д.; в некоторых местах верили также, что он может принимать облик толстого бревна с небольшими крыльями и летать над водой. По некоторым поверьям, водяной превращается в кого-либо преимущественно днем, а ночью приобретает свой настоящий облик (превращается в уродливого старика ит.п.).

Наиболее часто водяной, по народному убеждению, принимает облик рыб: налима, сома или вообще громадной рыбы, огромной обомшелой щуки и т.п.; свойствен ему и облик водоплавающих птиц: лебедя, селезня, гуся и т.п. При этом считалось, что водяного-оборотня нередко можно узнать по необычному поведению, какой-либо неправильности во внешнем облике и т.п. Так, например, считалось, что водяной может обернуться щукой без «наросного пера», а также обомшелой щукой, которая, в отличие от обычных рыб, «держит морду не против течения, а по воде».

По некоторым народным поверьям, водяные — это проклятые родителями дети или заложные покойники: иногда также считали, что в водяных «поделались фараоны». По другим же, более поздним по своему происхождению представлениям, водяные — это дети

черта или Адама и Евы (те, которых Адам спрятал от Бога); осколки камней, которые Бог, создавая мир, ударял один о другой; сброшенные с неба ангелы и т.п.

Водяной как живая стихия воды нередко ведет себя почти так же, как озеро, река или другой водоем. Так, считалось, что когда вода в реке плещет — это водяной играет, а когда вода рябит — это водяной сердится; наводнение — это свадьба водяных, а мутный вал, несущийся по реке, — это их лошади и т.д. Иногда считалось, что водяной способен подняться над землей тучей и может создавать новые реки и озера, двигать острова и т.д.

По некоторым поверьям, у себя под водой водяной живет почти так же, как человек: он имеет свой дом, семью, скот и т.д. Однако нередко также считалось, что собственно дома у водяных нет, а живут они где придется: на дне водоемов, в ямах, под корягами, в подземных норах и т.д. В некоторых местах Великобритании верили, что водяные имеют хрустальные палаты, украшенные золотом и серебром из потонувших судов, а также камнем «самоцветом», который освещает эти дворцы и все морское дно ярче солнца; однако такие поверья относились преимущественно к морским водяным, а водяные северных холодных лесов, обитающие в реках и озерах, в поверьях «вместо всяких хрустальных палат с серебряными полами и золотыми потолками довольствуются песчаным полом обширных водоемов, где за канделябрами отлично сходят ветровал и с сухими ветвями, ветвистые еловые комли вместо портьер, а трухлявые колоды, обмазанные холодной глиной, — вместо оттоманок».

Согласно поверьям, у водяного могут быть жена и дети. Женами водяных, как правило, считали утопленниц или «отсуленных» водяным девушек. Женятся водяные, по народному мнению, во время половодья (после таяния снегов или проливных дождей), а от их свадьбы буйствует река. В некоторых местах существовали бы лички и о детях водяного: так, рассказывали, что рыбаки, ловя рыбу неводом, иногда сетями вытаскивают из воды детей, которые резвятся и играют, находясь в воде, и плачут, томятся, если их вносят в избу. Однако в некоторых местах полагали, что у водяных не бывает своих детей, и поэтому они увлакивают к себе купающихся ребятшек.

Питаются водяные, по некоторым поверьям, трупами утонувших животных (реже — людей), а также раками, «голыми рыбами» (т.е. налимами, угрями и т.п.) и теми подношениями, которые оставляют им рыбаки, мельники и т.д. По народному убеждению, водяные, как и всякая «бесовская сила», любят задавать пиры и созывать на них всех своих родичей из ближних и дальних водоемов. Любят они после этих пиров еще играть в азартные игры и доигрываются до того, что проигрывают и воду, и рыбу и себя самих «кабалют».

На зиму водяной уходит в свое подземное жилище или просто в какое-либо глубокое место, где вода не промерзает до дна; там он остается до весны, до той

поры, пока лед на реках и озерах не станет таким тонким, что его можно будет разбить. Спит водяной обычно до Никиты Вешнего (16.IV) или до той поры, пока с реки или озера, в котром он обитает, не сойдет лед.

Крестьяне верили, что днем водяной по большей части прячется на глубине, а ночью ездит по реке на коряге или на коме, которого в народе называли «чертовым конем» и, поймав его, никогда не бранили, чтобы не услышал и не отомстил его хозяин. Водяной любит по ночам плескаться, шуметь, хлопать по воде; в лунные ночи он всплывает на поверхность реки или озера, качается на воде и при этом беседует сам с собой. Рассказывали, что водяной нередко выходит из воды на какой-либо мостик и умывается, расчесывает свою длинную бороду. В некоторых местах верили, что водяной иногда ходит среди людей; так, водяных иногда считали пьяницами и верили, что они очень любят ходить по шинкам, пить водку и играть в кости и т.п. Однако водяного, какой бы облик он ни принял, всегда можно узнать, потому что с левой полы его постоянно капает вода, а место, где он сидел, всегда будет мокрым; если он начнет расчесывать волосы, то с них также будет струиться вода, и т.п.

По народным поверьям, водяной властвует над всей рыбой в своем водоеме; он может переманить всю рыбу к себе из других рек, может также перегонять рыбу (а также раков, лягушек и вообще всю водную живность) из одних мест в другие, подобно тому, как леший перегоняет с места на место зверей. Рыбаки верили, что если водяного не задобрить или, того хуже, рассердить, то он прогонит всю рыбу и набьет сети речной травой; если же приносить ему подарки, то он нагонит в сети много рыбы.

Считалось также, что у водяных есть свои стада коров, лошадей, свиней и овец, которых они по ночам пасут на прибрежных лугах. Коровы и кони водяного, по народному убеждению, обладают чудесными свойствами: так, верили, что его коровы дают молока вдвое или втрое больше, чем обычные коровы, а кони обладают необыкновенной красотой и выносливостью. Считалось, что можно иногда отбить от стада водяного нескольких животных и оставить их себе, можно даже получить все стадо; для этого нужно только успеть обежать коров или лошадей с иконой. Однако в некоторых местах полагали, что подходить к стаду водяного опасно, так как он может подчинить себе человека и насильно завербовать его к себе в прислужники.

В народных быличках и рассказах водяной, как правило, враждебен человеку, хотя может иногда помогать людям (особенно рыбакам и мельникам), водить их к себе в гости и т.п. Водяной может оберегать или, наоборот, топить пловцов; может подшутить над ними или напугать, прикинувшись утопленником или большой рыбой, хлопая ладонями по воде, булькая и т.п. Кроме того, по народному убеждению, водяные нередко вредят скоту: ночью, выходя из воды «проказить», они могут оседлать быка, корову или лошадь, пасущихся на берегу, и в этом случае животные,

которых оседлал водяной, станут подвластны ему и вскоре «либо в озерных берегах завязнут, либо в озерной воде потонут». По некоторым поверьям, водяной забирает таких животных себе, чтобы съесть или причислить их к своему подводному стаду.

Повсеместно считалось, что водяной, рассердившись, может прорвать плотину, сломать мельницу, разогнать и выпустить из невода рыбу и т.п. Он, как и леший, не любит лишнего шума и свиста; если кто-то свистит на реке, плывя в лодке, он опрокидывает лодку и топит пловца, а если свистит идущий по берегу человек, то водяной выпрыгивает из воды, хватая его с берега и утягивает в реку на дно. Считалось также, что водяной не переносит, когда у воды упоминают зайца, медведя, пона или дьяка, а также Господа Бога; так, в быличках водяной за то, что рыбаки поминали Господа, угнал у них всю рыбу из сетей.

Водяной мог наказывать за нарушение различных запретов. Так, например, рыбаки верили, что если невод вязан в праздники или плохо починен, то водяной может порвать его и спутать; если человек ловил рыбу в те дни, когда это запрещено, то водяной может утопить его или порвать сети, разогнать улов и т.п. Водяной мог утопить человека и за то, что тот побеспокоил его или чем-то навредил ему (например, шумел или упоминал водяного у воды или на воде). Считалось также, что водяной может утащить к себе того, кто купается без креста или не перекрестившись, без молитвы или в неурочное время, т.е. после заката солнца («какое теперь купание, теперь водяной зажил»), в полдень или в полночь, вообще ночью и т.д. Особенно же опасным временем для кунания считалась неделя перед праздником Илии Пророка, Петровская неделя и время летнего солнцестояния (Иванов день), а также время цветения ржи; считалось, что в это время водяной «ищет себе жертв и топит много народу, в особенности детей».

Нередко считалось также, что водяной утаскивает к себе тонущих, а иногда и просто плавающих людей. Во многих местах верили, что утопленник утонул не сам собой, а его утопил водяной; говорили, что люди более всего тонут там, где есть «чертовы домовища». Во многих местах рассказывали про утопленников, которых долго не могли вытащить из воды, так как на них сидел водяной в облике лебедя, селезня и т.п. В некоторых местах верили, что водяной иногда дает знать, что кто-то утонет: он плещется на том месте, где должен утонуть человек, иногда при этом приговаривая: «Есть рок, да человека нет», и т.п. Однако даже предупредительный появлением водяного человек невольно идет навстречу судьбе и погибает.

По народным поверьям, водяной сперва утягивает человека под воду, а потом заверчивает его до смерти, свовывает его под камень или под корягу, свертывает голову, обдирает или совсем сдирает кожу и т.п. Натешившись с утопленником, водяной обычно выбрасывает тело. При этом иногда считалось, что тело, которое водяной выбросил, — это «обмен», а настоящего

человека водяной оставляет себе. Для того, чтобы отыскать местонахождение тела утопленника и отобрать его у водяного, в некоторых местах прибегали к такому способу: пускали по воде деревянную чашку с тремя восковыми свечами, прикрепленными по краям, полагая, что она, погрузившись, остановится как раз над тем местом, где лежит утопленник.

Пойманных людей водяной, по поверьям, навеки обращает в «кабальных рабочих»: он заставляет их переливать воду, таскать и перемывать песок, насти стада рыб и т.д. Некоторые из этих людей могли через какое-то время стать младшими водяными, прислуживающими старшему водяному царю. При этом в некоторых местах верили, что у водяного есть слуги, которые ходят по земле и сманивают людей к прорубям, мельницам и другим опасным местам, и при этом всегда «отводят» людям глаза; пристают они к людям по большей части тогда, когда те идут «не за хорошим делом», т.е. воровать, пить водку в кабак, на посиделки и т.п. Утонувший человек становится слугой, рабом водяного; иногда верили, что слугой он останется до тех пор, пока не даст за себя выкуп, т.е. пока сам не утащит своему хозяину кого-либо из людей. Но и после этого он не покинет подводного царства, а сам станет водяным.

Покровительствует водяной, по народным представлениям, лишь рыбакам, мельникам и пчеловодам, да и то не всегда. Про некоторых мельников и рыбаков в народе рассказывали даже, что они в дружбе с водяным, нередко ходят друг к другу в гости и даже ночуют друг у друга (так, во многих местах бытовал сюжет о мельнике, ночующем у водяного под водой). Однако при этом считалось, что если водяной разгневется, то его гнев в первую очередь надет на тех, кто окажется ближе к нему и доступнее, то есть на тех же мельников и рыбаков. По этой причине люди, зависящие от водной стихии, всегда старались задобрить водяного и расположить его к себе, надеясь, что благосклонный «водяной хозяин» обережет их от бед, связанных с их профессией, и поможет в работе. Умиловительные жертвы водяному приносили чаще всего при постройке плотин или мельницы, с началом рыболовецкого сезона и пр.; жертвоприношения совершались также весной и осенью, обычно на Николины дни (22.V и 19.XII) и на Никиту-гусятника (28.IX).

В первую очередь добиться расположения водяного старались, конечно, рыбаки, чье благополучие напрямую зависело от улова рыбы, а следовательно, и от водяного. По народному убеждению, удачливым рыбакам «сам водяной рыбу в сети загоняет»; удача или неудача рыболовов всегда находится во власти водяного. Поэтому бывалый рыболов, отправляясь на промысел, всегда придерживался определенных правил, например: навязывал себе на шейный крест траву Петров крест (заячий горошек), чтобы «не изурочилось» (т.е. чтобы злой водяной дух не появился и не испортил всего дела): стремился выйти из дома тайком, чтобы никого не встретить по дороге, и не отвечал на

вопрос встречного, что он идет ловить рыбу (так как водяной, по народному убеждению, «любит секреты и уважает тех людей, которые умеют хранить тайны»); старался не упоминать у воды зайца, не шуметь и т.д. Желая добиться расположения и покровительства водяного, рыбаки приносили ему жертвы: бросали в воду первую пойманную рыбу, лапти или сапог (приговаривая: «На тебе обутку, загоняй рыбку»), щепотку табака (со словами: «На тебе табачку, а нам дай рыбки») и т.д. Некоторые рыбаки, желая угодить водяному, даже подкуривали снасть богородской травой, а также бросали в воду трупы различных мелких животных и т.п. (т.е. приносили те же жертвы, что и мельники или вообще люди, желающие задобрить водяного).

Мельники, по народному убеждению, приносят водяному многочисленные жертвы, без которых у мельника «и мельница стоять не будет». Так, в праздники, во время постройки мельницы, а также в те дни, когда особенно требовались помощь и расположение водяного духа, мельники бросали водяному в воду самые разные жертвы: гусей (любимых птиц водяного), черных свиней, муку с водой в хлебной чашке, дохлых животных (непреренно в шкуре), бараньи или петушиные головы, лошадиный череп, масло, шило, мыло, сало и т.д.; лили в воду водку и т.п. Во многих местах считалось даже, что некоторые мельники, желая заслужить расположение водяного, приносят ему и человеческие жертвы, подкарауливая и сталкивая в омут какого-нибудь запоздалого путника. Особенно заботливые мельники приносили водяным жертвы даже ежедневно (правда, как правило, мелкие, — например, крошки хлеба, оставшиеся на столе от обеда). Помимо этого, многие мельники носили при себе шерсть черного козла (который, по народному убеждению, является любимым животным водяного), а также держали на мельницах различных животных черной масти, в первую очередь — черных петухов и кошек. Черного же петуха при постройке новой мельницы зарывали живьем вместе с тремя «супорыжками» (стеблями ржи, случайно выросшими с двумя колосьями) под тем бревном, где намеревались делать дверь мельницы.

Особым было отношение к водяному пчеловодов. Собственно, само происхождение пчел в народных легендах иногда связывалось с водяным: так, по некоторым поверьям, первые пчелы некогда «отроились» от лошади, которую заездил и бросил в болоте водяной. По народному убеждению, обычно водяной пчелам не вредит; но «когда водяному станет в воде душно — он ломает лед, вода прибывает, делается разлив»; этот разлив может затопить пчельник, а, кроме того, в воздухе из-за него накопится излишняя сырость, вредная для пчел: «ко всему выносливо Божье созданыице, но нескольких капель косога дождя достаточно для того, чтобы погиб целый улей». Для того, чтобы предотвратить большие разливы, пчеловоды старались задобрить водяного тем, что «кормили» его

свежим медом (иногда даже бросая в воду соты с медом первой нарезки фунтов по 5-10 зараз) и одаривали воском, понемногу из каждого улья, накануне Спасова дня (Преображения Господня) ночью, до первых петухов. В это же время некоторые пчеловоды приносили водяному и другую жертву: топили первый рой («первак») в болоте. При этом нередко считалось, что если водяного одарить щедрыми подношениями, то он в благодарность даст пчеловоду кукушку, которую следует посадить в отдельный улей и поставить его где-нибудь в стороне, чтобы его никто не видел и не открывал, так как в этом случае птица улетит, а за нею улетят и все пчелы. Пока же птица находится в улье, пчел будет много и они будут давать много меда; однако, по народному убеждению, мед от пчел, которых «напускает» водяной, бывает плох на вкус, водянистый и не столь сладкий, и даже соты у этих пчел бывают другие (у обычных пчел луночки в сотах выходят крестиками, а пчелы водяного строят соты кружочками).

Во многих местах жертвы водяному приносили не только мельники, рыбаки и мельники, но и вообще люди, живущие близ воды и, таким образом, зависящие от водяного. Так, например, крестьяне, чьи поля могла затопить вода, старались умиловить водяного и отвратить его гнев различными жертвоприношениями; жертвы иногда приносили и в тех случаях, когда в реке или в озере начинало тонуть много людей (причиной чего считали гнев водяного).

Традиционной умиловительной жертвой водяному повсеместно считалась лошадь; при этом в жертву приносили не только дохлых, но и живых лошадей. Лошадь для жертвоприношения водяному покупали «всем миром» и при этом никогда не торговались; после покупки три дня откармливали лошадь хлебом, потом надевали на нее два жернова, голову ей обмазывали медом, в гриву вплетали красные ленты и в полночь опускали ее в прорубь или топили среди реки. Возможно, разновидностью этого обряда являлся обычай закапывать в основание плотины лошадиный череп с целью «утихомирить водяного деда», чтобы он не разрушил плотину.

Очевидно, некогда водяному приносили и человеческие жертвы. Остатками этих жертвоприношений является, например, обряд «умиловления Онежского озера». Для свершения этого обряда каждый год накануне зимнего Николы перед всенощной из каждой рыбацкой семьи к известному месту собирались старики; на берегу они делали соломенное чучело, похожее на человека, одевали его в портянки и рубаху и в дырявой лодке отправляли в озеро, где чучело и тонуло вместе с лодкой. В это время два-три старика пели песню, в которой просили озеро принять жертву.

Если водяной сильно «шалит», ради шутки рвал сети и вообще всячески досаждал, его могли попытаться не только задобрить, но и припугнуть или даже изгнать, удалить как можно дальше. Так, по народному убеждению, водяной, как и другая нечистая сила,

Воздвиженье

боится креста, молитвы, колокольного звона, освященных предметов и т.п., и этими средствами его можно отогнать. В некоторых местах верили также, что водяной боится грозы, а молния убивает его.

По народным поверьям, знахари способны выжить водяного, высыпая по утренним и вечерним зорям в воду по мешку золы. В одном из рассказов Олонецкой губернии водяного выжили из озера с помощью водосвятя: «... Нашелся один мудрый человек из стариков-отшельников, живших в лесной келейке неподалеку. Он и подал им добрый совет: «Надо, говорит, иконы поднять, на том берегу Миколе-угоднику помолиться, водосвятной молебен заказать и той святой водой побрызгать в озерную воду с кропила». Послушались мужички: зазвонили и запели... Поднялся бурный ветер, всколыхнулось тихое озеро, помутилась вода — и всем стало понятно, что собрался водяной хозяин вон выходить... И что этот черт понаделал! Он плывет, а за ним из озера целый поток уцепился, и вода помчалась, как птица полетела, по стоячим лесам и по зыбучим болотам, с шумом и треском (сделался исток из озера в реку)».

К водяным, как и ко многой другой нечистой силе, иногда обращались во время гаданий. Так, согласно народному поверью, если сесть у проруби на воловью, коровью или конскую шкуру и очертиться кругом от проруби огарком, то водяные, выскочив в полночь из проруби, подхватят кожу и стремительно понесут сидящего на ней туда, куда он загадает (например, в дом будущего жениха и т.д.). Однако считалось, что водяные захотят «присвоить» себе гадающего человека и при возвращении обратно полетят к проруби «с великим стремлением», чтобы нырнуть обратно в воду вместе с гадающим. Гадающий же, чтобы снасти себя, должен перед самой прорубью зачураться, т.е. сказать: «Чур сего места!» и т.п.

ВОЗДВИЖЕНЬЕ — праздник Воздвижения Креста Господня (14/27.IX), один из двенадцатых церковных праздников. Согласно легенде, после распятия Христа римские императоры-язычники пытались полностью уничтожить само воспоминание о священных местах, связанных со смертью и воскрешением Господа; для этого один из этих императоров, Адриан, приказал даже засыпать Голгофу и Гроб Господень землей, а на искусственном холме поставить капище языческих богов. Однако, несмотря на это, через 300 лет великие христианские святые были снова обреты христианами и открыты для поклонения. Произошло это при императоре Константине Великом, прекратившем гонения на христиан. Увидав на небе знамение Божие — Крест с надписью «Сим победиши», Константин задался целью отыскать Крест, на котором был распят Иисус, и с этой целью направил в Иерусалим свою мать, царицу Елену. Один старый еврей открыл ей, что Крест спрятан под языческим капищем; капище разрушили и обнаружили под ним Гроб Господень, а неподалеку от него — три креста, дощечку с

надписью, сделанной по приказу Пилата, и четыре гвоздя, пронзившие некогда тело Господа. Чтобы узнать, на каком из трех крестов был распят Спаситель, патриарх Макарий поочередно возложил каждый из найденных крестов на покойника, и когда был возложен Крест Господень, мертвец ожил. Елена привезла в Константинополь Животворящее Древо и гвозди, а Константин повелел воздвигнуть в Иерусалиме храм в честь Воскресения Христова, включавший в себя Гроб Господень и Голгофу. Храм был освящен 26 (13) сентября 335 года, а на следующий день установлено было празднование Воздвижения Честного и Животворящего Креста. На Руси верили, что в этот день, как и на Пасху, солнце, радуясь знаменательному событию, «здвигается», т.е. играет, переливается всеми цветами радуги.

Впрочем, далеко не весь простой народ представлял себе, в чем состоит истинный смысл и значение церковного праздника Воздвижения. В крестьянской среде этот праздник воспринимался, в первую очередь, как начало осени и связывался со всеобщим движением земли (ее обитателей, некоторых предметов) и сменной времен года; так, народные присловья, поговорки и т.п. об этом дне говорили: «Воздвиженье кафтан сдвинет, шубу надвинет» (или: «На Воздвиженье кафтан с шубой сдвинулся и шапка надвинулась»), «хлеб с поля на гумно сдвинулся» (примерно в это время оканчивалась уборка хлеба и начиналась молотья), «земля с лета на зиму сдвинулась», и пр. Сам праздник Воздвижения в народе нередко именовался «Сдвижением».

По народным поверьям, на Воздвиженье птицы «сдвигаются» в отлет, направляясь на зимовку в Вырий.

Змеи и вообще все «гады» в этот день также отправляются на зимовье: они выходят на открытые места или забираются на деревья, чтобы напоследок погреться на солнце, сплетаются в один большой клубок, а затем прячутся под землю, которая затем замыкается до Благовещения (или Юрьева дня, дня св. Руфа, 8. IV). В некоторых местах рассказывали, что все змеи на Воздвиженье сползают в одно место, к своей матери, где и проводят всю зиму, вплоть до первого весеннего грома, который «открывает» землю и позволяет всем гадам выползти на белый свет. При этом считалось еще, что, помимо подземных пещер, змеи могут уйти и под воду, поэтому с этого дня купаться запрещалось.

Со всеми этими поверьями о змеях, уходящих на зимовку, связывалось немало народных обычаев. Так, например, на весь праздник Воздвижения хозяева тщательно запирали ворота, двери и калитки, опасаясь, что гады, ползущие к своей «матке» в чрево матери-земли, заползут, по ошибке, на двор и спрячутся там под навозной кучей или в соломе. Впрочем, быть укушенными в этот день крестьяне, как правило, не боялись, так как считалось, что змеи, начиная с Воздвижения, не кусаются, ибо за этот грех они будут строго наказаны: любую змею, ужалившую человека в

Воздух

это время, земля, по народному убеждению, не примет, и она будет обречена всю осень до первого снега и даже по снегу ползать, не находя себе места, пока ее не убьют морозы или не проткнут мужичьи вилы. По народному мнению, на Воздвиженье человека в лесу может подстергать другая беда: так, во многих местах были известны рассказы о том, как человек, нарушивший запрет ходить в лес в этот праздник, провалился вместе со змеями под землю и остался в подземных вертепах до весны, пока земля вновь не «отворилась».

Запрет этот имел и еще одно основание. Так, согласно поверьям, на Воздвиженье под землю проваливаются не только гады, но и многие «нечистики», в первую очередь, лесные духи. Так, считалось, что в этот день лешие, перед тем, как провалиться сквозь землю, бесятся и сгоняют в одно место все подвластное им зверье, устраивая своеобразный смотр перед наступающей зимой; в некоторых русских областях Воздвиженье почиталось даже «особым днем для лешего» или «игрищем у медведей» (медведь в этот день залегает в берлогу). А так как лешие в этот день особенно злы, то могут, по народному мнению, навредить человеку, оказавшемуся в их владениях: в лучшем случае просто побьют его, а то и вовсе отправят на «тот свет». Все эти причины заставляли крестьян избегать леса в этот праздник; однако некоторые смельчаки все-таки отправлялись в лесные дебри, так как в некоторых местах считалось, что в этот день в лесу можно завладеть рожками змеиного царя, обладающими, по поверью, большой силой.

Воздвиженье во многих местах считалось пограничной датой для начала или окончания различных работ, например, сева озимых, уборки кукурузы, сбора фруктов, посадки деревьев и пр. В некоторых местах на Воздвиженье собирали и освящали в церкви различные растения, почитая их как целебные. С Воздвиженья начинали рубить капусту, причем нередко делали это сообща: так, например, во многих местах, особенно в Сибири, на «капустку», т.е. рубку капусты, женщины приглашали соседок, а те, являясь в дом, поздравляли хозяев с капустником, как с праздником. Капустник нередко служил поводом к вечеринкам: хозяева варили пиво и приготавливали ужин (главным блюдом которого был пирог, ср. поговорку: «У доброго мужика на Воздвиженьев день и пирог с капустой»), обычно заканчивающийся песнями и плясками.

Вообще, капустники воспринимались в народе как небольшие хозяйственные празднества. Молодежь устраивала около Воздвиженья особые вечеринки, посиделки, также именуемые «капустниками»: такие «капустенские вечера» длились обычно две недели, начиная с Воздвиженья. В некоторых же губерниях в честь «капустников» даже затевалось своеобразное колядование: девушки в своих лучших нарядах собирались где-нибудь и начинали с песнями ходить из дома в дом, получая повсюду какое-нибудь угощение, которое потом съедалось на посиделках.

К Воздвиженью приурочивались многочисленные обычаи, а также гадания о погоде и плодородии. Так, например, на Воздвиженье священник совершал обходы домов и полей с молитвой о будущем урожае; во многих местах вдобавок к этому устраивали еще крестный ход вокруг деревни, полагая, что этим село ограждается от всякого лиха на целый год. Предписываемый в день Воздвиженья пост соблюдался крестьянами ради защиты домашней скотины от медведей и волков. В некоторых местах, например, на Русском Севере, на Воздвиженье совершались и различные очистительные обряды, такие как обряд «прогона мух» и т.п.

ВОЗДУХ — среда, представления о которой нередко были близки к представлениям о ветре, вихре и пр.

Воздух у славян ассоциировался с дыханием, дуновением, душой, ветром. Например, крестьяне верили, что в виде пара, воздуха или дыма душа умершего покидает тело (об агонии человека говорили: «дух вон» или «нар вышел»); причем считалось, что воздух, нар, исходящий от покойного, может быть опасен для окружающих. В некоторых быличках рассказывалось, как прохожий увидел над свежей могилой нар, принимающий образ женщины в белом платье, столба (иногда огненного, воздушного) или самого усопшего; это привидение в рассказах нередко преследует человека, когда ветер дует тому в спину, а догнав, садится на пленника и убивает. Считалось, что для того, чтобы спастись от духа, нельзя останавливаться; следует ударить его наотмашь, бежать против ветра и прятаться за угол; можно также «разветать» его одеждой, особенно белым платком.

Представления о душе в виде воздуха, пара объясняли многие обычаи и обряды, проводимые во время или спустя некоторое время после смерти человека. Например, в некоторых местах сразу после кончины все домашние выходили из дома, оставив открытой печь, чтобы «воздух пошел наверх» (т.е. чтобы душа вышла из тела и отправилась на небо). Православные верили, что души умерших поднимаются в воздух и пребывают там в течение сорока дней, после чего летят в высшие сферы, на суд к Богу; с этим представлением был связан обычай «поднимать воздух» на сороковой день после смерти. Иногда этот обряд проводили на могиле покойного после его поминовения: присутствующие брались за углы скатерти и три раза поднимали ее вверх со словами: «Тело в яме, душа с нами, мы до дому, душа — в гору!»

Воздух обычно представлялся чистой средой, в которой пребывают «дзяды» и добрые духи, ангелы и пр.; однако в то же время в некоторых случаях воздух мог восприниматься и как «нечистая» среда, служащая для передачи болезней и являющаяся местом постоянного или временного пребывания злых духов. Например, воздух служил средой, через которую ведьмы и колдуны насылали порчу; через воздух могла распространяться повальная болезнь, мор. Многие

Вознесение

демонологические персонажи (в том числе и болезнь), по народным поверьям, обитали именно в воздухе и имели облик пара, ветра, воздушного столба, густого дыма, газа, вихря и т.п. Кое-где считалось, что ведьма, выпив чудесную жидкость, становится легкой, как пух, и носится с ветром по воздуху; в воздухе же находятся и вторые, нечистые души двоедушников, а также стихийные духи, вызывающие сильный ветер, вихрь, смерч, который может поднять человека в воздух и сбросить вниз, растерзать в воздухе и т.д. Сам воздух иногда считался ядовитым; при этом появление такого «нечистого» воздуха крестьяне связывали обычно с моментом полного затишья, затмением луны и т.д.; и чтобы «не ухватить» этого воздуха, люди, оказавшиеся в этот момент под открытым небом, иногда падали лицом вниз на землю, закрывали себе рот и нос и т.д.

ВОЗНЕСЕНИЕ — праздник Вознесения Господня, день, в который, согласно легенде, Господь вознесся на небо; праздновался он в сороковой день после Пасхи и приходился на четверг шестой Пасхальной недели. Согласно поверьям, в этот день над каждой церковью разверзается небесная твердь, а некоторым благочестивым людям, доживающим на земле последний год жизни, от Бога дано видеть, как из разверзшихся небес к главному церковному яблоку опускается небесная лестница, по которой сходят ангелы и все небесные силы, становятся в два ряда по бокам лестницы и ожидают Христа, который вознесется на небо с земли в тот момент, когда в церкви ударят в колокол. Вместе со Спасом на небо возносятся и все земные обиды, поэтому в этот день, по народному убеждению, прощаются все сотворенные за год грехи.

К Вознесению в народе приурочивались самые разные обряды, обычаи и приметы. Так, например, в некоторых местах считалось, что утром на Вознесение Мать — Сыра Земля плачет по удаляющемуся от нее Спасу обильной росой; считалось, что роса эта наделена удивительными целебными свойствами, поэтому знахарки собирали ее с цветов на поемных лугах и хранили долгое время в убеждении, что «если знать слово заветное да пошептать его над вознесенскою росой, да выпить болящему дать — всякое лихо как рукой снимет».

На Вознесение у крестьян принято было печь пироги с зеленым луком, а также «лесенки» из ржаного теста — символ восхождения на небо (при этом в некоторых местах к ним прибавляли еще особое печенье — сочни с овсяной крупой, называемые «христовыми окутками» — всегдашней принадлежностью всякой крестьянской обуви, неизбежной при хождениях и восхождениях). «Лесенки» делались обязательно с семью перекладками, как бы ступеньками, по числу семи небес апокалипсиса. Ими лакомились во время праздника, а также использовали в различных обрядах. Так, ранее эти пироги и лесенки освящали в церкви, относили на колокольню и бросали вниз на землю, при этом гадая о том, на какое из семи небес суждено

будет попасть после смерти гадающему: если все ступеньки оставались целы, это указывало гадалщику прямой путь на небо; если же лесенка разбивалась на мелкие кусочки, то этим как бы указывала на страшного грешника, которому не суждено попасть ни на одно небо. Впрочем, со временем это гадание весьма упростилось и стало заключаться в том, что гадающие просто бросали испеченные лесенки на пол, около печи, в которой их готовили. Использовались лесенки и по-другому: их выносили на ниву и ставили по одной в каждом углу загона, считая, что от этого рожь станет расти быстрее и урожай будет богаче; делали это с молитвой и непременно тайно, чтобы никто посторонний не увидел и «не сглазил».

Вообще, с Вознесением, как и с другими праздниками весеннего цикла, было связано немало обрядов, касающихся будущего урожая и, в частности, роста и плодородия нив. Во многих местах около Вознесения начинало колоситься жито (примерно в это же время обычно замолкает кукушка, отчего в народе говорили: «Кукушка подавилась житным колосом»); поэтому крестьяне, естественно, старались так или иначе воздействовать на растущую рожь. Так, например, в некоторых местах к Вознесению приурочивался такой обряд: девушки (парни к этому обряду ни в коем случае не допускались) с готовой яичницей, завязанной в платок, обходили все деревенские поля, потом съедали обетное кушанье, а затем начинали кататься по траве с приговором: «Расти, трава, к лесу, а рожь к овину».

ВОЛК — одно из наиболее мифологизированных животных. Волк был связан с плодородием и с жреческим сословием Руси (волхвами); его считали посредником между людьми и богами, «тем» и «этим светом», ему приписывали функции «охранителя от зла», и т.п.

Култ волка очень древен и сложен. Вероятно, для древних славян-земледельцев волки были весьма полезны весной, когда всходили яровые хлеба и лен, а в лесных чащах было множество рогатой мелочи (косули, дикие козы, серпы), оленей, кабанов, причинявших огромный вред посевам; волки же на открытом пространстве засеянных нив легко ловили эту живность, оберегая тем самым поля от отравы. Возможно, это и была одна из причин, по которым волк в народном представлении стал связываться с плодородием; другой же причиной могло быть древнейшее представление тучи в образе волка. При этом связь волка с урожаем сохранилась и при христианстве: так, например, сербы полагали, что волк приносит удачу и даже специально может предсказывать урожай, а встреча с ним и у восточных славян считалась доброй приметой. В облике волка иногда представляли себе духа нивы, хлеба: например, когда хлеба колыхали ветры, в некоторых местах говорили: «По хлебам проходит волк», «Ржаной волк бежит по полю», и т.д.; а детей, собирающихся в поле рвать колоски и васильки, предостерегали: «В хлебе сидит волк — он разорвет вас на куски», «Смотрите, придет Ржаной волк и вас съест», и

т.п. В некоторых местах считалось даже, что волк (называемый хлебным, ржаным и т.д.) прячется в последнем снопе хлеба, и даже сам такой сноп изредка называли «Ржаным волком».

Волки некогда считались священными животными бога богатства и плодородия Велеса; «велесовы дни», приходившиеся на зимние святки, называли также «волчьими праздниками». Кроме того, покровителем волков, по-видимому, был солнечный бог Дажьбог (аналогичный греческому Аполлону Ликейскому, «Волчьему», покровителю волков), а также, вероятно, богиня земли и плодородия Лада (аналогичная греческой богине Лето, оборачивающейся в мифах волчицей). Как священное животное, волк весьма почитался славянами, и отголоски этих почитаний сохранились и поныне в сказках и легендах, где волк, между прочим, является одним из самых частых персонажей. Даже некоторые старославянские имена связывались с волком; ср., например, имена тина Волк, Вук и уменьшительное Вучко, Хорт и пр.

Происхождение волка в народных поверьях связывалось обычно с нечистой силой. Например, по одной из легенд, черт слепил волка из глины или вытесал из дерева, но не смог его оживить, и тогда Бог сам вдохнул в волка жизнь; при этом оживленный Богом волк бросился на черта и схватил его за ногу (поэтому черт с тех пор хромает). Вариант этой легенды, распространенный в других местах, гласил, что черт позавидовал Богу, когда тот создал Адама, и попытался сам сотворить человека, но вместо этого у него получился волк.

Хтонические свойства волка (происхождение, связанное с землей, глиной; поверье о кладах, «выходящих» из земли в виде волка) сближают его с гадами — змеями, ящерицами, угрями и пр.; даже происхождение у них иногда считалось общим (так, по одному из поверий, гады появились на свет из стружек от выстроганного чертом волка). При этом волк в народных поверьях порой объединялся с различными нечистыми животными, не употребляемыми в пищу, характерным признаком которых являлась слепота или слепорожденность. Некоторые поверья о волке являлись как бы несколько видоизмененными поверьями о гадах: так, например, в некоторых местах верили, что волчица приносит волчат лишь раз в жизни, а принеся потомство пять раз превращается в рысь (ср. представление о том, что змея или лягушка, дожившая до определенного возраста, превращается в летучего змея); при этом волчата выводятся там, где волк заводит во время пасхальной Всенощной, и их бывает столько, сколько дней пришлось в этом году на мясоед от Рождества до Великого поста.

Как существо сверхъестественное, причастное к миру богов и духов, волк в народных поверьях нередко наделялся даром всевидения (он и в русских сказках предстает обычно если и не всеведущим, то, по крайней мере, мудрым и искушенным в различных делах зверем). Помимо этого, ему традиционно приписывались функции посредника между «этим» и «тем светом»,

между людьми и богами или нечистой силой, вообще силами иного мира; так, например, сербы верили, что волк часто бывает у мертвых на «том свете», а при встрече с волком иногда призывали на помощь умерших. Из-за подобных поверий, а также из-за представлений о ликантропии и оборотничестве, волк в народных поверьях нередко соотносится с «чужими»: мертвыми, предками, «ходячими» покойниками и пр.

Помимо этого, волк в народных поверьях обычно был тесно связан с нечистой силой. Так, например, в рассказах некоторых мест волки противостоят человеку как нечистые духи, и их отгоняют крестом, молитвой, колокольным звоном, вообще освященными предметами. Часто считалось также, что волк «знается» с нечистой силой и колдунами, которые по своему желанию могут оборачиваться волком или насыпать волков на людей и скотину. Черты, бесы и пр. также нередко появляются в образе волка или имеют волчьи признаки (волчьи зубы, уши, глаза и т.д.). Повсюду существовало также поверье о том, что волки находятся в подчинении у лешего, и леший распоряжается ими, как своими собаками, кормит их хлебом и указывает им, какую скотину в стаде можно задрать; при этом леший и сам может являться белым волком. Однако при этом отношение волка к нечистой силе было двойственно: с одной стороны, считалось, что нечистая сила распоряжается волками и даже пожирает волков (ср. представления о том, что нечистые духи иногда пригоняют волков к человеческому жилью, чтобы потом поживиться волчьей падалью, а дьявол ежегодно таскает себе по одному волку в пекло); но с другой стороны, волки в народных поверьях поедают и вообще истребляют чертей, чтобы они меньше плодились.

При христианстве покровителем волков и одновременно охранителем стад у восточных славян стал считаться св. Георгий (Юрий, Егорий), «волчий пастырь»; кроме того, у западных украинцев покровителями волков считались св. Михаил, Луппа, Николай, Петр и навел. Возможно, что именно патронат св. Георгия над волками привел к своеобразному восприятию хищных действий зверя: «Что у волка в зубах — то Егорий дал»; это, в свою очередь, привело к тому, что нападение волка на скотину стало иногда рассматриваться крестьянами как признак будущей удачи и довольства. Так, похищение волком скота нередко воспринималось скотоводами как жертва, которая сулит хозяину удачу: другие животные из стада после этой жертвы останутся нетронутыми, и некие сверхъестественные силы (леший и пр.) будут оберегать скот во время летнего выпаса. В некоторых местах пастухи, стремясь задобрить лешего, даже специально оставляли в лесу на съедение волкам одну овцу, корову и т.д. из стада. Вообще, для того, чтобы задобрить волков или их хозяев (лешего, св. Георгия и т.д.), крестьяне нередко обещали одну или нескольких коров из стада, полагая, что обещанную корову непременно задерут

волки, но остальное стадо останется в целости и сохранности.

Согласно народным поверьям, волки бывают особенно опасны для людей начиная со дня Ильи-Пророка, так как именно в это время «открываются волчьи норы»; а с Юрия Холодного (9 декабря) волки начинают подходить к сельским задворкам за добычей, и в это время опасно выходить за пределы села. Около дня св. Анны (22 декабря; начало зимы в народном календаре: «с праздника зачатия св. Анны зима начинается») волки, по народному наблюдению, собираются в стаи и становятся особенно опасны; разбегаются же они только после выстрелов на Крещение (19 января). С Николая Зимнего волки стаями начинают рыскать по лесам, полям и лугам; с этого дня вплоть до Крещения продолжались «волчьи праздники». Эти праздники, отмечавшиеся среди зимы на Святках, справляли многие славянские народы, желая чествованием волков в это время умиловить «паству солнечного Егория», особенно лютую в зимние месяцы. Например, в западноукраинских и польских крестьянских деревнях вплоть до XX в. сохранялся обычай рядиться на Коляду в волчьи шкуры и с песнями носить по улицам чучело волка. В древности подобные праздники, по-видимому, посвящались богу плодородия и богатства Велесу и его священным животным — волкам; при христианстве некоторые из этих святочных обрядов, в том числе и посвященные волкам, сохранились, хотя и несколько видоизменились.

В древности волки иногда воспринимались крестьянами как угроза не меньшая, чем нашествие вражеских армий. Особенно это касалось глухих лесных деревень (ср.: «Много в те годы волков-то по нашим местам было. Теперь вон по осеням под самым заводом воют, а тогда их было — сила!»). Поэтому, несмотря на все положительные функции волков, к ним крестьяне относились настороженно и со страхом, от них пытались защититься всеми возможными способами, как обычными, так и магическими. Например, для защиты скота от волков в некоторые особые дни соблюдали определенные запреты на действия и работы, связанные с овечьей шерстью и пряжей, мясом скота, навозом; с ткацкими работами и острыми предметами. Так, например, для того, чтобы волки не тронули скот, крестьяне не выполняли никакой работы в день св. Георгия и др.; не давали ничего взаймы во время первого выпаса скота и вывоза навоза на поле; не пряли на святки; не отдавали за границы села ткацкие орудия, не ставили изгородей в период между днями св. Юрия и св. Николая; не ели мяса в день св. Николая; не допускали половых сношений в последнюю ночь перед масленицей и т.д.

Чтобы волк не тронул пасущийся скот, во многих местах также совершали различные магические действия, символизировавшие возведение преграды между волком и скотом. Например, для защиты скота в день св. Николая клали в печь железо, втыкали нож в стол, в порог или накрывали камень горшком со словами:

«Моя коровка, моя кормилица надворная, сиди под горшком от волка, а ты, волк, гложи свой бока». При первом выгоне скота с той же целью замыкали замки («замыкали волку зубы»), посыпали печным жаром порог конюшни и т.д.

Для защиты от волков использовались также заговоры, обращенные как прямо к волку, так и к лешему или к святым — повелителям волков, с тем чтобы они уняли «своих псов»; чтение заговоров обычно сопровождалось сжиманием кулаков, смыканием зубов, втыканием топора в стену и т.п. При этом в заговорах волка обычно называли его древним наименованием — «хорт» (ср.: «Святой Георгий, обереги меня от зверя лютого, от хорта с хортенятами» и т.п.). Входя в лес, крестьяне обычно читали заговор «от злого зверя», чтобы не встретить волка. При встрече с волком старались молчать и не дышать; нередко также прикидывались мертвыми или же, напротив, показывали волку кукиш, отпугивали его угрозами или стуком, криком, свистом, матерщиной; иногда кланялись, вставляли перед волком на колени, приветствовали его или просили «помиловать».

Повсеместно считалось также, что волк, подобно нечистым духам, мгновенно отзывается на звук своего имени, поэтому в народе запрещалось упоминать имя волка, чтобы не накликал его (ср. пословицу: «про волка речь, а он навстречь»). У крестьян обычно использовались другие названия для этого табуированного животного, например: «зверь», «серый», «бирюк», «лыкус», «Кузьма» и др. Но даже и такие прозвища применялись относительно редко, так как и они (хотя и с меньшей вероятностью) могли притянуть внимание зверя, а следовательно, навлечь опасность на человека и его окружение (его близких, а также скот и пр.).

Волк иногда осмыслялся крестьянами как инородец: так, например, стаю волков нередко называли «ордой»; чтобы уберечься от волков, их иногда именовали «колядниками» (т.е. колядники и вообще участники обходных обрядов в народном представлении также относились к «чужим», инородцам) и т.д. С волком также связывались различные инородные тела (так, например, в народной традиции волк — название нароста на дереве; наросты и опухоли на теле больных нередко лечили волчьей костью или с помощью человека, съевшего волчатину, и т.д.). «Волчьей» символикой, кстати, могла наделяться каждая из участвующих в свадьбе сторон как чужая по отношению к противоположной: так, «волками» в народе называли дружину жениха или невестину родню на свадьбе; «серые волки» в причитаниях невесты — братья жениха; родня жениха нередко называла невесту «волчицей», и т.п.

Глаз, сердце, зубы, когти, шерсть волка в народе нередко служили амулетами и лечебными средствами. Так, например, волчий зуб в некоторых местах давали грызть ребенку, у которого прорезываются зубы: считалось, что тогда у малыша будут такие же крепкие и здоровые зубы, как у волка. Волчий хвост иногда

носили при себе от болезней, порчи и пр.; а знахари могли использовать его, наряду с волчьими ланами, для ворожбы и чародейства. Оберегом для простых людей могло служить даже само упоминание или имя волка (например, о появившемся на свет теленке говорили: «Это не теленок, а волчонок», полагая, что после этого волк примет теленка за одного из своих щенят и не тронет его во время летнего выпаса).

В народных приметах волк, пробежавший мимо деревни, перебежавший дорогу или встретившийся в пути, предвещал обычно удачу, счастье и благополучие; но волк, забежавший в деревню, считался приметой неурожая. Множество волков, появившихся в окрестностях деревни, сулило войну (как, впрочем, и появление множества чего бы то ни было, например, белых бабочек, муравьев и т.д.); вой волков предвещал голод, а вой их под жильем — войну или сильный мороз, осенью — дожди, а зимой — метель.

ВОЛКОДЛАК. волколак, волкулак, вовкулака — человек-волк, оборотень; ведьмак, колдун, способный как сам превращаться в волка, так и обращать в волков других людей. «Волкодлак» буквально означает «волчья шкура»; слово «кудла» употреблялось ранее в смысле косматой, растрепанной шерсти, какая «бывает у шершавых и кудлатых собак, и каковую в особенности отличают волки». Слово «волкодлак, волколак» было известно преимущественно у малороссов и белорусов, у южных и особенно западных славян.

Ликантропия — оборотничество людей в волков с возможностью обратного превращения в человеческий облик — известна у славян с очень давних времен; поверья о волках-оборотнях были широко распространены у русских, украинцев, белорусов, болгар, поляков. Самые ранние сведения о ликантропии сообщает Геродот, описывая нравы неvroв (праславян, живших на территории современной Белоруссии и северной Украины): «Эти люди (невро), по-видимому, оборотни. Ведь скифы и эллины, которые живут в Скифии, говорят, что раз в год каждый невр становится волком на несколько дней и затем снова возвращается в прежнее состояние».

Судя по всему, некогда волкодлаками называли волхвов. Известны упоминания о связи волкодлаков со жреческим сословием: «Облакогонештеи от селян влькодлаци нарицаються. Егда убо погыбнуть луна или слънце, глаголють: «Влькодлаци луну изьедоша или слънце». «Облакопрогонители» — это один из высших разрядов волхвов: они ведали погодой вообще, облаками, дождем и даже солнцем. «Селянам», прозвавшим их волкодлаками, они, очевидно, могли являться и в волчьем облике, ряжеными. Так, в Польше, да и в других местах, «на коляду» (новогодние святки) ряженные, активные участники святочного ритуала, бегали по селу с чучелом волка или с волчьей шкурой, рядились в волков, носили волчью маски и т.п. Это, очевидно, объясняется тем,

что именно на время зимних святок приходились «волчьих праздники» или «велесовы дни», связанные с плодородием и скотом.

По русским поверьям, «вовкулаки» бывают двух родов: это или колдуны и волхвы, принимающие звериный облик, или люди, превращенные в волков силой колдовства; при этом одно из названий, знаменующих волшебные чары («кудеса»), в некоторых местах (напр., в новгородской губернии) служило для обозначения обрядового ряженья, «окручивания» в мохнатые шкуры («кудес», «кудесник» — замаскированный, ряженный человек). В XIX-XX вв. волкодлаками нередко называли и оборотней вообще (т.е. людей, способных принимать облик не только волка, но и собаки, кошки, куста, пня, птицы и т.д.); однако исконно, по-видимому, волкодлак — это волк-оборотень, т.е. человек, который способен превращаться в волка (и ни в кого иного).

По народным поверьям, обращение оборотней в волков происходит преимущественно два раза в году: на коляду и в Иванову ночь, во время летнего солнцестояния. По более поздним поверьям, появившимся уже при христианстве, оборотни могут превращаться в волков практически в любое время для того, чтобы всячески вредить людям: загрызать скот и людей, наводить порчу и т.п.

Считалось, что колдуны нередко превращают в волков других людей; происходит это преимущественно на свадьбах. Сохранилось много вариантов рассказа о том, как колдун превратил в волков весь свадебный поезд из-за того, что его не пригласили на свадьбу; под шкурой убитого оборотня находят обрядовый пояс «вясельнага маршалка» (свадебного «тысяцкого») — главного распорядителя свадебного ритуала. Это, по всей вероятности, связано с тем, что на зимние святки (от 24 декабря по 6 января ст. ст.) приходились и массовые свадьбы после филипповского поста, и «волчьих праздники», во время которых рядились в волчью шкуру и маски.

Процедура превращения человека в волка, по народным поверьям, происходит двояко: или набрасыванием на него волчьей шкуры, или же посредством «волшебной наузы» — ремня или лыка, заговоренного заклятием, которым опоясывают оборотня, после чего он становится волком до тех пор, пока чародейный пояс не изотрется, не будет порван или снят иным образом. Такие волшебные пояса-наузы, с помощью которых волхв-волкодлак мог принять волчий облик, часто упоминаются в поучениях против язычества, начиная с XII в.; в них «науз ношение» приравнивалось к исполнению кощун (мифов) и «бесовских песен». Считалось, что «грех есть носить науз как любо»; монахи исповедовались: «согреших, наузы вязах на себе и к волхвом и к обавником и к чародеем ходих...

согреших, наузы на себе нося». Те, кто «к волхвом ходит ворожи ради или наузы емлет потворныя», строго наказывались церковью: они должны были сорок дней не есть мяса и молока, и на них на 3 года

накладывалась епитимья. К ношению волшебных повязок были причастны даже священники: «Аще обрящется кто от священническаго чину, таковая, (иже) вълхвуйа или обавая или узлы (наузы, повязки) творя таковой от церкви изринеться». Ношение волшебной повязки приравнивалось к колдовству, заклятия («обавать» — заклинать; *ip̃saig̃iag̃e*) и каралось отлучением от церкви.

Помимо волшебных науз (со временем, кстати, практически исчезнувших из поверий и мифов), волкодлак-колдун, по народному убеждению, мог использовать и разные другие предметы, например, нож или топор. Так, например, бы лички и рассказы часто упоминали такой способ обернуться волком: чародей должен был найти в лесу гладко срубленный пень, воткнуть в него нож и перекувыркнуться через него (иногда трижды); желая же вернуться в человеческий облик, он должен был забежать с противоположной стороны пня и перекувыркнуться обратно. Подобное «перевертывание» часто сопровождалось приговорами (например: «На море на Океане, на острове Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень, в зелен лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый: а в лес волк не заходит, а в дол волк не забродит. Месяц, месяц — золотые рожки! Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страх на зверя, человека и гады, чтобы они серого волка не брали и теплой бы с него шкуры не драли. Слово мое крепко, крепче сна и силы богатырской»). При этом такой способ был сопряжен с некоторой опасностью для обротня, так как считалось, что если кто-нибудь вынет из пня нож, то волкодлак уже не сможет вернуться в свой человеческий облик до тех пор, пока нож не вернут обратно.

ВОЛОКИТА — нечистый дух, черт, огненный змей, который посещает одиноких женщин в облике красивого парня или отсутствующего мужа. Так, считалось, что если женщина сильно тоскует по отсутствующему мужу, то к ней непременно начнет летать по ночам нечистый дух; он будет спускаться в дом через трубу и сожительствовать с ней. Если женщина, к которой он летает, не сможет или не захочет от него отделаться, то он со временем иссушит ее и она умрет.

Волос¹ — см. Белее.

ВОЛОСА вол осень, волосец — водяной червь волосатик (змеевец, змеевик, проволочник); персонализация болезни. Считалось, что волос — это тонкий водяной червь, похожий на конский волос; он «ходит по реке» и может проникать в тело человека и жить в нем, вызывая различные заболевания (в основном нарывы). Попасть внутрь человека он может разными путями: его можно выпить с водой, или он может сам всосаться в человека (например, в того, кто купается в реке).

В народных поверьях волос выступал и как вполне реальный червь, и как воплощение «сосущего и грызущего воспаления», которое представлялось живым, наделенным собственной злой волей существом. В некоторых местах верили, что настоящий волос, утерьянный лошадью (реже — человеком), может сделаться «волоснем» и «закусать человека до смерти».

Волос изгоняли различными способами, например, закрывали ранку метелкой ржаных колосьев или поливали ее вскипевшей с водой золою, призывая: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Волос ты, волос, выйди на ржаной колос с раба Божьего (имя) либо на пепелицу, либо на теплую водицу» (повторяется девять раз).

В некоторых местах волос или волосень — это существо, подобное бесу-волосатику; дух неопределенного облика, по большей части нечто мохнатое, пушистое (волосень также означает пряжу или шерсть для пряжи). Считалось, что он может отнять палец в наказание работающим (прядущим) под Новый год.

ВОЛОСАТИК. волосеник, волосатый, бес-волосатик — нечистый дух: черт, водяной, леший, ови́нник, домовый и т.п.; волосатка — женский ови́нный или водный дух, в некоторых местах — название русалки. По-видимому, такое название нечистой силы было связано с поверьями о том, что «нечистики» обычно волосаты, мохнаты; их длинная косматая шерсть напоминала об их традиционной связи с животными и с растительностью. Возможно, волосатика можно соотнести с древним славянским божеством Велесом, богом скота и богатства.

Волосы, согласно народным поверьям, — средоточие жизненных сил человека. Так, например, считалось, что с волосами у человека можно отнять всю силу и здоровье (ср., например, русские сказки, где герой лишает демонического персонажа [например, Мужичка-с-ноготок-борода-с-локоток] его длинной бороды и тем отбирает всю его силу), а манипулируя волосами, можно сделать старика молодым, а молодого — стариком. Волосы, по некоторым поверьям, можно было даже использовать для того, чтобы превратить человека в нечистую силу (так, по некоторым поверьям, если три года ходить без пояса и не расчесывать волосы, то можно стать чертом).

Волосы, как и шерсть, в народной традиции символизировали множество, богатство, изобилие и счастье. С обилием «волос-волокон» — густотой и длиной волос человека, шерсти животных, злаков в поле — связывались представления о плодородии, плодovitости, богатстве, силе. Так, например, в гаданиях густые волосы (шерсть) всегда символизировали богатство: девушки, призывая во время гаданий домового, ови́нника и т.п., верили, что чем более мохнат явится домашний дух, тем богаче будет жених и благополучнее судьба; людям, имеющих густые волосы, особенно растущие по всему телу, всегда предсказывали богатство и достаток. В Юрьев день женщины срывали друг

Волосатик

у друга в поле платки с головы и дергали за волосы, чтобы у хозяина «жито было густое и рослое, как волосы», и т.д.

У крестьян существовало множество запретов, касавшихся волос, в первую очередь — их расчесывания и вообще распускания. Так, например, волосы обычно не расчесывали в пятницу, опасаясь оскорбить этим святую Пятницу и навлечь на себя ее гнев (следствием которого могли стать трудные роды, разлад в доме, болезни и пр.); считалось также, что у тех, кто расчесывает волосы в пятницу, волки летом будут резать скот. В некоторых местах существовал и запрет на расчесывание волос в среду; его объясняли тем, что у Среды сорок дочек и каждая может вырвать по волоску, оборвав все волосы. Нередко запрет на расчесывание приурочивался и к каким-то особым событиям: например, волосы не чесали во время похорон, на Благовещение и т.д., полагая, что нарушение запрета грозит выпадением волос, головными болями и пр. В то же время, в некоторые праздники и во время некоторых обрядов расчесывание и распускание волос считалось обязательным (ср., например, некоторые обряды вызывания дождя, когда распускание волос и их расчесывание символизировало падающие с неба дождевые струи).

Множество запретов и правил соблюдалось крестьянами и при стрижке волос. Так, почти повсеместно ребенка старались не стричь (а часто и не расчесывать) до года, кое-где даже до семи лет; при этом для первой стрижки у восточных славян выбирали обычно новолуние, «чтобы волосы быстрее росли», а у болгар — полнолуние, «чтобы на голове было полно волос». На Украине и в Белоруссии существовал запрет на стрижку пастуха с Юрьева дня до Кузьмы и Демьяна; нарушение вело к болезни скота, к плохому отелу коров, к нападению волков на овец и т.д.

Волосы, выпавшие при расчесывании или мытье, повсеместно запрещалось выбрасывать, чтобы нечистая сила не использовала их во вред (считалось, например, что ведьмы и вообще недоброжелатели, злые люди, из волос делают «завой» с наговором или магические куклы для порчи; кроме того, выброшенные волосы мог подхватить вихрь, что могло вызвать болезнь, головные боли и ир.). Поэтому волосы старались спрятать подальше от людских глаз, для чего затыкали их в щели, зарывали в землю, закапывали на перекрестке, клали под камень, сжигали (правда, в некоторых местах на сжигание волос накладывался запрет — считалось, что это вызывает недомогание и головную боль) и т.д. Остриженные волосы, как и выпавшие, также не выбрасывали, а зарывали в землю, клали под камень или вербу, относили к плодовому дереву, зарывали в муравейник, засовывали в щели, бросали в огонь, чтобы он «укрепил рост волос», и т.д.; девичьи волосы нередко бросали в быструю воду («чтобы волосы росли быстро и густо»), а волосы ребенка после первой стрижки клали под конек дома

или за потолочную балку («чтобы волосы ребенка были длинными»).

Стимулирование роста волос магическим способом проводилось обычно в определенные дни и было делом типично женским. Так, например, девушки выпавшие волосы клали в обувь под каблук, «чтобы волосы были длиной до пят». На Рождество среди девиц принято было расчесывать волосы, сидя на бадняке (это придает волосам силу и здоровье). В Страстной четверг или в Святой вечер девушки, чтобы иметь длинные, густые волосы, расчесывали их под вербой и пели: «Верба, верба, дай мне волосы длиной в три пояса!»; в Юрьев день волосы расчесывали на ржаном поле, «чтобы иметь волосы густые, как рожь», и т.п.

Волосы обладали особой силой, способной наряду с другими магическими действиями (сжиганием, окуливанием, закапыванием в землю и пр.) предохранять людей от болезней или изгонять их. Например, в некоторых местах женщине, у которой умирали дети, советовали во время беременности собирать свои волосы, чтобы, как только родится ребенок, рассыпать их вокруг новорожденного, поджечь и тем самым сохранить жизнь младенца. Срезанные пряди волос у больных лихорадкой, сухоткой, грыжей или страдающих от сглаза и испуга для их излечения забивали в дверную притолоку осиновыми колышками, закладывали в дупло осины, завязывали в узелок и выбрасывали на перекрестке и пр.

Поскольку волосы считались наделенными особой силой, их часто использовали для позитивного или негативного влияния на человека: с их помощью насылали порчу, их использовали для привораживания и гаданий. Волосы здорового человека ведьмы и колдуньи закапывали на кладбище, полагая, что от этого человек станет болеть и, в конце концов, «сойдет в могилу». Свои волосы девушки незаметно подкладывали в пищу своих избранников, надеясь этим приворожить их; а парни, стремясь очаровать девушку, носили три закрученных колечком волоса избранницы за пазухой или в ладанке. При обряде крестин волосы выстригали, закатывали в воск и бросали в купель, а затем по тому, как они вели себя, гадали о судьбе новорожденного: закружится комочек — «к житью», пойдет ко дну — «не к житью». Уходя на войну, солдаты в качестве талисмана от пули и штыка вшивали в мундир ногти и волосы с головы внебрачного ребенка. Для того, чтобы покойник не стал вампиром, нагая женщина кадила очесами конопли волосы покойника, после чего пепел, остатки конопли и волосы клали в гроб.

Женщинам чаще всего запрещалось, считалось нежелательным ходить с распущенными волосами (или без головного убора), исключая время проведения особых обрядов. Для того, чтобы укрыть волосы, крестьянки носили на голове кички, кокошники или просто платки, а девушки повязывали себе широкую твердую ленту и тщательно убирали волосы в косы.

«Опросто волоситься» для женщины означало опозориться. По народному убеждению, непокрытые женские волосы могли принести вред людям, хозяйству, урожаю и т.п. При этом запрет ходить с непокрытой головой нередко объясняли возможным нападением каких-то враждебных сил: считалось, например, что замужней женщине нельзя выходить во двор без платка на голове — «дворовой за волосы исташит»; в некоторых местах верили, что простоволосую женщину волк съест; русские запрещали женщинам ходить с растрепанными волосами и с подоткнутым подолом во время грозы, говоря, что ее из-за этого громом убьет (по одному из поверий, из-за того, что в ее одежде или волосах спрячется нечистый дух), и т.д. Вместе с тем, белоруски непременно распускали и открывали волосы, когда мяли лен, «чтобы он был волокнистым и мягким»; схожие обряды наблюдались и у русских во время сева (ср. также представление о том, что травы — это волосы земли). При ритуальной нагоде волосы обязательно должны были быть распущенными, непокрытыми: так, например, при обрядовом опахивании села крестьянки распускали пояса, одевались только в одни рубахи и непременно распускали волосы.

Вообще, в народе распущенные волосы считались характерным признаком всяких «нечистиков», в особенности женских демонических персонажей — русалок, самовил, ведьм, чумы и пр. Это нашло отражение даже в народных названиях этих существ: их нередко именовали бабами-простоволосками, пустоволосками, косматками, девками-нерасческами, беловолосками (белоголовками) и т.п. Кстати, и многие наделяемые особыми, сверхъестественными силами мифологические персонажи также обычно представлялись волосатыми или мохнатыми; по этой причине им нередко давали имена тина волосатик, волосатка, бесволосатик и т.п.

Волосец — см. Волос.

Волоты — см. Велсты.

ВОЛХВЫ — языческие жрецы, посредники между людьми и богами. В языческие времена волхвы руководили обрядами, приносили жертвы богам, заботились о чистоте и неприкосновенности кумиров и мест богослужения. Волхвы же изготавливали амулеты-обереги и составляли календари; гадали о судьбе, пророчествовали; занимались лечением как людей, так и скота; устраняли злые чары и заботились о защите людей и их окружения от вредоносных сил; заклинали таинственные силы природы и т.д. Волхвы должны были знать все обряды, ритуальные песни и заговоры, а также все целебные свойства трав; они обязаны были уметь вычислять календарные сроки всех магических действий и т.д.

Издревле колдовскими действиями занимались не только волхвы-мужчины, но и волхвы-женщины (ед. число «вълхва»), ведуньи-ведьмы, «чаровницы» и т.п. По всей вероятности, общественные магические действия

производили мужчины-волхвы, а в семейном, домашнем обиходе, в вопросах гадания о личной судьбе, в лекарском знахарстве видная роль принадлежала женщинам, ведьмам (от глагола «ведать» — знать).

Волхвы, знающие заклятия от засухи, производящие точные расчеты оптимальных сроков дождей, рассматривались народом как особые существа, умеющие превращаться в волков, повелевать облаками и даже устраивать затмение луны и солнца. Магическим действиям, чародейству волхвов приписывалось влияние на все силы природы, обеспечивающие урожай.

Управление религиозной жизнью было непростым делом даже на уровне единичного поселка. Так, простой сельский волхв должен был знать и помнить все обряды, заговоры и ритуальные песни, уметь вычислять календарные сроки всех магических действий, знать целебные свойства трав и многое другое. Выработка устойчивых календарных сроков также была делом волхвов. Женщины-волхвы вели длительные, на протяжении многих десятков поколений, наблюдения над свойствами разнородных трав, передавая знания из поколения в поколение. Важным разделом деятельности волхвов было также создание и передача по наследству обрядового фольклора.

Волхвы не только руководили праздниками и обрядами, проводившимися ежегодно; их знания требовались и в иных случаях, таких, как похороны знатного человека, эпидемии и пр. Волхва приглашали в дом к новорожденному ребенку, так как именно волхв должен был дать младенцу имя и защитить ребенка от повсеместного зла. Волхвов приглашали и на свадьбы, и на похороны, так как именно волхв должен был управлять обрядами свадьбы или похорон.

Защита людей от нечистой силы также была делом волхвов: только волхвы могли знать, как изготовить украшение, отгонявшее от его владельца всякую нечисть, как с помощью сложного символического изображения всей Вселенной защитить жилье и т.д. Изготовлением идолов также, вероятно, руководили волхвы; так, только волхвы высшего разряда могли дать указания, как изобразить на каменном столбе Збручского идола всю Вселенную с человечеством на земле, с благожелательным божеством подземного мира, с божествами на небе и всему этому комплексу придать общую, объединяющую форму живоносного начала (лингма).

При участии волхвов совершались торжественные заключения договоров русскими послами в Царьграде (когда второй договаривающейся стороной был сам император, целовавший крест из рук высшего духовенства страны). Волхвы обязательно участвовали в ежегодных грандиозных экспедициях русской торговой эскадры; когда весь караван судов, пробившись сквозь печенежский заслон, благополучно проходил через Пороги, на острове Хортице под руководством волхвов совершался языческий благодарственный молебен: «...Русы совершают свои жертвоприношения,

так как там растет огромный дуб (дерево Перуна). Они приносят (в жертву) живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные кладут куски хлеба, мяса». Подобные стоянки были и в других местах. Ясно, что такие обряды не могли проводиться без участия волхвов, знающих, как нужно обращаться к Перуну или Волосу.

Влияние волхвов на народ было настолько сильным, что долгое время сохранялось и при христианстве. Так, волхвы продолжали существовать в русских городах и селах и после крещения Руси; к ним обращались за помощью и советом, что осуждалось церковью, признававшей, однако, силу волхвов в глазах народа. В XI-XII вв. на Руси периодически вспыхивали восстания под предводительством волхвов. В Новгороде волхвы продолжали действовать вплоть до XIII в. Позднее всего религиозная и политическая роль жречества прослеживается у балтийских славян в XI-XII вв.; там «жрецы имели значение особого, строго отделенного от народа сословия они совершали в святынях всенародные моления и те гадания, которыми узнавалась воля богов. Они пророчествовали и говорили народу от имени богов. Они пользовались особым почетом и богатством, распоряжались и доходами с поместий, принадлежавших храмам, и обильными приношениями поклонников». Наиболее прославленным у балтийских славян был храм Святовита (соответствовавшего русскому Роду) в Арконе на берегу Балтийского моря (Аркона — древнеславянский город жрецов на острове Рюгене; датский король Вальдемар I взял его 15-го июня 1168 г., сжег храм Святовита вместе с его идолом и увез все сокровища этой святыни в Данию). Земная власть, принадлежавшая Святовиту, находилась в руках жрецов, и верховный жрец Святовита почитался в народе более, чем князь. Языческое духовенство племенного союза лютичей обладало земельными угодьями, собирало дань, облагало пошлинами купцов, присваивало третью часть военной добычи и располагало собственным отборным войском Святовита; то же самое наблюдалось и у соседних племен.

Со временем, однако, под влиянием христианства, языческие волхвы утратили свое прежнее влияние. В народных поверьях XIX в. волхв (волх, волхат, волхвит, волхид, волхун, волховит) — это кудесник, колдун, обладающий многообразными знаниями и способностями, имеющий власть над стихиями, «ведающий» прошлое и будущее. Он, однако, скорее злое, нежели доброе существо: он может «снять» луну, наслать порчу, несчастья и болезни, а также град, засуху и т.п., отбирать урожай и т.д.

ВОРОБЕЙ — птица, которой в народных поверьях была присуща брачная символика, а также символика ловкости, проворства. Облик воробья (так же, как и ворона или вороны, грача, галки, сороки) в народных рассказах мог принимать злой дух, приносящий своему хозяину деньги.

Согласно народным легендам, воробьи некогда своим чириканьем выдали Христа преследователям, а затем приносили гвозди для распятия и кричали: «жив, жив!», призывая продолжать мучить распятого Христа. За это Господь проклял воробьев, и истреблять их с той поры не считалось в народе грехом. В наказание за свое прегрешение воробей стал маленьким и серым, а на лапках у него с тех пор невидимые пути, поэтому он не ходит, а скачет. Согласно другой легенде, лапки воробью сковали птицы в наказание за воровство или за провинность во время выборов птичьего царя. По этой причине с воробьем в народе нередко связывались недобрые приметы: например, пролетевший с чириканьем над головой путника воробей сулил неудачу, неуспех в делах, а воробей, неожиданно влетевший в окно, — большую беду, пожар или покойника.

Нашли также отражение в поверьях и живость и пронзительность воробья. Например, у южных славян существовал обычай разговляться на Рождество печеными или вялеными воробьями для приобретения в новом году воробьиной легкости и проворства; иногда перед тем, как съесть воробья, им прикасались к рога-тому скоту, чтобы и скот, и его хозяева были такими же легкими и проворными, как воробей.

Согласно народным поверьям, чтобы поймать воробья, нужно знать такую минуту в новогоднюю ночь, когда воробьи глухи и слепы; узнать же ее можно, если тайком подслушать разговор скота в эту ночь, зарывшись в хлевном навозе. В Польше в новогоднюю ночь принято было «нагонять воробьев»: например, желая подшутить над каким-нибудь простаком, его ставили с мешком в руках под крышу и обещали нагонять сверху воробьев, вместо этого обливая его водой с крыши.

Проворные воробьи нередко наносили значительный урон крестьянским полям, и для того, чтобы уберечься от них, крестьяне применяли самые разные приемы и обряды. Например, для того, чтобы воробьи летом не ели в поле коноплю, жита и т.п., в западных районах Украины и Белоруссии под Новый год ловили воробьев и пекли или варили их, а также грозили им припечь клнов, или сжигали или сушили воробьев в печи, толкли их, а весной их пепел или порошок смешивали с зерном и использовали при первом севе, чтобы обезопасить посевы от воробьев. Чтобы воробьи не заметили посевов, не слышали и не знали о них, в Рождество воробьев в некоторых местах называли «слепцами» и топили печи до зари, чтобы они не видели дыма, а также сеяли молча, до рассвета или после захода солнца и т.д. Для усмирения воробьев применяли иногда еще и такой способ: под Новый год девушки с приговором объезжали верхом на метле вокруг своей усадьбы. На Руси в рождественский сочельник клали для воробьев первую ложку крупы (каши) на углы дома, полагая, что они насытятся и не будут вредить посевам. Кое-где считалось также, что усмирению воробьев способствуют предметы, побывавшие в контакте с мертвыми: стружки от старого гроба, которыми

Ворог

окуривали поле; песок или земля с могилы, которую при севе добавляли в семена, и т.п.

В русском фольклоре воробей традиционно наделялся мужской символикой. Эта брачная символика воробья нашла отражение в различных приметах и гаданиях: считалось, например, что если воробей устроит себе гнездо на новой хате, девушка из нее вскоре выйдет замуж; прилет воробья в девичьих гаданиях предвещал девушке молодого жениха. Чтобы жена любила мужа, ей иногда давали съесть воробьиное сердце (в одном из рукописных лечебников это средство упоминается как способ, применяемый к женщинам, изменяющим своим мужьям). Воробей, привидевшийся во сне, сулил женщине скорую беременность; а в случае трудных родов роженице кое-где давали проглотить с водой воробьиный помет. Есть воробьев считалось полезным страдающим импотенцией (ср.: «Для того, чтобы вылечить нестоиху, необходимо поймав тридцать воробьев, испарить их в горшке без воды и дать съесть человеку, и будет у него михирь стояти»); а мальчики даже мазали себе пенисы воробьиным жиром, чтобы они лучше росли. В песнях и припевках воробей обычно отождествлялся с молодцом, бравым и удалым, но недостойным любви. Например, в одной песне с тремя воробьями девица сравнивает трех молодцов, за которых не хочет выходить замуж: «На улице три горобчика, / А на улоньци три нарубка: / Не давай, ненько, ни за одного, / Во не буде добра ни вид одного!».

С воробьями народные поверья связывали т.н. воробьиною ночь — одну из летних или осенних темных ночей (в некоторых поверьях — ночь на 1 сентября ст.ст.), когда воробьи, по народным поверьям, исчезают с полей и слетаются в то место, где черт («горобьевый») меряет их огромной меркой: тех, кто мерку переполнил, отпускает на развод, а оставшихся в мерке оставляет себе, ссыпает чертям в пекло, убивает. Впрочем, воробьиными (или рябиновыми) ночами в народе нередко называли и просто ночи с сильной грозой или зарницами, а также ночи во время цветения рябины и созревания ее ягод; такие ночи в народных поверьях соотносились с представлением о небесной битве и со временем особого разгула нечистой силы, когда буря, молнии и гром уничтожают «чаровников» и прочих нечистых духов. В верованиях некоторых мест воробьиная ночь ассоциировалась с одной из июньских ночей накануне Ивана Купалы или Петрова дня; существовало поверье, что именно в эту ночь и цветет папоротник.

ВОРОГ, враг, вражина, вражной, вражня, вражьё — недруг, супостат; нечистый дух, черт, Сатана или колдун, леший и пр. Соответственно, вражок, вражко, вражонок, кривой вражонок — это бесенок или чертенок, в некоторых местах вообще нечто «маленькое и неодолимое», то, что причиняет мелкие пакости, «пугает», мешаает, сбивает с толку («Вражонок попутал — забыла перекрестить жбан», «Вражко под руку

толкнул») и т.д.). Вороговать, вражить означало вредить, делать зло, колдовать и пр.

Ворог, враг — очень распространенное название нечистой силы; возникло оно в связи с традиционными представлениями о нечистой силе, особенно о Сатане и чертях, как о «врагах рода человеческого». Ворогом, вражным, т.е. враждебным человеку и одновременно «ворожащим», именовался и знающийся с нечистой силой колдун, и ведьмы-ворожеи; так, по некоторым поверьям, ворогушиха — это колдунья, которая своей ворожкой насыпает лихорадку и другие болезни. Ворогом, ворогушей (или ворогушихой, ворогункой, ворогухой, врагушей) назывались также и многие болезни, представляемые крестьянами в демоническом облике; например, ворогухой в некоторых местах именовалась весенняя лихорадка, веснуха, которую представляли себе в виде белой бабочки, «дрожащей крыльями», как в ознобе. Считалось, что человек, нечаянно съевший такую бабочку, непременно заболит лихорадкой, ворогушей. В некоторых местах полагали также, что варагуша — это белый ночной мотылек, который ночью садится на губы сонного человека и приносит с собой лихорадку. Согласно поверьям, для того, чтобы защититься от ворогу ши, нужно, увидев летящую бабочку, немедленно перекреститься и сказать: «Прости меня Бог от ней».

ВОРОЖЕЯ, ворожейка — ведьма, ведунья; знахарка, гадальщица. Ворожкой могли заниматься и мужчины, называемые в этом случае «ворожей», «ворожец» и т.п.

К ворожеям обычно обращались для гаданий о судьбе или для отыскания пропажи. Само слово ворожить означало заговаривать, угадывать будущее, гадать, знахарить, шептать, колдовать и пр.; дело это считалось среди крестьян более или менее нечистым, но тем не менее, пользовалось в народе довольно большой популярностью (ср. многочисленные способы ворожбы по руке, на бобах, на воду, на уголек, на картах и пр.). Так, в русских деревнях крестьяне нередко приходили к ворожейке, чтобы узнать, где найти пропавшую вещь, потерявшуюся корову и т.д. К ворожейкам обращались и для того, чтобы узнать, каков будет будущий урожай, удачной ли выдаться поездка, скоро ли придет жених и т.д. Ворожейки иногда могли заниматься и знахарством, лечением через нашептывания, заговоры и т.д.

Иногда ворожей или ворожеем могли называть не только предсказателей, специализирующихся на ворожбе как на гадании с целью узнать прошлое или будущее, но и вообще людей, занимающихся колдовством. Слово «ворожить» могло означать как «гадать, угадывать», так и «заговаривать, знахарить, колдовать, шептать и т.п.».

ВОРОН — птица, с одной стороны, почитаемая за мудрость, но с другой стороны, недобрая, нечистая, связанная с миром мертвых и олицетворявшая иногда

Ворон

все темные силы. В некоторых мифах ворон являлся также прообразом ветра, Стрибожьего внука.

Согласно народным поверьям, ворон — вещая птица; он живет сто или триста лет и владеет многими тайнами, умеет предсказывать смерть и нападение врагов. В некоторых местах верили, что ворон охраняет клады, спрятанные в земле, и может указать, где они находятся; считалось также, что ворон обладает несметными сокровищами и богатствами, которые находятся в его гнезде (или в тайном месте, в пещере и пр.), и, насобирав много золота и серебра, иногда золотит себе голову и хвост. Кстати, в некоторых местах такое богатство ворона считалось «неправедным», похищенным, и вообще для поверий о вороне был характерен мотив кражи: считалось, например, что человек станет вором, если съест сердце или мясо вороны, а о человеке, подозреваемом в воровстве, иногда говорили: «Над ним ворона каркает».

Помимо несметных сокровищ, народная традиция связывала ворона также с чудесными источниками живой и мертвой воды: считалось, например, что ворон может проникать в подземный мир (в ад или светлый рай, ирий), где и расположены эти источники, и с их помощью оживлять мертвых (ср. также русские сказки, где обычно именно ворон приносит живую воду и опрыскивает ей героя, после чего тот немедленно воскресает, как бы пробуждаясь ото сна). Кое-где говорили, что ворон носит живую и мертвую воду на своих крыльях.

В народной традиции черный ворон служил олицетворением черной грозовой тучи, скрывающей солнце (ср. поверье о живой воде, т.е. дожде, приносимой вороном); поэтому в поверьях его, по большей части, считали недобрым существом, причастным к нечистой силе. Например, украинцы и белорусы верили, что нечистая сила в облике воронов (ворон) летает ночью по дворам, поджигая кровли, а также слетается и кружит над домом умирающего колдуна, чтобы забрать с собой его душу, когда она покинет тело. Души злых людей также часто представляли в виде черных воронов и ворон. В некоторых местах считалось, что ведьму можно определить по черному ворону, сидящему на ее доме (ср. также черного кота и ворона, служащих помощниками Бабы-Яги в сказках), и что вороны (в одной из быличек — белая ворона) иногда помогают ведьме отбирать молоко у коров. Известны также поверья о злом духе в облике черной птицы (вороны или грача), который крадет и носит своему хозяину богатство за то, что тот держит его за печью, гладит, кормит яичницей и не выбрасывает его помета. Иногда считалось еще, что черный ворон, который кружит по небу перед ненастьем, — это либо колдун, который насылет бурю (ср. поверье о том, что ворон приносит на крыльях бурю), либо нечистый дух, который убегает от гибельной для него грозы.

К представлению о воронах и галках как нечистых птицах, связанных с нечистой силой, имеет отношение

запрет употреблять их в пищу. Убивать воронов и ворон зачастую не считалось грехом; при этом убитого ворона или ворону нередко вешали в хлеву или на конюшне для отпугивания злых духов (черта, ведьмы, домового, ласки), чтобы они по ночам не мучили коней или коров и не выдаивали молоко.

Ворон, как и муравьи, повсеместно считается связанным с миром мертвых (ср. олицетворение дождевой тучи в образе ворона и древнейшее представление о том, что души умерших пребывают на небесах, там, где находятся запасы дождевой воды). Поверья гласили, что ворон не только часто бывает в загробном мире, но даже иногда вьет там свои гнезда. Ворона в некоторых местах считали вещей птицей, живущей до трехсот лет оттого, что питается только мертвечиной. В раннем арабском свидетельстве ал-Масуди описывается славянский идол в виде старца с посохом, которым тот извлекает из могил останки умерших; под левой его ногой помещены изображения ворона и других черных птиц, под правой — муравьев. В славянской народной традиции также наблюдалась взаимосвязь ворона и муравья, но при этом отношения между ними носили враждебный характер: считалось, что ворон старается вывести своих птенцов в марте или в феврале, пока муравьи еще не вышли из земли, иначе они поедят его птенцов.

В образе ворона или вороны в народной традиции нередко изображалась смерть. Считалось, например, что Смерть иногда в облике черного ворона является в село и кружит над домом того человека, который скоро умрет. В похоронных причитаниях смерть залетает в окно черным вороном. В народных поверьях ворон предвещает скорую смерть, пролетая (а тем более кружась) и каркая над головой путника, над домом или двором, над селом, над лесом или над кладбищем, садясь на крышу, на трубу, каркая в селе, ударяя крыльями в окно и т.п. Для человека, отправляющегося на промысел, крик ворона означал неудачу, поэтому охотники избегали упоминания ворона, при необходимости называя его «курицей» или «верховым».

Вороны нередко приносили крестьянам вред, таская со двора цыплят; поэтому против них нередко совершали различные магические действия. Например, белорусы, чтобы уберечь цыплят от ворон, вывешивали на дворе убитую сороку или ворону, а также опрокидывали горшки вверх дном, полагая, что после этого вороны не смогут увидеть цыплят. Ворона в народной традиции также часто связывали с волком: например, в некоторых местах верили, что тот, кто поет в лесу и увидит ворона, вскоре наткнется на волка, а если ворон, пролетая над стадом, начнет каркать, то это предвещает скорое нападение волка на стадо.

Ворон в народе связывается также с кровопролитием, насилием и войной, по-видимому, из-за того, что вороны обычно слетаются на места битв, вообще на мертвечину, и расклеивают мясо мертвых (что также стало причиной отрицательного отношения к этим птицам). Связь с войной могла объясняться также и

Ворота

олицетворением грозы в виде ворона: известно, что гроза издревле считалась битвой небесных сил, из-за чего грозовые боги (Перун и пр.) традиционно считались также и покровителями воинов и битв. Из-за этого карканье ворона или необычно большие скопления ворон в народе нередко считались предвестниками войны. Однако представление о связи ворона с битвами и пр. крестьяне в некоторых местах обратили себе на пользу: например, кое-где охотники, чтобы ружье стреляло без промаха, смазывали дуло кровью ворона.

ВОРОТА — символ границы между своим, освоенным пространством и чужим, внешним миром. Открытие — закрывание ворот символизировало акт контакта с внешним миром, а сами ворота считались опасным местом, где обитает всякая нечистая сила (по этой причине на воротах часто изображались различные охранные символы). Так, например, на воротах в народных поверьях могли сидеть злые духи-халы, поджидающие младенца, которого несут из церкви после крещения; чтобы обмануть их и не дать испортить или похитить младенца, ребенка иногда передавали через забор. Участники свадьбы также остерегались проходить через ворота, и вместо этого перелезали через забор или проламывали новый проход.

Ворота в крестьянском дворе были объектом почитания и защиты. На ворота (как и на амбары, на колодец) вешали образа, а утром, выйдя из дома, молились сначала на церковь, потом на солнышко, а затем на ворота и на все четыре стороны. К воротам нередко прикрепляли сретенскую или венчальную свечу, а также втыкали в них зубья бороны или вешали косу для защиты от нечистых духов; или затыкали в щели ворот колючие растения как оберег от ведьм. Кое-где на ворота также вешали венок, сплетенный на Петров день, а при появлении градовой тучи снимали его и размахивали им, отгоняя град. Особенно же оберегали ворота и тем самым весь дом и двор в те дни, которые считались временем особой активности нечистой силы: например, накануне Ивана Купалы в щели ворот затыкали крапиву, боярышник и чертополох, чтобы ведьма не могла пролезть во двор; а на Богоявление на воротах чертили кресты для защиты от всякой нечистой силы. При этом очень важным считалось, чтобы ворота стояли «правильно»: так, например, русские верили, что «не должно ставить ворота на полночь, на севере, иначе всякая чертовщина выживет из дома».

В воротах с древнейших времен совершались различные магические действия. Например, при первом выгоне скота хозяйка обходила скотину во дворе с иконой св. Георгия, а затем оставляла ее на воротах на целый день. В воротах клали пояс, освященные яйца, топор, сковородник, ухват, замок и через эти предметы перегоняли скот; а в некоторых местах скот прогоняли через ворота, на которые ставили две зажженные свечи, клали два рождественских калача и два ткацких гребня (после прогона скота их соединяли зубец в зубец, чтобы «сомкнуть волчью насть»). В некоторых

местах на ворота ставили девочку-подростка, которая широко расставляла ноги, и под ними прогоняли скотину. В воротах рубили колядный веник (обряд, совершаемый для того, чтобы избежать наказания за нарушение запретов на работу во время святок); по разостланной в воротах скатерти ввозили во двор первый воз сжатого хлеба. В свадебном обряде ворота воспринимались как преграда на пути участников свадьбы: перед сватами или молодыми ворота запирали и требовали выкупа.

В воротах традиционно разжигали костры ранней весной (символизируя обновление солнца и смерть зимы), в Чистый четверг (когда «кликали дядов», души предков), на Пасху, в Юрьев день (как профилактику от ведьм), на свадьбу и в др. праздники; эти костры как бы очищали пространство ворот, а с ними и все пространство двора. В погребальном обряде сразу после выноса тела в воротах также разжигали огонь, как для очищения, так и для того, чтобы душа покойного не могла вернуться обратно. А в некоторых местах покойника вообще старались не выносить через ворота (как и через двери дома), и чтобы обмануть смерть и воспрепятствовать возвращению души, разбирали забор. Нередко также после выноса тела ворота обвязывали красным поясом или рушником, чтобы вслед за умершим «не пішла з двора худоба». Особые поверья и ритуалы были связаны с кладбищенскими воротами; часто считалось, что душа последнего умершего в селе сидит на воротах кладбища в ожидании следующего покойника.

Ворота, как граница между двором и внешним миром, служащая прибежищем нечистой силы, в народной традиции часто служили местом гаданий. Например, на святки девушки выбегали ночью из дома, влезали на ворота и «окликали долю», пытаются по отзвукам и шуму угадать свою судьбу и даже сторону, куда им предстоит выйти замуж. Через ворота перекидывали обувь, и когда она падала, по направлению носка определяли, откуда ждать сватов. Кроме того, стоя в воротах, девушки загадывали, кто пройдет мимо — мужчина или женщина; появление мужчины сулило скорое замужество, а кое-где считали даже, что у будущего мужа будет такое же имя, как и у человека, прошедшего в это время мимо ворот.

На некоторые праздники вокруг ворот устраивали обрядовые бесчинства: кидали в них палками и камнями, разбивали о ворота горшки, колотили по воротам кочергами, хватками и пр., чтобы шумом отпугнуть злые силы. Во время обрядовых бесчинств молодежи ворота нередко снимали с петель и забрасывали на крышу, дерево, кидали в реку, утаскивали на перекресток и т.п.; иногда ворота похищали у соседей и бросали в реку, чтобы вызвать дождь. В ворота также били в сочельник, приглашая на кутью мороз и других стихийных персонажей.

Особое место в обрядах и поверьях занимали специально с той или иной целью возводимые ритуальные ворота. Так, например, на Троицу было принято строить

из веток и зелени особые ворота, под которыми «кумились» девушки (ср. обряды завивания березки в эту пору). Схожие ворота иногда строили и на свадьбу, и под этими зелеными арками проходили молодые и все участники свадебного поезда, чтобы защититься от порчи. У русских ворота из досок и бревен строили за селом при надежде скота; их обвешивали полотенцами, рыли под ними ров и прогоняли по нему всех животных из стада.

ВОСК — вещество, которому приписывались свойства оберега. Он широко использовался в народной медицине, магии и гаданиях: например, расплавленный воск лили в воду в гаданиях о жизни и смерти, о замужестве и т.п., а также для распознавания болезни или для того, чтобы узнать местонахождение преступника. В славянских обычаях воск использовался главным образом как «святое» вещество, противостоящее дьявольским силам, во многом благодаря тому, что из него изготовляли церковные свечи.

Применение воска в качестве оберега обнаруживалось в самых различных областях деятельности человека. Например, для удачной охоты им покрывали пули (и при этом нередко верили, что от пули, облепленной воском, никто заговориться не может). Рыбаки прикрепляли к сетям воск от свечи, которая горела на светлвоскресенскую заутреню, и причитывали: «Как на пасху валил в церковь народ, так бы шла в мои сети рыба!»; так же иногда поступали кузнецы, звероловы и пчеловоды, применяя обряд к своим занятиям, чтобы в кузницу шли заказчики, чтобы звери ловились в капканы, а пчелы летели в ульи. Воск иногда зашивали в одежду, чтобы уберечь пчел от ведьм и порчи; подобным же способом защищали от вредоносного влияния и себя самих. Защищая клад, деньги нередко зарывали вместе с восковым крестом; воском залепляли отверстия (в стволе дерева, в роге животного), куда предварительно помещали иные вещества и предметы-обереги (ртуть, масло, ладан и проч.), а также предметы, с которыми передавали болезни. Чтобы умерший не стал «ходячим» покойником или вампиром, ему на грудь клали восковой крестик, а в руку вставляли свечу или облепляли шею усопшего пятью шариками из воска.

При первом выгоне скота крестьяне нередко использовали чашечки из воска: в них собирали шерстинки от каждой коровы, после чего прятали в потайное место и произносили заговор от порчи и потерь в стаде, а по окончании пастбы эти шарики бросали в реку. В некоторых местах скот в день первого выпаса три раза обходили по солнцу с иконой и зажженной восковой свечой в руках; затем из свечи делали три шарика, которые, по прочтении заговора, приклеивали к иконе, и за этой иконой во время выпаса хранили «отпуск» (заговор).

Из воска также делали амулеты. Например, на Украине восковые шарики из свечи, освященной в Страстную четверг, носили как ожерелье от лихорадки; а у

белорусов существовали амулеты из воска в виде тех частей тела, которые предполагалось защитить от болезни. Крестики и фигурки из воска также часто носили при себе в качестве амулетов.

При определении причины болезни знахари в некоторых местах выливали расплавленный воск в воду и по тому, что из себя представляли застывшие восковые капли, судили о том, какой недуг поразил больного и как ему помочь. Для исцеления же от болезни над полученными фигурами из воска производили различные манипуляции, например: лили растопленный воск с приговором тина: «Как топится воск, так пусть растопится и болезнь». Нередко считалось также, что болезнь или порча «выливаются» вместе с воском (такой способ народного целительства так и назывался: «выливать воском»).

Реже воск использовался во вредоносной магии. Например, девушки, желая привлечь к себе парня или отомстить ему, бросали в огонь закатанные в воск волосы или нитки из его одежды; эти действия обычно сопровождалось заговором, в котором сердце юноши уподоблялось тающему воску. Существовали также и специальные заговоры «на воск» с целью ослабления мужской половой потенции.

Согласно народным поверьям, воск, как «святое» вещество, может рассказать правду о будущем; поэтому гадания с воском были очень распространены у всех славян. Девичьи гадания с воском совершались преимущественно на святки (у поляков — в день св. Андрея) и заключались обычно в литье расплавленного воска в воду и предсказывании судьбы, исходя из очертаний воска, застывшего в воде.

ВОСТОК — ЗАПАД — традиционно противопоставляемые стороны света. Например, восток в народной традиции был связан с мужчиной и с понятием начала, а запад — с женщиной и с понятием конца. Кроме того, крестьяне верили, что на востоке находится жилище Бога, а на западе — сатаны; поэтому на восток следовало обращаться с молитвой, а на запад — с проклятиями. Фактически, противопоставление запада востоку было подобно противопоставлению в народной традиции правого и левого, дня и ночи, лета и зимы.

Противопоставление востока и запада было напрямую связано с наблюдениями о восходящем солнце. Дневное движение солнца играло весьма важную роль в древнейших верованиях: недаром даже церковные шествия двигались посолонь (по солнцу). В глазах древних славян солнце каждое утро рождалось на востоке и угасало, умирало на западе; поэтому восток считался счастливой, благодатной стороной, а запад — наоборот. По народному убеждению, именно на востоке находится светлый рай, блаженное царство вечной весны и молодости; а запад славяне соотносили с идеей смерти и ада, печального царства вечного холода и тьмы. По народному убеждению, на запад, туда, где умирает солнце, устремляются и души умерших, о чем

Воструха

говорится и в различных поучительных писаниях (ср.: «и потом сведет ю (душу умершего) в пропасть, идеже затворены суть души грешных от века, показаеть ей места, идеже им мучитися, понеже мука далече мира есть на западе», ит.п.).

В связи с этими представлениями, и движение, действие или течение, направленное с востока на запад, в народе считалось положительным, а с запада на восток — отрицательным. Так, например, считалось, что пить воду из ключа, текущего с востока на запад, полезно, а из ключа или ручья, текущего с запада на восток, пить нельзя. При опаживании от чумы или надежда скота начинали пахать с восточной стороны села, направлялись направо к северу, и затем замыкали круг, направляясь на запад. При обходе священных деревьев — «записов» — шли от того «записа», что у церкви, к «запису», находящемуся на востоке, а затем ко всем остальным. На свадьбах жених и невеста, их родичи и гости выходили из-за стола «по солнцу». Вновь кулленную скотину трижды обводили вокруг столба «по солнцу», чтобы она «пришлась ко двору». Через масленичные костры прыгали на восток. Гадая о чем-либо, на пальцах поднимали ржаной хлеб и смотрели, в какую сторону он станет вертеться: если «по солнцу», то задуманное сбудется, а если «супротив солнца» — то нет, и т.д.

По тому же самому принципу начать любое дело старались именно с восточной стороны. Например, жатву начинали с восточной стороны поля или хотя бы срезали там первые колосья; белили в первую очередь восточную стену хаты, а выбрасывали сор или светили в темноте с порога прежде всего в западную сторону. Невесты бросали к востоку на свадьбе яблоко девушкам, «чтобы они скорее вышли замуж»; а новорожденного ребенка в некоторых местах принято было трижды подбрасывать к востоку, чтобы тот «был жив и здоров». Сербь на Крещение, прежде чем выпить крещенской воды, становились на топор, обращенный острием к востоку, поворачивались на нем трижды и подносили воду ко рту. В день св. Георгия при первой дойке овец последнюю овцу ставили головой на восток.

К востоку с древнейших времен были обращены алтари храмов и красные углы многих изб; икона во многих местах вешалась на восточной стене, у той же стены зажигалась на «славе» «славская» свеча. При постройке моста, дома, каменной стены и цоколя у источника строительная жертва в виде мерки человека замуровывалась в восточной части строения. Череп коровы, бычка или барана, служащий для отвода дурного глаза, ставился на хлебном поле обращенным на восток, а в винограднике на запад, что, вероятно, связано с отрицательным (опьяняющим) свойством вина. Даже покойников в древности хоронили обязательно лицом к востоку, в ожидании «великого утра всеобщего воскресения мертвых», знаменем которого служил ежедневный восход солнца.

Относились к востоку и другие обряды, приметы и обычаи. Например, у поляков при дележе унаследованной земли участок с восточной стороны доставался обычно старшему брату. Русские верили, что если фитиль и пламя рождественской свечи направлены к востоку, это к добру, к западу — к болезни скота, а кверху — к урожаю жита. Иногда связь с востоком в народной традиции могла исправить даже дурные предзнаменования: например, петушиное пение курицы считалось плохим знаком, но при этом крестьяне верили, что если курица запоет петухом, обратившись к востоку, то это к добру, а если к западу — то к беде, к смерти.

Вообще, в народе большая часть всевозможных гаданий была так или иначе связана с востоком и западом. Например, в Сибири верили, что гром на востоке предвещает густые и ядреные хлеба, на юге — средние, а на западе — неурожай. У русских считалось, что увидеть змею утром при восходе солнца — к добру, а на заходе солнца — к беде; беду следует ожидать и после встречи со змеей, появившейся до Юрьева дня с западной стороны. В день св. Варвары хозяйки смотрели, с какой стороны закипит в котле ритуальная каша из зерен разных злаков — «варица»: если с востока, то будет благополучие в доме, а если с запада — случится недород и беда. По той же «варице» гадали о смерти членов семьи, полагая, что если в каше появится ямочка в середине, то это к смерти хозяина, если с восточной стороны — кого-либо из мужчин, если с западной — кого-либо из женщин. Та же связь двух оппозиций — «восток — запад» и «мужской — женский» — присутствует и в ритуале с рождественским поленом, когда различались «мужской» и «женский» бадняк: «мужской» рубится с восточной, а «женский» — с западной стороны; в тех же районах, где «мужской» и «женский» бадняк не различали, его рубили с востока и так, чтобы он упал на восток. На сельских кладбищах могила мужа располагалась обычно на восток от могилы жены.

ВОСТРУХА — в народных поверьях дух, обитающий в жилище за печкой; возможно, предшественник домового. Согласно поверьям, там, где он живет, ничего приключиться не может, так как он охраняет дом от воров, заботится о его чести и достоянии, ухаживает за скотом и даже бережет непорочность юных дев.

Враг, вражина, вражной, вражье — см. Ворог.

ВСТРЕЧНИК — «встречный» дух в облике вихря, появляющийся иногда на дорогах и опасный для путников; встречный человек, обладающий особым влиянием; персонификация опасности, связанной со встречей в дороге.

В народных поверьях встречник — это злой дух, который в виде вихря несется по дорогам; он может лететь за душой умирающего преступника или убийцы. Встречая на дороге путника, демон-встречник «силой

своей окаянной» может мгновенно убить лошадь, поломать повозку или даже покалечить или избить («расшибить») встречных на дороге людей. Он может даже утащить с собой путника; чтобы защититься от него, нужно бросить в вихрь острый нож (считается, что тогда вихрь унесется прочь, а нож окрасится кровью).

В некоторых местах полагали, что встречник, встречный — это бес, живущий на дорогах: днем — на лесных, ночью — на полевых. Особенно он не любит пьяных и злых людей, но может причинить вред и вообще любому путнику. Встречный неожиданно бьет людей по голове, лицу, спине, пояснице, ногам; внезапно поднимает человека в воздух и может «расшибить до смерти».

Вообще, встречником в народной традиции называли не только злого духа, но и вообще прохожего, встретившегося по дороге человека, который мог предвещать как успех в делах, так и неудачу. Так, например, русские обычно опасались встретиться в дороге с женщинами, особенно старыми (хотя в определенные дни или часы такая встреча приносит счастье), а также с калеками, рыжими и горбатыми, с людьми, несущими топор, и т.п., полагая, что такая встреча «не к добру». Встреча с инородцем (например, с евреем, цыганкой и т.п.) обычно считалась счастливой, а встреча со священником предвещала неудачу, и, чтобы избежать плохих последствий, следовало вернуться домой или продолжить путь, но при этом плюнуть, сделать пальцами рога, показав в сторону от себя, или бросить вслед священнику соломинку, булавку и т.д. Встреча с человеком, несущим или везущим что-либо пустое (например, пустые ведра, бочки и т.п.), повсюду означала неудачу, а с несущим что-либо полное — успех, и т.д.

Очень часто встречник в народных поверьях символизировал собой смерть, гибель. Например, в Поволжье верили, что на Сретенье нельзя отправляться в путь — встретишь смерть; широко распространен был и обычай выходить на дорогу, перекресток, к церкви, чтобы попросить в кумовья первого встречного: тогда в семье не будут умирать дети (т.е. смерть не тронет тех, с кем проситель находится в родственных отношениях). В обряде опахивания села от мора, эпидемий и пр. участницы процессии били и прогоняли любого встречного, будь то человек или животное, полагая, что это смерть попалась им навстречу.

Особую роль встречи играли в похоронном обряде. Так, например, в некоторых местах при выносе покойника из дома родственники брали с собой пшеничный пирог или кусок холста, в который была завернута восковая свеча и монета. Эти предметы называли «встречник» или «подорожна»; их дарили первому встречному человеку для того, чтобы покойному простился его первый тяжкий грех и т.п. Получивший «подорожну» считался счастливым, и крестьяне верили, что на «том свете» его будет первым встречать

покойный, загораживая от «плохих путей» и постилая холст на пути к местам блаженства.

В магических действиях часто предписывался запрет на встречи; так, например, обряд сбора трав для любовной магии требовал, чтобы при возвращении девушки домой ее никто не встретил, и повитуха, спешащая к родильнице, также старалась остаться незамеченной.

Вообще, при встрече участников любой обрядовой процессии с человеком посторонним нередко совершались особые ритуальные действия, обычно состоящие в «приобщении» встречных к происходящему, часто в принудительном порядке. Так, например, в последний день масленицы ряженые «горбуны» гнали всех встречных плетью домой готовить к весне соху; девушки-«пеперуги», призванные обеспечить дождь, окатывали каждого встречного водой, и т.д.

ВЫРИЙ. Вырей, Ёрий, Сварга — в древнеславянских языческих мифах чудесное место, соотносимое с христианским раем. Ирий представлялся славянам страной вечного лета, чудесным садом, где обитают боги и души умерших и куда прячутся на зиму птицы.

Представления об «ирье» появились у славян очень давние времена, примерно тогда же, когда возникли и представления о посмертной жизни и о душе. Понятие о некоей жизненной силе, присущей каждому человеку и не исчезающей после его гибели, существовало уже у первобытных охотников, которые верили, что умершие люди возрождаются вновь в телах животных и птиц. Однако в те времена люди еще не знали потустороннего мира, помещая отлетевшие души своих умерших предков где-то поблизости, в лесах и полях, среди окружавших людей разнообразных живых существ. Они не отделяли себя от природы и своих умерших специально готовили к реинкарнации, для чего хоронили их в скорченном положении, имитирующем положение плода в материнском чреве. Вероятно, этот «круговорот душ» должен был в глазах древних охотников содействовать взаимопониманию человека и природы.

Шло время, охоту стало сменять земледелие и скотоводство, и в умах людей — еще предков славян, праславян, — начала зарождаться новая идея о «жизни после смерти». Резкий перелом в воззрениях древних славян произошел еще в праславянское время, когда погребение скорченных трупов в земле постепенно начало заменяться сожжением покойников или захоронением тел в вытянутом положении, в позе спокойного спящего человека (хотя при этом скорченные захоронения продолжали встречаться на славянской территории еще долгое время и в некоторых местах сосуществовали с другими видами погребения). Как при сожжении, так и при простой ингумации умершие, по мнению древних людей, должны были оставаться людьми и «по ту сторону жизни». Эти обряды были уже прямо связаны с представлениями о некоем загробном мире, куда души умерших устремляются

после смерти. Так, например, сжигая своих мертвых, славяне верили, что тем самым они помогают душам своих предков скорее попасть в загробный мир: считалось, что души вместе с дымом погребального костра возносятся вверх, на небо, и попадают прямо в чудесный Ирий.

Теперь уже сложно сказать, каким мыслился древним славянам потусторонний мир мертвых, называемый Прием, или Вырием. По-видимому, под чудесным Прием в древности понималось небо, роль которого несравненно возросла в период усиления земледельческого сектора хозяйства; недаром Вырий иногда называли еще Сваргой (санскритское «svarga» — «небо»). Небо в глазах древних земледельцев было источником всего необходимого для посевов: с него нисходили и живительная влага, и солнечный свет, и тепло. При этом небо некогда представлялось славянам двойственным (это представление, очевидно, сохранилось в русском языке, где есть «небо» и есть «небеса»). Древние земледельцы, не знавшие еще, что облака и тучи образуются из земных испарений, полагали, что вся дождевая влага берется сверху, из каких-то «хлябей небесных» — запасов воды, хранящихся на уровне «верхнего неба», находящегося над «средним небом», по которому движутся солнце и луна, и отделенным от среднего неба «твердью небесной». Таким образом, древние земледельцы подразделяли надземный мир на три яруса: землю с ее растениями, животными и людьми, небо видимое, по которому движутся светила и которое пересекают дождевые потоки, и небо верхнее, хранящее неисчислимые запасы дождевой воды и скрытое от глаз людей расположенной ниже него голубой небесной твердью.

Все эти представления древних славян нашли отражение в орнаментах, покрывавших ритуальные сосуды и т.п. В этих орнаментах самый верхний ярус в древности содержал лишь символ воды (волнистой или зигзаговую линию); но позднее (в трипольской росписи) в него стали переноситься и некоторые земные образы — символические изображения растений, всходов, вспаханной почвы и т.п. Таким образом, древние художники как бы превращали невидимую заоблачную твердь во вторую, небесную землю, где есть и пашни, и засеянные поля, и деревья, и растения, и молодые всходы.

По-видимому, вот этот-то небесный мир древние славяне и стали называть Прием и населять душами своих предков и небесными богами. Души предков, находящиеся на небе, в Вырии, очевидно, по мысли земледельцев, должны были содействовать всем столь необходимым для посевов небесным операциям, таким, как дождь или снег. Для того же, чтобы души скорее попали на небо, тела умерших сжигали. Трупосожжение у славян существовало (с кратковременными отступлениями в отдельных местах) около двух с половиной тысяч лет и было вытеснено лишь христианством в X — XII вв. н.э. Самая идея кремации, вероятно, была связана с представлениями об очищающем

свойстве огня, уничтожающего и самое мертвенное начало, а также с древними жертвоприношениями, когда жертвенное мясо сжигалось на алтаре, а дым шел к небу, к «богам-небожителям». Сама душа у славян часто ассоциировалась с дыханием или дымом. По-видимому, славяне верили, что она при огненном погребении сливается с дымом погребального костра и при его помощи немедленно, сразу после погребения поднимается к небу и входит в рай, Ирий.

Вероятно, сперва этот потусторонний мир в сознании древних людей был просто не вполне определенным, абстрактным местом, где пребывают небесные боги и куда после смерти попадают души умерших. Но постепенно миф об Ирии «обрастал деталями» и конкретизировался; с ним связывались все новые и новые поверья, сказки, предания и т.д. И со временем Ирий в преданиях славян обрел облик прекрасной страны вечного лета, счастья и изобилия, в которой текут молочные реки и цветут изумительные сады. Там, согласно легендам, души умерших живут почти так же, как и на земле: они едят и пьют, трудятся на полях, собирают урожай и т.д.; но только они не испытывают нужды и не ведают горя, живут счастливо и безбедно, ожидая встречи со своими потомками. Такие представления славян нашли отражение и в фольклоре, и в погребальных обрядах.

Так, например, арабский дипломат Ибн-Фадлан, наблюдавший на Волге у средневековых славян в 922 г. погребение «одного выдающегося мужа», писал, что при погребении одну из «девушек умершего», добровольно согласившуюся на сожжение, чтобы последовать за покойным и быть его женой в потустороннем мире, перед самой кремацией подвели к специальным воротам, сооруженным около будущего костра, и трижды поднимали над воротами, а она заглядывала через ворота вниз и, произнося что-то при этом, приносила в жертву курицу. Один из русских купцов при этом объяснил арабу-переводчику, что она в первый раз сказала: «Вот вижу своего отца и свою мать», во второй раз: «Вот все мои умершие родственники», а в третий раз: «Вот я вижу своего господина, сидящим в саду, а сад красив, зелен. И с ним мужи и отроки и вот он зовет меня. Так ведите же меня к нему!» Когда же все приготовления к кремации были окончены и разгорелось пламя грандиозного костра, поверх которого русы взгромоздили ладью с покойником, русский сказал арабу-переводчику: «Вы, о, арабы, — глупы! Воистину вы берете самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в землю, и съедают его прах и гнус и черви... А мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас».

Весь этот обряд говорит о том, что царство мертвых, Ирий, представлялось русам в X в. «далеким и высоким» миром, где души умерших пребывают в мире и благоденствии. При этом, однако, в то время он уже не считался тем «третьим ярусом мира», в котором находятся мировые запасы воды, проливающейся на

Вырий

землю дождем. Его считали чудесной страной, находящейся где-то на востоке, за морем, в далекой стороне; при этом некоторые легенды гласили, что он находится на каких-то блаженных островах (ср. легенды об острове Буяне или чудесном острове Макарийском) или (реже) в высоких неприступных горах, на краю мира. Расположение Вырия в восточной стороне вполне понятно: восток, как сторона, откуда восходит солнце, издавна соотносился со светлой страной творческих, плодотворящих сил, тогда как запад, сторона, где солнце умирает, почитался страной мрака и бесплодия (по этой же причине, очевидно, некоторые легенды указывали на южное расположение Ирия: юг, как теплая страна, издревле противопоставлялся северу, как стране зимы и холода). Отделение Ирия от остального мира великим океаном и расположение его где-то в «далекой стране солнца» являлось, очевидно, остатком древних представлений о расположении Вырия на небе с его светилами и запасами воды, дождевой влаги.

В легендах и поверьях средневековья Ирий рисовался обычно похожим на земной мир, но неизменно более прекрасным и удивительным местом. Так, например, его нередко описывали как прекрасный сад, где все растет, зеленеет, цветет и плодоносит. Оттуда, по преданию, приносятся на землю зародыши всякой жизни: семена растений и даже души новорожденных (миф, возникший, очевидно, на основе представлений об оплодотворяющей силе дождя). Там, согласно легендам, реки текут млеком, вином и медом, а берега у них кисельные (что также указывает на древние представления о Вырии как о «третьем небе»: так, мед, молоко и вино издавна являлись метафорическими названиями дождя, а топкая грязь, производимая ливнями, в народных говорах нередко называлась киселем, киселицей; кроме того, крестьяне некоторых мест рассказывали, что летние облака иногда надают на землю и люди, видевшие это, принимали их за кисель). Из-за этих молочных рек (ср. представление о Млечном Пути как о небесной реке или дороге мертвых на тот свет) Ирий в некоторых местах называли еще Беловодьем.

Фактически, описание Вырия, чудесной райской страны, было поэтическим, идеализированным описанием весенней природы, роскошно убранной в зелень и цветы и озаренной яркими лучами солнца. Все это весеннее цветение и плодоношение растений на земле было невозможно без небесных дождей и ласкового весеннего солнца; поэтому и заоблачный Ирий, воплощение неба, от которого зависело весеннее расцветание природы, очень скоро стал представляться людям страной, покрытой вечнозелеными садами с золотыми и серебряными плодами и прекрасными цветущими лугами. И эти представления совершенно не изменились и при христианстве, когда языческий Ирий в народных поверьях стал отождествляться с христианским Эдемом и все чаще именоваться раем. Так, например, словаки рассказывали, что рай есть

чудесный неувядаемый сад, находящийся во владениях бога света (ср. общеславянские представления о Дажьбоге, сыне Сварога, как о небесном боге «белого света» и солнца), где праведных ожидает бесконечное наслаждение; русские же верили, что рай насажден у небесной криницы, «а над тею крыницею и скризь там такой разнии, прихорошии, пахнючии цвйткы та ягоды, яблуки, хвыги, мындалы, розынкы (виноград) и всякая овощь, а птыци так хороше спивають та щебечуть, що-й сказаты не можно». Слово рай повсюду служило для обозначения сада; то же касалось и слова вырей (словом вырец в Вятской и др. губ. обозначали цветник, купину; само же название Вырий, вероятно, было родственно латинскому *viretum* — «местность, покрытая зеленью»).

Вообще, этимология слова рай указывает на понятие солнечной, воздушной области: корень *гај* (радж), от которого оно произошло, первоначально обозначал «впечатление небесного блеска, небесного моря, светлой облачной страны»; санскр. существительное *гајас* (раджас) первоначально означало блеск, потом воду (т.е. «блестящую») и наконец облако, а во множественном числе иногда и облачное небо. Ирий и вырий были, по-видимому, просто иными лингвистическими формами слова рай, произошедшими от того же корня, только в иной форме: общиндоевропейской формой для санскр. *гај* было *arg*.

Таким образом, понятия Вырия и рая были, по-видимому, практически полностью идентичны. Единственным различием между языческим Прием и христианским раем было представление о том, что в рай попадают исключительно избранные. Христиане верили, что для того, чтобы попасть в рай, непременно нужно быть праведником, безгрешным человеком; языческий же Ирий славян не требовал никакого искупления грехов и «запаса добрых дел». Туда после смерти должны были попасть все, независимо от образа жизни или социального положения (впрочем, это правило имело исключения: так, например, считалось, что в Вырий не попадают души людей, оставшихся без погребения, а также души чужаков, иноземцев, врагов и т.д.). Язычники верили, что души умерших после смерти могут «немедленно и тотчас войти в рай» (при сожжении трупа) или находиться на земле какое-то время; но в этих представлениях не было ни чистилища, ни рассортировки мертвых на праведных и грешных, ни ожидания страшного суда: после смерти человека душа его должна была отправиться в Ирий, далекую райскую страну, находящуюся где-то между небом и землей.

Славяне верили, что попадая в Вырий, души умерших пребывают в нем практически все время, однако при этом иногда могут покидать его, незримо для людей прилетая оттуда на землю к друзьям и врагам и напоминая о себе. Так, например, у всех славян существовали поверья о том, что души предков обязательно посещают землю в некоторые годовые праздники, например, в Чистый четверг, на Радуницу и т.д. (ср.,

Вырий

например, белорусские обряды поминовения умерших, связанные с культом предков — «дзядов», дедов). К приходу душ предков торжественно готовились: топили им баню, мыли и убирали жилище, как на большой праздник, жгли в воротах ритуальные костры (приглашая при этом «дзядов» прилететь — и погреться), готовили обрядовые кушанья и т.д. Во время семейной трапезы непременно поминали умерших и приглашали «дзядов» — покойников прилететь и присоединиться к живым (так, например, белорусы при этом «закликали» покойников: «Святые дзяды, зовем вас! Святые дзяды, ляцице (летите) до нас!»), откладывали душам предков часть ритуальной еды, а после поминального ужина провожали их (например, со словами: «Святые дзяды, вы сюда приляцели, пили и ели, ляцице же цяперь до сябе!»). Очевидно, после этого приема души предков должны были отправиться к себе в рай, в Вырий, в свое постоянное местопребывание. При этом во всех народных представлениях души умерших оказывались улетающими куда-то, носящимися по воздуху; нередко считалось даже, что они являются на землю и улетают обратно в облике птиц или разных летающих насекомых (так, например, в древности славяне, готовясь к прилету душ умерших, топили для них бани и при этом посыпали пол пеплом, полагая, что когда предки вымоются и исчезнут, на пепле останутся птичьи следы).

Возможно, это поверье было тесно связано с древнейшей легендой о том, что в Вырий на зиму скрываются все земные перелетные птицы, насекомые и змеи. Так, например, в поучении Владимира Мономаха сказано: «сему ся подивуемы, како птица небесныя из

ирья идуть... да наполнятся леей и поля». В народных песнях Ирий также часто упоминается как место временного пребывания птиц (ср., например, малорусскую песню, в которой сокол жалуется: «Видна ж моя головонько, / Що я рано з' вырря выйшов, / Що по горох (на горах) снега лежать, / По долинах воды стоять»).

Крестьяне многих мест и в XIX в. верили, что с началом осени (14-го сентября) журавли, стрижи, касаточки и другие птицы улетают в Вырий; тогда же, по поверьям, улетают в Ирий комары и прочие насекомые, гадюки и вообще все змеи лезут в Вырий по деревьям (ср. представление о том, что «души усопших, прежде нежели достигнут страны блаженных, осуждены порхать по деревьям»), а ласточки, сцепившись лапками, прячутся в криницы, реки и озера (очевидно, также таким способом попадая в Вырий: облака, несущие дождь, издревле сравнивались с земными водными источниками). С окончанием зимы, по народному убеждению, все птицы, змеи и насекомые возвращаются на землю, причем первыми Вырий покидают жаворонки (9-го марта) и ласточки (25 марта, на Благовещенье). При этом считалось, что когда поздней осенью все птицы и змеи прячутся в Вырий, он замыкается на зиму, а весной снова отмыкается (ср. поверье о том, что Егорий или Илья-Пророк хранит ключи от неба и замыкает его на зиму, а весной снова отмыкает); ключи же от Вырия, по поверью, хранит кукушка (реже — ласточка или сизая галочка). Древние славяне некогда даже совершали в начале осени магический обряд погребения крыла птицы, символизировавшего ключ от Вырия.

Г

ГАДАНИЕ — узнавание или предсказывание будущего, судьбы; в древности — одно из главных обрядов богослужения. Заключалось гадание в том, что люди, основываясь на каких-либо явлениях или знаках, угадывали будущее, судьбу (свою или чужую) и т.п.

Некогда, судя по всему, гаданиями занимались преимущественно волхвы и прочие служители богов. Так, например, в храме Свентовита жрецы гадали по белому священному коню бога, проводя его мимо копий; об урожае все тот же жрец гадал по рогу в руке идола, а также по огромному пирогу, который специально для этой цели пекли к празднику. Вообще, большинство гаданий издавна приурочивалось к различным праздничным датам, когда проводились торжественные богослужения, хотя в некоторых случаях (например, при приближении войны, мора) гадания проводились и независимо от дня. Зависимость же от праздников была, очевидно, связана с представлением о том, что будущее должны открыть сами высшие силы, к которым, естественно, разумнее было обращаться в их праздник, в то время, когда они наверняка услышат обращенные к ним просьбы и ответят на задаваемые вопросы.

Конечно, не все гадания проводили только высшие служители богов. Они были причастны, по большей части, к гаданиям большой важности: так, например, те же жрецы Свентовита гадали о том, каким будет исход войны или какой урожай будет вообще, а не у каждого крестьянина в отдельности. Гадания же более мелкие, личного плана, касающиеся только одной семьи или даже только одного человека, могли, очевидно, проводиться и простыми людьми, или, что вернее, людьми «знающими», волхвами низшего ранга (позднее такие люди стали считаться колдунами или знахарями). Такие люди находились едва ли не в каждой деревне, и когда исчезли языческие храмы, они все еще пользовались в народе большим почетом. К этим кудесникам и чаровникам обращались во всех затруднительных случаях — при болезнях, пропажах и, в частности, для гаданий. Впрочем, к XIX в. (и даже значительно раньше) гадания стали «достоянием народа»: в крестьянской среде простые девки и парни, а также взрослые мужики и бабы постоянно прибегали к различным гаданиям самостоятельно, без всякого посредничества.

С приходом христианства гадание повсеместно стало считаться делом нечистым, грешным и опасным, поскольку для распознавания будущего, по народному убеждению, необходимо было посредничество духов,

нечистой силы, умерших. Так, например, в северорусских губерниях были широко распространены гадания, в которых призывались различные нечистые духи: «Черти, лешие, бесы, дьяволы, приходите ворожить!» или: «Лешие лесные, болотные, полевые, все черти-бесенята, идите все сюда, скажите, в чем моя судьба?» Подобные контакты с нечистой силой запрещались церковью, не говоря уже о том, что они считались весьма опасными: нечистые духи могли погубить гадающих или даже завладеть их душами. Но гадания, тем не менее, отнюдь не исчезли, так как, по народному мнению, являлись неотъемлемой, необходимой частью праздничных обрядов. Взрослые гадали, в первую очередь, о благополучии семьи и обо всем, что имело к этому отношение, т.е. об урожае, здоровье и благополучии скота и т.п. Молодежь же стремилась узнать свою собственную судьбу и потому гадала о замужестве, благополучии брака и т.п.

Среди взрослых наиболее распространены были гадания по приметам. Так, например, по тому, был ли снег в тот или иной день, было ли ведро или дождь, с какой стороны дул ветер и т.д., крестьяне определяли, какая будет погода, когда начинать сеять или собирать урожай и т.д. Если, к примеру, небо на Новый год было звездным, считалось, что урожай будет хорошим; если на Богоявление мела метель; верили, что пчелы будут хорошо роиться, и т.д. Таких примет было великое множество, они могли приурочиваться как к какому-то дню, так и к определенному месяцу или ко всему году вообще.

Более сложные гадания использовала, по большей части, молодежь и, в первую очередь, девушки, гадающие о замужестве. При этом многие такие гадания считались в народе «страшными», так как в них гадающие прибегали к помощи нечистой силы; в некоторых местах такие гадания считались самыми верными.

«Страшные» гадания заключались в том, что гадающие вступали в контакт с нечистой силой, а затем задавали ей вопросы. В поисках контакта с духами гадающие снимали с себя нагательные кресты и пояса, развязывали все узлы на одежде, распускали волосы (девушки); затем выходили из дома не перекрестясь, шли молча, иногда босиком или в одной рубашке; шли к месту гадания тайком, чтобы никто не видел; гадали иногда зажмурившись, прикрыв лицо платком и т.д. Для гаданий избирались обычно «нечистые» места, где — как считалось — обитает нечистая сила: заброшенные дома, нежилые помещения (баня, овин, хлев, подвал, чердак или сени), кладбища; места, осмысливаемые как пограничное пространство между «своим» и «чужим» миром (печь, порог, угол дома, забор,

Гадание

ворота, перекрестки, межи, места возле воды, проруби, колодцы и т.п.). Приступая к гаданию, непременно старались оградить себя от пагубного влияния нечистой силы: для этого очерчивались вокруг кочергой, лучиной, ножом; надевали на голову глиняный горшок; держали друг друга за мизинцы (если гадание было коллективным) и т.п.

Большая часть гаданий была приурочена к Святкам, и особенно к Рождеству, Новому году и Крещению, когда, по народному убеждению, с «того света» на землю являются души умерших и активизируется нечистая сила. Некоторые предрождественские гадания проводились в дни зимних святых: Екатерины (25.XI), Андрея (30.XI), Варвары (4.XII), Николая (6.XII), Люции (13.XII) и пр. В меньшей степени гадания были характерны для весенне-летнего периода: гадать могли в Юрьев день, на Пасху, Троицу, на Ивана Купалу. Наилучшим временем для гаданий, приуроченных к какому-либо дню, считались вечер, полночь и раннее утро до восхода солнца или до первых петухов. Гадания же по различным приметам проводились в самое разное время: так, например, повсеместно гадали во время свадьбы и обряда крестин, похорон и поминок, при дожинках и переезде в новый дом; гадали и при выполнении повседневных хозяйственных работ: при выпечке хлеба, выметании мусора, растапливании печи и т.п.

К весенне-летнему циклу, по большей части, приурочивались гадания девушек о судьбе и гадания взрослых об урожае. Девушки гадали, в первую очередь, по венкам: их бросали в воду или пускали по воде со свечками и следили, чей венок потонет или чья свечка потухнет быстрее (если венок тонул или свечка гасла, это означало смерть или безбрачие). Взрослые же гадали либо по приметам, либо по особым предметам: последнему снопу, обрядовому хлебу и т.п.

Среди святочных же гаданий девичьи гадания занимали самое видное место. Гадали обычно при помощи различных вещей, животных и т.д.; нередко гадали по звукам и т.п. Так, например, во многих местах девушки гадали следующим образом: снимали с левой ноги башмаки и кидали их за ворота, замечая при этом, как упадет башмак (куда он ляжет носком, в ту сторону выйдет замуж гадающая; если же он укажет на ворота, из-за которых девушка кинула свой башмак, это значит, что в этот год гадающей жить дома, замуж она не выйдет). Гадали еще и так: гадающая выходила к забору или просто вставала за воротами и говорила: «Залай, залай, собаченька! Залай, серый волчок, где залает собаченька, там живет мой суженый!»; после этого она ждала, откуда послышится собачий лай, полагая, что в ту сторону и будет отдана замуж, и чем глуше и дальше будет слышен лай, тем дальше от ее родного дома будет жить ее муж; при этом считалось еще, что если лай хриплый, муж будет старый, а если лай звонкий и тонкий — муж будет молодой и веселый. Для того же, чтобы узнать имя будущего жениха, девушки клали на стол солому, сбитую в ком, на этот ком

ставили сковороду, а на сковороду клали камень и наливали немного воды; после этого потихоньку и медленно каждая из гадающих начинала вынимать по соломинке и по звуку, производимому камнем на сковороде при колебании, старалась угадать имя. При этом схожее гадание употреблялось для того, чтобы узнать, какая у невестки будет свекровь: гадающая клала на сковороду камень и наливала воду, а также, сверх всего этого, клала растрепанные хлопья льна или пеньки, зажигала их и накрывала горшком, полагая, что если вода сильно заклокочет, это будет означать сварливую свекровь. Характер же будущего мужа иногда определяли по снегу: гадающая вечером ложилась навзничь в снег, а поутру ходила и смотрела, остался ли след на снегу гладким (что означало смиренного, ласкового и спокойного мужа) или стал иссеченым, взрытым (что предвещало мужа вздорного и драчливого).

Одним из наиболее распространенных способов гаданий с целью узнать судьбу был обычай гадать на вещах. Это гадание заключалось в том, что молодые люди обоюбого пола, собравшись вместе, брали кольца, перстни, сережки и другие мелкие вещи и клали их под блюдо вместе с кусочками хлеба, накрывали все это чистым полотенцем или салфеткой. Затем все гадающие пели различные подблюдные песни, например, песни, посвященные хлебу и соли; по окончании же каждой песни, отвернувшись и запустив руку под закрытое блюдо, вынимали один какой-нибудь предмет, первым попавшийся под руку, и по нему судили о будущем. А так как вещи, вынутые из-под блюда, не всегда попадались настоящим владельцам, то их можно было выкупать. Последнему, вынувшему из-под блюда вещь, пели песню, обычно свадебную, как бы предвещая скорый брак, а затем бросали на пол кольцо, наблюдая, в какую сторону оно покатится: если к дверям, то для девушки это означало близость брака, а для парня — отъезд.

Некоторые девушки, желая узнать свою судьбу, гадали следующим образом: укладывали, иногда с наговором, в пустой чистый горшок сборник (головной убор) или какую-либо другую принадлежность головного убора, а также кусок хлеба и кусок дерева; потом, закрыв или завязав глаза, подходили к горшку и брали из него первую вещь, попавшуюся под руку. Если в руке оказывался головной убор, это сулило замужество, хлеб означал девичество на этот год, а кусок дерева — гроб (т.е. смерть). Для того, чтобы узнать, долго ли суждено прожить, девушки гадали еще и так: брали в руки березовую лучину, шли с ней к роднику, реке или колодцу, мочили эту лучину и, возвратившись домой, поджигали ее на огне. Считалось, что если лучина загорится скоро, то это знак долгой жизни, а если не загорится вовсе — скорой смерти; если же она будет гореть с треском и не особенно ровно, то в течение года гадающая будет хворать.

Очень древними являлись обычаи «окликания прохожих» и «подслушивания». Обычай окликания

Гадание

состоял в том, что девушки по случайным людям, встреченным на улице, гадали о том, какой будет жених: гадающая вечером или ночью (обычно в рождественский сочельник или в Васильев вечер) выбегала из дома и, стоя у калитки, спрашивала у первого проходящего мимо мужчины его имя, полагая, что ее жених будет иметь то же самое имя и «ту же красоту», что и спрошенный прохожий. Обычай же подслушивания заключался в том, что гадающие девушки тайком ходили под чужие окна или двери и по услышанным словам и обрывкам разговоров судили о судьбе: приятная или скучная будет жизнь, ласковый или сердитый муж, старый или молодой жених и т.д. Наиболее же смелые девушки ходили слушать к церковным дверям, полагая, что в этом случае можно в полночь услышать в пустой церкви пение, и по тому, каким оно будет (радостным венчальным или погребальным), определить свою судьбу, узнать, суждено ли в этот год выйти замуж или умереть.

Не менее древним, очевидно, являлось и гадание с топором. Гадали при этом так: вбивали в топор деревянный кол и держали его обеими руками так, чтобы вращать кол было легко, при верчении же называли имена девушек; считалось, что та девушка, на чьем имени топор покровится, в этом году выйдет замуж. В древности такой способ использовали для того, чтобы узнать виновного в каком-либо преступлении: вращая кол, называли имена подозреваемых, и на чьем имени топор кривился, тот человек считался виновным. Известно было и схожее гадание с книгой и ключом, с помощью которого также некогда определяли виновных, а позднее девушки стали выяснять, кто из них выйдет замуж в будущем году. Заключалось оно в том, что гадающие брали какой-нибудь старый ключ, закладывали его бородкой между листов переплетенной книги, которую при этом завязывали так, чтобы заземленный ключ крепко держался между ее страниц, а затем за кольцо ключа книгу вешали на веревку к потолку и загадывали, кто из числа присутствующих девушек вскоре выйдет замуж: считалось, что при назывании имен всех гадающих книга повернется, когда назовут имя той, которой суждено скоро вступить в брак.

Возможно, что к числу древних гаданий относилось также и гадание с поленом. Девушки подходили к поленице задом или с закрытыми глазами и брали из нее первое попавшееся полено, а затем каждая осматривала свое полено и по нему судила о будущем. Так, например, полено с тонкой и ровной корой сулило хорошего, красивого и молодого жениха, а полено с корой шероховатой — некрасивого; полено с толстой, но хорошей корой значило богатого мужа, полено, местами ободранное, — мужа нуждающегося, а полено вовсе без коры — мужа бедного; толстое полено значило, что жених окажется сильным и толстым, полено сучковатое предрекало большую семью (сколько сучков, столько будет и людей в семье), а кривое полено — мужа-урода, и т.д. Известно было и схожее с этим

гадание у омета соломы: гадающие по очереди подходили к омету и, запрокинув голову назад, ртом вытягивали по соломинке, полагая, что если соломинка попадет с колосом, то у гадающей, когда она выйдет замуж, будет богатая жизнь, а если соломинка будет без колоса, то жизнь будет бедная.

Со времен язычества, судя по всему, сохранилось гадание с бобами. К этому гаданию производилась сперва особая подготовка: «Берут 41 боб и раскладывают на девять кучек по столу в три линии. Прежде всего делают три кучки из 41 боба без счета, по виду, затем из первой отсчитывают четыре боба, которые и кладут в сторону таким образом: из первой кучки откладывают 4, 3, 2 и 1 боб, последний будет для образования первой кучки второго ряда. Потом принимаются за вторую кучку из трех первоначальных и поступают с нею так же, как и с первой. Остаток присоединяют ко второй линии для образования в ней второй кучки. Наконец, поступив таким образом, получим в первом ряду три кучки, в каждой из которых будет не более как по четыре боба. Второй ряд или линия должна производиться из тех кучек, где бобы были отсчитаны по четыре, все эти бобы должны также разложить на произвольные три кучки. Потом нужно образовать третий ряд, только он не отсчитывается, а просто делится весь остаток от первых двух линий на произвольные последние три кучки. При этом нужно иметь в памяти слова: желаю, надеюсь, исполнится». После этих приготовлений приступали собственно к гаданию, причем выбирали одну из кучек, считавшихся главными. В первой линии средняя из трех кучек именовалась «головой», третья кучка — «рукою», средняя со второй — «сердцем», а в третьей третья кучка — «ногою в походе». Считалось, что «голова» содержит ответы на вопросы об уме, способностях и характере; «рука» знаменует имение, богатство, бедность, «сердце» — печаль, радость, любовь, чувства вообще, а «нога в походе» — путешествия, дорогу, письма, отъезд, отправку и т.п. Выбиралась, соответственно, кучка, которая содержала ответы на волнующий вопрос. Гадающие смотрели, сколько зерен в этой кучке, и верили, что если число зерен четное, то ответ неблагоприятный, а если нечетное — благоприятный. При этом требовалось также сверяться с первой кучкой той же линии или ряда, где находился ответ на вопрос, так как если в «вопрошаемой» кучке было нечетное число бобов, означающее благополучие, а в первой кучке того же ряда число бобов было четным, то это означало препятствие, которое, однако, должно было окончиться к благополучию гадающего.

Одним из самых распространенных гаданий, известных буквально повсюду, было гадание с воском, оловом или свинцом, заключавшееся в том, что гадающие лили в воду расплавленный воск и т.п.; в воде он принимал самые причудливые формы, а когда застывал, то по форме получившихся кусочков гадающие судили о своем жребии: о счастье или несчастье,

Гадание

Весьма широко были распространены и гадания с участием животных и птиц. Так, например, девушки нередко гадали с курами или петухами: сняв кочета с насеста, приносили его в ту комнату, где уже заранее были приготовлены на полу в трех местах вода, хлеб, а также золотые, серебряные и медные кольца, серьги и другие мелкие вещи, пускали птицу на пол и смотрели, какую вещь она клонет или за что примется прежде всего. Считалось, например, что если птица станет пить воду, то муж будет пьяницей; если станет есть хлеб — муж будет зажиточный, не бедный; если же клонет уголь — муж будет бедняк или «прогорит». Если петух клевал золотое кольцо, это сулило мужа-богача, серебряное — мужа с достатком, а медное — мужа «скудного по труду», волокиту. Подобное гадание, однако, обычно совершали в одиночку; если же гадало несколько девушек, делали обычно так: кольца и перстни присутствующих укладывали кругом, а петуха пускали в круг, полагая, что владелица того кольца, которое клонет птица, выйдет замуж в течение этого года. Впрочем, иногда собравшиеся девушки делали несколько кругов из различных вещей, и в каждый круг каждая гадающая пускала курицу из своего дома (т.е. каждая гадала для себя). Известны были и другие гадания с курами. Так, например, во многих местах у молодежи и особенно у девушек принято было на святки ходить по птичьим закутам и там, зажмурив глаза, снимать первую попавшуюся птицу с насеста, а потом по цвету ее перьев судить о цвете волос суженого (или суженой, если гадал парень). В Сибири во время гаданий нередко пускали на середину комнаты петуха с курицей и по их поведению судили о том, какой будет муж: так, если петух гордо расхаживал по полу и щипал курицу, верили, что муж будет сердитый и станет бить жену; но если курица храбрилась и отгоняла петуха, не позволяя ему щипать себя, это считалось знаком того, что жена будет одерживать верх над мужем. Иногда подобное наблюдение за птицами превращалось в отдельное гадание: петуха и курицу связывали вместе хвостами и сажали их под решето, наблюдая, которая из птиц первой потянет за собой другую: если петух потащит курицу, значит, муж будет «держателю жену в руках строго», а если курица потянет петуха, значит, жена будет начальствовать над мужем.

Из домашних животных в гаданиях чаще всего участвовала лошадь. Так, во многих местах было известно следующее гадание: девушку сажали на лошадь, у которой были завязаны глаза, а затем эту лошадь пускали из ворот с тем, чтобы она вольно шла, куда вздумает; в какую сторону она избирала путь, туда, по народному убеждению, гадающей и выходить замуж. Иногда делали еще так: выводили лошадь из конюшни через оглоблю или какую-либо жердь, полагая, что если она зацепится ногами за эту оглоблю, то гадающей будет несчастливая жизнь и сердитый муж, а если лошадь спокойно перешагнет через жердь, то девушке предстоит счастливое житье со смиренным и ласковым мужем.

В некоторых местах известны были гадания на коровой или воловьей коже. Для этого гадания девицы брали столешник, хлеб, ножик и коровью сырую кожу, шли на перекресток или к проруби, расстилали там кожу, клали на нее хлеб и ножиком очерчивали круг (причем считалось, что очертить надо непременно всю кожу, даже хвост, иначе нечистая сила может за него выдернуть шкуру из круга и погубить гадающих), а затем садились на шкуру, закрыв себя столешником или скатертью, и, ухватив друг друга за мизинцы, «делали завещание, чтобы судьба известила их, что случится в нынешнем году». После этого они сидели тихо и слушали, какие раздадутся звуки: если в тишине какой-нибудь из гадающих слышалось, будто едет свадебный поезд, это значило, что она скоро выйдет замуж; если чудилось, что на поле собрались толпы народа, это предвещало обильную жатву, и т.д. Впрочем, подобное гадание иногда варьировалось. Так, в некоторых местах считалось, что для подобного гадания нужно сесть у проруби на воловьую, коровью или конскую шкуру и очертиться кругом от проруби огарком; тогда водяные черти, выскочив в полночь из проруби, подхватят кожу и стремительно понесут сидящего на ней туда, куда он загадает (например, в дом будущего жениха и т.д.). Однако при этом такое гадание считалось весьма опасным, так как, по народному убеждению, черти непременно захотят «присвоить» себе гадающего и обратно к проруби полетят с невообразимой скоростью, чтобы нырнуть обратно в воду вместе с человеком; гадающий же (или гадающая), чтобы спасти себя, должен перед самой прорубью успеть «зачураться».

К числу «страшных» гаданий относились и гадания в нечистых местах, например, гадание на росстанях, в бане или овине. На росстанях гадали обычно так: девушки выходили на перекресток и, загадав каждая о будущем женихе, очерчивались кругом, а затем, стоя в нем, прислушивались: если почудится звон колокольчиков, смех или веселое пение — это к скорой свадьбе, а если послышатся плач, унылое пение и т.п. — к смерти. У бань и овинов гадали примерно следующим образом: гадающие задирали подол и становились задом к двери или окну, полагая, что если банный или овинный дух погладит их по обнаженному телу мохнатой и теплой рукой, то это к богатому жениху, а если погладит рукой холодной и голой — к жениху бедному; шершавая рука означала мужа «характерного», строгого, а отсутствие прикосновения — безбрачие в течение будущего года.

Такими же «страшными» считались и многие гадания, в которых девушки призывали «суженогоряженого», особенно потому, что большинство таких гаданий совершалось в одиночку. Одним из самых распространенных гаданий такого рода было приглашение ужинать: гадающая накрывала для «суженого» стол, ставила два прибора, хлеб, соль, ложки (но не клала вилок и ножей), а около полуночи садилась за стол одна, очерчивалась и говорила: «Суженый,

Гадание

ряженный, приходи ко мне ужинать»; считалось, что когда пробьет полночь, к гадающей явится ее будущий жених (вернее, нечистый дух в облике жениха) в том самом наряде, в котором он должен быть на бракосочетании, и сядет за стол ужинать. По некоторым поверьям, такому появлению может предшествовать вой и свист ветра, серный или смрадный запах, т.е. признаки присутствия нечистой силы. Считалось также, что явившийся суженый может вытащить что-либо из кармана и положить на стол, и если в этом случае гадающая скажет: «Чур меня!», дух немедленно исчезнет, а предмет останется на столе (так, в одной бы личке суженый девушки, вызванный ею с помощью такого гадания, оставил на столе платок, который, как выяснилось позже, примерно в то же время таинственно пронал у ее будущего мужа). Но так как, по поверью, при этом гадании могло и не помочь зачурание и гость мог засидеться или даже сделать попытку задушить девушку, гадающие нередко брали с собой петуха, полагая, что на крайний случай его можно заставить закричать, и видение немедленно исчезнет.

К числу «страшных» гаданий с целью увидеть «суженого-ряженого» относилось и широко известное гадание на зеркалах, считавшееся одним из самых «верных»; его производили только самые смелые девушки, желающие узнать точный ответ на свои вопросы. Подобные гадания всегда производились в тишине, молчании и ночью; гадали в одиночку и обычно в каком-нибудь нежилом помещении, например в нежилой избе или в бане. Вариантов гаданий с зеркалами было немало. Наиболее часто гадали так: ставили в темном покое на стол зеркало и перед ним горящую свечу, а гадающая девушка входила, садилась перед столом и смотрела через свечу в зеркало; считалось, что в этом случае она увидит в зеркале своего суженого. Однако, едва увидев его, она сразу же должна была «зачураться», чтобы видение исчезло, иначе нечистый дух, явившийся ей в облике будущего жениха, мог задушить ее. В Сибири подобное гадание производилось несколько сложнее: там два зеркала ставили одно против другого, причем перед одним гадающая ставила на стол две свечи, а другое зеркало ставила за собой и, разместившись между двух зеркал и очертившись вокруг горящей лучиной, которой зажигали огонь в сочельник, пристально глядела в поставленное перед собой зеркало, полагая, что в этом случае к ней вскоре непременно явится суженый, который будет глядеть ей через плечо (при этом гадании также требовалось вовремя зачураться и, к тому же, не оглядываться). Подобным же образом с зеркалами гадали и в некоторых других местах: брали два зеркала, по возможности, равной величины и большие, устанавливали одно против другого и освещали с двух краев при помощи двух свеч одинаковой высоты; в этом случае в зеркалах возникал как бы длинный коридор, в который и смотрели гадающие. Вообще, часто делали так: одно зеркало вешали на стену и зажигали перед ним свечи, а другое брали в руки, направляя его в стенное зеркало;

тогда в стенном зеркале образовывался коридор, в который девушки и вглядывались долго и пристально, полагая, что там можно увидеть и будущего мужа, и вообще различные видения, отвечающие мыслям гадающих (при этом считалось, что перед началом видения зеркало тускнеет). Гадающую никто не должен был отвлекать, поэтому из комнаты, где происходило подобное гадание, обычно удаляли всех кошек, собак, птиц и посторонних лиц; лишь иногда разрешалось присутствовать одной-двум девушкам, но с тем условием, что они не будут смотреть в зеркало, подходить к гадающей или разговаривать с ней. Чаще же присутствие посторонних вообще не допускалось: считалось, что если в комнате есть хоть кто-то, кроме гадающей, «суженый» не явится.

Вообще, гаданий, в которых так или иначе призывался «суженый-ряженный», известно было множество. Так, например, в некоторых местах девушки гадали так: садились под окном и приговаривали: «Суженый, ряженный, поезжай мимо окна!»; если гадающей после этого слышался звук шумно едущего свадебного поезда с криками и свистами, то это предрекало веселую и счастливую жизнь, а если казалось, будто поезд едет тихо, считалось, что жизнь у гадающей будет бедная. В других местах девушки вывешивали на ночь за окно белое полотенце со словами: «Суженый, ряженный, приди и утрися!»; если полотенце вскоре после этого оказывалось вымоченным, считалось, что в этот же год гадающей быть замужем; если же полотенце к утру оказывалось сухим, это означало, что еще целый год ей предстоит «сидеть в девках».

Призывания суженого нередко относились к гаданиям, совершаемым перед сном. Так, например, во многих местах девушки гадали следующим образом: собрав прутья от веника, клали их под подушку, складывая вроде мостика, а ложась спать, приговаривали: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот переведет меня через мостик»; считалось, что если гадающей судьба в этот год выйти замуж, то суженый явится ей во сне и переведет ее через мост. Делали и так: перед сном ели что-либо соленое, а ложась спать, говорили: «Суженый-ряженный, подай мне пить», полагая, что суженый явится во сне и подаст пить. Подобных гаданий было великое множество: девушки клали под подушку гребень (прося суженого причесать им голову), оставляли на ночь на столе кисель (призывая суженого прийти есть его), ложились спать одетыми или обутыми (прося суженого раздеть или разуть их) и т.д. В некоторых местах на ночь под подушку клали бубнового или другого короля и загадывали на суженого-ряженого или на то лицо, к которому испытывали симпатию, с целью узнать свое будущее или расположение друга. Все эти гадания считались небезопасными: так, например, в одной из быличек девушка, просившая «суженого» прийти и расчесать ее, увидела во сне, как к ней подошел «кто-то страшный» и стал рвать ей волосы; она закричала от боли и разбудила родных,

а когда зажгли свет, то увидели, что у девки повыдергана почти вся коса.

ГАДЫ — в славянской традиции все нечистые животные. К гадам относили в первую очередь пресмыкающихся (прежде всего змей) и земноводных (лягушек, черепах и др.), также и насекомых, и некоторых других животных (например, мышей и змееподобных рыб, червей и гусениц, мелких животных, иногда даже волков и пр.). Для наименования этих животных использовались слова «гады», «щур», «погань», «нечисть» ит.д.; так, «гад», «гадина» — это традиционное обозначение змеи и ящерицы; «гадами» нередко называли насекомых, особенно кусающихся и паразитов; стрекозу называли иногда «гадячим слугой», «гадовым оком», «гадовой головой» или «гадовым жалом»; а «гадиной», «гадом», «поганкой» и т.п. называли также мышей или собирательно мышей, крыс и лягушек. Многие табуистические названия ласки связывали ее со змеей, червем, мышью, крысой; «ящериным» украинцы считали хвост кота, полагая иногда, что в хвосте кота сидит гадюка. Змеевидных рыб (вьюнов, угрей, миног) во многих местах называли «слепой гадиной» или «змеевым братом». «Гадом» или «гадиной» называли иногда и птиц, особенно домашних.

Согласно народным поверьям, все гады состоят в родстве друг с другом. Так, например, считалось, что угри и змеи, жабы и ужи могут спариваться; жабу иногда называли матерью ужа; змеевидных рыб считают змеями в девятом или двенадцатом поколении, и т.д. Близость птиц и гадов проявляется, например, в поверьях о том, что ласточки и лягушки, воробьи и мыши могут взаимно превращаться друг в друга; что птицы, насекомые и змеи уходят зимой в ирий и возвращаются оттуда только весной; что змеи, насекомые и некоторые птицы (жаворонок, перепелка) прячутся на зиму в землю или в воду, в колодцы и проруби; что птицы (желна, ласточка, удод), змея, черепаха или еж являются обладателями разрыв-травы; что змеи и птицы (ворон, дрозд, орел) владеют особым камнем, делающим человека невидимым или способным видеть клады и понимать язык животных; что уж иногда «играет» с кукушкой, и т.д. Сюда же относятся поверья о птицезмеях, связывающие змею с петухом или курицей и восходящие к образу василиска: так, по поверьям, из петушиного яйца или яйца черной курицы появляется змееныш-домовой, а петушиный гребень имеет на голове царь змей. В некоторых местах существовали даже поверья об особом существе, гаде-курице: крестьяне рассказывали, например, что «гадина» (змея, гадюка) выглядит как курица с крыльями и красными, как огонь, перьями, что она летает, как курица, вспархивает, и за ней остается след от сожженной травы; детенышей она выводит из яиц, а укус ее смертелен.

Гады в народных поверьях были тесно связаны с демоническими персонажами. Так, например, считалось,

что любая змея, уж, полоз, лягушка или карп по истечении определенного времени и при определенных условиях (например, доживя до семи лет и ни разу не слышав при этом колокольного звона) могут стать летающим змеем. Из тела или пепла убитого летающего змея на свет зарождаются змеи, ящерицы и мыши (ср. схожие представления в отношении колдунов: из огня, в котором сжигают тело колдуна, будто бы выползают змеи и прочие гады). Змея (обычно уж) и ласка часто выступали в роли домового или существа, близкого к нему, и считались тесно связанными с душой предка — «пращура»; кроме того, свойствами домашнего покровителя наделялись иногда также лягушка, крыса, крот, кошка, червь, муравьи и тараканы. Как и с домовым, со змеей, мышью, лаской и ласточкой связывался выбор масти скота (какого цвета домашняя ласка, такого цвета и нужно покупать коров, коней и пр.).

Как правило, в народных поверьях гады — это животные, связанные с подземным миром. Они обитают в земле (и потому часто слепы), в норах, в подполье или под порогом дома, в подземных пещерах и пр.; они уходят на зимовье в землю и появляются из нее; кроме того, они могут сторожить подземные клады и т.п. Часто они воспринимались как нечистые, дьявольские создания (ср. поверье о том, что гады возникли из стружек, оставшихся при сотворении волка чертом, а также родственные названия для нечистых духов и гадов: например, «гадиной» в некоторых местах традиционно называли знахарей-колдунов, а «змеей» именовали ведьму); однако при этом они часто наделялись функциями оберега и покровителя дома, семьи.

ГАМАЮН — в народных легендах вещая птица, глашатай богов. Считалось, что Гамаюн пророчит счастье и может предсказывать будущее тем, кто умеет слышать тайное; верили, что она знает все на свете. Изображали эту птицу с женским лицом и грудью; иногда — просто большой птицей, вылетающей из морских глубин.

Предположительно, птица Гамаюн в народных поверьях, подобно сирину и алконосту, появилась под влиянием лубочных картинок, где изображались разные сказочные страны и существа, будто бы их населяющие. Вообще же, образ подобных птицевдов имел очень древнее происхождение: например, в подобном облике в древности изображали на украшениях и пр. вил — покровительниц животворной влаги.

Гамаюн, подобно мифической птице Стратим, в русской традиции выступала как олицетворение бури, грозы. Считалось, что когда летит Гамаюн, с восхода солнечного приходит смертоносная буря: «разгулялась непогодушка, туча грозная поднималась; расшумелись, приклонились дубравушки, всколыхалась в поле ковыль-трава. То летела Гамаюн — птица вещая со восточной со сторонушки, бурю крыльями поднимая. Из-за гор летела высоких, из-за леса летела темного, из-под тучи той непогожей. Сине море она

перепархивала, Сарачинское поле перелетывала. Как у реченьки быстрой Смородины, у бел-горюч камня Алатыря во зеленом садочке на яблоне Гамаюн-птица присаживалась. Как садилась она — стала песни петь, распускала перья до сырой земли». Гамаюну приписывали способность управлять погодой, вызывать сильный ветер и пр. Помимо этого, ее нередко наделяли чудесным голосом, способным зачаровать того, кто ее слушает.

ГАРКУН — одно из названий лешего. По-видимому, это название было связано с представлениями о том, что у лешего очень громкий, «гаркающий» голос, а также очень шумное поведение. Так, в бы личках леший, идя по лесу, громко поет, подражает голосам животных или птиц, свистит, хлопает в ладоши, хохочет, откликается эхом и т.п.; его голос разносится но всему лесу («... да гайкат, да свищит да как захохочет, только по лесу разда-лось, покатилося»).

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ, Егорий, Юрий - святой великомученик; дни его памяти отмечались дважды в году: 23.IV/6.V — «Юрий вешний», 26.XI/9.XII — «Юрий осенний». Согласно библейской легенде, Георгий родился и вырос в верующей семье и был воспитан в строгом благочестии; поступив на службу в римское войско, Георгий, красивый, мужественный и храбрый в сражениях юноша, был замечен императором и принят в его стражу одним из старших военачальников, когда ему еще не было и 30 лет. Однако, когда император решил дать полную свободу в расправе над христианами, Георгий открыто выступил против его замысла и призвал всех признать истинную веру во Христа. Его пытали, а затем казнили 6 мая (23 апреля) 303 г., после чего он вознесся к Богу и соединился с небесным воинством, став ангелом Господним, одним из самых почитаемых святых. Этому событию и посвящалось празднование «Егория вешнего». День же «Егория холодного» был установлен в честь освящения храма: по преданию, при крещении русскому князю Ярославу Мудрому было дано имя Георгий, в честь Георгия-Победоносца, и в честь своего ангела-хранителя князь выстроил в Киеве храм и мужскую обитель, причем храм был освящен 9 декабря (26 ноября) митрополитом Илларионом. В народе наиболее почитался день Егория вешнего как скотоводческий праздник, день первого выгона скота в поле; однако и день Егория зимнего также отмечался повсеместно, и в древности к нему приурочивался особый обычай: безземельные крестьяне за неделю до этого праздника и спустя неделю после него имели право переходить от одного помещика к другому (но в XVI в. это право было отменено Борисом Годуновым, отчего возникла поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»).

В народе Георгий почитался как хозяин земли и покровитель скота, повелитель змей и хозяин волков,

открывающий весеннюю пору полевых работ («Егорий землю отмыкает, весну начинает»); в некоторых местах Георгия, как и св. Илью, считали повелителем весеннего дождя и грома, хозяином и держателем всех вод. Кроме того, Георгий считался и покровителем «великих строителей» русской государственности и русской военной мощи, так как он, согласно легенде, еще при жизни был блистательным полководцем и после смерти соединился с воинством небесным. Он изображался обычно как всадник на серой или белой лошади, с копьём в руках, пронзающим зеленого дракона; это изображение издревле вошло в употребление как герб московского царства.

Юрьев день (Юрий весенний) у южных и восточных славян был основным скотоводческим праздником года. В этот день первый раз выгоняли скот в поле, и, соответственно, многочисленные обряды и магические действия, совершавшиеся в этот день, были направлены на то, чтобы обеспечить благополучие скота во время летнего выпаса, способствовать его плодovitости, защитить скот от всякой беды и напасти; многие из этих обрядов сопровождалась молитвами и жертвами святому Георгию.

Так, например, многие обряды, совершавшиеся в этот день и касавшиеся Георгия, были связаны с волками и гадами, угрожающими скоту во время летнего выпаса. Очевидно, такие представления были связаны с убеждением, что все гады и волки, да и вообще все дикие звери подчиняются Егорию. Власть Георгия над гадами, в первую очередь, над змеями, объяснялась, очевидно, легендой о победе Георгия над Змеем. Так, по библейскому преданию, близ ливанских гор находилось некогда большое озеро, в котором жил громадный змей, пожирающий людей; для того, чтобы откупиться от него, жители этих мест каждый день по жребию отдавали змею в пищу своих детей. И вот однажды в пищу змею была отдана единственная дочь царя тех мест: ее отвели к озеру и оставили там ожидать, когда из озера появится змей. Но в это время к озеру подъехал святой Георгий с копьём в руке, и, осевши себя крестным знамением, со словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», бросился на змея, пронзил ему гортань копьём и потоптал его конем. Затем он велел девушке связать змея поясом и, как пса, вести в город; жители разбежались в страхе, но Георгий сказал им: «Не бойтесь, но уповайте на Господа Иисуса Христа и веруйте в Него, ибо это Он послал меня к вам, чтобы снасти вас». Затем Георгий убил змея мечом, а жители сожгли тело змея за городом, и многие из язычников в этот день уверовали в Христа и крестились. Очевидно, в связи с этой легендой у крестьян принято было в молитвах просить Георгия, чтобы он уберег скот и людей от укушения змеем, ядовитых насекомых и прочих гадов; с этим же поверьем был, судя по всему, связан и рассказ о том, как св. Егорий приказал змее больно ужалить того пастуха, который продал овцу бедной вдовы, а в свое оправдание сослался на волка (когда виновный раскаялся, св.

Георгий—Победоносец

Георгий явился к нему, обличил во лжи, но возвратил ему жизнь и здорье).

Власть Георгия над волками и зверями вообще («Всяк зверь у Егория под рукой») объяснялась в народе другой легендой: однажды на св. Георгия напал волк, который вцепился зубами в ногу его коня; Георгий поразил волка своим копьем, но раненый волк заговорил человеческим голосом: «За что ты меня бьешь, коли я есть хочу?»; Георгий же ответил ему: «Хочешь ты есть — спроси у меня. Вон возьми ту лошадь, ее хватит тебе на два дня». Очевидно, в связи с этой легендой и появилось поверье, что святой Георгий указывает диким зверям, какую скотину можно съесть. Так, считалось, что любая скотина, все равно, зарезанная ли волками или унесенная медведем, была выбрана Георгием как жертва; при этом крестьяне верили, что если Георгий и обрекает скотину на съедение, то всегда делает это так, чтобы человек не увидел и чтобы обреченное животное само покорно шло навстречу врагу и беззащитно останавливалось перед ним, как бы в столбняке (ср. поговорку: «Что у волка в зубах, то Егорий дал»).

В связи со всеми этими представлениями, каждый скотовод в Юрьев день стремился задобрить волков и Георгия, откупиться от них, принеся какую-либо жертву. Так, с этой целью во многих местах старший в семье в день первого выгона скота до зари ходил на луг и «выкликал волка», спрашивая его: «Волк, волк, скажи, какую животину облюбуеть, на какую от Егория тебе наказ вышел?»; после этого он хватал в овчарне первую попавшуюся овцу и закалывал ее, кидая в поле ноги и голову. В других местах ходили «окликать Егорья»: «Мы вокруг поля ходили, / Егорья

окликали, / Макарья величали, / Егорий ты наш храбрый, / Макарий преподобный! / Ты спаси нашу скотинку / В поле и за полем, / В лесу и за лесом, / Под светлым под месяцем, / Под красным солнышком, / От волка от хищного, / От медведя лютого, / От зверя лукавого!»

Схожие жертвоприношения, посвящавшиеся самому св. Георгию или его «подчиненным» волкам, совершались во многих местах. Так, в Болгарии на Юрьев день приносили в жертву св. Георгию «агнца» — первого родившегося в отаре ягненка, как правило, белого; ему на голову надевали венки, а на правом рожке закрепляли свечу, затем старший в доме окуривал ягненка ладаном и закалывал под фруктовым деревом (или в наиболее священных частях жилища — у очага, восточной стены) так, чтобы ни капли крови не попало на землю; этой кровью, собранной в особый сосуд, потом накладывали маленьким детям кресты на лбу, щеках и на подбородке, чтобы были здоровы, а также использовали эту кровь в качестве лекарства и т.п. После жертвоприношения мясо ягненка жарили и съедали с молитвой на общей трапезе, кости же его зарывали в землю, в поля для защиты урожая от града и пр.

Перед первым выгоном скота в поле хозяин с хозяйкой зажигали перед иконами «страстную» свечу, стол накрывали чистой скатертью, клали на нее целый круглый хлеб, ставили на стол полную солонку соли и молились Богу; потом хозяин брал икону святого Георгия и страстную свечу, а хозяйка — хлеб с солью, они обходили на дворе кругом весь свой скот, приговаривая: «Святой Егорий-батюшка, сдаем тебе на руки всю скотинку и просим тебя: сохрани ее от зверя лютого, от человека лихого!» Затем замок и ключ клали на землю под ворота («Чтобы насть звериная была так крепко заперта, как запирается замок на ключ!»), а икону ставили над воротами, и только после этого выгоняли скотину на выпас. При этом скотину старались обычно выгнать как можно раньше, до восхода солнца, на «Юрьеву росу». Эта роса в народных представлениях наделялась чудесной силой: считалось, что скот, если выгнать его на эту росу, не будет болеть, а коровы станут давать больше молока.

Подобные обычаи приурочивались к этому дню даже в северных лесных местностях, где первый выгон скота совершался позднее: в этих местах в Юрьев день устраивался обрядовый «обход» скота. Так, например, в некоторых губерниях лесного севера хозяева в Юрьев день обходили с образом Победоносца Георгия всю домашнюю скотину, собранную в кучу на дворе, а затем сгоняли ее в общее стадо, собиравшееся обычно у часовен, где служился водосвятный молебен, после которого все стадо окроплялось освященной водой. После этого стадо выгоняли за околицу, какова бы ни была в этот день погода; при этом хозяйки гнали скот освященной в неделю Ваий вербой и провожали стадо с хлебом и солью.

пастух, принимая стадо, в свою очередь делал свой обход стада с «отпуском» и т.п. Впрочем, в тех местах, где скот отпускали на выпас без пастухов, подобный обрядовый обход совершали сами хозяева. Так, в старой Новгородчине хозяин в Юрьев день рано утром готовил для своей скотины пирог с запеченным в нем целым яйцом, и еще до солнечного восхода клал этот пирог в решето, брал икону, зажигал восковую свечу, опоясывался кушаком, затыкая за него спереди вербу, а сзади топор. Затем он у себя на дворе обходил скот по солнцу три раза, а хозяйка подкуривала из горшочка с угольев ладаном и поглядывала, чтобы все двери в это время были заперты. Пирог разламывался на столько частей, чтобы каждой скотине досталось по куску, а верба затыкалась под стреху. В некоторых местах, в придачу к этому, придерживались еще и такого обычая: накануне Егорья убирали куда-нибудь все гребни, щетки и ножницы, а в воротах на землю клали шерстяной пояс, клещи и крюк, иногда шейный крест или топор и нож, после чего выгоняли скотину на улицу.

Во многих местах для защиты от волков принято было на Юрья ставить в церкви к образу Георгия свечки: по поверью, у того, кто этого не сделал, Егорий возьмет скотину «волку на зубы». При этом, однако,

Глухота

Георгий повсеместно считался милостивым святым: по поверьям, он покровительствует скоту и скотоводам, и, если его почитать и совершать должные обряды, он уберезит коров и проч. от всякой напасти. Так, практически повсюду были известны предания о св. Георгии примерно следующего содержания: «Однажды некий крестьянин нахал на своем воле. Старый вол надорвался и нал. Хозяин сел на меже и горько заплакал. На тот час подходит к нему юноша с вопросом: «О чем, мужичок, плачешь?» — «Был у меня, — отвечает мужик, — один вол-кормилец, да Господь наказал меня за грехи мои, а другого вола, при бедности своей, я купить не в силах». «Не плачь, — успокоил его юноша, — Господь услышал твои молитвы. Захвати с собою «оброт» (недоуздок), бери того вола, который первый попадетса на глаза, и впрягай его пахать — этот вол твой». — «А ты чей?» — спросил его мужик. — «Я Егорий Стратотерпец», — сказал юноша и скрылся».

В некоторых местах Егорий почитался и как покровитель лошадей. Так, в его день принято было устраивать т.н. «конские праздники», когда на лошадях не работали, а мыли их, купали, хорошо кормили и т.д. В день осеннего Егория во многих местах пекли печенье «кони», которое молодые люди собирали с каждого двора и несли в поле, где оставляли со словами: «Егорий милостивый, не бей нашу скотину и не ешь. Вот мы тебе принесли коней!»; кроме того, таким печеньем или крестами, испеченными на Крещение, кормили лошадей.

Как скотоводческий праздник, время первого выгона скота в поле, Юрьев день, естественно, считался и праздником пастухов, которых в этот день всячески чествовали и готовили им угощение — яичницу. При этом приготовление яичницы иногда превращалось в особый обряд, цель которого состояла в том, чтобы «зверь не увидел и не коснулся скотинки», чтобы «у зверя не разомкнулись зубы» и т.д. пастухи в этот день участвовали и в других обрядах: они совершали обрядовый обход стада, готовили «отпуск», заключали договор с лешим, молились святому Георгию и т.д.

Согласно народным поверьям, Егорию еще в незамятные времена были доверены ключи от неба, и он каждую весну отпирает его, предоставляя силу солнцу и волю звездам («Егорий весну начинает, Илья лето кончает»). Вероятно, в связи с этим поверьем Егорий и считался покровителем полей и плодов земных. Так, например, на Украине и в Белоруссии в Юрьев день совершались обрядовые выходы в поле с целью осмотра полевых посевов. Во время этих выходов совершали молебны с водосвятием, а также устраивали трапезу на поле, закапывали в посевы остатки освященной пасхальной пищи для того, чтобы уберечь поля от града и непогоды; кувыркались и перекатывались по зеленеющим всходам, чтобы обеспечить хороший урожай, и т.д. В некоторых местах существовал даже специальный обряд, приуроченный именно к дню весеннего Егория и заключавшийся в том, что наиболее смазливого парня

в деревне наряжали «Юрием»: его украшали всякой зеленью, клали ему на голову круглый пирог, убранный цветами, а затем, в сопровождении целого хора вода парней и девушек, вели в поле, где трижды обходили засеянные полосы, а потом разводили костер, делили и съедали обрядовый пирог и «окликали Юрья», т.е. пели в честь святого старинную священную песню-молитву: «Юрий, вставай рано — отмыкай землю, выпускай росу на теплое лето, на буйное жито — на ядренистое, на колосистое» и т.д.

В некоторых местах ко дню Георгия приурочивался особый «пивной» праздник. Еще задолго до этого дня крестьяне начинали варить пиво, и едва ли не каждый хозяин принимался прикидывать, «сколько выйдет ушатов пива, сколько сделать «жиделя» (пива низшего сорта), как бы не было «нетечи» (когда сусло не бежит из чана)», и т.д. Бабы к этому празднику пекли, варили и «обихоживали» (мыли) избы, а девицы готовили свои «баенны» (наряды). Когда заканчивалась готовка пива, к каждому родственнику в деревне приносили бурак или «буртас» (ведро из бересты) и приглашали «гостить о празднике». Сам же праздник начинался с того, что каждый большак-хозяин нес в церковь сусло, которое на этот случай именовалось «кануном»; его на время обедни ставили перед иконой св. Георгия, а после обедни жертвовали причту. Первый день пировали обычно у церковников, а потом шли пить по домам прихожан; либо (в других губерниях) в первый день угощались сами домашние, на второй день угощали родных, а на третий — сосед соседа. В некоторых деревнях принято было ходить всем ко всем, и крестьяне, таким образом, бродили из дома в дом, из одной деревни в другую; при этом хорошего гостя водили прямо на погреб к самому чану и позволяли пить, сколько сможет, лишь бы потом сумел сам вылезти.

ГЛУХОТА — свойство, приписываемое нечистым духам, грешникам. Глухота (наряду с другими физическими уродствами) воспринималась как наказание Божие за грехи, как результат родительского проклятия, как знак несправедности человека и пр. С глухим человеком избегали родниться и дружить, заключать торговые сделки, вместе отправляться в путь; глухие иногда не допускались к выполнению ритуальных и общественных функций. Глухому мужчине обычно возбранялось быть крестным, сватом, участвовать в обрядовых обходах колядников и кукуеров, а глухой женщине запрещалось участвовать в обрядах тина оахивания села, быть свахой, повитухой, крестной и др. В исключительных случаях глухие даже подвергались почти полной изоляции.

Признак глухоты неизменно связывается с миром мертвых, с «тем светом». Считалось, например, что умерший слышит все происходящее, пока находится в доме, и теряет способность слышать, когда его выносят оттуда. Выражение «глухой ангел» применялось по отношению к ребенку, умершему некрещеным, т.е. к

тому, кто не завершил окончательного перехода в «этот» мир и не воспринял Слова Божьего.

Словом «глухой» у славян обозначался самый опасный период ночи (полночь или время от полночи до первых петухов), время, когда нечистая сила особенно страшна для человека, когда орисницы, по поверью, определяли судьбу новорожденного; когда совершались многие эзотерические обряды и ритуалы (близнецы опахивали село, люди выкапывали труп вампира и пробивали его колом, и т.п.).

Глухими считали некоторых демонических существ, в частности, иногда лешего; «глухой веткой» называли ветку с густой хвоей или листьями, похожей на гнездо, где, по поверьям, обитает нечистая сила. Глухота иногда рассматривалась и как следствие неблагоприятного воздействия на человека хтонических существ (человек мог оглохнуть, услышав писк убитой им саламандры, лягушки и т.п.).

Чтобы не потерять слух, принято было соблюдать определенные хозяйственные и бытовые запреты, в особенности запреты на работы ткаческого цикла: так, у сербов запрещалось прясть в период от Пасхи до Вознесения, у болгар — в Глухой вторник (вторник на первой неделе Великого поста); у русских запрещалось снова́ть на Средокрестье, в день Сорока мучеников и т.д. Запрещалось также употреблять в пищу мясо тетерева (как глухой, обиженной Богом птицы). Известен обычай подслушивать разговор новобрачных во время брачной ночи, чтобы дети у них не были глухими. Среди магических способов лечения глухоты наиболее популярным было стояние под колоколом во время венчания, на Пасху, Благовещение и др.

ГНЕЗДО — предмет, в народной традиции наделенный магическими свойствами (преимущественно обеспечивающими плодovitость) и хранящий в себе чудесные предметы. Гнездо издревле символизировало дом, семью, брачное ложе, супружество. Собственно само название гнездо использовалось в основном применительно к диким птицам, в меньшей степени — к летающим насекомым (осам, шмелям, диким пчелам), змеям, а также к некоторым животным (ласке, кунице, мышам, белке и др.).

Согласно народным поверьям, у нечистых духов тоже бывают свои гнезда. Например, крестьяне верили, что гнездо может быть у болезни или смерти; вообще, слово *гнездо* могло обозначать место, где сосредоточена болезнь, а в выражении «смерть свила свое гнездо» оно является локусом смерти. Гнездом черта иногда называли омелу, а также спутанные, сросшиеся ветки деревьев, которые иногда еще звали «вихоревым гнездом» или «ведьминым помелом».

По народным поверьям, в гнезде ворона (или др. птицы) находится камень, делающий это гнездо невидимым; в гнезде черного дрозда имеется камень, приносящий счастье; в гнезде орла — камень «огневик», «орлов камень», охраняющий его обладателя от огня, болезней и порчи. В быличках разрыв-траву добывают

из гнезд некоторых птиц. Крестьяне верили, что если во время жатвы найти мышинное гнездо с маленьким камешком внутри и дать его скоту, то он будет хорошо плодиться. На Благовещение, по поверью, ни одна птица не вьет себе гнезда, а у той, что совет, отнимаются крылья, и она на все лето делается пешею; кукушка не имеет гнезда оттого, что свила его на Благовещение; воробей тоже «не празднует» Благовещения и вьет в этот день гнездо. В некоторых местах существовало еще поверье, что ястреб свое гнездо носит под крыльями, поэтому его так трудно обнаружить.

Гнезда аиста, голубя, ласточки и т.д. на доме или вблизи жилья считались оберегающими дом, двор и скот, поэтому их запрещалось разорять; следствием же нарушения запрета могли быть разного рода несчастья: пожар, молния, град, лишение крова, смерть, гибель скота, болезни и т.п. Запрещалось также на заходе или после захода солнца заглядывать в птичьи гнезда, так как считалось, что в этом случае муравьи поедят яйца или птенцов, птенцы не выживут или птица покинет гнездо; по этой же причине по возвращении домой или после захода солнца запрещалось рассказывать кому бы то ни было об обнаружении гнезда некоторых птиц.

Птичьи гнезда у славян иногда употреблялись в различных магических действиях; их также использовали в качестве оберегов и в лечебной магии. Считалось, например, что гнезда некоторых диких птиц (аиста, гуся) оказывают продуцирующее воздействие на домашнюю птицу: так, в гнездо аиста в некоторых местах кидали куриное яйцо, чтобы курицы несли крупные (как у аиста) яйца, и т.д.

ГНЕТКА, гнётка, гнетко, гнеток, гнетюк — в крестьянских поверьях «нечистый, вроде домового». Считалось, что он маленький, мохнатый, весь в шерсти; в некоторых местах полагали также, что он «всегда горячий». Как и домовый, он мог принимать облик домашних животных — кошки, курицы, мыши, змеи и пр. Название же свое он получил из-за обычая наваливаться на грудь спящих «тяжким гнетом»: так, согласно поверьям, гнетка, если хозяева дома чем-то ему не угодили, может ночью наваливаться спящим на грудь и души́ть их, предвещая какие-либо перемены в жизни человека или же насылая кошмары, болезни и т.п.: «гнетка если не залобит — всю ночь промучит»; «которо любит — кряхтит и двери открывает, которо не любит — гнетет».

Родственным гнетке персонажем в некоторых народных поверьях было существо, называемое «жмара»; его также считали разновидностью домового духа. Считалось, например, что жмара (от «жмать» — «жать, давить, сжимать») — это домовый, который ночью давит на грудь «к худу или к добру»; он может иногда совсем задавить человека, а отогнать его, когда он «гнетет», можно либо молитвой, либо матерной руганью.

Голбечник

Интересно, что гнетку в некоторых поверьях также сближали с гнетухой (гнетеей, гнетенницей) — персонажностью лихорадки в облике демонической женщины, наваливающейся на человека и «гнетущей» его. Считалось, что Гнетя — одна из «дщерей Иродовых», сестер-лихорадок; она «под ребрами разбивает утробу и сердце давит», «ложится у человека на ребра и взвивает утробу; а если кто хочет есть, пусть ест, только из души у того человека вон идет». При этом имя лихорадки-гнетей могло несколько видоизменяться в зависимости от тяжести болезни; так, гнетеницей называли легкую лихорадку, гнетухой — перемежающуюся лихорадку, а гнетуницей — особенно тяжелую, «гнетущую», изнурительную лихорадку, и т.д.

ГОЛБЕЧНИК — домовый дух, обитающий в голбце (у печи или под печью); так, про голбечника говорили, что он «живет в избе под печью, именно в деревянном срубе печи со стороны подполья». Печь с запечьем и подпечьем у крестьян традиционно считалась местом обитания домового; при этом домовый мог жить не только за печью, но и в голбце — небольшой пристройке или чуланчике возле русской печи. Крыша такого чуланчика нередко использовалась как лежанка, а внутри чуланчика находилась лестница, ведущая в подполье. Очевидно, домового, обитающего в этой пристройке возле печи, и называли голбечником.

ГОЛОВОСЕК, Иван Постный — день Усекновения главы пророка и Крестителя Господня Иоанна Предтечи (29.VIII/ 11.IX). Согласно библейской легенде, после Крещения Господня святой Иоанн Креститель был заключен в темницу правителем Галилеи Иродом за то, что осуждал его неверность законной жене и незаконное сожителство с Иродиадой (женой брата Ирода). В день своего рождения Ирод устроил пир, на котором дочь Иродиады Саломия плясала перед гостями; Ирод, очарованный ее танцем, поклялся дать ей все, чего она ни попросит, и Саломия, по совету матери, попросила тотчас же подать ей на блюде голову Иоанна Крестителя. Ирод исполнил ее просьбу, и Саломия, взяв блюдо с головой, отнесла его Иродиаде, которая исколола язык пророка иглой и закопала голову святого в нечистом месте. Но жена домоправителя Ирода видела это и, найдя святую главу, погребла ее в глиняном сосуде на горе Елеонской (обретение главы праздновалось 9 марта ст.ст.). Над Иродом же, Иродиадой и Саломией Суд Божий свершился еще при их земной жизни: все они погибли «жалкой и позорной смертью».

У православных славян Головосек считался двенадцатым праздником, требующим соблюдения строгого поста и отказа от работы ради здоровья людей и скота. Кроме того, он считается концом лета и началом осени; в этот день остерегались ходить в лес, так как считали, что в этот день змеи уползают на зиму в свои норы, под землю, а вместе со змеями уходят из водоемов, полей и лесов и самовилы, самодивы и др. злые духи.

У южных славян Усекновение признавалось одним из самых опасных праздников в году: по поверью, ребенок, родившийся в этот день, будет несчастным, полученная в этот день рана не заживает и т.п. В тот день недели, на который пришелся Головосек, в течение целого года старались не начинать никаких важных дел (например, пахоты или сева), не отправлялись в путь и не устраивали свадеб (даже если день приходился на воскресенье), не кроили в этот день одежду, не начинали снование (боясь, что все сшитое, вытканное или скроенное в такой день «посечется») и т.д. Собственно в день Усекновения женщины не расчесывали волос, чтобы они «не секлись»; запрещалось даже мыть голову, чтобы не вызвать колтун, перхоть или хроническую головную боль (хотя в некоторых местах, например, на Украине, мужчины и дети в этот день мыли голову и гладко причесывали волосы).

Обрядность и верования этого праздника были тесно связаны с христианской легендой, которая в народной традиции осмыслялась примитивно-магически и порождала запреты на все, что как-то напоминало голову, кровь, блюдо, меч или отрубание. Так, например, в этот день запрещалось есть шаровидные плоды (арбузы, яблоки, лук, капусту, репу и т.п.), употреблять блюда и тарелки, брать в руки острые режущие орудия (серп, косу, топор и даже иголку) и т.д. Овощи, да и вообще что бы то ни было напоминающее голову, резать запрещалось, и даже хлеб надо было ломать, так как считалось, что в течение года отсеченная голова Иоанна Предтечи почти прирастает к своему месту, но «когда люди усядутся в день Ивана Головореза и станут резать хлеб, голова снова отпадает» (нередко считалось также, что на хлебе, если его резать в этот день, выступает кровь, как немой укор нарушителям обычая). В день Ивана Постного не пили красного вина («ибо это кровь св. Иоанна»), не ели черного винограда, помидоров, красного перца, арбузов и т.п.; не варили ботвинью, веря, что если она будет красного цвета, то в течение года в доме прольется чья-нибудь кровь.

Церковь на Головосек посещали обязательно; при этом люди, страдающие головными болями, придя в церковь, испрашивали у святого Иоанна исцеление. День Усекновения крестьяне, как правило, проводили в строгом посте (отчего день этот называли еще «Иван Постный»). Считалось большим грехом есть даже рыбу, хотя и считалось нередко, что на Головосек рыбы в реках особенно много. В особенности же непорочными считались в этот день пьянство, песни и пляски: вино и веселье запрещались по той причине, что Иоанн, согласно легенде, являл собой образец высокоподвижнической жизни и никогда не пил «веселого зелья», т.е. вина; песни и пляски же запрещались потому, что «Иродиадова дочь плясанием и песнями выпросила отрубить голову Иоанна Крестителя». Вообще, день Ивана Постного во многих местах принято было праздновать только дома. Однако при этом в некоторых губерниях вне дома, особенно во

дворе, не считалось грехом и дозволялось, не боясь возмездия со стороны святого, выполнять любую работу, лишь бы человек при этом не пользовался топором или другими крупными, а особенно острыми орудиями.

Все эти обычаи и запреты в народе соблюдались чрезвычайно строго, вероятно, еще и потому, что, по народному убеждению, сам Иоанн строго наказывает нарушителей, отнимая руки и лишая языка, либо посылая неурожай на плоды.

Впрочем, в некоторых местах были известны обряды, казалось бы, нарушающие запреты этого праздника, но, тем не менее, приурочивавшиеся именно ко дню Головосека. Так, например, на Туровщине было принято в этот день зарезать старого петуха, хотя в большинстве мест считалось грехом в этот день брать в руки нож и тем более резать что бы то ни было. Кое-где в этот праздник ходили собирать лекарственные корни, а также ягоды калины и клюкву от головной боли, хотя во многих местах в этот день избегали любых красных плодов, напоминающих цветом кровь.

В некоторых местах (например, в Вологодской губернии) принято было на Головосек устраивать «репный праздник», отмечаемый довольно скромно: без песен, но зато с обильной едой и угощением нищих, бедных странников. Есть репу до Головосека запрещалось, и засеянные ею полосы должны были оставаться неприкосновенными под страхом «срамного» наказания. Наказание это состояло в том, что человека, застигнутого в репище до Иванова дня, будь то мужик, баба, Парень или девка, раздевали донага, обматывали одежду на голове и в таком виде проводили вдоль всей деревенской улицы; при этом желающие могли даже бить наказуемого, хотя такое случалось крайне редко: зрители обычно ограничивались смехом и шутками.

ГОЛОС — свойство, в народной традиции являющееся приметой «этого» мира (тогда как мир «иной») отмечен печатью беззвучия).

В народной культуре голос осознавался как нечто материальное, подверженное влиянию извне и само могущее стать инструментом воздействия. С помощью голоса можно было навести порчу и вызвать различные несчастья, причем даже невольно: так, например, в некоторых местах считалось, что, если невеста, потерявшая невинность до свадьбы, попытается это скрыть и после брачной ночи сама запоем или начнет громко разговаривать (что в этом случае ей не положено), ее голос «надет» на скотину, сад и т.п., и это приведет к тому, что в хозяйстве сдохнет лучшая корова, погибнут плодовые деревья, и т.д.

С представлениями о необычайной магической силе голоса были связаны многие обычаи и обряды. Так, например, во время похорон и поминок их участники обращались друг с другом шепотом; в доме, где в течение года кто-то умер, никогда не пели и не веселились, около этого дома не водили хороводы; в случае смерти пастуха с коров и овец снимают колокольчики, чтобы

стадо «онемело». Если невеста во время свадьбы охрипнет и лишится голоса, если сорвется голос у кого-либо из поющих в церкви во время венчания — все это, по народному убеждению, может повлечь за собой смерть одного из новобрачных. Несчастья постигнут человека и в том случае, если во время исполнения адресованной ему колядки обходники сфальшивят или сорвут голос. Болезнь в заговорах изгоняют туда, где не кричат петухи, не блеют овцы, не звучит волюнка, не поют девушки и т.п. В то же время о рождении ребенка принято было сообщать громким голосом, криком, стрельбой, шумом и т.д.

Как нечто материальное в народной традиции голос человека считался подверженным неблагоприятному воздействию извне. По этой причине, например, девушки, обладавшие хорошими голосами, старались не петь после захода солнца на улице, полагая, что в этом случае ведьмы, обладающие в это время особой силой, могут лишить их голоса. По народным поверьям, отнимая голос у человека, черт завладевает и его душой и может принудить человека совершать неблагоприятные поступки; леший тем же самым образом отбирает силу у человека, после чего тот медленно умирает.

Громкому голосу, пению и крику в народе приписывались и некоторые магические значения. Полагали, например, что если с какого-нибудь высокого места человек что-нибудь громко крикнет, скажет или пропоем, то там, где будет слышен его голос, град не побьет посевов, звери не тронут скот, холодный туман не повредит всходам; там летом не будет змей; на такое расстояние злодей не подойдет к дому, и т.п. Громким голосом «отворачивали» от села градовые тучи, защищали посевы от ведьм, могущих отобрать урожай, и др. В один из весенних праздников люди, собравшись на возвышенных местах, начинали громко петь или кричать; считалось, что там, где слышен их голос, лучше уродятся хлеба, плодовые деревья и т.п. Так, в Болгарии на Юрьев день девушки кричали с холмов вблизи села: «Где нет голоса, не будет и колоса!» Голос мог повлиять также на плодovitость скота и домашней птицы (так, под Новый год колядки исполняли в том числе и для того, чтобы свиньи велись).

Изменение голоса в народной традиции, как правило, маркировало перемену некоего состояния или статуса. Так, например, изменение голоса ряжеными и др. участниками «обходных» обрядов было связано с представлениями об их «иномирности»; поэтому ряженые могли говорить с домочадцами нарочито высокими («тонкими») и низкими («толстыми») голосами, подделываться под голоса животных, женщин, детей, умерших родственников, дополнять речь иными звуками (хохотом, свистом, шепотом). Перемена тихого, приглушенного пения на громкое фиксирует у восточных славян календарную границу зимы и весны.

В приметах и гаданиях широко известно «разгадывание» голосов. Голос, услышанный человеком в какой-либо праздник, обычно предвещает ему смерть; то же значение придается сну, в котором человеку

Горох

слышится голос; девушке подслушанный мужской голос предвещает замужество; неблагоприятным считается, если неизвестный голос услышит человек, собирающийся надолго покинуть родные места.

Демонические существа в поверьях также часто разделялись голосом (человеческим или звериным). Считалось, например, что души умерших неестественной смертью плачут страшными голосами; так же голосит, ухает и хохочет боровик и леший; банник бормочет гробовым, домовый говорит глухим, а стопан кричит высоким голосом. Русалки и лесунки в поверьях иногда поют и призывают путников нежными голосами, и т.д. Иногда с голосом нечистой силы соотносились также те или иные природные звуки (завывающий ветер, шелест листьев, журчание воды и т.д.).

Способность менять свой голос считалась одним из проявлений общего свойства нечистой силы — оборотничества. В народных поверьях голос часто меняется в зависимости от облика демона: например, водяной может принимать любой образ, какой захочет, и подражать разным голосам (он может бляеть, показываясь бараном, ржать, принимая вид лошади, кричать, принимая образ утки, и т.д.); то же часто относится и к лешему. Голос в быличках и рассказах иногда вообще хмог быть единственным проявлением нечистой силы, не имеющей видимого облика: например, погибший насильственной смертью «ойкает» на месте своей гибели; у некрещеных детей, «блуда», вампира слышен только их голос; леший, оставаясь невидимым для людей, водит их и при этом хохочет, хлопает в ладоши, кричит и т.д.

Голос демона часто воспринимался как средство, с помощью которого он наносит вред человеку, приводит его к гибели. Голосом нарушается граница между человеческим и потусторонним миром: человек умирает, услышав голос вампира; у беременной женщины, услышавшей голос душ некрещеных младенцев, бывает выкидыш, а маленькие дети при этом заболевают. Демоны (леший, самовилы, блуждающие огоньки, водяной и т.п.), подражая человеческому голосу (имитируя знакомый голос), сбивают человека с дороги. Поэтому повсеместно существовал запрет откликаться на голос или оборачиваться в ту сторону, откуда он слышен, поскольку тем самым человек открывает нечистой силе доступ к себе (при этом, однако, в некоторых местах считалось, что человек может проверить, кто кричит — демон или человек: если голос слышится три раза, то зовет человек, а если два — то демон). По этой же причине запрещалось самому кричать в лесу или в поле, так как считалось, что отклик может быть голосом нечистой силы, или нечистые духи могут отнять голос у кричащего (караконджалы, например, отнимают у крикнувшего человека голос и тем самым приобретают власть над ним).

Голос, как и другие звуки, издаваемые демонами, часто считался предвестником будущих событий. Считалось, например, что перед бедой домовый стонет, а перед радостью смеется, напевает или играет на

гармошке; Доля плачет перед смертью человека или зовет его за собой; голос водяного — знак, что вскоре кто-то утонет, и т.д.

ГОРОХ — растение, используемое в обрядовой практике. Считалось, что горох (его зерна, стручки и ботва) способствуют урожаю в поле, плодovitости скота и процветанию в хозяйстве, поэтому, когда горох созрел, в северорусских селах устраивали праздники чествования гороха («Горохов день» и т.п.), совпадающие с праздником св. Спаса; в этот день в поле рвали горох и с поздравлениями угощали друг друга.

У западных славян, украинцев и белорусов горох был важнейшим блюдом на святки; с приготовленной из него пищей совершались разнообразные магические действия. Так, у словаков хозяин бросал по ложке гороха в каждый угол и на потолок со словами: «Сто мер гороху, сто мер маку, сто мер пшеницы и сто мер ржи»; если к стене прилипало много горошин, это предвещало урожайный год. За рождественским ужином оставляли по ложке неразваренного гороха в углу и под столом, чтобы весь год в семье водились деньги. У западных славян специальное блюдо из набухшего и обжаренного гороха готовилось в Великий пост; это кушанье, называемое «пучалка», употребляли в пищу во время исполнения обряда потопления чучела Смерти. Само чучело часто делали из гороховой соломы; участники обрядовых обходов на святки, масленицу, пятую неделю Великого поста также рядились в гороховую солому.

Горох использовался в ритуалах, связанных с браком и обеспечением деторождения. Горох в некоторых местах был основным свадебным блюдом; участники свадьбы даже исполняли танец с миской гороха в руках. Невесту обсыпали горохом и по застрявшим в платье зернам гадали о количестве будущих детей. Молодых стегали гороховыми плетями при входе в дом после венчания.

В народной поэзии горох также связывался с браком. Так, например, в одной из веснянок, сопровождавших весенние игры, поется: «Вийся горошок в три стручечки, / Роди Боже в чотири, / Щоб тебе черви не точили, / Щоб наши нарубки ся женили».

В поминальной обрядности горох предназначался мертвым. Его раскидывали по углам или бросали за печь для душ умерших; иногда говорили, что голодные души с плачем ходят по дому, где забыли этот обычай. Горох, фасоль, бобы, сваренные в медовой сыте, служили ритуальной пищей в поминальные дни. Во время еды отворяли окна и двери, старший в семье обходил дом, глядел в сторону кладбища и призывал родителей на угощение из гороха.

Горох использовался и во вредоносной магии. У восточных славян считалось; что с помощью положенного в повозку стручка с девятью или двенадцатью горошинами можно остановить лошадей; колдуны перебрасывали через свадебный поезд стручок с двенадцатью горошинами, что превращало участников

свадьбы в стаю волков. Человек, съевший горох натощак, приобретал способность взглянуть кого-либо. Насылая болезнь, закапывали горшок с горохом под дикой грушей в период убывания луны: у человека будет столько чирьев, сколько горошин в горшке.

Горох использовали также для того, чтобы избавиться от кожных заболеваний. Бородавки, лишай, мозоли, рожу лечили, прикасаясь к пораженным местам горошиной, после чего ее бросали в печь, в колодец.

Знающие хозяева советовали сеять горох в первые дни новолуния и прибавляли еще, что ни в коем случае нельзя сеять его при ветре с полуночи (с севера) — иначе горох будет редок. Во многих местах старались не сеять гороха и при западном и юго-западном ветре, полагая, что от этого горох родится мелок и червив.

Про горох, одно из любимых блюд деревенских едоков, в народе ходило немало различных поговорок: «Кабы на горох не мороз, он бы и тын перерос!»; «Не смейся, горох, не лучше бобов: размокнешь, надуешься, лопнешь!»; «Наш горох никому не враг!»; «Завидна девка в доме да горох в поле: кто ни пройдет, ущипнет!»; «Девку в доме да горох в поле не убережь!» Были и такие смешливые присловья: «И за морем горох не под печью сеют!»; «Лежебок шилом горох хлебает, да и то отряхивает!»; «С твоим умом только в горохе сидеть!», и т.п. Вспоминая о чем-нибудь стародавнем, говорили: «Это было тогда, когда царь Горох с грибами воевал!» Бытовали в народе и такие изречения: «К тебе слово — что в стену горох!»; «С ним говорить — горох в стену лепить!», и т.п.

Ходили про горох и различные загадки, например: «Малы малышки катали катышки, сквозь землю прошли — синю матку нашли; синяя, синяя да и вишневая!» Во многих местах бытовали и присловья-прибаутки тина: «Хороши пирожки-гороховички, да я не едал, а от дедушки слыхал; а дедушка видал, как мужик на рынке едал!», или: «Сею, сею бел горох: уродися, мой горох, и крупен, и бел, и сам тридесят — старым бабам в потеху, молодым ребятам на веселье!»

ГОРШОК, кувшин — наиболее ритуализированные предметы домашней утвари, связанные с символической печи и земли и воспринимаемые как вместилище души и духов. Горшок для варевы был конечной точкой ряда действий предметов и разделов природы, обеспечивающих благополучие земледельца: соха, вспаханная земля, семена, ростки, роса и дождь, серп, «кош» для увоза снопов, жерновки для размола, печь и горшок для изготовления еды. Каши и хлеб испокон века считались ритуальной пищей и обязательной частью жертвоприношений различным божествам плодородия (рожаницам, Роду и пр.). Существовали даже специальные виды каши, имевшие особое ритуальное назначение: «кутья», «коливо» (из пшеничных зерен) и пр. Варилась кутья в горшке, и в горшке же или в миске подавалась на праздничный стол, либо относилась на кладбище в «домовину» при поминовении умерших.

Важнейшей особенностью горшка и посуды в целом является антропоморфизм, что проявляется и на уровне лексики (горло, ручка, носик и т.п.), и в поверьях, приписывающих посуде рождение и смерть. Горшки и вообще посуда в народном представлении различались по «роду» и «полу», и хозяйки, покупая новый горшок, постукивали его и прислушивались к звуку, полагая, что если звук глухой, то это горшок — борщ в нем не будет удаваться; если же звук тонкий, звонкий, — горщица: все сваренное в нем будет вкусно.

Печь и пространство около нее, где располагались горшки и другая посуда, были в народной традиции тесно связаны с культом предков, с «тем светом». По поверью, горшки из печи нельзя обтирать «суконкою» или «запаскою», иначе покойные родители уйдут из хаты, избу покинет домовый и т.д. В некоторых местах принято было, посетив покойника или встретив похоронную процессию, по возвращении домой дотронуться до горшка или печи, что являлось очистительным обрядом (крестьяне говорили, что если этого не сделать, то «смерть будет стоять в очах», «покойник погонится следом», и т.д., т.е. смерть может настигнуть еще кого-то из домашних).

Горшки некогда использовали в похоронных обрядах и вообще в обрядах, связанных с культом предков. Так, у древних земледельцев существовало три варианта захоронения: курганные насыпи, погребальное сооружение в виде человеческого жилища (домовины) и захоронение праха в обычном горшке для еды. Горшок для приготовления еды, как символ блага и сытости, считался священным предметом, что позволяет построить следующую смысловую связь: умерший предок содействует урожаю, благополучию своих потомков; душа его с дымом погребального костра поднимается к небу, от которого зависит урожай; прах укладывается в «сосуд мал», который или уже применялся для приготовления ритуальной каши в день первых плодов, или был подобен такому. Горшок с прахом предка зарывался в землю и прикрывался сверху домовиной или курганом, т.е. прах находился в земле, от которой тоже находился в зависимости урожай славянина; таким образом, происходило как бы раздвоение магической силы умершего родича: душа уходила на небо, а тело — в землю (ср.: «А Радимиричи и Вятичи и Север один обычай имеяху — живяху в лесе, якоже вьсякый зверь... И аще кто умьряше, — твориху тризну над нимь. И посемь сътворяху краду велику и възложяху на краду мьртвыца и съжьжаху и. Посемь, събравшьше кости, възложяху в судину малу и поставляху на стьпье на путьх, еже творять Вятичи и ныне. Сиже творяху обычая и Кривичи и прочий поганини, не ведуще закона божия, нъ творяще сами себе закон»).

Древние горшки для похоронных обрядов представляли собой сосуды-печки, небольшие горшки уплощенной формы, к которым приделывается цилиндрический или усеченно-конический поддон-печь с несколькими круглыми дымовыми отверстиями и

Горшок

большим арочным проемом внизу для топки лучинами или углями. Арочка иногда украшалась тремя острыми выступами. Всей конструкции в целом придавался вид человекообразного чудища: топка оказывалась огнедышащей клыкастой пастью, дымовые отверстия, из которых должно вырываться пламя, воспринимались как глаза (чудища были двух- и трехглазыми), боковые ручки — как уши; а нар, поднимающийся от варева в горшке и смешивающийся с дымом, делал чудовище косматым. Такой горшок являлся связующим звеном между богом неба и плодоносных туч и кремнированными предками, души которых теперь уже не могли воплотиться в живые существа на земле (как в прежние времена, когда похоронный обряд должен был обеспечить реинкарнацию, перерождение души), вечно пребывая на небе.

Окутанная паром, огнедышащая голова, в которой варился первый сбор урожая, являлась как бы синтезом образа бога неба в его грозовой ипостаси (представленного печью) и образа предка, символом которого был вмазанный в эту печь простой горшок, вместилище ритуальной еды. Только что появившийся обряд трупосожжения в какой-то мере отрывал умерших от земли; культ предков раздваивался — одни действия были связаны с новыми представлениями о невидимых «дзядях», витающих в Ирие и призываемых живыми людьми на семейные праздничные трапезы, а другие магические действия по-прежнему были приурочены к кладбищу, к месту захоронения праха и единственному пункту, реально связанному с умершим. Новый обряд захоронения в горшке-урне объединял идеи этого нового периода: представление о бестелесной душе (сожжение), заклинательную силу горшка для первых плодов (урна-горшок с прахом предка-покровителя), заклинание плодоносящей силы земли (зарытие урны в землю) и создание модели дома данной семьи (домовина над зарытой урной с прахом предка членов семьи). На праславянской территории (в ее западной половине) прах предка начали насыпать в горшок в X-X вв. до н.э. а до этого на всей прародине славян встречаются сосудобразные конические предметы с большим количеством отверстий, формой напоминающие печки-горшки.

Очевидно, отголосками этого древнего похоронного обряда являлись такие ритуальные действия позднейших погребальных обрядов, как помещение в гроб сосуда с пищей, битье горшков при выносе покойника из дома или оставление на могиле перевернутого горшка. Вместе с горшком в гроб с покойником часто клали хлеб, кашу (в горшке) и т.д.; в гроб ребенку ставили кувшин с молоком, а взрослым — горшок с водой. За гробом иногда несли горшок с освященной водой, которой кропили могилу; остатки воды там же выливали, а сам горшок, перевернув вверх дном, ставили в головах покойника сверху могилы, чтобы ему на «том свете» было чем пить воду. Горшок с углями в некоторых местах был непременным атрибутом похоронной

процессии; после похорон горшок ставили на могиле вверх дном, и угли рассыпались (ср. обычай «греть покойников»).

Горшок, из которого обмывали покойника, как и другие связанные с ним предметы (мыло, гребень, солому), считали «нечистым» и опасным предметом, поэтому после похорон его относили на перекресток, на рубеж с другими селением, на чужое поле, закапывали во дворе, в доме, бросали в реку, вешали на высокий кол изгороди и т.д., т.е. удаляли горшок за пределы дома, двора, села и т.д., чтобы уберечь себя от порчи, несчастья, «возвращения в дом смерти». Если умирал хозяин («большак»), то горшок, из которого его обмывали, закапывали под красный угол, чтобы в избе «не переводился домовый»; если же из горшка обмывали «второстепенное лицо», то горшок после этого относили на рубеж поля, «чтобы покойник не являлся и не страшал».

С культом мертвых был связан и обычай, в силу которого в новых домах в древности закапывали в разных углах дома, в том числе и за печью, горшки, наполненные разными предметами в честь «домашних богов». Так, например, в некоторых местах существовал обычай закапывать под фундаментом дома, а также в ямах во дворе и в саду горшки и др. посуду с остатками обрядовых трапез; в некоторых местах закапывали в землю или топили горшки с остатками курицы- «троецпылятицы». Горшок с кашей-кутьей кое-где закапывали и на том месте, где после ставили избу. Горшки с кашей девушки также закапывали на месте, где собиралась деревенская «улица», чтобы туда «притянуло» парней.

Во многих местах горшки с остатками еды, особенно после ритуальной трапезы (в дни поминовения умерших, в большие годовые праздники и пр.), оставляли на ночь на столе, чтобы из них ели души умерших, домовые духи и пр. Но при этом с оставлением на ночь посуды иногда связывались и отрицательные поверья: считалось, например, что если оставить ложки в горшке или миске, то ночью будет мучить бессонница; чтобы хорошо спалось, горшки переворачивали на стол или на полку.

Горшок, кувшин или их части (горлышко) нередко использовались в бытовой магии как обереги домашней птицы. Например, украинцы и белорусы верили, что горшок, повешенный на забор, либо перевернутый днищем вверх, бережет кур и цыплят от ястребов. Во многих восточнославянских деревнях в Великий четверг до восхода солнца хозяйка дома, нагая, бежала со старым горшком в руках на огород и опрокидывала горшок на кол, где он и оставался в течение всего лета; считалось, что он предохраняет кур от хищных птиц, сглаза и прочих бед. Отбитое горло кувшина или горшок без дна служили у русских воплощением куриного бога; их вешали обычно в курятнике, чтобы кикимора или домовый не тревожили кур, а также для того, чтобы куры лучше неслись. Кроме того, битый горшок

ГОСПОЖИНКИ

или старая одежда и шапка, надетые на Палку, в некоторых местах призваны были защитить кур от ястребов, а посеы от воробьев, сглаза, порчи и пр.

В народных поверьях горшки и др. сосуды нередко оказывались связаны с атмосферными осадками и небесными светилами. Так, например, ведьмам приписывалась способность красть с неба месяц, звезды, а также росу и дождь и прятать их в горшках или кувшинах (ср., например, быличку о женщине, которая, случайно заглянув в горшок ведьмы, обнаружила там дождь; после открытия горшка прекратилась долгая засуха); вообще, нередко считалось, что в горшке ведьма может «хранить обилие». В новый горшок клали вещи и волосы человека, который находился далеко от дома, и пекли горшок в печи, чтобы человек затосковал и вернулся обратно. При переходе на новоселье хозяева использовали горшок, чтобы перевезти домового на новое место: в горшке переносили жар из старого дома, приглашая домового в новую избу; там высыпали угли в печь, а сам горшок разбивали и ночью закапывали черепки под передний угол. Иногда вместо углей в горшке несли кутью, которую оставляли на ночь на столе или у печи, воспринимая этот обряд как приглашение домового на новоселье.

В некоторых случаях горшки использовали и как оберег от нечистой силы. Например, новый горшок в некоторых быличках надевали на голову, чтобы обмануть беса или черта. На Русском Севере существовали также былички о том, как при помощи горшков девушки уберечься от преследования покойника-упыря, нечистого духа и т.п. (ср., например: «Вот она идут, а он («нечистик») гонится за ними. Девки и заскочили в крайнюю избу Хозяйка им горшки на головы надела, говорит: «Сидите, не двигайтесь». Вот он заскочил в избу-то, горшки перебил и исчез. А коли бы они горшки-то не надели, так были бы без голов...»).

ГОСПОЖИНКИ. оспожинки, осенины — встреча осени; праздник урожая. Праздник госпожинок приурочивался к церковному празднику Рождества Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии (8/21. IX); впрочем, оспожинками (дожинками, обжинками) иногда именовали также и праздник Успения Богородицы (28. VIII).

Продолжительность праздника Госпожинок зависела обычно от урожая: чем урожайнее выдалось лето, тем дольше продолжался разгул, иногда тянувшийся целую неделю, а иногда и вообще представлявший собой цикл празднеств, тянувшихся от Успения до Покрова. К этому празднику приурочивались не только деревенские пиры и гостевание, но и разнообразные ярмарочные съезды и торжки.

Праздник госпожинок на Рождество Богородицы отмечался в народе, по возможности, широко и разгульно, но всем правилам хлебосольства и гостеприимства. К нему готовились заранее: хозяева варили пиво (обычно по числу ожидаемых гостей и по достатку, по большей части, от 10 до 15 корчаг), закапывали

овцу или барана из своих, а также покупали говядину, бычьи голову и ноги для студня, доставали рыбы для кулебяки (хотя избранный день и падал на скоромный) и обязательно пекли пирог из домашней пшеничной муки с примесью купленной крупчатки. Вообще, на стол подавались плоды нового урожая, и при этом не скупилась: угощение по поводу этого праздника обычно бывало одним из самых обильных в году.

За день или два до праздника по селу обычно пробегали малолетки, скликающие на пиршество родственников, и в первую очередь тех, которые сами в состоянии были отплатить угощением на своем празднике. Исключение составляли зятья, особенно молодые: ни тесть, ни теща, по древнему обычаю, не обходили их приглашением, даже если и не рассчитывали на ответный призыв. Обычай этот, очевидно, основывался на представлениях о важности добрых, мирных и хлебосольных отношений между семьями сватов. Обиженный свекор мог не отпустить своего сына и его жену к родителям снохи, поэтому сват и сватья у тестя и тещи их сына считались главными гостями на празднике, которых сажали за стол в передний угол, под самые образа. Впрочем, такие отношения продолжались только до семейного раздела: как только отец зятя выделял сына (т.е. сын обзаводился своим хозяйством), он уже ни в каком случае не мог рассчитывать на обязательный прежде зов к своему свату, то есть к сыновнему тестю. При этом многие крестьяне при облюдении праздничного хлебосольства принимали в расчет еще и равенство семьи: если число взрослых в одной семье значительно превышало число в другой, то последняя семья имела право уклониться от хлебосольных отношений по отношению к первой семье. Но если между двумя семьями уже установились дружеские, близкие отношения, они, как правило, поддерживались долгое время, вплоть до крупных изменений в семейном строе.

Из дома тестя в гости к зятю, если он являлся самостоятельным хозяином, на праздник приглашался, в первую очередь, глава родственной семьи, а также его жена и старшие сыновья, также с женами и детьми. Если же зять в своей семье находился на второстепенном положении, то приглашался, как правило, только один его тесть с женой. Приглашение целой семьи происходило только в том случае, если обе семьи чересчур сдружились, и когда они обе были приблизительно равночисленны. Из дома свата в первые годы после свадьбы тесть приглашал самого свата с женой и старшего сына, если таковой имелся, а затем и других членов семьи, пользующихся в ней особым влиянием. Дети зятьев в гости к своему деду брались все без исключения: они неизменно пользовались особенно нежным уходом и заботливостью со стороны своей бабушки по матери и нередко оставались у бабушки и дедушки на несколько дней после праздника. Вообще, для детей это время считалось самым приятным в течение целого года, так как в гостях у бабушки и деда они постоянно окружались особой заботой, угощались

Гость

различными лакомствами и вообще чувствовали себя полными хозяевами.

ГОСТЬ — представитель чужого, иного мира. Превращение «чужого» в «гостя» было связано с обрядовыми формами обмена, включающими пиры, угощения и т.п. В похоронных причитаниях восточных славян гостем обычно называют покойника.

На большие семейные торжества (крестины, свадьбу и др.), а также на некоторые праздники, связанные с хозяйственной деятельностью семьи (начало и конец жатвы, начало стрижки овец и др.), гости приходят по приглашению. Однако известны ситуации, когда сами гости должны проявлять инициативу: так, не принято приглашать, но принято незваным приходиться на похороны; не предусмотрены приглашения для женщин, посещающих роженицу в первые дни после родов; родственники обязаны посетить друг друга в Прощеное воскресенье; сложную систему представляют взаимные визиты (называемые «перегощением») новобрачных и их родственников в течение первого после свадебного года. Вместе с тем существуют дни, когда ходить в гости запрещается: первые дни Рождества, Пасхи, иногда Троицы и др. Нежелательным было появление в доме постороннего лица в момент исполнения некоторых домашних работ (тканья, замешивания теста и др.); в этом случае отношения гостей и хозяев регулировались с помощью особых приветствий, имеющих цель обезопасить хозяйство и достаток от порчи и возможного урона.

Приглашение в гости оформлялось как специальный ритуал. В этом случае человек из дома, где устраивалось торжество, обходил предполагаемых гостей и нес с собой вино и хлеб; в каждом доме он угощал хозяина, приветствовал его и приглашал на праздник.

Приход гостя также нередко обставляли как обряд, в основе которого лежал обмен приветствиями между гостем и хозяином дома: хозяин выражает радость по поводу прихода гостя, здоровается с ним, спрашивает о здоровье гостя и его семьи, интересуется тем, как гость добрался; в ответ гость приветствует хозяина, сообщает о цели визита (даже если она известна хозяину). Ритуал встречи гостя предусматривал также обмен рукопожатиями и поцелуями; кроме того, хозяин помогал гостю спешиться, брал на себя заботу о его коне и поклаже; иногда сразу же предлагал ему первое угощение.

Гость воспринимался как носитель судьбы, лицо, могущее повлиять на все сферы человеческой жизни. Считалось, что он «приносит» в дом добрую волю, выражаемую в произносимых приветствиях, подарках и т.п.; хозяин же в ответ стремится как можно лучше принять гостя, надеясь путем символического «договора» с высшими силами (представителем которых является гость) обеспечить свое будущее. Гость не может отказаться от предложенного ему угощения, т.к. это может оскорбить хозяина, привести к негативным последствиям для него (умрут пчелы, поля зарастут

сорняками, и т.д.), а также обернуться несчастьями (болезнями) и для самого гостя. Полазнику — главному гостю года у южных славян — предписывается съесть все, чем его угощают (не выходя из дома), иначе в хозяйстве не будет достатка. Принуждение к еде — обязательный элемент поведения хозяев. Однако подобного рода обязательства являются взаимными: так, на «славу» пекут много калачиков, которые разносят по соседям, приглашая их на праздник, и хозяйка, которой принесли такой калач, обязана не только принять его, но и съесть кусочек; в свою очередь, придя в дом на праздник, каждый гость дарит хозяйке дома по такому калачику, который она также должна «почать», иначе будет считаться, что она не хочет видеть этого гостя в следующем году.

Поведение гостя в доме было строго регламентировано. Считалось, что гость имеет право попросить у хозяина все, что он видит в доме и в хозяйстве, а также то, чего в доме нет и что хозяин вынужден был доставать у соседей и даже воровать. Вместе с тем гость был ограничен в своих действиях в отношении хозяина и его семьи — он не должен был самостоятельно общаться с женщинами, проявлять интерес к приготовляемой пище, обходить дом и хозяйственные постройки без хозяина и т.п.; ему запрещалось кормить собаку или кошку хозяина (считается, что в противном случае еды будет не хватать в доме), и т.д.

Суть отношений гостя и хозяина заключалась, как правило, в символическом и реальном обмене дарами: хозяин и гость обмениваются приветствиями на пороге дома; гость произносит застольные благопожелания в адрес хозяев, новорожденного или молодоженов, «отвечая» на предложенное ему угощение; невеста, получая на свадьбе подарок, целует каждому гостю руку, а молодой кланяется, и т.д. Считается, что человек, впервые пришедший в дом, где есть дети, должен принести им подарок. Обмен дарами между гостем и хозяином происходил при любом семейном празднике.

Появление гостя в доме, по поверьям, могут предвещать некоторые приметы и т.п. Считается, что в дом придет гость, если треснет хлеб в печи, из печи на пол выскочит уголек, если хозяйка по ошибке поставит на стол лишний прибор, если петух запел, сидя на пороге, а затем повернулся к дому, и т.д.

Согласно поверьям, при несоблюдении определенных правил ухода гостя у хозяина перестанут вестись пчелы и скот, т.к. гость «уведет» их за собой. После еды гость должен был помыть руки в доме и стряхнуть капли воды так лее прямо в доме, чтобы остатки еды не были вынесены наружу; уходя же из дома, гость не должен был сам выносить свои вещи — это мог сделать только хозяин.

ГРАД - в народной традиции наказание за грехи, несправедное поведение и т.п., а также результат воздействия злых сил. Считалось, например, что планетники привозят с ледового моря лед и толкут его в ступах, изготовляя град; град насылают и покойники:

Гребень

грешники, утопленники, висельники или халы, а также святые Варфоломей, Герман, Марк и др.

Градом, по народному убеждению, наказывалось прежде всего рождение и умерщвление внебрачного ребенка (говорили, что целый год будет бить град вдоль той дороги, по которой женщина несла убитого ею ребенка); причиной града также считалось нарушение запрета на работу в «градовые» дни и погребению на кладбище заложного покойника, особенно висельника. Вообще, крестьяне верили, что град бьет в нечистое, оскверненное место и не бьет там, где люди приняли специальные защитные меры. Для защиты от града еще зимой выносили на поле кусочек обгоревшего «бадняка» и рождественскую солому; в Юрьев день катались по земле, «чтоб град ее не бил»; обходили озимые поля, устраивали трапезы на меже, закапывали в поле кости от пасхального поросенка, освященные пасхальные яйца, а в Юрьев день — живого цыпленка, вылупившегося на Благовещение; втыкали в землю веточки освященной вербы или ореховые колышки, между которыми натягивали нить, выпряденную в ночь перед днем св. Фомы; опоясывали поля нитками, выдернутыми из обыденного полотенца; в Юрьев день жгли на полях или на могилах рождественскую солому и т.д. Для защиты полей от града их в некоторых местах «опахивали» два брата-близнеца на двух близнецах-волах. Кроме того, в некоторых селах специально устанавливали особые «градовые» кресты из ореха или дуба высотой до Юм, украшали их резьбой, цветами, лентами, пели и танцевали вокруг них, охраняли их ит.и.

Надвигающуюся градовую тучу обычно старались отогнать заклинаниями, обращенными к святым, демонам или утопленникам и висельникам — предводителям туч. Так, например, у восточных славян женщины выходили на холм и кричали изо всех сил: «Ой, Милева-утопленница, не пускай своих белых говяд на наши зеленые поля! Гони их по горам и косогорам, гони их в синее море!». Навстречу туче также бросали пасхальные яйца, размахивали пасхальной скатертью, свадебной фатой, венцом, палкой, которой разнимали змею и лягушку; крестили тучу или отгоняли ее криком и шумом, стреляли из ружей и т.п. Тучу «отворачивали» от села, переворачивая сверху ногами треножник или телегу; «рассекали» тучу острыми орудиями (косой, серпом, топором); выбрасывали во двор хлебную лопату и другую печную утварь (ухват, кочергу; хлебную дежу или крышку от нее); зажигали сретенскую («громничную») или страстную (четверговую) свечу, жгли тройскую зелень, ветки вербы; выносили во двор на лопатке горсть горящих углей и т.п. Пытались также «умилостивить» тучу, предлагая ей угощения и хлеб-соль, для чего выносили из дома трапезный столик.

Если град начинался, его старались остановить тем, что перекусывали или проглатывали несколько первых градин (это должен был сделать первый или последний у матери ребенок), перебрасывали градины

через голову, бросали их в печь; женщины, раздевшись догола или задрав юбки, обегали трижды вокруг дома, чтобы испугать тучу и остановить град.

Для предотвращения градобития летом, когда оно может погубить урожай, крестьяне соблюдали многочисленные запреты. Например, у южных славян во все четверги от Пасхи до Вознесения запрещалось при стирке бить белье вальком; в это время избегали носить белую одежду и вывешивать на забор или расстилать по траве для стирки белое белье; не сеяли коноплю в «Белую» (пасхальную) неделю; не ткали и не белили коноплю во время цветения ржи, «чтобы град не побил хлеб на корню». В некоторых местах на святки не рубили дрова и не брали в руки топор, чтобы летом не было града; на святки не разрешалось бросать принесенные в дом дрова, чтобы предотвратить град. Во многих местах запрещалось везти покойника на кладбище открытым, т.к. это могло вызвать град.

ГРЕБЕНЫ — инструмент для расчесывания (волос, шерсти, пряжи) и прядения, входивший в ряд острых колющих предметов; женский и эротический символ, а также атрибут многих мифологических персонажей (богинок, русалок и др.).

У всех славян существовали особые правила обращения с гребнем в быту. Например, его нельзя было оставлять на виду, класть на стол, на окно, на дежу, иначе «ангел не сядет». Расчесав косу, девушка должна была немедленно спрятать гребень. Новым гребнем сначала расчесывали kota или собаку, иногда даже свинью, чтобы зубья дольше не ломались, а при выпадении волос чесали их прядильным гребнем. На святки из дома обязательно выносили гребень и другие ткацкие инструменты, это защищало скот от болезней, а людей — от змей.

В родинных обрядах гребень служил символом женской доли. Новорожденному мальчику перерезали пуповину на топоре, а девочке — на гребне, чтобы из нее вышла хорошая пряжа. На крестинах бабка передавала куму мальчика через порог, а девочку — через гребень; кумовья, выходя из дома, ступали правой ногой на порог или на гребень. В девичьих гаданиях гребень клали под подушку (часто со словами: «Суженый, ряженный, приходи голову чесать») и по тому, кто во сне будет им причесываться, узнавали суженого. На свадьбу девушке принято было дарить гребень.

Гребень, которым расчесывали покойника, считался в народе «нечистым» и подлежал, как и др. «покойнички» предметы, удалению, отправлению за пределы жизненного пространства: его бросали в реку, чтобы «поскорее уплыла смерть», или куда-нибудь забрасывали, относили в такое место, где никто не ходит, либо клали вместе с остриженными волосами в гроб.

Особыми свойствами в народной традиции наделялся чесальный гребень — его использовался в качестве оберега от нечистой силы, болезней, порчи. Гребень

Греть покойников

или веретено клали в колыбель, чтобы ребенок спал спокойно. Для защиты людей и скота применялись соединенные зубьями, составленные гребни; они иногда использовались почти так же, как зубья из бороны. Если заболела корова, хозяйка выносила гребень и забрасывала его на грушу, где он должен был лежать неделю, после чего его мыли и использовали по назначению. Гребень также клали в мешок с семенами или помешивали им семена, приготовленные к севу, чтобы жито было «частым», как зубья у гребня; гребнем расчесывали овец, а вычесанную шерсть и сломанный гребень бросали в загон к овцам, чтобы у них было больше шерсти.

ГРЕТЬ ПОКОЙНИКОВ — семейный номинальный обычай возжигания костра (огня) с целью «передать» умершим тепло. Например, белорусы на второй или третий день после похорон сжигали стружки, оставшиеся от гроба, полагая, что «покойника душа придет греться»; сербы с той же целью в течение нескольких дней после похорон жгли во дворах костры. На севере славянского мира (Белоруссия, Русский Север) принято было в один из святочных вечеров или в осенний поминальный день (2.XI) жарко растапливать печь, чтобы предки могли здесь обогреться. В южнорусских областях «родителей» также «грели» на Рождество, под Новый год или Крещение, разводя во дворах или в воротах большие костры из соломы и навоза; при этом нередко делали и общий костер, собирая для него солому и щепки со всех дворов. На Украине был широко распространен обычай сжигать во дворах и в садах солому, которая лежала в Рождество на полу, а также мусор, собранный в течение святок; считалось, что предки приходят греться к таким кострам. В некоторых областях Сербии и Болгарии такой обычай совершался чаще всего в Страстной четверг, на Благовещение и другие даты, считавшиеся днями ежегодного выхода предков на землю; в эти дни костры разводили на кладбищах, во дворах и на других принадлежащих семье участках земли; здесь же оставляли пищу, лили вино и воду и приглашали мертвых к огню обогреться, часто закликая их по именам.

ГРИБЫ — в народных представлениях занимали промежуточное положение между животными и растениями.

О грибах в народе ходило множество поверий, примет и легенд. Считалось, например, что это остатки трапезы мифологических существ (обычно самодив). Кроме того, грибы часто соотносили с разнообразными нечистыми животными и растениями, а также с выделениями и гениталиями животных (ср. названия «собачий гриб», «чертов табак», «бычья яйца» ит.п.).

В народной демонологии грибы воспринимались как живые существа, обладающие даром речи и способностью к метаморфозам (так, считалось, что они могут превращаться друг в друга, а также в золото и монеты, в демонических существ, животных и пр.) и

состоящие в родстве с различными демоническими персонажами (карликами, ведьмами, чертом и т.д.). Иногда грибы считались прибежищем дьявола или одним из воплощений нечистой силы. Их нередко сближали с лешими, полагая, что они могут заводить человека, заставляя его плутать в лесу и т.д. (ср. чудесные грибы, заводящие путников в лапы ведьмы в русских и украинских сказках); по некоторым поверьям, грибы также могут отбирать у людей силу и здоровье, вообще влиять на жизнь человека таинственным и непостижимым образом. Грибы, растущие кругами, в народных поверьях традиционно указывали на место игр и плясок демонических существ (русалок, вил и пр.), а иногда — на место сокрытия клада. Кроме того, грибы, особенно ядовитые, нередко применялись ведьмами и колдунами во вредоносной магии; однако при этом освященные грибы могли служить и оберегом от нечистой силы, от сглаза и пр.

Во многих народных поверьях грибы сближались с хтоническими животными — гадами, насекомыми (ср. поверье о том, что грибы превращаются в жаб, червей, бывают причиной появления змей в доме), а также считались существами, связанными с неким потусторонним миром, где человек пребывает до рождения и после смерти (ср. чешское выражение «ты тогда был еще на грибах, еще грибы пас» в значении «тебя еще на свете не было»). При этом в некоторых поверьях грибы сближались также и с человеком: так, например, считалось, что грибы в своем лесу живут точно так, как люди, и всегда растут парами или семьями (ср. чешское поверье о том, что, найдя в дубовой роще лисичку, где-то рядом можно найти и ее брата — белый гриб).

В фольклорной традиции грибы были тесно связаны со сферой сексуальной жизни человека. В народных представлениях славян о грибах ярко проявляется их эротическая символика; они воспринимались как нечто одновременно запретно-потайное, связанное с половыми взаимоотношениями, и в то же время «наглядно-иллюстративное, необходимый элемент для приобщения к правилам сексуально-эротического поведения».

В наглядных представлениях славян эротическая символика грибов была, в первую очередь, связана с противопоставлением их по признаку мужской — женский. Соответственно, все грибы разделялись на «мужские» и «женские», в зависимости от их внешнего вида, причем основную роль здесь играло противопоставление выпуклого и вогнутого. Так, трубчатые грибы с длинной ножкой и шляпкой в виде колпачка считали мужскими, так как их форма явно ассоциировалась с половым членом; а пластинчатые грибы с короткой ножкой, переходящей в шляпку в виде воронки, относились к женским. Соотношение по внешнему виду с человеческими гениталиями нашло отражение и в названиях грибов в славянских языках: ср., например, общеслав. «губа», обозначавшее как класс «женских» пластинчатых грибов, так и vagina, женские половые органы; а также обобщенное название

«гриб», принятое для мужских, трубчатых грибов, и названия некоторых видов этих грибов (например, рус. пупырь, сморчок и пр.), употреблявшиеся также и как обозначение penis, *membrum virile*. В связи с этим в Польше и Полесье считалось, что увидеть во сне гриб для девушки означает появление жениха, а для женщины — наступление беременности; для беременной же привидевшийся во сне гриб предвещал появление сына («як гриба увидит, то будэ хлопэц», «грибы приснились — то хлопца вродю»), а приснившаяся губа — рождение девочки («коли [во сне] бэрэш сыроежки — дивчинка уродыца»).

У русских в некоторых местах сохранился сказочный сюжет о войне мужских и женских грибов, но с акцентом не на социальную сферу, а на область взаимоотношения полов. Например, в белорусских свадебных песнях боровик скликает грибы завоевать белянку, а жених зовет сватов ехать за невестой: «Сабірайцеся, грыбоуя, / Будзем вайну ваяваць, / Белую белянку да сябе браць. / Сабірайцеся, сваточки, / Будзем вайну ваяваць, / Маладую Ганнулку да сябе браць». Среди русских же подблюдных песен, исполнявшихся девушками во время святочных гаданий, с предстоящим замужеством был связан, например, такой текст: «Скачет груздочек по ельничку, / Ищет груздочек беляночки, / Не груздочек скачет, но боярский сын, / Не беляночки ищет, но дворяночки». Вообще, поход в лес за грибами в свадебных песнях часто обыгрывался как поиски своей пары, суженого. Например, эротическая символика грибов ярко проявляется в белорусской весенней хороводной песне о том, как девушка отправилась в лес за грибами и нашла там «гриба мухамора, краснага гриба», принесла его домой и положила «на белу криваць», а сама испугалась лечь рядом: «Дзеука снаці не кладзецца, / Толькі слэзкамі ліецца — / Баіцца гриба»; мухомор же угроживает девушку: «Ах ты, дзеука прыгукрасна, / Не лій слэзачак напрасна, / Не бойся мяне... / Кладзі свячу васкаваю, / Я тры разы нацалую, / Мілая мая, / Эй, мілая мая» (т.е. в песне, фактически, описывается утрата девственности девушкой).

При всем этом грибы символически присутствовали во многих обрядах, связанных с молодоженами. Например, в разных губерниях России был широко распространен обычай на масленицу катать молодых с ледяных гор и прилюдно целоваться; такой обряд в некоторых местах называли «солить рыжики на пост» или «грибы ломать». Кое-где на свадьбу также принято было выпекать специальные лепешки в форме гриба.

С эротической символикой грибов сочетались также и представления о появлении детей, в том числе и внебрачных. Например, на Украине и несъедобные грибы, и детей, родившихся вне брака, называли байструками. При этом с грибами иногда связывалось само происхождение людей: например, болгары верили, что в начале света из земли возникли два гриба — мужской и женский; у них появились дети, и

впоследствии землю населило целое поколение людей. Именно поэтому, по поверьям, после смерти человек возвращается в землю, откуда когда-то пришли в мир его «прародители». По другой же версии мифа, после всемирного потопа вся земля оказалась покрыта тиной, и из этой тины выросли грибы, и «засветило свет» — свершился акт сотворения мира и людей.

Собирание грибов у славян, как и у других народов, сопровождалось обычно многочисленными обрядовыми действиями и запретами. Например, некоторые виды грибов запрещалось собирать беременным (чтобы не повредить младенцу) и детям. Грибники, отправляющиеся в лес за грибами, должны были соблюдать ряд обязательных правил, например: не осеять себя крестом и не молиться; умыться, чтобы грибы не «обожгли» руки; первые три найденных гриба «отдать лесу», опустив их в дупло дерева; поцеловать первый найденный гриб и т.п. Желая обеспечить себе везение при сборе грибов, крестьяне некоторых мест катались по траве или кувыркались при первом гrome; при собирании грибов также нередко произносили заговоры. Кроме того, считалось, что при собирании грибов больше будет везти тому, кто живет полноценной половой жизнью, т.е. больше шансов на успех имели замужние женщины (ср. также украинскую поговорку: «Колі ти мені муж, то будь мені дуж; а як не гриб, то не лізь у козуб»). Вообще, в народе считалось, что грибы больше растут там, где совершалось совокупление (так, словацкое название одного из видов грибов — *jelena freina* — объяснялось поверьем, что эти грибы вырастают там, где спаривалась крупная дичь).

ГРОМ — в народных поверьях — карающее орудие небесных сил: Бога, Ильи-Пророка, Перуна. Южные славяне считали, что гром и молния происходят от борьбы мифических змей — драконов хал; чаще же всего гром объясняли тем, что св. Илья ездит по небу на колеснице с огненными конями. Считалось, что Бог или св. Илья громом («громовыми стрелами») поражает дьявола, черта, которые в это время, прячась и спасаясь, забираются в воду или под дерево, под камень, в животных и пр.; при этом в некоторых местах различали даже два вида «громовых стрел»: огненные и каменные или чугунные, полагая, что первые из них производят пожары, а вторые расщепляют деревья и убивают людей, в которых спрятался бес. Из-за способности бесов прятаться во время грозы в предметы, людей и животных, крестьяне считали, что во время грозы людям нельзя укрываться под деревом или в воде, нельзя сидеть на меже или перекрестке, находиться вблизи тех мест, где зарыт некрещеный младенец, самоубийца и т.п., так как в таких местах чаще всего и водятся черти. При этом в некоторых местах верили, что «гром» (молния) никогда не бьет в некоторые деревья и кустарники (например, в орех; поэтому в грозу нередко опоясывались ореховой веткой), а также в крапиву, в дом, на котором есть гнездо аиста, и т.д.

Гуменник

Человек, убитый «громом», у славян мог считаться и праведником, и грешником, в котором скрывался черт. Дерево, пораженное «громом», не использовали для строительства или на дрова, однако ему приписывали иногда целительные свойства (щепкой такого дерева лечили зубную боль). Загоревшийся от молнии дом часто запрещалось тушить (считалось невозможным потушить пожар) или полагалось тушить не водой, а молоком от черной коровы, кислым молоком, сывороткой ит. п.

Во время грозы для защиты от грома применяли самые разные меры: зажигали сретенские («громничные») свечи и освященные в Вербное воскресенье ветки вербы; жгли в печи лен, травы-обереги, троицкую зелень, венки и т.п.; выбрасывали во двор лопату, использовавшуюся для выпечки хлеба, или кляликрест-накрест лопату и кочергу; выносили дежу, освященные предметы, воду и травы, пасхальную скатерть, яйцо, хлеб-соль и т.д. Следовало также перевернуть в доме всю пустую посуду, а полную спешно закрестить, чтобы в нее не спрятался бес.

Если гроза еще не началась, ее нередко старались «отвернуть», отогнать от села тучу. Для этого размахивали руками, косой, хлебной лопатой, скатертью, палкой, которой вызволяли лягушку из пасти змеи, и т.п.; обходили вокруг дома с лопатой, перебрасывали через дом яйцо и т.п.; произносили специальные заклинания.

Во время грозы запрещалось держать открытыми дверь, окно или трубу, сидеть у окна, есть, пить, разговаривать, ходить с непокрытой головой или босиком, задирать подол, расчесываться и т.д., т.к. все это могло навлечь на человека удар грома. Иногда предписывалось завешивать зеркало, сидеть под балкой с крестом и т.п.

Чтобы уберечься от грома, совершались предупредительные магические действия. На Сретенье («Громницы») освящалась специальная «громничная» свеча, которая хранилась в красном углу и зажигалась во время грозы; иногда вместо нее использовали четверговую свечу. Под крышу дома вешали букетики цветов или веночки, сплетенные в праздник Божьего Тела; под стреху затыкали также крапиву, орех или другие растения, рождественскую солому и т.п. Предохранили от «грома» скорлупки пасхальных яиц и кости от освященного поросенка (их завязывали в узелок и хранили под крышей, а также закапывали в поле, в огороде, в саду). Считалось также, что гром может ударить в дом, если в нем находится бес, поэтому на чердаке нередко держали громовую стрелу (песок, сплавленный молнией в камень, и т.п.), по поверью, отгоняющую бесов.

Поля от грома защищали ореховыми, вербовыми и др. ветками, а также специально сделанными крестиками, которые втыкали по углам поля. Для того, чтобы избавиться от страха перед громом, советовали есть заплесневевший или поеденный мышами хлеб; есть крошки хлеба с ножа; есть цветки ржи, почки вербы и

т.п.; детям подпаливали крестообразно волосы на голове, разламывали над головой ребенка две спекшихся буханки, давали целовать «хлебную» лопату.

Главным средством защиты от грома считалось соблюдение и почитание праздников и «громовых» дней, которых особенно много было у южных славян: все четверги между Пасхой и Вознесением, несколько дней в период жатвы («Огненная Мария» и т.п.), Ильин день и др., когда строго запрещалась всякая работа, особенно работа в поле и прядение-тканье.

Первый весенний гром считался у крестьян значительным событием и сопровождался множеством магических ритуалов и гаданий. Заслышав раскаты грома, люди прислонялись к дубу или терлись спиной о дерево, дубовый столб, забор и т.д., чтобы предотвратить или излечить боль в спине; с этой же целью катались по земле или просто падали на землю, что должно было принести здоровье, благополучие, удачу. Во многих местах, заслышав первый гром, умывались или обливались водой у реки или колодца, после чего утирались красным платком, чтобы быть здоровыми и красивыми; постукивали камнем или железом по голове, «чтобы быть крепким и не бояться грома»; поднимали тяжелые предметы (телегу, колеса, печь и т.п.); зажигали свечу, сжигали под печью освященные вербовые ветки и т.д.

ГУМЕННИК, гуме́нный, гуме́нный хозяин — дух, обитающий на гумне (гумно — площадка для молотбы, а также сарай для сжатого хлеба) или в ригах (рига — сарай для сушки снопов и молотбы), прикрытых бревенчатыми срубами с непротекающими крышами. Гуменника нередко отождествляли с овинником; иногда его смешивали и с домовым или дворовым.

Согласно поверьям, гуменник оберегает хлеб от всякой напасти, беды и нечисти; часто дает хороший примолот; подметает гумно, обмолачивает снопы, веет зерно, обеспечивает необходимый для просушки зерна сквозняк и т.п. Крестьяне верили, что если гуменник любит хозяев и доволен ими, то таскает им «Бог весть откуда» хлеб, так что хозяева не только не покупают хлеб в течение всей зимы и весны, но и сами еще продают лишний хлеб.

Гуменник представлялся небольшим человечком с ярко горящими глазами; нередко его также считали мохнатым существом с лапами. По некоторым поверьям, он мог принимать облик кошки, барана, медведя и т.д. Мохнатость гуменника соотносилась с достатком хозяина дома («Гуменник мохнат — крестьянин богат»).

Как дух, связанный с хлебными злаками и с помещением, в котором обрабатывают и хранят урожай, составляющий достаток семьи, залог ее благополучия, гуменник весьма почитался крестьянами. Очевидно, некогда ему приносили различные жертвы; так, в некоторых местах на Покров Пресвятой Богородицы хозяева ставили на току ведро пива и оставляли его там на несколько дней как жертву гуменнику.

Гуменник

По поверьям, гуменник, как «свой», домашний дух, может защитить хозяев и все свои владения от нечистой силы. Однако он считался не только добрым, благосклонным к людям духом и мог вредить хозяевам за то, что те нарушили какие-то правила поведения. Так, гуменник, по поверьям, наказывает тех, кто по ночам ходит на гумно за соломой; он вообще не любит ночных посетителей и может даже задавить человека, который «ночлежничал» на гумне. Считалось также, что иногда гуменник вредит без всякой причины: так, в ночь на Аграфона-гуменника (4.IX) гуменник бегаёт по селам и деревням, «дурит» и раскидывает по гумнам снопы; для того, чтобы уберечь гумно от его

проказ, люди в эту ночь стерегли свои гумна в вывернутых наизнанку тулунах, с кочергами в руках.

Как и овинника, гуменного хозяина нередко призывали в гаданиях (преимущественно девичьих). Так, девушки ходили на святки на гумно; считалось, что если гуменник погладит гадающую голой лапой, то это «к худу», к бедному жениху и т.д.; если же погладит шерстистой, мохнатой лапой — это «к добру», к богатому жениху, семейному благополучию и т.д. На Новый год ходили слушать на гумно, стараясь по звукам определить, каков будет будущий год: «как хорошо будет жить, так метлой гребут, а как нет, так разметают».

Д

ДАЖЬБОГ. Дажьбог — бог всей Вселенной, солнца и плодородия; олицетворение солнечного света; «дающий бог», бог — податель благ. Дажьбог считался покровителем свадеб и женихов, а также пахарей и сеятелей. Его представляли себе красивым и сильным юношей, молодым князем; верили, что он наделяет человека физической силой, здоровьем, мудростью и мастерством. Дажьбога считали также хранителем земных ключей и верили, что он замыкает зиму и открывает лето; заперев землю на зиму, он отдает ключи птицам, которые уносят их в Вырий, а весной возвращают Дажьбогу, чтобы он открыл землю на лето. Считалось, что Дажьбог положил начало летоисчислению по солнечному календарю.

Священными животными Дажьбога были волки и, вероятно, лебеди. Праздниками в честь Дажьбога были, очевидно, летние и зимние русалии — праздники, приуроченные к дням летнего и зимнего солнцестояния. Летний русальский цикл завершал Петров день; в этот день устраивали «петровскую братчину», а старики ходили на холмы за селом смотреть, как при восходе «играет солнце». Очевидно, в древности этот день был посвящен Дажьбогу — божеству, олицетворявшему собой живительный солнечный свет. «Днем Дажьбога» было, вероятно, также воскресенье.

Славяне верили, что Дажьбог живет далеко на востоке, где находится страна вечного лета. Каждое утро он выезжает на своей колеснице из золотого дворца и совершает круговой объезд по небу; в его колесницу впряжены белые огнедышащие кони. Появлению на небе Дажьбога предшествует появление его сестры — Утренней Зари, которая выводит на небосклон его белых коней; другая сестра, Вечерняя Заря, заводит коней на конюшню после того, как бог закончит свой объезд. Кроме того, у Дажьбога есть прислужницы, разгоняющие тучи и с помощью дождей очищающие его лицо. Славяне полагали, что осенью Дажьбог умирает, а 24 декабря рождается новый, молодой Дажьбог.

Дажьбог, сын Сварога, считался прародителем славян и первым земным царем и законодателем. По древнему преданию, некогда Сварог управлял людьми, но после преданья покою, предоставив управление своему сыну Дажьбогу. В праславянском мифотворчестве Дажьбог соответствует мифическому царю и родоначальнику Кола-ксаю — «Солнце-царю», по имени которого среднеднепровские пахаря именовались сколотами.

По-видимому, славянский Дажьбог в общем аналогичен древнегреческому Аполлону. И тот, и другой

были богами солнечного света, создающими условия жизни на земле, богами, посылающими благо. Священными животными Дажьбога, как и Аполлона, были волки и лебеди. Кроме того, Аполлон, по представлениям Цицерона, был сыном Гефеста, небесного кузнеца, а по более обобщенному мнению философа Прокла, — сыном демиурга. Точно так же славянский Дажьбог-Солнце был сыном демиурга и небесного кузнеца Сварога.

ДВОЕДУШНИК — существо, способное совмещать в себе две души — человеческую и демоническую (само число «два» является бесовским, «нечистым» и опасным или обладающим сверхъестественной силой). Двоедушником может быть как мужчина, так и женщина; очень часто двоедушниками считали ведьм и колдунов, а также «витрянников», имеющих все свойства двоедушника и способных поднимать сильный ветер и летать с ветром невидимками.

Согласно народным поверьям, днем двоедушник обычно ничем не отличается от обычного человека, но ночью сразу же крепко засыпает глубоким сном, так что его невозможно разбудить. В это время он бродит вне своего тела или в своем обличье, или в обличье зверя (пса, зайца, коня и т.п.); ведьма-двоедушница принимает облик кошки, собаки, мыши, летучей мыши или колеса, кочерги, валька и пр. Бродящая по свету душа двоедушника иногда может, по народным поверьям, серьезно вредить людям: пить кровь, насыпать порчу и непогоду, засуху и пр. Если бродящего двоедушника кто-нибудь попытается задержать, он может убить своей силой или силой ветра, от которого нет спасения. Двоедушника, по поверьям, можно быстро разбудить, перевернув его головой на место ног; но в этом случае он будет болеть не менее двух недель (вообще, считалось, что человека нельзя быстро и неожиданно будить, так как в этом случае его душа, странствующая по миру, может не успеть вернуться, и тогда человек может не только заболеть, но и умереть).

По некоторым представлениям, после смерти двоедушника его чистая душа обычно идет на «тот свет», а нечистая душа становится упырем, который живет то в могиле, то под водой, в зарослях, глухих местах и т.д. Такой упырь очень опасен: он пьет кровь, вызывает болезни детей, надеж скота, засуху, мор и т.п. Для того, чтобы его обезвредить, покойника-двоедушника переворачивали лицом вниз, забивали ему в сердце кол, рассыпали на могиле мак и т.д.

Дворник, дворный — см. Дворовой.

Дворовая змея

ДВОРОВАЯ ЗМЕЯ — змея, обитающая во дворе и наделяемая функциями домового или дворового; дух — хозяин двора, показывающийся в виде змеи. Змея — один из традиционных обликов умершего предка, его души; домовый или дворовой, являющийся духом основателя домашнего очага, также мог принимать облик змеи, обычно ужа или (реже) гадюки.

Согласно поверьям, дворовая змея ухаживает за скотом, заботится о достатке семьи и т.д.; в некоторых местах с дворовым ужом сравнивали рачительного хозяина (про него говорили: «Как уж все в дом тащит»). Появление на дворе ужа считалось доброй вестью. Дворовой уж, по народному убеждению, всегда защищает человека от змей: «Если на дворе или в саду пришлось тебе лечь отдыхать, то уж тебя караулит». У крестьян даже существовала такая примета: «если змея ползет со двора — быть беде, если ползет во двор — быть радости».

Согласно народным поверьям, у дворовых змей обычно бывают любимые коровы, которых они «доят», сосут. Во многих местах считалось, что это «к счастью»; полагая, что одну из коров облюбовала дворовая змея, ее переставали доить и предоставляли змее, видя в этом залог благополучия дома и скота. Для того, чтобы задобрить домовую змею, ее даже специально подкармливали молоком или сметаной. Обилие молока и сметаны, высосанных и хранимых домовою змеей, символизировало достаток и благополучие дома; считалось, что пока змея «хранит в себе обилие», коровы будут давать много молока и в хозяйстве все будет благополучно.

Как доброго духа дома дворовую змею в народе запрещалось обижать, бить и тем более убивать. В одной быличке рассказывалось, как в одной избе убили домовую змею: пол сразу же подернулся сметаной, а затем последовала скорая смерть троих членов семьи. В южнорусском рассказе девочка, подкармливавшая белого ужа, умирает после его гибели. Вообще, убийство домовою змеи в народной традиции грозило дому всяческими бедами. Согласно поверьям, домовою или дворовою, присматривающий за хозяйством, нередко принимает облик змеи; и если такую змею убить, то скот заболит и перестанет давать молоко, домочадцы начнут умирать, хозяйство обеднеет и т.п. Рассказывали также, что после смерти домового ужа корова, которую он «доил», немедленно погибает.

Дворовую змею нельзя было не только убивать, но и вообще беспокоить, чтобы она не стала вредить хозяйству. Разбивать ее яйца также запрещалось, так как считалось, что змея непременно отомстит: так, в одной из быличек уж нанес яйца в сапоги, оставленные мужиком в амбаре, а мужик, найдя яйца, унес их, после чего уж напустил яду в молоко; однако когда яйца вернули на место, уж не дал людям выпить отравленное молоко, пролив его.

Иногда верили, что домовая змея — домовою или дворовою в облике змеи — имеет не совсем обычный облик. Так, считалось, что дворовою днем принимает облик змеи с головою петуха или змеи с лошадиной головою, человеческим лицом и т.п. Домового ужа в некоторых местах представляли увенчанным, полагая, что короной его наградила Бог за то, что уж когда-то спас Ноев Ковчег, заткнув в нем дыру.

ДВОРОВОЙ, дворовою хозяин, дворовый, дворовик, дворный — домашний дух, хозяин всего двора; в некоторых местах дворовою являлся одновременно и домовою. В некоторых местах четко разделяли домового и дворового, однако подобные однозначные свидетельства редки. В тех же местах, где дворовою считался хозяином двора, но не дома, его считали несколько более зловредным, чем домовою: по поверьям, он любит «проказить и дурить» без всякого повода, причиняя постоянные беспокойства и принося явные убытки в хозяйстве.

Согласно народным поверьям, днем дворовою имеет облик змеи с петушиной головою и гребнем, а ночью приобретает цвет волос и облик хозяев дома. Кроме того, в поверьях многих мест дворовою почти не отличается по своему облику и занятиям от домового: так, он, по народному убеждению, похож на человека (на старика или на хозяина дома), только мохнатый; появляется и на дворе, и в доме; следит за хозяйством, ухаживает за скотиной; понравившимся ему людям и лошадям заплетает в косы волосы и т.д. Практически все былички о дворовом могли относиться к домовою.

Живет дворовою, по народному убеждению, в подвале, клети или подклети; нередко также верили, что он обитает где-то вне избы, например, в хлеву со скотиной, зачастую рядом с лошадьми (рассказывали, например, что он любит сидеть на перемете). В некоторых местах полагали, что дворовою обычно живет в подвешенной на дворе сосновой или еловой ветке с густо разросшейся хвоей, именуемой «матка», «матосник», «куриная лана» или «шапка».

По некоторым поверьям, число дворовых в доме бывает равно числу членов семьи. Управляет ими большак (называемый «избенный большак»), у которого так же, как у хозяина дома, есть жена-большуха и дети. В некоторых местах считали, что дворовые живут так же, как обычные люди: они едят, пьют, женятся и т.п. Вероятно, такие поверья о дворовом связаны с древним культом предков-«дзядов». Так, в некоторых местах считали, что во время поминального пиршества каждый из присутствующих живых родственников находится под особым покровительством одного из умерших предков; возможно, подобные верования и объясняют такое соотношение числа дворовых с числом членов семьи.

По народному убеждению, дворовою подвластен весь двор и все его обитатели. В некоторых местах полагали, что дворовою заведует только двором, а над домом он не властен (там хозяин — домовою); однако

Дворовой

существовали и места, где домовый был неизвестен, а полновластным хозяином всего хозяйства (исключая баню и овин) считался именно дворовой. Так, по некоторым поверьям, во дворе дворовому не подвластны только куры, а все домашние животные находятся в его власти: он может ухаживать и присматривать за ними, но может также обижать и мучить их, если они ему не приглянутся. Так, купив новую скотину, хозяин вводил ее во двор и приговаривал: «Мохнатый зверь на богатый двор; пой, корми хозяинушко, рукавичкой гладь»; после этого он смотрел: если скотина не гладка, то она «не пришлась ко двору», и дворовой ее не любит, нужно ее скорее продавать, пока «хозяинушко» ее не замучил.

Дворовой, по поверьям, дружит только с собакой и козлом. Он терпеть не может сорок, поэтому, чтобы усмирить дворового, на потолке в хлеву хозяева нередко вешали убитую сороку. Считалось также, что дворовой не любит белых кошек и белых собак; он часто обижает сивых, соловых и буланых лошадей, предпочитая им вороных и серых (поэтому, если уж приходилось покупать лошадей нелюбимой дворовым масти, их вводили во двор через овчинную шубу, разостланную в воротах шерстью вверх). Кроме того, дворовой, по поверью, не любит телят и овец, поэтому новорожденных животных хозяйки уносили в избу и тут же совали головой в устье печи (т.е. «вдомляли», сродняли с домом), чтобы дворовой их «не изломал» и не задушил.

Согласно поверьям, дворовой вообще обычно ходит за скотиной и оберегает ее. Понравившимся ему лошадям он заплетает гривы и хвосты; чистит их скребницей, гладит и холит, подстригает им уши и щетки, таскает им корм от чужих или нелюбимых коней; сердится, когда их продают, и т.д. В угоду ему держали лошадей его любимой масти; рассказывали, что дворовой сам иногда дает знать, каких лошадей хочет видеть на конюшне («Захенькало: Хынь, хынь! Хоть бы худу да пегую»).

Если же дворовой невзлюбит лошадь или корову, то будет всячески мучить ее: станет таскать у нее корм и не давать ей есть, свивать гриву в колтун, ездить на ней по ночам, так что к утру она окажется вся в мыле, и т.п. Лошадь, которую невзлюбил дворовой, будет худеть, чахнуть, биться всю ночь в стойле; если хозяин не опомнится и не продаст ее, то дворовой может замучить ее до смерти: перешибет у нее зад, протащит ее в подворотню, забьет под ясли или закинет в ясли кверху ногами.

Для того, чтобы вовремя узнать, «ко двору» ли будет скотина, прибегали к разным способам. Так, купив новую лошадь или корову, клали на перемет кусок хлеба и смотрели: если кусок будет съеден или уронен с перемета, то это к благополучию. Старались также узнать масть, которая нравится дворовому; так, согласно поверьям, какого цвета домашняя ласка или большинство голубей, живущих во дворе, такой масти и должны быть лошади и скот.

Если дворовой сильно и зло «шалит» на дворе, хозяева нередко старались запугать его, тыкая навози ми вилами в нижние бревна двора с приговором: «В тебе, вот тебе, за то и вот это». Использовали иногда и другой способ: хозяин дома запасался ниткой из савана мертвеца, вплетал ее в треххвостую ременную плетть и залеплял воском; в самую полночь он засвечивал эту нитку и, держа ее в левой руке, шел во двор, где бил плетью по всем углам хлева и под яслями — «авось как-нибудь попадет в виноватого».

По народным поверьям, до Михайлова дня (8/21.XI) непременно нужно задобрить дворового, иначе он уйдет, а на свое место пришлет «лихого» (черта). Поэтому рано поутру, до «белой зорьки», старая бабка выносила чашку с пивным суслом и ставила ее на поветь (крышу над двором); перед полуднем хозяин садился на лошадь, любимую дворовым, и ездил на ней взад и вперед по двору, в то время как старуха, стоя на крыльце избы, махала во все стороны помелом, приговаривая: «Батюшка дворовой, не уходи! Не разори двор, животину не погуби! Лихому пути-дороги не кажи!» После этого помело обмакивали в дегтярницу и где-нибудь на подворье проводили дегтем по стене полосу; это называлось «отмечать на лысине у дедки зазубрину». Верили, что, завидев эту зазубрину, «лихой» за версту обойдет двор.

Дворового нередко задабривали и по-другому. Так, когда дворовой начинал вредить хозяйству, хозяева брали разноцветные лоскутки, мишуру из блессток, овечью шерсть, горбушку хлеба, отрезанную от целого каравай, и старинную копейку с изображением коня; все это они несли в хлев и оставляли в яслях с приговором: «Царь дворовой, хозяин домовый, соседушко-доброхотушко! Я тебя дарю-благодарю: скотину приими, — попой, накорми».

Согласно народным поверьям, увидеть дворового можно через хомут или борону; можно также увидеть его, если спуститься на 3-ю ступень внутренней лестницы, ведущей в хлев или в подпол, и, нагнувшись, посмотреть промеж ног. Этот последний способ, возможно, в своем основании имеет связь с глубокой древностью, когда умерших предков хоронили под очагом, под порогами, под полом. Вероятно, некогда такой способ применяли для того, чтобы увидеть своих «дзядов»; позже его стали использовать девушки в своих гаданиях, так как, по поверью, если таким образом посмотреть в подпол, то можно увидеть дворового, принявшего облик суженого.

Для того, чтобы увидеть дворового и заручиться его расположением, старались как можно скорее, лучше первым, получить от священника по окончании заутрени на Пасху красное яйцо; с ним и со свечкой, которую держали в руках в продолжение службы, шли домой и ночью, до петухов, брали в одну руку зажженную свечу, а в другую красное яйцо и, став перед отворенной дверью хлева, говорили: «дядя дворовой, приходи ко мне, не зелен, как дубравный лист, не синь, как речной вал, приходи таким, каков я — я тебе

Дедушка

христовское яичко дам!» Согласно поверьям, после этих слов из хлева выйдет мужик в таком же «лопотье», как и спрашивающий, такого же вида, т.е. двойник. С ним можно разговаривать; взамен своих услуг дворовой требует от хозяина тайны их свидания и знакомства, «чтоб ни в сонной грезе, ни в пьяном виде, ни отцу, ни матери, ни попу» не говорил об этом свидании. Если этого условия не выполнить, дворовой сожжет избу, переведет весь скот и т.д., доведя хозяина до того, что тот сам наложит на себя руки.

Дедушка — см. Домовой.

Дедушка-соседушка, дедушко-соседушко — м. Суседка.

ДЕДЫ — обозначение умерших предков, родственников, независимо от их возраста и пола, а также название посвященных умершим предкам календарных поминок. Так, об умершем во многих местах говорили, что он «гуляет с дедами». При этом, по народным поверьям, предки всегда незримо наблюдают за своими потомками; так, говорили, что «деды-прадеды в земле лежат, из земли всякое слово слышат».

Согласно народным поверьям, души предков в определенные дни года приходят с «того света» в свои дома, чтобы навестить живых сородичей, которые обязаны должным образом встретить и угостить загробных гостей. Несоблюдение обычая помянуть и оставлять пищу для дедов, считавшихся опекунами рода, могло вызвать их недовольство и всяческие беды, так как считалось, что покойники будут мстить своим родным, наказывая их болезнями, засухой, мором и другими несчастьями, если те не справили должным образом дедов и не оставили для душ поминального ужина.

В отличие от других календарных поминок (Радуницы и пр.), когда помянуть ходили на кладбище, «деды» праздновались в доме в ожидании прихода душ умерших к себе в гости; «дедов» отмечали несколько (от трех до шести) раз в году. Чаще всего это происходило в субботу масляной недели («Зимние» или «Масленные деды»); после Пасхи перед Радуницей («Радоничные деды»); в Духовскую субботу перед Троицей («Троецкие деды»); в один из осенних праздников: в субботу перед Дмитриевым днем (26.X), или перед днем Кузьмы и Демьяна (1.XI), или в субботу перед Михайловым днем (8.XI). Наиболее известными и обязательными считались осенние, Масленные и Троецкие «деды».

Как правило, праздники «дедов» посвящались всем умершим предкам, но в некоторых местах различались поминальные дни, посвященные мужчинам («деды») и женщинам («бабы»). В этом случае дедовские поминки праздновались два дня: в пятницу, когда готовили постную пищу и ожидали души мужчин, и в субботу, когда можно было подавать и скоромное в ожидании прихода душ умерших женщин.

Весь поминальный день (или два дня, если отмечались «деды» и «бабы») запрещалось выполнять любые виды хозяйственных работ, кроме приготовления пищи. Особенно строго соблюдали запрет прясть, сновать, ткать, шить и т.п. Следовало также избегать супружеской близости, иначе ребенок мог родиться немым или калекой.

Обычно к праздникам «дедов» готовили строго определенное количество блюд: нечетное (5, 7, 9) или точно 12. В качестве обязательных поминальных блюд подавали кутью, «сыту», «канун», а также блины. Ритуальной пищей считался и горох (или бобы, фасоль и т.п.), сваренный в медовой сыте; горох также разбрасывали по углам и за печь как еду для мертвых.

На празднование «дедов» у крестьян собиралась вся семья; даже те, что были вдали от дома, старались в этот день присоединиться к родственникам. Обряд поминовения начинался тогда, когда наступали сумерки и зажигался огонь. Празднично одетые домочадцы собирались возле накрытого стола, глава дома зажигал свечу и читал молитву, а затем торжественно приглашал умерших к ужину: «Святые дзеды, завем вас: хадзице да нас! Есць тут все, што Бог дау, чым тольки хата багата. Просим вас: ляцице да нас!» Иногда при этом называли по именам всех умерших в этом доме. В некоторых селах после такого приглашения дедов семья не сразу садилась к столу, а в полном молчании продолжала стоять в стороне, ожидая, когда «поедят душечки», и лишь затем по знаку хозяйки приступала к ужину.

Обряд «кормления душек» в процессе празднования дедов мог принимать разные формы: участники застолья отливали понемногу напитки и жидкие кушанья на стол (или под стол, на пол, на окно); для дедов ставили отдельную миску, в которую откладывали понемногу пищи из каждого блюда и втыкали ложки; ложки, которыми ели сами, опускали в миску и на некоторое время клали на стол, ожидая, чтобы и души поели; не убирали и не мыли после ужина посуду, оставляя ее «ночевать» на столе; крошки от ужина бросали в печь, в колодец, под фруктовые деревья и пр.

Во время ужина запрещалось шуметь и веселиться, часто вставать и садиться, пользоваться ножом и вообще острыми и колющими предметами; хлеб не отрезали, а ломали руками; случайно унавшую ложку с пола не поднимали; на время ужина держали открытыми дверь и печную заслонку (иногда оставляли открытыми и ворота сельского кладбища). После ужина хозяин «проводил дедов» за пределы дома: он кропил водой вокруг стола или даже поливал водой весь пол до самых дверей, приговаривая: «Святые дзяды! Ели и пили, идзице да сябе!»

Во многих местах на праздники «дедов», кроме всего прочего, непременно топили баню, мылись сами и оставляли теплую воду и чистое полотенце для душ предков.

В Страстной четверг (четверг на Страстной неделе перед Пасхой) «грели покойников»; в этот же день

общались с нечистой силой (лешим, домовым и т.д.), гадали, «кормили» мороз и зверей киселем (чтобы «не трогали» людей). Хозяйка, раздевшись донага и сев на порог, до восхода солнца пряла нить, и при этом крутила веретено в обратную сторону (не так, как обычно); эта нить потом использовалась в медицине и т.д. Хозяева в этот день выкликали скот в открытую печную трубу, чтобы летом скот не разбрелся и не терялся.

Крестьяне полагали, что существуют способы, с помощью которых можно в праздник дедов увидеть своих умерших родственников и даже тех, кому суждено вскоре скончаться. Для этого следовало в полночь сесть на печь и смотреть на дверь через хомут; надеть на себя спряденный из мха пояс; смотреть в дом с улицы через окно или замочную скважину. Иногда говорили, что увидеть души умерших могут только праведные люди или те, кому суждено умереть в этом году.

Дедом, дедкой, дедушкой в народе иногда называли не только усопших предков, но и различных представителей нечистой силы; такое обращение обычно расценивалось как особо уважительное. Так, дедом могли называть знахаря или колдуна; дедушкой именовали домового; лесным или водяным дедом величали лешего или водяного. Очевидно, такое уважительное обращение к нечистой силе было обусловлено стремлением задобрить ее, расположить к себе и тем самым защититься от ее вредоносного влияния. Кроме того, такое название, очевидно, связано с поверьями о том, что большинство персонажей нечистой силы — это души умерших людей; в нечистую силу могли превратиться и люди, по тем или иным причинам похищенные нечистой силой.

ДЕЖА, квашня — деревянная кадка для замешивания и заквашивания теста. Как предмет, причастный к выпечке хлеба, дежа в народной традиции пользовалась особым уважением и почитанием и наделялась множеством разнообразных магических функций во многих семейных и календарных обрядах; с ней связывалось немало примет и поверий.

Дежа в народе нередко считалась живым существом, причем весьма капризным и подверженным сглазу. Считалось, например, что она перестанет заквашивать хлеб, если отдать ее кому-нибудь в долг или даже просто вынести из дома; кроме того, хлеб в деже не будет подниматься, если через нее перелетит курица или к ней подойдет корова. Дежу, по мнению деревенских хозяек, легко можно «испортить», и в этом случае хлеб в ней тоже перестанет удаваться.

Чтобы исправить дежу, ее подкуривали освященными травами, клали на порог вверх дном, втыкали в ее дно нож и лили сверху кипяток из ложки. В некоторых местах прибегали и к угрозам: хозяйка трижды ударяла по дну дежи и предупреждала дежу, что станет бить ее еще, если та не «поправится». В некоторых местах, если в деже перестал удаваться хлеб, ее

выносили на ночь под звезды на Похвальной неделе (пятой неделе Великого поста), полагая, что в этом случае дежа «похвалится» перед Богом, что у нее есть хлеб, и снова приобретет нужные свойства.

При этом еще нередко считалось, что существуют два вида дежи: хорошая и плохая; квашню, наделяемую положительными свойствами, называли дижа, а отрицательными — диж, дижур, дижун. По представлениям крестьян, в дижѣ хлеб удается, а в диже — нет. Чтобы изменить это, плохую квашню старались превратить в хорошую, изменив количество клепок в ней: так, по поверьям, количество клепок в деже должно быть либо четным, либо, наоборот, нечетным, и поэтому в дежу с нечетным количеством клепок обычно вставляли лишнюю клепку, чтобы превратить ее из дижуна в дижу и тем самым изменить ее свойства в лучшую сторону.

Исправление дежи в случае ее «порчи» рассматривалось как дело серьезное и необходимое, так как считалось, что подход теста зависит от состояния дежи в такой же мере, как и от усердия хозяйки. О деже следовало заботиться, как о живом существе, чтобы она не изменила своих положительных свойств. По поверьям, дежа имеет свои пристрастия и обычаи: она приучена стоять в тепле, не любит шума; ее нельзя ударять или ставить на землю. Дежу с тестом часто ставили на одежную подстилку (шубу, армяк или балахон), причем, если под дежой была женская одежда, то сверху на нее клали мужскую, и наоборот. Во многих местах дежу ставили в самом почетном месте дома (на столе или на лавке под образами); иногда дежа (покрытая скатертью, на которой лежал хлеб) даже находилась там постоянно.

Во многих местах существовал ежегодный обряд очищения дежи, приурочивавшийся обычно к Страстному четвергу. Дежу мыли, иногда натирали солью, чесноком или луком, подкуривали воском и хмелем, чтобы она весь год была чистой и в ней удавался хлеб. Потом дежу накрывали крышкой или переворачивали и «наряжали»: подвязывали красным женским поясом, полотенцем или хмелем, застилали сложенной вдвое или вчетверо скатертью, сверху клали хлеб и соль. После этого дежу выносили из дома и ставили во дворе, иногда на боковом столбе ворот или на заборе — с той стороны, где восходит солнце. Через некоторое время после восхода ее обычно забирали домой или — реже — оставляли с вечера на столе, где она и стояла до утра. В это время о ней говорили, что дежа «говеет», «исповедуется», «торгует», «идет на отдых», «идет на базар» и т.п.

Хлебная дежа символически уподоблялась женскому лону, а замешивание хлеба в деже нередко ассоциировалось с зачатием ребенка. Это, а также причастность дежи к процессу «рождения» хлеба (что в глазах крестьян сообщало деже магические продуцирующие свойства), способствовало тому, что дежа издревле занимала важное место в свадебных обрядах. Так, например, во многих местах на дежу перед свадьбой

Демоны

сажали невесту, чтобы сменить девичью прическу и головной убор на женские. В некоторых местах невесту причесывали на деже, потом ставили в нее и одевали к свадьбе, а после этого невеста выпрыгивала из дежи, причем считалось, что если она не выпрыгнет с первого раза, то это принесет ей несчастье, а если выпрыгнет сразу, то ей будет легко рожать детей.

Иногда на дежу сажали не только невесту, но и жениха, причем клали на дежу кожух, чтобы молодые были богаты, чтобы овечки плодились и т.п. Но при этом во многих местах существовало представление о том, что на дежу сажать можно только ту невесту, которая сохранила свою девственность до свадьбы; а если невеста окажется «нечестной» (т.е. не сохранившей девственность), то это может принести несчастье. Поэтому дежу нередко использовали в особых «испытательных» обрядах. Например, в Полесье, когда невесту привозили в дом жениха, свекровь (реже свекор) выставляли в воротах, перед входом в дом или на пороге дежу, покрытую рушником или домотканым полотном (или иногда выстилали полотном дорогу, по которой невеста должна пройти от дежи до дома), реже — вывернутым мехом наверх кожухом, и «честная» невеста (а иногда также и жених) должна была наступить правой ногой (или обеими ногами) на дежу. Такому действию приписывалось не только «испытательное», но и продуцирующее магическое значение: это делали, «чтобы хлеб удавался»; но при этом считалось, что наступить на дежу может только невеста, сохранившая свою невинность до бракосочетания, а «нечестная» невеста должна обойти дежу или перепрыгнуть через нее. Обман в этом случае считался большим грехом, так как, по народному убеждению, если нечестная невеста посмеет наступить на дежу, это обернется большим несчастьем для всех: хлеб не будет удаваться или перестанет родиться (невеста «свой хлеб притопчет», «семь лет хлеб не будет родить»), скот погибнет, «дети не будут жить», «в семье ладу не будет» и т.п.

Существовали и другие схожие испытания молодой с использованием дежи. Например, в некоторых селах каравайницы, встречая молодых, возвращающихся с венчания, выставляли на порог дежу, в которой месили свадебный каравай: честная невеста смело ставила ногу на дежу, а нечестная не имела права этого делать. Иногда дежу ставили перед входом молодых в «комору» (помещение, где они должны были провести первую брачную ночь). В некоторых местах обряд с дежой совершали следующим образом: перед отъездом к молодому сват клал на землю крышку дежи, застилал ее скатертью и посыпал рожью; если молодая сохранила девственность, то она становилась на эту крышку и в присутствии всех надевала новое белье и чистую одежду, а нечестная невеста не смела этого сделать. В западном Полесье был известен и такой ритуал с дежой: в день венчания невесте расплетали косы на деже, и если невеста была честная, дружка обводила ее вокруг стола, а затем сажала на дежу и

надевала на нее венок (фату) или держала венок (венец, корону) над ее головой; а если девушка была нечестной, ее сажали на табуретку.

Отождествление дежи с женским лоном породило различные поверья, связанные с ее женской символикой: например, белорусы верили, что если в дежу заглянет мужчина, то у него перестанет расти борода; если же в дежу заглянет девушка, то она сама станет расти пышно, как поднимающееся тесто. Мужчинам иногда вообще запрещалось прикасаться к деже; общаться с ней должна была женщина, а мужчина мог ненароком «испортить» ее и даже изменить ее положительные качества на противоположные.

Дежу в народной традиции нередко использовали как оберег, особенно при стихийных бедствиях; может быть, это было связано с тем, что дежа считалась у крестьян почти священным предметом (близким по своим функциям к хлебу, кресту, иконе). Так, например, в некоторых местах дежу при пожаре обращали отвёртием против огня, чтобы его не разнес ветер; чтобы отворотить ветер при пожаре, хозяйка с распущенными волосами, спустив до пояса сорочку, носила перед собой по двору дежу с буханкой хлеба. При приближении грозовой тучи в некоторых селах носили по скотному двору специальную дежу для изготовления куличей. Чтобы прекратился град, на улицу выносили дежу, хлебную лопату, а иногда крышку дежи, положив на нее образ св. Николая. Для отвращения бед и для удачи при переходе в новый дом хозяева несли перед собой горшок с угольями из старого очага (и вместе с ним домового) и квашню с тестом, замешенным в старом доме. Вернувшись с кладбища, заглядывали в дежу, «коб у вочах не стаяло тэе неживое», или нюхали дежу, что соответствовало действиям с печью.

ДЕМОНЫ — злые духи: «Сатана, кто во лжи, по кичливости духа; диавол, кто во зле, по самотности; демон, кто в похотях зла, но любви к мирскому». Само слово демон (байсов) греческого происхождения; в народные поверья славян оно было привнесено христианством, священными книгами: «Новый Завет различает Сатану, или Дявола и многочисленных демонов, называемых также духами злыми, духами нечистыми, духами злобы».

В славянской Библии слово *демон* переведено как «бес»; это последнее, издавна известное у славян название и получило большее, чем слово *демон*, распространение как в крестьянской среде, так и в памятниках древнерусской, средневековой литературы. Слово же демон, имеющее инородный, «книжный» оттенок, упоминается преимущественно в заговорах, хотя иногда этим словом в народных поверьях обозначали и различных злых духов (так, лихорадок иногда называли демоницами и т. д.).

ДЕРЕВО — некогда — объект поклонения. К священным деревьям приходили, чтобы избавиться от болезни, сглаза, бесплодия и т.п.; приходившие при-

приносили жертвы и дары, молились, прикасались к деревьям; больные пролезали через дупла и расщелины таких деревьев, оставляя за пределами этого отверстия свои болезни. На старые почитаемые деревья вешали кресты, образки и др.

Вблизи священных деревьев у славян традиционно совершались различные обряды. Например, молодых иногда «венчали» вокруг дерева (или предваряли этим действием церковный обряд венчания). Во время обхода полей с крестным ходом священник с прихожанами совершал возле «записа» (священного дерева, обычно дуба или плодового дерева) молебен от града и засухи; здесь же устраивали праздничные трапезы, закалывали жертвенных животных, жгли костры на масленицу; вблизи «записа» освящали воду, крестили детей, давали клятвы и устраивали суды. Каждый год «запис» освящали и причащали, обновляя на нем крест и закладывая под кору ладан. Старому дереву лесного орешника — при отсутствии священника — можно было даже «исповедаться»: став на колени и обхватив его руками, человек каялся в грехах, просил у дерева прощения и т.д.

Дубы, вязы и др. крупные деревья у славян относились к заповедным; запрещалось рубить их и вообще наносить дереву вред, а нарушение этих запретов приводило к смерти человека, мору скота, неурожаю. Такие деревья, согласно поверьям, оберегали людей от бед и считались «покровителями» окрестностей (сел, домов, колодцев, озер); они оберегали от града, пожаров, стихийных бедствий и т.п. Дуб считался деревом Перуна; его называли Мировым деревом (ср. предание о железном дубе, на коем держатся вода, огонь и земля, а корень его покоится на божественной силе). Считалось, что семена дуба прилетают по весне из вырия.

Дерево нередко представлялось как дорога в загробный мир; оно объединяло все три мира (подземный, земной и верхний). Дерево — это тот путь, по которому осенью змеи уходят в вырий. На дерево забрасывали вещи, которые требовалось отправить в загробный мир (предметы, бывшие в соприкосновении с покойником, старые свадебные атрибуты и др.). Эти поверья, очевидно, связаны с представлениями о Мировом древе, древе жизни — мировой оси, центре мира и воплощении мироздания в целом. Согласно легендам, крона Мирового древа достигает небес (Вырия), а корни — подземного мира мертвых; находится древо на острове среди океана, на камне Алатыре. В кроне Мирового древа обитают птицы и души, а также святые; у корней обитают хтонические и демонические существа (змеи, бесы и т.д.).

По некоторым поверьям, в купальскую ночь деревья переходят с одного места на другое и разговаривают друг с другом. Существовали также поверья о «буйных деревьях», растущих в сосновых и еловых лесах; верили, что таким деревьям присуща особая разрушительная сила, а узнать их могут только колдуньи. Считалось, что буйное дерево, срубленное и поваленное в стену избы, будет пытаться разрушить все

строение и обломками придавить хозяев; даже щепка от буйного дерева способна причинить дому немалый вред.

В некоторых местах считалось, что в каждом скрипучем дереве томится душа умершего, которая просит прохожих помолиться за нее; если после такой молитвы человек заснет под деревом, ему приснится душа, которая расскажет, как давно и за какие грехи она заточена в это дерево. Душа человека находит успокоение в дереве, растущем на его могиле; человек, сорвавший с такого дерева ветку или плод, причиняет душе невыразимые страдания, и она преследует такого человека по ночам, мучает его бессонницей и т.п.

По некоторым поверьям, у каждого человека имеется свое дерево-двойник; если его срубить, оно будет истекать кровью, но, срубленное, оно обладает чудодейственной силой: если сделать из него стол, он никогда не оскудеет; повозка, сделанная из него, способна ездить без лошадей, подчиняясь одному только желанию своего хозяина, и т.д.

Некоторые деревья, по народному убеждению, некогда были людьми. Так, считалось, что в деревьях могут превратиться проклятые люди; известно множество песен и быличек, повествующих о том, как в дерево превратился человек, преследуемый врагами или проклятием, опечаленный предательством, несчастной любовью и т.д., а также невинно убиенный, погубленный недругами и пр.

В народных поверьях дерево — это традиционное место обитания различных мифологических персонажей. Так, в быличках и рассказах русалки живут на берегах; черт сидит в корнях бузины или в дуплистой вербе, живет в осине; вилы и самодивы живут на больших раскидистых деревьях, ветвями которых играют; боярышник — дерево вилы; демоны живут в колючих кустарниках и т.д. Иногда считалось также, что ведьмы устраивают свои шабаши на деревьях, и под такими деревьями нельзя спать, нельзя ломать их ветки и т.п., иначе демоны накажут человека, нашьют на него болезни и несчастья.

По-видимому, большинство таких поверий объяснялось древнейшим уподоблением дождевых туч, затемняющих небеса, лесному пологу, деревьям (или одному Мировому древу, крона которого есть небесный свод-туча). Соответственно, деревья соотносились с культом воды, почитавшейся в народе святой и чистой. Деревья-тучи народная традиция населяла стихийными духами (вилами и русалками — духами-покровителями влаги, а также демонами и бесами — стихийными духами грозы) и считала их путем в загробный мир (по древнейшим представлениям, располагавшийся как раз над небесным сводом с его запасами дождевой влаги).

Джамалар — см. Кукер.

Див — (от «диво» и «дикий») возможно, русское соответствие античному наименованию грифона,

Дива

«собаки Зевса», посредника между богами и людьми, Небом и Землей. Предки славян, соприкасавшиеся со скифами-иранцами и через них воспринявшие много элементов восточной культуры, знали как внешнюю форму, так и символическое значение грифона; грифоны, окруженные растительной символикой, и при христианстве изображались на украшениях-оберегах (колтах, браслетах, диадемах и т.д.; например, известна диадема, на которой два грифона-дива возносятся на небо колесницу с мужской фигурой — вероятно, Дажьбогом) и даже на соборах. Возможно, в представлениях славян грифоны-дивы, крылатые посланники бога-громовника (вероятно, Перуна или Сварога), по своим функциям сближались с ситарглами — охранителями растительности, посевов и пр.

Див дважды упоминается в «Слове о полку Игореве»: первый раз при приближении Игоря к степи Див, находящийся на вершине дерева, «велит послушати» что-то степной земле и какому-то идолу в Тмутаракани; вторично Див упоминается в момент разгрома русских войск: Див упал на землю. Можно предположить, что обозначение грифона словом «див» может объясняться как русское притяжательное прилагательное, образованное от греческого родительного принадлежности *Διός*, от имени Зевса (гегх); «дий», «дый» — дивь, дывь, т.е. «принадлежащий Дию», Зевсу. В дальнейшем образ фантастического зверя с крыльями и птичьей головой послужил основой для словообразования тина «диво», «дивный» (т.е. необычный).

Вообще, в праславянском языке слова с корнем «див» составляют сложный комплекс, в котором одна группа означает состояние дикости, необитаемости, а другая связана с понятием небывалого, чудесного, удивительного, чудовищного. Третья семантическая группа сближает слова с этим корнем с такими понятиями, как «чудный», «хитросделанный». Никем не виданный мифический птицевзверь грифон был действительно «дивом», и жить он мог только в необитаемых и отдаленных от человека «диких» местах. При этом со временем, по-видимому, слово «див» стало употребляться для обозначения всяческой нечистой силы и великанов.

Дива — см. Вилы, Заря.

ДИВИИ ЛЮДИ — получеловеки с одним глазом, одной рукой и ногой, которые, складываясь вдвое, могли бегать быстрее ветра. Они выковывали подобных себе из железа; дым от их кузниц был ядовит и нес с собой повальные болезни (лихорадки, оспу и т.д.). Считалось, что обитают дивии люди близ Волги, в Змеиной пещере.

В древнерусских книжных легендах и раннеисторических описаниях люди Дивия — монстры, обитатели далеких сказочных земель (прежде всего Индии); неверные, «нечистые» народы. Среди них упоминались многоглавые люди, люди с лицом на груди, со

зверинными или птичьими головами и ногами, с крыльями; люди, живущие в воде, и т.п. Люди Дивия являлись образом неверных, «нечистых» народов. Наиболее опасные из них были, по преданию, «заклепаны» в скалах Александром Македонским; им приписывалась важная роль в грядущих событиях накануне конца света, когда они выйдут на свободу.

Дивия — см. Заря.

Доброжил, доброхот — см. Домовой

ДОЖДЬ — небесное явление, необходимое для урожая, но иногда и нежелательное. В связи с этим в народе повсеместно существовали обряды, как вызывающие дождь, так и отгоняющие его.

Власть над дождем и дождевыми тучами нередко приписывалась представителям иного мира, в первую очередь, покойникам (особенно висельникам и утопленникам), которых почитали хозяевами и предводителями туч. Поэтому для отгона грозowych и градовых туч во многих местах обращались к последнему в селе утопленнику или висельнику, называя его по имени и заклиная отвести своих «говяд» от полей и угодьев. Нередко также обращались к какому-либо мифическому утопленнику: так, например, во время засухи жители Полесья оплакивали некоего Макарку, размещив воду в колодце палками и голая: «Макаркусыночек, вылезь из воды, разлей слезы по святой земле!»

Помимо душ умерших, власть над дождем приписывалась и многим стихийным духам: русалкам, вилам, халам, чертям и бесам, ведьмам и колдунам. Считалось, например, что русалки и ведьмы по своему желанию могут насыпать дождь и град, а также вызывать засуху, как бы «запирая» небесный свод или разгоняя тучи волшебной метлой.

Согласно древнеславянским представлениям, все земные колодцы и источники бывают связаны с небесными водами как сообщающиеся сосуды; поэтому воздействие на земные воды вызывает «отворение» небесных вод. Поэтому во время засухи крестьяне нередко «всем миром» ходили к разным источникам, колодцам и рекам, где освящали воду и молились Богу, а также бросали в водоемы (по большей части в колодцы) деньги, соль, чеснок, зерна ржи и пшеницы, освященные травы и т.д., полагая, что все это может вызвать дождь. С той же целью ходили к заброшенным источникам, прочищали их, а также обливали друг друга водой; при этом в некоторых местах считалось, что подобный обряд могут проводить только определенные лица и в определенное время. Так, например, в Рязанской губернии обряд вызывания дождя совершали девушки и непорочные вдовы, пребывающие во вдовстве более 10 лет: они, облачившись в белые рубахи, тайно от всех ходили на ближайший родник, расчищали его и молились там Богу.

Нередко для того, чтобы вызвать дождь, совершали символические похороны. Так, например, в некоторых

Дожинки

местах во время засухи девушки лепили из глины куклу по имени Герман (мужская фигура до 50 см с гипертрофированным фаллосом) и затем, имитируя погребение, закапывали куклу на берегу реки или бросали в воду, причитая: «Он, Герман, Герман, умер Герман от засухи ради дождя»; слезы в подобных ритуалах магически уподоблялись дождю. В некоторых местах во время засухи дети ловили лягушку (или другое маленькое животное или насекомое — рака, ужа, медведку и т.п.), убивали ее, убирали ее в одежду из тряпочек, клали в коробок, голосили по ней, как по покойнице, и закапывали у криницы, а на «могиле» чертили рукой крест.

Широко распространены в народе были и обрядовые обливания водой, по народному убеждению, вызывающие дождь. Так, во время засухи люди обливали друг друга у реки или у колодца; часто обливали лиц, обладающих магической силой: беременную женщину (символизирующую мать — сыру землю), пастуха (повелителя зменого стада, способного воздействовать на небесные «стада» туч), пона (тот же символ пастыря-пастуха) и т.д. В некоторых местах для защиты от засухи устраивали даже специальные праздники — «мокридь», являвшиеся, очевидно, остатками древних языческих обрядов, связанных, вероятно, с Макошью. Так, например, в некоторых местах мужики в определенное время (обычно в день Преполовения, в первый день Петровского поста, в каждый второй день весенних и летних праздников, в чистый понедельник и т.д.) тайно сговаривались между собой и, когда бабы собирались купаться, крадучись отпирывались за ними «строить мокриду»; улучив время, они внезапно бросались на женщин и, прежде чем те успевали раздеться, спихивали их всех в воду с криками: «Дождь, дождь, приди к нам!»; при этом считалось, что после этого дождя пойдут вовремя, но лишь в том случае, если все бабы примут все за невинную шутку и ни одна из них не изругается, не рассердится даже на детей, которые в это время тоже обычно стараются брызгаться и плескаться водой. Нередко подобный обряд совершали не мужики, а женщины: три или четыре бабы заранее сговаривались и начинали с конца деревни «незнама» обливать водой всякого, кто попадался им навстречу; при этом никто из облитых, почитая обычай священным, не обижался, а если и ругался, то только добродушно и шутя, иначе обряд мог потерять свою силу.

Обливание кого-либо водой иногда могло носить и искупительный характер: например, во многих местах принято было обливать водой человека, нарушившего какие-либо запреты (например, пахавшего в неположные дни, проспавшего праздничную заутреню и т.д.) и тем самым, по мнению соседей, вызвавшего засуху. Подобный же характер носил обряд поливания (или даже разрушения) могилы «нечистого» покойника (самоубийцы или колдуна), если он, в нарушение запрета, был похоронен на кладбище: такую могилу во время засухи обливали водой, а иногда раскапывали

могилу и труп бросали в реку. В некоторых местах вместо этого снимали крест с безымянной могилы и ставили его в реку, чтобы он стоял, пока вода его не снесет; устанавливая крест, трижды говорили: «Крест в воду, а дождь на поле! С неведомой могилы крест, с неведомой горы дождь!»

Особое место в обрядах вызывания дождя занимали краденые предметы. Так, например, при засухе во многих местах бросали в колодец глиняный горшок (иногда с борщом), который должен был быть непременно краденным (крали его у соседей либо у горшечников); иногда такой горшок разбивали и бросали в воду черепки. Нередко также для обряда вызывания дождя похищали у кого-нибудь из соседей рушник с икон, который потом замачивали в воде и вешали на прежнее место, обязательно втайне от хозяйки.

Во время засухи нередко совершали обряд «пахания реки»: пахали или боронили высохшее русло или даже дно реки прямо на мелкой воде. В некоторых местах для такого обряда выбирали красивую девочку в возрасте 15 лет, раздевали ее донага, увешивали венками и заставляли в таком виде боронить воду. В других местах реку или болото перепаживали ночью девицы, а старухи в это время расстилали на огородах рубахи, полагая, что если на них осядет роса, то это добрый знак: вскоре непременно пойдет дождь.

Вообще, для прекращения засухи могли применяться и общие защитные меры, помогавшие в случаях мора, пожара и т.п.: опаживание села или придорожного креста, обходы села и полей, изготовление обрядного полотна или установка обрядных крестов, построение обрядной церкви и т.д.

Подобные же меры иногда использовались и для остановки затяжных дождей, вредящих как урожаю, так и всему хозяйству в целом. Помимо же этого, для остановки дождей нередко выбрасывали во двор, под дом, на крышу хлебную лопату, кочергу, дежу; жгли в печи троицкую зелень; зажигали четверговую свечу и т.д. Во время ненастья женщины выходили из дома, выносили подвенечную рубаху и, называя по имени всех утопленников из села, просили их отвести ненастье от полей. Кроме того, причиной затяжных дождей часто считали осквернение воды и полагали, что дождь идет оттого, что в воде есть что-то «поганое» (труп внебрачного ребенка и т.п.), и не прекратится, пока это «поганое» не извлечет из воды.

Дожинки — см. Успенье.

ДОЛЯ и НЕДОЛЯ. Среча и Несреча — в славянской традиции две сестры, помощницы Макоши, девы судьбы; небесные пряжи, прявшие нить жизни каждого человека, его счастливую или злую судьбу.

Доля, Среча (срейя) воспринималась славянами как доброе божество, помогающее людям в работе (ср.: «срейном и петлови .ia)ца носе», т.е. «у удачливого и петухи несутся») и даже в удалых забавах («яко бог да срейя)уначка»), Ее представляли себе красивой молодой

девушкой-пряхой, заботливой и ловкой, прядущей ровную золотистую нить счастливой судьбы. В русских средневековых памятниках упоминалось, между прочим, слово «срешта», «съряща» — слово, обозначающее ворожбу, гадание, предопределение (например, церковники запрещали «сръща смотрити от птиць», т.е. поступать в зависимости от того, которая из двух птиц первая подаст голос).

Антитезой Сречи, Доли, считалась Недоля, «несрейя» — тоже пряха, но прядуща судьбу плохую, несчастливую. Ее представляли в облике седой старухи с тяжелым мутным взглядом; считалось, что ее нить-судьба всегда выходит слишком тонкой, кривой и непрочной, легко обрывающейся (ср.: «несрейя танко преде»). Поэтому, если Доля считалась воплощением счастья и удачи, даруемых людям богами (первоначально и само слово «бог» имело значение «доля»), то Недоля считалась злым и нечистым существом (ср. выражение «лихая доля») — т.е. лихо, горе, кручина, беда, отсутствие «доли»).

ДОМ — жилище, местообитание человека. Под словом «дом» часто понималось все хозяйство вообще, включая жилую избу и дворовые постройки: хлев, овин, баню, амбары, сараи и т.д. Дом, всегда являвшийся защитой, убежищем, в поверьях постоянно противопоставляется всему остальному, «чужому» и обычно враждебному миру.

Дом был первой заботой любого мужика, решившего выделиться из прежней семьи. В деревнях случалось и так, что сын, женившись, приводил молодую жену в дом своих родителей и оставался жить вместе с ними, одной семьей; но чаще молодые, если им представлялась такая возможность, стремились отделиться и обзавестись своим хозяйством и своим домом, в котором они сами были бы хозяевами.

Место под постройку дома крестьяне выбирали очень тщательно, так как от места, по народному убеждению, зависело, будет ли в доме удача, счастье и достаток. Так, например, считалось, что если дом поставить на «нехорошем» месте (например, там, где раньше стояла баня, был похоронен самоубийца и т.д.), то в доме «будет не житье», жизнь не заладится, не будет ни покоя, ни достатка, в семье будет разлад и т.д. Для того, чтобы определить, годится ли место под постройку, будущие хозяева совершали различные обрядовые действия. Так, например, в некоторых местах на приглянувшемся месте оставляли на ночь под открытым небом воду в каком-либо сосуде, и если к утру она сохраняла чистоту и прозрачность, то это считали хорошим знаком и без опаски приступали к строительству.

Для строительства нового дома прежде всего следовало обзавестись строительным материалом. Нарубить деревья для бревен можно было, с согласия деревни, в деревенском «мирском» лесу. Зимой эти бревна перевозили по снегу на санях и складывали возле того места, где собирались ставить избу. Везить

бревна обычно помогали соседи — за угощение. Затем бревна следовало распилить; занимались этим обычно пильщики, которые в былое время промышляли тем, что ходили по дальним деревням с пилами и искали, нет ли где работы. Пильщики распиливали бревна на горбыли (с краю) и на доски (из середины); горбыли годились для изготовления крыши и пола, а доски — для потолка, лавок и перегородок.

После того, как заканчивали работу пильщики, хозяева обычно принимались искать хороших плотников, которые взялись бы «срубить и поставить» избу, а то и «нарядить» ее, то есть сделать еще и все внутреннее убранство, доступное топору и скобелю. Не каждый плотник брался за такую работу; однако встречались и умельцы, которые, сговорившись с хозяином о цене, с помощью одного только топора превращали обычные деревянные дощечки в узорчатое кружево. Такие умелые плотники высоко ценились в народе: их приглашали иногда в самые отдаленные деревни, зазывали с угощением и не скупилась на оплату.

Плотники приступали к работе обычно вскоре после сговора и рукобития (нередко на другой день). Начиная работу, они молились на восход солнца и выпивали поставленную хозяином «заручную», после чего начинали рыть ямы и ладить «стулья» — кряжи, или сваи, числом восемь или двенадцать, составляющие обычно основу крестьянских домов (взамен каменного фундамента домов городских). Для кряжей выбирали короткие и толстые бревна, обжигали их с одного конца и этим концом устанавливали в ямы (обугленный конец меньше поддавался гниению). Чтущие древние обычаи люди при этом клали в передний, «святой» угол три вещи: деньги (монету) — «для богатства», ладан — «для святости» и овечью шерсть — «для тепла». На «стулья» клали «первый венец» — первые, самые толстые бревна, связками по четыре вместе, а затем и «второй венец», причем, заложив первые два венца, плотники непременно пили «закладочные» (водку плотникам и в этом случае приносил сам хозяин). На второй венец клали три или четыре переводины для мощения на них пола, а затем опять три или четыре венца — длинные бревна, во всю ширину и длину избы. В правом углу закладывали поперечные, обтесанные на четыре угла кряжи, или косяки, — на красное окно; такие же косяки, немного отступив, закладывали и на другое окно. Между косяками пространство закладывали короткими кряжами, а над ними вновь устанавливали венцы, числом пять, шесть или семь. В левом углу в одном бревне прорубали глубокую щель на волоковое окно, которое непременно должно было находиться против печи, чтобы была тяга воздуха и чтобы дым от печи не скапливался в доме. Поверх верхних и передних венцов клали поперечные балки или брусья для накатки, настилки потолка, а между брусьями поперек всей избы устанавливали матку, матицу, т.е. брус или балку, которую клали поперек всей избы и на которую потом настилался накат и укреплялся потолок.

После установки этого центрального бруса хозяевами и плотниками непременно совершался особый обряд «поднимания» и «обсеивания» матицы. Для этого обряда хозяйка специально варила кашу в большом горшке, а хозяин закутывал этот горшок в полушубок или овчинную шубу; при этом, если хозяева были богатыми, в карманах этой шубы находились хлеб, соль, кусок жареного мяса, кочан капусты и зеленое вино в стеклянной посуде. Шуба с полными карманами съестного так же, как и овечья шерсть, вместе с ладаном заложенная под матицу, обозначала, очевидно, изобилие всего и тепло в новой избе. Шубу с горшком хозяин привязывал к самой середине матицы, а затем ставил в красном углу перед иконой зеленые веточки березки (символ здоровья хозяина и семьи) и зажигал перед ними свечку. Потом один из плотников, по легче на ногу и половчее прочих, именуемый «севец» («как бы жрец какой, отгонитель всякого врага и нечистого супостата»), влезал наверх и обходил последний, самый верхний венец, рассеивая по сторонам хлебные зерна и хмель; хозяева в это время молились Богу. Затем севец переступал на матицу и перерубал топором лычко, удерживающее шубу с горшком; упавшую шубу внизу подхватывали на руки другие плотники, извлекали из нее содержимое и съедали его.

После установки матицы большая часть работы считалась сделанной; оставалось лишь соорудить крышу и отделать дом. Крышу делали следующим образом: выше потолка клали венцы все короче и короче, в виде конуса, треугольником, а поскольку эти венцы заменяли стропила, на них клали, на аршин один от другого, толстые жердины, укрепляя их концы на венцах. Когда, наконец, жердину клали на самый верх, избу считали «вчерне готовой» и принимались крыть крышу; при этом с этим делом следовало спешить, чтобы дожди не испортили углов и они не трещали бы, когда изба будет садиться. Крыша считалась одним из важнейших элементов дома; так, по народной пословице, «всего дороже честь сытая да изба крытая»; «Изба без крыши — что простоволосая баба». В деревнях крышу обычно настилали либо из драни, либо из соломы, либо — в лучшем случае — из тесу, т.е. из пиленых досок; в лесных же избушках для покрытия использовали еще и теснины, т.е. доски, обтесанные топором, которые были прочнее пиленых. Кровельные доски прибивали на самом верху, запуская их под опрокинутый желоб, называемый шеломом; сверху на этом желобе, или избяном шлеме, ставился обычно резной гребень, нередко — с какими-либо вытесанными фигурами, например, с петухами на концах.

Как правило, крестьяне ставили избы или четырехстенные, или пятистенные, то есть разгороженные рубленой бревенчатой стеной, так что вместо одной избы получалось две — теплая и холодная. У четырехстенной избы сени прилаживались с одного боку, а у пятистенной они располагались посередине.

Главное место в любом доме занимала печь. Изба не считалась готовой, пока в ее углу не появлялось это громоздкое и столь необходимое в хозяйстве сооружение. Делали ее либо из глины, либо из кирпичей. Глину мешали с песком и уколачивали, делая (иногда на деревянном срубе) основание, или опечье; под ним оставляли пустое место — подпечье, в котором с незапамятных времен любили дремать кошки; затем ставилась сама печь на своде с передним выступом — шестком, или очагом, с челом, или устьем — полукруглым отверстием, которое вело в саму печь.

Печь считалась центром всего дома. По народному выражению, она «и варит, и жарит, и греет, и парит». На печи традиционно устраивалась лежанка для стариков, и делались даже особые приступочки, чтобы легче было забираться. Возле этих приступочек располагался голбец — чуланчик, из которого вел ход в подызбицу, т.е. в погреб. В голбце располагались обычно полки для хранения всякой подручной посуды и разных кушаний. От голбца на половину избы у входа и на половину ее вышины (от пола до потолка) на бревне или бруске настилались полати — общая хозяйская спальня. Вдоль стен обычно приделывались лавки для сиденья, а помимо них в доме находились и небольшие переносные лавочки на ножках — вместо стульев.

В каждой избе налево, у печки, иногда за дощатой перегородкой, находился бабий кут — женский угол. Направо, в ближнем углу, находился кут хозяйский, или коник, где приделывался ларь для хранения сбури и разных подручных принадлежностей хозяина дома, большака семьи. Наискось от печи, направо, прямо напротив хозяйского кута, находился красный кут, большой и самый главный в доме; большую его часть занимал приставленный к углу стол, а в самом углу (красном углу) хозяевами непременно прилаживалась особая треугольная полочка для святых икон, называемая «тябло». Каждый входящий в дом молился в этот угол, на иконы; «Сюда всякий входящий молится. Молятся сначала те, которые приходят сюда, когда же внесено Божие милосердие, променянное (но не купленное) у проезжего торговца, — приходят поздравлять с новосельем и приносят непременно хлеб-соль на благополучие».

Время переезда в новый дом выбиралось в разных местах по-разному. Чаще всего наиболее счастливыми днями для новоселья считались двенадцатые праздники, особенно праздник Введения во храм Богородицы. В некоторых местах было еще распространено поверье, что в новый дом лучше всего входить ночью в полнолуние; многие хозяева поэтому даже скот на новое место перегоняли в ночное время.

Переход в новую избу («вклазины», новоселье) всегда обставлялся различными обрядами. Так, переселяясь в новую избу, хозяева обычно несли с собой петуха, кошку, а также икону и хлеб-соль; нередко — горшок каши, жар (угли) из старой печи, мусор из прежнего дома и т.д. Кошку и петуха пускали вперед

Домаха

себя в новый дом («если уж суждено случиться беде, то пусть она на них и стряется»). За ними в дом входили уже сами хозяева, ставили икону в красный угол, а от каравая отрезали один кусок и клали его под печку в дар «домовому хозяину».

Обрядовые действия, связанные с переселением, часто совершались не только при переезде, но и в первые дни после него. Так, в некоторых местах хозяйка дома еще до рассвета, так, чтобы никто не видел, три раза обегала новую избу нагишом, с приговором: «Поставлю я около двора железный тын, чтобы через этот тын ни лютый зверь не перескочил, ни гад не переполз, ни лихой человек ногой не переступил, и дедушка-лесной через него не заглядывал»; затем, чтобы этот «замок» был крепок, она кубарем перекидывалась в воротах, также до трех раз и с приговором (пожеланием, чтобы «род и плод в новом доме увеличивались»).

ДОМАХА, доманушка, домовица, домовиха, домовичка, доможириха — домовая хозяйка, женский домашний дух; жена домового. Очевидно, домахой становилась после смерти первая хозяйка дома. Считалось, что если она любит хозяев, то хлопочет по дому, прибирает, помогает по хозяйству. Живет она там же, где и домовой: в голбце, за печкой (ср. бабка-запечельница), в подполье и т.п. Во многих местах полагали, что она вообще живет так же, как простая баба: растит детей, прядет пряжу и т.д.

Согласно народным поверьям, домаха, как и домовой, может предсказывать будущее: перед несчастьем плачет под полом, перед прибытком хлопочет у кросон, и т.д. В некоторых местах верили, что она может предсказать человеку его судьбу; так, считалось, что если в доме слышится плач невидимого ребенка, то нужно покрыть платком то место, откуда слышится плач, и мать-домовичка, не найдя свое дитя, будет отвечать на любые задаваемые ей вопросы, лишь бы ей открыли ребенка.

К домахе старались обращаться вежливо, чтобы не утратить ее благосклонность; старались также угождать ей, чтобы не прогневить ее и ее мужа-домового. Так, считалось, что домаха может иногда приходиться греться на печку, и прогонять ее нельзя, чтобы не навлечь на себя беды. Ей старались оставлять гостинцы, чтобы задобрить ее, причем иногда верили, что в благодарность она может наградить человека или защитить его: так, в быличках домаха защищает от своего мужа человека, которой оставил ей за печкой гостинец. При переходе в новый дом домаху, хозяйку дома, почтительно зазывали вместе с домовым: «Дом-домовой, пойдем со мной, веди и домовиху-госпожу, — как умею награжу!» и т. п.

По своему облику и занятиям домаха в поверьях была во многом сходна с кикиморой. Так, например, считалось, что кикимору можно видеть ночью за прялкой; домаха также прядет по ночам. Кикимора обитает в подполье или в голбце; домаха также появляется из

голбца, плачет в подполье и т.д. Как и кикимора, домаха может обернуться кошкой, собакой и т.п. Во многих местах домаху даже отождествляли с кикиморой. Однако между домахой и кикиморой есть серьезное различие: кикимора — злой дух, который путает и ворует пряжу, гоняет кур, бьет посуду и т.д.; домаха же — доброе существо, которое обычно не приносит вреда, а, наоборот, помогает хозяйке присматривать за хозяйством. Так, традиционным занятием как кикиморы, так и домахи являлось прядение; однако появление кикиморы с прялкой предвещает беду или смерть кого-то из членов семьи, а домаха «сидит у кросон перед прибытком». Само происхождение этих двух женских духов различно: так, в кикимору, по поверьям, превращается проклятая матерью девочка, которую нечистая сила похищает из материнской утробы (т.е. она, по своему происхождению, дух нечистый); домахой же становится первая хозяйка дома, старшая женщина в семье (т.е. она «свой»), домашний дух, покровительница всей семьи и хозяйства).

Можно предположить, что домаха — образ более древний, чем кикимора, восходящий к образу языческой богини Макоши, «прядущей» людские судьбы. Позднее, под влиянием христианства, образ домахи мог трансформироваться в образ преимущественно злого духа — кикиморы, в некоторых местах, однако, отчасти сохранившей свои прежние функции покровительницы хозяйства, домашнего очага и женской работы.

ДОМАШНИЕ ДУХИ — духи-покровители хозяйства, обитающие в доме, во дворе, в хозяйственных постройках и т.д.; как правило, это духи умерших предков, деды.

Самым известным домашним духом являлся домовой (домовой хозяин, домоведушка, домовид, домовик, доможил, доможирник, доможирко, дедушка домовой и т.п.). Во многих местах он заменял собой практически всех домашних духов. Так, считалось, что он не только хозяйничает в доме, но и присматривает за лошадьми и скотом, прибирает во дворе, бывает и в сараях, и в амбарах, практически повсюду. Его владения — это вся крестьянская усадьба со всеми ее постройками.

В народных поверьях домовый имел множество различных названий. Некоторые из них могли указывать на его местопребывание (хлевник, голбешник, подполянник, подпечник, избной и т.п.); на форму его появления (пастень, стена, глумица и т.д.); на характер и основные занятия (домовой хозяин и пр.); на некоторые его привычки (за обычай жить «в тепле и холе» он — «жировик»; за то, что иногда прилизывает спящим людям волосы — «лизун»; за то, что временами давит и душит спящих, — «гнетка» и т.д.). Имена домового могли также характеризовать его отношение к живущей в доме семье и хозяйству: он старший в доме, член семьи, предок, невидимый «хозяин», и его уважительно именуют «господарь», «большак»,

ДОМОВИК

«кормилец», «братанушко», «дед, дедко, дедушко», «доброхотушко», «хозяин, хозяинушко», «соседка» («за охотливое совместное жительство») и т.п.

В некоторых местах полагали, что домовых в доме может быть несколько (например, столько же, сколько членов семьи, живущих в доме) и они делят между собой работу. Так, считалось, что хлевник присматривает за хлевом, дворовой — за двором, домовый — собственно за домом и т.д. У домовых есть свой «большак», который руководит всей работой.

Не менее, чем домовый, у славян был известен и дворовой; при этом поверья о домовых зачастую бывает трудно отделить от поверий о дворовых, хотя в некоторых местах домового и дворового разделяли очень четко: первый властвует в доме, а второй — во дворе. В некоторых местах дворовой заменил домового; в этих местах домовый (если он вообще известен) — это лишь разновидность дворового, который распоряжается всем хозяйством, в том числе и домом. Поверья о дворовом в этих местах аналогичны поверьям о домовом — хозяине всей крестьянской усадьбы. Так, считалось, что дворовые могут жить семьей и их число равно числу человек, живущих в доме; они делят между собой работу и хозяйничают повсюду: во дворе, в сараях, амбарах, в жилой избе и т.д. Живут они так же, как и люди: у них есть свой старший; они женятся и имеют детей; каждый из них делает свою работу, так же, как простые крестьяне.

Кроме домового и дворового, довольно известен был также овинник — дух овина, связанный с зерном. Этот дух несколько отличается от других домашних духов; в поверьях о нем соединились поверья о домашних духах-предках и поверья о нечистой силе. В целом, овинника почитали добрым духом, но при этом считалось, что он может и вредить хозяевам; он более злой, чем домовый, который редко причиняет большой вред людям и хозяйству.

Еще более злым духом считался банник. В народных поверьях банник — это воплощение тех опасностей, которые могут поджидать человека в бане: олицетворение угара и т.п. Он приносит куда больше вреда, чем пользы, и хозяева должны быть очень осторожны, попадая в его владения.

Домовик — см. Домовой.

Домовиха, домовица, домовичка — см. Домаха.

ДОМОВОЙ, домовик, доможил, домовый хозяин, дедушка, дедушка-соседушка, суседко, доброжил, доброхот, батанушко, жировик, лизун, постён, реже — нёжить (ни дух, ни человек), он, сам и т.п. — благожелательный дух дома, покровитель хозяйства. Домовыми часто называли практически всех домашних духов (выделяя только банника и овинника); собственно же домового иногда, «для выдела от прочих и в отличие от них», именовали «доможил» (т.е.

живущий в доме вместе с людьми и «ведающий» только избой, а не всем двором сразу).

Согласно народным верованиям, домовым становится после смерти основатель рода, первый устроитель домашнего очага или (реже) один из хозяев дома, особенно любивший хозяйство; так, рассказывали, что голос и привычки домового обычно бывают похожи на голос и привычки одного из прапрадедов. Иногда также считали, что домовый — это дух животного, заложенного в фундамент дома, или дух мертворожденно-го младенца — игоши.

Представлялся домовый в виде человека, часто на одно лицо с хозяином дома; мог показаться небольшим стариком с лицом, заросшим белыми волосами, или же малорослым старичком, от головы до пят покрытым косматой шерстью; в некоторых местах его описывали как маленького, «словно обрубок или кряж», старичка с большой седой бородой, очень неповоротливого (поэтому всякий может увидеть его темной ночью до вторых петухов). Часто считалось, что домовый носит одежду, в которой ходят старики. В некоторых поверьях он выглядит как «седой старик с непокрытой головой, одетый в длинную белую рубаху»; «человек у свитке и подпоясан»; «старик высокий, тощий и горбатый, с белой большущей бородой»; «старик, седой как лунь, в желтой свитке, на голове лохматая шапка, а волосы длинные, свалывшиеся»; «небольшой старик, с длинными седыми волосами и бровями, с сердитым выражением лица, кривыми ногами, тело, кроме рук с длинными когтями и лица, покрыто шерстью белого цвета» и т.п.

По некоторым поверьям, домовый выглядит как плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам в синем кафтане с алым поясом; летом же он ходит в одной рубахе. Он всегда ходит босиком, так как мороза не боится и притом, как говорят, «всюду дома». На вид домовый неуклюж, как медведь; у него порядочная седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматые и частично застилают лицо. Часто верили, что он «весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони, но лицо около глаз и носа нагое»; «ладони его в шерсти, а ногти длинные и холодные» и т.д.

Согласно народным поверьям, домовый может обернуться дымчатой кошкой, гадкой или ужом, мышью, крысой, собакой, лаской, лягушкой, жабой, петухом, белкой, серым бараном, коровой, свиньей, ягненком, черным зайцем, медведем; может принять вид прыгающего мешка с хлебом или кормом, кома снега, соломенной копны, клубка шерсти и пр.; изредка является ветром и т.п. По некоторым поверьям, домовый иногда может принимать и разные фантастические облики, например, медведя с человеческими ступнями и головой, змеи с головой петуха и т.п. Однако наиболее традиционен для домового облик кошки (кот в некоторых поверьях — «родственник домового»), змеи (домовая змея нередко наделялась функциями домового) или ласки (ласка в поверьях —

Домовой

«хозяйка двора», наделяемая функциями домового духа). Кроме того, один из традиционных обликов домового — облик, весьма схожий с обликом хозяев дома или кого-либо из домочадцев; правда, иногда считалось, что, принимая человеческий облик, домовый не может спрятать своих лошадиных ушей.

Нередко считалось также, что большую часть времени домовый бывает невидим, а увидеть его можно лишь по его желанию или невольно, мельком. Иногда способность домового становиться невидимым объясняли тем, что у домового (как и у других домашних духов, например, у банника) имеется шапка-невидимка. Считалось даже, что эту шапку домового можно заполучить во время Христовской заутрени, когда церковь обходят крестным ходом: в это время надо бежать домой, и тогда на дворе можно встретить своего домового в шапке; эту шапку нужно сорвать у него с головы, взамен надеть на него свою шапку и сейчас же, с непогашенной свечой, бежать назад в церковь, чтобы спеть к крестному ходу.

Очевидно, под влиянием христианства домовые в некоторых местах считались нечистой силой, «домашними чертями». Так, про домового говорили, что «домовушка должен быть тот же шишига, то ись дьявол, по крайности прежде был шишигой, а теперь, видится, обрусел». В связи с этими поверьями иногда считали, что по внешнему облику домовый близок к черту: так, по некоторым поверьям, домовый черный, холодный; если его ударить — «рука разбивается»; «руки у него шершинатые, такие, как будто овчиной поволочены»; у него «чуть заметные рога и подогнутый еле заметный хвост», не хватает одного уха (за что его иногда называли «карноухим») и т.д.

Согласно народным поверьям, домовый живет в углу за печкой (куда следует кидать мусор, чтобы он «не перевелся»); может он жить и над печью, под шестком, в голбце и т.д. Нередко также верили, что домовый живет в подвале, в подполье, в подызбице или на поволоке, у порога или под порогом, под углом избы или в чулане. В некоторых местах жилищем домового считали темные углы, верх потолка, чердак, а также хлевы и повети (сенники). Согласно некоторым поверьям, домовый вообще живет под печкой, но не в избе, а вне избы; поселяется он везде, где есть печь (в банях, овинах и т.д.). Иногда также считали, что если во дворе есть лошади, то домовый живет вместе с ними, в конюшне, под комягой или под колодой; если же хозяева лошадей не держат, то он живет на чердаке за трубой или в сенном сарае, а на зиму забирается под печку и живет там.

В поверьях домовый обычно тесно связан с печью, даже если живет не рядом с ней, а в другом месте. Так, по поверьям, домовый часто появляется и на печи, и даже в самой печи; считалось, что если хозяин уходит из дома, то печь нужно загораживать ухватом или заслонять заслонкой, чтобы домовый не ушел вместе с ним. В некоторых местах крестьяне старались спать поперек печки, чтобы не досаждал домовому, который,

по поверьям, спит на печи, вытягиваясь вдоль нее. Нередко считалось, что домовый ходит по всему двору, но спит всегда в избе, рядом с хозяином на печи; специально для него вдоль печи пристраивалась казенка — «место нечистое, куда нельзя класть ни хлеба, ни креста». Очевидно, тесная связь домового с печью объясняется тем, что с печью — сакральным центром дома — издавна были связаны и мертвые, предки: традиционное их местопребывание в доме — подпечье, запечье, печь, очаг.

Домовые, по народным представлениям, распоряжаются только тем домом, в котором живут, и обычно не вторгаются в другие, занятые другими домовыми дома. Обычно между собой домовые живут в согласии и в зимние бурные ночи собираются на пляски в какой-нибудь нежилой избе на краю деревни. В плясках, которые продолжаются до утра, принимают участие как соседки, так и кикиморы; из избы, где совершаются пляски, слышится топот, визг, вой, лайнье и мяуканье. В некоторых местах считалось, что домовые ходят в гости друг к другу, но иногда ссорятся и даже дерутся (чаще всего из-за корма, который они воруют у чужой и носят своей скотине). Верили также, что домовый водит знакомство, а иногда и воюет с банниками, овиниками, лесовиками и полевиками; иногда их считали близкими родственниками или друзьями, кумовьями.

Повсюду считалось, что «домовой обязательно есть в каждом доме, без него и дом стоять не будет». При этом в каждой избе живет только один, «свой» домовый; если же в доме несколько домовых, то они дерутся между собой до тех пор, пока один не выгонит остальных. Верили, что пока в доме несколько домовых, в доме не будет ни покоя, ни благополучия: домовые будут шуметь, ломать вещи и т.п. Для того, чтобы прогнать других, чужих домовых, хозяин выходил во двор и новой метлой хлестал по всем стенам двора или наотмашь бросал дугу туда, где слышался шум, приговаривая: «Бей наш чужого» или «Постой-ко, дедушка домовый, я те помогу»; верили, что после этого «свой» домовый быстро победит «чужого» и «чужой» домовый уйдет.

Иногда считалось, что в доме может быть несколько домовых духов; их число бывает равно числу членов крестьянской семьи. Считалось, что они живут у себя в подполье точно так же, как и крестьянская семья: работают, женятся, рожают детей; у них есть свой «большак», старший, которому подчиняются все остальные. В некоторых местах верили, что их жизнь вообще во всем соответствует жизни человеческой семьи: так, когда крестьянская девушка выходит замуж, ее домашний дух — домовиха — также выходит замуж за домового из того дома, откуда родом жених девушки; если в доме умирает человек, то и его дух-домовой тоже умирает, и т.д. Такие поверья, однако, относились не именно к домовым, а к домашним духам, обитающим в доме, в подполье; в тех местах, где существовали такие поверья, этих духов называли не

Домовой

домовыми, а дворовыми, тогда как домовые там были неизвестны.

Собственно домовой, в народных поверьях, часто имеет жену (домаху, домовичку) и детей. В рассказах и быличках жена домового по ночам выходит из-под пола и прыдет; она может также приходиться греться на печь, прибираться в доме и т.п. Плач ребенка домового можно иногда слышать в доме; при этом верили, что этот плач всегда слышится только одному человеку. Иногда также считалось, что домовые могут воровать человеческих детей (например, проклятых); эти дети со временем также превращаются в домовых.

По некоторым поверьям, у домового имеются дочери. Они вечно юны и очень красивы, но живут в состоянии ребенка до тех пор, пока отец их не войдет в сношения с человеком; дождавшись этого, они получают возможность любить человека, и эта возможность усиливается и обращается в слепую, безусловную страсть. При этом, однако, предметом страсти дочери домового может быть только человек, живущий под одной крышей со знакомцем ее отца. Если знакомец этот живет одиноким, тогда она по-прежнему будет ребенком; если же с ним живет кто-либо из его родных (племянник, сын и т.п.), то на него обрушится вся беда. Верили, что если он окажется так слаб, что голубые глаза чародейки очаруют его и он полюбит ее, то дочь домового будет являться ему во сне; опутав его своими чарами, она явится ему уже явно и вступит с ним в сношения. При этом рассказывали, что она «ненасытна и ревнива в высшей степени, страсть для нее не гаснет и в любви она постоянна». Она просит у своего возлюбленного тайны их сношений и незримо, но неотступно и постоянно следит за ним, где бы он ни был. Если мужик бросит ее или изменит ей, она отомстит ему: так очарует сто, являясь к нему во сне, что он, тоскуя по ней, после месяца одиночества ошалевает, сойдет с ума; если же он расскажет кому-либо о своей связи с ней, то она доведет его до самоубийства. Бывает и так, что мужик устоит перед ней; тогда она страдает и ищет себе друга уже между лешими.

Домовой, по народным поверьям, заботится о хозяйстве. Если он в дружбе с хозяевами дома, то всячески помогает им: прибирает в доме, следит за порядком и т.п. Верили, что домовые могут таскать из чужих домов корм для скота, припасы и пр. в свой дом; поэтому хозяева, которые дружат с домовым, обычно бывают богаты, у них в доме всегда бывает достаток, благополучие и т.п. Во многих местах домового считали стражем хозяйского добра и верили, что он охраняет дом от воров (нередко — принимая облик хозяина и всю ночь расхаживая по двору с вилами в руках); в случае же кражи он, по некоторым поверьям, ходит в дом вора и воет там в переднем углу до тех пор, пока вор не возвратит похищенного. Кроме того, нередко считалось, что в случае пропажи скота домовый может отправиться на поиски и пригнать скот домой.

В одном из рассказов домовые, любившие своих хозяев, даже помогали им в полевых работах, а

неудачливого хозяина спасли тем, что наладили его на торговлю и дали возможность расторговаться с таким успехом, что все дивились и завидовали. Согласно поверьям некоторых мест, «заботы и любовь свою к семьям простирает иной доможил до такой степени, что мешаает тайным грехам супругов и, куда не поспеет вовремя, наказывает виноватого тем, что наваливается на него и каждую ночь душит. Не успеют виновные, улегшись спать, хорошенько забыться, как почувствуют в ногах тяжесть, и пойдет эта тяжесть подниматься к горлу, а там и начнет мять так сильно, что затрепчат кости и станет захватывать дыхание. Одно спасение на такие случаи — молитва».

Считалось, что иногда домовый шумит и проказит в доме, особенно если хозяева ему чем-то не угодили: стаскивает и сваливает ворохом все, что попадется (одежду, домашнюю утварь и пр.), аукает на дворе, гремит посудой, дразнит лошадей, заржав покониному, и т.д. Обычно домовый ходит бесшумно, но иногда расхаживает по дому шаркая или топая, стуча, гремя, хлопая дверьми; иногда он подымает возню, но это бывает только ночью, обычно в подполье, в клети, в сених, в чулане, в порожней половине или на чердаке. Сердась, домовый бросает, чем попало, со страшным стуком, но при этом никогда не попадает в человека. Если же домовый не любит хозяев, то по ночам стучит и возится за печью, напускает в дом крыс, мышей и т.п., выживая хозяев из дома. По народному убеждению, если в семье часто бывают покойники, то это «в доме завелась нежить, хозяйнушко не любит живущих», «в доме нет больше жиры», и т.п.

Иногда домовый душит спящих, давит им на грудь, по обычно не душит до смерти; при этом иногда считалось, что домовый чаще тревожит гостей, чем домочадцев. В некоторых мемуарах содержится подробный рассказ о том, как рассказчика ночью душил домовый: «Вот это я сплю, а на меня кто-то и налег; сначала-то это я не могу и пробудиться, потом опаматовался да как поглядел, а у меня на груди сидит кто-то с виду и не величек, а как будто десятипудовый куль на грудь-то поставлен. Всего на всё только немного кошки побольше, да и тулово похоже на кошкино, а хвоста нет; голова-то как у человека, нос от горбатый-прегорбатый, глаза большущие, красные, как огонь, а над ними брови черные, большие, рот-от широкущий, а в ем два ряда черных зубов, язык от красный да шероховатый; руки как у человека, только когти загнулись, да все обросли шерстью, тулово тоже покрыто шерстью, как у серой кошки, ноги-то у его тоже, как у человека. Как это только я его увидел, то так испугался, что инда пот прошиб». В некоторых местах, однако, полагали, что когда ночью что-то душит, давит на грудь, это на человека «нашла тень домового», а сам домовый не смеет подойти к крещеному человеку.

Верили также, что домовый, если он сердит, может стащить хозяина с печки на пол и душить его сеном. При этом он иногда «бранился чисто по-русски, без зазрения совести»; когда он душит, то отогнать его

Домовой

можно только такой же русской бранью, либо молитвой (особенно «Да воскреснет Бог...»). Кроме того, домовый, по поверьям, иногда щиплетя по ночам (чаще всего щиплет женщин за грудь), отчего остаются синяки; делает он это обычно тогда, когда человек спит глубоким сном. Так, по некоторым поверьям, так как домовому, как и всей нечистой силе, «воспрещено самим Богом прикасаться к душе человеческой и трогать ее, то, имея власть над одним телом, домовые не упускают случая пускать в ход и шлепки до боли и щипки до синяков». В некоторых местах, однако, полагали, что синяки, оставляемые на теле домовым, обычно не болят и скоро проходят.

В некоторых местах злему влиянию домового приписывались и некоторые болезни; так, изредка верили, что домовый может ночью насылать на спящего человека различные «немочи». Кроме того, иногда считалось, что домовый невидимо рассказывает по избе, и человек, нечаянно попавший на его «дорогу», может тяжело заболеть и даже умереть. Однако такие поверья о вредоносном домовом довольно редки, хотя во многих местах отношение домового к хозяйству было двойственным: так, он мог как холить, так и губить скот, как прибирать в избе, так и устраивать беспорядок (бить посуду, ломать мебель) и т.д.

Домового повсюду считали «вещуном» и верили, что он предсказывает счастье или беду домочадцам. Так, верили, что к беде домовый стонет, охает и плачет под печкой или в переднем углу подпола, и непременно басом: «Ух, ух, к худу». Желая известить о чем-то хозяев, он стучит и «шебуршится», ходит, возится под полом и на чердаке; перед смертью хозяина воем ночью; к радости, добру играет песни и скачет, смеется; к свадьбе крикает, играет на гребенке и т.д. Если домовый у трубы на крыше «заиграет в заслонку» — будет суд из-за какого-нибудь дела и обиды; если кого обмочит ночью — тот человек заболит; если гремит в поставке посудой — следует опасаться пожара; если ночью дергает женщину за волосы — ей нужно опасаться споров с мужем, а то муж «наверно прибьет, и очень больно». Ночью домовый подходит к людям и гладит их: мохнатой рукой — к богатству, теплой — к добру вообще, а холодной или шершавой, как щетка, — «к худу». Считалось также, что домовый иногда наваливается на спящего и давит на грудь к каким-либо событиям; если человек, проснувшись, спросит: «К худу или к добру?» — домовый ответит человеческим голосом, «словно ветер листьями прошелестит».

В некоторых местах рассказывали, что в старину перед войной или другой большой бедой домовые во всех села выходили и выли на выгонах. Вообще же, согласно многим поверьям, домовый обычно старается не показываться людям и его мало кто видел; о своем местопребывании в доме и во дворе он дает знать различными звуками, голосом, прикосновениями и возней. По народному убеждению, говорит домовый редко; голос у него обычно бывает либо мягкий и ласковый, либо (чаще) суровый, грубый, глухой и отрывистый, раздающийся вдруг и как будто с разных сторон.

В некоторых местах само появление домового считалось предвестием беды, смерти; нередко верили, что если он дает о себе знать, то это почти всегда «к худу».

Самым плохим предзнаменованием считали появление домового — двойника кого-либо из членов семьи. Так, считалось, что перед смертью хозяина домовый иногда принимает его облик, садится на его место, работает его работу, надевает его шапку (поэтому в некоторых местах считалось, что увидеть домового в шапке — самый дурной знак) и т.п.; вообще во многих местах верили, что перед смертью кого-либо из домочадцев домовый показывается в облике хозяина дома или хозяйского сына, умершего деда или вообще умершего предка, старшего в семье человека и т.п. Считалось также, что домовый может показываться в облике того человека, которому суждено умереть; по некоторым поверьям, домовый вообще обычно имеет облик последнего умершего в семье. При этом иногда считалось, что видеть домового — своего двойника — может лишь тот человек, которому грозит несчастье: если домовый-двойник идет сзади него, то ему грозит беда; если же домовый идет впереди него, то человек вскоре умрет.

Домового, олицетворявшего судьбу обитателей дома, иногда призывали в гаданиях. Так, в некоторых местах брали чистую расческу и бросали ее в ведро с чистой, еще никем не тронутой водой, а через три дня расческу вынимали и смотрели, есть ли на ней седой волос домового; если находили волос, то ночью терли его, считая, что домовый явится и сможет предсказать будущее.

Считалось, что домовый более знается с мужчинами, но иногда проказит и с бабами, особенно если они крикливы и бестолковы. Если же обитатели дома оказываются хорошими хозяевами, то домовый во всем помогает им, заботится о хозяйстве и всячески выражает хозяевам свое расположение. Так, во многих местах рассказывали о стариках, которым домовый заплетал косичкой бороды, и о женщинах, которым домовый по ночам заплетал косы.

Домового нередко смешивали с дворовым и приписывали ему страсть к лошадям. Многие из крестьян рассказывали, что «они много раз слышали, как домовый ходит по хлеву, кормит лошадей, разговаривает с ними». Верили, что по ночам домовый любит развезжать верхом, так что поутру лошади нередко оказываются в мыле. У домового всегда есть любимая лошадь, которую он холит, чистит, приглаживает ей шерсть и заплетает хвост и гриву; любимой лошади он таскает корм от нелюбимых коней или от коней соседа.

Согласно некоторым поверьям, бывают лошади «двужильные» (те, у которых переход от шеи к холке раздвоенный), для работы совершенно не годные: они служат только домовому. Подобных лошадей боялись держать у себя и нередко старались продать за бесценок, полагая, что если такая лошадь вдруг околеет на дворе, то сколько потом лошадей ни покупай — все они передохнут (счетом до 12-ти). Для того, чтобы отвлечь гнев домового, околевшую двужильную лошадь иногда вытаскивали не в ворота, а в отверстие, специально проломанное в стене хлева; однако, по народному мнению, и это не всегда помогает.

В некоторых местах считалось, что домовый особенно любит вороных и серых лошадей, а чаще всего обижает соловых и буланых. Если он невзлюбит

Домовой

лошадь, то станет мучить ее: будет бить лошадь, не даст ей есть; ухватит за уши и станет мотать голову; собьет гриву в колтун, который почти невозможно расчесать (если же расчесать его, то домовый снова собьет колтун хуже прежнего); забьет лошадь в угол яслей, запахнет се вверх ногами в колоду; засорит навозом стойла и весь двор и т.п. Часто считалось, что по ночам домовый ездит на нелюбимых лошадях, приводя их обратно в стойло лишь под утро всех в мыле, совершенно загнанных; если хозяин вовремя не продаст лошадь, то домовый загоняет лошадь до того, она превратится в сущую заморенную клячу, на которой «шкура висит, как на палке».

Для того, чтобы лошадь (или скотина вообще) пришлась «ко двору», она, по народному убеждению, должна быть той масти, которая нравится домовому; эту масть примечали по голубям, обитающим на дворе (какой цвет у большего числа голубей, живущих на дворе, такая и масть), а также по цвету домашней ласки. Кроме того, узнать любимую масть домового можно было прямо у него самого. Так, в одной из быличек мужик, у которого «не водились» лошади, ночью спрятался в яслях и увидел домового, который спрыгнул с сушила и принялся плевать в морду лошади и отгонять ее от корма, приговаривая: «Купил бы кобылку пегоньку, задок беленькой!»; мужик послушал его и купил такую кобылу, а ночью, снова спрятавшись в яслях, увидел, как домовый стал подгребать к новой лошади корм, заплетать ей гриву и приговаривать: «Вот это лошадь! Эту стоит кормить!» В другой быличке один хозяин прямо спросил домового, какой шерсти покупать лошадь, и тот ему повелительно ответил: «Хоть старую, да чалую» и т.д.

Существовало много способов усмирить домового; к ним прибегали в том случае, если домовый мучил скот, проказил в доме и т.д. Так, считалось, что домовый не любит зеркала и этим средством его можно выкурить из комнаты, где он много проказит. Согласно поверьям, домовый не терпит сорок, даже мертвых, поэтому для того, чтобы домовый не вредил скоту, на конюшне нередко подвешивали убитую сороку. Для усмирения домового хозяин по всему двору махал лутошкой (липовой палкой без коры) или втыкал над дверью нож; с приговором бил метлой, веником или плеткой (новой погонялкой, треххвосткой) по стенам избы и по двору; с приговором же тыкал вилами в нижние от земли бревна избы и т.п. Для усмирения домового в некоторых местах зарывали под жильем череп козла, а также помещали на конюшне медвежью голову, окуривали дом и двор медвежьей или верблюжьей шерстью, обводили вокруг двора медведя и т.д. От чужого домового над воротами втыкали чертополох, а также били метлой по всем стенам избы.

В некоторых случаях для защиты от домового подвешивали в хлеву и в курятниках «куриный бог» (камень с дырочкой — для скота, отбитое горлышко бутылки — для кур); однако такой способ применяли обычно для того, чтобы избавиться не от домового, а от кикиморы. Иногда домового старались усмирить с помощью наговоренной воды, меловых крестов на Потолке и притолоках; для защиты от домового кропили скотину святой водой или окуривали ее ладаном,

служили в доме молебен. Однако делали это по большей части в тех местах, где домовый воспринимался как «бес-хороможитель», т.е. нечистый дух, домовый черт; в большинстве же районов считалось, что домовый не боится ни креста, ни освященных предметов.

В некоторых быличках домовый исчезает, когда хозяйка зажигает свет, крестятся, произносят молитву и т.п.; однако часто считали, что домовый, в отличие от нечистой силы, не боится первого крика петуха, креста, освященной еды, божьего имени и пр. По некоторым поверьям, домовый, подобно всем нечистым духам, ходит в доме только ночью; однако в некоторых местах верили, что домовый «особенно ходит перед светом», когда другие нечистые духи уже исчезают. В одних местах молебен служили в доме для того, чтобы усмирить домового; однако по другим поверьям, во время молебна домовый сидит на припечке и спокойно смотрит на семейное торжество.

Вероятно, такое двойственное отношение к домовому объясняется тем, что в народном представлении он относится не столько к нечистой силе, сколько к «дядям», душам предков, покровительствующим своим потомкам. Под влиянием христианства древний дух домашнего очага приобрел некоторые черты нечистой силы; ранее же он, очевидно, противопоставлялся нечисти, враждебной человеку, и не испытывал страха перед священными предметами.

Очевидно, с этими же представлениями о домовом как о духе предка связано и то, что хозяйка дома, как правило, старались не запугать или прогнать домового (как обычно поступали с нечистой силой), а задобрить его, расположить к себе и добиться его покровительства. Так, по поверьям, домовый охотно катается на козле, которого нередко держали на конюшне специально для этой цели. В некоторых местах в Чистый четверг втыкали на дворе можжевелник, под вереву лили святую воду, курили ладаном и т.п., считая, что все это домовый очень любит, и т.д.

Для того, чтобы домовый не вредил людям и хозяйству, хозяйка соблюдали определенные запреты и старались «не сердить дедушку». Так, например, в некоторых местах хозяйка, идя в хлев, прежде, чем открыть дверь и войти, кашляла, а заходя в хлев, старались не разговаривать, чтобы не помешать домовому. Особые запреты должны были соблюдать женщины: так, они не должны были ходить простоволосыми или, принеся в дом дрова, бросать их с размаху на пол, так как домовый этого очень не любит. Считалось, что особенно вредно это для беременной женщины, так как домовый будет мстить ей за то, что она беспокоила его: когда родится дитя, он станет являться женщине во сне и дразнить ее, лезть к ней и т.п., после чего делается так, что женщине покажется, что рядом с ней лежит полено, и она, схватив мнимое полено, бросит им в домового, а вместо полена окажется ее ребенок, которого она сбросила на пол.

В целях умиловления домового обычно прибегали к своеобразным жертвоприношениям. Так, в подарок домовому приносили различные угощения (хлеб с солью или блины, кашу, яйца и т.д.), нюхательный табак (до которого домовый большой охотник), а также цветные лоскутки, монеты с изображением

ДОМОВОЙ

св. Егория или же старые копейки с изображением лошади, мишуру или блески, овечью шерсть и т.д. Подарки и угощение для домового оставляли в разных местах: на печном столбе, в подпечке, под застрехами, в углах хлева, под яслями и т.д.

В некоторых местах для задабривания домового брали кусок хлеба, посыпанный солью и завернутый в чистую белую тряпку, прошитую красной ниткой, выходили в сени или на перекресток, клали на что-нибудь хлеб-соль в тряпке, после чего клали четыре земных поклона на все стороны, читая «Отче наш», молитвы к Богородице, Миколу, Параскеву Пятнице, а также молитвы к бел-горюч-камню или же молитвы, призывающие «хозяина» сменить гнев на милость и вернуться в дом. В этом обряде белая тряпка с красной ниткой изображала рубаху, жертвуемую домовому; для исполнения же самого обряда обычно приглашали «знающих» людей.

Повсюду у славян существовал обычай «кормить» домового по большим праздникам. Так, хорошие хозяева на заговини обязательно оставляли «хозяину» накрытый стол, а часть кушаний выносили на скотный двор, где и ставили на топор, врубленный плашмя в левую вереву ворот; ставя кушанье, говорили: «Хозяинушка, батюшка, хлеб-соль прими, скотинку води» и т.п. В некоторых местах хозяева перед всяким большим праздником, в заговенья и разговенья ставили на перемет домовому самую лучшую пищу, приготавливая: «На, хозяин, разговляйся» или «На, хозяин, угостись куском с пирожек»; верили, что если домовый съест эту пищу, то в доме будет все ладно и благополучно, а если не съест, значит, сердится и его надо чем-то задобрить. В некоторых местах по большим праздникам домовому ставили особое угощение (например, горшок круто посоленной каши, пироги и т.д.), а в обычные дни оставляли на столе остатки ужина («харч для домового»).

Домового обязательно чествовали в особые дни — «праздники домового». Так, на Ефима Сирина (7.II) справляли «именины домового»; в этот день домового «закармливали», оставляли ему еду (обычно кашу) на загнетке с просьбой беречь скот. В день Иоанна Лествичника (12.IV) домового, по народному убеждению, празднует наступление весны; он бесится, шалит, сбрасывает шкуру, подкатывается хозяевам иод ноги и т.п. В некоторых местах полагали, что домового бесится и перед Петровым днем, и в этот день его также надо задабривать. Днем домового иногда считался и день первого выгона скота в поле; в этот день домовому ставили угощение, а в некоторых местах «торкали вербочки» на седьмом венце двора, «чтобы не превысить и не принизить домового хозяина».

Угощение домовому ставили иногда с целью узнать судьбу пропавших из дому людей или скотины. Так, для того, чтобы вернуть потерявшегося в лесу человека или хотя бы узнать, жив ли он, брали в левую руку ломоть хлеба, отрезанный от целого каравай и посыпанный солью, а в правую — икону св. Николая Чудотворца и шли после заката солнца, на вечерней заре, в отвод, через который прошел пропавший из дома. Икону ставили на правую сторону, клали три земных поклона и при этом просили св. Николая: «Во двор

введи или след укажи»; хлеб с солью клали на левую сторону, клали три земных поклона и при каждом поклоне приговаривали: «Батюшка домовый господин, на тебе мой хлеб и соль — подай мне человека». После этого икону и хлеб с солью оставляли на ночь на том же месте. На другой день на утренней заре осматривали хлеб; если его не оказалось на месте, то считали, что его взял домовый и пропавший жив, вскоре непременно найдется; если же хлеб остался на месте, то верили, что пропавший мертв.

Угощение домовому ставили и при переезде на новое место. Так, построив новую избу, хозяин старался добиться благословения домового: накрывал стол, кланялся во все четыре угла и говорил: «Хозяинушко господин, прими нас на богатый двор, на бытѣ, на житьѣ, на богатество», и т.п. В некоторых местах хозяйка готовила домовому угощение (присоленный небольшой хлебец и водку в чашке) в новом доме в подызбице, в то время как хозяин темной ночью, без шапки и в одной рубахе, шел зазывать домового в старом доме, улещивая его поклонами и уважительным обращением. Многие хозяева при приглашении домового в новый дом ставили в трубу водку и закуску для «хозяина» или брали первую ковригу хлеба, испеченную в новой избе, перед полночью выносили ее во двор и, обратившись к востоку, звали: «Хозяин, пожалуйте ко мне на новоселье!»; затем хлеб вместе с солью ставили на ночь на припечке или на столе в избе, считая, что если все это утром будет тронуту, то, значит, домовый явился.

Переезжая на другое место, домового обязательно зазывали с собой. Так, при переходе в новый дом «насыпали на лапоть из под печки» и приговаривали: «Домовой, домовый, не оставайся тут, а иди с нашей семьей», «Дедушка, соседюшка, иди к нам», и т.п. При этом домового могли «перевозить» не только в лапте, но и на помеле, на хлебной опате, в горшке вместе с углями из старого очага и т.д. В некоторых местах в новую избу входили с кошкой или поленом, приглашая домовых: «Хозяин с хозяйюшкой, спасибо большо, а в новый дом пожалуйте вместе, на веселое житьѣ». Иногда домового вселялся в новый дом даже прежде хозяев: так, в некоторых местах домового «вносили» в избу уже при начале строительства вместе с устанавливаемым в срубе (на месте переднего угла) деревцем.

Если семья разделялась на две, то выделившийся хозяин зазывал из старого дома в новый своего домового. Для этого он должен был прийти на двор, на то место, где стоит скотина, которая дана ему «в надел», взять эту скотину и поклониться тому месту до трех раз, при каждом поклоне приговаривая: «Батюшко домовый (дворовой) мой, иди со мной, ваш оставайся здесь»; вероятно, такое обращение к домовому связано с поверьями о том, что число домовых в доме равно числу членов семьи.

Считалось, что без приглашения домового не покинет старого дома; если же хозяин не позовет с собой домового, то на новом месте не будет водиться скотина и ни в каких делах не будет «спорыньи». Считалось также, что если прежний домовый останется на старом месте, а в дом вместе с новыми хозяевами вселится

ДОМОЖИЛ

новый домовый, то домовые будут между собою драться и в доме «не будет ладу». Прежний домовый будет мстить как преждему, так и новому хозяину дома: у старых хозяев переведет всю скотину на новом месте, а новых хозяев будет щипать по ночам до сняжков или швырять в них, чем попало, душить их и скот, разбрасывать или прятать ночью по избе разные вещи, открывать на морозе двери и т.п., выживая их из дома.

Когда ломали избу, обязательно брали икону, хлеб и вызывали домового: «Батюшка домовый, выходи домой»; считалось, что если домового не вызвать, он останется на развалинах и будет пугать по ночам своим криком и плачем, «голосить, что ему притулиться негде», пока хозяева не позовут его в новый дом. В одной из быличек домовый, которого при переезде не позвали в новый дом, каждый вечер ходил к воротам нового дома своих хозяев в облике козла и жалобно блеял; когда хозяева пригласили своего домового переселиться в новый дом, козел исчез и больше не появлялся. В Орловской губернии рассказывали, что «после пожара целой деревни домовые так затосковали, что целые ночи были слышны их плач и стоны. Чтобы как-нибудь утешить их, крестьяне вынуждены были сколотить на скорую руку временные шалашики, разбросать подле них ломти посленного хлеба и затем пригласить домовых на временное жительство: «Хозяин-домовый, иди покель на покой, не отбивайся от двора своего»».

Согласно поверьям, увидеть домового можно невзначай, чаще всего ночью, подле скотины или лошадей; если он в хорошем расположении, то только улыбнется и, отвернувшись, полезет на свое место, если же нет, то погрозит пальцем, застонет и т.п. Во многих местах верили также, что увидеть домового можно, если спуститься на третью ступень лестницы, ведущей в подполье или на двор, и глянуть промеж ног.

Кроме того, считалось, что домового можно увидеть через хомут, через борону или через три бороны, составленные шалашиком. Иногда все эти способы совмещали: так, по некоторым поверьям, для того, чтобы увидеть домового, следует в Пасхальную ночь надеть на себя лошадиный хомут, покрыться бороной зубьями на себя и сидеть между лошадьми, которых особенно любит домовый; считалось, что домовый непременно появится, однако если увидит человека, который таким образом за ним подглядывает, то делает так, что лошади начнут бить задом по бороне и могут до смерти забить любознательного человека.

Для того, чтобы увидеть домового, применяли зачастую и более сложные способы. Так, в некоторых местах для этой цели советовали скатать такую свечу, которой бы хватило, чтобы с нею простоять в Страстную пятницу у страстей, а в субботу и в воскресенье у заутрени; согласно поверью, если между заутрени и обедней в Светлое воскресенье зажечь эту свечу и идти с нею домой, прямо в хлев или коровник, то можно увидеть «дедушку», который сидит, притаившись в углу, и не смеет тронуться с места; тут с ним можно и поговорить. Иногда также советовали в Светлое воскресенье надеть на себя все новое, помазать голову маслом, взятым от семи перводойных коров, идти в

церковь и там во время службы оглянуться: домовый покажется в своем настоящем виде и «погрозится» (отчего человек, увидевший домового, заболит на шесть недель).

В некоторых местах существовали и совсем уж сложные способы. Так, по некоторым поверьям, для того, чтобы «сойтись с домовым», нужно взять траву плакун, растущую на болоте, и повесить ее себе на шелковый пояс; затем взять озимь с трех полей, завязать в узелок и привязать к змеиной головке на гайтане (вместо нательного креста). Потом нужно в одно ухо положить козью шерсть, а в другое — последний кусок пряжины, взятый тайно, надеть сорочку наоборот (наизнанку) и ночью идти в хлев, завязав глаза тремя слоями материи. Придя в хлев, нужно сказать: «Суседушко-домоседушко! Раб к тебе идет, низко голову несет, не томи его напрасно, а заведи с ним приятство, покажись ему в своем облике, заведи с ним дружбу да служи ему легку службу!» Если после этого раздастся пение петуха, то нужно немедленно идти домой; если же раздастся шорох и появится старик в красной рубахе, с «огневыми глазами» и со свечой в руках, то необходимо схватиться за гайтан, за плакун-траву, змеиную головку, а также за пояс и держаться за них (хотя домовый будет стараться стащить с вызвавшего его человека и гайтан, и пояс), так как в противном случае домовый отстегает того, кто осмелился его вызвать. Явившись, домовый заключает с человеком договор; по этому договору человек должен каждую ночь давать домовому по свече и держать в хлеву козу, а домовый обязуется «рассказывать обо всем на свете» и помогать человеку.

Таким образом, существовало немало способов увидеть домового; однако ко всем к ним прибегали очень редко из страха потревожить домового и тем навлечь на себя его гнев. Так, считалось, что вообще не следует стараться увидеть домового, так как, по некоторым поверьям, он очень страшен, а кроме того, не любит любопытных и может рассердиться; рассердившись же, он «гладит», обдирая лицо и спину, толкает в яму или в погреб, сталкивает с лестницы или с сеновала, душит ночью спящего, бьет посуду, мучает скот и т.п. Иногда даже верили, что увидевший домового умрет или онемеет, долго не проживет, будет долго болеть и т.д. В некоторых местах советовали даже не выходить из дома на шум, если при этом не лают собаки (друзья домового), так как в этом случае шум, скорее всего, производит домовый, которого в это время не следует беспокоить.

Доможил — см. Домовой.

Доможриха — см. Домаха.

ДУША — двойник человека при его жизни. По народным поверьям, живет душа либо в голове человека, либо в ямке под шейей, в груди, в животе, сердце и т.д. Душа растет, как и человек, чувствует холод, боль, радость и т.д., но питается только паром от пищи. При жизни человека она может покидать его тело только во сне (поэтому людям снится, что они путешествуют и

т.д.). После разделения с плотью человека душа покидает тело, принимая вид ветерка, пара, дыма, бабочки или мухи, птицы, падающей звезды, иногда маленького человечка с прозрачным телом или ребенка с крыльшками.

Душа, по славянским поверьям, — «проявление той же творческой силы, без которой невозможна на земле никакая жизнь: это сила света и теплоты, действующая в пламени весенних гроз и в живительных лучах солнца. Душа — собственно частица, искра этого небесного огня, которая и сообщает очам блеск, крови — жар и всему телу — внутреннюю теплоту». Душа — это огонь; даже смерть не может погасить его, а лишь исторгает его из тела.

По древнеславянским поверьям, душа человека, покинув умершего, переходит в какое-либо другое существо. Первобытные охотники помещали отлетевшую душу где-то поблизости, среди окружавших человека разнообразных существ; своих умерших они хоронили в скорченном положении, имитирующем позу эмбриона в материнском чреве: родичи как бы готовили умершего ко второму рождению на земле. Позже умерших стали хоронить распрямленными; в этом случае умерший как бы «спал», оставаясь человеком и не воплощаясь в другое существо, а душа его покровительствовала своим потомкам.

Еще позже появилась кремация. По представлению древних славян, душа умершего человека с дымом погребального костра возносится на небо (в Вырий), откуда может способствовать всем небесным операциям (дождю, снегу, туману и пр.) на благо оставшихся на земле потомков. При этом нередко совмещалась кремация и захоронение: тело умершего сжигали, а прах его хоронили в земле, т.е. душа умершего уходила на небо, а тело его — в землю.

Городское население отказалось от кремации в X-XI вв., что было прямо связано с принятием христианства. С приходом христианства стало считаться, что душа человека после смерти уходит либо на небо к Богу, либо под землю к злым духам; душа праведного человека попадает в рай, где ее ожидает вечное блаженство, душа же грешника попадает в ад, где ее мучают злые духи. Кроме того, считалось, что душа грешника может превратиться в нечистую силу; в этом случае она будет всячески вредить людям: насыпать засуху, мор, град и т.д.

Считалось, что души умерших крещеных детей до семи лет всегда попадают в рай, так как дети безгрешны; младенец двух или трех лет может даже стать ангелом. Про умерших младенцев говорили, что это «Богу свечка ушла». По этой причине для матери считалось грехом плакать по своему умершему младенцу; кроме того, верили, что дети от слез родителей «уходят глубже», а если по детям не плачут, они «возносятся» и попадают прямо к Богу, где им, по некоторым поверьям, даются небесные няньки, которые гуляют с ними и заботятся о них.

При этом, однако, считалось, что если ребенок умер некрещеным, то его душа достанется злым духам и будет в виде болотного огонька блуждать над трясины или превратится в нечистую силу (мару, кикимору и т.п.). То же произойдет и с душой убитого или присланного матерью младенца. Однако верили, что по истечении семи лет после смерти души некрещеных детей «уносятся на воздух» и три раза просят себе крещения; если кто-то услышит их зов и окрестит их (например, сказав: «Я тебя крещу Иван да Марья, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь!»), то они будут взяты ангелами, а в противном случае — дьяволами. Кроме того, считали, что иногда мать может отомстить своего ребенка, и тогда он попадет в рай.

После смерти человека душа, по народному убеждению, покидает его тело. Чтобы помочь душе покинуть помещение, нередко открывали двери, окна, заслонки в печи; из окна вывешивали полотенце, по которому душа могла спуститься (считалось также, что душа утирает этим полотенцем свои слезы, отдыхает на нем и т.п.). На окно ставили стакан с чистой водой, чтобы душа умершего могла вымыться и чистой предстать перед Богом, и т.п.

Согласно поверьям, между душой и телом и после смерти существует тесная связь, поэтому в гробу иногда делали маленькое окошечко (чтобы душа могла всегда взглянуть на свое тело), оставляли на могиле еду, подметали могилу березовыми вениками (т.к. душе приятен запах березовой листвы) и т.п. Считалось, что после похорон душа часто возвращается в дом, поэтому на поминках принято было подавать к столу горячие блюда (борщ, свежее испеченный хлеб и т.д.), чтобы душа могла подкрепиться паром от этой пищи.

По русскому поверью, кто после трехдневного поста отправится на кладбище в ночь накануне родительской (поминальной) субботы, тот увидит тени не только усопших, но и тех, кому суждено умереть в продолжение года.

Согласно поверьям, душа покойника 40 дней находится в доме и нуждается в питье, поэтому в красном углу под иконами (где, по народным представлениям, и обитает в это время душа) все это время держали сосуд с водой. Считалось, что на третий день после смерти человека ангел-хранитель приводит его душу на поклонение к Богу; если в «третини» будет какое-либо молитвенное приношение во храме Божиим на помин души, то ей дается утешение от скорби и она радуется. Затем, с третьего по девятый день, душа «ходит по мытарствам»: ангел показывает ей райские блаженства и адские мучения. На девятый день душа добродетельного человека посещает место свершения покойным при жизни добрых, богоугодных дел, а душу грешника ангел водит по пути содеянных им прегрешений, воскрешая их в ее памяти. В сороковой день ангел-хранитель приводит душу к подножию престола Господня для последнего поклонения Творцу; по этой причине в этот день на земле родственники

ДЬЯВОЛ

умершего совершали особенно усердное моление об упокоении покойного.

По некоторым поверьям, душа человека иногда еще при его жизни может покидать тело. Так, считалось, что если человек связан с нечистой силой, то душа, покидая его тело, творит злодейства. Верили, что тело ведьмы остается бездыханным, пока ее душа, являясь в различных обликах, отбирает молоко у коров, похищает с неба звезды и т.п.; если в это время изменить положение тела ведьмы, то душа не сможет попасть в свою телесную оболочку и будет летать вокруг ведьмы, оборачиваясь то курицей, то мухой, то пчелой, то гусыней. Верили также, что у колдунов и т.п. есть две души; иногда считали, что они продают свою душу дьяволу, заменяя ее на «нечистый дух».

ДЬЯВОЛ — злой дух (от греческого *διοφάνης* — «клеветник»). Образ Дьявола был привнесен в народные поверья христианством и получил преимущественное развитие не столько в устной, сколько в письменной традиции — в апокрифах, житиях святых и т.п., причем в памятниках древнерусской и средневековой литературы Дьявол чаще именовался Сатаной.

Один из традиционных обликов Дьявола — черный человек огромного роста, ужасный великан, «иже до облак доседаше высотой, под ним же озеро, яко моря кипящие». В народных поверьях Дьяволу также приписывался темный, черный цвет, большой рост, силпый и очень громкий голос, способность к оборотничеству (излюбленный облик Дьявола — змей, змий). При этом образ Дьявола в народных рассказах, быличках и сказках мог быть таким же, как у чертей и бесов: считалось, например, что у него нет ресниц, он прихрамывает; может принять обличье «высокого черного мужика» или толстого безбородого человека.

Согласно библейскому учению, Дьявол — «первейший среди падших ангелов». Таковым он представлялся и в народных поверьях: крестьяне верили, что Дьявол, как и другие злые духи, — это падший ангел, который обязан своим появлением Богу. По легенде, злые духи «произошли тоже от Бога, как и весь мир, то есть по Его желанию»; «Когда ангел возгордился перед Богом, Бог обратил его в Дьявола». Существовали, однако, и другие народные повествования о миротворении; в них Дьявол (Сатана) принимал участие в создании мира. Так, согласно некоторым народным легендам, некогда Бог встретил Дьявола и предложил ему сотворить мир; Дьявол, нырнув под воду, достал со дна немного земли, из которой Бог сотворил землю. Но Дьявол утаил часть земли во рту, за что был проклят Богом; когда Бог стал творить мир, Дьявол выплюнул землю и из нее образовались болота, рытвины и т.п. Дьяволу вообще нередко приписывалось создание всего «злогого» — топей, пропастей, мороза, крутых гор и пр.

В апокрифах повествуется о многих злых деяниях Дьявола: ему приписывалась попытка соблазнить Еву;

считалось, что он подговаривал Каина убить Авеля, пытался испортить ковчег, а после потопа соблазнял людей в идолопоклонство. Дьявольским наваждением считались самоубийство, болезни (особенно психические), пьянство, курение табака и т.п. Дьявол, по народному убеждению, всегда соблазняет людей (и особенно монахов, пустынников, святых людей), «вводит во грех», толкает на преступление; он также ловит человеческие души, летающие в виде птиц, забирает себе души соблазненных им людей и т.д. К Дьяволу, дьявольским силам были обращены многие из «черных», вредоносных заговоров; кроме того, с ним иногда старались заключить договор, полагая, что Дьявол в обмен на человеческую душу может дать красоту, богатство, уважение и пр. Вообще, Дьявол у крестьян считался иногда самым страшным врагом рода человеческого, против которого может не подействовать даже молитва «Да Воскреснет Бог»; поэтому его старались не злить и даже улаживать, насколько это позволяла христианская вера: так, например,

«известны случаи, что Дьяволу ставят свечи, известно и то, что в церкви где-нибудь да нарисован Дьявол, наконец и то, что некоторые богомазы на заgroundованной доске пишут сперва изображение Дьявола, и когда это изображение высохнет, снова заgroundовывают и уже на этом втором грунте изображают угодника».

Дьявола часто описывали пребывающим в Аду, где кипят в огне и смоле грешники. Дьявол при этом иногда считался главным в иерархии злых духов; однако эта иерархия в народных поверьях была очень своеобразной: Дьявол и Сатана в ней были равнозначными, самостоятельными, одновременно существующими злыми духами, каждый из которых заведовал своей областью злых дел. Так, считалось, что «черт смущает, бес подстрекает, Дьявол нудит, а Сатана знамения творит для колебания крепко в вере пребывающих»; согласно некоторым поверьям, «самый главный начальник ада — Демон; Сатана — сильный и особенно злой и коварный; Дьявол — это главный соблазнитель людей на всякий грех... он производит вихри; черти же — это общее название злой силы». По мнению крестьян, «черт и леший не искушают людей, а бес или Дьявол, по приказанию начальника своего, Сатаны, прилетают в мир для искушения рода человеческого и делания ему всяких пакостей»; «Дьявол, если вздумает шутить, то шутки его всегда очень злые и вредные, подчиненные же ему чертенята, народ молодой, постоянно шалят и шутят, но шутки их не приносят особого вреда человеку». Вообще, иерархия злых духов в народных поверьях не единообразна, в ней нет четкого различия даже главенствующих злых духов; и потому Дьявол в народных поверьях мог восприниматься и как высший (или один из высших) адский дух, и как черт «низшего ранга» (ср.: «Говорят, когда Господь сверзил Сатану и дьяволов его с небеси, тогда все дьяволы и посыпались на землю, словно дождь»).

Е

ЕВДОКИЯ, Евдокия-плющица, Евдокия-весновка, Евдокия-свистунья — день святой Евдокии, празднуемый 14.III. Все названия этого дня были связаны с переменами, происходящими в это время в природе: от теплой погоды снег в эту пору начинает подтаивать и оседать, как бы сплющиваться (отсюда «Евдокия-плющица»); начинают дуть и свистеть весенние ветры («Евдокия-свистунья») и чувствуется приближение весны («Евдокия-весновка, весенница»).

В некоторых местах день Евдокии именовали еще «Евдокия — замочи подол» или «Евдокия-капельница» из-за того, что в это время начинает таять снег; при этом нередко верили, что на Евдокию все подземные ключи закипают.

Согласно народным поверьям, святая Евдокия заведует у Бога весной: у нее хранятся ключи от весенних вод, и в ее власти рано или с задержкой пустить воду, а то и наслать неожиданные морозы. В древности, опасаясь гнева святой, крестьяне в ее день строго соблюдали запрет на всяческую работу; однако позднее праздник Евдокии-плющицы во многих местах перестал считаться важным и практически никак не отличался от других второстепенных церковных праздников, хотя все еще нередко справлялся весело и торжественно.

Так как по старому стилю Евдокия выпадала на 1 марта, т.е. «открывала весну», с ее днем издавна было связано немало различных обрядов и поверий. Так, например, с днем Евдокии связывалось много сельскохозяйственных и пр. примет: «На плющицу погоже — и все лето пригоже»; «Отколь ветер на плющицу подует, отголь придет и весна»; «Коли на Евдокию ясно — год прекрасный, если пасмурно — год плохой»; «Новичок (народившийся месяц) под Евдокию с дождем — быть лету мокрому»; «Ясная погода на Евдокию — к хорошему урожаю пшеницы, ржи и трав»; «День Евдокии красный — на огурцы и грузди урожай»; «Коли курочка на Евдокию напестя — то и овечка на Егорья наестся»; «На Евдокию снег — урожай, теплый ветер — мокрое лето, ветер с севера — холодное лето», и т.д. При этом во многих местах приметы совмещались с различными гаданиями и обрядами, долженствующими обеспечить урожай, хорошую погоду и пр.: так, например, для того, чтобы весна была теплая, в день Евдокии приносили из лесу сучьев и жарко топили избы; для того, чтобы узнать, хорошо ли уродится лен, на плющицу с кровли скидывали снег, а вечером примечали, долгие ли сосульки на крышах, и т.д.

Во многих местах в день святой Евдокии (Авдотьи) деревенские бабы обязательно приходили в церковь и заказывали молебны перед иконой Евдокии, так как эта святая считалась покровительницей овец. Кроме того, в день Евдокии — предвестницы весны принято было «закликать весну»: женщины и дети влезали на крыши или на пригорки и пели веснянки, в которых приглашали весну поскорее прийти.

Егорий — см. **Георгий Победоносец**.

ЕДА, трапеза — прием пищи, имеющий повседневный или праздничный характер.

Основной едой славян-земледельцев с давних времен была мучная пища, приготовляемая из зерен хлебных злаков. Так, например, у всех славян с незапамятных времен в большом почете был хлеб, обычно пшеничный или ржаной. Его ели все, без него не обходился обед и у самого бедного крестьянина. Хлеб был самый разный: и ржаной, и пшеничный; в некоторых местах, из-за недостатка зерна и муки, в хлеб добавляли лебеду, сосновую кору (мезгу), выпекали его с мякиной и пр.; подобный хлеб зачастую напоминал какой-то грязный комок, однако и его берегли и хранили, ибо, по словам крестьян, «без хлеба — смерть!» По народному поверью, любой хлеб вмещает в себя счастье и благополучие дома. Хлебные изделия, такие, как блины или пироги, также пользовались в народе уважением, однако простой хлеб, и особенно хлеб в сочетании с солью, ценился неизмеримо выше. Любили в народе и каши, в редкий день не появляющиеся на крестьянском столе.

Помимо мучной пищи, на столе у славян появлялось и мясо (домашних животных, птицы или рыбы); только в богатых семьях его могли есть практически каждый день, за исключением постов, а бедняки порой не ели мяса по несколько месяцев, иногда и больше. Мясные кушанья были обычно вареные (и подавались во щах, в ухе или рассоле и под взварами, т.е. под соусом) или пареные; были еще жаркие или жареные кушанья. Помимо мяса, в пищу повсеместно шли также различные овощи и вообще растения: лук, рена, капуста, свекла, горох и т.д. В качестве питья у славян могло употребляться и молоко, и квас, и просто вода, а также хмельные напитки, в первую очередь мед (крепость которого порой сравнивалась с водкой) и пиво.

Конечно, блюда, подаваемые во время трапезы у славян, целиком определялись тем, когда и по какому поводу устраивалась трапеза. В повседневной жизни у простых крестьян еда не отличалась особым разнообразием: «Щи да каша — пища наша!»; а уж если на

Еретики

дворе был пост, то трапеза и вовсе могла быть бедной, состоящей только из какого-нибудь толокна, тюри и т.п. Но в честь праздника, свадьбы и т.д. любая хозяйка старалась поставить на стол все самое лучшее и угостить гостей всем, чем только можно.

Трапеза у славян повсеместно обставлялась как своеобразный ритуал; при этом порядок рассаживания вокруг стола выявлял субординацию сотрапезников. Наиболее почетным считалось место во главе стола, в красном углу под иконами, где обычно сидели гости, а также старший в доме; при этом крестьяне обычно следили, чтобы хозяин сидел не в самом углу под иконами, а немного отодвинувшись, как бы оставляя место для Бога. Если в семье не было отца, то его почетное место занимал старший женатый сын; если же он еще не был женат, то главенство принадлежало матери. Вообще, женщины, как правило, не садились в красном углу, так как они считались в народе «нечистыми»; но при этом женщины, как правило, пожилые, все-таки могли занимать почетные места за столом, особенно во время определенных обрядов (кума на крестинах или крестная мать одного из молодых на свадьбе).

По сторонам от хозяина обычно садились старшие мужчины, за ними — младшие, на самом нижнем конце стола — женщины; те из них, кому не хватило места за столом, ели «в посудах» на лавке или возле печи. В некоторых местах был известен и другой способ рассаживания: с одной стороны — по старшинству мужчины, с другой, напротив них, — женщины.

В 16-17 вв. в русских городах женщины подавали кушанья на стол, а сами ели позднее; по сообщению П. Петрея (1610-е гг.), «женам не дозволяют мужья и обедать с собой: сами обедают или одни, или с гостями, а жены их особенно в своих покоях, с горничными, и никто из мужчин не может входить туда, кроме мальчиков, назначенных для их прислуги». В конце 17 в. такие порядки еще соблюдались в знатных семьях.

Трапеза организовывалась таким образом, чтобы представить пищу, подаваемую на стол, как дары, исходящие от Бога; и вообще трапеза представляла как своеобразный обмен с Богом: за пищу, которая исходит от Господа, сотрапезники воздавали ему благодарность и выражали свое почтение. Хозяин дома, занимающий место во главе стола, под иконами, распорядился застольем как бы от имени Бога. В традиционном быту за еду благодарили Бога, а не хозяйку; если же гость обращал слова благодарности хозяевам, то те переадресовывали его к божественному подателю пищи. После еды всегда благодарили Бога. На Руси ни в коем случае не позволялось ругать еду; считалось, что вкусовые качества пищи зависят не только от мастерства стряпухи, но и от поведения участников трапезы: считалось, что если гости едят с благоговением и в молчании или ведя духовную беседу, то еда и питье бывают в сладость, а если похулят их, то они словно превращаются в отбросы, поэтому нужно хвалить дар

Божий — тогда Бог пошлет благоухание и превратит горечь в сладость.

Согласно народному верованию, при еде нередко присутствуют добрые и злые духи — ангелы и черти. Праведное, христианское поведение вызывает благословение ангелов; греховное же, языческое — прогоняет их от стола, радует чертей и побуждает их вмешаться в трапезу. Близким присутствием нечистой силы объясняются многие правила народного застольного этикета: нельзя стучать ложками, от этого «лукавый радуется» и скликаются на обед «злыдни»; нельзя оставлять ложку так, чтобы она опиралась ручкой на стол, а другим концом на миску, так как по ложке, как по мосту, в миску может проникнуть нечистая сила. Вообще, многими исследователями отмечалось, что «русские привыкли часто креститься и не возьмут в рот никакого кушанья или напитка, не перекрестившись сперва, думая, что тогда кушанье и питье благословень! и охранены от всякой ворожбы».

Особыми представлениями в народе сопровождалась трапеза в честь поминовения душ умерших. Славяне верили, что в некоторые календарные праздники все умершие предки являются в дома своих живых родственников и едят с ними. Поэтому в такие дни на стол подавали блины, кутью и прочие блюда, посвящаемые обычно мертвым, а также клали на стол дополнительные ложки или периодически откладывали свои ложки, чтобы «дяды» тоже могли поесть. В некоторых случаях для мертвых оставляли остатки трапезы на ночь на столе.

Помимо поминальных трапез, особыми обрядами и поверьями сопровождалась также и свадебные трапезы. Например, молодые на свадьбе обычно ели из одной тарелки; такая совместная еда знаменовала собой их единство и вступление в интимную связь. Во время свадьбы молодым подносили кашу, которую невеста ела, накрывшись платком, «как бы стыдясь есть на виду»; в каше, подаваемой в чашке молодым, «делается на середине ложкой некоторое углубление, полное налитого масла; из него берет кашу молодой, сам ест и молодой подносит» (Архангельская губерния). По русским поверьям, есть вместе один кусок хлеба разрешается только мужу с женой или другим близким людям; если женщина доест хлеб за мужчиной, то он будет за ней бегать, а если мужчина за женщиной — то наоборот, и т.д.

ЕРЕТИКИ — колдуны и колдуньи, ведьмы и ведьмаки; нечистая сила. Еретиками и еретицами называли преимущественно колдунов и ведьм, встающих из могил после смерти и вредящих людям; реже еретиками называли живых колдунов и ведьм, насылающих порчу и т.п.

Согласно народным поверьям, после смерти колдуны становятся еретиками — злыми существами, пьющими кровь, загрызающими людей, насылающими порчу и т.д. Так, на Русском Севере «один и тот же

Еретики

человек — кудесник, знахарь и порчельник — называется в жизни колдуном, а по смерти, если бы он заходил по ночам и стал бы есть людей, — что бывало на веках, — еретиком». В поверьях Сибири еретик — «умерший колдун, знахарь, встающий из могилы в полночь и шатающийся до первых петухов». Иногда еретиками именовали вообще всех беспокойных, вредящих мертвецов, выходящих из могил: считалось, что еретик — «это который помрет, а затем ходит».

Так же, как колдуны после смерти становились еретиками, ведьмы после смерти могли стать еретицами, демоническими существами, поедающими младенцев, пьющими кровь рожениц и т.д. По некоторым поверьям, однако, еретицы бродят только весной и поздней осенью; днем они ходят в виде безобразных, оборванных старух, к вечеру собираются в поганых оврагах, а ночью уходят в провалившиеся могилы и там спят в «нечестивых» гробах. Если они не попадают в могилу, то влезают через трубу в баню и там громко плещутся, скачут и пляшут под свист нечистой силы. Считалось, что человек, упавший в могильный провал, в котором прячется еретица, иссохнет; если же он случайно увидит еретицу, то вскоре умрет.

Посмертные хождения ведьм и колдунов в народе объяснялись по-разному. Обычно считалось, что святая земля не принимает колдунов и ведьм за их грехи, поэтому они скитаются по свету, «совращая людей с истинной веры». Существовали, однако, и другие объяснения. Так, считалось, что колдуны и ведьмы, умершие без покаяния и причастия и «не сдавшие чертей», бродят по земле, пока их тела не съедят черви, так как их грехи и их сверхъестественная, «нечистая» сила, от которой они не избавились при жизни, не дают им покоя. Хождения по свету мертвого колдуна-еретика могли объясняться и тем, что колдун, заключив договор с чертом на определенное число лет, умер раньше срока и потому обречен вставать из могилы и доживать на свете оставшиеся годы. Существовало и еще одно объяснение: считалось, что с колдуна, не передавшего своей силы перед смертью, черти сдирают кожу и тело забирают себе, а в пустую кожу-оболочку колдуна влезает черт, нечистый дух, который и ходит по ночам, причиняя всяческий вред. Иногда причиной беспокойства умершего и превращения его в еретика считали его непогребение или погребение «не по правилам», без должных обрядов, а также проклятье близких (особенно родительское проклятье).

В большинстве поверий облик еретика повторяет облик живого колдуна, только облаченного в саван и т.п.; однако у него могут быть и отличия. Так, иногда считалось, что еретики наделены длинными, острыми зубами, способными «сокрушить сталь»; у них длинные ногти и волосы, бледные лица и т.д. Иногда считалось, что еретики не могут ходить, а только скачут (возможно, такие поверья связаны с обычаем подрезать мертвому колдуну жилы на ногах, чтобы он не ходил после смерти); считалось также, что еретик может ходить с крестообразно сложенными на груди руками (это происходит в том случае, если сложенные руки мертвого колдуна так и заостенели в таком положении). Еретики наделались способностью стремительно бегать, «бежать наравне с лошадьёю»; нередко считалось, что они могут оборачиваться зверями и пр.

В одном из заговоров еретик описывается как «опивец зубастый, головастый, как гадина». Он — существо получеловеческое-полустихийное, способное «отводить» тучи и вызывать засуху: «... еретник в гробу распластался, язык его в темя вытягался; тучи Божии мимо проходят, на еретника за семь поприщ дождя не изводят. Беру я, раб Божий, от дулла осинова ветвь сучнистую, обтешу орясину осистую, воткну еретнику в чрево поганое, в его сердце окаянное, схороню в болоте смердящем, чтобы его ноги поганые были не ходящие, скверные его уста не говорящие, засухи не наводящие...»

Особенно опасны еретики и еретицы бывают ночью, до пения петухов; в это время они ловят и заедают людей, пьют кровь, насылают засуху и т.д. Для защиты от них использовали лутошки, ладан, траву «чертогон», осиновый кол и т.п.; читали различные заговоры и совершали магические действия. В некоторых местах вообще верили, что еретик не опасен, если не оглядываться на него. Убить еретика, по народному убеждению, можно ударом наотмашь; бить его следует осиновым колом, тележной осью, оглоблей, новой погонялкой, плеткой или недоуздом «от коня нелегченного». Кроме того, для того, чтобы навсегда избавиться от еретика, разрывали его могилу и поворачивали покойника ниц, подрезали ему пятки, вбивали в сердце осиновый кол, отрубали голову и т.д. Считалось также, что от еретиков могут защитить домашние духи: домовый, дворовый, даже овинник или банник; так, в быличках домашние духи до пения петухов дерутся с еретиками, не подпуская их к человеку, попросившему у них защиты.

Ж

ЖАВОРОНОК — радостная, божья птица, по поверью, произошедшая из комочка земли, подброшенного Богом высоко вверх. Два разных вида жаворонок — обычный и хохлатый — в народных представлениях часто воспринимались как одна птица: считалось, что чуб вырастает у жаворонка на третьем году жизни, или лее зимой жаворонок имеет чу бок на голове, а на лето его сбрасывает. В некоторых местах жаворонка с остроконечным «башлыком» на голове называли «Жаворонковым кумом». Считалось, что на зиму обычный жаворонок превращается в хохлатого или в мышь, а летом принимает свой прежний облик.

Жаворонка считали чистой, «божьей» птицей, которая своими песнями прославляет Христа (ср. угорскую песню, в которой жаворонок начинает справлять погребение Иисусу Христу, умершему на кресте, а за ним следуют голубь и др. птицы). Поляки считали, что жаворонок был взят на небо Пресвятой девой и неустанно славит ее своим пением. По другой легенде, жаворонки и ласточки вынимали колючие тернии из тернового венца распятого Христа, за что Богородица благословила их.

Согласно народным поверьям, зиму жаворонок проводит в мышиной норе, в поле под камнем, под комом земли в борозде или в меже, либо под водой, в заброшенных колодцах и пр. В середине зимы он поворачивается на другой бок и спит до весны. Но другим же поверьям, зимой он находится высоко в небе, в раю или ирие; ангелы держат его в руках, нежат и ласкают, пока не блеснет первая молния и не раскроются небеса, куда жаворонку в это время позволено бывает заглянуть.

Прилет жаворонка у славян традиционно связывался с приходом весны. У западных славян считалось, что 2 февраля, в день Громничной Божьей Матери, или на Сретение, жаворонок непременно должен пискнуть, даже если он рискует в эту пору замерзнуть; а позже св. Агнешка выпускает жаворонка из мешка или из-под камешка прямо в небо. Украинцы связывали прилет жаворонок с душами предков, раз в год навещавших родную ниву (ср. традиционное представление душ умерших в птичьем облике); кое-где считалось даже, что жаворонки — это святые души, которые приносят весну и отогревают землю от зимнего сна. У белорусов был обычай дарить от всей деревни булку тому, кто первым увидит или услышит жаворонка, чтобы этот человек в продолжение целого года «заявлял о том, что может случиться в деревне».

В народных песнях жаворонок воспевался как птица, которая на своих крыльях приносит весну: «Ой

чому ти, жавороночку, / Рано з вирия вилитав? / Ище по гороньках сниженьки лежать, / Ище по доли-нах криженьки стоять. / Ой коли пора прийшла, / Неволенька вийшла! / Ой я тий криженьки крилечка-ми розжену, / Ой я тий сниженьки ногами потопчу».

В России и на Украине в день Сорока мучеников (9/22.III), а на Русском Севере также на Алексеев день или на Благовещение (25.III/7.IV) пекли из теста маленьких птичек — «жаворонок»; их обмазывали медом, золотили им крылья и головы сусальным золотом и ходили с ними закликать весну. Иногда этих «жаворонок» также оставляли в сарае или давали овцам, детям, одного бросали в печь. В Малороссии дети бегали с ними на улицу «кликать лето», а потом шли в поле и кричали: «Жаворонок, жаворонок, на тебе зиму, а нам лето». Иногда в одного из «жаворонок» запекали лучинку или монетку, и кому она доставалась, тот и должен был начинать пахоту и сев, которые во многих местах приурочивались как раз к прилету жаворонок.

ЖАРЕНИЦА — существо, живущее в гороховом поле, а также в огороде и даже в овине. Жареница, в народных поверьях, — полуденный дух, воплощение солнечного удара, а также жара вообще; очевидно, она была подобна полуднице, однако, в отличие от нее, могла выступать не только в женском, но и в мужском облике (жареник).

Жареница обычно показывалась либо в облике молодой девушки с распущенными волосами и в белых одеждах, либо в облике сияющего существа (так, про жареницу говорили, что она «вся так и горит и светится»).

Жареница, по поверьям, показывается обычно в поле в жаркую летнюю пору, чаще всего во время созревания и уборки урожая. Считалось, что она, подобно полуднице, может вредить людям, работающим в поле в полдень: поражает людей солнечным ударом, наводит мороки и т.п. Ребятишек нередко пугали жареницей, чтобы они не рвали в поле горох.

В некоторых местах верили, что жареница может показываться не только в поле, но и в огороде. Так, считалось, что она может иногда бродить между грядок, бегать по огороду и т.д.; хозяйке, пропальвающей огород в «нечистое» время, она может навредить, наслать головную боль и т.п.

Жареница иногда считалась не только духом летнего полуденного жара, но и персонификацией жара вообще. Так, в некоторых местах верили, что жареница связана с печным жаром и может показываться в

Жар—цвет

доме у печи или даже в печи; иногда считалось, что она может жить в подовине у печки.

ЖАР—ЦВЕТ, Перунов цвет — цветок папоротника; олицетворение молнии. По народным поверьям, папоротник цветет в самой глуши леса, там, где не слышно пения петухов; зацветает он в полночь, и тогда начинается страшная гроза. Считалось также, что папоротник цветет один-единственный день в году, на Ивана Купалу, когда Перун выступает на битву с демон-иссушителем; впрочем, в некоторых местах при этом верили, что папоротник иногда цветет также и в бурногрозовые (воробыиные) летние и осенние ночи, а также в канун Ильина или Петрова дня. Когда он зацветает, ночь бывает яснее дня и море колыхается. Бутоны цветка папоротника разрываются с треском и распускаются золотым или красным, кровавым пламенем, подобным молнии; показывается этот цветок в то же время, когда клады, выходя из земли, горят синими огоньками.

Согласно народным поверьям, как только зацветает Жар-цвет, его тут же срывает и уносит нечистая сила. Поэтому, чтобы добыть его, нужно загодя найти куст папоротника, очертить вокруг него круг ножом, разстлать скатерть и, сидя в круге, не сводить с папоротника глаз (другой вариант: зажечь освященную на Пасху свечу, взять в руки полынь или другое растение, которого боится нечистая сила, и, сидя в круге, читать Евангелие или Псалтырь); как только загорится цветок, нужно тут же сорвать его, накрыться скатертью и спешить домой, не оглядываясь (иногда советуют не выходить из круга до рассвета, «иначе нечистая сила вырвет цветок»). Дома тем же ножом разрезать палец или ладонь руки и в рану вложить цветок. До того, как цветок будет сорван, нельзя выходить из круга и оглядываться по сторонам («как повернешь голову, так она и останется навеки»); по дороге домой также нельзя оборачиваться, иначе цветок тут же исчезнет. Считается, что нечистая сила будет всячески отвлекать человека, стараться не дать ему взять и унести цветок: будет шуметь, наводить на человека беспробудный сон, пугать его и т.п.; если человек поддастся нечистой силе, испугается, то погубит себя.

Впрочем, в некоторых местах считалось, что добыть цветок папоротника можно и случайно. Например, у русских была известна быличка о мужике, которому цветок папоротника случайно завалился в сапог, когда тот шел через лес; после этого мужику открылось «все тайное и явное», и он увидел клады, сокрытые под землей; но придя домой, мужик снял сапоги, цветок вынул и тут же исчез, а мужик немедленно забыл все то, что видел.

Тот, кто добудет цветок папоротника, по народному убеждению, получает необыкновенную силу: он не боится ни бури, ни грома, ни воды, ни огня; делается недоступным влиянию чародейства и может сам стать чародеем; может отомкнуть любой замок и видит спрятанные клады; становится вещим человеком, угадывает мысли и понимает язык растений, птиц и животных;

может стать невидимым; будет счастлив всю жизнь; сможет добыть целебное муравьиное масло, которое сбивают муравьи в ночь на Ивана Купалу, и т.д.

ЖЕЛЯ (Журба) и **КАРНА** (Кручина) — сестры-плакальщицы, божества погребального обряда, оповещающие народ о смертельной встрече и, вероятно, сопровождающие человека на первых его подступах к загробному миру. Эти две сестры упоминались, в частности, в «Слове о полку Игореве» в связи с гибелью полков Игоря: «О, далече зайде сокол, птиц бья — к морю! / А игорева храбраго пльку не кресити... / За ним клилку Карна и Желя поскочи по Русской земли / Смагу людем мычючи в пламяне розе. / Жены руския всплакашась...»

Судя по некоторым мифам, Карну и Желю славяне представляли себе красивыми, но печальными девами, облаченными в длинные черные одежды, с бледными лицами и длинными черными волосами. Считалось, что эти скорбные девы, похожие на зловещих черных птиц, летают над полем боя и над поверженным войском, плачут и причитают над убитыми.

Собственно, слово «желя» обычно означало плач, скорбь по умершим, погребальный плач (отсюда жальник, могила), а также употреблялось в смысле «повинность» (так, в некоторых поучениях этим словом обозначали «складчину», когда на какой-либо праздник каждая хозяйка приносила свою долю продуктов, ср.: «А се грехи: ...желя Роду и роженицам по рождестве в пнд [понедельник] — муку варити святей богородици, а Роду примолвливающе»). В славянских поверьях Желя выступала как олицетворение сострадания, скорби и жалости, а также печали и тоски; она сжигает, душит «горечью жара-смаги», который извергает из огненного рога (образ ее в поэме был взят, по-видимому, из византийской военной техники: греки из больших труб метали огонь на русские корабли и тем сжигали их; возможно, такие огнемётные трубы, изображаемые на миниатюрах, и стали прообразом «пламенного рога», с помощью которого богиня печали сеяла тоску по Руси).

Кара — это плач по умершим (так, в Ипатьевской летописи 1262 г. описывается смерть жены литовского князя Миндовга: «...и поча карити по ней»); князь поехал за сестрой покойницы: «а поеди карить по своей сестре... Оной же приехавши карить»). Карна, очевидно, представлялась воплощением печали, плакальщицей, вопленицей, исполнявшей ритуальные причитания; так, в «Слове о полку» ее действие — кликнуть, т.е. оплакать умерших, что в славянской традиции считалось обязательным: так, плачи по мертвым с древнейших времен были чрезвычайно разнообразны и составляли неотъемлемую часть славянской традиции.

ЖЕРТВА — в языческой традиции главный религиозный обряд; руководили им волхвы, жрецы,

Жертва

название которых в русском языке родственно слову «жертва».

Жертвы с древнейших времен приносили богам и духам природы, ожидая, что те в благодарность одарят людей хорошим урожаем, приплодом скота и т.п. (ср.: христиане) веруют в Перуна и Хорса и в Мокошь...и в вилы, их же числом 30 сестрениц. Глаголють бо невелики то все мнать богынями и тако подкладывают им требы и кур им режут», и т.п.) При этом жертвы предназначались не только добрым и милостивым, но и злым божествам, так как зло, по мнению людей, следовало умиловать в первую очередь, чтобы отвести беду, предотвратить возможные злые выходы со стороны бесов и пр. Помимо этого, жертвы также приносились душам умерших, сближаемым с другими стихийными духами: живые символически «кормили дядов», умерших предков, считая, что те в ответ позаботятся о плодородии земли, о необходимом молодым посевам дожде и пр.

Жертвы приносились во многих случаях: в большие годовые праздники, во время полевых работ, промысла и пр., а также на свадьбах и похоронах, в дни поминок, при строительстве и т.п., т.е. во все те дни, когда земледельцам могли понадобиться помощь и покровительство неких высших сил. Так, например, жертва, по мнению славян, была необходима для успешного завершения строительства дома, города и т.п.; в древности в таких случаях нередко совершали ритуальное убийство людей, животных и пр., а позднее стали приносить более невинные жертвы (так, во многих местах обычно в качестве строительной жертвы использовали череп лошади, который закладывали под фундамент дома, а также петуха и курицу, которых резали при строительстве жилища).

Моления об урожае и различные заклинательные действия, обращенные к силам природы и к духам добра и зла, производились повсеместно; и пунктом обращения к этим силам и принесения им жертв («треб») могло быть и отдельное жилище, и площадь селения, и ключ-родник, и луг за околлицей, и берег реки, и лесная поляна, и нива. Одни ритуальные действия не требовали почти никакого реквизита, кроме венка из цветов, свежесорванной ветки березы или разведенного на берегу костра; для другого вида ритуальных действий требовались те или иные сооружения, иногда временные (на одно празднество), а иногда и постоянные «капища» для принесения жертв, снабженные деревянными или каменными изображениями языческих богов. Одни обряды замыкались только внутри дома и усадьбы одной семьи, другие собирали на «пиры идольские» и жертвы-«требы» всех мужчин села в общесельскую «контину» (угол), а женщин в «беседу»; были и такие святилища, к которым стягивались люди на «событие» (т.е. на совместное пребывание «событие») со всего племени или даже из нескольких соседних дружественных племен (датируются такие «требища» началом I тысячелетия

до н.э., но совершение языческих обрядов там продолжалось вплоть до XV в. н.э. несмотря на то, что на месте многих значительных требищ были построены церкви или монастыри).

Обычным местом для жертвоприношений у славян считались деревья, особенно стоящие у воды (источника). Например, у дуба, росшего на острове Хортица (остров св. Григория), русские некогда втыкали стрелы и приносили в жертву петухов, кусочки хлеба, мясо и т.д.; эти жертвы должны были обеспечить успешное плавание либо являлись благодарственными за благополучное возвращение. У деревьев жертвы приносились и в XX в.: так, под деревом дружка рубил голову петуху во время свадьбы, а затем окроплял присутствующих жертвенной кровью петуха; на деревьях хозяйки во время весенних празднеств развешивали холсты в жертву русалкам, и т.д. Недаром различные поучения против язычества долгое время запрещали и порицали моления в священных рощах (ср., например, челобитную грамоту новгородских священников, датированную 1636 г.: «Въ седьмый четвертокъ по насце собираются жены и девицы подь древа, подь березы, и приносятъ яко жертвы пироги и каши и яичницы поклоняяс березам оучнугъ походя песни сатанинские приплетая пети и дланми плескати, и всяко бесятся»; между прочим, этот обряд принесения жертв в рощах сохранился, хотя и в несколько измененном виде, вплоть до XX в.).

Не менее часто местом принесения жертв служили и разнообразные источники, реки, озера и пр. (ср.: «Бяху же тогда погани, жруще езером и кладзем и рощением», «Ты (человек) бога оставив, рекам и источнику требы полагаеши и жрещи яко богу твари бездушной», «Ов требу сътвори на студенъци — дъжда иски от него, забыв, яко бог с небес дъждь дасть...» и пр.). В земных водоемах, соотносимых в народной традиции с небесным дождем, с древнейших времен топили разнообразные припасы, животных и даже людей, предназначая эти жертвы небесным богам, «заведующим» небесными водами, столь необходимыми для урожая. В воду в виде своеобразной жертвы кидали даже венки, а также соломенные «купальские» куклы, заменившие, возможно, настоящие человеческие жертвы.

Но вообще жертвоприношения у славян могли совершаться где угодно и когда угодно. Например, кровавые жертвы во время главных календарных праздников нередко приносили дома: так, на Рождество у южных славян резали овец, кур на пороге дома или на рождественском полене — бадняке (его поливали святой водой, вином, посыпали зерном); мясо съедали во время рождественской трапезы (голову оставляли к новогоднему столу), а рогом жертвенного животного ударяли по фруктовым деревьям с приговором: «я тебя рогом, ты меня урожаем».

Летние праздники — Петров день, Ильин день — также обычно сопровождалась закланием жертвенных животных (быков, волов, баранов, петухов) и общей

обрядовой «братчиной»; такие жертвы приносили иногда и у церкви. Жертвенными животными Ильи-пророка считали барана или быка («ильинского быка»); жертвоприношение в Ильин день должно было избавить от ливней и гроз, обеспечить урожай и т.п. Бык считался также жертвенным животным Миколы, св. Николая. Обещанный на заклятие («обетный») скот пригоняли к церкви на праздник, где священник благословлял его; затем скот закалывали, а мясо варили в котлах и съедали, раздавали богомольцам и т.п. На Русском Севере существуют архаичные предания о коровах, некогда выходивших из воды, чтобы быть принесенными в жертву, об оленях, выходивших для этого из леса, и т.п.; но люди, приносившие жертвы, были жадны и забивали слишком много животных, поэтому они перестали появляться.

Бескровные жертвы — зерно, еда, питье, ткани и прочие «обетные» предметы — приносились славянами преимущественно в священных урочищах, у деревьев и источников, реке — в домах, на дворе. Так, например, кашу, сваренную из зерен разных злаков и плодов (варицу), крестьянки бросали в день св. Варвары (4.XII) в источник с приговором: «Мы тебе варицу, а ты нам водичку, ягнят, козлят». Кашу, яйца и вообще еду крестьяне традиционно приносили в жертву лешему и полевому, особенно тогда, когда ожидали от этих духов какой-либо услуги; приношения лешему оставляли обычно где-нибудь в лесу или в поле (ср. обычай оставлять лешему яйцо в лесу на перекрестке дорог, чтобы он вернул заблудившуюся корову). В жертву водяному мельники лили в воду водку, кидали соты с медом и творог, хлеб и пр., а иногда даже бросали мертвых животных; кроме того, по слухам, ходившим среди крестьян, мельники иногда могли приносить в жертву и случайных путников, оглушая или усыпляя их и затем бросая под мельничное колесо. В жертву домовому хозяйки оставляли на ночь на столе горшок каши; в некоторых местах также в качестве жертвы затыкали в щели дома остриженные ногти, волосы и т.п. Вообще, для славянской традиции характерны были мелкие приношения духам (демонам, нечистой силе, покойникам и пр.) в качестве умиловительной жертвы.

ЖИВА — в западнославянской мифологии богиня, олицетворявшая собой весну и лето, юность и красоту, связанная с плодородием и жизненными силами, считавшаяся предвестницей солнца и воплощавшая жизнь как таковую (Жива — сокр. форма имени Живена, или *Ziewonia*, что означает «дающая жизнь»; ср. санскр. *dziv* — живу, *dziva* — живой). Живу почитали богиней, воскрешающей природу, дарующей земле плодородие; и само ее имя было родственно «всему, что служит условием жизни» (ср.: жито, житница, житник, живность, живот, жиле, жира, житуха [хорошее, привольное житье], жировать [жить в изобилии], жировой [счастливый], зажиточный, жировик [домовой], пажити, живица и пр.; а также выражения

тина: «вода заживает» [о весеннем половодье], «жизнь моя!» [как самая нежная, задушевная ласка] и т.п.). Кроме того, Живе традиционно приписывалось и покровительство брачным союзам. В мифах и поверьях Жива в общем соответствовала восточнославянской богине Леле, Ляле и отчасти ее матери — Ладе.

Поклонение Живе совершалось в первую очередь весной, в начале мая. По некоторым легендам, именно в это время сама богиня (т.е. весна), представляемая обычно в виде прекрасной светоносной девы с колосьями и цветами в руках, появлялась на полях в окружении своих прислужниц-живиц (подобных вилам и русалкам); при ее приближении земля пробуждалась, зацветали цветы, появлялась первая зелень, начинали петь птицы. Жива выступала как олицетворение той животворной силы огня и воды (солнца и дождя), которая возвращала землю к жизни и пробуждала в ней плодородные силы.

Согласно летописным источникам, «Божеству Живе было устроено капище на горе, названной по ее имени Живец, где в первые дни мая благоговейно сходился многочисленный народ испрашивать от той, которую почитал источником жизни, долговременного и благополучного здравия. Особенно же приносились ей жертвы теми, которые слышали первое пение кукушки, предвозвестившее им столько лет жизни, сколько раз повторялся ее голос. Думали, что высочайший владыка вселенной превращался в кукушку и сам предвещал продолжение жизни; поэтому убийство кукушки вменялось в преступление и преследовалось от правителей уголовным наказанием».

При христианстве культ богини Живы, по видимому, был заменен культом Параскевы Пятницы. На это указывают общие для богини и для святой функции покровительниц плодородия и брачных союзов, ведающих и самой судьбой и жизнью людей, а также дни поклонения: так, Живе, как и святой Параскеве, некогда посвящалась пятница, которая у западных славян тесно связывалась с именем богини (известно, что у литовцев пятница называлась *Seewa*, а у чехов — *Siva*, *Siwa*, *Ceres* — от имени богини; у немцев также была известна богиня *Frey a*, аналогичная по своим функциям богине Живе, откуда у них *Frevtag* — пятница).

ЖИРОВИК, жировый, лизень — домашний дух (название восходит к глаголу *жить*).

Согласно народным поверьям, жировик любит тепло, поэтому живет за печкой или в подполье, иногда — в овине или в трубе, за квасницей, в голбце. Считалось, что жировик невидим; по ночам он возится с посудой, вылизывая ее, а днем вертится возле печки, стараясь лизнуть блины или оладьи, которые печет хозяйка. Язык у него большой и очень шершавый, как

По созвучию со словом жирный жировиком, жировым могли также называть человека, который живет счастливо и богато, «жирует».

ЖИТНЫЙ ДЕД

терка, поэтому посуда, которую он вылизывал, обычно сверкает чистотой.

В некоторых местах жировиком называли домового, постоянного попечителя дома, любящего довольство и достаток. Так, в некоторых поверьях жировик — «настоятель жиры», хозяин всего двора (в том числе и дома); он заботится о скоте, предсказывает будущее («вещует») и т.д. Иногда он буйнит, но его буйный нрав сказывается преимущественно тогда, когда он «жирует в пустых хоромах»; если же он начинает возиться и буйствовать в жилой избе, то говорят, что «в доме нет больше жиры», домовый не любит живущих и выживает хозяев из дому. См. также *Домовой*.

Житный дед — см. Полевик.

ЖИХАРЬ — дух, обитающий в доме; вероятно, одно из названий домового. Так, жихарями (в значении «старожилы», «домоседы», «зажиточные хозяева»)

в некоторых местах именовали духов — обитателей и попечителей всей усадьбы: домового, дворового, овишника, банника. Так, на Русском Севере жихорюшко-

баталушко — дворовой, который живет на конюшне и заплетает хвосты лошадям; жихорько — домовый, который иногда по ночам давит, «наваливается к худу или к добру» и т.д.

В некоторых местах жихарем называли злого духа,

однако, что в присутствии матери жихарь не осмеливается трогать ребенка; для того же, чтобы обезопасить дитя от жихаря в свое отсутствие, мать, выходя из дома, клала в зыбку ножницы и вертяной камень, а под зыбку, на пол, — старый веник, считая, что в этом случае жихарь будет бессилен и не сможет навредить ребенку. Возможно, что такие поверья о жихаре — злом духе были связаны с поверьями о том, что домовые духи (домовой, дворовой, подпольник) иногда похищают детей, особенно если мать сама «отдала» им ребенка (т.е. прокляла его, «посулила» и т.д.).

Журба — см. Желя и Карна.

ЖЫЖ — у белорусов дух огня, молнии (от жечь, жгу, малор. жига — огонь). Считалось, что жыж постоянно расхаживает над землей, испуская из себя пламя; и если он ходит тихо, то согревает землю (вероятно, в этом случае он олицетворяет солнечное тепло, жар); если же движения его быстры, то он производит пожары, истребляющие леса, сенокосы и нивы. По-видимому, этот дух являлся персонификацией того жара солнечных лучей, исходящего с неба, который мог либо согреть землю и тем способствовать росту и созреванию хлебов, либо нещадно налить, создавая губительную засуху, из-за которой возникают пожары и хлеб засыхает на корню.

ЗАГОВОР — словесная формула, призванная воздействовать на человека или его окружение (на хозяйство, скот, погоду и т.д.). Как правило, любое магическое действие сопровождалось каким-либо заговором.

Заговоры обычно состояли из трех частей. Сначала шло вступление: человек крестился, благословлялся, поминал море-океан, бел-горюч-камень алатырь и пр.; затем следовала вторая половина заговора, состоящая из какого-то иносказания или примера; после этого заговорщик обращался собственно к своему случаю. Заговор оканчивался каким-либо «скрепляющим», «запирающим» заговор выражением, например: «слово мое крепко», «быть по-моему», «аминь» и т.п.; нередко также чтение заговора сопровождалось определенными движениями рук, чтобы «удержать силу слов» или «запечатать замок».

Заговоры обычно сохранялись в строжайшей тайне. Читали их шепотом, так, чтобы не услышал посторонний человек; делали это для того, чтобы заговор не лишился силы и остался собственностью заговаривающего. Кроме того, считалось, что, обнаружив заговор гласно, человек сам лишается способности заговаривать и будет «молоть одни бессильные слова». Передать же силу заговора можно, по народному поверью, только младшему летам.

Часто считалось, что заговор подействует только в том случае, если заговаривающий умеет правильно произносить его, т.е. произносит заговор «не только языком, но и душой», и при этом соблюдает все необходимые условия и приемы. Иногда также считали, что заговор действует только на верующих в его силу.

Заговоры обычно сопровождалось какими-либо магическими действиями. Так, для того, чтобы избавить больного от лихорадки, над больным связывали вместе веточки дерева и читали заговор, в котором просили дерево забрать болезнь у человека и, угрожая в случае отказа оставить веточки связанными. Для того, чтобы приворожить человека, заговор читали над водой или питьем, которые потом давали выпить своему избраннику. Для того, чтобы испортить человека, на ветер бросали щепоть волшебного порошка и читали заговор; произносили заговор над восковой куклой человека; читали заговор над предметами, которые потом бросали на перекрестке, и т.п.

По некоторым поверьям, если употребить заговор во зло, то заговор подействует только в этот раз, после чего человек потеряет способность заговаривать. Употребить заговор во зло — значит употребить его не по назначению, неправильно. Так, рассказывали, что знахарь заговорил червей на собаке с помощью заговора,

составленного для скотины и лошадей; после этого случая черви знахаря больше никогда не слушались, так как он «употребил заговор во зло».

По некоторым поверьям, заговоры подействуют, только если их произносить в определенное время, в определенном месте и т.д. Так, некоторые заговоры читались натошак, на пороге, в чистом поле, лицом к востоку, на ущерб луны, по «легким» (вторник, среда, суббота) или «черным» (понедельник и пятница) дням; на ветер, над проточной водой, на восходе или на закате солнца, под осиной или под связанными сучьями берез, над волосами, ногтями, следом или вещами, над ковшом воды и т.д. Кроме того, при чтении заговора иногда должны были соблюдаться особые условия (например, у заговорщика должны быть целы все зубы, ит.п.).

Согласно народным поверьям, колдуны и ведьмы читают свои заговоры в какие-то определенные дни года. Так, по некоторым поверьям, таких дней в году бывает 33: 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19, 20 января; 11, 17, 28 февраля; 1, 4, 14, 24 марта; 3, 17, 18 апреля; 7 и 8 мая; 17 июня; 17 и 21 июля; 20 и 21 августа; 10 и 18 сентября; 6 октября; 6 и 8 ноября; 6, 11, 18 декабря. По другим поверьям, заговоры колдуны обычно произносят в большие праздники; в первую и последнюю четверть луны или же в полнолуние и новолуние; в равноденствие, в воробьиные ночи и т.п. Нередко вообще полагали, что колдуны и ведьмы могут причинять людям зло с помощью заговоров в любое время.

ЗАЛОЖНЫЕ ПОКОЙНИКИ - «нечистые» покойники, умершие насильственной и преждевременной смертью: убитые или погибшие в результате несчастного случая; самоубийцы; умершие молодыми; проклятые или вступившие в контакт с нечистой силой. Их не закапывали в землю, а «закладывали» кольями, ветками или досками, оставляя тело на поверхности земли, так как считалось, что могила не станет «держат» в себе заложного покойника, тело его останется нетленным и покойник будет бродить по ночам, причиняя вред людям.

Согласно народным поверьям, заложные покойники («мертвяки», «упыри», «нечистики», «вешальники» и т.п.), как и другая нечистая сила, появляются по ночам, бродят по земле, пугают и преследуют людей, заводят на бездорожье путников; проникают в дома своих близких родственников, мучают их, являются им во сне, вредят в хозяйстве; могут наслать болезни. Заложные покойники управляют природными стихиями и насылают разного рода бедствия: грозу, бурю, затяжные дожди, заморозки, неурожай, пожары,

Запечельница

засуху, град и т.п. Вихрь или буря, по народному поверью, поднимаются в момент смерти колдуна, ведьмы или в момент смерти самоубийцы. Верят, что души самоубийц приносят непогоду: они летают в тучах, высывая град на посевы, туда, куда укажет предводитель тучи (дьявол, чернокнижник и т.п.).

Заложивши покойниками называли в первую очередь самоубийц. Самоубийство считалось страшным грехом; верили, что души самоубийц отходят к дьяволу. Дома самоубийц разрушали; дерево, на котором кто-то повесился, обязательно срубали, считая, что иначе на нем непременно повесится еще кто-нибудь. Считалось, что самоубийца «ходит» после смерти семь лет в своем прежнем облике, появляясь в полнолуние, в полночь на месте своего самоубийства: повесившийся в лесу появляется на дереве, где он свистит, кричит и раскачивается на ветке; утопленник показывается в воде или около воды на берегу и т.д. Увидев человека, самоубийца старается догнать его и убить (задушить, утащить в реку), заманить в глухое место, принудить часами блуждать по лесу. Самоубийцы после смерти становятся привидениями, вампирами или водяными, русалками, лешими и т.д.

Заложивши покойниками, упырями считали также умерших колдунов и колдуний (ведьм). Считалось, что их за грехи не принимает земля; нередко верили, что если колдун умрет раньше положенного ему срока, то будет оставшиеся годы бродить по земле и вредить людям. Считалось, что колдуны нередко становятся после смерти упырями; они могут приходиться по ночам в свой дом и досаждают своим близким.

Считалось, что погребение заложных покойников в земле в границах освященного церковью сельского кладбища непременно вызовет засуху, градобитие, заморозки; местами захоронения или выбрасывания заложных покойников должны были служить пустыри, овраги, топи, в крайнем случае, — места вблизи кладбища, но обязательно за пределами его ограды.

Для предотвращения стихийных бедствий или эпидемий погребенных «нечистых» покойников (из числа недавно похороненных) выкапывали из могилы и относили труп за границу сельских угодий, бросали его в глухих отдаленных местах и т.д. Стараясь обезопасить себя от вредоносного влияния, отсекали «нечистому» покойнику голову или конечности, забивали в его тело осиновый кол или острые металлические предметы, переворачивали труп лицом вниз и т.д. Нередко труп сжигали; при этом верили, что, когда костер разгорится, из огня поползут различные гады, которых также нужно сжечь, иначе, если от огня уйдет хоть одна гадина, вместе с ней ускользнет и упырь. При засухе трупы заложных покойников или надгробный крест с их могил топили в воде, а сами могилы поливали водой.

Если умерших «не своей» смертью приходилось хоронить по христианскому обычаю в земле, их хоронили босыми или со связанными ногами, чтобы они «не ходили»; подрезали сухожилия под коленями; на

шею умершему клали косу или серп; делали гроб из осины или забивали в крышку гроба осиновый кол; рассыпали у могилы мак; на могилу сыпали угли из своей печи или ставили горшок с горящими углями. Кроме того, ставили на могилу (которая делалась либо на перекрестке, либо на болоте) кресты или часовенки «для охраны», и т.п. Считалось также, что если руки покойного заостенели после того, как их крестообразно сложили, то «мертвяк», вышедший из могилы, не сможет ими пользоваться и потому сможет вредить людям только с помощью своих острых зубов.

Само место смерти или погребения вне кладбища заложных покойников считалось в народе «нечистым» и опасным, его старались обходить стороной. Если же необходимо было пройти мимо могилы заложного покойника, то считалось необходимым бросить на могилу палку, ветку, щепку, ком земли, камень, горсть соломы, сена; если этого не сделать, «умерший будет вслед гнаться», «висельник буде пужать», «буде водити по лису» (т.е. человек заблудится); мертвец будет преследовать, сядет на воз, начнет мучить коней и т.п. Избавиться от поднявшегося из могилы покойника можно было, как и от другой нечистой силы, ударом наотмашь (особенно если бить тележной осью). Для защиты дома от упырей использовали чертополох и осот-траву.

Специальным днем для поминовения всех заложных покойников у восточных славян считали Семик — четверг на седьмой неделе после Пасхи. В17-18вв.в этот день под давлением церкви устраивались массовые захоронения в общей могиле всех оставленных без погребения (на поверхности земли) трупов заложных покойников с молебствиями и отпеванием. В Семик поминали своих безвременно скончавшихся родственников, детей, умерших неокрещенными, и дочерей, умерших до вступления в брак.

ЗАПЕЧЕЛЬНИЦА — женский домашний дух, обитающий за печью. Она могла восприниматься и как благосклонный к людям дух, покровительствующий хозяйству, и как проказливый или даже злой дух, сходный с кикиморой.

Так, в поверьях Русского Севера женского духа-запечника именовали запечельной марой и считали его скорее злым духом, чем добрым. Считалось, что запечельная мара обитает за печью, но нередко выходит оттуда по ночам и прядет, в том числе допрядая пряжу, оставленную хозяйками без благословения («Говорят, положи прялку благословясь, а то придет запечельница»).

Она может также, подобно кикиморе, буянить в доме, разбрасывая вещи, шумя, ломая домашнюю утварь и т.д.

В некоторых местах духа-хозяйку дома называли бабкой-запчельницей, запечельной бабушкой и представляли ее в облике старухи (обычно невидимой). Согласно поверьям, она покровительствует хозяйству и помогает хозяйке; она — добрая бабушка, которая заботится о хозяйстве и о всей семье. Очевидно, в

Заригачник

поверьях о таком добром духе-покровителе семьи отразилось представление о самой старшей женщине в доме, родоначальнице и покровительнице семьи. Очевидно, бабкой-запечельницей становилась после смерти первая хозяйка дома так же, как домовым становился первый хозяин, предок-основатель дома.

Заригачник — см. Рижный.

ЗАРЯ. Зоря, Дива, Дивия — богиня зари, а также молнии, зарницы; сестра Солнца. При этом нередко различали Утреннюю и Вечернюю Зарю, называя их сестрами; считалось, что одна из них предшествует восходу Солнца, выводит для него его белого коня, а другая провожает Солнце на покой; таким образом, сестры постоянно находятся при светлом божестве и прислуживают ему.

В принципе, Заря в легендах и поверьях редко выступала как богиня-громовница, подобная скандинавским валькириям. Ее считали воинственной девой, разгоняющей мрак и туман своими яркими лучами, побеждающей облачных демонов молниеносными стрелами. Ей даже молились о защите «от врага, от копыя, от стрельы» и пр. Но в поверьях XIX в. Заря воспринималась уже по большей части не как некое мифическое существо, а именно как явление природы. При этом у крестьян вечерняя заря считалась особо опасным временем, как пора умирания солнца, а с ним как бы и всей жизни; так, на закате люди старались не спать и даже будили малышей, ибо сон в эту пору сулил скорую смерть. Утренняя же заря (пора появления, воскресения солнца) считалась временем добрым и благоприятным для любых начинаний. Так, например, на семь утренних зорь земледельцы выставляли приготовленное для посева зерно; на Власия выставляли на три морозные утренние зори всякие семена, которые потом подмешивали в меру при севе в надежде на обильный урожай; на первую утреннюю зорю выставляли лучший из всей пряжи моток, считая, что от этого ровнее, белее, больше и добротнее становится вся пряжа. На заре нередко совершались и различные магические действия. Заговоры произносились, как правило, на утренней или вечерней заре; при этом утром обращались к востоку, а вечером — к западу, называя вечернюю зарю Маремьяной, а утреннюю Марией. В фольклоре утренняя заря обычно называлась «ясной», а вечерняя — «темной»; на древнерусских миниатюрах утренняя и вечерняя зори изображались как две женщины соответственно огненно-красного и зеленого цветов.

ЗАСУХА — стихийное бедствие, по мнению крестьян, посылаемое свыше в наказание за грехи (подобно граду или буре).

Главной причиной засухи в народе считалось «осквернение земли», т.е. погребение нечистых покойников — самоубийц, утопленников, колдунов и т.п. которых земля «не принимает»; поэтому для прекращения засухи могилы нечистых покойников

нередко разрушали, а «нечистые» трупы выбрасывали в воду. Несколько смягченным вариантом этого обычая был ритуал снятия с нечистой могилы креста (прежде кресты на таких могилах не ставились), обливание могилы водой и т.п.

Очень часто наступление засухи связывали с вредоносным влиянием каких-либо сверхъестественных существ. Считалось, например, что засуху могут вызывать русалки и ведьмы, вилы и колдуны, черти и бесы, водяные и вообще многие нечистые духи. Наслать засуху они могли либо по своей природной злобе, либо в наказание за непочтительное к ним отношение или какие-либо прегрешения.

Еще одной распространенной причиной засухи считалось нарушение запретов, связанных с землей. Так, например, согласно народным верованиям, земля «спит» от Воздвижения (14/27.IX) до Благовещения, и прикосновение к ней в это время недопустимо: нельзя копать, рыть ямы, вкапывать столбы и т.п. Сооружение заборов, оград и построек весной, до Благовещения, по мнению крестьян, приводит к «загораживанию» дождя летом, поэтому в случае засухи такие постройки и заборы разрушали, чтобы «искупить грех» и освободить дождь.

Нарушение запрета на ткаческие работы (снование, прядение, тканье и др.) было опасно тем, что работающий в неурочное время мог «засновать» дождь; если такой грех раскрывался, то во время засухи обливали водой повинную в нем женщину или ткацкий станок, который могли даже вытаскивать из дома и ломать. Считалось также, что засуху может навлечь на округу роженица, не совершившая в церкви положенный очистительный обряд («вводины») через шесть недель после родов.

Причиной засухи, по народному убеждению, могли стать и некоторые действия с огнем. Так, магическая связь огня, очага, печи с засухой (небесным огнем) лежит в основе представлений о том, что печь хлеб, жарить что-нибудь в праздник Благовещения, когда такие действия запрещены, — грех, влекущий за собой засуху: «будет так печь, как печется на сковороде». Виновником засухи мог быть и тот, кто складывал печь в период между Пасхой и Юрьевым днем. Нередко виновниками засухи считали также черепичников и гончаров, так как их ремесло было связано с огнем, печью, обжигом. В западной Болгарии верили, что черепичники, нуждающиеся в ясной, сухой погоде, закапывают в землю осленка или кошку для того, чтобы предотвратить дождь во время сушки черепицы; чтобы прекратить засуху, вызванную черепичниками, у них похищали кирпич или черепицу и бросали их в воду.

Для предупреждения засухи крестьяне соблюдали множество запретов хозяйственного и бытового характера (например, старались не оставлять на зиму нетрепанный лен и т.п.), а также совершали превентивные обряды вызывания дождя (например, когда пекли хлеб из муки нового урожая, кусочек этого хлеба

бросали в воду, а потом уже ели хлеб; если кусочек хлеба, брошенный в колодец, попадался кому-нибудь в ведро, его приносили домой, делили между всеми членами семьи и, перекрестившись, ели его). А для того, чтобы прекратить уже наступившую засуху, совершали различные манипуляции с водой и со всем, к ней причастным: обливали водой рожениц, совершали обрядовые похороны ужа, очищали земные источники и т.д.

ЗАЯЦ — животное, наделяемое эротической (фаллической) символикой и демоническими свойствами. В древности заяц, как и некоторые другие животные, был связан с небесными божествами; в частности, у близких славянам балтийских народов некогда существовал культ зайца (ср. описание верований литовцев XIII в.: «Жряше [приносят жертвы] богом своим вътайне: Ньнадееви и Телявели и Диверикъзу, зачему богу. Егда выехаше на поле и выбегняше заяць на поле — в лес, [в] рощения не вхожаше вну и не смеяше ни розгы уломити»).

В народной традиции заяц выступал прежде всего как символ мужской оплодотворяющей силы. Так, например, в хороводных играх восточных славян заяц нередко представлялся женихом, выбирающим себе невесту; его просили свить венки, поцеловать девушку и т.д. Старой бабе в детской припевке советовали выйти замуж за зайца. При гаданиях подблюдная песня о зайце, попавшем в ловушку, предвещала свадьбу. О девушке, которая не могла выйти замуж, говорили иногда, что она тогда замуж выйдет, когда в лесу зайца поймает. В песенном фольклоре также встречается мотив совокупления зайца с девушкой; а на свадьбе исполнение песен про зайца было нередко связано с обрядом брачной ночи и определением «честности» невесты. Метафорическими обозначениями совокупления в фольклорных текстах являлись мотивы проскакивания зайца в дырочку, заячий укус и т.п.. Заячью кровь использовали в качестве средства от бесплодия; женские органы смазывали заячьим жиром при трудных родах; кур кормили заячьим пометом, чтобы они лучше неслись. Сон о пойманном зайце предвещал женщине беременность и рождение сына; сны о зайцах нередко толковали как предстоящую женитьбу, блудодействие или «грех с женою».

Вместе с тем, заяц в народных поверьях был тесно связан с нечистой силой. Считалось, например, что он находится в полном распоряжении лесных духов, в первую очередь лешего, который, в частности, может проиграть зайцев соседнему лешему и затем перегонять их из своего леса в соседний. Считалось также, что заяц, как лесной зверь, находящийся в подчинении у лешего, неподвластен водяному, и потому водяной не любит упоминания о зайце, сердится и поднимает бурю; поэтому рыбаки на озере называли зайца табуированными именами: «кривень», «лесной барашек» и пр. По некоторым поверьям, леший может показываться в облике огромного, хромого или трехногого зайца, которого не берут пули; в быличках он перебегает

дорогу путникам, бросается им под ноги и всячески заманивает в чашу, иногда преследует человека или исчезает в вихре с шумом, хохотом или зловонием. Принять облик зайца могли также черт или ведьма и колдун; при этом про ведьм в некоторых местах рассказывали, что они имеют заячий хвост. В виде черного зайца иногда мог появляться и домовый, и дворовой, и полевой дух.

Представлением о зайце как существе опасном и «нечистом» объяснялась, возможно, примета, гласившая, что заяц, перебежавший дорогу или встреченный на пути, сулит путнику несчастье, охотнику и рыбаку — неудачу в ловле, и т.д. Заяц, появившийся вблизи жилья, забежавший в строящийся дом, пробежавший через село, служил предвестником пожара; как предвестие пожара толковался иногда и сон о зайце. О свечении синих огоньков пламени на тлеющих углях в некоторых местах говорили: «зайка по жару бегаёт»; вообще, словами «зайко» или «заенька» в разговоре с детьми нередко называли огонь или родственные ему явления, например, солнечные блики. «Огненная» символика зайца, возможно, была связана со взглядом (со взглядом «косых» глаз зайца как причиной пожара в некоторых поверьях).

У некоторых славянских народов существовал запрет употреблять в пищу мясо зайца как «нечистого» животного; запрет есть зайчатину нередко объясняли еще тем, что у зайца будто бы собачьи лапы; а беременным женщинам практически повсеместно запрещалось есть зайчатину потому, что заяц спит с открытыми глазами или у него косые глаза, способные оказывать вредное влияние на человека (в частности, на сон: считалось, например, что если беременная поест зайчатины, ее ребенок родится косым, будет страдать бессонницей, у него будет «заячий сон» и пр.). По той же самой причине не рекомендовали есть зайчатину и тому, кто страдает бессонницей; во избежание же детской бессонницы взрослые даже избегали упоминать зайца, когда укачивали ребенка или когда он просыпался. Украинцы вообще старались дома не упоминать зайца и называли его «сп'юх», давая этому разные объяснения (домашние будут спать с открытыми глазами и вообще потеряют сон, или же на ребенка нападет сонливость). При этом, впрочем, в некоторых народных поверьях нашло отражение и противоположное влияние зайца на сон: так, например, заячью кожу иногда использовали как средство против сонливости, а самого зайца упоминали в колыбельных песнях и пр., полагая, что это способствует здоровому спокойному сну детей.

ЗВЁЗДЫ — горящие на небе огоньки, которые нередко представлялись живыми существами, молодыми прекрасными девушками, летающими по небу с горящими лучинками или свечками в руках; считалось, что они играют и танцуют, водят хороводы, отчего меняется узор звезд на небе. Все звезды считались служительницами богов и богинь: так, по некоторым

представлениям, Утренницы и Денницы служат Зимцерле, богине утренней зари, а другие звезды — богам ночи и тьмы.

С приходом христианства стали говорить, что звезды — это окошки в светлом Божьем тереме; из этих окон на землю смотрят ангелы-хранители. У каждой живой души свой ангел и своя звезда: как только человек рождается, в небе открывается новое окошечко-звезда, а когда человек умирает, окно захлопывается и ангел-хранитель умершего летит за его душой на землю, приняв облик падающей звезды. Считалось, что если загадать желание в тот момент, когда надает звезда, то желание непременно сбудется, так как во время этого перелета ангелы никогда никому не отказывают.

Старые названия звезд: *Венера* — Зоряница, Утренница, Красопаня, Светлусса, Денница, иногда — Чигирь-звезда; *Марс* — Смертонос; *Меркурий* — Добропан, *Сатурн* — Гладолед, *Юпитер* — Кроломоц.

Первая вечерняя звезда, появившаяся на небе, называлась Вечерницей или Зверяницей (так как ночные хищники в эту пору выходят на охоту); последнюю звезду, погасающую на небе, называли Денницей.

Пояс Ориона некогда назывался Кичаги; считали, что это великаны, которые впятером ездят по небу на колесницах, проезжая по тысяче верст в час. Когда они становятся на небе на постой, на земле начинают петь петухи.

Арктический Пояс называли Железным Колесом. Верили, что это железный дом от земли до неба, стоящий на железном колесе; в этом доме заключены татары, которые триста лет насильничали на Руси, и этому заключению за их грехи не будет конца.

Млечный Путь называли Становищем. Считалось, что он некогда был дорогой татарам на святую Русь: верили, что он идет от железных гор, где были заключены татары. Верили также, что Становище — это разлитое по небу молоко: басурманка кормила в Становище свое дитя грудью; дитя не умело сосать грудь, поэтому молоко басурманки разлилось по небу.

Голову Млечного Пути называли Косарями и верили, что состоит она из четырех косарей, которые секут и рубят всякого встречного на небесном пути.

Большая Медведица называлась Стожары или Сажар. Считалось, что это созвездие покровительствует охотникам; однако все медведи находятся под ее защитой. Верили также, что за воровство, совершенное в давние времена, Сажар зимой наводит на медведей сон; когда Стожары глядят на землю, медведи бывают смиренными и никогда не нападают на человека.

Созвездие *Плеяд* ранее носило название Волосыни (Волосожары, Весожары, Стожары; др.-рус. Власожелы,

Власожелищи, Бабы и т.п.). Согласно древним преданиям, женщины одного из родов во время нападения врага превратились в «небесное стадо» для того, чтобы не быть плененными; считалось также, что сияние Волосынь способствует умножению скота. Кроме того, Волосыни в народной традиции соотносились с Велесом, культ которого на севере Руси и в Поволжье

соединился с культом медведя («волосатого», в табуистическом обозначении): так, охотники верили, что сияние Волосынь предвещает удачу в охоте на медведя.

Кроме того, в некоторых местах *Плеяды* называли Утиным Гнездом и считали, что это жилище каких-то духов; верили, что в последний день новолуния, когда оно горит особенно ярко, у этих духов происходит какой-то праздник. В это время по Утиному Гнезду угадывали погоду на целый месяц.

Три звезды, находящиеся подле Млечного Пути, звались Девичими Зорями. Согласно легенде, некогда эти звезды были тремя сестрами, проклятыми на роду; ни огонь, ни колдовство, ни даже нечистая сила не могли им навредить, но и с людьми эти сестры не могли общаться: заходившие к ним в дом люди обнаруживали только пустую избу, хотя, выйдя на улицу, они видели всех трех сестер, сидевших у окна. Когда сестры умерли, все в один час, их изба рассыпалась на мелкие щепки. Верили, что сестры после своей смерти стали звездами и с тех самых пор горят на небе.

Падающую звезду крестьяне называли «маньяк» или «белый путь»; появление такой звезды считали недобрым предзнаменованием и старались отговориться от него словами: «Аминь! Рассыпья!» Верили, что в виде маньяка нечистые духи и огненные змеи посещают тоскующих вдовиц или одиноких баб, у которых отсутствуют мужья.

ЗДУХАЧ — у южных славян двоедушник, человек, обладающий сверхъестественной силой, проявляющейся только тогда, когда он спит. Считается, что во время сна из такого человека выходит его дух, который пригоняет и отгоняет грозовые и градовые тучи, водит за собой ветры и т.д. Верили, что здухач охраняет поля и уголья своего поселения или рода от стихийных бедствий, порчи и т.п.

Считалось, что здухачи нередко дерутся между собой. Бои между здухачами происходят, по народным представлениям, чаще всего весной, когда дуют сильные ветры, а также в долгие осенние ночи. Вооружаются здухачи обычно обгорелыми лучинами и веретенами, но в схватке нередко используют камни и древесные стволы, вырванные с корнем.

Крестьяне нередко верили, что здухачом может быть не только человек, но и животное; зверь-здухач, по поверьям, защищает и охраняет стада животных.

Зеленые святки — см. Семик.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ - праздники, связанные с земледельческими работами; особые дни календаря, к которым приурочивались различные поверья, приметы, обычаи и пр., так или иначе связанные с пахотой и севом, созреванием и уборкой урожая, погодой и т.п. В некоторые из таких праздников запрящались работать, чтобы предотвратить возможные несчастья (град, засуху, неурожай и пр.); в другие же

Зеркало

праздники, наоборот, старались делать какие-либо дела, полагая, что это поможет в работе в обычные дни. Многие сельскохозяйственные праздники в древности посвящались каким-либо богам — покровителям урожая; при христианстве, однако, все эти дни были перекрыты днями памяти различных святых, которые, как прежде языческие божества, стали почитаться покровителями земледелия, скотоводства и т.д.

Вообще, с земледельчеством в народе связывались практически все праздники календаря, и малые, и особенно большие. Так, например, к любому дню памяти того или иного святого, установленному церковью, приурочивались те или иные приметы и обычаи, могущие повлиять на будущий урожай. Большие же праздники тина Рождества, Покрова, дня св. Георгия, св. Илии и т.д., неизменно сопровождалась множеством обрядов, обычаев, гаданий и т.д., связанных с сельскохозяйственными работами и урожаем.

Большая часть сельскохозяйственных праздников относилась к концу жатвы, т.е. примерно к августу-сентябрю. Так, в это время отмечали госпожинки (или оспожинки, спожинки — вероятно, от слова спожать, спожинать), праздник в честь окончания жатвы ярового хлеба и ржи. В этот день в церковь приносили хлеб из нового жита или колосья (а иногда и соты, и даже мясо). При окончании жатвы непременно совершались особые обряды, многие из которых, очевидно, сохранились еще с языческих времен. Так, например, на поле обязательно оставляли небольшой клок несжатого хлеба — «Волосу на бородку». Во многих местах, дожав полосу, катались по ней, приговаривая: «Жнивка! жнивка! отдай мою силку, на пест, на мелион, на колотило да на молотило и на криво веретьионо».

По окончании жатвы каждый большак (старший в семье) на своей полосе, взяв у всей семьи серпы, обвертывал их последней горстью сжатой соломы, а принеся домой, клал в передний угол; домочадцы при этом обычно молились.

Если окончание жатвы ржи, ячменя и пшеницы приурочивалось обычно ко дню госпожинок, заключительная жатва овса, по большей части, приходилась на Наталью-овсяницу (8 сентября). В этот день жнецы приносили на себе с поля последний снопок овса, сопровождая шествие песнями; дома снопок ставили «в сутки», т.е. под образа в передний угол, а потом садились за стол (причем садились все вместе — и хозяева, и работники), на котором главным кушаньем считался дежень — толокно, замешанное на кислом молоке или на воде. После этого исчисляли всю жатву (обычно суслонами, которые для ржаной жатвы составляли 13 снопов, а для яровой — 6 снопов); затем работники благодарили хозяйку за сладкий дежень и расходились по домам.

ЗЕРКАЛО — символ «удвоения» действительно, граница между земным и потусторонним миром (поэтому разбитое зеркало, т.е. нарушение этой границы, считается предвестником беды). Как и другие

границы (межа, окно, порог, печная труба, водная поверхность и т.п.), зеркало считается опасным и требует осторожного обращения. Зеркало завешивали или оборачивали его к стене, когда в доме находился покойник, иначе усопший станет вампиром и будет вторгаться с «того света» в мир живых; тем же страхом перед открытой границей в потусторонний мир объясняется строгое требование закрывать глаза покойнику. Закрытие или отворачивание зеркала, так же, как запрет смотреться в зеркало, касалось наиболее опасного времени и определенной категории лиц (наиболее подверженных опасности): так, существовал запрет смотреться в зеркало ночью, во время грозы и т.п.

Особую опасность зеркало, по народным поверьям, представляло в моменты рождения и смерти, когда происходит неизбежное пересечение границы жизни и смерти. Во время родов, как и в случае смерти, в доме завешивали зеркала и следили, чтобы роженица не могла увидеть себя в зеркале. Запрещалось также смотреть в зеркало женщине во время месячных, беременности и в послеродовой период, когда она считается «нечистой» и перед ней «открыта могила». Запрещено было подносить к зеркалу ребенка в возрасте до одного года, иначе, по поверью, ребенок не будет говорить (или долго не будет говорить, будет заикаться); испугается своего отражения, не будет спать; не будет расти; зубы у него будут болеть или трудно резаться; он увидит «свою старость», будет выглядеть старым и др. Считалось, что нельзя показывать ребенку зеркало, иначе жизнь его «отразится, перевернется».

Опасность состояла не только в соприкосновении через зеркало с «тем светом», но и в последствиях самого удвоения (посредством отражения в зеркале), грозящего дводушием, раздвоением между миром людей и миром нечистой силы, превращением в колдуну, ведьму, вампира. Однако тот же эффект удвоения мог оцениваться положительно и использоваться для защиты от нечистой силы. Существовало поверье, что нечистая сила утрачивает свои магические способности, если отразится в зеркале. Зеркало, наряду с серпом, бороной, мужскими штанами, убитой сорокой, крапивой, освященной вербой и др. предметами-оберегами, широко использовалось как оберег хлеба для охраны скотины от домовика и ведьм.

Зеркало очень часто употреблялось при гаданиях (главным образом святочных). Гадания с зеркалом совершались в специальном («нечистом») месте (в бане, на печи и т.п.) и в особое («нечистое») время (вечером, в полночь). Гадающие смотрят как бы сквозь зеркало прямо на «тот свет», чтобы увидеть жениха или знак своей судьбы (смерти). Само это действие сопряжено с большим риском: как только покажется видение, нужно сразу же закрыть зеркало или перевернуть его, иначе видение «ударит по лицу», «придет да задавит» и т.п. Сходные гадания совершались с водой в доме, у колодца, над прорубью. Для большего эффекта берутся два зеркала. Иногда зеркало клали под

ЗЛЫДНИ

подушку имеете с др. символическими предметами, чтобы увидеть суженого во сне.

Само происхождение зеркала в народных легендах связывалось с нечистой силой. Так, согласно легенде, некогда один пустынный, «не устояв противу соблазна дьявола», решил посвататься к царской дочери; царица же велела ему принести ей ту вещь, в которой она могла бы видеть себя чище, чем в воде. Выслушав ее условие, пустынный отправился странствовать в поисках чудесной вещи; в дороге он наткнулся на пустую избушку, в которой обнаружил черта, запертого и заговоренного каким-то стариком в рукомойнике. Черт обязался достать пустынному ту вещь, которую просила царица, если пустынный выпустит его из рукомойника; пустынный согласился выпустить его и снял деревянный крест, которым был накрыт рукомойник, после чего черт выскочил, встряхнулся и сделал зеркало, которое пустынный и отнес царице. Одни рассказывали, что после этого пустынный женился на царице, но был наказан тем, что повсюду видел своего двойника, который не давал ему покоя ни днем, ни ночью и, в конце концов, замучил его до смерти; другие же утверждали, что до свадьбы пустынный покался, смирился и навсегда ушел обратно в пустыню. По этой причине у раскольников зеркало считалось за прещенную вещь, созданной дьяволом.

ЗЛЫДНИ — злые духи, которые поселяются за печкой и приносят дому несчастья. Злыдни имеют неопределенно-округлые очертания; иногда они также принимают вид невидимых маленьких старичков-шпичих или маленьких существ со сморщенными мордочками, одетых в серые или черные одеяния. Обычно их бывает двенадцать; живут они за печью или под ней.

Считалось, что злыдни бродят по земле и ищут себе пристанище; попав в какой-либо дом, они доводят хозяйство до разорения, если хозяин вовремя от них не избавится. Дом, в котором поселились злыдни, покинут удача и достаток: скотина начнет хиреть и умирать, урожай погибнет, в семье начнутся раздоры, хозяев будут преследовать неудачи, и т.н. Особенно злыдни любят пьяных и нерадивых людей: преследуют их и насылают несчастья.

По некоторым поверьям, злыдни живут на старой мельнице и прислуживают Лиху Одноглазому; однако время от времени они покидают мельницу и поселяются в каком-либо доме. Доведя хозяйство до разорения, злыдни покинут дом и вернуться на мельницу, а после начнут подыскивать себе новую жертву.

Живется злыдням, как и их хозяину, очень плохо. Человек, у которого поселились в доме злыдни, никогда не выберется из нищеты. Избавиться от злыдней можно только обманом: когда бегущие за хозяином злыдни попросят понюхать табаку, посадить их в табакерку и закопать; засадить в бочку, чтоб им было просторней, и вывезти в чистое поле и т.д. Избавившись от злыдней, человек быстро богатеет, а вселившийся в дом, где живут злыдни, погрязает в нищете.

Если кто-то освободит злыдней из заточения, они набросятся на него, уцепятся и уже не отстанут.

Чтобы не занести в дом злыдня, нельзя мести веником от порога, а если мести пол к порогу, можно вымести злыдня из хаты. Злыдня можно убить колом (как и другую нечистую силу), после чего нужно непременно бросить убитого злыдня в трясину, заткнув в него кол; но если кол вытащить, то злыдень оживет снова.

Иногда считали, что злыдни бродят по свету вместе с Лихом или с Недолей; нередко злыдня даже отождествляли с Недолей и представляли их в облике старой, злобной, противной женщины, вскакивающей на плечи к человеку и едущей на нем до самой его смерти.

ЗМЕЙ — злой дух; происходит из змеи, которая семь лет не слышала человеческого голоса, или из рыбы, когда ей исполнится сорок лет. Считалось также, что змеи рождаются от сношений летающего змея с женщинами и вилами. Облик змея могли принимать и различные персонажи нечистой силы: черти, бесы, покойники, проклятые, лешие, колдуны и пр.; Баба-Яга и ее дочери в сказках и легендах также нередко змееподобны. Облик змея мог принимать и языческий бог Велес.

В народных поверьях змей может иметь самые различные облики: огромной змеи или ящерицы либо чудовища. Так, иногда считалось, что змей черный, с ведро толщиной, две сажени длиной, с огромной человеческой головой, когтистыми лапами и длинным хвостом; он говорит человеческим языком, но попятить его очень трудно. По другим поверьям, змей имеет вид покрытого панцирем огромного дракона с одной или несколькими (2, 3, 6, 7, 12) головами и таким же количеством крыльев и когтей; «голова у него шаром, спина корытом и длинный-предлинный хвост — иногда до пяти сажень». Из ности Змея вырывается пламя, сто полет сопровождается гулом, громом, бурей; часто считали, что летает он так низко, что бывает виден «от земли не свыше сажени».

Считалось, что змей способен к оборотничеству: он может превратиться в коня или в красивый, привлекающий внимание предмет, лежащий на дороге; может принять облик птицы (чаще всего орла), а также молнии, метеорита, летящих огней, огненной метлы «аршин в шесть» или даже звезды (так, на Псковщине змеем называли одну из звезд Большой Медведицы, полагая, что эта звезда ходит только в некоторых местах и там, где она останавливается в Иванов день, люди будут счастливы). Змей также способен обернуться молодым красивым нарнем (реже — девушкой), ребенком и т.д. По небу он летает в облике падающей звезды, но, в отличие от метеорита, не падает быстро, а летит порывисто, скачками, или делает дугообразный полет. Летая к женщине, змей обычно оборачивается огненным шаром; подлетая к трубе или к двери, он рассыпается искрами, которые вылетают «как бы из

Змей

решета», и проникает в дом, где оборачивается красивым молодым человеком. Находящийся в доме змей невидим для всех, кроме женщины, к которой он прилетел; однако голос змея можно слышать (он отвечает на вопросы, иногда говорит сам).

Живет змей обычно в озере, реке, колодце, болоте, лесу, пещере; нередко считали, что он обитает у моря, в лесной чащобе или в облаках, высоко в горах, в пещерах под землей и т.д. Вообще змей — существо одновременно подземное (он может обитать в подземных или горных пещерах), водное (может жить в источниках или вообще под водой), огненное (может принимать облик огненного шара, искр и т.п.) и воздушное (может летать, жить в облаках и т.д.); таким образом, он практически вездесущ и может показаться где угодно.

Во многих поверьях змей — старший над всеми змеями, змеиный царь. В некоторых местах верили, что змеи, собираясь осенью зимовать, сползаются в одно место, туда, где находится их повелитель-змеи; так, в одной из быличек мужик, нечаянно провалившийся осенью в подземную пещеру и зимовавший там вместе со змеями, видел змеиногo царя — огромного змея, вокруг которого и собирались змеи. Во многих местах существовали былички о «лесном змее», старшем над всеми змеями; считалось, что он имеет облик огромной змеи и его иногда можно увидеть в лесу, особенно в болотистых местах. Подобные же змеи невероятно больших размеров фигурируют в преданиях, былинах и сказках; в некоторых преданиях основанию тех или иных городов или сел нередко предшествует борьба со змеем. Так, по рассказам Саратовской губернии, змей-полоз, пожиравший коров, овец и лошадей, некогда жил в окрестностях города Вольска до его основания и был убит сотником. На месте города Змеева (Томская губ.) некогда жило множество змей, большую часть которых перебили при строительстве города; их повелитель — змей-полоз, живший на том месте, где позже возник город, переселился в Змееву Гору, оставив за собой выжженную огнем полосу, и молва утверждает, что он и поныне обитает в тех краях, в пещере на берегу Иртыша. Влиянию таких огромных змеев приписывали и образование гор и ущелий, озер и курганов; так, в Смоленской губернии считалось, что курган, называемый Змей, образовался оттого, что убитого на этом месте огромного змея засыпали землей, которую возили на петухе и курице.

Змей, как обитатель и хозяин подземного царства или вообще потаенных, труднодоступных мест, нередко считался хранителем сокровищ и кладов. Так, в уральских поверьях след Великого Полоза, огромного змея, указывает на местонахождение сокровищ, а сам Полоз способен перемещать сокровища с места на место, стягивать их к себе и т.д. Часто верили, что змей носит людям, знающимся с нечистой силой, деньги. Обычный человек, который хочет разбогатеть, также может получить богатство с помощью змея, однако это богатство будет непрочным и опасно. Так, для того, чтобы

получить богатство, он должен сперва добыть петушиное яйцо и носить его слева под мышкой шесть недель, после чего из яйца вылупится змей; когда это произойдет, человек должен лечь на ночь в нежилом строении, где нет икон (напр., в бане), и тогда он увидит во сне черта, который уступит ему змея на определенный срок на каких-либо условиях. Змей после этого станет носить человеку деньги, но по истечении срока постарается убить своего хозяина, пронзив насквозь адским пламенем, если тот не сумеет перерезать змею жилу под шейю.

Считалось, что змей может предсказать человеку его судьбу, помочь ему разбогатеть и т.д. Для этого нужно остановить летящего змея, сказав ему: «Тпру!»; после этого ему можно задавать различные вопросы, на которые он обязательно даст правдивые ответы. После этого, однако, змея нужно непременно отпустить, разорвав на себе рубашку от ворота, так как иначе змей не улетит, а будет «волочиться следом и твердить: «Отпусти! Отпусти!», пока не замает до смерти».

Согласно поверьям, змей иногда может облагать людей поборами; так, например, в некоторых легендах змей, поселившись в колодце, требует ежедневно на съедение девушек и детей за право набрать воды. Змей может убивать и поедать людей, похищать и пожирать скот, а также красть девушек и женщин. Нередко считалось, что змей вступает в сговор с ведьмами, сбивает с неба звезды, водит тучи с градом или насыщает засуху, неурожай, высасывает молоко у коров, насыщает болезни и т.д. Вообще змей чаще враждебен людям, чем полезен, и иметь с ним дело бывает опасно.

Повсюду существовали поверья об огненном змее, который по ночам летает в дома к одиноким женщинам, сожигает их грудь, а когда закончится молоко, сосет кровь, в результате чего женщина быстро сохнет, желтеет и умирает. Женщина, по народному убеждению, может родить от змея, но такой ребенок не будет долго жить («как родился, так и ушел под пол») или родится мертвым; рождение уродов также приписывалось участию змея, причем бабки-повитухи, принимавшие таких детей, рассказывали, что дети рождаются «черненькия, легонькия, с коротеньким хвостиком и маленькими рожками». Считалось также, что от змея у женщины могут родиться змееныши (сразу по двенадцать), которые до смерти засосут свою мать.

Змей будет летать к одинокой женщине или девице и сожигать ее, если та будет сильно тосковать по отсутствующему мужу или подберет на дороге предмет, в который превратился змей. Женщине змей является в облике ее отсутствующего мужа или красивого парня; отличить его от обычного человека иногда бывает очень трудно, хотя есть особые приметы, по которым можно узнать змея-оборотня. Так, он слишком быстро (так, что не углядишь) крестится; вместо «Богородица» читает «Чудородица»; не имеет спинного хребта; появляется только ночью и т.д. Женщина, к которой летает змей, обычно начинает быстро богатеть

(у нее появляются припасы, новые убранства; кто-то помогает ей в работе и т.д.), но при этом тоскует, когда змея нет рядом, худеет и чахнет; «а иная изводится до того, что помирает или кончает самоубийством» (в народе многие случаи женских самоубийств приписывались именно огненному змею). Если же она расскажет кому-либо о визитах змея, то он, прилетев ночью, убьет женщину, если она не сумеет защититься от него с помощью креста, святой воды и т.д.

Отделаться от огненного змея, летающего к женщине, очень трудно. Избавиться от него можно, если женщина как можно скорее вернет на место взятый ею предмет, в который превратился змей; перекрестит крылья змея, снятые им перед тем, как войти в дом; перевернет ногой все вещи в сундуке; обварит змея кипятком; будет окуривать себя своими волосами; накинёт на змея лошадиный недоуздок и т.п. Женщина освободится от змея, если, сев ночью на порог у открытой двери, насыплет в волосы зерен и будет вычесывать их гребнем, сказав прилетевшему змею, что вычесывает и ест вшей, а на вопрос змея, можно ли есть вшей, она ответит: «А разве змеи живут с женщинами?» — и т.п. После этого змей улетит навсегда или провалится сквозь землю; при этом он может опалить женщине волосы, сильно ударить крыльями.

Змея можно также изгнать шумом, звоном, битьем в колотушки; верили также, что он не сможет войти в дом, если над очагом будет висеть трава валериана или если во дворе есть черная собака, которую змеей очень боится. В некоторых местах советовали для избавления от змея сделать настой из травы белоголовника и травы «брат-да-сестра», отпить этого настоя и вымыться им на пороге; верили, что змеей, учув эти травы, уже больше не прилетит. Избавиться от змея помогали также: разложенный по избе и воткнутый во все щели чертополох; дверсливын (рассыпающийся) камень; снег, собранный на Крещение; молитвы, молебны, заговоры; кресты, мелом, дегтем или копытю свечи начерченные на дверях, окнах и вообще всех возможных входах в помещение; окропление дома святой водой, окуривание ладаном и т.д.

В сербских верованиях змеей часто положительный персонаж, защитник своего рода, герой, побеждающий демонов непогоды хал, обеспечивающий, как и духи предков, хорошую погоду и урожай. По своей святости змеей не уступает самому Богу и святым угодникам. От змея и женщины (или вилы) рождались легендарные герои и богатыри.

Считается, что змеи-драконы жили в старину, сейчас их уже нет: люди набросили на них железные панцири, и змеи превратились в черепахи; змеев перебили герои; змеев проклял Бог, и т.д. Змея может победить и обыкновенный человек, часто с помощью волшебства (волшебного хлеба и т.п.).

ЗМЕЯ — «нечистое» существо, относимое к гадам, но и существо, чей облик мог принимать дух-предок. Ранее, очевидно, змея была связана с плодородием,

землей, женской производящей силой, водой, дождем, а также с домашним очагом, огнем (особенно небесным) и, возможно, с мужским оплодотворяющим началом.

В народном представлении змея связывалась с различными сверхъестественными силами, в частности, с нечистой силой. Так, считалось, что змея, которая в течение семи лет не слышала человеческого голоса п колокольного звона, превращается в крылатого змея; помощники колдунов нередко представлялись в облике змей и т.д. Змея нередко наделялась функциями домового; считалось, что в облике домашней змеи (т.е. змеи, обитающей во дворе) показывается домовый, дворовый, а также души предков и т.п. Облик змеи могли принимать ведьмы и колдуны, черти, бесы, вилы, лешие, огненный змей и т.д. Тело, голову или хвост змеи могли иметь василиски, халы, хованец и т.д. Сама змея со временем могла стать сверхъестественным существом — змеем и т.п.

Согласно поверьям, у змей есть своя царица, змея — предводительница всех змей, либо змеиный царь, змеей с рожками в виде короны на голове, которому подчиняются все змеи. Так, считалось, что у змей может быть змея-мать, огромная змея, к которой они сползаются осенью прежде, чем уйти на зимовку. В народных легендах, поверьях, быличках и т.д. нередко упоминается старшая лесная или подземная змея очень большого размера, иногда с короной на голове, белого цвета, нередко окруженная подвластными ей змеями. Известны также поверья о змее-скарапее (скоропее, Прасковее, карачалке), наделенной сверхъестественными свойствами и властвующей над другими змеями; в заговорах она обычно находится на мифическом острове Буяне: «На море на Окиане, на острове Буяне стоит дуб, под тем дубом ракитовый куст, под тем кустом лежит бел камень, на том камне лежит рунцо, под тем рунцом лежит змея скоропея». По некоторым поверьям, змея скарапея может обитать в лесу или в поле; ей и ее сестрам — Марине, Марье, Катерине и Наталье — подчиняются все другие змеи (лесные, кустовые, болотные, боровые, подколенные и т.п.). При этом змея-царица нередко властна не только над змеями, но и над всеми гадами. Она может выступать и как хозяйка леса, мудрая и всеведущая; при этом ее мудрость переходит к человеку, который съест ее. Так, считалось, что если поймать, приготовить особым образом и съесть змею с рожками на голове, то станет понятен язык животных и птиц, «разговор огня с огнем и травы с травой».

Согласно поверьям, змеи нередко являются хранительницами кладов; они охраняют клады, владеют сокровищами, ведают и богатствами земных недр. На Урале верили, что там, где есть много змей, находятся богатые рудные жилы, бывает много золота. Вообще уральские старатели и золотоискатели полагали, что змеи и ящерицы служат таинственным силам, ведающим всеми подземными богатствами; существовали также предания о нечистой силе, обычно имеющей

облик змей и обладающей способностью влиять на золото, перемещать его с места на место и т.д.

Змеи некогда играли важную роль в народной медицине. Так, во многих местах для защиты от лихорадки носили на шее змеиную (чаще всего — ужовую или гадючью) шкурку или ожерелье из змеиных головок; для защиты от различных недугов и злых чар привязывали к шейному кресту голову убитой змеи; зашивали лоскуток змеиной кожи в привеску или ладанку и т.п. Иногда считалось, что змея, если она пожелает, может исцелить человека. Так, по некоторым поверьям, домовый уж не только защищает людей от змей, но и может исцелить больного человека; известен также рассказ о том, как змея, приползающая в поле во время сенокоса, исцелила чахоточного, трижды забравшись внутрь больного и «вынеся» болезнь на себе.

Иногда считалось, что змеи могут быть как добрыми, благожелательными к людям, так и злыми, причиняющими всяческие беды. Так, домовая («жировая») змея, живущая во дворе, считалась покровительницей дома и семьи; в народном сознании она наделялась функциями домового, и хозяева дома старались всячески ублажать ее, чтобы не навлечь на себя ее гнев. Напротив, змеи, обитающие в поле, в болоте и т.п. почти повсеместно считались существами однозначно вредными. Так, по поверьям, луговые змеи, появляющиеся на пастбищах, сосут у коров молоко или кусают скот, отчего коровы теряют молоко или даже гибнут.

Вездесущие змеи, «летучие и ползучие», «подколенные и подземельные», «подможные и подконечные», «ярые и переярые», наделяемые разнообразными именами и способностями, упоминаются во многих заговорах, а также в обрядовой поэзии. Так, в заговорах часто упоминаются змеи веретеница и медяница; такие заговоры должны были защитить человека или скот от смертельных укусов змей. Змеи упоминаются и в некоторых любовных заговорах, а также во вредоносных заговорах, призванных насылать порчу и т.п. В обрядовых песнях, преимущественно в песнях купальского цикла, упоминаются такие змеи, как закликуха, заползуха и веретейка, соотносимые, очевидно, с ведьмами-закликухами, насылающими порчу на людей, скот и урожай.

Змей часто использовали в различных магических действиях. Так, в некоторых местах убитую змею вешали на ветку, чтобы пошел дождь. В любовной магии парень, желающий добиться любви девушки, ловил змею и с заговором протыкал ей глаза иглой, а потом незаметно втыкал эту иглу в платье девушки, полагая, что после этого она полюбит его. Во время летнего солнцеворота хозяева караулили в хлеву ведьму, которая, по их убеждению, должна была появиться в облике змеи или лягушки, чтобы надоить молока; если в хлеву появлялась змея или лягушка, то ее били и калечили, а на следующий день смотрели, какая из соседок хромает, болеет и т.д.; если какая-то женщина была изувечена так же, как змея или лягушка, то ее считали ведьмой. Змей использовали и во вредоносной магии: с

их помощью (или в их облике) насылали порчу, отбирали урожай, молоко у коров и т.д.

Считалось, что порча, насланная колдуном, иногда может оборачиваться змеей и жить в человеке, постепенно иссушая его. Кроме того, по народному убеждению, змеи и прочие гады могут иногда заползать в человека во время сна, если тот спит с открытым ртом. Спящему, в которого вползла змея, будет казаться, будто онпил очень холодную воду; потом его начнет тошнить по утрам, живот у него будет раздуваться и ему будет мерещиться, словно у него внутри что-то ворочается. В этом случае советовали поить человека наговоренным парным молоком, смешанным с конопляным маслом; после того, как больной выпьет столько молока, сколько сможет вместить его желудок, его нужно привязать за ноги к потолку в жарко натопленной бане и держать до тех пор, пока его не начнет рвать и змея не выйдет из него со рвотой. Существовал и другой способ изгнать змею из человека: приучить ее выползть наружу, а когда она станет выползать из человека целиком — убить ее. Для того, чтобы приучить змею вылезать наружу, больной каждую ночь садился за стол, на котором стояла миска с молоком, и засыпал; ночью змея высовывалась у него изо рта и пила молоко, а так как каждую ночь мисочку ставили все дальше, змея постепенно начинала высовываться все больше и, в конце концов, выползала вся; тогда ее подкарауливал и убивал кто-то из близких больного.

Для лечения змеиных укусов в народе использовали различные растения, нередко в сочетании с заговорами. Так, для лечения змеиного укуса растравливали рану и клали на нее чертогрыз — растение, у которого, по поверью, черт перегрыз главный корень, а Бог отрастил несколько маленьких корешков. Кроме чертогрыза к ране прикладывали также изжеванный корень любистока и ужачки, ужовник, медуницу, свежий тертый корень конского щавеля и т.д.

Иногда считалось, что для того, чтобы избавиться от опасности заболеть и умереть от змеиного укуса, человек должен сразу же после того, как его укусила змея, совершить определенные магические действия. Так, во многих местах полагали, что человек, которого укусила змея, должен как можно быстрее добежать до воды и сразу же напиться, так как змея, укусив человека, тут же ползет к воде, и если человек напьется быстрее ее, то выздоровеет, а змея умрет; в противном же случае умрет человек, а змея останется невредимой.

Для того, чтобы предотвратить нападение змеи, в народе использовали различные обереги. Так, траву веронику называли «змеиной травой» и считали, что Бог создал ее для уничтожения ядовитых змей; отправляясь за ягодами, иногда клали себе в обувь цветок вероники, чтобы змея не укусила. Марьян корень, по поверью, может отгонять змей, поэтому его нередко носили с собой на кресте. Во многих дворах вешали небольшие пучки попутника (подорожника), считая, что змея не выносит этой травы и не заползет во двор, где есть попутник. Ясень, по народному убеждению,

Знахари

наводит на змей оцепенение; кора, лист, зола и даже ткань, вымоченная в отваре ясеня, усмиряют всякую змею, повергают ее в оцепенение, лишают возможности кусаться и делают послушной воле знахаря.

Кроме того, в большие праздники обычно совершались различные обряды, которые должны были защитить людей и скот от змей. Так, в некоторые праздники змей, как и нечистую силу, символически прогоняли огнем, шумом, выстрелами и т.п.; особым образом метили скот; соблюдали определенные запреты и т.д. Существовали даже особые «змеиные дни», в которые старались не ходили в лес, чтобы избежать змеиного укуса. Так, считалось, что на Благовещение (7.IV), на Исакия (12.VI) или в Егорьев день (6.V) все змеи выползают из своих нор и устраивают свои змеиные свадьбы; если в этот день змея укусит человека, то его не сможет вылечить и самый умелый знахарь. На Ивану Купалу слепая змея медянка получает зрение на целые сутки и потому делается очень опасной, может стремительно броситься на человека и пробить его насквозь. На Воздвиженье, называемое в народе «змеиный праздник», змеи уползают в Вырий или в подземные ямы на зимовку; считалось, что в этот день они собираются все вместе, а затем проваливаются на зиму сквозь землю, и человек, который в этот день находится в лесу, не только рискует быть укушенным, но может провалиться вместе со змеями под землю и остаться там до весны. В некоторых местах существовало еще поверье, что когда на Воздвиженье все змеи собираются вместе на зимовку, им является светлый камень алатырь, который змеи лижут и излизывают весь, насыщаясь им. В некоторых местах считалось также, что змеи могут быть опасны и зимой: на Егория Зимнего (9.XII) змеи именинницы, и в этот день в лес не ходят: могут ужалить.

ЗНАХАРИ, шептуны — деревенские лекари, умеющие врачевать недуги и облегчать телесные страдания людей и животных. От обычных лекарей они отличались тем, что использовали не только лекарственные снадобья, но и заговоры, полагая, что главная сила врачевания заключается именно в словах мудреных нашептываний, а снадобья служат лишь успокоительными и восполняющими средствами.

В XIX в. знахарями и знахарками становились, как правило, люди пожилые и одинокие: мужчины, оставшиеся холостяками, старушки-вдовы, престарелые девицы, не сделавшие монашками, и т.п. Однако ранее, вероятно, искусство знахарства передавалось в семьях из поколения в поколение, и среди знахарей, таким образом, должны были встречаться люди самые разные.

В народе знахари пользовались неизменным уважением; однако при этом они нередко находились на подозрении у соседей. Так, например, некоторые знахари не могли даже зажечь ночью огонь в избе или продержат его вечером дольше соседей без того, чтобы соседи не подумали, что знахарь готовит какое-то нечистое зелье, а нечистый дух ему помогает. Такое положение подозреваемых нередко делало знахарей суровыми и очень самолюбивыми, самоуверенными и нелюдимыми. С соседями у знахарей обычно не

выходило ни близкой дружбы, ни откровенных бесед, держались они особняками, хотя при этом нередко появлялись на деревенских сборищах, в харчевнях и т.д. Очевидно, по причине такой отчужденности и некоторой тайны, окутывающей личность знахаря, людей этой профессии и отождествляли нередко с колдунами, ведьмами, чародеями и т.д.

Но, хотя знахарок и знахарей и сближали иногда с колдунами и ведьмами, в большинстве поверий между всеми этими людьми имелось большое различие. Главное отличие знахарей и знахарок от ведьм и колдунов состоит, по народному мнению, в том, что знахари получают свою силу от Бога и лечат с Божьей помощью, а колдунов и ведьм наделяют силой нечистые духи, и дела свои они творят с помощью Сатаны и бесов. Знахари никому зла не делают и все свои силы направляют на то, чтобы помочь людям; большинство же колдунов, напротив, приносят людям всяческий вред («во славу и по пожеланию господина своего, дьявола»). Известны, правда, случаи, когда колдуны совершали и добрые дела: снимали порчу, отыскивали пропажу и т.д.; однако в большинстве случаев они требовали за работу немалую плату, да и действовали обычно в своих интересах (например, с помощью пришедших за помощью людей расправлялись с другими колдунами).

Сама жизнь и работа знахарей резко отличалась от жизни и работы колдунов. Так, колдуны всегда старались «окутать свое ремесло непроницаемой тайной», а знахари работали в открытую и без креста и молитвы не приступали к делу. Согласно народным поверьям, колдуны обычно стараются утратить, запугать: вид они имеют самый злоедейский (растрепанная борода, горящие глаза, угрюмый взгляд и т.д.); всегда нелюдимы, враждебны, грубы в обращении, напористы; говорят непонятно, часто угрожают или «страшают»: любят приходить неожиданно и незваными, часто пьяными; колдуют тайно, так, чтобы никто не видел (посетителей на это время нередко выгоняют на улицу), и при этом пользуются мрачными, злоедейскими заговорами и «нечистыми» зельями, а также помощью и советами нечистых духов, бесов. У знахарей же все бывает наоборот: «замка на дверях не висит, входная дверь открывается свободно; теплая и чистая изба с высокими стенами отдает запахом сушеных трав, которыми увешаны стены и обложен палатный брус; все на виду, и лишь только перед тем, как начать пользоваться, знахарь уходит за перегородку Богу помолиться, снадобье приготовить... у знахаря — не «черное слово», рассчитанное всегда на зло и беду, а везде «крест-целитель, крест-красота церковная, крест вселенный — дьяволу утешение, человеку спасение»... К тому же знахарь немало трудится около своих пациентов, так как крестьяне не обращаются к нему по пустякам, а лишь в серьезных случаях». При этом за работу знахари всегда выговаривали малую плату, говоря, что берут деньги «Богу на свечку»; нередко также вместо денег они брали еду (пирогов, яйца и т.д.), а то и вовсе отказывались от всякой платы («Дело Божеское — за что тут брать?»).

Лечили знахари прежде всего с помощью разных заговоров, которые, по большей части, в основе своей

состояли из молитвенных обращений к Богу и святым-целителям. Заговоры эти знахари узнавали обычно либо от своих учителей и знающих людей, либо из записей («травников», «цветников», «лечебников» и т.п.). Произносились заговоры как над различными снадобьями, так и над большими тихим шепотом (отсюда и название знахарей — шептуны); делалось это для того, чтобы тайные слова не услышал непосвященный человек (в этом случае заговор потеряет силу), а также для того, чтобы заговор остался собственностью знахаря. Многие заговоры при этом сопровождались различными движениями рук для того, чтобы «удержать силу слов», «запечатать замок» (иные заговоры без этого могли вовсе лишиться своей силы).

Помимо заговоров, знахари в своей работе использовали всевозможные снадобья, по большей части приготовленные из разных трав, а также различные освященные предметы и святые вещи (так, например, умелые знахари могли определить, от чего приключилась болезнь, просто опуская крест больного в воду; некоторые болезни они лечили с помощью святой воды, четверговой соли, освященной вербы и т.д.). При этом каждую болезнь лечили по-своему, каким-либо особым способом, а кроме того, у каждого знахаря существовали свои приемы лечения. Так, например, некоторые болезни (переполох и т.д.) лечили всприскиванием (с уголька и т.д.) и различными умываниями (например, наговоренной водой на заре); другие болезни (например, лихорадку) лечили огносами и т.д. Вообще же большую часть хворей знахари лечили с помощью разных трав (за что знахарей иногда именовали травниками); при этом некоторые знахари хвастались тем, что знают 77 сортов трав, а самые умелые с гордостью говорили, что им известно целых 99 сортов. Из этих трав каждый знахарь обязан был всегда держать дома двенадцать: цикуту или одоим (одолень), семена белены, корень лапчатки и богородиц-

кую траву, волчьи ягоды, корень морковника, корень папоротника, куриную слепоту, паутинник, земляные орехи, кунавку и бузинный цвет (при этом подобный список мог быть несколько иным, в зависимости от местности, в которой жил знахарь: так, в некоторых местах могли использовать вместо некоторых из этих трав зверобой, кипрей и т.д.). Впрочем, помимо этих трав у знахарей обычно хранилось и много других, в том числе, по народному убеждению, и обладающих особой силой, «потайных», волшебных, таких, как разрыв-трава или плакун-трава.

Болезни, с которыми обращались обычно к знахарям, были самыми различными. Наиболее же часто знахари лечили людей от лихорадки и от всех видов порчи: от скорби (сердечной болезни), сглаза (болезней, приключившихся от «худого глаза»), урока (сухоты), призора (болезни от завистливого взгляда), озева, оговора (болезни, приключившейся от слов, сказанных «не в добрый час»), исполаха (мгновенного испуга) и т.д. При этом многие болезни доверяли лечить только женщинам-знахаркам. Так, болезни глаз (бельмо и т.п.) и детские болезни лечили исключительно знахарки (которые при этом нередко бывали и повитухами); знахарки же «снямали тоску»

с того человека, который лишился любви, и т.д. К парню во время болезни, бывающей, как говорят, перед ростом усов, во многих местах приглашали девушку-знахарку: она, расчесав свои волосы и накрывшись полотном, садилась верхом на помело и скакала вокруг больного парня три раза, приговаривая: «Здравствуй, добрый молодец! Тебе, молодцу, ус да борода, а мне честь и красота!»

Вообще более или менее умелые знахари, по народному убеждению, могли избавить от любых болезней, кроме, разве что, совершенно неизлечимых, например, тех, которые насылали сильные колдуны. Однако с обычными хворями, которые можно было вылечить домашними средствами, к знахарям, как правило, не обращались, и прежде чем больной приходил к знахарю за советом, его родные, как правило, уже пытались лечить его самыми разными способами: укладывали его на горячую печь животом, накрывая с головой теплыми овчинными шкурами, тулупами и т.д.; водили в баню и там подолгу парили (нередко — особыми вениками из целебных трав и т.д.); натирали тертой редькой, дегтем, салом или скипидаром, поили квасом с солью и т.д. Если же все это не помогало, то считалось, что болезнь, скорее всего, наступила в результате злого влияния колдунов, и помочь тут может только знахарь. В этом, собственно, и заключалась в глазах народа существенная разница между колдунами и знахарями: то, что чародей наколдует, знахарь или знахарка снимет и поправит.

При этом, по народному убеждению, опытный знахарь может снять порчу, насланную колдуном, не только с человека, но и со скота и даже с посевов. Он «правит» не только больного человека, но и саму его жизнь. Поэтому за помощью к знахарям обращались не только в случае болезни, но и при разных других бедах: так, например, к знахарям нередко обращались с просьбой указать вора, избавить дом от кикиморы, вернуть заблудившуюся скотину, избавить амбары от мышей, заговорить клопов и тараканов в избе, погадать о будущем, снять порчу с посевов и т.д.

Для нахождения искомого (т.е. указания места, где находится кто-то или что-то) знахари обычно пользовались картами, бобами, воском, стаканом с водой (в который смотрели, чтобы указать место, где находится пропавшая вещь) и т.д. Так, знахари обычно ворожили, смотря в чашки с водой, кидая в реку стружки, бросая в огонь бересту и т.д. Для того, чтобы определить вора, знахарь клал на стол хлеб, а на хлеб икону; решето ободом клал на ножницы, а расширенные ножницы брал в руки и устанавливал так, чтобы они с решетом держались на ногтях пальцев рук. После этого он произносил имена людей, подозреваемых в воровстве; когда подозреваемые подходили к столу, смотря на хлеб с иконой (как бы присягая), решето качалось в какую-либо сторону, и если оно наклонялось прочь от обвиняемого, это значило, что он невиновен, а если наклонялось в его сторону, то его считали виновным.

Зоря — см. Заря.

Зосима и Савватий — см. Пчелиный праздник.

И

ИВАН КУПАЛА — праздник рождества святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (24.VI /7.VII), по старому стилю приходившийся на день летнего солнцестояния. К этому дню некогда приурочивался общеславянский праздник воды и солнца, посвященный, вероятно, Яриле; со временем он перек-

рылся христианским праздником рождества Иоанна Крестителя, но в народе повсюду продолжал почитаться как один из самых значимых и разгульных праздников в году (так, например, сербы говорили, что Иванов день столь великий праздник, что во время него солнце троекратно останавливается на небе).

Во времена язычества большая часть купальских игрищ и обрядов совершалась в честь свадьбы бога-солнца, супругой которого, по народному убеждению, являлась «светоносная заря-зарница, красная девица»; одним из центральных актов этой солнечной свадьбы было купание солнца в водах, откуда, вероятно, и пошло название праздника — «купала». Впоследствии, под влиянием христианского вероучения, этот праздник несколько изменился, слился с церковным праздником Иоанна Предтечи и стал именоваться днем Ивана Ку налы (в отличие от других Ивановых дней, например, дня Ивана Постного и т.д.). Однако при этом очень многие обряды и поверья, приурочивавшиеся к этому дню, остались языческими по сути и посвящались все тому же Яриле-солнцу (а иногда — Ладе: так, например, у литовцев в Иванов день празднование и приуроченные к этому дню песни посвящались именно этой богине).

Так, например, в Нижегородской губернии до XIX в. сохранились праздники в честь Ярилы: за неделю до Иванова дня устраивались ярмарка и всенародное гуляние, именуемое «молодой Ярило», а в следующий за этим базарный день, перед самым Ивановым днем, вновь устраивались большой базар и гулянье, известное иод названием «старый Ярило». Купальские песни, известные во многих местах и приурочивавшиеся к Иванову дню, также являлись отголоском язычества: в них прославлялся Купала, обыкновенно при этом наделяемый эпитетами: «любовный», «чистоплотный», «веселый», «травник» и т.д.; в одной из таких песен прямо говорилось: «Ай, Купала наш веселый, князюшка наш летний, добрый». Все эпитеты, которыми наделялся Купала, находили объяснение в целом ряде обычаев, приуроченных к этому дню. Так, «любовным» Купалу, очевидно, называли за то, что в этот праздник в языческие времена допускалось весьма вольное общение парней с девушками, отчасти сохранившееся и при христианстве с его

строгой моралью (возможно, потому, что носило особый обрядовый смысл); «чистым» он именовался за то, что в этот день принято было мыться и купаться в реках, а эпитет «травник» был присвоен ему в связи с поверьем, что на Иванов день все травы получают необыкновенную силу. «Веселым» же Ку на л у называли потому, что его праздник, действительно, был одним из самых веселых и разгульных в году.

Купальские обряды, совершаемые в канун праздника, вместе составляли сложный комплекс, включающий: сбор трав и цветов, плетение венков, украшение зеленью построек, разжигание костров, уничтожение чучела, перепрыгивание через костер или букеты зелени, обливание водой, гадания, выслеживание ведьмы, ночные бесчинства и др.

Многие из этих обрядов имели целью уничтожить или прогнать нечистых духов, по народному убеждению, получающих в этот день особую силу. Повсеместно считалось, например, что в ночь на Иванов день ведьмы и колдуньи собираются вместе (на Лысую гору или в пещерах, на перекрестках п т.д.), веселятся, совещаются, проводят различные обряды и т.д. Возможно, подобные поверья являлись искаженными воспоминаниями о древних купальских обрядах, проводившихся под предводительством волхвов.

Вероятно, отголоском язычества являлся и центральный акт купальского обряда — символическое уничтожение ведьмы, нечистой силы, смерти и т.п. Заключался он в том, что символизирующий ведьму или другое сверхъестественное существо ритуальный предмет (чучело, зелень, конский череп и т.п.) сжигали, сплавляли по воде, выбрасывали в канавы, ямы, болото, разрывали на части, забивали камнями, забрасывали на дерево, удаляли за пределы жилого пространства, за границы села, отпугивали при помощи ритуального шума, выстрелов и т.п. Считалось, что этот обряд надежно защищает людей и их хозяйство от злых сил и болезней, а также способствует благополучию, богатому урожаю и т.д.

Чучелам, уничтожаемым в купальскую ночь, обычно давались имена: Ведьма, Мара, Марена, Марина, Купала, Ульяна, Катерина; реже — Иван, Дед, Черт и т.п. Чучело обычно сначала носили по селу на шесте (нередко при этом устраивая целую торжественную процессию), после чего уничтожали его. Чучело, используемое в обряде, могло изготавливаться из пучков зелени или даже заменяться пучком травы, букетом цветов и т.п., которые тоже именовались Ведьма или Купало; так, например, иногда вместо чучела по селу

носили украшенное деревце (березку, вербу или сосенку). Среди бытовых предметов в качестве сжигаемого символа ведьмы чаще всего выступало колесо (что, возможно, было связано с поверьями о превращениях ведьмы в колесо или, вероятнее, являлось остатком древних представлений о колесе — символе солнца и солнцеворота; возможно, сжигание в этот день колеса носило тот же смысл, что и сжигание колеса на Рождество или святки). Борона, веник, старая обувь, сжигаемые в купальском костре, также нередко выступали как атрибуты или воплощение нечистой силы. Иногда все эти символы совмещались: так, в некоторых местах на Купалу украшали растущее деревце, укрепляли на его верхушке чучело или колесо, солому, цветы п.т.п., а затем раскладывали вокруг деревца костер.

Наиболее типичным способом уничтожения ведьмы считалось сожжение на костре, причем само возжигание костра часто обозначалось выражением «ведьму налить». В костре сжигалось не только чучело (которое, собственно, в некоторых местах и не делали вовсе), но и другие, специально изготавливаемые к празднику ритуальные предметы — символы купальского обряда: срубленное и украшенное деревце, пучки веток, цветов, зелени, укрепленные на шесте, и др. предметы, с которыми участники обряда сначала обходили село, устраивали хороводы и игры и только после этого уничтожали их. Сжигались также предметы, служившие основой костра: шесты, воткнутые в землю; палки с укрепленными на них колесами, корзинами и пр.; рогатины, увешанные венками, и т.п. Уничтожались в огне и некоторые старые предметы домашнего обихода: веники, метлы, лапти, нитки, бочки, бороны, телеги, деревянная посуда и пр.; при этом многие из уничтожаемых в костре вещей были специально украденными, похищенными со дворов соседей (в первую очередь это оказывались снятые с петель двери, калитки, разобранные заборы и т.п.).

Сопутствующие празднику действия игрового и магического характера также нередко имели целью выслеживание, опознание, отпугивание, обезвреживание нечистой силы (в частности, ведьмы) или защиту от нее. Так, например, на Купалу во многих местах кипятили на костре цецилку с иголками, чтобы причинить ведьме боль и заставить ее прийти к костру; бегали с факелами, отпугивая нечистую силу; калечили и убивали животных, появившихся возле костра или специально подкарауленных в доме, в хлеву, на дворе; производили сильный шум битьем в сковороды, в косы, звонили в церковный колокол, стреляли, громко кричали, отпугивая нечистых духов, болезни, хищников и пр.; бороновили дорогу, чтобы узнать ведьму по следам; прыгали через костер (девушку, которая не перескочила через костер, считали ведьмой) и т.д.

Видное место в купальских обрядах занимали гадания. Вероятно, в древности они являлись важной частью праздника, были достаточно сложными и посвящались как урожаю, так и судьбам людей, и

лишь позднее, с утверждением на Руси христианства, утратили свое прежнее значение и практически исчезли. Возможно, некогда эти гадания проходили примерно так же, как у греков, так как в остальном празднестве, приурочивавшемся ко дню солнцеворота на Руси, весьма походило на праздник того же дня в Греции: «Язычники в 23 день июня ввечеру собирались на берегах рек, и в некоторых домах мужи и жены украшали перворожденную деву наподобие невесты. При этом пировали и плясали, кружились, совершая предпразднество в честь богини Весты. Между тем бросали разные вещи в сосуд, наполненный водою. Наряженная девица по вынутии каждой вещи предсказывала будущее тому, кто клал оную. На другой день с музыкаю и пляскою все выходили за водою и кропили оную все дома, а потом во всю ночь прыгали чрез зажженные костры. Церковные учителя, постепенно отклоняя новых христиан от языческих обычаев, почли за нужное, при водоосвящении, сочинить для сна песни в честь пресвятой девы Марии».

Возможно, некогда и у славян существовали подобные купальские гадания; однако позднее они исчезли, и остались лишь своеобразные девичьи гадания, совершавшиеся обычно при помощи венков. Происходили они чаще всего следующим образом: девушки бросали свои венки в воду и по тому, потонули они или выплыли, судили о своей судьбе, замужестве или смерти. Вообще, венки считались одним из главных обрядовых предметов на Купалу: их использовали не только для гаданий, но и для ряжения, а также в лечебной магии и т.д. После праздника часть венков уничтожалась: их бросали в костер, в воду, разрывали на части или относили в огород, забрасывали на крышу, реже — относили на кладбище, бросали в колодец. Однако часть венков оставлялась и сохранялась в течение года: такие венки использовали для лечения болезней и как оберег от нечистой силы.

Значительная часть обрядов, совершаемых на Купалу, имела целью обеспечить здоровье и благополучие семьи. При этом обряды, как правило, носили очистительный характер: люди мылись сами, а также мыли и чистили дом, полагая, что это на долгое время дарует красоту, здоровье и чистоту. Так, например, ко дню Купалы нередко приурочивалось ритуальное очищение дежи, а иногда и вообще посуды, дома и т.д. На Ивана Купалу непременно парились в банях с целебными травами (в первую очередь — с травой «Иван-да-Марья»); ветки для веников заламывали также с этого дня или со дня Аграфены Купальницы, так как считалось, что веники, срезанные до Иванова дня, приносят вред для здоровья (на теле от них появляется «чес», чесотка), а веники, сделанные на Купалу или на Аграфену, сами по себе являются лечебными и помогают от всех хворей.

В купальскую ночь, а также на заре этого дня принято было купаться в реках и озерах для красоты и здоровья. Во многих местах существовал также обычай «чerpать росу»: бабы поутру Иванова дня

Иван Купала

отправлялись на луг, захватив с собой чистую скатерть и «бурак»; скатерть таскали по мокрой от росы траве, а потом выжимали в бурак и такой собранной росой умывали лицо и руки, чтобы прогнать всякую «болезнь» и чтобы на лице не было ни угрей, ни прыщей, чтобы лицо было красивым и румяным; кроме того, этой росой кропили кровати и стены дома, чтобы не водились клопы и тараканы.

Вообще, «Иванова роса» считалась необычайно чудодейственным средством. Так, например, в некоторых местах верили, что если положить травы под Иванову росу, то их целебные свойства в несколько раз усилятся. Росу, собранную в Иванов день, широко использовали в народной медицине: ею промывали больные глаза, а также верили, что умывание ею излечивает и предупреждает головные боли. При этом в некоторых местах собранную на Ивана Купалу росу хранили в течение целого года, используя ее для лечения различных болезней. В Сибири под Иванову росу ставили даже пустые кринки, полагая, что после этого в них «снимок (сливки) делается толще».

В некоторых местах на Купалу не только парились в банях, купались в реках и умывались росой, но еще и обливались водой. Правда, подобный обычай, некогда, очевидно, носивший ритуальный характер, со временем потерял прежнее значение и превратился в простое развлечение: деревенские парни одевались в грязное, старое белье и отправлялись с ведрами и кувшинами на реку, где набирали воду (нередко — самую грязную и мутную, или даже просто жидкую грязь), а потом шли по деревне, обливая по дороге всех и каждого (правда, иногда делалось исключение для стариков и малолеток). Наиболее охотно обливали девушек, и некоторые парни даже забегали в дома, вытаскивали девушек на улицу силой и с головы до ног окачивали водой. Потом, как правило, начиналось беспорядочное плескание: парни плескали водой в девушек, девушки в отместку обливали их, а потом молодежь толпой отправлялась на реку, где купалась вместе прямо в одежде.

Не менее распространенным, чем обряд купания в Иванов день, был обычай искать в купальскую ночь клады. Так, например, считалось, что в это время все подземные сокровища выходят из земли и горят синими огоньками, и тогда-то их можно взять, если, конечно, знать как. Увидеть и взять клады помогал, по народному убеждению, волшебный цветок папоротника, зацветающий лишь раз в году — в купальскую полночь: считалось, что человек, обладающий им, может становиться невидимым, а также видеть спрятанные под землей клады и даже подчинять себе нечистых духов, охраняющих эти клады. Народные поверья описывали немало способов завладеть этим цветком, однако все эти способы считались опасными и страшными, так как, по поверью, цветок бдительно охраняет нечистая сила, и малейшая оплошность может погубить человека, решившегося сорвать его.

Вообще, согласно поверьям, на Купалу появляется и зацветает не только жар-цвет (папоротник), но и многие другие чародейские травы: разрыв-трава, плакун-трава и т.д. Впрочем, и обычные травы и цветы, по народному убеждению, в эту ночь наделяются особой силой, так как живительные силы земли в эту пору достигают наивысшего напряжения, апогея. Травы, собранные на Купалу, повсеместно почитались самыми целебными и чудодейственными; их использовали и для лечения болезней, и как обереги от нечистой силы, грозы, порчи и т.д. В Сибири, например, верили, что сено, скошенное в Иванов день, обладает особыми охранительными свойствами, и, зарывшись в него, можно гадать; считалось, однако, что в течение всей осени и зимы в этом сене может пребывать черт.

Из трав, собираемых на Купалу, наибольшим вниманием пользовались: петров крест, чертогон, чернобыльник, купальница, медвежье ушко, зяблица, богатенка, расперстыце, дивий сил (девятисил), мария-магдалина, богородская трава и т.д. Каждой из этих трав находили свое применение. Так, например, считалось, что в корне травы «петров крест» на глубине двух аршин находится особый крест, который является сильным оберегом от колдунов и нечистой силы. Траву чертогон затыкали в ворота и калитки от колдунов и под крыши — от чертей. Чернобыльник использовали во многих купальских обрядах: из него делали венки, которые носили на себе в купальскую ночь; его бросали в костер, а также заплетали в плети и клали «под Иванову росу» с приговором: «Мать-земля, отче-небо, дайте рабам вашим от этой травы здоровья»; кроме того, под его корнем искали земляной уголь, который употребляли как средство от падушей болезни и черной немочи, исцеляемой также и корнем этого растения. Купальницу, купаленку, как и чернобыльник, использовали для защиты от нечистых духов, для купальского костра и плетения венков. Зяблицу топили в молоке и использовали от ребячьего крика и бессонницы, а расперстыце сушили, размальывали в порошок и присыпали им больные места на теле — раны, опухоли, нарывы и пр. Девятисил использовался для лечения многих болезней, а мария-магдалина — от тоски. Богородской травой окуривали отелившихся коров и больной скот, полагая, что это отгоняет болезни и злых духов. Траву богатенку в некоторых местах собирали в стену на имя каждого из членов семьи; чей цветок завянет скорее — тому человеку в этот год суждено или захворать, или умереть.

В некоторых местах на Купалу принято было готовить кутью. При этом обычай этот иногда сопровождался особыми обрядами: девушки еще накануне праздника, вечером, собравшись у одной из подруг, сообща толкли в ступке ячмень под пение песен, а на другой день поутру варили из этого ячменя кутью (кашу), которую, заправив маслом, съедали вечером того же дня. После этого, взяв передние колеса от телеги, они возили на оси некоторых из подруг по селению и по полям с песнями, взявшись руками за оглобли;

Иван Постный

такие поездки совершались до утренней росы, а когда роса выпадала, девушки умывались ею для красоты и здоровья.

Иван Постный — см. Головосек.

ИГОША — мертворожденный младенец или младенец, умерший до крещения; часто уродец без рук и ног, фантастическое существо, соединяющее черты лешего и домового. По народным поверьям, мертворожденные или скончавшиеся некрещеными младенцы живут и даже растут в том месте, где их похоронили, или в своем доме (это, очевидно, связано с тем, что мертворожденных детей нередко хоронили в подполье, иод порогом дома или близ избы); они незримо присутствуют в доме, ночью бродят по избе, иногда проказят и т.п. Как и все, скончавшиеся скоропостижно, без крещения, игоша считался беспокойным духом, не находящим успокоения; в народе он «признавался большим озорником». Безрукость и безноготь игоши в некоторых поверьях, возможно, свидетельствует о его «неполноте», отличии от людей и причастности к потустороннему миру (так, нечистые духи часто считались кривыми или хромыми, одноногими, однорукими и т.п.); возможно также, что такой облик игоши был связан с представлениями о нем как об эмбрионе, едва оформившемся существе.

Крестьяне полагали, что игошу следует «признать за домового»: класть ему за столом ложку и ломоть хлеба, а также бросить в окно для него рукавицы и шапку. Если же этого не сделать, он станет досажать домочадцам точно так же, как недовольный хозяевами домовый: начнет разбрасывать вещи, мешать в делах, бить посуду и т.д.

ИКОТА — персонификация болезни; нечистый дух, вселяющийся в человека и вызывающий нервные заболевания, такие, как истерические припадки, кликушество и т.п. (икота во многих районах России отождествлялась с кликушеством: так, про кликуш говорили, что в них «икота кричит», «икота говорит»).

Согласно народному убеждению, икота происходит оттого, что в человека вселяется бес. Забирается он в человека через рот, и если его не изгнать, то он будет жить в человеке какое-то время или даже до тех пор, пока человек не умрет («Человек помре, икота выходит»). Поведение этого духа определяет поведение больного: так, когда дух беспокоится, то у человека случается припадок, во время которого нечистый говорит человеческим голосом, кричит, визжит, подражает голосам зверей и т.д. Он мог также «вещать», т.е. предсказывать будущее, судьбу, указывать местонахождение пропажи и т.п.; по этой причине икотников (людей, больных икотой), как и кликуш, считали вещими людьми и нередко обращались к ним с просьбой поворожить и т.п. («У нас в деревне три икотки; две-то не ворожат, а одна-то сказывают, как ее спрашивают о чем, то о пропаже, то о чем»).

Нередко считалось, что беса, вызывающего икоту, напускают колдуны: они закливают нечистого духа на чье-нибудь имя, и он летит с ветром, а первый встречный человек, который носит это имя, становится его жертвой. Иногда икоту наговаривали на камень или на насекомых; тот, кто запнется о такой камень или проглотит летучую мошку, тут же делается добычей икоты. Известны и более сложные способы. Так, для того, чтобы напустить на кого-то икоту, колдун (или вообще любой человек) должен был сиять нателный крест и носить его под пяткой полсуток, а затем отречься от Бога (т.е. произнести: «Отрекаюсь от Бога и животворящего Его креста, отдаю себя в руки дьяволам») и после этого «наговорить на соль» следующее: «Пристаньте сему человеку (имя) скорби-икоты, трясите и мучьте его до скончания жизни». Крест следовало вынуть из-под пятки и повесить за спину (в это время будут являться дьяволы); через сутки крест нужно снова повесить на грудь, а соль бросить туда, где пойдет человек, на которого напускается порча-икота, с приговором: «Как будет сохнуть соль сия, так сохни и ты, (имя)».

Колдунов, напускающих икоту, в народе называли икотниками, икотницами или икотками; так же иногда называли и больных икотой («Он ведь икотник, ни за что икоту насадит»; «Икотник да икотница — кому посадили икоту»).

Лечили от икоты преимущественно знахарки и знахари с помощью различных наговоров, вспрыскиваний и т.п. Нередко также старались изгнать из человека беса, вызывающего икоту, с помощью креста, святой воды, молитв и т.п.

ИЛЬЯ-ПРОРОК — святой Илия, один из величайших пророков и первый девственник Ветхого завета; день памяти его отмечался 20.VII/2.VIII. Согласно легенде, Илия родился за 900 лет до Рождества Христова; имя, данное ему (и означающее «крепость Господня»), определило всю его жизнь: он с малых лет посвятил себя Богу и долгое время провел в пустыне в молитвах и строгом посте. Когда народ израильский отверг веру своих отцов и оставил Единого Бога, начав поклоняться языческим идолам, Илия объявил, что в наказание три года не будет ни дождя, ни росы на земле и засуха прекратится только по его молитве; и, действительно, наступила засуха и голод по всей земле израильской. По прошествии трех лет пророк явился к царю и предложил ему собрать весь народ и жрецов идола Ваала на горе Кармил и соорудить там два жертвенника: один — от жрецов Ваала, другой — для служения Истинному Богу; «На который из них упадет огонь с неба, тот будет указанием, чей Бог истинен, — сказал он, — и все должны будут поклониться Ему, а не признающие Его будут преданы смерти». Жрецы Ваала целый день взывали к своему богу, но небо молчало; когда же начал молиться Илия, Господь ниспослал с неба огонь и опалил жертвенник, после чего народ вновь уверовал в Истинного Единого Бога, а небо,

Илья—Пророк

по молитве пророка, разверзлось, и выпал обильный дождь. Далее легенда гласит, что за свою пламенную верность пророк Илия был взят на Небо живым в огненной колеснице.

В народе Илья-Пророк считался весьма почитаемым святым, повелителем грома и дождя, от которого зависит плодородие и урожай. Ветхозаветные мотивы, связывающие Илью с небесным огнем и животворными дождями, вознесение Ильи на небо в огненной колеснице и т.п. способствовали тому, что культ Ильи и посвященный ему праздник оказались причастны к области народной метеорологии. Так, повсеместно в народе культ Ильи связывался, в первую очередь, с водой, особенно водой небесной, а также с небесным огнем, громом и т.д. Считалось, например, что Илья издревле распоряжается громом и молниями («Илья грозы держит»), поэтому, услышав гром, говорили: «Илья великий гудит», или «Илья-пророк по небу на колеснице ездит», а день памяти Ильи-пророка назывался «громовым» праздником.

Гневом Ильи объясняли не только сильные грозы в Ильин день, но и, например, грозы п бури, случавшиеся в ночь на Ивана Ку на л у или в другие дни: считалось, что гроза происходит оттого, что Илья в своей огненной колеснице ездит по небу и мечет стрелы во всякую злую силу; грохот колесницы — это гром, а стрелы — молнии. Грозу нередко воспринимали как битву Ильи со змеем-сатаной, полагая, что во время таких битв в течение целой ночи раздаются оглушительные раскаты грома, молнии почти непрерывно и необыкновенно ярко озаряют все небо, испуганные птицы мечутся, постоянно вспархивают, но натываются на различные предметы и надают, а скот в страхе ревет всю ночь. Такие страшные грозовые ночи в народе именовали «воробьиными» и верили, что происходят они на Ильин день, а также на Ивана Купалу и т.д.

В некоторых местах Илью считали «водовозом для всех святых» и объясняли дождь тем, что Илья, везя воду по небу, расплескал ее. Во Владимирской губернии рассказывали даже об одном любопытном мужике, который, желая узнать, отчего бывает дождь, лично поднялся на небо и увидел там Илью, который разъезжал взад-вперед на своей колеснице, отчего происходил сильный гром; из-под копыт крылатых коней летели искры-молнии, а Илья зачерпывал из большого чана воду и поливал ею небо, отчего на землю лился дождь. В народе крестные ходы по случаю засухи совершали, в первую очередь, в «ильинских» церквях.

Во многих народных преданиях Илье-пророку приписывалось создание различных родников и ручьев, не замерзающих зимой (так называемых «гремьчих»);

по поверью, они возникли от удара огненных (громовых) стрел Ильи о камень или от удара копыта его коня. Так, например, возникновение одного из таких родников объясняли тем, что это Илья в свой

день пустил с неба стрелу, она пробила камень, и из него потекла вода.

Об Илье-Пророке в народе ходило множество легенд; при этом во многих из них библейские рассказы переплетались с былинами о русских богатырях, создавая неясный, туманный образ пол у богатыря - полусвятого, отчасти грозного воителя, а отчасти земледельца. Так, например, согласно одной такой легенде, Илья до 33-х лет не мог ходить и сидел сиднем на печи; родители его были людьми бедными и жили только тем, что корчевали пни. Но однажды по земле шел Господь с Николаем-Угодником и, увидев Илью, попросил его подать им напиться; Илья ответил, что рад бы исполнить эту просьбу, да не может встать, и тогда Господь взял его за руку, сам зачерпнул полное ведро воды из колодца и велел Илье выпить ее, затем зачерпнул еще одно ведро, а когда Илья выпил, то дал ему еще половину ведра воды. Затем он спросил: «Ну, как ты теперь?» — «Я могу поворотить весь свет по-иному, — ответил Илья, — если бы был столб среди неба и земли, то разрушил бы я всю землю». Услышав эти слова, Бог убавил Илье силы наполовину (по одному из вариантов легенды — возложив ему на голову камень в 40 десятин, который и по сей день цел и стоит на небе, перед престолом Божиим) и, сверх того, велел ему посидеть под землей 6 недель. Когда же Илья, по истечении этого срока, вышел на свет (вместе с пророком Онуфрием), то первое, что он увидел, была гробница; Илья вошел в нее, и тотчас же с неба спустилась огненная колесница, запряженная шестью жеребцами и управляемая ангелами, которая и умчала Илью на небо, «представив его пред лицо Господа». Господь же сказал Илье: «Отныне владей этой колесницей, пока я не приду на землю, и пусть в руках твоих отныне будет гром и молния». По народному поверью, на этой огненной колеснице Илья перед кончиной мира спустится на землю и три раза объедет из одного конца земли в другой, провозглашая приближение Страшного суда.

В народных верованиях Илья-Пророк иногда дублировал и некоторые мифологические и обрядовые функции св. Георгия. Так, например, согласно некоторым поверьям, Илья, подобно Егорию, покровительствует диким зверям и охоте. Нередко считалось, что в Ильин день «открываются норы» и дикие звери получают волю, а кроме того, в это время «гады всюду ходят», поэтому скот в этот день не выпускали на поля, опасаясь нападения змей и хищников. Вместе с тем, именно с Ильина дня в некоторых местах начинался сезон охоты на волков.

В русских легендах Илья-пророк, как правило, предстает строгим и немилосердным святым, олицетворяет праведного гнева Божия. Так, повсеместно считалось, что он безжалостно уничтожает всю нечистую силу, пуская в злых духов стрелы-молнии и поражая их громом. Гроза воспринималась простым земледельческим населением как битва между Илье-Пророком и сонмом бесов, преступивших закон Божий: Илья несется по небу на огненной колеснице и

пускает громовые стрелы, а все нечистые духи в паническом ужасе бегут от него и прячутся повсюду, куда могут пробраться. Так, например, считалось, что черти и бесы, спасаясь от гнева святого, обращаются в различных зверей, в первую очередь, в кошек, собак и гадов, а также погружаются в воду и обращаются в рыб (как правило, у таких рыб красные глаза). Помимо этого, бесы стараются укрыться в различных предметах и незащищенных местах: на чердаках, перекрестках и межах, на пустырях, в деревьях и сараях, в тени больших елей, под шляпками ядовитых грибов (известных в народе под именем «яруйки») и даже в храмах; прячутся они и в людей, если те во время грозы оказались на улице и не соблюдали мер предосторожности. Однако, по народному убеждению, куда бы ни прятались бесы, в кого бы ни превращались, Илья распознает их и метко поражает громом и молнией. Вообще, нередко считалось, что Илья уничтожает не только бесов и пр., но и вообще всех «нечистых» существ и их чары: так, например, в восточнославянских заговорах «громы и молнии», «огненная пелена» и «черные тучи», посылаемые Ильей-Пророком, способны уничтожать все те силы, которые пагубно воздействуют на человека, например: болезни, порчу, а также укусившую человека змею или напустившую порчу ведьму.

Даже сам Сатана, согласно поверьям, трепещет перед грозным пророком и, застигнутый им врасплох, пускается на всякие хитрости, чтобы избежать могучих ударов. Так, например, в народной легенде Сатана, убегая от Ильи, грозит: «Я в христианский дом влечу и сожгу его», на что Илья гремит в ответ: «Я не пощажу дома, поражу тебя» и ударяет своим жезлом с такой силой, что небесные своды трещат и огненным дождем рассыпаются каменные стрелы; «Я в скотину влечу, я в человека войду и погублю их, я в церковь Божию влечу и сожгу се», — снова грозит Сатана, но Илья неумолим, и со словами: «Я и церкви святой не пощажу, но сокрушу тебя», опоясывает все небо огненной лентой, убивая и скотину, и людей, разбивая в щепки столетние деревья и сжигая избы и святые храмы, безжалостно поражая Сатану.

Так как стрела Ильи, по народному убеждению, поражает не только беса, но и предмет или даже живое существо, послужившее ему укрытием, крестьяне повсеместно при приближении грозы старались принять особые меры, чтобы помешать бесу спрятаться в жилых постройках, домашней скотине и, особенно, в людях и тем предотвратить удар молнии. Так, например, с карающей функцией Ильи были связаны многочисленные запреты, регламентирующие поведение человека как в Ильин день, так и вообще во время грозы: нельзя прятаться в воде и под деревом, стоять на межах и дорогах, где прячутся демоны, громко петь и кричать, чтобы черти не вселились в человека через открытый рот, и т.д. Хозяева во время грозы не впускали в дом кошек и собак, не выпускали в поле скот и следили, чтобы поблизости от дома не оказалось гадов;

если же где-нибудь рядом оказывалась змея, ее избивали палками, а также держали наготове ружья, чтобы не допустить приближения гадов к жилью и тем предотвратить удар молнии в жилые постройки или в людей. Рыболовы ни в коем случае не ели пойманную в грозу рыбу, если у нее оказывались красные глаза, да и вообще старались не рыбачить в это время. Дома и жилые постройки во время грозы оберегали с помощью молитв, ладана, которым окуривали все жилище, и крестов, начерченных над всеми отверстиями, через которые мог проникнуть черт, а также с помощью различных оберегов: четверговой свечи, вербы, освященной в вербное воскресенье, «громовой стрелы» и т.д.

Особенно строгие запреты следовало, по народному убеждению, соблюдать в Ильин день, даже если в этот день не было грозы. Илья повсюду на Руси именовался «грозным», а день его памяти считался одним из самых опасных дней в году (иногда его называли «сердитым»). Так, например, считалось, что Илья жестоко карает за непочтительное отношение к его празднику (заступником в таких случаях выступает обычно св. Никола), и поэтому крестьяне, опасаясь гнева Ильи, способного наслать на поля, где еще не собран урожай, страшные грозы с проливными дождями, а также поджечь скошенное сено, старались поститься всю ильинскую неделю, а в Ильин день ни в коем случае не работали, не делали даже никакой пустой и простой работы, почитая ее за грех. Тех же, кто не подчинялся этому требованию, жестоко наказывали, например: налагали на нарушителя штраф, а то и целой толпой набрасывались на выехавшего в поле за снопами в Ильин день крестьянина, выпрягали лошадей из телеги, а конскую сбрую несли в кабак и там сообща пропивали; объяснялись эти суровые меры тем, что, по народному убеждению, за грех одного отвечать придется всем и несчастье обрушится на всю деревню, если не наказать виновного и тем не отвратить гнева пророка от невинных. В некоторых местах страх перед Ильей доходил даже до того, что перед его днем хозяева еще с вечера все светлые предметы, вроде самовара, зеркала и т.п., либо закрывали полотном, либо вовсе выносили из избы, полагая, что пророк считает такие предметы «предосудительной роскошью, неприличной в крестьянском быту». Если же в Ильин день все-таки начиналась гроза, крестьяне, как правило, немедленно разбежались по домам, наглухо запирали двери, занавешивали окна и, зажигая перед образом четверговые свечи, истово молились, прося пророка «сменить гнев на милость».

В некоторых местах грозного Илью, наводящего ужас на простой народ, старались умиловить подарками: в Ильин день приносили в церковь «под свято» баранью ногу, пчелиный мед, пиво, колосья свежей ржи и зеленый горох. Считалось, что эти приношения не только предотвращают удары молнии и т.п., но и способствуют дождям, которые задобренный святой вовремя пошлет на посевы. Для задабривания Ильи в его день также служили общественные молебны,

Илья-Пророк

совершаемые на полях; при этом в основании этого обычая во многих местах лежали какие-нибудь несчастья, случившиеся в Ильин день: молния зажгла деревню, «громом» убило человека или скотину, выбило градом хлеб и т.п.

Вероятно, своеобразной жертвой Илье являлась и «братчина» или «мольба» — коллективная трапеза, нередко объединявшая жителей нескольких соседних сел и считавшаяся одним из наиболее важных событий Ильина дня. Трапезе предшествовало ритуальное заклятие быка («На св. Илью бычью голову на стол»), купленного на собранные вкладчину деньги или сообща выкормленного, а в Ильин день приносимого в жертву Илье-Пророку («Илье под свято»). В Ильин день приготовленное в жертву животное приводили к церкви, где его освящали, а затем закалывали, мясо варили в больших котлах и ели его все вместе; при этом кровь быка собирали и мазали ею глаза и лоб, а детям щеки, чтобы здоровье и крепость животного передались людям. Особые магические свойства приписывались и костям съеденного животного: так, «ильинская» кость, по народному убеждению, способствовала удачной охоте и т.д.

Илья в народе считался самым грозным и немилостивым святым, которого боялись и задабривали; однако при этом он все-таки был и одним из самых важных и необходимых святых. Так, например, Илья весьма почитался как святой, уничтожающий всякую нечистую силу, досаждающую своими злыми проказами простым людям; при этом, по народному убеждению, нечистые духи страшатся не только самого Ильи, но даже и дождя, проливающегося в его день.

Кроме того, небесные силы, которыми управлял Илья-Пророк, были не только страшными, но и благодетельными и живительными, необходимыми для урожая. Поэтому Илья все-таки воспринимался не только как вестник небесного гнева, но и как благодетель человеческого рода, без воли которого не будет необходимого урожая, так как именно он дает земле живительную влагу дождя и тем дарует изобилие плодов. Так, в народных песнях под именем Ильи нередко фигурировал святой — покровитель урожая и плодородия, жнец и сеятель, податель всяческих благ. В земледельческих губерниях юга России и на Украине в Ильин день принято было подавать на стол хлеб из муки нового урожая («новую новину»). Почти везде к Ильину дню оканчивался сенокос («Илья-пророк — косьбе срок»; «До Ильина дня сено сметать — пуд меду в него накласть»; «До Ильина дня в сене пуд меду, а после этого дня — пуд навозу»; «Сенокос кончай до Ильина дня, а после Ильи на вилах сено суши»; «Новая новина на Ильин день — спят на Ильинской (первой) соломе»). Во многих местах Ильин день, приходившийся на самый разгар полевых работ, связывался с разными их этапами: с Ильина дня начинали жатву («Илья жниво зачинает») или заканчивали уборку («на Илью мужик копны считает»). Иногда начало полевых работ на будущий год определяли по

Ильину дню: «Если на Илью с утра облачно, то сев должен быть ранний и можно ожидать обильного урожая; если облачно в полдень — средний сев, а если вечером — сев поздний и урожай плохой»; «Коли к Ильину дню рожь убрана, то новый посев оканчивается до Флора и Лавра, а коли рожь посевае позже, то и сеять следует позже, до Семена дня».

Особое значение придавалось дождю в Ильин день: с ним было связано немало народных примет и поверий, в том числе и земледельческих. Так, например, считалось, что дождь на Илью предвещает обильный урожай ржи на следующий год; при этом, по народным наблюдениям, «до Ильина дня дождь — в закрое, а после Ильина — из закрома». Во многих местах верили также, что если в Ильин день (или в ильинскую пятницу) пойдет дождь, то пожаров в году будет мало, а если в этот день ведро — пожаров будет много. Вообще, ильинский дождь в народном представлении наделялся великой силой и его собирали, а затем умывались им «от вражых наветов, от призора, от напусков и чар».

К Ильину дню приурочивались и календарные приметы и поверья, по большей части, связанные с представлениями об Илье — властителе ветров и дождевых туч. С Ильина дня лето постепенно начинало уступать место осени («Илья лето кончает», «На Илью до обеда лето, после обеда осень»); дни в это время укорачивались, а ночи становились длиннее и темнее («После Ильина дня в поле сива коня не увидишь — вот до чего темны ночи»; «С Ильина дня ночь длинна: работник высыпается, а кони наедаются»). Со дня Ильи-Пророка начиналась дождливая пора («До Ильи облака ходят по ветру, а с Ильи — против ветра»; «До Ильи и поп дождя не намолит, а после Ильи и баба фартуком нагонит»; «Придет Илья — принесет гнилья (дожди)»; «До Ильина дня под кустом сушит, а после Ильи и на кусте не сохнет»). Кроме того, примерно с этого дня начинались холода, утренники («На Ильин день и камень прозябнет»). С Ильина дня, по народному мнению, вода уже не годится для купания («С Ильина дня вода стынет»; «С Ильи работнику две угоды: ночь длинна да вода холодна»); это нередко объясняли тем, что в нее обмакнул рога или лапы олень, либо сам Илья кинул в воду кусочек льда, а также тем, что «Илья-Пророк ездит на конях по небу, и от быстрого бега одна из лошадей теряет подкову, которая надает в воду, отчего вода сразу холодеет». Иногда считалось также, что в Ильин день купаются только черти, так что крещеному человеку в воду заходить нельзя.

Судя по всему, культ Ильи-Пророка перекрыл собой языческий культ Перуна, грозного божества грома, молний и дождя. На это указывают и ильинские братчины, на которых закалывали быка (жертвенное животное Перуна), и миф о битве Ильи и змея, вызывающей дождь (согласно древней легенде, Перун сражается в небе со Змеем-Велесом, а результатом этой битвы бывает освобождение небесных вод, запертых

Велесом), и вообще поклонение Илье как повелителю громов и молний. У литовцев и в XIX в. при громе говорили: «Перун едет на своей колеснице».

ИМЯ — обозначение человека (или животного, предмета), которые в народных поверьях считались непосредственно связанным с судьбой человека.

Имя ребенку выбирали обычно крестные родители (часто согласуя свой выбор со святыми и советуясь со священником); оно сохранялось в тайне и сообщалось родителям только после крещения по возвращении крестных с новорожденным домой. Нередко имя ребенку давали в честь того святого, чью память праздновала церковь в тот день, когда он родился. Часто присутствующие на крестинном обеде должны были сами отгадать имя; за это крестный отец награждал отгадавшего вином, а тот, в свою очередь, одаривал ребенка деньгами. Раскрытие имени до крещения считалось тяжким грехом и могло повлечь за собой смерть новорожденного.

Скрытие имени ребенка до крещения преследовало порой и иные цели. Так, например, имя скрывали от матери, чтобы дети не рождались у нее один за другим; не сообщали самому ребенку его имени до достижения им одного года, чтобы ребенок был счастлив и дожил до глубокой старости, и т.д. Чаще же имя держали в тайне, опасаясь вмешательства нечистой силы: вештицы, могущей навредить ребенку, босорки, «бисыцы» и других женских демонов, способных подменить новорожденного на своего ребенка.

Вместе с тем, с самого момента рождения ребенка нарекали каким-нибудь временным именем, обычно общим для всех некрещеных детей в той или иной местности (например, Иван и Мария). У южных славян некрещеным детям давали имена, подчеркивающие «чуждость» такого ребенка, его принадлежность к «иному» миру («гад», «гадура», «поганец», «скот» и др.); при этом «погаными» именами могли и крестить детей, в частности, незаконнорожденных (у поляков, например, таких девочек звали Мокра и др.).

При наречении ребенка соблюдали определенные запреты. Так, существовал запрет дублировать имена людей, живущих в одном доме (так, сыновьям часто остерегались давать имена деда, отца или братьев, поскольку при нарушении этого запрета один из тезок должен был умереть, а в этом случае смерть ожидала и другого); избегали также давать новорожденному имя умершего ребенка, чтобы он не унаследовал его судьбы. Зачастую детей нарекали именами умерших деда и бабки, считая, что и судьбу человек наследует через поколение. Женщина, у которой рождались одни девочки, давала последней из них свое имя, чтобы следующим у нее родился мальчик.

Наречение именем было равносильно для ребенка выбору судьбы. Зачастую детям давали «магические» имена: так, если в доме умирали дети, новорожденным давали «останавливающее» имя (Стан, Стоян и т.п.) или благотворно влияющее имя (Живко, Спасе и т.д.);

часто старались «обмануть» судьбу, давая ребенку звериное имя (тина Вук [волк] и т.п.). С целью перелома судьбы новорожденного меняли крестного отца: ребенка клали на дороге, и первый, кто наткнется на него, должен был дать ему имя (обычно Найден, Найда и под.); если же к ребенку подходило животное, то ребенка называли его именем. Предохраняя детей от смерти, в семьях нередко называли их в течение долгого времени фальшивыми именами или вообще обходились без имени, обращаясь к ребенку просто «мальчик» или «девочка».

В традиционной культуре существовала достаточно жесткая половозрастная и социовозрастная дифференциация имен, а изменение имени означало переход человека в иную социально-возрастную категорию. Привычным было обращение к детям и подросткам полуименем или уменьшительным именем (тина Ванька); позже на подступах к совершеннолетию появлялись имена тина Ванюха, Кириша и т.д.; наступление же совершеннолетия отмечалось переходом к полному имени (Иван и др.).

Особое развитие получил ритуал величания человека, достигшего брачного возраста, а также вступившего в брак. Величание подразумевало название человека по имени и отчеству и происходило, как правило, во время общественных увеселений и праздников. Взаимные величания девушек и парней имели место во время весенних хороводов и зимних посиделок в избе; это величание осуществлялось, как правило, в песенной форме. Особенно же заметно величальное обращение к жениху и невесте в свадебном фольклоре; впоследствии получение молодоженами права называться по имени-отчеству закреплялось в особом обряде — «вьюнишнике», или «окликании молодых», проводившемся ежегодно в первое воскресенье после Пасхи, когда молодоженов «величали» по имени-отчеству или пели им песни, в которых их так называли.

Существовали различия между праздничными (по имени-отчеству) и будничными именами; между тем, как называли человека на улице (где допускалось обращение по прозвищу) и у него в доме (почтительное обращение); между обращениями, принятыми внутри семьи в пределах дома и в общественных местах, и др.

Имя человека, мифологически отождествляемое с его носителем и вместе с тем обладающее известной самостоятельностью, являлось объектом многих ритуалов. Об отчуждаемости имени от человека свидетельствует, например, белорусский обряд крестин: когда у крестных родителей не было возможности отнести новорожденного в церковь, а у священника — прийти к нему, крестный сам шел в церковь, где священник «наговаривал» в шапку имя будущего младенца и весь ритуал крещения, потом эту шапку привозили домой и надевали на ребенка, после чего он считался окрещенным.

Известны многочисленные перемены имени. Так, «перекрещивание» совершалось для того, чтобы именем,

заново данным человеку, обмануть болезнь, извонившую человека и не поддающуюся лечению. Так же поступали и с людьми, вступившими в брак в глубокой старости (т.е. как бы начавшими вторую жизнь) или женившимися в четвертый раз (т.е. превысившими количество браков, допустимых для одной человеческой жизни). Временное наречение мальчика женским именем практиковалось также с целью магического обмана болезни (ср. обычай менять при покупке кличку коровы или лошади, чтобы она перестала тосковать о прежних хозяевах).

Магически воздействуя на имя, можно было навести порчу на человека: для этого наговаривали вредоносный заговор на бумажку с именем человека; так же поступали и в любовной магии. Желая навлечь на человека блох или вшей, брали кусок мяса, прикрепляли к нему бумажку с именем человека и закапывали мясо в землю; считалось, что насекомые будут мучить человека до тех пор, пока черви в земле будут есть это мясо. Полагали, что, откликаясь на свое имя, человек как бы обнаруживает себя, делает себя уязвимым; наиболее часто этим запретом руководствовались люди, оказавшиеся ночью в каком-нибудь «нечистом» и опасном месте (например, во время гаданий на перекрестке, при выкапывании клада, который стережет нечистая сила, и т.д.), а также те, кто был наиболее подвержен неблагоприятному воздействию со стороны (роженница, беременная, больной, ребенок и др.).

В ряде обрядов произнесению имени, его выкликанию придавалось значение воссоздания сущности и воплощения желаемого. Так, повитуха «окликала» мертворожденного или слабого ребенка, громко произнося у него над ухом мужские или женские (в зависимости от пола) имена; если ребенок приходил в себя, его крестили тем именем, на которое он отозвался.

ИНОРОДЕЦ — представитель иноэтнической группы, соотносимый с категорией «чужого», опасного, потустороннего. Иноязычие осознается как немота; поэтому обитатели «заморских» стран представлялись часто существами, вообще лишенными человеческой речи. Иностраный язык может восприниматься как язык нечистой силы или животных.

Представители других этносов в славянской народной традиции могли иногда выступать в виде некоего мифического народа, великанов, людоедов; таковы «чудь», «наны», «литва» в представлениях русских. По поверьям, эти инородцы отличались исполинской силой и ростом, владели кладами, убивали и поедали людей и таинственно исчезали (так, «чудь», по поверью, «ушла в землю»). В представлении словаков и хорватов турки и татары являлись не только людоедами, но и имели песьи головы.

Инородцам часто приписывались необычные черты внешности или скрытые дефекты, подчеркивающие их чужеродность. «Чудь» в представлении русских «белоглазая» и «одноногая». Существует поверье, что у инородцев черное небо; черный цвет сблизает

инородцев с нечистой силой. Поляки и белорусы считали, что мазуры, подобно животным, рождаются слепыми и прозревают через 3 или 9 дней; поляки считали, что евреи имеют маленькие хвостики, и т.п.

Традиционным являлось представление, что у инородцев нет души, а есть только «нар», «пара», как у животных. Даже если наличие души у инородцев признается, инородцы (иноверцы) не могут вместе с христианами попасть в рай, чистилище или ад; для душ евреев и некрещеных детей существует особое место — пещера или бездонная темная пропасть. Лишенные души, инородцы якобы находятся в родстве с животными (считается, что журавли происходят от цыган; в удеде живет душа еврея; еврейка в легенде была превращена в свинью, и т.д.). В христианской традиции язычники ассоциируются с псами; у славян слова «пес», «собака» также означают инородца (иноверца), а выражения тина «песья вера» означают «чужую» веру, отклонение от «правильной» (т.е. «своей») веры или безверие.

Инородцы и нечистая сила в народном сознании были очень тесно связаны. Так, например, считалось, что цыгане произошли от черта и хромой девушки из числа фараоновых людей, преследовавших Моисея и евреев во время их исхода из Египта. По некоторым поверьям, инородцы отдают свои души черту, поклоняются ему; достаются черту и души людей, родившихся от смешанных браков, и крещеных евреев. Считалось также, что инородцы могут способствовать размножению нечистой силы, например: по поверью, когда еврей моет руки и стряхивает воду, из брызг появляются черти. В виде инородца мог появляться бес, черт; так, например, один из традиционных обликов черта-инородца — это человек в «немецком» или «литовском» платье, во фраке, в высокой шляпе. Инородцев нередко считали причастными к колдовству и знахарству, причем считалось, что инородцы могут быть опасны для знахарей: если знахарь окажет помощь инородцу, то он потеряет свою силу.

В приметах, связанных с инородцами, выявлялись иногда и положительные функции, приписываемые «чужим». Счастливым предзнаменованием считался у славян приход в дом в определенные календарные праздники инородца-полазника. Считалось также, что новорожденный будет здоров, если в первый раз его накормит грудью цыганка. В семьях, где часто умирали дети, в восприимчики к новорожденному приглашали инородцев. Хорошей приметой считалось встретить инородца в дороге (или увидеть его во сне).

В инородцев традиционно рядились на масленицу (используя маску «еврея» или «цыгана» и пр.), на святки (в это время также рядились в «цыган» и пр.), в канун насхи (в Польше в это время ряженые «турками» разыгрывали немые сцены в костеле во время богослужения), а также на свадьбе. В Польше для юношей, впервые выходящих косить, иногда устраивалось игровое действо «крещение еврея»,

Инцест

представлявшее собой пародию на обряд крещения инородцев.

ИНЦЕСТ — кровосмешение, страшный грех; популярный мотив фольклорных произведений: баллад, обрядовых песен и др. Тема инцеста — кровосмесительной связи — в наиболее архаичной форме может быть рассмотрена как «воплощение взаимосвязи основных противоположностей — членов бинарных оппозиций».

Инцест очень осуждался христианами, хотя в древнейшие языческие времена он вовсе не был такой уж редкостью; да и при христианстве, особенно в первое время после христианизации, в деревнях нередко случалось так, что брат «прелюбодействовал» с сестрой, отец — с дочерью, ит.д.

Тема инцеста брата и сестры была характерна для купальских песен, возможно, потому, что во время игрищ на Ивана Купалу предположительно допускалась полная свобода сексуальных связей, «свальный грех». Так, «Повесть временных лет» нач. XII в. отмечает, что из языческих славянских племен лишь поляне имели «стыденье» к снохам и сестрам; в сообщении же из Вятской губернии говорится, что «во время братчины... совокупаются в близких степенях родства: сноха с деверем, свекром, близкие родственники; бывали случаи и с родными — братья и сестры (все женатые) и грехом не считали». Во многих поучениях против язычества отмечаются истинно языческие празднования летнего солнцестояния, сопровождавшиеся непристойными плясками и половыми актами мужчин и женщин, причем даже состоящих в близком родстве. Весенне-летние купальские празднества посвящались торжеству жизни, плодородию, поэтому людские совокупления в это время представлялись язычникам необходимыми: они как бы стимулировали жизненные силы земли.

При этом народные мифы гласили, что во время летнего солнцестояния празднуется свадьба и брачная связь земли и неба, либо воды и огня; а огонь и вода в народном представлении нередко выступали как брат и сестра. Эту связь мог олицетворять двухцветный цветок иван-да-марья: желтый цвет воплощал огонь, а

синий — воду. Так, в купальских песнях, посвященных инцесту, рассказывается о происхождении синезелтого цветка (называемого иван-да-марья, братки, брат-с-сестрой и др.), в который после кровосмешения превратились брат и сестра («на брахнейку жоуты цвет, на сястрыцы синеньк»); при этом превращение в растение в ряде баллад выступало как единственно возможная форма наказания (брата с сестрой не принимают в монастырь, их не трогают в лесу дикие звери, они не могут утонуть, и т.д.). Вообще, подобный миф имел несколько вариантов: например, по одной из песен, брат собирается убить сестру-соблазнительницу, а она просит посадить цветы на ее могиле.

В народных сказках нарушение брачных и родственных норм путем женитьбы на близких родственниках ведет обычно к различным социальным последствиям, а не к космическим изменениям, что характерно для мифа. Для мифов тема брака обычно бывает периферийна, и семейные отношения изображаются лишь как средство достижения определенного положения; но в сказках, напротив, любые испытания сказочного героя ведут его либо к женитьбе, либо к инцесту. При этом повествования об инцесте нередко бывают связаны с нарушением табу, каких-либо запретов; иногда они объясняются и как случайность (например, мужчина женится на спасенной им девушке, после чего выясняется, что она — его сестра, в детстве похищенная из дома). Очень часто инициаторами нарушения норм в сказках являются женщины (мать, совращающая сына, сестра или дочь); но как только преступление раскрывается, наказывается мужчина (иногда он сам наказывает себя), и чаще всего смертью.

В славянской магии тексты, использующие мотив инцеста, как и некоторые другие мотивы «чудес», наделялись «отгонной» функцией. В Полесье, например, стремясь оградить себя и дом от посещений «ходячего» покойника, домашние при появлении покойника начинали говорить о предстоящей свадьбе брата и сестры; кроме того, у всех славян одним из способов отвадить огненного змея, летающего к вдовам, считался рассказ о браке брата и сестры, матери и сына и т.д.

Ирий — см. Вырей.

К

КАДИЛЬНИЦА — женский демонический персонаж, обитающий в горах камней; вероятно, искаженное название кудельницы, удельницы. В Заонежье полагали, что кадилаьница обитает в грудовьях (кучах) камней, плетет венки из васильков и обычно безвредна. Возможно, кадилаьница связана с теми каменными горами, которыми крестьяне обозначали границы полей, межи, свои уделы; вероятно, она, будучи существом, персонифицирующим удел, долю, могла быть и духом — охранителем полей и границ, подобно Чуру.

КАЖЕННИК — человек, которого обошел (обвеял вихрем) леший. Считалось, что у такого человека часто случаются потеря памяти, помешательство, безумный бред, припадки, столбняк и т.п.; он говорит бессмысленные слова, «не то делает, что видит, не то говорит, что слышит, и что ни задумает — все выйдет наоборот».

Чтобы исцелить каженика, на него надевали белую рубашку на выворот, семь зорь подряд сажали возле веревки, под ветер, полили травяной росой, оканивали водой из нагорного студенца и т.п. Знахари отчитывали кажеников на пророка Малахию.

КАМЕНЬ — в народной традиции объект почитания. Почитание священных камней было особенно характерно для Белоруссии и Русского Севера; почитаемые камни часто находятся рядом с остатками языческих святилищ. Священными камнями, как правило, были необработанные валуны, часто больших размеров и причудливой формы; они, как правило, располагались на берегу реки, озера, у источника, среди деревьев, составляя единый обрядовый комплекс со своим природным окружением. Люди приходили к таким священным камням со всей округи: пили воду из углублений камней, обливались ею; купались в водоемах, расположенных рядом с камнями, вешали на деревья полотенца, предметы одежды, ленточки и т.д.

В Дмитровском районе и до недавнего времени почитали большой валун, лежавший в болотистой местности, в нескольких шагах от реки Кимерши (Московская область). К этому камню приносили больных детей; обливали камень водой из ручья, собирали потом эту воду в особую посудинку и обмывали ею ребенка, после чего надевали на него новое белье, а старое развешивали на окружающих деревьях; считалось, что если ребенку суждено жить, то он сразу после этого пойдет на поправку, а если суждено умереть — быстро зачахнет. Согласно легенде, камень сам приплыл по

реке Кимерше в день Ивана Ку налы и выбрал место, где ему лежать.

Один из священных камней Поволжья, называемый местными жителями синей или каменной бабой, находился в Берендеевом болоте. Еще в начале XX в. к нему приносили ягоды и хлеб; бабы, чтобы не заблудиться, клали перед ним ягоды и, выворотив наизнанку платье, уходили от него пятясь.

В Малороссии русские переселенцы почитали «каменных баб» — статуи, оставленные древним населением Причерноморья. Во время засухи или эпидемии шли к каменной бабе, клали ей ломоть хлеба на плечо, рассыпали у ног зерна и, кланяясь в ноги, просили помочь и сохранить от беды. Рассказывали, что когда одну такую бабу пытались стащить с кургана, то она сама «приподнялась, пошла вверх и стала крепче прежнего на своем месте».

В Тульской губернии почитали Башу — два квадратных камня, именуемые Баш и Башиха. Камни эти стояли на пахотном поле, близ дороги, на некоторой возвышенности; между собой они лежали параллельно, на расстоянии «один от другого не более полтора аршина». Чествовали их около Петрова дня (12.VII). Местные жители уверяли, что некогда Баш и Башиха были людьми (мужем и женой или кумом с кумой); после смерти они обратились в камни, но сохранили некоторые человеческие черты характера. Некоторые же почитали Башу за татарского сановника, который с женой крестился, жизнь вел благочестивую, а когда умер и был погребен на поле, с востока приплыли два камня и сами пришли лечь на могилу его и его жены. Впрочем, предание о превращении в камни самих Баш и Башихой было более распространено. Так, рассказывали, что некогда они повздорили между собой, и Башиха за непокорность получила от Башу удар сапогом, так что в камне до сих пор виден отпечаток сапога. Рубцы на камнях также иногда объясняли ссорой между Башем и Башихой (говорили, что рубцы появились оттого, что Баш рубил Башиху саблей) или тем, что какой-то помещик из любопытства пытался порезать камни; на камнях из-за этого появились красные пятна, следствием чего явилось бесплодие того поля, на котором стояли камни, а также ослепление, продолжительная болезнь и смерть помещика. Рассказывали также, что когда-то эти камни хотели положить в основание храма, но когда захотели определить величину Баш и для этого оторвать сторону, находящуюся в земле, произошло чудо: сколько камни ни пытались подрыть, Баш и Башиха осаживались вниз и оставались отчасти скрытыми в земле.

Каравай

В селах, располагавшихся недалеко от Башей, верили, что Баша обладают чудесной силой. Так, землю от подножия камней брали для размножения скота и от порчи (отчего на этом месте со временем образовалась большая яма). Осколки от Башей считались средством от зубной боли. В Петров день, после молебна Богоматери, к этим камням ходили кланяться, как на могилы усопших родственников, а после этого оставляли у Башей различные вещи, деньги, шерсть, холсты и проч. (потом все это обычно собирал церковный староста, и все пожертвования поступали в церковь). Рассказывали также, что Баша иногда являются людям во сне и оказывают помощь, указывая, что нужно сделать, чтобы дела пошли на лад: так, например, когда в одном дворе начали умирать овцы, Баша во сне велели хозяйке дома поклониться камням и взять из-под них земли; когда хозяйка поступила так, овцы перестали умирать.

Особую группу камней составляют следовики — валуны с углублениями, напоминающими отпечаток ступни; некоторые из этих «следов» естественного происхождения, другие представляют собой древние наскальные изображения. Так как «следы» часто отличаются большими размерами, их считают следами великанов, богов, героев и т.п.; иногда отпечатки следов приписывали нечистой силе, бесам. Со многими следовиками связаны легенды, объясняющие их появление в данной местности.

КАРАВАЙ — обрядовый круглый хлеб с украшениями, а также мифологическое существо; символ плодородия, связанный с солнцем и с солнечным богом — Дажьбогом. Так, считалось, что «сам Бог (некогда, очевидно, Дажьбог) каравай месит»; стряпая каравай, просили Бога спуститься с неба и помочь месить тесто и печь хлеб, и т.д. Приготовление караваев было связано со множеством торжественных действий и различных обрядов, длившихся иногда по нескольку дней при участии особых жрецов; для приготовления караваев нередко использовались различные обрядовые орудия (например, обрядовые жернова для приготовления муки). Обрядовый каравай обычно украшался изображением Мирового древа и фигурками птиц и животных; его отождествляли с солнцем и с месяцем. В свадебном обряде каравай иногда украшался фаллическими символами; разломленный на две половинки, он воплощал собой жениха и невесту.

На свадьбе караваю воздавались особые почести. Так, в свадебных песнях каравай старались убажить ласковыми словами: «Свети, свети, месяц, нашему караваю! Проглянь, прогляни, солнце, нашему караваю! Вы, добрые люди, посмотрите, вы нашего караваев отведайте, вы, князь с княгиней, покушайте!» Существовали даже специальные «каравайные» песни: «Коровай катается, коровай валяется, коровай на лопату сел, коровай на ножки встал, коровай гряды достал. Уж наш-то коровай для всей семьи годен, для всей семьи — чужой родни: чужому батюшке заесть,

чужой матушке закушать, молодой княгине нашей утричком прикушать; молодому-то князю нашему сыто-насыто наесться!»

С незанятных времен караваю воздавались особые почести на свадьбах. В Белоруссии и Малороссии существовал даже особый свадебный обряд, называемый расчиненьем (растворением) караваев. Для исполнения этого обряда мужчины собирались в доме жениха, а женщины замешивали из кислого теста каравай и пели в это время свадебные песни. Изготовив хлеб, они заставляли мужчину вымести венником печь и посадить в нее каравай, т.е. проделать обычную «бабью работу», а сами в это время пели особые обрядовые песни. Тот, кто сажал каравай, поднимал правую ногу и три раза бил сапогом в край печи, чтобы принуть ее хорошенько испечь хлеб, — иначе, по поверью, «нехорошо будет молодым». Женщины в это время подхватывали и поднимали дежу, в которой замешивали хлеб, к самому потолку. Затем мужика, сажавшего каравай в печь, повязывали утиральником (полотенцем), чтобы он походил на бабу и смог обмануть печь, после чего усаживали его в задний угол, чтобы каравай не разошелся.

После того, как каравай «поспел» и его вынули из печи, жених брал его, садился на лошадь и отправлялся за невестой; его сопровождал сват с белой перевязью через плечо, едущий впереди. Каравай во время этого путешествия лежал на веке, т.е. на круглой доске, которой хозяйки прикрывали квашню. У дома молодой жениха встречала невеста и ее мать (теща), обе в полушубках наизнанку, шерстью вверх; теща при этом держала в руках ковш, который молодой забирал у нее, лил воду и бросал ковш через голову, после чего сходил с лошади и подавал каравай. Каравай этот всякий из присутствующих обязан был поднять и сказать: «Наше выше».

Молодым соединяли руки, вместе поворачивали их три раза, затем вводили в избу и усаживали. Невесте снимали с головы девичий косник и давали ей в руки черную барашковую шапку, которую она, два раза бросив на пол, надевала; женщины при этом голосили. Потом молодых выводили во двор, сажали на телегу и покрывали обоих полушубком шерстью вверх. Молодая, выезжая из отцовского дома, бросала через голову каравай или пирог, который потом поднимался, и невеста, подъезжая к женихову дому, снова бросала его, но уже впереди себя — в знак того, что о старом доме будет «хранить память и любовь», а в новом «думает заводить любовь вновь». В воротах женихова дома молодых встречали зажженная солома и мать жениха, также одетая в вывернутую шубу; она подавала невестке руку, а молодая ступала на квашню, а с нее на холст, по которому и входила в избу, где снимала шапку и повязывала бабий убор, называемый наметкой.

На следующий день молодой вновь отправлялся в дом к тестю — звать родителей невесты «делить

Караконджалы

каравай». Когда каравай делили, новобрачных подводили к колодцу и обливали их ноги водой.

КАРАКОНДЖАЛЫ — у южных славян ночные водяные демоны (от турец. «ночной сезонный демон»). Выступали они обычно в облике коней с человеческой головой и двумя руками или крыльями; либо голых людей, покрытых колючками; иногда — антропоморфных лохматых красных или черных бесов с хвостом и рогами, либо маленьких человечков, приманивающих людей ко льду (ср. шуликунов). Считалось также, что они могут появляться в облике собаки, овцы, теленка или косматого, рогатого и хвостатого человека.

Согласно народным поверьям, караконджалы выходят из воды или из пещер и нечистых мест на период от Рождества (иногда от Игнатьева дня, 2 января) до Крещения (или Бабина дня, 21 января). После полуночи они нападают на людей, ездят на них верхом до первых петухов или первого крика осла, а также гоняют людей вокруг села, полей, по берегу реки. Считалось, что они боятся огня, железа, пепла от бадняка, хлеба, соли и т.п.

КАРАЧУН — название зимнего солнцеворота и связанного с ним праздника — Рождества (древнерус. корочунь, болг. крачунец — «рождественский день»; в Закарпатье крачун — рождественский пирог), приходящегося некогда на 25 декабря, т.е. на солнцеворот. У русских керечуном, карачуном иногда именовался еще рождественский пост или филиповки.

Предположительно, название «карачун» образовано от лат. «шагать» (сербское «карачити» — ходить) и означает «шагающий день», т.е. переходный день, день солнцеворота, начало «умирания» зимы. День Карачуна (один из самых холодных дней зимы) считался переломным днем, когда перестают укорачиваться ночи, а солнце «смотрит» уже не на мороз, а на тепло. Карачун, возможно, и считался той самой темной силой, которая укорачивает светлую часть суток.

Кроме того, название «карачун» схоже с русским словом «корчить, кривляться». Возможно, это название отражало древний обычай рядиться на святки и устраивать маскарады, на которых ряженые скакали, корчились, кривлялись и т.д.

Вероятно, в языческие времена Карачун считался подземным богом, повелевающим морозами, богом — олицетворением смерти. Позднее же он превратился в злого духа, олицетворяющего смерть (белорус, корочун — «внезапная смерть в молодом возрасте; судороги; злой дух, сокращающий жизнь»; рус. карачун — «смерть, гибель, злой дух»). Предположительно, слугами Карачуна некогда считались медведи-шатуны, в которых, по поверью, оборачиваются бураны, и стаи во л ков-метел ей.

Карна — см. Желя и Карна.

КАСЬЯН. Касьян Немилостивый — воплощение високосного года, 29 февраля. Его день праздновали раз в четыре года; одна из народных легенд объясняла это тем, что Касьян три года подряд в свои именины был пьян и только на четвертый год унялся и праздновал своего ангела в трезвом виде — «вот почему и положено ему быть именинником через три года раз». По другой же легенде, Касьяна так наказал Бог: однажды Касьян и Николай Чудотворец (Никола) шли по дороге и встретили мужичка, попросившего их помочь ему вытащить увязший в грязи воз; Касьян отказался, сказав, что боится запачкать свою райскую ризу, а Николай помог вытащить воз; когда же они явились к Богу, тот спросил Николая, где же тот выпачкался, и узнав, что Касьян отказал в помощи мужику, а Николай помог, дал Николе два праздника в году (весной и зимой), а Касьяну — один раз в четыре года.

В Вологодской губернии Касьяна считали «пальным» святым и рассказывали про него такую легенду: «Святой Касьян сначала был светлым ангелом, почему Бог не имел нужды таить от него свои планы и намерения. Но затем святой этот соблазнился на обещания и уловки нечистой силы и, перейдя на сторону дьявола, шепнул ему, что Бог намерен свергнуть всю сатанинскую силу с неба в преисподнюю. Однако впоследствии Касьяна стала мучить совесть, он раскаялся в своем предательстве и пожалел о прежнем житье на небе и о своей близости к Богу. Тогда Господь внял молитвам грешника и сжалился над ним, но, из осторожности, все-таки не приблизил его к себе, а приставил к нему ангела-хранителя, которому и приказал заковать Касьяна в цепи и бить его по три года тяжелым молотом в лоб, а на четвертый отпускать на волю».

В народном представлении образ Касьяна был очень близок к образу нечистых духов, и особенно к образу Вия. Так, например, согласно легендам, Касьян сидит неподвижно и не видит «божьего света» из-за ресниц, которые достигают его колен; живет он в пещере, куда не проникает свет, или лежит в яме, засыпанной землей. Повсеместно считалось также, что у Касьяна «недобрый взгляд»: «Касьян на что взглянет — все вянет»; если он взглянет на скотину, она немедленно околеет, взглянет на лес — тот засохнет на корню, а если глянет на человека — «будет тому великое несчастье» (скорее всего, этот человек погибнет). В некоторых местах полагали даже, что взгляд Касьяна губителен настолько, что может уничтожить целые города. Про угрюмого, тяжелого и необщительного человека в народе говорили, что он «Касьяном смотрит»; нередко считали, что такой человек может сглазить, и предупреждали: «Касьян косоглазый, от него, братцы, хороните все, как от Касьяна, — живо сглазит, да так, что потом ни попы не отчитают, ни бабки не отшпечут». «Глаз Касьяна» считался настолько опасным, что в его день, 29 февраля, крестьяне многих мест старались даже не выходить из дома, особенно до

Каша

солнечного восхода, чтобы не случилось какого-нибудь непоправимого несчастья; в некоторых местах даже советовали проспать до обеда, чтобы таким образом переждать самое опасное время и избежать беды.

Из-за своей близости к нечистой силе Касьян во многих местах не считался святым и даже не признавался русским; даже само имя Касьян порой считалось позорным. Иногда его даже прямо приравнивали к нечистому духу, полагая, что он, подобно дьяволу, охраняет ворота в ад и повелевает ветрами, насылающими мор на людей и скотину: ветры он держит на двенадцати цепях и за двенадцатью замками, но время от времени отпускает их на землю, и они несут с собой моровое поветрие. Иногда к этой легенде присовокупляли еще, что сам Бог приказал образ св. Касьяна ставить в церквях на задней стене, т.е. над входной дверью. Из-за такого отношения к Касьяну сам високосный год повсюду на Руси считался несчастливым и опасным, а Касьянов день представлялся самым опасным днем года.

КАША — у славян одно из традиционных, наиболее часто встречающихся блюд. Каша появилась в те давние времена, когда люди еще не знали ни жерновов, ни мельниц, и она была, очевидно, самым первым блюдом, приготовленным людьми из хлебных зерен. Для приготовления хлеба зёрна нужно было обдирать и размалывать, превращать их в муку, замешивать тесто и т.д.; незатейливость же каши даже вошла в поговорку: «Кашу и дурень сварит — была бы крупица да водица». При этом, однако, это немудреное блюдо прочно вошло в жизнь славян-земледельцев.

«Каша — мать наша», — говорили русские люди. Кашей не брезговали не только простые земледельцы, но и весьма знатные люди (купцы, бояре и пр.) и даже правители целых государств; у крестьян же это блюдо составляло «целую половину обеда и последнюю сыть». пахари-земледельцы ели кашу с самого детства: во младенчестве матери кормили их так называемой размазней (жидкой кашкой, сваренной на воде или на молоке), а когда они выросли, их основной сдой становилась круто сваренная каша из пшеницы, гречихи, ячменя и других хлебных растений. Каша шла и на «главную сыть», и на закуску: так, крупеник — кашу, запеченную на молоке и яйцах, — русские крестьяне считали лакомым блюдом вроде сладких пирожных. По русскому выражению, «без каши и обед не в обед»; «русского мужика без каши и не накормишь».

Без каши, традиционного обрядового блюда, не обходилось, пожалуй, ни одно важное событие в жизни земледельцев. Так, например, когда в крестьянской семье рождался ребенок, его спешили окрестить и дать ему имя; при этом в честь «приобщения младенца ко Христу и введения его в лоно церкви» обычно устраивался праздник, сопровождавшийся различными обрядами. Одним из таких обрядов во многих местах

было приготовление в честь младенца и на его имя «заветного крестильного блюда» — каши из сваренных в воде зерен в их настоящем неизменном (неразмолотом) виде. Как правило, такая крестильная каша была либо яшная (из ячменя), либо пшеничная. Баба-повитуха, принимавшая ребенка, ходила с этой кашей по всем званым гостям, и каждый из них, кто хотел есть кашу, должен был выкупить ложку, то есть положить грош; народное поверье при этом гласило: «за кашку грош отдать — младенец жить будет». Отца младенца тоже потчевали кашей, причем круто посоленной и с перцем.

Кашу непременно готовили для угощения в честь свадьбы; она являлась непременно блюдом и при почине нового хозяйства. Обрядовую кашу хозяйки готовили в честь многих праздников. Так, например, каша являлась одним из главных блюд на угощении в день памяти Космы и Дамиана, из-за чего сам праздник этих святых именовали иногда «кашником». День Акулины-Гречушницы (26. VI) нередко назывался праздником каш, так как, по обычаю, в этот день богатые хозяева угощали кашей «всякую нищую братию». Обетные мирские каши готовились для нищих и в день Аграфены Купальницы (6. VII). Каша из свежего зерна непременно варилась на угощение молотильщикам в день Феклы Заревницы (7.X), когда оwin величали «именинником»; при этом той же кашей во многих местах угощали и «овинного хозяина», которому оставляли горшок с этим обрядовым блюдом в подлазе.

Без обрядовой каши не обходились и такие большие зимние праздники, как Рождество, Новый год, святки и т.п. Каша, выставаемая хозяйками в это время на стол, носила название кутьи и была сытной, очень вкусной и сладкой. В сочельник, накануне великого дня Рождества Христова, все домочадцы, не приступая к еде, дожидались появления на небе первой звезды, в память о явлении на востоке звезды, возвестившей восточным волхвам о явлении Спасителя мира, Божественного Сеятеля, который будет «сеять семя слова Божия, чтобы вырастить хлеб небесный». С появлением звезды кончался рождественский пост, и на стол, покрытый соломой и скатертью, хозяйка ставила кутью — жидкую кашу, сваренную из обдирного ячменя, пшеницы или толстой крупы на воде, подслащенной медом. Такая же кутья подавалась на стол и под Новый год, и на Крещение; при этом рождественская кутья именовалась в народе постной, новогодняя — голодной, а крещенская — богатой. С кутьей, святочным обрядовым блюдом, связывались различные названия святочных дней; так, например, второй день святок в народе именовался «бабьими кашами»; канун Рождества назывался «первой кутьей», канун Васильева дня (Нового года) — «второй (второй) кутьей», а крещенский сочельник — «третьей кутьей»; сам же сочельник, или сочевник, назывался так оттого, что в это время на ужин подавалось сочиво, т.е. наслащенная каша без скоромной приправы.

Квашня

Для приготовления каши годились зерна самых разных хлебных растений: ячменя (яшная каша), гречихи (гречневая), полбы (полбяная). В Малороссии и некоторых других местах кашу варили из пшена (пшениную), приготавливая так называемый кулеш. В юго-западных славянских землях варили каши из риса и кукурузы: из риса готовили плов (рисовую кашу с разными приправами), а из кукурузы — мамалыгу (круто затертую и заваренную кашу из кукурузной муки). В употреблении у земледельцев была и ржаная каша, причем для нее иногда брали недозрелую рожь (такая зеленая каша «составляла кое-где купеческую прихоть»). Варили каши и из зерен овса, хотя готовили их не всюду: так, к овсяной каше русские крестьяне зачастую испытывали даже отвращение. Во многих местах встречались также и пшеничные каши, причем лучшими из них считались те, которые варились из особой пшеничной крупы, называемой манной; впрочем, такие каши были мало известны в народе, так как манная крупа, как и крупа из картофеля (саго), из-за трудности приготовления была достаточно дорогой и, следовательно, доступной только для состоятельных людей.

Из всех этих каш самой спорой и вкусной считалась яшная каша (из ячменной крупы). Для ее приготовления хозяйки клали ячменные зерна в ступку и били пестом, а потом промывали; неудобоваримая шелуха зерен при этом отлетала, и оставалась чистая яшная (ячная) крупа. Высушенная особым образом, она получила название толстой крупы. Очищенную же самым лучшим способом и тщательнейшим образом отобранную яшную крупу называли перловой или перловкой — по сходству ее зерен с перлами (жемчужинами). Из полученных очищенных зерен потом варили кашу, которую, как и практически все другие каши, ели «тотчас из печи горячею», так как, остывая, всякая каша теряет вкус и становится «тяжелою для желудка».

Но хотя яшная каша и почиталась одной из лучших и вкуснейших каш, самой любимой народом и самой распространенной с давних времен была гречневая каша. Ее, в отличие от других каш, можно было есть не только горячей, но и холодной, с молоком, с конопляным соком и даже с квасом. Ни одна другая каша в народе не пользовалась таким уважением, как гречневая. На Руси гречиху сеяли и в теплых южных районах, и в северных губерниях. Растение это было любимо крестьянами еще и потому, что урожай гречихи поспевает очень скоро (через два месяца после посева) и бывает обычно весьма обильным.

Перед тем, как варить кашу, зерна гречихи непременно обрабатывали: клали их под жернова, чтобы освободить от шелухи, причем эту шелуху, или лузгу, отбитую от зерна в крупорушнях, в безлесных районах часто использовали как превосходное и дешевое топливо, прекрасно заменяющее дрова. После жерновов зерна сыпали под струю воздуха, направляемую веялкой, и таким образом делали крупу; при этом крупа из

более мелких, отборных и тщательно отсеянных зерен называлась смоленской, и каша из нее считались наиболее вкусной. Иногда изготовление крупы из зерен гречихи совершалось и другим способом: отборное, спелое и полновесное зерно обваривали кипятком (так что шелуха сама отставала от него), высушивали, засыпали в мешки и затем, взявшись крепко за углы, сильно встряхивали их, а затем отвеивали зерна. Полученная крупа называлась ядрицей, а каша из нее варилась «на любителя». Для общего же употребления гречневая крупа шла с крупорухек «не обдирная».

Про гречиху, культуру, столь любимую земледельцами, в народе ходила даже особая легенда. Вот одна из версий этого предания: «Крупеничка, дочь королевская, была красоты неописанной. Она веровала богам русским, искони добрым и справедливым. Старые и малые, бедные и богатые, свои и чужие — все любили Крупеничку. Но, увы! — грозная туча постигла землю белую. Сизый ворон промахнул ясного сокола, а дочь королевская досталась в руки злым и безбожным татарам! Что же тут делать бедной, горемычной Крупеничке? Красоте ее цены нет: ни золото, ни серебро, ни камень самоцветные — ничто не могло искупить ее из неволи, и она погибла бы безвозвратно, да вдруг ни оттуда, ни отсюда является перед грустною Крупеничкою

какой-то добрый человек. Он обращает Крупеничку в гречневое зернышко и приносит ее на Святую Русь, бросает на землю несаянную, и диво: Крупеничка опять принимает человеческого образ, а шелуха зерна, откинутаая с превращенной, развела у нас до сей поры добрую, душистую и цветущую гречку».

Квашня — см. Дежа.

КИКИМОРА, шишимора, шишига — злой дух дома, божество ночных кошмаров. В некоторых местах кикиморой могли называть не только демоническое существо, обитающее в доме и вредящее хозяйству, но и других женских демонических персонажей: лесную русалку, лешачиху, водяницу, лихорадку; женского духа, сходного с полудницей, охраняющего поля с огромной сковородой; женщину-кликнушу и духа, вызывающего кликушество; чертовку, шишигу и т.п. Кикиморой именовали и антропоморфную фигуру, сжигаемую на масленицу, и некоторых святочных ряженных. По некоторым поверьям, кикимора — жена домового или лешего. Однако в большинстве поверий кикимора — это злой дух, который поселяется в доме и устраивает беспорядки, иногда даже вынуждая хозяев покинуть жилище.

Имя кикиморы двусложно (кики-мора) и трактуется различно. Первая его часть, возможно, возникла из звукоподражания, ставшего названием как птичьих криков, так и самих птиц, а также причитания, плача: так, «кикать», «кикнуть» означает «кричать» (о птицах) и «плакать, причитать» (о людях); «кикарика» — это и крик петуха, и сам петух; «кика, кикиболка» — это название женского головного убора, нередко

Кикимора

напоминающего своей формой птицу. Вторая часть названия — «мора», «мара» — это наименование самостоятельного мифологического персонажа: марой называли привидение, злого духа, связанного со смертью, а также туманами и темнотой, мороками (морок — это, собственно, и есть туман, темнота, мрачность). В южной России дух под названием «мара» обычно представлялся обманчивым, летучим и легким, как пух, схожим с туманом; так могли называть и полудницу (красивую высокую девушку, одетую в белое и появляющуюся в поле в полдень), и существо, схожее по своим занятиям с кикиморой (так, мара, но поверьям, пребывает в доме помимо домового и прядет по ночам на прялке, которую забыли благословить, рвет куделю, путает пряжу и т.д.). На севере же России этот летучий дух, очевидно, трансформировался в «грубого духа, в мрачное привидение, которое днем сидит невидимкой за печью, а по ночам выходит проказить».

Представлялась кикимора маленькой тоненькой женщиной («сама тонешенька, малешенька, голова с наперсточек, а тулово не толще соломинки»), девкой с длинными черными волосами, белым лицом и черными глазами или сгорбленной безобразной старухой маленького роста, одетой в лохмотья, неряшливой и чудаковатой. Иногда кикимору представляли одетой в обычную женскую одежду, с бабьим повойником на голове и т.п. Кикимора могла иногда не показываться прямо, а «мерещиться», представлять в облике смутной тени, неясного призрака, «ночного божества сонных мечтаний». Вообще повсюду считалось, что обычно кикимора невидима и обнаруживает себя своими проделками, голосом и т.п.; показывается же она крайне редко. Она, как и многие другие персонажи нечистой силы, обладает способностью стремительно передвигаться с места на место, исчезать в одном месте и показываться в другом; кроме того, она «далеко видит, не стареет, все знает».

В кикимор, по поверью, превращаются девочки, проклятые матерью в утробе или в младенчестве до крещения, а также девочки, родившиеся у женщины от огненного змея. Считалось, что таких детей похищает (часто прямо из материнской утробы) и уносит к себе нечистая сила; через семь лет эти дети превращаются в кикимор. В кикимор могли превратиться и умершие некрещеными дети.

Согласно поверьям, кикимора чаще всего поселяется в домах, построенных на «нечистом» месте (на меже или там, где был погребен самоубийца). Появление ее в доме могло быть следствием злого воздействия колдунов; так, нередко считалось, что «кикиморы — суть женщины, унесенные в младенчестве чертями и посаженные на несколько лет колдунами кому-нибудь в дом». Кроме колдунов, кикимору могли «напустить» в дом при строительстве плотники или печники. Так, во многих местах рассказывали, как плотники, обиженные хозяевами при расчете, с наговором закладывали под матицу (главную балку) или в переднем углу дома

какую-нибудь щепку или чурку, а иногда даже специально сделанную из щепок и тряпок куклу, после чего в новом доме поселялась кикимора.

Считалось, что в доме кикимора обычно обитает за печкой, в голбце, в подполье, на чердаке; кроме того, она может жить в бане, на гумне, в хлеву или в курятнике, в сараях или же в заброшенных строениях. О своем присутствии кикимора дает знать обычно по ночам, чаще всего в период святок или только в ночь перед Рождеством; так, например, в некоторых местах полагали, что «кикимора — дух, имеющий вид девушки в белой рубахе... живет до святок в гумнах, а после святок уходит». Кроме того, по некоторым поверьям (особенно глухих лесных мест), на святки, в ненастную погоду, кикимора со страшными стонами и воем рождает детей (шушканов, шуликунов), которые сразу вылетают через трубу и остаются на земле до Крещения.

Согласно поверьям, кикимора обычно невидима, даже когда бедокурит в доме; она может разговаривать, но голос ее раздается словно из пустого места («Во вновь построенном доме оказалась кикимора: никого не видно, а человеческий голос стонет; как ни сядут за стол, сейчас же кто-то скажет: «Убирайся-ка ты из-за стола-то!»), а не послушают — начнет швырять с печи шубами или с полатей подушками»). Увидеть же кикимору можно преимущественно ночью за работой: в это время она показывается тенью, неясным призраком или маленькой женщиной.

Повсюду считалось, что кикимора любит прясть или плести кружева, однако только портит работу («От кикиморы не дождешься рубахи»); она может прясть за хозяйку оставленную без благословения кудель, но при этом мусолит, рвет и путает нить, жжет пряжу или кудель. Согласно народным поверьям, работать кикимора может в голбце или в подполье, однако чаще выходит из голбца и садится прясть на порог возле двери или на лавку в правом от входа углу, возле печки (туда обычно сметали сор, чтобы потом сжечь его в печи, а не выносить из избы на ветер «и не накликать тем беды изурочья и всякой порчи»). Во время работы кикимора беспрестанно подпрыгивает на месте; нитки она сучит «наоборот», «наотмашь».

В некоторых местах верили, что прядет кикимора только во время святок, в те двенадцать дней января, которые, по народному убеждению, определяют ход всего будущего года. Вероятно, в это время кикимора как бы «прядет» судьбы дома и его обитателей (поэтому и увидеть ее за прядением в это время — к перемене судьбы). Вероятно, в этих поверьях прослеживается связь кикиморы, прядущей по ночам, с древней славянской богиней Макошью, прядущей нити судьбы. Образ Макоши, связанной с прядением и водой, а также с человеческой судьбой, при христианстве вполне мог трансформироваться в образ мары и кикиморы, злого домашнего духа. На это указывает и то, что самый близкий к кикиморе мифический персонаж — мокуша (злой дух, связанный, как и кикимора,

Кикимора

с пряжей, с сырыми местами и темной), явно продолжает образ богини Макоши.

В народных поверьях кикимора — преимущественно злой дух; она может приносить и предвещать несчастья. Так, считалось, что она выходит из подполья и плачет перед бедой, показывается перед смертью кого-либо из членов семьи и т.п. Если кикимора выходит из голбца и садится прясть — это к переменам в судьбах обитателей дома; если она плетет кружева в подполье и дает об этом знать громким стуком коклюшек — это к беде; если же она садится прясть на передней лавке, то это к смерти кого-либо из домочадцев. Вообще появление кикиморы в доме или хозяйственных постройках предвещало беду, так как кикимора, поселившись в доме, приносит всяческий вред, и избавиться от нее очень сложно.

Кикимора, по поверьям, особенно враждебна мужчинам и вредит в первую очередь им, хотя нередко досаждают и женщинам или детям. Поселившись в пустом доме, кикимора никого в него не впускает: бросает во входящих камни из развороченной печи, мусор и т.п. Поселившись в жилой избе, кикимора обычно начинает всячески досажать хозяевам: пугает людей по ночам, беспокоит маленьких детей, швыряется подушками и посудой, выдергивает волосы у людей, мешая в работе, шумит, тонает, гремит посудой или бьет ее, кидается из подполья луковичами, бежит из комнаты в комнату и растворяет двери, проказит с печной вьюшкой, выстригает или пугает волосы у спящих и т.п. Из-за кикиморы в избе «маячит» — чудятся то заяц, то собака, то поросенок или даже бык; раздаются свист, плач ребенка, стук или топоток; слышатся песни и танцы. Своими «проказами» кикимора способна выжить людей из дому, если те не смогут вовремя избавиться от нее.

Кикимора может вредить не только людям, но и домашним животным и птицам. Так, считалось, что особенно кикимора досаждала курам: насыпает на них «вертун», отчего они кружатся до изнеможения и надуют околешими; по ночам держат у них перья и т.д. Кроме того, кикимора нередко стрижет шерсть у овец или выстригает шерсть у скота; иногда она катается на лошадях и загоняет их до того, что они к утру оказываются все в мыле и едва живые. По некоторым поверьям, кикимора также способна причинять вред скоту, пересчитывая его (но умеет считать только до трех).

Иногда считалось, что кикимора, подобно домовому или дворовому, может мучить и заезжать лошадей. Так, в одной из быличек Вологодчины мужик, заметив, что одна из его кобыл к утру оказывается вся в мыле, едва живая, решил постеречь ее; рано утром зашел в стойло и увидел, как на кобыле вокруг яслей ездит маленькая бабенка в шамшуре (головном уборе — волоснике, шапочке под платок); мужик не растерялся и ударил бабенку по голове плетью, а она соскочила и крикнула во все горло: «Не ушиб, не ушиб, только шамшурку сшиб!»

По поверьям некоторых мест (например, Вологодской губернии), в летнее время кикимора сторожит гороховища или вообще поля. Она ходит по ним, держа в руках раскаленную добела железную сковороду огромных размеров, и «кого поймают на чужом поле, того и изжарит».

В некоторых местах полагали, что кикимора иногда может не только вредить, но и приносить пользу; очевидно, такие поверья о благожелательной к людям кикиморе связаны с поверьями о domaхе, жене домового, духе — хозяйке дома, с которой иногда отождествляли кикимору. Так, например, по поверьям Вологодчины (особенно лесных ее районов), кикимора нередко помогает и покровительствует умелым и старательным хозяевам: «убаюкивает по ночам маленьких ребят, невидимо перебивает кринки и оказывает разные другие услуги по хозяйству, так что при ее содействии и тесто хорошо взойдет, и пироги будут хорошо выпечены, и прочее». Иногда считалось, что она может заботиться о скоте и вообще домашних животных. Однако ленивых баб кикимора, по народному убеждению, ненавидит: желая досадить им, она «щекочет малых ребят так, что те целые ночи режут благим матом, пугает подростков, высовывая свою голову с блестящими, навывае глазами и с козыми рожками, и вообще всячески вредит».

Избавиться от кикиморы, по народному убеждению, очень сложно. Для того, чтобы избавиться от «насаженной» кикиморы, следовало найти куклу, с помощью которой она была напущена, и удалить эту куклу из дома. Для этой цели старались задобрить людей, которые, по мнению хозяев, напустили кикимору, и уговорить их убрать из дома ту вещь, с которой кикимора была «посажена». Иногда куклу старались найти и удалить из дома сами; при этом иногда разбирали весь дом, перебирали его и даже переставляли на другое место («... давай дом разбирать. И вот нашли куклу в матке... Дом перетащили, после этого ничего не стало»). Кроме того, кикимору нередко старались изгнать из дома с помощью заговоров, а также молитв или же святой воды, освященных предметов и т.д.; изгонять кикимору обычно приглашали знахарей или колдунов, реже — священников. Так, на Герасимаграчевника (17.III) знахари выгоняли кикимору из дома со словами: «Ах ты, гой еси, кикимора домовая, выходи из горюнина дома скорее, не то задерут тебя калеными прутьями, сожгут огнем-полымем и черной смолой зальют», и т.п.

От злого влияния кикиморы старались защититься с помощью оберегов. Лучшим оберегом от кикиморы считался «куриный бог» (камень с естественным отверстием или горлышко разбитого кувшина с лоскутом кумача): его вешали на лыке на насесте или над ним (чтобы кикимора не мучила кур), а также в хлеву (чтобы защитить скот), носили при себе и т.д. Реже применялись другие обереги. Так, в некоторых местах, если кикимора сильно проказила в дочке, хозяева обвязывали солонки пояском из можжевельника (по

некоторым поверьям — для того, чтобы кикимора не могла послать кусок хлеба своему мужу-домовику). Для защиты скота от кикиморы в хлеву под яслями клали иногда «свинобойную» палку. Считалось также, что от кикиморы помогает верблюжья шерсть: «когда суседка (тож кикимора) давит, класть под шесток верблюжью шерсть с рясным ладаном».

В некоторых местах иногда использовали не только верблюжью, но и медвежью шерсть, полагая, что кикимора боится медведя и убегает от него. Так, в одном из рассказов Вологодчины, кикимору выгоняют из дому с помощью медведя: «...В одной избе ходила кикимора по полу целые ночи и сильно стучала ногами, а того ей мало: гремела посудой, звонила чашками, била горшки и плошки. Избу из-за нее бросили, и стояло жилье впусе, пока не пришли сергачи с плясуном-медведем. Они поселились в этой пустой избе, и кикимора, сдуру, не зная, с кем связывается, набросилась на медведя. Этот помял ее так, что она заревела и покинула избу. Тогда перебрались в нее хозяева, потому что там совсем перестало манить (пугать). Через месяц подошла к дому какая-то женщина и спрашивает у ребят: “Ушла ли от вас кошка?”; те ей и ответили: “Кошка жива да и котят принесла” Кикимора повернулась, пошла обратно и сказала на ходу: “Теперь совсем беда: зла была кошка, когда она одна жила, а с котятами-то теперь до нее и не достуишься”».

В некоторых местах также полагали, что кикимора всегда старается любыми способами скрываться от людей, потому что если кому-нибудь удастся накинуть на псе крест, она так и останется на том месте, где была захвачена врасплох. Очевидно, это поверье связано с представлениями о кикиморе как о проклятой девушке: так, по народному убеждению, если на проклятого и похищенного нечистой силой человека набросить крест (т.е. как бы заново окрестить его), то он снова станет обычным человеком и вернется к людям.

Кикимору иногда старались не запугать или прогнать, а задобрить. Так, считалось, что кикимора очень любит папоротник, поэтому, если она вдруг начинала буйствовать, хозяева перемывали все в доме настойкой из корней папоротника, полагая, что после этого кикимора перестанет греметь и бить посуду, ломать вещи и досажать домочадцам. Для того, чтобы уберечь себя и хозяйство от злого влияния кикиморы, обычно старались также соблюдать некоторые запреты и правила поведения, например, не оставляли без благословения пряжу, веретена, прялки, коклюшки и т.п.

КЛАД — спрятанные сокровища, которые, по поверьям, охраняет нечистая сила, черти, змеи или духи — хранители кладов, именуемые кладовиками, кладовыми и имеющие подручных — кладенцов. В народе существовало множество легенд, связанных с кладами: так, например, во многих местах рассказывали о людях, нашедших клад и сказочно разбогатевших; многочисленны были и повествования о кладах, некогда запрятанных знаменитыми разбойниками,

колдунами и т.д. Добывание же кладов повсеместно представлялось делом опасным и почти безнадежным, что, частности, отразилось в поговорках тина: «И рукою бы взял, да клад не дается!»; «Своя воля — клад, да черти его стерегут!»; «Клад добудешь, зато домой не будешь», и т.п.

Многие клады (и особенно клады, зарытые недобрыми людьми — разбойниками и пр.), по народному убеждению, очень трудно найти, так как их охраняет нечистая сила. Повсюду известны бы лички о людях, почти нашедших клад, но по какой-то причине потерявших из виду то место, где он был спрятан, и не нашедших его снова. Так, например, один мужик рассказывал, что узнал от знакомого приметы того места, где был спрятан клад; как-то раз, отправившись в лес за дровами, он нашел это место, но только собрался выкопать клад, как его лошадь сорвалась с места и понеслась прочь, мужик побежал за ней, да не догнал и вернулся на прежнее место. Там оказалось, что его лошадь стоит, где стояла, а того места, где был спрятан клад, нет и в помине, и как мужик ни искал — того места так и не нашел, «хоть сто раз был опять в лесу да искал нарочно».

Взять клад обычно бывает не менее трудно, чем найти. Согласно поверьям, «во время выемки клада всегда приключаются разные страсти, и черти пугают и терзают искателя». Случается это оттого, что хозяева клада обычно прячут его особым образом, с наговорами, ворожбой и т.п. Такой клад либо вовсе не найти, либо не взять его, так как он не дастся в руки; его нельзя поднять, так как он очень тяжел; человек обмирает, если тронет его, «ровно кто тебе руки и ноги перебьет». Если клад спрятан под землей, в подвале, глубокой яме, то взявший его не может вылезти, так как земля перед ним смыкается и яма словно засасывает в себя; если он не вернет клад на место, то останется в этой яме навсегда.

Но даже получив клад в руки, кладоискатель может вскоре лишиться его. Так, например, один мужик, нашедший клад, никак не мог принести его домой: блуждал, блуждал, а все выходил к тому месту, где выкопал клад, кружил на одном месте, «ровно леший обошел»; однако едва он бросил клад на прежнее место, как исчезли и сокровища, и яма, а мужик беспрепятственно вернулся домой. Другой мужик тоже взял клад, да не смог уйти с ним, так как ноги его словно вросли в землю, и до тех пор, пока он не выпустил клад, не мог сдвинуться с места. Схожий случай приключился и с другим человеком: едва он собрался унести сокровище, как его словно бы кто-то схватил, навалился ему на плечи, «так что и языка не повернуть», и держал до тех пор, пока он не выпустил клада из рук. Кроме того, во многих местах рассказывали, что иногда человек, взявший клад, сам бывает не рад своей находке: его родные начинают умирать один за другим, либо он сам вскорости умирает, или его преследуют несчастья, беды и т.п.

Клад

Вообще в народе существует немало быличек о людях, которые упустили клад по своей оплошности. Так, например, в уломской былинке старик, шедший вечером домой, увидел, как по дороге с грохотом и звоном катится бочка, а со стороны кто-то кричит: «Перекрести дорогу!»; старик испугался, отскочил, и бочка пронеслась мимо, а в ней ясно был слышен звон монет (по народному убеждению, если бы старик исполнил то, что ему кричали, он завладел бы кладом). В пензенской былинке одному дьякону каждый полдень являлся какой-то мужик со всклокоченными волосами и бородой, в синей изорванной рубахе и таких же портках: он появлялся и убегал в сарай, где сейчас же пропадал на одном и том же месте; дьякон догадался, в чем дело, и стал в этом месте рыть, откопал пивной котел с монетами, но едва собрался вытащить его, как услышал чей-то грубый голос: «А что ты тут, добрый человек, делаешь?» — «А тебе какого черта нужно?» — ответил дьякон и тотчас же почувствовал, как котел в его руках дрогнул и начал погружаться в землю, да так и ушел (знающие же люди потом говорили, что если бы позвал того человека на помощь — стал бы богачом). Точно так же, по народному убеждению, котел с деньгами погружается в землю, если клад искали двое, сговорившись поделить поровну, а один из них подумал про себя, как бы нарушить уговор. Пропадает бесследно или обращается в черепки клад в том случае, если нашедший его не исполнит зарок и не желает сделать требуемое пожертвование, и т.п.

Согласно поверьям, клад нередко кладется либо на какой-то определенный срок, либо со свинцом или с зарокотом и бывает почти всегда «заповедный». Если клад положен на определенный срок, то его нужно выкопать до истечения этого срока, так как после этого он исчезнет, уйдет в глубины земли и т.п. Если клад положен «с зарокотом», то для того, чтобы добыть его, нужно сперва исполнить этот зарок. Так, считалось, что знающий человек, зарывая клад, всегда кладет его «со словом» или «по завету», т.е. все время причитывает вслух, какой зарок на него кладет (например, рыть голыми руками на молодой месяц и пр.); при этом клад всегда слушается последнего заговора. Рассказывали, например, как случайный прохожий увидел старика, несущего тяжелый сундук; прохожий спрятался за деревом и увидел, как старик подошел к дубу и начал зарывать сундук, приговаривая: «На сто голов!» Прохожий догадался, что мужик зарывает клад, и сам начал приговаривать: когда мужик говорил: «На сто голов», прохожий прибавлял: «Лапотных». Когда хозяин клада ушел, прохожий принес сто лапотных голов, бросил их к дубу и взял клад.

Вообще зарокот было известно великое множество. Так, например, на один клад было наложено такое заклятие: спеть 12 песен, но таких, чтобы ни в одной из них не было сказано ни про друга, ни про недруга, ни про милого, ни про немилую; другой клад, лежащий под сосной, был заклят так, что получить его можно

было, лишь влезши на эту сосну вверх ногами и спустившись с нее вниз головой. Один владелец зарыл клад со словами: «Попадайся клад доброму человеку в пользу, а худому на гибель»; другой заклял свои сокровища так: «Тому это добро достанется, кто после моей смерти тотчас же голым пропляшет». Во многих местах считалось, что если над кладом находится часовня, поставлен крест, висит на золотой цепи икона Богородицы в золотой ризе либо подвешена одна лампадка, это значит, что клад положен с таким зарокотом, чтобы нашедший его построил церковь, часть приобретенного раздал нищим или разнес по чтимым монастырям.

По поверьям, любой клад можно взять при помощи волшебных трав. Так, по народному убеждению, человек, владеющий цветком папоротника или разрыв-прыгун-скакун-плакун-спрыг-травой, может без труда взять любой клад: папоротнику и плакуну повинуются все духи, а прыгун ломает все замки и запоры, побеждая всякое препятствие. Верили также, что там, где в полночь красным огнем зацветет папоротник, лежит клад, а кто сорвет цветок папоротника, тому этот клад и достанется.

Кроме волшебных цветов, для добывания кладов использовали различные заговоры и молитвы, а также всевозможные приемы. Заговоры и молитвы, используемые при поисках и открытии клада, были обычно направлены на то, чтобы сокрушить нечистую силу, приставленную сторожить клад, а также «отчитать» сам клад, чтобы его можно было взять (так, например, в одном заговоре при поиске клада говорилось: «За болотом немного положено — мне приходится взять. Отойди же ты, нечистая сила, не вами положено, не вам и стеречь»). При этом в некоторых местах (например, в Поволжье) были известны целые «вызывные книги», в которых были записаны молитвы, помогающие при поисках клада; в других же местах при поисках использовали требник Петра Могила (с его помощью, например, «отчитывали» клад).

Сам клад, по народному убеждению, иногда бродит свечой, огоньком, животным или человеком; так, считалось, что клад может показаться рыжей собакой, белой или красной коровой, лошастью, кошкой, красным петухом, всадником, девушкой или нарнем, ребенком или стариком, голубым огоньком, горячей свечой и т.п. Клады могут летать или бегать по земле, если они положены «на срок» или «на определенного человека»; в этом случае клад ищет нужного человека или любого прохожего, а если не находит, то, по истечении срока или по смерти человека, которому он был завещан, исчезает, уходит в глубины земли и т.д. Клад может также показываться для того, чтобы его заметили и нашли; так, например, считалось, что если в лесу покажется огонек или неуместное в этом месте домашнее животное (поросенок, петух, собака), то это, скорее всего, клад, который следует искать там, где показалось или исчезло животное, погас или остановился огонек. Считалось также, что если ударить клад-

Кладовик

оборотень наотмашь и сказать: «Аминь, аминь, рассыпья», то он рассыплется, превратившись в сокровища, которые можно будет без труда взять.

По некоторым поверьям, иногда у клада можно брать взаймы, если он даст, но к сроку нужно непременно вернуть долг, иначе должника вскоре постигнет большая беда. Можно также менять деньги у клада, иногда при этом и обсчитать его, положив то же число монет, но меньшей ценности.

Согласно народным поверьям, некоторые клады даются в руки только тому, кому они предназначены. Так, например, рассказывали про одного странника, которому приснилось во сне, что такому-то в такой-то деревне предназначен клад, спрятанный в таком-то месте. Странник пришел в эту деревню, отыскал счастливца и указал, где найти клад; клад нашли и стали предлагать часть денег страннику, а тот отказался, как сто ни упрасивали, сказал только: «Кому дано, тот и пользуйся, а мне не надо!», и пошел своей дорогой. Однако бабы при прощании дали ему пирог, в который тайком запекли часть золота из клада. Странник пирог взял, а когда подошел к реке, то попросил перевозчиков перевезти его на другую сторону и за перевоз отдал им пирожок с деньгами. Перевозчики было не хотели брать, но странник настоял, они взяли пирог, положили его в шалаш, а там и забыли про него. Какое-то время прошло, и странник возвратился обратно, перевозчики перевезли его, вспомнили про пирог и нашли его в шалаше; пирог же, к их удивлению, оказался свежим, словно его только что испекли. Перевозчики отдали его страннику, тот их поблагодарил и пошел снова через ту деревню, где нашли клад; в деревне же зашел к тому мужику, который разбогател при помощи клада. Там ему все были рады, угощали его, а он подал ребятишкам гостинец — тот пирог, который ему вернули перевозчики; ребятишки разломали пирог, и из него посыпалось золото. Бабы и догадались, что это за пирог, и обо всем рассказали; удивился и сам странник и сказал: «Ну, кому предопределено владеть кладом, тот им и будет владеть».

КЛАДОВИК. кладовой, кладенец — дух, охраняющий клады. Согласно народным поверьям, практически все клады (и особенно клады, принадлежащие демоническим существам или людям, знающим с нечистой силой) охраняются какими-либо существами, находящимися при кладах неотлучно; этих-то стражей в народе и называли кладовиками, полагая, что именно из-за них клады так трудно бывает найти и взять.

Вообще, охранять клады и именоваться кладовиками могли самые различные существа: души людей, зарывших клад или убитых и похороненных рядом с тем местом, где клад был спрятан; различные персонажи нечистой силы; некоторые животные и птицы, гады и т.д. При этом кладовики могли сторожить как клады, закопанные посторонними людьми (клады, положенные с заговором, «зароком»), так и свои

собственные сокровища или вообще все подземные богатства.

Поверья о духах-кладовиках известны повсюду. Так, например, повсеместно считалось, что старый скряга, закопавший сокровища, после смерти своей становится кладовиком и охраняет свой клад, никого к нему не подпуская. На Урале полагали, что все подземные богатства сторожит рогатая лошадь с чугунными копытами. На Вологодчине и вообще на севере считали, что все клады стерегут духи-кладовые Лаюн и Щекотун: Лаюн прозван так за то, что обращается в собачку-лайку при первом покушении на похищение клада, а Щекотун — за то, что оберегает клад в виде белобокой птицы сороки-щекотухи. В Великороссии верили, что клады охраняют особые невидимые духи — кладовики, у которых есть помощники — кладенцы. В Белоруссии почитали особого маленького бога Копшу, который, по народному убеждению, ведает всеми кладами; его просили указать место, где спрятаны сокровища, и помочь их отрыть, а при удаче благодарили и оставляли ему в жертву некоторую часть добычи.

Кладовики, «приставники» к подземным сокровищам могли принимать самые различные обличья; но в большинстве поверий они имеют облик, близкий к человеческому. Так, духа-кладовика нередко описывали как старичка или мужичка, иногда невысокого роста, одетого богато (например, в серебряный кафтан, серебряные башмаки и золотую шапочку) или, наоборот, бедно (в рванье, лохмотья). Кладовик мог показаться смутной, неопределенной человеческой тенью; мог он и остаться невидимым, давая знать о себе только голосом.

Вообще кладовиками, по народному убеждению, становятся «ино место опившиеся люди, ино место — проклятые, а коли — и сами князья бесовские». Так, по некоторым поверьям, кладовиков выбирают из своей среды бесы в ночь на Ивана Купалу; кладовиками становятся бесы, находящиеся в подчинении у колдуна и приставленные своим хозяином охранять его сокровища; кладовиками бывают различные демонические персонажи (бесы или черты, огненные змеи, лешие, водяные и пр.), владеющие сокровищами; в кладовиков нечистая сила обращает проклятых людей и т.д.

Во многих местах верили, что клады оберегают убитые, «заклятые» люди, зарытые в том месте, где лежат сокровища; души этих людей, по народному убеждению, не находят покоя, они прикованы к кладу и вынуждены охранять его. Иногда такие невольные кладовики могли являться людям во сне с просьбой освободить их: так, например, в быличке одному бедному крестьянину явилась во сне женщина и сказала: «Освободи ты меня от заклятия, отпусти душу мою на покаяние. Вот уж двести лет я томлюсь и мучаюсь. Была я богата, много было у меня серебра, золота и драгоценных камней, да злые люди убили меня, добро мое ограбили и зарыли вместе с телом на острове

Кликуша

в болоте. Если бы только убили меня да так и оставили, я бы мученический венец приняла. А душегубы заколдовали и меня, и клад». Считалось, что если кто-то добудет заколдованный клад, то освободит заклятого; однако это дело трудное и очень опасное, предполагающее знание особых правил и заговоров.

Нередко считалось, что клад охраняет умерший хозяин клада (особенно если он при жизни был скрягой) или погибший кладоискатель; так, например, в одной из быличек ищущему клад мужику показался кладовик в облике старика и сказал: «Зачем ты роешь, беду на себя накликаешь, я вот тоже копал, копал, да сюда и попал; беги лучше скорей, а то товарищем мне будешь». Распространены были и поверья о том, что один кладовик может утащить к себе или на свое место неудачливого кладоискателя: так, во многих местах верили, что когда клад «отворится», можно брать деньги только два раза, а в третий раз ходить нельзя, иначе кладовик остановит и скажет: «Сколько я сидел, теперь ты посиди!», после чего «он выйдет, а ты останешься».

По некоторым поверьям, кладовики иногда могут помогать людям найти клад. Так, например, в некоторых местах полагали, что кладовой поднимает клад к поверхности земли, когда он пролежал в ней положенное время. Изредка кладовики сами отдают сокровища. Так, в рассказе из Новгородской области клад сторожит умерший некрещеным младенцем; он вырастает, становится взрослым, по находится под вечным присмотром своего хозяина — черта. Встретившись со своим живым братом, покойник — охранитель сокровищ помогает ему деньгами, за что черт наказывает его — ссылает из родных мест стеречь клад «куда-то за Москву».

Однако такие поверья о помогающих людям кладовиках довольно редки. Почти повсеместно считалось, что охраняющие клад существа враждебны кладоискателям и всячески мешают им. Так, например, в некоторых местах полагали, что кладовик всегда безжалостно испытывает искателей клада: он «идет на них вихрем», так что «ломаются столетние деревья»; при этом отбегать или отмахиваться от падающих стволов и веток кладоискателю нельзя, так как все это «придумано кладовым», а на самом деле деревья стоят на месте, и если отпихнуть такое дерево, то «дело пропадет п дерево изувечит». Если же человек устоит, то кладовик тут же подвергнет его новому испытанию: устроит в лесу пожар, сам обернется зверем и пойдет на человека со словами: «Я тебя съем или задавлю, задущу!»; на это искатель клада, не переставая рыть землю, должен ответить: «Я сам тебя съем или задущу!» Если человек в точности выполнит все правила, то он сможет взять клад; однако деньги из пего, если они не «отговорены», можно будет употребить лишь на вино или табак.

КЛИКУША, кликушка, кликальщица, кликуня, кликуха — женщина, одержимая падучей болезнью,

принадочная, бесноватая. Согласно народным поверьям, женщина становится кликушей, если на нее напустили порчу, т.е. в нее вошел злой дух, нечистый, черт, который и заставляет ее «кликать», вызывает припадки и т.д. При этом во многих местах считалось, что кликушество — исключительно бабья болезнь (т.е. болезнь замужних женщин), а не девичья и не мужская (хотя в некоторых местах, в первую очередь в Сибири, полагали, что мужчины тоже иногда могут кликушествовать; называли таких мужчин «миряками»).

Обычно считалось, что бес не входит в кликушу сам, а его «садят» в нее колдуны или колдуньи. «Подсадить» беса в кликушу можно было по-разному; чаще же всего это делалось через еду и питье. Так, например, одна из кликуш рассказывала, как ее «испортили»: «Дала мне колдунья вина, пей-пей, — говорит, — зелено вино — здоровее будешь, а только я выпила, и стал у меня в животе кто-то сперва аукать, а из живота в рот перешел и стал выражать плохие слова, непотребно ругаться».

Во многих деревнях кликуши появлялись лишь время от времени, и их редко бывало больше одной; однако в тех местах, где люди были особенно подвержены болезням или где обитало много колдунов и колдуний, кликуш могло быть несколько и даже много. Так, крестьянка из Орловской губернии рассказывала: «Баб сорок бегут по деревне, кто куда. Сами простоволосы (а нешто это можно — сама Божья Матерь, и Та покрывала волосы), а они еще без понев, так что почитай все у них наруже, и кричат во всю глотку всякая свое: «Где она? Где колдунья? Мы сейчас разорвем ее на куски!» (при этом каждая порченная кричала, как ее испортили)».

Обычно кликуша ничем не отличается от других женщин, но иногда у нее случаются припадки, во время которых она корчится в судорогах, икает, кричит звериными голосами (лает, мяукает, кукарекает, ржет, блеет т.п.), ругается и божкоульствует; иногда выкрикивает имя человека, испортившего ее. У некоторых кликуш припадки бывали такими страшными, что «становилось жутко всем окружающим»: порченная падала на землю и начинала биться и метаться по сторонам с такой неудержимой силой, что шестеро взрослых здоровых мужиков бывали не в состоянии удерживать ее и предохранить таким образом от синяков и увечий; изо рта у нее шла пена, глаза становились мутными, и т.д.

Припадки у кликуш могли случаться и без всякой видимой причины; однако чаще всего женщины начинали кликушествовать в церкви во время литургии (особенно той ее части, которая предшествует пению Херувимской и великому выходу со святыми дарами) или же тогда, когда рядом с ними находились различные освященные в церкви предметы, священник и т.д. Так, например, во многих местах верили, что непритворная, настоящая кликуша издалека чувствует приближение священника и сейчас же начинает биться в

припадке. Бес, находящийся в кликуше, по народному убеждению, не дает ей прикладываться к святым иконам и преклоняться под них на крестных ходах; при приближении же икон и других святых предметов бес начинает биться в ней и верещать на разные голоса. Во многих местах рассказывали, как во время литургии злой дух, вселившийся в кликушу, смущал молящихся нечеловеческими воплями и разными (в том числе и богохульными) выкриками, собачьим лаем и кошачьим мяуканьем, петушиным пением, лошадиным ржанием ит.д.

По народному убеждению, для того, чтобы женщина перестала кликушествовать, из нее следует изгнать беса, вызывающего кликушество; при этом повсеместно считалось, что от кликушества могут вылечить только опытные знахари или священник, «доктора же в этих делах ничего не смыслят». В некоторых случаях лечить от кликушества брались и обычные люди — родные больной, соседи или «знающие люди» — преимущественно старики и старухи, знавшие, по народному убеждению, различные действенные способы против различных болезней и несчастий (т.е., в сущности, те же знахари).

Особые приемы избавления от кликушества использовали знахари и знахарки. Собираясь исцелять кликушу, они сперва зажигали перед иконами в избе лампадки и благословлялись, держали в руках зажженные восковые свечи, а затем приступали к работе: ставили на стол чашку с водой, опускали туда медный крест, снятый с божницы, уголек и щепотку соли, читали над водой молитвы и заговоры, а затем давали получившееся снадобье больной. В некоторых местах, однако, при этом считалось, что больная, попив эту воду три зари, выздоровеет, но не совсем: кричать перестанет, но будет продолжать временами чувствовать в теле ломоту и судороги; знахарки объясняли это тем, что «порча сделана на железе — на замке, оттого она крепка и просидит до самой смерти».

Во многих местах кликуш лечили с помощью ладана, собранного из двенадцати церквей и двенадцать раз в одно утро вскипяченного в чугуне и по ложке слитого в штофы: этот настой давали пить больной. В некоторых местах такой ладан именовали «херувимским» (им кадили в киевских пещерах во время херувимской песни), причем продавали его по крупнице за копейку («одну росинку дают на триньку»).

Кроме ладана, для лечения кликушества использовали богоявленскую или крещенскую воду. Так, например, во многих местах, стараясь изгнать из больной беса, ее приводили к проруби на реке, едва лишь оттуда уносили кресты и хоругви, гам, несмотря на мороз, раздевали ее до рубашки и макали в прорубь, в освященную на Крещение воду. Если поблизости не было реки, то воду освящали в колодцах, чанах и т.п.; в этом случае больную приводили к освященному колодцу и поливали ее. Так, например, в Орловской губернии, в деревне, рядом с которой не было реки, одну кликушу родные привели к колодцу и кадушке с водой,

приготовленной к освящению, там раздели ее, оставив в одной шерстяной рубашке, и двое мужиков ведрами стали лить на нее сверху холодную воду, пока не «ознобили ее до дрожи во всем теле», после чего надели ей на плечи тулуп и, отведя в караулку, надели там на нее сухое и чистое белье, отвели домой, «и потом хвастались долгое время, что с этой поры баба перестала выкликать и совсем выздоровела».

Весьма распространенным средством против кликушества было «отчитывание». «Отчитывали» кликуш обычно старые девы, пол у монашенки, полумирянки, которых в народе именовали «черничками». Однако еще более часто для «отчитывания» приглашали старичка-священника («из тех, которые сами опростели до неузнаваемости и утратили даже многие внешние признаки, усвоенные духовными лицами»). Такие священники отчитывали больных по Евангелию; однако самым действенным средством считалось отчитывание по редкой и ценной книге большого требника Петра Могилы. К священникам, умеющим отчитывать, приходили за помощью из самых дальних деревень; так, например, к одному попу из Орловской губернии приходили из всех окрестных деревень, полагая, что он «отчитывает дюже хорошо, в церкви, над головою кликуши, семь Евангелий по семи раз читает и унимает крик сразу». При этом, по народному убеждению, тот человек, который берется отчитывать, не должен ни в коем случае употреблять в течение шести недель никаких спиртных напитков; так, например, в Орловской губернии рассказывали про пономаря, который не выдержал и начал выпивать, за что и был наказан: шел ли он или ехал — навстречу ему повсюду попадалась целая печь, которая перегораживала дорогу, а едва он останавливался — рассыпалась так, что ему не было хода туда, куда его звали отчитывать.

В народе действенным средством против кликушества считался пахотный хомут, особенно тот, который только что сняли с потной лошади; при этом часто считалось, что кликуша, лежа в хомуте, скорее укажет, кто ее испортил, и ответит на обычный в таких случаях вопрос: «Кто твой отец?» При этом в некоторых местах полагали, что об «отце» кликушу следует спрашивать через раскрытую дверь посторонним женщинам: кликушу подводили к порогу с хомутом на шее, а женщины принимались убеждать больную, что открытием тайны она не обидит сидящего в ней «батюшку» (отвечают кликуши во время припадка всегда в мужском роде).

В некоторых местах при припадках, стараясь успокоить кликушу, на нее не только надевали хомут, но также привязывали к ее ногам лошадиные подковы, а иногда и прижигали пятки раскаленным железом. Иногда поступали и так: надевали на кликушу хомут, ноги ее вдевали в гужи и били по хомуту кнутом, приговаривая: «Хлещу, хлещу — беса выхлещу»; считалось, что после этого бес уйдет из тела больной. Иногда кликушу во время припадка выводили во двор и

запрягали в соху, после чего двое человек волокли большую, а еще двое тянули соху.

Если кликуш в деревне становилось слишком много, мужики, собравшись вместе, могли попробовать силой и угрозами заставить испортившую баб колдунью снять порчу и прекратить насыщать кликушество. Однако к такому способу прибегали редко, опасаясь гнева колдуньи; чаще же всего кликуш пытались исцелить «с Божьей помощью» и для этой цели даже водили их по различным святым местам, монастырям, к чудотворным иконам и мощам святых, полагая, что одно лишь прикосновение с святым мощам или посещение какого-либо прославленного храма может изгнать мучающего кликушу беса.

Кликушам, как людям, связанным с духами, нередко приписывались особые колдовские и пророческие способности. В некоторых местах к женщинам, в которых, по народному убеждению, сидит нечистый дух, ходили ворожить. Считалось, например, что если узнать имя нечистого духа, вселившегося в человека (при этом нередко верили, что имя это непременно мужского рода, даже если испорчена девка или баба), а после этого, подойдя к непорченому человеку, назвать нечистого духа по имени и изложить свою просьбу (например, сказать: «Я пришел поворожить о том-то»), то испорченный человек (точнее, дух, которым он одержим) начнет биться, кричать и через несколько минут со всего размаху бросится на пол; с полчаса он будет лежать неподвижно и бездыханно, как труп, так как в это время нечистый дух уйдет из него и будет рыскать по миру, отыскивая то, о чем его просили. Когда дух вернется, он снова войдет в тело непорченого человека, после чего «члены непорченого начинают шевелиться, руки и ноги размахиваются, глаза открываются большие, белые, горящие огнем; одержимый бесом быстро вскакивает и, сядя в углу на скамье, начинает сказывать, что то-то найдется или нет, того-то нужно ожидать».

К кликушам обычно относились участием и состраданием, а также с некоторым почтением. Так, когда во время литургии какая-нибудь из женщин начинала биться в припадке и издавать страшные крики, никто из находившихся в церкви не протестовал и не требовал удалить одержимую из храма; ближайшие же к кликуше женщины обычно старались успокоить порченную и помочь ей выстоять всю обедню, вплоть до того времени, когда с выносом святых даров непременно исчезнет или, по крайней мере, затихнет, смолкнет вся нечистая сила. Нередко четыре или пять самых сильных мужчин силой подводили сопротивляющуюся кликушу (а кликуши во время припадков очень сильны, так как ими в это время владеет бес, обладающий нечеловеческой силой) до царских врат к причастию, а когда кликуша начинала успокаиваться, ее бережно выводили из церкви, клали на землю и старались укрыть белым покрывалом (которым нередко служила принесенная сердобольными женщинами белая скатерть, которой накрывали пасхальный стол с

разговеньем или в которой носили на пасхальную заутреню для освящения яйца, кулич и пасху). Иногда кликушу также поили богоявленской водой; при этом нередко брали большую за мизинец левой руки и читали молитву Господню, воскресную и богородичную до тех пор, пока кликуша не приходила в себя. Кроме молитв произносили иногда и особые заговоры, в которых велели нечистой силе «выходить из белого тела, из нутра, из костей, суставов, из ребер и из жил и уходить в ключи-болота, где птица не летает и скот не бывает, идти по ветрам, по вихорям, чтобы снесли они злую силу в черные грязи топучие и оттуда бы ее ни ветром не вынесло, ни вихорем бы не выдуло» и т.п.

В домашнем быту к кликушам также относились с заботой и лаской, считая их за людей тяжелобольных и трудноизлечимых. Так, их освобождали от тяжелого труда и давали поблажку даже в трудную страдную пору: они редко жали, а в иных местах даже не молотили. Даже если знахарю или священнику удавалось исцелить больную и родные убеждались в том, что злой дух совсем вышел из ее тела, ей все равно целую неделю не давали работать, старались кормить лучшей едой и не сердить ее, чтобы не дать ей возможности выругаться «черным словом» и, таким образом, снова подвергнуться нападению беса и начать кликушничать.

Если у кликуши припадок случался в доме или на дворе, при ее усмирении принимали участие практически все соседи: «кто курит ладаном около лежащей, обходя ее с трех сторон и оставляя четвертую (к дверям) свободною, кто читает «Да воскреснет Бог», чтобы разозлившегося беса выправить наружу и затем выгнать на улицу». Лишь изредка к кликушам во время припадков применялись различные жестокие меры, однако делалось это не из злобы, а «из прямого усердия, в простоте сердца»: подчас жестоко обращаясь с кликушей, бьющейся в приступе, люди искренне верили, что таким образом помогают ей и избавляют от мучений более страшных и долгих, вызываемых разбушевавшимся в ней бесом; по окончании же приступа кликушу вновь окружали заботой и старались угождать ей, чтобы не потревожить, не разбудить в ней успокоившегося духа.

При этом, однако, известны случаи, когда к кликушам относились недоброжелательно священники. Такое отрицательное отношение объяснялось уверенностью в том, что кликуша на самом деле не является одержимой бесом, а лишь инсценирует болезнь. Известны и случаи, когда недоверчивые священники «избавляли» женщин от кликушества строгими мерами. Так, например, в одном селе поп пригрозил, что если хоть одна кликуша нарушит церковную тишину, он тут же отправит ее в больницу, и если там ее признают притворщицей, то передаст ее властям, чтобы с ней поступили по всей строгости закона, после чего у всех кликуш разом прекратились приступы. В другом селе бабы перестали кликушествовать, когда местный священник заставил одну из них говеть постом 3 недели, приказав при этом становиться перед аналоем и

молиться отдельно от прочих и вслух. Еще в одном селе молодая баба начала биться в припадке во время всенародного молебна; два мужика подхватили ее, чтобы не дать ей упасть на землю, в непролазную грязь, но священник тут же велел мужикам отойти; баба при этом продолжала ломаться, корчиться и визжать, однако не упала, и священник при всех пристыдил ее, обвинив в притворстве, после чего она тут же перестала кричать и стояла смиренно. Такое притворное кликушество встречалось во многих местах и вызывалось тяжелой, напряженной обстановкой в семьях: многие молодухи, понадеявшись из родной семьи во враждебную семью мужа, видели в кликушестве единственное спасение от мучений, претерпеваемых от свекрови, золовок, деверей и т.д. По этой причине, таких притворных кликуш особенно много было в тех местах, где сохранились основы старорусской семьи, с большухой во главе, со старшими и младшими снохами.

Коваль — см. Кузнец.

КОЛДУН — человек, способный нарушать естественные законы природы и обычно действующий при посредстве помощников, данных ему нечистой силой (дьяволом). У восточных славян колдунов называли также: еретниками, виритниками, веретниками (у великороссов); чарівниками, характерниками, вѣдмарам-

ми, вѣдмаками (у украинцев); чароуниками (у белорусов) и т.п. Иногда колдунов отождествляли также со знахарями, ворожеями, волкодлаками и вообще с людьми, хоть отчасти обладающими непостижимыми сверхъестественными способностями, и особенно с людьми, способными, по народному убеждению, общаться с нечистой силой, духами и т.д.

Колдунами именовали преимущественно мужчин, знающихся с нечистой силой и способных колдовать; женщин же, обладающих сходными способностями, обычно называли ведьмами. Однако в некоторых местах колдунов и колдуний отличали от ведьм и ведьмаков, полагая, что колдуны и колдуньи — это люди «наученные», т.е. получившие свою силу от нечистых духов, Дьявола и т.п., а ведьмы и ведьмаки — это люди, обладающие сверхъестественной силой от рождения.

Повсеместно считалось, что колдуны, по большей части, люди старые, с длинными седыми волосами и бородами; в большинстве случаев, они люди безродные и холостые (хотя при этом могут иметь любовниц). Избы у них обычно стоят на отшибе, на самом краю деревень, и двери у них всегда на запоре; живут они «отдельно от всех» и весьма нелюдимы. Реже рассказывали о молодых колдунах, людях довольно общительных, хотя при этом несколько загадочных; встречались иногда и рассказы про колдунов, имеющих семьи.

По внешнему виду колдун обычно не отличается от обыкновенных людей; однако, по народному убеждению, существует ряд признаков, по которым колдуна можно узнать. Так, колдуны в народных поверьях

обычно некрасивы; у них могут быть необычные глаза, всклокоченные седые волосы и длинная нечесаная борода, длинные неостриженные ногти и сросшиеся брови. По некоторым поверьям, колдуны и летом, и зимой ходят в овчиных полушубках, подпоясанных кушаком; они всегда выглядят внушительными и строгими, в них всегда чувствуется особая, отличающая их сила.

Колдун часто представлялся угрюмым и молчаливым, держащимся в стороне. В поверьях он суров в обращении и обидчив; смотрит не прямо, а вниз; ходит, не поднимая глаз, насупившись; глядит исподлобья, «волчьим взглядом»; к людям относится свысока; говорит часто таинственно и двусмысленно, а также разговаривает как бы сам с собой (считалось, что он беседует с нечистой силой, невидимой для обычных людей); нередко хвастается своей силой, а если ему не угодят — угрожает; редко показывается днем (по некоторым поверьям, днем колдуны предпочитают спать, а по ночам выходят с длинными палками, у которых на конце находится железный крюк); старается не появляться в людных местах (за исключением свадеб) и т.д. Многие колдуны отличались тем, что никогда не ходили в церковь или появлялись там только по самым большим праздникам.

В некоторых местностях были распространены поверья о фантастическом образе колдуна, резко отличным от обыкновенного человека. Так, согласно некоторым поверьям, «глаза у колдуна пылают хищным огнем, как у кровожадных животных; во рту торчат два длинных зуба, похожих на клыки; ресниц нет, пальцы на ногах и на руках длинные, ноги кривые»; «у колдунов всегда всклокочены волосы, отличная борода и в особенности глаза дикие, с выворачивающимися наружу белками». В некоторых местах считали, что у прирожденного колдуна не может быть бороды и усов, волос на теле либо половых органов, но у него есть небольшой хвостик с четырьмя волосками. По некоторым поверьям, у колдуна всегда две тени, а изображение в зрачках (особенно у прирожденного колдуна) перевернуто вверх ногами. Иногда верили также, что «колдун перед другим колдуном чернеет».

По народному убеждению, колдуна нередко можно узнать и экспериментальным путем. Так, по поверьям, если колдуну подать нож лезвием к сердцу, то он уйдет прочь с бранью; в некоторых местах этот способ несколько усложняли, полагая, что нож следует положить острием кверху и прочитать воскресную молитву («Да воскреснет Бог...») с конца — тогда колдун либо заревет, либо начнет скверно ругаться. Считалось также, что если в продолжение всего Великого поста каждый понедельник рубить дрова и всякий раз бросать несколько поленьев на подставку (чердак), а в заутреню на Пасху собрать все поленья и затопить печь, то колдун непременно явится просить чародейского огня; при этом советовали непременно дать ему этого огня, чтобы «не было беды».

Часто считалось, что за пасхальной утреней у колдунов свечи не горят и постоянно гаснут. Согласно некоторым поверьям, для того, чтобы в пасхальную утреню узнать колдуна, нужно взять с собой в церковь окрашенное в красную краску яйцо, снесенное в первый раз молодой курицей, и пройти с ним вокруг церкви с крестным ходом, а когда священник в первый раз скажет: «Христос воскрес», нужно смотреть на это яйцо, держа его в руке, и на народ; тогда, по народному убеждению, можно увидеть всех колдунов, стоящих спиной к иконам, с рогами на головах. Существовал и другой способ узнать колдуна: на Вербное воскресенье взять восковую свечу и зажигать ее всю Страстную неделю на стояниях и на Пасху у заутрени; затем надрезать кору на яблоне и заткнуть эту свечу за кору, вниз фитилем, и оставить так на целый год, до следующей Пасхи; на следующую Пасху перед заутреней свечу нужно вынуть, но так, чтобы этого никто не видел, идти с ней к заутрене и там зажечь ее. Такая свеча наделялась чудесными свойствами: верили, что стоит лишь повернуть ее фитилем книзу, и колдуны, находящиеся в церкви, покажутся вверх ногами.

По некоторым поверьям, колдуна можно узнать в Петров день (29.VI): для этого нужно купить новые неезженные колеса, надеть их на палку и катить их сзади дворов; у того двора, где живет колдун, колеса разорвутся, а если собрать их осколки и зажечь на перекрестке, то можно услышать человеческий крик — крик колдуна.

Колдовством обычно занимаются люди пожилые, безродные, холостые; но нередко также встречаются колдуны молодые и семейные. В народе, однако, бытует поверье, что семейная жизнь колдунов протекает не совсем нормально. Это, очевидно, связано в первую очередь с тем, что колдун часто общается с духами, с нечистой силой; временами на него «накатывает», и тогда он старается уйти из дому, иногда на несколько дней, чтобы не навредить семье.

В народном представлении колдовскую силу часто связывают с профессией рыбака, пастуха, мельника, кузнеца и т.п. Считалось, что колдунами бывают не земледельцы, а ремесленники, хотя в некоторых местах были известны и колдуны-земледельцы. Иногда полагали, что колдуном может быть даже священник.

Колдуны нередко бывают состоятельными хозяевами; в домах у некоторых из них «чувствуется купеческий уклад». Это, вероятно, связано с тем, что колдуны часто извлекают немалую выгоду из своих способностей. Так, к сильным колдунам обращались за помощью люди даже из отдаленных сел; при этом они платили за услуги деньгами, водкой (большинство колдунов пьют много водки), едой или различными подарками. Однако некоторые колдуны колдовали даром; объясняли они это тем, что брать плату им «черти не велели».

Колдунов часто считали двоедушниками и верили, что их души могут выходить ночью из тела через отверстие под коленной чашечкой, под бедром или под

копчиком; в то время, как сам колдун спит, его душа бродит по миру и творит зло или добро. Согласно народным поверьям, накануне Рождества и Пасхи колдуны собираются на перекрестках дорог, там танцуют и веселятся; как и другие мужские демонические персонажи (упыри, черти и др.), колдуны собираются также на Красных горах, а ведьмы — на Лысых.

Считалось, что силу для своего колдовства колдуны получают или наследственно, или преемственно, или по договору с нечистой силой. Колдунов еще нередко разделяли на «вольных» и «невольных»: первые — это люди, которые стали колдунами по своей воле и для которых, по народному убеждению, уже нет спасения (так как они продали свою душу черту); вторые — это люди, которые стали колдунами против своей воли, например, люди, которым колдовскую силу хитростью передал умирающий колдун (но для таких невольных колдунов, по поверьям, возможно и покаяние, и спасение: их отчитывали священники и отмаливали в монастырях).

Наследственным колдуном становится человек, родившийся от женщины и злого духа, дьявола; внебрачный от третьего поколения внебрачных; ребенок, родившийся тринадцатым от 12-ти девок одного поколения; ребенок, проклятый матерью в утробе. Ребенка, родившегося колдуном, называли «рожак» и считали, что у него есть маленький хвостик; при этом у ребенка колдуна хвостик будет не более полувершка или вершка, а к 40 и 50-ти годам он достигнет длины в 5 вершков.

Согласно народным поверьям, природные колдуны бывают сильнее наученных; они также более милостивые и добрые, чем наученные, однако их труднее распознать и уберечься от них. Прирожденный колдун, по народному поверью, обычно знает всех ведьм: он управляет ведьмами, которые держат перед ним отчет о том, что они сделали; учит ведьм, а также вступает с ними в половую связь. Считалось, что прирожденному колдуну не могут навредить русалки и ведьмы; в некоторых местах верили даже, что он вообще может управляться с любым «нечестиком».

Колдовской дар часто передается преемственно. Колдун передает его один раз в жизни, полностью или частично, обычно перед смертью; свою силу он передает члену своей семьи, а в случае отказа — всякому желающему. Обычно колдун «передает» свою силу через прикосновение, например, взяв преемника за руку. Если же не найдется желающего принять у него силу, колдуну приходится прибегать к хитрости: он схватывает за руку неосторожно приблизившегося к нему человека и словами «На тебе» совершает акт передачи. По этой причине даже самые близкие родственники в час кончины колдуна избегали к нему приближаться и брать что-либо у него из рук; даже если умирающий просил пить, ковшик с водой не передавали ему из рук в руки, а осторожно ставили так, чтобы он мог до него дотянуться. Так, в одном из рассказов умирающий колдун, стремясь поскорее передать свою

силу, подозвал к себе оказавшуюся поблизости девушку и сказал ей: «На тебе!», однако она, догадавшись, ответила: «Отдай тому, у кого взял!»; колдун застонал, заскрипел зубами, посинел весь, но тут вошла его племянница, и он сказал ей: «На тебе на намять!»; она просто приняла пустую руку, колдун тут же захохотал и умер, а племянница его вскоре начала колдовать.

Часто при передаче своей силы колдун пользуется неопытностью детей, неосторожно приблизившихся к умирающему или взявших у него из рук какой-либо предмет. Так, в одной из быличек деревенский колдун долго не мог умереть, так как никто не хотел принять у него его силу и взрослые, находящиеся в доме, избегали приближаться к постели умирающего; но тут в дом случайно зашел маленький мальчик, внук колдуна, который по простоте душевной подошел к деду, предложившему ему пряник. С пряником колдун и передал ему силу и тут же умер, а мальчик тем же вечером начал жаловаться, что ему являются бесы и требуют работы; через три дня этот мальчик умер — его замучили бесы. Таким образом, по народному убеждению, хотя детям можно передать колдовскую силу, они не могут с нею справиться и часто вскоре после получения силы погибают.

Свою силу колдун мог передать и неодушевленному предмету: так, например, один колдун, который не захотел передать свой дар, «спустил» свою силу с веника в воду. Многие колдуны, не найдя себе преемника, «передавали» свою силу палке, которую бросали на дороге (чаще всего на перекрестках); к человеку, поднявшему эту палку, и переходила сила колдуна. В некоторых местах полагали, что колдун, желая отделаться от досаждающих ему чертей, велит им заламывать колосья ржи, а потом усаживает каждого черта в заломанный или перегнутый колос с тем условием, чтобы «всякий из них взошел в душу человека, как скоро кто дотронется до него». Согласно поверьям многих мест, колдун, не найдя себе перед смертью преемника, передавал свою силу какой-либо вещи; первый, кто дотрагивался до нее, становился колдуном.

У славян было широко распространено поверье, что колдун может получить свое волшебное знание путем договора с нечистой силой. Сущность договора состоит в том, что при жизни колдуна нечистая сила снабжает колдуна помощниками, которым он обязан давать работу; по смерти колдуна он сам поступает в распоряжение этой нечистой силы. Заключение договора обычно происходит при особой обстановке, в «нечистых» местах (в банях, на перекрестках и т.д.). Рассказывали, например, что желающий познать тайны колдовства должен ходить в течение нескольких дней на ночные зори к перекрестку дорог и там, вызвав сатану, отречься от Христа, Бога и царствия небесного, от родных, земли, солнца, луны, звезд; обещать веровать в духов тьмы (снимая при этом с шеи нательный крест и кладя его под правую пятку) и просить, чтобы черти помогли научиться колдовству. При этом

он должен дать расписку кровью в отречении от Бога и всех небесных сил и в полном повиновении Сатане; расписку эту он кладет себе на голову, после чего она исчезает — ее берет себе сам Сатана. Иногда считалось, что нечистый дух, с которым колдун заключает договор, берет расписку только с грамотных людей, а неграмотным велит кувыркаться до двенадцати раз через 12 (или через 3, 9 и т.д.) ножей, воткнутых в землю.

Считалось, что человек, желающий стать «виритником» (самым сильным колдуном, чары которого почти неизлечимы), должен проделать следующее: пойти в глухую полночь, лучше всего осенью под Семин день, к «росстаням» (распутью), где расходятся шесть дорог в шесть шести нечистых духов: князя тьмы Вельзевула, духа хитрости, духа лжи, духа болезни, духа сглаза и духа злобы. Встав посередине распутья человек должен вызвать одного из этих духов; когда дух явится, то желающий быть виритником должен повернуться на левой ноге и сказать: «Я желаю быть виритником; что мне для этого нужно сделать?» Нечистый учит его: «Сначала нужно принести на распутье в жертву неошипанного петуха со стоячим гребнем, которого нужно украсть у пона в то время, когда поп служит в церкви обедню; при этом петух не должен кричать». Человек должен украсть петуха и в полночь опять явиться на распутье; при этом петух не должен кричать, так как, если петух запоет, черти разорвут человека на клочки. Взяв у человека петуха, нечистый разрывает его на шесть частей и разбрасывает их на шесть дорог, а человек в это время должен сказать: «Жертвую тебе, господин мой, слугу божию, делай с ним что хочешь, а я верный раб твой». После этого раздастся оглушительный свист, визг и топот, шесть духов налетят на жертву и съедят ее, а потом исчезнут; после этого нечистый дух даст виритнику шесть петушиных перьев из хвоста, пережженных на адском огне, и прикажет съесть их. На следующую ночь виритник должен опять прийти на распутье и принести с собой овцу; ее нечистый также разорвет на шесть частей и разбросает по шести дорогам, а человеку даст съесть жареный овечий хвост. На следующую ночь виритник должен принести с кладбища кости, принадлежащие его родственникам; эти кости нечистый растолчет в порошок и отдаст виритнику, чтобы он употребил его, когда будет «портить». Прежде всего виритник должен испортить этим порошком самого дорогого человека в своей семье; если же он пощадит его, то нечистый может погубить его самого. Затем виритник должен снова прийти на распутье и принести свою рубашку; нечистый сожжет ее, затем делает на левой руке человека разрез и, взяв крови, напишет условие, по которому человек отныне должен принадлежать ему душой и телом при жизни и по смерти, а в случае измены сгорит, как его рубашка. После этого нечистый возьмет золы от рубашки и засыплет ее в разрез на руке. После этого человек становится виритником.

Иногда люди, желающие стать колдунами, обращаются за помощью к опытному колдуну. Колдун велит человеку в полночь прийти в какое-либо «нечистое» место — в баню, на перекресток и т.и. Там он велит человеку стать на положенную ликом вниз икону Спасителя, а сам начинает читать заговоры, после чего появляется нечистая сила, обычно в облике какого-либо животного, чаще всего — огромной лягушки и т.п. После этого колдун велит человеку лезть в насть лягушки и вылезти через задний проход; пролезть таким образом через лягушку нужно три раза. После этого человек, по народному убеждению, получает необходимые колдовские знания и силу и становится колдуном.

Согласно многим поверьям, нечистая сила (дьявол) является колдуну два раза — при заключении договора и в момент смерти колдуна. При заключении договора она является чаще всего в человеческом образе, а при кончине колдуна иногда приходит за его душой в облике какого-либо животного (чаще всего копя или ворона).

При заключении договора колдун получает от дьявола помощников. Помощники у колдунов бывают разные: так, ими бывают черти, коргоруши, курдуши, кикиморы, нечистые покойники и т.п. Иногда помощники колдуна имеют вид животных, чаще всего черной кошки или черной собаки, жабы, змеи, барана. Нередко считалось, что колдун видит своих помощников в их подлинном облике, а для посторонних они остаются невидимыми или принимают вид черной кошки, собаки или неодушевленного предмета (палочки, соломинки). Белорусы считали, что бесы приходят к колдуну в виде маленьких человечков; подлинный их вид колдун узнает при своей кончине и по смерти. Своих помощников колдуны называют по-разному: «мальчики», «хохлики», «они», «товарищи» и т.д. Живут помощники колдуна в разных местах: в лесу, в бане, в клетке, в овине, в сараях, на гумне, но не в избе, так как там есть иконы. Свидание чертей с колдуном также происходит вне дома, обычно ночью, особенно под церковные праздники.

Своим помощникам колдуны обязаны давать работу. По некоторым поверьям, в каждый 10-й и 40-й день подвластные колдуну черти приступают к нему и требуют работы, т.е. позволения мучить болезнями людей. Если настоящей работы не было, то колдуны, чтобы черти от них отстали, заставляли их делать какую-нибудь как можно более долгую, а лучше всего — безнадежную работу, так как даже самые трудные поручения помощники колдуна, по народному убеждению, обычно выполняют с удивительной быстротой: «Что ни придумают колдуны — все чертям нипочем, одна забава». Однако опытные колдуны все-таки исхитрялись давать чертям такую работу, которую они выполнить не могли: заставляли их вить веревки из пыли, считать песок или листья осины, носить воду решетом, взвешивать дым, носить в бутылке свет, заливать заминенным решетом воткнутый в дно озера

длинный, возвышающийся над водой кол, растягивать вдвое осиновый чурбан и т.п. Так, в одном из рассказов Новгородчины старый и умелый колдун приказывал своим чертям считать пеньки в лесу (а это, по народному убеждению, для чертей дело трудное, так как многие деревья в лесу рублены с молитвой, и черти, дойдя до такого пенька, сбиваются со счета); когда ему требовалась помощь чертей, он призывал их к себе, а когда они выполняли нужную ему работу, вновь отправлял их в лес. Малоопытных же колдунов, не умеющих совладать со своими помощниками, черти, по поверьям, коверкают и мучают, без конца тормозят, отчего над домом колдуна вечно стоит стон, гам, писк и крики.

Друг друга колдуны обычно не любят. Если в деревне есть два колдуна, то они обычно всячески досаждают друг другу и вообще соперничают; если один колдун сильнее, то он может совсем извести второго, более слабого колдуна. Однако в некоторых местах считалось, что у колдунов есть какое-то свое содружество; над менее опытными колдунами какой-то области стоит один наисильнейший князек-колдун, который отдает распоряжения другим колдунам, раздает им колдовские принадлежности, учит их и т.д.

Действия колдунов заключаются, главным образом, в гаданиях, превращениях и заклинаниях. Объектами действий колдуна являются люди, животные и неодушевленные предметы. Часто считалось, что колдун действует в состоянии исступления: временами на него «накатывает», «прет из него эта сила, беда тогда попасться ему на глаза, — родную дочь одним взглядом испортит». Белорусы считали, что временами колдуну «кровь очи заливает, нечистая сила к голове подступает, в голову ударяет», и тогда он начинает колдовать. При этом он действует в полузабытьи или же сохраняет сознание, но его воля целиком подчиняется нечистой силе. Будучи в таком состоянии, колдун непременно должен «очаровать»; в противном случае он может погибнуть. При этом верили, что колдун, причинивший порчу, уже не может снять ее, а сделать это может только другой колдун, хотя бы и более слабый, чем тот, который наслал порчу.

Колдун, по народному убеждению, может насыпать порчу на людей, животных и неодушевленные предметы. Сильный колдун способен наслать порчу одним только взглядом, прикосновением, словом; менее опытные колдуны насылали порчу через произнесение особых магических формул или через совершение магических действий. Иногда для наведения порчи колдуны приготавливали специальные снадобья; составы таких зелий были весьма разнообразны: в них обычно входили колдовские травы, сорванные в определенные дни, а также некоторые органы человека и животных. Очень распространенной была порча через приемы симпатической магии: так, для того, чтобы испортить человека, колдуны «вынимали след» (т.е. отпечаток ноги жертвы) и подвешивали в мешочке в чело печи или клали под матицу потолка; чтобы испортить

урожай, колдун делал в поле закруты и заломы; чтобы испортить скот, колдуны зарывали на скотном дворе скатанную шариками шерсть и т.д. Чтобы испортить человека «на смерть», колдун должен был добыть его волосы: он клал их в воск и глину и лепил подобие человеческой фигурки, которую потом клал в гробик, закапывал в землю и заваливал камнем; волосы иногда заменялись частью одежды, ногтями, землей со следа и т.п.

Согласно народным поверьям, многие колдуны умеют «насаживать килы», то есть делать так, что у здорового человека появляется грыжа или злокачественные темно-синие нарывы, сопровождающиеся невыносимой болью и необъяснимой тоской, отчего человек «просто на стену лезет». Запой, по некоторым поверьям, также насылают колдуны; они же отнимают у человека разум, делают его припадочным, а также возбуждают у мужа отвращение к жене, а у жены — к мужу. Злым влиянием колдунов объясняли и те случаи, когда человек (иногда — все от того же запоя) бросал семью, уходил куда глаза глядят и даже накладывал на себя руки. Вообще «порче», насылаемой колдунами, приписывали во многих местах все те «болезни», от которых людей отчитывали и возили к святым мощам.

Особой разновидностью порчи считалась порча полей, производимая с помощью заломов, закрутов и т.п. Так, по поверьям, колдун, желая погубить урожай, ночью идет на чужое поле и делает там залом, представляющий собой спутанный пучок стеблей еще не сжатого хлеба, надломленных в правую и левую сторону, закрученных в узел вместе с золой и присыпанных у корней солью, землей с кладбища, яичной скорлупой и распаренными старыми зернами. При этом, если зола была взята из печи одного хозяина, то значит, залом был сделан с расчетом нанести вред ему одному; если же зола была взята из нескольких печей, то урожаем грозит всему полю.

Колдуну обычно бывают подвластны почти все стороны бытия природы и человека. Сильный колдун мог повелевать небесными явлениями, погодой: считалось, что он способен насылать ветер, град, затяжные дожди и т.п.; «отводить» тучи, насылая тем самым засуху, и т.п. Иногда считалось, что колдуны, действуя заодно с ведьмами, крадут урожай, сшибают с неба месяц и звезды, отбирают у коров молоко и т.п. Однако погоду, скот и поля колдуны, по народным поверьям, портят реже, чем ведьмы.

Для наведения порчи и прочих колдовских действий колдуну, по поверьям, обычно бывают необходимы некоторые предметы, например, 12 железных ножей (для превращения); осиновая зола, добытая у соседей в Великий четверг; сажа из церковной печи; различные травы (разрыв-трава и вообще «колдовские» травы, а также любжа, иван-да-марья и др.); котел с водой, восковые свечи и т.д. Необходимы ему бывают и помощники, которых он управляет по

разным поручениям, у которых узнает ответы на вопросы, и т.д.

Сильный колдун, по народному убеждению, может повелевать не только своими помощниками-чертями, но и вообще всякими «нечистыми» существами. Так, часто считалось, что сильным колдунам подвластны гады (в первую очередь — змеи и лягушки), некоторые животные (например, абсолютно черные кошки, нетопыри и т.д.), птицы (филины, совы, вороны и пр.), а также кикиморы, лешие, водяные, домовые и т.д. (так, по поверьям, кикимор в дома «насаживают» колдуны; появление «чужого» домового в доме также приписывалось злему влиянию колдуна).

К колдунам иногда решались обратиться за помощью; обычно это делали в случае угрозы со стороны другого колдуна. Однако в некоторых местах избегали пользоваться помощью колдуна, считая это грехом. Обычно к колдуну обращались с просьбами погадать; «поворожить»; чтобы хорошо шло хозяйство; вылечить больного; приворожить кого-либо и т.д. Колдунов также звали для того, чтобы исправить действия, сделанные другим колдуном. Так, колдун, по народному поверью, способен изгнать из человека порчу и вернуть ее насланному; на этой почве происходит борьба между колдунами, иногда со смертельным исходом для одного из них.

Во многих местах колдуна обязательно звали на свадьбу; делали это либо из страха перед его гневом, либо из опасения, что другой колдун испортит свадьбу, оборотит молодых и гостей в волков и т.п.: «Раньше свадьбу без колдуна не сыграешь. А то свадьбу испортят... Превратят ее или в веников, или в волков. И разбегутся все. Свадьбу не соберешь. А берут сильного колдуна: он за крестным едет, передом, и все это отделает (отколдует)». Виды свадебной порчи были весьма многообразны: так, во многих местах рассказывали, как под влиянием чар колдуна свадебный поезд не мог сдвинуться с места, распрягались и дошли кони, на поезжан находило нечто вроде коллективного помрачения рассудка, заболели молодые, и т.д. Так, в различных рассказах враждебно настроенный колдун останавливал весь поезд, бросив под ноги передней лошади рукавицу на волчьем меху (после чего лошадь, фыркая, останавливалась и не трогалась с места); наводил порчу, так что молодые и многие из гостей начинали кликушествовать, и т.д.; делал так, что свадебный поезд сбивался с дороги и оказывался в результате где-нибудь под мостом, в глухой чаще и т.д. Повсеместно известны рассказы и былички о целых свадебных поездах, обращенных колдуном в волков или в медведей. От этих-то бед, вызванных злыми чарами, и должен был защитить свадьбу колдун. Нередко свадьба становилась ареной соперничества колдунов, один из которых «портил», а другой устранял порчу.

На свадьбе колдуну, оберегающему молодых, оказывали большой почет: встречали его с поклонами, сажали на почетное место, угощали и дарили разные

подарки. За это колдун «кудесил» в доме, отводя от молодых порчу и беды, защищал их от злого влияния других колдунов и нечистой силы. Более всего помощь колдуна требовалась тогда, когда молодые вместе со свадебным поездом отправлялись в церковь, а потом возвращались домой; этот путь считался самым опасным моментом свадьбы, так как именно в это время, по народному убеждению, враждебные колдуны предпочитают наводить на молодоженов порчу. Так, в одной из быличек злой колдун, высунувшись в окно, кричал ехавшему мимо свадебному поезду: «Дорога на лес!»; от этих слов молодые и все гости должны были обернуться волками, но вместе с поездом ехал колдун, который предотвратил это несчастье, «отчуравшись» словами: «Дорога на поле!» (отчего у враждебного колдуна выросли огромные рога, и он не смог даже высвободить голову из окна, пока колдун молодых, возвращаясь назад, не простил и не освободил его).

В некоторых местах приход колдуна на свадьбу описывали следующим образом: «Приглашенного еще в дверях избы встречает сам хозяин низким поклоном, со стаканчиком водки. Вторую чарку колдун попросит сам и затем уже смело начинает кудесь с доброй целью предупредить возможность порчи: берет из рук хозяйки поднесенные хлеб и соль, разламывает хлеб на кусочки, круто посыпает солью и разбрасывает по сторонам. Плюнув три раза на восток, входит он в избу, осматривает все углы, дует в них и плюет, потом в одном сыплет рожь, в другом свою траву, в остальных двух золу: рожь против порчи, траву на здоровье молодых; оглядит пристально пол: не набросано ли желтого порошка — ведомого, опасного зелья; заглянет в печь: не кинуты ли на загнетку с угольями такие травы, от которых смрад дурманит у всех головы, а у иных баб вызывает рвоту (бывали случаи, когда поезжане из-за этого смрада покидали избу и свадьбу отсрочивали). Затем колдун выходит на двор и три раза обходит лошадей, назначенных для поезда под жениха и невесту. Заглядывает под хомут: не подложил ли какой-либо недоброхот репейника или иных колючек. В избе осыпает молодых рожью, заставляет проходить через разостланный под ноги черный полшубок и этим вконец изводит навеянную порчу. Провожая до церкви, он на каждом перекрестке и под каждым воротами (которые считаются самыми опасными местами) шепчет заклинания. Из-под венца велит ехать другой дорогой. На свадебном пиру принимает первые чарки и напивается прежде всех до полного бесчувствия. Тогда только его увозят домой с выговоренными подарками, сверх денег: холстом и расшитыми в узор, но не в кресты, полотенцами».

Иногда верили, что колдун делает лишь добро: заговаривает болезни, лечит людей и животных, защищает людей от ведьм и злых колдунов, а также от нечистой силы. По некоторым поверьям, колдун, возглавляя шабаш, не дает ведьмам возможности причинить людям зло. Известны также поверья о том, что злыми обычно бывают наученные колдуны, а

прирожденные колдуны зла стараются не делать; иногда даже верили, что колдуны-уроженцы — «от Бога» и делают людям добро: защищают от злых колдунов, ведьм и нечистой силы, «отводят» порчу и т.д.

Колдунов в народе считали оборотнями и верили, что колдун может превращаться в некоторых птиц (сокола, филина, гуся), рыб (щуку) и животных (волка, медведя, кота или собаку, реже — свинью). При этом чаще всего колдун принимает облик огромного волка, иногда волка белой масти. Оборачиваясь, колдун втыкает нож в пень или в землю и кувыркается через него три раза (возможно, втыкание ножа острием в землю некогда означало требование от земли силы для превращения). В некоторых местах, однако, верили, что оборотнями являются почти исключительно ведьмы, которые могут принять практически любой облик; колдуны же оборачиваются редко, и формы их превращения довольно ограничены.

Колдун мог превращать не только себя, но и других людей; при этом в народе существует особенно много рассказов о превращении свадеб. Так, рассказывали, что колдун, желая превратить людей в волков, с приговором втыкает в стол или матицу нож, после чего все свадебное собрание обращается в волков и убегает в лес. При этом невольные оборотни сохраняют человеческое сознание и чувство; оборотить же их снова в людей может только другой, более сильный, колдун.

Для того, чтобы снять чары, насланные колдуном, на шею порченного надевали хомут, снятый со вспотевшей лошади, и перевертывали его трижды вокруг шеи. Кроме того, нередко обращались к другому, сильному колдуну, умеющему делать «отворот», или звали знахаря, лечащего по обычным принципам народной медицины. Знахари лечили от порчи рвотными средствами или спрыскивали больного с уголька или с громовой стрелы.

Повсеместно в народе бытовали и особые средства для борьбы с чарами колдуна. Главной защитой от чар колдуна и ведьмы служили крест и молитва; при этом самой действенной считалась молитва «Да воскреснет Бог», особенно если читать ее до 3-х раз, и не с начала, а с конца. Кроме того, для защиты от злого колдовства использовались различные обереги: различные растения (лук, чеснок, двойной ржаной колос, стручок о девяти горошинах, плакун-травы и т.д.), острые колющие предметы (игла, ножи и пр.), некоторые камни (янтарь и пр.), различные предметы (например, пояс, который в некоторых местах носили на голом теле и не снимали даже в банях) и т.д. Особенно много различных оберегов от колдовства имели при себе молодые на свадьбе. Так, невеста обычно имела при себе монету, с наговором положенную в чулки или в обувь; иголки без ушек, зашитые в подоле платья; льняное семя, насыпанное в обувь; головной платок с нашитым на него крестом; особым образом (от себя, наотмашь) спряденную нить; молитву, написанную на бумажке и привязанную к тельному кресту, и т.д. Примерно такие же обереги имел и жених; кроме того, оба они

держали при себе головки чеснока, янтарь, ладан и пр., обвязывались по голому телу сетью и т.д.

Для того, чтобы временно парализовать силу колдуна, при встрече с ним показывали ему кукиш; при входе колдуна в избу поворачивали печную заслонку или окуривали избу можжевельником (т.к. его не любит нечистая сила). Считалось, что колдун будет обессилен, если брызнуть ему в лицо красным вином, соком редьки или водой, взятой при первом громе; если напоить его водой с ладаном; если поднести к его сердцу железный нож; если назвать в глаза колдуном; если при разговоре с колдуном воткнуть нож в испод стола и т.д. Согласно поверьям, если ударить колдуна кулаком или даже просто левой рукой наотмашь, не оборачиваясь назад, то он не сможет причинить вреда; если же при этом ударе прольется кровь, то колдун уже «испорчен», т.е. «в колдуны больше не годится». В некоторых местах верили также, что, если взять «сорокообеденный ладан» (т.е. ладан, пролежавший на престоле во время сорокоуста), растереть его в порошок, всыпать в вино или пиво и дать выпить колдуну, то он начнет ходить по избе с одного угла на другой и дверей не найдет; если же в это время дать ему напиться поганой воды, хотя бы из лоханки, он охотно выпьет и тут же потеряет всю свою силу.

Повсеместно считалось, что колдуна можно заставить исправить сделанное им зло. Так, верили, что если в кипящую воду бросить конскую подкову и камень, то колдун будет мучиться и придет в дом, чтобы вылечить испорченную им скотину, и т.д. Против женщин-колдуний в народе применялись те же способы, что и против ведьм: так, считалось, что если кипятить цедилку или остаток молока, выдоенного колдуньей у чужой коровы, то колдунья будет страдать и придет к хозяевам просить пощады.

Колдуна, по народному убеждению, можно «запереть», т.е. сделать его неспособным выйти из помещения или причинить находящимся в доме людям зло. Для этого при входе колдуна в избу ставили с приговором ухват вверх рожками или садились на скамейку и считали до девяти, затем произносили: «Сук заткну, еретника запру», при этих слова вставляя палец в сучок скамьи; считалось, что если это проделать незаметно для колдуна и сразу же при его появлении, то он потеряет силу испортить кого бы то ни было. Верили также, что если под церковным порогом закопать косточки ножек ягненка, колдун не сможет выйти из церкви. Во многих местах верили, что для того, чтобы обессилить колдуна, достаточно «продеть иглою его одежду»; если же воткнуть иглу ушком вверх в дверь того дома, куда вошел колдун, то до тех пор, пока игла будет находиться в двери, колдун не сможет выйти из дома.

Убить колдуна, по народному убеждению, можно ударом наотмашь, особенно если бить тележной осью или осиновым колом. В некоторых местах полагали, что колдуна можно убить, если выстрелить в него медной пуговицей; таким же способом, по народному

убеждению, можно убить и черта. Верили также, что, если повернуть коневую слегу на крыше колдуна, он заболит, а если сбросить ее — умрет. Не очень сильного колдуна можно убить и как простого человека, т.е. обычным ударом, выстрелом.

По народному воззрению, колдуны не умирают естественной смертью. Время своей кончины они знают за три дня. Умирают колдуны долго и в страшных мучениях; при этом мучения иногда начинаются задолго до момента смерти. В свой смертный час колдун начинает бегать по избе, бросаться на что попало, кричать, петь, смеяться и т.п.; у него начинается мучительная агония, судороги и пр. Умирают колдуны обычно на полу, стараясь подлезть под печку; около порога, на пороге или под печью; нередко считалось, что если над таким колдуном станут читать «псалтырь», то в полночь он вскочит и станет ловить чтеца.

Считалось, что при кончине колдуна обступают черти и издеваются над ним, иногда стараются затащить умирающего в подполье или казенку, чтобы там замучить до смерти. Обычно считалось, что колдун не может умереть, пока не передаст кому-нибудь своего дара; если же он не передал свою силу, то перед смертью к нему приходит домовая (по другим поверьям — черт), сдирает с него шкуру, а туловище уносит к себе, оставив одну только кожу.

Мучения колдуна, по народному убеждению, происходят от того, что таинственная сила колдуна удерживает его в этой жизни и борется с природой, со смертью. Для того, чтобы ускорить кончину колдуна, разрывали на коньке крыши солому; вбивали в конек зуб бороны; поднимали матицу на один вершок; вынимали половицу (доску в полу избы); иногда разбирали всю крышу и т.д. Цель этих обрядов — с одной стороны, выпустить душу в незнакомое ей отверстие, которое затем заделывается, чтобы душа не смогла вернуться; с другой стороны, обряды эти основаны на представлении о том, что за душой колдуна приходит нечистая сила, которая не может проникнуть через закрепленные двери (раньше в деревнях на дверях часто писали кресты). Другое средство ускорить кончину колдуна состояло в том, что умирающему давали веник или подкладывали под него метелку; считалось, что нечистая сила, выйдя из колдуна, сядет на веник. Такой веник после следовало выбросить в какое-нибудь пустынное место или зарыть в землю; мимо мест, где зарыты такие веники, обычно старались не ходить, чтобы «не пристала порча». Известен рассказ о том, как умирающий колдун просил дать ему веник, а затем отдавал его назад, но никто не решался взять его; тогда колдун бросил веник на пол, и тот сам собой заплясал по избе.

Похороны колдуна также сопровождалась определенными обрядами. Если колдун умер дома, то его выносили из дверей вперед головой, а не ногами, как обыкновенных людей. Если же колдун умер вне дома, то ни в дом, ни в церковь его не вносили, а либо хоронили на том месте, где он умер, либо отпевали на

дровнях перед церковью и после этого хоронили. При перенесении гроба с умершим колдуном от церкви до могилы на перекрестках гроб несколько раз переворачивали, чтобы колдун не нашел дороги обратно; или останавливались, не доезжая до кладбища, переворачивали колдуна лицом вниз и подрезали у него на ногах жилы, считая, что в этом случае он будет бродить по земле только до этого места. Во многих местах колдунов вообще хоронили за пределами кладбища и на могилах не ставили крестов; для того, чтобы колдун не выбрался из могилы и не начал бродить по земле, в могилу вбивали осиновый кол. Зарывая колдуна в могилу, непременно следили, чтобы не случилось какой-нибудь беды; так, в одном из рассказов Орловской губернии, при похоронах колдуна его дочь, повинаясь воле умершего отца, бросила в могилу свежесжатой ржи, после чего грянул гром, нашла грозозавялая туча с градом и повыбило все посевы, и с той поры несколько лет подряд в день похорон этого колдуна повторялось то же самое, пока крестьяне не разрыли могилу колдуна и не вынули из нее гнилой сноп, «и только тогда успокоилось» (гроз с градом больше не повторялось).

Все эти обряды были связаны с поверьем, что колдуны и по смерти не теряют своей силы. Часто считалось, что если колдун заключил договор с чертом на какое-то число лет, а умер, по определению судьбы, раньше срока, то он встает из могилы доживать на свете остальные годы. В некоторых местах полагали также, что если тело покойного колдуна после его смерти оставалось на поверхности земли более одного дня, то покойник будет вставать из гроба и «ходить по жилу до первого крика петуха».

Как всякий нечистый покойник, колдун живет на месте своей смерти или могилы. Распространено поверье, что колдунов «не принимает земля», поэтому он выходит из могилы и вредит людям: насылает засуху, болезни, неурожай, надеж скота и т.п. Считалось, что, встав из гроба, колдун идет в свой дом и врывается в избу: при этом он прежде всего бросается к зыбке, если она есть в избе, и выпивает кровь младенца; после этого он разрывает и съедает всех остальных домочадцев.

Нередко считалось, что умершие колдуны и ведьмы могут приходить домой за пищей: ночью они проникают сквозь заборы и лезут в печь, надеясь найти там пищу; если же пищи нет, то они, как тени, бродят по земле, воют и пугают людей. Для того, чтобы избавиться от ночных посещений колдуна, на ночь с внешней стороны окна выставляли различные кушанья.

Считалось, что умершие колдуны бродят по земле с заката солнца до полуночи, а в полночь, с пением петухов, уходят в могилу. По некоторым поверьям, блуждание колдунов и ведьм по земле продолжается 6 недель после их смерти; по другому поверью, они появляются только перед бедой.

По народным поверьям, после смерти колдун из-за второй, нечистой, души может стать упырем. Чтобы

предотвратить это и обезопасить себя от мертвого колдуна, при погребении его клали лицом вниз; забивали ему в рот кол; клали в гроб кусок осины, гвозди, бумагу, стружку; у могилы трижды рассыпали мак и т.п. Верили, что для того, чтобы избавиться от упыря, надо ударить его осиновой палкой наотмашь; один раз ударить его поводом узды, которой вытерли пот и иену молодой лошади; переложить мертвеца в другую могилу; подрезать мертвому пятки и насыпать в разрез мелконарезанной щетины; отрубить мертвому голову и положить ее между ног, а тело прибить к земле осиновым колом. Забивание осинового кола, имеющее целью разрушить костяк и лишить мертвеца силы, было очень широко распространено у всех славян. Забивали кол обычно родственники или близкие умершего; иногда забивание кола совершалось священником при чтении особых молитв.

Коледа — см. Коляда.

Коловертыши, коловерти — см. Коргоруши.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН — принадлежность культурного пространства. Отсутствие колокольного звона (как и других звуков, принадлежащих человеку и его ближайшему окружению) указывает на сферу небытия. Так, болезни в заговорах «отсылают» туда, где не звенит колокол, не поет петух и т.п. Считается, что уж (или вообще змея), в течение семи лет не слышавший человеческого голоса и колокольного звона, превращается в крылатого змея.

Колокольный звон разграничивает «чистое» и «нечистое» время. Во всех славянских традициях известны поверья о том, что некоторые мифологические персонажи показываются на глаза людям и вредят им только после того, как отзвонит колокол. В период от Страстного четверга до Страстной субботы колокола, в соответствии с церковным канонам, не звонят вообще (молчание колоколов — это время их «говения» и «скорби» по поводу мучений и кончины Иисуса Христа); чтобы нечистая сила не имела возможности творить зло, в этот период принято было заменять колокольный звон другими звуками (парни ходили по ночам по селу с колокольчиками и трещотками; старухи били ветками по церковному полу или скамьям в костеле, и т.п.).

Колокольный звон (как нечто освященное свыше и являющее собой присутствие высшей силы, Бога) связывался в народных представлениях с истиной. Верили, что колокольный звон вынуждает раскаиваться клятвопреступника. Если во время какого-нибудь разговора звонил колокол, то все сказанное в это время считалось непреложной истиной. Колокольный звон, по поверью, останавливает вора, убегающего с места преступления, и вынуждает его вернуться назад; вожжи, привязанные к церковному колоколу, заставляют конокрада оставить свою добычу или даже удавиться.

КОЛОКОЛЬНЫМ МАН

Самоубийцам и людям, умершим без отпущения грехов и покаяния, колокольный звон заменял церковный обряд; таких покойников хоронили под колокольный звон и собирали пожертвования на литье колоколов во спасение их душ.

Все содеянное в то время, когда звучал колокол, освящалось присутствием высшей силы, поэтому колокольный звон, особенно на Рождество (у южных славян) и на Пасху (у католиков), считался временем, благоприятным для «заделывания» многих хозяйственных работ и совершения разнообразных магических действий. В Сербии и Македонии под колокольный звон женщины трижды пускали челнок на ткацком станку, чтобы в течение года им легко ткалось: кузнец трижды ударял по наковальне, а колесный мастер — по дереву, чтобы в течение года у них была работа; хозяин в хлеву проводил скребницей по каждому животному и задавал им немного корма, чтобы скот был здоров и приносил приплод; хозяйка в это время завязывала «очажные» цепи, «замыкая» этим на весь год насти волкам и змеям. В Сербии под колокольный звон на Рождество пасечник обвязывал ульи специальной нитью, чтобы рои не разлетались; в Моравии то же самое делали, чтобы кто-нибудь не похитил пчел. В Ярославской губернии на Пасху во время колокольного звона желающие избавиться от бородавок терли их костью мертвеца; во многих славянских традициях иод пасхальный звон колоколов люди умылись у источников, чтобы быть здоровыми, а девушки — чтобы быть красивыми и избавиться от веснушек. Под колокольный звон на Рождество девушки гадали о замужестве, и т.п.

Колокольный звон наделялся теми же магическими функциями, что и громкий голос, стрельба, крик и т.п. Так, считалось, что он способен воздействовать на вегетацию культурных растений: на Украине и в восточной Польше парни на Пасху попеременно забирались на колокольню и звонили в колокола, считая, что у того, кто сделает это раньше и громче других, лучше уродится гречиха; в России женщины звонили на Пасху в колокола, чтобы лен вырос высоким; у западных славян в Страстную субботу под колокольный звон, когда он возобновлялся после перерыва, трясли плодовые деревья, чтобы они лучше плодоносили.

Колокольный звон обладал колоссальной силой воздействия на природные стихии. В русских заговорах, произносимых при отыскании клада, колокольный звон, как и «глас Божий», колеблет землю и обнажает спрятанные в ней сокровища, поражает стерегущую их нечистую силу. Наряду с другими формами обрядового шума, колокольный звон использовался для разгона градовых туч, причем иногда для этой цели даже устанавливали специальные колокола. Верили также, что тот колокол, который раньше других зазвонит на Троицу, будет иметь большую силу воздействия на градоносные тучи. Считалось, что нечистая сила, насылающая тучи или управляющая ими, боится колокольного звона; его боятся и

демонические существа, похищающие или пожирающие солнце и луну, поэтому в колокола звонили и при солнечном или лунном затмении. Колокольный звон мог помочь умирающему в случае тяжелой агонии: он отгонял от умирающего нечистых духов.

Считалось, что колокольный звон способен отогнать от села мор. Так, когда в окрестностях села появлялась холера или чума, одна из деревенских девиц должна была в полночь тайком от всех забраться на колокольню и бить в колокол; жители выбегали из домов, а девица в это время должна была незаметно вернуться домой. Считалось, что после этого болезнь, испугавшись колокольного звона, не посмеет вступить в село.

Колокольный звон ассоциируется с человеческим голосом и слухом. Чтобы хорошо петь, девушки пили воду, которой перед этим омыли церковный колокол. Чтобы исцелиться от глухоты, становились на наску под большой колокол; на свадьбе во время венчания звонили в колокола, чтобы молодожены и их дети не страдали глухотой, и т.п.

Колокольный звон соотносился также со смертью. При звуке церковного колокола крестились, поминая умерших; на Пасху специально звонили в колокола в память об усопших, и т.п. Полагали, что звуки колокола в один из весенних праздников могут разбудить предков и донести до них весть о наступлении праздника. Как угроза смерти воспринималось в народе обещание, данное живому человеку, «заплатить ему на позвонное» (т.е. заплатить церкви за поминальный перезвон по нему); к этой угрозе прибегали при неплате долга, при ссорах и т.п. Провожая из дома или из села нежеланного гостя или нелюбимого всеми человека, устраивали ему «позвонное» (имитировали колокольный звон, стуча по горшкам и металлической посуде), чтобы он никогда не вернулся назад.

В приметах колокольный звон обычно также предвещает смерть: если он раздастся во время движения свадебного поезда, это грозит смертью молодоженам (или хотя бы одному из них); увиденный во сне колокол предсказывает смерть одному из домочадцев; колокольный звон, услышанный девушкой во время гадания в сочельник, предвещает ей смерть в течение года, и т.п. Человек, услышавший ночью, как звонит на колокольне упырь или «ходячий» покойник, непременно умрет к утру.

Колокольный ман — см. Колокольный мертвец.

КОЛОКОЛЬНЫЙ МЕРТВЕЦ, колокольный май — нечистый дух, заложный покойник (чаще всего — умерший колдун, которого земля «не принимает»), обитающий на колокольне. Колокольным маном называли и черта, который, по поверьям, также иногда показывается на колокольне; так, в некоторых местах принято было креститься лишь при третьем ударе колокола, так как считалось, что до этого на колокольне

Колюка-трава

находится черт, падающий оттуда лишь тогда, когда колокол начинает звонить в третий раз.

Согласно поверьям, колокольный ман — сидящая скрюченная фигура в белой шапке или остроконечном белом (реже — красном) колпаке — возникает на колокольне в полночь, и храбрый человек, поднявшийся в это время на колокольню, может увидеть его (обычно сидящего в углу или на лестнице). Существует несколько быличек, повествующих о смельчаках, «на спор» поднявшихся на колокольню в полночь и сорвавших колпак с колокольного мана. Однако считалось, что «от такого добра не будет»: после этого мертвец каждую ночь будет приходить к тому человеку, который забрал его колпак, и требовать, чтобы ему его вернули; если же храбрец попытается вернуть колпак, то мертвец набросится на него и задушит либо разорвет на куски.

КОЛЮКА-ТРАВА — чудесная трава, которая, по поверьям, ранними зорями дважды кличет: «Ук! Ук!» человеческим голосом; поэтому ее еще называли Ревяка или Кликун-трава.

Трава эта, по народному убеждению, человека к себе не подпускает и в руки ему не дается. Для того, чтобы взять ее, следует вокруг на сажень очертить круг так, чтобы трава стояла точно в середине; при этом иногда считали, что собирать ее следует только в Петров день по росе. Выкопать колюку-траву с корнем из земли следует не раньше, чем она поклонится человеку; копать же следует с осторожностью, так как корень колюки-травы видом точно как человек (у него есть голова, руки, ноги). Надо быть очень бережным с этим корнем и с волшебной силой этой травы. Иногда советовали хранить эту траву в коровьих пузырях, считая, что иначе она потеряет половину своей волшебной силы.

Листьями колюки-травы чародеи окуривали заговоренные ружья (а в древности окуривали стрелы), с которыми шли на охоту. Считалось, что такое ружье никогда не будет знать промаху и никакая добыча не избегнет его меткого выстрела.

КОЛЯДА, коледа — воплощение исконно повторяющегося новогоднего цикла; персонификация Рождества.

Коляду традиционно кликали и зазывали: так, например, по свидетельству царской грамоты XVII века, «в самой Москве в навечерии Рождества Христова многие люди по улицам, переулкам и ямским слободам кликали Кол еду и У сень, а в навечерии Богоявления Господня кликали плугу, т.е. возглашали хвалебные песни плугу».

Коляде посвящались предновогодние дни, в первую очередь, очевидно, 24 декабря; в ее честь устраивались игрища (впоследствии учиняемые на Святках). Коляду на праздниках изображали ряженые, а иногда сноп или соломенная кукла, которых приносили в дом на Рождество. Так, например, в некоторых местах

некогда принято было в ночь на Рождество возить в санях девушку, одетую поверх всей теплой одежды в рубашку, которую именовали Колядой.

Этимология слова «коляда» не вполне ясна. У виндийцев Koleda (коляда) почиталась за божество празднеств, и так же назывались некоторые церковные обряды, а словом koledowati (коледовати) обозначали хождение детей по разным домам с песнями и плясками. У чехов, болгар и сербов Koiesia означало святочную песню; «ходить по коледу» значило поздравлять с Новым годом и получать за это подарки. У словаков коледа означала благословление домов (какое бывало около праздника трех царей), а koledowat значило благословлять дома. Босняки, кроаты и другие славянские народы под колядой подразумевали подарок на Рождество: римско-католическая церковь в это время раздавала народу сделанные из теста ясли, пеленки и т.п., что и называлось колендами. Римское духовенство именовалось Colendo, Coledei, Coldei, боготечы, т.е. ублажавшие Бога песнопением. У литовцев вечером колядок (колодок) именовался канун праздника Рождества Христова, который на северо-востоке России был известен под именем Авсеня или Таусеня. В России же различали три коляды: рождественскую, Васильевскую (накануне нового года) и крещенскую (накануне Крещения); первую именовали в народе постной, вторую бедной или постной, а третью богатой.

С именем Коляды были связаны «колядки» — песни, исполнявшиеся молодежью на святках, особенно под Рождество, в Васильев вечер и в «крещенский вечерок». Содержание у этих песен-колядок было самое разное: они могли быть и шутивными, и простыми, и очень сложными и длинными. Так, например, ходившие по дворам в сочельник детишки распевали обычно такие песенки: «Пышка-лепешка в печи сидела, на нас глядела, в рот захотела. Дайте нам ломоть пирога во все коровьи рога; не дадите лепешки — закидаем все окошки; не дадите пирога — закидаем ворота» (или: «Кто не даст пирога — сведем корову за рога, не дадите ножку — мы свинью об сошку»).

В Малороссии коледою или колядой называлось хождение с вертепом и звездой, сделанной из бумаги. Обычай этот совершали на Рождество ребяташки, мальчики лет десяти, которые целыми группами, под предводительством старшего, несущего звезду с фонариком, ходили по домам, «славили» и поздравляли хозяев с праздником; после каждого с давления они пели в доме молитву и говорили: «С праздником хозяина поздравляем, здравия вам желаем», и проч., иногда нечто в более шутивном тоне. Для хозяев же считалось грехом не принять должным образом «христославов»: это могло навлечь на семью беду.

Колядующие, нередко ряженные различными животными, воплощавшими плодородие (медведем, волком и др.), в вечернее время и ночью ходили по дворам, пели под окнами колядки, содержащие всевозможные благопожелания дому и семье, а также

Коляды

прославление праздника, и требовали от хозяев обрядовую пищу, подарки, иногда также называвшиеся «колядами». При этом считалось, что благосостояние семьи в текущем году находится в прямой зависимости от одаривания колядующих: так, согласно поверьям, скупым людям, не одарившим ряженых, в будущем году грозит разорение.

Колядовать ходили обычно самые разные люди. Чаще всего это были юноши и девушки, ходившие вместе небольшими группками; при этом нередко случалось и так, что парни и девицы ходили колядовать отдельно, или колядовали только девушки. Так, например, в Новгородском уезде колядование состояло в том, что в первые два дня великого праздника молодые девушки, одевшись в разноцветные и сшитые не по росту платья, накидывали себе на плечи распущенные платки (на манер цыганского костюма) и в таком виде шли по дворам: одни с гармониями и балалайками, а другие — с лукошками, распевая цыганские песни, играя и отплясывая: при этом они выпрашивали все, что попадалось на глаза, а в случае отказа хозяев бесцеремонно утаскивали все, что плохо лежит. При этом обижаться на них было не принято, а украденные вещи можно было выкупить; на вырученные таким путем деньги девушки покупали себе гостинцев на весь праздник, но при этом обычай запрещал им покупать на «колядовые» деньги что-нибудь полезное.

В некоторых местах в колядовании принимали участие также и священники, сельское духовенство; правда, такой обычай был распространен чрезвычайно мало и имел обычно чисто местное значение. Так, например, один молодой священник из Курской губернии так рассказывал об этом обычае: «...Эта «коляда» была для меня совершенной новостью, я о ней даже не слышал, а теперь самому пришлось волей-неволей ехать за поданием. «Да, ваше дело такое, что вам нужно ехать, — подбодрял меня церковный староста, — покойный отец благочинный по несколько возов с одной деревни, случалось, собирал, и вам всякий даст, я с вами сам поеду». Отправляемся в деревню, «в коляду», в дом идет староста и говорит: «Батюшка в коляду приехал». Выходит хозяин: «В коляду приехали?» — спрашивает у меня. «Да», — отвечаю я в смущении. — «Что ж, ваше дело такое, на нови нужно дать, пойдете в амбар». — Я стараюсь как можно скорее уйти из амбара, чтобы не смотреть, как мне ссыпают коляды. Видя мое смущение, некоторые хозяева замечали: «Вы дужа рахманны, нужно быть посмелей, покойный отец благочинный сам каждого хлеба требовал...».

В некоторых местах колядовать ходили только дети или даже только мальчики определенного возраста. Так, например, в некоторых местах (в Вологодской губернии и пр.) на святки ходили колядовать мальчики 7-10 лет; они ходили по избам собирать лучины на вечера и при этом пели: «Коляда ты, коляда, заходила коляда, записала коляда, государева двора, государев двор среди Москвы, середь каменные. Кумушка-

голубушка, пожертвуйте лучинки на святые вечера, на игрища на сборища». Если лучины давали, то колядующие в благодарность пели: «Спасибо, кума, лебедь белая моя, ты не праздничала, не про... на базар гулять ходила, себе шелку накупила, ширинки вышивала, дружку милому отдавала. Дай тебе, Господи, сорок коров, пятьдесят поросят да сорок курочек». Если же хозяева отказывали им, то пожелания принимали совсем другой характер: «Дай же тебе, Господи, — одна корова и та нездорова, по полю пошла, и та пропала».

Таким образом, в некоторых местах в колядовании могли принимать участие только люди определенного возраста, пола и социального положения. Однако гораздо чаще на коляду собирались самые разные люди: не только дети или молодежь, но даже и взрослые мужики, иногда и солдатки, молодые вдовушки и даже некоторые пожилые люди, старики, решившие «вспомнить молодость».

Очевидно, под словом коляда некогда понимался и сам праздник, и связанные с ним обряды, песни и пр.: колядование, «славление» по домам, хождение ряженых и т.д. Коляды как божества, скорее всего, не существовало; святочный персонаж Коляда являлся, судя по всему, лишь персонификацией праздника.

Коляды — см. Святки.

КОНЬ — одно из наиболее мифологизированных священных животных; атрибут высших языческих богов и христианских святых; хтоническое существо, связанное с культом плодородия и со смертью, загробным миром; проводник на «тот свет». В древнейшие времена конь считался детищем как Белбога (стихии света), так и Чернобога (стихии мрака); при этом светлому богу обычно посвящался белый конь, а темному — черный.

В народных поверьях конь наделялся способностью предвещать судьбу, и прежде всего — смерть. По этой причине коней часто использовали в гаданиях: так, например, во время святочных гаданий у русских лошади завязывали глаза, садились на нее задом наперед и следили: куда она пойдет, туда гадающая выйдет замуж. Некогда при храме высшего бога балтийских славян Свентовита держали священного белого коня, которого при гаданиях подводили к трем рядам копий: если конь ступал с левой ноги, то это считалось дурным знаком, а если с правой — добрым.

Конь традиционно являлся непреходящим атрибутом многих божеств, и особенно божеств войны, грома и т.д. Наиболее же архаичен в славянской мифологии образ всадника (святого, былинного героя, божества и т.п.), поражающего Змея. Так, например, Перун неизменно представлялся всадником на коне или на колеснице, поражающим Велеса-Змея. Вообще, очень многие языческие божества представлялись конными (например, сезонные божества Авсень и Ярила). В языческие времена при храмах многих высших богов

Коргоруши

держали священных коней, п считалось, что на этих самых конях ездят сами божества; так, например, согласно легенде, бог Свентовит выезжает на битву с демонами и пр. на своем белом священном коне, содержащемся при храме.

В более поздние времена, когда языческих богов сменили христианские святые, конь стал являться атрибутом многих христианских персонажей. Так, например, конными представлялись такие святые, как Георгий Победоносец и Илья-Пророк. Кроме того, появились святые — покровители лошадей: ими, в первую очередь, считались «лошадники» Флор (Фрол) и Лавр, а также Егорий, Никола и др. Дни памяти таких святых нередко именовались «конскими праздниками»: так, например, у восточных славян такими днями считались «Фролы» (18.VIII) и Юрьев день. У южных славян покровителем коней считался св. Федор (Тодор) Тирон; Тодорова суббота (первая суббота Великого поста) также была «конским праздником».

В «конские праздники» на лошадях не работали, кормили их досыта, а также совершали с ними различные обрядовые действия: подводили их к церкви и кропили святой водой, купали, украшали лентами хвост и гриву, устраивали конские выставки и скачки (при этом, однако, лошадей запрещалось седлать) и т.д. Кроме того, во многих местах в дни конских праздников табуны прогоняли сквозь «земляные ворота», «живой огонь» и т.п. с целью защитить коней от порчи, болезней и т.д.

Характерной чертой «конских» святых и конских праздников являлась их календарная приуроченность к периодам смены сезонных циклов: зимнего и весеннего (Георгий и Тодор), летнего и осеннего (Флор и Лавр). Связь коня с культом плодородия и календарными обрядами проявлялась также в обычаях ряжения конем на святки и в другие праздники. Так, на Юрьев день у русских делали «коня» (ряженого), на котором ездил пастух; на выгоне этот «конь» вступал в потешный бой с «конем» из другой деревни. При обрядовых проводах русалок на Ивана Купалу карнавальное чучело изготовлялось с использованием маски — конского черепа, который в завершение обряда сжигали на костре, бросали в воду и т.п.; конский череп здесь воплощал нечистую силу, русалку, ведьму, смерть и т.д., которую следовало уничтожить либо изгнать.

В похоронных обрядах и вообще обрядах, связанных со смертью, кони играли особую роль. Конь в народных поверьях связывался с «тем светом», загробным миром, и нередко воспринимался как проводник в мир мертвых. В языческие времена коня хоронили (сжигали) вместе с хозяином; известен был также обычай хоронить павшего коня как человека, оставляя на могиле перевернутые сани.

Среди семейных обрядов конь занимал важное место в свадебных обычаях. Так, например, в русском средневековом свадебном обряде коня давали в качестве выкуна за невесту; коней и кобылиц привязывали у

сенника (подклета), где молодые проводили первую брачную ночь, и т.д.

КОРГОРУШИ, коловёрши, коловёртыши — у восточных славян духи — помощники домового и колдунов. Считалось, что видом они похожи на кошек, чаще всего черной масти; в некоторых местах полагали также, что они похожи на зайцев или кошек с большим мешкообразным зобом.

Восточные славяне считали, что коргоруши живут в некоторых домах под полом или под печкой; они находятся в полном подчинении у своего хозяина и исполняют всю домашнюю работу. У одного хозяина (вероятно, колдуна) их может быть до 12 штук. Считалось, что по ночам коргоруши ходят по чужим домам и таскают все, что положено без молитвы; хозяева, которым служат эти духи, обычно очень богаты.

Согласно южнорусским поверьям, коргоруши приносят своему хозяину припасы и деньги, которые они воруют в соседних домах. Считалось, что из-за этого и возникают ссоры между домовыми и дворовыми; во время этих ссор коргоруши колобродят, бьют посуду, переворачивают все в доме вверх дном, шумят, дерутся вместе с дворовыми и т.д.

В некоторых местах верили, что коловёртыши (вероятно, от «коловёртый» — «верткий, быстрый») помогают ведьмам, «накапливая и удерживая обилие». Считалось, что они забирают добытое ведьмой молоко, масло и т.д. в свой «мешок» (мешкообразный зоб), а дома изрыгают все это в посуду, которую приговорила ведьма.

КОРОВА — наиболее почитаемое из домашних животных, требующее особой защиты от нечистой силы, способной отобрать молоко. В старину коров не забивали на мясо, не резали, а продавали даже в случае болезни или старости; при этом продажа (и фактическая, и условная) заболевшей коровы воспринималась как средство, способствующее ее выздоровлению. У западных и южных славян в случае срочного (из-за болезни) забоя коровы хозяева не потребляли сами ее мясо, а продавали его соседям или всем жителям села. Забивать коров (нетелей, яловок) разрешалось на свадьбу, поминки или (редко) на общественные праздники.

При продаже коровы продавцы и покупатели соблюдали особые правила и совершали различные обряды. Так, покупая корову, конец веревочки перекладывали из полы в полу и говорили пожелания «легкой руки»; покупатель снимал с головы шапку и проводил ею от головы и шеи, вдоль спины и брюха животного. А когда корову вели домой, то из-под ног по дороге поднимали щепочку или палочку и ею погоняли; когда же корову приводили во двор, погонялку эту забрасывали со словами: «Как щепочке не бывать на старом месте, как палочке о том же не тужить и не тосковать, так бы и купленная животина не вспоминала старых

Корова

хозяев и не сохла по ним». Затем корову прикармливали кусочком хлеба, кланялись в хлев во все четыре угла и просили домового (дворового) «принять скотинку, поить, кормить, ласкать и холить ее, как и бывалых прежних».

Корова у восточных и западных славян считалась обязательной частью приданого невесты; в свадебном обрядовом комплексе и сопутствующем фольклоре корова ассоциировалась с женщиной, невестой. У южных славян парни, приходящие колядовать на Рождество в дома любимых девушек, шли чистить хлев. У казаков на Тереке в святочные ночи парни срывали калитки с домов девушек легкого поведения, делали из них на площади «загородку», куда загоняли коров этих девушек.

Корова играла важную роль в погребальном обряде у восточных и западных славян. У восточных славян существовал обычай дарить корову священнику или бедняку сразу после похорон. На Украине и у западных славян верят, что крупный рогатый скот оплакивает смерть хозяина. В некоторых местах домашние животные сопровождают гроб с телом хозяина до церкви. Считается, что по поведению коров можно предсказать смерть в доме; верят, что красная или черная корова снится к смерти. Считается также, что коровы и телята, подаренные беднякам, попадают на «тот свет», где для них имеются специальные загоны.

У южных славян и на Русском Севере известны легенды о коровах, обитающих в озерах; считается, что иногда они выходят на прибрежные луга, и тогда человек может отбить одну корову от стада, обжав вокруг нее. Такая корова дает очень много молока и всегда крепка и здорова. По-видимому, такие поверья были тесно связаны с представлением дождевых облаков дойными коровами или быками; недаром в народной культуре корова и бык традиционно связывались с водой, дождем, облаками, и по их поведению крестьяне предугадывали дождливую погоду. Считалось, например, что когда коровы поднимают головы к небу, бьются рогами, подпрыгивают и т.п., это предвещает дождь; черные или темные коровы, возглавляющие стадо, возвращающееся с пастбища, также предвещали непогоду и ливень. Считалось также, что если молоко при доении сильно пенится, то это к ненастной погоде. «Темные святки», облачность в ночь под Рождество сулили большие удои молока в наступающем году.

Иногда считали, что внутри дождевого облака ходят бык или корова (их мычание, доносящееся из облака, можно услышать), поэтому во время засухи дождь вызывали сжиганием коровьего навоза. В некоторых местах верили, что ведьмы могут снять месяц с неба и выдоить из него молоко; когда месяц «выдоен», дождя не будет.

У южных славян утром в Юрьев день хозяйка взбивала из молока масло, а дочь залезала на крышу дома; мать спрашивала ее: «Какая погода?», а дочь отвечала: «По всей земле — солнце, над нашим домом

— облако». Считалось, что этот обряд способствует увеличению молока у коров.

Вода — основное магическое средство, применявшееся для повышения молочности коров. При первом выгоне коров в стадо на Юрьев день, на Рождество и в другие праздники коров обливали водой, окропляли святой водой, прогоняли между полными ведрами; обливали также пастухов. Хозяйки на Украине, набирая воду из колодца, обращались к воде с заговором, прося прибавить молока коровам. На Русском Севере пастух должен был на все время летнего выпаса закопать «отпуск» обязательно в сырое место у воды, иначе у коров будет мало молока. В Карпатах существовал обычай первое молоко, выдоенное после отела, выливать в быструю речку. В Юрьев день, на Троицу, в день Ивана Ку налы коров очень рано выгоняли пастись «на росу», чтобы у них было больше молока; ведьмы же, собирая росу с лугов в эти дни, отбирали у коров молоко. В некоторых местах при выгоне скота на росу в Юрьев день к хвосту первой в стаде коровы привязывали зеленую ветку, считая, что корова, сметая с травы росу, обеспечивает обильные удои всем идущим вслед за нею коровам.

Молоко коровы противопоставлялось небесному огню, стихии огня. Считалось, что пожар от молнии можно погасить только молоком черной коровы, в крайнем случае — просто пресным молоком. Если первый весенний гром загремит, когда коровы еще не в хлеву, то они не будут давать много молока; в некоторых местах верят, что молния и гром выпивают молоко у коров. Существовал запрет подходить к огню, очагу сразу после дойки коровы, прежде нужно вымыть руки. Считается, что молоко во время кипячения не должно сбегать, иначе у коровы опухнет вымя.

При первом выгоне стада обычно совершалось множество обрядов для того, чтобы защитить коров от болезней, порчи, змей и диких зверей. Так, при первом выгоне скота хозяйки выливали на землю кубышку масла со словами: «Мать — Сыра Земля! Уйми ты всякую гадину нечистую от приворога и лихого дела!», и т.п. Нередко хозяева или пастух отдавали волкам (или лешему, Егорию и т.п.) в жертву одну из коров, считая, что после этого остальное стадо будет цело.

В некоторые дни скот на пастбище не выгоняли, опасаясь волков. Так, считалось, что на Ильин день (2.VIII) открываются волчьи норы, волки бродят на свободе и могут задрать скот, поэтому скотину в этот день лучше не выгонять со двора.

Считалось, что о корове заботится домовая (или другие опекуны хозяйства — ласка, уж, петух); однако домовая может и преследовать корову, мучить ее, поэтому следует держать корову той масти, которая совпадает с окрасом домашней ласки. Нельзя убивать ласку и ужа, так как корова тут же надет. Существует поверье, что уж сосет молоко у коровы; убивать такого ужа нельзя, так как корова будет тосковать по нему и погибнет. Нельзя также бить корову палкой, которой убили ужа, так как корова будет «сохнуть».

Кострома

В некоторых народных поверьях корова могла выступать и как демоническое существо. Так, например, холера нередко представлялась в образе женщины с коровьими ногами или черной коровы, а также женщины, сидящей на черной корове. В корову, по поверьям, может оборачиваться ведьма; в виде коровы может иногда являться клад. Гуцулы верили, что в хозяйстве может быть демоническая корова «полубэрок» — корова с коротким ребром; если она сдохнет, то в этом хозяйстве сдохнут подряд еще девять коров.

Коровья смерть, Черная немочь — воплощение смерти рогатого скота; злое существо, несущее гибель всему стаду. Считалось, что она появляется в виде коровы, кошки (чаще всего черной) или собаки; нередко ее представляли также в облике безобразной, злобной старухи с руками-граблями или коровьего скелета (или вообще скелета животного). По некоторым поверьям, Коровья смерть вообще способна обернуться любым животным, преимущественно черного цвета; может также принять облик обычной женщины, старухи и т.п. Во многих местах полагали, что сама она в село никогда не заходит, а завозится проезжими людьми, инородцами.

В конце зимы Коровья смерть, по народному убеждению, особенно опасна: она, «чахлая и заморенная», пробегает по селам и губит на своем пути скот; поэтому в это время от нее старательно запирали хлева и подвешивали во дворах обмоченные в дегте лапти, которые, по некоторым поверьям, способны отогнать Коровью смерть.

С Коровьей смертью боролись и различными обрядами: зажиганием «живого» (т.е. добытого трением) огня, перегонном скота через ров, вырытый в земле, тканьем обыденного холста, и т.д. Во многих местах для того, чтобы выявить Коровью смерть, сгоняли весь скот на один двор, запирали ворота и караулили до утра, а с рассветом разбирали своих коров; если при этом оставалась одна лишняя, неизвестно кому принадлежащая корова, то ее считали Коровьей смертью и уничтожали — взваливали на поленицу и сжигали.

Самым надежным средством против Коровьей смерти считалось опаживание села; при этом во многих местах село опаживали каждый год, а не только во время начавшегося мора. Такое «профилактическое» опаживание происходило обычно на Агафью-Коровницу (18 февраля), т.к. считалось, что именно в этот день ходит Коровья смерть. В обряде опаживания села участвовали одни только женщины; мужчины же должны были сидеть по домам. Ночью женщины с распущенными волосами, в одних рубахах тайно собирались на окраине села, брали в руки косы, дубины и т.п., на одну из женщин (на вдову, на девуку и т.д.) надевали хомут без шлеи, запрягали ее в соху и гурьбой обходили деревню, проводя глубокую борозду, откидывая землю сохой в сторону, противоположную деревне. Во время обхода участницы поднимали сильный шум: били в сковороды, стучали заслонками,

кочергами и т.п.; нередко при этом они кричали или пели, угрожая Коровьей смерти: «Смерть, смерть коровья — не губи нашу скотину; мы зароем тебя с кошкой, собакой и кочетом в землю!»; «Выйди вон, выйди вон, из подмета, из села! Мы идем, мы идем, девять девок, три вдовы, со ладаном, со свечками, с горячей золой! Мы огнем тебя сождем, кочергой загребем, помелом заметем, попел ом забьем! Выйди вон, выйди вон!» и т.п. Если при опаживании навстречу женщинам попадалось какое-нибудь животное, то его избивали (нередко до смерти), считая, что это Коровья смерть пытается укрыться от процессии в виде оборотня.

КОСТРОМА — у восточных славян воплощение весны и плодородия. В древних обрядах проводов весны Кострому изображала молодая женщина, закутанная в белые простыни, с дубовой веткой в руках, идущая в сопровождении хоровода.

Известен обряд ритуальных похорон Костромы, проводившийся обычно в Духов день — первый понедельник после Троицы. Вечером в сумерках молодежь с песнями выходила за околицу, неся с собой охапки соломы; выбрав укромное место, юноши и девушки раскладывали костры и при их свете вязали из соломы антропоморфное чучело Костромы, наряжали его в сарафан недавно вышедшей замуж молодичи, убирали чучело цветами, после чего «хоронили Кострому» (сжигали, топили, разрывали на части); при этом считалось, что Кострома позже обязательно воскреснет, так же, как воскресают умирающие на зиму растения. Похороны чучела обычно сопровождалось обрядовым оплакиванием, иногда смехом; в некоторых местах Кострому «молча, без шуток, без смеха клали на доску возле воды». Этот ритуал в народном представлении символизировал весеннее возрождение природы и призван был обеспечить плодородие земли.

Имя «Кострома», вероятно, связано с рус. «костерь», «костра» и другими обозначениями коры растений; возможна также связь со словами, обозначающими «мохнатую верхушку трав», «метлицу», «бородку колосьев» и т.п. Вероятно, «Кострома» означает «мать колосьев»; в греческой мифологии ей, очевидно, соответствует Персефона.

КОСТРУБОНЬКА. Костру б — в восточнославянской мифологии мужское воплощение плодородия. В украинских весенних обрядах переход к весеннему циклу, к лету знаменовали ритуальные похороны Кострубоньки, которого изображало неяршливое чучело мужчины (реже — женщины) с подчеркнутыми атрибутами пола. Чучело хоронили (сжигали или топили в реке) в первый понедельник Петровок, сопровождая обряд веселыми песнями и хороводами; во время «похорон» также обращались к Земле и к Солнцу с просьбами об урожае.

Кошка

Название «Кострубонька», вероятно, родственно укр. «коструб», «неряха», а также рус. «костерь» (обозначение коры растений).

КОШКА — зверь, отношение к которому в народе было двояким. С одной стороны, это был зверь, очень любимый людьми. Считалось, что «без кошки не изба»; так, трехшерстная кошка, по поверью, принесит счастье дому, в котором живет, а семишерстный кот является залогом семейного благополучия. Кошка охраняет любящего ее хозяина от «всякой напрасной беды»; крестьяне верили, что тому, кто убьет чьего-нибудь любимого кота, семь лет ни в чем не будет удачи. При этом, кстати, считалось, что кошку очень трудно убить, так как она столь живуча, что лишь девятая смерть может убить ее.

Кошки пользовались у крестьян особым уважением в первую очередь за то, что истребляли мышей и крыс, пожирающих зерно и вообще продукты. Но при этом кошку, как и других ночных зверей и птиц, повсюду считали излюбленным зверем нечистой силы. У всех народов кошку считали спутницей ведьм и колдунов; верили, что ведьма, черт, домовый, вообще всякая нечистая сила могут превращаться в кошку. В грозу кошку, особенно черную, в некоторых местах старались выкинуть на улицу, полагая, что в ее облике в дом может проникнуть бес, спасающийся от грозы. Облик кошки, по народному убеждению, могли принимать и духи — хранители кладов; причем и сами кошки, как существа, связанные с нечистой силой, по некоторым поверьям, также могли охранять сокровища. Во многих местах считалось, что кошка, подобно нечистой силе, может отводить глаза; ей также приписывалась способность видеть потусторонний мир, привидений, духов и т.п. По некоторым поверьям, кошка (в сказках — преимущественно волшебный кот-баюн) может напустить на человека колдовской сон, почти не отличимый от смерти.

Кошка в народной традиции была тесно связана с поверьями о вещах, способных сделать человека невидимым. Так, например, по народному поверью, на черную кошку можно выменять у нечистой силы шапку-невидимку и неразменный червонец; нечистой же силе эта кошка нужна затем, чтобы прятаться в нее на Ильин день, когда Илья-пророк убивает нечисть громом и молниями. Считалось также, что из черной кошки можно добыть кость-невидимку. Для этого черную кошку нужно было сварить в горшке; делать это нужно было в овине или в бане, где нет икон. Когда кошка разваривалась, кости по очереди, одну за другой, брали в зубы и смотрелись в зеркало; с которой костью отражение человека в зеркале исчезало, та кость и считалась косточкой-невидимкой.

КРАЖА — похищение чего-либо с целью наживы, а также ритуальное действие, применяемое в различных обрядах. Кража являлась способом «остранения» предмета, выведения его из обычного ряда, придания

ему черт чужого, найденного, посланного из иного мира.

У южных славян существовал обычай символической кражи новорожденного ребенка из семьи, где один за другим умирали дети, в семью, где дети росли здоровыми; это должно было уберечь новорожденного от предначертанной ему судьбы.

В обрядах вызывания дождя наиболее действенными считались краденые предметы: горшки, черепица, которые бросали в воду; рушник, который мочили; веник, из которого в некоторых местах делали куклу Германа; пряжа, из которой за одну ночь изготавливали полотно или рушник; плуг, который бросали в воду, и т.п. При приближении градовой тучи женщины крали у соседок муку, а затем возвращали ее, считая, что туча точно так же «вернется» обратно, не причинив вреда.

Для обеспечения плодородия земледельцы иногда крали семена для засева (особенно семена проса, капустной рассады и т.п.). Пчеловоды считали, что первый рой следует купить, второй — одолжить, а третий — украсть. Корове ради удоев и благополучия давали украденную у пекаря хлебную закваску. Сваты, выходя из дома невесты после сватовства, старались украсть что-нибудь «живое» (например, петуха), чтобы брак был счастливым. Если в семье умирали дети, новорожденного повивали первый раз завязкой от мешка, украденной на мельнице.

При этом считалось также, что наибольшей силой обладают вещи, украденные у вдов, беременных женщин, инородцев, гончаров, попов, у лиц с какими-либо магическими именами и т.д. Так, для обеспечения хорошего урожая крали у пона немного принесенной ему в Юрьев день жареной баранины и обходили с ней село и уголья; во время засухи крали у гончаров или евреев глиняные горшки и бросали их в колодец, и т.д.

Кража была непременным элементом некоторых календарных обрядов. Так, для купальских костров использовали краденые колеса, старую обувь, утварь, одежду и т.п.; в обряде новогодних и иных бесчинств участники крали телеги, сани, лодки, калитки и т.д.; ряженные колядных дружин крали из дворов или домов все, что удавалось; девушки-додолы по окончании обхода ели из блюда, незаметно похищенного из какого-нибудь дома. Рождественское полено «бадняк» иногда предписывалось срубить не в своем лесу, а в чужом; с чужого поля следовало брать солому для устилания пола. Некоторые краденые вещи после исполнения обряда возвращались хозяевам; хозяева же принимали кражи как должное.

КРАСНАЯ ГОРКА — воскресенье на Фоминой неделе, первое воскресенье после Пасхи. Красная горка в народе считалась преимущественно девичьим праздником, и в большинстве обрядов, приурочивавшихся к этому дню, главное место отводилось девушкам и (реже) женщинам.

Во многих местах к празднику Красной горки, как к первому весеннему празднику, приурочивался древний

Красный угол

обряд «окликанья весны». В этот день все деревенские девушки и молодые бабы, взяв с собой всяких съестных припасов, обычно собирались в каком-нибудь излюбленном месте деревенской улицы и там пели песни-веснянки, «закликали» или «заигрывали» весну, водили хороводы и устраивали разнообразные игры (в первую очередь горелки) и пляски. Вероятно, некогда, в языческие времена, примерно ко времени празднования Красной горки был приурочен древний девичий весенний праздник, посвященный Ляле, Леле; очевидно, некоторые обычаи этого праздника, сохранившиеся после прихода христианства, и приурочивались к Красной горке.

На Красную горку повсеместно принято было устраивать свадьбы и сватовство. Женихи в этот день выбирали невест, поэтому на молодежные игрища и сборища собирались обычно все деревенские девушки, одетые в лучшие наряды. Вообще, считалось дурной приметой, если какой-нибудь парень или девушка не являлись на праздник и оставались дома: в этом случае они могли вообще не найти себе нары либо вступить в брак с самыми последними, неподходящими людьми в деревне (так, парню в этом случае могла достаться в жены лишь какая-нибудь рябая, уродливая девушка, а девице суждено было выйти замуж за какого-либо мужичонку-замухрышку, неудачника). Но даже если таким людям и было суждено вступить в брак, в народе все равно считалось, что брак этот будет недолгим: по поверью, парень или девушка, просидевшие всю Красную горку дома, непременно умрут вскоре после свадьбы.

В некоторых местах к празднику Красной горки приурочивался особый обряд, в котором принимали участие только женщины, — обряд «опахивания села». Этот языческий по сути своей обряд совершался обычно следующим образом: в глухую полночь все деревенские женщины с песнями шли за околицу, где их уже дожидались три молодые бабы с сохой и три старухи с иконой Казанской Божьей Матери. За околицей девушки расплетали свои косы, а бабы снимали головные платки, после чего начиналось обрядовое шествие: несколько баб садилось на доски, положенные поверх сохи, несколько девок брались за соху сзади, чтобы ее придерживать, а остальные, взявшись за привязанные веревки, тащили соху таким образом, чтобы обвести бороздой все село и на перекрестках сделать сохою кресты, создав, таким образом, границу, через которую не смеет переступить нечистая сила. Впереди процессии шествовали старухи с иконой; они молились, чтобы все село не постигли какие-либо бедствия и напасти и чтобы эти напасти оставались за бороздой и не смели се переступить. Очертив таким образом село, все женщины возвращались на прежнее место, а затем отправлялись в деревню, где устраивали пирушку, распивали брагу и закусывали; в это время к ним обыкновенно присоединялись парни и мужики. Пирушка эта затягивалась обычно до третьих петухов (приблизительно до 3-го часа утра), а затем все ее

участники расходились по домам, так как гулять после петухов в народе считалось грешным делом.

КРАСНЫЙ УГОЛ — угол дома, в котором висят иконы и стоит стол; наиболее парадное и значимое место в жилище. Такое священное место было в каждом доме. В языческие времена в красном углу стояли идолы домашних богов, а с приходом христианства их место заняли иконы и освященные предметы (сосуд с богоявленской водой, веточки освященной вербы и троичкой зелени, и т.д.). Красный угол был обращен, как правило, на юг или восток; божница ассоциировалась с алтарем православного храма и осмыслялась как место присутствия самого христианского Бога, а стол уподоблялся церковному престолу.

Место за столом в красном углу считалось наиболее почетным и предназначалось для хозяина дома, священника или почетных гостей, причем «почетность» места убывала по мере удаления от красного угла. Во время проведения календарных обрядов в красном углу помещали предметы, которым желали «оказать почет»: горшок с кашей на святках; последний сноп, принесенный с поля по окончании жатвы; вымытую и «обряженную» квашню в Страстной четверг, и т.д. Войдя в дом, человек прежде всего крестился, обратившись к иконам, и лишь потом здоровался с хозяевами.

Красный угол издревле был связан с культом предков. Головой к красному углу клали на стол или на лавку покойника, пока он находился в доме. По поверью, именно в красном углу от 3 до 40 дней пребывала душа умершего, покинувшая тело; во время поминального ужина для души ставили лишний прибор в красный угол.

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ — один из великих двенадцатых праздников (19.1), именуемый еще Богоявлением (т.к. при крещении Господа миру явилась Пресвятая Троица: Бог возглашал с небес о Сыне, Сын крестился от святого предтечи Господня Иоанна, и Дух Святой сошел на Сына в виде голубя).

Согласно легенде, в этот день Иисус Христос в возрасте 30 лет крестился в священной для иудеев реке Иордан и при этом «осветил естество вод»; поэтому главным событием праздника Крещения считалось водосвятие. Так, повсеместно на Крещение (в канун Богоявления или в самый день праздника) принято было делать на издавна установленном месте прорубь, именуемую обычно «иордань»; вода в этой проруби освящалась (причем водосвятие обставлялось очень торжественно: устраивался крестный ход, молебен и т.д.). Согласно народным поверьям, как сама иордань, так и место вокруг нее обладает чудесной силой; вода из нее, по народному убеждению, способна излечить от многих болезней, избавляет от порчи и т.д. и совсем не портится с течением времени, если только ее не коснется «нечистая рука». Поэтому воду, зачерпнутую из проруби, хранили перед образами иногда даже по

Крещение Господне

несколько лет, утверждая, что она все это время остается неповрежденной и свежей, как будто ее только что почерпнули из источника. Нередко считалось даже, что если заморозить эту воду в каком угодно сосуде, то на льду получится явственное изображение креста.

Водосвятие в народе считалось особо важным торжеством. Весь этот день крестьяне проводили в строжайшем посте (даже дети и подростки старались не есть «до звезды»), а во время вечерни обязательно собирались в церковь. На водосвятие также собирались огромные толпы; при этом по окончании церемонии у воды обыкновенно начиналась страшная давка, так как считалось, что особой силой и святостью обладает та вода, которую почерпнули раньше других. Вернувшись с водосвятия, каждый хозяин со всей своей семьей с благоговением отпивал несколько глотков принесенной богоявленской воды, а затем брал из-за иконы освященную вербу и кропил весь дом, дворовые постройки и вообще все имущество, полагая, что это предохранит хозяйство и всю семью от всяких бед и напастей, порчи и т.д. В некоторых местах после этого еще и вливали немного освященной воды в колодцы (как правило, для того, чтобы туда не забрались и не испоганили воду злые духи); при этом строго следили за тем, чтобы никто не брал воды из колодца до самого утра 19-го января, т.е. до освящения воды после обедни. По совершении всех этих обрядов богоявленская вода обычно ставилась к образам, где и сохранялась долгое время.

Сам праздник Крещения проходил обычно следующим образом. Едва только начинал бить колокол к заутрене, благочестивые люди спешили зажечь вязанки соломы перед избами (для того, чтобы Иисус Христос, крестившийся в Иордане, мог погреться у огня), а особые мастера-любители, испросив предварительно благословения у священника, отправлялись на реку и устраивали там «ердань». При этом в некоторых местах просто устраивали прорубь, а в других — вырубали во льду крест, подсвечники, лестницу, голубя, полукруглое сияние и, вокруг всего этого, желобчатое углубление для протока воды в «чашу». Подле чаши во время богослужения вставал причт и особый знающий человек, который при чтении ектеньи сильным и ловким ударом пробивал дно этой чаши, отчего вода фонтаном вырывалась из реки и быстро заполняла сияние (углубление); когда же чаша заполнялась водой, на поверхность всплывал длинный ледяной восьмиконечный крест. На это торжество обычно собирались все местные жители («от мала до велика»); после богослужения каждый старался испить освященной воды и умыться ею. Некоторые люди (особенно те, кто рядился на святках и надевал «хари») даже купались в этой проруби раздетыми для того, чтобы предохраниться или излечиться от болезней, порчи и т.д. и очиститься от грехов; при этом считалось, что в этой святой воде нельзя простудиться.

В некоторых местах, по большей части там, где поблизости не было водоемов, где можно было бы устроить

иордань, водосвятие совершали в церкви, а также в домах. Так, например, иногда освящали воду в колодцах или больших сосудах; при этом рядом с сосудом, в котором ставили воду для освящения, женщины нередко устанавливали свечи, перевитые лентами или цветными нитками (поэтому канун Богоявления в некоторых губерниях Великодержавии называли иногда «свечками»).

Вообще же водосвятие могли совершать и в церкви, и на реке: церковное освящение воды совершалось в канун Богоявления, а в самый праздник Крещения воду освящали в проруби. При этом, согласно народным поверьям, всякая чистая речная вода наделяется особой силой еще в канун Крещения (в ночь с 5 на 6 января ст.ст.): считалось, что в это время купается сам Иисус Христос, поэтому во всех речках и озерах вода колышется, а чтобы увидеть это чудесное явление, необходимо прийти в самую полночь на реку и ждать у проруби, пока «пройдет волна» (признак, что Христос погрузился в воду).

Согласно народным поверьям, когда во время водосвятия крест погружается в воду, вся нечистая сила (на святках пребывающая в «этом» мире, в том числе и в воде) в страхе, не помня себя от ужаса, бежит от него и покидает воду, а затем и «тот» мир. В связи с этим поверьем, в частности, считалось, что богоявленская вода особенно хорошо помогает при кликушестве (одержимости бесом): так, по поверьям, если кликуша, набрав воды, пойдет от проруби с молитвой, не оборачиваясь назад, а потом станет пить освященную воду, бес вскорости выйдет из нее. Кроме того, поверье о том, что вся нечистая сила покидает реки и озера после водосвятия, породило в народе обычай, в силу которого считалось большим грехом ранее истечения недели после водосвятия мыть белье в той реке, на которой делали иордань. По народному убеждению, нечистая сила, убегая от креста, может уцепиться за белье, которое полощут в проруби, и выбраться наружу; поэтому тех, кто нарушал обычай, в некоторых местах считали даже приспешниками и помощниками черта.

Праздник Крещения Господня принадлежал к числу празднеств, достаточно свободных от языческих наслоений; однако и он сопровождался некоторыми своеобразными обрядами и обычаями, в которых христианская вера переплеталась с языческими суевериями. К числу таких обычаев относился, к примеру, обряд «освящения скота». Совершался он обычно следующим образом. После обедни (которая на Крещение отходила рано утром) все крестьяне расходились по домам и поздравляли друг друга с праздником; потом один из членов семьи брал с божницы икону с зажженной перед ней свечой, другой — кадилицу, третий — топор, а четвертый (обыкновенно сам хозяин) надевал вывороченную наизнанку шубу и брал миску с богоявленской водой и соломенное кропило. Затем вся семья отправлялась на скотный двор в таком

Крикса

порядке: впереди сын или брат хозяина дома, согнувшись, нес топор острием книзу, так, чтобы оно касалось земли; за ним кто-нибудь из женщин нес икону (по большей части Воскресения Христова), далее шли с кадьницей, а последним шел хозяин с чашей воды; при этом шествие совершалось торжественно, в полном молчании. Посреди двора, там, где был разложен особый корм для скота (разломанный на куски печеный хлеб, ржаные лепешки, сохранявшиеся для этой цели от праздника Рождества Христова и Нового года, а также хлебные зерна и по шести немолоченных снопов разного хлеба — ржи, овса и др., оставленных к этому дню с осени), процессия останавливалась и хозяйка выпускала из хлевов запертую до этой поры скотину. Когда скотина собиралась посреди двора и начинала есть, процессия обходила ее с образом, причем хозяин кропил освященной водой каждую голову крупного и мелкого скота в отдельности. Такой обход делался три раза, после чего топор крестообразно перебрасывался через скот и участники процессии направлялись обратно в избу. Крестьяне объясняли смысл этого обряда по-разному: одни говорили, что соблюдение обычая угодно Богу; другие уверяли, что так умилостивляется домовая, который в этом случае не будет обижать скотину кормом; третьи утверждали, что так скот защищается от мора, так как всякие скотские болезни, изурочье и напуски пресекаются топором, брошенным накрест.

С той же целью — предохранить скот от болезней и от порчи, насылаемой ведьмами и колдунами, — в некоторых местах прихожане считали нужным непременно приезжать, а не приходиться пешком на крещенские богослужения, и при этом часто старались проезжать по замерзшей реке. Возникновение такого обычая объясняли иногда тем, что «в церкви на иконе написан Егорий на белом коне; значит, конь этот не простой, а вроде как святой будет, потому в церквях он стоит. Притом же сам Егорий, перед тем, как убить ему змею огненную, что людей жрала, освятил в речке воду и заехал в ту воду на коне, чтобы, стало быть, коня своего освятить, и чтобы змея уже никакой вреды — ни жалом, ни огнем — лошади его не сделала. Вот теперича и мы так же: в реку, конечно, лошадь не загоишь, потому вода очень студеная, так пусть хоть по льду придется и освятится малость — святая ведь вода-то на Крещение».

Обряды, связанные со скотом, на Крещение проводились повсеместно; и также повсеместно к этому празднеству приурочивались различные гадания и «смотрины». Гадания совершались обычно те же, что и на святках (на Новый год, Рождество и т.д.). Так, например, во многих местах было известно крещенское девичье гадание с кутьей, состоявшее в том, что гадальщицы, схватив чашку горячей кутьи и скрыв ее под фартуком или платком, бежали на улицу и там швыряли кутью в лицо первому попавшемуся мужчине, спрашивая его имя. Еще более распространено было такое гадание: в сочельник, после заката солнца,

девушки нагими выходили на улицу и там пололи снег, кидали его через плечо и затем слушали — в какой стороне послышится что-нибудь, в ту сторону и замуж выдадут.

Обычай устраивать на Крещение «дивьи (девичьи) смотрины» относился, очевидно, к древним, старинным обрядам, возникшим, вероятно, еще в то время, когда браки устраивались по выбору родителей. Девичьи смотрины происходили обычно либо в церкви во время литургии, либо на городской площади, где матери катались с дочками, а мужчины «производили наблюдение». Во многих местах все девушки на выданье, наряженные в лучшие платья, выстраивались в длинный ряд около крещенской «ердани» (при этом каждая девушка всячески старалась «выставить напоказ и подчеркнуть свои достоинства»), а между невестами (называемыми иногда «славушницами») прохаживались нарни, нередко сопровождаемые своими матерями, и выбирали себе суженую; матери же при этом не только внимательно рассматривали, но даже и щупали платья девиц и брали их за руки (а славушницы выходили на смотрины обязательно без рукавиц, с голыми руками), чтобы узнать, подходящей ли женой будет избранница сына (девушку, у которой руки оказывались слишком холодными, во многих местах считали «зябкой и потому не подходящей для суровой крестьянской жизни», даже если она обладала многими достоинствами).

КРИКСА, крикса, крикса-варакса — ночной дух, сходный с ночницей; женский демонический персонаж, вызывающий плач и болезнь ребенка, а также название самой детской болезни, сопровождающейся раздражительностью и плаксивостью. В народе считалось, что малыш начинает беспокоиться и плакать оттого, что на него напала крикса — злое существо, неопределенного облика; оно будет беспокоить ребенка до тех пор, пока его не «откликают», т.е. не изгонят из дома криксу, не «заговорят». Изгоняли крикс (как и ночниц) обычно с помощью разных магических действий и заговоров (напр.: «Криксы-вараксы! Идите вы за крутые горы, за темные леса от младенца!»).

Кручина — см. Желя и Карна.

Крыкса — см. Крикса.

Кувшин — см. Горшок.

КУДЕЛЬНИЦА — женский дух, обитающий во ржи («Все говорили, что во ржи есть кудельница, ребят сполохали: не ходите, ребята, в рожь»), в лесах («говорили, что в лесах ходит кудельница») и, возможно, в домах. Буквальное значение слова кудельница — «пряжа» или «льняница» (от «кудель» — «лен, льняная пряжа»).

Облик кудельницы в поверьях был весьма расплывчат. Так, кудельница северорусских поверий схожа с полудницей или удельницей, кадьницей:

Кудесники

верили, что она появляется в цветущем ржаном поле и оберегает его; она опасна для детей и может преследовать их, если они находятся в поле одни. Кроме того, считалось, что кудельница может появляться на лугах или на межах: говорили, что «в поле кудельница есть... траву по своим межам рвешь, а как мала на чужую зайдешь, клещами захватит». В образе кудельницы слились представления о духе поля и о существе, оберегающем межу, земельный надел, удел («предел» поля); возможно, в народных поверьях она персонафицировала также и удел, судьбу человека.

Вероятно, кудельница — это одно из обозначений русалки. Так, согласно поверьям, русалки появляются в поле во время цветения ржи, охраняют рожь и нередко пугают ребятишек, в одиночку бегающих по полю; они могут появляться в лесу и в доме; они связаны с пряжей (могут воровать пряжу, прядь в отсутствие хозяйки). Возможна также связь кудельницы с языческой богиней Макошью, связанной с полем (плодородием), с прядением, а также с человеческой судьбой.

КУДЕСНИКИ — люди, занимающиеся колдовством, а также ряженые. «Кудесить» означало заниматься колдовством; «кудеса» — одно из названий, имеющих волшебные чары. В некоторых местах куд — это нечистый дух, бес, черт; соответственно кудеса, кудесы, кудесничество — это «чудеса посредством нечистой силы, чернокнижничество, волхование», а кудесник — это человек, обладающий сверхъестественными способностями и творящий чудеса с помощью нечистой силы.

Кроме того, слово *кудесник* во многих местах служило для обозначения обрядового ряженья, окручивания в мохнатые шкуры: так, например, в новгородской губернии «кудес», «кудесник» — ряженный, замаскированный человек («Кудеса зовут святки, когда переряжаются»). Очевидно, такое представление о ряженных как о кудесниках-колдунах связано с тем, что некогда, во времена язычества, в шкуры и маски рядились не простые люди, а волхвы, обладающие сверхъестественными силами, волхвы, которые при христианстве стали считаться чернокнижниками, людьми, связанными с нечистой силой, злыми духами, Сатаной.

КУЗНЕЦ, коваль — в славянской традиции культурный герой; человек, способный ковать железо и изготавливать различные металлические орудия и разнообразные предметы.

В народной славянской традиции многие существа и боги связывались с кузнечным ремеслом. Например, богом-кузнецом у восточных славян был Сварог, пославший на землю кузнечные клещи, научивший человека ковать и установивший брачные связи; кузнецом считался также и бог-громовник Перун, который кует стрелы-молнии, а гром его молота разносится далеко

по земле. У русских, украинцев, белорусов был известен миф о небесных богах-ковалях, при помощи железных клещей изловивших страшного Ящера, запрягших его в плуг и вспахавших на нем землю (ср. предание о «змиевых валах»). Помимо этого, ковалями считались и разных других мифических персонажей: так, например, Зиму и Мороз издревле соотносили с кузнечным ремеслом, полагая, что «с Михайлова дня зима морозы кует», т.е. накладывает на землю железные оковы холода («оковать» в некоторых местах означало замерзнуть), а Мороз «сам мост мостит — без топора, без клинья, без подклинья» (т.е. сковывает реки льдом). Такие же представления соотносились в приметах и поговорках с различными святыми, ср.: «Юрий (26 ноября ст.ст.) подмостит, Никола (6 декабря) пригвоздит, Кузьма закует, а Михайло раскует»; «Варвара (4 декабря ст.ст.) мостит, Савва (5 декабря) гвозди острит, Никола прибывает»; «Варвара заварит, Савва засалит, Никола закует»; «На Козьму и Демьяна зима воду с землей закует»; «Кузьма-Демьян кузнец кует лед на земле и на водах», и т.п. Кстати, святыми покровителями кузнечного искусства считались как раз Кузьма и Демьян, чей день памяти праздновался накануне зимы (1 ноября ст.ст.).

Деяния богов и святых из мифов, легенд и поверий нашли отражение и в народных обрядах, в том числе в восточнославянском фольклоре: так, в свадебных песнях кузнец кует свадьбу; во время святочных гаданий подблюдные песни о кузнице предвещали богатство и свадьбу, и т.д. Среди святочных игр была и игра в кузнеца: парни, ряженные кузнецами, «подковывали девок» — задирали им ноги клещами, били молотком по приставленной к ступне палочке и т.п. (ср. народный эвфемизм — «подковать девку» — вступить во внебрачную связь); считалось, что это стимулирует чадородие. У южных славян кузнецы выковывали амулеты, способствующие деторождению.

Кузнечное ремесло считалось высшим умением, искусством, связанным со сверхъестественным знанием, колдовством, в том числе общением с нечистой силой — чертями и т.п. Так, по некоторым поверьям, кузнецу в работе помогает черт; считалось также, что кузнец способен перековать голос (из грубого сделать тонкий), перековать старое в молодое и т.д. В русских сказках кузнецы нередко подковывают черта; причем этот сюжет нашел отражение и в народных поверьях: так, крестьяне верили, что св. Михаил (празднуемый 29 сентября) держит связанного черта в пекле и будет держать его в оковах до самого страшного суда; поэтому чешские кузнецы в конце августа ударяли по наковальне молотом, чтобы закрепить наложенные на черта узы (*aby prutiziliretezy certovy*).

КУЗЬМА-ДЕМЬЯН, Кузьмодемьян, Кузьминки — день памяти святых братьев Космы и Дамиана (1/14.XI). Согласно легенде, родом они были из Малой Азии; их отец-язычник умер, когда они были еще

детьми, и мать, христианка, воспитала их в христианском благочестии. Когда братья выросли, они получили хорошее образование и стали искусными врачами: они «стяжали благодатный дар Духа Святого силою молитвы исцелять душевные и телесные недуги людей», лечили даже животных, и при этом за исцеление никогда не брали никакой платы, строго соблюдая заповедь Иисуса Христа: «Даром получили, даром давайте». Слава о братьях гремела по всей округе, и в народе их называли «бессребренниками». Но однажды святых позвали к одной безнадежно больной христианке, и после усердных молитв братьев она исцелилась: святые, по своему обыкновению, не взяли с нее никакой платы, однако она, желая хоть как-то отблагодарить их, тайно пришла к Дамиану, принесла ему три яйца и сказала: «Прими этот малый дар во имя Святой Живоначальной Троицы — Отца, Сына и Святого Духа». Услышав имя Святой Троицы, Дамиан не посмел отказаться, но Косма, узнав о случившемся, очень опечалился, решив, что брат нарушил их строгий обет, и когда ему пришло время отходить к Господу, завещал, чтобы брата не хоронили с ним рядом. Когда умер и Дамиан, люди никак не могли решить, где будет его могила, но тут пришел верблюд, которого братья когда-то вылечили от бешенства, и человеческим голосом сказал, чтобы, не сомневаясь, положили Дамиана вместе с Космой, потому что «не ради мзды принял Дамиан дар женщины, а ради имени Божьего». По легенде, святые братья и после смерти совершили немало чудес. Рассказывали, например, как некий муж, отправляясь в дальний путь и оставляя свою супругу одну, в молитвах своих поручил ее небесному покровительству этих двух святых; когда же один из его друзей (в которого, по народному убеждению, «вселился враг рода человеческого») замыслил погубить его жену и она, увидев, что ей грозит опасность, воззвала к Богу, два грозных святых явились перед ней, и ее обидчик, бросившись в страхе бежать, упал в пропасть.

Очевидно, в связи со всеми этими легендами Косма и Дамиан на Руси повсеместно считались покровителями брака, домашней птицы и многих ремесел, в первую очередь — лекарства (имена этих святых нередко упоминались в восточнославянских заговорах, произносимых при разных болезнях) и кузнечного дела. В византийской традиции святые братья не были связаны с кузнечным ремеслом; однако на Руси народ, вероятно, связал по созвучию имя Кузьма со словом кузнь, кузница, и таким образом Кузьма стал кузнецом, а так как кузнецы обычно работали в паре (мастер и подручный), то Демьян, брат Кузьмы, тоже стал восприниматься как кузнец.

Косма и Дамиан (именуемые обычно Козьмой и Демьяном) чрезвычайно почитались на Руси. При этом, в народном представлении, Кузьма и Демьян нередко сливались в единый образ Кузьмы-Демьяна,

Кузьмодемьяна, Божьего Ковалья, предания о котором были весьма близки к древним преданиям о Свароге, боге-кузнеце, покровителе брака и победителе Змея. Так, согласно украинскому поверью, Божий Коваль — Кузьма-Демьян — некогда сковал людям первый плуг, ухватил клещами за язык Змея и запряг его в плуг, заставив пропахать землю от моря до моря, отчего образовались «Змиевы валы» (древние укрепления в Среднем Поднепровье). В русской традиции святые Кузьма и Демьян «ковали» свадьбу и брак, и в свадебных песнях к ним обращались с просьбой «сковать свадьбу крепкую» и «случить молодых». Кроме того, святые «ковали» и ледяные мосты поздней осенью на реках: «Закует Кузьма-Демьян — до весны не раскопать», «Не заковать реку зиме без Козмодемьяна», «Кузьма-Демьян — кузнец, кует лед на земле и на воде» ит.п.

Вероятно, по той причине, что святые Косма и Дамиан почитались как «кователи брака», их праздник на Руси относился к числу девичьих праздников. Девушки отмечали его широко и, по возможности, разгульно: на весь праздник (длившийся иногда по три дня) загодя снимали избу, где собирались справлять кузьминскую вечеринку, а потом ходили по домам и собирали продукты к ужину. На праздник каждой девушке полагалось принести из дома что-нибудь съестное в сыром виде — картофель, масло, яйца, крупу и пр.; кроме того, девушки нередко обходили и чужие дома, выпрашивая припасы на пиршество. Когда продукты оказывались собраны, девушки сообща готовили угощение и варили пиво. «Ссыпчиньы» эти устраивали преимущественно для себя; однако к вечеру на вечеринку обычно приглашали парней, и тогда начиналось веселье — совместные игры, ухаживания и «жениханье». Праздновали Кузьминки «до света», причем парни, справившись с приготовленным угощением, нередко отправлялись воровать соседских кур, которых девушки потом жарили им в «жировой» избе. При этом, конечно, в полной тайне держалось, сколько и у кого было украдено кур, хотя к кражам такого рода в крестьянской среде принято было относиться снисходительно: «если и бранятся, то только для порядка».

В некоторых местах существовал даже обычай, в силу которого девушка-невеста считалась в день Космы и Дамиана полной хозяйкой дома: она приготавливала для семьи кушанья и угощала всех, причем в качестве почетного угощения подавала куриную лапшу. Вообще, обязательными обрядовыми блюдами в этот день считали разные блюда из курятины: их подавали в честь святых — покровителей кур. Нередко обязательным блюдом на Кузьминки считалась и каша; объясняли же это одной народной легендой, согласно которой святые Косма и Дамиан были простыми работниками, которые охотнее всего нанимались молотить, но при этом никогда и ни с кого не требовали платы, а просили лишь, чтобы хозяева вволю кормили

КУЗЬМИНКИ

их кашей. Этим преданием, известным на Вологодчине, объясняли и тот обычай, по которому на домолотках хозяева считали за правило варить кашу, а работники требовали ее с хозяев, как нечто должное; домолочивая последний овин, они обычно говорили: «Хозяину ворошок, а нам каши горшок».

Из-за этих двух обрядовых блюд (каши и курятни) праздник Космы и Дамиана в народе именовали иногда «кашником» или «курятником». Впрочем, последнее название, очевидно, было связано еще и с тем, что самих святых Кузьму и Демьяна, покровителей домашней птицы, также нередко называли «курятниками» и «куриными богами». День памяти этих святых мог именоваться и «кочетятником», «курячьим праздником», а также «курячьими именинами». В этот день в курятниках служили молебны и священник кропил святой водой домашнюю птицу. Кроме того, на Косму и Дамиана во многих местах обязательно резали кур («Кузьма-Демьян — куриная смерть»), как бы принося жертву святым покровителям; так, например, в Курской губернии резали «трех куренков» и ели их утром, в обед и вечером, «чтобы птица водилась».

Особыми обрядами, связанными с размножением и благополучием домашней птицы, обставлялась трапеза, во время которой подавались блюда из курицы. Так, хозяева, когда за обедом ели курятину, старались не ломать куриных костей, полагая, что иначе на следующую год цыплята могли родиться уродливыми (при этом в некоторых местах хозяйки полагали еще, что если на Кузьминки зарезать двух петухов или петуха и курицу и, съевши их, повертеть на их кобылках дыры, а затем бросить в курятник, то на будущий год все куры непременно будут с дырявыми кобылками). Кроме того, усаживаясь за трапезу, хозяева считали должным пригласить и святых разделить с ними угощение: «Кузьма-Демьян, приходите к нам кашу есть»; в некоторых же местах трапезу начинали следующей молитвой: «Кузьма-Демьян-сребреница! Зароди, Господи, чтобы писклятки водились».

В некоторых местах празднование Кузьминок сопровождалось еще особым обычаем, известным под названием «похорон Кузьмы-Демьяна». Состоял он в том, что девушки в «жировой» избе делали чучело, тело которого состояло из набитых соломой мужской рубашки и шароваров; на чучело надевали «чапан», опоясывали кушаком, а затем клали его на носилки и несли в лес, за село. Там чучело раздевали, рассыпали солому и на ней плясали.

Со дня Кузьмы-Демьяна женщины вплотную принимались за зимнюю пряжу; а так как святые братья иногда воспринимались и как покровители женского рукоделия, к ним обращались с просьбой помочь не отстать в работе от тех, кто начал ее раньше: «Батюшка Козьма-Демьян! Сравняй меня позднюю с ранними».

Кузьминки — см. Кузьма-Демьян.

КУКЕР. джамалар — в южнославянской мифологии воплощение плодородия. В весенних масленичных обрядах Кукера изображал мужчина в особой одежде (часто из козьей или овечьей шкуры), с зооморфной рогатой маской и деревянным фаллосом. Во время кукерских обрядов изображались грубые физиологические действия, обозначавшие брак Кукера с его женой, которая обычно изображала затем беременность и роды; совершались обрядовая пахота и посев, призванные обеспечить плодородие. Иногда Кукер изображал физиологические действия с Землей, как бы оплодотворяя ее; это также должно было обеспечить людям хороший урожай.

Кукерское действо, кроме главного действующего лица Кукера, включало многочисленных персонажей, среди которых был царь и его помощники.

КУКИШ — оскорбительный жест, но также и оберег от нечистой силы. Считалось, например, что если под воскресенье пойти к жилищу ведьмы, стать спиной к глухой стене, повернуть назад голову, подуть, плюнуть три раза и «дать туда дулю», то ведьма обязательно придет утром и скажет: «На што ты мини дулю давав?» Чтобы узнать ведьму, следовало пройти мимо собравшихся во время праздника женщин, надев картуз козырьком назад и сложив два кукиша (одну руку с кукишем нужно засунуть в карман, а другую за пазуху); если среди женщин есть ведьма, то она непременно выдаст себя тем, что начнет ругаться.

КУКУШКА — птица, посвященная богине весны; олицетворение души умершего.

Кульг кукушки как одной из весенних птиц был известен многим славянским народам. Например, у поляков чествование кукушки связывалось с культом Живы — радостного божества жизни, воскрешения и плодородия природы, олицетворения весны: «Божество Живе было устроено капище на горе, названной по ее имени Живец, где в первые дни мая благоговейно сходилась многочисленный народ испрашивать от той, которую почитал источником жизни, долговременного и благополучного здравия. Особенно же приносились ей жертвы теми, которые слышали первое пение кукушки, предвозвестившее им столько лет жизни, сколько раз повторялся ее голос. Думали, что высочайший владыка вселенной превращался в кукушку и сам предвещал продолжение жизни; поэтому убиение кукушки вменялось в преступление и преследовалось от правителей уголовным наказанием».

Посвященная богине Живе, кукушка признавалась вещью, небесной посланницей; она предвещала наступление лета («зозуля ковала — летечко казала»), начало гроз и дождей (ср. представление о том, что нельзя купаться, пока не закукует кукушка), определяла долготу человеческой жизни и сроки брачных союзов (ср. традиционную для всех божеств плодородия функцию судей, определяющих человеческую

Кукушка

судьбу и отмеряющих срок человеческой жизни). Поэтому и с прилетом кукушки, и с ее первым кукованием был связан целый ряд примет, поверий и магических действий. Например, по голосу кукушки земледельцы судили о будущем урожае: считалось, что если она закует при восходе солнца и на зеленом дереве (т.е. когда леса уже оденутся листвой), то год будет урожайный, а если закует на вечерней заре и на голом дереве — будет голод и мор. Услышать весной соловья раньше кукушки, по народному мнению, — к счастью, а кукушку раньше соловья — к несчастью. По поверью, кто впервые услышит весной кукушку на голодный желудок, тому наступивший год сулит несчастья, и такому человеку не следует закармливать скотину — не то ей голодать всю зиму. По чешскому поверью, своим криком зозуля прогоняет град, бури, бесплодие и дороговизну; и если она не закует до Иванова дня, то надо ожидать неурожая, голода, мора. Чехи обращались к кукушке с вопросом, почему будет продаваться жито, ячмень, овес, и по тому, сколько раз она прокукует, судили о будущих ценах на хлеб. Весной, первый раз заслышав кукушку, крестьяне спешили побренчать деньгами для того, чтобы они «не перевелись» (ср. поговорки: «Сховай грашульку на зязюльку», «Сховай три грошы у руку на куку!» и т.п.); если же в эту пору в кармане денег не оказывалось, это воспринималось как знак того, что их не будет в продолжение целого года. В некоторых местах, не имея денег в кармане, при первом куковании звенели ключами. Ранний прилет кукушки и раннее кукование (когда лес еще не оделся листвой) предвещал ворама неудачу (потому что им негде будет укрыться в лесу).

Кукование кукушки весной вблизи жилья нередко считалось приметой неурожая, но при этом могло служить предвестием свадьбы. Вообще же в народных поверьях и песнях кукушка традиционно воспринималась как вестница и дарительница обилия и благополучия; и некоторые колядки даже приветствовали ее появление в саду и возле дома как признак удачи, плодovitости скота, богатого урожая и т.д. (ср., например, галицкие колядки, в которых девица хочет порубить лес, достать кукушку и пустить ее в сад, чтобы она своим кукованием будила хозяина и возвещала ему большой урожай хлеба). Кукушка воплощала лето и его радости; в одной из песен девица, говоря, что ей было скучно и она не видала лета, указывает, что ей не куковала кукушка.

В народных поверьях и песнях кукушка нередко служила символом свадьбы (ср., например, свадебные песни, в которых кукушка кукует на калине, как бы произнося приговор, что свадьба должна свершиться, и зовет новобрачную на посад). В одной из песен кукушку посылают вестницей к матери невесты после венчания, чтобы мать приготовила брачное пиршество («Сива мала пташечко, / Рябая зозуленько, / Ой полинь дорогою, / Занеси матинци висти: / Нехай матинка чує, / Нехай пригогоує, / Нехай застеле

тисовии столи, / Нехай поставити зелене вино»). В другой свадебной песне невеста изображается кукушкой, а ее дружки — галками: «Та летять галочки в три рядочки, / А зозуленька попереду, / Та вси галочки на гильях сили, / А зозуленька на калини; / Та вси галочки защебетали, / А зозуленька заковала. / Та йдут дружечки та ряд по ряду, / А Марусенька попереду; / Та вси дружечки за столом сили, / А Марусенька на посади; / Та вси дружечки заспивали, / А Марусенька заплакала!»

В связи с представлениями о благодатной силе кукушки, магическими свойствами в народе нередко наделяли ее перья, а также вообще предметы, к которым она имела прямое отношение. Например, чудесными свойствами в народной традиции наделялся сучок от дерева, на котором куковала кукушка: такой сучок носили с собой как амулет, оберегающий от несчастий, а охотники хранили его в кармане для успеха на охоте. Женщины обводили «кокушечьим» сучком круг по внутреннему краю кринки, в которую вливают надоенное молоко, полагая, что в такой кринке всегда будет оттаиваться толстый верхний слой сметаны. В некоторых местах считалось также, что счастлив будет тот человек, который найдет нанизанные на ветку бусы, которые будто бы изрыгает кукушка во время своего кукования. В любовной магии часто использовался также корень растения «кукушкины слезки»: отваром этого корня поили новобрачных, чтобы они жили в любви и согласии, а также гадали по этому корню, кто родится у молодых — сын или дочь.

Согласно народным поверьям, кукушка перестает куковать в Петров день; продолжение же кукования после Петрова дня грозит неурожаем. Иногда окончание кукования связывалось также со временем колошения ржи, ячменя или созревания трав и началом покоса; крестьяне говорили: «Кукушка подавилась ржаным колосом (или житным зерном)», или: «Пора уж и косы бить, и грабли готовить — вон уж кукушка-то охрипла». В южной России и на Украине встречалось поверье о том, что на Петров день кукушка давится сыром; по-видимому, здесь нашел отражение обычай сырного разговления в связи с окончанием к этому дню петровского поста. В Полесье, кстати, существовал сходный обычай: на Петров день хозяйки варили вареники с сыром и говорили: «Будем давить зозулю вареником».

Существует поверье, что после окончания своего кукования кукушка прячется в капусте или в крапиве от птиц, преследующих и бьющих ее за то, что она подкидывала свои яйца в чужие гнезда. Своего гнезда у кукушки нет: по одному из поверий, Господь лишил ее гнезда за то, что она свила его на Благовещение. А с наступлением осени кукушка, по народному убеждению, отправляется «на тот свет», в ирий (рай), причем улетает она в вырий первой, а возвращается обратно последней, поэтому ее нередко считали ключницей, хранительницей ключей от вырия. По другим представлениям, кукушка осенью никуда не улетает, а

Кукушка

зимует, подобно ласточкам, под водой или прячется на зиму в землю (ср. также представление о том, через воду или землю можно понасть в небесный ирий).

Представление о том, что кукушка (как и некоторые другие птицы, улетающие на зиму в ирий) часто посещает загробный мир, было известно во многих местах. Вообще, в народных поверьях и приметах кукушка была тесно связана со смертью. Ее кукование и даже само появление нередко расценивалось как зловещее предсказание: так, прилет кукушки в деревню, к дому, кукование на крыше дома, по некоторым поверьям, предвещало пожар, тяжелую болезнь или смерть; считалось также, что перед чьей-либо смертью кукушка прилетает к жилью даже зимой. В некоторых местах полагали, что первый раз весной услышать кукушку кукующей «в глаза» (спереди) — к слезам, а кукующей в спину — к смерти.

Схожие мотивы существовали и в песнях, где кукушка могла выступать как вестница или прорицательница смерти либо грядущего несчастья: например, в одной песне сирота по кукованию кукушки узнает, что ей уже ничего не осталось на свете, и просит землю расступиться и взять ее («В мене ньька не ридная, / И рид мене оддалея. / Розступися, сира земле, / Боя винду мала в тебе! / Ой л етил а зозуленька / Через сад куючи; / Та вже мини надокучило / На сим свити горюючи»); в других песнях кукушка предсказывает рекрутам-новобранцам их судьбу («Ой летала зозуленька через сад куючи: / Заплакали новобранци до приему идучи»), молодому казаку предрекает утопление в воде, предвещает девице измену ее милого, разлуку с любимым, недоброе житье в чужом доме и т.д. Но подобные представления, по-видимому, возникли только на том основании, что кукушка вообще считалась способной предсказывать будущее: она правдива, ее нельзя обмануть, и она честно предсказывает и счастье, и горе. В некоторых песнях она выступала даже как обличительница лжи и преступления: например, в одной песне она прилетает, садится на калину, посаженную на могиле молодца, из ревности отравленного девицей, и кукует, указывая, что казак умер через девицу.

В виде кукушки крестьяне нередко представляли себе душу умершего, слетевшую на землю побеседовать с родными. Например, в народных песнях дочь, изгнанная родителями и тоскующая по родному дому, прилетает домой в облике кукушки; в образе кукушки прилетает к своей дочери (а в одной песне — на могилу умершего сына) и усопшая мать. Считалось также, что кукушка приносит вести о смерти близких (ср. песню о том, как умирающий молодец просит кукушку передать весть о его смерти жене, невесте или матери); т.е. как бы сама душа покойного прилетает к близким в птичьем облике поведать о своей беде и вынужденной разлуке.

В народных малороссийских песнях и верованиях кукушка служила эмблемой скорби, сильной сердечной

печали по милым покойникам: в песнях и легендах она могла выступать как обращенная в птицу скорбящая вдова или жена, зовущая загубленного мужа, а также девушка, тоскующая по милому. У сербов и литовцев существовало предание о превращении в кукушку неутешной сестры, которая долго и горько оплакивала смерть своего брата; а на деревянных могильных крестах в Сербии иногда изображали столько кукушек, сколько родственников, и особенно сестер, грустило по усопшему. Существовал даже особый обычай «голосить с кукушкой»: женщины, потерявшие близких или находящиеся в разлуке с ними, уходили подальше в лес и там, заслышав кукушку, общались с ней наедине, причитая и оплакивая свою боль; считалось, что кукушка сама подлетает к такой женщине и начинает «подголашивать». Само кукование кукушки часто воспринималось как горестное причитание и оплакивание; у слова «куковать» имелось значение «плакать, горевать, причитать, жаловаться». На Руси верили, что когда кукушка кукует, то из глаз ее каплют на древесную ветку слезы (за эти слезы иногда принимали яички насекомых, облепившие ветку, и называли их кукушкины слезки, серб, кукавичја суза).

К кукушке как к посреднице между «этим» и «тем светом» традиционно обращались с вопросами о покойниках; так, в одном похоронном причитании над умершим отцом говорится: «Мий же ты таточку! / Яй будуть садочки цвисты, / И буде зозуленька куковати, / Я ж буду, мий таточку, / Зозуленьку пытати: / Чи не бачила-ж ты, зозуленько, / Мого батьку риднаго?» В причитании дочери над матерью дочь спрашивает кукушку, не видала ли она ее умершей матери, и просит передать ей, что дочери горько на свете жить без матери («Коли буде зозуля ковати, / Я буду ии питати: / Чи не бачила моей нььки ридньенкой? / Скажи ий, зозуленько, як мини тошно, / Як мини гирко без нььки жити»). В свадебной песне невеста-сирота посылает кукушку за своими умершими родственниками, чтоб они пришли с «того света» благословить ее на новое житье.

В тесной связи с этими представлениями о связи кукушки с загробным миром мертвых находится южнорусский весенний обряд крещения и похорон «кукушки», в котором участвовали, главным образом, девушки. Совершался этот обряд обычно в Семицкую неделю, и заключался он в том, что женщины и девицы собирались в лес, делали из растений и цветов фигурку «кукушки», одевали ее в сарафан, сшитый из лоскутков, и повязывали ее платком (чаще черным, так как кукушка считалась вдовой); потом «кукушку» сажали на ветку, а под ней привешивали шейные кресты. Иногда вместо этого отыскивали траву, называемую кукушкой (подорожник), и, вырвав ее с корнем, одевали в сорочку, потом клали ее на землю и ставили над нею крестообразно две дуги, покрывая их платками и вешая с двух сторон по кресту. В некоторых местах крестик надевали на само чучело кукушки и пели:

Кулешата

«Кумушки, голубушки, кумитесь, любитесь, дартесь!» (это называлось крестить кукушку или кумить-ся). Две девицы, поцеловавшись из-под дуги, менялись крестами и назывались кумами.

Подобные же обряды были широко распространены и у восточных славян, где их обычно называли крещением кукушки или завиванием березки. Совершались эти обряды в разное время — на третьей, четвертой, пятой или шестой неделе после Пасхи, но преимущественно в Семицкую неделю, когда поминали усопших. В это время девушки (иногда и женщины) ходили в рошу, отыскивали две плакучие березки, надевали на них венки из цветов, нагибали и связывали их ветви разноцветными лентами, платками и полотенцами в виде венка; над венком клали траву-кукушку или рукодельное чучело птицы, а по сторонам привешивали кресты. Две девицы, желающие покумиться, должны были обойти вокруг этих берез — одна навстречу другой, а потом трижды поцеловаться сквозь венок и сквозь венок же передать друг дружке желтое крашеное яйцо. Хоровод девушек в это время пел: «Ты, кукушка ряба, ты кому же кума? Покумимся, кумушки, покумимся, голубушки!» Названные кумушки обменивались крестами и кольцами, а «кукушку» разделяли на части и хранили у себя на память о кумовстве. После того, как девушки покумились, устраивалось пиршество, на котором обязательно подавали яичницу. Покумившиеся в Семик ходили на Троицын день развивать венки или бросать их в воду; при этом они пели: «Раскумимся, кумушки! Раскумимся, голубушки! Да йо, йо — Семик да и Троица!»

Подобные обряды крещения кукушек, завивания и развивания березок в народной традиции тесно смыкались с представлениями о русалках и мавках, т.е. душах умерших до свадьбы девушек и некрещеных младенцев, появляющихся в это время на земле. В некоторых местах обряд завивания семицких венков назывался встречей, а обряд развивания — проводами русалок; и сами эти венки, по некоторым представлениям, завивали именно для русалок. При этом народные поверья гласили, что души умерших без крещения младенцев в течение семи лет, до своего превращения в русалок (мавок), летают по воздуху и жалобно просят, чтобы их окрестили; если же кто-нибудь услышит их и скажет: «Крещаю тебя, Иван да Марья, во имя Отца и Сына и Святого Духа!», то они немедленно вознесутся на небо, как бы восприняв крещение. Возможно, что «крещение кукушки» (т.е. птицы, воспринимаемой как символ сиротства), производимое во время пребывания на земле душ умерших, как раз и было символическим обрядом крещения младенцев, умерших без этого таинства и потому осужденных блуждать по свету без возможности войти в царство Божие.

Кстати, само происхождение кукушки среди крестьян иногда связывалось с людьми. Считалось, например, что кукушка — это дочь, проклятая родителями (ср. общеславянское представление о том, что

проклятые родителями дети, а также самоубийцы и вообще нечистые покойники превращаются в нечистую силу, русалок и пр.), либо замужняя женщина, которую мать отдала замуж за немилого человека и запретила бывать у себя (семь лет или вообще без ограничения срока). В галицких песнях в кукушку превращается женщина, от жестокого обращения мужа покончившая жизнь самоубийством. Иногда считалось также, что женщина была заклата в кукушку в наказание: ср., например, поверье о том, что кукушка — это скуная вдова, не накормившая хлебом нищего; девка, пугавшая Бога из-под моста, и т.д. Отсюда и с самой кукушкой порой связывались отрицательные представления: считалось, что у кукушки нет нары (т.к. муж ее утонул или она сама убила его, сжила со свету или спрятала под мост), и потому спаривается она с удоном, самцом вороны, ястребом, петухом. Иногда кукушку, из-за ее привычки подбрасывать свои яйца в гнезда других птиц, считали распутницей, «гулящей» птицей, но такие представления, в общем, были достаточно поздними по своему происхождению. В древности же к кукушке относились как к доброй, справедливой и жалостной птице; слово «кукушка» в народе иногда использовалось как ласковое обращение к женщине.

КУЛЕШАТА. кулиши, куляши — чертенята, нечистые духи, находящиеся у колдунов в подчинении; в некоторых местах их именовали не кулишами, а шуликунами. Название *кулиши*, *куляши* заимствовано, по-видимому, из финно-угорских языков; так, в финно-угорском ареале *1ш1* [куль] — злой дух, весьма распространенный персонаж различных поверий. Возможно также, что название *кулиши* связано со словом «куль» — «капошон, головной убор в виде колпака»; вполне вероятно, что в названии *куляши*, *кулиги* отразились представления о нечистых духах как о существах «востроголовых», имеющих голову «шишом» или носящих остроконечные шапки. Помимо этого, возможна связь со словом «кулемес» — «деятельный, по бестолковый человек»; «кулемесить» означает «дурить», что вполне может характеризовать кулешат как очень деятельных, проворных, но суетящихся, бестолковых и вредных существ («Ну, почал наш кулемес кулемесить, никому покою не дает, а толку ни на грош»).

Согласно народным поверьям, кулиши — это маленькие чертенята разных цветов, во множестве появляющиеся на святки; они выходят из воды на Крещение (в некоторых поверьях кулиши — это преимущественно водные чертенята) и остаются на земле до окончания святок или только один день (так, по некоторым поверьям, кулиши выскакивают из воды только 19 декабря, во время Водосвятия).

По общераспространенным представлениям. Рождество и святки празднуют «все силы и существа мира», в том числе и все нечистые духи, которые в это время бывают особенно активны: они появляются на земле и собираются вместе, ходят по всему миру между

людьми и «проказят». При этом многие нечистые духи, появляющиеся в это время на земле, тесно связаны с водой: они выходят из воды и уходят в нее, показываются вблизи источников, рек и т.п. К числу таких нечистых духов относились и кулиши: так, считалось, что «на Крещение куляши из воды выходят, почему не ходят по воду, чтобы не зачерпнуть куляша»; в некоторых местах избегали полоскать белье в реке не только на Крещение, но и в течение всей недели после него, опасаясь, что за белье ухватится и вылезет из воды нечистая сила, кулиши.

Кулешата, как и все маленькие нечистые духи (шишки, шутики, бесенята и пр.), могли быть помощниками колдунов, ведьм и вообще людей, знающихся с нечистой силой; так, считалось, что они по приказанию колдунов могут вредить людям, причиняя мелкие пакости, и т.п.

Кулики — см. Сороки.

Кулиши, куляши — см. Кулешата.

КУМАХА, кумоха — нечистая сила; весенняя, перемежающаяся лихорадка. Так, считалось, что кумоха появляется в начале марта, на Тарасия (10.111); до этого дня кумоха не смеет нападать на людей, т.к. ее стережет домовая или не пускает Зима, а с Тарасия она выходит из дремучего леса (или из подземных пещер и т.п.) и начинает нападать на людей. По народному убеждению, тот, кто на Тарасия спит днем и вечером, тот наспит себе кумаху.

Для того, чтобы избавиться от кумахи. больные выходили на то место, где в них, по их убеждению, вселилась хворь-кумаха, обсыпали все вокруг себя ячневой крупой и, кланяясь во все стороны, говорили: «Прости, сторона, Мать — Сыра Земля! Вот тебе крупиц на кашу, вот и тебе, кумаха!» После этого они снова кланялись на все четыре стороны и шли домой, считая, что после этого кумаха оставит их в покое.

Кумохой в некоторых местах именовали не только лихорадку, но и вообще внезапные напасти, лихо, которое представляли себе в облике привязавшегося к человеку вредоносного существа, черта. По некоторым поверьям, кумоха — это женское демоническое существо, одна из сестер-лихорадок, «дочерей Иродовых»; ее образ в поверьях близок к образу Лиха Одноглазого. Считалось, что она вселяется в людей и тем вызывает болезнь; иногда против нее пытались бороться теми же способами, что и против нечистой силы, чертей и бесов.

Возможно, название кумаха связано со словом кума, кумушка и т.п. Лихорадку, представляемую в образе женщины, во многих местах называли кумушкой; это иносказательно-уважительное обозначение давалось «бесице-лихорадке» для того, чтобы задобрить ее или не привлечь ее внимания, произнося ее настоящее имя: «Чтобы не накликать и не рассердить лихорадку, называют ее, в противоположность ее настоящему имени, добруха, тетка, кума, кумаха, комоха».

КУПАЛО — божество лета и название праздника, приурочивавшегося к дню летнего солнцеворота и знаменовавшего конец весны и начало лета. Впрочем, неизвестно, существовало ли в действительности такое языческое божество — Купало, или оно, как и Коляда, являлось всего лишь олицетворением праздника. Так, летнее празднество Купалы посвящалось Яриле, воплощению плодородия; Купал ой же этот праздник, очевидно, именовался потому, что одним из главных обрядов этого дня было купание в водах (само название Купало иногда соотносилось с купелью). Однако некоторые исследователи сообщали, что у славян существовало и божество Купало; так, например, Гизель в своем Синописе, напечатанном в Киеве в 1679 году, сообщал: «Пятый идол Купало, его же бога плодов земных быти мняху и ему прелестью бесовского омрачения, благодарения и жертвы в начале жнов приношаху.

Того же Купала бога или истиннее беса и доселе по неким странам российским еще намять держится. Наипаче же в навечерие рождества св. Иоанна Крестителя собравшиеся к вечеру юноши, мужеска, девическа и женска полу, соплетают себе венцы от земли некоего и возлагают на главу, опоясуются ими. Еще же на том бесовском игрище кладут и огонь, и окрест его емшеся на руце, нечестиво ходят и скачут и песни поют, скверного Купала часто повторяюще и чрез огонь прескачуще, самих себе тому же бесу Купале в жертву приносят». Подобным же образом о Купале было сказано и в Четые минее св. Димитрия Ростовского. Впрочем, не исключено, что Купало-божество появилось достаточно поздно и являлось при этом олицетворением празднества; а так как празднество посвящалось Яриле, божеству плодородия, «яри» и т.п., бог Купало также стал считаться «богом плодов земных». Так, например, в Ярославской, Тверской, Нижегородской и других губерниях «Иван Купало между простым народом назывался Ярилоу»; там же, где Купало почитался отдельным божеством, его представляли прекрасным юношей в венке из цветов купальницы, одетым в легкую одежду и держащим в руках цветы и полевые плоды (образ, очень близкий к образу Ярилы).

День Купалы праздновался в начале жатвы, 24-25 июня ст.ст. (собственно, основное празднество происходило в ночь с 24 на 25 июня). Праздник этот в древности считался столь значимым и великим, что и при христианстве не утратил своего значения. Церковь в этот день справляла день рождества святого Иоанна Предтечи, однако среди простого народа к этому дню приурочивались обряды и обычаи, никакого отношения к этому событию не имеющие и сохранившиеся, очевидно, с языческих времен. К таким обрядам, например, относились обычаи на Купалу купаться в реках, а также возжигать костры и прыгать через них.

Обычай возжигать на Купалу костры был известен повсеместно. Зажигались огни в сумерки, на полях или на горах; они, как правило, были большими, и в них, помимо дров, бросали различные травы и цветы,

Купало

а также самые разные предметы. Юноши и девушки, искупавшись в реках, увенчанные и перепоясанные цветами, пели и плясали около огня и прыгали через костры попарно, держась за руки; при этом считалось, что если во время перепрыгивания через костер руки парня и девушки не разойдутся, эта пара вскоре вступит в брак и совместная жизнь их будет счастливой и долгой. Впрочем, во многих местах (и, очевидно, повсеместно в древности) пляскам у костров предавалась не только молодежь, но вообще все население, без различия пола и возраста; при этом у костров совершали различные обрядовые действия, например: не только сами прыгали через огонь, чтобы защититься от всякой болезни и порчи, но и прогоняли сквозь костер стадо, чтобы обезопасить скот от леших, ведьм и Коровьей Смерти.

В Купальскую ночь повсюду устраивались многочисленные игрища, продолжавшиеся обычно до самого утра, а также гадания и многочисленные магические действия, призванные обеспечить благополучие людей и скота, хороший урожай и т.д. (одним из таких магических обрядов, очевидно, являлось традиционное уничтожение чучела Смерти, Марены и пр., приурочивавшееся к этому дню). На Купалу обязательно купались в водах и даже приносили своеобразные жертвы, которые бросали в воду, что, вероятно, являлось остатком древних молений рекам и источникам. В некоторых местах при этом полагали, что солнце в этот день, купаясь в водах, освящает их, и поэтому купание, обливание водой и т.п. на Купалу является залогом здоровья и оберегает от нечистой силы, порчи и т.д. Вообще, праздник Купалы в народе считался праздником «огня и воды», так как большая часть обрядов, приуроченных к этому дню, была связана либо с огнем (купальскими кострами, зажженными от «живого» огня), либо с водой (источниками, озерами, реками и пр., в которых кунались, обливались водой и т.д., а также росой, которую в этот день собирали на полях).

Впрочем, при этом с Купало связывались не только культы огня и воды, но и культ растительности. Так, например, на Купалу с давних времен собирали различные травы, которые затем использовали в лечебных целях, а также для «чарования и волшебства»; при этом считалось, что травы, собранные в это время, обладают особой чудодейственной силой. Травами и цветами на Купалу украшали дома, причем обычай этот во многих местах объяснялся тем, что некоторые травы способны оградить хозяйство от нечистых духов, особенно активных в этот праздник. О почитании растительности в этот день говорили и различные обряды с березкой или другим деревцем, совершавшиеся на Купалу. Так, в некоторых местах (например, в Белоруссии, на Украине) девушки вечером на Иванов день выбирали деревце (а иногда приносили с собой уже срубленное деревце или даже просто ветку вербы или ивы, которую втыкали в землю), наряжали его, украшали венками и лентами, называли его Купало и водили вокруг него хороводы, а затем зажигали вокруг него огни и пели обрядовые купальские песни. Этот обряд мог и варьироваться: так, в некоторых местах девушки сначала более часа водили вокруг деревца хороводы и пели песни, а затем парни, до той поры

стоявшие в стороне, бросались на деревце и разрывали его на части, несмотря на то, что девушки всячески старались защитить его.

Песни, которые распевали на Купалу, были самыми разными. Так, например, на Днепре в некоторых местах хороводы вокруг деревца сопровождалась такой песней: «У нана Ивана посередь двора стояла верба. На вербе горели свечи, с той вербы капля упала, озеро стало; в озере сам бог купался с детками, судетками». В Польше возжигание костра иногда сопровождалось такой песней: «Где солнце рака согревает, а соловей веки не поет, соботка (польское название купальского костра, а иногда — и самого праздника) была запалена в черном лесе. Так то матки нам подали (передали), сами так же от других переняли, чтобы на день святого Яна (Иоанна) всегда соботка пылала». Существовало и много других купальских песен; в некоторых из них упоминался сам Купало или Лада. Так, например, в Малороссии на Иванов день по обычаю прыгали через купальские огни или через кучи крапивы вместе с предварительно сделанным чучелом в венке, припевая: «Купала на Ивана, та купався, Иван, та в воду упав». В Харьковской губернии через крапивный куст или горящую солому прыгали под такую песню: «Сегодня Купала, а завтра Ивана, / Чим мини, моя мати, торговати? / Сегодня Купала, а завтра Ивана, / Чим мини, моя мати, торговати? — / Повизу я свекорка продавати — / Роднова батинка куповати. / Здишевила свекорка, здишевила — / Роднова батинку не купила. / Сегодня Купала, а завтра Ивана, / Чим мини, мати, торговати? / Повизу я свекруху продавати, / Родную мати куповати. / Здишевила свекруха, здишевила, / Родной матинки не купила. / Сегодня Купала, а завтра Ивана, / Чим мини, моя мати, торговати? / Повизу я диверька продавати, / Риднова братика куповати; / Здишевила диверька, здишевила, / Риднова братика не купила. / Сегодня Купала, а завтра Ивана, / Чим мини, моя мати, торговати? / Повизу я зовицу (золовку) продавати — Ридную систрицу куповати. / Здишевила зовица, здишевила, / Ридной сестрици не купила!»

В некоторых местах купальские песни начинали петь еще за несколько дней до Иванова дня и продолжали петь их какое-то время после праздника (например, всю русальную и троичскую недели). Так, например, в Малороссии такие песни начинали петь за неделю до Купалы, а накануне самого праздника, перед закатом солнца, девушки и молодки в праздничных нарядах, в венках из травы и цветов, перевитых кануфером и другими душистыми травами, собирались вокруг срубленного дерева (преимущественно черноклена) и, взявшись за руки, пели: «Ой Маланька, Петривачка: / Не выспалась наша дивочка! / Не выспалась, не наигралась / И с казаченьком не настоялась. / К череди (стаду) шла, задремала, / На пеньки ноги посбивала, / На шпичьки очи повыймала! / А вже корови у диврови, / А вже тилята насут хлопьята, / А вже вивци (овцы) на крутии горьци». После этой песни собравшиеся ставили под деревом

Курдуши

куклу, сделанную из соломы, размером примерно с человека и одетую в женскую рубашку; голову этой куклы убирали лентами, а шею — монистами. Куклу именовали Купалой, а дерево — Мареной. При этом во многих местах кукла со временем исчезла, а дерево осталось: на пего вешали венки и монисты, а затем зажигали рядом с ним или вокруг него солому и пели нежно и протяжно: «Ходили дивочки коло мареночки»

Коло мою Вудыло (вудыло — мокрый, водяной, влажный) Купала; Гратыми (играли) сонечко на Йвана накупався Йван, та в воду впав. Купала под Йвана». В некоторых местах дерево и куклу (если она делалась) приносили к воде и швыряли в реку и т.д.; туда же кидали и венки, а сами после этого начинали прыгать через огонь.

КУРДУ ШИ — злые духи, чертенята, помощники колдунов. Считалось, что они «маленькие, остроголовые такие, с кошку-то будут, на двух ногах ходят».

Согласно поверьям, к человеку, ставшему колдуном, на всю его жизнь приставляются мелкие, но бойкие и шустрые чертенята-курдуши; они прислуживают колдуну и выполняют все его поручения. При этом, однако, считается, что курдуши не дают своему хозяину покоя: теребят и беспокоят его, требуя себе работы; для того, чтобы хоть на время избавиться от них, колдун должен давать им какую-нибудь невыполнимую работу (например, вить веревки из песка, считать листья в лесу и т.п.). Иногда считали, что после смерти колдуна курдуши забирают его душу себе и утаскивают ее в пекло.

КУРИНЫЙ БОГ — камешки со сквозными отверстиями; горшок или кринка без дна, отбитое горлышко кувшина, изношенный лапоть и пр. Куриный бог

служил оберегом домашней птицы. Обычно его помещали в курятнике около насеста или над ним, под стрехами хлевов; вешали его на кол во дворе и т.д. Делали это, чтобы куры хорошо неслись и были целы, чтобы домовый и кикимора не пугали, не давили и не воровали кур, не выщипывали им перья и т.д. Во многих местах горлышки от разбитых кувшинов вешали и в курятниках, и под стрехами домов, полагая, что это помешает домовому и вредить курам, и мучить скот; старые лапти вывешивали связками на скотном дворе или у входа в дом для того, чтобы уберечь скотину от сглаза.

«Курячим богом» в некоторых местах называли также старый горшок, который вешали на высоком шесте во дворе у насестов; верили, что в этом горшке «селится дух, покровительствующий курам». Характерно то, что камню, служившему куриным богом, часто придавался антропоморфный вид: он напоминал голову с глазами, ушами, носом и просверленными ноздрями.

Для различных предметов, воплощающих собой куриного бога, была характерна необычная форма; кроме того, все они помещались на высокое, видное место, что, очевидно, должно было сразу привлечь взгляд постороннего человека, вызвать его удивление и тем самым уберечь хозяйство от сглаза. Роль куриного бога обычно выполняли старые, поломанные, вышедшие из употребления предметы; они традиционно связывались с культом мертвых. Другая характерная деталь — сквозное отверстие, отбитое дно и т.п. — позволяет усмотреть в курином боге женский эротический символ, что соответствует одной из его функций — способствовать плодовитости кур.

Помимо предметов-оберегов, «курьими богами» называли также святых Кузьму и Демьяна — покровителей кур.

Л

ЛАДА — в общеславянской традиции богиня плодородия и судьбы, красоты, любви (иногда даже несчастной) и бракосочетаний, а также богиня веселья и всякого благополучия, покровительница девушек и женщин. Она нередко представлялась молодой, нежной и необыкновенно красивой женщиной с золотистыми волосами и в цветочном венке; олицетворением Лады некогда считали березу (возможно, что праздником, посвященным Ладе, был девичий праздник Семик, на котором девушки ходили в лес завивать березки). Имя Лады было известно фольклору всех славянских народов: полякам, словакам, словенцам, сербам, хорватам, далматинцам, болгарам, русским, украинцам, белорусам; ее упоминания встречаются даже за пределами славянского мира, у балтийских народов — латышей и литовцев.

Лада — очень древнее божество, возникшее, по видимому, еще во время матриархата. Она и ее дочь Леля являлись рожаницами, небесными хозяйками мира, олицетворяющими весенние и летние вегетативные силы. Христианство со временем практически уничтожило культ этих богинь, и хотя его остатки сохранились — и даже неплохо сохранились — в различных обрядах весенне-летнего цикла, имя Лады из народной традиции почти исчезло, сохранившись преимущественно в песнях и припевках, исполняемых как у восточных и западных, так и у южных славян. Песни в честь Лады исполнялись в основном весной и в начале лета; первые песни с обращением к Ладе пелись в начале марта в ходе обряда «заклинания весны», и именно у Лады испрашивали разрешения закликать, приглашать весну: «Благослови, мати, ой, мати, Лада, мати, весну закликати!» В более поздние сроки к Ладе обращались с молениями о дожде, с просьбами о сохранении, защите первых всходов, молодых колосьев: «Молимся, Лада, молимся всевышнему богу. Ой, Лада, ой! Да подует, Лада, да подует тихий ветер, ой, Лада, он! Да ударит, Лада, да ударит урожайный дождь, ой, Лада, ой!» и т.п. Очень много песен, посвященных Ладе, исполнялось в «Зеленые святки» — праздник молодой зелени; ср., например: «Красивый Иван рвет розы тебе, Ладю, святое божество. Ладю! Слушай нас, Ладю! Песни, Лада, поем мы тебе, сердца наши склоняем к тебе, Ладю! Слушай нас, Ладю!». После купальских празднеств песни в честь Лады умолкали до следующей весны, исключая новогодние девичьи гадания о замужестве и некоторые моменты свадебных обрядов, когда славили Ладю — богиню брака («...и тогоидола (Ладю) дьявольское старое

искушение на брачных веселиях, руками хлопая и ударяя по столу, воспевают»).

Упоминания в песнях Лады как высшего божества нередко дублировали в подобных же песнях обращения к Богу или Богородице (ср.: «Благослови, боже, благослови, мати, весну закликати, зиму провожати! Зимочка в возочку, летечко в човночку...» и т.п.). К самой Ладе прямо обращались как к одному из высших божеств, что говорит о том, что некогда эта богиня чрезвычайно почиталась в народе. О том же говорят и летописные сведения, в которых, в частности, говорится, что «в Болгарии зывают к богине Ладе» и что в Литве «Ладю почитают великой богиней». Согласно польским церковным запрещениям языческих обрядов, Ладю некогда чествовали как одно из главных божеств: «Поляки еще и посеиас околу зеленых святок чествуют своих божков: Alado, Gardzyna, lesse ... Этим божкам плохие христиане оказывают большую честь, чем богу: девушки целый год не ходят в костел молиться истинному богу, тогда как на чествование этих своих божков они привыкли ходить» (нач. XV в.); «... Наши старики, старухи и девушки не молятся о том, чтобы стать достойными восприятия святого духа, но в эти три дня, когда надлежало бы предаваться размышлениям (троицын день, духов день...), сходятся старухи, женщины и девушки, но не в храм, не на молитву, а на пляски; не к богу взывать, но к дьяволу: Issaya, Lado, Hely, Iaya» (1423 г.); «Запрещаем также пляски и песни, в которых называются имена идолов: Lado. Peli, lassa. Tuа, проводимые во время зеленых святок, когда истинно познавшие Христа должны усердно просить бога, чтобы им по примеру апостолов воспринять дух святой» (1420-е годы). Существуют и описания тех мест, где некогда стояли идолы Лады и Лели: «На том самом месте [Лысой горе близ Келец в Польше] был храм трех идолов, которых звали Лада, Бода и Леля. К ним, к этим идолам, простые люди сходились в первый день мая возносить им свои мольбы и приносить жертвы». Лада, вместе с другими божествами, была изображена и на Збручском идоле (богиня с кольцом в правой руке); помимо этого, идол Лады был некогда поставлен князем Владимиром вместе с другими божествами: «...Четвертый идол — Лада. Сего имяху бога веселия и всякого благополучия. Жертвы ему приношаху готовящийся ко браку, помощью Лада мящи себе добро веселие и любезно житие стяжати. Сия же прелесть от древнейших идоло-служител ей произыде, иже неких богов Леля и Полеля почитаху, их же богомерское имя и донныне по неким странам на сонмищах игрищных пением Лелю-Полелем возглашают. Такжеде и матерь лелеву и

полелеву — Ладо, поюще: Ладо, Ладо! И того идола ветхую прелесть диаволу на брачных веселиях, руками плещуще и о стол бьюще, воспевают».

«Органичное соединение» земледельческого божества и покровительницы брака наблюдалось во всем обильном фольклорном материале, содержащем имя Лады. От имени Лады, кстати, существовало много производных; ср., например, восточнославянское ладовать (славить свадьбу), ладковать (сватать), лады (помолвка), ладины (сговор), ладкня (свадебная песня), ладованье (пение весенних песен), ладовицы (девушки, исполнявшие весенние песни); болгарское ладино хоро (весенние хороводы) и пр. Под словом лад понималась у славян благополучная семейная жизнь (ср. слова ладить, налаживать, выражение «Ладо мое» и пр.). В Болгарии девушки под Новый год проводили гадание, называемое «ладуваним»; для него доставали «немую воду» (т.е. взятую молча), ставили ее на ночь под звезды и затем бросали в нее свои перстеньки, а затем извлекали их иод пение песен с припевом («Тай-Ладо!»).

Брачная тематика нередко присутствовала и в песнях календарного цикла, переплетаясь с аграрной; ср., например, игру-обряд «А мы просо сеяли» с обязательным исполнением песен с упоминанием Лады (как обряд, так и сопровождавшие его песни были распространены у всех восточных славян от Украины до Сибири). Во время этой игры (проводившейся на холмах) две шеренги девушек попеременно то шли навстречу друг другу, то отступали назад и пели: «А мы сечу чистили, чистили, / Ой-диди-ладу чистили, чистили! / А мы просо сеяли, сеяли, / Ой-диди-ладу сеяли, сеяли! / А мы пашню пахали, пахали, / Ой-диди-ладу, пахали, пахали! / А мы нивку орали, орали, / Та в ладу ладом орали»; или: «А мы чищобу чистили, чистили, / Диди-Лада чистили! / А мы пашню пахали, пахали, / Диди-Лада, нахали! / Амы просу сеяли, сеяли, / Диди-Лада сеяли! / А мы просу пололи, пололи, / Диди-Лада пололи! / А мы просу жинали, жинали, / Диди-Лада жинали! / А мы снопы вязали, вязали, / Диди-Лада вязали!» В конечном итоге, эта песня-игра выглядела как противоборство двух играющих партий: одни пели о посеве проса, а другие отвечали: «А мы просо вытопчем»; но это вытаптывание не было враждебным актом по отношению к молодым посевам, а было завершением всего цикла — обмолотом проса, который в древности производился путем топтания ногами, причем для этой цели нередко применялись и кони («...снопы раскладывали на гумне, потом ездили по ним вокруг на лошадях или на волах»). Именно это и совершалось в песне: «А мы просо вытопчем, вытопчем, / Ой-дид-Ладо вытопчем, вытопчем. / Да чем же вам вытоптать, вытоптать? / Ой-дид-Ладо вытоптать, вытоптать. / А мы коней выпустим, выпустим...» Но эта аграрно-магическая сущность со временем была отгеснена второй идеей весеннего игрища — идеей сватовства и выдачи девушек замуж: две шеренги символизировали два разных

рода, два села (ср. древний славянский обычай устраивать «игрища межю селы... и ту умыкаху жены себе...»); кони, вытоптавшие просо, «перенимались», и их «выкупали», а выкупом служила «девица». Поэтому в песне постоянно и упоминалась Лада, покровительница как земледелия, так и брака и плодородия вообще.

Песни, обращенные к Ладе или славящие ее имя в припевах, у славян исполнялись на масленицу, в середине Великого поста, в Лазареву субботу, на Фоминой неделе, в семик, троичын и духов день, а также на «Сорок мучеников» (9 марта ст.ст.), Благовещение (25 марта ст.ст.), Юрьев день (23 апреля ст.ст.), 1-2 мая, на Ивана Купалу (24 июня ст.ст.) и в Петров день (29 июня ст.ст.). Особенно выделялся период с 25 мая по 25 июня, т.е. Зеленые святки; но в целом, обряды и песни, связанные с Ладой, охватывали весь март, апрель, май и июнь, причем первые песни в году с обращением к Ладе пелись во время «закликания весны», а образ весны, сменяющей бесплодную зиму, в народной традиции всегда окружался различными аграрными аксессуарами — зеленью, сохой, бороной и пр. Все остальные обряды с исполнением песен в честь Лады были неразрывно связаны с весенне-летним аграрно-магическим циклом молений о дожде, праздников зелени, первых всходов, первых колосьев и пр. Закрывался этот цикл периодом колошения яровых хлебов в июне месяце, и последним сроком являлись купальские праздники летнего солнцестояния. После этого молитвенные обращения к «Дид-Ладе» (т.е. Великой Ладе — ПесПБ Басіо) прекращались, но при этом Ладу вместе с ее дочерью Лелей чествовали и позднее, в конце лета, во время традиционного праздника урожая: так, например, в праздник Рождества Богородицы (8 сентября или на следующий день) русские люди некогда устраивали «вторую трапезу» в честь богинь-рожаниц: «череву работай (чревоугодливые) Попове уставиша трепарь прикладати рождества богородицы к рожаничье трапезе, отклады деючи...», «...смешаемь с идольскою трапезою трисвятыя богородицы с рожаницами в прогневанье богу...».

ЛАСКА — пушной зверек, связанный в народных представлениях с эротической символикой и хтоническим началом. При этом в славянских диалектах существовали общие названия для ласки, куницы, горноста, белки, барсука и т.п.; и у большинства этих животных в той или иной степени обнаруживалась хтоническая природа. Так, например, считалось, что клады «выходят» из земли в виде белых зайцев, горностаев, кошек и т.п.; этим же зверькам приписывалась способность указывать местонахождение кладов (считалось, например, что ласка, если к ней ласково обратиться, покажет, где зарыт горшок с золотом).

В народных поверьях нередко обнаруживается глубокое родство ласки с различными гадами. Например, в некоторых славянских диалектах существовали общие названия для ласки и змеи, а также червя,

Ласка

мыши, лягушки. Подобно змее, ласка иногда считалась ядовитой, а крестьяне некоторых мест верили, что ласка, подобно ужу или лягушке, а также ведьме, иногда отбирает молоко у коров или портит его, пробегая под коровой (от этого в молоке появляется кровь). Иногда даже считалось, что ласка может превращаться в змею; ср. в этой связи представление об уже как о духе — покровителе дома, родственном домовому.

У ласки и родственных ей животных в народных поверьях обнаруживается также и родство с птицами. Так, например, ласку (возможно, по созвучию) иногда называли «ласточкой» и отождествляли с этой птицей, а порой представляли себе ласку в виде зверька с крыльями или существа, способного то летать птицей, то бегать зверем. Названия ласки и ласточки родственны по своему происхождению; им обоим свойственна женская символика, и обе они считались покровительницами скота; кроме того, их обеих иногда обвиняли в порче коров (ср. представление о том, что ласточка, пролетая под коровой, становится причиной появления крови в молоке), полагая, что в таком случае корову, для предохранения от беды, надо доить через золотое кольцо.

Ласка в народной традиции очень часто наделялась функциями домового; ср. например, поверье о том, что ласка (или домовая в виде ласки), поселившись в хлеву, заботится о коровах и лошадях, приносит дому счастье. У южных славян считалось, что убийство ласки (как и домового змеи) влечет за собой смерть любимой скотины или даже кого-либо из домашних, а также засуху или град. Существовало также поверье, что в ласке, охранительнице дома и скота, бывает воплощена душа хозяйки дома, подобно тому, как в облике змеи предстает душа хозяина дома. В некоторых местах ласку прямо называли «домовиком», полагая, что она живет в каждом доме, в земле под домом, в подполье, под порогом конюшни, в хлеву и т.д., т.е. в местах обитания домашних духов. Как и домового, ласку, по некоторым поверьям, можно увидеть, войдя в хлев со свечой в Страстной четверг, и по окраске ее шерсти определить, какой масти следует держать скотину. Присутствие ласки в хлеву, по убеждению крестьян, способствует размножению скота той же масти, что и ласка; считалось даже, что каждая корова имеет свою ласку-покровительницу той же масти, и вслед за убитой лаской подохнет и корова одной с ней масти. Как и домового, ласка в поверьях может мучать скотину по ночам, заезжать коней (так что утром кони оказываются в пене) или заплетать им гривы в косы; кроме того, она может также ночью прогрызать женщинам волосы, а мужчинам усы (тогда как домовая заплетает косы женщинам и бороды косичками старикам, либо дергает за волосы или сбивает колтуны тем, кого недолюбливает).

У южных славян образ ласки был связан с прядением и ткачеством; ее иногда соотносили с челноком, при помощи которого ткали холсты (ср. выражение «сует как челнок»). По одному из поверий, в ласку была

обращена невестка, проклятая своей свекровью за то, что ленилась прясть или, наоборот, кроме прядения, ничем не хотела заниматься. В качестве оберега от ласки в некоторых местах выносили во двор и клали у ее норы прялку с веретеном. У гуцулов ласке посвящается день св. Екатерины (24.XI/7.XII), покровительницы прях и браков. У русских же роль пряхи и ткачихи присваивалась «горностае» (ср., например, русские сказки, где ласка или горностае прядет и тклет холсты, причем может соткать даже снежный покров).

С мотивами ткачества в различных традициях, кроме ласки, были связаны также куница, выдра и пр. Так, например, в свадебных песнях куница скачет по ткацкому стану или играет с соболями на ткущемся полотне; в загадках челнок загадывается как скачущая в воде выдра, за которой свертывается озеро, и т.д. У этой группы животных в поверьях также отчетливо проступала любовно-брачная и эротическая символика; при этом одни из них выступали как женские, а другие — как мужские персонажи: например, ласка считалась символом девушки, а горностае — юноши. Куница и соболь также традиционно символизировали молодца и девицу (ср.: «Та наказувала куночка Свому чорному соболу: / «Ой бувай; та соболоньку, / Та у мене та в суботоньку». / «Ой рад би я та бувати, / Тебе, куночку, видати, / Та у тебе лози густии, / А риченьки бистрии». / «А я лозоньки порублю, / Бистри риченьки впируну». / «Ой бувай, бувай козаченьку / У мене у суботоньку». / «Ой рад би я бувати, / Тебе, дивочку, видати, / Та у тебе двори новин, Ще й замочки крипкии, / Ще й батенько сердитий». / «А я замочки одимкну, / Воритечки одчиню, / Свого батенька вблагаю»); в некоторых песнях куница воспринималась как женщина, убежавшая от своего мужа с женатым молодцем; в наказание она превращается в куницу, а молодец — в камень. Соболев в песнях — это ласкательное прозвище молодца: «Козаченьку, мий соболу, / Визьми мене и з собою». В свадебных песнях иногда жениха называли соболем, а невесту ласочкой. Вообще, у южных славян были весьма распространены названия ласки, связанные с названиями невесты или молодухи; чтобы умилостивить ласку, к ней иногда обращались как к девушке и обещали выдать ее замуж.

В одной карнатской колядке ласочка даже является в чрезвычайно странном образе: девица отправляется за водой и видит дивного зверя — ласочку, которая оказывается не лаской, а самой Божьей Матерью: «Ой пишла ж она з двома ведерци: / В едно начерпла, з другим ся вергла, / Вергла ся борзо до матиночки: / Видала ж бо я дивное звиря, / Дивное звиря — ластивляточку; / Не е бо тото ластивляточка; / Але е ж тото Божая Мати!» Возможно, эта колядка основывалась на каком-то мифе о появлении в виде животного некоего женского существа, возможно, языческой богини (Лады?), внезапно принявшей потом свой собственный вид.

Ласточка

ЛАСТОЧКА — святая птица, наделяемая женской символикой. Согласно народным поверьям, ласточка — любимая Богом птица; своим пением она славит Бога, а щебетание ее воспринимается как молитва. Считалось, что ласточки некогда предостерегали своим чириканьем Спасителя от преследующих его жидов, а когда Христа предали на распятие, они старались избавить его от мучений: кричали: «Умер, умер!», похищали гвозди, вынимали колючки из тернового венца Христа и носили ему воду, за что были благословлены Богом на веки вечные. В песнях и поверьях ласточка иногда уподоблялась Божьей Матери, а чехи считали ее птицей Девы Марии.

Согласно общеславянским представлениям, гнездо ласточки под крышей (подобно гнезду аиста) обеспечивает дому счастье и благодать, и крестьяне считали большим грехом разорять ее гнездо, убивать ее птенцов или употреблять ласточку в пищу. В некоторых местах даже специально прибывали под кровлями планки и маленькие дощечки, чтобы ласточкам удобнее было прилаживать свои гнезда. Считалось, что если ласточка бросит свое гнездо, вся семья в доме вымрет, случится пожар либо другое несчастье; убивший ласточку, по народному представлению, не будет иметь счастья в разведении скота и вообще станет неудачником, а разоривший ласточкино гнездо сам лишится крова или ослепнет (или у него на лице выступят веснушки), у него умрет мать или кто-либо из домашних, сдохнет корова, у коровы пропадет молоко, или она будет дотиться кровью. В некоторых местах верили, что ласточкино гнездо оберегает дом от грома, молнии и пожара, и что ласточка сама может сналить дом тому, кто разорил ее гнездо (ср. аналогичные представления об аисте).

В народных песнях и поверьях ласточка нередко воспринималась как символ домовитости. Например, в колядках ласточка прилетает к хозяину под окно и кличет его посмотреть, что у него отелились коровы: «Прилетала ластивочка, / Сила соби на виконци; / Стала соби щебетати, / Господаря викликати: / Вийди, вийди господарю, / Подивися до товару: / У тебе дви корови отелилося, / Два бичка народилося, / Тат-то чорни, там-то красни, / Щей хороши, / Будешь мати за их гроши». В галицком варианте этой же колядки ласточка, сообщив о приплоде скота, призывает хозяина послать челядников к скоту, а самому осмотреть пчел: «А сам си пиди по насиченькам, / Чи ти ся пчоли та порой ли, / Та пороили, понароили?» В том же символическом значении домовитости молодец, желающий жениться и обзавестись семьей, посылает ласточку искать себе подругу: «Пошлю ж бо я ластивоньку / На чужую сторононьку, / Нехай пролітає, / Дружини шукає, / До сподоби моеї, / Щоб роду тихенького, / Щоби личка биленького, / Щоби чорни брови, / Сама до розмови».

Вообще, ласточка в славянской традиции считалась символом девушки: так, например, согласно

поверьям, девушка скоро выйдет замуж, если ласточка свила гнездо на ее доме, вьется возле окна или залетела к ней в дом; а если ласточки и голуби летают возле дома, когда в нем справляют свадьбу, молодые будут счастливы. В одной купальской песне купающаяся ласточка сопоставляется с девицей, которая хвалится своей косой и личиком («Ой на Купала на Ивана / Та купаласа ластивонька, / Та на бережку сушилася, / Дивка Марьечка хвалилася, / Що в ней коса аж до пояса, / А биле личко як яблучко»); в другой песне, веснянке, с ласточками сравнивались молодые и красивые девицы («Ой у нашій сторони / Красни дивки як ластивки. / А тут — як ворони!»). Упасть ласточкой — выражение, означавшее покорность девушки («Упаду я ластивонькою, / Перед матинкою»). Ласточкино сердце в любовной магии иссушивали и привязывали к шейному кресту, полагая, что «как иссохнет птичье перо и сердце, так да иссохнет красная девица по доброму молодцу».

Ласточка традиционно считалась вестницей весны, одной из первых весенних птиц; в песнях ее называли ключницей, полагая, что она приносит из-за моря (из рая, ирия) золотые ключи, которыми отмыкает лето и замыкает зиму. В народном календаре прилет ласточек чаще всего приурочивался к Благовещению (25.III/7.IV), а в северо-западных губерниях — ко дню св. Егория (23. IV/6.V); при этом ранний прилет ласточек в народных поверьях предвещал счастливый и урожайный год. В Малороссии дети в начале марта ходили по домам, славили яр и зеленачку и носили с собой деревянную ласточку или испеченных из хлеба жаворонков; схожий обычай носить весной деревянную ласточку соблюдался и болгарам. В некоторых районах южной России в день Сорока мучеников (9/22.III) к прилету птиц пекли особых «ласточек» с раскрытыми крыльями; дети с песнями носили их по дворам, а затем съедали сами или скармливали скоту. Завидя первую ласточку, малороссы иногда кидали ей землю (на гнездо), а также умывались водой и приговаривали: «Ластивко, ластивко! На тоби веснянки, дай мени биянки», полагая, что это предотвращает появление веснушек, прыщей или солнечных ожогов; тот же обычай умываться при виде первой весенней ласточки крестьяне соблюдали и в других местах, полагая, что это делает человека резвым и веселым, избавляет от сонливости и хвори. В некоторых местах считалось также, что если умыться в этот момент молоком, лицо будет белым и красивым.

Особые поверья в народе относились ко времени исчезновения, отлета ласточек на зимовку. Считалось, например, что ласточки либо улетают на зиму в рай (ирий), либо зимуют в воде, в реках и источниках. В день св. Симеона Столпника (1/14.IX) ласточки, по рассказам крестьян, собираются вместе и жалуются этому святому на то, что воробы занимали их гнезда, а дети их разоряли. Сразу после этого или на Воздвижение (14/27.IX) они прячутся в колодцы, чтобы таким путем скорее попасть в рай; поэтому крестьяне осенью

Ледаший

старались не вычерпывать воду из колодцев, чтобы не помешать ласточкам вылететь в вырий. По другим поверьям, ласточки на зиму прячутся в реки, озера и пруды, сцепляются лапками или крыльями в цепочки и спят под водой до самой весны; рассказывают, что рыбаки не раз вылавливали из-под льда целые гирлянды ласточек, приносили их домой, где в тепле возле печки они оживали. При этом, по некоторым поверьям, весной из воды вылетают лишь молодые ласточки, появившиеся на свет в прошлом году, а у старых ласточек опадают перья, и они превращаются в лягушек.

В народной традиции ласточка была очень схожа с лаской. Собственно, и сами их названия были родственны по происхождению и связывались с лаской, любовью, нежностью. Связь ласки и ласточки проявлялась и в народных поверьях, касавшихся их функций охранителей дома. Так, например, по цвету домашней ласки традиционно определяли, скот какого цвета следует покупать, чтобы он «пришелся ко двору»; а при виде первой ласточки крестьяне брали из-под ноги землю и искали в ней волос, полагая, что какого цвета он окажется, такой масти и следует покупать лошадь, чтобы она понравилась домовому. Кроме того, ласточку, пролетающую над коровой, как и ласку, пробежавшую под коровой, часто считали причиной появления крови в молоке. Вероятно, это поверье было связано с древнейшим восприятием дождевых туч как дойных коров: с возвратом весны, когда прилетает ласточка, яркие лучи солнца окрашивают дождевые облака (т.е. молоко) кровавым цветом, и «на лице и в жилах богини Весны играет кровь с молоком».

ЛЕДАЩИЙ, лядаший — в поверьях некоторых мест дух соломы. Считалось, что он очень любит поспать и потому вечно бывает «весь запухший ото сна», с соломой в волосах. Впрочем, крестьяне нередко рассказывали, что этого духа никто еще не видел, но многие слышали, как он вздыхает и зевает, курлыкает из соломы.

Зимой ледаший, как и многие другие духи, спит, и никто не может пробудить его от зимней спячки, кроме весны; просыпается он всегда недовольным и, как считали, с нетерпением ждет конца лета, чтобы опять уснуть в куче свежей соломы.

ЛЕЛЯ, Ляля — дочь Лады; олицетворение весны, весенних растительных сил, молодых всходов, а позднее и молодости вообще; богиня любви, нежности и плодородия; одна из двух рожаниц, небесных хозяек мира. Она представлялась славянам красивой молодой девушкой с золотыми, как и у ее матери, волосами.

По сравнению с Ладой, Леля занимала более скромное место в языческой мифологии, однако все-таки весьма почиталась всеми славянами (ср. сербское «льель», хорватское «ljeljo», польское «ileli, ilely», русское «лель», «Ляля», «Лёля» и пр.). Даже в XIX в. ее имя все еще встречалось в обрядовых народных

песнях, хотя и упоминалось по большей части в припевах: «Лель-люли», «Лель-полель» и др. (т.е. ее имя подвергалось «закону припевности», повторяясь так же, как и многие другие слова в подобных случаях: «стар-старичок», «млада-младешенька», «горе-горькое» и пр.). Но при этом существовали и песни, прямо обращенные к Ляле: «Дай нам житцу да пшаницу, Ляля, Ляля, наша Ляля! / В агародзе, сеножаце, / Ляля, Ляля, наша Ляля! / Ровны гряды, ровны зряды, / Ляля, Ляля, наша Ляля!» Подобные песни распевались по большей части весной, т.е. в то время, которое и олицетворяла Леля.

Как воплощение весны и юности, Леля была покровительницей молоденьких девушек; ей посвящались некоторые весенние девичьи праздники. Так, например, у белорусов и украинцев, а кое-где и у русских, вплоть до XX в. существовал девичий праздник под названием «ляльник», проводившийся обычно в канун Юрьева дня (23 апреля ст.ст.). В этот праздник девушки выбирали из своего круга самую красивую на роль Ляли. Украшенная венком «Ляля» усаживалась на специально приготовленную из дерна скамью (повидимому, символизировавшую землю с начавшей прорастать растительностью), а по сторонам от нее на скамью укладывались приношения: по одну сторону — хлеб, а по другую — яйца, сыр, масло, сметана и кувшин с молоком; у ног ее клали сплетенные венки. Девушки водили хоровод вокруг торжественно восседавшей Ляли, прославляя ее как кормилицу и подавательницу урожая. По окончании хоровода Ляля раздавала девушкам венки. Интересно, что этот весенний праздник проводился накануне другого очень важного для славян праздника — первого выгона скота в поле, обставленного множеством заклинательных обрядов.

Если перед древней масленицей, когда в природе устанавливалось весеннее равноденствие и солнце побеждало зиму, люди традиционно «закликали весну», приглашали ее прийти, то в юрьевские дни, когда уже появлялась первая трава и распускались листья на деревьях, следовало уже праздновать приход весны, ее неоспоримое присутствие в мире. Этот-то праздник, очевидно, и посвящался в древности Леле, по своим функциям схожей с польской Живой и античной Персефоной, дочерью Деметры, которой у славян соответствовала Лада.

Вообще, дочерняя сущность Лели-Ляли явствует не только из мифов или письменных упоминаний древних источников, но и из целого ряда близких к этому имени слов: «ляля», «лялька» — ребенок, дитя, кукла; «лелеять» — бережно носить, качать ребенка; «люлька» — детская колыбель; «лелека» — аист, который будто бы приносит детей, и т.д. «Ляля» могло быть почти нарицательным обозначением дочери, подобно тому, как Персефона, дочь Деметры, нередко именовалась просто «Корой», т.е. тоже «дочерью».

С праздником Лели и Лады в юрьевские дни (22 и 23 апреля ст.ст.), а также с масленичными обрядами и

Лембой

пасхальными днями во многих местах было связано разведение ритуальных костров, вокруг которых с песнями водили хороводы. Такие костры нередко были очень большими (до 7 м) и разжигались обычно на возвышенных местах, причем и сам огонь таких костров, и даже пепел от него славяне почитали священным (например, считалось что огонь таких костров отгоняет нечистую силу и болезни; а пеплу от весенних кострищ приписывались целебные свойства; им посыпали семена; священник в церкви мазал им крест на лбу прихожан и т.д.). Иногда вокруг основного костра разводилось 12 меньших, что означало «общегодовую значимость обряда». Большие костры налили обычно из соломы («гомиле сламе»), а в некоторых местах жгли огни на особой решетке, высоко поднятой четырьмя мужчинами на четырех длинных шестах. Подобные костры носили названия: «лила», «олеле», «олала», «олалия»; при этом они явно были связаны с магией плодородия и со скотоводством. Это следовало из поверий, связанных с ними, и из песен, которые распевались вокруг них. Например, во время горения костра сербы разбрасывали горящую бересту («лилу») и пели: «Лила, гори, жито, роди! / ...Весело нам, лиле, горе / да нам краве добре веде!» Возможно, еще в древности название праздника в честь Лели-весны были перенесены на сопровождавший праздник костер, символизировавший разгоравшееся весеннее солнце и начинающиеся оттепели.

Примерно такие же костры славяне разжигали и летом, во время троицких обрядов, и в это время в песнях также упоминались Лада и Леля: так, песни с припевом «О-эв-Леля!», «Лелемье», родственные греческому «Эвон! Эвоз!», наиболее часто исполнялись в русальную неделю, посвященную духам — покровителям растительности, русалкам. Вероятно, русальная неделя в древности также посвящалась Леле, богине молодой зелени и весенних растительных сил.

Помимо этого, Леля как покровительница молодости п богиня любви, наряду с Ладой, являлась частым персонажем свадебных песен. Так, например, в некоторых местах в Фомино воскресенье новобрачных окликали такой песней: «О Лелю молодая, о Лелю, ты выюная, о Лелю, ты по горнице пройди, о Лелю, покажи свое лицо, о Лелю, дав окошечко, о Лелю...».

Помимо Лели, в некоторых источниках упоминалась еще и Полеля, по предположениям некоторых исследователей, — еще одна дочь Лады, возможно, богиня брака (ср.: «...Четвертый идол — Ладо. Сего имяху бога веселия и всякого благополучия. Жертвы ему ириношаху готовящийся ко браку, помощью Лада мнящи себе добро веселие и любезно житие стяжати. Сия же прелесть от древнейших идолослужителей произыде, иже неких богов Леля и Полеля почитаху, их же богомерское имя и донныне по неким странам на сонмищах игралищных пением Лелюм-Полелем возглашают. Такжеде и матерь лелеву и полелеву — Ладо, поюще: Ладо, Ладо! И того идола ветхую прелесть

диаволу на брачных веселиях, руками плещуще и о стол бьюще, воспевают»). Но при этом упоминания о богине Полеле были очень малочисленны, смутны и туманны. Скорее всего, Леля и Полеля являлись одним и тем же божеством; Полеля же получилась из Лели в результате неправильного осмысления припева песни, призывающей Лелю (ср. припевы «Леля-Полеля» и т.п.). В пользу такого предположения говорит то, что Лада и ее дочь Леля, две рожаницы, архаичные богини плодородия, хорошо известны; однако имя Пол ели упоминается крайне редко.

ЛЕМБОЙ. лембей, лембай, лямбой, лемба, леман, лехман — нечистый дух, леший или черт. Лембой, лемба, леман — табуистическое наименование нечистой силы, которое в разных местах относилось к разным нечистым духам; само слово, вероятно, заимствовано из финно-угорских языков (карельск. *lemboi*, *lempo* — «злой дух, черт, нечистый»; финское *lembo* или *Lemmes* — «лесное божество, отец земли, лесной черт»).

Олонецкие поверья характеризовали лембоев как «низших из бесов»: они — «силы, посредствующие между духами воздушными и человеком». Сами они не воздушные духи: «Воздушные пищи не принимают, а эти пьют и едят». Согласно поверьям, лембой — преимущественно злые духи; иногда они делают людям добро, но чаще вредят: похищают детей, «давят людей и насылают на них болезни», хотя могут «достугить к человеку» лишь на две минуты в сутках, в полдень и на закате.

Согласно народным поверьям, лембой — это нечистые духи, произошедшие из проклятых, заклятых детей или даже взрослых людей, похищенных и выпестованных лешими. Считалось, что они служат лешим, которые и посылают их «на доброе или злое дело». В некоторых местах верили также, что лембой могут быть не только лесными, но и водяными, банными и прочими духами.

В некоторых поверьях лембой были аналогичны лешим; однако в других поверьях они соотносились, скорее, с чертями. Возможно, такие поверья объяснялись тем, что лешие нередко именовались лесными чертями. Так, по некоторым олонецким поверьям, «кроме лесовиков, водяников и их собратий, есть особое сословие нечистой силы или чертей (лембоев): им подневольны заклятые, и с ними водят дружбу клохтуны или ерестуны ... Эта нечистая сила везде водится, но ее любимые жилища на Ишь-горах и Мьянь-горах. Там живут целые полчища нечистой силы, у них там целые села с переселками и города с пригород нами. Лембой женятся между собою, распложаются, а все им мало: дня не проходит, чтоб они не похищали людей, в особенности детей, которые закляты родителями». Проклятых, похищенных людей лембой посылают к людям, затем, чтобы они делали то, чего не могут сделать сами лембой (например, похищали неблагословленную еду и т.п.)». При этом некоторые былички

Лесавки

рассказывали даже, как люди, ищущие своих похищенных нечистыми духами родственников, наткнулись на такие поселения лембоев: так, по некоторым рассказам, те живут в своих деревьях почти так же, как люди, только не молятся, не ходят в церковь, не держат в домах икон и т.д.

Вероятно, лембой — это обобщающее наименование нечистой силы, в северных и северо-западных районах России относимое обычно к лесным духам, чертям и проклятым. Само название лембой применяется по большей части вместо слова «черт», «но ясного представления чего-нибудь похожего на черта в этом слове нет». Известно, что во многих местах лесных, водяных, домашних и прочих духов смешивали с чертями: так, например, леших иногда называли лесными чертями, водяных — водяными чертями и т.д.; возможно, что из табуистических или других соображений название «черт» в некоторых местах заменилось названием «лембой».

ЛЕСАВКИ — в народных рассказах и сказках маленькие лесные духи, бабушки и дедушки лесовиков, леших. Считалось, что лесавки — это старики и старушки очень маленького роста; по некоторым поверьям, они серенькие, лохматые, без головы и без хвоста, похожие на ежей. Живут лесавки в прошлогодней листве. Согласно поверьям, бодрствуют они с конца лета до середины осени; все это время они веселятся, водят хороводы, поднимают листву, шелестят, шебуршат, копошатся, скачут по лесу, схватившись за руки, и свистят на весь лес. От своих бурных игр они быстро устают и с началом холодов укладываются в долгую спячку.

Поверья о лесавках, в общем, стояли близко к поверьям о лесных стариках, «лесных отцах» — духах леса, подобных лешим (но существующих помимо них). Так, например, в Олонецком крае полагали, что «кроме леших в лесу есть еще лесные старики или отцы; людям они причиняют неприятности тем, что заманивают в лес детей, неизвестно для чего держат их у себя, неизвестно чем кормят».

ЛЕСНАЯ ДЕВКА девушка, которая какое-то время жила у лешего в лесу и от него научилась колдовству; в некоторых местах также лесная русалка, лешуха.

Согласно народным поверьям (особенно северных, лесных районов России), леший нередко похищает и уносит к себе проклятых или заблудившихся людей, детей, а также понаравившихся ему девушек и женщин. Похищенные им девушки продолжали жить и воспитываться в его лесном доме; иногда они могли становиться женами лешего. Считалось также, что леший порою не только растит девушек, но и устраивает их судьбу: подбирает им жениха из людей, помогает сыграть свадьбу; так, известно много быличек о лешем, который (напр., в благодарность за услугу) отдает парню проклятую девку, на которой парень и женится,

а леший помогает устроить свадьбу, одаривает молодую семью деньгами или находит богатых родственников проклятой девушки, оберегает молодых и т.д.

Во многих местах верили также, что девушка, жившая у лешего, нередко приобретает у него особые знания и умения. Возвратившись к людям, она начинает ворожить и предсказывать будущее, т.е. становится колдуньей, ворожеей, знахаркой и т.п. Так, например, в некоторых местах полагали, что «лесные девки, настрадавшиеся в плену у лесового, научаются ворожить и сказывать всем сушную правду... Отпечаток серьезности лежит на лице их. По выходе замуж они утрачивают свое знание».

Лесными девками иногда называли также женские мифологические существа, обитающие в лесах: лесных русалок, лешух и пр. Так, например, на Пинеге лесными девками называли сходных с русалками женских духов со святящимися телами и зелеными волосами.

Лесник, лесной, лесной дедка, лесной хозяин, лесовик, лесовой — см. Леший.

Лесунка — см. Лешачиха.

ЛЕТАВЕЦ летун, носак, нехороший — демоническое существо, нечистый дух, который летает по воздуху и через печные трубы проникает в дома («Летун летал-летал, да и рассыпался над трубой»). Его описывали как существо, похожее на огненный веник; иногда также верили, что он летает в облике огненного шара, метеорита и т.п.

Согласно поверьям, летун выводится из яйца, которое петух несет раз в три года. Если этого яйца не заметить, то петух сразу же растопчет его; если же это яйцо сохранить, то из него выведется летун, который будет носить своему хозяину деньги и масло, беря их там, где они положены без благословения. Очевидно, в этих поверьях летун — то же, что и украинский хованец.

Существовали также поверья, сближающие летуна с огненным змеем или чертом. Так, например, считалось, что летун по ночам посещает одиноких женщин, проникая в дом и принимая облик умершего или отсутствующего мужа женщины, красивого парня и т.п.

ЛЕТАВИЦА — по некоторым поверьям, дух расвета, родственный таким персонажам, как Заря или огненный змей. Летавица представлялась прекрасной девушкой с золотыми волосами до самой земли; считалось, что ночью она летает по миру, принимая облик падающей звезды, или сидит где-нибудь на ветвях, «приближая день». По некоторым рассказам, летает она с помощью своих красных сапог, в которых и заключена вся ее сила.

Иногда считалось, что летавица способна так очаровать человека, что он забудет обо всем на свете, бросит дом и станет скитаться по свету — «только б ее из сердца прочь». Очарованному ею человеку летавица

Летун

является каждую ночь: ложится у него в ногах или стоит и смотрит всю ночь на человека. Исчезает летавица только с восходом солнца, когда «ветер дует под утро». От чар летаницы можно уберечься, если заставить себя не смотреть на ее сапоги или вовсе снять их с нее; если этот дух до рассвета останется без сапог, то им можно будет управлять по своему желанию.

Кое-где считалось, что летаницы — это духи падающих на землю звезд; на земле они выглядят как очень красивые золотоволосые мужчины и женщины.

Летун — см. Летавец.

Лехман — см. Лембой.

Лешак — см. Леший.

ЛЕШАЧИХА, лесунка, лешуха — женский дух леса, жена лешего («баба лесного»); возможно, разновидность русалки (лесная русалка).

Облик лешахи в народных поверьях бывает различен. Так, например, лешахи могла представляться женщиной, закутанной во все черное; нагой девушкой или женщиной, иногда ростом вровень с лесом; женщиной, одетой в белый или печатный сарафан с «пестрядинными нарукавниками»; молодой обольстительной девушкой; страшной, безобразной растрепанной женщиной с огромными длинными грудями, которые она, бегая по лесу, закидывает за плечи; дряхлой, но высокой старухой, «оборванной жenkой» и т.д. В значительной части поверий (особенно севера и северо-востока России) лешахи чаще всего неприглядна, «необрядна».

В некоторых быличках лешахи вообще лишь ненадолго появляется перед глазами изумленного и напуганного человека и тут же исчезает; так, например, рассказывали про встречу с лешахой, в облике огромной женщины с корзинкой морозики в руке появившейся перед людьми и тут же исчезнувшей.

В поверьях лешахи очень близка к русалкам: в ее облике и поведении обнаруживаются черты лесного и водяного духа, а также черты проклятой, сгинувшей в лесу девушки, покойницы. Сходство лешахи с русалкой, удельницей, вольной старухой (хозяйкой тундры северных поверий) позволяет предположить, что она может быть вполне «самостоятельным» лесным духом в женском облике, порою соотносимым с «женкой лешего».

Занятия лешахи в поверьях довольно неопределенны. В ряде поверий лешахи ведет себя точно так же, как и обычная женщина: она хозяйствует в доме лешего, прядет и готовит еду своему мужу, рождает детей и т.д. По северным и северо-западным поверьям, она помогает пастухам пасти скот, но может и «вести» коров. Во многих местах полагали также, что лешахи могут иногда заманивать в чашу и щекотать до смерти прохожих, обольщать мужчин, красть детей, воровать оставленные женщинами без благословения полотно, белье, нитки и т.п.

На Пинеге верили, что лешахи очень опасны для живущих в лесных избушках: под видом жен они посещают дровосеков, и тогда «в них начинает сменяться кровь», они чахнут, тоскуют и скоро умирают. Избавиться от лешахи можно было, надев на нее крест и отстегав рябиновой вицей; так, в одной быличке молодой охотник, догадавшись, что к нему приходит не жена, а лешахи, побил ее вицей, после чего лешахи исчезла, а в руках у парня оказалась его собака.

ЛЕШИЙ, лесовик, лешак, лисун, лесной, лесной хозяин, лесной дедка, лесовой, лесник — воплощение леса (зачастую — как враждебной человеку части пространства), хозяин дремучих чащоб и диких зверей, существо весьма могущественное и практически вездесущее, обладающее властью не только над лесом, но и над многими важнейшими сторонами человеческого бытия. Само название «леший» упоминается в историко-литературных памятниках лишь начиная с XVIIв.; однако образ лесного духа, лесного хозяина гораздо древнее этого названия и возник, очевидно, в куда более ранние времена.

Происхождение леших в народных поверьях связывалось обычно с проклятыми или заклятыми людьми, а также с заложными покойниками; так, например, в одной из быличек леший говорит о себе: «Я такой же человек, как и все люди, на мне только креста нет, меня мать прокляла». В некоторых местах верили, что лешие могут происходить и от связи обычных женщин с нечистой силой (других леших или чертей и т.д.). Некоторые же поверья, возникшие, очевидно, достаточно поздно под влиянием христианства, гласили, что лешие (как и домовые, водяные и пр.) — это низвергнутые Богом с небес ангелы, которые упали в леса и превратились в лесных духов.

Облик лешего в быличках и бывальщинах обычно сближался с человеческим. Так, в рассказах различных губерний дедушка лесовой — это «огромный старик с длинною седою бородою, в белом с широкими рукавами балахоне, большого роста, но может показаться очень маленьким»; «в белой рубашке, в лаптях, во лосье на голове дол гое-дол гое, а все эдак растрепалось, как холмина, а сам большой-пребольшой»; «высокий, с белой бородой, в высоком колпаке, с кнутом»; «старый, старый, как человек, борода длинная, голый, вот как есть человек, а руки-то волосатые, мохнатые»; «всегда ходит в желтом зипуне, опоясан, в красной шапке, молодой, без бороды»; «мужик высокий, в бараньем полушубке» и т.п. В одной из быличек мужики видят лешего в облике седого старика, сидящего на пне и ковыряющего лапоть: «сидит старик седой на пеньке, лапти поковыривает, да на месяц поглядывает; как месяц за тучку забежит, темно ему, видно, — он поднимет голову-то, да глухо так: «Свети, светило», говорит».

Вообще, согласно народным поверьям, антропоморфный облик лесного духа может быть самым

Леший

разным; но при этом лешего почти всегда можно опознать по некоторым приметам, выдающим в нем нечистую силу. Так, в бы личках лешего, обернувшегося человеком, нередко выдает высокий или низкий рост, хромота и т.п. Характерным отличием считалась «неправильность» в одежде: по поверьям, левая пола одежды у лешего всегда запахивается на правую (а не наоборот, как у обычных людей), левый лапоть надет на правую ногу, волосы на голове зачесаны налево и т.д. Леший в рассказах обычно не носит пояса и нательного креста, не поминает Божьего имени, не касается освященных предметов и т.д.; любит «эхом» повторять последние слова собеседника, а когда садится, то левую ногу закидывает на правую. Он может быть рыжим и носить остроконечную шапку или красный кушак, одеваться в белые одежды или ходить в одной только звериной шкуре, вообще не носить одежды и т.д.

В некоторых быличках облик лешего даже более близок к демоническому, чем к человеческому облику. Так, например, по некоторым поверьям, у лешего нет бровей, ресниц и правого уха; брови у него кустистые, а волосы и борода зеленые, похожие на мох, листву и т.п. Во многих местах верили, что леший пучеглаз или крив (одноглаз); глаза у него искрящиеся, как звезды, или зеленые и горящие, как у дикого зверя. Иногда считалось так лее, что лесной дух остроголов, мохнат (целиком или частично оброс длинной шерстью), не отбрасывает тени, а кровь у него синяя. В некоторых рассказах леший вообще сильно напоминает черта: он показывается без одежды; у него козлиные ноги и рога, борода клином, на руках огромные когти, вся нижняя половина тела мохнатая, а глаза горящие, как угли.

Иногда облик лешего сближался с самим лесом: так, в некоторых местах верили, что лесовой «весь оброс мхом» или «весь в пятнах», «видом словно коряга», «сопит — как лес шумит», и вообще сливается с лесом, растительностью, лесными животными и пр., нередко при этом то и дело меняя свой облик (так, например, когда он идет по лесу, то бывает выше самого высокого дерева, а когда идет по лугу — бывает вровень с травой). Способность к оборотничеству приписывалась лешему повсеместно: считалось, что он может показаться любым животным (чаще всего медведем, волком, жеребцом, зайцем, оленем, вообще любым диким зверем; реже — собакой, теленком, поросенком, котом и т.п.) или птицей (как правило, филином, тетеревом, вороном; иногда петухом и пр.), деревом или вообще растением (старой обомшелой елью, сосной, кривой березой, корягой, пнем, травой, кустом и т.д.), а также грибом, моховой кочкой, вихрем, ветром, какой-либо вещью, лежащей на дороге, и т.д. Может он показаться и попом, инородцем, прохожим, солдатом, всадником; зачастую — знакомым или родственником (так, в быличках леший нередко является мужику в облике его тестя, свата, соседа, кума,

брата и т.д.). Иногда он вообще остается невидимым и выдает себя лишь голосом, шумом.

Леший, по народным поверьям, может быть нем, но всегда голосист: он громко хохочет, аукается, свищет, визжит, щелкает, дразнится, хлопает в ладоши; кричит на разные голоса, подражая звериному, птичьему, человеческому крику, а также шумящему под ветром лесу, бурлящей в реке воде и т.д. В некоторых местах полагали, что леший нередко подражает эху, но у крика самого лешего эха не бывает, и по этой примете его можно опознать. Иногда верили также, что леший любит петь, и при этом поет без слов, но «во все горло, с такой же силой, как шумит лес в бурю»; петь он, по народному убеждению, любит с вечера до полуночи, «но, не любя пения петуха, с первым выкриком его, как и ветер на зорях, немедленно замолкает».

Согласно народным поверьям, леший редко показывается людям в своем настоящем облике, при встрече обычно оборачиваясь зверем, птицей, человеком, вихрем и т.п.; но при этом его можно увидеть и опознать с помощью особых приемов. Так, например, считалось, что увидеть лешего, невидимкой пугающего в дороге лошадей, можно, посмотрев вперед сквозь дугу, меж ушей лошади: в этом случае леший покажется в своем настоящем облике (в виде страшного, огромного, выше леса, человека в белом одеянии). Считалось также, что лешего можно увидеть сквозь ноги (наклонившись и посмотрев между ног), через хомут, через борону и т.д.; если же посмотреть на него через правое ухо лошади, то он будет отливать синеватым цветом (так как кровь у него синяя).

Леших, по народному убеждению, могут видеть некоторые животные и птицы, и по их реакции можно иногда определить, близко ли находится леший. Так, например, считалось, что всякую нечистую силу, в том числе и леших, могут видеть кошки (особенно трехцветные, «трехшерстные») или филин, а также (по северорусским поверьям) собаки-двоглазки — черные собаки, у которых над каждым глазом есть по белому пятну, «другому глазу» (этими-то «другими» глазами они, по мнению охотников, и видят «неприятную силу»). Таких собак в некоторых местах даже не брали с собой на охоту; если же охотники ночевали в лесу с собакой-двоглазкой и ночью она без видимой причины начинала ворчать, то ее спешили унять, боясь, что ее ворчание вызовет недовольство незримо присутствующего лешего, по народному убеждению, не терпящего собачьего лая вообще, а лая собак-двоглазков в особенности.

Местообитанием лешего, как правило, считали дремучие чащобы, темные еловые боры, болота, «провалы земные» и т.п. Так, согласно поверьям Вологодской, Новгородской и др. губерний, лешие живут по «раменьям» (т.е. в глухих и непроходимых еловых и сосновых борах), в просторных избах, укрытых кожами. В Сибири верили, что дом лешего — это старые ели, покрытые до самой вершины мхом и лишайниками, свисающими с веток наподобие бород. В

Леший

Вятской губернии полагали, что у леших есть дома (большие избы или маленькие избышки), расположенные где-то в лесах, но при этом лешие «своего дома не держатся, разгуливают где им вздумается». В некоторых губерниях верили также, что лешие могут селиться и просто в болоте, возле угольных ям, в ущельях, в лесных дубравах (куда никто, кроме них, не в состоянии проникнуть) и даже под землей (например, в подземных ямах); собственного дома они зачастую не имеют, а жилье их — весь лес.

Во многих районах северной России лешего считали исконным хозяином и обитателем охотничьих избышек. Днем он, по народному убеждению, бродит по лесам «с дозором», обходит свои владения, но ночевать любит в лесных избышках, в которых ночуют и люди, находящиеся в лесу (охотники, лесорубы и пр.). Охотники полагали, что леший заранее назначает себе какую-нибудь лесную избышку местом своего будущего ночлега; если же охотник займет ее прежде него, то леший непременно начнет над ним «мутить», пугать, выгонять его из избы. При этом выходить из избышки ни в коем случае нельзя: если охотник не выйдет из избы, то леший, побужив, оставит его в покое и отправится ночевать в другое место; но если охотник выйдет, то непременно заблудится, свалится в воду и т.д. В некоторых местах верили даже, что у лешего есть свои любимые лесные избышки, в которых он и живет; в таких избышках избегали ночевать и даже надолго оставаясь, называя их «изба под кружалом» и полагая, что в них «из веков был кабак, да не наш, а кабак для леших; здесь они пировали свои поганые свадьбы, здесь кумились и братались».

По поверьям Тульской, Архангельской, Вологодской, Новгородской и др. губерний, в лесу леший живет почти так же, как и обычный мужик: в своем лесу он хозяйничает, как человек у себя в доме. Охотники Тульской губ. рассказывали, что в лесах нередко на расстоянии 25, 30 квадратных верст господствуют два, три леших, каждый из которых живет в своей избышке, «не зазнаваясь пред товарищами». У каждого лешего, по народному убеждению, есть свой особый дом и свой скот, свои собаки и т.д. При этом иногда считалось, что у лешего живут те коровы, собаки и т.д. которые заблудились в лесу, а также те, которых «отсулили» лешему или прокляли (послали «к лешему») хозяева. В некоторых местах, однако, верили, что у лешего есть и свои, особые, собаки (маленькие, пестрые, увидеть их очень трудно); собаками лешего нередко считали и волков, а «скотом» — зайцев, лис и прочих диких зверей.

По народному убеждению, у лешего, как и у людей, есть своя семья: жена и дети, отец и мать, родственники и т.д. (так, в некоторых местах полагали, что «леший не суетлив, не вертопрашен; любит семейную жизнь, а потому его часто видят в кругу своей, то есть дешевой, семьи»). В северных быличках леший нередко сидит на пне «со своею старухой» и ест кашу; гуляет по лесу со всей семьей, состоящей из стариков, взрослых

и ребятишек; охотится вместе с женой и т.д. В рассказах различных губерний мужик, попадая к лешему в дом, видит его жену и детей, старуху мать и пр.; встречается с братом лешего и т.д.

Женами леших обычно считали потерявшихся в лесу или проклятых и унесенных лешим девушек и (реже) женщин, а также женских лесных духов (лешух, лешачих, русалок). Так, например, во многих местах полагали, что лешие «очень падки до женщин» и часто похищают их; на похищенных девушках они потом женятся (реже — делают их своими прислужницами). Сюжет о том, как люди, попадающие к лешему, встречают там их жен, оказывающихся похищенными девушками, был известен во многих губерниях. Похищают лешие, как правило, проклятых или «отсуленных» им девушек; считалось также, что леший может забрать себе девушку, если та не соблюдала определенных правил поведения в лесу (т.е. вошла в лес не благословясь, шумела и т.д.). По поверьям, леший может жениться и на обычной девице, которая ему понравилась. Так, например, в быличке из Олонецкой губернии леший приехал свататься к понравившейся ему девушке: «Так славно одет был: козловые сапоги, красная рубаха, тулуп и все, как есть — настоящий купец или приказчик какой... Развернул бумажник — денег гибель, деревню покрыть можно. При нем также брат, мать и вся, значит, церемония свадебная. Ударили по рукам. Ничего, говорит, мне вашего не надо, девку одну надо...» (после этого просватанная девушка исчезает, и лишь через шесть недель, ночью, приходит на минутку домой, чтобы отдать отцу свой крест; она рассказывает, что жить ей хорошо, семья нового жениха любит ее, дом у нее хороший и житье богатое, «только молиться нельзя»). В Тульской губернии рассказывали также, что «в старину, когда около села были большие леса, девушки сами убегали к лешему, жили с ними года два-три, и затем возвращались домой с кучей денег».

Свадьбы свои лешие, по поверьям, празднуют очень шумно: они всегда сопровождаются сильным ветром, вихрем, и если свадебный поезд идет через деревню, то непременно со многих дворов снесет крыши, разметет овины и клады, а если лесом, то свалит на пути много деревьев. Особенно же часто свадьбы леших ездят по лесным дорогам, поэтому крестьяне верили, что отдыхать, а тем более спать на лесной дороге опасно, так как может растоптать или «уходить» свадьба леших.

Дети лешего (лешени, лешата) в народных поверьях — это, преимущественно, унесенные лешим человеческие дети. По народному убеждению, проклятых родителями или попавших на его след детей леший берет себе, и они живут у него в лесу как его слуги или же как члены его семьи, как его дети. Иногда считалось, что дети, похищенные лешим, живут в лесу так же, как и обычные люди: они вырастают, вступают в брак (с другими лешими или прочими нечистыми духами, а порой и с обычными людьми: так, в быличке

парень, оказавший услугу лешему, получает от него в благодарность девушку, которая рассказывает ему, что леший украл ее из дома еще ребенком и она выросла в лесу как его дочь), и их жизнь отличается от жизни крестьян только тем, что они не молятся, не ходят в церковь, не носят крестов и т.д. Иногда они могут возвращаться назад, к людям; однако ребенок, побывавший у лешего, может, вернувшись домой, потерять память, сойти с ума или стать колдуном.

Леший, по народному убеждению, может иметь и своих собственных детей. Так, например, широко был распространен сюжет о деревенской бабе-повитухе, принимавшей по настоянию лешего роды у его жены — проклятой и похищенной лешим женщины. В некоторых местах полагали, что дети у лешего такие же, как и у обыкновенных людей, «только почернее наших будут»; однако чаще верили, что дети лешего — это существа, совершенно отличные от людей. Так, например, нередко считалось, что ребенок лешего очень уродлив, криклив, капризен, почти не развивается, очень поздно начинает разговаривать, мало двигается и т.д.; в других местах полагали, что дети лешего ничем не отличаются от прочих лесных духов. Иногда верили также, что ребенок лешего, рожденный лешачихой, бывает страшным, уродливым и злобным, тогда как ребенок, рожденный проклятой девкой, бывает более похож на человека: так, например, в Вятской губернии говорили, что «плодом от сожития лешего с унесенной им девушкой бывает тоже леший, но не столько злой, как тот, который происходит от лешачихи. Людская кровь-де в том стоит за себя. Леший, родившийся от девушки, пожалуй, рад бы делать и добро людям, но другие лешие при разделе лесов всегда стараются отмежевать ему такой участок, от которого верст на тысячу во все стороны нет никакого жилья».

По народному убеждению, леший нередко подменяет человеческих детей, оставляя взамен похищенного ребенка либо свое уродливое детище (которое впоследствии обычно убегает в лес или делается колдуном), либо пук соломы, полено и т.п. Он может похитить ребенка прямо из избы или из бани, со двора и т.д., если родители ребенка не соблюдали определенных мер безопасности. Похищенного ребенка, по поверьям, можно вернуть себе только с помощью особых магических действий; с этой целью обычно звали колдунов, знахарей или священников, хотя иногда пытались вернуть ребенка самостоятельно (например, били подмышку на пороге освященной вербой, полагая, что от этого мать-лешачиха заберет своего ребенка обратно, а людям вернет их дитя).

Согласно народным поверьям, леших в лесах может быть великое множество — от самых маленьких лешачат до старших лесовиков. Среди этих леших может быть свой главный («лесной атаман», «лесной царь», «лес праведный» и т.п.); это старший или сильнейший из леших. Так, например, рассказывали, что лешие любят забавляться, подвешиваясь на деревьях; делают они это под предводительством своего атамана,

который командует ими. В некоторых местах полагали даже, что собственно леший — это лесной хозяин, которому подчиняются все остальные лесные духи; так, например, по поверьям Олонецкой губернии, «лесной царь со своей женой — лесной царицей — правит в своем царстве, и ему повинуются все остальные лесные духи — лесовики, боровики и моховики». При этом «старший леший» в большинстве поверий предстает величественным стариком-патриархом или высоким человеком в белых одеждах; у него длинная белая борода, высокий колпак, кнут, пощелкивая которым, он перегоняет стада волков, зайцев и пр. Он «справедлив и праведен», без причины человека не трогает; подчиненные же ему лесные духи обычно не столь благообразны, и их отношение к человеку двойственно, они скорее враждебные духи, зло подшучивающие над людьми, нежели благосклонные к человеку лесные хозяева.

Образ лешего, лесного хозяина, в народных поверьях неоднозначен. С одной стороны, это лесное божество, повелитель зверей, птиц, растений, хозяин определенной территории и обитающих на ней зверей. С другой стороны, образ лешего содержит и черты стихийного духа, духа ветра, вихря и т.п. Кроме того, леший в поверьях некоторых мест — это персонаж, весьма схожий с чертом; он не столько стихийный или лесной дух, сколько враждебное человеку существо, которое мешает путнику в дороге, заводит и уводит людей и скот, уносит проклятых и т.д. В некоторых быличках, повествующих о проказах лешего, леший легко заменяется чертом. Однако такие поверья, очевидно, достаточно позднего происхождения: они появились под влиянием христианства только к XIX–XX вв. Вообще же леший — совершенно отличный от черта персонаж, соотносимый с древним славянским Велесом, звериным богом (и, вероятно, продолжающий его образ).

В большинстве народных поверий леший — это, в первую очередь, лесной дух, хозяин и покровитель зверей и птиц. Он нередко появляется в сопровождении животных: перегоняет с места на место зверье и птиц, идет по лесу вместе со стадом волков и т.д. Перед лесным пожаром он, трубя в рог, перегоняет зверей: «валят из леса медведи, да с ними волки, лисицы, зайцы, белки, лоси, козы — одним словом, всякая лесная живность, и каждая своей партией, с другими не мешается, и не смотрят даже на нас, а за зверьем и «сам» с кнутом за плечом и рожком в руках, а величиною с большую колокольню будет». Зверьями и птицами леший, по народному убеждению, распоряжается по своему усмотрению: он не только «пасет» их, указывает им, куда идти, чем питаться и т.д., но и загоняет их, сгоняет в одно место для охотника (если охотник в дружбе с ним), а также проигрывает их (так, например, считалось, что леший любит играть с другими лешими в карты и может проиграть им зверей (в первую очередь — зайцев и белок), которых потом перегоняет во владения выигравшего лешего). По народным

Леший

поверьям, в ночь под Воздвижение лешие сгоняют в одно место все подвластное им зверье и устраивают ему смотр перед наступающей зимой, а также играют между собой в карты и проигрывают друг другу зверей п домашний скот; на месте таких сборищ леших луг бывает весь выбит и исцарапан когтями зверей.

Обитающие в лесу животные и птицы, по народным поверьям, находятся в подчинении у лешего; но при этом некоторые из них являются его слугами, некоторые — его «скотом», а некоторые — его приятелями, постоянными спутниками. Так, например, считалось, что волки — преданные слуги лешего и служат ему вместо собак; именно леший указывает им, какую скотину в каком стаде они могут задрать. Филин, по поверьям, — постоянный спутник лешего; сычи же в некоторых местах считались его гонцами. С медведями леший, по народному убеждению, в большой дружбе и часто угощает их медовухой, за что медведи его очень любят, угощают его медом и оберегают его жилище от «водяного дедушки»: «Медведь у лешего любимый зверь. Леший, всегдашний охотник до вина, никогда почти не выпьет ни одного ведра, не попотчевав зауряд и медведя. Подкутивший леший любит соснуть часок-другой, и медведь в это время ходит около пего дозором Леший угощает медведя вином, а медведь лешего — медом».

Хотя леший — преимущественно лесной дух, во многих поверьях он выступает и как дух стихийный. Так, по народному убеждению, леший, идущий по лесу, подобен буре или сильному ветру: он бегаёт по лесу с чрезвычайной быстротой («носится по лесам как угорелый, едва соследимо»), за один шаг он может миновать несколько верст (ср. распространенный на севере России сюжет о том, как леший подхватывает человека и за несколько минут уносит его за много тысяч миль от дома); когда же он идет дозором по своим владениям, лес шумит и деревья вокруг валяются (однако, когда леший проходит, лес снова «стоит как стоял»). Одно из распространенных обликов лешего — стремительно бегущий, летящий по ветру конь или всадник; кучер, погоняющий резвых лошадей; в том же самом облике летящих коней или всадников традиционно представляли и стихийные явления — вихри, бури и т.п. Очевидно, такой облик лешего не случаен: леший, по народному убеждению, может не только насылать ветер, вихри и т.д., но и представляться бурей, вихрем, сильным ветром и т.п. Так, в быличках и рассказах леший «приходит бурей и облаком», «обходит вихрем» прохожего на дороге, «подхватывает вихрем» и. уносит с собой проклятых и т.д. Про сильный ветер в некоторых местах говорили, что это «леший с крыльями». По народным поверьям, от пляски леших подымается вихрь; свадьбы леших ездят с вихрями и бурей; смерть лешего также сопровождается вихрь, сильный ветер и т.д. Леший в некоторых поверьях «ходит с ветром» и свищет, как ветер (или подражает шуму леса под ветром); считалось, что по направлению ветра можно узнать, куда идет леший.

Излюбленным временем леших считались, прежде всего, сумерки и ночь. При этом, однако, считалось, что в полумраке лесной чащобы, на лесных дорогах и тропинках леший может появиться и утром, и днем, и особенно в полдень; по своим, только ему ведомым дорогам он ходит в любое время дня и ночи. Эти невидимые «дороги лешего» в поверьях пролегают по лесам и болотам; они могут оказаться в любом месте, и попасть на них можно в любое время. Такой «след лешего» в народе считался очень опасным: считалось, что попавший на него человек может заболеть или заблудиться, а если идущий своей дорогой леший обнаружит на своем пути человека, то может не только «отбросить» его, но и покалечить, убить или увести за собой.

У леших, как и у другой нечистой силы, существовали особые дни активности, связанные обычно со сменой времен года и с крестьянским календарем. Так, например, считалось, что один раз в году (4 октября) лешие бесятся, и тогда от них нет никакой защиты. При первых морозах, на Воздвижение (27 сентября) или же на Ерофея-мученика (17 октября) все лешие, по поверьям, проваливаются сквозь землю до весны; при этом они «дурят и бесятся»: с треском ломают деревья, бродят по лесу, кричат, хохочут, хлопают в ладоши, поднимают сильный ветер, «в полянах вырывают землю на семь пядей», разгоняют зверей по норам, а потом проваливаются сквозь землю. Весной же лешие «выскакивают из земли», и в это время их нужно задобрить, иначе они начнут «беситься» и вредить.

Как и многие другие духи, лешие, по народному убеждению, празднуют Пасху; в этот день им можно поднести «христовские яички» (которые они очень любят) и даже похристоваться с ними. Кроме того, лешие, как и все другие духи, празднуют летнее солнцестояние, канун Иванова дня. Праздником леших считался и Ильин день, когда «открываются» волчьи норы, а звери и гады «бродят на свободе». По некоторым поверьям, лешие празднуют также и день Агафона

-огуменника; в этот день они выходят из леса и бегают по селам и деревням, стремясь проникнуть на гумна, раскидать снопы, «потешиться над соломой»; в этот день хозяева охраняли от них гумна в тулупах на выворот, с обмотанными полотенцами вокруг голов и кочергами в руках.

Согласно многим поверьям, леший — преимущественно враждебный человеку дух. Так, считалось, что леший нередко уносит к себе ступивших на его след, понравившихся или «отсуленных» ему людей, в первую очередь детей и девушек. Особенно же часто, по народному убеждению, леший похищает проклятых, так как если человека прокляли (особенно если сказали ему: «Уведи тебя леший!» и т.п.), то леший получает власть над ним и может навсегда забрать его к себе. Так, по общераспространенным поверьям, если роженица, потерявши в муках родов всякое терпение, проклянет и себя, и ребенка, то леший посчитает дитя своей собственностью и заберет его к себе сразу же по

Леший

рождении, подложив вместо него «лесное детище» — свое дитя, большое и беспокойное; «в случае же, если каким-нибудь чудом зачатого ребенка успеют окрестить ранее, так что взять его сразу нельзя, то леший ждет до 7 лет отрочества и тогда сманивает его в лес (лешему дана одна минута в сутки, когда он может сманить человека)». В лесу похищенные лешим проклятые живут, по некоторым поверьям, недолго и вскоре умирают; «а если и случится, что кто-нибудь, по усиленным молитвам матери, выживет, то находят его в самом жалком виде: ходит он одичалым, не помнит, что с ним было, и сохраняет полнейшее равнодушие ко всему, что его может ожидать при совместной жизни с людьми».

Считалось также, что кроме проклятых людей, лешему подвластны заложные покойники, в первую очередь самоубийцы и люди, погибшие в лесу. Уведенные лешим люди и души заложных покойников поступают в полное распоряжение лешего: пока их участь не решена, они кружат с лешим-вихрем, а затем могут поселиться в избе лешего, понасть к лешему в услужение или даже сделаться со временем «младшими», подчиненными главному лесовику лешими. Людей, попавших к нему в услужение, леший посылает в деревни добывать неблагословенную еду, а также заставляя их раздувать пожары и т.д.

Леший не только похищает людей, но и «шутит» над ними. Так, по поверьям, он любит пугать людей, идущих по лесу, громким хохотом, свистом или шумом; с той же целью он прикидывается покойником и валяется трупом на проезжих и дровяных дорогах. Кроме того, он невидимо присаживается на телегу, после чего лошади останавливаются и их нельзя сдвинуть с места; заставляя человека ходить вокруг одного и того же места и т.п. По народному убеждению, особенно леший любит сбивать человека с пути и заставлять его блуждать по лесу: говорили, что

«заплутавшего человека зверь не тронет, потому что его охраняет леший, которому захотелось пошутить». При этом наиболее часто леший «заводит» пьяных или одиноких, припозднившихся путников, а также людей, не соблюдающих определенных правил поведения (например, шумевших, свистевших в лесу, работавших в лесу ночью и т.д.).

Существует множество бы личек о том, как леший, приняв облик знакомого, заводит путника далеко от родных мест, в глухомань или в омут, на обрыв и т.п. Былички, повествующие об этом, довольно однотипны: человек шел через лес домой и по дороге встретил знакомого (соседа, брата, кума и т.д.), они пошли вместе, но никак не могут дойти до дома, хотя до него было совсем недалеко; спустя какое-то время человек крестится или уподинает Бога, творит молитву и т.д., после чего «сосед» с громким хохотом и криком: «А, догадался!», исчезает, а прохожий оказывается в каком-то незнакомом месте или просто далеко от своего села (например, у соседней деревни и т.д.).

Многочисленны также былички о лешем-всаднике. Так, повсюду считалось, что леший нередко принимает облик ямщика, всадника, знакомого человека на телеге и т.п.; он предлагает путнику подвезти его, но если путник соглашается, то, в конце концов, обыкновенно оказывается или сидящим на крыше мельницы, на плотине над самой водой, на вершине высокого дерева, а то и в каком-либо отдаленном городе. Так, например, один мужик рассказывал о своей встрече с лешим: «Шел я из города. По дороге нагнал меня кум на телеге... Садись, говорит, подвезу. Вот едем. Долго что-то едем, деревня-то наша давно должна была показаться, а все ее не видно... Я и скажи: «Что такое, Господи, не доедем никак?» А кум-то как захохотал, захохотал, и смотрю — ничего не стало, ни кума, ни телеги, а сижу я на самой верхушке ели».

Согласно некоторым поверьям, леший вездесущ и может появляться и проказить не только в лесу, но даже и в деревне. Так, в одной из бы личек он появляется в доме у женщины, неосторожно пожелавшей видеть на месте пьяного мужа лешего; после этого пожелания леший каждый вечер приходит к ней через трубу, пока она не избавляется от него с помощью святого угодника. В других бы личках леший подменяет крестьянских детей прямо в домах, а также дразнит и пугает женщин, появляясь на деревенской ограде; приходит в дом к музыканту, прося обучить его игре на гармонии (иногда считалось, что леший очень любит музыку); буянит в банях и т.д. Он нередко крадет в деревне посуду, еду, инструменты и вообще все, что положено без благословения, а наиболее часто похищает утварь и пищу в тех домах, где хозяева все делают не благословясь и с руганью: так, в новгородской быличке девка, побывавшая у лешего, рассказывает, что она вместе с лешим и другими похищенными девушками ела в тех домах, где матери кричали детям: «Леший, черт, ешь!»; в другой быличке леший говорит мужику, что он берет молоко у хозяек, оставляющих ведра без благословения («А где хозяйки молоко без благословения оставляют, там и беру... Я им в ведро-то пустое плону, а им кажется, что там молоко»); в известном рассказе «В повитухах у лешего» женщина, принимавшая роды у лешачихи, помечает стоявшую в доме у лешего посуду, и по этой метке, вернувшись домой, узнает свою собственную посуду, которую ее невестка оставила без благословения.

Обычно считалось, что леший редко причиняет настоящее зло: он может «пугнуть» прохожего, завести его в овраг или увести куда-то в сторону от дороги, но большого зла обычно не делает, а только «шутит» по-своему. Однако иногда он может нанести серьезный вред человеку и даже довести его до смерти. Считалось, что если леший только «шутит», то, в конце концов, оставит замороченного человека в покое; если же он «водит со злым умыслом», то может совсем извести человека: завести его в трясину или спихнуть с обрыва, завести куда-то «за тридевять земель» и т.д.

Леший

В некоторых местах верили даже, что леший обычно не столько «шутит», сколько причиняет большое зло без всякой причины: отводит глаза, делая так, чтобы путник упал с обрыва или потонул в болоте или в омуте; заводит человека в чашу и там щекочет до смерти или заедает; похищает человека и держит его у себя; превращает его в лошадь и т.п. Считалось, что если человек наступит на след лешего, то обязательно заболит или заблудится; если же леший обойдет человека вихрем на дороге, то человек сойдет с ума, начнет кликушествовать и т.п.

Однако при этом в других местах полагали, что «леший праведный и без причины не подшутит»; верили даже, что леший нередко помогает человеку (например, выводит заблудившегося путника на дорогу, избавляет парня от рекрутчины и т.д.). Человека, «согрешившего» по отношению к нему, лесовик может покарать, наслав на него болезнь; но если человек покается и попросит у него прощения, то леший непременно смилуется и человек вскоре выздоровеет.

Согласно же большинству поверий, отношение лешего к человеку двойственно: он может как помогать людям, так и «шутить» над ними или даже вредить им. Однако в целом он не столько грозен, сколько «причудлив» и даже «любит тех, кто пожелает ему добра». Вообще повсеместно считалось, что леший очень ценит доброе отношение; если человек помогает ему, то леший всегда щедро награждает его. Так, когда в быличке мужик снимает с дерева подвешенного на нем лешего, лесной хозяин в благодарности помогает мужику разбогатеть. В другой быличке мужик, идя по лесу, видит лешего, дерущегося с водяными; он помогает лешему победить, сказав водяным: «Бог помочь», а леший за это избавляет мужика от рекрутчины, и т.д. В некоторых местах, однако, полагали, что, хоть леший и награждает за услугу деньгами, брать их нельзя: «как за это дело у него деньги возьмешь — назад не воротиться: обратят в вечного и подневольного слугу». Если же человек откажется от денег, то леший может наградить его по-иному: так, в быличке парень, по совету живущей у лешего проклятой девушки, отказался от денег, и леший отдал ему в жены девушку, похищенную у богатых родителей.

Леший иногда может пригласить человека к себе в гости, однако верили, что он нередко «шутит» со своими гостями (например, угощает их пирогами, которые оказываются сухими листьями, и т.п.), хотя может обойтись с ними и «честь по чести». Так, например, рассказывали, как в один из праздников мужик, пожелавший «погостить у лешова», встретил на дороге старичка, который привел его в свой дом-особняк: «Пришли, смотрит мужик — на столе всего-то поставлено: и пива, и вина, и пирогов всяких. Посадили мужика за стол, угощают. Мужик выпил рюмку, а сам думает: «К лешему, к лешему я попал, наверное, — надо выбираться». И говорит хозяину: «Спасибо, дедушко, на угощении, всем доволен, только ты уж, пожалуйста, проводи меня на дорогу: надо домой

идти, боюсь, не заблудиться бы». — «Ладно, пойдем». Идут они тихонечко, и мужик все думает: «Эх! Заведет меня леший куда-нибудь, а делать нечего, пошел, дак иди». Вдруг старик и говорит: «Теперь, дядя, не заблудишься», и не стало старика. Мужик смотрит, а он у самого своего дома стоит на крыльце».

Во многих местах лешего считали «вещим» и верили, что он «ведает будущее» и наделен даром пророчества. Так, в Архангельской губернии рассказывали про мужика, который каждый год на святки ходил в лес узнавать у лешего, каков будет будущий, наступающий год: «Он (леший) выйдет и спрашивает: «Что тебе надо?» А Кузьмин начинает расспрашивать: «Каков год? Каков хлеб? Будет ли солдатчина? Будет ли в море рыба?» Леший говорит — будет или нет; так до трех раз. За третьим разом леший захохочет и, сказавши: «Ах, дурак, все одно слово помнит!» (т.е. все спрашивает об одном) — уйдет в лес». С целью узнать будущее к лешему обращались и во время святочных гаданий, и во время некоторых больших праздников; так, например, считалось, что если в четверг Пасхальной недели (Великий четверг) сесть в лесу на старую березу и громко три раза крикнуть: «Царь лесовой, всем зверям батько, явись сюда!» — то леший явится и предскажет будущее.

С лешим, по народному убеждению, можно иногда заключать договор; чаще всего это делали пастухи. Обычно, когда стадо в первый раз по весне выходило в поле, пастух заключал (или «подновлял») договор с лешим; считалось, что любой хороший пастух должен был знать условия заключения и соблюдения такого соглашения (включавшего отнюдь не жертву лесному духу). По этому договору леший должен был охранять стадо в течение лета; за это пастух «отсуливал» ему одну или нескольких коров из стада (при этом считалось, что за время выпаса эти коровы непременно потеряются в лесу или их загрызут волки). Для того, чтобы заключить договор, пастухи обходили стадо с разговором, написанном на бумаге, и с различными предметами — замком, свечой и т.д.; потом они закапывали заговор, бросали замок в лес и т.д. Считалось, что после этого леший станет помогать пастуху насти скот и даже может наделить пастуха волшебными предметами или помощниками, которые будут незримо насти за пастуха скот. Так, в некоторых быличках за пастуха скот пасет его батожок, пояс (который распускают или связывают, в зависимости от того, когда нужно выпустить или собрать коров), «кривой вражонок», бесенок в облике зайца и т.д. Пока пастух не нарушает условий договора, леший пасет его скот; но если пастух нарушит хотя бы одно из условий (например, попытается увидеть пастуха-лешего), то невидимый помощник-леший тут же исчезнет и перестанет насти стадо или даже разгневется и напустит на стадо зверей, уведет коров и т.д.

«Свести знакомство» с лешим нередко пытались не только пастухи, но и охотники, колдуны, люди, желающие обучиться знахарству, и т.д. Для того, чтобы

Леший

увидеть лешего и заключить с ним договор, они обычно прибегали к более сложным способам, чем пастухи. Так, для того, чтобы вызвать лешего и заключить с ним договор, человек должен был в ночь перед Ивановым днем отправиться в лес и, найдя осину, срубить ее так, чтобы она вершиной упала на восточную сторону; на пне срубленной осины, став лицом на восток, он должен был нагнуться и, глядя между ног, сказать: «Дядя леший, покажись, не серым волком, не черным вороном, не елью жаровую — покажись таковым, каков я». Считалось, что после этого около звавшего зашеледят, как от легкого ветра, листья осины, и появится леший в образе мужика; тут с ним можно поговорить и «свести дружбу». Однако в некоторых местах к такому способу прибегали лишь очень немногие люди, желающие стать «сильными» колдунами, так как считалось, что леший, явившись на зов, наделит человека колдовской силой и обязуется помогать ему, но сделает это лишь в обмен на душу этого человека.

В некоторых местах верили, что человек, вызвав лешего и начав с ним говорить, обязательно должен запомнить первое сказанное лешим слово; для того, чтобы после разговора отделаться от лешего, надо повторить это слово с конца, иначе леший не отпустит человека: будет разговаривать до первых петухов, а если человек побежит от него, то будет гнаться за ним и может завести в чащу или совсем забрать к себе.

Считалось, что при заключении договора леший не требует от мужика хранить в тайне их знакомство, но и не позволяет ему хватать его услугами перед товарищами. По народному убеждению, если мужик позовет лешего при посторонних, то леший придет на его зов, но после жизни мужику не даст: будет мучить его, может вовсе убить или заставить покончить самоубийством. Так, рассказывали, что один мужик, знавшийся с лешим, как-то напился с товарищами и пошел домой через лес; в лесу он решил поугаить своих товарищей и позвал лешего. Когда леший явился, товарищи мужика перепугались и в беспамятстве попадали на дорогу; когда же они пришли в себя, то увидели своего приятеля, висящего на сосне: леший отомстил ему за нарушение уговора, лишив мужика жизни.

Считалось также, что леший весьма высоко ценит свои услуги. Заставить его попусту пробежать несколько десятков верст — значит навлечь на себя его гнев. Так, рассказывали, что один мужик, заключивший с лешим договор, велел ему пригнать под окно лесной избушки стадо лисиц; пока леший исполнял его приказание, мужик сел с женой обедать. Вдруг под окном избы раздалось: «Стреляй, не то убью!»; мужик в испуге бросился от окна, а жена его, более смелая, схватила ружье и выстрелила в окно, подстрелив несколько лисиц. Леший остался доволен: труды его не пропали даром; но если бы жена не оказалась смелее мужа и не подстрелила бы лису, то разгневанный леший задавил бы мужика.

Согласно народному убеждению, повсюду бывают люди, которые «знаются» с лешим и могут свободно

общаться с ним. Верили, что такому человеку стоит только выйти к лесу и свистнуть, как леший тут же явится на его зов и сделает для него все, что тот попросит. Человек, способный общаться с лешим, в народе слыл «знающим»; такими «знающими» людьми обычно считали колдунов и знахарей, реже — пастухов, охотников и т.п. К таким людям обращались по самым разным поводам. Наиболее часто к ним приходили с просьбой поворожить: указать, где искать пропавшую скотину, как вернуть потерявшегося в лесу ребенка и т.п.; считалось, что леший (который, по народному убеждению, и бывает виноват в таких пропажах) скажет знахарю, что следует делать, а знахарь передаст его слова людям. Так, рассказывали, как «отводили» девочку, унесенную лешим: мать пошла к знахарке, та отправилась в лес; леший ей сказал, что принесет девочку ночью на такое-то место, и указал, как ее взять, а знахарка передала матери; ночью родители отправились на указанное место и нашли девочку, «забрали ее все ж таки, хоть сильно пугало».

Вообще в народе существовало множество способов защититься от злого влияния лешего. В первую очередь, лешего старались не сердить; для этого обычно соблюдали определенные правила и запреты. Так, считалось, что леший не переносит шума, свиста в лесу, ночной работы и т.п. Ему не нравится, когда человек входит в его владения, не испросив предварительно его разрешения; считалось также, что благословения у лесного хозяина нужно спрашивать и тогда, когда остаешься в лесу на ночь. Повсюду верили, что леший не любит, когда «часто поминают его из пустого или ругаются им; большого вреда за это он никому не делает, зато досыта напугает». Еще леший очень не любит, когда воруют лес; воров он пугает, «водит», а также всячески мешает им: раскалывает поленицы дров, меняет местами колеса у телеги, отводит глаза, пугает лошадей и т.д.

Существовало также довольно много приемов, с помощью которых, по народному убеждению, человек мог избавиться от «морочащего» его лесного духа. Так, считалось, что для того, чтобы защитить себя от лешего, заплутавший человек не должен ничего есть, вывернуть на себе всю одежду наизнанку (обязательно при этом левый лапоть надеть на правую ногу или правую рукавицу на левую руку); если в беду попали двое, то им следует поменяться одеждой, также вывернув ее наизнанку. Если человека леший увез в какие-то незнакомые края, он должен снова прийти на то место, где его высадил леший; в этом случае леший отвезет человека обратно. Человек, заблудившийся в лесу с подводой, должен распрячь лошадь и снова запрячь ее так, чтобы кольцо дуги приходилось не вперед, как обыкновенно запрягают, а назад; если же он ехал на двух упряжках, то должен запрячь лошадей так: с задней подводы дугу поместить на переднюю подводу, а с передней подводы — на заднюю, и обе дуги запрячь кольцами назад.

Лешуха

Повсеместно для защиты от лешего использовали и различные обереги, например, лутовку (очищенный от коры кусок липы), пояс, чертополох, траву прострел и т.п. По поверьям, леший боится соли и никогда не подойдет к огню, если в него бросили соль. Кроме того, против лешего, по народному убеждению, помогает крест, молитва или упоминание Бога, а также матерная ругань. По некоторым поверьям, леший боится крика совершенно черного петуха. Считалось также, что леший отстанет, если рассмешить его, напугать или удивить, а также если сказать ему: «Шел, нашел, потерял», «Приходи вчера» или «Овечья морда, овечья шерсть».

Во многих случаях лешего старались задобрить, чтобы он оставил людей и скот в покое, вернул украденное и т.д. Так, например, для того, чтобы задобрить лешего, рано утром на заре ходили к лесу и на перекрестке оставляли гостинцы для лешего, среди которых обязательно должно было быть яйцо. Так, хозяин, желающий вернуть себе пропавшую в лесу корову, должен был взять завернутое в тряпку или бумажку яйцо (нередко вместе с ним носили также ржаные лепешки, свежий хлеб и т.п.) и отправиться в лес или на перекресток; там, положив яйцо на левую руку, он должен был сказать: «Кто этому месту житель, кто настоятель, кто содержавец, тот возьмите дар, возьмите и домой скотинку пустите, нигде не задерживайте, не за реками, и не за ручьями, и не за водами»; после этого он должен был оставить подношение на перекрестке для лесовика и идти домой. Схожий обряд применялся и в том случае, если человек заболел в лесу и считал, что болезнь на него наслал леший; в этом случае он должен был сказать: «Кто этому месту житель, кто настоятель, кто содержавец, тот дар возьмите, а меня простите во всех грехах и всех винах, сделайте здраву и здорову, чтобы никакое место не шумело, не болело». По некоторым поверьям, если лешему понравятся подарки, то он примет их молча, в противном же случае будет «голосить» («раздалось по лесу: Хо-хо-хо-хо! Вот так подарок!»).

Жертвоприношение лешему нередко сопровождалось чтением определенных заговоров или молитв. При этом крестьяне во многих местах предпочитали не заговор, а молитву, объясняя это тем, что заговор обязывает того духа, к которому он относится, совершить те или иные действия, тогда как молитва имеет лишь просительное значение и не обязывает духа выполнять просьбу. Поэтому к людям, обращавшимся к нему с молитвой, леший будет добр; на тех же, кто с помощью заговоров старался ограничить его власть, леший будет гневаться, и если они допустят ошибку, лишаящую заговор силы, леший из мести найдет на стадо больше диких зверей, большее количество коров уведет к себе, и т.п.

В тех случаях, когда задобрить или отогнать лешего не удавалось, его могли попытаться убить. Убить лешего, по народным поверьям, можно хлебным мякишем, иглой в пятку или медной пуговицей; труп

лешего следует вывозить на петухе и курице («Запрягай хоть пятнадцать лошадей — никогда не вывезти; и привяжи курицу и петуха на мочалку, пугни их, они и уташат, а ветер дунет, и ничего не будет»). Считалось также, что леших, как и другую нечистую силу, убивает молния; кроме того, в некоторых местах верили, что громы небесные иногда превращают леших в росамах, и поэтому зверь этот в некоторых местах считался проклятым.

Лешуха — см. Лешачиха.

Лещина — см. Орешник.

Лизень — см. Жировик.

Лизун — см. Домовой.

Лисун — см. Леший.

ЛИХО. Лихо Одноглазое — в восточнославянской мифологии персонификация злой доли, горя, несчастья, беды. В поверьях лихо — демоническое существо, имеющее обычно облик худой одноглазой женщины или великанши ростом выше деревьев; ее появление предвещает беду. Так, по поверьям, лихо иногда бродит по земле и нападает на людей; на человека, к которому она «привязалась», начинают обрушиваться всяческие беды: он заболевает, становится нищим, теряет родных и т.д. Кроме того, считалось, что встреча с лихом нередко приводит к потере парных частей тела (руки, глаза и т.д.) или даже к гибели человека (в некоторых местах верили, что Лихо разрывает и пожирает людей и зверей). Отделаться от лиха бывает очень сложно: говорили, что «от лиха не уйдешь»; «Лихо не лежит тихо, либо катится, либо валится, либо по плечам рассыпается», и т.п.

Иногда считалось, что лихо, воплощение всякой беды, повелевает всеми злыднями — олицетворением разных несчастий и горестей. Так, согласно некоторым поверьям, Лихо Одноглазое — неуклюжая, кровавая и свирепая великанша — живет на старой мельнице вместе со злыднями и приказывает им, куда идти и в какой дом принести несчастье.

В некоторых местах лихом или лихоманником, лихоманом, лихим называли вообще всякую нечистую силу, злых духов, а также болезни. Так, например, лихоманником нередко именовали черта, лешего и пр. («Лихоман его туда понес!»; «Лихоманник-то кричал около полуночи в ближнем лесу разными голосами», и т.д.). Лих, лихой, лихач — это обозначение как нечистого духа, так и болезни (обычно эпилепсии), которую, по народному мнению, может вызвать этот дух («Полуночный лихач, болезнь от нечистого»; «Лихие их ведают!»; «Лих вошел — злой дух вселился», и т.д.). Лихоманка или лихая, лиходейка, лихоимка — это обозначение лихорадки, которая, как считалось, также вызывается нечистым духом, женским демоническим существом, нередко близким по облику к Лиху Одноглазому.

Лихоманки

Лихоманки — см. Лихорадки.

ЛИХОРАДКИ, трясавицы, лихоманки — демоны болезни в облике женщин, олицетворение всех лихорадочных болезней. Вообще же, лихорадка во многих местах называли не только собственно лихорадку (весеннюю, перемежающуюся и т.и.), но и разнообразные опасные заболевания, сопровождающиеся тяжелым лихорадочным состоянием, а иногда и вообще любую «повальную болезнь». Образ лихорадок в народных поверьях был разработан необычайно подробно; может быть, это объяснялось страхом перед лихорадкой, которая «при равнинном и часто болотистом характере местности, избытке растительности в прежнее время и неизвестности хинина, была настоящим бичом населения».

Миф о лихорадках был практически общеизвестен и, в общем, не слишком варьировался в разных местах; он основывался на легенде о том, как Иродиада, любовница Ирода, выпросила у царя голову святого. По этой легенде, святой Иоанн был заключен в темницу царем Иродом за то, что осуждал Ирода, оставившего законную жену и сожительствующего с Иродиадой, женой своего брата; пока святой был в темнице, Ирод устроил пир в день своего рождения, на котором дочь Иродиады Саломия плясала перед гостями и так угодила Ироду, что тот поклялся дать ей все, чего она ни попросит; она же, по совету матери, попросила подать ей тотчас же на блюде голову Иоанна Предтечи, что и было исполнено.

У славян миф об Иродиаде и ее дочери значительно искажился, и на его основе в народе зародилось представление о том, что лихорадки — это двенадцать сестер, дочерей царя Ирода, которые погубили Крестителя Господня Иоанна и были прокляты за это на веки веков: когда они пришли на могилу Иоанна Предтечи, земля внезапно разверзлась и поглотила их. С тех пор дочери Ирода служат сатане, который посылает их мучить людей: это по его приказу они «по миру ходят, отбивают ото сна, от еды, сосут кровь, тянут жилы, как червь, точат черную печень, пилами пилят желтые кости и суставы». Заниматься этим они осуждены до скончания веков, как говорится в одном из сказаний: «Седе преподобный старец у озера Тивериадскаго. Егда сидящу ему тако и размышляющу, явися убо видение некое. Восплескася вода и абие изошедши из бездны и ста ошуюю преподобнаго дванадесять жен босых, хворастием оболченных, простоволосых. Рече к ним преподобный Пафнутий: “Кто убо жены сии суть?” — Отвеща оне ему: “Дщери Иродовы убо суть, лихоманки, трясовицы зовимы” Рече к ним Пафнутий: “Негли род человеческий мучити?” — Оне же, сказуя, рече: “Истинно суть, яко месяц от начала века до конца образ Каина и Авеля носит [по поверью, на луне запечатлено, как Каин убивает Авеля], тако и мы до конца имам род человек мучити”».

Лихорадкам в народной традиции приписывался различный облик. Так, например, очень часто они

представлялись злобными и безобразными простоволосыми женщинами дьявольского обличья; нередко их считали чахлыми, худыми, иногда слепыми и безрукими, чувствующими вечный голод или страдающими от тех же недугов, которыми они мучают людей. Считалось, что все они наделены способностью «жечь и налить, в мир ходить, христианский род трясти, знобить, мучить, тело сушить, кости ломить и жилы тянуть», т.е. всячески изводить род людской. Одна и та же лихорадка, по народному мнению, может мучить сразу несколько человек; но, измучив одного больного, лихорадка может на время перейти в другого, давая первому временный отдых и покой; поэтому, по замечанию крестьян, когда у лихорадок много дела, они, перелетая от одного больного к другому, «трясут» не так долго и дают больным отдыхать иногда даже по несколько дней.

Из-за их предполагаемого происхождения, лихорадок в народе нередко называли «девами Иродиадами»; лихорадками же, по народному слову, называли их потому, что они очень уж «лихо радуются» страданиям больных. Но при этом все двенадцать сестер-лихорадок в народной традиции имели свои собственные имена, описывающие те муки, которыми лихорадки терзают больного. Так, в заговорах сестер-лихорадок обычно именовали: Тряся (Трясавица); Огнея (Огненная); Ледея (Озноба, Знобья, Знобуха); Гнетя; Грудица (Хрипуша); Глухья; Ломья (Костоломка); Пухня; Желтя; Коркуша (Корчья); Глядя; Невья (мертвящая). Каждая из этих сестер, по народному выражению, имела «свой вкус», причиняла только какие-то определенные страдания и персонифицировала какие-то определенные болезненные симптомы, свойственные изнурительной лихорадке.

Так, считалось, что Тряся трясет человека так, что он «не может согреться и в печи»; Огнея производит в человеке внутренний жар («Как разгорятся дрова смоляные в печи, так разжигает во всяком человеке сердце»); Ледея знобит человека, так что он не может согреться; Гнетя гнет у человека утробу, лишает его аппетита и вызывает рвоту («Ложится у человека по у ребре, аки камень, здыхает, здохнуть не дает, с души сметывает»); Грудица ложится на груди, у сердца, и причиняет хрипоту («Стоя кашлять не дает, у сердца стоит, душу занимает, исходит из человека с хрипом»); Глухья налегает на голову, ломит ее и закладывает уши («Ложится у человека в головы, и уши закладывает, тот человек бывает глух»); Ломья ломает человека («Ломит кости, и главу, и спину, аки сильная буря сырое дерево»); Пухня пускает по всему телу отек; Желтя желтит человека («Испушает на человека желчь, в поле желток и отдохнуть не дает»); Коркуша жилы сводит, корчит, а Глядя лишает человека сна и покоя («В ночи спать не дает... многие бесы к тому человеку приступаются, и с ума его сбрасывают, и спать не дают: на месте не сидят»).

Самой главной, самой лютой и страшной из всех сестер-лихорадок среди крестьян считалась Невья. По

Лихорадки

народному убеждению, это именно она, старшая из «дщерей Иродовых», некогда отсекала голову Иоанна Предтечи и принесла ее Ироду на блюде, за что она «всех своих сестер проклятее»: «угощница и угодница Ирода царя, наболящим человеком страшна; та усекнула главу Иоанна Предтечи и принесла пред царя на блюде». В некоторых поверьях она описывалась практически так же, как и Смерть (бледная, страшная, одетая в саван и держащая в правой руке косу); причем поверья гласили, что это она (а не сатана) посылает всех своих сестер-лихорадок мучить людей на земле. Если же она сама вцепится в человека, то непременно изнурит его болезнью и доведет его до смерти: «не может тот человек жнв быть». Но, как гласит поверье, она, по счастью, редко нападает на людей, так как почти все время пребывает в подземных вертепах (в аду), будучи прикована к железному трону двенадцатью цепями. Лишь иногда срывается она с цепей и вселяется в человека; но в этом случае помочь тому, кем она овладела, уже не смогут и самые знающие лекари. Само имя ее означало «мертвящая» (от «навь, навье» — покойник, мертвец, враждебный людям).

В принципе, имена лихорадок в народных заговорах и пр. могли быть и несколько иными; кроме того, иногда могли упоминаться не все лихорадки, а только некоторые из них. Так, например, в заговоре XVIII в. перечисляются лихорадки: Трясея, Огня, Гл ед ея, Хрипу ша, Авваракуша, Пух л ея, Желтея, Авея, Немея, Глухья, Каркуша; в заговоре XIX в. упоминаются: Огня, Гнегея, Знобея, Лом ея, Пухля, Скорохода, Трясу ха, Дрожуха, Говоруха, Лепчя, Сухота и Невея. В некоторых местах лихорадок называли также: Душля (вызывающая отдышку), Кашля (бронхит), Сонля (кому), Синя (сифилис), Секея (ревматизм), Пухля (водянку) ит.д.

Поверье о том, что лихорадок всего двенадцать, было распространено практически повсюду; но при этом в некоторых местах считалось, что их может быть и меньше или, наоборот, больше двенадцати, например: 7, 9, 10, 19, 77 и т.д. Так, на Украине и в некоторых других местах различали 40 или 99 видов лихорадок, и смотря по тому, от чего прикинулась лихорадка, ее называли: подтынницей (если она вошла в человека под тыном), веретеницей (если напала на пряху), гноевой (если вошла в человека на навозной куче), степной (если напала на ночевавшего в поле), банной (если приключилась в бане) и т.д.

Согласно некоторым поверьям, лихорадка может бродить по свету и в одиночестве. При этом она обычно имеет облик женщины в белой одежде, часто — простоволосой, с непокрытой головой и без пояса; или облик безобразной, косматой, сгорбленной старухи, иногда с черным, злым и изможденным лицом. Нередко считалось также, что лихорадка временами бегаёт или летает оборотнем, например, в облике белого мотылька или мухи, случайно проглотив которую человек немедленно заболит. Она может быть невидимой и ездить по деревьям вместе с проезжими людьми; в

деревнях она нападает на людей и насылаёт на них болезни, а затем отправляется дальше с купцами или странниками.

Лихорадку, незримо бродящую по деревьям и насылающую на людей болезни, в разных местах называют по-разному. При этом имя лихорадки, как существа нечистого, традиционно избегали упоминать, чтобы не привлечь ее внимание; в том же случае, когда лихорадку требовалось назвать вслух, крестьянами применялись различные табуистические имена. Так, например, к лихорадке нередко обращались как к родственнице или гостье, называя ее «тетка», «сестрица», «кумушка», «матка», «гостьюшка» и т.п. Такое иносказательно-уважительное обращение применялось не только для того, чтобы не «призвать» лихорадку произнесением ее настоящего имени, но и для того, чтобы улагодворить, задобрить ее. Однако во многих местах применялись и другие имена лихорадки, не столь уважительные; нередко эти имена указывали на причастность лихорадки к нечистой силе и на ее пагубное воздействие на человека, ср., например, названия: лихоманка, ворогуша, трясавица ит.д.

Характерного местообитания у лихорадок не было: они могли пребывать всюду, где обитает нечистая сила. Так, например, по народному убеждению, лихорадки часто пребывают в воде: в океане, в морской пучине, в реке, источнике, в болоте, пруду, озере и т.д. Местообитанием лихорадок также считались ущелья, пещеры, овраги, горы и скалы, непроходимые лесные чащи и пустоши, ямы под корнями деревьев, вообще глухие места, «где солнце не греет и месяц не светит». Некоторые поверья гласили, что лихорадки живут где-то за морем, на мифическом острове Буяне или в адских вертепах, где они прикованы цепями; вылетают они оттуда только тогда, когда с них снимают эти цепи.

Согласно народным поверьям, лихорадки бывают особенно опасны в середине и в конце зимы. Так, например, у крестьян в некоторых местах существовало поверье, что в Сильвестров день (15.1) Зима выгоняет всех зимних лихорадок вместе с нечистой силой из ада, и тогда они ищут себе пристанища по теплым измам и повсюду нападают на людей. Не менее опасны бывают весенние лихорадки, которые, по народным представлениям, на зиму запираются в снежных горах, а с оттепелями выпускаются на волю; вслед за вешними испарениями они разлетаются по свету и набрасываются на всех подряд. По народному убеждению, весенние лихорадки (которые во многих местах считались наиболее опасными) начинают ходить по миру с Тарасия (10.III), и с этого дня опасно спать с раннего вечера, так как можно «наспать лихоманку».

Насыление болезней лихорадками люди представляли себе по-разному. Так, например, крестьяне некоторых мест верили, что лихорадки в облике дряхлых старух в лаптях и с клюками ходят по дворам и ночами стучат в окна клюкой: кто отзовется на их стук, к тем они и «пристают». В других местах полагали, что лихорадки летают по деревьям и городам и целуют

Лихорадки

прохожих, которые после этого заболевают; или оборачиваются мухой или соринкой, чтобы залететь человеку в рот вместе с ветром или попасть в него с пищей: кто их проглотит, тот заболит лихорадкой. Иногда лихорадки, по поверьям, прямо накидываются на первого попавшегося им человека; в других случаях они зовут людей по имени и нападают только на тех, кто откликнулся на их зов; «забирают» они и тех, кто неосторожно назвал их по имени (ср. представление о том что если назвать болезнь лихорадкой, она осердится и «затрясет»), сругнулся «не в час» или напился воды, не благословясь. Часто лихорадки овладевают и людьми, любящими спать в неурочное время и в «недобрых» местах (например, на закате солнца или на меже, на дороге ит.д.).

Для отгона зловредных лихорадок-трясавиц в народе применяли самые разные способы. Например, широко распространены были различные обереги, в первую очередь молитвы, которые следовало всегда держать при себе. Во многих местах против лихорадок использовался целый молитвенный список, само присутствие в доме которого считалось за «действительное и сильное целебное средство»; подобной же силой обладало, по мнению крестьян, апокрифическое сказание о Сне Богородицы. И тот, и другой список часто зашивали в тряпочку и носили на шейном кресте как заболевшие лихорадкой, так и желающие предохранить себя от заболевания.

Кроме того, для защиты от лихорадок крестьяне свечой, принесенной в Страстную пятницу от Страстей, рисовали на дверях домов кресты, а также в некоторые большие праздники обязательно купались в реках и источниках, прыгали через костер, парились в банях с целебными травами и т.п. Для того, чтобы не заболеть лихорадкой, земледельцы старались также соблюдать определенные запреты (например, на работу в большие годовые праздники — на Пасху и пр.), так как нарушением запрета и своим прегрешением человек мог либо привлечь внимание лихорадки, либо навлечь на себя гнев каких-либо существ, способных в наказание насладиться на него лихорадкой.

Некоторые способы отгона лихорадок были связаны с представлением о том, что лихорадки иногда показываются людям в антропоморфном обличье. В некоторых местах считалось, например, что если человек увидит лихорадку в облике женщины, то ему достаточно будет ударить ее рукой наотмашь, и она немедленно «отстанет».

Для того, чтобы уберечься от лихорадок, люди совершали также определенные магические действия в те дни, когда лихорадки, по народному убеждению, бывают особенно опасны. Так, например, на заре Сильвестрова дня старухи во многих местах «заговаривали лихоманку»: омывали наговоренной водой (святой водой или водой, настоянной на четверговой соли, золе из семи печей и земляном угле, выкопанном из-под черныбыльника в Иванов день) притолоку у дверей, заграждая лихорадкам вход в избу; читали заговоры,

главной особенностью и силой которых был перечень всех имен демонов-лихорадок, и т.п.

Если же все ухищрения не помогли и лихорадка все-таки «приключилась» с человеком, ее следовало тут же начать лечить. Вообще, крестьяне верили, что каждая из лихорадок чего-нибудь боится и каждую можно отогнать или выжить известными средствами, действенными только против нее одной. В народе применялось множество способов для лечения лихорадки; но чаще всего лечить ее брались «знающие люди», знахари и знахарки, с помощью все тех же молитв и народных заговоров, а также различных настоев, отваров, окуриваний, рвотных средств, вспрыскиваний и т.д. Так, например, в некоторых местах для лечения лихорадки больного во время озноба внезапно с молитвой окачивали благовещенской или мартовской водой, спрыскивали с уголька и т.д. Применялись для лечения лихорадок и различные травы: спорынья, чертополох, полынь, трава «живучка» (именуемая в некоторых местах «лихорадочна трава») и т.д.

Лихорадку, овладевшую человеком, часто старались напугать, чтобы она убежала прочь и оставила больного в покое. Так, например, в одном из рассказов Олонецкого края колдун изгонял из мужика лихорадку следующим образом: положил больного спать в амбар, а под соломенную подстилку, на которой должен был почивать больной, положил змею, спрятанную в голенище. К больному, лежащему на этой подстилке, явилась женщина в белом, которая стала гнать мужика, говоря ему: «Уйди, зачем ты сюда пришел? Если не уйдешь, я тебя убью!» Испуганный мужик прибежал к колдуну; колдун объяснил ему, что это лихорадка гонит его, чтобы остаться в нем, и отвел мужика обратно в амбар, велел ему лежать и громко пригрозив выпороть мужика, если тот осмелится встать. После этого испуганная лихорадка удалась и больше не возвращалась.

В некоторых случаях лихорадку также старались сбить с толку, напугать или обмануть. Так, например, в некоторых местах во время приступа лихорадки больным советовали сказать: «Приходи вчера!», чтобы запутать болезнь. Иногда для отгона лихорадки перед очередным приступом больные зачерняли себе лицо (или даже все тело), надевали чужую одежду и т.п., чтобы лихорадка не узнала больного или испугалась его; в некоторых местах даже полагали, что больной перед приступом должен уйти из дома или спрятаться в подвале, под столом и т.д., чтобы лихорадка не нашла его и ушла восвояси.

Часто для обмана лихорадки больные также прикидывались умершими и во время приступа старались лежать молча и не двигаясь, полагая, что обманутая лихорадка в этом случае уйдет и больше не вернется. При этом лучшим местом для такого действия в некоторых местах считали черную баню: во время приступа больной должен залезть в баню на каменку и лежать там молча и неподвижно; в это время к нему, по народному убеждению, должна прийти лихорадка (в обличье

Лихорадки

человека, но без лица), которая начнет «стращать» больного, и если тот выдержит все эти «страсти» и ни разу не вскрикнет и не пошевелится, то исцелится (по одному из поверий, лихорадка в этом случае оплоует его и убежит, отчего болезнь пройдет, но на лице и теле у человека какое-то время будет пятно). Однако, если больной не выдержит и пошевелится, то лихорадка не только не исчезнет, но во время следующего приступа набросится на него с удвоенной злостью.

Во многих местах лихорадку старались отослать подальше от больного, в те места, где она уже не сможет никому причинить вреда. С этой целью, например, брали кусочек липовой коры, произносили над ней: «От раба Божия (имя) отстань, лихорадка, и плыви вдоль по реке», после чего кору на три дня помещали под матицу, а затем бросали в воду, трижды повторив тот же приговор. В некоторых местах старались изгнать лихорадку, поместив срезанные волосы и ногти больного в клешню живого рака и отпустив его с приговором: «Плыви, раче, водою, бери трясицы за собою».

Очень часто от лихорадки пытались отделаться, перенеся ее на что-либо, передав болезнь какой-либо вещи, животному, растению и т.д. Так, для избавления от лихорадки крестьяне с заговором выливали воду, которой мыли больного, под какое-либо дерево (полагая, что болезнь перейдет к дереву); сажали больному за пазуху лягушку, чтобы болезнь перешла в нее; «переносили» лихорадку на тряпочку, которую затем зажимали в трещине коры молодого дуба, тем самым «зажимая лихорадку»; засовывали волосы и ногти больного в дыру, просверленную в осине, после чего затыкали ее камешком (тем самым «запирая» лихорадку), и т.д. Иногда лихорадку старались также «отписать», для чего писали на бумажке «еллинские» (греческие) имена лихорадок, а потом давали носить эти записочки больным; или писали имена лихорадок на яблоке, которое потом клали в церкви во время литургии.

Для лечения лихорадки использовали и такой способ: за час или более перед приступом лихорадки обкладывали мизинец левой руки внутренней пленкой куриного яйца; считалось, что если это сделать, то в то самое время, когда должен быть приступ, в пальце появляется сильное жжение, но самого приступа не будет, а после трех таких сеансов лихорадка пройдет совсем.

Иногда для изгнания лихорадки варили в моче больного три куриных яйца, которые потом вместе с горшком зарывали в муравейнике, полагая, что когда муравьи уничтожат яйца, лихорадка пройдет. На юго-западе России верили, что для того, чтобы излечиться от лихорадки, нужно страстной свечой выжечь крест на потолке, соскрести с него сажу, насыпать в «свячену воду» и выпить. Иногда лихорадку старались изгнать из человека посредством неприятных веществ, заставляя больного глотать деготь, полынь, соль или перец, чеснок, полагая, что лихорадка может

выйти вместе с рвотой (ср. представление о том, что болезнь может попасть в человека в виде какого-то предмета или насекомого); кроме того, для отгона лихорадки использовали резкие, сильные, неприятные запахи, окуривая больного волосами, конскими копытами, пометом и т.д.

По некоторым поверьям, лихорадка оставит человека, который, не зная того, съест в хлебе блоху. Считалось также, что лихорадку может отогнать лошадиный череп, положенный в изголовье больному; нательный крест, взятый из могилы с покойника; собачья удавка, свиные глаза или свиное гнездо; сухая лягушка, которую при лихорадке нужно носить в ладанке; красные шерстяные нити, которыми нужно перевязывать руки и ноги; почки освященной в Вербное воскресенье вербы, которые давали проглотить больному; змеиная шкура-выползок или пояс, через который три раза переползла змея; восковой шарик, слепленный из двенадцати крошек воска, во время чтения Страстей двенадцать раз снятых со свечки (которую во время службы зажигают двенадцать раз), и т.п.

Лихорадку нередко старались задобрить, чтобы она оставила больного. Так, например, чтобы избавиться от лихорадок, их в некоторых местах угощали, полагая, очевидно, что голодные лихорадки, изводившие больного, наевшись, уйдут прочь и больной выздоровеет. «Кормили» лихорадок в разных местах поразному, например, пекли двенадцать пирожков и клали их в салфетке на перекрестке с приговором: «Вот вам, двенадцать сестер, хлеб-соль, полноте меня мучить и отстаньте от меня», или брали в левую руку горсть пшена, шли к реке и, встав к ней задом, говорили: «Лихорадки, вас семдесят семь, нате вам всем!» — после чего через голову бросали пшено в реку.

Магические действия, изгоняющие или отгоняющие лихорадок, нередко сопровождалось различными заговорами и молитвами. В заговорах обычно перечислялись все возможные имена лихорадок, а также их характеристики; нередко считалось, что без этого заговор будет не таким действенным и лихорадка может не послушаться его.

В заговорах лихорадок старались обычно запугать и заставить их покинуть человеческое тело. Изредка, правда, встречались и заговоры увещательные, в которых лихорадок старались удалить при помощи уговоров и посулов (ср., например: «Здесь вам не житье, не жилище, не прохладище; ступайте вы в болота, в глубокие озера, за быстры реки и темны боры: там для вас кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки пересныя; там яства сахарныя, напитки медовые; там будет вам житье, жилище, прохладище...»); однако такие заговоры были скорее исключением, чем правилом. Большинство же заговоров от «дев-трасовиц» начиналось с угроз лихорадкам и обращений к каким-либо существам, способным напугать, уничтожить или изгнать болезни из тела человека.

Большинстве известных заговоров такими существами оказывались святые или даже сам Господь: «На горе Фавростей, под дубом Мамврийским ту седяху Сихаил, Михаил и ту собрашася все силы небесныя, ангели и архангели, херувими и серафими, а идут семь дев простовласы и без пояса, и они им молвят: «Кто вы естя, девы?» Они же рекоша: «Дщери есмя царя Ирода». — «Где идете?» — «Идем в мир костей человеческих ломити и тела их томити». И они им дали по тыся-

щи ран железны дубцы да ввергли их во огненное морс. «Нс дай Бог вам бывати из огненного моря ни в роду, ни в племени». Собрашася силы небесные, ангели п архангели, херувими и серафими, отгнаша от раба Божьего (имя)». Подобные заговоры некогда (еще в самом начале первого тысячелетия п.э.) помещались в канонических церковных книгах и лишь впоследствии были из них изъяты п перешли в разряд апокрифов. Вероятно, во времена язычества в подобных заговорах вместо христианских святых упоминались языческие божества, например, небесные боги огня, грома и молнии; позднее же они были заменены святыми, ангелами и т.д. Наиболее часто в заговорах для отгона лихорадок упоминаются свв. Сисиний, Зиновий, Филипп, Сысой, Пафнутий, а также Михаил, Георгий и вообще «все силы небесные». Возможно, образ св. Сисиния — защитника от лихорадок перешел в русские заговоры из греческой легенды, согласно которой Сисиний защитил детей сестры Милетины от демона Гило перечислением всех его двенадцати имен.

Лобаста — см. Албаста.

ЛОЖКА — предмет домашней утвари; в обрядах — символ члена семьи, живого или умершего. Ложка была одной из немногих личных вещей крестьянина; свои ложки помечали и избегали пользоваться чужими. Ложка мужчины иногда противопоставлялась остальным по размерам и форме; ее использовали в народной медицине. Крестьяне верили, что с помощью ложки умершего хозяина можно избавиться от родимого пятна, бородавки, нарыва, опухоли в горле и т.п.; она имела даже особое название — «одмирська» или «видмирська». Ложки парня или девушки иногда использовали в любовной магии (прижигали ее, чтобы приворожить понравившегося человека).

Перед сдой ложку обычно клали выемкой вверх, что обозначало приглашение к еде; а после трапезы ложку переворачивали, показывая этим, что наелись. Во время поминальной трапезы ложку за каждым приемом пищи нужно было класть на стол, чтобы ею ели деды; класть ложку нужно непременно выемкой вверх, иначе «покойники перевернутся в могилах лицами вниз». Ложка, оставленная на столе на поминках, символизировала одного умершего члена семьи, а много ложек — всех умерших родственников или семью в целом (и живых, и мертвых); после поминок все ложки складывали в кучу и оставляли до утра на столе, чтобы на «том свете» быть всем вместе. На «деды» ложки складывали на ночь вокруг миски с поминальным блюдом, а утром по положению ложек судили о

том, приходили ли ночью «деды» (если ложка утром окажется перевернутой, значит, ею пользовался умерший).

В ночь под Рождество участники ужина оставляли свои ложки на столе, складывая венчиком на бортик миски с остатками кутьи; считали, что если ложка за ночь унадет или перевернется, то ее владелец в этом году ухЧрст. На Русском Севере на ночь выносили на улицу ложки, наполненные водой: если она замерзала с ямочкой, то это сулило хозяину смерть, а если с бугорком — жизнь.

Лопаста — см. Албаста.

Лопатница — см. Болотница.

ЛОСКОТУХА — одно из названий русалки, характерное преимущественно для южных и юго-западных районов России. «Лоскотать» означало «болтать, трещать», а также «щекотать»; очевидно, такое название русалкам дали за то, что они, по поверьям, часто стараются затащить к себе человека и зашекотать его до смерти.

В крестьянских поверьях лоскотухи — души девушек, умерших неестественной смертью или до замужества — появлялись на земле преимущественно летом, в пору цветения и созревания урожая. Считалось, что они бегают по полям и нередко «залоскачивают» (защекочивают) насмерть находящихся в поле парней и девушек.

Для того, чтобы уберечься от лоскотух, в период особой активности русалок (с Троицы до начала Петровского поста) старались не ходить в одиночку в лес и к воде, а также в поле, особенно после захода солнца. Кроме того, для защиты от русалок носили с собой обереги: чеснок, полынь, острые колющие предметы и пр.

ЛУГОВОЙ, луговичок, луговик — в народных поверьях один из луговых духов, ребенок полевика. Крестьяне некоторых мест верили, что он в виде маленького зеленого человечка на одежде из травы бегает по лугам и ловит птиц (но некоторым поверьям, в пищу своему родителю — полевику). Иногда считалось также, что луговик — маленький и мохнатый дух, который обитает под землей в норах и выходит оттуда только в полдень и перед заходом солнца.

Согласно народным поверьям, луговой — не злой дух, он даже помогает людям во время сенокоса. Однако, если косари запаздывают с покосом, он сердится и гонит траву в буйный рост; заплетает травы так, что коса путается в них и не может срезать; сушит траву на корню; тупит и ломает косы у косарей, делая так, чтобы коса наткнулась на невидимый в траве камень, и т.д. Он также может вредить людям, заснувшим в июле, особенно на меже: наваливается им на грудь и душит до смерти или насылает на них лихорадку.

ЛУНА — небесное светило, ассоциирующееся в народном представлении с загробным миром и противопоставленное солнцу как божеству дневного света, тепла и жизни. В некоторых местах полагали, что солнце и луна движутся в разных направлениях: луна

— справа налево, т.е. «против солнца» (так, как чертят круг в черной магии). Луну нередко считали солнцем нечистой силы, чертей и упырей; верили также, что луна — это солнце загробного мира. Однако при этом культы луны и солнца имели много общих мотивов и ритуальных форм (так, при виде восходящего солнца и нарождающегося месяца было принято снять шапку, креститься и читать молитву; затмение луны и затмение солнца нередко объяснялось пожиранием светила волком или чертом, и т.п.). Как лунный, так и солнечный свет в народных поверьях мог иногда принимать вид живого существа или вещи: молока, белой кошки, сукна, золотого или серебряного веретена ил и моста и т.п.

Согласно народным поверьям, лунный свет вреден и опасен для человека, особенно для беременных женщин и новорожденных; отсюда запреты выходить или выносить ребенка из дома ночью, когда светит луна, и даже класть ребенка в доме так, чтобы на него падал лунный свет. Крестьяне верили, что если луна «перейдет» через спящего ребенка, то тот заболит; ребенка в этом случае спасали тем, что ставили на окно сосуд с водой, в котором луна и должна была «утопиться». Некоторые детские болезни объясняли тем, что «месяц засветил ребенка»; для того, чтобы вылечить дитя, брали валеk для белья, пеленали его в детскую пеленку и на всю ночь выкидывали на двор, чтобы на него светил месяц. Во многих местах верили также, что луна «пьет» жизнь человека, и тот, кто будет спать под светом полной луны, скоро иссохнет и зачахнет.

В некоторых местах существовало поверье о том, что души умерших улетают на месяц или живут на луне. По месяцу узнавали, жив или погиб тот из близких, кто ушел на войну или вообще находится вдали от дома; для этого брали человеческий череп, трижды окунали его в ключевую воду и в полночь во время полнолуния смотрели сквозь него на месяц. Так гадали жены о своих мужьях; считалось, что если муж жив, то жена увидит его перед собой, если же он погиб, она увидит его на месяце.

Согласно поверьям, во время безлуния, т.е. во время смены месяца, месяц освещает загробный мир. В Белоруссии молитвы, читавшиеся при виде молодого месяца, посвящались душам, «не дождавшимся нового месяца», т.е. недавно умершим. Время безлуния вообще считалось крайне неблагоприятной и опасной порой как время «нечистое», принадлежащее нечистой силе. В безлунные ночи, по народным поверьям, выходят из могил покойники, бродят по миру нечистые души, черти и ведьмы навдоят порчу на людей и скот, и т.д.; ср. также представление о том, что ведьмы иногда крадут месяц с неба и доят его, как корову. Человек или животное, зачатые во время безлунья, по убеждению крестьян, не будут жить, рано умрут; ребенок, родившийся в «гнилые» дни, «на межах», «на перемене», останется бесплодным, бездетным. Во время безлуния не начинали никаких дел (не сеяли и не сажали,

не водили на случку скот, не заготавливали урожай, не отправлялись в дальнюю дорогу, вообще старались поменьше выходить из дома и т.п.). При этом крестьяне некоторых мест верили, что если безлуние случится на Пасху (что невозможно), то наступит конец света.

Отсутствие луны считалось в народе временем нечистой силы; но при этом крестьяне верили, что многие нечистые духи любят лунный свет так же, как люди солнечное тепло; считалось даже, что луна дает силу подобным существам и лунный свет притягивает их к себе. Так, по поверьям, лунный свет привлекает русалок: они выходят из воды и купаются в нем, раскачиваясь на ветках и расчесывая волосы. Сербь считали, что души утопленников при свете луны выходят из воды и сидят на вербах; если сказать, что при луне светло, как днем, то они мучаются, раздражаются проклятиями и уходят в воду. Водяного в быличках нередко описывали сидящим на камне и греющимся в лунном свете. Про лешего иногда рассказывали, что он боится света луны или, наоборот, любит бродить в то время, когда луна висит на небе.

Но хотя лунный свет зачастую и связывали с нечистой силой и вообще с различными отрицательными явлениями, свет месяца (а также зари и звезд) нередко считался в народе полезным. Например, в некоторых местах верили, что он оказывает магическое воздействие на плодovitость овец и удоynость коров; наделяет целебной силой соль, мыло и золу, оставленные на подоконнике в ночь под Страстной четверг, а также воду, которую потом использовали как оберег или для гаданий. Яркий свет звезд, по народной присчете, предвещал богатый урожай ягод, грибов и хлеба; воду, простоявшую в ясную ночь под звездами («зоряну воду»), давали корове, чтобы у нее было больше молока.

У южных славян было широко распространено поверье, что колдуньи-«месечарки» могут своей ворожбой сбрасывать месяц на землю, отбирая с его помощью молоко у коров. Рассказывали, что после сложных колдовских манипуляций «месечарка» обращается к месяцу со словами: «Я теленок, а ты корова», после чего месяц спускается с неба и превращается в корову, колдунья прикасается к нему и становится невидимой. Затем она говорит: «Я женщина, а ты месечина, я внизу, а ты наверху», после чего месяц вскрикивает и начинает подниматься на небо, а колдунья отправляется туда, где она хотела отобрать молоко. Такое «сбрасывание» месяца в народе считалось самым страшным грехом.

Затмение луны южные славяне объясняли тем, что луну поедают халы, а восточные — тем, что луну гложет волк. Вообще, затмение, как солнечное, так и лунное, считалось в народе особенно страшным временем; оно воспринималось как несвоевременная гибель светила и потому нередко связывалось с концом света. Во время затмения люди старались не говорить, не смеяться, а старики и старухи плакали, причитали и молились. При этом люди нередко старались по мере сил

Лягушка

защитить луну и солнце — стреляли из ружей, чтобы отогнать хал, волков или демонов; выходили на улицу и изо всех сил били в котлы, кастрюли, заслонки, звонили в колокола, чтобы шумом спугнуть и отогнать хал, волкодлаков и чудовищ, способных пожрать месяц.

Вообще, луна и месяц в народной традиции нередко воспринимались как святые, боготворимые светила, наподобие солнца; и связано это было, вероятно, с тем, что луна все-таки давала какой-то свет (причем по цвету сравнимый с серебром, т.е. также со святым, чистым металлом), тогда как отсутствие ее означало полную и тьму и, следовательно, страх, холод, смерть всего живого. Поэтому, например, на молодой месяц принято было креститься, кланяться ему и т.д. В народных поверьях, песнях, легендах и сказках Солнце и Месяц представлялись родственниками — братом и сестрой или мужем и женой (а звезды — их детьми); при этом месяц или луна иногда воспринимались даже как существа более милостивые, чем солнце. Может быть, это было связано с тем, что Солнце нередко наделялось мужской символикой, а Луна — женской; и представляли себе Луну обычно женщиной с печальным ликом. Форма же полумесяца невольно наводила на мысль о рассеченном надвое лице (ср. литовское предание о том, что Солнце, «божья дочка», стала женой месяца, и когда тот стал ухаживать за румяной Денницею, Солнце в гневе рассекла мечом его лик пополам); так, например, крестьяне умяляющийся после полнолуния месяц называли «перекрой». Постоянные же изменения месяца наводили людей на мысль о его изменчивом характере, о непостоянстве и неверности в любви; ему традиционно противопоставлялся чистый и яркий солнечный блеск девственной девы-Солнца, а в ярко-багряном утреннем свете солнца крестьяне видели пламенеющий гневом лик небесной царицы.

Олицетворяя светила в мужском и женском облике, русские полагали, что дева-Солнце на Иванов день выезжает из своего чертога навстречу своему супругу Месяцу, пляшет и рассыпает по небу огненные лучи; и сам Иванов день считался днем брачного союза между Солнцем и Месяцем (ср. белорус, название месяца — ксенжич, т.е. «княжич»; так же называли и жениха на свадьбе). С наступлением зимы брачный союз этих светил как бы расторгался, и они расходились в разные стороны, а вновь встречались уже только весной (кстати, и заключения брака этих светил относилось иногда к весенней поре, первым ударам грома и т.д.).

Луна, постоянное изменение ее фаз играли большую роль в народном аграрно-магическом календаре. По лунным фазам гораздо сподручнее было считать время, чем по солнцу; и потому вся повседневная хозяйственная деятельность, бытовое поведение, семейные обряды и ритуалы определялись фазами луны, хотя предписания на этот счет нередко были противоречивы: одна и та же фаза могла оцениваться то как благоприятная, то как опасная для того или иного

предприятия. Но вообще, благоприятным для всяких начинаний обычно считалось новолуние, связанное с рождением и ростом. Так, время молодого, растущего месяца обычно считалось самым благоприятным для роста: считалось, например, что жито лучше уродится, если посеять его «на молодик», а волосы будут гуще и длиннее, если постричь их на новолуние. Лекарственные травы собирали только в первой половине месяца, считая, что лишь тогда они окажут целебное действие; травы же, собранные на ущербе месяца, способны даже навредить больному. Кое-где считалось также, что дитя, рожденное в пору молодого месяца, всегда будет «младоликом».

Однако при этом во многих традициях время новолуния считалось крайне неблагоприятным для начала земледельческих и некоторых других работ; так, у сербов при молодом месяце ничего не сеяли, не косили трав и т.д. Иногда считалось, что нельзя начинать дела «на самом молодике» — нужно, чтобы месяц «одужил» (окреп) дня три-четыре. Считается, что молодой месяц плохо влияет на беременных женщин и новорожденных. Болгары верили, что ребенок, родившийся в новолуние, особенно подвержен сглазу, действию нечистой силы и т.д.; матери никогда не отнимали детей от груди в дни молодого месяца.

Полнолуние считалось добрым временем для земледельческих работ, ибо полнота месяца сулит богатый урожай. Новый дом тоже старались закладывать «под повню», чтобы в доме было «полное» счастье.

Вторая половина месяца, т.е. период ущерба, схода месяца не воспринимался однозначно как время неблагоприятное. Нередко старались сажать деревья, капусту и огурцы именно на «старом месяце», так как посаженное «на молодик» останется «молодью», не вызреет. Особенно благоприятными дни «старого месяца» считались для заготовки зерна, овощей, мяса на зиму; тогда, но народным представлениями, зерно не поедят мыши, овощей и мяса не тронут черви, т.к. «старый» месяц сдерживает всякий рост и не дает плодиться вредителям. Лечебной магией нередко предпочитают заниматься «на старом месяце», считая, что убывание месяца повлечет за собой убывание болезни.

ЛЯГУШКА — в поверьях обычно нечистое животное, родственное змее и другим гадам. Так, например, жабу в некоторых местах считали матерью или женой ужа. Лягушка, семь лет не видевшая солнца, превращается, по поверью, в летающего змея; считалось также, что у лягушек есть свой царь, который носит на голове корону. Лягушка, по народному убеждению, способна оживить мертвого ужа, а куски разрубленной ящерицы срastaются под воздействием жабьей мочи. Как и змей, лягушек считали ядовитыми; яд их, по поверьям, даже сильнее змеиного, но кусать человека им запрещено. Змеиный яд лягушка, по поверьям, способна поглощать и может очистить отравленный змеей источник.

В народных поверьях лягушке была присуща женская символика. Так как лапки лягушки похожи на человеческие руки, во многих местах считалось, что лягушка в прошлом была женщиной (ср. восточнославянскую сказку о Царевне-лягушке, основанную,

Лягушка

возможно, на некоем древнем мифе). В некоторых местах существовала даже примета, что в доме будет много лягушек, если первым гостем на Рождество, Новый год, насуху, Благовещение и другие большие праздники окажется женщина.

По некоторым поверьям, лягушки — это люди, утонувшие во время всемирного потопа, или войско фараона, преследовавшее евреев во время их исхода из Египта и потопленное в водах Черного (Красного) моря (из-за этого лягушек нередко называли «фараонами»). По поверьям некоторых мест, у самки лягушки длинные волосы и женская грудь, а у самцов есть борода; придет время, когда лягушки снова станут людьми, а ныне живущие люди превратятся в лягушек, поэтому бить лягушек грешно. Рождение детей в некоторых местах объясняли тем, что аист бросает в печную трубу лягушек, которые, пройдя через дымоход, приобретают человеческий облик.

В лягушке часто видели дух умершего, душу ребенка, похороненного некрещеным; иногда при виде лягушки в доме высказывали пожелание вечного упокоения. Часто считалось, что у убитого лягушку умрет мать (реже — умрет сам убитый или его родственники); рука отсохнет, будут болеть глаза, или его будет рвать выпитым молоком; у него не будет удаваться хлеб; другие лягушки кусают или задушат убийцу, или сама убитая лягушка придет ночью и задушит, а у девушки отберет красоту. При этом, однако, считалось, что убийство лягушки способно вызвать дождь, поэтому при засухе во многих местах совершали обрядовое убийение, а иногда и похороны лягушки или других «гадов»: ужа, гадюки, ящерицы, рака, вши, медведки, наука и др.

В народном представлении лягушка и жаба наделялись такой силой взгляда, что считалось, будто они могут взглянуть человека или животное. Крестьяне некоторых мест верили, что когда лягушка смотрит на человека, она пересчитывает ему зубы, отчего те выпадают; жаба может плюнуть человеку в глаза, отчего он ослепнет, и т.д.

По народному убеждению, появление лягушки в доме служит предвестием прихода нежеланных гостей, несчастья, смерти в доме. По некоторым поверьям, сыр от присутствия лягушки в доме становится ноздреватым; считалось также, что женщине нельзя брать лягушку в руки, иначе у нее не будет удаваться хлеб. Лягушка, выскочившая на дорогу перед путником (особенно рыбаком), сулит неудачу; если же у рыбака в начале ловли станут ловиться лягушки, то это значит, что «нечистая» женщина перешла через его невод и рыбы ему не поймать. Если корова доится кровью, говорят, что она наступила на лягушку или спала на змеином месте. Но при этом лягушка или жаба в глазах крестьян могла также иногда выступать и как дворовой дух, воплощение домового, приносящего дому удачу и достаток; по-видимому, такое представление перешло на лягушку от родственной ей в поверьях змеи (ср. представление о домово́й змее как хранительнице благополучия дома). Так, у восточных славян нередко считалось, что в каждом доме есть своя «хозяйка» в виде лягушки; лягушка, живущая под порогом дома, по поверью, оберегает дом от несчастий; схожее поверье

существовало и у чехов, которые верили в домовика-лягушку, кваканьем предвещающую дождь.

По некоторым поверьям, в облике лягушки могут показываться домово́й и душа некрещеного ребенка. Лягушкой оборачивается «змора», душаса́я спящих; богинки, подменяющие младенцев, принимают иногда вид жаб; банник и водяной могут показываться в виде огромной лягушки. Ведьма, обернувшись лягушкой или жабой, проникает в хлев и отбирает у чужих коров молоко, высасывая его из вымени; проклятая родителями девушка, по народному поверью, превращается в «лягушку-коровницу», которая по ночам выходит из воды выдаивать коров. В одной из быличек грибы маслята ночью превратились в жаб и душили спящего ребенка, который после этого заболел лихорадкой и вылечился только тогда, когда проткнули веретеном огромную жабу, прятавшуюся за печью. Саму лягушку нередко считали злым духом, способным насыть чары на человека; такая лягушка, по поверьям, не горит в огне, обладает разрыв-травой, открывающей любые замки, и может охранять клады, разные «тайные» цветы (папоротник, разрыв-траву) и т.д. В славянских сказках и поверьях ведьмы нередко окружают себя всевозможными гадами и пользуются ими как необходимыми орудиями для колдовства: варят их в кострах, поджаривают на огне, готовят из них различные волшебные составы и даже питаются ими, а кроме того, прикармливают их самих. С помощью лягушки ведьмы и колдуны иногда насылали порчу: натирали лягушачьим жиром дверь человека, которого хотели ослепить, и т.д. В древности считалось также, что собственно грозовые тучи бывают наполнены змеями, жабами и лягушками (их шипение и кваканье люди воспринимают как гром), которые иногда надают на землю вместе с дождем.

Как с предвестницей дождя, существом, тесно связанным с водой, с лягушкой в народе связывалось немало поверий и примет. Так, согласно народным поверьям, если лягушки в первый раз весной заквакали в скоромный день, коровы будут давать больше молока (молоко — символ дождя и вообще воды). Увидеть первую лягушку в траве — к удаче, в воде — к несчастью, вверх животом — к покойнику. У поляков считалось, что св. Бартоломей (24.VIII) прутьями хмеля загоняет лягушек в болото, после чего они уже не квакают, так как рты у них зарастают илом; считалось также, что к весне в лягушек превращаются старые ласточки, у которых во время зимовки в болоте под водой выпали перья.

Лягушке, как символу женщины, в поверьях была свойственна брачная символика. Так, о забеременевшей вне брака говорили, что она объелась лягушек. Лягушек часто использовали в любовной магии: так, например, считалось, что если посадить в муравейник двух спаривающихся лягушек, то потом среди лягушачьих косточек можно найти «крючок и лопатку»; крючком следует зацепить (а лучше всего — незаметно прицепить на одежду) того человека, которого желаешь привлечь к себе, а лопаткой можно оттолкнуть его же от себя. При этом иногда считалось, что от муравьиной кучи надо уходить задом наперед (чтобы таким образом обмануть лешего: когда он пустится в погоню,

Лядаший

то увидит, что оба следа ведут в лес, и не сможет найти человека). В некоторых местах считалось также, что следует до 12-ти ночей кряду ходить к муравейнику и обходить его молча три раза, а волшебные косточки дадутся в руки только на тринадцатую ночь. Полученные таким образом косточки обычно действуют безотказно, и неудача может грозить лишь в том случае, если девица, которой прицепили на платье «крючок», не доносит его на себе три недели кряду.

Особыми магическими свойствами, по народному убеждению, обладает палка, которой разняли ужа и лягушку. По поверьям, с ее помощью можно расстроить брак или любовные отношения, облегчить тяжелые роды, а также отвратить градовую тучу, усмирить борющихся врагов, выиграть суд, совершать выгодные торговые сделки и т.д.

Лядаший — см. Ледаший.

Лямбой — см. Лембой.

М

МАВКИ, навки — (от «навь») в восточнославянской мифологии злые духи, русалки. Считалось, что в мавок по прошествии семи лет превращаются умершие до крещения (мёртворожденные, приспанные матерями и т.п.) дети; так, в центральной Малороссии мавками называли только русалок-детей, полагая, что «дети, родившиеся мертвыми и некрещеные, превращаются в мавок и что тоскующие души их... просят себе крещения». Иногда также считали, что мавками становятся утонувшие девушки; это, очевидно, связано с тем, что на поверья о мавках наложились представления о русалках-утопленницах.

Мавки, по народным поверьям, бестелесны; они не отражаются в воде и не имеют тени. Считалось также, что спереди мавки имеют человеческое тело, а спины у них нет, поэтому видны все внутренности. Появляются они в сумерках, «в час, когда вечерняя заря тухнет, еще не являющиеся звезды, не горит месяц, а уже страшно ходить». Считалось, что в это время они затевают свои игры: «царапаются по деревьям и хватаются за сучья, хохочут, катятся клубом по дорогам и в широкой крапиве»; человеку, случайно повстречавшему их, они могут навредить так же, как и русалки.

МАКОШЬ, Мокошь — олицетворение Матери — Сырой Земли, посредница между небом и землей; древнее земледельческое божество плодородия и женской жизненной силы, «мать урожая»; богиня изобилия, покровительница полей и скота, а также женских работ, в первую очередь прядения и ткачества.

Упоминания о Макоши встречаются во многих старинных источниках, поучениях против язычества и пр. Ее упоминали наряду с рожаницами, а также вилами-русалками (орошавшими поля туманом и росой) и Симарглом — судя по некоторым данным, божеством семян и молодых всходов. Ее идол, наряду с идолами других божеств, был некогда поставлен Владимиром в Киеве; причем Макошь была единственным женским божеством в этом пантеоне: «И нача княжити Володимер в Киеве един. И постави кумиры на хълме вьне двора теремьнаго: Перуна древяна, а главу его сьребряну, а ус злат, и Хърса, и Дажьбога, и Стрибога, и Съмаргля, и Мокошь». В «Слове об идолах» Макошь также упоминалась вместе с этими божествами: «...тем же богам требу кладуть и творять и словеньскый язык: вилам и Мокошьи диве, Перуну, Хърсу...». При этом Макошь приравнивалась к языческой Гекате: «мажють Екатию богыню, сию же деву творять, и Мокошь чтуть...»; правда, не совсем понятно, какой из образов Гекаты имелся в виду (т.к. образ Гекаты в античном

мире прошел сложную эволюцию от богини, повелевавшей всей Вселенной, до покровительницы человеческого благосостояния и, наконец, до мрачной богини колдовства и ночных кошмаров, связанной с миром мертвых).

Судя по древним источникам, Макошь в древности воспринималась славянами как доброжелательная богиня, связанная с аграрно-магическим комплексом представлений. Поэтому она и упоминалась вместе с вилами и Симарглом, т.е. с божествами, содействовавшими получению урожая. А так как от урожая в древности зависела судьба и сама жизнь и смерть древних земледельцев, то Макошь почиталась и как богиня, ведающая людскими судьбами (ср. перечисляемые в древних «Словах...» народные суеверия: «встрячу, и в кошь, и в сновидения», а также: «...и Мокошь и в сносудец...»). Макошь представляли пряхой, которая прядет нити человеческой судьбы; при этом само имя богини было связано со словом «кшь», «кошь» — «жребий», «судьба». Кроме того, слово «кошь» также являлось корневой основой слов, обозначающих различные емкости для зерна: «кошь» — корзина, плетеный возок для снопов; «кошьница», «кошуля» — плетеные из прутьев емкости и т.д., что выражало и связь Макоши («Ма-коши» — «матери счастливого жребия», богини удачи и судьбы) с урожаем и плодородием земли («Макошь» могло означать и «мать урожая»). По-видимому, в прямом первоначальном смысле слово «кошь» относилось к хозяйству, к различным приспособлениям для хранения и перемещения продуктов земледелия и к скотоводческим сооружениям; словосочетание «мой жребий» могло означать «моя корзина зерна», «мой воз снопов», «мое стадо скота» и т.д., т.е. «мое добро», «мое благо». В этом смысле «кош» как жребий означал долю, часть, доставшуюся кому-то, но этот смысл неизбежно расширялся в связи с тем, что в земледельческом обществе размер каждой доли-части соотносился в зависимости от общего объема урожая со всех полей общины. Отсюда могли возникнуть и представления о «покровительнице наполненных кошей», о матери урожая — не богине плодородия как такового, а богине «итогов хозяйственного года». Так и появилось новое осмысление этого слова: поскольку урожай при одних и тех же трудовых условиях и молениях богам каждый год был различным, объем его в глазах древних земледельцев определялся случаем; так что «кош» приобрел значение «случайного», «непостоянного», т.е. жребия.

Отсюда и Макошь вполне могла восприниматься как «мать хорошего урожая», «мать счастья». Богинями, подобными Макоши (т.е. сочетавшими в себе

покровительство изобилию с влиянием на случайности человеческой судьбы), были греческая Тихе и римская Фортуна; атрибутом обеих этих богинь был рог изобилия. Такой же рог был, по-видимому, и атрибутом Макоши: так, на Збручском идоле, созданном задолго до нантеона Владимира, на главной, лицевой, грани была изображена богиня с рогом изобилия в руке, по всей видимости, Макошь.

Макошь в древности была очень почитаемой богиней, хотя ее, судя по всему, чтити менее, чем богинь-рожаниц, покровительниц собственно плодородия, т.с. роста, цветения и плодоношения растений, а также плодovitости животных и людей. Но тем не менее, культ Макоши, подобно культу рожаниц, сохранялся еще долгое время после принятия христианства, а отголоски его просу шествовали вплоть до XX в. Так, в XIV-XVI вв. в позднейших копиях древних поучений Макошь все еще упоминалась, хотя культ ее уже был сильно снижен, а в этнографических записях имя Макоши упоминалось и в XIX-XX вв.

Дольше всего образ Макоши сохранялся в русской ритуальной вышивке. Макошь при этом изображалась как центральная фигура всей композиции; на полотенцах для весенних обрядов ее изображали с воздетыми к небу руками (молящей о хорошем урожае), а к дням летнего солнцестояния Макошь изображалась с руками, указующими на землю (на колосающиеся хлеба). На этих же ритуальных полотенцах голова Макоши нередко была увита колосьями; колосья изображались также у ног богини.

По этнографическим данным образ Макоши дольше всего сохранился на Русском Севере. Поверья о Макоши там основывались, по-видимому, на древнейших представлениях об этой богине как о покровительнице домашнего очага и домашнего женского дела, особенно ткачества, что было связано с ее функцией богини судьбы (подобные божества, «ткущие» человеческую судьбу, традиционно считались пряжами). Поэтому все женские работы, связанные со льном, пряжей и ткачеством, в народном представлении находились под покровительством Макоши, на Русском Севере со временем превратившейся из «матери урожая» в покровительницу женских работ, суровую повелительницу прядения, бродящую по земле в облике женщины с распущенными волосами и бдительно следящую за соблюдением обычаев.

Например, северорусские крестьянки считали Макошь невидимой пряхой, вмешивающейся в женские работы, тайком стригущей овец и запрещающей прядение в праздничные дни. В некоторых местах ее, по-видимому, долгое время почитали и как языческую богиню; например, в так называемых исповедальных «худых номоканунцах» XVI в. среди запретов разных видов гадания упоминался и такой вопрос: «Не ходила ли сси к Мокуши?» В Олонецких краях в XIX в. Макошь воспринималась как некий полудемонический персонаж: ее представляли в облике женщины с большой головой и длинными руками, прядущей по

ночам в избе; поверья запрещали оставлять на ночь кудель, «а то Мокоша отпрядет». Помимо этого, о Макоши сообщали следующее: «Овца, как не стригут шерсть, то иногда и вытрет; и говорят: Мокуша остригла овец. Иное: спят — веретено урчит. Говорят — Мокуша пряла. Выходя из дома она (Макошь) иногда подойдет, а о брус-от, о полати-то веретеном-то и щелкнет». По мнению крестьян, Макошь также наблюдает за прядущими женщинами: «Мокуша великим постом обходит дома и беспокоит прядущих женщин. Если пряхи дремлют, а веретено их вертится, то говорят, что за них пряла Мокуша».

Вообще, Макошь в крестьянских верованиях Русского Севера выступала практически как двойник Параскевы Пятницы — христианской святой, культ которой заменил языческий культ Макоши и слился с ним. Пятница стала непосредственным продолжением образа Макоши после принятия православия; так, в украинских ритуалах XIX в. Пятницу представляла женщина с распущенными волосами, которую водили по деревням. Пятница, как и Макошь, считалась пряхой, бдительно следящей за всеми женскими работами, и особенно за прядением. Она требовала неукоснительного повиновения и запрещала бабам работать в посвященный ей день — пятницу, а за нарушение запрета насылала болезни, могла истыкать виновную кудельной спицей или даже превратить ее в лягушку. При этом Параскева Пятница, как и Макошь, считалась покровительницей браков и плодородия, была связана со священной земной влагой; ей молились «о всяком благополучии и счастье домашнем», называли «льняницей» и приносили ей в дар первые снопы льна и вытканые уборы, а также пряжу и кудель, которые бросали в колодец (такой обряд носил название «мокрида»; это название, как и имя Макоши, было связано с корнем «мокрый» и, возможно, с шокоз — «прядение»). Таким образом, фактически все функции языческой Макоши перешли на св.Параскеву, и вообще Параскева в народных поверьях больше напоминала языческую богиню, чем святую.

Персонажем, подобным Макоши, была также русская Среда, Середа — женский персонаж, связанный, как и Пятница, с нечетом, с женским, враждебным началом: считалось, что Середа помогает ткать и белить холсты, наказывает тех, кто работает в среду, и т.д.

Ман, манилка, манило, маниха, поманиха — привидение, дух неясного облика. «Мана» во многих местах означало «обман, наваждение», а «манить» — «обманывать, мерещиться» («В доме манит, видно, кикимора завелась»; «Что-то манится, видится мана»; «Померещилось, мана какая нашла», и т.п.).

Соответственно, в народных поверьях ман выступал как «лжец, обманщик», а маниха — это «тот, который мерещится или манит». Маном, манихой именовали различных духов, имеющих расплывчатый, неопределенный облик, показывающихся

Манья

неопределенной тенью, облачком тумана и т.п.; духов, которые, по народному убеждению, любят «манить» и «блзниться», т.е. морочить, обманывать и пугать людей.

Чаще всего маном или манихой называли духов, обитающих в доме и надворных постройках, соотносимых с домовым, кикиморой, покойниками и т.д. Так, манил кой на Вологодчине называли домового, который показывается тенью; им пугали детей. Маном новгородцы именовали банника: «баенный ман — нечистый дух под каменкой; с ним онасно встречаться в полночь: согнет в несколько раз и сунет в каменку». В некоторых рассказах ман, манилка невидимо расхаживает по избе, стучит и шумит, раскидывает посуду, швыряется вещами, стонет, причитает и пугает людей. По народному убеждению, «ман бывает чаще всего в пустых, заброшенных домах»; однако он иногда появляется и в жилом доме, мерещится хозяевам, нередко принимает неожиданные и устрашающие образы, стараясь запугать хозяев и выжить их из дома. Так, например, в рассказе из Новгородчины девочке, которая вечером осталась в избе одна, мерещится выходящая из-за печки корова, а в люльке ее маленького брата оказывается какая-то незнакомая девчонка.

Маном нередко называли ходячего покойника или привидение, пугающее людей. Так, считалось, что привидения-маны чаще всего показываются в сумерках и имеют неясный, расплывчатый, но устрашающий облик; они «манят», пугают прохожих, гонят за ними. Колокольным маном в некоторых местах именовали покойника или черта, который, по поверьям, появляется в сумерках и ночью на колокольне; верили, что он преграждает людям путь на колокольню и может разорвать человека на части.

Маном, манихой иногда называли и других нечистых духов. Так, считалось, что «манить», мерещиться может практически вся нечистая сила: лешие, кладовики, русалки и пр. Майами в некоторых местах называли и чертей, бесов, которые, по народному убеждению, не только манят, мерещатся, показываясь в неопределенном облике и быстро исчезая, но и всячески обманывают человека.

МАНЬЯ, маньяк — призрак, привидение, а также нечистый дух, летающий по небу в облике падающей звезды, метеорита (таким духом мог быть огненный змей, черт, бес, иногда даже леший и т.д.).

Согласно народным поверьям, манья, маньяк — это сходное с маном «мерещащееся», «манящее» существо, соотносимое с нечистым духом, чертом или бесом, призраком и т.д. Так, во многих поверьях маньяк — это призрак, видение; в некоторых местах маньяками называли духов, привидения неопределенного облика, которые показывались работающим в поле жницам, особенно 28 июля, в день Кирика и Улиты (говорили: «Кто на Кирика и Улиту жнет, тот маньяка видит»). Манья в поверьях — безобразная старуха с клюкой, которая бродит по свету, ища погубленного ею сына. В некоторых местах подобные поверья

объединялись: так, на севере, северо-востоке России и в Сибири манья — это призрак, привидение, чаще всего появляющееся в облике старой, тшедушной женщины. В некоторых местах верили, что особенно часто маниха появляется в день Мануила: говорили, что «на Мануила к реке ходить нельзя: ходит по берегу реки старуха с клюкой Маниха, а с нею дочь ее — белая русалка Манья».

В центральной и юго-западной России маньяком именовали не только тень, смутное видение, но и духа, способного принимать облик падающей звезды. Так, в некоторых местах полагали, что маньяк летает по небу падающей звездой, а увидеть его можно чаще всего в конце февраля. Согласно народным поверьям, в облике маньяка — летящей звезды или огненного шара — нечистые духи летают к своим любовницам или носят своему хозяину деньги, припасы и т.д. Считалось также, что они могут предвещать смерть: так, по поверьям, 5 марта, в день Льва Катапского, «не должно смотреть на падающие звезды с неба... Худая примета ляжет на душу того, кто завидит падающую звезду; она предвещает неизбежную смерть ему или кому-нибудь из его семейства».

В некоторых местах, завидя падающую звезду, говорили: «Маньяк полетел». Однако нередко считалось, что говорить так — большая неосторожность, так как нечистая сила немедленно откликается на упоминание ее имени и может навредить человеку, вслух упомянувшему «нечистика». Старики, чтущие заветы предков, весьма неодобрительно относились к людям, легкомысленно упоминающим маньяка или других нечистых духов: так, исследователи писали, что «опытные люди всегда чуждаются таких людей и даже имеют об них худое понятие».

МАРА, марена, мару ха, мора — злой дух, очевидно, продолжающий образ Марены, богини смерти. Изначально мара была преимущественно воплощением смерти, мора, вражды и злобы; очевидно, такое представление о ней отразилось в обряде уничтожения мараы — соломенного чучела, сжигаемого, потопляемого или разрываемого на части во время проводов зимы или праздника летнего солнцеворота. Со временем, по-видимому, мара отчасти утратила связь со смертью, однако в народном сознании осталась существом недобрым, вредоносным, способным к оборотничеству и т.п.

В народных поверьях мара, марена — название нечисти, таинственного и опасного существа; это призрак, привидение, мираж, злой дух, воплощение судьбы и смерти. Так, марой в некоторых местах называли мрачное привидение, обитающее в темных и сырых местах, в пещерах под вымытыми водой берегами. Кроме того, марой нередко именовали кикимору, страшное растрепанное существо, которое в лунные ночи сидит за шитьем или пряжей и гремит самопрялкой («как погремит, так и будешь одну куделю прясть целый день: пошьет ч кого. тот одну рубашку в неделю

не кончит: все будет перепарывать и т.д.). Согласно северным поверьям лесной России, мара незримо обитает в избе, чаще всего за печью (поэтому в народе ее иногда называли запечельной марой), а также в голбцах и подызбице; она может проказить в доме, незаметно похищать вещи и т.д. Становясь видимой по ночам, мара допрядает (или, по другим поверьям, рвет и пугает, жжет и мусолит) кудель и пряжу, оставленные хозяйками без благословения; в некоторых местах при этом верили, что если мара шьет и прядет в лунные ночи, то это «не к добру». Мара-кикимора весьма опасна для детей, может вредить им, насылать на них болезни или даже красть их; бабкой Марой, запеченой марой матери пугали детей.

Иногда мара в поверьях сближалась с полудницей или русалкой. Так, например, в некоторых местах мару считали высокой красивой девушкой, одетой во все белое, в полдень появляющейся в полях и насылающей на работающих в это время людей головную боль, лихорадку и т.д.

Облик мары в народных поверьях довольно расплывчат. Так, например, мара могла являться высокой женщиной с длинными распущенными волосами или косматой сгорбленной старухой; иногда ее представляли красивой девушкой в белых одеждах (вероятно, сближая ее образ с образом предвестницы смерти) или черной оборванной женщиной с растрепанными волосами, иногда даже лохматой, косматой («Детей раньше бякой да запечельной марой пугали, оденут шубу вверх шерстью и говорят: “Вот бяка или запечельная мара идет”»). Она могла представляться и туманным, летучим призраком неопределенного облика, бестелесным привидением и т.п.

Существа, аналогичные русской маре — духу, подобному кикиморе, есть в поверьях многих народов, как славянских, так и иных; названия таких существ также похожи и восходят, очевидно, к единому корню. Так, у украинцев мара — это «призрак, привидение, злой дух»; у сербо-хорватов мора — «домовой, кикимора»; у чехов туга — «кикимора, кошмар»; у поляков тога, змога — «кошмар, морок»; древнесеверное тага — «домовой, дух-мучитель» и т.п. Исландское тага, тагга, английское nightmare, чешское mocus означают «кикимора, ночной дух, мучающий спящих» и т.д.

Этимология слова *мара* не вполне ясна. Само слово *мара* в разных районах России означало «туман», «мгла, марево», а также «болото, стоячая вода»; кроме того, оно могло обозначать «гибель, смерть, мор» и т.д. Вероятна связь слова *мара* с глаголами *манить*, *маять* или с образованиями от корня *mr* (санскр. *mṛtis*, латинское *mors*, славянское *съ-мръть*). Собственно наименование *мара* обычно применялось в значении «наваждение, видение, призрак, привидение, морок, полночный кошмар» и т.п.; «марить» означало «отуманивать, одурманивать»; «маркосить» значило «мерещиться, неясно видеться впотьмах, мелькать» и т.д.

В народных поверьях мара — призрачное существо, связанное с сырыми местами и водой вообще, а также с прядением, с человеческой судьбой и со смертью, что сближает ее с древней языческой богиней плодородия и судьбы Макошью. Возможно, образ богини Макоши со временем под влиянием христианства трансформировался в образ мары или кикиморы — злого духа, появляющегося в доме перед бедой и предсказывающего смерть. Возможно также, что Мара изначально была самостоятельным мифологическим персонажем, не связанным с Макошью. Так, у славян существовала богиня Марена, которую в некоторых местах именовали также Марой; богиня эта считалась олицетворением рока, смерти, зимы, а также болезней, темноты и т.п.

МАРГОСКИ. Маргоскина неделя — вторая неделя после Пасхи, неделя жен-мироносиц (само название этой недели было наиболее распространено в черноземных губерниях, например, в Орловской). Главным ее днем считалось воскресенье: в этот день устраивался исключительно женский праздник, на котором особое значение приобретали пасхальные яйца, занимающие в праздничном обряде главное место.

В этот праздник храмы обычно бывали куда более обычного (и даже более, чем во многие иные праздники) переполнены замужними женщинами, вдовами и молодыми девушками; при этом каждая из молящихся в храме женщин, подходя после обедни прикладываться к кресту, обязательно христосовалась со священником и давала ему яйцо (подобный же обряд на утрене Светлого воскресения во многих местах исполняли исключительно мужчины).

В тех же местах, где церковью было мало и приходы были удалены на значительное расстояние, в воскресенье на Маргоскиной неделе деревенские бабы и девки, все с обрядовыми приношениями (обычно — парой сырых и парой печеных и крашенных яиц) в руках, карманах или за пазухой, с утра шли в ближайший лесок или хотя бы на такое место, где «завязались кусты ракиток». При этом шли они с песнями, но, придя на место, немедленно замолкали «ввиду наступления торжественного священного обряда христосования и кумовства». Каждая из участвующих в этом обряде снимала с шеи крест и вешала его на дерево; к висающему кресту подходила другая участница обряда, крестилась и целовала этот крест, а потом обменивала его на свой, после чего целовалась и «кумилась» с его владелицей (женщины, обменявшиеся в этот день крестами, считались и звались «кумами», «кумушками» вплоть до самого Духова дня — уже исключительно девичьего, а не просто женского праздника). Все собравшиеся женщины кумились между собой таким образом, затем снова запевали песни и затевали пляски, а в это время ребята собирали хворост и раздували огонь, на котором три бабы жарили яичницу. Потом все женщины, собравшись вместе и сидя кругом сковородки, ели эту яичницу руками, отламывая по куску и

Марена

христосуясь нарочно покрашенными к этому дню яйцами; при этом они угощались из рюмок квасом с взаимными пожеланиями (при этом девушки свои пожелания обычно шептали друг другу на ухо). Девушек-подростков приветствовали обыкновенно так: «Еще тебе подрасти, да побольше расцвести», а заневестившимся девкам говорили: «До налетья (следующего года) косу тебе расплести надвое, чтобы свахи и сваты не выходили из хаты, чтобы не сидеть тебе по подлавночью (т.е. в девках)»; бабам же высказывали примерно такие пожелания: «На лето тебе сына родить, на тот год сам третьей тебе быть».

Обычай «кумиться» на Маргоскиной неделе был распространен весьма широко и был известен, судя по всему, с очень давних времен. Вообще, в коренных и старых поселениях практически все население являлось по отношению друг к другу либо свахами и сватами, либо кумами и кумовьями, и не только по церковному благословению, но и по старому обрядовому праву. Сам обычай «кумиться» мог приурочиваться к различным праздникам, но среди женщин он совершался обычно либо на Маргоски, либо в Духов день или на Троицу, и при этом мог весьма варьироваться: так, в этом обряде могли принимать участие либо только девушки, либо взрослые женщины, либо вообще все женщины и даже нарня.

Так, например, в некоторых случаях обычай кумиться, приурочивавшийся к Маргоскам, являлся чисто девичьим обрядом. Заключался он в том, что девушки шли в лес, разбившись на нары, а придя на выбранное место, связывали оборой от лаптей верхушки березок и вешали на связанные деревца кресты с шей и ленты с кос. Затем они начинали ходить вокруг деревьев навстречу друг другу с припевом: «Вы, кумушки, вы, голубушки, — кумитесь, любитесь, не ругайтесь, не бранитесь, сойдитесь — полюбитесь, подружитесь». Обойдя березки три раза, девушки целовали подвешенные на них кресты, а затем, при взаимных поцелуях, и обменивались ими. Затем они пекли яичницу, а на трапезу приглашали парней, обязанных в этом случае принести с собой водки, меду и сладких гостинцев. Когда яичницу съедали, каждая девушка выбирала себе нарня и, обнявшись с ним, гуляла у всех на глазах до самого вечера; с заходом же солнца все с песнями расходились и спешили по домам.

В некоторых местах подобный обряд сопровождался еще «зазыванием снитки», от которой, по народному убеждению, зависит урожай хорошей капусты. «Сниткой» или «кукушкой» в народе называли подорожник; а так как эта трава иногда использовалась и в самом обряде «кумовства», обряд этот в некоторых местах именовали «крещением кукушки». Так, например, в некоторых уездах Орловской губернии девушки, собравшись кумиться, отыскивали эту траву, наряжали ее, вешали на нее крестики и кумились возле нее; в других уездах той же губернии ее отыскивали только после коллективного поедания яичницы, а

найдя, вырывали с корнем, уносили на другое место и там с песнями зарывали в землю, чтобы обеспечить урожай капусты.

По Вятке женский праздник, справлявшийся на Маргоски, происходи! особым образом: девушки туда не допускались, да и многие женщины тоже избегали его (хотя ранее в нем принимали участие все взрослые женщины, и даже жены священников), а придерживались старого обычая преимущественно бабы — любительницы погулять (в деревнях таких находилось обычно 10-15 человек). Устройство такой пирушки брала на себя одна из участниц, как правило, по жребию; при этом чаще всего выбор падал либо на вдову, либо на малосемейную женщину. Для этого праздника устроительницы варили пиво и из собранных накануне в складчину припасов приготавливали обед к тому времени, когда все участницы возвращались из церкви, от обедни и от молебна Мироносицам. Собравшиеся устраивали пир, оканчивавшийся обычно лишь поздним вечером: женщины, не стесняясь благодаря отсутствию мужчин, веселились, пировали и плясали до того, что под конец пира сбрасывали с себя и платки, и носимые под ними каждой замужней женщиной «чехлики» (чепчики), и пели и плясали простоволосыми, что, по народному мнению, являлось признаком крайней разнузданности (являться в таком виде перед посторонними считалось в высшей степени зазорным и непозволительным для всякой порядочной женщины).

МАРЕНА. Морана, Морена, Мара, Маржена — богиня зимы, смерти, темноты и болезней; у южных славян летучий призрак зимы. Марена была связана с сезонными ритуалами умирания и воскресения природы, а также с ритуалами вызывания дождя.

В первую очередь Марена считалась божеством смерти как человека, так и окружающего его мира — животных, растений и пр. При этом смерть воспринималась славянами как мрак и холод: славяне видели, что с заходом солнца на ночь вся дневная жизнь прекращается, в природе все вокруг погружается во мрак и засыпает (и сам сон также сближался со смертью); то же самое происходило и при наступлении зимы, когда яркие лучи солнца скрывались зимними туманами и снежными облаками и солнечный свет уже не согревал землю, небо переставало посылать дожди и вся природа замирала, словно скованная смертельным дыханием холода — до самой весны, которая своим теплом пробуждает природу, и в ней начинается кипучая жизнь. Таким образом, отсутствие тепла, яркого солнечного света означало для славян умирание жизни на земле; и соответственно сама жизнь в народной традиции повсеместно отождествлялась со светом и теплом, а смерть — с мраком и холодом.

Поэтому и Марена воспринималась славянами не только как богиня, отбирающая у людей жизнь, но и как воплощение мороза, тьмы, зимы, и само имя ее сближалось с угасанием жизни. Так, имя ее происходило от санскр. *mṛī* (усилен, *mṛā*) — смерть, умирание

(польск. *marzana*, рус. смерть, лат. *mors*) и было родственно словам умирать (славянское «мрети»), морок (туман), мор (повальная болезнь, эпидемия), мрак, мерцать, померкнуть, мора (тьма), марать, мары (носилки для покойников), мара (нечистый дух, привидение), мерек (черт), мерещиться (темнеть), смеркаться, меркоть (ночь, потемки), мерекать (мало знать, «не распознавать за темнотою», ср. «темный человек»), помора (отрава), поморщина (большая смертность), замерек (первозимье), замореки (первые морозы), смрад, смердеть, малор. *хмара* с постоянным эпитетом «черная» (туча), великор. *хмара* (густой туман), *хмор*, *хмора*, *хмарь* (туманное, дождливое время), рус. мороз (мраз, польск. *marznas*, чешек, *mřznauti*) и т.д. У чехов существовало такое выражение: «*po ruti vsei z vesny ro Moranu*», т.е. «на пути от весны до Мораны»; под весной здесь подразумевалась юность, жизнь, а под словом Морана — старость, смерть и зима. В чешской рукописи про убийство Власлава говорится, что он провалился под землю:... *wstati ne tozese; Morena iei supase w nos egnu* («встать не может; Морена усыпила его в черную ночь»). Поговорки тина «*řiudes na moran*», «*Morena na nej sahla*» означали, что человек скоро умрет, его коснулась смерть (ср. другое имя Морены у чехов — *Smrtonoska*).

Как у восточных, так и у западных славян Мареной (а также Смертью, Зимой, ведьмой и пр.) называлось соломенное чучело, воплощение смерти, мора и зимы, которое мастерили весной, в марте, из соломы, тряпок и пр. и затем торжественно уничтожали. Например, в Малороссии при встрече весны (1 марта) куклу, называемую Мареной (Марой), с пением веснянок носили по улицам; в завершение обряда эту куклу ставили на возвышенном месте, зажигали ее и, пока она горела, пели и плясали вокруг, а также закликали обычными причитаниями Весну. В великорусских губерниях торжество Весны и гибель Мораны чествовали возжиганием праздничных огней на масленицу, причем сопровождаемую в это время праздничным шествием куклу также иногда называли Марой, Мареной; по окончании обрядов ее топили либо сжигали и пепел бросали в воду, что символизировало уничтожение зимы под лучами жаркого весеннего солнца или потопление ее в первых дождевых водах. Иногда эту куклу также разрывали на части и разбрасывали солому от нее (символизирующую последний снег?) по полям для обеспечения будущего урожая. В некоторых русских губерниях закликанье и чествование весны производилось на Красную горку (в воскресенье Фоминой или радуницкой недели); и там поселяне укрепляли на холме длинный шест с соломенной куклой (которую позднее сжигали), а девицы выходили в полночь с метлами и кочергами и, размахивая ими, бегали по селу, «прогоняя невидимую Морану». Подобные обычаи наблюдались также и у западных славян: там тоже в начале марта носили по селу уничтожаемое позднее чучело Марены, сопровождая этот обряд песнями:

«*Wynesli sme Murienu se wsi, prinesli sme Mag nowy (новый Май) do wsi*», или: «*Nesem, nesem Marenu*», и т.п.

Схожие обряды наблюдались у славян и накануне Иванова дня. Например, в это время в некоторых районах Малороссии делали чучело (маленькое, величиной с ребенка, а иногда и в рост человека) и надевали на него женскую сорочку, плахту, мониста и венки из цветов; тогда же срубали дерево (обычно черноклен, вербу или тополь), обвешивали его лентами и венками и устанавливали на избранном для игрища месте. Это дерево, как и куклу, называли Мареной; под ним ставили наряженную куклу и стол с разными закусками и напитками. После этого зажигали большой костер и прыгали через него попарно (парни с девушками), держа в руках купальскую куклу; эти игры продолжались до рассвета. На другой день куклу и дерево приносили к реке, срывали с них украшения и бросали их в воду. При этом на празднике исполнялись песни тина: «*Ходыли дивочки коло Мариночки, / Коло мого вудола Купала. / Гратеме сонечко на Йвана! / Купався Иван, та в воду упав; / Купало на Йвана!*» См. также *Мара*.

Маржена — см. *Марена*.

МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ. «Марья — Зажги снега», «Марья — Заиграй овражки» — день памяти св. Марии Египетской, праздновавшийся 1 апреля ст.ст. Согласно библейской легенде, Мария, родившаяся в Египте, но покинувшая дом и уехавшая в Александрию, была некогда блудницей: она считала, что весь смысл жизни состоит в «утолении плотской похоти», и потому долгие годы предавалась любодению, причем совершала все бесплатно, хотя и жила в нищете, зарабатывая пряжей. Но однажды она отправилась на праздник в Иерусалим, а когда захотела войти в церковь, то какая-то сила отбросила ее прочь; тогда она со слезами обратилась к иконе Пресвятой Богородицы, прося впустить ее в храм, и вошла беспрепятственно. Покинув храм, она снова помолилась Богоматери, прося наставить ее на путь покаяния, и услышала голос: «Если ты перейдешь за Иордан, то обретешь блаженный покой». Поступив так, она поселилась в пустыне, где сорок семь лет страдала от жажды, голода и «блудных помыслов»; платье ее изодралось и истлело, она ходила совершенно нагая (на ней остался лишь нательный крест), питалась только кореньями и т.п. и не раз падала на землю, как мертвая, но Пречистая Дева и сила Божия всегда поддерживали ее. Однажды она встретила старца Зосиму и поведала ему о своей жизни; прощаясь же, она взяла с него слово прийти к реке Иордану в Великий четверг Тайной Вечери. Когда старец пришел, то увидел, что Мария находится на другом берегу реки; но она крестным знаменем перекрестила реку и перешла ее прямо по воде, словно посуху. Причастившись у старца Святых Страшных Христовых Тайн, она помолилась и простилась с Зосимой, сказав ему на следующий год прийти туда, где

они с ним в первый раз встретились; старец, исполнив это, нашел ее мертвой, со сложенными на груди руками, лежащей лицом к Востоку; у головы ее начертано было: «Погреби, авва Зосима, на этом месте тело смиренной Марии». Совершив погребение, Зосима вернулся в свой монастырь и поведал инокам о житии преподобной Марии.

Благодаря этой легенде с именем Марии Египетской в народе связывалось представление о загробном суде, на котором Мария, по народному убеждению, будет судить всех нераскаившихся блудниц и блудников. Однако при этом, согласно поверьям, она может «поставить на первую ступень заблудшего сына и снасти, по молитве родителей, от блудного жития и непотребства сбившуюся с пути истинного дочь»; такая милость Марии к раскаившимся блудникам и блудницам объяснялась тем, что она и сама «пошла на блуд с 12 лет» и лишь с 17-ти навсегда ушла в пустыню, а потому покровительствует всем раскаившимся грешникам.

День Марии Египетской крестьяне обычно проводили в строгом воздержании и посте. Так, например, во многих местах, из уважения к великой подвижнице Христовой, считалось грехом есть в этот день что-либо, кроме пустых щей (отчего день Марии иногда именовали «Марья — пустые щи»); впрочем, нередко этот обычай объяснялся и тем, что к этому времени у крестьян обычно выходил запас капусты.

Ко дню Марии Египетской, как, в общем, и к другим праздникам, приурочивались некоторые особые приметы и обычаи. Так, например, считалось, что «Мария половодье начинает», и в этот день примечали: если будет разлив, то и травы будет много, а если лед сходит быстро — год будет легкий, хороший. Приурочивался ко дню Марии и особый обычай, связанный с тем, что праздник этот ранее приходился на 1 апреля: считалось, что в этот день просыпается нечистая сила (домовой), и поэтому нужно обманывать друг друга, вероятно, для того, чтобы обмануть и нечистого духа. Особенно охотно этот обычай соблюдали молодые девушки: они старались обмануть как можно больше людей, полагая, что в этом случае женихи не проведут их, а наоборот, они сами смогут водить молодых людей за нос.

Маруха — см. Мара.

Марья — Зажги снега — см. Мария Египетская.

МАСЛЕНИЦА — один из самых древних народных праздников; воплощение плодородия и имя обрядовой куклы, чучела, олицетворявшего зиму и смерть и уничтожавшегося в конце праздника; «сырная» неделя, предшествующая Великому посту и разделяющая в славянском народном календаре два его главных сезона — зиму и весну. Наиболее широко масленица отмечалась у русских, у западных славян и у южных славян-католиков; менее широко — у православных южных славян, и очень скромно — на Украине и в

Белоруссии. Масленицей этот праздник называли за то, что в течение этой недели перед Великим постом дозволялось есть скоромные продукты, в том числе и коровье масло (во время поста вместо коровьего употреблялось конопляное масло, а во многих местах и вовсе обходились без масла).

Масленица была одним из самых веселых и разгульных, истинно народных праздников, сохранившимися, очевидно, еще со времен язычества. Ее повсеместно именовали «веселой», «широкой», «пьяной», «честной» и т.п.; про нее в народе говорили: «Душа моя Масленица, перепиленные косточки, бумажное житье, сахарные твои уста, сладкая твоя речь, красная краса, русая коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трех матерей дочка, киночка, ас очка, ты же моя перепелочка». К масленице приурочивалось множество обычаев и поверий, осуждаемых церковью, но пользовавшихся в народе большой популярностью. Так, например, столь характерные для больших языческих празднеств маскарады, приходившиеся на масленицу, воспринимались духовенством как «непристойный разгул, неистовство и разврат». Многие священники весьма возмущались тем, что «в то самое время, когда бы всякий с сердечным раскаиванием должен был готовиться к созерцанию страданий Христовых, в то время сии заблудшие люди предадут душу дьяволу... Во всю масленицу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство, так что ужасно слышать о том всякому христианину». По этой причине масленицу долгое время старались уничтожить, однако это так и не удалось: ее лишь сократили до восьми дней (по некоторым данным, некогда масленица продолжалась до 14 дней, а возможно, и больше).

У русских начало масленицы — сырной седмицы (именуемой так церковью за то, что на этой неделе в среду и пятницу принято было есть сыр и яйца) — приходилось на воскресенье за неделю до Великого поста, на так называемое мясное заговенье, когда в последний раз перед постом разрешалось есть мясо. Каждый день масленицы имел свое название и за каждым были закреплены определенные действия, правила поведения, обряды и т.д. Так, понедельник масленичной недели именовался «встречей», вторник — «заигрышем», среда — «лакомкой», «разгулом» или «переломом», четверг — «широким», «разгуляем», пятница — «тешинными вечерами», суббота — «золовкиными посиделками» или «проводами», а воскресенье — «прощеным днем» или «заговеньем».

Основными забавами на масленицу являлись катания с гор и на санях, игрища и кулачные бои, а также пиршества, на которых ели обрядовую пищу — блины, оладьи и пр. Одним из главных событий праздника был обряд встречи и проводов масленицы; правда, со временем он (очевидно, под влиянием христианства) полностью или частично исчез во многих местах, но даже там, где собственно «встречу масленицы» не

Масленица

устраиали, все равно отмечали праздник: устраиались небольшие семейные пирушки, разводили костры и устраиали катания с гор.

Катания с гор на масленицу были известны повсеместно. Катались обычно либо на санях, либо на салазках, на обледенелых рогожах и др.; при этом обычно дети катались с гор во все дни масленицы, а взрослые присоединялись к ним позже, примерно со среды — четверга. Вообще во многих местах масленичный разгул развертывался во всю ширь не с первого дня масленичной недели, а с четверга, называемого в народе «широким»; первая же половина масленичной недели обычно посвящалась закупкам (как различной снеди: водки, рыбы, постного масла, гречневой муки и сладостей, так и всевозможных обнов, в первую очередь бабам и девушкам), и при этом закупки такого рода нередко бывали, применительно к крестьянскому бюджету, очень велики.

На еду в это время не скупилась, так как масленица была «праздником еды по преимуществу», и обилие блюд считалось лучшим доказательством гостеприимства, отчего масленицу и называли в народе объедухой.

Основной едой на масленицу являлись молочные продукты, рыба и блины, приготовляемые обычно из гречневой или пшеничной муки (их пекли большими, во всю сковородку, тонкие и легкие; при этом каждая хозяйка имела свой рецепт приготовления блинов и держала его в секрете от соседей). К блинам подавались самые разные приправы: сметана, яйца, икра, мед, сметки и т.д. При этом блины использовались в самых различных обрядах: так, например, первый блин обычно предназначали умершим и клали на божницу или слуховое окошко для «родительских душ» (со словами: «Честные родители наши, вот для вашей души блинок!»), а иногда отдавали нищим «на помин души» (т.е. с тем, чтобы они помянули всех усопших). По окончании же праздника блины, а также хозяйственную утварь, используемую для их приготовления (помазок, сковородник и др.), нередко давали в руки чучелу Масленицы и как символ скоромной пищи уничтожали в костре вместе с чучелом.

Среди обрядов и обычаев, приурочивавшихся к масленице, видное место занимали обряды аграрно-хозяйственного цикла. Так, для того, чтобы лен и конопля выросли «долгими», в России женщины на масленицу катались с гор, стараясь съехать как можно дальше, а также дрались, громко пели и т.п.; для того, чтобы скот лучше велся в хозяйстве, женщины веселились и гуляли в масленичный четверг, называемый «Власием», и т.д. Помимо этого, на масленицу принято было по различным приметам гадать о будущем урожае. Так, например, ненастье в воскресенье перед масленицей или оттепель с заморозками в прощенный день сулили урожай грибов; снег на масленицу предвещал урожай гречихи и т.д.

Значительная часть масленичных обрядов и обычаев была так или иначе связана с темой семейно-брачных отношений и направлена на то, чтобы

ускорить свадьбы, содействовать холостой молодежи в поисках нары. Так, например, существовал обычай на масленицу наказывать парней и девушек, не вступивших в брак в течение прошедшего года, т.е. не выполнивших своего жизненного предназначения. На Украине наиболее известным обычаем было «привязывание колодки», когда парню или девушке привязывали к ноге «колодку» (кусок дерева, ветку, ленту) и заставляли ходить с ней; чтобы отвязать колодку, наказанные должны были откупиться деньгами или угощением.

Обычаев, долженствующих ускорить браки среди молодежи, было известно немало. К их числу, например, относились «съездки», т.е. грандиозные катания, происходившие обычно в каком-нибудь торговом селе; на такие «съездки» собирались со всех окрестных деревень. Катались обычно на тройках под песни и гармонию, наперегонки, с шутками, поцелуями и объятиями. Молодежь приезжала на такие катания с самого утра и останавливалась или у родных, или в тех домах, где были «игровые» или знакомые девушки. Сами же катания начинались часам к трем пополудни. Катали охотнее всего молодых девушек; при этом, если катал их кучер из чужой деревни, девушки непременно должны были напоить его допьяна и угостить гостинцами. Больше всех на таких «съездках» катались «повожены», т.е. молодые супруги.

Масленица была, в первую очередь, праздником молодежи; но больше всего внимания и почестей на масленице оказывали молодоженам. Возможно, в отдаленной древности масленица и была праздником, устраиваемым специально для молодых супругов: для них пеклись блины и оладьи, для них заготавливалось пиво и вино, для них закупались сласти. Чествование на масленицу молодоженов, поженившихся в течение прошедшего года, было известно повсеместно. Так, например, традиции требовали, чтобы нарядные молодые на масленицу выезжали «на люди» в расписных санях. «Новожен» часто катали по селу, но если за это получали плохое угощение, могли прокатить молодых не в санях, а на бороне. В некоторых местах молодые на масленицу должны были торжественно, под песни скатываться с ледяной горы и т.п. С молодоженами совершали иногда и другие обрядовые действия: так, в некоторых местах, когда молодые ехали в санях по селу, их иногда останавливали и забрасывали старыми лаптями или соломой, «зарывали» в снег или осыпали снегом и т.д.

Одним из очень древних масленичных обрядов, связанных с «новоженами», был обычай собирать с молодых дань «на меч», т.е. требовать выкуп за жену, взятую из другой деревни. Деньги, полученные от молодого, шли обычно на водку (которая распивалась всем миром) и на чай и сахар для баб. Такая подать взыскивалась иногда либо в день свадьбы, либо в мясное (последнее перед масленицей) воскресенье, и притом взыскивалась по всей строгости: молодой не мог отвертеться от выкупа ни просьбами, ни хитростью.

Масленица

Вероятно, такой обычай возник еще в период родовых отношений (на что указывает факт уплаты выкупа не родителям невесты, а ее односельчанам) или несколько позднее, в эпоху удельных князей, когда даже земледельцы нуждались в оружии, чтобы защищать свое имущество.

В некоторых местах принято было на масленицу (чаще всего в субботу) устраивать «новоженам» так называемый «целовальник», когда каждый односельчанин мог прийти в дом к молодоженам и поцеловать молодую. По установившемуся ритуалу, молодка подносила каждому из гостей (обычно из подгулявшей деревенской молодежи) ковш пива, а гость, выпив, трижды целовался с ней. Кроме того, во многих селах молодым устраивали смотрины (именуемые обычно «столбы»), заключающиеся в том, что молодоженов, наряженных в лучшие костюмы (обыкновенно в те, в которых венчались), ставили рядами («столбами») по обеим сторонам деревенской улицы или к столбам ворот и заставляли всенародно показывать, как они любят друг друга; прохожие кричали им: «Порох на губах!» и: «А нуте-ка, покажите, как вы любите?» — а они должны были целоваться у всех на глазах. Такие «столбы» продолжались обычно недолго: молодые стояли около часа, а потом обыкновенно отправлялись кататься или наносить визиты, которые также входили в число их ритуальных обязанностей. Так, например, молодожены на масленицу непременно должны были посетить всех, кто гулял у них на свадьбе; в среду на масленичной неделе они отправлялись к тестю «с позывам» на праздник и, после обычных угощений, возвращались уже вместе с тестем и тещей.

Вообще хождение в гости входило в обязанности не только новобрачных, но и их семей. Так, на масленичной неделе две недавно породнившиеся семьи обязательно наносили визиты друг другу: молодые с родителями жениха отправлялись в дом родителей невесты, а на другой день родители невесты отправлялись в семью жениха, причем молодожены при этом играли роль почетных гостей: их первыми сажали за стол и с них начинали обносить яствами. Такие пиршества длились обычно чрезвычайно долго, а после них молодые обыкновенно отправлялись кататься на санях вместе с бывшими подругами невесты; сваты же в это время начинали свою собственную попойку, которая обычно заканчивалась только к ночи.

В некоторых местах на масленичной неделе был распространен обычай «хождения молодых с мылом». Заключался он в том, что в среду или в четверг на масленицу отец молодых посылап их к свату; там их угощали разными сластями, а вечером туда же приходили подруги молодой и ее родственники. В этот вечер молодая вспоминала свое девичье житье (так называемые «перегулки», как бы повторение свадьбы), и веселье продолжалось далеко за полночь. Наутро же переночевавшие у тестя молодые ходили с визитами к родственникам, причем брали с собой кусочки мыла и пирожки по числу родных. Придя в дом родственника и

помолившись, они давали хозяину кусочек мыла и пирожок, а домохозяйин одаривал их мелкими деньгами.

Среди породнившихся семей на масленичной неделе совершались и другие, особые визиты. Так, например, во многих местах зятя в среду (на «лакомки») обязательно посещали тещу, которая специально для них пекла блины и иногда даже устраивала пир; в пятницу же зятя устраивали «тещины вечерки», приглашая на блины тещу. На «тещин вечерок» нередко являлся и бывший дружка, который играл ту же роль, что и на свадьбе, и получал за свои хлопоты подарок. На такие «вечерки» званая теща обязана была прислать с вечера все необходимое для печения блинов (т.е. сковороду, половник и пр.), а тесть посылал мешок гречневой крупы и коровье масло. Неуважение зятя к этому обычаю считалось бесчестьем и обидой и было поводом к вечной вражде между ним и тещей.

В некоторых случаях масленичные визиты молодых могли принимать и враждебный оттенок. Так, например, в тех случаях, когда молодой считал себя обманутым, визит молодоженов к теще и поведение при этом зятя могло принимать характер резко выраженной вражды: в этом случае, как бы теща ни старалась «разлепешиться в лепешку», молодой оставался непреклонным, а на все угощения отвечал грубо: «Не хочу, от прежних угощений тошнит... сыт, наелся». Иногда он при этом наносил и какое-либо символическое оскорбление, например, крошил в чашку с кислым молоком блин, выливал туда же стакан браги и вина и, подавая жене, говорил: «На-ко, невинная жenuшка, покушай и моего угошенья с матушкой: как тебе покажется мое угошенья, так мне показалось ваше». В некоторых случаях он даже начинал прямо при теще «отбивать характер» молодой жене, а иногда и теща получала один-другой подзатыльник; в таких случаях и молодая, и теща почти никогда не протестовали, сознавая свою вину. Тесть же обычно не только не останавливал зятя, но, по уходе молодых, нередко считал своим долгом «поучить старуху, чтобы лучше смотрела за девками».

Кроме молодых и их семей, масленичные визиты считались обязательными и для кумовьев. Родители новорожденных детей ходили к кумовьям «с отвязьем», то есть приносили им специально для масленицы испеченный с изюмом и украшенный вензелями пшеничный хлеб — «прощеник». В свою очередь кум и кума наносили визит крестнику и оделяли его подарками: обычно, кроме «прощеника», кум приносил чашку с ложкой, а кума ситцу на рубашку; более же богатые кумовья дарили свинью, овцу или жеребенка.

Вообще хождение в гости на масленичной неделе и устраивание обильных трапез было известно повсеместно. В гости друг у другу ходили не только кумовья или зятя, тещи и пр., но и вообще все от мала до велика. При этом каждый хозяин старался принять и угостить гостей как можно лучше, поэтому масленичное угощение обычно бывало очень обильным: «В то время

Масленица

(т.е. на масленицу) пекут пирожки, калачи и тому подобное на масле и на яйцах... Зазывают к себе гостей и упиваются медом, вином и водкой до упаду и бесчувственности».

Кроме катаний и хождения в гости, в народе были распространены и другие масленичные забавы. Так, например, в старину одним из наиболее популярных масленичных развлечений были кулачные бои: такие побоища порой принимали грандиозный характер и заканчивались порою серьезными увечьями, а иногда и смертью (так, например, один иностранный писатель, бывший свидетелем празднования масленицы в 1698 г., писал, что в этот праздник «во все время ничего более не слышно, как того-то убили, того-то бросили в воду... У русских на этой неделе убитых нашлось более ста человек»). Позднее эта забава стала исчезать из городов и сохранилась преимущественно в деревнях, особенно в глухих, отдаленных местах (кое-где на севере, во Владимирской губернии, в Сибири и т.д.). Так, например, в некоторых губерниях (особенно в больших селах) считали обязательным на масленичной неделе (обычно — в последний ее день), невзирая ни на какую погоду, устраивать кулачные бои, пользовавшиеся большой популярностью в народе. На базарную площадь с самого утра собиралась вся деревня, от мала до велика; приходили и люди из соседних деревень. Обычно сначала дрались ребяташки (но не моложе 10 лет), потом женихи, а последними — мужики. Дрались, по большей части, «стенной» и «по мордам», причем после часового упорного боя устраивалась передышка. К вечеру же драка разгоралась с особой силой и азарт бойцов достигал наивысшего предела; в это время уже дрались все со всеми — «собравшись в одну кучу, не разбирая ни родных, ни друзей, ни знакомых». После таких боев многие ходили с довольно тяжелыми увечьями, а с поля боя расходились почти нагишом: и сорочки, и порты на них бывали разодраны в клочья.

В некоторых районах кулачные бои, как таковые, не сохранились, но «страсть к хорошей драке» нашла выход в довольно популярной «игре в мяч». Игра эта состояла в следующем: в последний день масленицы парни и семейные мужики из нескольких околных деревень сходились куда-нибудь на ровное место (чаще всего на реку), разделялись на две группы, человек в тридцать каждая, и назначали места, до которых следовало гнать мяч (обычно сражающиеся становились против середины деревни, и одна группа должна была гнать мяч вниз по реке, а другая вверх). Затем бросали мяч (как правило — тяжелый и кожаный, величиной с большой арбуз), и все тут же кидались к нему и начинали пинать ногами, стараясь загнать на свою сторону. В стремлении доставить мяч к намеченной цели и не дать захватить его противнику, обе группы нередко устраивали целое побоище, усугублявшееся еще и тем, что проиграть в этой игре считалось большим унижением: побежденных целый год высмеивали и дразнили, называя их «киловниками» (что

считалось очень обидной кличкой, обозначающей верх презрения), а победители пользовались общим почетом, их угощали водкой и прославляли. парень, унесший мяч, становился героем, с которым всякая девушка считала за честь посидеть на «вечерках».

Взятие снежного городка, вероятно, также являлось реликтом кулачных боев. Игра эта в некоторых местах происходила следующим образом: ребята (как правило, молодые парни или ребяташки) строили на реке из снега городок с башнями и двумя воротами, между которыми делалась прорубь; затем они разделялись на две группы: «конницу» и «пехоту». Конница должна была осаждать город, а пехота — защищать его. Выстроившись в боевом порядке, конница по сигналу пускалась на взятие стен снежного города, а пехота, вооруженная помелами и метлами, а также снежками, старалась испугать лошадей, чтобы не допустить их к городку. Город считался взятым, если кто-нибудь из конницы прорывался сквозь пехоту и въезжал в ледяные ворота. Победителя затем купали в проруби, после чего всех ратоборцев, отличившихся в сражении (и конников, и пехотинцев), угощали вином. Потом, сломав крепость, все возвращались в деревню с песнями; этой игрой в некоторых местах и заканчивалась масленица.

К масленичной неделе было приурочено множество обычаев и обрядов; однако издавна самыми распространенными, любимыми и известными были обряды, в которых главное место отводилось «Масленице». Начинались эти обряды обычно в четверг на масленичной неделе: парни и девушки делали из соломы чучело, одевали его в женский наряд, купленный в складчину, и затем в одну руку вкладывали бутылку с водкой, а в другую блин. Это чучело, называемое в народе «Масленица» или «сударыня-Масленица», ставили в сани, а около прикрепляли основную или еловую ветку, разукрашенную разноцветными лентами и платками. Эту «Масленицу» хранили где-нибудь в сарае до пятницы, а в пятницу, после завтрака, начинали праздник «встречи Масленицы»: вывозили чучело на улицу и устраивали праздничное шествие. Во главе процессии была «Масленица», рядом с которой ставили самую красивую и нарядную девушку. Сани с «Масленицей» волокли три парня, а за санями обычно тянулась длинная вереница запряженных парнями же салазков, в которых сидели нарядные девушки. Процессия открывалась песней, которую затягивала первая красавица с передних саней; песню подхватывали остальные девушки и парни, и весь масленичный поезд шумно двигался по деревенской улице. К этой процессии присоединялись ребяташки, взрослые и даже старики, сопровождающие «Масленицу» до самой катальной горы, где «сударыня-Масленица» открывала катание: те парни, которые привезли ее на гору, садились в сани, а прочие прикрепляли к саням салазки и целым поездом съезжали по обледенелой горе вниз. Катание продолжалось обычно до самого вечера, после чего «Масленица» снова водворялась в сарай. На

Масленица

следующий день, в субботу, «Масленица» снова появлялась на улице, но на этот раз ее сани везли не парни, а лошадь, увешанная бубенцами и колокольчиками и украшенная разноцветными лентами. Вместе с «Масленицей» снова садилась девушка, но уже не одна, а с нарнем, причем парень в руках держал четверть водки и закуски (и то, и другое покупалось в складчину). За сани, как и прежде, привязывались салазки, на которых попарно сидели девушки и «игровые» парни. Вся эта процессия с пением ездил по селу, причем парни обычно пользовались всякой остановкой, чтобы выпить и закусить. Веселье продолжалось до вечера, причем в катании часто принимали участие не только девушки, но и женщины (они, однако, катались вместе с «сударыней-Масленицей» не столько ради удовольствия, сколько для того, чтобы «зародился длинный лен»).

Подобные шествия могли устраиваться по-разному, однако все они, как правило, отличались веселой торжественностью и грандиозностью; участвовало в них все население. Так, например, в Сибири в городах торжество по случаю масленицы некогда было таким: еще до праздника, заранее, сколачивалось несколько саней огромного размера, на них устраивался корабль с парусами и снастями, на котором ехали и ряженые-скоморохи, и медведи, и сама «госпожа Масленица». В сани впрягали до 20 лошадей, и всю эту повозку с песнями и весельем возили по городу, а за поездом следовали толпы людей, в первую очередь ребятишек. Такие шествия, проходившие в городах, обычно сочетали в себе оба обряда: и встречи, и проводов (хотя собственно проводов Масленицы, какие совершались обычно в деревнях, в городах, как правило, не устраивалось).

«Проводы Масленицы» устраивались, как правило, в последний день масленичной недели, т.е. в воскресенье вечером, и сопровождались возжиганием костров. Проходили они примерно следующим образом: ребятишки и молодежь загода собирали и уносили за околицу старые плетни, испорченные бочки, ненужные дровни и пр. и складывали из них огромный костер; вечером же, с приближением сумерек, к костру направлялась «прощальная процессия». «Масленицу» при этом снова везли в санях, а сопровождающие ее девушки жалобно пели: «Сударыня-Масленица, потянися», и т.п. У костра «Масленицу» ссаживали с саней и ставили на снег, потом снимали с еловой ветки ленты и платки и делили их между девушками. В это же время начиналось пение масленичных песен, причем когда начинали петь: «Шли, прошли солдатухи из-за Дона, несли ружья заряжены, пускали пожар по дубраве, все елки, сосенки погорели, и сама Масленица опалилась», — парни зажигали «Масленицу». В костре, кроме чучела, обычно сжигали и все остатки «масленичного обжорства» (блины, яйца, лепешки и проч.); когда же костер догорал, пепел от «Масленицы» нередко зарывали в снег, полагая, что это способствует плодородию.

Подобным образом «проводы Масленицы» проходили во многих местах; однако этот обряд нередко варьировался. Так, например, чучело Масленицы иногда изображало не женщину, а мужчину: его наряжали в кафтан, шапку, опоясывали кушаком, ноги обували в лапти, а затем усаживали чучело на сани и везли на гору.

В некоторых местах чучело вообще делали лишь к дню «проводов», а не к началу масленичной недели: в последний день масленицы сооружали из соломы или тряпок чучело, изображавшее, как правило, девушку с длинной косой, наряжали его в женскую одежду (часто — девичий наряд) и несли через всю деревню, посадив на колесо, воткнутое сверху на шест; при этом чучело Масленицы обязательно сопровождали ряженые. С песнями процессия выходила за село, на поле или к реке, нередко — к заранее приготовленному костру, где чучело и сжигали. Иногда, правда, сожжение заменялось разрыванием на части (реже — потоплением в проруби); оставшуюся же от чучела солому раскидывали по полю, что должно было способствовать урожаю.

Вместо чучела по селу иногда могли возить или водить и живую «Масленицу» — нарядно одетую девушку или женщину, старуху или даже старика-пьяницу в рванье; по окончании проводов такую «Масленицу» под крик и улюлюканье вывозили за село и там высаживали или вываливали в снег. «Масленицей» мог быть и мужчина (часто — известный деревенский весельчак): его наряжали (иногда по-женски), давали в руки полуштоф с вином и калачи и возили в больших санях, причем мужик сидел на колесе, а сопровождали его музыканты и поезжане из обывателей; «Масленица» при этом нередко «представлял различные шутки, свойственные деревенскому мужику». Иногда колесо, на котором сидел «Масленица», водружали на толстый и довольно высокий древесный столб, устанавливаемый на восьми или десяти дровнях; в дровни при этом вместо лошадей запрягали нескольких человек, ряженных лошадыми, и сопровождали процессию также ряженые, скоморохи, которые пели, шутили и т.д.

В некоторых местах чучел не делали вовсе; там обряд «проводов Масленицы» состоял, главным образом, в возжигании костров на возвышенности за селом или у реки. В масленичные костры, помимо дров и соломы, обычно бросали всякое старье — лапти, бороны, веники, кошели, бочки и прочие ненужные вещи, предварительно собранные (а иногда даже специально для этого украденные) детьми или молодежью по всей деревне. Сжигалась в этих кострах и скоромная пища, а в некоторых местах и вообще вся еда, оставшаяся от масленицы (так, в некоторых староверческих селениях хлебные яства, оставшиеся от масленицы, считались погаными, и даже последние бедняки брезговали таким хлебом, отдавая его домашним животным или вовсе выбрасывая). Во многих местах принято было на масленицу зажигать колесо (символ солнца); при этом его либо сжигали в костре (обычно насадив на жердь,

Матерь Божия

воткнутую посреди костра), либо поджигали и затем скатывали с горы.

Последний день масленичной недели, когда уничтожалось чучело, возжигались костры и т.д., назывался в народе «прощеным воскресеньем» и считался наиболее важным днем масленичной недели. Этот последний день перед началом Великого поста посвящался заговенью. Часа в 4 пополудни в этот день на сельской колокольне раздавался «печальный, великопостный благовест к вечерне»; он служил знаком к концу широкого масленичного веселья и началу Великого поста. После того, как звон смолкал и отходила вечерня, все родственники, соседи, близкие и знакомые начинали ходить по избам, прося друг у друга прощения за все причиненные обиды и неприятности: они низко, до земли, кланялись друг другу и говорили: «Прости, Христа ради, в чем я перед тобой согрешил», — на что в ответ слышалось: «Прости и ты меня». В некоторых местах (по большей части в северных лесных районах России) существовал даже специальный ритуал «прощания»: пришедший просил прощения, становился около дверей на колени и, обращаясь к хозяевам, говорил: «Простите меня со всем вашим семейством, в чем я нагрубил вам за этот год»; хозяйка же и все, находящиеся в доме, отвечали: «Бог вас простит, и мы тут же». После этого пришедшие «прощаться» вставали, и хозяйка, облобызавшись с ними, предлагали им угощение. При этом сами хозяйка дома также отправлялись «прощаться» через некоторое время после этого, и весь обряд продлевался сначала. Так, переходя из избы в избу, нередко ходили «до света», причем в некоторых местах, проходя по улице, и мужчины, и женщины нередко кричали: «Сударыня-Масленица, потянися!» — или: «Мокрогубая Масленица, потянися!»

Но, хотя взрослыми этот обычай соблюдался весьма строго и со всей серьезностью, «прощание» молодежи обычно носило шуточный характер (да и вообще парни и девушки далеко не везде придерживались обычной «прощаться»). Так, например, в некоторых местах этот обряд среди молодежи проходил следующим образом: парни и девушки становились в ряд, затем один из парней подходил к крайнему с правой стороны человеку и говорил ему: «Прости меня, милый Иван (или милая Дарья), в чем я перед тобой согрешил»; тот (или та) отвечал: «Бог тебя простит и я тут же», — после чего «прощающиеся» три раза целовали друг друга. Так прощающийся проходил весь ряд и становился с краю, в стороне; за ним шел «прощаться» второй и т.д. При таком «прощании», как правило, не обходилось без шуток, и само «прощание» проходило весело и шумно.

Особенным был обряд прощания в семейном кругу. Вечером вся семья садилась за ужин (причем последним блюдом обязательно подавалась яичница), а после ужина вся семья принималась усердно молиться. Затем самый младший начинал кланяться всем по очереди и, получив прощенье, отходил в сторону, а за ним, в

порядке старшинства, начинал кланяться следующий по возрасту член семьи (но младшему он не кланялся и прощенья у него не просил) и т.д. Последней кланялась хозяйка, причем просила прощения только у мужа; глава же семьи никому не кланялся.

Еще более, чем обряд «прощания» с родными и соседями, был распространен обычай просить прощения у покойников. Вообще обычай ходить на кладбище в последний день масленицы поддерживался, главным образом, бабами (хотя исполняли его и мужики, а в некоторых местах на кладбище ходили даже целыми семьями). На кладбище бабы собирались примерно в четвертом часу пополудни и шли туда кучками, по 10-12 человек; при этом все они брали с собой блины и старались ничего не говорить по дороге. На кладбище все расходились и отыскивали родные могилки, становились на колени и, со слезами на глазах, отбивали по три поклона, шепча: «Прости меня (имярек), забудь все, что я тебе нагрубила и навредила». Помолвившись, они клали на могилку блины (а иногда ставили и водку) и, все так же молча, отправлялись домой. При этом считалось хорошим признаком, если на третий день на могиле не осталось ни блинов, ни водки: в этом случае родные полагали, что покойнику хорошо живется на «том свете» и он не помнит зла и не сердится на принесшего угощение.

Все эти полуязыческие обряды «прощания» и собственно «прощание с Масленицей» завершались в первый день Великого поста — Чистый понедельник, который в народе считался днем очищения от греха и скоромной пищи. В этот день (или даже в течение нескольких дней, начиная с этого) мужчины «полоскали зубы», т.е. в изобилии пили водку якобы для того, чтобы выполоскать изо рта остатки скоромного; кроме того, в некоторых местах в это время устраивались кулачные бои «для вытряхивания блинов». В Чистый понедельник обязательно мылись в бане, а женщины мыли посуду и «парили» молочную утварь, очищая ее от жира и остатков скоромного. Некоторые благочестивые хозяйка даже освящали избы с помощью священника, как бы изгоняя само воспоминание о разгульной масленице.

Матерь Божия — см. Богородица.

МАТЬ — СЫРА ЗЕМЛЯ — олицетворение стихии земли, богиня Макошь; в народных поверьях — супруга небесного бога (Сварога). Мать — Сыру Землю почитали матерью всего живого: «Гой, земля еси сырая, земля матерая, мать нам еси родная! Всех еси нас породила, вспоила, вое кормила и угодем наделила; ради нас, своих детей, зелий еси народила и злак всякой напоила». Жизнь крестьянина была связана с ней неразрывными узами: «На земле нахарь живет, землю кормится, с ее дыханием каждый вздох его сливается... Умрет — и то в землю уйдет».

По народным поверьям, «Земля сотворена яко человек: камень яко тело имать, вместо костей корение

Мать - Сыра Земля

имать, вместо жил древесина и травы, вместо волос были, вместо крови — воды». Она испытывает те же чувства, что и человек: так, верили, что она чувствует боль и холод; на зиму она погружается в сон, укрывшись покрывалом-снегом, а просыпается лишь весной.

Земля в народном сознании была символом богатства и изобилия; так, на свадьбе невесте желали быть здоровой, как вода, и богатой, как земля. В загадке о земле спрашивали: «Что на свете сытней всего?»; «Аще, что ни есть в свете слайде?»; и т.п. Сила земли была такова, что некоторые семьи, переселяясь на новые места, брали с собой горсть родной земли, полагая, что если на новом месте вода не будет годиться для питья, то достаточно будет положить в нее земли, и она тут же станет вкусной.

Землю почитали матерью и кормилицей всего живого, необыкновенно доброй и милостивой к своим детям: «Добра мать для своих детей, а земля — для всех людей!»; «Как кто ни добр, а все не добрей Матери — Сырой Земли: всяк приночает семью до гробовой доски, а земля приютит и мертвого!»; «Всякому человеку — и доброму, и худому — земля приют даст»; «Век живешь — маешься, бездомным скитаешься, а умрешь — свой дом во сырой земле найдешь!»; и т.п. Известна также такая загадка о земле: «Меня бьют, колотят, ворочают и режут; я все терплю и всем добром плачу!»

Связь человека с землей идет из очень давних времен. Крестьяне говорили про себя: «От земли взят, землей кормлюсь, в землю пойду!»; «Всяк человек — земля есть, и в землю отойдет»; «Нет для человека ничего нужнее Сырой Земли — умрешь, и то в нее уйдешь!» Земля, в которой были схоронены кровные и близкие, именовалась родительской и почиталась священной и могущественной до такой степени, что одна ее горсть, взятая с могил семи заведомо добродетельных людей, могла защитить всех родичей, оставшихся в живых, от всех бед и напастей.

Земля в народном сознании издавна была главным местопребыванием умерших. Так, например, в некоторых местах рассказывали, что где-то в глубине земли находятся «царские палаты вековечные», которые, по народному убеждению, и просторны (всех людей приютят) и богаты (весь белый свет укупят); люди, попавшие в них, «за одними столами сидят, пьют, едят, прохлаждаются, хлебосольными хозяевами не нахвалятся». Эти палаты — приют всех людей после смерти; но попасть в них, очевидно, могли только люди праведные, ни в чем не провинившиеся перед Матерью — Сырой Землей.

Мать — Сыру Землю почитали, считая, что тому, кто не чтит ее, она не даст хлеба и т.п.; старики же советовали: «Поклонись матушке-землице, наградит тебя сторицей!» Тому, кто не поклонится просыпающейся земле или раньше времени побеспокоит ее, земля, по народному поверью, после смерти его на гроб ляжет «не пухом лебяжьим, а тяжелым камнем». Нередко верили также, что тот, кто не захватит с собой в

чужие края горсть родной земли, никогда больше не увидит своей родины; обычай же брать с собой в дорогу родную землю был известен у всех славян. Считалось, например, что такая земля, зашитая в ладанку и носимая на шее, избавляет от тоски по родине, а также защищает от всякой порчи, несчастий и бед. Оставаясь же в каком-то месте на долгое время или даже собираясь поселиться на чужбине, многие люди высыпали принесенную с собой горсть родной земли и, таким образом, как бы сроднились с незнакомым, чужим местом («По своей земле ходим!»). Если же человек умирал на чужбине и его там хоронили, то непременно, закрыв усопшему глаза, сыпали на них «родимой земли» или хотя бы просто клали эту землю с ним в могилу (т.е. его как бы хоронили в родной земле).

Такую способность земли сроднить, сблизить крестьяне нередко использовали в самых разных случаях. Так, например, при покупке скотины из другого села новый хозяин среди поля поворачивал ее головой в ту сторону, где она была куплена, затем брал из-под ее передней левой ноги комок земли и натирал им ее морду, а другой комок завязывал под яслями, полагая, что после этого скотина не будет тосковать по прежним хозяевам и не уйдет из нового дома дальше того места, откуда была взята земля.

Земля, по народному убеждению, способна вылечить человека от всех болезней. Больные лихорадкой выходили в чистое поле, били на все четыре стороны земные поклоны и причитали: «Прости, сторона, Мать — Сыра Земля!» Люди, на которых наслали порчу, ходили на перекрестки, падали наземь и просили Мать — Сыру Землю снять напущенную «лихим человеком» болезнь.

Нередко считалось, что земля сама может наказать согрешившего перед ней человека, но снимет с него болезнь, если он покается и попросит у нее прощения. Поэтому людям, которые сильно ушиблись в каком-либо месте или с которыми приключилась какая-либо внезапная болезнь от неведомой причины, советовали выйти на то место, где приключилась беда, и просить землю-матушку о прощении. Так, например, во многих местах большие приткой ходили «просцаться» на то место, где с ними приключилась болезнь, на девяти вечерних и девяти утренних зорях: они становились лицом на восток и просили: «Прости, Мать — Сыра Земля, в чем я тебе досадила!» — после каждого причета дули и плевали (но только «примерно», так как в местах, где «прощались», плевать на землю считалось большим грехом) через правое плечо и клали земные поклоны. Подобным же образом поступали, если «попритчилось» скотине: в этом случае хозяева «прощались» за хворое животное на поветьях или на сеновале, веруя, что власть и покровительство родной земли распространяется также и на животных.

Землю и саму по себе считали лечебным средством: так, многие знахари заживляли раны, останавливали кровь, прогоняли головную боль и т.п. нередко именно с помощью земли, смоченной в слюне, приговаривая:

Мать — Сыра Земля

«Как здорова земля, так бы и раб Божий (имя больно-го) был здоров».

Мать — Сыру Землю призывали в заговорах, прося у нее защиты от нечистой силы, злых людей и т.п. Так, при первом выгоне скота выливали на землю кубышку масла и приговаривали: «Мать — Сыра Земля! Уйми ты всяку гадину нечистую от приворота и лихова дела! Утоли ты все ветры полуденные со напастью, уйми пески сыпучие со метелью!»; и т.п. Для того, чтобы защитить себя от всякой порчи, читали такой заговор: «Матушка-кормилица, сырая земля родимая! Укроп меня, раба Божия (имярек), от призора лютого, от всякого лиха нечаянного, защити меня от глаза недоброго, от языка злобного, от навета бесовского. Слово мое крепко, как железо; семью печатями оно к тебе, кормилица Мать — Сыра Земля, припечатано — на многие дни, на долгие годы, на всю-ли на жизнь вековечную!»

Землю повсюду почитали святой. Христиане верили, что «у всех чад Божиих первая мать — Пресвятая Богородица, вторая мать — Сыра Земля»; по народному убеждению, «Свят Дух живет на земле». Повсеместно считалось также, что святая земля не принимает грешников и вообще ничего нечистого, оттого колдуны и т.п. после смерти выходят из могил и неприкаянно бродят по свету; кроме того, сами похороны грешника в земле могли вызвать гнев земли и обернуться для людей различными бедами: засухой, неурожаем и т.п.

Землей, святой стихией, издавна клялись, и такая клятва считалась нерушимой, так как люди верили, что земля наказывает за ложь и обман. Так, например, во многих местах люди приносили клятву, правой рукой осеняясь крестным знаменем, а в левой держа ком земли; при этом говорили: «Пусть прикроет меня Мать — Сыра Земля навеки!» При тяжбах о череполосных владениях ходили по меже с куском вырезанного (иногда — в форме креста) дерна на голове, что считалось лучшим доказательством законных прав; в XVI в. эта присяга была заменена хождением по спорной меже с иконой Богоматери на голове. Известен был, к примеру, случай, когда из-за спорной межи едва не вышла драка, а прекратил свару старик, который, взяв «кочку» земли, положил ее себе на голову и, сказав: «Пушай эта земля задавит меня, если я пойду неладно!», — пошел по воображаемой меже таким твердым, уверенным шагом, что с того времени межа стала считаться бесспорною; другой подобный спор также был разрешен стариком, который вспомнил и сообщил о том, что дед нынешнего владельца обходил спорный участок с большим куском вырезанного из него дерна, положив его себе на голову. Тот же прием иногда использовался и при клятвах: так, во многих местах, произнося слова клятвы, люди клали на голову ком земли, а также целовали землю, брали ее в рот, клали за пазуху, даже глотали ее. Люди, братающиеся «на жизнь и на смерть», давая обоюдные клятвы в неразрывной дружбе, не только менялись крестами -

тельниками, но и нередко вручали друг другу по горсти земли, как бы скрепляющей клятву. При заключении гражданского (не церковного) брака родственники молодых сговаривались между собой, брали икону и зажигали перед ней свечи, перед которыми жених и невеста «кусали землю», т.е. брали пястку земли и глотали ее в знак любви и верности до гроба (хотя такой брак не признавался церковью действительным и дети, родившиеся у подобной пары, считались незаконнорожденными). Вообще, самой страшной народной клятвой, перед которой отступало всякое подозрение, считалась такая клятва: «Чтоб я сквозь землю провалился!» (или: «Не видать мне вовек сырой земли!»); возможно, основой ее было поверье, что вся нечистая и дьявольская сила от крестного знамения и «воскресной» молитвы проваливается «сквозь землю», не оскверняя при этом святости земных недр.

Особой силой, по поверью, обладала земля, взятая в определенном месте в определенное время. Так, по поверью, земля, на семи утренних зорях по горсти собранная с семи могил заведомо добрых людей, защищает собравшего ее от всяких бед и напастей; такой же силой обладала земля, взятая из-под сохи на первой весенней борозде и хранимая на божнице, за образом Всех Скорбящих Радости. Ведуны-знахари иногда гадали по горсти земли, взятой из-под левой ноги желяющего узнать свою судьбу. Однако при этом «вынимать след» у человека повсеместно считалось недобрым делом, так как, по старинному поверью, умеючи нащептать над этим вынутым следом — значит связать волю того, чей след был «вынут», по рукам и ногам; умелые же колдуны с помощью «вынутого следа» могли иссушить человека и даже довести его до смерти.

Согласно народным поверьям, несколько раз в год Мать — Сыра Земля бывает «именинницей». Как правило, именины земли справляли в день Успения Богоматери, на Симона Зилота и в Духов день; в различных местностях в один из этих дней (или даже во все эти дни) по православным деревням обязательно служили всенародные молебны, народ собирался к часовням и окроплялся святой водой. Впрочем, такие праздники именинного чествования земли существовали далеко не повсеместно, но при этом по всей Руси все крестьяне строго придерживались правила в эти дни «не трогать землю-матушку». Так, в эти дни запрещалось копать землю, рыть ямы, пахать и т.д., чтобы не потревожить землю и не навлечь на себя ее гнев, а вместе с ним и болезни, неурожай и т.п. Более того, в некоторых северных лесных губерниях в Успенев день, в теплую погоду, из уважения к земле-именинице (в этих местах весьма суровой и неласковой) не ходили босиком и не позволяли ходить разувшись даже детям, почитая это большим грехом.

Вообще умиловивление земли и способы испрошения ее милостей и щедрот были невероятно многочисленны и разнообразны; многие из них были по своему содержанию христианскими, а некоторые и

Медведь

языческими. Так, например, во многих местах известен был обычай проводить на полях молебны; однако при этом в некоторых губерниях после молебна бабы накидывались на священника, сбивали его с ног и катили его по молодой зелени, а сами кувыркались рядом, приговаривая: «Нивка-нивка, отдай твою силку, пусть уродится долог колос, как у нашего батюшки-попа волос», и т.п.

У земли же было принято спрашивать про будущий урожай, а также просить ее указать сроки, когда надо начинать пахать, сеять и т.д. Собирая урожай либо травы и т.д., также спрашивали благословения у земли: так, собираясь на Ивана Купалу искать целебные травы, говорили: «Земля-мати, благослови меня травы брати, твою плоду рвать: твоя плода ко всему пригодна».

О земле ходило в народе немало легенд и поверий (хоть и меньше, чем об огне и воде). Так, например, согласно русским легендам, где-то в мире существует «тяга — держава земная». В легендах эту тягу в переметной сумке носит русский богатырь-оратай, пахарь Микула Селянинович; он носит свою сумку легко, словно не чувствуя ее веса, однако Святогор-богатырь, обладатель чудовищно могучей стихийной силы, смог приподнять эту суму всего «на волос», и при этом сам по колено в землю увяз. Недаром русский народ истари слыл народом-нахарем: самым могущественным из созданных его вековыми сказаниями богатырей являлся земледелец Микула Селянинович, которому уступал по силе даже сам Святогор. В этом могучем своей простотой богатыре-оратае народная Русь как бы воплотила саму себя.

МЕДВЕДЬ — животное, в поверьях наиболее близкое к волку (с которым его объединяли сходные демонологические и др. поверья) и к человеку.

У славян, как и у всех жителей лесной полосы, медведь был окружен исключительным почитанием. Его сила, намного превосходящая силу любого существа, его способность лазать по деревьям вызывали восхищение древних охотников, а то, что медведь иногда ходит на задних лапах, делало его в глазах людей похожим на человека; поэтому медведь и человек издревле считались родственниками. Крестьяне верили, что в медведя был превращен человек, и если снять с медведя шкуру, то он выглядит, как человек. У медведя человечесьи ступни и пальцы; он умывается, любит своих детей, радуется и горюет, как человек; он понимает человеческую речь и сам иногда говорит; он постится весь Рождественский пост (сосет лапу). Охотники говорят, что собака лает на медведя и на человека одинаково, не так, как на других зверей.

По причине такого происхождения, медведь считался табуированным животным и охота на него, в общем, была запрещена (хотя медведей убивали и в древности, и тем более в более поздние века). Отсюда возникли запреты на употребление в пищу медвежьего мяса, ношение одежды из медвежьих шкур и пр.

Медведю, по убеждению крестьян, не велено есть человека, а человеку — медвежатину; как и волк, медведь может задрать корову лишь с Божьего позволения, а на человека нападает лишь по указанию Бога, в наказание за совершенный человеком грех. На женщин медведь нападает не затем, чтобы съест, а чтобы увести к себе и сожительствовать с ними; верят, что от такого сожительства рождаются на свет люди, обладающие богатырской силой.

Табуированию с древнейших времен подвергалось и само название медведя. Так, его нередко опасались упоминать вслух (как и нечистую силу, которая, по народному убеждению, мгновенно отзывается на произнесение собственного имени), поэтому называли его иначе: «сам», «хозяин», «дедушко», «мельник», «черный зверь», «леший», «косматый», «куцый», «старый», «овсяник», «бортник», «костоправ», «бурмило», «косолапый» и т.д. Интересно, что и само название медведь, ведмедь некогда использовалось как замена настоящего имени этого зверя: оно просто характеризовало его как «поедающего мед». Исконной же формой имени медведя было, по-видимому, слово «бер» (как медведя и поныне обозначают в европейских языках); отсюда берлога — «логово бера».

О медвежьем культе, известном всем славянам, свидетельствуют многие народные поверья, а также археологические находки: например, в славянских курганах Вернего Поволжья и Приладожья были обнаружены ритуальные захоронения медведей, амулеты из медвежьих когтей, останки медвежьих лап и их глиняные муляжи. Остатки этого культа находили и на древних городищах: при раскопках встречались предметы, изображавшие это животное (топор с головой медведя, кувшин в форме медведя и пр.), а на одном из городищ был обнаружен врытый в землю столб, вершину которого венчал череп медведя. При этом, судя по многочисленным данным, культ медведя в языческой традиции тесно смыкался с культом «скотьего бога» Велеса, и своими корнями почитание этого божества уходит именно в медвежий культ; ср., например, славянское поверье о том, что яркое сияние созвездия Плеяд, называвшееся в старину «Волосыни», предвещает удачу в охоте на медведя.

Согласно народным поверьям, медведь близко знается с нечистой силой, особенно с лешим, которому он приходится родным братом или подвластен ему как своему хозяину. Черт, по поверьям, боится медведя и убегает от него (ср. бы лички о том, как медведь помял и изломал черта во время борьбы); кроме того, медведь может одолеть и изгнать водяного. Медведь, по некоторым поверьям, может снять чары, если его провести через дом, на который была напущена порча.

Как зверю Велеса («скотьего бога»), медведю в славянских поверьях присущи были функции охранителя скота. Считалось, что он может помочь обнаружить закопанную в хлеву конскую голову (причину порчи скота) и может даже указать на того, кто навел на дом порчу. Чтобы не допустить к скоту «лихого

Медведь

домового», в конюшне вешали медвежью голову. Схожей силой в глазах земледельцев обладали и медвежьи лапы, которые в народе даже называли «скотским богом»: считалось, например, что они оберегают скот от диких хищников, поэтому каждый скотовод старался иметь такой амулет; а так как медвежьи лапы, естественно, не хватало на всех желающих, в некоторых местах практиковалось изготовление муляжей, которые, как считалось, обладали такими же магическими свойствами. В некоторых деревнях Сибири, да и в других местах тоже, вплоть до XX в. крестьяне вешали в конюшне медвежьи лапы и окуривали дом и надворные постройки медвежьей шерстью, полагая, что это защитит скот от всяких несчастий, в том числе от порчи ведьмы и злых проказ домового (особенно чужого, «напущенного» домового). Иногда, если домовой сильно буйствовал, крестьяне даже специально приглашали медвежатника и обводили вокруг двора живого медведя, полагая, что это запугает непокорного духа. Интересно, что при этом и сам домовой в рассказах также мог принимать облик медведя; в медвежьем или волчьем обличье могли появляться и духи, охраняющие подземные клады. Кроме того, считалось, что в медведей колдун может обратить участников свадьбы; известны рассказы о том, как охотники обнаруживали под шкурой убитой медведицы невесту или сваху, а под шкурой убитого медведя — жениха.

Образу медведя была также присуща брачная символика, символика плодovitости и плодородия, представленная, в частности, в свадебном обряде, в любовной магии, в лечении бесплодия и т.п. С идеей плодородия связан обычай ряжения медведем в свадебных, святочных и масленичных обрядах. По народному убеждению, если введенный в дом ручной медведь заревет посреди хаты, то в этом доме скоро будут петь свадебные песни, т.е. будет свадьба. Медведь, пришившийся девушке, сулил ей жениха; считалось также, что если девушку заставить посмотреть в глаза медведю, то по его реву можно определить, девственница ли она; а на свадьбах, если невеста оказывалась невественной, иногда пели, что ее разодрал медведь. Мать невесты выходила встречать приехавших жениха с невестой в вывернутом шерстью наружу кожухе, избражая медведя. Считалось также, что женщина излечится от бесплодия, если через нее переступит медведь. Смелые женщины определяли по медведю (обычно ручному, такому, каких встарь водили на потеху скomorохи и цыгане), какого пола у них родится ребенок: беременная женщина подходила к медведю и давала ему из рук хлеб, мед или водку, ожидая, какой звук издаст зверь, и если он рычал, то считалось, что у женщины родится девочка, а если мычал, издавал глухой звук — то мальчик.

Медведь, по народным поверьям, иногда нападает на человека, но только если человек первым его заметит. При встрече с медведем, чтобы он не тронул, крестьяне прикидывались мертвыми, а женщины показывали ему свою грудь, полагая, что женщину медведь

никогда не тронет. Для защиты от медведей использовали также различные обереги, соблюдали определенные запреты и старались умиловить медведя. Так, как и волка, медведя иногда приглашали на рождественский или новогодний ужин, чтобы он не трогал скот. Скот не выгоняли первый раз весной в тот день недели, на который пришлось в этом году Благовещение. В поминальную субботу перед Троицей в церковь священнику носили продукты из первого весеннего молока, чтобы медведь не причинил никакого ущерба.

Согласно народным приметам, медведь ложится в берлогу на Воздвижение (14/27.IX); среди зимы, на Ксению-полужимницу (24.1 /6.II) или на Спиридона-солнцеворота (12/25.XII), он переворачивается в берлоге на другой бок; встает на Благовещение (25.III/7.IV) или на Васильев день (12/25.IV). По представлениям сербов, болгар, гуцулов и поляков, медведь выходит из берлоги на Сретенье (2/15.II); у поляков это день Громничной Божьей Матери, называемой также «Медвежьей») взглянуть на «рождающееся» солнце; если в этот день или на Евдокию (1/14.III) он увидит свою тень, то возвращается в берлогу и спит еще шесть недель, до «теплого» Алексея (17/30.III), т.к. сорок дней еще будут стоять холода.

Медведю в народе посвящались некоторые зимние и весенние праздники, связанные с его пробуждением и пр. Например, в Белоруссии еще в первые десятилетия XX в. существовал праздник «комоедицы» (вероятно, получивший свое название от обрядового блюда под названием «комы», выпекаемого из гороховой муки), который отмечался около 24 марта ст.ст. и был посвящен пробуждению медведей от зимней спячки; в этот праздник крестьяне устраивали пляски в вывернутых мехом наружу тулупах, имитируя при этом движения пробуждающегося медведя. С культом медведя у восточных славян были связаны и «велесовы дни», приходившиеся на вторую половину святок. У южных славян также существовали специальные «медвежьи дни», которые праздновали для защиты от медведя: на свв. Андрея (30.XI/13.XII), Савву (14/27.1) и Прокопия (8/21.VII). Эти святые, по мнению крестьян, охраняют людей от медведя; а св. Андрей даже ездит верхом на медведе. В «медвежьи дни» хозяйки варили кукурузу и оставляли ее на ночь на дворе для медведя; либо пекли хлеб и подбрасывали его для медведя в дымоход. В эти дни нередко избегали упоминаний о медведе, а также старались не работать, не запрягать скот, не ходить в лес, не чинить старую обувь и не изготавливать новую и т.п.

Медвежью шерсть, когти и пр. нередко применяли в народной медицине. Например, шерстью медведя окуривали больных от испуги, от лихорадки и от демонической болезни, нападающей на рожениц, так как по поверью, медведь отпугивает эти болезни. Сквозь медвежью челюсть в некоторых местах протаскивали больного ребенка. В Сибири и некоторых других местах считалось, что съевший сердце медведя исцелится от всех болезней разом. Отвар из медвежатины пили от

Медяница

грудных болезней; медвежьим салом натирались от обморожений, ревматизма и других болезней; мазали салом лоб, чтобы иметь хорошую память. Правый глаз медведя вешали ребенку на шею для храбрости; когти и шерсть медведя использовали как амулет для защиты от сглаза и порчи.

МЕДЯНИЦА, медянка — безногая змеевидная ящерица, веретеница; в народных поверьях — слепая «пютая змея», наделенная сверхъестественными способностями. В разных местах медянками именовали веретениц или гадюк, а иногда вообще всех змей, имеющих золотую окраску, особый блеск и т.п.

Согласно поверьям, внешний вид медянки обычно соответствует ее названию. Так, считалось, что она наделена особым, не «змеиным» блеском: верили, что она «такая светлая, блестит, как серебряная, на солнышке, а голова у нее золотая». Считалось также, что медянка слепа, что и спасает род людской от ее ярости. Однако раз в году, в день Ивана Купалы, она получает зрение и тогда бросается на любого встречного человека, пробивая его насквозь, подобно стреле.

По распространенным поверьям, медянка охраняет клады и «тайные цветы», т.е. те цветы, которые распускаются в ночь на Иванов день и помогают отыскать и открывать подземные сокровищницы. Так, например, считалось, что если кладоискатель отправился на поиски цветущего папоротника, не зная оберегов от змей и нечистых духов, то змея-медянка пронзит его насквозь, едва он попытается сорвать цветок папоротника или взять клад, «открывающийся» в день летнего солнцестояния.

Змея медяница нередко упоминается в заговорах «от укушения змей», в том числе и в заговорах, призванных защитить человека от нападения самой медяницы. Так, в одном таком заговоре говорится: «Во морском озере, во святом колодце черпаю я воду, отговариваю, приговариваю от той от лютой от медяницы, от золотой головы. Ты, змей лютый, золотая голова, выкинь свою жалу от раба Божьего (имя), от живота, от сердца, от третьей жилы, от третьего пожилка, от третьего сустава, от третьего суставчика».

Медянку, по народному убеждению, можно убить осиновым прутом; однако, даже убитая, она будет продолжать шевелиться вплоть до захода солнца.

МЕЖЕВИК, межевичок, межевой — дух, обитающий на границах поля, на межах; сын полевика и брат луговика. Представления о межевике в поверьях часто смешивались с представлениями о других хозяевах полей, также обитающих на межах и охраняющих их: с полевиком, удельницей, полудницей и т.д. Упоминания собственно о межевом, так же, как и о луговом, в поверьях немногочисленны; в быличках и т.п. этих духов обычно заменяет полевой, дух полей вообще и межей и лугов в частности.

Согласно народным поверьям, межевик такой же маленький, как и луговик, в такой же одежде из травы,

но не зеленый, как его брат, а черный. Иногда он мог иметь и облик, аналогичный облику полевого: «межевой... хозяин полей, старик, борода у него из колосьев». По народному убеждению, чаще всего межевика можно встретить на меже, границе поля, где он бегает и ловит птиц (по некоторым поверьям — в пищу своему родителю полевику). Как и другие полевые духи, появляется он обычно в полдень, реже — в полночь; возможно, это связано с тем, что межа в народном сознании была не только границей земельного участка, но и рубежом, разделом вообще, в том числе и временной границей, «периодом времени меж чем-то».

Межевик, по народному убеждению, охраняет межу и наказывает тех, кто нарушает ее, переходит межу незаконно; он также устанавливает или поправляет вешки, расчищает и подновляет межу и т.д. В некоторых местах считалось также, что межевик может даже иногда помогать работающим в поле хозяевам участка, особенно если те оставляли ему подношения.

Однако межевик в народных поверьях — это не только добрый дух поля. Он может быть опасен для людей, особенно для тех, кто не соблюдает определенных запретов или правил поведения в поле. Так, например, считалось, что если межевик находит спящего на меже человека, то наваливается на него, заплетает шею травой и душит, может даже задушить насмерть. Он, как и полудница, может поражать работающих в самый полдень людей солнечным ударом.

На Новгородчине бытовали рассказы о межевом, досаждавшем людям, строившимся на межах: «Раньше строились, женились, делились — межи были такие, и нельзя строиться на этой межине... Ни за что скот не будет жить: межевой не дает, сильно животных мучает. Так вот скот (у одних) не ладил во дворе, а потом вспомнилось, что двор построен на межине. Надо, чтобы скот мирно ходил, надо межевого-полевого уговаривать или к колдунам. Межевой-полевой есь — он за межи спорится. А полевой — тот уж всему полю хозяин».

Для того, чтобы расположить к себе межевика, его старались задобрить «относами», т.е. подарками, оставляемыми на меже. В качестве жертвы межевика обычно оставляли различную пищу: кутью из зерен первого сжатого снопа, яйца и т.д.

МЕЛЬНИК — как и другие ремесленники (гончары, кузнецы и пр.), относится к группе персонажей, обладающих особым умением, обитающих на границе освоенного людьми жилого пространства (за пределами села) и наделяемых сверхъестественными, в том числе колдовскими, способностями. Так, по народному поверью, мельник знается с нечистой силой, прежде всего с чертями и водяными (так, у восточных славян считалось, что для того, чтобы поставить мельницу, мельнику нужно принести жертву водяному).

Для того, чтобы задобрить водяного, мельники традиционно приносили разнообразные жертвы. Так, например, они кидали водяным в воду хлеб и хлебные

Месячные

крошки, муку, дохлых животных, лошадиные черена, бараньи головы и т.д.; под водяное колесо бросали голову петуха, мыло, шило и пр.; по праздникам лили в воду водку; при заморозках опускали под мельничное колесо кусок сала (чтобы водяной не слизал смазку с колеса); под порог мельницы закапывали живьем черного петуха и три двойных стебля ржи; держали на мельнице животных черного цвета (как правило, петуха и кошку), косили при себе шерсть черного козла и т.д. По поверьям, для того, чтобы мельница стояла благополучно, водяному необходимо было «отсулить» (пообещать и отдать) одного или нескольких человек; так, о мельниках рассказывали, что они заманивают прохожих и толкают их в омут или под колесо мельницы. Согласно поверьям, если мельник не принесет положенной жертвы, то вскоре утонет сам.

Хозяин ветряной мельницы приносил жертву не водяному, а, вероятно, воздушным духам, возможно, чертям. Так, для того, чтобы подул ветер, он бросал в воздух несколько пригоршней муки. В некоторых местах верили, что мельник заключает с нечистым духом договор, и по этому договору на сорок дней после своей смерти становится еретиком.

Сама мельница считалась местом «нечистым» и опасным. Так, считалось, что в разрушенной мельнице обитают черти; черт, прикинувшись мельником, может смолоть муку быстро и бесплатно, но мука его перемешана с песком. Иногда верили, что черти или водяной служат помощниками у мельника; что мельник может спускаться иод воду в гости к водяному, и т.п.

МЕСЯЧНЫЕ — период, когда женщина считалась «нечистой» и подвергалась строгой изоляции. Значительная часть названий месячных в славянских языках была связана с красным цветом, красотой и цветением («цвет», «червоний Иван» и т.п.).

Народные представления о женских регулах формировались в значительной степени под влиянием христианского учения о «нечистоте» женщины вообще. Появление регул у девочки воспринималось как важный этап ее полового взросления: так, по замечанию исследователей, крестьяне «на девушку смотрят без опаски до тех пор, пока не придут регулы, пока она не «стала на себе носить»; в Сибири о девочке, у которой появились месячные, говорили, что она «девкой стала». Со времени наступления первых регул девочку «считают в некотором смысле способной на увлечение и начинают приглядывать, чтобы с мальчиками-ровесниками она не заигрывала поздно вечером».

С приходом регул, знаменующих половую зрелость девушки, менялся, по наблюдениям окружающих, характер и манеры, стиль поведения девочек: они становились «сдержаннее, осторожнее, пугливее», у них менялась походка, и пр. Менялся также и их костюм: «лет с 12-ти не пустят девочку бегать в одной рубашке», «как только «пятно» появляется — девочки начинали носить сарафан поверх рубахи»; помимо этого, девушки также начинали носить нижние юбки, фартуки,

украшения и др. Аналогично и окончательное прекращение месячных, когда женщина в силу возраста или иных причин «переставала цвести», «теряла свой цвет», также переводило ее в иную возрастную категорию и изменяло поведение, иногда и одежду, а также характер участия в социальной и ритуальной жизни (женщина могла стать повитухой и т.п.).

О будущих регулах и о поведении в это время девочка узнавала из разговоров в девичьей среде и в семье. Например, девочек учили при первых месячных «не пугаться и не ходить на беседки и в церковь», «держаться аккуратнее» (т.е. не поднимать тяжести, сильно не париться, не застужаться и пр.). Девочка узнавала также, что к регулам нужно относиться как к явлению «не то чтобы стромному, но очень неприятному, что лучше скрыть»; поэтому девочки обычно прибегали к разным уловкам, например, самолично и в тайне стирали загрязненное белье, и т.д. Смысл скрывания месячных был, по-видимому, тот же, что и при скрывании начала родов: здесь играла свою роль и боязнь сглаза, порчи, и убеждение, что знание окружающих о происходящем отягчает протекание процесса: «Лучше не говорить о месячных, особенно когда первый раз идут, а то долго и тяжело будут проходить». Нередко об этом избегали говорить даже с матерью, а иногда особенно с матерью: так, в некоторых местах полагали, что с матерью не нужно разговаривать «о женских делах», лучше посоветоваться с кем-либо из теток или подруг. Подобную скрытность объясняли как стеснительностью и принятыми нормами отношений между матерью и дочерью, так и разнообразными приметами: так, в некоторых местах верили, что если девушка скажет кому-либо о начавшихся регулах, то «очищение, хотя бы и без времени, начнется в день свадьбы».

По этим причинам наступление регул в крестьянской среде далеко не всегда имело какое-либо обрядовое оформление. Если же обряды проводились, то они прежде всего имели целью обеспечить регулярность и безболезненность месячных очищений в будущем. Например, для того, чтобы месячные очищения впоследствии были безболезненными и продолжались не более трех дней, крестьянки в некоторых местах рекомендовали вылить воду от обмывания рубашки на угол чужой избы или «на три нижние венца избы, бани или двора»; иногда в эту воду добавляли три камня, воду затем выливали под угол дома, а камни закапывали в землю. Иногда на девушку по прошествии регул надевали рубашку ее матери, которую та «носила первые кровя»; рубашка эта сберегалась крестьянками специально с этой целью, и она не только способствовала установлению нормального менструального цикла, но и передавала дочери детородную способность матери. Вера в магическую связь месячных с будущим деторождением лежала и в основе такой рекомендации девушке: «Во время первых месячных нужно пальцем замарать стенку — нарисовать палочки, сколько палочек — столько и детей будет». Для легкого протекания

Месячные

месячных иногда советовали рубашку, «в которой за- стали месячные, носить еще несколько дней после их окончания» или не замывать испачканную рубашку сразу после первого месячного очищения. Как девочкам, так и женщинам также рекомендовали при мытье в бане лить поменьше воды — иначе месячные будут протекать долго и обильно. Если пришедшие регулы протекали болезненно и долго, девушке иногда советовали «рубашку, окрашенную кровью, показать како- му-либо не понимающего этого мальчику и, когда последний спросит, отчего на рубашке кровь, следует ответить — напоролась на соху».

Вообще, наступление половой зрелости у девушки, выразившееся в появлении первых месячных, отмечалось в разных славянских традициях по-своему и сопровождалось различными обрядами. Нередко мать девушки мазала ей кровью щеки или брови или слегка била се по лицу, чтобы девушка была счастлива, красива, румяна, чтобы ее любили парни, и т.п. Кое-где при наступлении первых регул девушки прятались в доме в укромном месте, из которого могли показываться только закрывшись с головой; а в других местах (например, во многих русских деревнях) при первых месячных в гости к девушке собирались все женщины села, пировали и, расстелив на полу рубашку девушки, плясали на ней или устраивали девушке символическую свадьбу (из старших девушек выбирали для нее «жениха» и оставляли на ночь вдвоем «молодиться»). Порой первые регулы сопровождалась также шутильками, а иногда и насмешливыми действиями: например, в некоторых местах девушки, заметившие первое появление месячных, заматывали голову, а какой-либо из своих подруг во время зимних посиделок, сговорившись заранее, ночью, когда девушка засыпала, выносили ее на двор и сажали в снег, приговаривая: «Очищается раба Божия Марья белым снегом»; или обливали ее водой, зажигали рубашку и т.д.

С первыми регулами в народе связывались и некоторые приметы относительно будущей жизни девушки. Например, в некоторых местах считали, что «если рано откроются месячные, — рано замуж выйдет, до 16 лет не откроются — останется старой девой. У какой месячные будут обильные — будет больше мальчиков, чем девочек».

Месячные очищения, по общепринятым воззрениям, считались хотя и естественным, но «нечистым» состоянием. В отношении к крови как основе жизни «всегда присутствовал оттенок сакральности»; женская же очистительная кровь, по древним народным представлениям, имела «сакральный элемент с явным негативным потенциалом». Соответственно предписания и запреты, регулирующие бытовое поведение женщины в период месячных, были очень строгими. Кровь от месячных, а также женское белье тщательно скрывались от посторонних глаз, т.к. это могло повредить женщине (месячные могли стать нерегулярными, длительными и болезненными, или их могли «украсть»), а также потому, что эту кровь могли

использовать для ворожбы и наведения порчи. Воду от стирки белья нужно было выливать в каком-нибудь глухом месте, чтобы кто-нибудь случайно не наступил на него и сам не получил кровотечения. Чтобы месячные не перешли от одной женщине к другой, запрещалось смешивать белье нескольких женщин, живущих в одном доме. Во время месячных также строго запрещались половые сношения супругов.

Так как во время месячных женщина считалась «нечистой», ей запрещалось посещать церковь (разрешалось лишь стоять в притворной части, да и то это иногда относилось к девушкам; а женщинам в это время не полагалось даже быть за 10 шагов около церкви), подходить под благословение к священнику, прикасаться к освященным предметам (иконам, крестам, лампадам, священным книгам и пр.), приходиться на молебны, ходить на кладбище и т.д. Если в доме в это время случалась какая-либо служба, «нечистая» женщина не имела права показываться в горнице; с покойным она прощалась в последнюю минуту, когда с груди умершего уже снимут икону. Во время месячных женщине нельзя было мыть домашние иконы и зажигать перед ними свечу или лампаду, пить воду, освященную на Крещение, есть просфору, носить нательный крестик (его на это время вешали к образам), и т.д.

«Нечистой» женщине также возбранялось быть кумой, повитухой или крестной, так как считалось, что от этого «грязь с крестной перейдет на ребенка». В том, что ребенок рождался «сопливым» или с болячками, что у девочки неправильно проходили месячные, крестьяне нередко винили крестную мать или повитуху — «с месячными была». Женщине во время месячных запрещалось также участвовать в праздничных трапезах и обрядах, устраиваемых в первые дни жизни новорожденного. Если женщина, имеющая месячные, все-таки участвовала в праздничном застолье, она не имела права скрывать свое состояние, а, напротив, должна была объявить об этом во всеуслышанье (чтобы не повредить ребенку) или предпринять другие магические меры предосторожности. Оберегая ребенка от возможной опасности, исходящей от «нечистой» женщины, на порог дома нередко клали какой-либо металлический предмет, через который переступали все входящие в дом женщины, или вешали у колыбели красную тряпку, чтобы «урочливый» взгляд такой женщины остановился прежде на ней, а не на ребенке.

«Нечистая» женщина не должна была принимать участие в севе и пахоте, сажать, полоть и собирать овощи, виноград; дотрагиваться до растущих овощей, сидеть в амбаре на мешках с зерном и т.п. Нарушение запрета грозило гибелью урожая, засухой, градом и пр. У болгар день засева зерновых культур выбирался домашними в зависимости от состояния хозяйки, так как она должна была готовить для засевалящиков обрядовую еду. Во время месячных женщине нельзя было ходить в сад, дотрагиваться до плодовых деревьев и собирать плоды, так как деревья от этого могли засохнуть. «Нечистой» женщине запрещалось также

переступать через домашних животных и птиц (иначе они не будут расти), а также приближаться к насекомым (иначе в ульях не будет меда).

Женщина во время месячных не должна была заниматься и некоторыми домашними делами: печь праздничные пироги (особенно к Рождеству и Пасхе); квасить капусту, солить сало (все сгниет); стирать чужую одежду (человек, надевший ее, заболит); сновать и ткать (полотно и одежда будут непрочными); изготавливать глиняные формы для выпечки хлеба и т.д. В Сибири женщина не должна была переступать через весла, сети, ружья и прочие промысловые орудия, так как считалось, что иначе они испортятся или их владелец не будет удачлив в своем промысле.

В славянской магии с помощью рубахи, которую носила женщина во время месячных, или воды, в которой ее стирали, предотвращали беременность (лили эту воду на каменку в бане или в растопленную печь), привораживали мужчин (давали им несколько капель крови в еду или питье), наводили порчу (подливали эту воду во фруктовые сады или в хлев) и т.п.

Микола — с. Николай-Угодник.

МИРЯК — в народных поверьях мужчина-кликуша, человек, одержимый бесом. Мирячество — это то же, что и кликушество: припадочная болезнь, которая делается от испуга либо от порчи; женщин, больных такой болезнью, называли кликушами, а мужчин — миряками. Считалось, что кликушествовать миряки и кликуши начинают оттого, что в них «входит бес, порча»; от этого с ними случаются припадочки, они начинают выкрикивать проклятия, пророчества и т.п., иногда начинают тупо повторять речи других людей и даже их движения, подражают голосам и повадкам животных, корчатся, теряют память и т.д. По некоторым поверьям, чаще всего миряки появляются в Сибири и происходят от языческих шаманов.

На Псковщине миряками называли также привидения в облике покойников; считалось, что они показываются живым людям и могут даже преследовать их, являясь в дома близких родственников покойного и т.д.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЮБОВНИК - демонический персонаж, летающий к женщинам (мужчинам) и сожительствующий с ними.

Фактически способностью вступать в любовные отношения с людьми в той или иной степени обладали все славянские мифологические персонажи. Так, например, согласно русским верованиям, леший берет себе в жены проклятых девушек; домового может иметь половую связь с хозяйкой дома (ср. вологодское название домового: батюшко дворовый снохач). По общеславянским поверьям, весьма любвеобильны бывают водяные, которые не только сожительствуют с утопавшими девушками и женятся на дочерях других водяных, но также и заманивают к себе девушек и

женщин красивыми лентами и безделушками, и даже иногда ходят по деревням и сватают себе в жены земных девушек. То же самое касалось и женских мифологических персонажей: считалось, что русалки и лешухи заманивают деревенских парней и соблазняют их, дочери домового (домовички) влюбляют в себя хозяйских сыновей и тем сводят их с ума, и т.д. Однако при этом у всех этих персонажей любовная связь с человеком была лишь одной из многих функций, обычно не основной, лежащей «на периферии основных характеристик».

А наряду с ними у славян существовал также ряд мифологических существ, для которых любовная связь с человеком являлась главной, основополагающей, а иногда и единственной (как, например, для змея-любака) функцией. К числу подобных существ относились, например, умершие мужья или возлюбленные, являющиеся к своим живым подругам и вступающие с ними в половую связь. В быличках обычно подчеркивается, что такой покойник умер молодым, в результате несчастного случая или насильственной, неестественной смерти (был убит врагами, растерзан волками и т.д.), т.е. умер до срока и не исполнил своего предназначения. Подобные «заложные» покойники вообще считались в народе очень опасными и приносящими всяческие несчастья; им нередко приписывалась способность приходить к живым женщинам и жить с ними, особенно если те сильно тосковали по ним.

Очень часто при этом считалось, что в образе умершего мужа или любимого человека к женщине приходит не сам покойный, а черт в его облике. Такой нечистый дух, имеющий облик красивого молодого человека и соблазняющий девушек и женщин, в некоторых мифах мог иметь специальное название, например: в карнатской мифологии его называли пэрэлэстник или літавец' (летаец, летун).

Иногда в роли мифологического любовника мог выступать демон-обогадитель хованец, выхованец, с которым хозяйка бывает вынуждена спать за то, что он носит ей богатство. Так, по карнатским поверьям, если взять яйцо («зносок», по некоторым поверьям, — яйцо, снесенное петухом) и в полной тайне носить его девять дней «пид нахо», то из него получится хованец, который будет помогать по хозяйству, но за это хозяйка должна варить ему еду и сожительствовать с ним.

Подобные представления, в общем, существовали во многих местах (ср., например, сербского петуха-змея или украинского хованца), причем у восточных славян они тесно сближались с демоническими существами тина змея-любака, налета, любостая, огненного змея и пр., которые под видом умершего или отсутствующего человека прилетают к женщине. Иногда такие сюжеты были связаны с образом вампира (ср. польское представление о том, что стригони [strzygon] и навет [navvei] могут пить у человека кровь и высасывать из него жизненную силу) или с представлениями о проклятых (так, у русских маньяк, в облике падающей

Мифологический любовник

звезды, кометы летающий к тоскующим вдовам, мог осмысляться и как нечистая сила, черт, и как человек, проклятый своими родителями).

У южных славян мотив половой связи женщины с демоническим существом тоже обычно соотносился с вампиром, а также с персонажами тина алы (халы) или змея. Такие змеи, прилетающие в дом к девушке, не видны никому, кроме нее; а она видит их только в облике красивого парня, хотя, будучи наблюдательной, может и заметить его змеиную сущность (ср., например, быличку, в которой девушка замечает на коленях своего любовника роговой покров). При этом огненная природа подобных существ, их связь с атмосферными и метеорологическими явлениями, а также их «летучесть» были общими практически у всех славянских народов (ср., например, восточнославянских огненных змеев и южнославянских змеев и хал). Считалось, например, что такие сверхъестественные любовники — змеи, покойники, черти — летают в виде огненного шара, венка, снопа и рассыпаются искрами над тем домом, где живет их жертва (в дом они обычно попадают через печную трубу). По болгарским представлениям, во время грозы девушки должны прятаться, чтобы их не смог заметить змей, а также, «когато падат звезди, се смята, че летят змейове и грабят моми» (ср. русское поверье, что на Власьев день «не должно» смотреть на звезды, чтобы не увидеть маньяка — разновидность змея).

Соответствующие змеям и покойникам женские персонажи также фигурировали в народных мифах славян. Им давались самые разные наименования: богинка, діка баба, пэрэлэстныца, літавэца, повітрула, бісэца (бисица), навка, майка, лісна, вила, самовила, самодива и др.; однако при этом по своим характеристикам они являлись частными вариантами одного и того же образа. Подобные существа в народной традиции обычно наделялись очень привлекательным обликом: считалось, например, что спереди они выглядят как молодые и очень красивые женщины с длинными волосами, однако при этом во многих местах верили, что у них нет спины, так что сзади все их внутренности открыты (характерная черта многих демонов, прежде всего черта и змея, о которых говорят, что у них «спина корытом»). Их нередко наделяли крыльями и способностью поднимать бурю и ветер, а также любовью к песням и пляскам; верили, что они могут выходить замуж за людей и рожать детей от смертных мужчин. Считалось также, что они обладают необыкновенными свойствами (даром провидения, способностью летать и пр.) и иногда волшебными предметами (красными сапогами, при помощи которых они летают, шапкой-невидимкой и т.д.). Их местопребыванием считались горные вершины и пещеры, овраги, а также дупла деревьев, ямы под корнями деревьев и вообще деревья (ср. быличку о бисице, живущей под корнями вывернутой пихты, повітруле, живущей в дупле ивы, или впле, обитающей в кусте боярышника), леса и места вблизи источников.

Подобным женским демоническим существам традиционно приписывалась способность заманивать и обольщать нарней (ср., например: «Лисова нанна — спереди выгладит как девушка хорошего рода, а сзади тянутся за ней кишки. Заманивает к себе молодых людей, идущих вечером одинокой лесной дорогой. Лисова нанна завлекла к себе работника. Через два года он вышел из лесу глубоким стариком и вскоре умер»). Характерно, что все такие персонажи в народной традиции также относились к разряду заложных покойников, не изживших своего века и умерших неестественной смертью (ср.: «Манкэ ходэли, купалися и на бэрэг выходэли, вэгрювалэся, спэвалэ. Така звичайна людэна, алэ в ний плэчиу нэ було, усё видно усэрэдэни... Мать родит ребенка, задушит его и кидас его — страчка, кажут, и майка з тех», «Поветрули диукы таки, косати, косы у них вэлыкы, дужэ файни, спиваіут... То та повитруля причешуеца до чоловека... Повисица диука, то она с того получаеца, тота повитруля», «Витрэнэцэ — диучатэ дужэ красэвэ, шо хлопцэу причаровэвалэ. [Они] з потоплэникоу. Та, шо дивчэна утопэлэса, то з нэй робэца витрэница. То витрэница — русалка. То одно и тож. А ти витрэнэцэ в дуплах живут, и русаукэ в водах. Их [витрениц] можно побачэтэ, шо они роздэваіуца, шо трэба одэг их найтэ, то вона прндэ до тэбэ. Онэ роздэвалэсь, танцовалэ, спэвалэ. Шо волосіе было доуго, зэлэнэ — то витрэнца», и т.п.). Таким образом, мифические любовники и любовницы представлялись славянам людьми, «что ушли недолго» и как бы «доживали» после смерти свой неизжитый земной срок.

Для таких мифологических любовников были характерны все черты демона, и в первую очередь оборотничество: считалось, например, что они не только прикидываются настоящими людьми и принимают облик близких и знакомых, но также и принимают облик различных предметов и атмосферных явлений (являются в виде вихря, клуба дыма, летящего помела и пр.). Появляются они путем, обычным для всей нечистой силы, т.е. через места, символизирующие границу между «этим» и «тем» миром (например, попадают в дом, спускаясь вихрем через трубу). И ведут они себя в поверьях так, как типичные ходячие покойники: ходят по дому, топают и хлопают дверями, гремят, стучат домашней утварью; иногда, подобно домовому, выполняют по ночам работу по хозяйству. При этом считалось, что такой любовник, как и любой мертвец, может «утянуть» за собой все хозяйство (ср.: «Коли перелестник перелетит понад чію хату, то з того господарства нічого не лишит ся, воно зведеть ся ні на шо»).

Потусторонняя природа мифических любовников в народных рассказах и быличках обнаруживается обычно при сопутствующих обстоятельствах. Например, такой любовник «дужэ студэний» и исчезает после пения петухов, никогда не задерживается до рассвета. Он обычно запрещает рассказывать о своих появлениях кому бы то ни было. Гостинцы, которые он

Мифологический любовник

приносит своей любовнице, днем оказываются конским навозом или сухими листьями. Узнать в таком любовнике злого духа можно иногда случайно: так, в некоторых былинках женщины, к которой летает нечистый дух, неловко наклонившись или посмотрев на него особым образом, обнаруживают у него рога, копыта, чешую, хвост и т.п. Кроме того, по многим рассказам, соседи таких женщин нередко замечают перемену в их поведении: они становятся веселее и даже богаче, но при этом нередко чахнут, болеют, выглядят бледными и т.д.

Причин, по которым к людям «привязывались» мифические любовники, существовало много: и нарушение определенных запретов (например, запрета отзываться на незнакомый голос), и пребывание в «нечистое» время в «нечистом» месте и т.п. В отношении женщин очень распространенной причиной было оплакивание, тоска по кому-либо (например, по отсутствующему мужу), продолжительное оплакивание умершего (покойника полагалось оплакивать только до момента погребения, а после возвращения с кладбища «голосить» уже было нельзя): считалось, например, что «летучие прикачиваются от думы и горя» и что «ни чоловікови за жинкою, ни жинци за чоловіком ны годыцца плакать, бо прыплачешь змяя». Мифологический любовник мо¹ овладеть человеком, приснившись ему, поэтому, чтобы преградить доступ к себе, необходимо было рассказывать другим свои сны, особенно повторяющиеся. Кроме того, считалось, что нечистый дух никогда не преминет воспользоваться приглашением, прямым или косвенным; поэтому люди должны были вообще избегать произносить имя нечистых духов, а уж тем более призывать их (так, в одной быличке девушка, не имевшая кавалера, с досады говорит: «Хоть бы черт меня любил», — и в результате черт является к ней в виде хлопца; в другой быличке девушки на вечеринке в ожидании хлопцев произносят: «Хоч би один який чорт прийшов», и пришедшие хлопцы оказываются чертями). Помимо этого, причиной домогательства нечистого духа мог быть и неосторожно, без благословения поднятый на дороге предмет (бусы, платок, перстень и пр.).

Таким образом, возможность сексуального (и вообще любого) контакта между демоном и человеком почти всегда являлась результатом нарушения человеком правильного ритуального поведения. Человек сам открывал доступ к себе, нарушая запреты, создающие границу между миром людей и миром нечистых духов.

Иногда былички описывали и другие причины связи человека и демона. Например, болгары верили, что змей получает доступ к тем девушкам, которые умываются водой, оставленной открытой во время грозы, а также к тем, которых мать, когда они были маленькими, клала на то место, где резали хлеб, мыли посуду, выливали помой и т.п.; кое-где считали также, что девушку может полюбить змей, если в младенчестве мать над ее люлькой мотала нитки; а в некоторых местах рассказывали, что змей получает доступ к девушке,

которая была зачата или родилась в один день с ним (здесь явно играет свою роль представление о змее как заложном покойнике и вера в общую судьбу «одномесечников», людей, родившихся в один день или месяц). У южных славян существовало и еще одно условие возможности любовных контактов с мифическим существом — половая чистота юноши (ср. представление о том, что «повертули влюбляются в нарней смелых и чистых в полове отношении. Такого они уносят к себе»; подобное рассказывали и о вилах, и о лисунках, и даже о ведьмах, причем иногда такое условие распространялось и на девушек). Последнее условие труднообъяснимо, так как невинность, чистота обычно считались свойством, отгоняющим нечистых духов; по здесь могли сказаться древние представления о добрых духах природы, которых при христианстве стали считать демонами: во времена язычества любовь таких существ могла рассматриваться как награда для человека, а девственность могла являться преимуществом, способным привлечь любовь божества.

В народных поверьях христианизированных славянских народов посещение сверхъестественного любовника рассматривалось как явление однозначно отрицательное. Любовные ласки таких существ были насилем, мучением, против которого жертва бессильна; такая любовь иссушает, вытягивает из жертвы жизненные силы. В итоге такой связи могли появиться дети, но при этом беременность женщины, по народному убеждению, в таких случаях протекает патологически долго, роды бывают болезненными и могут кончиться смертью матери. А дети, рождающиеся в результате, в поверьях выступают обычно как злые духи: они бывают уродливы, нежизнеспособны и обладают ярко выраженной демонической природой (имеют хвост и рожки, иногда покрыты шерстью и т.д.). В некоторых поверьях детей от такой связи, напротив, считали красивыми и способными (ср. представление о детях вилы), но такие представления были скорее исключением, отголоском языческих поверий о добрых духах природы.

Из-за губительных свойств связи с нечистыми духами, от мифологических любовников обычно старались уберечься или избавиться тем или иным способом. Превентивной мерой считалось соблюдение человеком определенных запретов; но если связь с нечистым духом уже имела место, приходилось применять другие способы. При этом в быличках обычно требовалась помощь со стороны, так как сама жертва обычно оказывалась неспособной правильно оценить ситуацию, полностью находясь под властью демона. В таких случаях соседи, близкие, священник, знающие люди могли подсказать один из двух распространенных способов избавления. Первым способом считалось освящение помещения, рисование крестов на дверях, окнах и пр., окружение человека различными оберегами и т.д. В качестве второго способа выступал мотив

Михаил Архангел

чуда, когда человек, чтобы избавиться от посягательств демона, должен был удивить его, — например, рассказать историю о скорой свадьбе брата и сестры. Считалось, что в этом случае «гость» непременно спросит: «Как такое может быть?», — и тогда ему следует ответить: «А разве может быть такое, чтобы мертвый (змея и пр.) к живой ходил?» Считалось, что после этого мифический любовник немедленно исчезнет и уже не вернется.

МИХАИЛ АРХАНГЕЛ - Архистратиг Божий Михаил (имя его в переводе с еврейского означает «кто как Бог»). На Руси ему посвящалось множество монастырей, соборных, дворцовых и посадских храмов; на иконах он изображался попирающим ногами дьявола, в левой руке держащим зеленую финиковую ветвь, а в правой — копьё с белой хоругвью (иногда — пламенный меч), на которой начертан червлёный крест.

Согласно легенде, Михаил, верный слугитель Божий, был поставлен Господом над всеми Ангелами, т.е. над всеми небесными силами за его верное служение: он низринул с Неба возгордившихся духов во главе с самим Сатаной и по воле Божией совершил множество подвигов, восславивших Силу Господню.

Михайлов день — день празднования Собора Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных — был установлен в начале IV века на Поместном Лаодикийском Соборе. Совершался праздник в ноябре (21/XI) — девятым месяце от марта (с которого в древности начинался год) — в соответствии с числом 9 чинов Ангельских.

На Руси этот праздник считался одним из довольно значимых (хотя, конечно, не таких больших и важных, как масленица или Рождество, но заслуживающих особого внимания) празднеств. Так, например, в Орловской губернии, в одном из сел, где был построен храм во имя Троицы, так объясняли особую причину и повод чествования Михайлова дня: «Троица-матушка и так праздник Божий: работать не пойдешь. Михайлов день не то: люди работают, а мы гуляем, да и гульба не та. Вот теперь Яшное (соседняя деревня) Троицу празднует — беда: до праздника все в подборе — хлеба своего нет, о деньгах и не спрашивай. С первого дня у них уж и водки нет. — А наш-то Михайло-Архангел — куда вольней. Хлеб почитай, у всех свой. Конопелька продана, овесец тоже. Денежки есть и долгишки, что за зиму накопили — заплачены, и сборщику глотку заткнули: покуда ляскать не пойдет, — вот и с гульнуть можно».

Михайлов день в народе считался веселым и сытным праздником. Готовиться к нему начинали за несколько дней, когда священник с причтом ходили по приходу, служили молебны и поздравляли с преддверием праздника, а хозяева за это давали им ковригу хлеба и денег (от 5 до 15 коп. со двора). Духовенство с молебнами начинало ходить за неделю до праздника, а заканчивало первым днем празднества.

Хозяева готовились к празднику основательно: готовили угощение и закупали от 2 до 3 ведер вина в семьях среднего достатка, и от 5 до 7 ведер — в богатых семьях. С наступлением же праздника во всякой деревне и во всяком дворе начинались пиршества и гостевания. Хозяин при этом сам рассаживал гостей за столом, учитывая при этом степень родства и значимость каждого гостя; хозяйка же, пригласив гостей к столу, ставила на стол чашку со студнем и раскладывала каждому по пирогу и по ложке. Первый гость, выпивший первую чарку, поздравлял хозяев с праздником и желал им здоровья. После этого хозяин просил всех «приступать», и все, находящиеся за столом, приступали к уничтожению студня, причем в торжественном молчании. Затем опять подавалось по стаканчику, а потом на столе появлялась лапша и целая часть какого-либо домашнего животного (свиньи, барана, теленка); мясо это, вареное и потом обжаренное в печи, должен был разламывать руками один из гостей, ближайший родственник. Перед мясом опять было винное подношение в том же порядке. Хозяин побуждал гостей: «Кушайте, потребляйте: не всех по именам, а всех по ровням»; гости же отвечали, откланиваясь: «То и делаем». За мясом подавалась каша, а за кашей полагалось по две рюмки (иные гости по поводу этого острили: «Выпью семь и семь каш съем»). Заканчивался обед чаем, к которому подавали баранки и пироги; перед чаем и за чаем также полагалась водка. При этом угощение чаем в некоторых местах считалось очень почетным, так как чаем угощали лишь избранных.

После окончания пиршества гости выходили из-за стола и, помолившись, благодарили и прощались; но при этом нередко отправлялись не домой, а снова в гости. Толпа иных гостей обходила едва ли не всю деревню, хотя по дороге значительно редела: то один, то другой вконец опьяневший мужик отправлялся «до хаты» или просто падал где-нибудь по дороге и спал под забором, на дворе и т.д. Если же гости были из других, соседних деревень, они обычно оставались ночевать где-нибудь у хозяев в той деревне, где гостили, а утром, опохмелившись, спешили домой, но уезжали не одни, а с гостями из тех, у кого вчера пиروвали.

Подобные пиршества и взаимные гостевания продолжались обычно по нескольку дней. При этом первый день праздника обычно проходил не слишком шумно, а главное празднество начиналось со второго дня, но зато очень рано, иногда часов с 4 утра: гости опохмелялись после вчерашнего почина и начинали ходить друг к другу в гости, из дома в дом без особых приглашений — ходили, пока «носят ноги». На другой день приезжали гости из других деревень, и пир между своими, односельчанами, превращался в общую свалку и шумное гульбище. При этом, однако, своих гостей не считали, но зато приезжих примечали и к тем, кто не приехал, визитов не наносили.

Могила

МОГИЛА — место пребывания тела покойника. Могила считалась святыней, которую нельзя осквернить (испортить, распахать, а тем более раскопать). Запрещалось не только забирать вещи, оставленные на могиле, но и бросать на нее что-либо (например, землю при выкапывании другой могилы).

Место для могилы обычно выбирали заранее родственники или сам покойный при жизни. При этом близким людям запрещалось копать могилу. В Белоруссии, например, могилу копали старики или нищие, избегавшие при этом говорить о покойнике; закончив работу, они говорили убиравшим усопшего женщинам, чтобы те вылили в могилу воду, которой обмывали тело. При выкапывании могилы запрещалось присутствовать жене умершего, а также женщинам, недавно потерявшим кого-нибудь из родных. Если при выкапывании могилы обнаруживались более ранние захоронения, то могильщики бросали в могилу деньги и прочие ценные вещи, чтобы потревоженный мертвец «не прогнал» нового покойника.

В народе считалось, что если могила окажется велика или, наоборот, мала для гроба (так что ее придется расширять), то вслед за погребаемым туда же отправится новый покойник (обычно родственник умершего). Осыпание краев могилы и падение в нее кого-либо из сопровождавших покойника также считалось особо опасной приметой; верили, что могиле мало одной жертвы и вскоре появится следующая.

Заколотенный гроб опускали в могилу на веревках плп на длинных широких полотенцах, чтобы для покойного дорога на «тот свет» была широкая, как полотно. В это же время присутствующие бросали в могилу разные вещи: деньги (чтобы покойник выкупил себе место на кладбище или на «том свете»), одежду, полотно, использовавшееся для шитья савана, иголки и нитки (которыми в противном случае могли воспользоваться для колдовства ведьмы); в могилу также сметали зерно, которым посыпали гроб при выносе из дома. В гроб или в саму могилу иногда опускали вещи, любимые умершим. Существовал также обычай разбивать о спущенный в могилу гроб глиняную посуду (например, ту, в которой приносили на кладбище вино и масло для окропления могилы).

Во многих областях Украины и Белоруссии был распространен обычай «печатать могилу»: украинский священник под особые песнопения чертил железной лопатой знак креста над могилой и крестообразным движением бросал на гроб землю; белорусы перед опусканием гроба в яму или по насыпанному уже пригорку стучали с четырех углов крест-накрест лопатой. Погребение без такого «печатания» считалось неполным, т.к. именно оно не позволяло покойнику выйти из могилы.

В некоторых местах вдоль могильного холмика клали лопату, которой засыпали гроб, а сверху ставили перевернутый горшок с углями. На засыпанной могиле белорусы сразу делали хотя бы маленький,

временный крест, пока не поставят новый, в рост человека. На могиле ребенка, родившегося мертвым, разжигают костер из осиновых веток; на могиле некрещеного ребенка оставляют камень или треугольник из осинового дерева. На могиле самоубийцы также оставляли камень; в некоторых местах на могилы самоубийц, обычно похороненных на месте преступления, бросали камни. Могилы «нечистых» покойников устраивали вне пределов кладбища: в глухих местах, в оврагах, на болоте, на перекрестках и холмиках в лесу.

В день похорон на могиле традиционно устраивались поминки. При этом принесенные с собой кушанья (кутью или «канун», блины, пироги, медовый напиток и т.п.) не только ели сами, но и бросали на могилу, зарывали в нее; остатки блюд часто оставляли на могиле для умерших, либо отдавали нищим.

Могила, как место вечного пребывания умершего, некогда оформлялась в виде дома. В древности мертвых сжигали, а прах их ссыпали в специальные горшки; горшки эти ставили в небольшие надземные домины, представляющие собой деревянные срубные домики с двускатной крышей и маленьким, в толщину одного бревна, оконцем; при этом иногда четвертая стена в срубе отсутствовала, что давало возможность ставить внутрь домины различные «принось» во время поминовения мертвых. Позднее, когда умерших перестали сжигать и стали хоронить в гробах, на могилах стали устанавливать различные подобию этих древних домовин: прямоугольные деревянные сооружения («хатки»), напоминавшие крышку гроба, имевшие окошечки и покрывавшие весь пригорок целиком; кресты с двускатным покрытием и с иконкой, иногда называвшиеся «часовенка»; «голубцы» — продолговатые четырехугольные сооружения, открытые сверху или покрытые плоской крышей, на которую ставят крест. На могиле также часто сажали цветы и плодовые деревья.

В народных поверьях земля с могилы наделялась чудодейственными свойствами. Этой землей в северорусских деревнях терли себе грудь; держали землю за пазухой, клали ее в воду, которой обливались после похорон, чтобы прошла тоска по умершему. Крестьяне верили, что земля со свежей могилы ослабляет страх перед покойником и не подпускает смерть близко к дому, предохраняет людей и скот от болезней. При повальном море скота могильной землей трижды осыпали животных. Больного ребенка купали в воде с песком с могилы родственника.

Могильная земля — одно из сильных колдовских средств; ее использовали в магических действиях ведьмы и колдуны. У многих славянских народов эта земля считалась очень опасной: так, ее опасались приносить домой; людей, копавших могилы, заставляли разуваться и вытрясать землю из обуви и одежды.

МОКОША. мокуша — дух, появляющийся в доме по ночам и связанный с водой, прядением и женскими домашними работами вообще. В некоторых местах

Мокошь

мокушей именовали и знахарок, колдуний. Иногда верили, что от мокоши, появляющейся в доме, завясят судьбы всех домочадцев.

Согласно народным поверьям, мокоша — большеголовая и длиннорукая женщина, появляющаяся в избе по ночам; во многих поверьях она по своему облику и занятиям весьма схожа с кикиморой, марой и т.п. Так, например, считалось, что мокоша, как и т.п. мара, любит прясть и нередко прядет по ночам оставленную хозяйками без благословения кудель, иногда при этом издавая различные звуки (например, щелкает веретеном по косяку двери); поверья запрещали оставлять пряжу на ночь неубранной, «а то мокоша отпрядет». Считалось также, что мокоша иногда (нередко — в наказание за нарушение каких-либо запретов) «метит» и стрижет овец, выстригая у них шерсть клочьями или даже совсем остригая их; если же она очень сердита, недовольна чем-либо, то выстригает немного волос и у хозяев дома.

Уже само название мокоши позволяет соотнести ее с Мокошью, Макошью, древней славянской богиней судьбы, покровительницей плодородия и женских работ. Как и Макошь, мокоша в поверьях — «покровительница овцеводства, прядения и вообще бабьего хозяйства»; по некоторым данным, требы Макоши, в частности, заключались в том, что при стрижке овец в ножницах на ночь оставляли по клоку шерсти. Как и Макошь, мокуша тесно связана с водой. Мокошь, Мать — Сыра Земля, являлась женским воплощением водной стихии, а точнее — земли в единстве с водой; она распорядилась влагой и плодородием, увеличением стада, «бабьим» домашним хозяйством, а также самой жизнью и судьбами людей. Со временем, под влиянием христианства, ее образ трансформировался в образ Параскевы Пятницы, но при этом послужил также и основой для формирования представлений о целом ряде женских мифологических персонажей, таких, как кикимора, мокуша, удельница и пр.

Мокошь — см. Макошь.

Мокуша — см. Мокоша.

МОЛЧАНИЕ — форма ритуального поведения; намеренный отказ или невольное лишение речи, нередко связанное в поверьях с «тем светом».

В народной традиции молчание или отказ от речи выявлял принадлежность того или иного существа к потустороннему миру и сверхъестественным силам вообще. К нему, глухому или слепому часто относились как к человеку «нечистому» и опасному; человек, отказывающийся от речи или немой, воспринимался как не-человек, как «чужой». Ряженые, как люди, на время связывавшие себя с потусторонними силами и потому вынужденные вести себя соответственно нормам их поведения, часто соблюдали полное или частичное молчание во время тех или иных обрядов. Так, молчание соблюдали ряженные в зелень персонажи весен-

них обходов; ряженые, сопровождавшие обрядовые процессии (например, несущие чучело Марены), по дороге не разговаривали, а лишь иногда издавали невразумительные звуки; русалии, обходящие дома на Русальной неделе, не здоровались и не разговаривали со встречными и друг с другом, за исключением своего вожака.

Ритуальное молчание соблюдалось в некоторые моменты похоронно-поминальных обрядов. Так, запрещалось разговаривать во время агонии, чтобы не мешать душе расставаться с телом и не усугублять страданий умирающего; в полном молчании зачастую проходил и поминальный ужин, во время которого, по поверью, души усопших незримо присутствовали за столом.

Молчание, как обрядовое воздержание от речи, помогает, по поверью, установить человеку связь с «иным» миром; запрет разговаривать (говорить самому, отвечать, откликаться на чей-то голос, зов) вступает в силу преимущественно в те моменты, когда необходимо установить контакт с представителями нечистой силы, и т.п. К подобным ситуациям относятся прежде всего гадания, любовная и лечебная магия и т.п. Так, больного ребенка мать относилась под бузину (полагая, что болезнь отберет демон, живущий под бузиной), после чего возвращалась домой, где в полном молчании выполняла три работы, а затем забирала ребенка. Молчать было принято после чтения лечебных заговоров и т.п.

Общение человека с духами и нечистой силой среди крестьян считалось очень опасным, поэтому во время контакта с ними человек должен был быть надежно защищен. Молчание же являлось одной из мер предосторожности: считалось, что, соблюдая полное молчание, человек предохраняет себя от влияния потусторонних сил или просто остается не замечен ими. Так, например, запрещалось разговаривать при выкапывании кладов, которые сторожит нечистая сила; во время грозы, когда бесы, спасаясь от грома, могут проникнуть в человека через открытый рот; во время жатвы, когда сжинают последний сноп (называемый в этом случае «молчальным», «молчанушкой») или срезают последний пучок колосьев, являющийся, по народному поверью, местом обитания духа нивы. Нарушение запрета разговаривать могло привести к тяжким недугам: считалось, например, что у девушки, заговорившей в то время, когда она несет с поля домой последний сноп, будет слепой жених; а человек, проронивший хоть слово при извлечении клада, мгновенно онемевает или даже погибнет.

Вместе с тем, когда сам человек представлял некую опасность для окружающих, его добровольное молчание было способом уберечь людей от его нежелательного влияния на них. Так, например, работник, делавший гроб, обычно относил его в дом умершего, сохраняя полное молчание; в противном случае это могло повредить тому, с кем он заговорит.

Молчание человека при выполнении определенных обрядов и магических действия нередко рассматривалось как условие, необходимое для их успешного завершения и достижения желаемого результата. Например, молчание обязан был соблюдать человек, впервые весной выехавший в поле сеять; женщина, замешивающая тесто для обрядовых хлебов к какому-нибудь большому празднику; человек, первым в селе набирающий до восхода солнца «молчальную воду», которой придают особая лечебная и магическая сила, ит.д.

Молчание известно и как форма ритуального и бытового этикета. Так, например, у южных славян молодая женщина обязана была соблюдать молчание (не разговаривать с близкими родственниками мужа) в течение некоторого времени после свадьбы; у болгар девушки, в знак уважения к главной из них («кумице»), в период от Вербного воскресенья до Пасхи не разговаривали между собой в ее присутствии, ит.д.

Мора — см. Мара и Кикимора.

Морана, Морена — см. Марена.

МОРОЗ. Морозко, Трескун, Студенец — персонаж славянского сказочного и обрядового фольклора, повелитель зимних холодов. Культ его косвенно был отражен во всех славянских традициях.

У восточных славян Мороз в сказках, преданиях, поверьях и песнях выступал как богатырь необыкновенной силы, кузнец, сковывающий воду «железными» морозами (калинниками, от «калить»). Его нередко представляли также в облике высокого зрелого мужчины или крепкого, могучего старца с седой бородой и посохом в руке (ср. облик Деда Мороза в русских сказках); его супругой нередко считали Зиму, а его слугами — вихри и вьюги, холодные ветры, а иногда волков (ср. представление вихрей в волчьем облике). В поверьях и загадках Мороза обычно отождествляли с мифическим кузнецом — строителем ледяных мостов и железных замков, сковывающим землю железными оковами на всю зиму.

В восточнославянской низшей мифологии Мороз (Морозко) — это старичок низенького роста, с длинной седой бородой, бегающий по полям и улицам и стучащий по всему, что попадется; от его стука начинаются трескучие морозы и реки оковываются льдами; от удара же Мороза по углу избы трескается бревно. Дыхание Мороза, по поверьям, производит сильную стужу; иней и сосульки — его слезы и замерзшие слюны, снежные облака — его волосы; крестьяне иногда опасались отбивать от изб и ворот сосульки, полагая, что за это Мороз осерчает и всех переморозит. При этом иногда считалось, что Мороз бывает не один, а их много: так, по русскому поверью, 9-го ноября ст.ст. все морозы прилетают от железных гор (эпитет зимних туч: гора — туча, железный — окованный стужей) и,

словно стая волков, пробегают по земле, обращая землю и воду в камень (лед).

Обрядовые представления, лежащие в основе образа Мороза, сохранялись у восточных славян в ритуале кормления Мороза накануне Рождества и на Велик день. В соответствии с этим обычаем в каждой семье старший в доме («большак») брал ложку киселя или кутьи, выходил на порог сеней или влезал на печь и, просунув голову в волоковое окно, призывал: «Мороз, Мороз! Приходи кисель есть! Мороз, Мороз! Не бей наш овес, лен да конопля в землю вколоти!»; или: «Морозе, Морозе! Иды до нас кути фьеты, та не поморозь нашей гречкы». При этом в некоторых местах крестьяне, трижды повторив призыв на кутью и обождав немного, прибавляли: «Не идешь? Не йди ж ни на жито, ни на пшеницу, ни на всяку пашницу!»

МОСТ — в народной традиции предмет, соединяющий «тот свет» и «этот свет». Существовали поверья, что путь на «тот свет» лежит по мосту через реку (часто огненную реку). В Белоруссии существовал обычай делать в память об умершем мостик через канаву или ручей: на следующий день после поминок на могиле мужчины ставили крест, а в память о женщине делали кладку через какое-нибудь мокрое, топкое место или перекидывали мостик через канаву или ручей. На дереве, срубленном для моста, вырезали дату смерти и серп; затем садились на дерево, выпивали, закусывали и поминали умершую; каждый, кто переходил по такому мостику, также должен был ее помянуть.

Небесным мостом считали радугу, а также Млечный Путь. Верили, что по радуге ангелы поднимаются на небо с душами праведников и спускаются на землю, чтобы передать людям Божью волю. Во многих местах верили, что Млечный Путь — это мост из ада в рай, по которому идут души умерших; те, кого поминают в молитвах на земле, беспрепятственно проходят в рай, но тех, кого на земле проклинают, Бог изгоняет из рая в ад, и когда они надают вниз, от них летят искры, которые, упав на землю, становятся гадами.

В святочных гаданиях мост и вода нередко были связаны с символикой любви и брака. Девушка ставила на ночь у кровати сосуд с водой, потом связывала из прутьев мостик и клала его сверху; во сне ей должен был явиться жених и перевести ее через мост.

МОХОВОЙ, моховик — крошечный лесной дух, самый маленький из лесовиков, лесных духов, подчиненных старшему лесовику-великану, лесному царю. Согласно народным поверьям, моховики — это маленькие, «в четверть аршина» старички зеленого или бурого цвета, обитающие во мху, чаще всего на моховых болотах; питаются они также мхом или вообще различными болотными растениями.

По поверьям, моховой, как и другие лесные духи, способен сбивать людей с дороги: он обходит человека, углубившегося в чащу, и заводит его в такое место, из которого трудно выбраться, либо заставляет кружить

Мрежа

по лесу. Считалось, что таким образом он наказывает тех, кто собирает ягоды в неурочное время или заходит во владения моховика, не соблюдая определенных правил поведения. В некоторых местах верили, что моховики могут причинять большое зло: рассказывали, что они, принимая облик свиньи или барана, «заводят» путников в трясины и могут заесть насмерть ребенка, в одиночку зашедшего в их владения. Однако в большинстве поверий моховой, как и леший, — дух не злой и даже справедливый: он может наказать человека, нарушившего определенные запреты, может «подшутить» над путником, оказавшимся в его владениях, но при этом не старается погубить человека и через какое-то время оставляет его в покое. Защититься от него можно было теми же способами, что и от лешего (т.е. выворачиванием одежды наизнанку и т.п.).

Мрежа — см. Сеть.

МУСОР — в верованиях и магии славян атрибут дома, вместилище душ предков. Например, мусор традиционно считали временным убежищем души после смерти человека; поэтому во время похорон, сразу после выноса гроба из дома, одна из женщин сразу подметала пол в комнате, где лежал покойник, а мусор бросала в огонь; во многих местах при этом тщательно подметали все углы, «чтобы дух умершего не остался в доме». У русских после выноса гроба подметали во дворе, по направлению к дому, чтобы все его обитатели остались в нем. При этом часто запрещалось подметать дом, когда в нем находился покойник, чтобы не вымести домашнее счастье или чтобы «не вымести заодно и живых».

В те дни, когда в доме присутствовали души предков (т.е. на святках, на Ивана Купалу и т.д.), у крестьян запрещалось подметать и особенно выносить мусор из дома. Это делали и для того, чтобы не вымести богатство, ради защиты от волков и др. И наоборот, после окончания праздников необходимо было подмести в доме, а мусор сжечь, бросить в реку, вынести в поле, за село, рассыпать по саду, тем самым «выпроводив» души из дома. Во многих местах не подметали вслед за отъезжающим человеком, боясь «вымести» его из дома навсегда. Мусор при переселении переносили из старого дома в новый, надеясь, что вместе с ним в новый дом перейдет дух-охранитель дома, а следовательно, перейдет и удача, богатство и благополучие. Кстати, мусор нередко представлялся крестьянам жилищем домового духа: например, русские верили, что «домовой дедушка» обитает обычно за печью, там, куда ссыпают домашний мусор.

«Святочный» мусор крестьяне вместе с соломой обычно сжигали во дворе, в воротах, в саду, на огороде; это называлось «греть покойников». Считалось, что души предков прилетают к таким кострам и отогреваются возле них. После святков мусор выносили за огород, на болота, рассыпали под деревьями, бросали

в реку, «чтобы сорняков не было на поле», «чтоб волк в хлев не пришел», чтобы «вымести коляды» (т.е. праздники) и т.п.

Домашний мусор нередко использовали в различных гаданиях. Например, в русских деревнях в сочельник или на посиделках девушки мели мусор из углов к столу, под покуть, к печи, от двери к середине; затем, собрав мусор и вынеся его на перекресток или к мусорной куче (места наиболее часто появления нечистой силы), гадали с его помощью о суженом. При этом в некоторых местах говорили: «Сметает мусор, молодец, вдовцов, пусть придет, кто хочет; с востока, с запада, спереди, сзади, через сад — в амбар». В Сибири перед Рождеством специально заметали мусор в углы, чтобы он там «переночевал», а наутро выносили сор на перекресток и, стоя на мусоре, спрашивали имя у первого встречного, узнавая таким образом имя своего суженого. Собирали мусор в течение нескольких дней до Рождества или с сочельника до Нового года.

Использовали мусор и в различных магических целях. Например, на Страстной неделе хозяйка подметала в доме и выносила мусор на перекресток, в недоступное место, на другую сторону улицы, или даже выбрасывала вместе с метлой в реку, чтобы избавиться от домашних насекомых. Мусор нередко применяли и для лечения различных болезней: так, например, от сглаза белорусы тайком собирали мусор из трех соседских домов, поджигали и окуривали им больного; словаки окуривали ребенка от сглаза дымом от горящего мусора, взятого бабкой из-под порога костела, и т.д.

Мусор, по народному поверью, способствовал благополучию, но вместе с тем считался чем-то нечистым. Так, болгары запрещали детям даже ходить к мусорной куче; хозяйки не выбрасывали мусор, стоя лицом на восток и навстречу солнцу, считая, что скотина станет яловой, и т.д.

МЫШЬ — в народном представлении нечистое животное, считающееся созданием дьявола. Мышей и крыс крестьяне относили к гадам и называли их «поганью», «гадиной» и т.п. Мышь, оказавшаяся в выкопанной могиле, означала, что покойник был колдуном; при этом иногда верили, что это злой дух (черт) в облике мыши вышел навстречу умершему колдуну, чтобы забрать его душу. Кое-где также считалось, что мыши и другие гады собираются на трупе умершей ведьмы; а если сжечь тело умершего колдуна, из огня ползут мыши, змеи, лягушки и пр.

В образе мыши нередко представлялись души умерших. Так, по поверью, если оставить на ночь недоеденный хлеб, ночью им придут питаться души умерших в виде мышей; и если кошка поймает такую мышь, то это грозит неисчислимыми бедствиями всем домашним за гибель предка. В некоторых быличках душа в облике мыши выбирается изо рта спящего человека (колдуна) и бродит где-то по свету, а утром

Мышь

возвращается обратно. В некоторых местах также полагали, что домовый нередко является в облике мыши и трогать такую мышь нельзя — не то в доме случится несчастье.

С мышами в народе связывалось немало примет и обычаев. Так, сербы верили, что если будешь играть ночью на музыкальном инструменте, то приманишь мышей в дом. Русские полагали, что если мыши покидают дом, то быть в нем пожару или мору; а мышь, попавшую за пазуху, считали предвестием большой беды. Крестьяне верили, что если мыши одолевают, во множестве нападают на амбары и пр., то это к голоду, неурожаю, беде; если мышь прогрызет верхнюю корку у каравая, хлеб будет дорогим, а если нижнюю — дешевым. Кое-где считалось также, что тот, кому мыши погрызут одежду или обувь, вскоре умрет. Беременной женщине запрещалось отказывать в какой бы то ни было просьбе, иначе у того, кто откажет, мыши погрызут одежду. Женщинам запрещалось брать мышь в руки или убивать ее, — иначе «хлеб не будет удаваться». Мышиные гнезда на поле близко к колосу, по наблюдениям земледельцев, предвещают сырую осень; считалось также, что мышей больше в сырой год, а зайцев — в сухой.

У крестьян существовали разные способы изгнания, изведения мышей и обереги от них. Так, для избавления от мышей нередко обходили вокруг дома с освященной пасхальной едой, разбрасывали скорлупки

пасхальных яиц или кусочки освященных просфор по углам дома. Чтобы мыши не наносили ущерба хозяйству, на Рождество¹ запрещалось вынимать одежду из сундуков. В течение всего святочного периода польские крестьяне называли мышей «панночками», а в некоторых местах вообще не упоминали о них за едой. У южных славян оберегам от мышей посвящались также специальные «мышьи дни».

Чтобы мыши не поели зерна, снопы с поля начинали свозить в овин в тот день недели, на который в этом году пришелся праздник Благовещения; при этом считали, что везти снопы надо поздно вечером или ночью, когда все спят, причем так, чтобы не встретиться по пути с женщиной. По дороге сквозь спицы колес телеги бросали камни. Снопы с первого воза ставил в овине раздевшийся донага мужчина. Для мышей опрокидывали набок первый сгруженный с воза сноп или оставляли им зерна на дне телеги. От мышей в овине помещали палку, которой до этого удалось разнять ужа и гадюку. В некоторых местах под снопы стелили ольховые ветки, а на дно сусеков клали ветки бузины.

В поверьях и народных приметах мыши связаны с зубами человека. Считается, например, что если мыши поедят необрунные остатки ужина, то у хозяина будут болеть зубы; от зубной боли едят поеденный мышами хлеб или сыр. Первый выпавший у ребенка молочный зуб бросали за печь со словами: «Мышка, мышка, на тебе репный зубок, а мне дай костяной».

Н

Навки — см. Мавки.

Навы — с. Навьи.

Навь — см. Навьи, Явь и Навь.

Навье — см. Навьи.

НАВЬИ. навья, навы, навьё, навь — (от древнерус. «навь», образованного от славянского *navii*, по видимому, из индоевропейского *nani*, — вид погребального обряда) древнейшее название «чужих» мертвецов, враждебных людям и являвших собой полную противоположность «дзядов» — «своих» покойников, покровительствующих живым потомкам. Само слово «навь» в народном языке вообще обозначало мертвеца и не содержало понятия вампира; но навьи, прилетающие к людям и досаждающие им, издревле и постоянно приравнивались к упырям, они были как бы олицетворением самой смерти, мертвенного начала как такового. Даже само их происхождение отчуждало их от доброжелательных «дзядов» и людей: навьи, как и «дзядь», были мертвецами, покойниками, но покойниками «нечистыми»: считалось, что в навьев превращаются души «нехристей», иноверцев, чужаков, врагов, недоброжелателей и т.п., а также души тех, кого покарала сила природы (т.е. души утопленников, людей, съеденных волками, зашибленных деревом и т.п.), или тех, которые умерли некрещеными.

В народных поверьях навьи издревле соотносились с упырями — древнейшими силами зла, которым славяне из страха поклонялись еще до того, как стали почитать Рода и рожаниц, т.е. в первую эпоху в развитии славянских религиозных представлений (так, в «Слове об идолах» говорилось: «Се же словене начали трапезу ставити Роду и рожаницам переже Перуна бога их. А преже того клали требы упиремь и берегыням»). Упыри олицетворяли собой все зло, какое только имелось в мире: мрак, холод, болезни, смерть и т.д.; они считались вампирами, сосущими человеческую кровь, поедающими мертвецов, насылающими болезни и беды. Им «клали требы» в надежде задобрить их и отвратить от себя их гнев. Об их изначальном внешнем облике сведений не осталось (упыри-вампиры, как вредоносные существа, вообще не сопоставлялись точно с чем-либо реальным и никогда не изображались в искусстве); но они, как существа, олицетворявшие некие невероятно могущественные сверхъестественные силы, могли и вообще быть аморфными, не иметь какого-то конкретного обличья. Для древних людей они, вероятно, были просто злом,

многоликим и не заключенным в определенные формы, но оттого не менее опасным.

Примерно такие же представления соединяла народная традиция и с навьями. Так, например, у славянских племен они считались исчадьями и носителями зла, исконно враждебными живым людям и несущими с собою только смерть, болезни и различные беды. В народных поверьях они, подобно упырям, могли представляться аморфными, нередко невидимыми, а могли иметь облик, схожий с птичьим. При этом особенно детально навьи описывались в болгарском фольклоре: так, согласно болгарским поверьям, навьи (нави, наваци) — это птицеобразные души умерших, имеющие вид огромных голых птиц или голых петухов размерами с орла; они летают по ночам, в бурю и в дождь, «на злых ветрах», крича, подобно голодным ястребам, и крик или пение этих зловещих птиц предвещает болезни и смерть. Их считали вампирами, чрезвычайно опасными для людей и для животных, полагая, что они часто нападают на беременных женщин и детей и сосут их кровь, а также пьют молоко и кровь скотины.

В русской традиции навьям довольно часто приписывалось насылание различных эпидемий и бедствий. Так, например, в «Повести временных лет» содержится рассказ о нашествии навий на Полоцкое княжество и его столицу в 1092 г.: «В лето 6600. бывшии нощи, топот станяше, по улици яко человеци рыщуще беси. Аще кто вылезаше ис хоромини, хотя видети, абие уязвен будяше невидими от бесов язвою и с того умираху. И не смеяху излазити ис хором. По семь же начата в дъне являтися на коних и не бе их видети самех, но конь их видети копыта. И тако уязвляху люди полотьскыя и его область. Тем и человеци глаголаху яко навие биють полочаны». При этом появление навий в Полоцке описано как предвестие целого ряда несчастий и невзгод по всей Руси: злые силы причинили засуху — леса и болота «взгарахуся сами»; половцы нанали на Русь; за зиму в Киеве от различных болезней скончалось 7000 человек.

Навьи, страшные упыри, по мнению славян, могли напасть на человека везде, всегда и отовсюду, и им не могла противостоять даже сила всемогущего христианского бога. Так, например, в одном древнем заговоре говорилось, что навьи могут напасть «во дни и в нощи, на пути, при реках и берегах, морях и реках, и езерах, и источниках водных, при горах и холмах, и песках, и на распутиях, и водах, и при косогорах, и дебрях, и лесах, и во болотах, и при полях, и огородах... истоках и кладезях... и во всяком построении: жилиом, дворцом и недворном, полевом и степном, и в храмах божиих, и

молитвенных домах, и при распутиц часовенок...». В некоторых местах (например, в Болгарии) от навий защищались с помощью различных оберегов, в роли которых чаще всего выступали соль, огонь и топор; но это, по-видимому, были уже более поздние верования, возникшие в те времена, когда навьи уже не считались столь опасными существами, как некогда.

В древнейшие времена для защиты от навий применялись целые комплексы доброжелательных языческих символов, размещенных на самых уязвимых участках жилища и двора. И в архитектуре, и в одежде был последовательно проведен один и тот же принцип размещения заклинительного орнамента: орнаментировались все проемы, все отверстия, через которые навьи могли проникнуть к человеку. В одежде магическим охранительным узором покрывались: ворот, обшлага рубахи, подол, разрезы на рубахе или сарафане (сама ткань считалась непроницаемой для духов зла, так как в ее изготовлении участвовали предметы, изобильно снабженные магическим орнаментом) и т.п. То же самое наблюдалось и в архитектуре: магически-заклинительные по своему смыслу элементы располагались на воротах, вокруг окон и дверей, у застрехи; то или иное священное изображение (конь, оленья голова с рогами, богиня и птицы, солнце) увенчивало наивысшую точку дома — шпигель крыши. Сумма подобных оберегов, постоянно присутствующих на всех уязвимых участках дома, превращала каждую «хоромину» в недоступное для навий убежище всех членов семьи. Внутри дома (на случай проникновения навий) все обиходные предметы также были покрыты охраняющими знаками, облегчавшими одоление зла внутри убежища.

В целях защиты от навий издревле использовались также и умиловительные жертвы. Так, например, по всей Руси на пасхальной неделе в Страстной четверг (день поминовения умерших, называемый также Навский великдень) специально для навий готовили баню: «И мыльница топят и на печь льют и попел посреде сыплют следа ради. И глаголють: “Мынтесь!” И чехли вешают и убруси и велят ся терти. Беси же смиются злоумию их (хозяев дома) и влезше мыются и порплются в попели том, яко и кури след свой покажут на попеле... и трутся чехлы и убрусы теми. И приходят топившей мовнищи и глядають на попеле следа и егда видят на попели след и глаголють: “Приходили к нам навья мыгтисяГ». Помимо этого, для навий в тот же день, и также в бане, готовили и роскошную скоромную трапезу, часто с мясом, сыром, ритуальным печеньем, хмельным медом и пивом («поведають мрътвым мяса и млеко и яйца»).

Этот обычай умиловления навий, возникший в древнейшие времена, практиковался крестьянами как во времена язычества, так и при христианстве, тогда, когда смысл украшения жилища и пр. различными символами был забыт, а навьи-упыри стали считаться уже далеко не такими опасными существами. Фактически, этот культ дожил до начала XX в. в том самом

виде, как его описывали источники XII-XIII вв.: так, например, один из исследователей славянского язычества сообщал, что начале XX в. в Смоленской губ. он сам наблюдал этот обычай: «Когда все окончат мыться в бане (а это обычно бывает поздно вечером), последний выходящий, оставив сколько-нибудь горячей воды в котле, приносит ведро холодной воды, поддает пару, т.е. льет ковш воды на горячую каменку, и, сказав: “Мойтесь!», поспешно уходит из бани; после этого ходить в баню не годится» (делали это не только в Великий четверг, но каждый раз, как топили баню); в дополнение же он рассказал, что в детстве и сам был участником жертвоприношения навьям: ему поручали в Страстной четверг ставить пищу и молоко на крышу сарая.

Выбор бани как места встречи навий является еще одним свидетельством того, что представления о навьях были резко отличны от культа предков. «Дзядов», т.е. духов предков, всегда добрых к своим потомкам, живые принимали с радостью: их особо зывали в дом и встречали их в воротах усадьбы (ср.: «Сметье (мусор) у ворот жгутъ в великой четверг, молвяше тако: “У того огня душа приходяще огреваются»»); с ними общались или дома, в красном углу под иконами (т.е. в самом святом месте избы), или же на кладбище у домовины реального предка, и при этом мертвые традиционно разделяли трапезу с живыми (ср., например, обычай на Радуницу приносить на кладбище пищу, есть ее самим и закапывать часть ее в могилы). Навий же встречали всегда только в бане, а баня повсюду считалась нечистым местом: в ней не вешали икон, а когда шли туда мыться, снимали с шеи кресты; в бане же часто появлялась нечистая сила, о проделках которой ходили страшные рассказы. Таким образом, навий намеренно отчуждали от дома, от домашнего очага и освященных предметов. Трапезу с ними хозяева дома не разделяли: оставив в бане подношение навьям, люди поспешно уходили, опасаясь того, что прилетевшие навьи могут причинить человеку вред (задушить его, наслать болезнь, содрать кожу, высосать кровь и т. д.).

Навья — см. *Навьи*.

Наречницы — см. *Орисницы*.

Народная вера — см. *Язычество*.

НЕВИДИМАЯ СИЛА, невиданная сила, невидимые — одно из обозначений нечистой силы, а также проклятых, похищенных нечистой силой людей. Согласно поверьям, «невидимая сила, худая и хорошая, есть везде»; представителями ее считали водяных, леших, домовых, чертей, бесов и вообще всякую нечистую силу, которая, по народному убеждению, существует с человеком, нередко влияет на жизнь людей, но остается при этом невидимой.

По народным поверьям, практически все представители нечистой силы обладают способностью

Невод

виться невидимыми. Во многих быличках, повествующих о проделках нечистой силы, не указывается, какой именно нечистый дух «проказит»; говорится лишь, что что-то незримое подняло шум, швырялось вещами, раскидывало угли в костре и т.д. Таких невидимок в народе и называли иногда невидимой силой.

Кроме того, в некоторых местах под невидимыми или невидимой силой подразумевали и «тайных людей», т.е. проклятых, похищенных нечистой силой, пропавших без вести людей, погубленных матерями младенцев и т.д., т.е. людей, которые, по народному убеждению, попали под власть нечистой силы. Такие люди незримо скитаются по земле, избегая опущенный им срок жизни; при этом они обычно живут у различных нечистых духов и исполняют все их поручения. Считалось, например, что проклятые или умершие «не своей» смертью люди незримо кружат в вихрях вместе с лешими, чертями и пр.; по приказанию нечистых духов они раздувают пожары, подбивают людей затеять драку, толкают под руку хозяек, незаметно встают на запятках свадебного поезда, отчего лошади останавливаются и не двигаются с места, и т.д. Основным их занятием считалась кража неблагословенной еды: «...Живут в лесу, с незнакомым все народом, это все тоже проклятые, выходит. Робить их там заставляют — что бабы не благословясь оставляют — их дело стащить... Особливо, бают, тяжело тащить хлеб из печи, коли баба не благословясь его посадит: им ведь и горячо, а утащить-то надо, чтобы не заметили...» Иногда они могут уводить с собой других проклятых или даже обычных людей (например, заблудившихся в лесу детей и т.д.).

Со временем невидимые люди могут становиться нечистыми духами — кикиморами, водяными, лешими и т.д. Считалось также, что иногда невидимый становится зрим, принимает человеческий облик, и тогда его можно «обернуть», т.е. вернуть обратно к людям, если только накинуть ему нашу крест и после этого крепко держать или если выстричь ему волосы «крестом». Так, например, в одной из быличек парень, зашедший вечером в баню, услышал голос проклятой девушки, раздававшийся словно бы из пустого места; когда девушка стала видимой, парень набросил на нее крест и увел ее к себе домой, а потом женился на ней.

Невидимые люди, по народному убеждению, могут обитать в различных местах. В отличие от нечистой силы, они свободно проникают в дома, могут сидеть за столом вместе с живыми людьми, присутствуют на трапезах в честь свадеб и похорон, собираются в банях на посиделки и т.д. Они могут жить и вместе с нечистой силой, например, в лесном доме лешего или в подводном обиталище водяного; могут они пребывать и под землей, и под водой, и в воздухе (например, летать вместе с ветром, вихрем). Некоторым невидимым людям (например, погубленным матерями детям или девушкам-самоубийцам) домами могли служить деревья и т.п.

В некоторых местах верили, что мир постепенно заполняется «невидимыми поселенными людьми»; тяжесть огромного числа этих невидимых давит на землю, отчего становятся ниже холмы и пригорки, изменяется ландшафт («...И станет земле тяжело от невидимых поселений людей»). Однако в других местах полагали, что невидимые люди иногда погибают, поэтому и не «заполнили» еще весь мир. Так, например, считалось, что «по-настоящему» (в определенный Богом срок) невидимых убивает грозой: «Когда им смерть приходит (от Бога-то должна быть смерть, когда б они были непогубленные), то их Господь убивает грозой. Потому и деревья разбивает, где они живут». В рассказе из Новгородской области «погубленного некрещеного», который незримо живет и даже растет в родных местах, должно «убить грозой» на Петров день; невидимый хочет, чтобы его схоронили, а для этого накануне Петрова дня сбивает с привычных тропинок, «заводит» в лесу мужика из деревни, появляется перед ним в обличье молодого человека лет семнадцати и объясняет, кто он: ««Я всех, говорит, в этом селе знаю. Я барыни сын. Она пригуляла меня без отца, а на родах взяла и погубила. А мне, говорит, смерть была от Бога назначена в семнадцатилетнем возрасте. Видишь, если б мать меня живого пустила, я бы дожил только до семнадцати лет... Теперь, говорит, моя смерть приходит, меня убьет грозой все равно. Я тебе скажу, где меня убьет. От реки там будет такой красивый бугорок, заметный. Вот я на этом месте буду, и зайдет в Петров день ба л чина, и с громом. И убьет меня и сожжет». — «Ведь человека так грозой убивает, а тело не сжигает». — «А меня, говорит, сожжет. Ты сколоти ящичек и возьми сходи мой пепел. И снеси на кладбище зарой — как будто похорони». Так мужчина пообещал ему, конечно. Но спрашивает: «А как же ты кормишься?» — «А я кормлюсь, что у матери есть — то хожу и беру. Потому что там ничего не переkreщено... Знаю всех на родине, я всех своих знаю. Всех соседей, всех — и старых, и малых знаю». Вот Петров день зашел. День хороший стоит, ясный. «Ну, думает мужик, может быть, мне привиделось все это. Какой тут дождь будет!..» Ау, немного годя появились облака на небе... И гром загремел. От грозы вдарила. После мужчина пошел, бугорок нашел, все. А о матери этот парень сказал так: «Пускай она признается, что меня погубила... Чтоб она на этом свете пострадала, а то на том свете будет плохо за меня. Нельзя детей губить». А теперь некрещеных сколько! Вот за то и деревьев битых! А их сколько некрещеных погубленных!»

Невод — см. Сеть.

Недобрая сила — см. Нечистая сила.

Недоля — см. Доля и Недоля.

НЕЖИТЬ — нечистая сила; «то, что живет без души и без плоти, но в виде человека»; «ни человек и ни дух, жильцы стихийные», к которым относятся

Немытик

леший, водяной, русалка, полевой, домовый, кикимора и т.д. но не сверхъестественные покойники (упыри, еретики и т.п.) и не черти, бесы и т.п.

По некоторым предположениям, нежить — это, прежде всего, лесные и водяные «хозяева», но, кроме того, и домовый, банник, обдериха, дворовой и прочие домашние духи. При этом нежить «не принадлежит к классу чертей или бесов, от которых нельзя ждать добра, которые всегда одинаково злобно настроены по отношению к человеку». Некоторые исследователи полагали, что нежить «несет функцию морального воспитателя человечества и наказывает за совершенное зло или награждает за содеянное добро... Будучи хозяевами определенной территории, все эти духи требуют безукоризненного порядка, точного подчинения всем правилам и глубокого почтения к себе в пределах их владений. Но, стоя на грани между добром и злом, эти духи часто озорничают бессмысленно и зло... Нежить живет в местах, населенных людьми, и в тесном общении с ними усваивает некоторые формы человеческих взаимоотношений».

Само слово *нежить* встречается в употреблении достаточно редко. Крестьяне XIX–XX вв. обычно пользовались такими названиями, как нечистая сила, невидимые, шишки, нечистики и т.п.; под этими названиями могли подразумеваться практически все нечистые духи и даже покойники. Слово «нежить» отражало существенные стороны представлений о нечистой силе: очевидно, название «нежить» (т.е. «неживой», «не-человек», «не наш», «иной») возникло в связи с представлениями о многих персонажах нечистой силы как о заложных покойниках, душах предков. См. также *Домовой*.

НЕМЫТИК, *немытый* — одно из обозначений черта, нечистого духа. Крестьяне опасались произносить слово «черт», так как это считалось грехом и могло привлечь внимание нечистой силы; по этой причине чертей и вообще нечистую силу обозначали какими-либо прозвищами. Чаще всего слово «черт» заменяли словами «немытик» или «лукавый», что подчеркивало принадлежность чертей к нечистым и вредоносным духам, потусторонним, чужим существам, принадлежащим нечеловеческому и греховному миру.

Вероятно, название *немытик* возникло в связи с поверьями о том, что черти черны, грязны, неумыты и вообще нечисты; они связаны с водой, но не с очищающей проточной водой, а с водой грязной, стоячей, болотной. У крестьян было принято очищать себя с помощью воды; неумытость же всегда считалась признаком нечистой силы. Так, например, по народному мнению, человек, который не ходит в баню, — недобрый человек. Повсюду считалось, что в священные места следует идти умывшись: собираясь идти в церковь или даже на насеку (которая также считалась священным местом), люди старались умыться хотя бы несколькими каплями воды. Во многих местах немытый человек не смел присутствовать при ритуальных

действиях (напр., при добывании «живого» огня треением). По некоторым поверьям, неумытому человеку опасно пускаться в путь на лошадях, так как в этом случае с ним может случиться несчастье; да и вообще доброму человеку не стоит идти в дорогу неумытым. В некоторых местах полагали даже, что неумытых убивает молнией; возможно, это связано с поверьями о том, что Илья-Пророк преследует и поражает молнией всякую «неумытую силу», т.е. всех нечистых духов.

Неприятная сила — см. *Нечистая сила*.

НЕРАЗМЕННЫЙ РУБЛЬ — рубль, который всегда возвращается к владельцу. Считалось, что его можно выменять у нечистого на черную кошку: можно также продать черту жареного в перьях гусака и получить за него неразменный серебряный рубль. После этого надо идти прямо домой, не оглядываясь и ни с кем не разговаривая; при этом нечистые будут окликать человека, уговаривать его вернуться и сулить несметные сокровища, но если человек обернется, то тут же очутится в болоте с пустыми руками. Если же он добрался с рублем до дома, то будет богат всю свою жизнь, так как неразменный рубль всегда будет к нему возвращаться. Однако сдачи с этого рубля брать нельзя, иначе он сгинет; следует также помнить, что нечистая сила будет все время обольщать владельца неразменного рубля и может хитростью заставить его взять сдачу, после чего рубль исчезнет, а вместо полученных денег окажутся глиняные черепки.

По некоторым поверьям, неразменную монету можно также получить на Пасху. Считалось, что для этого нужно в Светлую заутреню стать в уголке церкви и держать в левой руке серебряную монету. Когда священник первый раз скажет: «Христос Воскресе!», ему нужно ответить: «Антмоз мага»; после этого монета в руке получит чудесную силу и будет возвращаться к своему хозяину даже из воды или огня. Если же бросить монету в другие деньги, она вернется вместе со всеми другими монетами, между которыми она находилась.

В некоторых местах верили, что для того, чтобы получить «беспереvodный целковый», нужно спеланать черную кошку и в полночь бросить ее в баню с приговором: «На тебе беренка, дай мне беспереvodный целковый!»; получив же монету, следует быстро убежать и крестом очертить себя три раза.

Несреча — см. *Доля и Недоля*.

Нехорошая сила — см. *Нечистая сила*.

Нехороший — см. *Летавец*.

НЕЧИСТАЯ СИЛА, *неприятная сила*, *нехорошая* (недобрая) сила — общее название для всех низших демонических существ, принадлежащих к отрицательному, нечистому, нездешнему, потустороннему миру и поэтому противопоставляемых положительному, здешнему миру. Персонажи нечистой силы в поверьях

Нечистая сила

обычно отличаются злокозненностью и враждебностью по отношению к человеку; иногда они могут помогать людям, но в большинстве случаев вредят, зло «шутят», причиняют неприятности и т.д.

Само понятие «нечистый» в народных верованиях имеет несколько оттенков. Это и буквально «грязный», и «нечеловеческий», и «лишенный внутренней чистоты, истинности, святости, противостоящий чистому и освященному»; при этом представления о чистоте «внутренней» и внешней нередко совпадали. Так, например, чистоту восточные славяне считали признаком в основном не физическим, а моральным, о чем свидетельствует и сам язык: так, русские обозначали все нечистое словом «поганый», которое некогда означало «языческий, загрязненный языческой кровью» (лат. *paganus*). Однако «нечистый» в народных поверьях — это не однозначно «поганый», но также иногда и «таинственный, насыщенный разнообразными силами».

Вообще, нечистая сила — это, по большей части, силы и существа, вера в которых старше христианства; почитаться «нечистыми» они стали уже после христианизации Руси. Дохристианские сверхъестественные силы были разнообразными силами окружающего людей мира; силами плодородия, дарующего жизнь, или, наоборот, силами уничтожения. Это были существа, олицетворяющие силы земли, леса, воды, стихийные силы и саму судьбу. Среди этих существ были и откровенно враждебные человеку (навы, упыри и т.п.), и покровительствующие людям (домовые), и те, которые могли как вредить человеку, так и помогать ему, наказывать за прегрешения или же награждать за «добрую жизнь». При христианстве все эти существа, в той или иной степени, стали причисляться к духам нечистым и вредоносным, т.е. к нечистой силе, однако в поверьях многие из них сохранили некоторые свои прежние функции. Так, например, лешие в народных верованиях XIX–XX вв. — духи нечистые; однако они не только вредят людям, но и помогают им, бдительно следят за соблюдением обычаев, «направляют людей на путь истинный» и т.д.

Само название «нечистая сила» возникло, по видимому, достаточно поздно и изначально обозначало некую сверхъестественную силу, лесную, водяную и т.п., понятия о которой оформились со временем в конкретные образы водяного, лешего и т.д. (типологически лешему, водяному и прочим духам предшествовала именно лешая сила, водяная сила и т.д., упоминаемая в русских заговорах XVII в.). При этом несколько неопределенное представление о нечистой силе в полной мере сохранилось и в народных поверьях XIX–XX вв.: эта сила нередко почти не поддается описанию, а иногда и вообще никак конкретно не именуется; действия ее часто описываются в безличной форме (с каменки «разит камнями»; «стучочет, кричит» на вышке; «бросает» на пол ночующего в избе и т.д.), без указания, какое именно существо производит

все эти действия. Неопределенность понятий о нечистой силе обнаруживается даже в представлениях о конкретных мифологических персонажах, объединяемых этим именем: будучи формально разными, они нередко смешиваются, именуются и действуют одинаково (так, например, шишига — это и нечистая сила вообще, и чертовка, лешачиха, домовая, русалка; черт — это и собственно черт, и леший, водяной, болотник и т.д.).

Черт у славян являлся наиболее обобщенным персонажем нечистой силы; зачастую и других персонажей (лешего, водяного, русалку и пр.) называли чертями. При этом, однако, черт — всегда воплощение злого, темного начала; лешие же, русалки, водяные и т.п., хоть и наделялись отрицательными чертами нечистых духов, все-таки не утратили до конца своего первоначального значения грозных, но милостивых к человеку духов лесов, вод и т.п.

Происхождение нечистой силы в народных поверьях весьма различно. По наиболее распространенным и более древним поверьям, разного рода демонические существа, представители нечистой силы, появляются из заложных покойников, проклятых, людей, похищенных нечистой силой, а также детей, рожденных от сношения женщин с нечистыми духами.

При этом не менее распространена была и легенда, возникшая уже значительно позже христианизации Руси. Согласно этой легенде, в нечистую силу превратились проклятые Богом существа. Так, например, во многих местах верили, что «в нечистиков поделались аггелы»: Господь, воспылав гневом на Сатанаила и его приспешников-аггелов, повелел Архангелу Михаилу, предводителю небесного воинства, свергнуть их с неба в преисподнюю, и, падая с небес, некоторые аггелы упали не в пекло, а в леса, реки, дома и пр., превратившись в леших, водяных, домовых и т.д. На землю, по народному убеждению, упало очень много нечистой силы; поэтому нечистые духи, во избежание ссор и вражды, очертили свои владения невидимым кругом, который «возымел особое действие и силу: всякий попавший в него и переступивший след нечистого, обязательно блуждает и без помощи особых средств из него не выйдет и не избавится от дьявольского наваждения».

В некоторых местах верили, что нечистая сила происходит от адамовых детей: Адам, по народному мнению, постеснялся показать Богу своих многочисленных отпрысков и спрятал их от Господа в домах, лесах, водах и т.д.; эти-то дети и превратились в духов различных стихий и мест. Иногда считалось также, что нечистая сила возникла при Вавилонском столпотворении: «Бог... наказал народ, дерзнувший проникнуть в тайну его величия, смешением языков. Главных из них, лишив образа и подобия своего, определил на вечные времена сторожить воды, горы, леса и прочее. Кто в момент наказания находился в доме — сделался домовым, в горах — горным, в лесу — лешим и прочее»>>

Нечистая сила

(при этом считалось, что, несмотря на силу греха, раскаяние может обратить их в прежнее состояние).

В одной из легенд о сотворении мира (возможно, являющейся отголоском языческих легенд) нечистая сила происходит из искр, высекаемых из камня Сатаной: Бог и Сатана при сотворении мира ударили кремнем о камень, и от удара Бога произошли ангелы, а от удара Сатаны — нечистые духи.

Нечистая сила повсеместно представлялась практически вездесущей, способной возникнуть где угодно и когда угодно. Мест, недоступных для нее, чрезвычайно мало и они, по-видимому, не всегда бывают неприступны; так, например, обычно считалось, что черт не может появиться в церкви, но в некоторых рассказах он все-таки появляется там, хотя во время литургии и вынужден покинуть ее, так как ему «становится тошно». Вообще же, по поверьям, нечистая сила присутствует повсюду в окружающем людей мире: она обитает в лесах и водах, в полях и в домах, в воздухе и под землей, даже в священных местах (что, возможно, указывает на то, что не все персонажи нечистой силы исконно считались «нечистыми» и вредоносными). Во многих местах полагали, что «у каждой хаты, то есть у каждого строения, как и у каждого человека, есть свой нечистый — хозяин». По народному убеждению, нечистый дух (черт) всегда сопровождает человека, незримо находясь за его левым плечом, тогда как ангел-хранитель находится за правым; таким образом, сверхъестественная сила (как «нечистая», так и «святая») всегда неизбежно сопутствует человеческой жизни.

Согласно народным верованиям, нечисть вездесуща, однако местом ее обитания являются лишь «нечистые» места: пустоши, дебри, чащобы, трясины, болота; перекрестки, мосты, росстани дорог; границы сел и полей; пещеры, ямы, овраги; все виды водоемов (особенно водовороты, омуты); колодцы, сосуды с водой; нечистые деревья (сухая верба, бузина и т.п.); подполья и чердаки, место за и под печью, баня, овинны, хлев и т.д. Так, например, во многих местах полагали, что «нечисто большею частью бывает в глухих местах, в которых испытываешь что-то особенное, жуткое... Таковы, например, лесные овраги, омуты у речек, запустелые здания или места, где совершилось какое-либо ужасающее обстоятельство: удушение, самоубийство и что-нибудь такое».

По поверьям, большинство персонажей нечистой силы могут влиять на жизнь людей в любое время суток и в любые дни; однако при этом нечистая сила имеет наибольшие возможности действия и, следовательно, наиболее опасна для людей в «нечистое» время года и суток: в некрещеные, или поганые, дни рождественских святых, в ночь на Ивана Купалу и т.д.; в полночь (глухую ночь) и в полдень, после захода и до восхода солнца; в определенные «нечистые» периоды жизненного цикла — от рождения до крещения, от родов до «ввода» в церковь и т.д. Для отдельных персонажей нечистой силы существовали также свои

особые периоды: для русалок — русальная неделя, для шуликунов — рождественские святки и т.д.

Имена персонажей нечистой силы обычно зависят от их местообитания, внешнего вида и характерных занятий. Место обитания — один из главных признаков номинации нечистой силы; так, в зависимости от того, где обитает тот или иной дух, его именуют: леший, лозатый, боровой, моховик, полевик, луговик, межевик, водяной, омутник, вировник, болотник, зыбочник, веретник, травник, стоговой, дворовой пли домовый, овинник, банник, амбарник, гуменник, хлебник, запечник, подпольник, голбешник и т.д. Названия нечистых духов часто бывают связаны и с их внешним видом, характерным обликом; так, например, известны такие севернорусские названия нечисти: белый дедушка, кривой, рогатый, голенький, беспятый, хвостатый, лысый, косматка, волосатик, русоволох, немтык, нечистик и т.д. Характерные действия тех или иных персонажей нечистой силы также нередко находят отражение в названиях; так, различных духов в разных местах именовали: гнетюк, лизун, обдериха, водило, лоскотуха, щекотун, жмара, игрец, костолом, кожедер, обмееиха, летавец, икотница, ломея, смутитель, лиходей, баловница, опрокидень, обертеня, крапуша, перевертух, перекидчик, шепотник и т.д. Повсеместно использовались какие-либо задабривающие или указательные названия: нежить, он, тот, соседушко, хозяин, господин, князь и т.п.; широко употреблялись и названия по родству и социальным отношениям: баба, мать, дед, дядя, сестрица, подруга, кум, гость, помощники и т.д.

Все персонажи нечистой силы могли иметь множество имен. Объяснялось это тем, что люди избегали упоминать настоящие имена нечистых духов из опасения привлечь внимание нечистой силы и подвергнуться ее пагубному воздействию; поэтому при необходимости назвать какого-нибудь демона люди плевали или крестились (что должно было обезопасить говорившего от нечистого духа), а также пользовались различными табуистическими именами (так, например, считалось, что произносить слово «черт» грешно и опасно, поэтому его следует заменять словами «нечистый», «рогатый» и т.д.).

Согласно народным поверьям, нечистая сила весьма и весьма многолика; она может явиться в любой час и в любом облике. Так, например, считалось, что все нечистые духи могут оборачиваться животными или птицами, растениями или предметами; при этом, однако, у каждого нечистого духа обычно имеется один или несколько излюбленных обликов (так, домовый чаще всего оборачивается кошкой, леший — елью или волком, водяной — шукой и т.д.). Нечистая сила могла и не иметь определенного облика: так, многие нечистые духи в поверьях бесплотны, невидимы или показываются тенью, облачком тумана и т.д.

В поверьях для внешнего облика всей нечистой силы обычно бывает характерна расплывчатость и многоликость, изменчивость, неопределенность, а также

Нечистая сила

способность к перевоплощениям, выраженная у разных демонов по-разному. Так, например, для лешего характерна резкая изменчивость роста (то выше леса, то ниже травы); для русалки — устойчивый женский или детский облик; для домового — антропоморфность или зооморфность и т.п. К внешним признакам нечистой силы относятся и такие характерные аномальные (для человека) проявления, как сильный или громкий голос, немота, шум, треск, гул, вой, скорость перемещения, стремительные вращательные движения, быстрые смены облика и т.д.

В поверьях наиболее распространен антропоморфный облик нечистой силы: она предстает в виде старика или старухи, женщины, девушки, нарня, мужчины, ребенка; часто принимает облик знакомого человека. Однако при этом у нечистой силы постоянно присутствует аномальный для человека, звериный признак: остроголовость, рогатость, хвостатость, хромота (беспятость), звериные когти или лапы вместо ног и рук, отвисшие груди, отсутствие спины, бескостность, большеголовость, волосатость или косматость, черный цвет шерсти и т.д. Антропоморфная нечистая сила обычно также отличается либо наготой, либо черной или белой (реже — красной, синей и т.п.) одеждой с некоторыми характерными деталями: остроконечной шапкой, солдатским мундиром с яркими пуговицами и др. В некоторых быличках эти признаки нечистых духов могут быть незаметны (так как нечистая сила «отводит глаза» окружающим ее людям); однако их можно увидеть, если перекреститься, помолиться и т.д. (в этом случае можно увидеть и настоящий облик нечистой силы).

Зооморфный облик, по народному убеждению, также свойствен нечистым духам; при этом нередко считалось, что нечистая сила обычно принимает облик небольших животных — ласки, белки, зайца, кошки, собаки, свиньи, мыши, лягушки, змеи, рыбы (щуки), сойки и др. Кроме того, персонажи нечистой силы могли появляться в виде неодушевленных предметов или явлений: катящегося клубка, вороха сена, камней, огненного, водяного или пыльного столба, колеса, вихря, летящей огненной метлы и т.д. Так, например, считалось, что огненные змеи летают по небу, приняв вид метеорита, огненного шара и т.д.; черти и лешие носятся по дорогам в облике вихря или сильного ветра; заложники покойники являются тучами и т.д.

«Занятия» нечистой силы весьма разнообразны. Они могут как вредить людям, так и помогать им; некоторые же из них, по-видимому, совершенно индифферентны по отношению к человеку. Так, например, некоторые персонажи нечистой силы относятся к человеку благосклонно, помогают людям и лишь изредка причиняют им вред (так, домовый в поверьях помогает хозяевам, но иногда, рассердившись, бьет посуду, давит людей по ночам и т.д.). Другие же нечистые духи, наоборот, всячески вредят людям и лишь изредка, под влиянием каких-либо исключительных обстоятельств, помогают человеку (так, например, в быличке

черт, существо однозначно враждебное человеку, помогает мужику избежать «солдатчины» в благодарность за то, что мужик освободил его из «закрещенного» колодца).

В быличках и т.п. описываются преимущественно злые проделки нечистой силы. Так, согласно поверьям, наиболее типичные действия вредоносной нечистой силы таковы: демоны пугают людей звуком (треском, стуком, гулом, воем), прикосновением (мохнатой лапы, холодной руки), давят во сне, душат человека, насылают бессонницу, щекочут до смерти, «водят» людей, сбивают их с пути, увлекая в чащобу или топь, учиняют беспорядок (переворачивают предметы, сдвигают их с места), насылают на людей болезни (особенно душевные), искушают людей, смущают соблазнами, толкают на грех, побуждают к самоубийству; соблазняют женщин, похищают и обменивают детей, мучают скотину, отнимают у нее молоко и т.д. Многие из этих действий являются специфическими функциями отдельных персонажей: так, леший «водит», сбивает с пути; домовый пугает стуком, прикосновением; русалка щекочет; богинки крадут и подменивают детей; змей соблазняет женщин и т.д.

Вообще для отдельных персонажей нечистой силы обычно бывают характерны свои специфические формы поведения и образа жизни. Так, например, черти пируют, пьют вино и играют в карты, женятся и устраивают свадьбы; русалки танцуют, поют, раскачиваются на деревьях, расчесывают волосы и т.д.; леший пасет волков, плетет лапы; домовый ухаживает за скотиной, «вещует»; водяной перегоняет с места на место рыбу, путает сети и т.д. Во многих рассказах и быличках о проделках нечистой силы не указывается, какой именно нечистый дух «проказил»; однако нередко по его действиям можно понять, что это был домовый, леший, водяной, черт и т.д.

Образ жизни нечистой силы в целом не вполне ясен. Согласно многим поверьям, жизнь таких персонажей нечистой силы, как домовый, леший, водяной и т.п., вообще протекает так же, как у людей, и отличается лишь тем, что они не ходят в церковь, не молятся, не соблюдают поста и т.д. В остальном же они живут так же, как люди: имеют собственные дома и вообще хозяйство, женятся и рожают детей, занимаются бытовыми делами, обходят свои владения и т.д. Такие поверья относятся преимущественно к лешим, домовым, водяным и прочим духам, соотносимым с заложившими покойниками; возможно, тем, что эти духи как бы «сродни людям», и объясняется такое сходство их образа жизни с человеческим.

Образ жизни чертей, бесов и подобных им нечистых духов, напротив, резко отличается от человеческого. Так, согласно большинству поверий, черти и бесы живут в пекле или в болотах и прочих «нечистых» местах и занимаются исключительно тем, что вредят людям: «толкают на грех», уносят проклятых, мучают грешников и т.д. Кроме того, они служат колдунам, которые также посылают их вредить людям: наводить

Нечуй—ветер

порчу, напускать болезни и т.д. Другие существа, однозначно враждебные человеку, в поверьях также пребывают преимущественно в пекле, вообще где-то под землей или в нечистых и опасных местах; из этих своих «подземных вертепов» они выходят только для того, чтобы досаждают людям.

Так как злокозненность нечистой силы по отношению к человеку проявлялась в самых разных видах и в самое разное время, люди обычно пытались обезопасить себя от нее множеством разных способов и, прежде всего, старались не помянуть лишний раз и не раздражать ее (о чем свидетельствуют и поговорки тина: «Богу молись, а черта не гневи»).

Для защиты от нечистой силы использовали различные обереги: так, считалось, что нечисть боится креста и крестного знамения, четных чисел, молитвы (особенно «да воскреснет Бог»), очерченного круга, пения петуха, колокольного звона, железных колющих предметов, различных растений-оберегов (особенно полыни, мака, крапивы, чертополоха и т.п.), святой и богоявленской воды, четверговой свечи или свечи, взятой в пятницу со страстей, освященных предметов, головни и т.п. Для отпугивания нечистой силы мог применяться и эффект «чуда», т.е. рассказ какой-либо чудесной истории (свадьба брата с сестрой, рождение ребенка у семилетней девочки).

Согласно народным поверьям, убить нечистую силу можно, если ударить наотмашь тележной осью, осиновым колом или даже просто рукой, если выстрелить медной пуговицей или хлебным мякишем и т.п. Считалось также, что нечистую силу убивает гром; сама гроза, по народному убеждению, бывает оттого, что Илья-пророк на своей громовой колеснице едет по небу и мечет огненные стрелы в нечистых духов.

Во многих местах верили, что нечистая сила всегда находится рядом с людьми, но не смеет «подступиться к крещеному человеку», если тот не нарушает определенных запретов и живет «праведной жизнью». Так, например, в некоторых местах считалось, что во время трапезы нечистая сила находится под полатями; но если кто-нибудь из присутствующих за столом будет ругаться, сквернословить, то нечистые духи подойдут к столу, станут плевать в блюда и подменят хозяйский хлеб своим — «неблагословленным». Считалось также, что если человек не будет мыть рук перед едой, то за столом с этим человеком будет сидеть сам нечистый дух, который станет «помогать ему в еде», поэтому, если поблизости не было воды, народный обычай повелевал «вместо умывания трижды подуть на руки, чтобы согнать нечистых с рук»

Стараясь избежать пагубного влияния нечистых духов, люди соблюдали самые различные правила, например, старались не оставлять открытой посуду с водой и едой, закрывать колыбель, заслонять в нужное время печь, окна и трубу, завешивать зеркало и т.д. Считалось, что для того, чтобы нечистая сила не вредила людям, следует соблюдать посты, запреты на работу и т.д. Кроме того, страх перед нечистыми духами

заставлял людей избегать «нечистых» мест и «нечистого» времени (например, не купаться в реке до и после определенного времени, не ходить в лес и в поле в русальную неделю, не выходить из дома в полночь И.Т.П.).

Однако не все и не всегда избегали контакта с нечистыми духами. Некоторые люди иногда сознательно вступали в союз с нечистой силой. Так, во время гаданий снимали с себя крест, шли на перекресток дорог, в баню или в другие нечистые места, где обитает нечистая сила, чтобы узнать свою судьбу; желающий стать колдуном или знахарем вызывал черта, лешего или других «нечистиков», чтобы получить от них силу или научиться знахарству, и т.д.

По народному убеждению, нечистой силы в мире становится все меньше и меньше. Объясняли это, по большей части, тем, что «в старину заложных покойников не проклинали и потому их души превращались в нечистую силу, а теперь священники их проклинаят и оттого нечистой силы меньше». По некоторым поверьям, нечистую силу заклиал какой-то святой или же ее «закрестили». Рассказывали также, что когда-то существовала более тесная связь между человеком и духовным миром; тогда по земле ходили, с одной стороны, Бог и святые угодники, а с другой стороны, нечистая сила, но Иисус Христос «усих показал ходить», поэтому теперь все потусторонние силы, и злые, и добрые, редко появляются на земле.

НЕЧУЙ—ВЕТЕР — трава, растущая зимой по берегам водоемов. Считалось, что тот, кто ею обладает, всегда может остановить ветер на воде, уберечь себя и судно от потопления и даже ловить рыбу без неводов.

Собирали эту траву под Васильев вечер (1/14.1), в глухую полночь; считалось, что в это время нечистая сила, летая по озерам и рекам, бросает эту траву для уничтожения бури. Присутствие этой травы чувствуют только слепые от рождения: когда они наступают на нечуй-ветер, то их слепые глаза словно кто-то колет иглами. Если же они успеют поднять траву, но не руками, а ртом, то сила этой травы перейдет к ним.

На Волини под именем «не чуй витер» была известна трава ястребинка волосистая; называли ее так оттого, что стебель и листья ее, придавленные к земле, якобы не колышутся от ветра. Это растение солнцелюбивое и цветы свои, утром и вечером свернутые, раскрывает только в полуденные часы. Настой цветков этой травы употребляли от золотухи, а отвар корней от лихорадки, лечили ею и водобоязнь.

Никола — см. Николай-Угодник.

НИКОЛАЙ-УГОДНИК. Никола, Микола - святой Николай, архиепископ Мирликийский, угодник Божий и Чудотворец. В году этому святому посвящались два праздника: Никола Вешний (Весенний, Теплый, Травный) — 9/22.V (в честь перемещения мощей святого из Мир Ликийских в Бар) и Никола

Николай—Угодник

Зимний (Холодный) — 6/19.XII (день памяти святого). Впрочем, с именем этого святого соотносился иногда еще и день Николы Студеного (17.11); однако этот праздник был посвящен Николаю Исповеднику, игумену Студийскому, а не Николаю-Угоднику.

Николай в народе считался милостивым святым, покровителем земледелия и скотоводства, хозяином земных вод, самым старшим и самым близким к Господу святым, вторым после Бога заступником людей от всех бед и несчастий. По поверью, в свои праздники он спускается с небесных полей на землю и шествует по Руси, обходя ее из конца в конец, а от него бегут прочь все духи тьмы; в связи с этим в народе говорили: «на Николин день зови друга, зови врага — оба будут друзья». На Руси Николаю посвящалось множество соборов, монастырей и церквей; храмы его чаще ставились на торговых площадях русскими купцами, мореходами и землепроходцами, почитавшими чудотворца Николая покровителем всех странствующих на суше и на море (такие храмы в народе нередко получали название «Николы Мокрого»).

О степени почитания святителя Николая православной церковью можно судить уже по тому, что ему по четвергам каждой недели полагалась особая служба наряду с апостолами. Русские люди, как простые крестьяне, так и бояре, князья и пр., издревле почитая святого Николая, обращались к нему с молитвой чаще, чем ко всем другим святым. Так, например, в Ипатьевской летописи под 1227 г. о галицком князе Данииле сказано: «еха Данил в Жидичин кланятися и молитися св. Николе, и зва и Ярослава к Луческу; и реша ему бояре его: прими Луческ, где ими князя их; оному же отвещавшу: яко приходих зде молитву створити»; в другом же месте: «Нача посылати Михаил и Изяслав грозыча: дай нашу братью, или придем на тя войною. Данилови же молящюся Богу и св. архиерею Николе, иже каза чудо свое». В древних стихах, распеваемых на Руси каликами переходными, про святого Николая пелось, что «он, чудотворец, Богом силен, он всем помощник»; схожие же стихи распевали малороссийские старцы и в XIX в.: «Ой! хто, хто Миколая любит, Ой! хто, хто Миколаю служит, / Тому святой Миколае На всякий час помогае».

Пожалуй, ни одному святому угоднику в православной Руси не воздвигалось исстари столько храмов, монастырей, церквей и соборов, как св. Николаю Чудотворцу Александр Гуагнин Веронский, путешествовавший по России в XVI в. заметил даже, что «русские, между святыми особенно почитая св. Николая, едва не воздают ему божеского поклонения; во имя его воздвигают они особенные храмы и рассказывают о нем много чудесного». Леклерк говорил, что «у русских св. Николай считается патроном их отечества» и что «русский люд даже верит, будто св. Николай Чудотворец мог бы быть Богом, но не захотел этой чести, и во всяком случае после Бога заступает первое место». Само имя Николай у русских было едва ли не

наиболее распространенным именем. Образ святителя Николая можно было увидеть практически в любом православном русском доме; перед его образом русские люди молились о помощи во всех более или менее трудных обстоятельствах своей жизни. Простые крестьяне говорили о святом Николае: «нет за нас поборника супротив Николы»; «Попроси Николу, и он скажет: Спасу»; «Оставил вор на дороге — Никола подбери»; «Всем богам но сапогам, а Николе боле, что ходит боле»; «От Холмогора до Колы тридцать три Николы»; «Благому чудотворцу Николаю два праздника в году, а Касьяну немилостивому один в четыре года»; «Что криво и слепо, то Николе свету» и т.д.

Столь глубокое уважение к святителю Николаю объяснялось, по-видимому, сказаниями о его жизни и сотворенных им чудесах. Так, в Четких минеях замечается, что он «многа великая и преславная чудеса сотвори на земли и на мори, в бедах сущим помогаю, и от потопления спасая, и из глубины морския на сухо износя, от тления восхищая и принося в дом, от уз и темниц избавляя, от мечного посещения заступая, и от смерти свобождая, многим многая подаде исцеления: слепым зрение, хромым хождение, глухим слышание, немым глаголение. Многих в убожестве и нищете последней страдающих обогати, гладным пищу подаде, и всякому во всякой потребе готовый помощник, теплый заступник и скорый предстатель и защитник показася, и овым также призывающим его помогает и от бед избавляет. Весть великаго чудотворца сего — восток и запад и все концы земний ведят чудотворения его».

Впрочем, хотя Николай Чудотворец — Никола, Микола — и считался одним из главнейших и наиболее чтимых святых, в славянской традиции он, очевидно, воспринял некоторые черты дохристианских мифологических персонажей, иногда даже злых духов. Так, согласно некоторым поверьям, Никола тесно связан с охотой и с лешим; на связь с демоническими персонажами указывали также его физические недостатки, отраженные в поверьях некоторых мест, например, хромота или слепота (кривизна). У южных славян, например, Николой именовался лесной дух, покровитель охотников, подобный лешему; считалось, что он живет в дупле и загадывает заблудившимся людям загадки (отгадавших выводит на дорогу, а у не отгадавших забирает душу).

В поверьях других мест Николай, связывавшийся в народном сознании с водной стихией, отождествлялся, по-видимому, с водой и ее олицетворением — водяным. Так, на Онежском озере в день «Николы Мокрого» («Николы Зимнего») старики-рыбаки делали из соломы человеческое чучело и в старой лодке отправляли по озеру, прося Николу Морского принять чучело-жертву для озера.

Праздник «Николы Зимнего» был связан с полужытческими «братчинами Никольщины», происходившими обычно у часовни или около сельской церкви, или даже в церковной трапезной; на этих братчинах варили пиво и закалывали быка, которого потом

Николай—Угодник

съедали «всем миром». Такие братчины (общесельские пиры) являлись, судя по всему, пережитками язычества, сохранившимися вплоть до XIX в.; впрочем, со временем они, естественно, несколько изменились. Так, например, в XIX в. празднование «Никольщины», устраиваемое в складчину, с пивом и брагой из зерна нового урожая, справлялось, как правило, уже не всем селом, а каждым домохозяином в отдельности. «Никольщина» считалась, в первую очередь, праздником стариков и старших сыновей (большаков семей), представителей деревенских и сельских родов; молодежь в этом празднике не участвовала (но молодые парни и девушки с этого дня начинали готовиться к своему празднику — святкам). Застолье и веселье в честь «Никольщины» длилось обычно не менее 3 или 4 дней, начиная со дня Николы Зимнего. Праздник со стариками и большаками разделяли ближайшие родственники и соседи, но в избранном и ограниченном числе; при этом отказ от складчины и уклонение от празднования порицались, и такого домохозяина изводили насмешками в течение целого года, нередко не давая проходу от укоров и даже брани. Прощение же виновный мог заслужить лишь покаянием: он должен был призвать священника с молебном и выставить всем соседям и пр. обильное угощение; только после этого он мог появляться на многолюдных собраниях спокойно, не опасаясь насмешек или даже открытой враждебности.

В древности братчины, подобные тем, которые издавна совершались на Николу Зимнего, устраивались обычно в честь языческих божеств — Велеса, Перуна и пр., что, очевидно, указывает на то, что ко дню Николы Зимнего был некогда приурочен праздник в честь какого-то языческого божества, культ которого перекрыл культ Николая Чудотворца.

Возможно, этим божеством являлся Велес, «скотий бог», весьма почитаемый язычниками. В народных верованиях Николай-Угодий к противопоставлялся Илье-Пророку как милостивый земной святой грозному небесному громовнику, точно так же, как Велес противопоставлялся Перуну-громовержцу. Так, например, в Пензенской губернии об их соперничестве рассказывали следующую легенду: «Однажды мужик посеял рожь и, как управился, пошел в воскресенье в храм Божий и взял с собою алтын (3 копейки) и свечку. Только эта, купил мужик свечку и задумался: кому ее ставить. Видит он, что народ ставит Миколу, пошел и сам к Миколаю. Поставил свечку, отвесил поклон и молится: «Микола, батюшка милостивый, отец родной! Уроди ты мне ржицу». А пророк-то Илья услышал мужикову молитву и осерчал. — «И что это, — говорит, — мужик Миколу все просит, а не меня: чай, я не хуже Миколая-то? Вот погоди, придет лето, пушай Микола уродит мужику рожь, а я возьму да градом и выбью». Услышал эти слова Микола милостивый и тоже осерчал: «Ан нет — не выбьешь». — «Ан, выбью». Вот они и заспорили. Послал Микола дождь, и рожь у мужика выросла лучше всех. Радуетса мужик:

«Ну, думает, и зашибу я деньгу». А того и не знает, что пророк-то Илья на его рожь с неба посматривает и все норовит, как бы ее градом хватить. Только и Микола не дремлет: приходит, это, он к мужику и говорит: «Продай рожь не жамши». Мужик послушался и продал: ржи в тот год у всех были плохи, и ему за его хорошую рожь — эва сколько деньжищ сосед отвалил. Вот пришла жатва, а Илья-то не знал, что мужик продал рожь, и такой ли град послал, что вся рожь полегла на землю. Тогда Микола опять явился к мужику и говорит: «Ты, мужик, купи рожь-то свою побитую». Мужик послушался и, почитай, задаром взял свою рожь назад. А Микола тем временем послал дождь и поднял рожь с земли, и опять у мужика стала хорошая рожь. Рассердился, разлютовался Илья, когда узнал, как его Миколап обошел, и порешил на следующий год опять побить мужикову рожь, да только Микола опять наставил мужика продать рожь не жавши, и Илья так и остался ни с чем».

На связь Николы и Велеса указывает, очевидно, и восточнославянский обычай завивания «Миколиной бородки», восходящий к древнему славянскому обычаю завивания последних колосьев «Велесу на бороду». Кроме того, с Велесом Николая сближали функции покровителя скотоводства и земледелия, хозяина земных вод и т.д.

Со скотом и с урожаем в народе связывались оба праздника Николы — и весенний, и зимний. Так, например, на Смоленщине среди стариков был известен старинный обычай «свечу сучить», приурочивавшийся ко дню Николы Зимнего. Состоял он в том, что посреди праздничных кушаний на стол подавался сотовый мед. После еды все присутствующие крестились, клали земные поклоны и молились Николаю-Угоднику, чтобы «умолить у Бога для дома достаток, на скотину — приплод, на хлеба — урожай, в семье — согласие». После молитвы все лакомились медом, а изжеванный воск выплевывали в чашку с водой; из этого воска потом делали толстую мирскую свечу Николу-Угоднику.

День Николы Вешнего в народном сознании также связывался со скотом вообще и, в частности, посвящался лошадям («Никола осенний лошадь на двор загонит, а Никола весенний лошадь откормит»). В этот день хозяева лошадей заказывали молебны с водосвятием, чтобы св. Никола, покровитель лошадей, уберет табуны от волков, медведей и пр. и даровал коням здоровье. В этот же день парни первый раз выезжали в ночное и на лугах, при свете костров, устраивали пир: привозили с собой водку и закуску, жарили яичницу, а после заката устраивали игрища и пр. Вообще, день Николы Вешнего считался мужским праздником, но в веселье принимали участие и девушки, являвшиеся на луга с закатом солнца, так как в этот день надзора со стороны старших не полагалось, и молодежь, пользуясь полной свободой, водила хоро- воды, пела песни и плясала до утренней зари.

НОВЫЙ ГОД

Приурочивались ко дню Николы Вешнего и различные обряды и приметы, связанные с земледелием, урожаем и т.д. Так, например, с Миколы Травного все травы уже хорошо шли в рост, и в северных губерниях с этого дня начинали средний посев яровых хлебов («До святого Николы не сей гречки, не стриги овечки»); в этот же день судили о будущем урожае овса по поведению лягушек: если они на Николу заквакают — овес будет хорош (однако при этом считалось, что овес должен быть непременно отсеян к этому дню, так как «Микольский овес — ни хозяйский, ни конский», т.е. посеян поздно и толку от него не будет). Если в Николин день шел дождь, это считали «великой милостью Божией», предвестием хорошего урожая и удачного года. С Никол ина дня во многих местах начинали «заказывать» луга: втыкали прутья и ветки в землю на межах — признак, что насти скот на этих лугах возбраняется.

НОВЫЙ ГОД — один из больших народных праздников, считавшийся переломным моментом, границей между годом прошедшим и годом наступающим. В какой-то степени празднование Нового года растягивалось на весь период святок, хотя сам праздник обставлялся особо и сопровождался множеством самых разных обрядов и поверий.

Новый год считался у крестьян временем довольно опасным. Так, по народному убеждению, в ночь под Новый год бесчисленные сонмы бесов и вообще нечистой силы выходят из преисподней и свободно расхаживают по земле. Начиная с этой ночи и вплоть до самого кануна Богоявления, нечистые духи беспрепятственно «устраивают пакости православному люду и потешаются над всеми, кто позабыл оградить свои дома крестом». Нередко считалось, что происходит это оттого, что Бог, радуясь рождению Сына, отмыкает все двери и выпускает всех обитателей «того» света гулять по земле; поэтому все души предков и нечистые духи покидают потусторонний мир и появляются между живыми людьми.

Очевидно, в связи с присутствием на земле потусторонних существ, новогодняя ночь в народе считалась самым подходящим временем для гаданий. Так, например, во многих местах считалось, что гадания под Рождество и Крещение бывают обычно весьма успешными, но гадание под Новый год является самым верным и действенным. Многие из девичьих гаданий совершались особенно в это время: так, например, в новогоднюю ночь во многих местах среди девушек принято было собираться вместе гадать о судьбе и замужестве: ходить слушать под окна, кормить петуха зерном, бросать башмачок через ворота и т.д. Некоторые гадания совершались вместе с парнями: так, например, собираясь гадать о судьбе и о браке, парни и девушки собирались под Новый год вместе, приносили из проруби воды (причем принести ее должен был или «первородный» парень (первенец в семье), или «последняя», т.е. младшая в семье, девушка) и в эту

воду опускали кольца, а затем пели подблюдные песни и гадали.

Если молодежные гадания были, по большей части, о браке и семейной жизни, гадания взрослых людей, в большинстве своем, были направлены на то, чтобы узнать, будет ли достаток в семье в наступающем году, хорошим ли будет урожай, большой ли приплод будет у скота и т.д. Первый день нового года представлял собой своего рода рубеж, отделяющий прошлое от грядущего; поэтому этот день считался самой подходящей порой для того, чтобы узнавать будущее и даже пытаться как-то положительно повлиять на него. Разнообразных гаданий, примет и обрядов, связанных с достатком и благополучием семьи и приуроченных как к самому Новому году, так и к его кануну, было известно великое множество.

Наиболее разнообразными были гадания, приметы и обряды, связанные с урожаем. Так, например, в Новый год об урожае судили по количеству инея на деревьях, по тому, было ли небо звездным (к хорошему урожаю на ягоды и грибы), была ли теплой или холодной погода и т.д. При этом многие приметы сливались в народе с гаданиями. Так, например, в некоторых местах в новогоднюю ночь, около полуночи, двенадцать стариков (по числу месяцев в году), избранных всей деревней за достойную подражания благочестивую жизнь, шли к церковной паперти и ставили там снопы ржи, овса, гречи, проса, льна и ир., а также клали картофель; утром Нового года эти же старики снова шли в церковную ограду и примечали, на каком из снопов больше инея, полагая, что того хлеба и надо больше всего сеять в новом году.

Гадания и обряды, связанные с урожаем, во многих местах проводились с помощью хлеба — колосьев или зерен, караваев и т.д. Так, например, в некоторых местах хозяева, отстояв утреннюю обедню, уходили на гумно и там зубами выдергивали из кадушек былинки, веруя, что если выдернется былинка с колосом, полным зерна, то год будет урожайным, а если с тощим колосом — неурожайным. Иногда делали еще так: в канун Нового года пекли отдельный каравай хлеба, взвешивали его и клали на ночь к образам, а утром снова взвешивали, и если замечали, что вес прибавился, то полагали, что наступающий год будет урожайным (в этом случае хлеб ели всей семьей), а если вес убавился — считали, что год выдастся неурожайным (в этом случае каравай отдавали скотине, чтобы она меньше голодала во время бескормицы). Во многих местах с той же целью (определить, урожайным ли будет год) после заутрени ходили на перекресток, где чертили палкой или пальцем крест на земле, потом припадали к нему ухом и слушали: если послышится, что едут сани с грузом — год будет урожайным, если пустые — будет недород. Для того же, чтобы хлеб в наступающем году уродился хорошо, хозяева в самый день Нового года (или накануне вечером) обсыпали друг друга зерном (обычно овсом или хмелем — символом изобилия) с приговором тина: «Уж дай ему Бог,

зароди ему Бог, чтобы рожь родилась, сама в гумно свалилась» и т.п.; эти зерна засевавшиков тщательно сберегали до весны и ими начинали засеивать яровые поля. Иногда делали и так: соседи, родственники и дети в Новый год ходили из дома в дом под видом «сеятелей», бросали горсть земли в красный угол и поздравляли хозяев, желая им здоровья и урожая, а хозяйева в благодарность щедро угощали их.

Немало новогодних гаданий и обрядов было связано со скотом, здоровье и благополучие которого, так же, как и богатый урожай, обуславливало и благополучие хозяев. Так, например, в канун Нового года или в сам праздник скот кормили обрядовым хлебом, чтобы он был здоров, окуривали его различными травами, ладаном и т.д. поили или сбрызгивали особой (например, освященной) водой и т.д. О том, хорошо ли будет плодиться и доиться скот, судили иногда по ползнику (первому гостю в новом году) или по тому, теплой ли была погода под Новый год, темной ли выдалась ночь и т.д.

В некоторых местах для того, чтобы скот не болел и приносил потомство, совершали такой обряд: в день Нового года рано поутру хозяева со всего прихода съезжались на церковный погост, и при этом каждый хозяин привозил свиные туши, которые жертвовались в пользу причта; свиные же головы кидали в общий котел и варили щи, которые и съедали всем миром. Не пожертвовать в Новый год духовным лицам свинины считалось грехом, так как жертва эта делалась в благодарность за благополучие скота в прошедшем году и с целью умилостивить Бога и предохранить скот от наеда и болезней на весь будущий год. Обычай этот был известен довольно широко, хотя не везде проводился под Новый год: так, например, во многих селениях центральной полосы России он совершался в Васильев день. В этот день принято было колоть «кесаретских» поросят (Васильев день иначе назывался «Кесаретским» по имени Василия Великого, архиепископа Кесарийского), причем такой зажаренный кесаретский поросенок, поданный на стол обязательно в целом виде, неразрезанным, считался как бы общим достоянием: все желающие односельцы могли прийти и есть его, но каждый приходящий должен был принести хоть немного денег и вручить их хозяину; на другой день деньги эти передавались в приходскую церковь и поступали в пользу причта.

С кесаретским поросенком обычно совершался обряд, долженствующий способствовать плодородию скота: перед едой старший в семье поднимал чашку с поросенком вверх до трех раз и приговаривал: «Чтобы свиночки поросились, овечки ягнелись, коровушки телились». По окончании же трапезы хозяин обычно вызывал из числа гостей смельчака, который решил бы отнести кости поросенка в свиную закуску; правда, охотников на такое рискованное дело обычно не находилось, так как кости следовало носить по одной, а в закуске в это время, по народному убеждению, пребывает нечистая сила. Так, согласно некоторым поверьям,

черти, сидящие в свином закутке, только и ждут, пока кто-нибудь войдет, после чего захлопывают за вошедшим дверь и принимаются бить его по голове принесенными костями, требуя назад съеденного поросенка.

Существовали в народе и разные другие новогодние обычаи, поверья и приметы, не связанные ни с урожаем, ни со скотом, но также имеющие отношение к благополучию семьи в наступающем году и связанные с представлением о Новом годе как о переломном времени, способном повлиять на все остальные дни года. Так, например, повсеместно считалось, что в Новый год в семье все должно быть благополучно (а если с человеком в это время что-нибудь случится, то будет случаться с ним и весь год), в доме должны быть деньги (тогда весь год семья не будет в них нуждаться, если только в самый Новый год этих денег никому не давали взаймы), праздничный стол должен быть богатым (тогда в наступающем году в доме будет достаток и изобилие еды) и т.д. В первый день нового года обычно старались одеваться как можно наряднее, чтобы быть хорошо одетыми целый год, а девушки даже переодевались по нескольку раз, чтобы в будущем году у них было больше обнов. В первый день года не выполняли никакую тяжелую и грязную работу, чтобы год не прошел в сплошном труде без отдыха; старались также не платить долгов, полагая, что в этом случае придется весь год расплачиваться. Первому покупателю в Новый год отдавали товар задешево, за малую цену, так как, по народному убеждению, «дорог почин» (и весь год в этом случае будет заключаться удачные сделки).

НОЖ — традиционный оберег от нечистой силы, способный повредить даже бесам, дьяволам и чертям (так, у восточных и западных славян считалось, что нож, брошенный в вихрь, ранит черта и на нем остается кровь).

Как и другие орудия, выкованные человеком, нож считался священным орудием, даром богов (ср. представление о том, что ковать железные орудия человека научили небесные боги — Сварог, Перун и т.д.). Нож служил и орудием защиты, и предметом, при помощи которого производили много домашней работы — резали хлеб, вырезали символы-обереги и мелкую домашнюю утварь, скребли, чистили, кроили и т.д. Поэтому нож, наравне с освященными предметами, почитался крестьянами универсальным оберегом и, как и другие металлические предметы, сопровождал человека, когда он считался наиболее уязвимым для нечистой силы. Так, например, нож крестьяне использовали для защиты некрещеного младенца, женщины в предродовой или послеродовой период (а иногда в период регул), жениха и невесты во время свадебного обряда и т.д. Мать, ложась спать или выходя из дома, клала нож новорожденному в колыбель, чтобы нечисть не повредила ребенку и не подменила его. Отправляясь в церковь крестить ребенка, кум и кума переступали через нож, положенный у порога, или баба-повитуха трижды обводила ножом вокруг кумы,

несшей ребенка, «чтобы к ребенку, еще не крещенному, не мог подступить нечистый дух». Во время похорон нож или ножницы клали в колыбель, чтобы смерть «не приступила» к ребенку. Нож втыкали в порог, доски стола и т.д., или даже просто клали на стол, полагая, что это лишит ведьму или колдуна их силы. Нож обязательно брали с собой при поискеклада; им обводили защитный круг при общении с нечистой силой. Выходя из дома после родов, женщина затыкала за пояс нож; мать подкладывала под себя нож при кормлении ребенка грудью и т.д.

В Белоруссии и на Украине широко практиковалось процеживание молока через нож, серп или иголки. Считалось, что если корова доится кровью, то надо лить молоко на нож, положенный под цедилкой на подойник, этим «ведьме перерезаешь язык». Однако вместе с тем нож, по народному поверью, являлся также и одним из орудий ведьмы, отбирающей молоко у коров: считалось, что когда ведьма хочет молока, она идет к себе в хлев, забивает в соху нож и подставляет доенку, а молоко «так и бежит струей с ножа».

Знахарь с помощью ножа срезал лекарственные травы, выкапывал корни, а также «засекал» потерявшуюся скотину: по просьбе хозяина, у которого заблудилась в лесу скотина, знахарь шел в лес, находил дерево, больше других покрытое зелеными листьями, поднимал кверху принесенный с собой нож и произносил заговор, в котором просил Господа Бога и святого Юрия «засечь» скотину; произнося последнее слово заговора, он вбивал нож в дерево и возвращался домой, а на следующий день перед восходом солнца снова шел в лес и вынимал нож из дерева. Если нож оставался чистым, то это означало, что животное не погибло и уже не сойдет с того места, где оно находилось, когда его «засекали», а также что оно защищено от волков.

Для того, чтобы черт не трогал скотину, по мнению крестьян, требовалось встать до восхода солнца, раздеться, взять под левую руку нож или косу, трижды обегать вокруг хлева и забить нож (или косу) в стену. Такое обегание хлева с ножом выражало идею, которая в заговорах передавалась мотивом «железной стены» до неба; втыкание ножа в стену хлева «замыкало» эту железную стену на замок.

Хозяйки во время приготовления свадебного каравая, после того, как тесто вынули из дежи и начали месить на столе, в середину пустой дежи втыкали острый нож и пели: «Коло діжи чотирі ножи, а пятий на послузі, коло діжи свічи палають, а на столі коровай бгають». По-видимому, нож, как и горящие свечи, символизировал собой работающих каравайниц; в белорусских «каравайных» песнях сила каравайницы упоминалась вместе с ножами, принимающими участие в замешивании каравая: «Чатыры ножи у дзяжы, пятая моя сила коровай замесила».

Известны случаи, когда во время свадьбы, собрания молодежи или большого праздника в стол снизу втыкали нож, чтобы гости меньше ели.

Носак — см. Летавец.

НОЧНИЦЫ — персонификация детской ночной бессоницы; ночные демоны, нападающие главным образом на детей, иногда только на новорожденных и еще не окрещенных. Ночницы — неопределенного вида существа, невидимые или похожие на птиц, летучих мышей, червей; привидения, блуждающие огни; реже — женщины с длинными волосами в черной одежде («Из-под кровати как бы женщина поднялась и в дверь ушла. Это, говорят, ночница ушла. Ребенок сразу спать стал»). Ночницами, по народному убеждению, становятся после смерти женщины-ведьмы, не имевшие детей.

Согласно народным поверьям, ночницы проникают в дом через окно или дверь. Они пролезают под колыбелью, стоят у изголовья или залезают в колыбель; бьют, щиплют, дергают дитя, так что оно не спит и плачет (ср. также криксы, плачки, бабицы, мары, вештицы и др.); дают младенцам грудь и отравляют их своим молоком, или сами сосут грудь ребенка. Считалось также, что ночницы лезут ночью по птичьим гнездам, выпивают яйца и душат птенцов.

Считалось, что ночницы бывают особенно опасны не в полночь, а на закате солнца: если ребенок или даже взрослый человек спит в это время, то ночница может «пристать» к нему. Вообще спать на закате считалось вредным, так как в этот «перелом времени», когда угасает солнце и день сменяется ночью, появляются и активизируются сумеречные и ночные существа, враждебные человеку, в том числе и ночницы.

Из страха перед ночницами матери остерегались после захода солнца оставлять на дворе пеленки, выходить из дома и выносить ребенка, не оставляли открытой и не качали пустую колыбель, применяли различные обереги колыбели (растения, иголки и пр.), не купали детей и не стирали пеленок и белья в «ночной» (простоявшей ночь) воде и т.д.

Для избавления от ночниц детей купали в настое различных растений (чаще всего тех, которые называются «ночник», «полуночник» и т.п.), а также окуривали детей этими растениями. Иногда также делали из тряпок или пеленок кукол, ставили их по 2-3 на каждое окно, подбрасывали в чужие телеги на базаре и т.п. Кроме того, ночниц изгоняли с помощью заговоров, преимущественно тех, в которых содержалась обращенная к заре просьба «увести» порожденную ею ночницу (например: «Заря-заряница, возьми свою ночницу на сей время, на сей час, на сию минуту!»).

Изгнание ночницы нередко сопровождалось ритуальным диалогом, произносимым женщинами через порог, окно или печь. В этих обрядах одна женщина делала ножом насечки на стенах или лила кипяток на гребень, на веретёна, щетку, иголки и т.п., кипятила воду в котле, отрезала прядь волос у ребенка и т.д. Мать ребенка спрашивала: «Что ты делаешь?»; женщина отвечала: «Изгоняю (режу, парю, варю и т.п.) ночниц (крикс)»; мать же завершала диалог: «Гони (вари, парь, режь), чтобы их никогда не было (чтобы они никогда не возвращались) и т.п.»

ОБДЕРИХА — женский демонический персонаж, обитающий в бане. Согласно народным поверьям, показывается обдериха чаще всего ночью под полком в облике кошки с огромными горящими глазами или в облике лохматой страшной старухи, иногда голой; реже — в облике знакомого, родственника и т.п.

Поверья об обдерихе были, в общем, сходны с представлениями о баннике (кроме участия в гаданиях). Так, например, считалось, что обдериха «часто кажетса тем, кто без молитвы приходит в баню»; таким людям она показывается в облике знакомого или родственника и зовет париться, а если человек пойдет с пей мыться, то она может запарить его насмерть. Считалось также, что обдериха не любит, когда в баню ходят ночью, в третий нар и т.п., может также рассердиться на то, что ей не оставили мыла или воды. Провинившегося человека она может не только запарить до смерти, но и душить угаром или содрать с человека кожу, повесить ее на каменку, а тело забить в щель под пол или за печь. Про человека, вышедшего из бани с поцарапанной или разодранной спиной, говорили, что сто «обдериха драла».

Как и другие банные духи, обдериха, по поверьям, может подменивать детей, если ребенка оставили в бане без присмотра. Вместо ребенка обдериха подкладывает банный веник или головешку, а может оставить свое уродливое детище («обмен»). По некоторым поверьям, обдериха может также насылать на людей болезни, которые «приключаются» в бане (о таких болезнях говорили: «Из бани вынес»).

Подобно другим домашним духам, обдериха могла также защищать человека от «чужих» и враждебных нечистых духов. Так, например, в одной из быличек девушка, убежавшая от гнавшихся за ней «костей» (покойников, привидений), забежала в баню и попросила обдериху спрятать ее; обдериха ее «камышком прикрыла, паром запарила» и «кости», забежав в баню, не заметили девушки. Однако упоминания о таком доброжелательном отношении обдерихи к людям единичны; в большинстве быличек она — злое, враждебное людям существо, воплощение опасности, подстерегающих людей в бане.

Облакогонители — см. Пл аистники.

ОБМАН — магический прием, используемый для защиты от нечистой силы, болезней и прочих опасностей, угрожающих человеку.

В южнославянской традиции широко применялись основанные на мотиве обмана ритуалы защиты новорожденного в семьях, где «не живут» (умирают во младенчестве) дети. Для того, чтобы смерть не унесла

ребенка, ее старались обмануть, уверить, что у родителей родился не ребенок, а волчонок или дьяволенок; что ребенок не родился, а был найден или куплен (т.е. он не тот, кого должна забрать смерть); что ребенок родился не в этом доме, а в другом и у других родителей. Все эти мотивы воплощались в обрядах: в течение семи дней возле роженицы лежал запеленутый валец для белья, заменяющий ребенка; сразу после рождения ребенка повивальная бабка или мать выносили его на дорогу, на перекресток, на мост и т.д. и оставляли, дожидаясь в укрытии, чтобы ребенка подобрал какой-нибудь прохожий (нашедший становился кумом или объявлял себя родителем, продающим своего ребенка, а мать становилась покунателем). Иногда, чтобы обмануть судьбу, мать разыгрывала сцену смерти новорожденного, оплакивала его и т.д.; родители инсценировали продажу своего ребенка в другой, благополучный дом и т.д.

Для того, чтобы обмануть демонов, детям иногда давали защитные имена тина Вук («волк»), Мртвак («мертвый»), Кривош («кривой»), Малко («маленький») и т.п. Часто ребенка до определенного времени называли не его настоящим именем, данным при крещении, а другим, чужим именем: так, девочка могла носить мужское имя, а мальчик — женское; ребенка звали не христианским, а мусульманским именем и т.д. Иногда настоящее имя ребенка скрывали даже от матери.

Смена имени и переименование ребенка применялось и в случае тяжелой болезни. Мотив обмана лежал также в основе запрета хвалить ребенка, особенно новорожденного, и предписания ругать его (называть «гадом» ит.д.).

С помощью обмана южные славяне защищали близнецов, однодневников и одномесечников (родственников, родившихся в один день или в один месяц) от смерти, грозящей им, по народному поверью, в случае смерти их «двойника». Оставшегося в живых отводили на кладбище и символически погребали (частично засыпали землей); затем кто-либо «освобождал» его и становился его братом вместо умершего. Иногда в могилу вместо живого человека (оставшегося в живых близнеца) опускали камень соответствующего веса со словами: «Оставляю тебе этот камень, он будет тебе братом»; затем названный брат обнимал оставшегося в живых близнеца и говорил: «У тебя нет другого брата, теперь я тебе брат». В некоторых местах в случае двух смертей в одном доме в течение года при вторых похоронах в гроб клали тряпичную куклу, как бы заменяющую третьего покойника.

Обмен, обменок, обменыш — см. Подменыш.

ОБОРОТНИЧЕСТВО — способность мифологических персонажей принимать чужой облик, превращаться в животных, растения, предметы и пр. Согласно поверьям, оборотнические свойства проявляются у мифологических персонажей преимущественно в периоды особой активности нечистой силы: на святки, в купальскую ночь, в троицкий период и другие большие праздники; так, например, колдуны и ведьмы, по народному мнению, чаще всего «перекидываются» во время летнего солнцестояния и на зимние святки.

Оборотнями называли в первую очередь людей, причастных к колдовству и способных по своему желанию «оборачиваться» какими-либо существами и предметами (т.е. преимущественно ведьм и колдунов), а также тех или иных персонажей нечистой силы, то и дело меняющих свой облик. Кроме того, оборотнями именовали и людей, против воли превращенных в животных, растения и т.д.

Согласно поверьям, все персонажи нечистой силы — оборотни; считалось, что они часто принимают облик какого-либо человека, животного, предмета, вихря и т.д. либо для того, чтобы им «сподручнее было вредить честному люду», либо для того, чтобы скрыться от преследования и т.д. Так, например, считалось, что черти, бесы, лешие, водяные и пр. нередко принимают человеческий облик для того, чтобы заманивать людей в лесные чащобы, топить их в омуты и вообще всячески досажать простым людям; они же нередко принимают облик вихря и т.п. для того, чтобы убежать от молнии — стрел, которые в них мечет Архангел.

По народному убеждению, способностью к оборотничеству в той или иной степени обладает не только вся нечистая сила, но и люди, «знающиеся» с ней (т.е. ведьмы, колдуны, знахари, планетники, а также мельники, кузнецы и т.д.). Так, например, считалось, что ведьмы всегда бывают оборотнями; они, превратившись в свинью, лошадь, птицу и т.д., бегают по дворам и отбирают у коров молоко, пугают и «портят» людей, заедают детей и т.д. Люди, не являющиеся колдунами и ведьмами, но все-таки причастные к колдовству, могли использовать свою способность к оборотничеству для получения прибыли и т.д. Так, например, считалось, что некоторые пастухи могут в облике собак и т.д. сторожить свой скот; охотники в зверином облике разведывают места промыслов; рыбаки иногда «ходят налимом», отыскивая в реке рыбу, и т.д.

Согласно поверьям, умершие также обладают способностью к оборотничеству; в некоторых местах полагали даже, что они «благодаря этой способности преодолевают затруднения, которые ставит могильная насыпь». Так, считалось, что души умерших являются с «того света» в облике насекомых или птиц, животных или гадюк; они также показываются в виде вихря, столба пыли, блуждающих огней, тучи и т.д. Оборотнями

после смерти становятся умершие колдуны, проклятые и т.д.: по народному убеждению, они, принимая различные облики, после смерти своей бродят по земле и всячески досаждают людям, если те не догадываются разрыть могилу и проткнуть оборотня осиновым колом.

В оборотней, по поверьям, могут превратиться и обычные люди, ставшие жертвами магического воздействия, колдовства: так, колдун, по народному убеждению, может превратить в волков весь свадебный поезд; ведьма способна превратить человека в свинью, собаку и т.д. (ср. легенду об Арысь-поле — быстрым, как ветер, существе, в которое ведьма превратила молодую женщину: заколдованная Арысь-поле убегает из родного дома «за тридевять земель» и становится предводительницей звериной стаи; три ночи она может пребывать в своем доме и принимать облик женщины, а затем вынуждена убежать обратно; муж ее, догадавшись обо всем, похищает у ведьмы чародейный прутик, трижды ударяет им свою жену и чары спадают с нее, она вновь становится женщиной). Превращение человека в птицу, зверя, камень, дерево могло быть и следствием неосторожно оброненного слова или проклятия (особенно родительского); так, например, в народных песнях девушка, проклятая матерью, превращается в березу, а сын — в ясень.

Согласно народным поверьям, одним из главных отличий невольного оборотня от оборотня добровольного является то, что невольный оборотень обычно никому не делает вреда, за исключением тех людей, которые его «испортили», т.е. превратили в волка; оборотень же добровольный принимает различные облики лишь затем, чтобы вредить людям.

По народному убеждению, «обратить» людей в волков, медведей и т.д. можно навсегда или на какой-то определенный срок (например, на семь лет). Продолжительность этого срока иногда могла зависеть от того, как был заколдован человек; так, если его обратили в зверя с помощью волшебного пояса, то оборотень должен был оставаться в зверином облике лишь до тех пор, пока на нем надет этот пояс. Если оборотень за это время не погибнет, то по истечении срока превратится обратно в человека, но при этом может сохранить какое-либо напоминание о том, что с ним случилось; так, в быличке у человека, который несколько лет был волком, после возвращения в человеческий облик сохранился клочок серой шерсти возле самого сердца.

Согласно некоторым поверьям, оборотень, даже находясь в зверином или другом обличье, всегда сохраняет человеческие мысли и чувства. Так, считалось, что волк-оборотень не станет есть падаль или другую «нечистую» пищу, но будет есть хлеб и другую человеческую еду. Иногда считалось, что волки-оборотни могут бегать в стае настоящих волков; однако, по некоторым поверьям, находясь в обличье зверя, оборотень всегда должен быть осторожен, так как от него пахнет человечинной, и если настоящие звери учуют

Обыденные предметы

его, то разорвут. По некоторым поверьям, отражение оборотень также сохраняет человеческое, и если он, будучи зверем, подойдет к воде напиться, то в воде отразится не зверь, а человек. В некоторых местах полагали, что оборотней «можно узнать по тому, что у них задние ноги имеют колена вперед, как у человека, а не назад, как у волка». Во многих быличках оборотень, даже оборотившись зверем, сохраняет под звериной шкурой человеческий облик; когда охотники убивают его и снимают с него звериную шкуру, то находят под ней мертвого человека (например, жениха или невесту в подвенечном платье).

Для того, чтобы вернуть прежний облик невольному оборотню, прибегали к различным способам. Так, считалось, что оборотень вновь станет человеком, если его накрыть кафтаном или накормить благословленной едой. Превратить оборотня обратно в человека мог опытный колдун или знахарь; при этом обычно считалось, что сделать это может только тот колдун, который сильнее колдуна, превратившего человека в зверя.

Самыми распространенными формами превращения людей были: волк и медведь (колдуны); свинья, лошадь, сорока, дым, колесо, копна сена (ведьмы); волк, медведь, лошадь (невольные оборотни) и т.д. При этом животных-оборотней иногда можно было отличить по необычному поведению или по каким-либо чертам в их облике (белая полоса на шее волка, отсутствие хвоста у сороки и т.д.).

Наиболее традиционными способами превращений (себя или другого лица) были: битье волшебной палочкой или прутом, кувырkanie через голову (или через веревку, коромысло, ветку, огонь на печном шестке и т.д.), питье наговорной воды, купание, произнесение заговора, накидывание волшебного пояса и т.д. Самым распространенным способом считалось кувырkanie через один, семь, девять или двенадцать ножей, воткнутых в центр перекрестка, в пень, в землю и т.д.; собственно, само слово «оборотиться», «обвернуться» нередко буквально означало «перевернуться», т.е. перекувыркнуться через условную границу. Так, в быличке колдун, желающий превратиться в волка, читал заговор, вставал лицом к месяцу и втыкал нож в самую сердцевину пня, после чего перекидывался через него трижды таким образом, чтобы в третий раз упасть головой в ту сторону, откуда светил месяц.

Считалось, однако, что если убрать нож, через который кувыркался колдун, то оборотень не сможет вновь принять человеческий облик, пока нож не вернут на место и оборотень вновь не перекувыркнется через него. В некоторых рассказах к такому способу прибегали, чтобы обезвредить колдунов или ведьм, в зверином облике воровавших молоко у коров, наводивших порчу и т.д. Так, в одном рассказе ведьма в облике свиньи повадилась воровать молоко у соседских коров; парень, найдя то место, где она «оборачивалась» свиньей, «запер» ее (т.е. заставил ее остаться в том облике, в котором она в тот момент пребывала), вынул

нож из земли и воткнув его снизу в доски стола; после этого он обнаружил на конюшне ведьму, принявшую облик полуженщины-полусвиньи и оказавшуюся «запертой» в этом облике.

Так как оборотни преимущественно считались враждебными человеку существами, от них старались избавиться или, по крайней мере, обезопасить себя от них с помощью самых разных способов. Так, например, считалось, что обезопасить себя от оборотня можно, ударив его наотмашь тележной осью или даже просто попавшимся под руку предметом. В некоторых местах считали, что для того, чтобы избавиться от ведьмы-оборотня, нужно бить ее тележной осью, все время приговаривая: «Раз! Раз!»; если же ведьма приняла облик лошади, то можно лишить ее способности причинять зло, подковав ее. От оборотней, по народному мнению, может защитить «змеиный топор» (топор, которым убили змею), а также крест и молитва.

Если в деревне или поблизости от нее появился оборотень, причиняющий людям всяческий вред, его старались если и не убить, то, по крайней мере, покалечить, чтобы потом узнать, кто из односельчан является этим оборотнем. Так, например, в купальскую ночь хозяева нередко сторожили в хлеву, а если обнаруживали подбирающуюся к коровам кошку, лягушку и т.п., то били и калечили ее, полагая, что это ведьма приходила за молоком и к утру одна из соседок — ведьма — окажется избитой, покалеченной и т.д.

ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ - предметы, изготовленные с магической целью и с соблюдением особого ритуала в течение одного дня (от восхода до захода солнца) или одной ночи (от захода до восхода солнца). Чаще всего это был холст, полотенец, рубаха, деревянный крест; иногда и церковь. Обыденные предметы изготавливались по обету или для защиты от стихийного бедствия — засухи, града, мора, войны и т.п.

Ритуал создания тканых изделий состоял в том, что по предварительному уговору в одну избу или в одно место села сходились женщины (иногда только старые, «чистые», обычно вдовы), реже девушки; они принесли с собой пряжу (или нитки) и старались до положенного срока спрясть нитки, выткать полотно, а иногда и сшить из него рубаху. Холст или полотенец ткали как можно длиннее, иногда в несколько десятков метров; вытканное полотно жертвовали в церковь, вешали на икону или несли на придорожный крест, опоясывали им церковь, дом, обходили с ним село или поле, прогоняли по нему или под ним скот (иногда после этого полотно сжигали) и т.п.

Тканье обыденного рушника могло сопровождаться параллельным ритуалом — изготовлением и установкой мужчинами обыденного креста (обычно очень большого). Иногда кресты сооружались независимо от тканья полотна; обычно в этом случае их ставили для защиты от холеры или града и называли «градовыми» или «холерными» крестами. В случае мора или надежа

ОВИННИК

скота нередко строили «всем миром» обыденные церкви; такое строительство начиналось с рубки деревьев в лесу и кончалось освящением церкви и службой в тот же день.

В некоторых местах (например, у сербов) существовал обряд магического «рождения» рубахи. Такую рубаху шили, если становилось известно, что будет война. В полночь девять старух собирались вместе и до утренней зари в полном молчании ткали полотно и шили из него одну рубаху, через которую должны были пролезть все, кто уходил на войну; считалось, что это защитит их от смерти. Подобные обыденные рубахи изготавливались и в случае эпидемии чумы (в этом случае их называли «чумными»); их должны были за одну ночь спрясть, соткать и сшить две сестры-близняшки с «останавливающими» именами (например, Стоя и Стоянка).

В Белоруссии в день св. Алексея (17.III) рыбаки плели обыденную сеть, чтобы рыба хорошо ловилась. Магическими свойствами, по поверью, обладал обыденный хлеб; так, ему приписывали способность возвращать волку-оборотню человеческий облик, излечивать бешенство и другие болезни.

ОВИННИК, овинный, подовинник — у русских (преимущественно на Севере) домашний дух, живущий в овине; олицетворение овинного огня и овина в целом.

Согласно народным поверьям, овинник обычно имеет вид сердитого, угрюмого и молчаливого старика; человекоподобного существа, с ног до головы облепленного мякиной и паутиной; похожего на кота или на медведя лохматого темного (черного) существа с горящими разноцветными глазами, измазанного сажей, и т.п. Кроме того, он может принимать облик громадного (размером с дворовую собаку) черного кота с горящими глазами, а также медведя, барана или собаки. Иногда считалось, что овинник может показаться покойником. По некоторым поверьям, овинник нередко принимает и человеческий облик (чаще всего — облик кого-либо из домочадцев, членов семьи); в этом случае он иногда бывает очень высокого или, наоборот, очень низкого для человека роста и имеет всклокоченные, «дымные» волосы и зычный, «толстый» голос. Кроме того, по народному убеждению, «овинник умеет лаять по-собачьи и, когда удается ему напакостить мужикам, хлопает в ладоши и хохочет не хуже лешего».

Живет овинник, по народному убеждению, в овинной сушилке, где разводят теплины, в самом дальнем углу подлаза, «в нижней части строений, где разводят теплины и днем пекут деревенские ребята картошку». Во многих местах верили, что овинник, подобно другим домашним духам, живет не один, а вместе со своей супругой или подругой — овинницей; обращаясь к ним, их обычно уважительно величали «подовинник-батюшка и подовинница-матушка».

Согласно народным поверьям, овинник — полновластный хозяин овина — всегда «следит за работой» и нередко сам трудится в овине, обычно при этом принимая облик крестьянина (например, хозяина дома). Считалось, что он оберегает овин и хлеб от всякой напасти, беды и нечисти; часто дает хороший примолот; подметает гумно, обмолачивает снопы, веет зерно; обеспечивает необходимый для просушки зерна сквозняк и т.п.

Однако, по мнению крестьян, если овинник бывает сердит на хозяев, то всячески вредит им. Так, по поверью, овинник может сжечь овин, закинув между колосниками уголь, если рассердится на хозяев за то, что они сушили снопы во время сильных ветров. Может он сжечь овин и в том случае, если хозяева мешали ему или не выказывали должного уважения, нарушали особые запреты, связанные с овином, или даже пытались выжить его, овинника, с его любимого места у огня. Считалось также, что овинник очень не любит, когда его стараются увидеть или упоминают попусту: в этом случае он может раскидать все снопы, грабли, молотила по всему овину и вообще устроить страшный беспорядок.

Иногда овинник может стараться навредить и непосредственно хозяевам, особенно если те сильно ему чем-то не угодили. Рассказывали, например, что овинник, рассердившись, «поперхнет у костра в бок так, что едва не соберешь дыхание»; он может даже убить хозяина, чем-то досадившего ему: может «запахать в печь», сжечь вместе с овином и т.д. Так, в одной из быличек овинник, которого хозяин овина прогнал с его любимого места у огня, не только сжег овин, но и наслал на мужика тяжелую болезнь, от которой тот вскорее и умер.

О злых проказах овинника в самых разных местах ходили разные рассказы. Так, в Брянских лесах (в Орловской губернии) рассказывали такой случай с бабой, в Чистый понедельник зашедшей в овин трепать лен для пряжи: только она успела войти, как кто-то «загопал, что лошадь, и захохотал так, что волосы на голове встали дыбом»; однако смелая баба осталась и продолжала трепать лен столь долго, что родные хватились ее и стали искать, однако не нашли. Как настала пора мять пеньку, вся семья пошла в овин и увидела на гребне висящую кожу той бабы, и при этом вся кожа была цела, «и можно было различить на ней и лицо, и волосы, и следы пальцев на руках и ногах». На Смоленщине рассказывали про мужика, который вздумал сушить овин на Михайлов день: овинник, рассердившись на него за это, вынес его из подлаза и на его глазах подложил под каждый угол овина головешки с огнем, при этом столь застрашав виновного, что он за один год поседел, как лунь.

Согласно народным поверьям, овинник ревностно следит за тем, чтобы овин не топили в неустановленные, праздничные дни, и особенно в те дни, когда овин именовался «именинником». Такими праздниками считались в народе дни Феклы Заревницы (7.X),

Воздвиженья (27.IX) и Покрова (14.X); нередко к ним причислялся и день Кузьмы и Демьяна (14.XI). В эти дни овин «отдыхал», а молотильщиков, «овинного хозяина» и даже сам овин угощали, чаще всего кашей и пирогами; при этом пироги и кашу для оvinника оставляли в подлазе. В дар оvinнику приносили и петуха, которому отрубали голову у входа в овин и кровью его кропили по всем углам. Тех же, кто в эти праздники нарушает запрет на работу и топит овин, оvinник, по народному убеждению, жестоко накажет: спалит овин и погубит находящихся в нем людей, «согнет в дугу» работающего в овине хозяина и т.д.

«Оvinным праздником» считались и дни начала и окончания работ в овине. Так, например, при первом просушивании овина хозяева обращались к оvinнику с просьбой охранять овин от напастей; при этом первый привезенный с поля сноп бросали в огонь как дар «хозяину» овина. Начиная топить овин, во многих местах прежде просили у «хозяина» позволения. В день окончания работ в овине оvinнику приносили угощения; в некоторых местах при этом низко кланялись и говорили: «Спасибо, батюшко-оvinник, послужил ты нынче верой и правдой!» или «Спасибо, хозяинушко батюшко, что подсобил обмолотиться!» В Сибири после завершения работ в овине оставляли не только гостинцы, но и необмолоченный сноп в дар «соседку-оvinному».

Все эти подарки оvinнику приносили с целью умилоостивить его, задобрить, отвести от себя его гнев. Хотя оvinник и считался домашним духом, предком и покровителем семьи, во многих поверьях он, в отличие от домового, — довольно злокозненное, недоброе существо, способное за небольшую провинность не только сжечь овин, но и убить хозяев. Согласно многим поверьям, самым зловредным и опасным из домашних духов является банник, а сразу за ним следует оvinник: «его трудно ублажить-усмирить, если он рассердится и залютует... Тогда на овин рукой махни: ни кресты по всем углам, ни молитвы с обносом иконы Богоматери Неопалимой Купины не помогут, и хоть шубу выворачивай мехом наружу и стереги гума с кочергой в руках на Агафона-гуменника (22-го августа)».

В некоторых местах люди, опасаясь оvinника, старались не топить овин поодиночке; ночевать же в овине часто опасались даже хозяева. Чужие же люди и вовсе не должны были заходить в овин ночью и тем более ночевать в нем. Согласно поверьям, оvinник вообще очень не любит, когда в овин приходят посторонние, и пугает их: лает по-собачьи, хлопает в ладоши, хохочет и т.д. может уморить угаром. Но еще больше он не любит ночлежников, особенно тех, кто у него «не попросился», и может даже задавить человека, если тот один ночует в овине.

Однако в некоторых местах верили, что если попроситься у оvinника, то в овине можно ночевать совершенно свободно: оvinник не тронет и даже защитит человека от нечистой силы. Так, про оvinника говорили,

что «он, батюшка, чужому не выдаст, только помолиться ему: “Оvinный батюшко, побереги, постереги от всякого зла, от всякого супостата раба Божия”»; иногда считали, что он «такой же, как домовый». Известно несколько быличек, в которых оvinник спасает хозяина от преследующего его покойника-еретика: он прячет попросившего его о помощи хозяина и до утра дерется с покойником, не подпуская его к человеку.

Вообще оvinника, по народному убеждению, «часто бороться охотка берет». Так, считалось, что он очень не любит банника и часто дерется с ним; нередко дерется с враждебной человеку нечистой силой (например, с упырем), не впуская ее в овин. В некоторых местах рассказывали, как оvinник, желая побороться, «из пазухи овина покойником кажется» и зовет: «Давай и обратаемся!»

Согласно народным поверьям, оvinник «ведает будущее» и может предсказывать девушкам судьбу, если они ночью в какой-нибудь праздник (обычно на святки, чаще же всего — на Васильев вечер) гадают в овине или у овина. Одно из таких гаданий совершалось следующим образом: девушка (обычно ночью, в полночь, между вторыми и третьими петухами) подходила к овину, задирала юбку, становилась задом к окну, в которое делалась насадка хлеба, и говорила: «Оvinник-родимчик, суждено ли мне в нынешнем году замуж идти?»; считалось, что если оvinник прикоснется к обнаженному девичьему задку мохнатой рукой, девушка в этот же год выйдет замуж за богатого, если голой рукой — выйдет за бедного, а если не прикоснется вовсе — останется «в девках». При гадании иногда также клали руку в окно овина или заходили в овин, задавая тот же вопрос и ожидая прикосновения оvinника.

Деревенские овины — это строения, сгорающие едва ли не каждую осень, так как без огня овин не высушишь, а сухие снопы горят легко; но при этом оvinников, которых хозяева овина нередко винили в пожаре, огонь, по народному убеждению, не трогает. Так, повсеместно считалось, что обычного пожара оvinник не боится: он поселяется на печь или на обгорелое бревно и ждет, когда хозяева построят новый овин, в который он может вселиться. Однако при этом считалось, что оvinник может погибнуть в огне, если овин загорелся от молнии, и другой оvinник на таком месте уже никогда не поселится.

Излюбленным временем у оvinников считалась полночь, время между вторыми и третьими петухами; в это время, по поверьям, его можно увидеть ненароком или даже специально. Вообще считалось, что увидеть оvinника (как и домового, и вообще нечистую силу) можно на Пасху, обычно через хомут, хомут и борону, три бороны и т.д. Однако одним из самых надежных способов увидеть оvinника, как и другого домашнего духа, считался такой: спустившись на 3-ю ступень внутренней лестницы, ведущей в хлев, нагнуться и посмотреть промеж ног. При этом, однако, видеть его считали нежелательным, полагая, что оvinник может

Овсень

рассердиться на подглядывающих за ним хозяев и сжечь овин или по-другому навредить домочадцам.

Овсень — см. Авсень.

ОГОНЬ — одна из основных стихий мира. Огонь воспринимался и как непосредственный объект языческого культа, как посредник между человеком и божеством.

В Древней Руси огонь называли Сварожичем, т.е. сыном Сварога, бога неба и солнца, небесного огня. Согласно одной из легенд, Сварог создал огонь, ударив по Алатырь-камню. Обычным местом поклонения огню-Сварожичу был овин. Известны многочисленные упоминания о поклонении духу овиного огня: «кто иод овиномъ молится или во ржи», «огневи сварожицю молятся», «иже молятся огневи под овиномъ» и т.п. Очевидно, остатки культа огня-Сварожича, которому славяне поклонялись под овином, сохранились в обычаях белорусов при разведении огня под овином бросать в пего необмолоченный сноп сена как жертву огню. Кроме того, на границе Украины и Белоруссии существовал обряд первого зажигания света осенью (1.IX); именовался он «женитьба комина» и, вероятно, также был связан с поклонением овиному огню: «комин» в этот день белили, увивали спелым хмелем и цветами.

Огонь с давних времен повсеместно считался священным. Древнерусские язычники жгли костры на своих святилищах и поддерживали неугасимый огонь перед идолами (например, перед идолом Перуна). Своих мертвых язычники сжигали в огне, чтобы их души вместе с пламенем погребального костра поднялись в Вырий. Даже при христианстве огонь называли «богом», «святым огнем»; при зажигании огня читали молитвы, а сам огонь считали очистительной стихией, священной силой («Огонь, как и вода, очищает всякую скверну. В огне Сам Господь являлся людям и говорил с ними. Огонь нисшел с небеси: кто такой дерзкий осмелится его уничтожить?»). Более того, во многих молитвенных возношениях огонь долгое время ставили наравне с дарами Святого Духа. Так, слово «огонь» несколько веков стояло в церковных требниках и произносилось в возгласах при освящении воды в навечерие

Богоявления: «Сам и ныне Владыко, святив воду сию Духом Твоим Святым и огнем», и только в 1616 году, когда выяснилось, что этого придатка нет в тех греческих богослужебных книгах, с которыми «приведены все обиходы церковные», слово это было вычеркнуто из требников, а священникам указом предписано было «этого прилога не говорить». Однако и после этого сохранилось народное почитание огня. Так, огонь издревле ассоциировался с предками, душами покойников: домовый, дух-охранитель дома, дух-предок пребывал в доме у огня; огонь разжигали в первый день Рождества специально для «дзядов» (обычай «греть покойников»). С огнем было связано множество народных обрядов и поверий, он использовался буквально повсюду: при родах и при похоронах,

на свадьбах и при болезнях, для защиты, очищения и т.д.

Видное место занимал огонь в заговорах и заклинаниях. Так, известен заговор от всех болезней, который следовало произносить в бане на горячие угли: «Батюшко ты, Царь-огонь, всеми ты царями царь, всеми ты огнями огонь. Будь ты кроток, будь ты милостив! Как ты жарок и пылок, как ты жгешь и палишь в чистом поле травы и муравы, чащи и трущобы, у сырого дуба подземельные коренья... Тако же я молюся и кроюся тебе-ка, батюшко, Царь-огонь, — жги и спали с раба божия (имярек) всяки скорби и болезни... страхи и переполохи...».

Огонь часто представлялся живым существом, и с весьма своенравным характером. По некоторым поверьям, огни, как и люди, различаются между собой и даже имеют свои собственные имена. Согласно народным поверьям, огонь ест, пьет и спит, подобно человеку; поэтому в некоторых местах в печи на ночь оставляли горшок с водой и полено, чтобы огню было что есть и пить. Во многих местах считалось, что каждый огонь подобен человеку и имеет свои привычки, свой характер и т.д.

При всем при этом огонь считался мстительным существом; считалось, что если он рассердится, то может отомстить человеку пожаром за непочтительное отношение. Так, например, плевать в огонь или мочиться в него считалось большим грехом; верили, что такого человека огонь иссушит заживо. Запрещено было также дотрагиваться до огня ножом, топором и т.п. и вообще делать что-то такое, на что огонь мог обидеться, например, говорить про него что-либо бранное или неприличное. Почтение к огню во многих местах Великороссии, и особенно в Белоруссии, было таким, что считалось немалым грехом тушить костер на полях, теплыни на ночном и т.п. (считалось, что огонь следует оставить догорать самостоятельно). Когда огонь зажигали, в доме прекращались все ссоры, так как считалось, что если в это время кто-то бранится или ссорится, то огонь разгневется и может спалить весь дом («Огонь грех гневить — как раз случится несчастье»). Обращались к огню всегда почтительно или ласкательно; так, например, на ночь огонь гасили со словами: «Спи, батюшка огонек!» При переходе в новый дом огонь из старого очага всегда торжественно переносили на новое место вместе с хозяином дома — домовым.

В первую очередь священный характер приписывался «самородному» («живому, новому, деревянному, святому, небесному» и т.д.) огню, способному, по поверьям, предохранять человека от несчастья, бед, болезней. В тех случаях, когда требовалось добыть «живой» огонь, обычно прибегали к особым приемам, многие из которых были весьма древними и передавались из рода в род. Так, например, живой огонь нередко добывали с помощью веретена, вращаемого в щели печного столба. В некоторых местах такой «свободный, чистый и природный» огонь добывали трением

веревки о палку; когда веревка загоралась, огонь принимали па сухую смоленую спицу, а затем разводили нм костер. В других местах снимали колосники (жерди) с овина, рубили их на части и также терли, пока те не загорались. Иногда делали и так: клали на порог избы маленький брус, а затем пять человек брали другой брус, побольше, и начинали пилить им, как пилой, пока не появлялся огонь, который тут же принимали на труг, а с него уже на сернички. Вообще же способов добычи живого огня было множество; однако при этом его всегда получали старинным способом, т.е. при помощи трения, вытирания его из дерева.

В тех местах, где эпидемии случались особенно часто (например, в Новгородской губернии), устанавливали даже специальное приспособление для добычания живого огня — «вертушок». Состоял этот вертушок из двух столбов, врытых в землю и скрепленных наверху перекладной, в середине которой лежал брус; концы бруса были просунуты в верхние отверстия столбов таким образом, чтобы их можно было свободно вертеть, не переменя точки опоры. К поперечному брусу были приделаны две ручки, одна против другой, а к ним привязывались крепкие веревки, за которые хватались «всем миром» и в молчании (что составляло непременное условие для чистоты и точности обряда) вертели брус до тех пор, пока в отверстиях столбов не вспыхивал огонь. От этого огня зажигали хворостины и ими подпаливали приготовленный загодя костер (при этом иногда по обеим сторонам костра выкапывали две ямы, в одну из которых зарывали живую кошку, а в другую — собаку; делали это для того, чтобы отнять у чумных оборотней способность бегать по дворам кошками и собаками и душить скотину).

Живой огонь повсеместно использовался как сильный оберег и средство против всех болезней и порчи. Так, чтобы остановить падеж скота, стадо прогоняли через костер или между двумя кострами, зажженными от «живого огня». В некоторых местах для защиты от сибирской язвы и других моровых болезней зажигали даже несколько костров: один на улице, другой в скотском прогоне (именно через него прогоняли скот), третий в начале поскотины и четвертый в середине деревни. При эпидемиях, когда люди гибли один за другим, от наступающей болезни также старались оградиться с помощью живого огня: вытирали огонь и разводили костры на разных концах деревни (как бы создавая заслон), а кроме того, разводили небольшой костер, через который переходили (перепрыгивали) сначала все здоровые люди, а затем переносили стариков, детей и больных.

Вообще повсюду считалось, что костер, зажженный от живого огня, обладает некой особой силой и способен предохранить не только от любой болезни, но и от всякой порчи и даже вообще любой беды. Так, например, в купальскую ночь принято было прыгать через костер, так как считалось, что это на весь год защитит «от всякой хвори, от злого колдовства и всякого

лиха». Желая защитить жениха и невесту от порчи и несчастий, их во многих местах провозили между зажженными живым огнем кострами. Повсеместно был известен также обычай при больших эпидемиях тушить все огни в деревне, заливая все до последнего уголька, и зажигать новые от живого огня; при этом подобным же образом поступали и в Новый год, а иногда и в Ильинскую пятницу, на Ивана Купалу, в день зимнего солнцеворота и т.д. Так, например, в Новгородчине принято было зажигать в Ильинскую пятницу костер от живого огня, через который прыгали все, желающие предохранить себя от порчи и болезней; после этого огонь разносили по домам и затопляли все печи (которые во всех домах тщательно затушили перед тем, как принялись добывать живой огонь).

Кроме живого огня, большое значение придавалось в народе «освященному огню», т.е. огню, вынесенному из церкви после великих священнодействий и в это время как бы получившему особенную силу и исключительную благодать. Так, в Великий четверг, после чтения Страстей, благочестивые люди выносили из церкви зажженные свечи, с которыми стояли в торжественные моменты важнейших богослужений. При этом важное значение придавалось не только огню, но и свечам: так, «венчальная свеча» зажигалась при трудных родах, а иногда ставилась в изголовье умирающих для того, чтобы ускорить кончину и поскорее избавить умирающего от агонии; «пасхальная свеча» (а также ее воск) использовалась пастухами в обрядах, связанных с сохранением и здоровьем стада; «богояв-

ленская свеча», как и «пасхальная», помогала при родах и при смерти, а также защищала от грозы; «четверговая свеча» также использовалась для защиты от молнии, грома и т.д., а кроме того обладала силой уничтожать чары колдунов и лечить лихорадки, ей выжигали на косяках дверей и окон кресты, чтобы злые духи не посещали жилище. Вообще всякая свеча, купленная в храме или вообще побывавшая там (и, следовательно, ассоциировавшаяся со священным огнем), обладала, по народному убеждению, магической силой: ее зажигали в самых разных случаях и верили, что она способна помочь при самых различных бедах. Так, например, восковую церковную свечу, называемую «обидашей» («за обидащего»), прилепляли перед образом оборотным концом для того, чтобы найти вора: считалось, что в этом случае Господь поворотит душу врага, наведет на вора такую тоску, что тот раскается и возвратит украденное.

В некоторых случаях огонь мог символизировать и опасность, враждебность, хотя подобное встречалось редко. Так, например, огонь мог ассоциироваться с адским пламенем и, следовательно, с бесами, чертями и т.д. Во многих местах были также распространены повествования об огненных змеях, летающих по небу огненными шарами и проникающих в избы через печные трубы; считалось, что эти змеи сожительствоуют с женщинами. Кроме того, в некоторых местах считалось, что первый огонь изобрели бесы в то время,

Одолень-трава

когда Господь изгнал их с неба. Так, в Малороссии существовала легенда о том, как Бог со святыми Петром и Павлом ходили по земле и неожиданно увидели костер, разведенный и охраняемый бесами; Бог приложил налочку, но, когда она загорелась, бесы вздували ее отнять, и тогда Господь ударил ей о камень, отчего полетели искры; с той поры, по народному убеждению, люди узнали, как добывать огонь из камня.

Вообще же легенд о происхождении огня существовало немало, и многие из них были совершенно противоречивы. Так, великорусская легенда, прямо противоположная малороссийской, гласила, что огонь был дан людям самим Богом, который ниспослал его с небес на помощь первому человеку, по изгнании его из рая, когда человек очутился в безвыходном положении и не знал, как приготовить себе пищу; пожалев его, Бог послал молнию, которая расколола и зажгла дерево, и тем самым показал способ добывания живого огня.

Существовали в народе и легенды, примирявшие оба начала, признавая два огня: адский и небесный. Так, одна из таких легенд гласила, что до первого греха первых людей огня на земле не было; после же грехопадения отворились адские врата и пламя вырвалось оттуда и появилось на земле, чтобы причинять людям вред пожарами, обманывать вспышками на местах кладов, смущать огневидным появлением в воздухе самих бесов в виде крылатых змеев и т.п. Однако в это же время на землю с неба был послан и святой огонь, тот, которым зажигались жертвы, приносимые Богу, и устранялись многочисленные бедствия, посещавшие людей и домашних животных в виде различных болезней. Теперь же, по народному мнению, «тот и другой огонь смешались вместе и их не различить».

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА — в народной традиции чудесная трава, способная одолеть всякую нечистую силу; этим именем в некоторых местах обозначали белую и желтую кувшинки (купальницу, водяной прострел), служившие иногда обозначением молнии (как цветы, возникающие из лона вод, т.е. как бы зарождающиеся в недрах туч и цветущие посреди дождя).

Нашедший одолень-траву, по свидетельству народного «Травника», «вельми себе талант обрящет на земли». По народному поверью, отвар одолень-травы помогает от зубной боли и отравы, а также служит любовным напитком, способным пробудить нежные чувства в сердце самой жестокой женщины. С корнем одолень-травы пастухи обходили стадо, чтобы ни одна скотина не пропала во время выпаса.

Люди, отправляющиеся на чужбину (особенно торговцы), старались запастись одолень-травой, так как считалось, что человек, имеющий ее при себе, «где ни пойдет, много добра обрящет». Собираясь в дальний путь, человек ограждал себя заклитием: «Еду я во чистом поле, а во чистом поле растет одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил; породила тебя Мать — Сыра Земля, поливали тебя

девки простоволосые, бабы-самокрутки (т.е. облачные девы и жены). Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили; отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки и колоды... Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца, во всем пути и во всей дороженьке».

Одолень-траву считали оберегом против всякой нечистой силы. Так, например, крестьяне верили, что у этой травы «ровна сила на водяницу и на поляницу оттого, что тот цветок Мать Сыра Земля со живой водой породили».

В песне, которой якобы научили сербов вилы, говорится: «Дазнаженска глава, / Што ж одолан-трава, Свагда би га брала, / У нас ушивала, / Уза се носила» («Если б знала баба, что такое одолень-трава, всегда бы брала ее, вшивала в пояс и носила в себе»).

ОКНО — часть дома, наделяемая многообразными символическими функциями и фигурирующая в обрядах в качестве нерегламентированного входа или выхода, противопоставленного двери.

Окно играло большое значение в различных народных обрядах, особенно связанных с представлениями о «том свете», потустороннем мире мертвых. Его часто применяли как «нетрадиционный выход из дома», чтобы обмануть нечистых духов, болезни и пр. Например, если в доме умирали дети, новорожденного передавали через окно, чтобы он остался в живых. Через окно выносили детей, умерших некрещеными, а иногда и тела взрослых людей. Во время агонии или сразу после смерти человека нередко отворяли окно и ставили на него чашку с водой, чтобы душа, выйдя из тела, могла омыться и улететь свободной.

Через окно в поминальной обрядности осуществлялось общение с душами умерших. Например, в дни поминовений (как обычных поминок, так и календарных праздников, посвященных «дзядам») из окна вывешивали полотенце, платок или кусок ткани, а на подоконник ставили стакан с водой, чтобы душа, прилетев домой, могла умыться и вытереться. Через окно провожали на кладбище души предков после поминальной трапезы. В день погребения на окно клали первый блин для покойника; на похоронах и поминках первый горячий блин и хлеб рвали на части и раскладывали на окнах, чтобы паром от него питалась душа умершего. Существовало также поверье, что на дедов можно увидеть своих умерших родственников, если смотреть в дом с улицы через окно, и т.д.

В народных поверьях окно могло также представлять собой путь для нечистых духов, смерти и пр. Так, в похоронных причитаниях смерть влетает в окно черным вороном или сизым голубком; а по народной примете, если птица залетит в окно, то это сулит скорую смерть. В некоторых быличках в момент смерти колдуна в окно заглядывает черт в зверином облике (например, в одной из быличек черт, явившийся за

Олёна — Длинные льны

душой колдуна, явился в обличье черного коня; он просунул голову в окно, высунул язык, и колдун немедленно испустил дух). Считалось также, что увидеть во сне дом без окон (т.е. гроб) — к смерти. В причитаниях гроб противопоставлялся дому как темное помещение без окон или с единственным окном; в то же время, гроб уподоблялся жилому дому и в нем тоже иногда прорубали небольшое окошко.

Окна нередко воспринимались и как путь для чего-то святого, чистого. Например, через окна не разрешалось плевать, выливать помой и выбрасывать мусор, так как под ним, по поверью, стоит Ангел Господень; вообще, выражение «стоять под окном» обозначало быть нищим или посланцем Бога. Через окно осуществлялся диалог между хозяевами дома и колядниками, волочечниками или участниками других «обходных» обрядов, представлявших собой некие высшие благодетельные силы.

ОЛЁНА — ДЛИННЫЕ ЛЬНЫ - день святых равноапостольных Константина и Елены (21 мая). Великий император всей Римской империи Константин был назван церковью равноапостольным за то, что отказался от язычества и утвердил свободу исповедания христианской веры, стараясь объединить разнородную империю с помощью христианской религии. Он отыскал также и сам Животворящий Крест, на котором был распят Иисус Христос; на его поиски он отправлял в Иерусалим свою мать, царицу Елену. Елена же во время своего пребывания в Иерусалиме приказала освободить все места, связанные с земной жизнью Господа и Девы Марии, от всяких следов язычества и повелела воздвигнуть в этих местах христианские храмы.

В народе день Константина и Елены называли обычно либо «Олена — длинные льны», либо «Олены-

Леиничи»; реже встречались названия: Олена-леносейка, льяница и т.п. Такие названия праздника объяснялись, очевидно, тем, что примерно с этого времени начинали сеять лен и коноплю, а также созвучие слова *лет* с именем Олена (Елена). Соответственно, практически все обычаи и приметы, связанные с этим днем, касались посева и будущего урожая льна (реже — других растений: так, в некоторых местах с этого дня сеяли позднюю пшеницу, овес, гречиху, ячмень, ярицу, а также огурцы — «льны Олене, огурцы Константину»). Так, например, считалось, что лен следует сеять «на Олену», так как в этом случае урождаются «длинные льны». Для того, чтобы лен уродился хорошо, бабы в Олений день перед началом сева клали в мешок с семенами печенье яйца, а мужик, которому поручался посев льна, должен был подбрасывать эти яйца как можно выше, так как считалось, что чем выше он подбросит яйцо, тем выше вырастет лен. Во многих местах существовал также обычай «обманывать лен» на Олены-Леиничи: бабы при посеве льна раздевались донага, полагая, что леи (или, по некоторым поверьям, святая Елена), глядя на них, подумает: «Эти бабы

бедные — у них даже рубашки на теле нет, надо будет пожалеть их и получше уродиться».

Омутница — см. Волошина.

Он — см. Домовой.

ОПАХИВАНИЕ — обряд, призванный оградить село и его жителей от бед. Например, он совершался для того, чтобы предотвратить наезд скота или же остановить его, выгнать из села или уничтожить коровью смерть, а также для того, чтобы предотвратить эпидемию, преградить дорогу в село болезням (лихорадка и ир.), защитить деревню от грядущей беды и т.д.

Чаще всего обряд опаживания совершался в тех случаях, когда начинался мор скота. При появлении первых признаков наезд скота женщины села собирались ночью на окраине, раздевались там донага или до рубах, распускали волосы и, вооружившись печными заслонками, ухватами, косами, сернами и т.п., впрягались в соху и вспахивали борозду — границу вокруг села, которую, по народному убеждению, коровья смерть не сможет преодолеть. Такой профилактический обряд опаживания совершался каждый год, чаще всего по осени или весной; так, в некоторых местах обряд опаживания был приурочен к дню свв. апн. Петра и Павла, к дню Преполовения, к Духову дню, к дню Агафьи-коровницы и т.д. Если же уже появились первые признаки наезд скота или стало известно, что мор начался в соседних деревнях, обряд проводили как можно скорее, пока не началась эпидемия. При этом обряд мог совершаться как «всем миром», так и отдельными семьями: так, известны были случаи, когда под Духов день, в ночь на Ивана Купалу или при приближении мора каждый хозяин опаживал свой двор на жене, запряженной в соху.

Как правило, в обряде опаживания принимали участие только женщины, нередко — только старухи, вдовы и девушки (так, в некоторых местах полагали, что в обряде должно участвовать самое меньшее — девять девок и три вдовы). Остальные жители села не только не допускались к участию в обряде, но и вообще не имели права присутствовать при нем. Если во время опаживания женщины встречали какого-нибудь постороннего человека, то обычно немилосердно избивали его; если же навстречу процессии попадалось какое-либо животное, то его гнали прочь от села, избивали и даже могли убить, полагая, что это и есть сама коровья смерть. Закончив обряд, женщины спокойно расходились по домам; при этом, однако, иногда считалось, что уходить следует не оглядываясь ни на зов, ни на вой, ни на угрозы, иначе нечистая сила сгладит ту черту, которую провела соха, а у обернувшегося человека шея останется искривленной.

В некоторых местах профилактический обряд и обряд, совершаемый уже при эпидемии различались. Так, если обряд опаживания имел профилактический

Опахивание

характер, он нередко совершался в полной тишине; если же мор скота в селе уже начался, то движение обрядовой процессии могло сопровождаться страшным шумом — женщины били в заслонки, звенели косами, визжали и т.п., чтобы отпугнуть нечистую силу.

Согласно свидетельствам из разных мест, обряд опаживания совершался примерно следующим образом. Накануне с вечера старуха-«иовещалка» обегала все дворы и извещала всех женщин о готовящемся обряде; те, кто был согласен идти с ней, умывали руки, вытирая их полотенцем, принесенным повещалкою. В полночь баба-повещалка в надетой поверх шубы рубашке выходила к околице и колотила в сковороду; на шум собирались женщины с ухватами, кочергами, помелами, косами, сернами. Скотину на время обряда запирали по хлевам, собак крепко привязывали. К околице притаскивали соху, в которую запрягали повещалку; женщины зажигали пучки лучины и шествовали вокруг деревни, трижды опаживая ее межевою бороздою. Чтобы испугать чудовище и отпугнуть подальше от деревни, во время шествия женщины производили страшный шум и пели различные заклинания: «Смерть ты, коровья смерть! Выходи из нашего села, из закутья, из двора! Мы тебя огнем сождем. Кочергой заребем, помелом заметем, и попелом забьем! Не ходи в наше село, Чур наших коровушек, Чур наших буренышек!» и т.д.

Схожим образом совершался такой обряд и в других местах: старухи еще с вечера тайно, шепотом извещали всех женщин о готовящемся священнодействии, после чего все, участвующие в обряде, в полночь собирались за околицей и, выйдя в поле, снимали с себя одежду, оставаясь в одних рубашках, и расплетали косы (некоторые женщины при этом повязывали головы белыми платками); на одну вдову, по общему выбору, надевали тайком унесенный хомут и впрягали ее в оглобли сохи, также припрятанной заранее. Другая вдова бралась за рукоятку, после чего обе начинали косым лемехом разрывать и бороздить землю, намечая тот «продух», из которого, по народному убеждению, будет исходить могучая сила земли, ограждающая село от самой смерти. Остальные же женщины шли за сохой с кольями и палками, сковородками и печными заслонками; при этом у девяти девиц должно было быть девять кос, которыми они беспрестанно звенели. Вся процессия двигалась с криком и устрашающими песнями, долженствующими отпугнуть и прогнать смерть и болезни: «Смерть, выйди вон, выйди с нашего села, изо всякого двора! Мы идем, девять девок, три вдовы. Мы огнем тебя сождем, кочергой заребем, помелом заметем, чтобы ты, смерть, не ходила, людей не морила. Устрашись — посмотри: где же это видано, что девушки косят, а вдовушки пашут?»

В некоторых местах в обряде опаживания участвовали только вдовы и девицы, но не замужние женщины и не мужчины. В полночь все девицы и вдовы села собирались в назначенном месте; они надевали на себя

одни чистые белые рубашки и расплетали косы. С собой они привозили соху, в которую впрягались четыре старые вдовицы: одна в оглобли, две по бокам и одна сзади; вдовицы начинали пахать, а все остальные с кольями, метлами, рогами и кочергами шли вокруг сохи и «пели странным, раздирающим душу напевом молитву». В это время во всех домах должны были быть потушены огни. Процессия, пройдя вдоль всего села и убедившись, что все огни потушены, снова выходила из села; после этого, при пении той же молитвы, начиналось опаживание села, т.е. пропахивание вокруг поселения глубокой борозды. Если кто-то (человек или животное) встречался на пути этой процессии и не исполнял некоторых (?) требований, то женщины набрасывались на него и начинали бить чем попало, считая, что это злой дух стремится пробраться в село. Проведя борозду, женщины вновь с пением проходили вдоль села, перепаживая дорогу на перекрестках и заметая след сохи метлами. Считалось, что этой борозды «злой дух не переступит более».

Существовали и другие варианты обряда опаживания. Так, в некоторых местах в обжи впрягали непременно беременную бабу, а правила ею старая дева; прочие же бабы помогали тащить соху, а вдовы в прорезанную борозду сеяли песок, приговаривая: «Когда наш песок взойдет, тогда к нам смерть придет». Иногда также запрягали в соху молодую телку, две девушки вели ее за рога, две погоняли, одна держала соху, а две ей помогали; при этом считалось, что чем позднее узнают об этой их затее в деревне, тем вернее успех обряда.

В некоторых местах к участию в обряде допускали и парней и мужиков, хотя делалось это крайне редко. Так, согласно одному из описаний обряда, «гонять смерть» выходили не только бабы и девки, но и мужики, все вооруженные топорами, косами и т.п.; все они собирались за селом около полуночи, неся с собой соху. Одна вдовая баба (дочь) впрягалась в соху, а вдова (мать) начинала пахать; остальные шли вслед за ними. На перекрестке толпа останавливалась, и одна из баб спрашивала: «Кто на ком пашет?»; ей отвечали: «Мать на дочери»; после этого все оборачивались назад и начинали рубить землю с криками: «Секи его, руби его!» Так делали на всех перекрестках до тех пор, пока не опаживали всего села. В другом описании соху волокли парни, впереди шли старухи, а сзади девицы; они пели: «Да воскреснет Бог» и опаживали село, чертя сохой на каждом перекрестке крест, а в копаные ямы клали церковный ладан. В Калужской губернии каждый год на обряд опаживания собиралась огромная вагата девиц, сопровождаемых парнями, из которых один, самый молодой и красивый, правил сохой, запряженной несколькими нарами девушек; впереди же этого шествия шла вдова с иконой. В некоторых деревнях в обряде принимали участие вообще все жители села, без различия пола и возраста; шествие их напоминало крестный ход: процессия двигалась медленно и торжественно, под пение молитв Богородичной и Господней, а впереди старухи несли иконы Спаса, Успения Богоматери и медное распятие.

Вообще обряд опаживания нередко исполнялся с участием христианских святынь. Так, во многих

Орёл

местах женщины, опаживая село, несли с собой икону св. Власия или Божьей Матери (икону, как правило, несла старшая из женщин, идущая впереди); шествие их при этом нередко сопровождалось пением не только специальных обрядовых песен, но и различных молитв. В Пензенской губернии обряд совершали чернички, которые перед этим в самую полночь уходили на дальний родник и там совершали освящение воды, а затем впрягались в соху, на концах которой укрепляли восковые свечи, и такие же свечи держали в руках, когда с пением церковных песен опаживали деревню.

Но хотя к обряду опаживания села и стали примешиваться церковные элементы, по сути своей обряд остался скорее языческим, чем христианским. Так, например, в Орловской губернии «гоняли смерть» обычно после Петрова дня: выбрав подходящий день, женщины устраивали шествие, впереди несли икону Богоматери и при этом по дороге дегтем рисовали на каждых воротах кресты; дегтем мазали и всех встречных. Потом честная вдова вырезала сохой крест на бугре за деревней, и на этом месте раскладывали костер, через который прыгали все женщины, участвовавшие в обряде. В Тверской губернии во время эпидемии тифа село опаживали восемнадцать женщин: одна из них шла впереди с иконой в руках, за ней следовала другая верхом на помеле, потом третья — с кочергой и черепом какого-то животного. За ними шли две бабы, запряженные в соху, которой управляла третья баба; следом же двигались все остальные, с шумом, криком и бранью. Таким образом, в подобных обрядах христианство сочеталось с язычеством, что, очевидно, говорит о чрезвычайной древности обряда, известного, по всей вероятности, еще до прихода христианства.

ОРЁЛ — по народному представлению, царь птиц, старший и главный среди них. Орла традиционно считали владыкой небес; поверье приписывало ему способность посещать небесный мир. Орел — птица Перуна, сто инкарнация; в заговорах орел даже изображался мечущим молнии: «Летел орел из Хвалынского моря... Кинул Громову стрелу во сыру землю».

В облике орла, как и других птиц, традиционно представляли ветер и тучи. Поэтому орел в поверьях был тесно связан с небесными стихиями; считалось, например, что он может управлять ветром, вихрем, бурей, дождевыми тучами и пр. Южные славяне верили, что орел является предводителем градовых туч; он борется с тучей, отводит ее от полей и спасает урожай, поэтому убивать орлов запрещалось, а нарушившему этот запрет грозили страшные кары (неурожай, болезни, смерть и пр.).

Согласно народным поверьям, орел живет дольше всех птиц и обладает способностью омоложения: когда наступает старость, он улетает на край света и, искупавшись там в озере с живой водой, или, по другим поверьям, в реке Иордане (т.е. в живительных струях дождя), снова обретает молодость. Свое гнездо он, по некоторым поверьям, вьет в кроне Мирового дерева

или на острове Буяне (т.е. в дождевых тучах); иногда считалось также, что он носит его под крыльями, потому орлиное гнездо так трудно найти. А найти орлиное гнездо пытались многие, полагая, что там хранятся чудесные сокровища (исконно — золото солнечного света, кроющееся за тучами) или волшебный камень — «орлов камень», или «огневик» (т.е. молния), который защищает от огня, болезней и всякой порчи.

ОРЕШНИК, лещина — священное дерево, в народных поверьях связанное с загробным миром. Считалось, например, что лещину, как и другие «благословенные» деревья, «не бьет гром»; поэтому под лещиной прятались в грозу, а также затыкали за пояс молодые побеги лещины. Ветками и сделанными из них крестиками украшали дома, а также втыкали их в поля и хозяйственные постройки, особенно в Юрьев день, на Вознесение и в канун Ивана Купалы, т.е. в самые «грозовые» дни. Крестьяне верили, что грозовая туча стороной обойдет места, защищенные лещиной. Спасаясь от грозы, иногда носили с собой кусочки дерева; жгли лещину в печи при приближении грозы; дотрагивались ее веткой до всего того, что хотели защитить от молнии, и т.д.

Вместе с тем, крестьяне верили, что гроза и гром, не властные над самим деревом, губительно влияют на его плоды. Например, известны поверья о том, что гром и молния в одну из летних ночей (у южных славян — в канун Ильи; у западных — в канун Петра и Купалы; у восточных — в воробьиную ночь) портят орехи, отчего те чернеют, как бы сгорая изнутри. О таких орехах говорили, что их «маланка побила (съела, поналила и т.д.)». В Ильин день боялись даже произносить слово «лешник» (лесной орех), называя его «губа», чтобы уберечь от порчи при грозе.

Лещина, как священное дерево, широко использовалась в качестве оберега от нечистой силы. Так, например, пастухи при приближении грозы прикрепляли к своей одежде кусочки лещины, считая, что в этом случае черт, ищущий убежище от грома, не сможет спрятаться в их одежде. Во время рождественских гаданий, вызывая на перекресток нечистую силу, очерчивали вокруг себя магический круг с помощью ветки лещины. Демонов, насылающих на детей бессонницу, изгоняли, обходя колыбель ребенка с зажженной ореховой веткой. На Троицу, защищаясь от русалок, вносили в дома и привязывали себе на спину ветки лесного ореха. Заметив, что у коров пропадает молоко, разводили огонь с помощью лещины, полагая, что он притянет к себе ведьму, отбирающую у коров молоко, и т.д.

Лесной орех служил также оберегом от хтонических существ, прежде всего от змей и мышей. Считалось, что змеи не просто боятся лещины, но и умирают от нее, поэтому веткой ореха натирали укушенное змеей место, отгоняли ею змей; били этими ветками друг друга, чтобы не трогали змей; вешали ветки лещины на воротах и над дверями, чтобы змеи не могли

Орисницы

проникнуть во двор и в дом. Ветки лесного ореха подкладывали в амбары, били ими по стенам домов и кладовых, изгоняя мышей.

Лещина и ее ветки считались местом обитания душ предков, посещающих землю весной в троицкий период, поэтому накануне Троицы люди избегали обламывать или просто трогать ветки лещины, боясь потревожить души умерших. На Вознесение или в Духов день ветками лесного ореха украшали дома, клали их на пол в доме и в церкви, опускались на них на колени, молились и т.д. Считалось, что прижав ухо к веткам лещины, можно услышать мертвых и даже говорить с ними; неисполнение же этого обычая осуждалось, так как люди верили, что тем самым помешали бы душам попасть на землю и вернуться обратно, души остались бы «запертыми» на «том» свете или на «этом». В конце дня ветки лещины относили на кладбище, обметали ими могилы, а также раздавали прохожим на улице, чтобы на «том свете» душа умершего могла укрыться в их тени.

В восточнославянской игре в «Ящера» девочки или девушки водили хоровод вокруг мальчика, сидящего в центре, и при этом пели: «Сядзи, сядзи, Ящер, в ореховом кусьце, орешечки луща, бяри сабе нанну, которую хочешь, за белую ручку, за русую коску, за малую ножку, за золота перьсень». По завершении песни «Ящер» бросался к одной из девочек, закрывал ее платком и кружил с ней, после чего девочка с поцелуем отдавала ему своей веночек.

В народных поверьях лещина нередко соотносилась с богатством, благополучием, множественностью п пр. Так, согласно некоторым поверьям, ветка лещины может указать человеку путь к спрятанным в земле сокровищам, а также подземным источникам. На Рождество, наряду с другими видами поминальной пищи (например, бобами), обязательно ели орехи; орехи также рассыпали по полу, как символ достатка и благополучия. В рождественских гаданиях пустой орех предвещал смерть и голодный, неурожайный год, а полный — благополучие и здоровье. Ветки ореха помещали в девичьи сундуки, чтобы в них «приданого прибывало»; из дерева лесного ореха изготавливали веретено, на котором девочка училась прясть, чтобы работа ее «множилась», и т.п.

ОРИСНИЦЫ, наречницы — у южных славян женские мифологические персонажи, посещавшие ребенка вскоре после его рождения (чаще всего на третий день) и предсказывавшие ему судьбу. Считалось, что именно орисницы наделяют ребенка долей и описывают его жизненный путь (женитьбу, рождение детей, болезни, смерть и т.п.); все важные события в жизни человека объясняют пророчеством орисниц. Изменить предсказанное орисницами, как правило, невозможно; даже Бог и святые не в силах воспрепятствовать трагическим событиям, предначертанным орисницами. Иногда считалось также, что у каждого человека есть своя

орисница, которая приходит к нему не только в момент его рождения, но и в момент смерти.

В народных поверьях обычно присутствовали три, иногда две, реже одна орисница; при этом они воспринимались как сестры или близкие родственницы. Считалось, что появляются они в виде молодых девушек или древних старух в белых (реже черных) одеждах; в некоторых местах верили также, что добрые орисницы бывают очень красивы (высокие и стройные, черноглазые, с длинными волосами), а злые — безобразны (лохматые, с выпученными глазами); в этом представлении о них сближались с восточнославянскими поверьями о Доле и Неделе (Срече и Несрече). Изредка орисниц считали мужчинами, например, седобородыми старцами. Иногда орисницам также приписывались различные демонические признаки: огромные головы, длинные зубы; они покрыты перьями; передвигаются они подобно змеям и т.д.

По мнению крестьян, живут орисницы где-то далеко, на краю света или на небе, вместе с Солнцем, в раю и т.д. Являясь к человеку, они бывают невидимы; в рассказах и поверьях слышит их только мать ребенка или другая родственница, посторонний, случайный гость в доме. Разглашение этого услышанного пророчества обычно строго наказывается — услышавший становится немым или окаменеет. При этом считалось еще, что судьбу своего ребенка мать может также узнать во сне; поэтому виденные в ночь прихода орисниц сны обычно подвергались тщательному толкованию.

Согласно поверьям, приходят орисницы преимущественно ночью; они являются с веретеном, карандашом и бумагой, встают у изголовья кровати, у порога, очага, у открытого окна или двери и произносят вслух или записывают судьбу ребенка, причем долго спорят перед тем, как вынести окончательное решение: побеждает то первая орисница, предвещающая бедствия, то вторая, предсказывающая добро, то третья, примиряющая оба предсказания. Чаще всего последнее слово остается за последней, самой старшей орисницей. Чтобы задобрить орисниц, после «богородника» (обряда родин) родители малыша обычно оставляли неубранным праздничный стол с яствами и сладостями, вином и хлебом, медом и свечами; или даже специально выпекали особую сладкую лепешку, которую раздавали соседям или клали под подушку ребенку как дар богиням.

Помимо этого, под подушку или в люльку к младенцу нередко клали золотые или серебряные монеты, кольца, серьги, а также оставляли карандаш и бумагу. Если в семье до этого умирал дети, ребенка переносили в другой дом, а вместо него в люльку помещали какой-либо предмет. Вообще, желая повлиять на судьбу и характер ребенка, в ночь прихода орисниц совершали множество магических действий: клали под люльку орудия труда (мальчику — топор, девочке — ножницы), чтобы ребенок вырос работящим; оставляли у люльки зеркало, чтобы ребенок не был

Осенины

стеснительным; три раза качали люльку с младенцем, чтобы он был спокойным, и т.д.

С посещением орисниц в народной традиции было связано множество запретов. Так, например, во многих местах в ночь их прихода запрещалось оставлять мать и ребенка одних; нельзя было также спать, гасить огонь и т.д. Считалось, что если роженица и тот, кто ночует с ней в комнате, бодрствуют и горит огонь, орисницы будут добрыми; если же огонь погашен и все спят, орисницы рассердятся на то, что их не встречают, и предрекут малышу недобрую судьбу.

В ночь прихода орисниц новорожденный обязательно должен был быть одет (обычно в рубашку отца, матери, повитухи или в специальную обрядовую рубашку), чтобы орисницы не застали его голым; рубашку взрослых на младенца надевали для того, чтобы он стал сильным и чтобы привязался к родным. Правую руку ребенку оставляли свободной; иногда это объясняли тем, что в эту руку орисницы помещают свиток с предеченной младенцу судьбой.

Орисниц в народе считали очень могущественными, но порой очень глупыми, не способными запомнить собственные пророчества существами; поэтому, чтобы не запутать их, в доме этой ночью старались не разговаривать, либо (по обычаю некоторых южнославянских областей) наоборот, старались говорить как можно больше и только о счастливом и приятном, полагая, что тогда многие из произнесенных пожеланий сбудутся.

О посещении орисниц обычно судили по приметам. Считалось, например, что на носу, между бровей или на подбородке ребенка после появления духов судьбы остаются точки, появляется сыпь на лице и вокруг рта, краснеет нос и др. Иногда верили также, что свои предсказания орисницы пишут у ребенка на лбу; однако прочесть предначертанное орисницами может только тот, кто обладает колдовскими способностями, или тот, кто ведет правильную, святую жизнь.

Орисниц в народных представлениях часто смешивали с другими женскими мифологическими персонажами — самодивами. Так, например, матерям иногда запрещалось выходить вечером во двор, потому что в это время могут прийти самовилы и предсказать ребенку тяжелую судьбу. Кровать роженицы загораживали от орисниц бердом, а возле ребенка оставляли кочергу, чеснок, деготь, метлу и другие предметы-обереги. Если ребенок плакал ночью, крестьяне говорили, что его душат орисницы, и т.д. Вообще, кроме орисниц, у славян были известны и другие схожие с ними по функциям духи: суденицы и рожаницы, также предсказывающие судьбу.

Осенины – см. Госпожинки

Осилки — см. Велеты.

ОСИНА — в народной традиции — «нечистое» дерево, проклятое Богом. Согласно одному из распространенных на Руси апокрифов, на осине повесился

Иуда, и с тех пор листья ее дрожат; по другой апокрифической легенде, осина дрожанием своих листьев выдала спрятавшуюся под ней от преследователей Богородицу, за что и была-проклята Господом. Возможно, такое негативное отношение к осине объяснялось и постоянным дрожанием листьев этого дерева даже в тихую погоду (считалось, что это дрожание листьев вызывают бесы, разгуливающие под корнями осины), и красноватым оттенком древесины (ассоциировавшимся с кровью), и малопригодностью этого дерева для хозяйственных целей. Из-за представления осины «нечистым» деревом, деревом удавленников, ее не сажали около домов во избежание несчастья, не использовали при строительстве, не топили ею печь, избегали сидеть в ее тени, не вносили в дом ее веток и т.д.

Осипу нередко считали «чертовым» деревом; верили, что в местах, где она растет, «вьются» черти и ходить там небезопасно: черти могут запутать человека так, что он не найдет дороги назад. Черти, заводящие человека в заросли осины, принимают облик его родственников и знакомых, а затем внезапно исчезают; еда, которой черти угощают детей, оказывается осиновыми листьями, и т.д. Во время грозы осину «гром ищет», «гром бьет», так как в ней сидит черт, поэтому прятаться под осиной нельзя.

Осина широко использовалась в магических целях. Согласно поверьям, на огне из осиновых веток ведьмы готовили вредоносное зелье; кроме того, кое-где рассказывали, что ведьма, выдоив черную корову, выливает молоко на землю и в это место вбивает осиновый кол — так она иссушает коровьи сосцы, отчего корова перестает доиться. Чтобы превратиться в волка или стать невидимым, колдун должен был перекувырнуться через пять осиновых колышков, вбитых в землю, или через осиновый пенек; бросив осиновую ветку перед путником, колдун сбивал его с дороги. Человек, желающий подружиться с лешим, призывал его, стоя в лесу на поваленных осинках. В некоторых местах считалось также, что ведьмы, ударяя осиновой веткой в грудь спящего человека, наносят ему зримую рану и пьют кровь.

Вместе с тем, осину использовали и как средство против нечистой силы. Так, чтобы вернуть себе своего ребенка, подмененного нечистой силой, «подменыша» клали на осиновые ветки и били его. Для того, чтобы распознать ведьму, вбивали в землю осиновый кол, состругивали с него щепки, поджигали их и на огне кипятили цедилку (тряпочку, через которую процеживалось молоко); считалось, что ведьма непременно придет и попросит не жечь ее огнем. Ведьму можно было распознать и другим способом: в ночь накануне Ивана Купалы спрятаться в хлеву под бороней, изготовленной из осины, и ждать, когда ведьма в облике животного придет воровать молоко у коров; считалось, что сидящий под бороней распознает ее в любом облике. На огне из осиновых дров сжигали после смерти колдунов, чтобы они «не ходили» и не вредили людям, а также утопленников, похороненных на общем кладбище

Оспа

(что вызывало сильную засуху). Осинковый кол втыкали в могилу «ходячего» покойника или вампира; нередко это делали еще при похоронах, чтобы умерший не превратился в «ходячего» покойника. Еще более эффективным считалось вбивание кола прямо в труп умершего (как правило, заложного покойника). Облегченная форма этого обычая — установление на могиле осинового креста или помещение в гроб на грудь покойного маленьких осиновых крестиков.

Известным магическим приемом было «заламывание» осины. Человек, желающий навсегда покинуть родные места, заламывал вблизи дороги ветку осины со словами «пойду и осиною заломлю дорогу», полагая, что уже никогда после этого не вернется назад. При проходах русалки осину «заламывают», чтобы русалки не возвращались назад: «Проведу русалку, проведу, да й осинкою заломлю, штоб русалочка не ходила, мого житечка не ломила».

В юрьевскую и купальскую ночь с помощью осиновых веток, воткнутых в стены хозяйственных построек и в ворота, оберегали скот от ведьм, отбирающих молоко у коров. С той же целью при отеле коровы на рог ей укрепляли кусочек осины; первое молозиво процеживали через осиновую дудочку и отдавали корове. Если у коровы кисло молоко, ее прогоняли через положенные вдоль порога осиновые ветки; через осиновое полено, помещенное в воротах двора, заставляли перешагнуть только что купленную лошадь, и т.п. Оберегая поля от ведьм, отбирающих «спор», в посевах втыкали ветки осины (чаще всего это делали в купальскую ночь); тем же способом охраняли огороды от кротов, гусениц и т.п. Знахарь, уничтожающий на поле злом, вырывал его из земли осиновыми палками и сжигал на осиновом огне. При строительстве дома в углу фундамента втыкали осиновые колышки, оберегая дом от всякой беды. Человек, застигнутый ночью в лесу, ложился спать в круге, очерченном на земле осиновой палкой, и т.д.

На осину вешали убитую змею, чтобы она не ожила и не укусила своего убийцу (ср. древнерусскую былинку о Добрыне, который, победив Змея, повесил его тело на осину, приговаривая: «Сушился ты, Змей Горыныщ! На той-то осине на кляплья»). Заговоры от укуса змей также обычно читали над осиновой корой, а затем терли этой корой укушенное место. На осину «переносили» различные болезни: при лихорадке закладывали в дыру, сделанную в осине, волосы и ногти больного, а затем забивали дыру осиновым колышком, «чтобы лихорадка не вышла наружу»; больного сажали на осиновый пенек, полагая, что болезнь

уйдет из человека в него, и т.д. «Передавая» осине свою болезнь, читали заговор или просили осину забрать болезнь, обещая за это не наносить дереву вреда (не ломать ее ветвей, не рубить и т.д.). В некоторых местах, если человека начинала трясти лихорадка, он, чтобы избавиться от нее, терся спиной о ствол осины и приговаривал: «Осинка, осинка, возьми мою трясынку».

Заговор от зубной боли («На море на окияне на острове Буяне стоят три высоких дерева, под деревьями лежит заяц, переселись ты, зубная боль, к тому зайцу» и т.п.) читали над осиновым сучком, который потом прикладывали к больным зубам. Разбитых параличом заставляли лежать, упираясь босыми ногами в осиновое полено. При детской бессоннице делали из осины купель для ребенка или клали осину ему в колыбель. При приближении эпидемии холеры в четырех концах села втыкали в землю срубленные осиновые деревья, ограждая село от проникновения болезни. На осиновом огне готовили для скота лекарственные травы; прогоняя Коровью Смерть, размахивали в воздухе осиновыми палками, и т.д.

ОСПА, оспа — персонификация болезни оспы. Крестьяне часто представляли ее в облике безобразной женщины с воловьими пузырями вместо глаз и с ядом на языке: кого она оближет этим языком, тот немедленно заболит оспой. В других местах верили, что «оспа с клювом ходит, оттого и пятнает человека щелринками».

Согласно некоторым поверьям, сама болезнь — это «гнев оспы»; поэтому больные оспой в некоторых местах просили у нее прощения, полагая, что это может облегчить их страдания. Желая избавиться от болезни, оспе часто старались задобрить, умиливать ее: просили ее пожаловать в дом «на пироги», «попариться в бане» и т.п., а также уважительно называли ее Оспой Ивановной, Матушкой Оспицей и т.д.

По народным поверьям, от оспы может помочь особый счет. Так, например, в некоторых местах при оспе советовали «три горошины перебирать счетом трижды по девяти раз, считая — ни раз, ни два, ни три...».

Если же человек, несмотря на все ухищрения, все-таки умирал от оспы, то в некоторых губерниях России с ним непременно прощались всем селом, полагая, что прощаются также и с болезнью, которая после этого покинет село.

Оспожинки — см. *Госпожинки*.

П

ПАПОРОТНИК — растение, которое, по народным поверьям, зацветает раз в году в одну из летних ночей. Цветок папоротника, называемый Жар-цвет или Перунов цвет, наделялся чудесными магическими свойствами. Считалось, что человек, добывший его, приобретет магические знания и умения: научиться угадывать мысли, а также понимать язык зверей, птиц и растений (из этих разговоров он, например, может узнать, какое растение от какой болезни помогает, и т.д.); ему откроются спрятанные в земле сокровища и клады; он приобретет способность привораживать девушек и «отворачивать» от своего поля градовые тучи; сможет становиться невидимым; будет счастлив всю жизнь; над ним не будет иметь власти нечистая сила, он сделается недоступным влиянию чародейства и может сам стать чародеем или вещим человеком; он не будет бояться ни бури, ни грома, ни воды, ни огня; сможет отомкнуть любой замок («только приложи цветок — и железные запоры и цепи вмиг распадутся»), и т.д. С помощью этого цветка, по народному убеждению, можно добыть и муравьиное масло, которое муравьи, по поверью, сбивают в ночь на Ивана Ку налу; такое масло собирали в сосуды на муравьиных кучах, полагая, что оно способно излечивать многие недуги.

Цветение папоротника, по народным поверьям, чаще всего происходит в ночь на Ивана Купалу, в одну из ночей Успенского поста, в канун Ильина или Петрова дня, а также в воробьиную ночь. Зацветает он в полночь; считается, что когда он цветет, «ночь бывает яснее дня и море колышется*», начинаются сильные грозы и т.д. Бутон его разрывается с треском и распускается золотым или красным, кровавым пламенем, подобным молнии; показывается этот цветок в то же время, в которое клады, выходя из земли, горят синими огоньками. Верят, что цветок этот цветет лишь мгновение; как только он зацветает, его тут же срывает и уносит нечистая сила.

В восточнославянских быличках описывается множество способов добывания волшебного цветка. Чтобы завладеть им, надо ночью пойти в самую глушь леса, где не слышно пения петухов на заре, очертить вокруг себя круг, зажечь освященную на Сретение или Пасху свечу, взять в руки полынь или какое-нибудь другое растение, которого боится нечистая сила, и читать Псалтырь или Евангелие. Ровно в полночь, когда распустится цветок, загремит гром и начнется страшная гроза; в это время нужно трижды обойти цветок, пятясь назад, затем прочесть «Отче наш» следующим образом: «Не отче наш, не иже, не еси...», и

только после этого сорвать цветок и как можно быстрее бежать домой. Чтобы сохранить цветок, его клали в шапку, за пазуху, в лапоть или же, надрезав кожу на мизинце левой руки, прятали в ранке.

Известен и другой способ добыть цветок. Накануне праздника Куналы нужно пойти в лес, взяв с собой скатерть и нож; в лесу нужно найти куст папоротника, очертить около него ножом круг, разостлать скатерть и, сидя в круге, не сводить с папоротника глаз; как только загорится на нем огненный цветок, нужно тотчас же сорвать его и спешить домой, накрывшись скатертью, а дома тем же ножом, которым очерчивался круг, нужно разрезать палец или ладонь руки и в ранку вложить цветок.

Согласно народным поверьям, как только зацветет Жар-цвет, нечистая сила примется бесноваться вокруг человека: злые духи будут кидаться на него в облике страшных зверей, змей и звероподобных чудищ с высунутыми огненными языками; рядом с кругом появится огромная жаба, которая примется швырять в человека зажженной соломой, и т.д. Нечистая сила станет пугать человека нечеловеческим визгом, криком и хохотом; ему будет казаться, что на него надают огромные деревья и обрушиваются шквалы воды, земля заколеблется у него под ногами и т.п. Молодому человеку может привидеться девушка необыкновенной красоты, которая очарует и заговорит его так, что он забудет про цветок и пропустит тот момент, когда его можно сорвать; старику же нечистая сила подсунет в руку вместо цветка сухой гриб, головешку или кусок гнилушки. Кроме того, нечистая сила может околдовать человека, навести на него непробудный сон и т.д.

Пока человек не добыл цветка папоротника, он ни в коем случае не должен переступить черту круга или оглядываться по сторонам: как повернет голову, «так она и останется навеки»; если же выступит из круга, нечисть разорвет его на части. Иногда даже считают, что из круга нельзя выходить до самого утра, так как только с появлением солнца нечистая сила исчезает; у того же, кто вышел из круга прежде восхода солнца, нечистая сила вырвет цветок.

На обратном пути нечистая сила также будет преследовать человека, забравшего цветок. Черти и ведьмы будут окликать человека, звать его; если же он откликнется, оглянется или произнесет хоть одно слово, цветок бесследно исчезнет. Нечистая сила будет пугать его или предлагать ему несметные сокровища в обмен на ту вещь, в которой спрятан цветок; в этот момент человек нередко терял память и с радостью продавал свою одежду, а потом обнаруживал, что вместо денег у него в руках кости или черепки. В

Параскева Пятница

былчке человек, добывший цветок, рассказывал, что ему привиделось собственное село, объятые пламенем; его собственные жена и дети протягивали к нему руки из огня и просили его отдать цветок, чтобы прекратить их мучения. Когда же этот человек вошел в горящее село, все тут же исчезло.

Согласно некоторым поверьям, цветок папоротника иногда можно заполучить и случайно. Так, например, в одной из былличек рассказывается, как крестьянину, в ночь на Ивана Купалу искавшему в лесу потерявшихся коров, в лапоть упал чудесный цветок; в тот же момент крестьянин узнал, где находятся его коровы, а также увидел спрятанные в земле клады и стал понимать язык животных и птиц. Однако по дороге домой цветок в лапте стал жечь ему ногу, и человек, вытряхнув его из лаптя, потерял цветок, а с ним и все свои чудесные знания.

ПАРАСКЕВА ПЯТНИЦА — святая великомученица Параскева, нареченная Пятницей, «общница Христовых страстей». День памяти ее отмечался 28.X.10.XI и именовался обычно «пятницей», хотя и не обязательно приходился на этот день; кроме этого дня, Пятнице посвящались также так называемые обетные и временные пятницы (12 пятниц и т.п.), а иногда и вообще все 52 пятницы в году.

Согласно библейской легенде, параскева была благочестивой девушкой, казненной за верность Христу язычниками. Свое имя она получила следующим образом: родители ее были людьми благочестивыми, но не имели детей; прося Бога о «разрешении их неплодства», они по обету проводили каждую пятницу, как день страданий и смерти Христа, в «особенных подвигах молитвы и поста и в делах благотворения»; Господь же, услышав их молитвы, даровал им в этот день (в пятницу) дочь, которую они и назвали Параскевой (греческ. Paraskeue — «пятница»).

Параскева Пятница чрезвычайно почиталась у православных славян (и особенно на русском Севере). По своим функциям в народных поверьях и обрядах она практически приравнивалась к самой Богоматери. Так, на старых северно-русских иконах лик св. Параскевы нередко изображался на обороте иконы Пресвятой Девы. Так же, как и к Деве Марии, к святой Параскеве обращались в самых разных случаях: при болезнях и бесплодии, во время различных работ, при засухе и неурожае, по случаю свадьбы, родов и т.д. Праздники, посвященные святой Параскеве, во многих местах считались не менее значимыми, чем праздники, посвященные Богородице; они почитались и отмечались постом и особыми обрядами, а также запретами на многие работы.

В былое время ко дням памяти святой Параскевы приурочивалось множество различных обрядов и обычаев, как церковных, так и простонародных, бытовых. Так, например, повсеместно принято было в 28-й день октября (ст.ст.) устраивать торжественные богослужения и приносить в церковь различные плоды для

освящения; приношения эти потом хранились в домах как священные предметы в течение целого года. Иконы святой Параскевы, находившиеся в церквях, древнерусский люд чествовал особым образом: поселяне убирали их цветными лентами, цветами, монистками и разными душистыми травами и в таком виде носили с крестным ходом. В некоторых селах Малороссии существовал еще и такой обычай, приурочивавшийся ко дню святой Параскевы: поселяне водили женщину, изображавшую Пятницу, по селу, а после этого она принимала от них дары («...водят женку простоволосу, под именем Пятницы; а водят в ходе церковном, и при церкви честь оной отдает народ и дары с упованием некия пользы»).

В народных поверьях и обрядах Параскева-Пятница наделялась множеством разнообразнейших функций. Так, во многих местах она почиталась как «бабья святая», охранительница семейного благополучия, покровительница брака и родов, а также женской работы, и особенно работы зимней (т.е. прядения, ткачества и т.п.). Крестьянки считали ее своей заступницей и защитницей, а девицы молились ей о скорейшем выходе замуж и о хороших женихах: «Матушка Пятница-Параскева, Покрой меня поскорее!» или: «Матушка Параскева, отдай замуж поскорее!»

Кроме того, Параскева повсеместно считалась покровительницей плодородия, полей и домашних животных. Ей молились о сохранении скота от мора и об умножении приплода. К святой Пятнице (как и к Богородице и святому Власу) нередко обращались с молитвами во время обрядового опаживания села, должествующего защитить коров от страшной «коровьей смерти». В Болгарии на Власьев день хозяйки пекли особые «питы» (обрядовый хлеб), называемые «святая Петка» (т.е. святая Параскева Пятница) и «святой Влас»; хлеб «святая Петка» раздавали соседям «за волове здравие», а хлеб «святой Влас» несли волам и скармливали его вместе с соевыми отрубями, чтобы животные были здоровы.

Во многих местах верили, что святая Пятница способна исцелить практически от любых душевных и физических недугов. Особенно же часто ей молились о помощи при «дьявольском наваждении», лихорадках, зубной и головной боли и т.п. Люди, страдающие от наваждений нечистой силы, считали за неперемное правило ставить перед иконой святой Пятницы свечи в надежде получить свободу от нечистого духа. Существовали даже особые молитвы святой Параскеве, которые записывались на кусочках бумаги и т.п.: крестьяне почитали их одним из лучших охранительных средств от злых духов и разных недугов и носили при себе, привязывая к шейному кресту, к голове (для исцеления от головной боли) и т.д. Действенным средством против многих болезней считались также цветы и травы, которые привешивали к образу святой Параскевы: их хранили в течение целого года или даже нескольких

Параскева Пятница

лет, а в случае какой-либо болезни готовили из них отвары и настои, которыми и поили больных.

Святая Пятница традиционно считалась на Руси покровительницей нищих, убогих и усопших душ. Так, около пятничных церквей, располагавшихся обычно на подоле, у рек, у самой воды, селились нищие. Все храмы и монастыри, посвящаясь святой Параскеве и называемые обычно пятницами (пятничками) или божедомками, были кладбищенскими. В древнее время в таких пятничных церквях в ильинскую пятницу старухи, следуя древнему обычаю, «девятничали», или «пятничали», т.е. проводили день в строгом посте в память об умерших родителях.

Помимо всего прочего, святую Параскеву считали также и покровительницей торговли. Верование это, вероятно, основывалось на том, что в старину день пятницы во многих местах служил торговым днем. Особенно распространен был этот обычай в западной и отчасти южной России, возможно, в связи с тем, что день этот приходился накануне субботы, когда торг в этих краях не производился «по причине празднования евреями шабаша» (согласно некоторым источникам, «этих шабашей особенно опасаются поселяне северо-западной Руси и потому по пятницам заботятся закупать себе все, что нужно для хозяйства и в доме»). Пятничные торги выпадали на дни, посвящаясь святой Параскеве, отчего она, очевидно, и стала считаться покровительницей торговли и различных ярмарок, которые вскоре стали связываться с ее именем. Так, например, во многих местах принято было в честь Параскевы Пятницы устраивать девять торговых пятниц, обычно следовавших одна за другой в продолжение девяти недель после Пасхи; при этом в древности на таких городских торжищах непременно выставлялись иконы святой Параскевы.

С именем Пятницы на Руси в древности связывались еще и особые столбы с изображениями этой святой, устанавливавшиеся на перекрестках и распустьях дорог и в народе часто называемые пятницами. По своему значению они были схожи с придорожными часовнями или крестами: «при них древнерусский люд обыкновенно торжествовал счастливую встречу с другом, отцом, сыном; тут же происходили последние расставания с отъезжающим в далекий путь; у этих же, наконец, пятниц девицы вымаливали себе хороших и добрых женихов». Вероятно, такие пятницы-часовни явились на смену своеобразным дохристианским памятникам, которые в древнее время в виде столбов, чурбанов, вытесанных из дерева болванов ставились на распустьях дорог, на межах и т.д. и мимо которых, как водилось, ни конный не проезжал, ни пеший не проходил, не оставив какой-либо жертвы. У древних римлян подобные истуканы, расставляемые на полях и границах для их охраны, были связаны с божеством, именуемым Термин (очевидно, от лат. terminus — граница, предел), в честь которого некогда проводились празднества — термин алии. На Руси такие «пограничные» столбы-чурбаны имели то же самое

значение: считалось, что они охраняют границы земельных владений. С введением же христианства подобные языческие памятники, естественно, стали приобретать иной облик: вместо истуканов стали ставиться своеобразные часовни и столбы с изображениями святой Пятницы, покровительницы полей и плодородия.

Сама святая Пятница в народном сознании обычно рисовалась красивой девушкой или молодой женщиной в белой сорочке и плахте; изредка — высокой и худой женщиной с длинными распущенными волосами. При этом, однако, некоторые народные поверья описывали Пятницу как нагую, растрепанную женщину, часто в крови от укулов спиц и веретей, которыми женщины пряли и ткали в пятницу, нарушая запрет на работу. Русские же иконописцы обычно изображали святую Пятницу суровой подвижницей, высокого роста, с лучезарным венком на голове. Такие иконы некогда можно было найти практически во всяком доме, т.к. считалось, что они охраняют семейное благополучие и счастье; такие же изображения св. Параскевы, увешанные платками и лентами, выставлялись после Пасхи по пятницам в людных местах, на ярмарках и т.п.

Эти пятницы, составлявшие цикл своеобразных праздников, начинавшихся с первой недели Великого поста, назывались обычно временными или именными, а также обетными и посвящались они святой Пятнице. В такие пятницы было запрещено работать: прясть, ткать, пахать, стирать; купаться и купать детей; нередко — вообще выполнять какую бы то ни было работу. Считалось, что святая Пятница в эти дни ходит по земле в облике молодой женщины и примечает, кто как живет, как соблюдает обычаи и запреты; тех же, кто в ее день работает, она строго карает за нарушение запрета. Так, например, крестьяне многих губерний верили, что людей, нарушающих запрет на работу в ее дни, Параскева наказывает тем, что отнимает у них зрение, причем если человек извинится перед ней и помолится у иконы святой Параскевы, она смилуется над ним и вернет ему здоровье, но если он не покается, что работал в пятницу, святая найдет на него всяческие беды и несчастья. По поверьям различных мест, Пятница также сдирает кожу с женщин, ткавших полотно в пятницу, и вешает ее на станок; делает так, что у женщин, прявших в пятницу, на обеих руках скрючивает пальцы, сводит руки, образуются заусеницы и т.п. Мужчинам, работавшим в пятницу, она «вкладывает в спину стрелу и ломоту», насылает на них тяжкие болезни и т.п. Повсеместно считалось также, что святая Пятница, покровительница рожениц, не станет торопиться на помощь призывающей ее во время родов женщине, припоминая той, сколько раз она нарушала запреты на работу в пятницу. В некоторых местах верили даже, что Пятница повсюду ходит вместе со Смертью и карает ею виноватых.

В Ярославской губернии существовал рассказ о святой Пятнице, объясняющий, очевидно, и демонический

Параскева Пятница

подчас облик Пятницы, и ее недоброжелательное и даже жестокое отношение к людям, работающим в ее праздник. Рассказ этот следующего содержания: «В одной деревне жила женщина, и была она хорошая работница, только совсем не почитала пятницу: и прядла, и ткала в пятницу, и белье мыла, и всякую работу делала. Вот раз осталась она в избе одна-одинешенька, а дело было в пятницу вечером. Сидит баба да прядет. Только вдруг слышит, по сеням идет кто-то. А двери с улицы в сени были заперты. Спужалась баба не на шутку — сидит ни жива, ни мертва. Вдруг тихонько начала отворяться из сеней дверь в избу, и вошла женщина, страшная и безобразная. На ней были все лохмотья да дыры; голова вся платками рваными укутана, из-под них клочья волос повывлезли растрепками; ноги у ней были все в грязи, руки тоже в грязи, и вся она, с головы до ног, была осыпана всякой нечистью и мусором. Вошла эта страшная женщина в горницу, начала молиться на образа и плакать. Потом подошла к хозяйке и говорит: «Вот ты, женщина негодная, как ты меня обрядила. Прежде я в светлых ризах ходила, да в цветах, да в золотом одеянии, а твое непочтение вот до какой одежды меня довело. Громом бы тебя разразить мало. Ты преступила закон, и за это будет тебе огонь неугасимый и тьма кромешная. До чего ты меня довела? Я через твой поступок в такой горести состою, что целый день не пью, не ем, не сплю, не почиваю — все слезами обливаюсь. А ты, безумная баба, никакой жалости ко мне не имеешь и дня моего не почитаешь». Тут баба догадалась, что в избу к ней вошла сама Пятница, и стала было прощения просить. А Пятница: «Нет, — говорит, — тебе моего прощения», да взяла железную спицу, которой кудель льну к копылу привязывают, и стала тыкать ей бабу. Тыкала, тыкала, пока до полусмерти не истыкала. Утром нашли бабу всю в крови и насили в чувство привели. Да только с тех пор баба по пятницам уже работать — ни: стала почитать праздничный-то день». Столь же распространен был и другой рассказ, в котором обиженная Пятница превратила «бабу-непочетницу» в лягушку (с тех пор, по поверью, лягушки на земле и пошли).

Не менее известным, и далее более распространенным в народе был сюжет о святой Пятнице, подбрасывающей веретено в окно к женщине, прядущей накануне пятницы, и приказывающей спрясть его. По народному убеждению, женщину, догадавшуюся в этом случае выбросить веретено обратно в окно, Пятница хвалит и после пособляет ей в делах, а бабу, не догадавшуюся сделать этого, строго наказывает (сдирает с нее кожу и т.д.). Существовал, например, рассказ о девушке, которой госпожа приказала работать в «обетную» пятницу: когда девушка работала, к ней пришла Пятница и велела «спрясть сорок мычек и занять ими сорок веретен», угрожая смертью за непослушание; испуганная девушка спросила совета у старухи, и та посоветовала ей напрясть на каждое веретено только по одной нитке; Пятница же, прядя за

работой, взглянула на веретена и сказала: «Догадалась!», после чего исчезла, не тронув девицу.

В народных поверьях Пятница часто наделялась функциями Доли и Недоли, причем нередко сама отождествлялась с Долей. Так, например, в некоторых местах верили, что Пятница может наслать несчастье или, наоборот, подсказать человеку, что ему нужно сделать для своего благополучия.

Некоторые легенды уверяют, что Пятница может за добрые поступки и праведную жизнь наградить человека; однако вслед за этим она может и наказать его, если он неразумно воспользовался ее даром. Так, например, согласно одной из народных легенд, однажды Пятница наградила человека, разделившего с нею хлеб: она указала, где живет богатая невеста, и дала человеку «сто лет веку». Однако когда через сто лет Пятница пришла к тому человеку в дом для того, чтобы забрать его жизнь, он стал упрашивать ее подарить ему еще сто лет; она исполнила его просьбу, но через сто лет человек снова стал просить ее подарить ему еще сто лет жизни. Когда же Пятница в третий раз пришла к нему, он был уже стариком, у которого «по всему телу вырос мох», и на этот раз он согласился умереть. Пятница забрала его с собой и привела в какое-то прекрасное место; затем повела его дальше и привела в еще более красивое место; после этого она впахнула старика в ад и сказала: «Когда бы ты помер на первой сотне своих лет, то жил бы в первом месте, на второй — на втором, а то в триста-то лет ты столько нагрешил, что где же тебе и жить, как не у чертей в когтях».

Параскева Пятница в народе наделялась множеством разнообразных функций; но при этом лишь немногие из них вполне объяснялись жизнеописанием или самим именем этой святой, а остальные, судя по всему, имели языческое происхождение. Очевидно, культ Параскевы Пятницы заменил собой древний культ какой-то языческой богини, и широкий круг функций этой богини со временем перешел на христианскую святую. У восточных славян этой богиней, судя по всему, была Макошь, или Мокось, богиня плодородия, воплощавшая собой «Мать — сыру землю», а у западных славян — Жива, богиня, связанная с плодородием и жизненными силами, воплощавшая жизнь как таковую и считавшаяся предвестницей солнца.

Живе, как и святой Параскеве, некогда посвящалась пятница, которая у западных славян тесно связывалась с ее именем. Известно, что у литовцев пятница называлась Seewa, а у чехов — Siva, Siwa, Ceres — от имени богини; у немцев же Siva называлась Freya, (откуда у них Freytag — пятница). Богиня эта соединяла в себе многие из тех поверий и функций, которые позднее стали относиться к святой Параскеве. Так, например, у древних язычников (литовцев, поляков и пр.) Жива или Фрея (практически аналогичная по своим функциям римской Церере или греческой Деметре) считалась покровительницей плодородия и изображалась обычно в виде светоносной девы с

Параскева Пятница

колосьями и цветами в руках; кроме того, ей приписывалось и покровительство брачным союзам.

Макошь, восточнославянская богиня, воплощавшая саму землю с ее силами плодородия, также издревле связывалась с днем недели пятницей. Кроме этого, со святой Параскевой ее связывали многочисленные поверья.

Так, например, как Макошь, так и Пятница считались покровительницами рожениц и вообще женщин, а также семьи, брака и разных женских работ, особенно тех, что были связаны с прядением и ткачеством. Как богиню плодородия, Макошь повсеместно считали покровительницей и подательницей урожая; Параскеве так лее молились об урожае, а в день ее памяти приносили в церковь для освящения различные плоды, которые потом хранили в домах как священные предметы. К святой Параскеве, как, очевидно, некогда к Макоши, женщины обращались за помощью во время жатвы. При этом в некоторых местах существовал особый обычай, связанный с культом святой Пятницы: когда наступало время жатвы, одна из деревенских старух, считавшаяся «легкой на руку», ночью отправлялась в поле и сжинала первый сноп, связывала его, ставила на землю и при этом три раза молилась Пятнице, чтобы она помогла «рабам Божиим» (при этом перечислялись все женщины-жницы деревни) «без болезни и скорбей» окончить работу и защитила поля от «лихих людей», делающих заломы; потом старуха брала свой сноп и, крадучись, несла его в свою избу, стараясь при этом никого не встретить по дороге (так как любая встреча в это время считалась недобрый знаком).

Культ Пятницы, как и культ Макоши, издавна был связан с водой, в первую очередь, со священными исцеляющими источниками. Так, деревянные изваяния Пятницы, покровительницы и защитницы вод, нередко ставились рядом с теми источниками, которые в народе считались целебными и именовались иногда «прощи» («проща» — прощение, избавление от грехов). Иконы Пятницы нередко ставились и у колодецев; при этом некоторые из них признавались явленными, а стало быть, и чудотворными: так, например, существовало немало рассказов об иконах Пятницы, неожиданно возникавших в источниках или колодцах и исцелявших от всяческих болезней. Все эти изображения Пятницы (как обычные, так и «нерукотворные»), но народному убеждению, охраняли воду и нередко делали ее святой и целебной; к этим иконам, боясь, как бы не иссякла «спасающая и врачующая благодать», местные жители нередко приносили различные жертвы: монетки (которые нередко бросали в воду), новые рубахи, полотенца, вычесанную льняную кудель, выпряденные готовые нитки или овечью шерсть — «Матушке-Пятнице на передничек», «Угоднице на чулочки» и т.д. Эти дары нередко поступали в пользу ближайших к источнику жителей, за что те брали на себя заботу о святине и оберегали источник от засорения и осквернения. Осквернение источника могло

повлечь за собой страшные последствия: так, например, во многих местах рассказывали, как в священных колодцах или родниках иссякла вода сразу после того, как его загрязнили, как в нем искупалась или набрала воды для стирки какая-нибудь баба «с придурью», и т.д.

Пятницкие храмы и монастыри также принято было строить на низменностях, у самой воды. При этом в некоторых местах существовали легенды о том, что церкви и часовни возникли на тех местах, где кому-то было «явление». Так, например, во Владимирской губернии рассказывали, что однажды одной богомольной старушке во сне был «тайный голос», сказавший: «Иди к горе, увидишь у подножия ключик, а в нем на дне чудотворную икону. Вынь ее и вели мужичкам строить тут часовню». Народ не послушался старухи, а икону священник поставил в церкви; однако в ту же ночь икона «ушла» и вновь, как была, оказалась на дне источника, и сколько ее ни носили в церковь — каждый раз повторялось то же самое. В конце концов над родником поставили часовню, а икону поместили в ней; воду же из того ручья признали целебной. Подобные рассказы бытовали во многих местах.

Моления о дождях во многих местах, и особенно в Белоруссии, также были обращены к святой Пятнице; при этом сопровождалась они различными тайными обрядами и нередко возносились в ночное время, что, по всей вероятности, указывает на их давнее происхождение. Вероятно, некогда подобные же моления были обращены к Макоши, богине — покровительнице животворной влаги, а позднее, несколько изменившись, стали возноситься святой Пятнице, сменившей ее.

О Параскеве Пятнице в народе ходили самые разные легенды. Во Владимирской губернии, например, полагали, что некогда Параскева, которую в тех местах именовали Прасковьей, была простой бабой, вместе с мужем жившей в деревне. Однажды она призналась мужу, что хотела бы, чтобы кто-нибудь позвал ее на попой; и в этот момент к ним в избу пришел какой-то парень, который позвал ее быть повитухой. Муж отговаривал ее идти, говоря, что «там всяко может случиться, пожалуй, еще согрешишь»; однако она ответила ему: «Только ходи с молитвой, да делай, как Бог велит, так и не будет ничего», и пошла, «хоть дело было ночью». Парень привел ее в баню, и она увидела, что на полке лежит девка, которая мучается родами, а вокруг нее повсюду сидят черти. Прасковья сперва испугалась, но потом помолилась Богу и подошла к девке; а старший черт тут ей и сказал: «Смотри ты, баба! Повивать повивай, а только чтобы без молитвы!» Однако Прасковья не испугалась, и как только девка разродилась, с молитвой погрузила ребенка в воду и тихонько, чтобы черти не увидели, надела на него крест. Тут пропел петух, и все черти пропали вместе с девкой, а Прасковья осталась с ребенком одна. Взяла она дитя и принесла его домой. Только черти на этом не успокоились, а поскольку отнять ребенка не могли, решили отомстить Прасковье и сделали так, что царь

Пастен

(«а царь-то был нечестивый») призвал ее и стал соблазнять, чтобы она оставила христианскую веру. Однако она не дала своего согласия, и тогда царь велел отрубить ей голову. Случилось это будто бы в пятницу, поэтому, по народному убеждению, и «зывается мученица Парасковья Пятницей».

настен — см. Постень.

ПАСТУХ — главный персонаж в обрядах и верованиях, связанных с защитой и сохранностью скота, особенно во время летнего выпаса. Пастух выполнял целый ряд обрядовых действий, связанных с благополучием стада.

Особенно почитался пастух на Русском Севере, где его считали колдуном, имеющим связь с лешим и нечистой силой вообще. Считалось, что пастух заключает с лешим договор, по которому «дает» ему лучшую корову и обязуется соблюдать ряд запретов (не собирать лесных ягод и грибов, не отгонять комаров и мух, не разорять муравейники и т.д.), за что леший обеспечивает ему сохранность стада. Скрепляя договор, пастух произносил «отпуск» (заговор), обходил вокруг стада с замком и ключом, после чего бросал запертый замок в лес, зарывал бумагу с написанным заговором в укромном месте, где оставлял его до конца выпаса скота, и т.п.

Множество обрядовых действий совершалось пастухом при первом выгоне скота в поле. Для того, чтобы отпугнуть нечистую силу, поджидающую на пути к пастбищу, пастухи при первом выгоне скота громко хлопали бичами, свистели, играли на дудке, звонили в колокольцы и т.п. Часто стадо вели на пастбище окольными путями.

Кроме того, главный пастух закапывал на окраине села цепь с замком и веревку, на которой спускали в могилу покойника, чтобы не разбегались овцы; пастушеским посохом чертил на земле крест или проводил ножом поперек дороги черту - «границу», которую, по поверью, не смеют пересечь злые духи; бросал на мост горсть соли, натирал овцам копыта чесноком, и т.п.

Перед самым выгоном скота по многих местах пастух обходил стадо со свечой, с которой стояли Светлую заутреню; часть этой свечи он иногда заделывал в свой рожок, считая, что после этого скот не будет отбиваться от стада и теряться, а на звук рожка со свечой скот будет сходитья скорее и охотнее, тогда как хищные звери, заслышав рожок, будут убежать прочь.

В некоторых местах пастух делал себе рябиновый батожок, на котором делал зарубки по количеству ног в стаде; верили, что от этого батожка зависит удай, а если его перебросить через скотину, ее не сможет увести леший. В день первого выгона скота в поле пастух держал этот батожок под мышкой, погонял им стадо на пастбище, а затем, в тайне от всех, закапывал его в сыром месте. В последний день выгона скота пастух

выкапывал этот батожок и сжигал его, после чего работа пастуха считалась законченной.

По прибытии на место выпаса пастух всаживал топор слева от двери в пастушью хижину, добывал огонь трением сухих поленьев, подкладывал тлеющую головешку у входа в загон, кропил стадо святой водой, и т.п. Как правило, у восточных славян пастух обходил стадо с хлебом, солью, яйцами или яичницей, свечой, топором, замком и ключом, и т.д. Чтобы пастух не задремал на пастбище и не был ленивым, в день выгона скота его обливали водой. В некоторых местах пастух все лето не стригся, не брал с собой в поле нож, не имел половых сношений, и т.д.

Важное значение имели предметы, которые пастух клал себе в сумку при выгоне стада. Так, оберегая стадо, пастух носил с собой в поле различные магические травы, угольки, свечу, освященный мел, яйцо, хлеб в виде креста, крупицу освященной соли и т.д.; у южных славян пастух также носил с собой пули, использованные при выстреле в момент отправления на пастбище.

На Рождество или накануне выпаса пастухи разносили по домам прутья с хвойными «ланами», которыми следовало весной выгонять скот; за это они получали от хозяев деньги и угощение. Во время надежда скота пастух добывал «живой» огонь для очистительного костра, прогонял стадо сквозь костер или «сквозь землю» (через вырытый в земле ров), и т.д.

Помимо регулярной платы натурой, пастуха одаривали в день выгона скота и по окончании выпаса осенью: такое угощение называлось «запасне» и «допасне». Кроме того, пастухов чествовали на насху, в Юрьев день, на Троицу, в Петров день и т.д. В качестве угощения пастухам обычно готовили яичницу или давали продукты для ее приготовления; у русских чествование пастухов в день выгона скота называлось «мирская яичница». Иногда приготовление яичницы превращалось в особый обряд, цель которого состояла в том, чтобы «зверь не увидел и не коснулся скотинки», чтобы «у зверя не разомкнулись зубы» и т.д.

Иногда пастухи сами ходили по хатам и собирали подарки, но чаще пастух стоял у околицы села и принимал подарки — пироги, лепешки, деньги и холсты. В некоторых местах главным пастухом устраивалось «угощение на пастбище», заканчивавшееся музыкой, традиционными песнями и плясками.

ПАСХА. Светлое Христово Воскресение — величайший из всех христианских праздников, «торжество из торжеств», которым завершался семинедельный Великий пост. С праздником Пасхи связывалось множество поверий, преданий, легенд, обычаев и обрядов. Считалось, например, что с первого дня Светлой пасхальной недели вплоть до Вознесения сам Христос в сопровождении апостолов ходит по земле и при этом небесные странники выглядят как простые нищие; странствуя, они испытывают людское милосердие,

Пасха

награждают добрых и великодушных людей и наказывают злых. Существовало так лее поверье, что на Пасху солнце «играет», радуясь воскресению Христа, а враг рода человеческого (Сатана) лежит в аду ничком, не шелохнется всю Святую неделю до самого Вознесения.

К Пасхе начинали готовиться заранее, еще на Страстной неделе, последней неделе Великого поста. В течение всей этой седмицы во всех домах трудились не покладая рук: женщины и девушки белили печи, мыли и скоблили столы, лавки и полы, вытирали мокрыми тряпками пыльные стены, обметали паутину, перебивали всю домашнюю утварь и вообще вычищали всю грязь, накопившуюся в доме; мужики же, также с первых дней недели, заготавливали дрова для пасхального костра, а также хлеб и корм для всей скотины на всю Светлую седмицу, чтобы потом в праздник не приходилось хлопотать и все было бы под рукой. Разгар всех этих работ приходился обычно на Чистый четверг, в который, по народному выражению, «даже ворона своих воронят в луже моет»; в этот день все обязательно парились в банях для красоты, здоровья и для того, чтобы быть чистыми весь год, а хозяйки особенно тщательно чистили и украшали избы и мыли маленьких детей, а иногда даже поросят, полагая, что в этом случае «весь год чистота в избе водиться будет». С теми же представлениями о «магии первого дня» был связан обычай приурочивать к Чистому четвергу забой скота, предназначенного для праздничного стола: считалось, что сам «Чистый четверг, угодник Божий», сохранит мясо от порчи, в особенности если к нему обратиться с молитвой: «Чистый четверг, от червей и от всякого гада сохрани и помилуй на долгое время».

Покончив с убранством избы, бабы обычно приступали к стряпне. На Пасху, по народному убеждению, следовало сделать самый богатый, какой только можно, стол, поэтому каждая хозяйка старалась наготовить как можно больше лучшего угощения; при этом некоторые из этих приготовленных к празднику блюд (например, куличи и т.п.) обычно освящали в церкви накануне праздника или в первый день Пасхи.

В богатых домах к Пасхе обычно жарили и варили мясо (например, запекали поросят), красили и расписывали пасхальные яйца, а также пекли специальный сдобный пасхальный хлеб с миндалем или изюмом, называемый в одних местах лаской, пасхой, а в других — куличом. В бедных домах стол, конечно, был беднее, по и к нему обязательно пекли или покупали куличи или булки (обычно простые, без всякой сдобы) и красили яйца. При этом, как правило, на Пасху принято было помогать бедным семьям, не имеющим средств для того, чтобы должным образом отпраздновать великий день: богатые соседи (а тем более родственники) следили, чтобы Светлый праздник не омрачался «голодными разговинами», и в Страстную пятницу многие бабы из состоятельных семей разносили по домам бедняков всякие припасы — молоко, яйца, творог, куличи, а то и куски мяса (хотя это делалось

редко и втайне от мужчин, так как в деревнях мясом распоряжался, как правило, мужик и бабы обычно не смели без спросу подступиться к нему). Мужики среднего достатка к помощи богатых соседей обычно не прибегали, однако при этом редко обходились без займов и обычно старались продать что-нибудь (дрова, сено, мятую пеньку и проч.), чтобы раздобыть денег и к светлomu празднику купить четверть или полведра водки, пшеничной муки для лапши и стряпни, пшеница на кашу; кроме того, следовало «купить Богу» масла п свечей, а также заплатить понам, поэтому вырученные деньги расходовались очень бережно.

Все эти хозяйственные хлопоты заканчивались обычно к вечеру Великой субботы, когда народ собирался в церкви на чтение «страстей». Читать «страсти» почиталось за честь; а так как чтец перед лицом всего народа должен был засвидетельствовать свою грамотность, читать чаще всего приглашали какого-нибудь благочестивого старика. Такое чтение нередко бывало монотонным и заунывным, поэтому часто случалось так, что слушающие, вначале собиравшиеся около чтеца, затем разбредались по церкви, молились где-нибудь в углу, ставили свечку Пресвятой Богородице (или святой Плащанице, которая, по народному убеждению, и есть Мать Божия) или даже просто присаживались где-нибудь в притворе и дремали (хотя это и осуждалось церковью, полагавшей, что спать в церкви, да еще в Великую ночь, есть большое неуважение к церковному богослужению). Кроме того, многие прихожане отправлялись украшать храм, и во многих местах всю пасхальную ночь около церковной ограды толпился народ: расставлялись смоляные бочки, приготавливались костры; мальчишки бегали по колокольне и расставляли фонари и плошки, а самые смелые мужики и парни даже залезали на купол церкви, чтобы осветить и его. Когда все эти фонари расставляли по местам, их возжигали, и вся церковь освещалась огнями. При этом огни иногда зажигали не только возле церкви: в некоторых местах, знаменуя победу света над тьмой и смертью, во время Светлой заутрени костры возжигали по холмам вокруг села, а также жгли всю Светлую ночь по площадям смоляные бочки, а после собирали уголья от них и хранили в течение года вместе со свечами, с которыми стояли заутреню; считалось, что эти уголья, положенные под застрехи крыш, как и пасхальные свечи, защищают двор от грозы.

Собственно пасхальные торжества начинались обычно с крестного хода, когда процессия прихожан во главе со священнослужителями выходила из церкви и обходила ее, возвращаясь к церковному порогу; здесь священник объявлял о Воскресении Христовом, после чего вся народная толпа вновь устремлялась в церковь. На подобное торжество народ собирался не только со всего села, но и приходил из ближайших деревень; при этом проспав пасхальную службу во многих местах считалось непростительным грехом, и многие даже верили, что человек, проспавший

пасхальную утрено, весь год будет неудачлив (таких людей «во искупление» на следующий день купали или обливали водой).

Пасхальная утренья начинала служиться в церкви сразу после крестного хода. При этом, как правило, народ, возвращаясь в церковь, стремился как можно быстрее попасть внутрь, поэтому немедленно образовывалась толчея, а особенно сильная давка начиналась у иконостаса и около церковных стен, где «пасочники» расставляли принесенные для освящения куличи, яйца и всякую пасхальную снедь. После того, как отходила утренья, ровно в полдень, во многих местах, по приказанию ктитора, в ограде принимались налить из пушек или ружей, а все присутствующие в церкви осеяли себя крестным знаменем, и под звон колоколов раздавалось первое «Христос Воскресе». С этого момента начинался обряд христосования: в алтаре христосовался причт, а в церкви прихожане; затем причт начинал христосоваться с наиболее уважаемыми крестьянами и обмениваться с ними яйцами (что весьма ценилось народом, свято верившим, что яйцо, полученное от священника, никогда не испортится).

После окончания литургии все «пасочники», держа на руках скатерти с куличами и установленными на них горящими свечами, выходили из церкви и, с обнаженными головами, строились в два ряда в ограде, ожидая причта, который в это время в алтаре освящал пасхи наиболее зажиточных и чтимых прихожан. Освятив пасхи, причт, со священником во главе, выходил наружу и с молитвой обходил ряды, окропляя куличи святой водой, за что ему в чашу бросали гривны и пятаки.

После освящения пасхи каждый хозяин или хозяйка считали своим долгом прямо из церкви, не заходя домой, отправиться на кладбище, чтобы там известить умерших родственников о Воскресении Христа и похристосоваться с ними. Так, например, крестьяне многих губерний, сразу после освящения куличей, шли на кладбище, где находили родные могилки, отवेशивали на них земные поклоны «родителям», целовали землю и поздравляли покойных со Светлым праздником, а также обязательно оставляли на могилке кусок кулича и творогу «для родителей», прежде чем отправиться домой христосоваться и разговляться с домочадцами.

Пасхальный завтрак обычно проходил в узком семейном кругу, так как ходить в гости в первый день Пасхи было не принято. К разговлению матери всегда будили и маленьких детей: «Вставай, деточка, подымайся, нам Боженька пасочки дал». За столом отец разрезал насху на куски, крошил мясо или баранину, а также освященные яйца и оделял всех домочадцев (в благочестивых семьях при этом нередко крестились, целовали освященную пищу и шептали: «Слава тебе, Господи, пришлось разговеться нам»). Первое пасхальное яйцо часто съедали всей семьей, разделив его по числу домочадцев; в этот день обычно также «молили паску», то есть обменивались кусочками

кулича или ели его сообща, разрезав на мелкие кусочки (так поступали не только домашние, но даже священник и причт). Во время завтрака же домочадцы христосовались между собой и обменивались яйцами; при этом дети с родителями христосовались трижды, и только с женами целоваться при всех считалось неприличным.

С первого же дня Пасхи, на протяжении всей Светлой седмицы, в деревнях обязательно служили пасхальные молебны. При этом принято было, чтобы священники в сопровождении причта и «богоносцев», называемых еще «оброшниками и оброшницами», обходили с иконами все дома в селе и служили пасхальные молебны в каждом дворе. «Оброшники» выбирались обычно из наиболее благочестивых стариков и старух, давших обет всю пасхальную неделю «ходить под Богами» или желающих своим усердием вымолить у Бога какую-нибудь милость (например, чтобы перестала трясти лихорадка, чтобы сына не взяли в солдаты, чтобы муж не пьянствовал и т.д.). Все оброшники, прежде чем приступить к своему делу, обязательно испрашивали благословения священника («Благослови, батюшка, под Богов стать»), и только после получения разрешения принимались за свои обязанности: один из них нес свечи для продажи, другой — кружку, в которую собирались деньги «на Божью Матерь», третий — другую кружку, куда причт складывал весь свой доход (предварительно записав его на бумаге), а четвертый нес кадило и подкладывал ладан (обязанность этого последнего оброшника в народе считалась самой почетной, и в редком доме ему не подносили водки и т.п.). Все оброшники подпоясывались белыми полотенцами, а оброшницы, кроме того, повязывались белыми платками (в память святых жен мироносиц, которые, по народному убеждению, были также покрыты белым).

Когда все «богоносцы» выстраивались у церкви, появлялся священник в облачении, и вся процессия, с пением: «Христос Воскресе», под колокольный звон, отправлялась в первый ближайший к храму двор. К этому времени хозяева дома зажигали свечи перед «домашними Богами» (т.е. перед иконами), покрывали стол белой скатертью, на скатерть клали ковригу или две хлеба, а под угол скатерти насыпали горсть соли (ее по окончании богослужения считали целебной и давали скоту от болезней). Домохозяин без шапки (иногда — с тщательно прилизанной и умащенной головой) выходил навстречу «богам», а какая-нибудь «молодайка» при этом с пеленою в руках «сутречала» на пороге избы Божью Матерь и, приняв икону, все время держала ее на руках, пока духовенство служило молебен. Во время этого молебна мужики обычно очень строго следили и считали, сколько раз пропели «Иисусе, Сыне Божий», и если насчитывали меньше 12-ти раз, то хозяин при расчете непременно упрекал священника: «Ты, папаша, только деньги с нашего брата брать любишь, а сполна не вычитываешь» (при этом, однако, к чтению кондаков в народе относились

Пасха

довольно равнодушно, и если священник не дочитывал до конца каждый кондак, то хозяева относились к нему снисходительно: «Ведь и язык прибрешешь — в каждом дворе одно и то же»).

Кроме молебна в избе, многие хозяева просили отслужить еще и молебен на дворе, в честь святых, покровительствующих домашним животным. Вообще, таких святых было довольно много. Так, например, покровителями птиц считались сорок мучеников севастьянских, а также свв. Кузьма и Демьян (для кур), Сергей Радонежский (для домашней птицы) и Никитамученик (для гусей); покровителями пчел слыли Зосима и Савватий соловецкие; сберегателями скота считались св. Власий, св. Георгий Победоносец, свв. Афанасий и Кирилл (преимущественно для рабочего скота), св. Анисим (для овец), свв. Флор и Лавр (для лошадей), св. Мамонт (для овец), и т.д.

Для молебнов, производившихся на дворе, хозяева дома заранее ставили прямо посреди двора столы, накрытые скатертями, и клали на них специальную «скотскую» пасху, предназначенную для домашних животных. После молебна эта пасха разрезалась на мелкие кусочки и скармливалась домашним животным и птицам, а скатерть, на которой стояла пасха, псаломщик, по просьбе баб, подбрасывал вверх (считалось, что чем выше он подбросит ее, тем выше уродится лен).

В некоторых случаях богатые хозяева заказывали молебен с водосвятием; тогда священники освящали воду в колодце, и этой водой матери старались умыть детей, а затем вытереть их полотенцем или концом холста, которое затем «вешали на Божию Матерь», т.е. жертвовали на церковь. Кроме того, при водосвятных молебнах многие крестьяне снимали с себя кресты и погружали их в освященную воду, а затем спускали эту воду прямо в рот или на глаза. При этом многие старухи не ограничивались этим, а брали венчик, которым кропил священник, и обрызгивали те места на своем теле, где чувствовали боль, но прежде всего брызгали «в пазуху»; молодицы же, кормящие детей, обмывали святой водой грудь, чтобы было больше молока и чтобы защититься от сглаза.

Иногда особенно благочестивые крестьяне не ограничивались молебном с водосвятием, а просили отслужить еще и акафист таким святым, которых в действительности не существовало, например, «Плакущей Божией Матери» (чтобы самому не плакать), «Невидимой Богоматери», «Великой Пятнице», «Воздвиженской Пятнице» (прогоняет нечистых духов и колдовство), «Святой Субботе», «Святому Средокрестию» и проч. Священники, разумеется, отказывались служить молебны таким несуществующим святым, но к таким отказам некоторые мужики относились неодобрительно и даже укоряли священника: «Ой, смотри, батя, грех-то на тебе будет, коли ты Матушку Плакующую забыл».

По окончании молебнов в доме и во дворе наиболее благочестивые крестьяне просили священника благословить

их «повеличать Вуспение Божью Матушку», н если священник давал благословение, пели следующую молитву: «О девица, Твое Успение славим, прими наше хваление и подаждь нам радование, о предстоящих со слезами, о Мати, молись с нами, будь похвальна и избрана ты, Царица Небесная». По окончании этого песнопения иконы выносили со двора, причем матери клали в воротах детей для исцеления от болезней, а взрослые только нагибались, чтобы над ними пронесли образа.

Но перед тем, как священная процессия покидала двор, хозяева расплачивались со священником и пр.: их угощали, оделяли их деньгами и т.д. Правда, некоторые хозяева нередко старались недодать обещанную сумму (например, если молебен стоил рубль, хозяин при расчете давал только 80 копеек, а когда причт начинал спорить, прибавлял гривенник, потом еще пятак, а пятак все-таки недодавал). Поэтому некоторые священники при расчете заходили в дом, садились на лавку и, не снимая облачения, ждали, пока им не отдавали все деньги сполна, а также и «весь остальной доход» — хлеб, яйца и лепешки. Однако платить за молебен отказывались все-таки очень немногие: в большинстве же случаев прихожане исправно оплачивали работу священника, а оброшникам подносили водки. Такие радушные приемы даже нередко имели печальные последствия. Так, например, некоторые оброшники, не устоявшие перед радушием хозяев, вскоре совершенно пьянели, чем и приволили священника в искреннее негодование: они хватали и несли образа без всякого благословения, иногда даже сложив вместе, как обычные доски, и ставили их с размаху, роняли кадило, рассыпая угли, и т.д., а к вечеру обычно напивались до того, что падали где-нибудь в сенях, а то и просто на улице, где и засыпали (при этом деревенская молодежь нередко подшучивала над ними, например обливала их чем-нибудь или надевала на них женское платье).

Хождение с иконами и молебны продолжались по всем дворам до самого вечера первого дня Пасхи. На ночь (как на эту, так и на последующие) иконы обычно относили на хранение в дом какого-нибудь зажиточного и всеми уважаемого человека, который нередко сам напрашивался на эту честь — приходил к священнику и просил: «Батюшка, отпусти ко мне Богородицу ночевать». При этом в помещении, где хранились иконы, прихожане часто сами устраивали нечто вроде всеобщего бдения: старухи со всей деревни, богомольные мужики и девушки, вымаливающие себе хороших женихов, собирались в комнату с иконами, где зажигали свечи и всю ночь коленопреклоненно молились Богу и пели молитвы. В древности в это же помещение приносили «кануннички» — маленькие кувшинчики с медом, которые вместе с большими свечами ставились на стол перед образами для поминовения умерших (бабы при этом «рассуждали так, что, все, мол, главные боги (образа) здесь налицо, и если им зажечь по свечке каждому, то они сразу как начнут молиться за

покойничка, так уж непременно вымолят для него у Господа прощение»). Вероятно, эти «кануннички» были изобретением раскольников, которые некогда охотно приносили к образам свои кувшинчики и проستاивали на молитве с православными всю ночь; обычно ставили кувшинчики перенял и простой народ, однако со временем высшее духовенство строго запретило такие «кануннички», и они вышли из употребления.

На второй день Пасхи, после литургии, которая кончалась очень рано, иконы несли на «поповку» (место, где расположены дома причта) и, после молебна в доме священника, прихожане обыкновенно получали угощение от своего духовного отца. На «поповку» в этом случае собиралось, как правило, все село; однако священники обычно не скупались на угощение, дорожа расположением прихожан и желая, в свою очередь, отблагодарить их за радушие и гостеприимство. С «поповки» иконы шли по ближайшим и дальним деревням, обходя весь приход, причем каждая деревня заранее предупреждалась, когда к ней «боги придут», чтобы крестьяне успели подготовиться к торжественному обряду.

Пока духовенство не отслужило в доме молебна, ни хозяин дома, ни его домочадцы ни под каким видом не должны были предаваться никаким праздничным весельям, так как это считалось за большой грех. Но после того, как «иконы прошли», в деревне обычно начинался широкий насхальный разгул. Так, например, обязательным для пасхальных праздников было гостевание — взаимные посещения близких родственников или даже просто друзей, знакомых, соседей и т.п.; повсеместно принято было поздравлять друг друга с Воскресением Христовым, христосоваться и обмениваться крашеными яйцами.

Правда, «гостеванием» занималось преимущественно взрослое население; молодежь же предавалась другим забавам: водила хороводы, затевала игры и т.п. Характерной пасхальной забавой было катание пасхальных яиц по земле или со специальных лотков; во многих местах принято было также устраивать «битки» — битье крашеными яйцами. Во многих местах на Пасху устраивали качели, и при этом для детей их делали во дворах, а на деревенской площади, выгоне или другом открытом месте возводили общественные качели, на которых качались все, но в первую очередь — девушки с парнями. Около этих качелей обычно собиралась толпа народу: девушки и бабы с ребятишками, мужики и парни с гармониками и «тальянками» собирались там еще с утра и расходились только к ночи.

Вообще, на Пасху, как и на масленицу, главное внимание уделялось молодежи и молодоженам. Так, например, в молодежных пасхальных хороводах обычно назывались будущие супружеские нары и величались молодожены, поженившиеся в течение последнего года. В последний день пасхальной недели, в первое воскресенье после Пасхи, называемое

Радостным воскресеньем или Красной Горкой, односельчане ходили к домам молодоженов и «окликали молодых», которые за пение и пожелания благополучия выносили им угощение (обычно яйцо, стопку водки и т.п.). Как и на масленицу, на Пасху принято было обмениваться визитами со сватами, с той только разницей, что на Пасху приглашали и будущих сватов, т.е. родня обрученных жениха и невесты приглашала друг друга в гости, причем, как и на масленицу, жениха с невестой во время трапезы сажали на почетное место в красном углу, поили их обоих водкой и вообще делали их центром всеобщего внимания. При этом обычай требовал, чтобы жених ухаживал за невестой, называл ее обязательно на «вы», по имени-отчеству, или же просто «нареченная моя невеста»; тот же обычай требовал, чтобы он сгребал руками сласти с тарелки и потчевал ими девицу. После обеда жених с невестой обязаны были кататься с нею по селу, и при этом непременно обняв друг друга за талию.

Как самый большой и наиболее чтимый христианский праздник в году, Пасха, естественно, группировала вокруг себя целый цикл народных примет, поверий, обрядов и обычаев, причем как христианских, так и языческих по сути. Так, например, весьма распространен был обычай на Пасху звонить в колокол, так как этот звон, по народному убеждению, обладает особой магической силой и способен отгонять нечистую силу и хищников, способствовать плодородию и т.д. В течение всей пасхальной недели, называемой также «звонильной неделей», любой человек мог подняться на колокольню и звонить в колокола; и на деревенской колокольне в течение пасхальной недели обычно царил столпотворение: едва ли не каждый человек считал обязательным хоть раз позвонить в колокол (хотя со временем этот обычай практически утратил свой первоначальный смысл и повсюду превратился в обычную забаву).

Многочисленные обряды и поверья приурочивались ко всей Светлой седмице, однако наибольшее их количество относилось к самому важному времени пасхального периода — к первому пасхальному дню и, в особенности, ко времени праздничной пасхальной службы. Так, например, хозяйки во время утрени наблюдали, какая скотина в это время лежит смиренно (и, следовательно, «ко двору»), а которая ворочается (т.е. «не ко двору», пропащая); «шугали» с насеста кур для того, чтобы они не ленились, вставали пораньше и несли больше яиц. В пасхальную ночь и во время заутрени во многих местах принято было ходить к родникам, набирать там воды и молча нести ее домой; считалось, что если принести такую воду домой, не произнеся по дороге ни одного слова, то вода приобретет особую силу, почти равную силе святой воды. Так, например, такой «молчальной» водой кропили дома и амбары для счастья и благополучия, умывались ею для здоровья и т.д.

К первому дню Пасхи во многих местах приурочивалось изгнание из дома клопов и тараканов. Делалось

это следующим образом: хозяин, придя домой после обедни, не сразу входил в избу, а предварительно стучался; хозяйка же, не отворяя дверей, спрашивала: «Кто там?» — «Я, хозяин твой, — отвечал муж, — зовут меня Иван. Ну что, жена, чем разговляться будем?» — «Мы-то разговляться будем мясом, сметаной, молоком, яйцами...» — «А клопы-то чем?» — «А клопы клонками!»; считалось, что после этого клопы, подслушав этот диалог, либо испугаются и убегут из избы, либо набросятся друг на друга и сами себя поедят. Существовал и другой, более упрощенный, способ изгнания клопов и всяких паразитов: когда хозяева шли с обедни с пасхами, какая-нибудь старуха брала веник и кричала: «Прусски и тараканы и всякая гадина, выходите вон из избы — святая пасха идет!»; это она повторяла три раза, и при этом усиленно мела веником к порогу и трижды махала им за порог. Когда же пасха уже «пришла» на порог, старуха швыряла веник за порог, как можно дальше, и тем самым намечала путь отступления для всякой избяной нечисти.

Свои пасхальные приметы и обычаи имелись у деревенских девушек. Так, например, во многих местах среди девиц существовал обычай в дни святой Пасхи не брать соли, чтобы руки не потели, а также умываться водой с красного яйца, чтобы быть румяными, и притом еще становиться на топор, чтобы быть крепкими. Повсеместно считалось, что если во время праздничной утрени девушка помолится Богу и попросит его послать ей жениха, то ее желание непременно исполнится в самом скором времени. О своей судьбе девицы нередко гадали по обычным «любовным» приметам, веря, однако, что приметы эти на Пасху всегда становятся особенно верными. Так, например, во многих местах считалось, что если девица на Пасху ушибет локоть, то ее непременно вспомнит милый, если в щи ей упадет муха — наверняка жди свиданья, если у нее зачесется губа — не миновать поцелуев, а если зачесется бровь — будет кланяться с милым.

Различных обычаев, приуроченных к первому дню Пасхи, придерживались и люди самых разных профессий. Так, например, при возгласе священника: «Христос Воскресе!» рыбаки говорили: «А у меня рыба есть!», считая, что этим они обеспечивают себе полные сети на весь сезон. Охотники при тех же словах священника стреляли вблизи церковного порога в воздух, полагая, что от этого их ружья будут бить без промаха; кроме того, они строго придерживались правила никогда не проливать ничьей крови в течение всей Светлой седмицы, полагая, что в это время всякая тварь земная вместе с людьми радуется Христову Воскресению и по-своему славит Бога и любое убийство в это время есть великий грех, за который Бог жестоко накажет (так, например, рассказывали, как один охотник, нарушивший это строгое правило, вскоре нечаянно убил себя на охоте, а другой без вести пропал в лесу, попав в лапы к нечистой силе).

Свои пасхальные обычаи были даже у лихих, нечестных людей. Так, например, воры во время Светлой

ночи, и особенно во время пасхальной заутрени, непременно старались украсть хоть какую-нибудь вещь у молящихся в церкви, и притом украсть так, чтобы никому и в голову не пришло подозревать их; считалось, что вор, который сумел удачно «заговорать», будет чувствовать себя в безопасности весь год, так как никто его не сможет поймать на воровстве. Игроки в карты и проч., отправляясь в церковь на праздничную службу, клали в сапог монету в уверенности, что это принесет им крупный выигрыш. Человек же, желавший стать непобедимым игроком, способным наверняка обыграть всех и каждого, должен был совершить особый обряд: идя в церковь, захватить с собой карты и, когда священник, показавшись из алтаря в светлых ризах, в первый раз скажет: «Христос Воскресе», ответить ему: «Карты здесья», когда священник во второй раз скажет: «Христос Воскресе», ответить: «Хлюст здесья», а на третье поздравление священника сказать: «Тузы здесья»; такое святотатство, по мнению картежников, приносит несметные выигрыши, но только до тех пор, пока святотатец не покается.

Кроме того, в праздничную пасхальную службу можно было получить еще и чудесную монету. Так, в некоторых местах верили, что если в Светлую заутреню стать в уголке церкви, держать в левой руке серебряную монету и на первое приветствие священника «Христос Воскресе!» вместо «Воистину Воскресе» сказать «Антмоз мага!», то монета в руке получит чудесную силу: считалось, что она может возвратиться к хозяину даже из воды или огня; брошенная же в чужие деньги, она также вернется и при этом приведет за собой все другие, окружавшие ее монеты.

Особые пасхальные обряды и поверья касались нечистой силы, по народному убеждению, особенно злой в пасхальную ночь. Согласно народным поверьям, в это время всем нечистым духам «солону приходится», так как только ударят в первый колокол к заутрене, бесы немедленно сыплются с колокольни на землю, а как только отойдет заутреня, их немедленно лишают свободы — скручивают, связывают и даже приковывают на чердаках, колокольнях, во дворах в углу и т.д.; в некоторых местах верили также, что в ночь на Светлое воскресенье всех чертей замуровывают в церковные стены, где они «шустрятся», т.е. возятся и мечутся, но не могут вырваться из тягостного плена. При этом крестьяне уверяли, что прикованных и мучающихся чертей можно слышать, если в пасхальный вечер прийти на то место, где они сидят. Для того же, чтобы увидеть нечистую силу, лишенную в святой пасхальный вечер своей дьявольской силы, следовало пойти в какое-нибудь темное укромное место с топ самой свечой, с которой стояли пасхальную утреню; так, например, во многих местах полагали, что на Пасху можно увидеть черта, стоит только подняться на чердак или колокольню со свечой, горящей еще с заутрени. В некоторых местах указывали еще и способ в светлую Христову ночь поглумиться над нечистой силой: выйти с пасхальным яйцом на перекресток дорог

и покатыть яйцо вдоль по дороге; считалось, что от этого черти непременно выскочат и «пропляшут трепака» (хотя «само собою разумеется, что чертям в эту ночь бывает совсем не до пляска — им в пору бы удивиться, а тут, по капризу деревенского озорника, изволь пускаться в пляс и потешать его»).

Примерно в таком же положении, что и нечистая сила, находились на Пасху колдуны и ведьмы. По народному убеждению, в светлую ночь Христову их можно опознать, а следовательно, и защититься от их пагубного влияния, и даже воздействовать на них, лишить их навсегда сверхъестественной силы. Так, например, во многих местах считалось, что придя на Пасху в церковь в новой одежде, можно увидеть всех колдунов, стоит только во время пасхальной заутрени обернуться и поглядеть на народ: все колдуны будут стоять спиной к алтарю. Если на Пасху принести в церковь специальным образом приготовленный творог или сыр, то, по народному убеждению, можно узнать среди прихожанок ведьм: для этого нужно только, взяв творог в рот, стать у церковных дверей и держаться за дверную скобу; тогда все ведьмы, проходя мимо, покажутся с хвостами. В некоторых местах верили, что если на Пасху поцеловать замок у церкви, то можно увидеть ведьму, и т.д.

Другая большая группа пасхальных обрядов и поверий касалась культа предков. По народным поверьям, с самого первого дня Светлого Христова Воскресения отверзаются райские врата и остаются отворенными до последнего дня Пасхи, причем их никто не охраняет. В связи с этим в народе царил убеждение, что всякий, кто умрет во время Светлой седмицы, беспрепятственно попадает прямо в рай, какой бы грешник он ни был; поэтому все деревенские старики и старухи, как правило, мечтали как о великом счастье и просили у Бога, чтобы он даровал им смерть именно в Пасхальную неделю. Людей, умерших во время Пасхи, принято было хоронить с красным пасхальным яйцом в правой руке («Умер на Пасху — и яичко в руку»).

С темп же представлениями о раскрытых вратах «тот свет» было связано поверье о том, что в пасхальную ночь на земле появляются души умерших, и их можно видеть, общаться с ними и т.д. Так, например, во многих местах верили, что если во время крестного хода, когда все богомольцы уйдут из церкви, спрятаться в храме за алтарем со страстной свечой так, чтобы никто не заметил, можно увидеть, как души умерших соберутся в церковь молиться и христосоваться между собой; однако разговаривать с ними в это время и вообще выдавать свое присутствие в церкви строго воспрещалось, так как человек, нарушивший этот запрет, мог, по поверью, поплатиться жизнью. Для разговоров же с умершими предками предназначалось кладбище.

Общаться с покойниками на кладбище ходили повсеместно, а особенно строго этого обычая придерживались женщины. Существовал даже особый обычай «окликать покойников», которому следовали во многих местах. Так, например, многие крестьянки полагали,

что если после причастия в Великий четверг ничего не есть до самого пасхального разговенья и всю пятницу и субботу провести в молитве и молчании, то можно услышать покойников, стоит только на Пасху, сразу после заутрени, пойти на кладбище и там, помолившись Богу, сотворить три земных поклона, лечь на землю и громким голосом крикнуть: «Христос Воскресе, покойнички!»; тогда-то покойники и откликнутся из земли: «Воистину воскрес!»; а уж после этого можно подходить к любой могилке и спрашивать, о чем хочешь — мертвец непременно даст ответ и при этом никогда не соврет, всю правду скажет. Правда, расспрашивать покойников редко кто решался, но поздравить умерших родителей с Пасхой и похристосоваться с ними ходили многие. Так, например, одна старушка-черничка из Пензенской губернии рассказывала священнику: «Я, батюшка мой, почитаю, каждый год хожу на кладбище и окликаю покойничков, и всегда они мне ответ подают. Только страшно это: покойники говорят подземельным голосом и мурашки по телу у меня так и забегают, так и забегают, как только они голос подадут. Случается, говорят они глухо, тихо, а случается как скажут — словно гром ударил. Только, конечно, к ним, к покойникам-то, надо подходить умеючи, нельзя зря лезть». В некоторых местах схожий обычай соблюдали люди, проклятые покойными родителями: в первый день Пасхи до рассвета ходили на кладбище и просили прощения у отца и матери; считалось, что если в это время в земле раздастся гул, то это означает, что отец или мать простили свое дитя и потому их приняла земля, ранее отвергавшая их за грех проклятия.

Немало пасхальных обычаев и примет было связано с пасхальной освященной едой. Такая еда в народном сознании наделялась сверхъестественным значением и особой силой; по некоторым поверьям, сила ее столь велика, что если обычная домовая мышь заберется на пасхальный стол и съест хоть один освященный кусочек, то у нее немедленно вырастут крылья и она сделается летучей мышью (поэтому хозяйки в каждом доме считали своим долгом всю Светлую неделю непременно прятать все освященные продукты так, чтобы ни одна мышь не смогла достать их).

К помощи освященных пасхальных яств православный люд прибегал в трудные и важные минуты жизни; поэтому остатки такой еды (и даже еще не тронутая еда) тщательно сохранялись в каждом доме, иногда в течение целого года, и использовалась в самых разных обрядах. Так, например, все кости от пасхального стола (как правило, это были кости освященного в церкви поросенка) принято было тщательно сберегать, чтобы затем часть из них закопать в землю на пашнях, с целью предохранить нивы от градобития, а часть во время летних гроз бросать в огонь, чтобы предотвратить удары грома. Точно так же повсеместно сохранялась головка освященного кулича. Когда наступало время сева, хозяин дома вставал на заре, умылся и молился Богу, а хозяйка покрывала скатертью

стол, приносила головку пасхального кулича и ковригу хлеба, ставила соль и, собрав всех домашних, зажигала свечку, после чего все присутствующие клали по три земных поклона и просили у Бога: «Зароди нам, Господи, хлебушка»; затем головка кулича заворачивалась в чистую тряпочку и торжественно передавалась хозяину, который с ней уезжал в поле и там, на своей ниве, съедал ее, чем, по народному убеждению, и обеспечивал хороший урожай. Вообще же, помимо головки кулича, урожай могли обеспечить и зерна, во время пасхального молебна стоявшие перед образами; поэтому всякий богобоязненный хозяин, приглашая в свой дом священника «с богами», непременно просил батюшку окропить ведра с предназначенными для сева зернами святой водой.

Самые сильные магические свойства в народе приписывались освященным крашеным пасхальным яйцам. Крашение яиц было одним из характерных обрядов Пасхи: считалось, что выкрашенное в красный цвет яйцо знаменует собой мир, обогранный кровью Христа и через это возрождающийся для новой жизни. Впрочем, в крестьянской среде существовало и другое объяснение этому обычаю: «Когда Пилат распял Христа, то апостолы очень испугались, что Пилат и до них доберется, и, чтобы смягчить его сердце, покрасили яйцо и принесли ему в подарок, как еврейскому начальнику. С тех пор и пошел обычай красить на Пасху яйца». В некоторых местах происхождение пасхального яйца объясняли еще и следующим образом: «Перед Пасхой Христос был мертв, а потом в пользу христиан воскрес. Вот и яйцо точно так же: оно мертвое, а между прочим, из него может живой цыпленок выйти»; обычай же красить яйцо в красный цвет объясняли тем, что «и сама Пасха красная, в священном писании прямо ведь сказано: Пасха красная, праздник из праздников».

С пасхальным яйцом было связано большое количество обрядов и поверий. Так, например, считалось, что при помощи пасхального яйца души умерших могут получить облегчение на «том свете»: для этого надо только лишь сходить на кладбище, трижды похристосоваться с покойником и, положив на его могилу яйцо, разбить его, крошить и скормить «вольной» птице, которая в благодарность за это помянет умершего и будет просить за него Бога. При помощи пасхального яйца могли и живые люди полнить облегчение от всех болезней и напастей: так, считалось, что если яйцо, полученное при христосовании от священника, сохранить на божнице в течение трех и даже 12-ти лет, то оно приобретет такую силу, что стоит только дать его съесть тяжело больному человеку, как всю хворь с него «как рукой снимет». Пасхальным яйцом хозяйки оглаживали своих коров при первом весеннем выгоне, чтобы с ними не случилось никакой беды. Помогали пасхальные яйца (особенно те, что были получены от священника в церкви) и против пожаров: считалось, например, что если человек, отличающийся своей праведной жизнью, возьмет такое яйцо и три раза

обежит горящее здание со словами: «Христос Воскресе», то пожар сразу же утихнет и прекратится сам собой; но если яйцо попадет в руки человека сомнительного образа жизни, то пожар не прекратится, и в этом случае останется лишь одно средство — бросить яйцо в сторону, противоположную направлению ветра и свободную от строений, и тогда ветер утихнет, изменит направление и сила огня ослабеет настолько, что можно будет с ним бороться своими силами. В некоторых местах прибегали еще и к такому способу: кидали яйцо в пожар, полагая, что оно остановит огонь и уймет его. Повсеместно пасхальные яйца применяли в сельскохозяйственных работах: закапывали их в поле (например, для того, чтобы у льна головки были величиной с яйцо), а также зарывали их во время пасхального молебна в зерна, а затем выезжали с этим же яйцом и зерном на посев, полагая, что этим обеспечивается богатый урожай. Использовали пасхальные яйца и для поисков: так, например, во многих местах с ними искали заблудившуюся скотину, а иногда и клады, так как считалось, что всякий клад охраняет специально приставленная к нему нечистая сила, которая, завидев человека, приближающегося с пасхальным яйцом, непременно испугается и убежит, и тогда клад можно будет легко найти и взять.

Некоторые особые правила касались поедания пасхальных яиц: так, повсеместно запрещалось при еде выбрасывать (а тем более выплевывать) скорлупу яйца за окошко на улицу, потому что на всей Светлой седмице по земле ходит сам Христос с апостолами в нищенских рубищах, и скорлупой по неосторожности можно в него попасть. Впрочем, запрет выбрасывать яичную скорлупу за окошко касался не только пасхального периода и объяснялся разными поверьями: считалось, например, что если выбросить скорлупку, то русалки сделают себе из нее кораблик и будут плавать на нем «на зло честному люду», а если в выброшенной скорлупке копится вода, то из нее может появиться сорока, отчего человек, выбросивший скорлупку, заболит лихорадкой.

К числу широко распространенных пасхальных обрядов относился народный обычай «хождения воловчатников», схожий с обрядом колядования. Заключался он в том, что с вечера пасхального воскресенья по домам начинали ходить группы людей (волочевчатников, христованников; предводитель же их именовался почиальником), поздравлявших всех с великим праздником Пасхи. Состояли эти группы преимущественно из женщин, хотя в некоторых местах обряд совершали, наоборот, парни и мужчины. Участвующие в обряде собирались со всего села и толпой шли по дворам, из дома в дом, останавливаясь под окнами и распевая обрядовые, так называемые «великоденные» песни. Некоторые из этих песен содержали перечисление основных годовых праздников аграрно-хозяйственного календаря: «Первое свято — Велик Христов день, велик Христов день с красным яичком. Другое свято — Юрий-Егорий: во чистом поле статок пасет,

Перебаечник

статок спасает, домой гоняет. Третье свято — святой Никола, святой Никола около двора, около двора, канули варит, коники глядит. Пятое свято — святой Петр, святой Петр с белым сыром. Шестое свято — Илья-Пророк, Илья-Пророк по межам ходит, рожь зажинает». Другие песни содержали обычные величальные образы, отражающие богатство крестьянского двора, а также поздравления с Воскресением Христа: «Не шум шумит, не гром гремит, Христос Воскресе Сын Божий! (припев) Шум гремят волочебники — к чьему двору, ко богатому, ко богатому — к Николаеву. Хозяюшко, наш батюшко, раствори окошечко, посмотри немножечко, что у тебя в доме делается» и т.д. Иногда пелось несколько песен различного содержания, причем первая обычно обращалась к хозяину и хозяйке и прославляла их домашнее благоустройство, зажиточность, порядок в доме и благочестие, упоминая, что им сам св. Юрий (Георгий) запасает коров, св. Николай — коней, св. Илья зажинает жниво, Пречистая мать (Успение) — засеивает, а Покров собирает, и т.д. (после всякой строфы следовал припев «Христос воскрес!»).

Обычай требовал, чтобы волочебников по окончании пения награждали деньгами или щедро угощали яйцами, салом, молоком, белым хлебом и т.д. Если же хозяева скупались, то волочебники немедленно начинали отпускать нелестные пожелания в их адрес: «Кто не даст нам яйца — околеет овца, не даст сала кусок — околеет телок; нам не дали сала — коровушка нала» и т.п. К подобным угрозам крестьяне относились со страхом, поэтому волочебников обычно одаривали богато, не скупясь, в уверенности, что от этого зависит благополучие дома и домочадцев. Все собранные волочебниками продукты и деньги шли обычно на специальное пиршество; так, например, в тех местах, где в роли христованников выступали исключительно бабы, пиршество устраивалось также только для женщин, а мужчины на него ни под каким видом не допускались.

Перебаечник — см. Баечник.

ПЕРЕКРЁСТОК — роковое, «нечистое» место, принадлежащее демонам. На перекрестке совершались всевозможные опасные или, наоборот, исцеляющие действия, гадания; произносились заговоры и т.д. Крестьяне верили, что на перекрестке нечистый дух имеет власть над человеком. Перекресток — место пребывания нечистой силы: так, по русскому выражению, «на перекрестке черти яйца катают, в свайку играют»; на распустьях дорог, по славянским поверьям, можно увидеть ведьму, русалок, лешего, черта и пр.

На перекрестках совершалось множество гаданий; ср., например, гадание из Костр. губ.: «При гадании на перекрестке один из его участников выходит в круг, предварительно сняв крест, другой же с ухватом или сковородником ходит по-за кругу против солнца и приговаривает: “Лешие, лесные, болотные, полевые,

все черти, бесенята, идите все сюда, скажите, в чем моя судьба!”».

На перекрестке приносились разнообразные жертвы нечистым духам: например, на перекрестке лешему в качестве жертвы за корову оставляли яйцо или печенье из ржаной муки. Кроме того, на перекрестке совершались предопределяющие судьбу встречи: так, если в семье умирали дети, лучшим способом сохранить новорожденному жизнь считался выход отца младенца на распустье дорог и приглашение первых встречных в кумовья ребенку. С целью избавиться от болезни, передать ее другому (человеку или животному), на перекресток выливали использованную лечебную воду, выбрасывали одежду больного и т.д.; если не могли определить, чем болен ребенок, просеивали через решето пепел и оставляли его на распустье дорог так, чтобы на миску падал лунный свет, а ветер мог свободно разносить содержимое «на все четыре стороны» (верили, что дитя освободится от неведомой болезни, если через три дня ветер развевает пепел).

По народному убеждению, ведьмы и колдуны при первом выгоне скота нередко закапывают на перекрестке, где должно пройти стадо, «манту» (соль с кусочком пасхи) со словами: «Беру сметану, оставляю молоко...» и т.д. На перекрестке люди, желающие стать колдунами или получить неразменный рубль, шапку-невидимку и т.п., вызывали дьявола, чтобы заключить с ним договор.

Перекресток считался также местом пребывания душ умерших, особенно заложенных покойников. На перекрестке хоронили самоубийц и найденные трупы, около которых ставили «для охраны» кресты и часовенки. В поминальные дни на перекрестке для душ умерших, являющихся, по народному поверью, в виде птиц на землю, рассыпали зерно; нередко для душ также относили на перекресток блины и прочую обрядовую пищу.

Проход через перекресток, по народным поверьям, всегда был сопряжен с различными опасностями; поэтому для безопасности прохода часто совершались различные действия-обереги. Например, когда везли ребенка в церковь на крещение, на перекресток заранее выбрасывали три прутика из веника; при выгоне скота главный пастух чертил ножом на перекрестке «границу», которую не смели пересечь злые духи, и т.д. При опаживании села во время массовой эпидемии скота исполнители обряда на перекрестке прочерчивали сохой крест и зарывали в землю ладан, били топорами по земле, кричали: «Гони, гони! Бей! Долой с нашей земли!»; таким образом для коровьей смерти закрывали вход в село через перекресток.

ПЕРЕПЕКАНИЕ РЕБЁНКА — обряд, совершаемый над младенцами, больными рахитом или атрофией (собачьей старостью или сухотами); ритуал совершался иногда и при других болезнях, а в некоторых местах «перепекали» всех детей непосредственно после родов. Главной целью обряда было сжигание

болезни, а сопровождался он приговорами тина: «Собачья старость, припекись в печи!», «Как хлеб печется, так и собачья старость пекись!»; смысл обряда определяется символическим отождествлением ребенка и хлеба, выпечки хлеба и появления ребенка на свет: его как бы возвращают в материнское чрево (печь), чтобы он родился заново, «допекся» в печи (так как он «недопекся» в материнской утробе) и стал «полным и здоровым».

Происходил обряд следующим образом: грудного ребенка клали на хлебную лопату и трижды всовывали в теплую печь (ср., например: «Если бабушке-повитухе почему-нибудь покажется, что новорожденный появился несколькими днями раньше на свет, то она замазывает ребенка по самую маковку в тесто, кладет этот пирог на хлебную лопату и всовывает на некоторое время в теплую печь с различными причитаниями»). На Украине бабка-знахарка на рассвете приносила воды из трех колодцев, замешивала тесто, пекла хлеб и, вынув хлеб из печи, всовывала туда на лопате ребенка. Обряд мог сопровождаться диалогом: так, когда знахарка сажала ребенка в печь, его мать трижды обходила вокруг хаты, каждый раз заглядывая в окно и спрашивая: «Што ты, бабуся, робышь?», а знахарка отвечала: «Хлеб гниго!» В Витебской губернии мать больного ребенка сажала его на лопату, обмывала водой, которой приглаживали хлеб, и несла к печи, как бы собираясь посадить его туда вместе с хлебами; когда она клала лопату на припечек, дверь отворяла другая женщина и, всплеснув руками, с гневом спрашивала: «Што ты робишь?» — «Ня, ты ня видишь; сущи пяку — во што я роблю!» — «А, сущи! дык пачи, пачи их, каб ни було!» — и другая женщина снимала ребенка с лопаты.

ПЕРУН — бог грозы (грома) и войны, подобный Зевсу, Юпитеру и Индре; покровитель военной дружины и ее предводителя — князя. Этимология слова Перун, вероятно, связана со значением «огонь» (русские огонь называли «перуи») или «разящий, гром» (белорусск. Пярун — «гром»); некоторые исследователи также соотносят это слово с хеттским *perunaš* — «скала».

Перун возглавлял языческий пантеон Владимира (980 г.). Создание государственности с центром в Киеве закономерно сопровождалось выдвижением на первое место бога князей и воинов — Перуна, которому присягали на мечах и доспехах, перед которым кланялись, положив обнаженные мечи, щиты и золото. Вообще же Перун не извечное верховное божество славян-земледельцев, заботившихся не столько о военных победах, сколько об урожае. Так, на збручском идоле Перун поставлен лишь на четвертое место; на главной же грани збручского идола изображалась Макошь — древняя богиня плодородия. Великокняжеский характер культа Перуна подчеркивался тем, что святилище этого бога было установлено не только в столице державы, но и на самом северном пределе ее в

Новом-городе на Волхове. В византийском Царьграде тоже был установлен идол русского Перуна, около которого скреплялись клятвой договоры с империей; Перун освящал, очевидно, договоренность о военных делах, о мире и военной помощи.

Перун представлялся в виде немолодого мужа; голова его деревянного идола была серебряной (седой), усы — золотыми, а ноги — железными. По некоторым данным, особое значение имела борода громовика, что косвенно отразилось в русских фольклорных формулах, относящихся к «бороте Ильи». В руке идол Перуна держал молнию. Главным оружием Перуна были камни (иольск. «громовой камень» — белемнит) и стрелы («громовая стрела» — молния), а также топоры, являвшиеся, как и стрелы, символом молнии и предметами языческого культа.

Кроме того, русское предание наделяет Перуна палицей. Согласно легенде, идол Перуна, при введении христианства в Новгороде сброшенный в реку, не потонул, а поплыл вверх по течению и при этом бросил на мост свою палицу, сказав, что на этом месте «торговцы с горожаны всегда будут драться»; его пророчество сбылось: на Великом мосту очень часто сходились для боя враждующие стороны города (обитатели Дегинца и жители Торговой стороны).

По белорусским преданиям, Перун в левой руке носит колчан стрел, а в правой лук; пущенная им стрела-молния поражает противника и производит пожары, а на том месте, куда ударила молния, можно найти чудесную «громовую стрелку». Сходное поверье о громовой стреле было известно и у русских: так, верили, что громовые стрелки входят далеко в глубь земли, а через три или семь лет возвращаются на ее поверхность в виде черного или темно-серого камешка: по некоторым поверьям, такой громовой камешек можно тайти также в гнезде у орла — птицы Перуна. Громовые стрелки почитались в народе как верное средство против ударов грозы и пожаров.

Согласно народным поверьям, гроза происходит оттого, что Перун (позднее — Илья-Пророк) в образе всадника на коне или на колеснице ездит по небу и поражает молниями и громом своих противников — чертей, бесов, а также Змея (по некоторым мифам — Велеса), последовательно прячущегося от него в дереве, камне, в человеке и животных, в воде. После победы Перуна освобождаются похищенные (запертые) его противником воды (т.е. проливается дождь), а в поздних трансформациях мифа — скот или женщина (ср. представление дождевых туч дойными коровами или женскими грудями, источающими молоко). Сходные мифы были известны и у других народов: так, в «Ригведе» (древнеиндийский эпос) бог грозы и молнии Индра борется с демонами и убивает своей молнией Вритру, дракона, запершего в горах реки и лишившего землю живительных вод.

Таким образом, Перун для славян был не только грозным божеством, но и богом-подателем животворящей влаги. Для того, чтобы ускорить наступление

Перунов цвет

дождей, необходимых посевам, некогда с наступлением весны устраивались игрища, символически изображавшие борьбу стихий; считалось, что воинственные клики и стук оружия пробудят бога-громовника. Во время летней засухи тот же обряд призывал громовника Перуна начать битву и пролить на землю дождь.

С Перуном славяне связывали различные символы. Например, днем Перуна считался главный грозовой день в году — 20 июля (позднее — Ильин день); в полабской традиции «днем Перуна» также называли четверг. Птицей Перуна обычно считали орла. Деревом Перуна считался дуб — сам идол божества был сделан из дуба. Обряды поклонения Перуну нередко совершались в дубовых рощах у священных дубов. Вообще, характерной чертой ритуалов, связанных с Перуном, являлось их соотнесение с дубами и дубовыми рощами и возвышенностями, на которых ставили в древности идолы Перуна и его святилища. Одним из известнейших мест поклонения Перуну был остров Хортица; на этом острове киевские караваны останавливались после преодоления опасных участков пути и приносили жертвы Перуну: «на этом острове они (русы) совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют стрелы вокруг дуба и другие — кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми».

В древности в капище Перуна перед идолом божества всегда горел неугасимый огонь (символ молнии), за которым следили жрецы: «в знак поклонения этому божеству содержали неугасимый ни днем, ни ночью огонь, раскладываемый из дубового леса. И если служитель при этом огне по нерадению допускал огню потухнуть, то наказывался смертью (сожжением)». По этому священному огню жрецы гадали о будущем.

В жертву Перуну в древности приносили разнообразные жертвы, причем как бескровные (плоды и пр.), так и кровавые — ему жертвовали и скот, и даже людей. Так, по некоторым летописным сведениям, за неделю до Перунова дня князь бросал игральные кости и тот, кому выпадало счастливое число (шестерка), считался пригодным для жертвы. Позднее в жертву божеству стали приносить живых петухов, быков и т.д., однако во время борьбы язычества с христианством в жертву приносили и христиан.

В христианское время Перун был замещен пророком Ильей, едущим по небу в огненной колеснице. С Перуном Илью объединяет, например, функция громовержца: по народным поверьям, Илья-Пророк разъезжает по небу и мечет стрелы в нечистых духов, отчего бывает гроза. При этом частичное замещение Перуна Ильей началось еще до крещения Руси, когда только часть киевского боярства приняла христианство: в договоре Руси с Византией 945 г. говорится о русах-язычниках, клявшихся Перуну, и о русах-христианах, приносивших присягу в соборной церкви св. Ильи.

Перунов цвет — см. Жар-цвет.

ПЕСТ — предмет домашней утвари; в обрядах — эротический символ наряду со ступой; в фольклоре и поверьях — атрибут ведьмы и Бабы-Яги.

Пест в русских сказках и поверьях выступал как традиционный атрибут Бабы-Яги, которая «ездит в ступе, пестом погоняет, вперед метлой дорогу разметает» или «ездит в ступе, пестом упирается, помелом побивается, хлещет сама себя сзади, чтобы прыгче бежать». В некоторых сказках Баба-Яга ездит верхом на козле, погоняя его железным толкачем. По белорусским поверьям, Баба-Яга — хозяйка всех ведьм; вместо ног у нее железные песты, которыми она, идя по лесу и ломая деревья, прокладывает себе дорогу. В северорусских сказках от удара пестом Бабы-Яги человек валится на землю или окаменеваает. Детей в некоторых местах пугали Железной бабой (вероятно, Бабой-Ягой), якобы хватающей детей, ходящих в одиночку по полям и огородам; говорили, что она бросает детей в свою железную ступу, толчет и ест.

Аналогично, пест мог служить также одним из атрибутов ведьм и колдунов. Так, по народным поверьям, «у колдунов и ведьм необходимыми орудиями служат: ступа, толкач, помело, сыч или филин, кот большой, треножник, кочерга и кадка с водой... Ведьмы прилетают на помелах, ухватая или ступе, в руках у них бывает толкач или рог с табаком». В некоторых сказках киевская, самая старшая, ведьма приезжает на шабаш верхом на песте. Ведьмы во время шабаша «затевают игры вроде войны на мечах и поэтому, отправляясь на такие собрания, захватывают пест, которым мнут стебли конопли»; поэтому хозяйки в субботу на седьмой неделе после Пасхи «вынимают из терниц деревянные мечики, которыми трут конопли; ибо ведьмы любят красть их в эту ночь, чтобы после рубиться ими, когда, слетаясь на Лысую гору, они начнут там свои потехи».

Иногда пест связывался и с другими женскими мифологическими персонажами: так, например, в некоторых местах верили, что русалки «в мае месяце до восхода солнца по утрам в хорошую погоду выходят из рек и нагие с толкачами пляшут во ржи и поют»; про кикимору иногда рассказывали, что она «бегает быстрее ветра, да пестом себя погоняет», и т.д. Повидимому, такие представления были связаны с тем, что в облике песта славяне издревле представляли себе молнию; соответственно, и многие стихийные духи, олицетворявшие бурю, грозу, связанные с дождем и пр., в поверьях нередко наделялись пестом.

ПЕТРОВ ДЕНЬ. Петры и Павлы, Петры-Павлы, Петровки — день памяти святых апостолов Петра и Павла (29.VI/12. VII). Св. апостол Петр был одним из учеников Иисуса Христа; после того, как его Учителя схватили, он, как и было предсказано Господом, трижды отрекся от него. После чудесного воскресения

Петров день

Господь облек его пастырской властью, после троекратного вопрошения о любви, снимающего троекратность отречения; после этого Петр начал проповедническую деятельность по странам Востока, пока его не казнили в 76 г. вместе с Павлом, римским гражданином. Навел не знал Иисуса Христа во время его земной жизни и не входил в число апостолов, но за особые заслуги почитался как первопрестольный апостол сразу после Петра.

Среди сельскохозяйственного населения Петров день почитался менее значимым, чем день Ивана Купалы и прочие большие праздники, однако и он имел немалое значение. Так, с этого дня начинались помочи, толоки, т.е. унавоживание полей и сенокос. С Петрова дня начинали колоть баранов: «С Петрова дня барашкам лоб». Около Петровок начинались Петровские торги, ярмарки, имевшие немалое значение для всего населения, и особенно для крестьян.

Почитали Петровки и рыбаки, так как апостол Петр (сам некогда бывший рыбаком) повсеместно почитался покровителем рыбного промысла и даже иногда именовался «рыболовом». По этой причине в Петров день рыбаки молились святому Петру, служили молебны, а в некоторых местах даже соблюдали обычай ежегодно собирать «Петру-рыболову на мирскую свечу», которую ставили в храме перед его образом.

Очевидно, Петров день считался довольно большим праздником еще и потому, что им — «разговинами» — заканчивался Петровский пост (который также именовался «Петровки»), начинавшийся в понедельник 9-й Пасхальной недели, или 2-й недели после Троицы (так как начало его зависело от подвижного праздника Пасхи, продолжительность этого поста, в отличие от других постов, была разной). Сам Петровский пост, как один из многодневных, больших постов, соблюдался по всей строгости церковного устава, а начальные и конечные его дни считались в народе праздничными. Так, например, во многих местах ко дню «заговин» все семейные старались оказаться дома, а после ужина в этот день на столе принято было оставлять остатки кушаний для «дзядов»: многие старухи уверяли, что они много раз видели и слышали, «как упокойнички заговляются, обгладывают кости и оставляют на столе раскрытую посуду, которая прежде была закрыта». С тем же почтением относились в крестьянской среде и ко дню «разговин», т.е. к Петрову дню. В некоторых местах к этому дню (или к первому воскресенью после него) приурочивался также старинный, очевидно, идущий еще из времен язычества обычай устраивать братчину, совместную трапезу: прихожане в этот день приводили к церкви купленного в складчину или выращенного общими усилиями быка (жертвенное животное), тут же убивали его и, сварив мясо в больших котлах, после обедни и молебна разговлялись «всем миром», причем в пиршестве нередко принимал участие и священник.

В других местах братчин не устраивали, однако также отмечали праздник должным образом, с богатой (по возможности) трапезой, приглашением гостей и т.д. К этому празднику каждая семья готовилась сообща и заблаговременно: хозяева жарили, варили и пекли яства, а также запасали водку в как можно большем количестве. На Петров день практически в каждом доме принимали гостей, в первую очередь, родственников, приезжавших даже из отдаленных мест. Впрочем, в праздничном застолье принимали участие, главным образом, женатые люди и старики; молодежь же (а иногда и взрослое население тоже) еще с вечера уходила в поле или на возвышенные места и там проводила ночь в песнях и играх, «карауля солнышко», так как, согласно поверьям, в день Петра и Павла, как и в Светлое воскресенье, солнце на восходе играет какими-то особыми цветами, которые переливаются и искрятся, подобно радуге (при этом, однако, в некоторых местах полагали, что ранее обычай «караулить солнце» был установлен с целью отогнать от села русалок, которые в Петров день своими злыми шалостями причиняли немало вреда посевам). Когда на небе появлялись первые солнечные лучи, их приветствовали громкими криками, а иногда и пением: «Ой, Ладо! ой, Лад! на кургане / Соловей гнездо завивает. / Хоть ты вей, не вей, соловей! / Не быть твоему гнезду совитому, / Не быть твоим детям вывожатим, / Не летать им по дубраве, Не клевать им яровой пшеницы! / Ой, Ладо, ой, Ладо!» Встретив солнышко, молодежь в одних местах расходилась по домам, а в других — отправлялась заплетать венки на ветвях деревьев (этим венкам придавалось то же значение, что и троицким) или купаться в реке (так как считалось, что речное купание в этот день очищает от злободейных грехов).

Вообще, для молодежи праздник Петровок имел особое значение. В этот день устраивались молодежные гуляния, хороводы и вообще различные забавы, не одобряемые церковью, но весьма популярные среди простого населения, такие, как качание на качелях: «о празднике св. Верховных Апостол Петра и Павла своею сетью диавол запинаят чрез колыски и качели; на них же бо колышушеса и приключается внезапно упустити на землю, убиватися и зле без покаяния душу свою испущати». Кроме того, в некоторых губерниях с Петрова дня или с первого воскресенья после него начинались ночные гульбища, именуемые Петровками, которые продолжались до самого Первого Спаса; во время этих гульбищ иногда устраивались своеобразные маскарады, во время которых молодые парни завязывали свои лица платками, чтобы их не узнали девушки, которые также гуляли с частично закрытыми лицами. Во время подобных маскарадов нередко устраивались рукопашные бои, а иногда обычные драки, «вследствие разных интимных историй, оскорблений и проч.».

В некоторых местах (например, в Саратовской, Пензенской и Симбирской губерниях) в Петровки,

Петровки

накануне Петрова дня или в заговенье Петровского поста, устраивались проводы весны. Заключались они в том, что мужчины и женщины (а чаще — парни и девушки) рядились (нередко — скоморохами, шутами) и, привязав несколько телег одну к другой гусем, катались на них по селу из конца в конец, а также устраивали игрища и хороводы. Иногда также под пение песен носили по селению «весну» — наряженную соломенную куклу, которую по окончании обряда бросали в реку.

Земледельческих примет к Петрову дню приурочивалось немного, и практически все они были связаны с поспевающими хлебами. Так, например, в некоторых местах полагали, что «с Петрова дня — красное лето, зелен покос, зарница хлеб зарит» и что, «если просо в Петров день в ложку, то будет его и на ложку»; верили также, что «если на Петра и Павла дождь, то жито уродится», и что «если на святого Петра дождь — урожай худой, два дождя — хороший, три — богатый». С этого дня начинали готовиться к озимому севу («До Петрова вспахать, до Ильина заборонить, до Спаса посеять»), а также возить навоз на нары («Петровка — навозница, межипарье, междупарье»). Но в первую очередь Петров день связывался с сенокосом: он считался началом покоса трав, и к нему, следовательно, приурочивались приметы и поговорки, связанные с этим событием: «Всяк, кто дорос, спешит на сенокос»; «Доставай косы и серпы к Петрову дню»; «Нели дождь на Петров день, то сенокос будет мокрый» и т.д.

Петровки, Петры и Павлы, Петры-Павлы — см. Петров день.

ПЕТУХ — вещая птица, способная противостоять нечистой силе, но в то же время наделенная демоническими свойствами. Как птица, своим криком возвещающая восход солнца, петух очень почитался славянами: считалось, что он как бы пробуждает к жизни светило, а следовательно, возвращает на землю свет и тепло, без которых невозможна жизнь. В обличье петуха славяне олицетворяли небесный огонь (как солнце, так и молнию); крик его иногда соотносился с громом весенних гроз.

Петух в славянской традиции издревле служил символом плодородия и был одним из основных атрибутов свадебного обряда. По петуху девушки нередко гадали о замужестве и о том, счастливой или худой будет их жизнь в новом доме. Особую роль петух играл в обрядах, связанных с плодородием земли, т.е. с урожаем: так, после окончания жатвы из петуха готовили ритуальное блюдо; после уборки зерновых его закалывали на гумне и окропляли кровью зерно, которое первым бросали в землю при севе, и т.д.

Петух традиционно наделялся признаками опекуна хозяйства. Так, например, крестьяне верили, что без петуха не будет плодиться и водиться скот, у коровы будет безвкусным молоко и масло, хозяйство оскудеет

и т.д. При разделе обе семьи обязательно заводили себе новых петухов. Считалось необходимым и почетным, чтобы петух был бойким и драчливым; для этого в Страстной четверг его кормили перцем и выбрасывали из окна.

Южные славяне предпочитали держать черных петухов (вероятно, олицетворение грозовых туч), так как по их представлениям «белый петух — черный хозяин»; западные же славяне считали, что белый петух (символ солнечного света) приносит в дом счастье; а у восточных славян старались не держать в хозяйстве черного петуха, так как считали, что в этом случае супруги будут часто ссориться.

Петух в народной традиции постоянно связывался с огнем. Так, согласно народным поверьям, петух оберегает дом от пожара и удара молнии; однако при этом красный петух в народных представлениях всегда был связан с пожаром, и всем славянам был известен фразеологизм «пустить красного петуха». Восточные славяне верили, что если в хозяйстве умрет петух, то случится пожар; если петух кричит и бьется в окно, то он предсказывает этим пожар. Рассказывали, что, когда пожар начинается от молнии, с неба спускается пламенный петух, садящийся прямо на крышу дома и поджигающий все вокруг. Петуха, как воплощение огня, в древности посвящали Свентовиту, а также считали лучшей умиловляющей жертвой небесным богам-громовникам — Сварогу и Перуну. Жертвовали петухов и собственно огню: так, например, петуха нередко приносили в жертву при постройке нового овина, а овин издревле связывался с культом огня-сварожича.

По-видимому, именно на этой связи петуха с небесным и земным огнем, молнией, грозой и пр. основывались известные всем славянам поверья о демонических петухах. На Украине такого петуха называли «царик» и верили, что он начинает петь еще в яйце, а когда вырастет, то становится самым сильным и смелым петухом в округе; резать его нельзя, возможно, потому что он первый поет в полночь и его боится дьявол. В некоторых местах считали также, что петух может быть «змеем» (ср. представление молнии в виде змея), и считали, что такой петух отличается необыкновенной силой; при приближении градовой тучи он забивается под порог и там оставляет свое тело, а его дух идет бороться с халами — предводителями тучи.

Иногда с петухом связывались и отрицательные поверья. Например, крестьяне во многих местах считали, что петуха нельзя долго держать в хозяйстве, так как старый петух может навлечь на хозяина смерть или превратиться в демоническое существо. Считалось также, что петух, проживший три, пять, семь или девять лет, снесет маленькое яйцо, из которого может вывестись демоническое существо (малаяк, хованец-годованец, антипка, огненный змей, нечистик, девятник, василиск, осинавец и др.), принимающее вид огня, искры, кота, маленького человечка, цыпленка. Это существо нечистое; оно питается молоком и

Печенье

яичницей без соли, исполняет желания хозяина, но через три года забирает его душу. В некоторых местах считали, что петух загребает свое яйцо в навоз, и из него выплывает демонический змей; по западносибирским поверьям, яйцо, которое петух песет каждые три года, надо бросить в горящее строение для прекращения пожара.

Впрочем, петух в народной традиции чаще наделялся положительными функциями, чем отрицательными. Крик петуха, по поверью, предохраняет от эпидемических болезней и градобития, поэтому при опашивании села женщины часто носили с собой петуха. Иногда петуха закапывали на границе села как ее хранителя. По народным представлениям, холера и чума прежде всего стараются лишить петуха способности петь, так как при крике петуха они вынуждены убраться восвояси; поэтому у русских существовал обычай во время холеры купать петуха в реке или колодце, вероятно, чтобы отогнать болезнь (существовало верование, что холерой люди заболевают от воды).

Вообще, крик петуха, по народному убеждению, отгоняет всякую нечистую силу; ср. представление о том, что всякая нечисть бродит по земле с вечера и «до первых петухов». Однако славянам известны были и поверья о петухах, поющих в неурочное время; таких петухов у южных славян называли «кривци», «мамници».

Считалось, что они поют, когда кто-то родился или умер, а также предсказывают смерть слышащему или заманивают человека на улицу, чтобы причинить зло; поэтому крестьяне, заслышав петуший крик после полуночи, выбрасывали из дома горящий уголь или стреляли из окна, чтобы отвести беду. Петухи, поющие на вечерней заре и в полдень, по поверью, предвещают смерть или перемену погоды; у русских ночь, накануне которой петухи пели с вечера, называли «веселой». Если петух пропел на пороге, хозяева считали, что придет гость; неурочный крик петуха предвещал также получение новостей, новые указы и т.п. Своевременный крик петуха воспринимался как предвестник удачи, счастья, символ порядка, но при этом пение кур (куроклик) считался в народе самым недобрый предзнаменованием.

ПЕЧЕНЬЕ — обрядовый хлеб, выпекаемый с магической целью. Печенье или хлебцы различной формы обычно готовились в календарные праздники, чаще всего — на святки и весенние праздники (Благовещение, Сорок мучеников).

Обрядовое печенье обычно выпекалось в виде фигурок животных, птиц и сельскохозяйственных орудий; его соответственно называли «жаворонками», «козульками», «коровками», «копытцами», «бычками», «буськовыми (аистовыми) ланами», «сернами», «боронами» и т.п. У южных славян был обычай выпекать под Рождество очень большое количество хлебцев; их форма и название отражали многочисленные сферы хозяйственной деятельности, которые должны принести прибыль в следующем году (например,

«нива», «гумно», «улей», «корова с теленком», «утка» и т.д.).

Выпечка печенья в форме домашних животных (или с символическим изображением этих животных) обычно приурочивалась к праздникам, посвященным каким-либо животным или их святым-покровителям. Возможно, что эти фигурки из теста заменили собой жертвенное животное. Так, например, в день осеннего Егория крестьянки пекли печенье «кони»; молодые люди собирали его с каждого двора и несли в поле, где оставляли со словами: «Егорий милостивый, не бей нашу скотину и не ешь. Вот мы тебе принесли коней!» Фигурное печенье в виде животных и птиц нередко изготовлялось на святки специально для колядующих, а также для раздачи детям или нищим; так, фигурки коров из теста подавали колядникам, чтобы обеспечить благополучие в хозяйстве, и при этом верили, что скот начнет болеть и пропадать, если «обходчиком» не подать «коровку».

Очень часто хлебные изделия в форме животных скармливали скоту, желая, «чтобы скотина лучше водилась и плодилась». Так, на Новый год «коней» давали съесть лошадям, а «коров» — рогатому скоту; «копытцами» или «катушками» на Благовещение кормили овец, чтобы уберечь их от болезней; «козульки» (фигурки птиц и животных) пекли на Рождество и прикрепляли над воротами скотного двора, чтобы скот плодился и не терялся летом в лесу.

Весной обычно выпекали печенье в виде жаворонков, аистов, куликов, ласточек и других перелетных птиц — вестников весны. Так, например, на Благовещение для обряда встречи весны белорусы выпекали печенье в виде аиста или его лапы; дети выносили его во двор и ждали появления аиста, призывая его попробовать угощение; аиста при этом просили послать хороший урожай. Печенье в виде птичек, называемое «жаворонками», у восточных славян традиционно выпекали 9 марта — к сорокам, дню сорока мучеников, когда, по поверью, прилетает с юга сорок птиц, п самая первая и главная из них — жаворонок. С этим печеньем дети забирались на крыши сараев и, подбрасывая его вверх, кричали: «Жаворонки, прилетите к нам! Красну весну принесите нам!»; одну из фигурок при этом бросали в печь. «Жаворонков» также относили на гумно, оставляли в сарае, давали скоту, бросали в проточную воду, и т.д. При этом схожее печенье в виде птиц, называемое в народе «жаврунки», в некоторых местах пекли во время похорон для умерших детей.

В некоторых местах печенье делали в форме бороны, серна, косы, сохи и других сельскохозяйственных орудий; с ними ходили в поле, клали их к зерну и т.д., а также отдавали их детям, причем «соху» обычно давали мальчику, чтобы он, когда вырастет, хорошо нахал, а «серп» — девочке, чтобы она впоследствии была хорошей жницей. В некоторых местах печенье делалось и в форме светил; так, невеста иногда готовила жениху в подарок небольшой «месяц», свадебные

Печники

печенья и караваи обычно выпекались в форме солнца, и т.д. В русских областях на свадьбу также часто пекли печенье «витушки» или печенье в форме грибов (наделяемых эротической символикой).

На Вознесенье у хозяек принято было выпекать печенье в виде лесенок — в память «восшествия Господня на небеса»; с этими лесенками начинали сев, оставляли их в поле и т.д. Такую же лесенку суеверные люди выпекали и на 40-й день после кончины кого-либо из своих близких, причем смазывали эту лесенку медом для того, чтобы она была слаще, и торжественно выносили на двор, где и ставили ее душе покойника для восхождения от земли. Помолвившись, собравшиеся затем разделяли лесенку на столько кусков, сколько человек в семействе, и каждый обязан был тут же съесть свою часть.

У восточных славян было принято в середине Великого поста выпекать «кресты» — хлебцы из кислого теста в виде креста. Считалось, что такое печенье помогает при весенних работах, способствует будущему урожаю, охраняет скот на пастбище и т.д.; поэтому его хранили до первого выгона скота или до первого выезда в поле, выезжали с ним пахать и сеять, крошили его в семена для сева, подкладывали его под порог хлева при выгоне скота, давали пастуху с собой на пастбище и т.д. Этим же печеньем хозяева угощали детей, бегущих на средокрестной неделе (четвертой неделе Великого поста) по избам с просьбами «подать крест» (подобные просьбы были обычно примерно такого содержания: «Половина говения переломилась, а другая под овраг покатила. Подавайте крест, подавайте другой, обмывайте водой» и т.п.). Наконец, таким печеньем лакомились сами хозяева и их домашние; при этом во многих местах хозяйки, когда стряпали это печенье, запекали в один хлебец деревянный крестик, и тот человек, которому он попадался, считался счастливым, ему поручали начинать сев и другие важные работы.

Печники — с. Плотники и печники.

ПЕЧЬ — один из сакральных центров дома; наиболее мифологизированный и символически значимый предмет обихода. В печи готовили пищу, на ней спали; в некоторых местах ее использовали в качестве бани; преимущественно с ней была связана народная медицина. В связи с этим символика печи была отнесена главным образом к интимной, «утробной» жизни человека.

Печь, как вместилище пищи и домашнего огня, была воплощением идеи домашнего благополучия. Поддержание огня и приготовление пищи были специфически женскими занятиями; сама печь обычно символизировала женщину, рождающее женское лоно. Формирование плода в материнской утробе уподоблялось выпеканию хлеба, а процесс поддержания огня и действия с кочергой и хлебной лопатой в свадебном обряде осмыслились как супружеские отношения.

Вместе с тем, печь символизировала и потусторонний мир, и могилу, и смерть. В обряде перепекания ребенка печь должна была убить и болезнь, и самого больного ребенка, чтобы возродить его уже здоровым. Вернувшись с похорон, сразу же заглядывали в печь, чтобы избавиться от тоски по покойнику и страха перед ним; когда то же самое совершала невеста, входя в дом жениха, то этим она выражала пожелание, чтобы родители ее жениха умерли.

Печная труба — это специфический выход из дома, предназначенный в основном для сверхъестественных существ и для контактов с ними: через нее в дом проникают огненный змей и черт, из нее вылетают из дома ведьмы, души умерших, болезнь, доля и т.д. В фольклоре печные принадлежности всегда связаны с нечистой силой.

В некоторых местах считали, что, когда человек умирает, нужно закрыть трубу и отворить двери, иначе душа умершего вылетит через трубу и достанется черту; а при тяжелой агонии колдуна обязательно держали открытой печную трубу и даже иногда разбирали потолок и крышу, считая, что иначе колдун не сможет умереть. Во время календарных поминок также открывали трубу, чтобы через нее в дом могли проникнуть души умерших предков.

Вынув хлеб или другую пищу из печи, клали в нее одно или пару поленьев, чтобы по ним на «том свете» перейти через огненную реку, а также для того, чтобы хлеб «не выводился», не было голода в хате; чтобы у огня или печи было что есть и пить.

Домашний огонь в печи непрерывно поддерживали и сохраняли ночью в виде горячих углей. Угли старались не давать в другой дом, так как вместе с домашним огнем семью могли покинуть достаток и благополучие. При переходе на новое местожительство несли с собой угли из старого очага и вместе с ними переносили домового, обычно живущего, по народным поверьям, за печкой. Во время эпидемий тушили все огни в селении и зажигали новые от «живого» огня, добытого трением.

Когда кто-нибудь уходил из дома, печь закрывали заслонкой, чтобы ему повезло в пути и его не поминали лихом оставшиеся дома. Печь закрывали и тогда, когда садились ткать, чтобы хорошо удалась работа. Хозяйка, вынув из печи хлеб, закрывала ее заслонкой; иначе, по поверью, когда она умрет, рот у нее будет «раззявлен». При приближении грозы заслоняли трубу, чтобы нечистая сила не спряталась туда и гром не ударил в хату. Трубу советовали закрывать на ночь тогда, когда в доме находилась беременная женщина, так как считали, что через трубу в дом может проникнуть нечистая сила, которая похитит ребенка из материнской утробы.

Через печную трубу хозяева звали пропавший в лесу скот, считая, что в этом случае он может вернуться обратно. В Страстной четверг хозяйка окликала скотину по именам через печную трубу, а хозяин, стоя на улице, отвечал за животных, чтобы летом они не

заблудились в лесу. Заговор от укуса змеи также шептали впечь.

Печь была главным оберегом семьи внутри дома. Семейный очаг был началом начал, основой основ. У печи давались клятвы, у печного столба заключали договор; в печурки прятали молочные зубы детей, а в «копку» (небольшую выемку в верхней части печного столба) — пуповины новорожденных; в подпечье обитал покровитель дома — домовый. Печной столб был священным местом в избе; белорусы называли угловой столб печи «дедом» и отождествляли его с домовым, а само слово «домовой» нередко заменялось словом «столовой». В тех случаях, когда было необходимо добыть живой огонь, его получали посредством вращения веретена в щели печного, кутного «деда». Печной столб был представителем «дядов», предков-покровителей; возможно, в древности такому столбу-деду придавались антропоморфные черты.

Особая печь была в овине. Под колосниками для сушки снопов молились огню-сварожичу, а в поветах скотых — Велесу, «скотъему богу», или своему домашнему, ведавшему только скотиной одной усадьбы «скотну богу» (вероятно, дворовому). Иногда печи в овине придавался вид огромного чудовища с разверстой пастью и огненными глазами, — это, по всей вероятности, было реальным воплощением бога огня, Сварожича, сына небесного Сварога.

ПИРОГ — разновидность обрядового хлеба. Как и с другими хлебными изделиями, с пирогами издревле связывались различные обычаи и обряды, хотя в народной традиции они и ценились несколько ниже, чем обычный хлеб: крестьяне считали их скорее лакомством, чем едой, тогда как хлеб был «главной сытью», почему народная пословица и наказывала: «Ешь пироги, а хлеб вперед береги».

Пироги были в широком употреблении у всех славян, причем с древнейших времен. В простых крестьянских семьях их готовили обычно в честь различных праздников и знаменательных событий (например, в честь свадьбы, приезда дорогого гостя и т.п.), при этом пироги эти бывали обычно либо ржаные, либо — в честь больших годовых праздников — пшеничные. В домах же побогаче, у купцов и пр., пироги ели и в простые дни, причем люди с достатком могли позволить себе пробовать пироги лучшего сорта — пшеничные, белые крупитчатые. Ели пироги обычно до обеда, однако в крестьянских домах их подавали только после обеда на заедку. Пироги служили символом достатка в семье: так, по пословице, «изба красна углами, а обед — пирогами».

Разновидностей пирогов по всей земле славянской насчитывалось великое множество. Собственно пирогом у славян именовали защищенный глухой хлеб с какой-нибудь начинкой; по виду этой начинки пирог называли: гороховик, крупеник (с кашей), грибник (с грибами), капустник (с капустой) и т.д. Если начинка делалась мясная или рыбная, пирог называли уже

кулебякой. Незащищенный пирог звался расстегаем, вздутый из кислого теста — подовым, из пряженого теста с маслом — сдобным. Различались также пироги: долгие, круглые (с курицей — курники), треухи (т.е. треугольные и сладкие, начиненные сладстями, они же торты) и т.п. К пирогам относились и ватрушки с творогом, и пироги защищенные, но без начинки, пустые, называемые пирогами «с амином». В Сибири стряпали особые сибирские пироги. В России некогда славилась пироги арзамасские с астраханской рыбой. Вообще, по словам хозяек, «в пирог все годится, все завернешь», хотя далеко не каждая хозяйка признавалась «пирожной мастерицей»: такие были редкостью и у соседей-односельчан пользовались неизменным уважением. Если требовались услуги «пирожной мастерицы», ее звали «с честью и поклонами».

Без пирогов не обходилось, пожалуй, ни одно праздничное угощение. Так, например, в великие церковные праздники хозяйки старались непременно подать к столу, наряду с другими кушаньями, и пироги с какой-либо начинкой; пирогами же одаривали священников, ходивших в эти дни по избам «со святом» (с крестом и молитвой). Пирогом (пусть хоть и простым, ржаным) издревле чествовали именинников, он являлся непременной принадлежностью именинного пира («без пирога именинника старые люди под стол сажали»). В былое время даже цари посылали пироги своим близким людям в их именины. Само выражение «звать на пирог» означало «звать на именины».

Использовались пироги и в других случаях. Так, например, пшеничными пирогами традиционно одаривали славельщиков, в сочельник ходивших по дворам и славивших Христа. На Ивана Купалу, на Николу Зимнего и в некоторые другие годовые праздники особыми обетными пирогами добрые хозяева угощали и «нищую братию» — странников, «калик переходящих». В старину в пользу сборщиков государевых податей с народа собиралась даже особая пошлина, которая так и называлась «пироговою».

ПИТЬЁ — часть языческого культа у древних славян. В честь языческих богов пили из рогов и чаш; питье имело обязательный характер и при встрече гостя, и во время церемониальной или обрядовой трапезы. При этом за здоровье (например, хозяина и хозяйки) пили, осушая чаши «до капли»: «кто не осушает чашу, тот считается отъявленным врагом, потому что не выпил за полное здоровье хозяина дома». На пирах у великого князя пили до дна и при этом желали князю удачи, победы, здоровья, а также «чтобы в его врагах крови осталось не больше, чем в этой чаше». В русском свадебном обряде дружка пил стакан браги с завязанными сзади руками; молодой вставал на колени перед стаканом браги и пил, не дотрагиваясь до него руками. Во время угощения на крестинах хозяин наливал полный стакан водки, «чтобы полно (благополучно) в доме было»; выпив водку, каждый должен был покатыть стакан по столу («не оставляли

Плакун-трава

бы зла в стакане»). Вообще недопивать и недоедать в гостях не разрешалось: считали, что в этом случае «хозяину зло оставляешь», «кто не выпил до дна, не пожелал добра», «недопиваешь, так недолюбливаешь».

Полагалось, чтобы хозяин первым попробовал питье и пищу, приготовленные для гостей, показывая этим, что угощение не отравлено и с ним не насылаются порча. Верили, что для того, чтобы навести порчу на человека, нужно, выпив всю водку из стакана, в последний момент незаметно выпустить в него немного водки изо рта, а потом снова долить стакан и передать другому человеку; если же, когда пьешь «от ворога», под дно чаши подставить мизинец, то вся сила злых чар пропадет.

У всех славян существовал обычай пить спиртные напитки вкруговую. При угощении рюмку водки подносили сначала первому сидящему, а затем от него она переходила последовательно в руки остальных гостей; каждый из них пил за здоровье того, к кому должна была перейти рюмка, и высказывал при этом различные благопожелания. Для питья вкруговую на Руси существовали большие серебряные сосуды — «чары» или «братины»; с помощью чар некогда занимались «чародейством» — гаданием у воды, налитой в священную чару, снабженную знаками месяцев.

ПЛАКУН-ТРАВА — «всем травам мати»; чудесная трава, наделенная особыми магическими свойствами. Происхождение этой травы в легендах нередко связывалось со слезами Богородицы: считалось, что, когда Дева Мария оплакивала Христа, ее слезы падали на землю и из них выросла трава Плакун (ср. «Стих о голубиной книге»: «Плакун-трава всем травам мати: Когда жидовья Христа роспали, / Святую кровь его пролили, / Мать пречистая Богородица / По Иисусу Христу сильно плакала, / По своему сыну по возлюбленному, Ронила слезы пречистой / На матушку на сырую землю; / От тех от слез пречистых / Зарождалася плакун-трава»). Вероятно, в связи с таким представлением, крестьяне в некоторых местах верили, что трава плакун зарождается «на обидящем месте» — на крови.

Сбор Плакуна в народной традиции сопровождался особыми обрядами. Травники добывали эту траву на ранней утренней заре в Иванов день; при этом считалось, что нашедший эту траву и выполнивший ее (по некоторым представлениям — не применяя железных орудий) должен произнести над ней заклятие: «Плакун, плакун! Плакал ты долго и много... будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам киевским; а не дадут тебе покорища, утопи их в слезах; а убегут от твоего позорища, замкни их в ямы преисподние».

Согласно народным поверьям, корень и цвет плакун-травы смиряют всякую нечисть и делают ее послушной воле человека; уничтожают чары колдунов и ведьм; спасают от дьявольского искушения и всякого

недуга. Считалось, что крест-тельник или амулет из корня этой травы, надетый на бесноватого, изгоняет из человека бесов. Кроме того, крестьяне верили, что плакун, подобно папоротнику, открывает клады и «заставляет демонов плакать» (т.е. заставляет тучи проливать дождь).

В образе плакуна крестьяне, по-видимому, представляли себе молнию и дождь. Так, в народных представлениях, когда огненный цветок-молния открывает замкнутое небо, появляются дожди и росы, которые признавались небесными слезами. Поэтому в народе чудесные огненные цветки, например, цвет напоротішка и пр., нередко назывались также плакун-травой. При этом название плакун-травы давалось и некоторым обычным растениям: например, так в некоторых местах называли медуницу и иван-чай.

ПЛАНЕТНИКИ. хмарники, облакогонители — у южных и западных славян мифические существа, обитающие в дождевых и градовых тучах и управляющие движением туч, осадками, ветром и погодой вообще. Власть над тучами приписывалась обычно «нечистым», заложным покойникам, прежде всего утопленникам и висельникам; предводителями туч могли быть также орлы, змеи или драконы (халы).

Планетники, по поверью, имели антропоморфный облик: в них превращались дети, умершие некрещеными, скинутые или присланные матерью; отравленные или умерщвленные; утопленники, висельники, вообще нечистые покойники; дети богинок и стригоней (упырей). Планетниками могли становиться двоедушники, во время грозы или бури переносящиеся на небо.

Считалось, что планетники иногда спадают на землю с туч вместе с ливнем или сходят на землю, чтобы поправить оборвавшуюся веревку; при этом спуститься они могли только на границу сел. Планетник, спустившись на землю, шел к ближайшему селу и просил у первого встречного молока от черной коровы и яйца от черной курицы, а затем возвращался на границу села и оттуда вместе с туманом возносился на небо, на свою тучу. Планетники бывали дружелюбны по отношению к встречным людям и предупреждали их о буре и граде. Считали, что планетники питаются в облаках мукой, которую люди бросают в огонь, чтобы защититься от града.

Верили, что планетники тянут тучи по небу, пасут их; держат тучи, чтобы не шел дождь; сбивают туман в тучу; наполняют тучи водой с помощью радуги; толкут лед железными цепями, превращая его в град; посылают на землю дожди, наказывают градом за грехи (убийство внебрачного ребенка, сожительство брата с сестрой ит.п.).

Планетниками иногда называли и обыкновенных людей, умевших предсказывать погоду и отгонять тучи от своего села (с помощью острых железных орудий; палки, которой разнимали лягушку и ужа; заговора и т.д.). Таких людей называли также облакопрогонниками, облакогонителями и т.п.

ПЛОТНИКИ

Плотники и печники - люди, в народе очень уважаемые, но и вызывающие суеверный страх. По народному убеждению, от плотников и печников зависит благополучие нового дома: если они выстроили все как надо, с соблюдением всех правил и обрядов, то дом будет стоять долго и жить в нем будет хорошо; если же они, будучи в обиде на хозяев, при строительстве «накудесят», то в доме все будет вверх дном и жить в нем будет совершенно невозможно.

Недобрые проделки строителей были, как правило, вызваны недоброжелательным и нечестным отношением хозяев: если хозяева отказывались заплатить за работу условленную сумму, не соблюдали уговора (т.е. подавали плотникам плохую еду и т.д.), грубо обращались с работниками, то они могли в отместку «подсадить» в дом нечистую силу, напустить гадов в новую избу или просто сделать так, чтобы в доме было неуютно жить: повсюду гуляли сквозняки, дымила печь, шатались стены и т.д.

Так, во многих местах был распространен сюжет о плотниках, которые, в отместку хозяевам, при постройке дома заложили в стены, под матицу и т.д. какие-либо «нехорошие» предметы, отчего в доме завелись черти. В Вятской губернии, например, рассказывали, как плотники, которым хозяйка во время работы докучала попреками, укоряя, что они у нее много выпили и еще того больше съели, посадили в новую избу кикимору: подложили под матицу свиной щетины, отчего в доме все стонало, кто-то невидимый кидался вещами и т.д. В Новгородской губернии плотники забили в переднем углу, под лавкой, гвоздь от гроба, отчего хозяин и все члены его семьи, входя в избу, всякий раз видели в переднем углу покойника, а сына хозяина в первую лее ночь сбросило с лавки на пол — и новую избу пришлось ломать и строить заново. В Вологодской губернии плотники, желая, чтобы на хозяина временами «наводило», закладывали в срубе деревянную куклу или даже просто щепку, отлепившую от бревна с визгом; при этом по три зори подрядчик спрашивал рабочего, находящегося на срубе: «Что стучаешь?», а тот отвечал: «Лень на шабаш», после чего подрядчик говорил: «Лешему строить шабаш».

Схожие рассказы ходили и о печниках с каменщиками: они, однако, реже плотников прибегали к помощи нечистой силы, ограничиваясь, по большей части, запугиванием хозяев. Так, например, многие печники, желая отомстить хозяевам за несоблюдение договора или за незаслуженные упреки, заливали в гусиное перышко ртути и закладывали его в печь, оставляя плотный конец снаружи; от этого, когда хозяева начинали топить печку, в доме словно бы кто-то начинал стонать и плакать. Плотники иногда поступали схожим образом: просверливали дыру и вставляли в нее бутылочное горлышко, так что когда поднимался ветер, в доме будто кто-то начинал завывать. При этом иногда плотники с печниками действовали вместе.

Так, во Владимирской губернии рассказывали, что плотники с печниками в одном доме вмазали в трубу две пустые незаткнутые бутылки по самые горлышки, так что в трубе стало свистеть; хозяева пригласили других печников, но и тем не дали полного расчета, поэтому печники бутылки убрали, но вместо них положили гусиных перьев, так что свист прекратился, но кто-то стал охать и вздыхать; хозяин тогда снова обратился к прежним плотникам, отдал уговоренные деньги на руки вперед, и все успокоилось. Схожим образом мстили хозяевам плотники и печники Орловской и других губерний: под коньком на крыше прилаживали длинный ящичек без передней стенки, набитый берестой, из-за которого в ветреную погоду во всем доме слышался плач и вой, вздохи и крики.

Иногда месть плотников или печников могла быть поглубже, но и попроще. Так, например, некоторые обсчитанные печники один кирпич в трубе закладывали так, чтобы печь постоянно дымила, а плотники засовывали в пазах между венцами во мху щепочки, которые мешали плотной осадке, отчего в этих местах всегда продувало и промерзало, или клали в коробочку, между концами бревен, в углу, камни, не вынувши которых нельзя было плотно проконопатить, а затем и хорошо натопить избу.

Ходили в народе рассказы и о более страшной мести плотников и печников. Так, в Орловской губернии деревенские бабы подслушали, как плотники, которым хозяин не заплатил за работу, достраивая хату, приговаривали: «Дому не стоянье, дому не житье, кто поживет, тот и помрет»; при этом они тесали бревна не вдоль, а поперек, а потом напустили червей, источивших стены. Хозяин этого дома вскоре помер, а сразу после его смерти развалился и сам дом.

Стремясь избежать всех этих напастей, хозяева нового дома обычно старались соблюдать все требования плотников и печников, всячески ублажать их и не ссориться с ними. Так, например, задабривать плотников хозяева начинали с самого начала строительства: когда сговаривались насчет условий — работники пили «заручное», т.е. водку, которую подносил им сам хозяин; когда клали первый ряд бревен — пили «обложейное», когда заготовленный сруб переносили и ставили на указанное место — опять пили, «мшили» хату. Точно так же плотников потчевали и при установке матицы (бруса или балки, которые кладутся поперек всей избы и на которые потом настилается накат и укрепляется потолок). Матицу эту непременно «поднимали» и «обсеивали», причем также при участии плотников. Специально для этого обряда хозяйка варила кашу, а хозяин брал горшок, закутывал его в полушубок и подвешивал в новом срубе к матице; один плотник после этого залезал наверх, обходил последний венец и по пути сеял хмель и хлебные зерна на счастье и благополучие, а пройдя по поперечному брусу (матице), перерубал топором веревку, на которой висел горшок. Внизу другие плотники ловили горшок с кашей, после чего ставили его в круг, садились и ели

Погребение

кашу, запивая ее вином или пивом, которое также предоставлял хозяин. Это угощение, называемое маточным, шло сверх ряды (оплаты) за работу.

ПОГРЕБИЕ — похороны; обряд, воплощающий мифологизированные отношения между живыми и мертвыми, потомками и предками, этим и «тем» светом. Кладбище обычно воспринималось как селение мертвых (рус. «погост» — центр сельской округи и кладбище); гроб, дом умершего, называли «домовиной» и делали его в форме небольшого домика, обычно без окон или с одним окном, через которое в домовину можно было положить приношения умершему. Такая домовина напоминала дом сказочной Бабы-Яги, расположенный на границе между «тем» и этим светом.

Некогда мертвых хоронили в скорченном положении, имитировавшем позу эмбриона в материнском чреве; считалось, что таким образом родичи готовят умершего ко второму рождению на земле. Позже покойников стали хоронить в вытянутом положении: умерший как бы «спал», оставаясь человеком и не воплощаясь в другое существо. Еще позднее появилась кремация; считалось, что при сожжении трупа душа умершего попадает на небо (в Вырий) с дымом погребального костра, поэтому славяне сжигали тела своих умерших, а прах их хоронили в земле. В IX–XI вв. кремация исчезла; покойников стали хоронить в гробах или домовинах. При этом считалось, что непогребенные не могут обрести покой; их души не попадают на «тот свет», а остаются на земле и блуждают по свету до тех пор, пока их тела не будут погребены.

Погребение умерших у славян в Древней Руси было обставлено многообразной обрядностью. Так, перед похоронами покойника обряжали; при этом девушек нередко хоронили в подвенечных платьях, детей подпоясывали и т.д. При выносе покойника соблюдали различные запреты и совершали обряды, направленные на то, чтобы за одной смертью не последовала другая и чтобы душа покойного не осталась на земле. При погребении также совершали различные обряды, которые должны были способствовать благополучному переселению души на «тот свет», а также защитить живых от смерти и избавить их от страха перед умершим.

При погребении в некоторых случаях проводились специальные обряды, которые должны были воспрепятствовать вторжению покойников обратно в мир живых. Так, умерших раньше срока, до замужества, хоронили со специальными свадебными обрядами; заложных покойников пробивали осиновым колом, хоронили их вне кладбища и т.д. В сказках колдунов или ведьм после смерти обычно сжигали, так как, по поверью, только огонь мог уничтожить все «нечистое»; при этом из сжигаемого тела выползали всевозможные гады, которых также нужно было сжечь, иначе с ними от смерти мог уйти и сам колдун.

Особым обрядом у всех славян было обрядовое погребение. Например, во время различных календарных праздников нередко проводились обрядовые похороны чучел мифических персонажей (Зимы, Смерти, Масленицы, Костромы, Ярилы, Марены и т.д.); широко распространены были также похороны животных, птиц и насекомых (кукушки, воробья; мух, науков, тараканов, клопов, вшей; лягушки, рака, ужа и т.н.), а также символических предметов (стрелы и т.д.).

В ритуалах таких похорон обычно имитировались основные действия и элементы погребального обряда: смерть (убиение, умерщвление и т.д.); обряжение в смертную одежду, прощание с покойником, отпевание, оплакивание, голошение; похоронная процессия, рытье могилы; погребение; поминки. В них воспроизводились также основные регалии погребального обряда: покойник (соломенная, тряпичная, глиняная и т.п. кукла, чучело; деревце, венок, венчик; живой человек, изображающий покойника; убитый зверек, птица, насекомое); саван (лоскут, рогожа), гроб (коробочка, корыто, ящик), могильная лопата (палка); могила (ямка), кладбище (поле, огород); поминальная еда и пр.

Так, например, в некоторых местах крестьяне во время засухи ловили и убивали лягушку, «обряжали» ее (в лоскут и т.д.), клали в спичечный коробок, голосили по ней, плакали, лили слезы. В других местах ловили рака, хоронили его в ямке-«могиле», ставили над ней крестик, плели веночки и голосили, полагая, что подобные обряды должны вызвать дождь.

На праздники обычно хоронили всевозможные чучела различных мифических персонажей — Масленицы, Купалы, Марены, Костромы и т.д. Для подобных обрядов изготовлялась большая кукла из соломы, одетая в рубаху и сарафан, с платком на голове; женщины (ряженые, молодежь, дети и т.д.) водили ее под руки или носили на носилках по деревне, после чего хоронили куклу (разрывали ее на части и разбрасывали солому, топили, сжигали и т.д.). Такое умерщвление могло символизировать различные процессы, происходящие в природе: так, например, весеннее сожжение (реже — потопление, разрывание и пр.) чучела Марены символизировало смерть, удаление, изгнание зимы, сожжение ее в пламени жаркого весеннего солнца или потопление в дождевых потоках.

ПОДМЕНИЩ, обменщ, обмен, обменок — ребенок, рожденный от нечистой силы, подброшенный людям взамен похищенного человеческого младенца. Считалось, что детей могли подменять преимущественно женские демонические существа — ботинки, мамуны, полудницы, русалки, дьяволицы; реже — лешие, черти, злые духи и т.д.

Согласно народным поверьям, нечистая сила чаще всего подменивает новорожденных некрещеных детей в том случае, если мать проклинала ребенка, «не в час»

Подменыш

сказала ему что-то нехорошее или оставила без присмотра, не перекрестила его перед сном, не пожелала здоровья, когда ребенок чихнул, и т.п.

По народному убеждению, маленьких детей особенно часто подменяют в банях. Подобные поверья, по-видимому, были связаны с тем, что роженицы обычно не только рожали в бане, но и проводили там первые дни после родов; баня же в народе считалась местом нечистым и опасным, доступным для всякой нечистой силы. Считалось, что нечистая сила всеми силами будет стараться заполучить ребенка, пока он еще не окрещен, и если ребенок останется без присмотра, то его либо похитит банник, либо утащит черт или другой нечистый дух, явившийся вихрем через трубу каменки. Опытные повитухи обычно старались не оставлять роженицу одну ни на минуту, полагая, что если она останется в одиночестве (и особенно если она в это время вздремнет), нечистая сила может подменить младенца, оставив взамен своего уродливого ребенка. Если же повитухе требовалось выйти, то она ставила, благословясь, в угол голик или посох (заставляя его беречь мать и дитя), крестила все углы в бане, приносила образ и т.д.

Ребенка постарше нечистая сила могла «обменить», похитить и в доме, в лесу или в поле, но только в том случае, если его проклинали родители, если сто не перекрестили на ночь, если ему не пожелали: «Будь здоров!» при чихании и т.д. В противном же случае нечистая сила не смела «приступиться» к нему, так как он был крещеным и безгрешным (считалось, что все дети «без греха»).

Похитив ребенка, нечистый дух мог оставить вместо него свое детище — уродливого подменыша. Согласно народным поверьям, подменыш отличается от обычных детей ненормальным рахитичным сложением: непомерно большой головой, часто свисающей на сторону; тонкими ногами и руками, висящими плетью; огромным вздутым животом и т.п. Его лицо выглядит уродливым, у него бывают сильно оттопыренные уши, волосатое тело, а вместо ногтей — острые когти. Он с рождения отличается природной тупостью и злостью; беспрестанно плачет и визгливо кричит, капризничает; страдает отсутствием аппетита или, наоборот, необычайно прожорлив (беспрерывно требует есть, съедает «по крынке молока и по житнику в час» и т.д.). Подрастая, подменыш обычно очень плохо развивается, мало двигается; долго (иногда — до 11 лет) не может говорить и ходить. Он всегда бывает хмур и неприветлив, часто ведет себя как недоумок; постоянно болеет и редко живет дольше семи лет (чаще всего умирает в семилетнем возрасте или превращается в головешку, веник и т.д.). В некоторых местах полагали, что подменыш, хоть и выглядит рахитичным и слабым, на самом деле «силен, как конь», но до одиннадцати лет не проявляет никаких признаков разума, а после одиннадцати лет убегает в лес к своим настоящим родителям.

Обменами во многих местах называли и предметы, обращенные нечистой силой в младенцев. Так, например, во многих быличках нечистая сила, похищая младенца, оставляет вместо него в колыбели полено, чурку, головешку, веник и т.д.; родителям же кажется, что в колыбели лежит их ребенок. Такой обмен годами остается в зыбке и беспрестанно кричит и плачет, практически не развиваясь. Так, на Русском Севере популярен сюжет, в котором унесенная и воспитанная лучшим проклятая девушка вырастает, выходит замуж за освободившего ее парня, возвращается домой и обнаруживает дома своего голосящего двойника (который по-прежнему выглядит младенцем), которого она выбрасывает из зыбки, после чего он превращается в веник.

По некоторым поверьям, обменыш может расти и почти неотличимым от обычных детей; считалось также, что он может обладать колдовской силой. Так, например, в некоторых местах полагали, что если хорошо обращаться с подменьшем (подавать ему его любимые блюда и т.д.), то он может обогатить своих приемных родителей: будет пропадать из дома по ночам и приносить под утро золотые монеты; однако если приемные родители чем-то обидят его, то он навсегда исчезнет из дома, а золото, принесенное им, превратится в прах или черепки. В других местах верили, что ребенок лешего, оставленный вместо человеческого младенца, будет расти и выглядеть как обычный ребенок, но при этом он от рождения наделен колдовскими способностями и вырастет очень деятельным человеком, а его семья всегда будет жить в достатке; однако он сам будет мало бывать дома и постарается умереть скоростижно, чтобы избежать церковного напутствия, а по смерти своей станет еретиком и «не найдет успокоения, пока не ислепют его кости».

Для того, чтобы предотвратить подмену ребенка на обменыша, прибегали к различным способам, и, прежде всего, старались первое время после родов не оставлять роженицу с ребенком одних. Младенца старались побыстрее окрестить, а до крещения все время дежа ли в избе горящую свечу. Помимо этого, младенцу на руке завязывали красный шнурок или надевали на него красную шапочку; окуривали на ночь колыбель или клали в нее растения-обереги; следили, чтобы на лицо ребенка не падал лунный свет, и т.д. Оставляя младенца одного, втыкали в притолоку у двери нож, а у порога или под зыбкой оставляли веник, клали под зыбку топор и т.д. Особые предосторожности должна была соблюдать мать ребенка: ей нельзя было ночью во сне поворачиваться к новорожденному спиной, ругать и тем более проклинать ребенка (особенно вечером) и т.д.

Для того, чтобы вернуть себе собственного ребенка, применяли различные способы. Так, например, желая вернуть свое дитя, мать должна была бить подменыша ореховым прутом (ольховой или березовой хворостинной, веткой, которой перед тем побили жабу, и т.д.) на

ПОДОВИННИК

пороге дома (около открытой горячей печи, на мусорной куче или в поле, на мосту, на меже или перекрестке) до тех пор, пока подбросивший его демон не совершит обратный обмен, забрав своего уродца и вернув матери ее ребенка. Этот обряд могли совершать только строго определенные лица: мать похищенного ребенка, знахарка, пастух или мальчик, родившийся у незамужней девушки. Известно множество западнославянских быличек, повествующих о том, как во время совершения обряда внезапно появлялась чертовка (мамуна, ботинка), которая хватала плачущего подмышка и возвращала людям их ребенка.

Известен и другой способ вернуть себе подмененного ребенка: надо было сделать вид, что готовишь пищу подмышку в половинке яичной скорлупы. При виде такой странной посуды подмышка приходил в крайнее изумление; до того не произносил ни одного слова, он неожиданно для всех говорил, что никогда ничего подобного не видел, после чего исчезал, а на его месте оказывался похищенный ребенок.

Считалось, что похищенных детей нечистая сила забирает себе; они живут и растут у тех или иных нечистых духов, пополняя их семью или попадая к ним «в присягу», в подчинение. Так, например, часто считалось, что похищенных детей нечистая сила носит с собой и заставляет раздувать начавшиеся пожары, воровать в деревнях оставленную без благословения еду и т.д. По некоторым поверьям, похищенные дети отдаются на воспитание русалкам или проклятым девкам, а по истечении определенного срока превращаются: девочки — в русалок, а мальчики — в леших. В некоторых местах верили, что похищенные нечистой силой дети незримо бродят по свету (иногда — невидимо ходят за своими матерями), отыскивая себе пропитание (они пьют молоко, оставленное неблагословленным, снимают с крынок сметану и т.д.). Нередко также считалось, что похищенные живут вместе со своими похитителями, а питаются едой, которую люди оставили без благословения, а даже нередко едят вместе с теми людьми, которые за столом бранятся.

Ребенок, побывавший у нечистой силы, обычно долго болеет, отличается разными странностями, по нередко, вырастая, поражает всех своими способностями и умом. В некоторых местах верили, что такой ребенок может сделаться вещим человеком или начать колдовать; в других местах считали, что «возвращенного» ждет успешная карьера священнослужителя. Возвращенный ребенок может также умереть или через некоторое время потеряться, вновь попав во власть нечистой силы, и т.д.

Подовинник — см. Овинник.

ПОДПОЛЯННИК, подпольник — домашний дух, обитающий в подполье; возможно, одно из названий дворового или домового духа, который, по народным поверьям, часто селится в подполье.

Согласно народным поверьям, подполянник живет в подполье дома, где проводит время так же, как крестьяне в избе. Подполянников в доме может быть несколько, у них есть свой большак (главный подполянник), большуха, дети и т.д. Как правило, подполянников бывает столько же, сколько членов крестьянской семьи, живущей в этом доме, и каждый из домочадцев может иметь своего двойника-подполянника.

В некоторых местах подполяннику приписывали больше дурных, чем хороших черт, считая, что он вообще «не добр». Верили, например, что подполянник угаскивает к себе детей, проклятых матерью; эти дети исчезают из избы, но продолжают невидимо жить и расти у подполянников, пополняют их семьи и сами становятся подполянниками, выходят замуж и женятся на подполянниках из других домов и т.д.

Известна быличка о женщине, проклявшей свою дочь, которую подполянник после этого затащил в подполье; говорили, что «она там и замуж выйти успела, и стала уж сына женить, да и пришла к матери просить сыта: «Матушка, — говорит, — коли хочешь видеть, как я живу, сойди три ступени в подполье и гляди промеж ног своих». Ну и увидела их, мать-то. Сидят они все, как наши мужики. Так она и сыта принесла дочке, и рубашку».

Подполянники, как и другие сверхъестественные существа, могли, по поверьям, предсказывать будущее, поэтому в некоторых местах девушки ходили гадать в подполье. Каждая из девушек по очереди разувалась, босиком спускалась в подполье и там ждала; если там ее ногу гладило «мохнашкой», это предвещало ей богатого жениха. При этом в подполье спускались все гадающие девушки, кроме одной, поскольку считалось, что эту последнюю там «задавит».

Возможно, вера в подполянников отразила некогда существовавший обычай погребения покойников в доме, а также представления о том, что все умершие родственники и в загробном мире остаются одной семьей, продолжают жить (иногда даже в той же избе) и сохраняют связь с живыми людьми.

Подриженный — см. Рижпый.

ПОЖАР — стихийное бедствие, по народным поверьям, посылаемое человеку в наказание за нарушение запретов, правил поведения и морально-этических норм. Так, причинами пожара считали нарушение запретов на работу в летние праздники (на Илью, Марию, Паликопу и др.), проявление неуважения к огню, разрушение гнезда аиста, обиду, нанесенную огненному змею, и т.д. Кроме того, крестьяне верили, что утром нельзя раздувать огонь, не помолвившись прежде Богу, так как от этого бывают пожары.

В народной традиции пожаром, являвшимся следствием гнева божия, наказанием свыше, считали обычно пожар от молнии. Лучшей защитой от такого небесного огня считалась праведная жизнь и соблюдение обычаев и правил поведения; кроме того, оберегом

Покров

от него служили всевозможные освященные предметы — освященная верба, «четверговая» свеча, благовещенские просфоры, ладан, троицкая зелень и пр., а также головня от пожара, зажженного молнией, «громовой палец» и т.п. Подобные вещи крестьяне хранили в доме, затыкали за иконы и в щели, забрасывали на чердак, клали на окно и т.д.

К пламени пожара славяне относились как к одушевленному существу; поэтому поверья запрещали носить вещи из горящего жилого дома по направлению к другому строению, чтобы пламя не «потянулось» вслед, не желая отдавать то, что у него отнимают. Первыми из загоревшегося здания выносили наиболее почитаемые предметы: иконы, стол, дежу и т.п.; при этом крестьяне верили, что если во время пожара загорится икона, «то над этим местом появится высокий столб пламени, наподобие горящей свечи».

Так как пожар считался наказанием свыше, тушить его иногда считали грехом; если же на пожар все-таки пытались воздействовать, то обычно стремились не столько потушить его, сколько локализовать. При этом считалось, что пожар, зажженный молнией, следует тушить молоком (иногда — только молоком от черной коровы), а если его не хватит, то квасом, но ни в коем случае не водой, так как такой огонь только больше разгорается от воды. Кроме того, при тушении пожара, возникшего от молнии, использовали иногда и освященные предметы: бросали в огонь пожара пасхальное «первохрестное» яйцо (т.е. яйцо, которым первым «привелось похристосоваться») или вербу; обходили горящий дом с пасхальным яйцом, с зажженной четверговой свечой или же с иконой Неопалимой Купины; стояли лицом к огню с иконой св. Николая (Миколы) и т.д. Прибегали иногда и к другим мерам, например, затапливали печки в соседних домах (т.к. «дым на дым или огонь на огонь нейдет») и т.д.; делали это все, однако, по большей части не для того, чтобы потушить пожар, а для того, чтобы огонь не перекинулся на соседние дома.

ПОКРОВ — праздник явления Покрова Пресвятой Богородицы (1/14.X). Согласно легенде, произошло это событие в середине X в., в Константинополе, во Влахернской церкви, где хранились риза Богоматери, ее головной покров (мафорий) и часть пояса, перенесенные из Палестины в V в. В воскресный день, во время всеобщего бдения, когда храм был переполнен молящимися, Андрей, юродивый, славянин по происхождению, в юности попавший в плен и проданный в рабство местному жителю, в четвертом часу ночи, поднимая очи к небу, увидел идущую по воздуху Пресвятую Деву Марию, озаренную небесным светом и окруженную ангелами и святыми; святой Иоанн Креститель и св. апостол Иоанн Богослов сопровождали ее. Преклонив колена, Пресвятая Дева начала со слезами молиться за христиан; закончив молитву, она сняла с головы покрывало, распростерла его над молящимися в храме людьми, защищая их от врагов видимых и

невидимых, и просила Иисуса Христа принять молитвы всех людей, прибегающих к ее заступлению. Покров ее при этом блистал «наче лучей солнечных». Затем Царица Небесная исчезла, и покрывало ее также сделалось невидимым, по люди «долго еще ощущали благодать, осенявшую храм».

На Руси храмы в честь Покрова Божией Матери появились в XII в.; праздник же Покрова был установлен святым князем Андреем Боголюбским около 1164 г.

На Руси праздник Покрова издавна считался временем свадеб; вероятно, это было связано с тем, что к этому времени заканчивались все полевые работы и определялся итог урожая. Покров воспринимался как покровитель свадеб, и считалось даже, что если в этот день очень ветрено или выпадает снег, то это предвещает «большой спрос на невест». А так как о свадьбах заботились, в первую очередь, девушки, то Покров в народе считался также и девичьим праздником. В этот день спозаранку каждая девушка-невеста считала обязательным побывать в церкви и поставить свечку перед образом Покрова Богородицы, причем повсюду считалось, что девушка, которая первой поставит свечку, и замуж выйдет раньше всех. Кроме такой умиловительной свечи, перед образом читались и особые молитвы, долженствующие ускорить брак: «Батюшка-Покров, мою голову покрой. Матушка-Пятница Параскева, покрой меня поскорее!» Подобную же молитву девушки в этот день читали, отходя ко сну: «Покров-праздничек, покрой землю снежком, а мою голову венцом».

С Покрова во всей Великороссии, да и в других местах, начинались «беседы» — девичьи посиделки, на которые заходили и парни. Кроме того, с этого дня начинались покровские ярмарки. От Покрова начинали наниматься на работу; срок при этом устанавливали: от Покрова до Евдокии, до Егорья или до Крещения.

Простое население с Покрова начинало подготовку к зиме. Вообще, среди крестьян Покров считался «первым зазимьем» (началом зимы); к этому дню обязательно чинили избы, а на Покров начинали их конопатить с приговором: «Батюшка-Покров, покрой избы тесом, а хозяев добром». Начиная с Покрова, в жилых горницах топили печи, причем во многих местах старались первый раз истопить печь яблоней (чтобы в доме всю зиму было тепло), и затопить непременно с приговором: «Батюшка-Покров, натопи нашу хату без дров». Иногда в этот день пекли блины, и это называлось «запекать углы».

На Покров скот принято было «закармливать» на зиму, причем этот обычай обставлялся весьма торжественно. Так, скотине скармливали особый сноп овса, именуемый «ножилышком», т.е. последний сноп с последней полосы. Такой сноп иногда вязался из тех колосьев, которые оставлялись «Илье на бороду»; эту «бороду» дожинали непременно всей семьей, храня во время работы ритуальное молчание. Из «бороды»

Полазник

потом вязали отдельный сноп, который прославляли во время праздника окончания жатвы, а затем ставили на лавку в переднем углу, где он и стоял до Покрова. На Покров же его торжественно выносили на двор и давали скотине с целью предохранить ее от зимней бескормицы и от всех бед и напастей, связанных с суровым и тяжелым временем года.

ПОЛАЗНИК — ритуальный гость, первый посетитель дома в наступившем Новом году; реже — животное, вводимое в дом (вол, овца, коза).

С полазником-гостем были связаны различные ритуальные новогодние гадания. Так, например, считалось, что если полазник — удачливый человек, то и наступивший год будет счастливым, а если он неудачник, то п год выдаться неблагоприятным. Нередко считалось, что если полазник — мужчина, то в будущем году в доме будут рождаться дети и животные преимущественно мужского пола, а если женщина — дети женского пола; иногда считалось также, что появление полазника-женщины приносит несчастье, а мужчины — счастье.

Явившись в дом, полазник во многих местах совершал различные магические действия, долженствующие принести дому и семье благополучие, достаток, удачу и т.д. Наиболее часто эти обряды совершались с рождественским поленом бадьяком: полазник произносил над ним заклинания о размножении скота и здоровье людей, обсыпал его зерном и т.д. Над самим полазником также совершались иногда некоторые обряды: его сажали на шубу, чтобы у скота был хороший приплод; богато угощали, чтобы в доме весь год был достаток, и т.д. Вообще, в честь полазника обычно устраивали настоящее пиршество, полагая, что чем богаче будет угощение, тем удачнее выдаться для семьи наступивший год.

В некоторых поверьях полазник выступал также как благодущное божество, приносящее счастье в Новом году, домашний дух, нашептывающий веселые пророчества; кроме того, так иногда называли рождественскую елку.

ПОЛЕВИК, полевой, житный дед — дух нивы; демон, связанный с хлебопашеством и земледелием. В некоторых поверьях полевик связан с ветром, огнем (искрами пламени) и движением солнца, с полднем и временем летнего расцвета земли; он — персонализированный летний свет и жар, способствующий росту хлебов, по оборачивающийся также пожаром, засухой и т.п.

Полевик в народных поверьях мог принимать облик маленького и уродливого человечка; старичка с черным, как земля, телом, разноцветными глазами, бородой из колосьев и травой вместо волос; белого человека, часто дующего, свищущего и насылающего этим ветер; реже — козла, быка и т.д. На Русском Севере считали, что полевик имеет вид молодого мужика с длинными ногами, быстро бегающего, имеющего

рожки и хвост с кистью на конце, которым он поднимает пыль, чтобы скрыть себя; он весь покрыт шерстью огненного цвета, поэтому при беге кажется искрой и увидеть его очень трудно.

Считалось также, что иногда полевик появляется во ржи в облике старика-нищего; при встрече с людьми он сердито грозит пальцем, что, по народному убеждению, служит предвестием всеобщего неурожая и голода в следующем году.

Некоторые народные поверья сближали полевика с другими духами — лешим, водяным, домовым, русалками и т.д. Так, например, считалось, что полевик может быть похож на лешего и покрыт лохматой шерстью. О появлении полевиков, как и о появлении лешего, могут свидетельствовать бегающие огоньки, пенне, хлопанье, свист и т.д. Считалось также, что полевик, подобно лешему, может иногда принимать облик всадника; так, например, в одной быличке полевик в облике «здоровенного малого на сером коне» стремится переехать мужика, вздремнувшего на меже; в другой быличке полевик в облике кучера на быстрой тройке пронесется по селу перед пожаром. Полевик, по поверьям, может сидеть на кочке и ковырять лапты, как леший; но в то же время он похож на водяного (может утопить человека) и русалок, появляющихся во ржи во время цветения. Как и полудницы, полевик, по народному убеждению, может поражать жнецов и жниц солнечным ударом. Кроме того, часто полевик воспринимался почти как домовый и даже именовался в некоторых местах «полевым домовым».

Согласно народным поверьям, каждый полевик имеет свои собственные уголья — поля и луга одной или нескольких смежных деревень, не отделенных друг от друга лесом или водой. Чаще всего полевика, по народному убеждению, можно увидеть у межевых ям, вообще у межи (границы полей), у рвов, на перекрестке и т.д.; появляется он обычно в полдень, в летние лунные ночи, перед закатом солнца или в жаркие летние дни, когда воздух бывает сильно раскален.

Полевик, по народным поверьям, наблюдает за травой и растениями вообще, в том числе и за хлебными злаками. Он охраняет хлебные поля от беды, сглаза и всякой вредоносной силы; если он будет доволен хозяевами поля, то будет им пособлять в работе, и урожай они соберут самый обильный. Однако, рассердившись на что-то, полевик может погубить урожай и вообще всячески вредить полям: напускать гадов и насекомых, истребляющих урожай; «путать» урожай (отчего среди ржи вырастает пшеница, а меж проса — ячмень); мять колосья и пр. Если хозяин небрежно убрал урожай, оставив на поле колосья, то на будущий год полевик может устроить недород: соберет оставшиеся несжатые колосья и перенесет на то поле, где хлеб убран чисто и бережливо; на следующий год там, где полевик подобрал колосья, будет неурожай, а там, куда он перенес колосья, будет обильная жатва.

В хлебных полях полевик живет только весной и летом, во время всхода, роста и созревания хлебов.

Полевой

После уборки хлеба он прячется в дожиночный сноп или в пучок колосьев, остающийся несжатым и имеющий название «Волосовой бороды»; поэтому этот сноп наряжали, с песнями несли в деревню и переносили в житницу, где и хранили до нового сева, чтобы, засеяв вытрясенные из него зерна, умиловать покровителя полей, дав ему возродиться в новых всходах.

Полевик, по мнению крестьян, мог «приглядывать» и за скотом, пасущимся на полях. Так, например, в некоторых местах скот поручали попечению полевых духов — «полевого хозяина батюшки» и «полевой хозяйки матушки». Однако при этом считалось, что если хозяева не будут относиться к полевiku с должным уважением (напр., не станут приносить ему подарки и т.д.), то полевик может известить скот, разогнать его и т.д.

Согласно народным поверьям, полевик, хоть обычно и относится к людям благосклонно и помогает в полевых работах, может и вредить человеку. Так, например, считалось, что полевика насылают солнечные удары, головную боль, лихорадку и т.п. на людей, работающих в поле в самый полдень. По народному убеждению, полевик иногда недобро «подшучивает» над людьми: подобно лешему, он заставляет плутать во ржи, сбивает путников с тропы и хможет даже завести в болото, а иногда и утопить человека в омуте. Иногда он подсаживается на проезжающие по полю телеги, отчего лошадь останавливается и не может сдвинуться с места или едва тащится, словно тянет непосильный груз. Рассказывали также, что полевик нередко пугает прохожих в поле — свистит, хлопает в ладоши, «мелькает искрами», кидается головешками и т.д.

Особенно большой вред полевик может причинить заснувшим в поле людям. Так, например, считалось, что человеку опасно спать в поле в полдень или перед закатом солнца, так как в это время полевые духи выходят из своих нор и наводят на тех, кто спит, еще более крепкий сон, напускают разные лихорадки и прочие тяжелые болезни. Кроме того, согласно поверьям, человек ни в коем случае не должен спать на меже, так как там ходит полевик, который может навредить человеку, оказавшемуся на его пути, а также потому, что дети полевика, межевички и луговички, бегают там и ловят птиц в пищу своему родителю, а если найдут спящего человека, то непременно навалятся на него и задушат.

Для того, чтобы умиловать полевика, ему приносили различные подношения: считалось, что если этого не сделать, полевик погубит весь урожай, истребит скот на пастбище и т.д. В дар полевiku обычно приносили пару яиц, кутью из зерен первого снопа, а также краденого у соседей старого и уже безголосого петуха. Эти подарки во многих местах носили полевiku раз в году, под Духов день, и при этом глухой ночью и тайком, так, чтобы никто не видел (так как считалось, что иначе полевик рассердится и истребит в поле весь хлеб); оставляли подарки подальше от проезжей дороги, где-нибудь в поле, во рву или на меже.

Для того, чтобы полевик мог перезимовать без нужды и заботы, на полях оставляли несколько несорванных яблок, а на току несколько пригоршней обмолоченного зерна; верили, что за это полевик обеспечит в будущем году хороший урожай. Кроме того, обязательно оставляли на поле несколько несжатых колосьев, связанных за макушки пучком («завивали Велесу бородку»); по некоторым поверьям, в этом снопе и зимует полевик.

Кроме полевика в поле появлялись преимущественно женские духи: кудельница, полудница, ржица, а также русалки, появляющиеся в жите во время его цветения.

Полевой — см. Полевик.

ПОЛКАН — полубог, славянский кентавр. Выглядел он как получеловек-пол у коня: до пояса имел человеческое телосложение, а ниже пояса являл собою коня; иногда считали, что у него есть крылья. Верили, что он обладает сверхъестественной силой и стремительным бегом; кроме того, он был чрезвычайно воинственным и отважным, любил сражения и, согласно легендам, нередко вступал со своими сородичами в битву, помогая праотцам славян одолеть врагов.

Возможно, что с кентавром Полканом были связаны легенды о Китоврасе — персонаже древнерусских книжных легенд. В рукописных текстах (XIV в.) Китоврас описывался как кентавр; в некоторых вариантах легенд — как оборотень, днем правящий людьми, а ночью оборачивающийся зверем (царем всех зверей). В русских легендах о Китоврасе и царе Соломоне рассказывается, что Китоврас был родным братом Соломона; он помогал царю строить храм и состязался с Соломоном в мудрости. Поимка Китовраса в этих легендах связывалась с предательством его неверной жены, которую он носил в ухе.

Вообще, легенды о полканах-кентаврах возникли, по-видимому, еще во времена скифов-кочевников, стремительно носившихся по степи на быстрых конях. Ловкие наездники, привыкшие обращаться с конем, вполне могли стать прообразом чудесных существ, сочетавших в себе коня и человека.

ПОЛУДНИЦЫ — полевые полуденные духи, воплощение солнечного удара. Обычно они представлялись в облике очень красивых молодых девушек с длинными золотыми волосами, облаченных в белые платья; реже — в облике уродливых косматых старух.

Согласно народным поверьям, полудницы появляются на полях в полдень, обычно во время цветения и созревания хлебов; во многих местах верили, что они охраняют посевы. В жаркий полдень полудницы витают над нивами, бродят по полосам ржи, бегают по меже и т.д.; особенно же они любят плясать. По поверьям, если полудница увидит девушку, бросившую жатву и прилегшую вздремнуть, то непременно разбудит ее и станет уговаривать поплясать с ней, чтобы

Полуночник

узнать, кто кого перепляшет, однако, если девушка поддастся на ее уговоры, полудница заставит ее плясать по полям и лугам до самой вечерней зари. По народному убеждению, полудницу еще никому не удалось переплясать; при этом, однако, считалось, что если девушка сможет переплясать не знающую устали полудницу, то та одарит ее невиданно богатым приданным.

Полудницы, по народному убеждению, довольно опасные существа, которые нередко причиняют людям вред. Так, например, считалось, что полудницы часто преследуют работающих в поле (и особенно появляющихся на межах) людей, насылают на них головные боли, лихорадки и т.д. Человека, который работает в самый полдень, полудница берет за голову и начинает вертеть до тех пор, пока не натрудит шею до жгучей боли или пока шея не перервется. Особенно же опасны полудницы для детей: считалось, что они похищают детей, которых матери оставили в поле без присмотра; детям запрещали ходить в поле одним, «а то полудница погонится».

Во многих поверьях полудница напоминает других женских мифологических персонажей — мару, жареницу, удельницу, кикимору, русалку и т.п. Так, например, по некоторым поверьям, полудница, подобно маре, имеет облик высокой белой женщины, появляющейся в жаркие дни и насылающей мороки. В других местах полудница, подобно жаренице, — красивая женщина со сквородой, которой она закрывает хлеб и травы. В некоторых поверьях полудница напоминает черную волосатую удельницу, гонящуюся за детьми, а также русалок, появляющихся в полях во время цветения ржи. Кроме того, полудница могла напоминать кикимору: так, по поверьям Южной Сибири, полудница — старуха в лохмотьях, со всклокоченными волосами, обитает в банях или кустах крапивы, охраняет огороды от детей; в Сургутском крае полудницей называли ряженую в шубе навыворот, а саму полудницу представляли себе обросшей волосами женщиной с огромными грудями, которая «косит» людей в полдень. По поверьям Архангельской области, полудница иногда появляется не только днем, но и ночью; она может показать, как добыть цветок, делающий человека невидимым. Возможно, «высокая белая полудница» — это один из «дневных», «летних» обликов кикиморы, которая «зимой на Святках маленькая, а затем вырастает». Вполне вероятно также и то, что полудницу, как и кикимору, удельницу и пр., считали разновидностью русалок, которые являлись как в облике красивых молодых девушек, так и в облике страшных старух; появлялись как в полях, так и в огородах, в лесах и даже в домах; показывались как ночью, так и в сумерках, нередко в полдень и т.д.

Очевидно, собственно полудница являлась воплощением полдня, времени максимальной активизации солнца. Полдень — это межа, граница, разделяющая день; время сакральное и очень опасное, активизирующее самые разнообразные существа и силы, в том

числе и исключительно «полдненные». Полдень исконно почитался временем нечистой силы, в том числе и полудниц; человеку же в это время полагалось отдыхать. Однако спать в полдень, как и на закате, считалось опасным: но поверьям, при повороте солнца «на вечер» полуденные духи выходят из своих нор и могут «навести» на спящего человека еще более глубокий сон, наслать на него болезни и т.д. Такими полдненными духами и считались полудницы, а также другие духи поля: полевики, удельницы и пр.

Полуночник, полуночь, полуночица — полуночный дух не вполне определенного облика, как бы «растворенный» в полночном времени. Это дух, который появляется ночью, преимущественно в полночь («А в полночь полуночник ходит»); в некоторых местах полуночниками называли вообще всех тех нечистых духов, у которых время особой активности приходится на полночь.

Судя по некоторым поверьям, полуночник — это одно из названий домового, который «в полночь обходит всю деревню и возится по задворкам», появляется ночью и беспокоит людей, «глумится» в полночь и т.д. Реже полуночник ассоциировался с покойником, который «ходит в полночь», возвращается домой, бродит неприкаянным по земле и т.д.

Полуночица в народных поверьях была практически аналогична кикиморе, маре или ночнице: она — нечистый дух, живущий в пустых домах, в банях и т.п.; появившись в жилом доме, она беспокоит преимущественно детей: не дает им спать, тормозит их и т.д.

Как ночной дух, беспокоящий детей, полуночица, «полуночная хозяйка», «матенка-полуноченка» («матер ночная и полуночная») упоминается во многих заговорах от детской бессонницы. Так, например, считалось, что если дитя не спит по ночам и плачет, следует взять его на руки, поднять вверх и трижды его ногами коснуться матицы, при этом трижды плюнув и произнеся: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Полуночица Анна Ивановна, по ночам не ходи, рабы Божьей (имя) не буди! Вот тебе работа: днем играй пестом да ступой, а ночью матицей. Во веки веков. Аминь!»

В некоторых местах полагали, что полуночиц бывает несколько. Так, например, в Архангельской губ. полагали, что полуночицы — это двенадцать сестер. В некоторых заговорах упоминаются «полуденные и полуночные криксы и плаксы», «бессонье» — вредные существа, порожденные полдненным и полуночным временем; забрать, увести от ребенка этих существ в заговорах просили обычно Зарю (реже — Землю, Воду и пр.): «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Заря-заряница, заря, красная девица, возьми криксы и плаксы, денны и полуденны, ношны и полуношны, часовы и полчасовы, минуты и полминуты от раба Божьего (имя)».

Поманиха

Вообще, заговоры, в которых содержалось обращение к Заре, считались самым действенным средством против полуночников. Заговоры эти звучали примерно так: «Встану я, раб Божии (имя), благословясь, пойду перекрестясь, из избы в избу, из дверей в двери, из ворот в ворота, под восток, иод восточну сторону; под восточной стороной ходит матушка утренняя заря Мария, вечерняя заря Маремьяна, мать сыра земля Пелагея н сине море Елена. Я к ним приду поближе, поклонюсь им пониже: «Вояси ты матушка заря утренняя Мария и вечерняя Маремьяна, приди к нему, рабу Божьему, ко младенцу, возьми ты у него полуношника и шекотуна из белого тела, из горячей крови, из ретивого сердца, изо всей плоти...» и т.п.

Кроме заговоров, отогнать полуночников п полуночниц могло, по поверьям, особо осмотрительное поведение, заговоры, молитвы, а также различные обереги. Так, например, от бессонницы детям, которых, по народному убеждению, беспокоит полуночный дух, в люльку клали краюшку хлеба, цветок чертополоха, а также имеющую «фигуру старинной серебряной копейки» косточку из головы поросенка или рыбы (косточку эту в просторечии называли «сон»); кроме того, девочке в люльку клали пряслицу, а мальчику лук и стрелу.

Поманиха — см. Ман.

ПОМИНОВАНИЕ УМЕРШИХ - обряды, связанные с представлением о загробной жизни и о душах умерших. Так, например, поминки непременно устраивались после смерти человека и сопровождалась причитаниями, а также тризнами и пр., продолжавшимися сорок дней после смерти человека.

Поминовение умерших происходило и в некоторые особые дни календаря. Так, перед Великим постом, в Прошеное воскресенье повсеместно принято было ходить на кладбище и там «молиться и поклоняться праху родных», оставляя на могилах блины для душ умерших и т.д. Некоторые обряды, связанные с умершими, приурочивались к Великому четвергу (в это время «кормили» души, готовили им баню и пр.). В первый день Пасхи родственники ходили на могилы близких и там «христосовались» с покойниками. На Фоминой педеле повсюду праздновали радуницу — один из главных родительских дней; большая часть этого дня целиком посвящалась поминовению предков. Другим известнейшим днем поминовения умерших считалась Родительская суббота перед Троицей. Духов день (первый понедельник после Троицы) в народе также считался поминальным, однако посвящался поминовению преимущественно заложных покойников — утопленников, умерших некрещеными детей п пр. панихиды в честь мертвых устраивались и в Покровскую субботу, а также в день усекновения главы св. Иоанна Крестителя, когда совершалось поминовение всех воинов, «на поле брани убиенных» (некогда это поминовение приходилось на Дмитровскую

субботу — между 18 и 26 октября ст.ст. — и было установлено после Куликовской битвы князем Дмитрием Донским; позднее же, по указу Екатерины II, было перенесено на 29 августа ст.ст.).

В дни поминовений повсеместно принято было посещать кладбища и после заупокойных панихид поминать покойников, устраивая на могилах небольшие пирушки, попойки и пр. При этом обычно по только ели и выпивали сами, но п угощали умерших: зарывали в могилы яйца, лили брагу, оставляли на могилах блины и т.д. Женщины во время поминок нередко устраивали вытье, голошение — плач по покойникам, причитания (часто — в форме старинных народных песен), сопровождаемые всхлипываниями и стонами. Такие причитания производились и при похоронах: женщины и девушки во время погребения оплакивали мертвых и при этом употребляли различные песноречитативы, в которых выражали достоинства умершего, сожаления о его кончине и жалобы осиротевших и даже уверяли мертвых за потерю жизни пли за преждевременный переход в другую жизнь, а также просили умерших родственников вернуться с «того света» и навестить своих родственников. Так, например, в некоторых местах дочери, оплакивая отцов, причитали следующим образом: «Со восточной со сторонушки Подымалися да ветры буйные Со громами да со гремучими, / С молоньями да со палючими; / Пала, пала с небеси звезда / Все на батюшкину на могилушку... / Расшиби-ка ты, громова стрела, / Еще матушку да мать — сыру землю! Развалиско ся ты, мать-земля, / Что на все четыре стороны! Скройся-ко да гробова доска, / Распахнитесь да белы саваны! Отвалитесь да ручки белые От ретива от сердечушка. Разожмитесь да уста сахарные! Обернись-ко ся да мой родимый батюшка Перелетным ты да ясным соколом, Ты слетай-ко ся да на сине море, На сине море да Хвалынское, Ты обмой-ко, родной мой батюшко, Со белова лица ржавчину; Прилети-ко ты, мой батюшко, На свой-ет да на высок терем, Все под кутисе да под окошечко, Ты послушай-ко, родимый батюшко, / Горе горьких наших песенок». Старухи же причитали по старикам так: «На кого ты, милый мой, обнадеялся? И на кого ты оположился? / Оставляешь ты меня, горе-горькую, / Без теплова свово гнездышка! Не от кого-то горе-горькой, Нету мне слова ласкова, / Нет-то мне слова приветлива. / Нет-тот у меня, горе-горькие, / Ни роду то, ни племени, / Ни поильца мне, ни кормильца... / Остаюсь-то я, горе-горькая, Старым-то я, старешенька, / Одна да одинешенька. Работать мне — изможенья нет. / Нет-то у меня роду-племени; Не с кем мне думу думати, Не с кем мне слово хмолвити: Нет у меня милова ладушки».

ПОМОЩНИКИ — нечистая сила, помогающая колдунам и ведьмам. Чаще всего под помощниками подразумевались черти и бесы (собственно чертенята и бесенята), а также другие мелкие нечистые духи;

Порог

называть их могли и по-другому: работники, сотрудники, солдатики, кузутики, грешки, шишки, шутики и т.п. Считалось, что у человека, занимающегося колдовством, их может быть несколько: от одного-двух до бесчисленного количества.

Согласно поверьям, колдуну, заключившему договор с нечистой силой, даются особые помощники, которым он обязан давать работу. Обычно они бывают видимы лишь для самого колдуна, хотя иногда их могут видеть и другие, обычные люди. Так, например, в разных местах «очевидцы» рассказывали о том, как тот или иной местный колдун показывал им своих помощников: «Он (колдун) шишков знал. Попросили, чтобы он показал. Только не испугайтесь. У всех синие короткие штанки, красные рубашечки, стоят шеренгой, как маленькие человечки, пятьдесят, семьдесят сантиметров. Они как будто скачут, а не ходят. А как приказал, появляются, шум да ветер. Я их в лес пошлю, они ходят, хвою считают. А как надо, я их позову, так вихрь идет».

Помощники, работающие на колдуна, заключившего договор с нечистой силой, могли выглядеть по-разному. Обычно их описывали как маленьких юрких человекоподобных существ, нередко лохматых и черных, имеющих хвосты, рожки и копытца; при этом, однако, считалось, что они, в общем-то, могут принять любой облик. Так, по некоторым поверьям, чертенята-помощники прилетают к колдуну филинами или воронами, являются черными кошками или существами, похожими на кошек. В рассказе с Печоры колдун показывает мужику своих бесов, имеющих вид огоньков: «...Пошли в баню. Колдун, наговоривши, что надо, и почитавши в черной книге, говорит: «Посмотри через мое левое плечо в озеро на воду». Посмотрел тот и увидел разные огоньки — зеленые, желтые, красные».

Обитать помощники могли в разных местах, однако чаще всего считалось, что они, когда не выполняют никаких поручений своего хозяина, находится в подполье дома. Так, в бы личках бесенята-помощники подсказывают колдуну ответы при гадании из-под пола: в рассказе из Вологодской губернии черт-помощник, которого колдунья спрашивает о пропавших деньгах, вылезает из голбца.

Согласно народным поверьям, помощники колдуна стремительны и вездесущи; любые поручения колдуна они быстро выполняют и тут же требуют новых заданий. Колдун же обязан все время давать своим помощникам разные поручения; если у него не найдется для них дела, они будут тормозить его, беспокоить, «подергивать» до тех пор, пока не получат от него работу, а если колдун надолго оставит их без дела, то они вконец замучают его. Так, например, считалось, что ребенка нельзя передавать колдовскую силу, так как он не сможет справиться с помощниками и те замучают его до того, что ребенок вскоре погибнет.

Для того, чтобы хоть на время избавиться от докучливых бесов, опытные колдуны заставляли их делать какую-либо безнадежную или просто долгую

работу: вить веревки из песка, считать листья в лесу, носить воду решетом и т.п. Так, например, один колдун в быличке заставлял своих помощников считать пеньки (а это, по народному убеждению, дело для бесов очень трудное, так как многие деревья в лесу рубились с благословением, и бесы, дойдя до такого пенька, сбиваются со счета, им приходится все начинать сначала); когда колдуну требовалась помощь, он призывал своих помощников, а когда они все исполнили, снова отправлял их считать пеньки.

Если колдун не может совладать с буйными помощниками, он, по народному убеждению, может вовсе избавиться от них, посадив их в какой-либо предмет или передав другому человеку. Так, например, считалось, что колдун может «начадить бесов на палку» и оставить эту палку на перекрестке (так как бесы «от крестов не уйдут»); если же эту палку поднимет какой-нибудь прохожий, то бесы перейдут к нему и станут слушаться его и требовать у него работы.

Перед смертью своего хозяина-колдуна его помощники, по народному убеждению, страшно мучают его: если колдун никому не передаст своей силы, а вместе с пей и помощников, то бесы будут терзать его долгое время. Так, например, во Владимирской губернии рассказывали о ведьме, которая умирала три дня и все никак не могла умереть; она не передала свою силу, и потому помощники-бесы сильно мучили ее: скидывали с лавки на пол, забивали под пол и под печь, щипали ее и т.д. (умерла ведьма только тогда, когда разобрали крышу ее дома).

ПОРОГ — символическая граница между домом и внешним миром. Порог, наряду с дверью и замком, нарисованным мелом или вырезанным крестом, образовывал непреодолимое препятствие для нечистой силы, по при этом мог быть и местом ее обитания. Поэтому на пороге совершали множество различных обрядов, так или иначе связанных с потусторонним миром и сверхъестественными существами. Например, желая вернуть себе похищенного нечистой силой ребенка, подменыша били на пороге дома; под порогом бани или овина хоронили задушенного черного петуха или курицу — жертву баннику; веником били о порог, прогоняя чужого домового; под порогом новой конюшни закапывали березовое полено, чтобы «велись» копи; на пороге рубили старый веник, что обозначало символическое избиение, изгнание духа болезни; на пороге также произносили заговоры, и т.д. Считалось, что если под церковным порогом закопать косточки ножек ягненка, то колдун не сможет выйти из церкви; в порог дома втыкали железные предметы, чтобы ведьма не вошла в дом, и т.п.

В повседневной жизни людям обычно запрещалось садиться или вставать на порог, здороваться через него и пр.; молодая, входящая в дом мужа после венчания, не должна была касаться порога, поэтому ее вносили в дом на руках.

Порча

Порог считался местом обитания душ умерших и границей между миром живых и миром мертвых. На Украине вплоть до XIX в. существовал обычай закапывать под порогом умерших до крещения младенцев. При выносе гроба из дома во многих местах принято было ударять им по порогу, что символизировало прощание умершего с жилищем. В некоторых местах ребенок-сирота в день похорон отца или матери садился на порог и съедал кусок хлеба с солью, чтобы не тосковать по умершему и не испытывать страха перед смертью.

ПОРЧА — болезнь, напускаемая колдунами и ведьмами, «лихими людьми» и нечистыми духами; сила, которая отбирает здоровье и «спорынью», причиняет беды и т.д. Порчу наводили главным образом на люден, а также на животных, на посевы, на различные предметы и пр. Так, порчей называли многие болезни: «В народном быту почти каждую болезнь, не исследуя ее причины, приписывают дурному глазу или порче... Порчею называют всякую неизвестную болезнь; думают, что лихой человек напустил или опоил чем-нибудь».

Согласно народным поверьям, люди, на которых навели порчу, начинают болеть и сохнуть, теряют покой: на них «нападает тоска»; они начинают кликушествовать, становятся бесноватыми, сходят с ума и т.д. У «испорченных» людей бывают припадки вроде эпилепсии, которые случаются чаще всего при упоминании в разговоре, в присутствии порченного, некоторых животных (например, раков, мышей) или при приближении к порченому предметов сакрального значения (икон, причастия). Считалось, что порче подвержены главным образом женщины и девушки.

Народ часто считал порчу нечистым духом, посланным в человека; распространено также представление о порче как о животном, вселившемся в человека. Для того, чтобы избавить человека от порчи, знахарки давали больному рвотные средства; считалось, что вместе с рвотой выйдет и порча. Для того, чтобы снять чары, насланные колдуном, на шею порченного надевали хомут, снятый со вспотевшей лошади, и перевертывали его трижды вокруг шеи. Извлеченную порчу, по народному убеждению, нужно немедленно сжечь, чтобы она снова не вселилась в кого-нибудь.

Местопробывание порчи внутри человека большей частью — горло и желудок. При этом в одном человеке, по поверьям, могут быть одновременно две разные порчи. По народному убеждению, в человеке порча растет и развивается; временами она может даже разговаривать человеческим голосом и рассказывать, кто и как ее наслал (обычно называя наславшего отца или мать). Из одного человека в другого порча сама не переходит, поэтому для окружающих порченный не опасен.

Согласно народным поверьям, навести порчу можно множеством способов. Так, например, считалось, что сильный колдун или ведьма способны наслать

порчу одним только взглядом, прикосновением, словом; менее опытные колдуны насылали порчу через произнесение особых магических формул или через совершение магических действий. При этом нередко считали, что «испортить» человека могут не только колдуны, но и обычные люди, например, сказавшие «дурное слово» «не в час» или обладающие «недобрым глазом». Так, по поверьям, человек, у которого «дурной глаз», способен «сглазить», просто посмотрев на кого-либо.

Сглаз, или призор, считался самой распространенной причиной порчи; однако и способов бороться с ним было множество. Так, при встрече с человеком, у которого «недобрый глаз», мысленно говорили: «Недобрый глаз, не гляди на нас!», после чего в воображении накрывали его чем-нибудь, прикусывали себе язык, показывали кукиш, сплевывали три раза через левое плечо, трижды стучали по дереву и т.п. Кроме того, для защиты от сглаза нашептывали на воду, которой умывались или которую пили; надевали наизнанку белье; умывались с серебряной ложки или росой, собранной на Прокла (25.VII); читали заговоры; отчитывали больного три зори, а в более тяжелых случаях 12 зорь и т.д. Для того, чтобы вылечить человека от призора, в некоторых местах брали непитой (т.е. никем не отведанной) воды, вынимали из печи три уголька, доставали четверговой соли и все это помещали в один стакан, дули над ним три раза, потом три раза плевали в сторону, а после этого внезапно сбрызгивали больного три раза, давали ему три раза хлебнуть и вытирали ему грудь против сердца; заставляли рубашкой обтереть лицо, а остальную воду выливали под притолоку

Порчу колдуны могли навести с помощью ветра. Для этого они бросали на ветер («пускают по ветру») заговор или щепотку колдовского порошка; по поверьям, если такой ветер овеет человека или если хоть маленькая частичка порошка попадет на него, то он будет «изурочен». При этом, пуская на ветер заговор, иногда адресовали его какому-то конкретному человеку, но чаще просто пускали порчу с ветром для того, чтобы она вошла в первого попавшегося человека или домашнюю скотину.

Нередко считалось, что порча, пущенная колдуном, может лететь по воздуху в виде мухи, мошки; если человек случайно заглочит ее, то заболит. Кроме того, порча могла являться в облике змеи, лягушки и т.п. и вползать в человека во время сна; считалось, что она, поселяясь в человеке, сосет и душит его. Для того, чтобы избавиться от нее, надо садиться спать к столу, а на столе у самого лица спящего ставить крынку с молоком; порча-змея высунет свою голову изо рта спящего и будет пить молоко. На следующую ночь молоко нужно поставить дальше и таким образом приучить порчу выползать совсем; когда она станет вылезать, нужно подкараулить ее и убить (отрубить змее голову, сжечь ее и т.п.).

Иногда людей портили с помощью горсточки земли, взятой из следа («вынимали след»). Таковую землю

Порча

повдешивали в мешочке над печью, чтобы она сохла; считалось, что вместе с ней сухота обуяет и человека, из следа которого была взята земля. Иногда землю из следа бросали на дерево; по поверьям, после этого человек заболит и будет болеть до тех пор, пока дерево не засохнет, а с ним вместе не умрет и больной. В этих случаях освободить от порчи мог только опытный знахарь; однако при этом в некоторых местах верили, что если, наводя порчу, землю бросили на воду, то не сможет помочь и он (так, в одной из быличек знахарь, которого пригласили лечить такого больного, только сказал: «Сделано крепко и завязано туго — мне не совладать; одна теперь тебе надежда на спасение, если была в сапогах соломенная подстилка», — и ушел).

Ведьмы и колдуны, по народному убеждению, нередко «наговаривают» на различные предметы и бросают их на дорогах, перекрестках и т.п. для того, чтобы порча вошла в того человека, который поднимет наговоренный предмет или даже просто перешагнет через него. Поэтому человек, нашедший какую-либо вещь, должен сначала сотворить молитву и «сдуть» с находки нечистую силу, так как в этом случае злой наговор исчезает. В противном случае он будет «испорчен»; так, в одной из быличек баба, нашедшая на перекрестке монетку и взявшая ее без благословения, начала кликушествовать и сохнуть, пока не померла.

Порчу могли причинять и некоторые предметы, которые специально с этой целью прятали в доме, во дворе или в вещах человека, которого хотели испортить. Так, в хлеву колдуны зарывали колтун коровьих или конских волос для того, чтобы там «не велся», погибал скот; спутанный комком женский волос, а также косточку, взятую с кладбища, или три лучинки, опаленные с двух концов, зашивали новобрачным в подушки для того, чтобы они болели, ссорились и т.п. По поверьям, для того, чтобы снять такую порчу, нужно наговоренные предметы, от которых случилась порча, опалить на огне или пустить по воде; сделать же это может только знахарь или колдун. Порчу могли напустить и с едой, которую подкидывали человеку или которой его угощали; так, колдуны нередко напускали порчу с хлебом, солью, водой и т.д.

Иногда людей портили относом; делали это, однако, неумышленно, ненароком: «Делано было на одного, а подвернулся другой, посторонний человек». Относы — это вещи, снятые с больного и отнесенные на дорогу или повешенные в лесу на суку; по поверьям, через эти вещи болезнь уйдет из человека в дерево или же в того, кто ее возьмет. Снять такую порчу могли знахари, но только те, которые сильнее наставших порчу. Считалось, что для того, чтобы снять такую порчу, знахарь должен пойти на перекресток и бросить там узелок с золой, углем и кусочком глины от печного чела. Таким относом порча отводится от больного, но при этом всякий, кто первым наткнется на узелок, непременно будет испорчен. Кроме того, в некоторых местах при этом считалось, что после смерти душа

излеченного таким образом больного достанется дьяволу: когда его душа станет выходить из тела, Сатана скажет прилетевшему за душой ангелу: «Эта душа моя, она зналась со мною, приносила мне на распутье хлеб-соль».

Как колдуны, так и обычные люди иногда могли навести порчу с помощью оговора; такую порчу могли навести невольно, случайно. Так, например, считалось, что если человек пожелает кому-либо недоброе «не в час», то нечистая сила непременно услышит его пожелание, высказанное сгоряча, и испортит того человека, которому пожелали зла. Однако, если обычный человек мог таким образом испортить случайно, то колдуны делали это вполне сознательно. Так, повсюду считалось, что если колдун похвалил кого-либо, то это «не к добру»: в одной из быличек колдун отметил красоту девушки, которая вскоре после этого начала дурнеть и совсем иссохла.

Чтобы испортить человека на смерть, колдуй добывал его волосы, клал их в воск и глину и лепил подобие человеческой фигурки, которую потом клал в гробик, закапывал в землю и заваливал камнем; волосы иногда заменялись частью одежды, ногтями, землей со следа и т.п. Иногда фигурку лепили без волос и т.п., по в этом случае обязательно «окстили» фигурку, т.е. называли ее именем того человека, которого чаруют на смерть.

При порче животных колдуй употребляет приемы, основанные на тех же приемах, что и при порче людей. Так, чтобы вызвать болезнь и надеж скота, колдуны подбрасывали в хлев шарики, сваленные из шерсти издохших животных, закапывали во дворе шкуру п кости налож скотины, особым образом метили скот и т.п. Чтобы отнять у коров молоко, их на утренней заре ударяли наговоренной веревкой.

Разновидностью порчи считались заломы, которые ведьмы и колдуны делали на хлебе для того, чтобы отобрать урожай. Для того, чтобы сделать залом, колдун брал в руку несколько хлебных стеблей и, произнося заговор, ломал хлеб в правую сторону и закручивал его в левую; при этом в самый узел залама нередко клали немного золы, взятой из печи хозяина поля, а под закрут сыпали соль, землю с кладбища, яичную скорлупу, распаренные хлебные зерна, уголь и т.п.

Считалось, что сжинать залом ни в коем случае нельзя, так как если рожь с заломом попадет под серп, то жнец непременно заболит, и помочь в этом случае уже ничем нельзя; заболит также и тот, кто отведал хлеба, испеченного из зерна, завороченного таким способом. Для того, чтобы избавиться от залама, обычно звали колдуна или опытного знахаря, так как считалось, что простой человек, вырвавший залом, после этого заболит и умрет, или же его настигнут различные несчастья: дом сгорит, скот надет и т.п. Избавлялись от залама различными способами: выдергивали его кочергой или осиновым колом, после чего выносили, не оглядываясь, за загон, и бросали в болото; сжигали залом на месте, не выдергивая; разводили закрут осиновым колом и т.п. В некоторых

Последний сноп

местах «знающие» люди по три зори до восхода солнца вставали и нашептывали на воду, которой потом обрызгивали весь загон, и только потом срезали залом, клали его в ступицу изломанного колеса и тут же, на месте, сжигали. Обезвредить заломы мог также священник, «отчитывая» их; при этом, по народному убеждению, колдуй или колдунья, сделавшие залом, могли заболеть и даже умереть.

В некоторых местах считалось, однако, что даже если залом обезвредить, то хлеб все равно не будет «спориться»: его будет расходоваться гораздо больше обычного среднего количества (так что придется раньше времени покупать хлеб на стороне); зерно у него получится легковесное и по количеству наполовину не сравняется с зерном, собранным соседями. Поэтому такой хлеб хозяин старался поскорее продать, не решаясь оставить себе для употребления.

В поле, кроме заломов, могли оказаться также «куклы» или «пережины». Если залом употреблялся колдунами только для того, чтобы погубить урожай, то куклы и пережины были предназначены для того, чтобы «отобрать спор». Так, по народному убеждению, в полях колдуны и ведьмы завязывают куклы, в узлах которых нередко можно увидеть черных жучков; но народному убеждению, эти жучки и есть нечистая сила, которая перетаскивает «спор» с чужого поля на поле ведьмы или колдуна. Такие куклы вытаскивали расщепленным осиновым колышком; при этом считалось, что при выдергивании куклы изготовивший ее сильно страдает (у него делается сильная боль в пояснице).

Пережни или прожин — это узкая, в вершок шириной, дорожка во ржи, которая проходит с одного края загона до другого и по которой все колосья срезаны. По народному убеждению, эти пережины устраивают на чужих полях ведьмы и колдуны для того, чтобы получить обильный урожай на своем иоле; в некоторых местах при этом верили, что зерно пережнщика с копчика бывает обкусано или обломано, и по этой примете колдуна, сделавшего пережни, можно узнать.

Считалось, что для того, чтобы с помощью пережина «отобрать спор», колдун привязывает к ногам особые ножницы, становится у края поля (или у крайнего овина деревни) и идет (или стоит обеими ногами на двух иконах, как на лыжах, отчего в поле не остается его следов), подсекая рожь, наискось, пока не выйдет на другой край поля (или край другой деревни). Такие пережины колдуны и ведьмы делали обычно на Ивана Купала, перед жатвой или накануне 24 или 26 июля.

Когда колдун делает пережни, увидеть его очень трудно; в некоторых местах крестьяне уверяли, что вместо колдуна показывается какой-то зверь или же человек с огненными глазами. Поэтому для того, чтобы предотвратить пережни, старались заранее узнать колдуна и не дать ему отобрать урожай. Для этого за неделю или две до жатвы шли в поле, где каждый хозяин сжинал небольшой сноп ржи; снопы эти сносили в деревню, сваливали их на околице и поджигали.

Считалось, что если в деревне есть кликуша, то она, увидев зарево, станет выкликать имена ведьм и колдунов, делающих в поле пережины; кроме того, верили, что от сожжения первых снопов у пережнщиков выгорит весь их хлеб. Иногда для того, чтобы узнать ведьму-пережнщицу, применяли и другой способ: за несколько дней до жатвы сжинали небольшой сноп польни и жгли его в бане, а после обгоревший сноп вешали на воротах, считая, что от этого у пережнщицы хлеб в поле станет польным.

Если прожни уже был сделан, бедо пытались предотвратить обычно с помощью священника. Так, во многих местах, заметив прожин, подымали иконы (особо выделяя «Святцы» — икону 12-ти праздников с Воскресением в середине); священник же шел по прожину с крестом и кропил по сторонам святой водой. Считалось, что если эти меры предосторожности не будут приняты, то результаты прожина скажутся на надежды на урожай не оправдаются: на корню по всему полю рожь будет хорошей, то есть «соломой велика и зерном прибыльна», то как только ее сожнут, привезут на гумно и начнут молотить, то сразу станет заметно, что вместо 4-5 мер с копны выходит лишь по две. а то и по одной чистого зерна.

ПОСЛЕДНИЙ СНОП — связка стеблей хлебных злаков (с колосьями), срезанных на поле последними. Такому снопу в народе воздавали особые почести и связывали с ними множество обрядов, примет, обычаев и поверий.

Так, например, во многих местах принято было срезать последний сноп молча; особенно же тщательно этот обычай соблюдали девушки, которые жали «сноп-молчанушку», полагая, что если во время его срезания проронить хоть слово, жених будет слепой. Нередко и нести такой сноп домой тоже следовало молча, чтобы человека не постигла болезнь, несчастье и пр.

У крестьян последний сжатый сноп традиционно почитался «именинником» и окружался особым почетом: его наряжали в сарафан и кокошник или обвивали ситцевыми платками, а иногда даже делали из него особую куклу — воплощение урожая. Куклу обычно изготавливали следующим образом: привязывали к снопу нечто вроде рук, надевали на него белую насовку с кичкой или накидкой сверху, а иногда наряжали куклу в кумачный сарафан, на голову надевали головной убор, а на шею — ожерелье или бусы. Потом наряженный сноп или куклу с песнями несли в деревню или к тому месту, где устраивался «пир честной» — складчина, братчина в честь окончания жатвы, пиршество на собранные со всей деревни деньги (впрочем, в некоторых местах такое чучело или сноп приносили на господский двор, где господа потчевали жнецов вином и поздравляли их с окончанием жатвы). На пиршествах в честь окончания полевых работ последний сноп занимал почетное место: вокруг него нередко водили хороводы с песнями и устраивали игрища.

Конечно, пышные празднества с изготовлением куклы и прославлением снопа-«именинника» устраивались не везде и не всегда, по последнему сжатому на поле снопу повсеместно воздавались особые почести. Как правило, этот дожинный сноп с колосьями и зернами украшался лентами и цветами (обычно полевыми — васильками и т.п.); с поля в избу хозяина его торжественно несла на руках самая красивая девушка, а остальные жнецы сопровождали ее с песнями. В избе дожинный сноп сразу же ставили на «тябло» (полку для икон), а затем хозяева делали «пожинальницу» (большую яичницу) для жнецов или устраивали другое угощение в честь праздника. Сноп же сохранялся хозяевами до Покрова, когда его на горсточке раздавали скоту — для здоровья и плодovitости. Впрочем, во многих местах с ним поступали и по-другому: хозяева, благословясь, переносили его в житницу, где и хранили до нового сева, когда вытрясенные из него зерна первыми бросали в землю. В некоторых местах все эти обычаи, связанные с последним дожиночным снопом, объясняли тем, что в нем находит прибежище дух нивы, «полевой хозяин», «житный дед», от которого зависит хороший урожай: зерна же снопа, с которых начинали весенний сев, служили своеобразной умиловительной жертвой этому духу полей, так как считалось, что он возрождается вместе с молодыми всходами.

ПОСТ — намеренное воздержание от пищи, увеселений и половой связи. Обычай освящать постом время приготовления к великим праздникам восходит к древней церкви: посты были учреждены как «средство, содействующее возвышению духа над плотью, господству духовно-нравственных стремлений над чувственными». Пост, по учению церкви, «очищает душу от греха, освобождает ее от власти дьявола и возвращает к общению с Христом»; поэтому посты сопровождали наиболее крупные и разгульные праздники. Так, например, Великий пост следовал сразу за масленицей, разом прекращая весь масленичный разгул и как бы очищая людей от всей скоромной масленичной пищи и т.п.

Посты, установленные церковью, по продолжительности делились на многодневные и однодневные. К многодневным постам относились: Великий Петровский, Успенский и Рождественский; к однодневным — пост в среду и пятницу каждой недели, установленный «в воспоминание предания Спасителя на страдания и Его страданий и смерти» (при этом, однако, этот пост не соблюдался в т.н. «сплошные седмицы», т.е. в пасхальную, троицкую, святочную и масленичную недели и в неделю о мытаре и фарисее). Кроме того, к однодневным постам относились также: ноет в день Усекновения главы Крестителя Господня Иоанна (установлен для того, чтобы почтить память великого праведника) и пост в навечерие праздника Крещения (установлен для освящения воды и «ради величия самого дня»).

Все эти церковные посты могли быть полными или частичными: полный пост требовал полного воздержания от пищи и проч., а частичный запрещал есть только какие-либо отдельные продукты (в первую очередь мясо и т.п.). Как правило, во время постов крестьяне обходились различной растительной пищей: блюдами из хлебных зерен, лука, хрена, редьки, капусты и пр. Так, например, обычной едой в пост была православная тюря (ржаной хлеб с луком, круто размоченный квасом), щи, лапша, а также различные каши и кисель (на опаре и закваске, обычно ржаной, пшеничный, овсяный или особенно любимый крестьянами пресный гороховый), которым, по народному выражению, «брюха не испортишь» и которому особый почет воздавался как раз в пост и на похоронах. Во многих местах в пост подавали на стол так называемую саламату — кашичу-болтушку из любой муки, приправленную солью и маслом. В широком употреблении во время поста было и толокно — толченая немолотая овсяная мука, которую разбавляли квасом или разбалтывали в воде с солью (впрочем, толокно с водой употребляли «только в дороге, в чужих людях по скудности и скорости»), получая скорое и немудренное кушанье, которое «только замеси да и в рот понеси». В помощь толокну хозяйки готовили еще кулагу — самое лакомое постное блюдо. Для кулаги замешивали на кипятке ржаную муку и солод и упаривали всю эту смесь в виде квасной гущи в корчагах «на вольном духу», а затем остужали на холоде.

В народе церковные посты, как правило, соблюдались по всей строгости церковного устава; но, помимо этого, крестьяне нередко устанавливали свои собственные, не предусмотренные церковью посты. Так, например, во многих местах среди благочестивых старух и стариков принято было «понедельничать», т.е. поститься не только по средам и пятницам, но и по понедельникам; некоторые же из них, заботясь о спасении души, за несколько лет до смерти вовсе переставали есть скоромное, либо налагали на себя строгий пост (например, совсем не ели молока, мяса, яиц, рыбы и масла; воздерживались от вина и курения; давали обет никогда не есть яблок и картофеля, не пить кваса и проч.). Наряду со стариками налагали на себя добавочные посты и девушки, «вынашивающие» женихов.

Случалось и так, что при соблюдении установленных церковью постов крестьяне устанавливали дополнительные запреты на еду. Так, например, во время поста во многих местах считали грехом пить чай с сахаром, так как чай и сам по себе представлялся напитком «полугреховным», а с сахаром, приготавливаемым, по народному убеждению, из костей животных, он и вовсе считался безусловно скоромным. Такой же «греховной скоромью» считали в древности и материнское молоко, и по этой причине во время строгих постов во многих местах запрещали матерям давать грудь младенцам и кормили грудных детей постной пищей, чтобы не «оскоромить младенческую душеньку» и не сгубить ее грехом (хотя со временем этот грех

стал считаться небольшим и падающим не на младенца, а на мать).

Вообще строгость в соблюдении постов предписывалась всем без исключения. Так, например, соблюдать пост должны были не только взрослые, но и дети; и ребенок, уже отлученный от груди, непременно должен был поститься в определенное время. В большинстве случаев отнятие ребенка от груди совпадало с летним жарким временем: отнимали ребенка «на ягоды», т.е. в конце июня, в июле и августе, переводя ребенка с молока на ягоды, огурцы, яблоки и пр., вследствие чего у детей нередко случалось расстройство пищеварения, а в некоторых случаях наступала и смерть; однако при этом матери все же ни за что не решались «оскоромить» детей, а в тех случаях, когда ребенок погибал, полагали, что это Божья власть и ребенок угоден Богу.

Строго соблюдали посты и больные, и даже тяжело больные люди. Во время поста они даже отказывались от пищи, необходимой им для выздоровления; при этом многие из них, и в особенности пожилые люди, радеющие о спасении души, согласны были скорее умереть, чем «поганить душу» скоромной пищей. Даже в XIX в. нарушить запрет на скоромную пищу во время поста решались только молодые люди, да и то лишь при строгих рекомендациях врачей и не иначе, как с разрешения духовного отца, который определял, насколько серьезна болезнь и насколько постная пища может быть опасна для здоровья больного (и при этом в том случае, когда разрешение давалось легко, прихожане нередко теряли уважение и доверие к священнику, как «стоящему не на высоте церковных требований и способствующему своими поблажками тому «легкому» отношению к постам, какое свойственно только избалованным господам»).

Вообще, есть скоромное в пост считалось таким большим грехом, что ни одна хозяйка и ни один хозяин ни под каким видом не давали есть в своем доме скоромное даже чужим, проезжим и т.п. людям, говоря: «Мне страшно, как увижу, что в пост едят скором». Исключение делали лишь изредка и только для «нехристей» — цыган, татар, немцев, иногда — для господ; но и в этом случае посуда, из которой «нехристи» ели скоромное, долгое время считалась оскверненной, и хозяйки никому не давали есть из нее, «пока татарин не выдохнется». Вообще же всякая деревенская хозяйка считала своим долгом иметь специальную, так называемую «постную» посуду, т.е. горшки, миски и даже ложки, предназначенные исключительно для постных дней.

Воздержание от пищи считалось необходимой принадлежностью поста, но при этом необходимым считалось и половое воздержание. Большим грехом повсеместно считалось и плотское сожителство с женой в постное время, и, тем более, внебрачная связь в эту пору. Так, например, супружеская близость во время поста повсюду осуждалась, а виновные в таком проступке не только подвергались строгому внушению со

стороны священника, но и выносили немало насмешек от своих односельчан. За соблюдением обычая строго следили все те же деревенские бабы, которые по дню рождения младенца способны были высчитать, соблюдали ли супруги «закон» в посты. Особенно же бдительно следили за деревенским причтом, так как для всей деревни считалось несмываемым срамом, если в беззаконии избличался пономарь, дьячок, дьякон и особенно священник.

Менее тяжким, но все-таки грехом считались в народе и различные увеселения во время поста. Так, например, хотя праздник масленицы в народе считался одним из самых разгульных и развеселых праздников, с концом масленичной недели и началом Великого поста все веселье разом стихало, все «игрища и гуляния» немедленно прекращались, а все взрослое население начинало бдительно наблюдать за деревенской молодежью, чтобы во время поста не было «жировни» и парни с девками не затевали никаких игрищ и ни под каким видом не смели петь ни «мирских», ни, тем более, плясовых или хороводных песен. Вместо них молодежь должна была петь только так называемые «стихи», по своему характеру схожие со старообрядческими «псалмами». «Стихи» эти отличались грустным, монотонным напевом, почти речитативом, а по содержанию большая их часть носила религиозный или нравоучительный характер (это были песни тина: «Мати-Мария, / где ты спала, ночевала? / В Божьей церкви, во соборе / у Христа-Бога на престоле. / Мне приснился сон страшный, / будто я Христа-Бога породила, / в плену его пленала, / в шелковый пояс обвивала... / Тут пришли жидаы, нехристиане, / взяли нашего Бога распинали, / в ручки-ножки гвоздей натыкали. / Стала Мати-Мария плакать и рыдать, / стали ангелы ее утешать: / Ты не плачь, не плачь. Мати-Мария, / твой сын воскреснет из гроба. Затрубите вы в трубу золотую, / встаньте вы, живые и мертвые! / Праведным душам — царствие небесное, а грешным душам — ад кромешный: / Им в огне будет гореть — не сгореть, / им в смоле кипеть — не скипеть»).

Строгое воздержание от всего «греховного и соблазнительного» соблюдалось, в большей или меньшей степени, во все посты, но особенно в Великий пост, когда все христиане готовились к говению и достойной встрече величайшего из христианских праздников.

Великий пост считался важнейшим из всех многодневных постов; начинался он за семь недель до праздника Пасхи и кончался субботой Страстной седмицы. Великому посту предшествовали три подготовительные недели: богослужения, напоминающие о приближении этого поста, начинались в воскресенье «недели о мытаре и фарисее»; затем следовала сплошная седмица («неделя о блудном сыне»), за ней — «мясопустная седмица», далее — масленица (сыропустная или сырная неделя), за которой с понедельника и начинался собственно сам Великий пост.

Каждая неделя и даже некоторые дни Великого поста имели свои собственные названия. Так, например, первая неделя Великого поста именовалась Сборной (о ней говорили: «Неделя сбор — течет вода с гор»); понедельник на этой неделе именовался «чистым», так как в этот день люди мылись, меняли белье, полоסקали зубы и вообще очищались от скоромной пищи и самого масленичного веселья. Третья неделя поста называлась Крестопоклонной, так как в воскресенье на этой неделе церковь прославляла святой крест и «духовные плоды крестной смерти Спасителя». Четвертая неделя называлась Средокрестием, так как в ночь со среды на четверг на этой неделе приходилась середина Великого поста (отчего про это время говорили: «Пост ломается пополам»); на этой неделе хозяйки выпекали из кислого теста своеобразные кресты, причем в один из этих крестов обычно запекали деревянный крестик, и человек, которому он достался, считался счастливым, ему поручали во время весеннего сева бросить в землю первые зерна. Пятая неделя Великого поста именовалась Похвальной, так как в субботу на этой неделе в храмах совершалась служба «Похвала Святой Богородице» (в народе про эту неделю говорили: «На Похвалу сорока яйцом похваляется»); в среду на Похвальной неделе в церкви совершалось всенощное бдение с канонем Андрея Критского, в народе именуемое «Андреевым стоянием» или просто «поклонами». Шестая неделя Великого поста, неделя ваий, в народе именовалась «Вербницей» или «Вербной»; главным днем на этой неделе было Вербное воскресенье (когда совершалось множество обрядов с освященной вербой), а кроме него, почиталась также и Лазарева суббота (день, когда церковь вспоминала чудо воскрешения Лазаря Иисусом Христом). Последняя, самая почитаемая неделя Великого поста именовалась Страстной неделей и посвящалась воспоминаниям последних дней земной жизни Спасителя, его страданиям на кресте, смерти и погребению; по величии и важности этих событий каждый день Страстной недели именовался святым и великим (хотя самым главным и почитаемым днем на этой неделе считался четверг), и все ее дни верующие проводили в особенно строгом воздержании и усердных молитвах.

К Великому посту, и особенно к наиболее важным его дням, были приурочены самые различные обряды и обычаи. Так, например, в среду Крестопоклонной недели во многих местах пекли из пресного пшеничного теста кресты по числу членов семьи, запекая в некоторые из них либо куриное перышко («чтобы куры велись»), либо ржаное зерно («чтобы хлеб уродился») или даже человеческий волос («чтобы голове легче было»); при этом человека, которому попадался один из этих предметов, считали счастливым. В ту же среду, когда, по народному выражению, «ломается пост», маленькие дети ходили под окна поздравлять хозяев с окончанием первой половины поста, причем в некоторых местах этот обряд совершался следующим образом: ребяташек-поздравителей сажали, как цыплят,

под большую корзину, откуда они тоненькими голосами пели: «Здравствуйте, хозяин-красное солнышко, здравствуйте, хозяйюшка-светлый месяц, здравствуйте, дети-яркие звездочки!.. Половина говенья переломилась, а другая наклонилась»; ребят-поздравителей при этом принято было обливать холодной водой, а затем давать им в награду кресты из теста.

В Вербное воскресенье, один из самых важных дней Великого поста, принято было освящать вербу и во время утрени молиться с пей. Многочисленные обряды этого дня совершались именно с этой освященной вербой. Так, например, во многих местах, придя утром домой из церкви, глотали вербные почки, чтобы предохранить себя от болезней и прогнать всякую хворь; есть почки освященной вербы советовали и бездетным женщинам для того, чтобы скорее забеременеть. Детишек и скотину в Вербное воскресенье слегка хлестали вербой, приговаривая: «Не я бью — верба бьет, верба хлест бьет до слез!» В некоторых местах полагали также, что всякий трус, желающий избавиться от своего недостатка, должен в Вербное воскресенье, вернувшись от заутрени, вбить в стену своего дома колышек освященной вербы; считалось, что это средство, если и не превратит труса в героя, то, во всяком случае, прогонит его природную робость.

Освященную в Вербное воскресенье вербу берегли и использовали в течение целого года. Так, например, ветками этой вербы хозяйки в день первого выпаса кропили скот святой водой (приговаривая: «Господь, благослови и здоровьем награди!») или: «Благослови тебя Господи и будь здорова»), а потом ими же выгоняли со двора скот; ветки после этого либо «пускали по воде», либо втыкали под крышу дома, чтобы со скотиной не случилось какой-нибудь беды и она всегда возвращалась домой, а не блуждала бы в лесу по нескольку дней. Считалось также, что верба, освященная в Вербное воскресенье, способна прогнать бурю (если бросить ее против ветра) и усмиряет пламя (если бросить ее в огонь); воткнутая в поле, она, по народному убеждению, оберегает посевы от града.

В Страстной четверг (именуемый также Великим и Чистым), считавшийся в народе днем не менее важным, чем Вербное воскресенье, повсеместно совершались различные очистительные обряды и обряды, связанные с будущим урожаем и со скотом. Так, например, в Великий четверг во многих местах хозяин перед восходом солнца выходил на улицу и потряхивал соху, чтобы хлеб лучше родился; мальчики же с восходом солнца бегали вокруг деревни с колокольчиками на шее, чтобы скотина с пастбищ шла прямо домой, а не плутала. В Чистый четверг крестьяне чистили дом, двор, огород от грязи, накопившейся за зиму; умывались с серебра для здоровья и красоты («Чтобы лицо белее было»); тщательно мыли и украшали избы; парились в банях до восхода солнца и т.д. В этот же день заготавливали особую золу, которую потом использовали в самых разных случаях; при этом даже

Постень

обычная зола из печи считалась чудодейственной: так, например, ее выносили в курятник, чтобы куры неслись.

Все эти обряды занимали важное место в крестьянском быте; однако важнейшее место среди них занимал церковный обряд говения, совершавшийся обычно раз в год, во время Великого поста. Говение — т.е. приготовление верующих к таинству причащения — продолжалось несколько дней и включало в себя пост, посещение всех храмовых богослужений, молитвы дома, а также исповедь. Обычай этот крестьяне соблюдали свято: некоторые старухи говели даже по два, три и четыре раза, и даже молодежь, как правило, не позволяла себе пропускать исповедь, так как повсюду было известно поверье, что человек, семь лет не говевший (т.е. не бывший на исповеди и не причащавшийся святых Тайн), уже одним этим отдает себя во власть дьявола, который может распоряжаться этим человеком по своему усмотрению.

Говець прихожане ходили чаще всего на первой, четвертой и на Страстной неделе Великого поста. В это время говеющие старались как можно меньше говорить, чтобы «не проронить пустого слова»; при этом во многих местах, если в семье имелся грамотный, по вечерам читалась какая-нибудь божественная книга, и все домочадцы благоговейно слушали или молились. Принято было также строго поститься: так, многие старики и старухи во время говения ели всего один раз в день и притом не вареную пищу, а всухомятку (по большей части хлеб или сухари с водой); наиболее же благочестивые старались, по возможности, ничего не есть всю Страстную неделю, позволяя себе только пить воду. Для детей в благочестивых семьях «дневное голодание» было обязательно только в Страстную пятницу, так как считалось, что полное воздержание от пищи в этот день дает человеку полное прощение от всех грехов, совершенных после последней исповеди; дети, правда, с трудом выдерживали столь строгий пост и (нередко по забывчивости) «хватались за корки», однако матери, заметив это, останавливали их обычной для таких случаев угрозой: «Л вот, поп тебе как отрежет ухо, да как отхлещет тебя кобыльей ногой, — как будешь знать!».

Говеющие обязательно посещали все церковные службы, а перед исповедью кланялись друг другу в ноги с просьбой «простить Христа ради все согрешения»; при этом, однако, обычай не позволял, чтобы старшие кланялись в ноги младшим, и поэтому «большак» (т.е. старший в семье, хозяин), идя на исповедь, ограничивался лишь тем, что говорил домочадцам: «Простите, коли зря сделал», — и слегка кланялся.

Вообще к принятию святых Тайн говеющие готовились, как к большому празднику. Так, например, каждый старался одеться как можно лучше, а некоторые женщины из самых богатых деревенских жительниц (как правило, не крестьянки) даже считали за грех являться к причастию не в новом наряде. Девушки, по

народному обычаю, должны были приступать к таинству с расплетенными косами: волосы при этом либо распускались по плечам, либо завязывались в пучок, но в косу ни в коем случае не сплетались.

Каждый взрослый говельщик, приходя исповедываться, клал в стоявшее возле священника блюдо мелкую монетку, а в некоторых местах, сверх того, и свечу, которая, как и монета, поступала в доход священника; после исповеди, прослушав «правило», говевший клал еще одну монету, но уже на блюдо возле псаломщика (хотя в некоторых местах священники при этом жаловались, что говеющие расплачиваются с ними недобросовестно: «За исповедь еще положит что-нибудь, а за правило только тычет пустой рукой в блюдо»).

После разрешительной молитвы все говеющие расходились по домам, поздравляя друг друга «с очищением совести». При этом после причастия считалось великим грехом плевать, смеяться, ругаться, сердиться или сориться, так как, по народному убеждению, этим можно отогнать от себя святого ангела, который всегда находится при человеке после принятия святых Тайн. Класть земные поклоны в это время также считалось грехом, так как человека (а в особенности беременную женщину) при неосторожном движении могло стошнить; если же это все-таки случалось, то рвоту обычай предписывал собрать в чистую тряпочку и сжечь в печи, чтобы предохранить святые Дары от невольного осквернения.

Вообще, согласно народному убеждению, за все эти грехи, как и за неблагоприятное отношение к причастию, Господь иногда жестоко наказывает нечестивых, а иногда и вразумляет их. Так, например, в одной из губерний рассказывали о раскольнике, который, притворившись православным, причащался в церкви вместе со всеми, но причастия не проглотил, а удержал во рту, и придя домой, бросил его в один из своих ульев; однако вечером того же дня он услышал, что в подполье, где стояли ульи, раздается чудесное пение. Спустившись в подполье, раскольник понял, что пение это исходит из улья, в который он бросил причастие; когда же он открыл его, то увидел, что пчелы сделали из своих сотов престол, а на престоле лежит выброшенное им святое причастие, от которого исходит ослепительный свет. Испуганный раскольник после этого во всем покаялся священнику и стал православным.

ПОСТЕнь. настен — тень, след чего-либо, неясный призрак; домовый, который является в виде тени на стене.

По народным поверьям, тень (призрачное видение или двойник человека) — один из обликов, принимаемых домовым. По-видимому, постень ассоциировался с тенью вообще: в некоторых местах человеку, который при свете помахивал рукой, отбрасывая при этом тень на стену, говорили: «Не маши рукой, а то постень будет наваливаться».

Поцелуй

Способность домового наваливаться ночью на грудь спящему и душить его была известна во многих местах. При этом, по некоторым поверьям, давит спящего не сам домовый (который не смеет приблизиться к крещеному человеку), а его тень; кошмарный, удушливый сон в народе объясняли тем, что «тень домового нашла».

Очевидно, все эти поверья о домовом, который показывается теию и тень которого (пли, может быть, он сам в облике тени) может давить по ночам спящих, и нашли отражение в названии пастень.

ПОЦЕЛУЙ — характерная форма этикетного поведения восточных славян. Поцелуй содержал пожелание быть целым и здоровым; он устанавливал между людьми взаимную симпатию и считался величайшим знаком почета и дружбы. Поцелуйный обряд в России представлял собой сложное действие, включавшее взаимный обмен поклонами и питье вина «друг к другу» (16-17 вв.); гостю в знак особого расположения иногда разрешалось поцеловать хозяйку в уста, причем отказ гостя от поцелуя считался оскорблением, и гостя после такого отказа выгоняли из дома.

Поцелуй, но народному представлению, стимулировал плодородие и усиленный рост; так, во время первого выгона скота женщины целовали пастуха, чтобы коровы «гуляли». Широко известен и обычай целования сакральных объектов: икон, креста, земли и т.д.; такое целование часто сопровождалось произнесением молитвы, клятвы или присяги. Так, целование креста означало, фактически, клятву самому Богу; при этом к крестному целованию можно было привести насильно, и это не лишало обязательности выполнение данной клятвы.

При прощении с покойником в церкви все присутствующие целовали его в губы, а позднее — в лоб. Во время поминок мужчины и женщины также целовали друг друга в губы «в доказательство их искренней, сердечной и душевной радости»; при этом верили, что души умерших «получают от того большое облегчение, даже чувствуют радость и удовольствие».

Особое значение обретал поцелуй в отношении нечистых духов. Считалось, например, что демоны болезни летают по воздуху и целуют людей, отчего те немедленно заболевают. К болезни и даже смерти могли привести и поцелуи демонических персонажей, сожительствующих с женщинами: считалось, например, что огненный змей или черт, летающий к тоскующим вдовам, целует и любит их так же, как их погибшие мужья, однако при этом высасывает жизнь из своих любовниц, так что женщины, к которым летает змей, вскоре начинают чахнуть и могут даже умереть.

ПОЯС — символ дороги, пути через мифические и реальные преграды. Пояс, как часть одежды, принимающий форму круга, часто использовался как оберег; крестьяне верили, что подпоясанного человека «бес-

боится», его не тронет ни домовый, ни леший. Однако при этом колдуны и ведьмы могли использовать пояс для наведения порчи: так, по поверьям, с помощью скрученного пояса ведьма или колдун могли «оборотить» весь свадебный поезд в волков. Это поверье, в сущности, являлось отголоском древних верований о надевании волшебных пауз, при помощи которых древние волхвы будто бы превращались в волков.

Особое значение пояс имел в погребальной обрядности и в ритуалах, связанных с душами умерших. Так, по народному поверью, вытканый за один день из остатков льна пояс позволял подпоясавшемуся увидеть на Радуницу мертвых; а при проводах умершего из хаты родственники нередко завязывали поясом ворота, «чтобы больше покойников не было». Снятие пояса в народной традиции означало приобщение к нечистой силе и потустороннему миру мертвых; поэтому пояс снимали при добывании цветка папоротника, при поисках клада, при общении с духами умерших, во время исполнения различных обрядов, а также во время гаданий.

С помощью пояса устанавливается связь между «своим» и «чужим» пространством, старым и новым домом. Так, у белорусов при переходе в новый дом хозяин затягивал всех членов семьи в новую избу за пояс; молодая, входя в дом мужа после венчания, бросала свой пояс на печь, и т.д. При разводе супруги разрывали над проточной водой или на перекрестке дорог полотенце или пояс.

У восточных славян при первом выгоне скота в поле принято было расстилать в воротах пояс (чаще всего красный), а также привязывать пояс к рогам коров, класть его в сумку пастуха, и т.д.; расстилая пояс перед порогом или воротами дома, следили, чтобы корова не уволокла пояс ногами, так как это сулило несчастье на дороге на пастбище. Только что купленный скот вводили в новый дом через пояс; в некоторых местах при этом говорили: «Забывай старого хозяина, привыкай к новому!» На Русском Севере накануне первого выгона скота хозяйка плела из трех льняных ниток пояс, нашептывая при этом: «Как этот плетешок плетется, так милая скотинка плетись на свой двор из следа в след, из шага в шаг. Нигде не заблуждайся, ни в темных лесах, ни в зеленых лугах, ни в чистых полях...»; этот пояс хозяйка носила до самого выгона скота, после чего снимала его с себя и закапывала у выхода со двора со словами: «Коль крепко и плотно пояс вокруг меня держался, так крепко коровка круг двора держись».

Пояс в славянских верованиях — это источник жизненной силы; он часто наделялся оплодотворяющими и оздоравливающими свойствами. Так, у южных славян бездетные женщины клали под подушку или носили с собой пояс священника или хотя бы кусочек такого пояса; опоясывались травами и вербой на Юрьев день, чтобы на будущий год «быть с пузом»; опоясывали церковь ниткой или пряжей, и т.д. Для того, чтобы расположить молодую к рождению детей, к ней

Праздник

на колени сажали мальчика, которого она целовала и дарила и ему «девичь пояс». В некоторых местах вербным прутиком опоясывали подойник, «чтобы прибывало молоко».

ПРАЗДНИК — сакральное время, противопоставленное повседневному времени будней. На Руси праздников было чрезвычайно много, хотя, конечно, не все из них имели большое значение и отмечались широко и торжественно.

Христианские праздники, по важности вспоминаемых церковью событий, разделялись на великие, средние и малые; кроме того, праздники делились на двенадцатые и недвенадцатые. Особенностью двенадцатых праздников являлись дни предпразднества, поспразднества и отдания праздника: предпразднество предшествовало празднику, подготавливая верующих к его достойной встрече (двенадцатые праздники имели по одному дню предпразднества, за исключением Рождества Христова, предпразднество которого длилось 5 дней, и Богоявления с предпразднеством в 4 дня); дни поспразднества подолжали праздник (число их было неодинаково — обычно от одного до восьми, а у Пасхи сорок — и зависело от последующих праздников и дней поста); последний же день поспразднества назывался днем отдания праздника и отличался большой торжественностью богослужения.

Вообще, в церковном календаре каждый день богослужбного года был посвящен воспоминанию какого-либо праздника или памяти святого: так, например, 1 декабря посвящалось мученикам Платону и Роману, 3 декабря — святителю Проклу и т.д. Каждый такой день являлся своеобразным праздником, однако большая часть этих праздников была незначительной, практически ничем не отличающейся от других дней, хотя к каждой из этих дат в различных местах приурочивались некоторые приметы, иногда — какие-то обряды или события, имеющие хоть какое-то значение в крестьянском быту (например, посев капусты, время сбора ягод и т.п.), и, конечно, особые службы в церкви. Все это были малые праздники, нередко и вовсе не вспоминаемые простым населением.

Куда более заметными были великие церковные праздники (церковным праздником именовали день, в который совершалась та или иная торжественная служба годовичного круга), считавшиеся важнейшими праздниками православной церкви. Они отмечались всенощным бдением, а кроме того, вся служба такого праздника совершалась «по уставу». Великими почитались: Пасха (хотя ее, как «праздник праздников», иногда не относили к великим праздникам), а также двенадцатые и некоторые недвенадцатые праздники. Великими двенадцатыми праздниками являлись: Вход Господень в Иерусалим (за неделю до Пасхи), Вознесение Господне (в 40-й день по Пасхе), Пятидесятница или Троица (50-й день по Пасхе), Крещение Господне, Сретение Господне, Преображение Господне, Воздвижение Честного Креста Господня, Рождество

Христово, Рождество Пресвятой Богородицы, Введение во храм Пресвятой Девы Марии, Благовещение Пресвятой Богородицы и Успение Пресвятой Богородицы. Из недвенадцатых к великим относились следующие праздники: Обрезание Господне, Покров Пресвятой Богородицы, Рождество Иоанна Предтечи, день памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла и Усекновение главы Иоанна Предтечи.

Все эти праздники почитались церковью святейшими и главнейшими, самыми важными из всех праздников года. Однако в народной среде существовали и другие, по мнению крестьян, не менее важные празднества, приурочивавшиеся к тем или иным дням церковного календаря (например, масленица, которая, по церковному календарю, не являлась великим праздником, однако в народе отмечалась не менее широко, чем Рождество или Троица). Вообще, народные празднества и празднества церковные резко отличались друг от друга, и объяснялось это тем, что большая часть народных праздников возникла еще во времена язычества и характер этих праздников, естественно, был совершенно иным, чем у праздников церковных. В древние времена во время праздничных сборищ язычники не только веселились, но и совещались о делах, устраивали торги и ярмарки, разбирали тяжбы при посредстве жрецов или прибегали к их мудрости, испрашивая совета; в это же время проводилось множество обрядов, долженствующих способствовать благополучию людей. А так как это благополучие зависело от богов и прочих высших сил, обряды включали в себя моления богам, различные жертвоприношения и пр. Все это не могло исчезнуть бесследно, и когда христианская вера поборола язычество и утвердилась на Руси, множество языческих обычаев, лишь слегка видоизменившись (приняв, например, форму увеселений), не только осталось в народе, но и сохранилось вплоть до XIX и XX в. Сохранились даже обряды, включавшие моления и жертвоприношения древним богам: богов при христианстве сменили святые, а обряды, в сущности, остались теми же и даже проводились примерно в то же время, что и раньше, только приурочивались теперь не к языческим праздникам в честь различных божеств, а к праздникам церковным, установленным в честь тех или иных святых. Так, например, к Благовещению у восточных и южных славян были приурочены языческие обряды встречи весны и очистительные обряды, совершаемые с целью защиты от змей, насекомых, сорняков и т.п. Обрядность и фольклор праздника Рождества включали элементы, связанные с языческим культом предков и «скотьем богом» Велесом; во время праздника проводились языческие по своему содержанию обряды и игрища («играния всякая и позорствования, вжигаемая огнища в новья месяцы... пред домом, яже скакати...»).

Праздники в народе нередко персонифицировались и представлялись антропоморфными (реже — зооморфными и пр.) существами, которые приходят в

Преполование

гости, пугают, наказывают, у которых просят помощи и т.д. К праздникам в заговорах обращались так же, как к Богу, Богородице и святым («Праздники годовые, великие, малые, приступите, помогите...»).

В народных преданиях и поверьях праздники (а также дни) могли быть «святыми, светлыми, чистыми, благими», но также и «злыми, погаными, вредными, страшными, тяжелыми, кривыми, пустыми, никакими». Кроме того, дни и праздники могли быть мужскими и женскими, молодыми и старыми, куцыми и хромыми, безумными (бешеными) и глупыми, гнилыми и глухими, мертвыми и веселыми, крепкими и тяжкими, богатыми и бедными, крутыми и ленивыми, жирными и голодными, теплыми и холодными, сухими и мокрыми, огневыми и водяными, градовыми, ветряными и т.д. Для обозначения праздников и дней широко использовались цвета (белые, красные или черные дни, Зеленые святки и пр.), а также символы, связанные с растениями (Вербная неделя, Яблочный Снас, Ореховый Снас, Травяная пятница, Кленовая суббота и т.п.). Помимо этого, бывали и «звериные» праздники: волчьи, медвежьи, лисьи, конские, змеиные, мышьи, куриные, птичьи и т.п. Праздники могли по отношению друг к другу обозначаться как батька, мать, племянник и т.п. (например, Масленица — Семикова племянница).

При этом все праздники, как большие, так и малые, в народе считались временем опасным, так как воспринимались как разрыв границы между «тем» и «этим светом». Так, согласно поверьям, накануне всех больших праздников активизируется нечистая сила; некоторые же демонологические персонажи, по народному убеждению, появляются на земле и становятся опасными для людей только в определенные праздники (так, русальная неделя считалась временем пребывания на земле русалок; тодорцы появлялись только на Тодоровой неделе, а шуликуны — на святки). Повсеместно считалось, что дети, зачатые накануне большого праздника, могут стать колдунами, а дети, родившиеся в праздник, всю жизнь будут неудачниками: так, в некоторых местах считалось, что ребенок, родившийся в сочельник, будет несчастным, а родившийся на Рождество — еще несчастнее, родившийся же на Пасху останется сиротой и т.п. Несчастливая участь в подобных случаях угрожала не только людям, до даже и животным: так, по белорусскому поверью, теленок или поросенок, родившийся на Благовещение, «нс уйдет от волчьих зубов». При этом некоторым праздникам (например, у восточных славян — Варваре, Чуду, Десятухе и др.) приписывалась даже особая злокозненность. Так, например, Касьян (29 февраля) считался настолько страшным праздником, что крестьяне в этот день боялись даже выходить из дома, опасаясь болезней, смерти и несчастий.

От будней праздники отличались, главным образом, праздничными богослужениями, а также запретами на все или некоторые виды работ; эти запреты, как правило, вступали в силу накануне праздника,

после захода солнца. Нарушение запретов, по народным поверьям, грозило несчастьями и бедами, прежде всего — неблагополучными родами, болезнями людей и скота, неурожаем, а также стихийными бедствиями. Особенно опасными считались работы на земле; в особо большие праздники нельзя было также брать в руки косу или топор, а иногда запрещалось даже топить печь, готовить пищу и выполнять другую домашнюю работу (мести пол и т.п.). Накануне крупных праздников запрещались супружеские сношения (что объяснялось поверьем, будто ребенок в этом случае родится колдуном, либо неудачником).

Некоторые запреты и обычаи, приурочивавшиеся к празднику, были связаны с «магией первого дня». Так, например, повсюду в большие праздники остерегались одалживать что-либо из дома (полагая, что вместе с отданными предметами из дома может уйти достаток, удача и т.п.); старались также к празднику отдать все долги (чтобы потом не быть в долгу целый год). В праздник старались быть хорошо одетыми, сытыми, иметь при себе деньги, чтобы не испытывать нужды и в последующие дни, и т.д.

День недели, на который пришелся крупный «неподвижный» (т.е. закрепленный за определенной датой) праздник, на весь год приобретал особую магическую силу и считался либо благоприятным, приносящим удачу в том или ином деле, либо (реже), напротив, недобрым, неблагополучным. Так, например, заплутав в лесу, старались вспомнить, на какой день недели пришлось в этом году Рождество, затем брали из-под ног земли и посыпали себе на голову; считалось, что после этого «блуд» отпустит человека. Чтобы летом избежать встречи со змеей, надо, по народному убеждению, сказать, в какой день недели было в этом году Благовещение, и т.д. Но при этом в некоторых местах считалось, что день, на который выпало Благовещение, в течение целого года будет неблагоприятным для пахоты.

ПРЕПОЛОВАНИЕ — древний подвижный христианский праздник, отмечавший половину пятидесятницы (срока между Пасхой и Троицей) и праздновавшийся на 25-й день после Пасхи. Название самого праздника было заимствовано из Евангелия; в этот день церковь молилась «о напоении всех жаждущих спасения водами благочестия», прославляя «особенное учение о таинственной воде, под которой разумеется благодатное учение Христово и животворящие дары Святого Духа».

Впрочем, истинный смысл этого праздника был известен далеко не всем, да и само название его часто искажалось: так, например, во многих великорусских губерниях праздник Преполования называли «Преплавлением» (от слова переплыть). Такое искажение объяснялось тем, что в народе, особенно в крестьянской среде, существовала своя легенда относительно дня Преполования. Так, например, «душеспасительные девицы» (чернички) объясняли

Пресвятая дева Мария

название этого праздника следующим образом: «Один раз гнались за Богородицей разбойники, а она была с Младенцем на руках. Бежала, бежала Богородица, глядь — река. Она и бросилась в воду, рассчитывая переплыть на другую сторону и спастись от погони. Но с Младенцем на руках плыть было трудно, потому что грести приходилось только одной рукой. Вот и взмолилась Богородица своему Младенцу: «Сын мой милый, дай ты мне третью руку, а то плыть мне невозможно». Младенец услышал молитву матери, и появилась у нее третья рука. Тогда уж плыть было легко, и Богородица благополучно достигла противоположного берега». Вероятно, с этой же легендой было связано происхождение иконы Божьей Матери «Троеручица».

Очевидно, также в связи с; всеми этими представлениями, ко дню Преполовения повсеместно приурочивалось водосвятие: вода освящалась на реках, озерах и даже в колодцах. Такая вода в народе считалась целительной и животворящей, способствующей урожаю: крестьяне многих губерний сразу же после водосвятия, во главе со священником, отправлялись на поля, засеянные хлебом, где священник окроплял нивы святой водой, а крестьяне молились Богу о ни-спослании обильного урожая.

Пресвятая дева Мария — см. Богородица.

Пречистый четверг — с. Страстной четверг.

ПРИВИДИЕНИЯ — души умерших неестественной или преждевременной смертью.

Согласно народным поверьям, привидения бес-телесны и могут иметь расплывчатый образ чего-то непонятного, но страшного. Кроме того, они могут принимать вид человека (знакомой, инородца, солдата и пр.), ребенка, девушки или женщины в белом; девушки с распущенными волосами, с телом змеи, гусыни или лебедя, козьими ногами; человека с ногами индюка; старика в белом с бородой до пояса; отсутствующего или умершего человека; черного человека; великана; покойника и т.д. Они также часто принимают вид животных: курицы, пса, кошки, козла, барана, коня, овцы, свиньи, индюка, серны, буйвола, зайца, змеи и т.д. Нередко считалось, что привидения могут являться в виде похоронной процессии или свадьбы, а также принимать вид конской головы, окровавленных отрезанных человеческих рук и головы, светящихся отрезанных детских пальчиков, пня, стога сена, бочки с детем, снежного столба с черными косами, белого воздушного столба, блуждающих огоньков и т.п.

В народных рассказах, былинках и поверьях привидения показываются обычно вечером или ночью, особенно около полуночи, прежде всего в опасные календарные периоды (например, в сочельник). Их можно встретить у заброшенных пустых домов, на развалинах, кладбищах, перекрестках дорог, на болотах, возле воды (у водяных мельниц, на мостах), в лесу, на дороге; вообще в «нечистых» местах, там, где было совершено убийство или самоубийство.

Согласно поверьям, привидения могут своим видом, прикосновением или криком напугать (часто — до смерти) человека или животное, остановить воз. заманить куда-то; после встречи с привидением человек забывает, куда и зачем шел. Привидения могут «водить» человека, принуждая его часами блуждать по лесу или по дороге. По некоторым поверьям, привидение преследует человека, когда ветер дует тому в спину; догнав, оно садится на пленника и убивает его. Верили также, что призрак убитого человека может преследовать своего убийцу; что привидения преследуют человека, совершившего какое-либо злодеяние, и т.д.

Существуют и безобидные привидения, которые просто шутят: оборачиваясь животными или какой-то привлекательной вещью, они исчезают, как только человек берет их в руки, но при этом не причиняют ему никакого вреда.

Разновидностью привидений, очевидно, являлся т.п. «безымень» — призрак-двойник, являющийся человеку в его облике перед его смертью. Кроме того, безыменем называли и призрак, образ человека, являющийся в зеркале во время гадания.

Вообще, крестьяне верили, что увидеть привидение может далеко не каждый. Даже если привидение появится перед несколькими людьми, увидит его только тот, кому оно явилось, и увидеть его — плохое предзнаменование и для увидевшего, и для всей его семьи. Иногда считалось, что видеть привидений могут только те, кому скоро умереть.

Чтобы обезопасить себя от привидения, человек, по народному убеждению, не должен разговаривать с ним, оборачиваться или возвращаться назад; ему нужно вывернуть свою одежду наизнанку или надеть задом наперед головной убор, прикрыть им лицо. Чтобы спастись от духа, преследующего человека по пятам, нельзя останавливаться; следует ударить его наотмашь, бежать против ветра и прятаться за угол; можно также «развезть» его одеждой, особенно белым платком. Против привидений применяли также различные обереги — освященные предметы, нож, вообще железные вещи, зуб бороны, травы-обереги и пр. Считалось также, что от привидения можно избавиться, окропив его святой водой, помолвившись, перекрестившись или выругавшись.

ПРИГЛАШЕНИЕ — обряд, состоящий в произнесении специальных магических текстов, призывающих природные стихии (мороз, ветер, тучи), зверей, птиц, насекомых, души предков, святых и демонов на трапезу.

Например, очень часто приглашение относилось к духам умерших: в особые календарные праздники их зазывали, приглашали погреться к огню и разделить с живыми вечернюю трапезу, а через некоторое время выгоняли из дома, полагая, что теперь они должны вернуться обратно в загробный мир. В гаданиях девушки могли пригласить к ужину своего «суженого»

Проклятые

- нечистого духа, являющегося в облике будущего жениха невесты; этого «суженого» нужно было быстро прогнать, «зачуравшись», иначе он мог задушить гадающую. Вообще, приглашение к трапезе (являвшейся своего рода умиловительной жертвой) различных мифических персонажей могло принимать самые разные формы: приглашать могли и домового, и лесного или полевого духов, и даже чертей и прочую «недобрую силу».

Особый обряд приглашения совершался славянами в рождественский сочельник (реже в канун Нового года или Крещения), когда к столу зазывали Мороз, Ветер, Волка и пр. Целью такого приглашения являлось предотвращение прихода мифологических персонажей в неурочное время (например, прихода мороза летом), задабривание их и т.п. для того, чтобы они не вредили урожаю, скоту и т.д.

Обряд приглашения совершался обычно перед началом ужина, называемого «голодная», «постная» или «первая» кутья. Состоял он в том, что хозяин или старший в доме брал в руки миску с обрядовой кашей, набирал кашу в ложку или откладывал часть кутьи на тарелку и шел к окну, к двери, к печи, к воротам, на крыльцо или просто высовывался в окно, а затем стучал в дверь, в окно, о забор или о стену дома рукой или ложкой, палкой, кочергой, произнося при этом приглашение. Текст приглашения состоял обычно из обращения, часто сопровождаемого протяжными выкриками («Мороз, го-о, мороз!», «Доля, гу-у!» и т.п.), формулы приглашения («иди сюда», «приходи к нам» и т.п.), запретительной формулы и формулы угрозы («летом не бывай — цепом голову проломлю, метлой очи высеку» и т.п.). В целом приглашение звучало примерно так: «Мороз, мороз, иди к нам кутью есть, а если не идешь, то не иди и на наше жито, пшеницу и всяку пашницу», или: «Мороз, мороз, иди кутью есть, а летом не бывай, а то будем тебя нугою сечь»). Приглашение повторялось трижды и произносилось особым образом — громко, во весь голос, или необычно высоким, топким, как бы «потусторонним» голосом.

Перемещения к окну, печи, двери, выход из дома и т.н., очевидно, символизировали контакт с потусторонним миром. Пригласительной формуле текста соответствовало подношение ритуального блюда к окну, двери, вынос его во двор, откладывание части нищи, подбрасывание ее вверх, а также пригласительные действия — открывание дверей, окон, трубы, выкладывание на стол лишней ложки, тарелки, освобождение места за столом для гостя, выжидательная пауза. Стук в окно, в двери, в стены дома, битье палкой, кочергой, ложкой и т.п. по забору, по воротам, по земле, стрельба, ритуальный шум — это, напротив, отгонные действия, выражающие идею выпроваживания приглашенного персонажа, его символического изгнания, обеспечивающего его «неприход» во внеурочное время, когда он может принести серьезный вред хозяйству.

ПРОКЛЯТЫЕ, прокленуши, проклитики — проклятые, сгоряча «отсуленные» нечистой силой люди. Так, по поверьям, проклятия вообще, и особенно родительские проклятия (напр., проклятия тина «веди леший», «пошел к черту» и т.п., которые матери нередко сгоряча адресуют непослушным детям), дают нечистой силе власть над человеком; по народному убеждению, человека, которого прокляли родители, нечистые духи (черты, лешие и пр.), непременно заберут к себе и обратят в «вечного и подневольного слугу». Согласно народным поверьям, нечистая сила в первую очередь похищает проклятых детей, в том числе и еще не родившихся (проклятых в утробе), и «присланных», т.е. случайно задушенных матерями во время сна (в этом случае душа ребенка также считалась погибшей и попадала во власть нечистой силы).

В большинстве случаев сам момент похищения проклятого бывает незаметен: человек просто пропадает бесследно, исчезая из дома, со двора, из бани и т.д. Проклятого нечистая сила могла забрать даже из утробы матери (если мать прокляла свое еще не родившееся дитя). Чаще всего проклятые терялись в лесу, в поле и т.д.; их исчезновение также приписывалось действию нечистых духов, привлеченных проклятием. В некоторых случаях похищение проклятого сопровождалось появлением ветра, вихря и т.п.; считалось, что это черт или леший, приняв облик вихря, прилетел за «отсуленным» ему человеком. Так, например, в одной быличке баба сгоряча обругала своего грудного ребенка, который не переставая плакал; в тот же момент на улице поднялся вихрь, который ворвался в дом, вынес ребенка через трубу и пронал.

Согласно народным поверьям, при похищении проклятых нечистая сила нередко подменяет человека либо нечистым духом, либо каким-либо предметом. Так, по народному убеждению, многие нечистые духи, подменяя детей, оставляют вместо них либо свое уродливое детище, либо веник, полено и т.п. В некоторых местах считалось, что проклятый человек нередко умирает вскоре после того, как его прокляли; однако и в этом случае нечистый забирает его себе, подменяя тело умершего чуркой. В некоторых случаях нечистый мог забрать лишь душу проклятого, а в тело вселялся сам.

По народным поверьям, чаще всего нечистая сила забирает себе проклятых детей; однако «увести», «унести» могло и взрослого человека. При этом нередко считалось, что исчезновение человека является результатом не всякого проклятия, а только того, которое было произнесено в определенное время. Так, например, по поверьям, «год тих, да час лих», т.е. произнесенное в «лихой час», «не в час» (в полдень, в полночь) и т.д. проклятие будет непременно услышано нечистой силой, которая в скором времени и похитит проклятого. В некоторых местах полагали, что в сутках (или в году) «три минуты есть недобрых»; произнесенное в эти минуты проклятие всегда сбывается.

Пускать по воде

Существует множество рассказов о детях, которых матери «в дурной час» проклинали (напр., сказали: «Понеси ты леший!», «Черт тебя побери!» и т.п.), после чего дети потерялись в лесу или даже исчезли прямо со двора.

О судьбе пропавших проклятых известно немного. Так, по некоторым поверьям, похищенные лешим проклятые пополняют его семью: живут в его доме как его дети, женятся и выходят замуж за других леших. Нередко считалось, что проклятые люди попадают в услужение к нечистым духам или «тайным людям», по большей части к лешим и чертям, заставляющим их раздувать пожары, охранять клады и воровать неблагоприятную еду в деревнях. Проклятые дети, по поверьям некоторых мест, незримо ходят за матерью или бродят по свету, отыскивая себе пропитание (питаются они едой, оставленной без благословения). Кроме того, во многих местах верили, что проклятые крутятся в вихрях и летают с тучами, а по прошествии определенного времени становятся лешими, водяными и другими персонажами нечистой силы; так, например, считалось, что если мать прокляла дочь в утробе, то черти заберут девочку себе и через семь лет она превратится в кикимору.

Проклятые люди, похищенные нечистыми духами, остаются невидимыми для всех до тех пор, пока продолжает действовать проклятье. Они могут свободно проникать в дома обычных людей и, по народному убеждению, нередко присутствуют на свадьбах, похоронах и т.п., сидят за столом вместе с людьми в ожидании неблагоприятной пищи, собираются в банях на посиделки и т.д. Если проклятого похитил домовый или другой домашний дух, то он останется жить в доме (в подполье, под печью и т.д.), хотя родные и не смогут видеть его; так, в быличке проклятая матью девка попадает к подполянникам и живет у них, выходит замуж, а мать видит ее только тогда, когда проклятая выходит из подполья сообщить ей о свадьбе своего сына.

Согласно некоторым поверьям, участь проклятого и похищенного нечистой силой человека решается не сразу. Пока он не снял с себя крест, не принял пищу от нечистого или пока его родные не отказались от попыток вернуть его, он не полностью подвластен нечистой силе и его можно вернуть. Обычно считалось, что все это время он находится в беспрестанном кружении: вертится в вихре вместе с чертом, лешим и т.п., нередко при этом проносясь возле знакомых мест и видя своих родных и знакомых (при этом, однако, он не может прервать это колдовское вращение и остается для людей невидимым).

Вернуть проклятого можно было с помощью молитв и молебнов; так, например, в рассказе из Вологодской губ. для того, чтобы вернуть похищенную лешим проклятую, служили молебен на том месте, где она пропала, после чего ее «отбросило» возле ее родного дома. Для того, чтобы вернуть ребенка, нередко обращались и к колдунам, вероятно, полагая, что те,

общаясь с лешим, могут заставить его вернуть ребенка обратно. Вернуть проклятого можно было и другим способом: накинув на него крест; так, например, в быличке проклятая девка выходит из озера и просит проходящих мимо мужиков: «Дайте мне с себя крест, и я выйду из озера. Двадцать пять лет я в озере, проклятая отцом; а если не дадите креста, я опять уйду в озеро на двадцать пять лет». В другой быличке мать вернула своего проклятого сына, обмотав его подвенечным платьем.

По поверьям, проклятый и сам мог вернуться домой, но только в том случае, если был проклят не «на век», а «на срок»: «Кои на срок, не на век прокляты, дак те возвращаются, а как проклянет matka на веки вечные — тут уж они тебя, лешие, нипочем не отпустят, хоть что давай». Вернуть проклятого матерью «на век» человека считалось делом почти невозможным: по народному убеждению, сила родительского проклятия бывает такова, что проклятый матерью «будет всю жизнь трястись, как осиновый лист», а после смерти его не примет земля. Так, считалось, что тела проклятых матерями детей даже не разлагаются в земле; верили также, что проклятый матерью человек не найдет успокоения и смерти до тех пор, пока мать не возьмет назад своего проклятия.

Не принимает земля, по народному убеждению, и тех людей, которые были прокляты за свои злодеяния, т.е. нераскаившихся убийц и т.п. Считалось, что такие проклятые обречены остаться без успокоения и вечно неприкаянными бродить у места своего погребения.

ПУСКАТЬ ПО ВОДЕ — обряд, связанный с представлением о воде, реке, разделяющей «этот» и «тот свет». Принося жертву (в том числе и жертву воде), бросали в реку хлеб, обрядовую пищу, растения и некоторые предметы. Так, в день Сорока мучеников (9/22.III) дети пускали по воде «жаворонков», чтобы «не помирили мужики и бабы»; южные и восточные славяне во время весенних праздников (Благовещения, Вербного воскресенья и др.) пускали по воде хлебные изделия. У южных славян по воде пускали первые нитки, выпряденные девочкой, первый хлеб, выпеченный из муки нового урожая, первое надоенное у коровы молоко, первую скошенную траву, первые собранные початки кукурузы и др.

Предметы, пускаемые по воде, чаще всего предназначались умершим. Так, в некоторых местах пересылали утопленнику свечу, которую не смогли зажечь в момент его смерти: втыкали ее в поминальный хлеб и пускали его вниз по реке. В один из поминальных дней совершался обряд, называемый «пускание воды мертвым»: женщины наполняли водой из реки сосуд и тут же выливали ее обратно в реку, называя при этом по очереди имена всех умерших, которым предназначалась вода. В Страстную субботу в некоторых местах пускали по реке скорлупу освященных яиц, чтобы известить умерших (или мифический народ, называемый «рахманы») о наступлении Пасхи; полагали, что

Пчелиный праздник

через три с половиной недели эта скорлупа доплывет до подземного мира (до подземной страны у великих вод, куда стекаются все реки) и известит умерших о наступлении Пасхи.

По воде пускали и предметы, вышедшие из употребления, как бы «погребая» их в чистой и святой стихии. Так, на воду пускали сакральные предметы — иконы, старые богослужебные книги, высохшие профоры, вербовые ветки, освященные в Вербное воскресенье, остатки священной пасхальной пищи и т.п. По воде пускали остатки ритуальных предметов и обрядовой трапезы, а также большинство предметов, бывших в соприкосновении с покойным (стружки от гроба; носилки, на которых несли на кладбище гроб; солому, на которой обмывали покойника, и др.). По реке пускали и некоторые вещи, некогда имевшие важное хозяйственное значение, но ставшие уже ненужными (старую дежу и т.п.); такие предметы также закапывали или сжигали.

В Новгороде некогда существовал обычай под Новый год отводить вниз по течению реки одетого в лохмотья старика, провожая таким образом Старый год. Некогда по воде спускали вещи больного человека, «сплавляя» болезнь прочь, «вдаль по реке».

На воду пускали плоды и семена некоторых культурных растений, полагая, что растения от этого будут быстро расти. На воду пускали скорлупки яиц, из которых только что вылупились цыплята, чтобы они росли так же быстро, как течет река.

Ранней весной на воду пускали огонь, символизирующий наступление весны, согревающей земные воды. У русских этот обычай назывался «греть весну» и совершался на Благовещение: люди зажигали костры из соломы, старых лаптей и др., раскладывая их на бороне, а затем пускали эту борону на воду. В день св. Григория в некоторых местах спускали на воду дощечки с закрепленными на них свечками, говоря, что это «св. Григорий пускает в воду луч», и т.п.

На Троицу или в канун праздника Ивана Купалы девушки гадали: пускали на воду венки из цветов и трав, иногда вставляя в середину зажженную свечку; направление движения венка указывало девушке, куда она выйдет замуж, а угонувший венки или погасшая свеча предвещали ей смерть.

Пчелиный праздник - день святых Зосимы и Савватия соловецких. Эти два чудотворца издревле считались покровителями пчел и заступниками всех православных пчеловодов («Без Бога — ни до порога, а без Зосимы-Савватия — ни до улья»). В народе существовала даже легенда, что во времена жизни этих святых на Руси совсем не было пчел и что они первые принесли эту «божью работницу» из земли Египетской, где пчел разводили «окаянные измаильтяне». Согласно легенде, Зосима и Савватий — «по наущению Божию» — набрали пчелиных маток, заключили их в тростниковую палочку и отправились из Египта в православную Русь; святым угодникам сопутствовал

архангел Гавриил, который поднял в Египетской земле всю пчелиную силу и повелел ей лететь за угодниками Божьими в русскую землю. Увидев, что пчелы оставляют их горы и целым облаком летят за удаляющимися чужестранцами, измаильтяне пустились в погоню и вскоре настигли святых; однако архангел Гавриил не допустил, чтобы «Божьи угодники потерпели от руки нечестивых», и, когда погоня стала приближаться, велел святым бросить тростниковую налочку подальше; таким образом, измаильтяне, обыскав святых, ничего не нашли, и Зосима и Савватий невредимыми вернулись в русскую землю; с той поры на Руси и стали водиться пчелы.

Это предание было известно всем верующим пчеловодам, которые всегда держали на пчельниках икону святых Зосимы и Савватия (отчего и улей, к которому прикреплялась икона, именовался «зосимой»), а также обращались к этим святым с особой молитвой: «И Зосима, и Савватий, помилуйте своими молитвами меня, раба Божия (имя) во дворе или в лесу, на пчельнике, и пчел молодых и старых, на выстановке, во всяком году, во всяком месяце, в четверти и полчетверти» и т.п. Повсеместно также принято было в день этих святых выставлять на пчельник ульи и служить молебны «пчелиному Богу»: богатые пчеловоды приглашали священников служить молебен на пчельнике, чтобы сам батюшка окропил ульи святой водой, а бедные молились в церкви и затем сами кропили крещенской водой свои пчельники.

Вообще, дни святых — покровителей пчел отмечались два раза в году: весной и осенью. Весной день Зосимы-пчельника (именуемый также «Зосима-Савватий») падал на 17/30.IV; этот праздник считался днем памяти преподобного Зосимы, игумена Соловецкого, основавшего знаменитую Соловецкую обитель на Соловецких островах и перенесшего на Соловки мощи преподобного Савватия (30 апреля 1478 г. св. Зосима был погребен в гробу, изготовленном им самим незадолго до смерти, за алтарем Преображенского храма). Как раз в этот день пчел вывозили на пчельники, и это событие обычно обставлялось различными обрядами. Так, после вывоза пчел на пчельниках совершались молебны, а пчеловоды приносили в церковь мед для освящения и кормили пчел благовещенской профорой. В некоторых местах совершался и такой обряд: посреди насеки устанавливали стол, накрывали его чистой скатертью и ставили на него хлеб и соль, черепок с жаром, Богоявленскую воду и оставшуюся от пасхальной заутрени свечу; потом, помолвившись Зосиме и Савватию, обходили вокруг насеки с зажженной свечой и кропили ульи освященной водой.

Осенью, в то время, когда следовало убирать на зиму ульи, также справлялись праздники Зосимы и Савватия. Так, например, на 19.IX/2.X. падал праздник Зосимы — заступника пчел, день памяти мученика Зосимы-пустынника, жившего в IV в. (вероятно, он отождествлялся в народном сознании с Зосимой Соловецким, поэтому день его памяти также связывался с

Пятидесятница

пчелами). Начиная с этого дня и до праздника преподобного Савватия Соловецкого (27.IX/10.X.) считалась «пчелиная девятина»; в это время пчеловоды собирали последний мед и начинали готовить ульи к зиме. При этом в большинстве областей центральной России пчел убирали на зимовье в омшаник на Савватия, и с этим днем, соответственно, связывалось немало обычаев. Так, например, в этот день пчеловоды не только сами молились божьему угоднику, но и заставляли молиться детей, так как пчелиный промысел, по народному убеждению, требует нравственной чистоты и праведной жизни перед Богом, а дети до 12 лет у крестьян считались безгрешными, и молитва их признавалась очень угодной Богу. Поэтому пчеловоды, пришедши на пчельник, не только молились, крестились и кланялись образам соловецких чудотворцев, но и заставляли продельывать все это детей, полагая, что их просьба: «Дай, Господи, чтобы пчелки водились, мед носили и не умирали» — будет непременно услышана и исполнена.

Пятидесятница — см. Троица.

Пятница — день недели, с которым церковь связывала воспоминание о страдании и смерти Иисуса Христа. Пятница у славян воспринималась как своеобразный праздник; особым же почетом на Руси пользовались так называемые двенадцать пятниц, а также обетные пятницы.

Двенадцать пятниц (именуемых еще временными или именными) представляли собой цикл своеобразных празднеств, приходившихся на 12 пятниц, начиная от Великого поста и кончая Богоявлением. Эти пятницы отмечались в народе строгим постом и всяческими воздержаниями. Вообще, пост на Руси был приурочен ко всем средам и пятницам каждой недели в году (за исключением некоторых праздничных недель: пост в эти дни не соблюдался на Пасхальной и Троицкой неделе, на святках — от Рождества Христова и Богоявления, кроме богоявленского сочельника, а также в седмицу мытаря и фарисея и сырную седмицу — масленицу): он был установлен церковью «в воспоминание предания Спасителя на страдания и Его страданий и смерти». Особенностью же поста, соблюдавшегося в 12 пятниц, являлись народные поверья о том, что человек, проводящий эти дни в строжайшем воздержании, будет награжден особым образом: Бог сохранит его от внезапной смерти без причастия, от «нечистой» смерти и т.п.

В Древней Руси эти двенадцать обетных пятниц чрезвычайно почитались. Каждая из них носила свое название (например, пятница Благовещенская, пятница Успенская или пятница Ильинская); ко всякой приурочивалось какое-либо событие, каждой приписывалась какая-либо особенная благодать.

Верования о 12-ти пятницах основывались, в первую очередь, на «Поучении, иже во святых отца нашего Климента, папы Римского о дванадесятницах (о

двенадцати пятницах)». Подобная, так называемая «рукописная духовная литература» (к которой относилось и «Поучение...», и «Сны Богородицы» и т.п.), пользовалась среди простых крестьян большой популярностью вплоть до XIX в., и хотя духовенство со временем стало пытаться изъять из обращения эти остатки старины, благочестиво настроенные мещанки, просвирни, начетчики и малограмотные купцы все равно переписывали подобные произведения, причем тщательно прятали такую литературу не только от лиц духовного звания, но и вообще от всех, кто, по их мнению, стремился ознакомиться с рукописями только из «праздного любопытства», а не «по усердию истинно верующих христиан».

Собственно, в «Поучении Климента» говорилось о следующих двенадцати пятницах:

1-я Пятница — на первой неделе Великого поста. Она была связана со следующим событием: «в первый пяток месяца марта Адам преступил заповедь Божию, и изгнан бысть из рая». По поверью, тот, кто будет поститься в эту пятницу, «будет избавлен от внезапной смерти».

2-я Пятница — перед Благовещением. В эту пятницу, по легенде, Каин убил Авеля; очевидно, в связи с этим считалось, что тот, кто «в сию пятницу постится, тот человек от напрасного убийства избавлен будет» (по другому варианту рукописи — «до убожества великого не дойдет и от меча сохранен будет»).

3-я Пятница — на Страстной неделе Великого поста (Вербной неделе). Человек, который постится в эту пятницу, по народному убеждению, «от разбойников сохранен будет» (вариант: «от мучения вечного и от нечистого духа сохранен будет»).

4-я Пятница — перед Вознесением Христовым, когда «погубил Господь Содом и Гоморру». Считалось, что человек, который постится в этот день, «без святых Таин Христовых не умрет и от великого недостатка сохранен будет».

5-я Пятница — перед Троицей, праздником сошествия Святого Духа. Кто в эту пятницу постится, тот, по народному убеждению, «от потопления избавлен будет» (вариант: «при кончине жизни смерть свою узрит и от смертных грехов сохранен будет»).

6-я Пятница — перед Рождеством Иоанна Предтечи. Пост в эту пятницу обеспечивал человеку защиту «от сухоты и трясавиц (лихорадок)».

7-я Пятница — перед днем Илии Пророка. Человек, соблюдающий пост в этот день, по поверью, «от грома, молнии, града и голода сохранен будет».

8-я Пятница — перед Успением Пресвятой Богородицы (когда «Моисей на горе Синайской принял закон»). Считалось, что «кто в сию пятницу постится, тот человек, перед смертью своей, Богородицу узрит».

9-я Пятница — перед днем Михаила Архангела. По народному убеждению, «кто в эту пятницу постится, душа того человека через огненную реку перенесется».

Пятница

10-я Пятница — перед днем Космы и Дамиана. Пост в эту пятницу предотвращал «великое грехопадение».

11-я Пятница — перед Рождеством Христовым (когда «14 тысяч младенцев, от царя Ирода, в Вифлееме Иудейском убены были»). Считалось, что имя того человека, который постился в этот день, «будет записано у самой Пресвятой Богородицы на престоле».

12-я Пятница — перед Богоявлением. Имя человека, постившегося в этот день, по народному убеждению, «в книгах животных записано будет». Кроме того, о непочтении к 12-й Пятнице в том же «Поучении» было сказано: «Аще который человек в сию Великия Пятницы с женою своею или с девицею сотворит блуд и от них зачнется, то будет (младенец) слеп, или нем, или глух, или тать, или разбойник, или всякому делу злomu начальник».

Кроме этих двенадцати пятниц, в народе почитались еще и обетные пятницы, также сопровождавшиеся постом и различными запретами на работу. Таких пятниц обыкновенно насчитывалось девять: 1-я — Обжорная (на 3-й неделе Великого поста), 2-я — Страстная, 3-я — Спасовая, 4-я — Временная, 5-я — Разгульная, 6-я — Молебная, 7-я — Кающаяся, 8-я — Праздничная и 9-я — Девятая пятница. Почитание обетных пятниц, по мнению крестьян, должно было предотвратить различные бедствия, такие, как засуха, неурожай, надеж скота и т.н. Так, например, один из письменных источников XVI в. гласит, что в 1590-1598 гг. крестьяне Товренской области «сговорились промеж собою и учинили заповедь на три года, чтобы в пятницу ни толчи, ни молотити, ни камения жещи, а кто заповедь нарушит, на том доправить 8 алтын и 2 деньги».

Вообще же, в народе почитались не только временные или обетные, но и вообще все 52 пятницы в году. Так, например, в Малороссии крестьяне полагали, что во всякую пятницу грешно работать и есть скоромное; тех же, кто нарушает этот запрет, будут преследовать несчастья.

Народные приметы устанавливали множество своеобразных кар за непочитание пятниц. Так, например, считалось, что у того, кто прядет в пятницу, отец с матерью на том свете будут слепы; кто в пятницу много моется, тот в старости будет много плакать; кто в пятницу мост помыл, тот после смерти в пояс валяться будет (это наблюдение было сделано людьми «обмиравшими» и, по народному убеждению, побывавшими на «том свете»), и т.п. Деревенские бабы по пятницам не купали ребят, опасаясь, что от этого на дитя нападет «сушец»; если же баба все-таки, по забывчивости, испукала ребенка в пятницу, то считала своим долгом непременно совершить следующий обряд для предотвращения болезни: позвав к себе соседку, она отдавала ей ребенка с тем, чтобы та передала ей ребенка обратно с улицы, через окно, взяв в уплату медный грош, который мать отдавала ей тут же, едва взяв свое дитя, и

который соседка обязана была потратить непременно в пользу святой Пятницы. Смысл этого обряда, очевидно, был такой: отдавая ребенка в чужие руки и как бы уступая другому лицу все права на него, баба тем самым давала понять Пятнице, что наказывать этого ребенка уже бесполезно, так как ребенок уже не ее и принадлежит другой бабе; «покупая» же ребенка обратно, она, опять-таки, давала Пятнице понять, что ребенок, в сущности, чужой, только сию минуту купленный, и посылать на него кару нет никаких оснований. Грош же, потраченный в пользу Пятницы, должен был окончательно заглаживать провинность и неприятность, доставленную Пятнице купанием ребенка.

Особенно страшные кары поверья сулили людям, работавшим в поле или прявшим в обетные или временные пятницы. При этом в большинстве этих поверий пятница олицетворялась и воспринималась как некое сверхъестественное существо, к которому можно обращаться с молитвами и прошениями и которое щедрой рукой раздаст постящимся в его честь разнообразные дары и милости, а людей, не соблюдающих этот пост, строго наказывает. Так, например, считалось, что женщина, прявшая в одну из обетных пятниц, находится в опасности, так как разгневанная непочтением Пятница придет и может убить ее, задушить или содрать с нее кожу.

Двенадцать Пятниц в поверьях нередко представлялись в виде девиц (по некоторым поверьям — сестер), причем десятая Пятница считалась самой старшей: вместе с девятой Пятницей она, по народному убеждению, приносит Богу все молитвы прежде других Пятниц, так как стоит ближе к Богу, святым угодникам и Богородице. Подобное олицетворение пятниц было известно повсеместно. Так, например, во многих местах крестьяне о нарушителях клятвы говорили: «И как его девятая пятница не убила?» или: «Хоть бы его матушка Ильинская пятница покарала!»

Однако чаще всего образы двенадцати сестер-Пятниц сливались в один образ Пятницы, которой одной и посвящались все праздники, связанные с пятницей. Так, во многих местах были известны рассказы, в которых фигурировали такие сверхъестественные существа, как св. Пятница (Пятина, Петна), св. Среда и св. Суббота (довольно широко, например, был распространен рассказ о том, как эта три святые женщины видели все страсти Господни и поведали о них миру). Существовало также немало поверий о Пятнице, которая выступала то как страшное демоническое существо, карающее людей, работавших в пятницу, то как милостивая святая, помогающая людям. Так, например, в Малороссии был распространен сюжет о Пятнице, подбрасывающей веретено в окно к женщине, прядущей накануне пятницы с приказанием спрясть его; женщину, догадавшуюся выбросить веретено обратно в окно, Пятница хвалит и после пособляет ей в делах, а бабу, не догадавшуюся сделать этого, строго наказывает (сдирает с нее кожу и т.п.).

Пятница

Очевидно, под этой Пятницей понималась святая мученица Параскева, нареченная Пятницей (по легенде, родители ее особо почитали день страданий Господних — пятницу, поэтому и назвали свою дочь, родившуюся в этот день, Параскевой, что в переводе с греческого и означает — пятница). Эта святая повсюду на Руси пользовалась особой любовью и почитанием, особенно как «бабья святая», покровительствующая женщинам и женским работам — прядению, ткачеству и пр. Ей посвящались все обетные и временные пятницы, а также вообще все 52 пятницы в году; в эти дни строго соблюдался запрет на всякую работу, особенно на прядение, так как считалось, что за работу в свой день — пятницу — святая Пятница жестоко карает.

Таким образом, день недели пятница у славян пользовался глубоким уважением и почитался в народе не менее, чем воскресенье. К пятнице приурочивалось множество самых разных народных поверий и обычаев, причем многие из них по происхождению своему были вовсе не христианскими, а языческими и некогда, вероятно, связывались с языческой богиней Макошью, которой и посвящалась пятница. Очевидно,

именно по этой причине православная церковь не одобряла подобного почитания пятниц. Так, само сказание о 12-ти пятницах исстари относилось к апокрифическим текстам, т.е. к текстам, не признаваемым христианской церковью каноническими. Известно также, что патриарх Константинопольский в одной из своих окружных грамот 1589 г. к литовским епископам прямо запрещал праздновать день пятницы наравне с воскресеньем. В «Стоглаве» все древнерусские суеверия относительно пятницы назывались «богомерзкими, прельщениями бесовскими». При этом о самом почитании пятниц в том же «Стоглаве» говорилось: «По погостам и по селам лживые пророки мужики и женки, и девки, и старья бабы, магия и босья, волосы отрастив и распустив, трясутся и убиваются, и говорят, что им является святая Пятница и Настасия и велят им, чтобы они заповедали христианам каноны засвечивати. Женщины эти и заповедывают христианам в среду и пятницу ручнаго дела не делати, и не прясть, и платья не мыть, и камня не разжигати, и иные заповедают богомерзкие дела делати, противныя божественному писанию».

РАДУГА — небесное явление, называемое также райдуга, веселка, веселуха, божий лук, божий пояс, бабин пояс, пояс самовил, краса, ясна, ясновка и т.д.; иногда ее также именовали змеей или смоком. Во многих местах верили, что радуга предвещает конец дождя и ясную погоду (отсюда названия «ясновка», «ясница» и т.п.); однако встречались и противоположные поверья: иногда считалось, что радуга предвещает дождь, грозу и пр. При этом крестьяне верили, что крутая дуга — к ведру, а пологая — к продолжительному дождю; если радуга появилась на востоке, то это к хорошей погоде, а если на западе — к дождю. При этом повсюду считали, что увидеть радугу — к добру, счастью, богатству; ср. широко распространенное поверье о том, что на концах радуги повешено по котелку с золотыми монетами.

Радуга, сопровождающая летние грозы и проливные дожди, пропитывающие воздух влагою, неизменно связывалась с небесными божествами-громовниками, посылающими, по народному убеждению, на землю дожди. При этом в народной традиции радуга нередко сближалась с какими-либо предметами.

Например, радугу традиционно представляли луком, дугой, аркой. Ее считали луком громовника, который тот натягивает, собираясь пускать стрелы-молнии, вступив в битву с облачными демонами. Литовцы, между прочим, прямо называли ее *kilpinnis dangaus*, т.е. небесный лук. В русских древнейших записях она обозначалась словом *длга*; например, так радуга называлась в Святославовом Изборнике 1073 года и в переводе Библии: «дугу мою полагаю во облаче».

В некоторых местах радугу и в XX в. называли «божия дуга», польск. *dtga*, серб., болгар, и чешек, дуга, кроат. *uk nebeski*. Слово дуга вообще указывало на согнутую линию; т.е. оно могло быть и синонимом слову лук (ср.: излучина — кривизна, лукоморье — изгиб морского берега, лукавый — криводушный и пр.), и в отношении радуги иметь тождественное с ним значение (ср. латин. *arcus* — лук, из которого пускают стрелы, и выведенная дугой перемычка, свод, и радуга) У русских до сих пор сохранилась поговорка: «Ах, ты, радуга-дуга!»; да и само слово ра-дуга изначально было связано с дугой, причем в некоторых местах оно произносилось рай-дуга, т.е. небесная, райская арка.

Не менее часто, чем с дугой, радугу отождествляли и с коромыслом либо с мостом (иногда — с мостом «на тот свет», в рай). Например, русские верили, что радуга — это небесное коромысло Богородицы, при помощи которого она черпает воду из рек и морей и потом орошает этой водой поля. Это чудесное коромысло

будто бы хранится на небе, где его можно видеть ночами в созвездии «Большой Медведицы» (ср. одно из народных названий этого созвездия — «Дивка воду песе», или «коромысл»). По болгарскому преданию, радуга появилась лишь после всемирного потопа, когда Господь установил ее и изрек: «пока сияет на небесах радуга — до тех пор не бойтесь, а когда не станет радуги — это будет знамением, что близится день Страшного суда». Кроме того, радугу часто отождествляли с поясом небесных существ, например, опояской Пречистой Девы, которой она вытаскивает грешников из ада; поэтому русские в своих заговорах обращались к ней: «Мати Божия, пресвятая Богородице! Подпояшь мя златым своим поясом».

Очень часто радугу представляли себе и в виде змея. При этом близкая связь радуги с дождем нашла отражение и в поверье о том, будто радуга высасывает, «пьет» воду из озера, реки, моря или колодца, подобно змею: опустив свое жало в воду, она набирает ее в себя, а после выпускает, отчего и бывает дождь; при этом с водой она иногда выпивает лягушек и рыб, которые позже при больших грозах падают с неба. Малороссы, завидев радугу над рекой, говорили: «веселка воду бере», или «веселка-красна пани з криници воду бере»

(название веселка, веселуха, висялуха означала буквально: висящая [на воздухе]); литовцы называли радугу *этакаэ* (ср. белорус, *смок* — змей, букв, сосун), а белорусы полагали, что радуга — это «смок пье воду из рек и озер, бо кабы юш не пиу воды, то вода бы нас затопила».

Кое-где рассказывали даже, что радуга есть труба, один конец которой касается неба, а другой бывает опущен в колодец, из которого Царица Небесная тянет воду; а в рукописях XV столетия даже прямо говорилось, что через радугу Бог (или ангелы) собирает воду: «дугу мою поставлю, рече Бог, на облацех. Да и дуга бо повелением Божиим собирает морскую воду, как в мехи, и наливает облачной воды. Да егда повелит Бог вдати дождь на землю, восходит шум из трубы дужной (радужной), а той дух есть бурен вельми и смущался; да как дух начнет раздпратп облаки, уготовати путь воде и проливати ю в ширину вданому тому облаку, да тем путем великий скрежет сотворится: сей скрежет человецы навькли называти громом... да тако пуцает, отверзает сокровище водокровно».

Подобные представления о радуге, сосущей воду из земных источников, существовали у всех славян. Например, болгары думали, что «джига» спускается в реку, сосет воду и оставляет в том месте серебряную чашу; кашубы верили, что радуга пьет воду из моря,

Разрыв-трава

озера или болота и передает ее облакам; а в русских деревнях иногда, завидя радугу, говорили: «Радуга-дуга, наливайся дождя!», или «Не пей нашу воду!» При этом в некоторых местах считалось, что радуга, когда тянет воду, может «всосать» в себя и человека, выбросив его потом на другой конец своей дуги; поэтому к радуге опасались подходить и показывать на нее пальцем. Иногда считалось также, что радуга охотнее всего пьет воду у водяных мельниц, поэтому около них нельзя купаться. Кое-где существовал и запрет проходить под радугой, а также пить воду в дождь из реки на том же месте, где пила и радуга; нарушение этого запрета грозило, по народному убеждению, сменой пола. Вариантом этого поверья являлся обычай, по которому женщина, долгое время рождавшая одних девочек, должна была выпить воды, взятой из того места, где «пила» радуга; считалось, что после этого у нее начнут рождаться мальчики.

Радуга в народе считалась символом урожая, плодородия и изобилия (ср. белорус, название радуги «богатка»). Крестьяне полагали, что когда радуга долго не появляется на небе, следует ожидать неурожая, засухи и голода, так как отсутствие радуги означает, что «дядя Господ сердится на людей». У южных славян радугу называли «вино-жито» и т.п. и полагали, что она способствует росту хлебов и богатому урожаю. В некоторых местах по радуге гадали об ожидаемом урожае, причем разные цвета радуги обозначали разные зерновые культуры и т.д.: белый цвет означал хлеб; красный — вино; зеленый — жито, пшеницу и траву; синий — капусту и вообще овощи; желтый — растительное масло и просо; оранжевый — жито, и т.д. Считали, что «какая полоса шире — того и уродится больше». Двойную радугу (обращенную концами к земле и к небу) иногда называли «близнец» и считали, что по яркости полос дуги, обращенной к земле, можно предсказать урожай на земле, а по дуге, обращенной к небу, — урожай на «том свете». При этом у западных славян существовало еще поверье, что вешница (ведьма) может украсть радугу и «через то произвести засуху».

Радугу нередко воспринимали как божественный знак благополучия и благодати; в народных преданиях, возникших на основе ветхозаветного текста и апокрифов, говорится, что «Бог сказал Еве — пока существует радуга, люди будут плодиться, а как только она исчезнет, наступит второе пришествие», и т.п. Радугу поэтому часто называли «знаменье господне», «божий знак», «знамне», «святка» и т.п. В Болгарии верят, что радуга — это «пояс Господа, который он положит во время дождя или сушит после дождя». Иногда говорят, что Бог с помощью радуги показывает женщинам, как надо ткать и какие цвета употреблять.

РАЗРЫВ-ТРАВА — олицетворение молнии; трава, способная разрушать запоры и узлы, а также овладевать кладами. В народе ее обозначали и другими названиями: спрыг-трава, прыгун или скакун-трава, у

сербов расковник. Согласно народным поверьям, листья ее имеют форму крестиков, а цветок подобен огню. Распускается цветок разрыв-травы на Ивана Купалу; при этом считалось, что цветок ее держится не более пяти минут («Не дольше того времени, которое полагается для прочтения символа веры и молитв Господней и Богородичной»). Где растет эта трава — никому не ведомо, хотя народные поверья и рассказывали о людях, которым будто бы удалось добыть ее цветок. При этом считалось, что добывать разрыв-траву, как и цветок папоротника, очень трудно и опасно, так как всякого, кто ее найдет, нечистая сила старается лишить жизни.

По некоторым поверьям, для того, чтобы добыть разрыв-траву, в полночь накануне Иванова дня искатель должен идти на дикий пустырь и косить траву до тех пор, пока лезвие косы не сломается, наткнувшись на разрыв-траву; после этого он должен собрать всю скошенную зелень в том месте, где сломалась коса, и бросить эту зелень в реку или в ручей. Считалось, что обыкновенная трава поплывет вниз по течению, а разрыв-трава — вверх; тут-то ее и нужно поймать. Сербы рассказывали также: «Один торговец, желая найти эту траву, заковал бабу в железные колодки и пустил ее по леваде: там, где колодки сами собой разомкнулись, там и должен быть расковник».

По некоторым поверьям, разрыв-травой обладают некоторые птицы — орел, дятел, кукушка и пр. Например, в некоторых местах советовали отыскать весной гнездо дятла и заложить в нем отверстие куском железа или гвоздем, а внизу разостлать полотно; птица, желая открыть вход в свое гнездо, принесет разрыв-траву, которую потом выбросит, и человек сможет подобрать ее. По-видимому, это поверье основывалось на олицетворении молнии и туч в облике некоторых птиц: так, например, дятел во многих местах считался священной птицей, приносящей небесный огонь; он «вьет свое гнездо в облачном дереве, и гнездо это, окованное зимними холодами, отворяется в весеннюю пору веткой-молнией»; это отворение сопровождается грохотом грома.

Помимо птиц, разрыв-травой, по народному убеждению, также обладают различные гады — змеи, лягушки, ящерицы и ежи. Иногда также считалось, что разрыв-трава растет там, где живут черепахи; и если черепахи яйца огородить колышками, то черепаха принесет лист разрыв-травы, чтобы проложить себе дорогу к гнезду. В этот момент надо отнять у черепахи разрыв-траву и вживить ее в порез на левой руке.

Разрыв-трава, по народному убеждению, ломает все металлические связи (золото, серебро, сталь, медь и т.п.); если же бросить ее в кузницу, то кузнец не сможет сваривать и ковать железо. Воры, если им удавалось добыть эту траву, разрезали себе палец, прятали в ранку траву, после чего заживляли рану, полагая, что от прикосновения такого пальца сами отпираются все двери и замки, а человек, если к нему

Растения—обереги

прикоснуться таким пальцем даже случайно, вскоре умрет.

РАСТЕНИЯ—ОБЕРЕГИ различные деревья, кустарники, травы и цветы, используемые для защиты от нечистой силы. Магические свойства эти растения приобретают благодаря своим природным свойствам: сильному запаху (полынь, базилик), вкусу (чеснок), жгучести (крапива), наличию колючек (шиповник, боярышник, ежевика, терн, можжевельник) и др. Растения-обереги крестьяне носили с собой, втыкали в здания, хранили в помещениях, а также прикладывали или прикрепляли к предметам, которые требовалось защитить от воздействия нечистой силы, окуривали ими людей, скот, постройки и т.п. Растения-обереги также широко использовали в календарных обрядах, в магии, при гаданиях, в народной медицине и т.п.

Согласно народной традиции, свойства оберега могли быть обусловлены легендарными и мифологическими сюжетами, относящимися к тем или иным растениям. Так, например, осину считали проклятой Богом, горькой и ядовитой из-за того, что на пей повесился Иуда; из-за этого осину использовали преимущественно в хозяйственной деятельности, а в сфере семейной жизни, особенно чувствительной ко всему «нечистому» и опасному, осина обычно не употреблялась.

Боярышник как колючее растение наделялся свойствами оберега еще и потому, что считался деревом вил, а репейник — местообитанием черта; оба эти растения считались действенным средством против нечистой силы. Так, боярышник, по народным поверьям, мог снасти человека от вампира: его ветки и шипы помещали в воротах и над окнами домов иа ночь; втыкали шип боярышника в покойника, если подозревали в нем вампира; хоронили умерших некрещеными детей под кустом боярышника, чтобы они не стали вампирами, и т.д. Наряду с боярышником часто использовали и еще одно колючее растение — терн, вера в чудесную силу которого основывалась в первую очередь на легенде о том, что «терновый венец» был надет на Христа во время распятия.

Как колючее растение в качестве оберега широко использовался также чертополох (т.е. трава, которая может «вспокоить чертей»). Чертополохом в народе называли разные виды цепкого репейника; его также нередко нарекали: дедовник, бодяк (может быть, от глагола бодать — колоть), волчец, иголчатка, колючка, колюка и пр. Но народным рассказам, чертополох изгоняет колдунов и чертей, оберегает домашний скот, врачует болезни и «унимает девичью занобу». Чтобы вылечить скотину от червей (личинок мух), знахари ходили в поле, отыскивали куст чертополоха, осторожно наклоняли его к земле, стараясь не сломать, и прищемляли деревянными вилочками, произнося заговор: «Ты, трава, Богом создана! Выведи червей из кобылы или коровы раба Божия [имярек]; коли

выведешь — отпущу, а не выведешь — с корнем изжену!»; при этом считалось, что когда черви вывалятся из скотины, чертополох нужно немедленно освободить, приговаривая: «Ты мне послужила, и я тебе отслужу!», а если этого не сделать, чертополох в другой раз не послушает знахаря.

В качестве травы-оберега нередко применялись и такие, которые в народе называли прострелом (так называли многие травы, имеющие полый, как бы простреленный стебель, например, лютик, купальницу, царь-траву, сон-траву и пр.). Согласно преданию, прострел-трава была создана Богом сплошной; но когда Бог прогневался на сатану и его сообщников и повелел Михаилу-архангелу гнать их из рая, то злые духи спрятались за эту траву, и архангел, бросив громовую стрелу, пронзил ею стебель травы от верхушки до самого корня. С той поры, по рассказам крестьян, дьяволы боятся прострела и в страхе бегут от него; поэтому человек, который хочет, чтобы его дом был безопасен от грозы и пожара и чтобы жить в нем было счастливое, должен сорвать прострел-траву и положить ее под основное бревно здания, а на месте сорванного растения оставить красное пасхальное яйцо. Считалось также, что прострел-трава избавляет от порчи и залечивает раны, нанесенные острым орудием, а также отгоняет лешего, черта и пр. Если скот заболел прострелом (род падучей болезни), то знахари советовали хозяевам привязать траву прострел к рогам заворовавших животных.

Очень широко в качестве оберега крестьянами применялись различные жгучие травы: например, крестьяне многих мест для защиты от ведьм затыкали все щели в доме крапивой, а в качестве оберега от вампиров и т.п. применяли чеснок. В качестве растений, обладающих сильным запахом, нередко использовался также чернотыльник: им ограждали дом и хлев от ведьм и колдунов, опоясывались им в период «зеленых святок» для защиты от порчи, болезней и пр.

Особыми свойствами наделялся в народе тис: так, в некоторых местах считалось, что у тиса ядовитая тень, опасная как для человека (под тисом нельзя спать), так и для нечистой силы; древесина же тиса нередко служила оберегом от черта и бешеных животных, а крест из тисового дерева, установленный при въезде в село, оберегал его от эпидемий и т.п.

Магические свойства многим растениям в народной традиции придавало церковное освящение в один из календарных праздников, а также использование растения в некоторых обрядах. Так, например, вербные ветки, освященные в Вербное воскресенье, считались оберегом от нечистой силы, грозы, грома, града, болезней и т.п.; такими же свойствами наделялась и троицкая зелень, а также кусочки древесины, оставшиеся от рождественского полена «бадняка», — они в некоторых местах использовались в качестве универсального оберега против всякого зла.

Существовали в народе и специальные ритуалы, придающие растениям свойства оберега. Так, например,

в некоторых местах совершали такой обряд: в одну из весенних ночей отрубали кусок тиса, стерегли его в течение всей ночи, положив вблизи костра, а наутро во всеуслышание объявляли о том, что тис «готов», его «уберегли»; таким тисом окуривали детей и скот, носили кусочки тиса с собой, изготавливали из них кресты и т.д.

Из растений-оберегов часто делали предметы, которые и сами по себе обладали особыми, магическими свойствами. Так, например, из осины или боярышника нередко делали кол, которым пригвождали к могиле «ходячего» покойника; из остатков бадняка, из осины и тиса изготавливали кресты, и т.п.

Против некоторых демонических персонажей использовались только какие-то определенные растения-обереги: так, например крестьяне верили, что русалки боятся полыни и не выносят ее горького запаха; рута и тоя останавливают ходячего покойника, и т.п.

РЕКА — в славянской традиции объект почитания и место совершения многих обрядов. Реке пли живущим в ней мифологическим персонажам (драконам, русалкам, водяному и т.д.) приносили жертвы; реку «кормили», пуская по ней различные предметы (например, чтобы избавиться от болезни, умиловать реку и т.д.).

Река осмыслялась как дорога в иной мир, расположенный на другом берегу реки; на острове среди моря пли под землей: в том месте, куда стекают все реки. Река символизировала также течение времени, вечность и забвение: так, в некоторых местах говорили, что умерший грудной ребенок три дня тоскует по матери, а потом ангелы несут его «на забытую реку» и дают испить ее воды, после чего младенец забывает о матери. По некоторым поверьям, «этот свет» отделен от «того света» «Забуть-рекой»; человек переходит через нее на 40-й день после смерти, забывая при этом все, что с ним было на земле.

В языческих мифах говорится, что в Вырие течет молочная река, из которой пьют боги; река эта впадает в сметанное озеро, созданное для того, «чтоб от скверны различной и нечисти очищать весь мир, всю Вселенную, чтоб питать ее соками чистыми». Молоко, текущее в реке, дает, по народным поверьям, небесная Корова (ср. представление дождевых туч, идущих по небу, стадом дойных коров, а дождя, проливающегося из туч, их молоком). Иногда считалось, что Млечный Путь — это молочная река, текущая по небу.

Помимо этого, у славян были известны также поверья об огненной реке Смородине — мифологической реке, отделяющей мир живых от мира мертвых, светлый мир от темного. Огненная река — это преграда, которую предстоит преодолеть душе по пути на «тот свет». Она лежит в основе мира (по ней плавают кит, на котором покоится земля) или находится в преисподней. По некоторым поверьям, в этой реке помещается ад; праведники идут через нее, как посуху, а грешники остаются на этом берегу либо погружаются в пламя. В

некоторых местах в могилу при погребении бросали медные деньги для уплаты за перевоз через огненную реку. Женщины, идя в баню, брали с собой лучину, чтобы после смерти положить ее через огненную реку и перейти на ту сторону; с этой же целью одно или два полена клали в печь после того, как из нее вынимали хлеб.

В русских заговорах огненную реку Господь сотворил вместе с небом и землей; «в той же огненной реке крестилась сила Господня, Петр и навел, Михаил Архангел, сам Иисус Христос». Река эта имеет космические масштабы: она достигает в высоту неба, а в глубину — бездны. Считалось, что когда настанет Страшный суд, огненная река зальет землю «с востоку солнца и до запада» и выжжет все живое.

РЕШЕТО — предмет домашней утвари, воплощавший идею богатства и плодородия и связанный с мотивами дождя, неба и солнца. В ритуалах решето использовалось как вместилище даров, а также «чудес»: оно играло роль оберега, использовалось в народной медицине и т.д.

Решето уподоблялось небесному своду; по некоторым поверьям, «на небе устроено как бы решето, но оно всегда задвинуто; когда радуга натянет воды, оно отодвигается и идет дождь». Крестьяне верили, что вода просеивается через облака, как сквозь сито; иногда облака дерутся между собой, и тогда дождь льет как из ведра. Для того, чтобы вызвать дождь, в некоторых местах лили воду через решето; когда же дождь хотели остановить, решето переворачивали. В некоторых местах во время засухи вдова брала решето, зачерпывала им воду из какой-нибудь лужи на поле (или рядом с ним) и несла эту воду к реке; чтобы вода не вылилась, решето замазывали глиной или стелили в него что-нибудь не пропускающее воду.

В народной медицине вода, пропущенная через решето или сеть, заменяла собой дождевую воду; такая вода, как и дождевая, наделялась магическими и целебными свойствами. Так, с лечебными или профилактическими целями ребенка или скот поливали водой через решето; брызгали водой через решето на корову и теленка после отела; от испуга ребенка обмывали водой, пропущенной через перевернутое решето, и давали ребенку пить такую воду; больную корову обходили трижды, поливая вокруг нее водой через решето, а при эпидемии таким же способом поливали улицу. В Великий четверг брызгали воду через решето на овец, «чтобы дыры в заборах казались им меньше».

Решето нередко использовали в гаданиях. Так, например, для того, чтобы узнать вора, решето ставили на указательный палец, вытягивали руку в сторону и начинали перечислять имена тех людей, на которых пало подозрение; на чьем имени решето повернулось, того и считали вором. Существовал и другой способ: к решету привязывали ножницы и приглашали двух посторонних человек, которые устанавливали концы ножиц на своих средних пальцах, а ворожейка

спрашивала: «Белый украл? Черный? Рыжий? Седой?»; когда решето на каком-либо цветке волос колыхалось, ворожейка задавала новые вопросы, как бы составляя словесный портрет вора.

РИЖНЫЙ. ригочник, ригошиик, ригач, заригачник,

подрижный — дух риги. По поверьям, обитает он в риге, строении, аналогичном овину, где сушат сноповый хлеб. Как дух — хозяин риги, от которого зависела сохранность собранного урожая, рижный весьма почитался крестьянами; хозяева риги старались не сердить и задабривать его, чтобы он заботился о хлебе и помогал в работе.

Рижный в народных поверьях был практически аналогичен овиннику. Так, например, считалось, что рижный, как и овинник, не любит показываться людям; стараться увидеть его считалось нежелательным, так как рижный мог рассердиться. В большинстве рассказов о нем рижный лишь слышим, но не видим: люди, приходящие в ригу, слышат шаги, разговоры, звуки работы, но они раздаются как бы из пустого места. При этом, однако, считалось, что иногда рижного можно увидеть случайно: так, в одной из быличек мужик, который пошел топить ригу, видит рижного и ригачницу в облике мужчины и женщины.

В народных рассказах любимое место ригочника — у огня. Считалось, что он сердится, когда это место занимают: так, в рассказе из Олонецкого края ригочник, застав разместившегося на его месте (у печи) парня, сердится и ударяет провинившегося пучком соломы, после чего парень сходит с ума. Прогнать ригочника с его места у огня значило навлечь на себя его гнев, а вместе с ним и болезни, смерть и т.д. (рассердившись, ригочник мог даже убить человека).

Как и овинник, рижный иногда считался одним из самых недобрых домашних духов. Однако во многих рассказах он выступает и как покровитель семьи, которой принадлежит рига, и нередко защищает людей: спасает крестьянина от преследующего его покойного колдуна; предупреждает парня о том, что его намеревается погубить ведьма, и подсказывает, как спастись.

Рижный дух, как и другие домашние духи, от которых, по народному мнению, зависели судьба, достаток и благополучие семьи, мог предвещать будущее. Рига считалась одним из традиционных мест святочных гаданий; гадали в риге так же, как в овине. Возможно, рига считалась подходящим местом для гаданий еще и потому, что в ней, по многим поверьям, могла появляться различная нечистая сила: умершие, черти, бесы и т.п. Так, например, в быличке из Олонецкой губернии в риге трудится покойный ее хозяин; в рассказе из Тульской губернии черт в риге раздает девушкам наряды. и т.п.

РОД — древнейшее славянское божество, творец Вселенной, всего видимого и невидимого мира; безличное божество, «отец и мать всех богов». Родом называли всю Вселенную; его фаллический идол

являлся сложнейшим комплексом языческих символов, изображавших все три яруса мира (небесный, земной и подземный). Род, как правило, выступал в двух ипостасях: как бог Вселенной и как домашний бог-предок, пращур; возможно, культ Рода как бога-предка со временем трансформировался в культ домового.

До утверждения верховенства Перуна, бога князей и дружинников, Род, творец всего сущего, был верховным божеством восточных славян. На то, что Род — творец Вселенной, указывают сопоставления Рода, производимые средневековыми авторами, с Ваалом, Осирисом, Саваофом, косвенно — с Иисусом Христом. Автор «Слова об идолах» распространил культ Рода на религии известных ему народов: «Оттуда же начата елини ставить трапезу Роду и рожаницам, таже египтяне, таже римляне. Даже и до словен дойде, се же словене начали трапезу ставити Роду и рожаницам переже Перуна, бога их...». В выписке из Евангелия с толкованием говорится: «Яко не разумеша Творца своего, создавшего их и вдохнувшего в них дух жизни и вложившего душу действенну, всем бо есть Творец Бог, а не Род...».

С именем Рода связан широчайший круг понятий и слов, в которых корнем является «род»: род (семья, племя), народ, родина, природа, урожай, родна (молния), родый (красный, «рдяный»), родство («геена огненная»), родник (водный источник), родия (лилии), крин (от «криница» — родник) и т.д. Исходя из этого можно предположить, что Род функционально (как создатель жизни) был связан с водой земной и небесной, а также с небесным и подземным огнем.

Род — божество плодородия и родящей силы; его основная функция — рождение новой жизни. Само его имя, входящее в группу однокоренных слов (таких, как: род, родня, родичи, родить, родина, народ, урожай, природа и др.), указывает на принадлежность Рода кругу генетивных божеств. Род, воплощение мужского родительного начала, был, очевидно, небесным божеством, оплодотворяющим Мать — Сыру Землю, воплощение женского начала. Считалось, что Род, находясь на небе, вдвует жизнь во все живое; он оплодотворяет землю с помощью дождя и росы. Так, согласно народным поверьям, роса, опадающая с небес в виде тумана-облака, посылается богом неба Родом как несодержащая влага жизни, как божественная оплодотворяющая сила. При этом верили, что дождь, посылаемый с неба Родом, дает жизнь не только растениям, но и животным, и даже людям: так, язычники считали, что «Род, седя на въздузе, мечеть на землю груды (капли) и в том раждаются дети».

В поучениях против язычества и других документах Род постоянно упоминается вместе с двумя рожаницами — женскими божествами плодородия, родительницами жизни. Род и рожаницы некогда считались небесными хозяевами мира. Культ рожаниц восходит к эпохе матриархата, ко времени, когда женские божества плодородия занимали лидирующее место. При переходе к патриархату они уступили место

мужским божествам плодородия, одним из которых был Род; известны также такие божества мужской оплодотворяющей силы, как Ярила и Купала (при этом и Ярила, и Купала иногда предстают как женские божества; это, видимо, наиболее архаичные представления, а позднее произошла маскулинизация данных божеств).

Праздники Рода и рожаниц, древних божеств плодородия, обычно посвящались новому урожаю и происходили в августе или в начале сентября. На этих праздниках Роду и рожаницам приносили жертвы: еду (хлеб, мед, масло и т.п.), живых кур и т.п. Праздниками в честь Рода были, вероятно, и языческие русалии; возможно, что Роду посвящался и тот день, который позже стали называть Перуновым, а при христианстве — Ильиным днем.

Позднее Рода сменил Перун, тоже бог-громовержец; произошло это, очевидно, потому, что славянским воинам нужен был не столько бог-демиург, сколько бог грозы и войны, покровитель воюющих дружин. Однако Перун вполне сменил Рода только в верхних, дружинных слоях славянского общества, а у простого земледельческого населения вера в Рода сохранялась вплоть до XVI в.

При христианстве культ Рода, по-видимому, не заменился культом каких-либо христианских святых и остался чисто языческим. Возможно, это отчасти объясняется тем, что Род и рожаницы были божествами размножения, плодovitости; они никак не соответствовали аскетичному духу христианства. Но еще более вероятной была другая причина: к моменту воцарения христианства культ Рода уже отчасти заменился культом других богов, например, Перуна и Сварога. По-видимому, Род даже не имел определенного облика; он был безликим и всеобъемлющим демиургом, создателем всего сущего, и по своим функциям мог быть соотнесен только с самим Господом Богом.

Роды — см. **Беременность и роды**.

РОЖАНИЦЫ — Лада и Леля (мать и дочь), небесные хозяйки мира. Судя по некоторым данным, культ их возник еще во времена неолита, первобытно-охотничьего строя, когда богов как таковых еще не существовало. Но тогда люди уже почитали праматерей всего живого на земле, представляя их себе в зверином облике.

Культ небесных оленей (лосей), судя по археологическим материалам и народному фольклору, представлял собой «повсеместную архаичную стадию религиозных представлений». Этот культ частично сохранился и в XIX-XX вв. у сибирских племен, дольше других ведших охотничье хозяйство. При этом сибирские охотничьи народы (эвенки и пр.) в образе лося представляли себе весь верхний мир, небесную стихию: само небо, солнце, звезды и пр.; например, солнце представлялось им гигантским огненным оленем или лосем, за день пробегающим по всему небосклону.

Существовали у них и представления о небесной лосихе, являющейся Хозяйкой Мира и матерью всех зверей и людей; при этом лосиха в поверьях имела лосенка. Этим небесным лосихам нередко соотносили с созвездиями Большой и Малой Медведиц. Так, эвенки почитали небесную лосиху Хэглэн, а также олениху Бугады Энинтын («относящаяся к Вселенной мать их»), являющуюся вместе с олененком; а у нганасан существовал миф о том, как некий шамай, путешествуя по всем трем ярусам Вселенной (верхнему, среднему и подземному) для получения особой силы, оказался у древа жизни и полетел к его вершине, где и нашел чум владычиц Вселенной: «Войдя, шаман увидел на левой (женской) стороне чума двух нагих женщин, подобных оленям: покрытых шерстью, с ветвистыми оленьими рогами на голове. Шамай подошел к огню, по то, что шаман принял за огонь, оказалось светом солнечных лучей. Одна из женщин была беременна. Она родила двух оленят... Вторая женщина тоже родила двух оленят». Эти оленята, по поверьям, и стали родоначальниками диких и домашних оленей. Подобные легенды о двух небесных владычицах мира, наполовину женщинах, наполовину лосихах или важенках, были известны у эвенков, нганасан, долган, сахалинских нивхов; а некогда они, судя по всему, были известны и славянам.

По-видимому, из этого культа небесных лосих постепенно и возник культ двух богинь-рожаниц, олицетворявших собой плодородие природы. Эти две богини наполняли все земледельческое искусство с древнейших времен (ср. например, трипольские сосуды с четырьмя женскими грудями, глиняные и деревянные статуэтки двух сросшихся между собой женских фигурок, а также многочисленные вышивки, которые на протяжении веков сохраняли древнейшие представления о мире); причем подобные же нары были известны не только славянам, но и другим народам: например, таковыми были греческие Деметра и Персефона, Лето и Артемида, которым в славянской традиции соответствовали Лада и Леля. По-видимому, именно Лада и Леля, мать и дочь, богини весенней возрождающейся природы, брака и плодородия (людей, животных и самой земли), и выступали как рожаницы. При этом, однако, ранняя персонификация рожаниц в виде Лады и Лели не помешала параллельному существованию представлений о рожаницах вообще, без определенных имен.

На культе рожаниц «хорошо проявляется закон сохранения наиболее архаичных представлений»: культ двух женщин — Хозяек Мира, двух Прародительниц (выступающих иногда в оленьем или лосином облике), несомненно, был гораздо более древним по сравнению с культом всеобъемлющего, беспредметного, почти абстрактного Рода, «порожденного условиями более позднего земледельческого быта» и нередко ставившегося рядом с рожаницами в средневековых источниках. Так, в ранних памятниках XI-XII вв. н.э. упоминался и Род, и рожаницы, а в более поздних,

Рожаницы

относящихся к XII-XIV вв., имя Рода уже исчезло, но рожаницы остались. Более того, к XIV в. рожаницы даже выдвинулись на самое видное место в языческом нантеоне богов: «Се первый идол рожанице... А се второе — вилам и Мокоше...

Культовый обряд рожаниц отличался от остальных языческих обрядов прежде всего «своей явностью, открытостью, торжественными пирами в честь богинь, частично замаскированными празднествами Богородицы». Так, многим другим богам крещеные славяне обычно «клали требы» более-менее тайно, так как принесение в жертву животных и птиц могло производиться во дворе без особой огласки. Трапезы же Роду и рожаницам устраивались всенародно, причем принявшие христианство русские люди XI-XII вв. еще долго, по свидетельствам авторов различных поучений против язычества, открыто приносили жертвы этим языческим божествам: «...и ныня по украинам их молятся проклятому богу их Перуну, Хорсу и Мокоши и вилам, по то творять акы отай (т.е. тайно). Сего же не могут ся лишити, наченше в поганстве, даже и доселе — проклятого того ставлення вторыя трапезы Роду и рожаницам на прелесть верным христьяном». При этом во всех поучениях против язычества все славянские божества упоминались обычно общим перечнем, но Род и рожаницы выделялись особо; и иногда «Слова...» даже были направлены специально против подобных «трапез» Роду и рожаницам, на которых «наполнялись черпания бесом» и происходила «прелесть верным». Вплоть до XVIII в. переписывались статьи с перечислением запрещенных языческих обрядов и обычаев, среди которых упоминался и такой: «Бабы каши варят на собрание рожаницам», «...дьяволя работа — греси, наче бо согрешенья: идолослуженье, прикуп корчемной, наклады резавные (ростовщичество), пьянство. Еже есть всего горее — ставленья трапезы рожаницам и прочая вся служенья дьяволя — требы кладомья и поклонянья твари».

Рожаничные трапезы особенно тревожили церковников как самое заметное и неистребимое проявление язычества. Их возмущало присоединение таких трапез, на которых славяне «ставяще трапезу кирпичными глебы и сыры и черпала наполняюще вина добровольного и подавающе друг другу (речь идет о ритуальной круговой чаше) — ядять и пиять», к «законному обеду» православного праздника; и еще более их возмущало то, что в подобных трапезах участвовали даже священники, которые ради «откладов» (доли приношений) соглашались и на второй трапезе в честь рожаниц пропеть тропарь Богородице: «Череву работни (чревоугодливые) попове уставиша трепарь прикладати рождества богородици к рожаничье трапезе. отклады деюче»; «Взлюблени! Бегайте жерт идольскихы и треб кладения и всея службы идольския...

Чему не творим на спасение души своей, но смешаем некия честныя молитвы с проклятым молением идольским, иже ставять лише [кроме] трапезы

кутинныя и законьного обеда иже нарицається беззаконная трапеза именимая Роду и рожаницам?»

Подобные рожаничные пиры в поучениях против язычества всегда назывались «второй трапезой» и устраивались «лише трапезы кутинныя и законьного обеда», т.е. после церковного празднования, сверх разрешенного церковью пирования в честь Рождества Богородицы, вероятно, на следующий день. При этом приурочивание праздника рожаниц к Рождеству Богородицы (8 сентября ст.ст.) объясняет и его значение, и неистребимость и торжественность подобных «рожаничных» собраний: для всех восточных областей в это время совершался праздник урожая, завершения главного цикла земледельческих работ, когда хлеб уже сжат, снопы свезены и обмолочены, урожай подсчитан, а зерно улеглось в закромах. Такой урожайный характер праздника определил, между прочим, и состав тех блюд, которые подавались на трапезе в день Рождества Богородицы, а также на рожаничной трапезе: хлеб, каши из разных круп, творог и мед или «добровонное вино». При этом «благословение хлебов» на праздник Рождества Богородицы совершалось церковью вплоть до XX в.: праздник урожая был слишком важен для славян, и потому его языческая сущность, в конце концов, вошла в церковную практику.

Как выглядели трапезы в честь рожаниц и Рода исконно (до пришествия христианства), сказать сложно, по, по-видимому, они совершались после уборки урожая и обмолота, сопровождавшегося в ряде мест сушкой снопов у «сварожича» в овине: закончив работы, связанные с урожаем, земледельцы устраивали «собрание», на котором поедались кушанья из продуктов земледелия, ходили круговые чаши с медом, пелись песни и совершались благодарственные моления богам. При этом такие моления сопровождались «кладением треб» и «жертвами идольскими», которые позднее порицались церковниками. Первое вполне соответствовало бескровным жертвам в виде хлеба, каши, творога и меда, а второе включало в себя какие-то кровавые жертвы, скорее всего, жертвование домашнего скота или других животных. Так, например, в некоторых местах, особенно в северных областях, вплоть до XX в. сохранялся обычай около дня Рождества Богородицы, в осенний праздник урожая, на общей «складчине» закалывать и варить «обещанный» скот (например, купленного на общие деньги или выращенного всей общиной быка), причем крестьяне тех мест рассказывали, будто в былое время в жертву приносили не домашний скот, а оленей (лосей, ланей). Например, на Белоозере, в окрестностях Кирилло-Белозерского монастыря, рассказывали такую легенду: «В день Рождества Богородицы самки оленя ежегодно приводили с собой детеныша, которого (крестьяне) закалывали и варили и им угощали проходящих, а мать отпускали. Когда же праздник приходился в постный день, тогда олени приходили накануне и праздновали накануне, что делается и до настоящего

Рожаницы

времени, но теперь олени уже не приходят, и крестьяне приносят в жертву рогатый домашний скот». Подобные легенды были известны повсюду на Русском Севере и были, по-видимому, связаны с архаичными оленями-рожаницами, которым поклонялись еще в неолите.

Таким образом, главный праздник Рода и рожаниц был традиционным общественным осенним праздником урожая, подобным аналогичному празднику в честь четырехглавого Святовита (Световида) у западных славян. Вторично же Рода и рожаниц чествовали уже на Рождество Христово (после 25 декабря ст.ст.), т.е. во время зимнего солнцестояния. При этом такая связь с христианскими праздниками, возможно, объяснялась не только архаичными представлениями о необходимости поблагодарить богов за урожай или отпраздновать «перелом зимы», когда начинает возрождаться солнце (ср. поверье о том, что солнце «играет» в этот день), но и тем, что в обоих случаях у христианской мифологии фигурировали «рожаницы» — Анна, родившая Марию, и сама Мария, родившая Иисуса.

В древности, по-видимому, культ рожаниц был первенствующим и обособленным культом; однако со временем рожаницы стали образовывать триады с другими божествами — Родом, Макошью и, возможно, с Ящером, владыкой подземно-подводного мира. Однако сам по себе культ рожаниц пережил и культ Макоши, и культ Рода. Праздники в честь рожаниц, а также стилизованные изображения этих небесных богинь сохранились и после принятия христианства и дожили до XIX в. Например, образы рожаниц вплоть до XX в. сохранила народная вышивка, вообще наполненная различными архаичными символами. Такое сохранение древнейших представлений объяснялось ритуальным характером тех предметов, которые покрывались вышитым узором. Например, вышивкой традиционно покрывалась одежда, ритуальный узор которой предохранял человека от воздействия разнообразных враждебных сил; при этом особенно богата различными узорами была подвенечная одежда невесты (ср., например, подвенечные кокошники невест, рубахи, накидки и пр.). Специальным ритуальным предметом, покрытым богатой и сложной вышивкой, было также полотенце: на полотенцах подносили гостям хлеб-соль; полотенцами увешивали красный угол, а на полотенце-«иабожнике» помещали иконы; во время полужыческих весенне-летних празднеств полотенцами украшали и ветки деревьев; кроме того, полотенца служили вожжами свадебного поезда, а в похоронном обряде на полотенцах несли гроб с покойником и опускали его в могилу. Соответственно, подобные полотенца украшались самыми разными узорами: на них можно было увидеть и изображение древнего славянского богослужения (в особенности поклонения деревьям), и «русальные» празднества, и изображения различных богов и богинь плодородия.

Изображались на таких вышивках и богини-рожаницы во всех их ипостасях. Например, в новгородских вышивках присутствовали и бегущие олени, и даже изображения огромной женщины с ветвистыми рогами и широко раскинутыми руками и ногами (т.е. находящейся в позе роженицы), иногда с четырьмя соснами вымени важенки вместо двух грудей. Иногда такая распластанная лягушкообразная фигура ставилась в центре, а по бокам от нее изображались две оленихи, порой — с головками рождающихся «оленьцов» под брюхом. Оленьими головками могли завершаться и ноги рогатой фигуры. В некоторых случаях вышивальщицы изображали даже огромную фигуру с шестью конечностями — нижними звериными ногами лосихи и верхними руками богини, причем в руках такая полуочеловеченная богиня держала по олененку, как бы опуская их на землю. Практически все такие «рождающие» фигуры традиционно окружались птицами, символизирующими собой небо.

Присутствовали в вышивках и вполне антропоморфные фигуры рожаниц, обычно также в сочетании с изображением оленей и птиц. Например, подобные композиции часто вышивались на девичьих кокошниках; при этом фигуры рожаниц, по мере забвения первичного смысла, нередко превращались в вышивке в подобие цветущего или плодоносного дерева, называемого рукодельницами березкой, яблоней или рябинкой. Иногда для того, чтобы передать родственную связь рожаниц, их изображали разными по размеру: в нижнюю часть большой женской фигуры вписывали женское же изображение меньшего размера, как будто бы только что рожденное большей фигурой.

Очень часто рожаницы изображались внутри каких-то построек — и обычных домов, и даже церквей, что объяснялось, вероятно, слиянием культа рожаниц с культом Богородицы (например, в Малороссии принято было 26 декабря ст.ст., в день «полога Богородицы», приносить в христианский храм «желю Роду и рожаницам» — хлеб, пироги и пр.). Помимо этого, на многих вышивках рожаницы изображались вместе с Макошью как богини земного плодородия. При этом Макошь обычно располагалась в центре, а рожаницы по бокам от нее; их иногда изображали едущими верхом на конях, оленях или на сохе.

Таким образом, рожаниц славяне-земледельцы с древнейших времен почитали как богинь плодородия, способствующих всякому «рождению» — и людей, и животных, и самой земли, приносящей людям разнообразные плоды. Но связь с плодородием повлекла за собой и другие функции этих богинь: их стали почитать как покровительниц брака, а также человеческой судьбы. Это было вполне естественным: ведь от плодородия земли, от обильности урожая и увеличения поголовья скота напрямую зависела жизнь земледельца: если урожай в силу каких-то причин погибал, если скот переставал плодиться или на него нападал мор, это означало не только потерю прибыли, но голод,

Рождение ребёнка

возможно смерть. Поэтому и представление о рождении славяне связывали с плодородием вообще и животворящими силами земли в частности (ср. традиционную связь рождения с такими символами плодородия, как вода, или с обрядами вызывания дождя). Так что и рожаниц в народе почитали богинями, способствующими рождению детей и наделяющими человека «долей» или, наоборот, «недолей» (т.е. плохой, неблагоприятной судьбой). Когда женщина рожала, ее близкие проводили обряд родии — готовили кашу и подавали гостям; а второе угощение предназначалось рожаницам. Звезду, загорающуюся в небе при рождении ребенка, иногда называли рожаницей (ср. также представление о том, что падающая звезда знаменует смерть человека). Нередко рожаниц в народной традиции сближали и с западнославянскими орисницами и сходными с ними духами судьбы (суденицами, живицами и пр.): так, крестьяне некоторых мест верили, что рожаницы приходят к ребенку сразу после его рождения, садятся за стол и предсказывают ему судьбу, а затем удаляются, и если в это время в окно будет светить месяц, то «озаренные его лучами, бывают видими их легкие, воздушные образы и радужные покровы». Впрочем, подобные представления, вероятно, возникли уже при христианстве, когда многих богов стали почитать в лучшем случае добрыми духами, а в худшем — злыми, нечистыми существами, вредящими людям.

РОЖДЕНИЕ РЕБЁНКА радостное событие в жизни всей семьи и даже всей деревни. Оно, как и другие важные события человеческой жизни, непременно сопровождалось различными обрядами и поверьями.

В небольших деревнях и даже довольно больших селах весть о рождении ребенка обычно немедленно облетала все дома, особенно если ребенок рождался поздней осенью или зимой, когда все полевые работы уже закончены и в деревне, в общем, бывает тихо и скучно. Соседки непременно заходили наведаться и пособить матери-роженице, а заодно и полюбопытствовать и посудачить.

У славян, как и у многих других народов, больше радовались рождению мальчика, а не девочки. Рождение сына означало, что в семье появился наследник, «будущий кормилец-поилец, лишний тяглец на дому и верный помощник». Он не уйдет в чужой дом, как уходят дочери-невесты жить и работать на мужика и на его семью. Кроме того, в России крестьяне получали добавочную полосу земли на каждую мужскую душу, что тоже было поводом для радости: родился мальчик — и у его отца при очередном переделе «всем миром» (т.е. всем деревенским обществом) деревенской земли появится лишняя прирезка пахотной и сенокосной земли.

После того, как ребенок родился, его следовало как можно скорее окрестить. Ребенок, не введенный еще в «лоно святой церкви», по народному убеждению,

подвергался большой опасности: его могли похитить нечистые духи, а в случае смерти душа его не могла попасть в рай. Поэтому на третий день его возили в церковь, где при крещении он получал свое имя (нередко — в честь того святого, чью намять праздновала церковь в тот день, когда он родился).

Рождение ребенка было радостным событием, но оно прибавляло в доме хлопот. В крестьянской семье младенцу не могли уделять много внимания: отец целый день в поле или на заработках, у него работы невпроворот, ведь надо кормить семью; домочадцы обычно тоже все при деле. Матери — и той некогда сидеть с ребенком, потому что на женщине в деревне «весь дом стоит: нужно и еду приготовить, и у печки присмотреть, чтобы щи не ушли через край горшка, и кошку прогнать, чтобы не слизывает с молока сливок, и скатерть на стол постелить, и в избе прибрать, и кур накормить, и корову подоить, да мало ли работы в хозяйстве?» У крестьян на долю молодичицы, из гостеприимной и родной семьи попавшей в чужую и подчас враждебную семью мужа, выпадала едва ли не вся работа по дому, в том числе и вся «черная» работа, трудная и неприятная. Ей всем нужно было угодить, а самой при этом «хоть сквозь землю провалиться». Вот и приходилось предоставить младенца самому себе; а если раскричится, чем его угомонить? Покормить грудью или покачать, пока не заснет, времени нет. Вот и повелось у матерей с давних еще времен: как ребенок шуметь да плакать начнет, сунуть ему в рот жвачку из ржаного хлеба или каши, чтобы он начал сосать и замолчал. По народному убеждению, если ребенок после этого замолк — значит, стал «набираться крестьянской рабочей силы». Но от подобной жвачки у ребенка в желудке начинали вырабатываться кислоты и появлялась резь, отчего он снова начинал кричать пуще прежнего. Крестьянки, однако, приписывали такое беспокойство ребенка злему влиянию нечистых духов или людей с «черным глазом», поэтому и не переставали затыкать рот ребенку этой своеобразной «соской». Отцы еще при этом нередко старались пособить и покупали для любимого детища на ярмарке пряник-сусленик и т.п., который заменял ржаной мякиш; но это опять-таки была мучная еда, да еще с медом, так что младенец и после этого не утихал. Так что в конечном итоге матери обычно все же приходилось укачивать его, причем на этот случай имелось немало различных песенок-колыбельных, например: «Баю-баюшки-баю, живет барин на краю, он ни скуден, ни богат, у него много ребят, все по лавочкам сидят, кашу масляную едят, каша масляная, ложки крашенные, ложка гнется, сердце бьется, душа радуется»; или: «У котика, у кота была мачеха лиха. Она была кота поперек живота. А кот с горюшка, кот с кручинушки, кот на печку пошел, горшок каши нашел. На печи калачи, как огонь, горячи. Пряники пекутся, коту в лапки не даются».

Постепенно ребенок начинал подрастать, учился «на дыбки становиться», потом ползать по полу и,

Рождество Христово

наконец, ходить, сначала хватаясь за лавку или за руки взрослых, а потом и без всякой помощи. Крестьянские дети начинали обычно ходить до года. Когда ему исполнялся год жизни и наступал первый день именин, мать непременно чувствовала его именинным пирогом.

Подрастая, ребенок обычно начинал требовать все больше и больше еды. Для топ; же, чтобы дитя не плакало и не ныло, неотступно бродя за матерью и прося есть, деревенские хозяйки нередко ставили где-нибудь в укромном месте маленький коробок с какими-нибудь хлебцами, чтобы дети, проголодавшись, приходили к нему и брали, сколько вздумается. Разновидностей подобных хлебцев было немало, и все они имели свое название: кокурки, колобаны, клецки, лепешки, кольца, крендели, витушки, каравайцы, сушки, бублики, пряженцы, толченики, папошники, булочки, баранки, колобки и т.п. Всякий из этих сортов готовился на свою стать особым образом, обычно из оставшегося от хлеба теста. Так, например, колобки представляли собой небольшие круглые хлебцы или толстые лепешки, которые выпекались из остатков муки от пирога или хлебов с добавлением масла, смазывались сметаной или размешивались на молоке, чтобы были послаще. Такое кушанье было вкусным и очень любимым детворой; провинившихся ребят даже наказывали тем, что лишали их этих хлебцев. На таких материнских колобках, да на свежем воздухе при постоянной беготне и движении деревенские ребятишки вырастали скорее и споре городских детей; однако из-за обилия хлебной и мучной пищи у деревенских ребят вырастали обычно большие животы, каких никогда не бывает у детей, питающихся бульонами, супами и вообще мясной пищей. Деревенские дети, как правило, ели мало мяса, которое попадало на крестьянский стол зачастую только в большие праздники, да и то не у всякого. На замену мяса у крестьян шли овощи: лук, капуста, редька, морковь, картофель и т.д.

В деревнях детей долго не баловали: как только ребенок начинал «твердо ходить и толково все понимать», его тут же начинали приучать к работе, помогать по хозяйству. Сначала работы давались по легче: напоить лошадку, пособить ее запрячь, в поле угнать, там посторожить ночью, а днем домой привести. Затем начинались работы потруднее. Так, например, крестьянские сыновья-подростки непременно должны были помогать отцам в поле: сначала отец проходил с тяжелой сохой, подготавливая землю к посеву, а следом мальчик на лошадке проезжал с легонькой бороной, разбивая комья земли. Крестьянскому же подростку доставалась практически та же работа, что и взрослым: он должен был уметь сладить с тяжелым хомутом и упругой дугой, уметь запрягать лошадей, управляться с сохой и молотью хлеба, косить траву и метать стога, т.е. делать практически любую работу. В крестьянской семье всем находилось дело: будь хоть четверо сыновей, никто без работы не останется. По этой причине крестьяне даже женили своих сыновей очень рано,

надеясь заполучить в свой дом новую нару рук — новую работницу.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО — один из великих двенадцатых праздников, праздник рождения Иисуса Христа Спасителя. В церкви он считался «величайшим, всемирным радостнейшим, служащим началом и основанием для прочих праздников».

Празднество Рождества продолжалось пять дней (со 2 по 6 января; 7 января — праздник Рождества Христова) и завершалось праздником обрезания Господня. С Рождества начинались двухнедельные новогодние празднества — святки; первая их неделя называлась святые, а вторая — страшные вечера. В это время народ занимался гаданиями, колядками, пением подблюдных песен, ряжением и т.д. Вечер и ночь накануне дня Рождества назывался сочельник', а в народе его еще именовали кутейником (т.к. на него полагалось готовить кутью).

Рождеству предшествовал рождественский пост, первый из четырех годичных постов, установленных церковью для подготовки встречи великих праздников: Рождества, Пасхи, свв. апп. Петра и Павла и Успения Пресвятой Богородицы. Предрождественский пост именовался еще Филипповым, так как начинался сразу после дня памяти св. ап. Филиппа (27 ноября); продолжался он сорок дней, до самого навечерия Рождества (6 января), и потому иногда назывался еще «малой четырьдесятиницей». Как и другие посты, Филиппов пост характеризовался определенными правилами воздержания от пищи, особенно в последние дни, начиная со 2 января, а 6 января, в сочельник, предписывался самый строгий пост: полное воздержание от пищи в течение дня. Есть можно было только после появления на небе первой звезды, причем ужину в сочельник повсеместно придавалось большое значение: он обставлялся многообразными символическими обрядами, к которым готовились загодя всей семьей и даже всем селом.

Сочельник начинался обычно с того, что перед закатом солнца хозяин со всеми домочадцами становился на молитву, потом зажигал восковую свечу, прилеплял ее к одному из хлебов, лежащих на столе, а сам уходил во двор и приносил вязанку сена или соломы, застилал им передний угол и прилавок, покрывал чистой скатертью или полотенцем и на приготовленном месте, под самыми образами, ставил необмолоченный сноп ржи и кутью. Солома, сноп и кутья (каша, разведенная медом) имели символическое значение и являлись непременной принадлежностью праздника: они олицетворяли собой плодородие и достаток.

После того, как все приготовления были закончены, семья становилась на молитву, а затем уже начиналась трапеза, которая обычно проходила в благоговейной тишине. Однако и во время этой трапезы, и сразу после нее в каждой семье совершались различные обряды, нередко языческие по своему характеру, направленные по большей части на то, чтобы обеспечить

плодородие (как земли, так и скота и даже людей); в это же время совершались гадания о будущем урожае и пр. Так, например, во многих местах принято было во время ужина в сочельник заставлять ребят лазить под стол и «цыкать» там цыпленком, чтобы хорошо водились куры. Принято было также гадать об урожае, выдергивая из снопа соломинки: считалось, например, что «какова длинна в кутюг былінка из-под скатерти, таков и лен будет». Во многих местах подобным гаданием занимался отец семейства: он вытаскивал из-под скатерти, постеленной поверх соломы, соломинку и по ней гадал об урожае, полагая, что если соломинка вынулась длинная — будет урожай на хлеб, а если попалась короткая — надо опасаться хлебного недорода.

По окончании вечера часть оставшейся кутюги дети разносили по домам бедняков, чтобы и им дать возможность отпраздновать «богатую кутюгу», а сразу за этим в деревнях начиналось веселое и колядки. Вообще, день Рождества Христова, почитаемый как один из самых великих праздников, принято было начинать самым благочестивым образом — все отстаивали литургию, разговлялись, и лишь затем начинали веселое празднование с шумными богатыми застольями, народными гуляньями, хождениями в гости, игрищами и т.д.

Обычай колядовать в рождественский сочельник (а также в Васильев вечер и крещенский сочельник) был известен повсеместно; состояла же коляда в том, что парни, девушки, мальчики или вообще ребяташки, нередко ряженые, собирались группами и, переходя от одного двора к другому, пели, а иногда устраивали небольшие представления иод окошками и даже в избах. Песни их были самыми разными: они могли исполняться в честь праздника, могли поздравлять хозяев и желать им всяческих благ, а иногда были просто увеселительными, потешными (так, при колядовании нередко пелись частушки, прибаутки и т.п.). Хозяева же дома, у которого исполнялись колядки, должны были одарить колядующих деньгами, едой и т.д., причем считалось, что от этих подарков зависит благополучие всех домочадцев (так, например, скупым хозяевам, отказавшимся одарить колядующих, по народному убеждению, в будущем году грозил неурожай и разорение).

Колядующих в домах встречали обычно очень радушно; но при этом особым почетом окружались так называемые славельщики — особые группы колядующих, в ночь под Рождество, после заутрени, ходившие по дворам и славившие Христа. «Со славой» по чужим дворам ходили обычно ребяташки, которые носили с собой вертепы или звезду, пели тропари и кондаки празднику, а в конце вставляли «присказки» тина: «Пречистая Дева Мария Иисуса Христа породила, в яслях положила. Звезда ясно сияла, трем царям путь показала — три царя приходили, Богу дары приносили, на колени припадали, Христа величали». Таких христославов во всех домах принимали очень

ласково и радушно; младшего из них обычно усаживали на шубу, постланную в переднем углу мехом вверх (считалось, что от этого наседки станут сидеть спокойно на гнездах и будут выводить больше цыплят), а всех остальных оделяли мелкими деньгами, пшеничными пирогами, баранками и прочими подарками. В некоторых местах «со славой» ходили не только ребяташки, по и молодежь, которая потом на вырученные таким образом деньги нанимала избу для посиделок, на которые, кроме девушек и парней, ходили и молодухи, и вдовушки, и солдатки, и даже дети и пожилые люди (обычно из числа непьющих).

Вероятно, подобный обычай ходить «со славой» возник из очень древнего обряда «славения», в некоторых местах дожившего до XIX и даже XX в. Заключался он в том, что маленькие мальчики (лет десяти и даже младше), иногда в сопровождении гудошника или скрипача, на Рождество ходили по дворам с вертепом и звездой и славили Христа. Звезду обычно делали из бумаги, а вертеп представлял собой двухъярусный ящик, в котором разными деревянными фигурками представляли сцены, относящиеся к Рождеству Христову: явление ангелов, поклонение волхвов, бегство в Египет и т.п. В верхнем ярусе вертепа представлялась смерть Ирода, а в нижнем — пляски; при этом свечи, которыми освещалась внутренность вертепа, зажигал дьячок, а гасил их трапезник.

РОСОМАХА — злобный дух, «зверь-женщина», обитающая в ржаном поле или в коноплях, реже — в лесу. Она представлялась фантастическим существом со звериной головой и ланами или женщиной с длинными распущенными волосами («В лесу росомаха, кукимора... Как девка стоит среди ядины (поляны), волосёе черное, до спх пор долгие, не косой, так распущены»). В поверьях некоторых районов России облик росомахи — женщины с длинными волосами, духа поля и полдня, слился с обликом фантастического зверя с длинной золотящейся шерстью. Так, в некоторых поверьях росомаха напоминает «пробегающего ветром» по волнующейся ниве духа-зверя; она — дух плодоносного поля, либо некое стихийное существо, помогающее созреть хлебу («Рожь качается, что росомаха бежит. Темно-каштанового цвета ржи спелой и как будто руками машет»).

В поверьях севера России росомаха похожа на удельницу, полудницу или русалку, которая, по поверьям, может появляться не только в воде, но и в полях, в лесу, на полянах, в огородах. Она может быть опасна для людей и особенно для детей: так, по поверьям, она может схватить и унести с собой забравшегося в рожь ребенка.

РУЕВИТ — у балтийских (северо-западных) славян бог войны и воинской победы, беспощадности к врагам, подобный римскому Марсу. Пурпурный шафер, бывший храм Рувита, располагался на острове Рюген. Идол Рувита был сделан из дуба и представлял

Русалии

собой чудовищного великана с семью личинами на одной шее и в одном шлеме. Атрибутами Руевита были восемь мечей: семь мечей висели в ножнах у пояса идола, а восьмой, обнаженный и обоюдоострый, готовый к бою, идол держал в правой руке; считалось, что если кто-то сможет вырвать этот восьмой меч из деревянной длани Руевита, славяне будут побеждены своими врагами, однако пока меч находится в руке бога, славянские племена будут непобедимы.

РУСАЛИИ — языческий праздник древних славян, во время которого плясали, рядились в животных, играли на «сопелях» и гусях, пели «бесовские» песни, устраивали различные игрища и т.д. Русалии отмечались в канун Рождества Христова и Богоявления, на неделе после Пятидесятницы или в летний Иванов день; начиная с Троицына дня и до заговенья.

Возможно, славянские «русалии» были связаны с античными *gisalia*. В первые века христианства праздник, отмечаемый на пятидесятый день после Пасхи, в романских странах назывался часто *pascha rosata*, *domenica rosarum* — «воскресение роз». Этот праздник роз еще у римлян-язычников был тесно связан с культом умерших предков.

Русалиями называли также группы мужчин, ходивших во время праздников русалий по селам с целью магического лечения людей. В Македонии русалии ходили по дворам от Рождества до Крещения; они устраивали особые хороводы вокруг больных людей и исполняли обрядовые танцы, чтобы исцелить их. Члены дружины «русалиев» на весь период святок соблюдали строгие запреты: они не должны были креститься перед едой и на ночь, здороваться при входе в дом и при встрече с односельчанами на улице; они должны были хранить молчание; ночевали они всей группой в чужих домах, не возвращаясь на ночлег домой и не вступая в контакты со своими родственниками. Русальскую дружину повсюду встречали с большими почестями; верили, что сам их приход в дом способствует сохранению здоровья и благополучию дома.

В северной Болгарии и северо-восточной Сербии русалии ходили от села к селу на неделе, следующей за Троицей (русальной неделе). Русалии магическими способами лечили людей, заболевших «русальской» болезнью, насылаемой вредоносными мифологическими существами (русалками или вилами), появляющимися на земле в весенне-летний период. Русальные дружины состояли обычно из нечетного числа участников: из пяти, семи или девяти человек. Одевались русалии в меховые шапки, на которые надевали специально сплетенные цветочные венки; на ногах у них были кожаные лапти, на поясе — погремушки и колокольчики, в руках — большие палки. Перед приходом русалий больного выносили во двор; русалии танцевали вокруг него, кружились, подскакивали и т.д., иногда доводя себя до экстатического состояния и конвульсий, что обеспечивало, по народным представлениям, наиболее эффективное исцеляющее воздействие.

Верили, что этими танцами русалии изгоняют из больных злых духов болезни.

РУСАЛКА — женский демонический персонаж, связанный, главным образом, с водой, лесом и полями. Образ русалки многопланов. Так, русалка могла одновременно выступать как водный, лесной и полевой, а также стихийный дух; ей были присущи функции духа плодородия и духа судьбы; она могла восприниматься и как заложный покойник (проклятый или безвременно умерший человек), и как полубогиня.

Другие наименования русалки: берегиня, вила, мавка, навка, мертвушка, водяница, лоскотуха, лохматка, шутовка, купалка и т.п. Само слово «русалка», очевидно, позднего происхождения и, возможно, связано с русалиями. Этимология слова «русалка» объяснялась по-разному: так, чаще всего это имя возводили к слову русло или роса; существовали также гипотезы о происхождении этого имени от прилагательного русский (в значении «светлый», «ясный»).

Русалками, по народным поверьям, становились заложные покойники: девушки, умершие до вступления в брак, особенно «зарученные» (просватанные) невесты, не дожившие до свадьбы; женщины-самоубийцы; дети и девушки, умершие (прежде всего утонувшие) на Русальной неделе; младенцы (в некоторых местах — только дети женского пола), родившиеся мертвыми или умершие неокрещенными, и т.п. В некоторых местах полагали также, что русалкой может стать проклятая матерью и похищенная нечистой силой (в первую очередь — русалками) девушка или вообще ребенок, украденный нечистыми духами.

С этими представлениями о русалках как о заложных покойниках связаны многие поверья. Так, иногда считалось, что русалки смертны, как и люди; в облике русалок они лишь «доживают свой земной срок», а потом наступает их естественный конец. Считалось также, что русалки имеют тот же характер, привычки и вкусы, какие были у покойниц. По поверью, наиболее активна бывает та русалка, которая умерла неудовлетворенной, с каким-нибудь страстным желанием, или та, которая при жизни обладала беспокойным характером.

Облик русалок в поверьях юго-запада и севера был, как правило, различен. Так, на тихих берегах Дуная и многоводных реках славянского востока (где, судя по всему, и зародилась вера в русалок), у западных славян и малороссов русалок считали молодыми, веселыми, шаловливыми и привлекательными созданиями, имеющими облик прекрасных девушек, нагих или облаченных в белые одежды. На севере же, в лесной России, в стране угрюмых хвойных лесов русалки превратились в злых и мстительных существ, по облику сходных с ведьмами, чертовками или лешухами. Таким образом, «русалок, поющих веселые песни восхитительными и заманчивыми голосами, заменили на лесных реках растрепы и нечесы: бледнолицые, с зелеными глазами и такими же волосами, всегда голые

и всегда готовые завлекать к себе только для того, чтобы без всякой особой вины защекотать до смерти и потопить... При этом в Великороссии даже не всегда про них знают».

Итак, большая часть поверий о русалках бытовала на западе России; преобладал в этих поверьях облик русалки-девушки. Так, русалок обычно представляли юными прекрасными девами с длинными, преимущественно светлыми (русыми) распущенными волосами и белыми телами, обнаженными или одетыми в белые рубашки (реже — в белые же одежды). В некоторых местах облик русалки был весьма близок к облику покойницы: так, по поверьям, русалки могли иногда появляться в том виде, в каком их похоронили, т.е. в нарядном убранстве (иногда — в подвенечном платье), с распущенными волосами и с венком на голове. Кроме того, в разных местах про русалку рассказывали, что она, подобно мертвой, «вся в белом, косы распустит длинные, лица не видно, руки холодные, сама длинная, высокая»; «в лице краски нет да руки тощие»; «волосатая, с закрытыми глазами и в белой одежде» и т.п.

Обычно считалось, что русалка «вся белая»: у нее белое тело, белая одежда, светлые волосы; она вся светлая, серебристая или белесо-туманная. Однако изредка в характеристике русалки (особенно смешиваемой с проклятой, полуверицей) мог присутствовать и красный цвет: так, в некоторых поверьях она вся красная; одета в красный сарафан, красное платье или красную рубаху; имеет красные зубы и т.п. Возможно, это связано с тем, что красный цвет, как и цвет белый, считался «потусторонним» и являлся характерным признаком многих сверхъестественных существ, принадлежащих иному миру, миру мертвых.

Иногда русалки представлялись похожими на призраков: считалось, что они имеют облик обычных людей (иногда — даже свой прежний облик), но при этом бывают бледны, прозрачны («как из тумана сотканы»), ходят с неприбранными волосами и в просторных белых рубахах без поясов, либо вовсе лишены одежды. В таких русалок, по поверьям, превращаются, по большей части, самоубийцы и утопленницы. Видеть этих русалок можно было, по народному убеждению, в лесу во время Троицы; во избежание несчастий считалось необходимым бросить им платок или что-то другое из одежды (а в некоторых местах специально для них во время «Зеленых святок» развешивали на кустах новые полотна и одежду).

На севере России русалок представляли по большей части в виде страшных, уродливых и косматых баб с отвислой грудью, которую они закидывают за плечи. Такие безобразные русалки в некоторых рассказах очень похожи на чертенок или шишиг, а также ведьм или бабу-ягу. Так, например, по многим поверьям, русалки «кудлатые, как ведьмы», «горбатые и старые», «черные, косматые, заросшие шерстью», «лохматые, с большим брюхом и острыми когтями». Во многих местах верили также, что у них «грудь как

каменя», «железные цыпки» и т.п. Ходят они, по народному убеждению, голые или в лохмотьях, а руках держат клюку, кочергу, пест или железный крюк, которым они ловят людей. По некоторым поверьям, тела у них могут быть голубоватого, синеватого или черного цвета, как у чертей или бесов.

В некоторых местах (преимущественно на западе) считалось, что у русалок очень красивый голос; поют они так завораживающе, что услышавший их пение человек полностью подчиняется их воле. Возможно, в этих поверьях русалки ассоциируются с сирином, мифической птицей с женской головой, чьи песни способны были заморозить и даже погубить человека. Так, на женских украшениях русалки-вилы нередко изображались в виде птиц с женскими головами. В русском переводе XI в. греческой хроники Георгия Амартола античные сирены приравнены к славянским вилам: «яже и сирины наричутся, рекше вилы вилы же в народных поверьях практически аналогичны русалкам. Античные сирены связаны с богиней плодородия Деметрой, славянским соответствием которой является Макошь; русалки-вилы же некогда считались духами, близкими к Макоши (возможно, они были ее подручными).

По некоторым поверьям, русалки, как и другие персонажи нечистой силы, обладают способностью к оборотничеству и могут являться в облике различных животных и предметов. Так, например, считалось, что русалка может оборачиваться возом сена, красной коровой, конем, теленком, собакой, мышью, птицей, зайцем, кошкой. Нередко облик русалки напоминает облик лошади: у нее «волосы, как конский хвост», она «бегает быстрее лошади», «ржет»; иногда ее облик прямо соотносится с обликом лошади, особенно в весенне-летних календарных обрядах, где ее может изображать лошадиное чучело, лошадиная голова или взнузданный конский череп, укрепленный на шесте. В некоторых поверьях русалка принимает и облик различных природных явлений: «является тучей», «надает туманом» и т.д. Однако в большинстве поверий она существо, в общем, к метаморфозам не склонное.

В некоторых местах русалок подразделяли на водяных и лесных (возможно, в поверьях этих мест лесные русалки — это лешухи, жены леших, а водяные — жены или дочери водяных). Лесные русалки, по народному убеждению, имеют облик молодых девушек или женщин (реже — косматых голых баб с большими отвисшими грудями). По поверьям, они очень быстро бегают («коли кинется бежать, ее и на лошади не догонишь»); крик их пронзителен, но пенье мелодичное. Водяные русалки представлялись в виде девушек с зелеными волосами до земли; рассказывали, что «глаза их горят страшно (по другим поверьям — мутного цвета), стан стройный и гибкий, лицо бледное». Иногда считалось, что у водяных русалок есть рыбий хвост и сами они имеют облик полуженщин-полурьб (в этом случае их именовали фараонками, полагая, что

Русалка

они произошли от фараонова войска, преследовавшего Моисея).

Однако в большинстве поверий между лесными и водяными русалками не делалось различия ни во внешнем виде, ни в их «занятиях». Так, согласно народным поверьям, русалок можно встретить в самых разных местах: не только у воды или в лесу, но и в полях и на полянах, на деревьях, на перекрестках, на мосту, в огороде, на кладбищах, в банях, в овинах и т.д. Они могли появляться в домах, где прежде жили, и прятаться за печью или по углам; в некоторых былинках они приходят из окна родного дома, подходят к избам, стучатся в дома. Вообще же, судя по различным рассказам и былинкам из разных мест, весной русалки пребывают преимущественно в лесу, по большей части у воды, а с середины весны и летом обитают в полях, особенно во ржи и в коноплях. Так, по поверьям некоторых мест, «оставляя с Троицына дня воды и рассыпаясь, вплоть до осени, по полям, перелескам и рощам, русалки выбирают себе развесистую, склонившуюся над водой иву или плакучую березу, где и живут». При этом, по некоторым поверьям, «всем русалкам разрешается выходить из воды еще на Светлое Воскресенье, на то время, когда обносят кругом церкви плащаницу... Тут надо запирать двери в храме как можно крепче (так как в это время могут «набежать русалки»)».

По поверьям, показываться людям русалки могут и днем (особенно в полдень), но чаще являются вечером, в сумерках или ночью, до первых петухов; появляются они и в одиночку, и группами.

Во многих поверьях русалка — это, в первую очередь, олицетворение стихии воды. Русалка имеет особую власть над водой и влагой вообще: так, считалось, что после Троицы русалки могут насыпать бурю, дождь, град: могут заставить реки разлиться; способны устроить засуху и т.п. По некоторым поверьям, волосы у русалки всегда мокрые, и она, если при ней есть гребень, может затопить даже сухое место, так как, пока она чешет свои длинные волосы, с них будет струиться вода; если же ее волосы обсохнут, то русалка умрет. Во многих местах считалось, что появление у воды расчесывающейся русалки, как и русалки, плещущейся в воде, знаменует грядущую беду, связанную с водой: так, во многих быличках русалку видят у того самого места, где вскоре должен утонуть человек; русалки сильно плещутся перед утопленником (иногда считалось, что они и «утягивают» человека под воду, топя его).

Согласно поверьям, расчесывание волос — традиционное занятие появляющейся у воды русалки. Помимо этого, русалки в летние лунные ночи шумно плещутся в воде и играют с бегущими волнами; моются, сидя на камне; прыгают на мельничные колеса и крутятся на них; садятся на мостики и греются в свете месяца; умываются и прихорашиваются; стирают, купаются и т.п. Считалось, что купаться русалки любят утренними и вечерними зорями, а также в полдень

или в полночь; поэтому это время в народе считалось опасным для купания.

В лесу русалки (как духи и леса, и воды) появляются преимущественно у лесных ручьев и озер, хотя, согласно многочисленным поверьям, могут являться и вдаль от воды. Обычно у них есть свои деревья (плакучие березы, которые девушки завивают на Троицу), рядом с которыми они и находятся большую часть времени. Пребывая в лесах и рощах, они качаются на ветвях берез (и особенно на тех ветках, которые девушки «завили», т.е. переплели, сделав своеобразные качели), а также бегают среди деревьев, акупаются и водят хороводы, играют, поют, пляшут и т.д. Помимо этого, они похищают у уснувших без молитвы женщин нитки и пряжу, которую они потом, качаясь на древесных ветвях, «разматывают и подпевают себе под нос хвастливые песни»; этой же пряжей они иногда завивают свои березки.

По некоторым поверьям, русалки избегают людей и при приближении человека тут же скрываются: прячутся в воду или стремительно убегают. Однако при этом нередко считалось, что русалки появляются в деревнях, где излюбленным их местом являются бани: в банях они нарядятся, стирают белье, прядут и т.д. Приходят они и в овины: так, на Владимирщине рассказывали о том, как русалка, «вся во льду», пришла погреться в овин. Нередко считалось, что они могут появляться и в амбарах, и в хлеву, где они заплетают лошадям гривы. По некоторым поверьям, русалки иногда появляются и в доме: приходят и прядут по ночам, воруют неблагословенную еду и т.д.

Во время цветения ржи русалки, по народным поверьям, появляются в поле: они ходят в полях среди хлебов и стерегут цветущую рожь (хотя иногда и портят посевы). Находясь в поле, русалки кувыркаются и пляшут в траве, отчего трава колыхается, как от дуновения ветра; выют венки; играют и хлопают в ладоши, хохочут, кричат, поют; бегают во ржи, водят хороводы; катают яйца, играют пылью; прячутся в гречихе; но некоторым поверьям — справляют свои свадьбы.

Согласно народным поверьям, русалки — веселые, шаловливые, но нередко и вредоносные существа: они могут напугать человека или подшутить над ним, не причинив вреда, но нередко «ради шутки» причиняют большой вред. Так, например, считалось, что русалки часто сбивают с пути людей (например, акупаются из чаши, заводя человека в лесную глушь); душат или щекочут до смерти; заманивают в воду и топят; утаскивают под воду купающихся; превращают людей в животных или предметы; путают сети и уводят от них рыбу; насылают болезни на скот; уводят с собой проклятых и вообще неосторожных людей; топят рыбацкие лодки; портят жернова и плотины у мельников; похищают у уснувших без молитвы женщин нитки, холсты и полотна, разостланные на траве для беленья; заезжают лошадей; иногда отбирают молоко у коров и т.д. Согласно поверьям некоторых мест, русалки иногда выходят к дороге с корзинками разной еды, подзывая

Русалка

к себе детей и обещая им угощение, либо с хохотом качаются на качелях, сплетенных из древесных ветвей, п зовут прохожих (опять же, в первую очередь, детей и подростков): «Ходите к нам на рели (качели) качаться!»: но человека, который подойдет к ним, они немедленно защекоут до смерти. На Дунае верили также, что русалки зажигают по ночам на прибрежных курганах голубые огоньки, чтобы заманить к себе путников, а потом сбросить их с высокой кручи в воду и утопить.

По поверьям, русалки могут насылать на людей самые разные болезни: лихорадки, головную боль, водянку и т.д. В некоторых местах считалось, что после встречи с русалкой человек может серьезно заболеть: у него начнет трястись голова, лицо перекосит страшная гримаса и т.п.; он потеряет сон или, наоборот, русалки ему «очи зашьют»; его иссушит тоска и т.д. В Белоруссии верили также, что русалки насылают какую-то особую, «русальную» болезнь: по ночам на русальной неделе они бегают нагими по полям и беспрестанно кривляются и гримасничают; если же кто-то увидит русалку в это время, то «сам будет всю жизнь кривляться».

При этом, однако, вредоносные действия русалок в поверьях являются, в первую очередь, результатом неосмотрительного поведения самих людей. Так, согласно многим поверьям, обычно русалки избегают контактов с человеком и, завидя людей, стремительно скрываются; однако если человек приближается к местам их обитания в одиночку, в неуточное время (ночью, в сумерках, на русальной неделе и т.д.) и без берегов, они могут «утянуть» его к себе, защекотать, погубить. При этом в некоторых местах считалось, что русалка, поймав человека, иногда загадывает ему загадки, и если он их отгадает, то отпускает его. Этой теме было посвящено немало песен, в том числе и тех, которые пелись в Семик и на русальной неделе. Так, например, в Малороссии была известна песня, в которой русалка загадывала такие загадки попавшей ей в руки девушке: «Ты послухай мене, красна панночка! / Загада тебе три загадки: / Коли ты вгадаеш — я до батько пушу; / А як не вгадаеш — я до себе возьму. / Ой що росте до без кореня? Ой що бежит до без повода? Ой що росте без всякого цвету? Камень росте без кореня: Вода бежит без повода; Папороть росте без всякого цвету! Девчинка загадки не вгадала, Русалочка ее залоскотала».

Вообще, по народному убеждению, русалки, в первую очередь, причиняют вред тем людям, которые каким-то образом помешали или навредили им. Так, в одной из быличек русалка путает сети рыбакам за то, что те забрали ее гребень; в другой быличке русалки наказывают мужика безвременной смертью за то, что он испортил их свадебный стол, плюнув в воду. Утаскивание и потопление русалками людей, по народному убеждению, нередко является результатом того, что человек пошел купаться в неуточное время, без креста, в запретном месте и т.д. Так, например, повсюду

считалось, что на русальной неделе нельзя купаться в реках, так как русалки непременно утащат купающегося в это время на дно; опасно было даже просто ходить по берегам рек, так как там в это время могут находиться русалки, затевающие свои игры. Считалось также, что в первый день Петрова поста (в свои «проводы», именуемые в некоторых местах «перегры», «розыгры») русалки играют и расчесывают волосы, а если какой-либо человек работает в это время (и, вероятно, мешает их веселью), они его непременно защекоут.

Очень часто вред, причиненный русалками, объясняли нарушением запрета на работу в их праздник. Так, например, считалось, что тому, кто работал на русальной неделе, русалки «вытаптывают», «высушивают» посевы, отчего на полях появляются выжженные круги; насылают засуху или град, проливные дожди, губящие урожай; насылают на людей болезни и т.д.

Как и другая нечистая сила, русалки, по народному убеждению, иногда уводят с собой девушек и детей, проклятых родителями, а также могут забрать себе младенца, оставленного жницей на меже. При этом во многих местах считалось, что русалки иногда заботятся о человеческих детях, особенно оставленных женщинами в поле: кормят их грудью, баюкают, развлекают и т.д. Однако при этом русалки могут также преследовать детей и даже «забирать» их к себе (так говорили о детях, умерших на Русальной неделе); щекотать и душить их своей «железной щыцкой», наказывая за внеурочное появление в цветущем ржаном поле.

По некоторым поверьям, русалки могут иметь и собственных детей (возможно, от леших или водяных). Так, во многих местах детям запрещали ходить в поля на Русальной неделе, угрожая тем, что «русалка заставит нянчить своего ребенка». По народному убеждению, нагой ребенок в лесу — это ребенок русалки; если человек, найдя такого младенца, позаботится о нем, то русалка щедро наградит его. Согласно некоторым поверьям, дети русалок бывают уродливыми и кликтивными, вечно плачущими существами; ими нечистая сила нередко подменяет человеческих детей. Однако такие поверья об уродливых русалочьих младенцах довольно редки; вообще же «русалочьи дети» в поверьях обычно напоминают проклятых и похищенных нечистой силой детей: в быличках они с хохотом и плачем бегают по лесу, «царапаются по деревьям», играют пылью, катаются кубарем в траве, поют и хлопают в ладоши, мяукают по-кошачьи и т.д. В Малороссии таких детей иногда именовали малками или мавками.

По некоторым поверьям, в Троицкую субботу они бегают по ржаному полю и поют: «Бух, бух, соломенный дух, мене мати породила, некрещену положила». Считалось, что если при звуке их песни произнести: «Крещаю тебя Иван да Марья, во имя Отца и Сына и Святого Духа», то дети русалки, не достигшие еще семилетнего возраста, вознесутся на небо, как бы восприняв настоящее крещение (о том же, что происходит

с детьми русалки, когда они вырастают, неизвестно; возможно, они становятся лешими или водяными). Подобные же поверья относились и к проклятым детям, душам умерших некрещеными младенцев: считалось, что души таких детей через семь лет «уносятся на воздух и просят себе крещения три раза»; если же кто услышит их просьбу и «подаст им крещение», души возьмутся ангелами, а в противном случае — дьяволами.

В некоторых местах существовали бы лички о русалках, пойманных людьми; при этом обычно считалось, что пойманные русалки живут среди людей до года, а затем исчезают. Однако, по народному убеждению, русалку можно «вернуть», т.е. сделать ее опять человеком, после чего она сможет жить так же, как живут обычные люди. Правда, «вернуть» можно было не всякую русалку: так, по некоторым поверьям, чтобы стать настоящей русалкой, то есть потерять навсегда право и возможность возвратиться в прежнее состояние (снова стать человеком), необходимо четыре года (по некоторым поверьям — семь лет). Возврата назад, по народному убеждению, нет и для девушек-самоубийц, ставших русалкам; все же остальные русалки могут снова стать людьми, если только кто-нибудь сумеет их «окрестить».

«Возвратить» русалку, т.е. сделать ее опять человеком, можно было с помощью креста и молитв. Известно даже несколько быличек, повествующих о русалках, которые с помощью священника или даже простого мужика снова стали обыкновенными женщинами и вышли замуж. Так, например, в одной из быличек Новгородчины, деревенский парень, ночью в лесу услышавший причитания утонувшей девушки, спас ее тем, что надел на нее свой крест, а потом женился на пей. Подобным образом (т.е. с помощью креста), по народному убеждению, можно вернуть обратно человека проклятого и вследствие этого похищенного нечистой силой; очевидно, этот метод мог применяться и в случае с русалками, по происхождению своему являвшимися проклятыми детьми и девушками.

Русалки, по народному убеждению, весьма любопытны и могут влюбляться в мужчин; особенно же опасны они для молодых и неопытных парней. Так, например, в некоторых местах рассказывали о русалках, которые, защекодав парня, уносят его в свое жилище, где он оживает и становится мужем одной из русалок; он живет в полной роскоши и всякое его желание удовлетворяется, кроме одного — хоть на мгновение покинуть водяное царство.

В народных поверьях русалка тесно связана с прядением и ткачеством. Так, по поверьям, русалки часто похищают и портят пряжу, нитки, полотно; краденой пряжей они потом завивают свои березки. Считалось также, что русалки любят прясть и для этого приходят в бани и в дома; так, например, по некоторым поверьям, «желание одеться заставляет их ходить ночью в бани, где бабы иногда оставляют на гребнях мочки,

чтобы напрясть себе одежды». Отношение русалок к прядению и ткачеству подтверждают и запреты прясть в их праздники, и обычай оставлять им подношения в виде ниток, клубков, кусков полотна, развешиваемых на деревьях во время весенне-летних календарных праздников.

В некоторых местах полагали, что русалки, как и другие духи, связанные с прядением, могут предсказывать судьбу или влиять на нее (вероятно, это поверье связано с представлениями о духах, «пряжущих нити человеческой судьбы»). В ряде поверий русалка, «ведающая» судьбу человека, оказывается пророчицей. Так, например, в одном из рассказов Новгородчины три русалки появляются у дома перед бедой и настойчиво пытаются открыть дверь, «держатся за скобу»: «Дверь-та на крючки, не говорят, что «открывай!» — а скобки у двери ломали»; вскоре после этого посещения русалок у хозяйки дома погибает сын.

Согласно народным поверьям, русалку можно увидеть и весной, и летом, и даже ранней осенью; однако при этом нередко считалось, что русалки показываются людям только во время троицких святок. Так, в поверьях некоторых мест они появляются из воды или из-под земли, а также спускаются с деревьев на период с Троицы (с Семика, четверга, предшествующего Троице, с Духова дня или с последующей за Троицей недели) до начала Петрова поста или Петрова дня (12.VII). В связи с этими верованиями в различных районах неделя, предшествующая Троице или следующая за ней, именуется «русальная», «русальская», четверг на этой неделе — «русаличьи» или «навский великдень», а начало Петрова поста — «русальское заговенье».

По народным поверьям, после окончания праздников русалки покидают леса и поля; однако о том, куда они уходят, известно мало. По одним поверьям, они поднимаются вверх и живут в облаках (возможно, это отголоски поверий о вилах); по другим — скрываются под землю и спят там все остальное время года; по третьим — переселяются в реку и т.д. В некоторых местах верили, что «русалки, оставив лес, долго еще остаются на нивах и безмолвно катаются на волнах пив».

Вообще, во многих великорусских и особенно северорусских областях поверья о русалке раздваиваются: она является одновременно и существом, появляющимся на земле лишь в определенное время года, и существом, обитающим у воды и в лесах постоянно (так, «страшная» северная русалка связана не столько с сезонным, сколько с суточным ритмом: ее видят в любое время года, но чаще в сумерках или ночью). Во многих местах обряды, связанные с русалкой, приходились на время троицкого периода; но поверья о русалках касались самых разных времен года: так, русалок в них видят ранней и поздней весной, летом, осенью и т.д.

В некоторых местах считалось даже, что русалки могут появляться не только весной и летом, но даже и

зимой. Так, например, в Вятской губернии рассказывали: «Едешь, особливо зимой, вдруг — сзади нагой человек бежит. Но сделать он ничего не может». На Владимирщине существует былинка о русалке, которая «вся во льду» пришла погреться в овин. Согласно рассказу из Новгородской области, русалка зимой увела из бани мывшегося там мужика: «Один дядька пошел в баню мыться в двенадцать часов (ночи)... Жена у него там пошла — думает, чего его так долго нет-то. Приходит, значит, в баню, его в бане нет. Смотрит — по снегу от бани следочки. И прямо на речку... Л он голый и сидит на камне...» Ты чего туда забрался?» — «Да чего-чего! Мылся, мылся, приходит ко мне русалка и говорит: «Пойдем со мной». И вот меня привела». А ему с этого камня никак не перебраться обратно. Туда он попал как-то, а обратно глупо... Потом на веревке тащили оттуда». По рассказу из Архангельской губернии, девка-русалка ходит к промысловому на зимовку и затем рождает от него ребенка; промысловик, возвращаясь домой, уезжает потихоньку, «... а как судно понеслось, она (русалка) увидела, выбежала на гору, ребенка разорвала, половину себе взяла, а другу — свись на судно! Судно бы обернулось, дак она не попала — только одна капелька крови на борту. Стало судно опруживать: ну, стесали топором, оно и выпрямилось».

Однако, согласно большинству поверий, зимой русалки пребывают где-то вне мира людей, а на земле появляются ранней весной и остаются до поздней осени (уходят они при первых заморозках, тогда же, когда исчезают последние перелетные птицы и вся нечистая сила проваливается под землю). Так, по мнению многих исследователей, «души умерших, то есть русалки, суть представители царства смерти, тьмы и холода, поэтому-то, с наступлением весны, хотя они и оживают, но обитают все-таки в темных глубинах земных вод, еще холодных весной... Так как путь водяной у всех языческих народов считается путем-проводником в подземное царство (т.е. царство мертвых) и из пего назад, то неудивительно, что, по народному поверью, с начала весны русалки живут в водах: реках, озерах, колодцах... Но вот наступает время купальских дней. Солнце, купаясь в водах, освещает эти воды и оживотворяет. Уместно ли и возможно ли русалкам, представительницам смерти, обитать в водах, освященных купанием живоносного солнечного божества? И вот, по тому же народному поверью, они оставляют воды и лезут на зеленые деревья, служившие, по верованию древних славян, жилищем мертвецов».

Таким образом, поверья о русалках весьма тесно сближались с поверьями о покойниках, душах умерших предков. И, как покойники вообще, и заложные, нечистые покойники в частности, русалки повсеместно представлялись существами опасными, строго следящими за соблюдением различных запретов и сурово наказывающими за оплошности и прегрешения. При этом русалки, как и заложные покойники, могли

вредить и без всякой видимой причины, навлекая беды на невинных людей; по этой причине от них следовало защититься, т.е. либо запугать, отгородиться от них берегами, либо задобрить их, чтобы отвести от себя их недобольство.

Для того, чтобы не привлечь внимания русалок и уберечься от их недоброго влияния, следовало соблюдать особые запреты, особенно в те дни, когда активность русалок возрастала, т.е. в период с Троицы до Петрова поста и особенно в дни русальной недели. Так, для того, чтобы русалки не навредили во время русальной недели, люди соблюдали специальные запреты, во многом совпадающие с поминальными: избегали работ, связанных с прядением, тканьем, шитьем («щоб русалки очей не зашить»); не выполняли никаких полевых работ («не ходят в огород копать и окучивать, бо там всюду буде русалка»); не подмазывали печь и стены избы («щоб русалкам очи не забрызгать глиною»); не ездили за дровами в лес и т.п. Особенно тщательно, по народному убеждению, следовало соблюдать запреты на прядение (а также тканье и т.п.) и работу в поле. Так, нередко считалось, что у того, кто пашет на русальной неделе, сдохнет скот, а у того, кто сеет, повет градом хлеб; во многих местах верили, что людям, работающим в поле в Духов день, русалки будут всячески мешать в работе и нашьют на посевы несчастье. В некоторых местах в «праздники русалок» старались вообще не работать, полагая, что «соблюдающим их праздник русалки сберегут поля от всякой беды».

Для защиты от вредоносных русалок, нанадающих на людей, повсеместно использовали различные обереги, например, некоторые растения (польнь, любисток, хрен, чеснок, освященную вербу и т.д.), церковный ладан и железные орудия. Кроме этих оберегов, русалки, по поверьям, боятся очерченного круга, креста, молитвы и т.п.; в некоторых местах, например, полагали, что для того, чтобы уберечься от нападающих русалок, следует «начертить на земле крест и, обведя его кругом чертою, в этом кругу и стать». Считалось также, что если к русалкам подъехать на кочерге, они испугаются и убегут, так как решат, что это едет ведьма, а ведьм они боятся. Помимо этого, в некоторых местах верили, что можно избавиться от русалок, отмахиваясь от них наотмашь вальком (рубелем) или сказав, сколько зубьев в бороне.

Существовали также словесные обереги от русалок. Так, знахари некогда сохраняли в великой тайне заумный заговор от русалок: «Ау, ау шихарда, кавда! Шивда, вноза, митта, миногам, каланди, инди, якуташма, биташ, окутоми ми нуффан, зидима». Существовали и более простые словесные обереги. Рассказывали, например, что при встрече с человеком на русальной неделе русалка непременно спрашивает его: «Польнь или петрушка?»; если человек скажет: «Польнь», то русалка убежит от него с криком: «А ну, ты, сгинь!», так как боится горького запаха польни; если же он ответит: «Петрушка», то русалка со словами:

Русалка

«Ах, ты моя душка!», утащит его с собой или при- мется щекотать до тех пор, пока у него не пойдет изо рта пена и он не упадет на землю мертвым. Во многих местах верили также, что, уходя после Троицына дня в лес, всегда следует брать с собой полынь: если встре- тишь в лесу русалку, она спросит: «Что у тебя в руках: полынь или петрушка?»; на это следует ответить: «Полынь», после чего русалка с криком: «Брось ее под тын!» (пли: «Прячься под тын!»), быстро пробежит мимо, и в этот момент надо успеть бросить полынь ей прямо в глаза, так как, по поверьям, в этом случае русалка «тебя больше никогда не тронет».

Во многих местах русалок, как и покойников, и во- обще различных вредоносных духов, старались задоб- рить, для чего совершали различные жертвоприноше- ния. Так, в некоторых местах в течение всей русальской педали на ночь специально для русалок обычно остав- ляли на столе ужин, а на ближайших к дому деревьях или на ограде возле дома развешивали одежду или же просто чистые новые полотна. Девушки в троичий четверг (семик) плели венки и оставляли их в лесу для русалок, полагая, что в этих венках русалки бегают по ржи. Кроме того, в это же время девушки «завивали березки», также специально для русалок: считалось, что на «завитых» (переплетенных между собой) вет- вях русалки качаются, как на качелях. Завив такие венки на Троицу, к ним потом в течение всех праздни- ков старались не подходить, опасаясь встретить там русалок, и «развивать» березки ходили лишь по окон- чании праздников.

Очевидно, изначально русалки не были злыми, враждебными человеку духами. Судя по всему, неко- гда они считались божествами, связанными с насущно необходимой для жизни влагой, растительностью и плодородием, а также покровительствующими ряду домашних работ и влияющими на судьбу людей и т.д.

Судя по некоторым данным, «предшественницей» русалки была берегиня; берегини же почитались еще в древнейшие времена: «А прежде того (до установления культа Перуна и до культа рожаниц и Рода) клали требы упиремь и берегням». По-видимому, берегини считались духами, оберегающими людей от всякого зла и связанными с водой и с лесом. Позднее функции берегинь перешли на вил; вилы же в народных поверьях весьма близки к русалкам (само происхождение вил позволяет назвать их русалками: они «рождаются от капель росы»). Вообще в русских средневековых ис- точниках пет слова «русалка», слово это соответствен- но заменено словом «вилы»; в этнографических же материалах широко известны русалки, но нет вил. Судя по всему, существа, в Болгарии, Сербии и т.д. называемые вилами, на Руси именовались русалками; функции же этих существ были одними и теми же. При этом известно, что вилы почитались как духи, близкие к богине Макоши: они считались подателями влаги, в нужное время прилетающими на поля и орошающими посевы из своих рогов, а потом улетающими обратно в облака, на край света и т.д.

Очевидно, и русалки, подобно вилам и берегиням, некогда считались духами-покровительницами воды, жизненной влаги (дождя, росы, водных источников) и, следовательно, покровительницами растительности в целом и урожая в частности. Так, во многих местах верили, что там, где они резвились, трава растет гуще и зеленее, а хлеба бывают обильнее. Вероятно, и харак- терные занятия русалок некогда имели особый смысл: так, расчесывание русалками волос могло означать высвобождение влаги; раскачивание русалок на ветвях также, возможно, являлось магическим действием, способствующим росту и созреванию растений («качение — один из весьма распространенных прие- мов земледельческих заклинаний; недаром русские девушки «завивают венки» (т.е. связывают ветви двух соседних березок), чтобы облегчить русалкам качание на них»). То, что русалки, по поверьям, появляются на земле во время весеннего расцвета зелени и созревания злаков, также указывает на то, что они изначально считались духами плодородия: их приход в леса и на поля соотношен с пиком проявления необходимых для наступления летнего расцвета и связанных с влагой сил плодородия.

Известны обряды, явно указывающие на связь ру- салок с культом плодородия. Так, в некоторых местах существовал обряд, в ходе которого парни наряжались русалками (отголосок древних русалий?) и гонялись с кнутами за женщинами, стараясь ударить их, а те спрашивали у ряженных: «Русалоцки, как лен уродит- ся?»; ряженные в ответ указывали на длину кнута, вы- зывая этим бабьи выкрики: «Ох, умильные русалоцки, какой хороший!» Известны также песенные заклина- ния-призывы русалок на хлебные поля: «Приведу русалок в зеленое жито. Там русалки в жите зеленом сидели. А мой колосочек, як яворочек. А мои житники, як проскурочки: в печке пирожком, на столе колачком», и т.п. Очевидно, такие призывания русалок, долженствующие обеспечить благополучное созрева- ние урожая, некогда сопровождалась своеобразными обрядами. Так, в старину существовали особые празд- нества, посвященные русалкам — русалии; эти празд- нества были тесно связаны с молениями о дожде и приходились в основном на середину весны — начало лета. Возможно, отголоском этих обрядов является и обряд «проводов русалки».

«Проводы русалки» («похороны русалки», «русальское заговение») устраивались обычно в вос- кресенье перед Петровым днем или в воскресенье за Троицыным днем (первое воскресенье за Троицей называлось «русальным»). Этот обряд проводился в разных местах по-разному; завершался же он обычно символическим изгнанием (или похоронами) русалки и возвращением ее в породившую ее воду.

Так, например, во многих местах для обряда «похорон русалки» делали из тряпок куклу, наряжали ее в платье, клали в гроб, украшали цветами и несли в сопровождении торжественной процессии на берег

Русальная неделя

реки; в некоторых местах при этом девушки наряжались священниками, дьяконами и пр., делали кадило из япчнoй скорлупы, шли со свечами из стеблей и пели: «Господи, помилуй!», а у реки прощались с чучелом, изображающим русалку, и, заколов гроб и привязав к нему камень, бросали его в воду.

Обряд «проводов русалки» в некоторых местах проводился следующим образом: девушки наряжали избранную из своей среды «русалку», надевали на нее венки (часто множество венков), увешивали ее зеленью и поздно вечером в последний день русальной недели (или в понедельник Петрова поста) выводили ряженую за село в ржаное поле или к реке, на кладбище п т.п. Там девушки срывали с «русалки» венки, бросали их в воду, в костер и т.д. и разбегались с места проводов, чтобы «русалка не догнала и не навредила».

В других местах «проводы русалки» происходились так: какая-нибудь девушка, изображающая русалку, с распущенными волосами, в одной рубашке, с венком на голове ехала верхом на кочерге, с помелом через плечо; ее весело провожали до леса или до поля, засеянного рожью, где она и скрывалась от провожающих: провожающие же возвращались назад, приговаривая: «Мы русалку проводили, можно будет везде смело ходить».

Иногда роль русалки в обряде «проводов» могла исполнять не живая девушка, а кукла, чучело и т.п. Так, в некоторых местах русалку изображало чучело копя, а обряд, в котором это чучело использовалось, назывался «обрядом изгнания русалок». Этот обряд также сопровождался шумом, смехом, играми, ряжением; от обрядов же «проводов русалки» он отличался лишь тем, что «русалок выпроваживали из деревни не с почетом, но с криком: «Гони русалок!», шумом и шелканьем кнутов».

Известно также описание обряда, называемого «русальское заговение». Устраивали его следующим образом: сразу же после обедни несколько человек, лучше других знающих народные обычаи, начинали бегать от одного дома к другому, приглашая молодых баб и девок на площадь среди села; когда молодежь, разодетая в свои лучшие наряды, сходилась в назначенное место, начинались песни, пляски, хороводы и игры. В сумерки делалось чучело женщины, называемое «русалкой»; избранные женщины, сопровождаемые ноющей толпой, несли его вдоль села и выносили далеко за село, где ребяташками заранее был заготовлен большой костер, который зажигался по прибытии «русалки». Когда костер разгорался, в него бросали чучело и начинали поочередно или парами прыгать через огонь, считая, что каждый, кто перепрыгнул через такой костер, на целый год защитил себя от болезней, злых духов и колдунов. В некоторых местах чучело не сжигали, а топили или «разоряли»: разрывали и разбрасывали по полям для того, чтобы сделать поля плодороднее.

Русальная неделя — см. Семик.

РЫБЫ — в народных поверьях «скот водяного». Крестьяне верили, что водяной является хозяином всех рыб и «рыбным пастухом»; он пасет рыб под водой, перегоняет их из озера в озеро, иногда может напустить рыбу в сети и даже принять облик рыбы (сома или осетра). Кроме водяного, покровителями рыбаков считались также св. апостол Петр (к его дню — 12.VII — был приурочен праздник рыболовов) и Алексей — Божий человек (в его день — 30.III — пряли несколько ниток для сети, «чтобы рыба ловилась»).

В народной традиции существовали поверья о некоторых видах рыб. Так, щуке приписывалось близкое знакомство с нечистой силой; верили, что если она плеснет хвостом перед рыбаком, то он вскоре умрет. С ершом у рыболовов связывались плохие приметы: если ерш попадет при первом улове, промысел будет неудачным; об утонувшем говорили, что он «ушел в ершову слободу». Впрочем, при этом в некоторых северных областях сушеного ерша вешали возле дома для защиты от нечистой силы. Сом считали «конем водяного» и верили, что водяной нередко ездит на нем по ночам, а порой и сам оборачивается сомом; поэтому эту рыбу нередко опасались трогать, чтобы не разгневать «водяного хозяина». Бешаница (рыба-верховодка), по некоторым поверьям, появляется перед падежом скота. Считалось также, что в Волге водится особая бешеная рыба железница; человек, съевший ее, сходит с ума, поэтому, случайно поймав ее, следует как можно скорее выбросить ее обратно в реку.

Змеевидных рыб (угря и вьюна) в народных поверьях повсеместно относили к гадам и считали их погаными, нечистыми, родственниками змей; рыбаки называли их «змеевыми братьями» и считали змеями в двенадцатом поколении. Так, в некоторых местах считалось, что угри и змеи нередко превращаются друг в друга, совокупаются и т.д.; считалось также, что и змеи, и змеевидные рыбы, достигая семилетнего (или тридцатилетнего) возраста, за всю жизнь ни разу не услышав церковного колокола, становятся летающими змеями. Кроме того, по некоторым поверьям, на Симонов день (14.IX) ужи выползают не берег реки и «сходят по лугам на три версты»; в других же местах считалось, что это угри выметываются из реки и скачут по лугам, по росе на три версты, смывая с себя все свои болезни; в этот день, по народному убеждению, не стоит выходить на берег реки до спада росы, так как болезни, смытые с угря росой, могут перейти к человеку.

В народных песнях рыба обычно служила символом раздолья, простора, веселого житья. При этом из разных пород рыб упоминалась преимущественно щука, иногда имеющая значение видового названия рыбы — щука-рыба; в качестве ее нары иногда назывался окунь. В одной песне молодец противопоставляет щуке, ведущей раздольное житье в воде, свое бездолье: «Щука риба в мори гуляе до воли, / А я один сиротина, та не маю доли»; В другой песне девица

хочет гулять, как рыба по Дунаю: «Щука рыба по Дунаю, А я молода погуляю», как щука-рыба с окунями, так она с молодцами: «Щука рыба з окунцями, / Я молода з молодцями». В других песнях девица желала бы жить с молодцом, как рыба с водой: «Ой коби ти так за мною, як я за тобою, / Жили б, жили, мое сердце, як рыба з водою»: да и мать любит дочь, как рыба воду: «Кахалася мати мною, як рыба водою». Одиночество в песнях противопоставлялось рыбе, у которой всегда есть своя нара: «Щука рыба грае, соби пару мае,

А я, бидний сиротина, пароньки не маю»; житейские же трудности и беды сопоставлялись с плаванием рыбы против воды («Ой як тяжко та рибоньци проти води плисти, А ще тяжче, кохавшись, не мати корнети»), с пребыванием рыбы в мутной воде («Ой як гирько рибоньци, / В коломутной водици, / Оттак мни, сиротнньци, В чужий стороньци») или вовсе без воды («Як трудно та нудно / Вилий рибоньци без води, без води, / Так трудно, так нудно, / Молодому козакові без жони»).

В некоторых народных поверьях и песнях рыбы соотносились с птицами небесными; ср. например, поговорки «Как птица в небе» и «Как рыба в воде». Рыб иногда представляли себе парящими в толще воды; а в песнях рыбы, подобно птицам, иногда посылались вестницами («Пливи, пливи, щука рыба, уплинь за водою, / Скажи мому миленькому, що я сиротою»). В птичьем и в рыбьем обличье могли появляться разные стихийные духи и даже души умерших: так, в некоторых местах верили, что утопленники и люди, утащенные к себе водяным, иногда превращаются в рыб (ср. галицкую песню, в которой бедная вдова, гнетомая панщиной, бросает в озеро свое дитя и говорит: ты будешь в озере, как рыбка плавать, а я до смерти плакать под Маковицею — «Утопить ты мати, не будеш ся знати, / Будеш там в озери на вики плавати.

Ти будеш в озери як рибка плавати. / Я пид Маковицев до смерти плакати»). По-видимому, такое сближение птиц и рыб объяснялось соотношением в народной традиции земных и небесных вод: крестьяне верили, что на небесах находятся большие запасы воды, и чтобы вызвать дождь в нужное время, совершали различные манипуляции с земными реками, криницами и пр. Соответственно, и представители стихии воздушной, т.с. птицы и насекомые, сближались в их сознании с представителями стихии воды (рыбами и т.д.).

У рыбаков нередко считалось, что рыбы, подобно зверям и птицам, имеют своего главу, царя; причем этот царь мог повелевать как всеми рыбами (обычно в такой роли выступал водяной), так и отдельными видами рыб. Так, в некоторых местах верили, что у стерляди есть свой царь, живущий в реке Сура; жилище его, по народному убеждению, убрано самоцветами и жемчугом, а живет он со своей женой — водяной русалкой. Рассказывали, что в ясные лунные ночи русалка выходит на берег, садится на камень и расчесывает золотым гребнем свои зеленые, как тина, волосы, а стерляжий царь плещется возле нее и трется о ее

белую ногу. При этом, однако, считали, что если кто-нибудь из рыбаков увидит ночью эту картину, то ни одной стерлядки ему больше не поймать.

РЯБИНА — дерево-оберег, используемое в магии и народной медицине. Например, в некоторых местах крестьяне, вернувшись с кладбища, вешали над дверью рябиновые прутья, чтобы покойник «не вернулся домой»; а в случае если покойник после смерти превращался в упыря, его пригвождали к земле колом, который иногда делали из рябины. Странники мастерили из рябины посох, грызли его и щепочку оставляли во рту за щекой, чтобы не бояться никакого колдовства в пути.

В некоторых местах так объясняли магические свойства рябины: считалось, что рябину сотворил Сатана, но Бог, заметив, что на плодах рябины есть что-то вроде крестов и сами листья ее похожи на крест (лапчатый), отобрал это дерево у нечистого, и с тех пор черт ненавидит и боится этого дерева (ср. литовское поверье, что черта можно убить только рябиновой палкой). Чтобы отогнать лешего или вернуть подменного нечистой силой ребенка, их в некоторых местах старались отстегать рябиновой вицей (так, в одной быличке молодой охотник, догадавшись, что к нему приходит не жена, а лешаиха, побил ее вицей, после чего лешаиха исчезла, а в руках у парня оказалась его собака). Рябиновые ветки, наряду с другой зеленью, освящали на Троицу, плели из них венки и украшали ими дома, а также иногда вкладывали их в венки, которыми парились для красоты и здоровья.

Во многих местах рябину использовали в обрядах, связанных со скотом. Так, например, молодых коров, которые еще не телились, в некоторых местах во время первого выгона погоняли веткой рябины. На Русском Севере пастух отправлялся в лес и вырывал с корнями три деревца — рябину, ель и сосну, расщеплял их до вершины, клал в воротах и по ним весной первый раз выгонял скот на пастбище. В некоторых местах пастух также мастерил себе рябиновый батожок, на котором делал зарубки по количеству коров в стаде; крестьяне верили, что от этого батожка зависит удой, а если его перебросить через скотину, ее не сможет увести леший. В день первого выгона скота в поле пастух держал этот батожок под мышкой, погонял им стадо на пастбище, а затем, в тайне от всех, закапывал его в сыром месте (иногда — вместе с «отпуском» для лешего). В последний же день выгона скота пастух выкапывал этот рябиновый батожок и сжигал его, после чего работа пастуха считалась законченной.

Особую роль рябина играла в свадебных обрядах. Например, в некоторых местах рябиновыми или калиновыми ветками и ягодами во время венчания украшали дом и двор, свадебный пирог и пр. Кое-где сваха сыпала жениху за голенище рябиновые коренья, чтобы на него не навели порчу на свадьбе; невеста также иногда могла держать при себе рябиновые корешки или крестик из рябины для защиты от сглаза и пр.

Но, несмотря на положительные свойства рябины, в некоторых местах ее сближали с осиною и считали нечистым деревом, связанным с чертом, ведьмой и пр. Так, например, русские крестьяне верили, что ведьма или оборотень, для того, чтобы превратиться во что-нибудь, кувыркается через рябиновое деревце или рябиновый пен. Бурные грозовые летние и осенние ночи (особенно во время цветения и созревания ягод рябины) так и называли: рябиновые ночи; при этом считалось, что в такие ночи, как и на Иванов день, зацветает папоротник. Например, крестьяне некоторых мест полагали, что в году непременно бывают три рябиновые ночи: одна в конце весны (когда цветет рябина), другая в середине лета (когда на рябине начинают созревать ягоды), а третья в начале осени (когда рябиновые ягоды совершенно поспеют). Вероятно, этот миф возник на основании представления грозовой палицы бога-громовника веткой рябины и сближении красных рябиновых ягод с цветом молнии.

К рябине, как к не вполне «чистому» дереву, иногда обращали заговоры. Так, заговор «от портежа, насылки, переполоха» нередко произносили весной возле рябины, стоящей на муравейнике. Заговор от лихорадки произносили у корня рябины, а потом, вырвав ее из земли, клали на постель возле больного человека. На рябину могли иногда относить болезни, выливать воду после больного и т.д.

У славян во многих местах существовал запрет рубить или ломать кусты или ветки рябины, использовать рябину на дрова, обрывать цветы, а иногда даже ягоды рябины. Рябину считали очень мстительным деревом: считалось, что тот, кто сломает или срубит ее, вскоре умрет сам или умрет кто-то из его близких; у того, кто причинит рябине вред, будут болеть зубы, и т.д. Иногда это связывали с поверьями о том, что в рябину был превращен человек (девушка, проклятая родителями; сирота и т.д.); кроме того, считалось, что рябину нельзя рубить еще и потому, что знахари «переносят» на нее болезни, и тот, кто срубит такую рябину, «примет» болезнь на себя, заболеет и может даже умереть.

Из-за горечи и жесткости ягоды рябины далеко не везде употреблялись в пищу; однако в России их ели охотно, приготовляя из них различные кушанья. Так, например, свежие ягоды рябины, печеные с медом, издавна составляли «приятное и здоровое у русских мужиков осеннее кушанье». Вареные с сахаром рябиновые ягоды подавались «и в хороших столах на заедки». В Сибири некоторые крестьяне обваривали рябиновые ягоды кипятком, а потом, «налив дрожжами», давали забродить, получая в результате крепкое и приятное вино. Готовили из ягод рябины и сироп, и рябиновый квас — приятный прохладительный напиток, который использовался, помимо всего прочего, и в лечебных целях — при различных воспалительных процессах и как слабительное, мочегонное и очищающее почки средство.

Заготавливать рябину крестьяне обычно начинали при наступлении первых морозов, так как мороз в

значительной степени удаляет горечь и делает ягоды более мягкими. Ягоды при этом собирали вместе с веточками, а затем подвешивали громадные гроздья под крыши изб и сеней, а иногда и в сараях, где похолоднее. В некоторых губерниях крестьяне даже отламывали целые ветви рябины с ягодными кистями и заматывали их в сенные зароды и стегу, а зимой привозили домой вместе с сеном и лакомились вымерзшими, мягкими и почти утратившими горечь ягодами в продолжение длинных зимних вечеров. Кроме того, такими ягодами лечились от угара, нередко случавшегося во время морозов в черных избах.

РЯЖЕНИЕ — обрядовое и игровое переодевание с использованием масок и т.п. Ряжение было наиболее характерно для участников календарных обходов на святки и масленицу, а также для исполнителей весенне-летних ритуалов. Элементы ряжения присутствовали также в свадебных обрядах, в обряде дожинок и т.д.

Ряженные чаще всего изображали животных (козу, коня, тура, медведя, быка, журавля, аиста и т.д.), либо персонажей потустороннего мира («деда», «бабу», смерть, покойника, чудовищ и др.), а также персонажей нечистой силы (черта, ведьму, русалку, кикимору, шуликунов и т.п.). В некоторых местах рядились также в святых (Андрея, Люцию, Варвару, Николая, ангелов и т.д.); нередко ряженные могли изображать и инородцев, «чужих» (цыган, евреев, барина, солдата, нищего, странника и пр.).

Ряжение было повсеместно известно с очень давних, еще дохристианских времен; так, у греков еще во время Бахусовых оргий надевали личины, чтобы избавиться себя от чарования. Греки и латиняне в середине века верили, будто «в продолжение восьми дней после Рождества Христова дьяволы скитаются по земле и на наступлении разрушения их царства, изгоняемые в тревоге и в тоске, рыскают по улицам в мрачном и огнезрачном виде, терзая, муча и увлекая встречных и поперечных». Переряженные же (святочки, окрутники, кудесники) специально изображали этих дьяволов, полагая, что личины «своим стройным и нелепым видом удаляют очарование от самих лиц, которые их носят». Но так как маски являлись, по воззрению церкви, личинами демонов, оскверняющими людей, ряжение считали грешным делом и непристойной забавой даже для молодых парней, которым обычно прощались многие забавы, неприличные для взрослых.

Кроме того, ряжение воспринималось и как дело весьма опасное, так как считалось, что человек, наряжающийся нечистыми духами и т.п., может подвергнуться их злему воздействию. Как правило, в страшные маски «нечистиков» и «покойников» рядились лишь мужчины, реже — бойкие женщины, но ни в коем случае не девушки и не дети; при этом на такие роли редко соглашались добровольно, предпочитая бросать жребий. По простетвию же праздника все

Ряжение

принимавшие участие в ряжении должны были пройти обряд церковного очищения или искупаться в проруби в день Богоявления, окропить себя святой водой и т.н. Однако, несмотря на строгое и неодобрительное отношение церкви к обычаю рядиться, несмотря на опасность, ряжение считалось неперменной частью многих больших праздников.

Так, например, ряжение, одевание тулупов шерстью вверх, ношение звериных масок и шумные карнавальные пляски в домах и на улицах являлись одной из характернейших черт святок п масленицы. Непременным участником масленичного карнавала являлся «медведь» — человек, ряженный в медвежью шубу или вывороченный тулуп. В медведя рядились и на святки, в «страшные» дни; кроме того, в это время принято было, также для игрищ, рядиться в быков, лошадей и покойников. Рядились на святки и для колядования и других обрядовых обходов; при этом самодельные маски, бороды из льна и шутовские костюмы (состоящие обычно из худых зипунов, вывороченных шерстью наружу, полушубков и пр.) деревенские парни подготавливали загодя, задолго до праздника. В сумерки все желающие рядиться собирались в каком-нибудь условленном месте и одевались кто цыганом, кто старым дедом, кто горбуном и пр., при этом во многих местах в это же время делали из соломы чучело кобылы, которое затем должны были нести четыре парня. Когда все было готово, ряженные отправлялись по деревне с песнями и криками; впереди ехал верхом на «кобыле» мальчик-подросток, ряженный горбатым старичком с предлинной седой бородой, следом за ним «цыган» и «солдат» вели на веревке «медведя», а за ними следовали все остальные ряженные. Всей этой толпой они врвались в дома, плясали, пели, предлагали гадать и выпрашивали табак и деньги. Обойдя все дома богатых соседей, ряженные вваливались в святочную избу и, если денег у них набиралось достаточно, начинали праздновать и бражничать.

Обычай рядиться на святки был известен повсеместно и сохранился вплоть до XIX-XX вв.; несколько различались только обряды, в которых участвовали ряженные. Так, например, в Новгороде на святки, со второго дня Рождества до Богоявления, по городу ходили округники (ряженные); они заходили в те дома, где были выставлены зажженные свечи на окнах, и тешили хозяев шутками, комедийными представлениями, песнями и плясками. В Тихвине на святки наряжалась большая лодка, которая ставилась на несколько саней и возилась несколькими лошадьми по городу; верхом на лошадях, везущих лодку, сидели святочники-ряженные, и такие же ряженные сидели в лодке, украшенной разноцветными флагами. Когда процессия продвигалась по городу, они пели, играли на разных инструментах и «выкидывали разные штуки»; такую процессию сопровождали толпы народа, а зажиточные граждане потчевали ряженных вином и кушаньем.

Носящих маски и маскардные костюмы людей в народе называли по-разному, и при этом многие из этих названий отражали потустороннюю природу ряженных. Так, в разных местах были распространены такие названия: «кудесники», «черти», «буки», «кулеши», «шулкнуны», «окрутпики», «хухольннки», «волкодлаки», «халявы», «Костромы», «чудики» и т.п. Среди способов ряжения этих персонажей часто упоминалось чернение лица сажей, подкладывание горба, закутывание в меховую шубу, саван или тулуп мехом наружу, ношение необычных остроконечных шапок, обкручивание соломой рук и ног (чтобы сделать их толстыми и кривыми), навешивание на костюм старых веников, лаптей, бубенцов, колокольчиков и т.п.

Ряженные нередко старались подчеркнуть особенно устрашающие черты своей внешности: закутывались с ног до головы в белое полотно, вставляли па ходули, приделывали длинные зубы из репы, носили на голове тыкву с вырезанными глазницами и прикрепленной внутри свечой. Так, на святки в группе колядников ходили ряженные «стариками» и «пугалами»: они обычно изображали калек с вымазанными сажей лицами, со страшными горбами, навязанной на голове куделью (чтобы быть косматыми) и бородами из льна или мочала. На Русском Севере популярным персонажем святочных игр па посиделках считался ряженный «покойником»: его одевали в белое, натирали лицо мукой, вставляли в рот торчащие зубы из брюквы, клали на скамейку и оплакивали, заставляя девок целовать лежащего.

Наряду со стремлением выглядеть устрашающе, ряженные нередко старались также выглядеть необычно и «чудно». Для этого, например, они передевались в одежду противоположного пола (мужчины — в женскую, а женщины — в мужскую), а также подбирали элементы одежды, несоместимые с остальным нарядом: разные рукава, разная обувь на ногах, на голове корзина или горшок, и т.д.

Подобная необычность часто была связана со стремлением как можно больше походить на изображаемый персонаж. Так, например, в козух или тулуп, вывернутый шерстью наружу, рядили «козу», «медведя» или «вожака», который водил их на поводке; так же рядили и «мехоношу» (участника колядной группы, который носил собираемые по домам продукты), «святого Николая» и т.д. «Курица» или «журавль» тоже рядились в вывороченный тулуп, по при этом еще и продевали ноги в рукава, а в руках держали кочергу, изображавшую клюв. Для того, чтобы придать себе вид какого-либо животного, многие ряженные приделывали себе рога и хвосты, а также носили вырезанные из дерева и обтянутые кожей «хари» (например, маски «кобылы», «козы», «тура»); заходили в дом на четвереньках, бодались и скакали по хате, махали хвостом и т.п. Иногда фигуру животного (например, коня) составляли двое участников, вместе подражающих поведению изображаемого

Ряжение

животного. Подобное ряжение связывалось обычно с праздниками, посвященными животным или их покровителям. Так, в коней рядились в «конские дни» — дни, посвященные святым — покровителям лошадей; на «комедицы» (медвежий праздник; языческая масленица) и на святки (в «страшные» велесовы дни) рядились в медведей и волков. В звериных масках производились и различные обрядовые действия, такие, как «туруца» и т.п.

К весенне-летнему периоду (Юрьев день, Вознесение, Троица, Иван Купала) приурочены были обряды вождения ряженого в зелень (ветки деревьев и кустарников, цветы и травы; венки). Обычно в таких обрядах участвовал один ряженный, которого вели все остальные участники процессии; ряженный обычно изображал «куст», «русалку», «весну», «Зеленого Юрия» и т.п. В зелень также рядились «додолы» и «пеперуды». Ряженных водили по дворам, но в дома они обычно не заходили; с ними ходили по селу и выходили за его границы, обходили вокруг полей. Ряженный обычно шел первым в процессии; часто сто вели под руки сопровождающие. Лицо ряженого закрывал платок, распущенные волосы, зелень венка и т.п. В каждом дворе ряженого старались щедро одарить, иногда облить его водой или потанцевать с ним (для обеспечения хорошего урожая и т.д.).

В христианских святых рядились преимущественно у западных славян в предрождественский период. Так, во многих местах накануне дня соответствующего святого по домам ходили ряженные, изображавшие

«Варвару», «Николая» и т.д. При этом женские фигуры обычно были закутаны в белое покрывало, лицо скрывал платок или распущенные волосы; в руках же они держали гусиное крыло или метлу, веретено, палку, нож. Такие ряженные нередко заходили в дома, обходили всю избу, делали вид, что подметают в доме или проверяют, сколько пряжи напряла хозяйка дома, и т.д.

Вообще, поведение любых ряженных сводилось обычно к нескольким стереотипным действиям; они старались испугать своим видом; угрожали хозяевам и детям; гонялись за девушками и приставали к ним; вели себя буйно, шумели, старались залить огонь в печи, разлить воду в доме, обсыпать домочадцев пеплом или вымазать сажей, украсть что-либо из вещей, хозяйственной утвари, пахотных орудий и т.д. Изредка также затыкали трубы, подпирали двери с внешней стороны дома и т.д.

Иногда ряженные сохраняли полное молчание или издавали неясные звуки, разговаривали неестественно высокими или очень низкими голосами. Ряженные часто разыгрывали сценки «умирания» или «убиения» животного. Некоторые антропоморфные ряженные выполняли действия обрядового очищения дома (обметали углы дома, обливали присутствующих водой и т.д.) или проверяли соблюдение хозяевами дома норм обрядового поведения (чисто ли в доме в определенные дни, убраны ли орудия ткачества, приготовлены ли к празднику обрядовые блюда и т.п.).

Сам — см. Домовой.

Самовилы, самодива — см. Вилы.

САТАНА, Сатанаил — имя главного среди нечистых, чертей злого духа («Построил Сатана себе на небе престол и сел на него, а прочие злые духи окружали его»), а также Дьявол, нечистый дух, черт вообще (из заговора: «...из леса дремучего бегут мне навстречу двадцать сатанаилов, двадцать дьяволов»). Исконно Сатана — название Дьявола, означающее на древнееврейском «противник». Образ Сатаны, имеющий «книжное» происхождение, был, в общем-то, удален от повседневной жизни крестьян и в народе обычно считался тождественным образу Дьявола, иногда — схож с образами демонов, чертей и вообще всех нечистых духов.

Сатана обычно старший в иерархии нечистой силы; однако эта иерархия в поверьях имеет не однозначно определенное устройство и выглядит весьма своеобразно. Так, согласно некоторым поверьям, Дьявол и Сатана — разные духи, а главенствует над ними Демон (при этом «Сатана особенно силен и коварен, а Дьявол соблазняет людей на всякий грех»).

Облик Сатаны в народных поверьях сходен с дьявольским: его характеризует гигантский рост, черный или темный цвет, способность принимать различные облики («ходить в личинах»). Вообще, наиболее подробно образ Сатаны описывается в народных повествованиях о мироустройстве, сложившихся под влиянием библейских рассказов, богомильских ересей, апокрифов и т. п.

Согласно распространенным поверьям, Сатана — бывший ангел. Так, по некоторым поверьям, Бог создал вначале одних ангелов, главным среди которых был Сатана, именуемый первоначально Сатанаил. После того, как Сатанаил возгордился (построил себе на небе престол) и был свергнут в преисподнюю, приставка «ил» перешла к имени поразившего Сатанаила Михи (Михаила Архангела), а Сатанаил стал Сатаной — духом зла, возглавляющим «сонм нечистых духов». Сатана именуется Сатанаилом и в некоторых апокрифах: это — богомильское название духа зла, почитаемого богомилами сыном Бога и Отца; прибавка «ил», по объяснению самих апокрифов, указывает на его божественную сущность, на Божеское, а не ангельское достоинство.

Согласно народным легендам, Сатана участвовал в миротворении. Так, в одном из вариантов народного повествования о сотворении мира Бог Саваоф приказывает Сатане «достать откуда-либо земли». Сатана,

обернувшись гоголем, трижды нырял за землей на морское дно, но, «по своей немощи», достал земли лишь в третий раз и после того, как по указанию Саваофа «благословился у младенца на иконе — Деве, стоящей на камени». Из одной части земли, обращенной на восток, Саваоф сотворил прекрасную землю, а из брошенной на север — холодную, каменистую и непроходимую. После этого Саваоф, желая создать себе войнство, дал Сатане в правую руку молот и велел бить в скалу, а сам ушел на восток творить рай. Сатана же стал бить в скалу, и с каждым ударом молота появлялись полки светлых воинов, которые тотчас же кланялись Богу на восток; тогда Сатана попробовал ударить левой рукой — и появились черные полки, кланявшиеся ему. Полки белых и черных воинов почти сравнялись, когда Саваоф заметил самовольство Сатаны и «зааминил» его работу. Так начался между Сатаной и Саваофом раздор, который решено было покончить состязанием — постройкой небес. Саваоф постоил одно небо, а Сатана — другое, и таким путем Сатана дошел до седьмого неба. Тут Саваоф успел зааминить его работу и приказал Михаилу Архангелу низвергнуть Сатану и его силу на землю, что Архангел и сделал, «благословившись у Младенца на иконе — Деве, стоящей у Черного моря». Согласно легенде, «целых шесть дней валилась сатанинская сила на землю, аки мелкий дождь; много ей пало в тартарары, в озера, реки и в леса, а еще больше того осталось на воздушях» (сила эта, соответственно, превратилась в чертей, бесов, леших, водяных и т. д.).

По другому варианту народного повествования о миротворении, Сатана также творит землю, но землю «дурную». По легенде, до сотворения земли все было покрыто водой, а под водой, на огромной глубине, была земля; по воде же плавали два духа: Бог и нечистый дух — Сатана. Бог велел нечистому нырнуть и достать земли; Сатана исполнил приказание, но часть земли утаил во рту, подумав: «Погляжу, как Бог станет творить землю, и я сотворю свою землю и стану в пей начальником». Бог же благословил землю, что дал ему нечистый, и земля стала расти; но при этом стала расти и та земля, что осталась у Сатаны. Когда земля начала распирает рот нечистому, он выплюнул ее, и там, куда упала эта земля, образовались болота. Бог отдал эти болота во владения Сатане: по народному убеждению, «от этого в болотах теперь нечистые и живут».

Во многих местах считалось также, что Сатана создал не только болота, но и горы, скалы, овраги и т. п. Так, по одной из народных легенд, сам Сатана, «существо вроде человека», появился «из харковины»

Сатанаил

(из плевка) Бога и назвал себя его товарищем; по повелению и благословению Бога он достал со дна моря землю. Однако когда Бог, создавая землю, велел Сатане ровнять ее, Сатана наделал гор, оврагов, болот и т.п. Бог спросил у него: «На что ж ты суродовал землю?»; Сатана же ответил: «Я для пользы сделал и тебе, и себе: как станет мужик с возом залезать на гору или выбираться из болота, так будет меня поминать, а как выберется, так тебя славить станет».

Помимо этого, Сатана, по народному убеждению, создал змей и земляных пчел (шмелей, «от которых мед есть нельзя»); по некоторым поверьям, волки и все гады также были созданы им. Творением Сатаны считались и некоторые растения: осина, бузина, подсолнечник и табак; по некоторым поверьям, рябину также сотворил Сатана, но Бог, заметив, что на плодах рябины есть что-то вроде крестов и сами листья ее похожи на крест (лапчатый), отобрал это дерево у нечистого. Другие же сотворенные Сатаной животные и растения, по народному убеждению, являются «нечистыми» и вредными: так, например, считалось, что когда люди, щелкающие подсолнечное семя и выплевывающие скорлупу, заплюют всю землю, она перестанет родить.

Согласно некоторым апокрифам, Сатанаил сотворил и человека, но не смог вдохнуть в него жизнь. Так, легенда гласит, что Сатанаил, «вылепивши тело Адама из земли, смешанной с водой, поставил тело прямо; стекшая же с него на правую ногу и вылившаяся чрез большой налец на землю некая жидкость потекла улиткообразно и образовала фигуру змеи. Собравши же дух, который был в нем, Сатанаил вдохнул созданному телу жизнь; дух же его, также стекши через пустоту на правую ногу и пролившись через большой налец, соединился с улиткообразной лужицей, которая тотчас же оживотворялась и, отделившись, превратилась в змею и поползла... Новый сей демиург (Сатанаил), увидавши это и уразумев, что он везде трудится, взмолился к благовому Отцу и убедил послать от Себя дыхание, обещав, что человек будет общим, если Он его оживотворит, и что от рода его пополнены будут на небе места отпавших ангелов. Бог же-де, как благий, согласился и вдунул созданному Сатанаилом дыхание жизни».

Согласно некоторым народным легендам, Сатана, доставший землю со дна моря, потребовал от Бога, чтобы человек «был общим», так как он сделан из земли: «Вот размножились люди, и приходит Сатана к Богу, и называет себя товарищем. Бог и говорит: «Какой ты товарищ, ты меня господином звал»; а Сатана и говорит: «Не только товарищ, но и местник — могу делить добычу с тобой». Бог говорит: «Какую?» — «Посылал меня в море, я песку достал, а из него и земля сделалась». — «Какое же тебе дело?» — «От земли и человек составил, а стало быть, и человека должно делить пополам». Бог думал, думал, как от него отвязаться. Сатана и говорит: «Я не буду тебя

утруждать, давай — живые будут твои, а мертвые мои». Бог как-то не похватился, что душа в человеке бессмертная, и говорит: «Ну, пусть твои». Вот отчего в ад-то попали! Ну и мучились, пока Христос пришел — Он и вывел (души умерших из ада)».

По народным поверьям, основное местопребывание Сатаны и его подручных (бесов, чертей, демонов и т.д.) — преисподняя, ад, подземный мир. Сам Сатана, по народному убеждению, главенствует над адом и почти не показывается на поверхности земли, меж людьми; так, согласно некоторым поверьям, он «за недосугом» бывал на земле только дважды, чтобы соблазнить Еву и Христа.

Сам ад рисовался в народном воображении поразному: обычно считалось, что там есть бесконечные пещеры, наполненные бесами; огненная река, огромные раскаленные печи и другие места для мучения грешников. По некоторым поверьям, ад и рай подобны огромному дому с большим количеством этажей: «чем человек праведнее, тем его вечное поселение будет выше; чем человек грешнее, тем ниже будут ему отведены покои... Самая нижняя комната в виде необъятного котла. В этом котле огромное колесо, вращающееся около оси в три года раз. Налит котел расплавленным металлом, и грешники купаются в этой массе. Посередине стоит Сатана и радуется, созерцая эту картину мук». Сатана, по народному убеждению, пребывает в самом центре ада, в самом жарком его месте; он сидит на железном троне, а на коленях у себя держит Иуду, хриstopродавца и самоубийцу, с кошельком в руках (из этого-то кошелька Сатана и отпускает нечистым деньги на всякие несоудные дела).

В народных поверьях Сатана, старший нечистый дух, предстает обычно воплощением зла; при этом, однако, он считается существом не только злокозненным, но и необходимым, неизбежным, так как зло всегда сопутствует добру. В мифах о сотворении мира доброе и злое начало творят мир совместно, во взаимодействии; так же совместно они создают и человека, и после его сотворения в течение многих веков продолжают спорить за его тело и душу.

Сатанаил — см. Сатана.

СВАДЬБА — обряд, символизирующий вступление в брак. Свадебный обряд, в общем, был разным в разных местах, однако при этом всегда чрезвычайно сложным; практически повсюду к нему приурочивались различные старинные обычаи, песни, поверья и пр.

ПЕРМЯЦКИЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД.

Свадьбу у пермяков вплоть до XIX в. принято было устраивать без участия жениха: отец, как правило, сам подыскивал своему сыну (часто — без его ведома) невесту с богатым приданым, благонравную и со спокойным характером, и при этом прислушивался лишь к

Свадьба

советам родственников и близких друзей; он же испрашивал дозволения на брак у начальства и приходского священника. Редко случалось так, чтобы молодой пермяк сам подговаривал себе невесту. После того, как отец окончательно решал, какую девушку выбрать, начиналось сватовство; занимался им всегда либо старший в семье, либо (за неимением такового) крестный отец, одни из старших родственников или вообще человек опытный в подобных делах.

Такой человек, принявший на себя обязанности свата, наряжался в праздничное платье и ехал в дом невесты (летом верхом, а зимой в санях, непременно покрытых рогожей). При входе в дом сват открывал двери избы в три приема: сначала, отворив немного, снова затворял двери наглухо, потом отворял вторично и опять затворял, а в третий раз уже открывал дверь совсем и заходил в дом. При этом он, входя в дом, переступал порог правой ногой и пристукивал пяткой о порог (что, по народному убеждению, было необходимо для успеха дела) и лишь затем ступал на пол комнаты. Выйдя из-под полатей, которые обычно высились близ входа, сват молился Богу, а затем, став под матицу, молча кланялся хозяевам и садился на лавку. Молчал он до тех пор, пока хозяин не спрашивал его о причине прихода, и только потом начинал говорить о деле: предлагал жениха, которого, как водится, расхваливал донельзя. Отец или мать девушки на эти слова отговаривались, сколько могли, тем, что девка еще молода и выдавать ее рано, пусть еще поработает в доме. Сват настаивал, убеждая их, что «жених нашелся стоящий, лучше не найдется»; родители же говорили, что их дочь еще не приготовила ни подарков, ни подходящей для свадьбы одежды.

Таким образом совершалось первое сватовство, «делу почин». А так как отец девушки сперва обычно бывал несговорчив и уклончив, свату обычно приходилось приезжать по нескольку раз и всячески уговаривать хозяев, чтобы получить окончательное согласие насчет рукобития; при этом он иногда засиживался от трех до пяти часов, а угощать сватов у пермяков было не принято. Впрочем, если отец невесты почему-либо не хотел отдавать дочь замуж, то говорил свату еще при первом его визите: «У меня нет невесты. Исши ее в другом доме, а ко мне с этим делом не приходи. А если кошь, приходи просто за бражкой». Если же невеста не желала выйти за предложенного жениха, то отец (разумеется, если соглашался с мнением дочери) отказывал свату во второй или третий раз. Но даже в том случае, если и невеста, и ее родители были согласны на брак, сватовство нередко затягивалось. Отец невесты притворно отнекивался порою даже на рукобитье, и только родственники невесты напоминали ему о данном слове, будто бы заставляя воздержаться от отказа и дать окончательное согласие.

В день, на который назначалось рукобитие, сват брал у жениха вино, пиво, рыбный пирог и со всеми этими дарами являлся в дом невесты, в сопровождении одного из родственников или родственниц. Сам жених

редко бывал на рукобитье и входил в дом только по желанию невесты. Обряд рукобития совершался следующим образом: сват ставил на стол посуду с вином, кроме одной посуды, которую оставляли на нужды невесты. Отец приказывал девушке зажечь свечу перед иконой и принести на стол хлеб и соль; затем с минуту все в избе молились. Потом отец заходил за стол, к нему подходил сват, и они соединяли правые руки, говоря: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас». Сват обращался к отцу: «Смотри, сват, не имей другого слова! Попятышься — отдашь бесчестие, я отступлюсь — я плачу». После этого товарищ свата и мать невесты разнимали руки, и с этого момента считалось, что дело между сватами утверждено при свидетелях. Покончив с рукобитием, отец, выйдя из-за стола, просил всех садиться, а наряженная невеста обносила всех водкой, принесенной сватом, и дарила всем подарки, преимущественно изготовленные ею собственноручно и недорогие, а гости одаривали ее за это деньгами. После даров свата и его сопровождающего или сопровождающую угощали специально приготовленным праздничным обедом, состоявшим преимущественно из рыбного пирога, студня, шей, двух-трех жарких, иногда меда. Если при всем этом присутствовал жених, то он тоже получал подарок от невесты и усаживался за стол: во время даров и столования в этом случае совершались различные обряды и пелись песни так же, как и в день свадьбы. Во время обеда гости угощались пивом и вином, привезенным сватом; если же отец невесты был человеком богатым, то он также мог угощать всех своим вином. Напитков на таком обеде не жалели, пили сколько хотели, и разбегались с угощения уже поздно ночью. Невеста с этого считалась просватанной, и в домах жениха и невесты с этого времени вплоть до дня свадьбы никому не давали взаймы денег и даже вещей (вероятно, для того, чтобы молодые после свадьбы пи в чем не нуждались).

Начиная со дня рукобития в дом невесты приглашались вытница (плакальщица, причитальщица) и подруги. Вытница считалась одним из важнейших лиц в свадебном деле. Это была, как правило, либо старая дева, либо замужняя женщина, хорошо умеющая петь свадебные песни и обладающая приятным голосом, которая должна была руководить хором девушек; вытницей она именовалась потому, что во время ее пения невеста «выла», т.е. плакала, оплакивала свое девичество. Начиная с рукобития и до венца, вытница и подруги невесты постоянно посещали просватанную девушку и помогали ей готовить подарки; кроме того, они сопровождали ее, когда она отправлялась в гости.

В гости невесту с подругами и вытницей приглашали в первые дни после рукобития все родственники поочередно, начиная со сторонних и ближних; с приглашением посылался так называемый зватый. Невеста угощала этого зватого вином и дарила ему тельник (нательный крестик) и два пояска. Для выхода в гости она одевалась по-праздничному и вплетала в косу

Свадьба

разноцветные ленточки. Затем невеста, подружки и запевала (вытница), став посреди избы, пели отцу песню, в которой спрашивали его благословения в дорогу, куда их пригласили; невеста при этом кланялась отцу в ноги. Отец давал свое благословение, и девушки, все с той же, лишь несколько измененной песней, обращались теперь уже к матери невесты, а затем и к другим старшим в доме. Получив от всех благословение, невеста с сопровождающими ее девушками и вытницей отправлялась в гости (если близко, то пешком, а если далеко, то зимой в санях, а летом верхом); при этом подружки брали с собой сиденье невесты — войлок и подушку — и дорогой распевали разные приголосные песни.

В один из последних дней перед свадьбой отец жениха или старший и ближайший его родственник-сватовщик приезжал в дом невесты «держать совет», т.е. условиться о дне свадьбы. Он вновь привозил с собой вина, пива, рыбный пирог и чел наи, завернутые в платок и обвитые тельником и двумя поясками. Вино отдавалось отцу, а пирог с платком, тельником и поясками — матери невесты; за эти подарки мать потом посылала такие же гостинцы от лица невесты к жениху. Невеста угощала дорогого гостя вином, которое получила при рукобיתье, а также пивом, брагой и обедом.

За день или два до свадьбы отец жениха совещался с семьей, кого поставить в поезжане и особенно в вежливыцы (вежливецом именовали колдуна, знахаря, которому поручалось оберегать молодых от порчи, дурного глаза и прочих бед). Свадебный поезд обычно составлялся таким образом: крестный отец, старший брат или дядя жениха играли роль тысяцких или бояр; крестная мать или тетка, замужняя сестра определялась в свахи, младшие братья и знакомые жениха — в дружки и подружки, а местный деревенский колдуй приглашался в вежливыцы. Все поезжане, избранные для свадебного поезда, приглашались накануне свадьбы в дом жениха; приглашение это делалось со стороны отца, брата или дяди жениха, получающих по этому случаю название зватых. Каждому приглашенному зватый привозил в подарок челпан хлеба и кусок говядины, но чаще сырую баранью лопатку.

Приготовление к свадьбе в это же время происходили в доме у невесты. В предпоследний перед свадьбой день (в девишник) невесте расплетали косу и водили ее в баню, а перед тем, как ее вести, пели песни, спрашивая родительского благословения, а также благословения братьев, сестер и всех других членов семейства. При всем этом невеста кланялась всем в ноги, начиная со старших. В баню невесту водили также иод пение песен. Вернувшись из бани невесту и подруг мать потчевала брагой и благословляла словом, а затем следовал ужин, после которого девушки вновь пели благодарственную песню от имени невесты. Выйдя из-за стола и встав посреди избы, девушки вместе с невестой исполняли очередную песню, содержание которой заключало в себе просьбу к отцу о даровании благословлений «на житье в дальней сторонущке»;

после этой песни отец благословлял дочь, она же при этом дарила ему что-нибудь из белья с новым приговором. Та же песня, лишь несколько измененная, повторялась потом всем родным в доме: матери, дядям, теткам, братьям, сестрам и прочим взрослым домочадцам; каждому из них невеста дарила подарки, а одариваемые благословляли ее. Когда же песнопение заканчивалось, невеста кланялась (опять-таки в ноги) вытнице и дарила ей холст или рукава.

Вслед за этим девушки усаживали невесту на лавку и в последний раз заплетали ей косу с ленточками, сопровождая свои действия припевами, сообразными времени. Потом, с одной или двумя подругами, невеста ложилась за стол на лавку, противоположную дверям, к которой на этот раз приставлялась скамейка. Прочие девушки либо уходили домой (если они были из той же деревни, что и невеста), либо ложились спать в доме невесты на пол и на полаты (если они были из отдаленной деревни).

Накануне свадьбы у жениха мыли пол в избе и застилали его свежей соломой, чтобы молодой вместе с женой жил «не бедно и не голо, а богато и толсто». Вечером жених ходил в баню, но, в противоположность невесте, без особых обрядов.

В день свадьбы, лишь только просыпалась невеста, девушки вновь начинали петь от лица невесты песню, в которой говорилось, что «постель невесты уплыла по синю морю, что она не могла ее поймать, а что поймал ее один удалый добрый молодец и положил на свою кроватьшку». Потом девицы, вновь от лица невесты, пели каждому из членов семейства песню, в которой высказывали сожаление, что не она им «стлала постель в горе и кручинушке», и сомневались, «хорошо ли спали-ночевали тот или другой член семейства». После этого невеста вставала и просила благословения «умываться, снаряжаться, под золотым венцом стояти, закон Божий принята с чуже-чуженином», и при этом опять падала в ноги отцу и матери, которые благословляли ее словами: «Бог благословит!» Затем невеста вместе с девушками спускалась в подполье-голбец одеваться. Сначала она умывалась мылом, а потом надевала чистую рубашку, новую и лучшую, с белыми рукавами, китайник, на плечи — шаль или ситцевый платок. Но перед этим она по голому телу опоясывалась лыком или сетью, под мышку правой руки клала понемногу льна, шерсти, мыла, а на грудь — три кренделя или три пряничка; лыко должно было защитить ее от колдунов и порчи, лен, шерсть и мыло должны были способствовать тому, чтобы она всегда носила льняную и шерстяную одежду, была чистой и богатой, а крендели обеспечивали сытую жизнь и навсегда предотвращали недостаток хлеба в семье.

Нарядив невесту, девушки вместе с ней выходили из голбца и пели песню, где от лица невесты желали «серебра и здоровья царю и царице и его малым детушкам», потом «родимым отцу и матери», а затем и невесте («за себя молодешеньку с желанием счастья великого»); при этом и невеста, и девушки клали по земному

Свадьба

поклону перед образами. Окончив эту молитву, девушки с невестой садились на лавки и пели: «Наглядись-ка, родимый батюшка, / На меня, на молодешеньку. Хорошо ли я снарядилась / По-Божьи в церковь ехати, / Под золотой венец ставати, / Закон Божий принять / Со чужим-то со чуженином?» Эту песню повторяли матери, родным братьям и сестрам, а также всем присутствующим родственникам, после чего продолжали петь, по-прежнему от лица невесты, выражая укор отцу, который якобы в то время, когда невеста была еще маленькой, обещал ей никому ее не отдавать «ни за князя, ни за боярина», а затем нарушил свое слово: «Вот сижу я у тебя, батюшка, / Во кути, за занавесой: / Обтынил ты меня, батюшка, Кумушками да подружками: Покрыл ты меня, батюшка, Тоскою да кручинушкой; Обсыпал ты меня, батюшка, Слезами да горячими». В продолжение всей этой песни невеста плакала не шутя, иногда в голос. По окончании песни девушки расплели невесте косу и вновь пели песню, в которой говорилось, что невесту берет раздумье: «Кому оставить свою русу косу и девью красоту?» («Оставить ли родимому батюшке, — тот пропьет в царевом кабаке за едину чарочку; оставить ли родимой матушке, — та охоча ходити и гуляти, а потому обронит в черную грязь»); наконец она решается оставить косу «в церкви Божией, за престолом Богородицы», где ей будет «место и местичко, и житье и красованьицо». После такой песни начинается уже ожидание жениха с поездом.

Поезжане приезжали к жениху, смотря по времени года, верхом, в санях или на телегах и всегда с большим звоном. К приезду поезжан жених должен был уже одет; одевался он обычно в белое белье, черный зипун и сапоги. В правый сапог он клал три медных копенки полушками. Ко времени отпуска жениха мать или старшая в доме родственница приносила на стол, накрытый скатертью, чел нан хлеба (предназначенный для благословения жениха), соль, пиво и брагу, а также зажигала перед иконами свечи. Жених молился, кланялся отцу и матери в ноги, испрашивая благословения, а затем, прочитав Иисусову молитву, становился за стол, к которому, один за другим, с той же молитвой подходили все поезжане и отдавали жениху через стол обеими руками принесенные подарки и гостинцы, состоявшие преимущественно из печеной лопатки или куска сырой свинины; гостинцы подавались непременно на хлебе, со словами: «Прими-ко, князь молодой, дорогие подарки», и сопровождалась молитвой «Господи Иисусе Христе» и т.д. Жених на это отвечал каждому: «Аминь — твоей молитве», затем принимал гостинцы, также обеими руками, и клал их сначала на голову, а потом на стол, после чего потчевал каждого поезжанина пивом и брагой (иногда — вином), творя Иисусову молитву и приговаривая: «Пей-ка на здоровье (такой-то)». На это каждый поезжанин, к которому обращался жених, отзывался: «Аминь — твоей молитве», и, приняв стакан, кланялся жениху, приговаривая:

«Дай тебе, Господи, долги века, счастье великое, жить да быть, да счастья нажить, скота, живота, хлеба-соли, княгиню-молодицу получитьи, с княгиней в церковь ехати, под златыми венцами стояти, закон Божий принять!» (после этого поезжанин осушал стакан). Гостинцы со стола мать или старшая родственница жениха уносила в кузь (покуть).

Когда все подарки были приняты и все пожелания выслушаны, все поезжане, по приглашению жениха, садились за стол по обе стороны от него, причем тысяцкий садился справа, а сваха — слева (впрочем, это обычно зависело от расположения избы; однако свахе всегда давали одно из мест с краю стола, поближе к кути). Поезжан угощали рыбным пирогом, затем ухой, в скоромные дни — бараньей лопаткой, а после всего, в знак окончания угощения, приносили каравай; все это запивали брагой или пивом и т.д. Жених сидел все это время либо на войлоке, либо на подушке, и при этом, по обычаю, ничего не ел. После закуски поезжане, сопровождающие жениха, собирались с ним к невесте, причем дружка, благословясь, говорил: «Садитесь, отец на отцово, мать на материно»; родители жениха, по его приглашению, заходили за стол, тоже с молитвой, и дружка начинал, вновь благое ловясь, говорить: «Отец родимый! Мать родимая! У вас в дому во светлой светлице, в новой горнице за новым столом, за скатертью шитой браною, князь молодой сидел с полком, с поездом, с тысяцким, с боярами, с дружкой и с подружкой. Не просит у вас князь молодой ни злата, ни серебра, а просит вашего благословения к княгине-молодице ехати, княгиню-молодицу получитьи, с княгиней-молодицей до Божьей церкви доехати, пол златым венцом стояти, закон Божий принять. Чем его благословите? Ласковым словом или низким поклоном, Божьим образом или хлебом с солью?» Отец и мать в это время выходили из-за стола, отец брал икону из переднего угла, а мать — чел нан хлеба со стола; они становились перед столом спинами к переднему углу, а жених клал перед образами три поясных поклона и два земных, потом падал отцу и матери в ноги, после чего родители благословляли его то образом, то хлебом попеременно, говоря: «Дай Господи тебе княгиню-молодицу получитьи, закон Божий принять!» Тот же обряд после отца с матерью исполняли над женихом все старшие в доме, братья и сестры жениха, иногда старшие в семействе и тысяцкий.

После этого обряда образ клали жениху за пазуху, а челпан брал дружка. Затем все поезжане и жених в сопровождении своих родителей, родственников и гостей выходили задним крыльцом во двор, где с молитвой рассаживались в повозках или кто на чем приехал (кроме дружек, которые всегда бывают верховыми). Вежливее в это время за разговором обходил всех лошадей, передвигал экипажи, потрясывал колокольцы и бубенчики, проверял, нет ли где следов враждебного колдовства и т.д. Отец жениха угощал всех поезжан вином, иногда обходя всех по три раза, а потом мать и брат жениха подносили пиво и брагу Дружка

Свадьба

творил молитву и спрашивал: «Тысяцкий воевода! Приготовился ехать или не приготовился?» Тысяцкий отвечал, да или нет (отрицательный ответ означал, что он ждет подношения, которое в этом случае немедленно повторялось). Если тысяцкий отвечал, что еще не готов, дружки с обращались к жениху с песней, в которой вопрошали: «Куда ты, молодец, снаряжаешься со полком, со поездом (и т.д.)?» По окончании песни дружка повторял свой вопрос тысяцкому, и если тот отвечал, что приготовился, дружка, вновь сотворив молитву: «Господи Иисусе», говорил: «Отец родимый, милые братья, милые сестры, гости званые и незваные! Благословите нашего князя молодого, ясна сокола, со всем полком, с поездом (и т.д.) к княгине-молодице ехать (и т.д.)». Все поезжане отвечали ему: «Бог благословит!», а дружки после благословения пели: «Соколы вы, соколы, соколы перелетные!» и пр., а потом: «Бояре вы, бояре, бояре приезжие» и пр., и поезд отправлялся к невесте. Дружка при этом вез к невесте подарки: вино для отпирателя ворот у невесты и для угощения отца и проч.; пиво в лагуне и рыбный пирог, обвязанный поясками, для матери невесты и для сестер: яичные или рыбные пироги для вытницы и подруг невесты; и, наконец, чел нан хлеба (свой или чужой), китайник, фагу, коты, чулки и мыло со вдавленной в него монетой — для невесты.

Свадебный поезд обычно составлялся из нечетного числа поезжан, по большей части, из 7 или 9 человек: жениха, тысяцкого, двух-трех бояр, одного или двух дружек, поддружья, свахи и вежлива. К невесте ехали обычно с песнями (например: «Как по морю, морю синему, по синему, по Хвалынскомъ, плыл селезень»); когда подъезжали к дому невесты, пели: «У нашего добра молодца черны кудри увиваются, увиваются, завиваются на три сторонюшки» и пр. В доме же невесты в это время пели: «Погляжу я, молодешенька, вдаль да во чистое поле» и пр.; в этой песне высказывалась похвала поезжанам в отношении их богатства, но, в то же время, тоска по прежней жизни у родителей, страх перед близкой разлукой с родным домом, перед жизнью с чуж-чуженином, а также просьба невесты охранить дом от нашествия «супостатов-разлучников».

Когда поезд подъезжал к воротам дома, девушки прятались в кути; невеста же садилась против печи на лавку, покрытую войлоком или подушкой (считалось, что это должно предотвратить бедность и способствовать богатой жизни молодой). Дружки жениха, подойдя к окну, читали три раза молитву «Господи Иисусе», а невеста отвечала: «Аминь». Затем дружка спрашивал: «Отец родимый! Мать родимая! Звали ли гостей? Ждали ли гостей?», — хозяин же отвечал: «Звали, звали!»; «Бьем челом, — говорил дружка. — Было ли сватовство? Было ли любовьство? Было ли обручение?», а хозяин отвечал: «Было!» Тогда дружка говорил: «Отец родимый, мать родимая! У нас князь молодой, ясный сокол со всем полком, со всем поездом, тысяцкий с боярами, дружка с поддружьем, сваха с проводничком стоят под окном, под небесным облаком.

Дозволили нам, дружкам, спроситься: вовремя ли или не вовремя мы приехали?»; хозяин отвечал: «Вовремя». «Будет ли приказано нам к золотому вашему столбу, к серебряному кольцу коней привязать, ал и во двор заехать?» — «Во двор заехать». — «Будет ли дозволено у ворот воротников, у дверей придверников?»

— «Будет». — «Будет ли коням сена до ушей, овса до копыт?» — «Будет». — «Нет ли на дворе свиные горласты, собаки кусасты, гуся зубаста? Свиной в хлев загоните, собак на цепь привяжите, гусей в стадо заприте. Нам прикажете али сами исполните?» — «Сами». — «Нет ли в доме курицы летучей? Заприте в шесток, чтобы она но избе не летала, сажи не спускала, цветно платье не марала». — «Нет». После этого дружки спрашивали: «Кто будет ворота отворять? Отец или мать, братья али сестры, али гости званые, али незваные, али люди пригожие, али нам, дружкам, прикажете?»; хозяин же отвечал: «Брат отворит», — и кто-нибудь из мужчин-родственников (обычно дядя) отправлялся отворять ворота. В избе в это время перед образами зажигали одну или две свечи, а девицы пели коротенькую песню, в которой укоряли отца невесты за то, что он, не послушавшись ее, молодой девушки, отворил ворота и впустил ее «разлучников и супостатчиков».

Некоторые из веселых и богатых отцов в начале или в конце разговора с дружкой нарочно стреляли по поезду холостыми зарядами, причем иногда лошади, испугавшись выстрелов, сбрасывали седоков, впрочем, ко всеобщему удовольствию и смеху.

Когда ворота отворяли, поезд заезжал во двор к заднему крыльцу, а дружка давал отпирателю ворот вино в особой посуде и с Иисусовой молитвой клал нагайкой крест на воротах и на ближнем у нему углу дома. Поезжане и жених выходили из повозок, спешивались и т.д., снимали верхнюю одежду и складывали ее в повозки или на седла. Дружка клал за пазуху восковую свечку и ставил вино для отца невесты на особое блюдо; для матери он клал пирог с рыбой, для невесты — челпан, а затем один или вместе с поддружием шел в избу. Там дружка молился Богу, произносил Иисусову молитву и говорил: «Становитесь отец на отцово место, мать на материно»; когда же отец с матерью становились рядом за стол, он продолжал: «Руки с подносом, ноги с подходом, головы с поклоном, язык с приговором. Идут от нашего князя молодого, ясного сокола, дорогие гостиночки, честны — не малы: примете, аль не примете?» — «Примем», — отвечали отец и мать. Дружка снимал с блюда предназначавшийся им подарок, клал его на стол и говорил: «Идут к княгине-молодице от нашего князя молодого, ясного сокола, дорогие гостиночки, честны — не малы: как прикажете — на стол положить али нам поднести?» «Ты, дружка, сам поднеси», — говорил отец; «Со светом или без свету?» — спрашивал дружка, а отец отвечал: «Со светом, обыкновенно». «Свечи воску ярого от нас, а свет летучий от отца и материной душ», — говорил дружка, вынимал из-за пазухи свечку, зажигал ее от

Свадьба

свечей перед иконами и шел в куть к невесте, говоря: «Девицы-певицы, пирожные мастерицы, старые старушки, молодые молодки, подвиньтесь, отсторонитесь от княгини-молодицы, чтобы мне на праву ножку не наступить, чулок не замарать, башмак не разорвать, в белу грудь не толкнуть, бесчестия не хватить». Невеста с девушками после этих слов вставала на ноги, и дружка, сотворив Иисусову молитву, продолжал: «Княгиня-молодица, становись-ко ты на резвы ножки, на куньи лапки, прими-ка ты от нашего князя молодого, ясного сокола, дорогие подарочки, добрые гостиночки». В ответ на это девушки от лица невесты пели: «Не приму я без родного батюшки от чуж-чуженина дорогие подарочки, которые разлучат меня из дома родительского». Дружка вновь творил молитву, просил отца невесты благословить дочь на принятие даров от жениха, и отец из-за стола давал свое благословение; затем с тем же обрядом благословение испрашивалось у матери и у прочих родственников невесты (у каждого особо и по старшинству). После этого невеста принимала свой подарок — челпан, который она сперва поднимала на голову, потом, отломив от него кусочек, давала матери, а затем помещала его в стоящую рядом коробку.

Дружка, загасив свечу и положив ее на грядку с подарками невесты, возвращался во двор. Невестин челпан обычно бывал черствый или мягкий; от черствого жених отламывал небольшой кусочек и съедал его. Такое взаимное одаривание чел нанами имело особый смысл: жених своим подарком давал понять невесте, что у него будет достаточно хлеба для того, чтобы прокормить семью, а невеста своим подарком давала понять жениху, целомудрена ли она (невеста, сохранившая девство, посылала своему жениху самый черствый хлеб, а нарушившая девство — мягкий).

Отдав жениху невестин челпан, дружка клал на блюдо другие подарки невесте: китайник, фату, коты, чулки и мыло, а затем вместе с женихом и другими поезжанами входил в сени, отворял двери в три приема и, прочитав молитву, говорил через порог невестиной свахи: «Свашенька ты матушка! Приступись поближе, поклонись пониже, не будь ты драчлива, не будь ломлива, будь жалостлива, будь приступлива!» Невестина сваха тихонько подходила к дверям со стаканом вина или пива, а женихова сваха, тоже со стаканом пива, низко кланялась ей из сеней. Когда невестина сваха подходила к порогу и переносила через него одну ногу, дружки выводили ее в сени и запирали двери. Свахи менялись стаканами и, поцеловавшись, выпивали пиво. Тогда жених со всеми поезжанами входил в избу, и дружка, прочитав молитву, говорил: «У нас князь молодой, ясный сокол, стоит среди пола, среди дубового, просит места. Благословите-ка отец и мать ему место!» «Вот место здесь», — говорил отец, указывая на лавку в переднем углу, а сам выходил из-за стола. Тысяцкий откупал место, оплачивая его деньгами (от трех до 20 копеек серебром), после чего жених садился. Дружка брал с грядок свою свечу, зажигал ее и, прочитав

молитву, говорил: «Идет от нашего князя молодого, ясного сокола, к княгине-молодице бело мыло, злато-серебро, цветно платье, сини чулочки, красные башмачки. Бело мыло — на умыванье, злато-серебро — на уживанье, цветно платье — на одеванье, сини чулочки, красные башмачки — на обуванье, кому прикажете поднести?» «Невесте поднесите», — отвечал отец, и дружка с молитвой входил в куть вместе с вежливецем, где обращался к невесте с такими словами: «Княгиня ты, молодница! Ты прими от нашего князя молодого, ясного сокола, бело мыло, злато-серебро, цветно платье, сини чулочки, красные башмачки!» Во время этой речи вежливец брал с полу солому и подкидывал ее под ноги невесте с наговором от уроков и призывов. Невеста принимала дары так же, как и прежде, испросив предварительно благословение всех домашних.

После принятия невестой даров дружка говорил: «У меня от свечки руки горят»: на это ему должны были ответить подарком от невесты (ширинкой, платком или поясками), с которым он выходил от невесты и присоединялся к поезжанам. Невеста, как и прежде, садилась в кути против печи на лавку, а вежливец, почерпнув ковшем воды из кадки, давал ей умыться (а иногда даже сам ее умывал), чтобы устранить угрозу порчи. Женихова сваха в это время покупала невесту у ее подруг (обычно за гривенник), а потом сама одевала ее в платье и обувь, привезенные от жениха, и, сотворив молитву, обеими руками брала фату, обносила ее «по солнцу» вокруг головы, относила в сторону и встряхивала. Это она повторяла три раза, чтобы защитить голову «от всего худого, напущенного», после чего надевала фату на невесту. Невеста при этом с утра была в своем платье, но обычай требовал, чтобы она непременно надела все подарки жениха поверх собственной одежды (впрочем, со временем, примерно к XIX в., такой обычай двойного одевания практически исчез). Таким образом, в день свадьбы на невесте оказывалось два платья (даже если платье, подаренное женихом, было короче ее собственного; правда, в некоторых случаях, например, если жених был издалека, невеста венчалась в своем платье), а также две фаты, две рубашки и две пары чулок; обувала она башмаки, подаренные женихом. После одевания мать невесты давала дочери подаренный ей пирог с рыбой, а невеста клала его за пазуху.

Когда невеста заканчивала одеваться, дружка, после обычной молитвы, затевал с отцом невесты следующий диалог: «Будет ли поезд стоять или за стол сядет?» — «За стол сядет». — «Есть ли у вас столы дубовы, столешники **Кедровы**, скатерти — шиты-браны?» — «Есть». — «Есть ли нашему князю молодому, ясному соколу, с полком, с поездом, тысяцкому с боярами, свахе с проводничком чего-нибудь закупить?» — «Будет». — «Есть ли у вас на дубовых лавках войлоки валены, подушки пуховы, на столе пироги рыбны?» — «Есть». — «Где обручаться: в кути за занавеской али за столом?» — «За столом». — «Сколько

Свадьба

денег за обручение?» — «Сколько положите». При этом тысяцкий клал, смотря по состоянию жениха, некоторую сумму денег (от двадцати копеек до рубля), и эти деньги поступали в пользу невесты. Там, где должны сидеть жених с невестой, клали войлок и на него подушку. После этого все поезжане, за исключением друзей, заходили за стол, но садился при этом только вежливец (его место определялось в углу стола), а остальные оставались стоять. Друга же продолжал спрашивать: «Маш князь молодой, ясный сокол, стоит за столом на резвых ножках, на кунных лапках, бьется челом, низко кланяется. Ему ни пьется, ни естся, он тоскует, горюет о своей княгине-молодице. Батюшка родимый! Из кути из-за занавесы вывести княгиню-молодицу время или не время?» «Время», — отвечал отец, и друга вновь спрашивал: «Кому прикажете?» Обязанность вывести невесту к гостям возлагалась обычно на брата, а если такового не было, то на дядю, о чем отец, сообразно случаю, и говорил дружке.

Выводящий невесту, помолвившись Богу и вслух прочитав молитву, испрашивал благословения вывести невесту у каждого из ее родственников по старшинству. Затем он брал свечку от икон и шел в куть, где девушки от лица невесты пели каждому члену семьи песню, содержащую отказ невесты выйти без благословения. Все, к кому обращались в песне девушки, но очереди, начиная с матери и отца, подходили к невесте, принимали от нее земной поклон и давали ей свое благословение. Только после этого избранный человек выводил невесту за конец платка, называемого выкупом, который невеста держала в руках, и подводил ее к столу, вместе с ней молился Богу, обводил ее вокруг стола, нарочно отодвинутого от лавок, и ставил возле жениха со стороны кути. Затем он передавал жениху конец платка и говорил: «У меня невеста была послушна и почетна, держи ее так, чтобы она и тебя слушала и у тебя была честна». В это время женихова сваха иногда заходила в куть и, ударив поднятыми вверх руками, три раза говорила:

«Обманули-провели!» Девушки просили у дружки рыбный пирог (называемый в тех местах «юркучик» — отперм. юр — голова и кучик — кожа), который он и отдавал им с головы, ставши на стул так, чтобы они вынуждены были подпрыгивать. Получив пирог, девушки пели: «Ох, ты утка, ты уточка, сера-мала перепелица! Ты зачем рано выходила из тепла гнезда утичья, на луга на зеленые (и проч.)? Ох, ты девка, ты девица, ты к чему рано во замуж пошла?»; далее в этой песне они описывали весь обряд приготовления к венчанию, оканчивая песню тем, что невесту ее «братец маленький» отдал «на веки долгие, на годы несчетные».

Когда жених получал невесту, тысяцкий угощал всех вином и первую рюмку подносил вывешшему невесту, потом подносил по рюмке отцу и матери, а затем обносил всех остальных взрослых членов семейства и родственников невесты, причем друга называл по имени и отчеству каждого, кому подносилось вино, и творил молитву «Господи Иисусе». После этого угощения

весь поезд садился за стол и начиналось угощение, состоявшее обычно из трех блюд, рыбного пирога, какой-нибудь похлебки (в скоромные дни — шей, а в постные — уха) и челпана. У зажиточных хозяев иногда в скоромные дни подавали пирог, студень, щи, три жарких и, в заключение, челпан. В некоторых селах это угощение пробовали все, однако иногда жених и невеста, по обычаю (возникшему, однако, судя по всему, достаточно поздно), воздерживались от еды, так что ели только поезжане. Всякое кушанье подавали прикрытым деревянным блюдом, по требованию дружки, который при этом обычно отпускал разные шутки и прибаутки; крышку с каждого блюда снимал тысяцкий. Когда же хозяйка (уже без требования дружки) приносила челпан, это считалось знаком того, что пора окончить закуску. При этом во время трапезы дружки угощали всех родных невесты, девушек-подруг и вытницу пивом, которое привезли с собой от жениха, а перед окончанием закуски девушки пели величальную (хвалебную) песню для жениха, бояр, свахи и для каждого поезжанина особо; тысяцкому же, как воеводе, пели особую песню, в которой, кроме всего прочего, говорили, что «ныне он воюет с головою со невестиною, со буйною».

После окончания трапезы девушки целовали поезжан, а те за песни и поцелуи одаривали девушек деньгами (от гроша до трех копеек); некоторые при этом только целовали девушек, а не одаривали, но таких людей высмеивали (девушки в этом случае пели: «Создай тебе, Господи, дочерей — сорок-вещиц, сыновей — черных воронов!»). Выйдя из-за стола, поезжане становились посреди избы, а вместо молодых на те же места садились отец и мать невесты, которые, посидев немного, также выходили из-за стола. Друга читал Иисусову молитву, а потом говорил: «Отец родимый! Мать родимая! Приступите, благословите своих чад во Божью церковь ехати, закон Божий Припяти, иод златыми венцами стояти, чудей крест целовати». После этого предложения немедленно начиналось благословение иконой, которую отец снимал с божницы, и хлебом, который мать брала со стола; после благословения икона и хлеб передавались невестиной свахе. Женихово пиво к этому времени обычно выпивалось, и родители невесты наливали в пустую посуду свое пиво, чтобы им угостить поезжан после венчания. Дружки брали из переднего угла войлок и подушку, на которых сидели за столом жених с невестой; при этом, однако, подружки невесты обычно делали так: одна из них, та, которая успела первой, садилась на подушку или на войлок и не сходила с места, требуя выкупа. Выкупал подушку от имени жениха тысяцкий, который давал девушке один или два медных гривенника. После этого жених, невеста и поезжане выходили из избы на двор в сопровождении родителей, гостей и девушек. Девушки при этом, выходя из дома, пели: «Жарко камню в горе лежучи, Тошно сердцу батюшкину: / Милу дочь со двора повели, За ней коровья понесли: Конь говорит: не сvezу, Земля

Свадьба

говорит: не здыну (не подниму), / Вода говорит: утоплю»; выйдя же на двор, они продолжали: «Кругом, кругом солнышко обошло, / Рядом, рядом бояре ехали, Со березы вершины вершиночку сломили; / Стой-ко, стой, береза без вершины, / Живи, живи, батюшка, без дочери». Ту же песню пели и матери, и сестрам, братьям, и прочим родственникам.

На дворе жених брал невесту на руки и сам усаживал ее в сани вместе со свахой, вдвоем, а сам ехал верхом рядом с невестой или вместе с тысяцким в санях; под жениха при этом укладывали войлок и перину для сиденья, а под невесту подушку (их либо клали в повозки, либо укладывали в мешки и привязывали к седлам в торока, в зависимости от того, ехали молодые верхом или в санях). Поезжане в это время выходили на двор и усаживались на свои места в свадебном поезде; так же, как и на дворе жениха, их при этом угощали, а девушки, окружив жениха и невесту, пели песни. Вежливцев, как и в жениховом дворе, нашептывая загавор, обходил все повозки, лошадей и пр. и осматривал все, пытаясь выяснить, нет ли где колдовства, недобрых чар. Все эти приготовления продолжались довольно долго, но, в конце концов, дядя или брат невесты отворял ворота и весь поезд отправлялся в церковь в том же порядке, что и раньше, во время путешествия от жениха к невесте.

При выезде из двора дружки крестообразно хлестали нагайкой ворота невесты и ближайший угол дома; хозяин же иногда стрелял вслед поезду. После этого девушки в сопровождении вытницы возвращались в опустевшую избу невесты и, усевшись на то место, где сидела невеста, закусывали пирогом, полученным от друзей, а затем расходились по домам или отправлялись смотреть на венчание, если церковь была расположена достаточно близко. Дружки же, хотя поезд и уехал, через несколько минут возвращались в дом невесты, становились под окном и спрашивали отца: «Нет ли у вас от нас обиды, все ли чашки-ложки целы?»: «Обиды нет, все цело», — отвечал отец. Тогда один из друзей, сотворив молитву, спрашивал: «Нас желаешь или не желаешь?»; если отец отвечал, что «не желает», то дружки возвращались к поезду, а если говорил, что «желает», то входили в дом, где их угощали пивом или брагой. В этом случае дружки уезжали вновь после двух-трех стаканов, сказав на прощание: «Спасибо! Прощай!» Если дом жениха находился далеко от дома невесты, отец с матерью сразу после этого отправляли с братом или дядей подарки со стороны молодой новой родне в большой стол.

Свадебный поезд, между тем, ехал к церкви, и, если ему на пути встречался какой-либо человек, ему кланялись всем поездом (делалось это, очевидно, с целью расположить к себе любого встречного и тем предотвратить недоброжелательность, могущую негативно повлиять на будущую жизнь молодых). Подъехав к церкви, поезд останавливался, а свахи ставили жениха и невесту рядом, давали им держаться руками за концы ширинки и так вели в церковь. Тысяцкий на жениховы

деньги покупал свечи для бракосочетающихся и всех поезжан, кроме вежливец, который обычно стоял у дверей и без свечи (вероятно, потому, что в вежливыцы приглашали колдунов, а колдуны, по народному убеждению, вообще стараются не входить в церковь, так как знают с нечистой силой и Сатаной).

Когда наступало время священнику подвести бракосочетающихся к аналою, невестина сваха клала невесте под ноги пару поясков, а затем поезжане окружали молодых (причем каждый держал свечку, обернув ее нижний конец кусочком холстины или платком, чтобы не капать на пол воском). Священник венчал их, а по окончании венчания свахи покрывали голову молодой фатами (венчалась она, как полагалось, без фаты) и уводили ее с женихом в сторону или в угол церкви, где надевали на нее шемшуру (женский головной убор), не заплетая кос; молодая после этого, вынужденная из-за пазухи спрятанный рыбный пирог, ела его с мужем, если только им не запрещал делать этого священник с крестом, сопровождавший их из церкви (в этом случае молодые ели пирог за оградой, где распивали пиво поезжане).

После свадьбы поезд отправлялся в дом жениха: задерживались при этом только в том случае, если по дороге попадался кабак (тогда поезд непременно останавливался и тысяцкий, купив водки, угощал всех поезжан, не исключая и молодых). Вежливец все это время бдительно следил за порядком и спокойствием и, если обнаруживал какое-либо препятствие для вверенного его попечению поезда, старался немедленно устранить его. Вообще, дорога в церковь и из церкви считалась самым опасным временем для молодых, так как любой враждебный колдун в это время мог постараться превратить весь свадебный поезд в волков; вежливей же должен был предотвратить это и поэтому вынужден был особенно зорко наблюдать, не перебежит ли дорогу какой-либо зверь, не попадет ли навстречу недобрый человек, и т.д.

Въехав во двор жениха, поезд принимался родителями и родственниками жениха. Отец встречал молодых с образом, мать с хлебом-солью, а братья и сестры с пивом и брагой; при этом, однако, в некоторых случаях мать жениха выходила встречать сына с женой в вывороченной наизнанку шубе, повязав голову грязными тряпицами и лохмотьями (объясняли это тем, что мать желает показаться молодой страшной и тем внушить боязнь к себе, чтобы молодая была послушной). По приказанию отца, молодым и поезжанам подавали по стакану пива и браги, а иногда и вина, после чего все заходили в избу. Отец с матерью при этом становились близ стола лицом к дверям, а молодые, войдя в избу и не доходя до них двух шагов, молились на образ, который держал отец, а потом после трех земных поклонов подходили под благословение отца и матери образом и хлебом. Затем отец ставил образ в божницу, а мать хлеб на накрытый скатертью стол; образа, которые были с молодыми, тоже устанавливали в божницу, а челпаны ставили на стол. Вскоре после этого свахи

Свадьба

уводили молодую зимой на печь, а летом — в покуть, где и «окручивали» ее, т.е. расплетали невесте косу на две и надевали на голову шамшуру, повязывая ее, как должно, платком.

Потом молодых ставили перед столом, и отец распоряжался всем, начиная с новобрачных и до последнего гостя, садиться за стол; молодые при этом садились лицом к дверям, на войлок и подушку. Возле жениха сажали тысяцкого, а рядом с невестой ее свахи. Другка произносил обычную молитву и требовал подавать кушанья; с этого и начинался ужин. Молодые во время пиршества, в ознаменование того, что они теперь муж и жена, ели из одной посуды, одной вилкой и одной ложкой попеременно, пили брагу из одного стакана и вино из одной рюмки пополам.

Блюда на свадебном пире бывали самые разные, в зависимости от достатка семьи и от того, каким был день свадьбы (скоромным, постным и т.д.). Так, у людей более-менее состоятельных ужин состоял в скоромные дни из рыбного пирога, студия, шей, трех жарких (бараньей лопатки, утки и индейки) и челпана, а в постные дни из пирога, судачины с уксусом, ухи из свежей рыбы, сигов, киселя, меду и челпана. Сменой блюд за столом руководил обычно все тот же другка, который по окончании поданного кушанья говорил: «Отец родимый! Мать родимая! У нас князь молодой, сокол ясный, с княгиней-молодицей сидят за столом дубовым и скатертью шитой-браною и тысяцкий воевода — просят перемену. Поднашивай! Нет перемены — челпан на стол, поклон воздай! Мы от хлеба-соли сыты, от пива и браги пьяны и веселы. Что в реках вожено, во двор пущено, во хлебе рощено, что есть в печи, все носи на плече. Вы не можете, мы, дружки, подским и поможем».

Во время ужина у богатых за каждым кушаньем бывала круговая подача вина всем застольникам, у людей среднего состояния — через кушанье, а у бедных вино подавали только три раза — в начале, середине и в конце застолья. Но пиво и брага даже в этом случае непременно подавались дружками всем за каждым кушаньем; вином же всегда угощали сами молодые, для чего они за каждой круговой вставали на ноги, молодой наливал рюмку вина из штофа, а молодая подносила ее на тарелке. За каждой новой круговой гости не пили до тех пор, пока молодые не испробовали вина сами, и непременно поздравляли жениха и невесту с законным браком, желали им счастливой согласной жизни, а также нередко целовали новобрачных и одаривали их деньгами (от трех до 20 копеек серебром каждый).

К концу ужина все поезжане обычно наедались и особенно напивались «до последней крайности». Молодые же пили и ели, как правило, весьма умеренно, сохраняли спокойствие и молчание, скромничали, но, вместе с тем, сидели степенно и важно. Когда же застолье оканчивалось, гости устраивали песни и пляски, а молодых спустя некоторое время (примерно через час) уводили спать в подклеть в сопровождении отца, матери,

свахи и всех поезжан, в том числе и вежливец с дружками, которые вносили в подклеть рыбный пирог, пиво, брагу, а иногда и вино. Отец и мать величали молодую хозяйкой, предоставляя ей право угощать всех собравшихся питьем и пирогами, а вежливец подавал свой собственный пирог с рыбой, который молодые ели вместе в знак того, что они с этого времени уже муж и жена, которые будут есть общий хлеб и жить в единодушии. Поезжане пили и закусывали тем, что принесли с собой дружки, а затем целовали молодых по три раза (каждый раз одаривая медным пятакон или гривенником). Молодая, по их просьбе, произнесши Иисусову молитву, разувала мужа, причем, сняв с его правой ноги сапог и вынув из него деньги, положенные туда мужем, брала их себе; снятие сапога в этом обряде выражало повинование и покорность жены мужу, а деньги означали будущее расположение мужа к подруге жизни и служили знаком того, что он позаботится о ее безбедной жизни. Верхнюю одежду молодой снимал сам. Потом гости уходили из подклета, оставались только вежливец и свахи, которые помогали невесте раздеться до рубашки, а затем просили ее обнять мужа, поцеловать его и уложить в постель; затем молодая по их предложению ложилась рядом с мужем, а свахи в это время плясали от радости. Вежливец укладывал молодых в постель и, нашептывая, обходил вокруг постели, скрепляя силу заговора словами: «Слово мое крепко! Дай Бог совет да любовь, да великого счастья!» Затем молодых оставляли одних, а пирование гостей, между тем, продолжалось далеко за полночь: все плясали, угощались, пели, кричали, целовались, и даже сам вежливец, во время всего свадебного обряда державшийся обычно замкнуто и молчаливо, предавался в это время всеобщему веселью. Когда веселье заканчивалось, гости из ближних мест отправлялись по домам, а остальные оставались ночевать у жениха.

Утром будить молодых отправлялся вежливец; за ним в подклеть шли и свахи, чтобы удостовериться, справедливо ли молодой получил в подарок от невесты мертвый хлеб (если же невеста одаривала жениха мягким хлебом, свахи утром к молодым не ходили). Молодая, встав с постели, одевалась сама и одевала молодого в чистое белье, привезенное ею в подарок мужу; затем молодые умывались и выходили к завтраку.

В первый день после свадьбы обычно устраивался т.н. большой стол. При этом сначала устраивался малый стол: часов в девять утра молодые и все домашние, а также оставшиеся ночевать гости и дружки завтракали «запросто и без вина»; кушаний при этом подавалось немного, но они, как и накануне, подавались закрытыми, и молодые во время этой трапезы ели одной ложкой и одной вилкой, с одной тарелки. По окончании малого стола другка, если он не сделал этого накануне, принимал приданое невесты и ее подарки новой родне, а затем отправлялся приглашать всех уехавших после празднества поезжан, а иногда (если

Свадьба

семья была богатой) и других гостей, не бывших накануне на свадьбе, так что к столованию собиралось обычно человек тридцать; тестя и тещу при этом, однако, приглашали редко.

Когда все гости собирались к большому столу, молодая ставила посреди комнаты лохань или другую посуду, набирала в ковш воды, брала полотенце и мыло и через дружку приглашала всех, начиная со свекра и свекрови, «побелить (умыть) руки» (очевидно, в этом обряде выражалась готовность молодой на покорность, услуги и смирение не только перед мужем, но и перед всеми его родственниками). Каждый из присутствующих, вымыв руки, отходил в сторону и оставался там стоять до завершения обряда. После того, как последний гость заканчивал мыть руки, молодая убирала ковш, ведро, полотенце и мыло, а затем становилась рядом с молодым посреди избы, приготовившись одаривать свекра, свекровь и всех присутствующих. Дружка в это время, после обычной молитвы, говорил от ее имени: «Отец родимый, мать родимая! Присутпись поближе, поклонись пониже! Будь ты не криклив, будь ты не ломлив, а будь жалостлив, будь милостив, будь приступчив. Прими-ко от нашего князя молодого, новобрачного ясного сокола, и княгини-молодицы дорогие подарочки. Княгиня-молодица по чистому полю бы гуляла, куниц бы имала, лисиц бы ловила, тебя бы шелком подарила. Она по чистому полю не гуляла, куниц не имала, лисиц не ловила, что напряла, что выткала, то тебе и дарит. Не осуди за малые подарочки!» Молодые после этой речи подходили к отцу и матери и кланялись им по очереди в ноги; сваха в это время подавала молодой на блюде дары, а дружка молодому — вино в рюмке, пиво и брагу домашнего изготовления в стаканах, сыр в кусочках, каравай (привезенные вместе с приданым) и медную монету. Дружка говорил: «Князь молодой новобрачный, ясный сокол, и княгиня-молодица просят тебя сыр крошный покушать, стакан пива, стакан браги, рюмку вина испить, усы утереть золотом-серебром, да рубль заплатить»; отец после этого принимал дары, выпивал вино, пиво и брагу, закусывал караваем и сыром, утирал усы и бороду медной монетой и, поцеловав молодых, одаривал их деньгами, которые клал на блюдо. Затем свои дары получала мать, а потом домочадцы, родственники, поезжане и все званые гости; все они отдаривались деньгами, которые молодая брала себе. Подарки, которыми одаривали присутствующих, были обычно более-менее ценными, но не слишком дорогими: дарили обычно рубашки, штаны, платки, опояски, холсты на рукава, тельники, полотенца и т.д., даже если невеста была богатой, причем каждый из подарков соответствовал «важности значения родства награждаемого лица». После раздачи подарков молодые отправлялись в куть, а хозяйка принимались накрывать обеденный стол, который начинался обычно около трех часов (смотря по продолжительности обряда раздачи подарков).

В четвертом часу отец молодого приглашал молодых и гостей садиться за стол и начиналось пиршество. Это застолье, в общем, проходило так же, как и пир накануне (с той только разницей, что гости здесь не целовали и не одаривали молодых). Столование продолжалось от четырех до шести часов; во время трапезы на стол подавали множество блюд, часто повторяли подачу пива, вина и браги, а в заключение обеда, так же, как и накануне, угощались челпаном. В конце обеда дружка говорил отцу и матери молодого: «Не нора ли молодых спать уложить?», а отец отвечал ему «Не пора»; через какое-то время дружка повторял свой вопрос, и так до трех раз, пока отец не изъявлял своего согласия. На этом столование заканчивалось: молодые, трижды поклонившись в пояс, трижды в землю и потом опять трижды в пояс, падали отцу и матери в ноги и испрашивали благословения. После этого вежливек отводил молодых спать в подклеть, причем приносил с собой рюмку вина или стакан пива, нашептывал в напиток, сплевывал в сторону и давал молодым пить, а потом, уложив их спать, удалялся. Гости между тем продолжали пирушку, а затем разъезжались по домам; оставались только вежливек и дружки. Через полчаса или час дружка, по поручению отца и матери, отправлялся в подклеть и звал молодую в избу, где она по приказанию свекрови заводила хлеб или брагу, после чего вновь отправлялась спать.

На третий день свадьбы обычно устраивался т.н. пирожный стол — столование, на котором молодая потчевала всех пирогами своего изготовления, показывая свое искусство и выражая свое желание «с новой родней водить хлеб-соль». При этом она не только стряпала пироги, но и участвовала в приготовлении других блюд. Вообще, к пирожному столу молодые готовились вместе: они рано вставали и вместе ходили за дровами и за водой (в зимнее время молодой при этом прорубал новую прорубь на реке); потом молодая растапливала печь и принималась за приготовление самых важных блюд, пирога или хлеба на яичных сочных, а также подметала в избе, выбрасывая старую солому и прочий мусор, причем домашние в это время вновь забрасывали избу соломой, испытывая терпение молодой.

В девять часов утра домашние вместе обедали за просто, без вина и особых блюд. Пирожный стол устраивался позднее, когда в дом молодого начинали собираться родные, знакомые и соседи. Всех приглашали за стол, причем молодые уже не сидели вместе с ними: молодая в это время подавала кушанья, а молодой угощал гостей разными напитками. Блюд к этому столу приготавливалось почти столько же, что и накануне: студень, щи, одно или два жарких, сыр с караваем и пироги; из питья обычно подносились брага и пиво, иногда (в более-менее зажиточных домах) и вино. При первой чарке вина гости поздравляли молодого «с молодой доброй хозяйкой, пирожной мастерицей», а отца и мать — с невесткой, «верной заменой».

Свадьба

Как и при прошлых застольях, во время этого угощения гости много пили и веселились, но число гостей в это время не было постоянным, как на предыдущих столованиях. Обычно гости приходили в течение всего дня: молодые, отпотицевав первых гостей, вновь собирали стол для вновь прибывших, потом для третьих и т.д., так что обед нередко продолжался до самого вечера. С окончанием этого застолья жизнь молодых уже становилась более обыденной: до самых хлебин они практически избавлялись от пристального внимания окружающих.

Хлебины, на которых вновь чествовали молодых, устраивались в разные сроки, но преимущественно на масленицу или Рождество. До этого времени зятю не полагалось бывать у тестя в гостях. Хлебины справляли в обоих породнившихся домах: сначала молодых звали к себе родители невесты, а затем тестя и тещу приглашали в дом жениха; при этом, когда молодые приходили в гости к тестю и теще, те, как и в день свадьбы, встречали молодых на дворе с хлебом-солью, пивом и брагой. В обоих домах все угощались обедом или ужином по-праздничному, с пивом, брагой и вином; теща при этом еще угощала зятя блинами. Происходило это угощение следующим образом: во время застолья теща подавала на стол блины на блюде, покрытые сверху еще одним блюдом и платком, а молодой снимал платок, забирал его себе, а вместо него клал деньги (копеек тридцать), после чего снимал блюдо и молодые, поцеловав тестя и тещу, начинали есть блины. При этом молодой, в доказательство своей любви к теще, по ее просьбе должен был после первых двух блинов съесть самый нижний блин, не трогая верхних блинов и не пролив масла; для этого он накрывал блины блюдом и быстро переворачивал так, чтобы нижнее блюдо оказалось сверху (по тому, как он это делал, теща судила о ловкости молодого). Все эти обряды с блинами имели особое символическое значение: платок обозначал девство невесты, а блины — саму невесту; взятие платка и раскрытие блинов символизировало сохранение невестой девства до замужества, а деньги — награду за это; целование выражало благодарность родителям за соблюдение дочери. Если молодой не был доволен своей женой, то не снимал платка и блюда, не ел блинов и не целовал тестя с тещей; впрочем, такое случалось довольно редко.

ВЕЛИКОРУССКИЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД.

Совершался он примерно следующим образом. Накануне свадьбы в дом жениха приводили мальчика шести-семи лет, который укладывал подарки для невесты (румяна, белила, духи и проч.) в особый ларчик, который жених запирает и вместе с ключом отвозит в дом невесты в тот же вечер; невеста с женихом во время этой встречи сидели в шубах или на шубах, полагая, что это будет способствовать благополучному браку.

В самый день свадьбы избранный со стороны невесты мальчик (нередко — се брат) обувал невесту в

новую обувь и продавал дружке или другим поезжанам, выступающим от имени жениха, ее косу за гривну, за полтину или за рубль, причем отчаянно торговался, стараясь получить как можно больше денег.

Когда приходило время ехать в церковь, жениха и невесту сажали рядом на соболий или другой мех, нередко — на меховую шубу, а свахи расчесывали им обоим волосы, причем обмакивали гребни в вино или медовуху, которые кто-нибудь держал рядом в ковше. Потом молодых осыпали хмелем или зерном, смешанным с деньгами (такая смесь именовалась осыпалом), а затем богоявленской свечой зажигали брачные свечи (которые бывали по иуду у богатых и полегче у менее зажиточных людей).

В церкви во время венчания молодым клали под ноги мягкую рухлядь. Священник, совершив обряд, брал посудину с хлебным вином, которую поезжане привозили с собой в церковь, и давал пить жениху и невесте три раза, причем жених при третьем разе бросал склянку с вином на пол и топтал ее ногами.

По окончании обряда венчания молодожены вместе с поезжанами приезжали в дом жениха. Жениха и невесту в дверях избы обсыпали зерном, ячменем или рожью, чтобы они жили богато. Войдя в дом, молодые целовали икону, затем мать и отца, а затем и хлеб-соль. Следом за этим начиналось свадебное пиршество. При этом жених во время всего свадебного торжества должен был держать невесту за руку, так как считалось, что в противном случае молодым может грозить неудачный брак и несогласие в супружестве.

После того как на стол подавали последнее кушанье — жаркое, дружка оборачивал блюдо с жарким, а также калач и солонку скатертью и относил все это туда, где была приготовлена брачная постель. Постель обычно стелили в пустой нетопленной хоромине, нередко в сеннике. Помещение, где устраивалась постель, убиралось особым образом: по всем четырем стенам ставили иконы, во всех четырех углах втыкали по стреле с сободем или кунницей и калачом на каждой, а на лавках по углам ставили по оловянному сосуду с медом. Брачное ложе делали «на двадцати одном сноп»: укладывали ржаные снопы или солому, а сверху стелили постель.

Молодых уводили в сенник следом за дружкой. В дверях сенника посаженный отец, сдав с рук на руки новобрачную ее мужу, давал ей советы, как жить в супружестве, и произносил нравоучение; после этого молодые заходили в сенник и подходили к своему брачному ложу, где жена тысяцкого, одетая в две шубы (одна обычным образом, а другая навыворот), осыпала их осыпалом и кормила на постели.

Как и во многих других местах, у великороссов в первую брачную ночь молодая должна была разувать своего супруга, у которого под пяткой правой ноги было несколько медных монет, а в левом сапоге плетка. Разувая мужа, молодая должна была сначала снять правый сапог и забрать себе деньги, лежащие в нем; если же она по оплошности или забывчивости бралась

Свадьба

за левый сапог, молодой, вынув из сапога плетку, ударял ее по спине.

После всех долженствующих обрядов молодых оставляли одних до утра, а утром все участники свадьбы являлись в сенник и стрелой поднимали одеяло новобрачных, чтобы узнать, сохранила ли молодая невинность до свадьбы. Если выяснялось, что молодая не была целомудренна, дружка, взяв стакан с дырой на дне, зажимал эту дыру пальцем и, наполнив стакан каким-нибудь напитком, подносил матери невесты, а когда она брала стакан, отнимал палец и напиток вытек; этот обряд выражал матери укор за то, что она не уберегла дочь.

После того, как гости выяснили, целомудренна ли была невеста, молодые вставали, и свахи вели их в баню, куда теща присылала зятю одежду; вымывшись, молодые возвращались в покои, где их кормили кашей (занималась этим обычно мать молодой). Гостей в этот день также угощали, причем молодая должна была кормить всех собравшихся овощами и разными другими кушаньями.

Свадьбы в Малороссии.

У малороссов свадьбы происходили следующим образом. Сын, достигший брачного возраста, выбирал удобный момент и объявлял своему отцу, что ему нравится такая-то девушка и что он охотно женился бы, если только она пошла бы за него. Если отец не был против его выбора, то приглашал двоих своих родственников, соседей или близких друзей, как правило, уже пожилого возраста, и сообщал им о решении сына; сын низко кланялся им и вместе с отцом просил, чтобы они приняли на себя труд сходить к родителям избранной девушки и посватать за него их дочь. Получив их согласие, он вручал каждому из них по посоху (в знак их полномочий) и давал им специально приготовленный хлеб, а затем провожал их за ворота. Таких сватов в Малороссии обычно именовали старостами.

Явившись в дом избранной девушки, старосты клали хлеб на стол и приветствовали хозяина. Хозяин приглашал их сесть и заводил разговор на какую-нибудь тему; они отвечали ему, но при этом крепко постукивали своими посохами, давая ему понять, что они пришли по делу и с нетерпением ожидают, когда же он спросит о цели их прихода. Если хозяин медлил с вопросом, они сами объяснялись с ним, причем обычно старались сделать это кратко и прямо. Хозяин выслушивал их предложение и, если оно ему нравилось, отправлялся в клеть к своей жене, сообщал ей о визите сватов и спрашивал ее мнение; затем родители призывали свою дочь и спрашивали ее, нравится ли ей жених. Если девушка была согласна на брак, родители выводили ее к сватам и она подносила каждому из них по ручнику или полотенцу на деревянной тарелке в знак того, что принимает их предложение. Старосты, приняв дары, перевязывали их через плечо и, оставив

хозяину в залог хлеб и получив взамен другой, отправлялись в дом жениха с радостной вестью.

Жених, видя возвращающихся посланников с знаком благополучных переговоров, встречал их у ворот и провожал в дом к отцу, где по общему с родителями невесты согласию назначался день свадьбы. С этого дня жених должен был ежедневно посещать невесту, а к невесте все эти дни приходили ее подруги; при этом, однако, песен в это время не пели, да и даров жених невесте не возил до самой свадьбы. Жених мог, если хотел, оставаться с невестой наедине и даже ночевать, но ему строго воспрещалось делать что-либо противное целомудрию невесты. Он также не должен был домогаться приданого девушки: ему полагалось предоставлять это на волю будущего тестя.

Сам обряд бракосочетания у малороссов назначался обычно на воскресенье. Накануне, в субботу, у невесты устраивался девичник, на который приглашались подруги невесты, которых еще называли дружками. Одна из девушек в это время назначалась на всю свадьбу «светилкою»: ее обязанностью было во время застолья сидеть в красном углу и держать на сабле, увитой калинными ветвями с ягодами, восковую свечу-тройчатку. Вечером в этот день к невесте на ужин приезжали также жених с боярами (молодыми товарищами), причем их сажали за стол напротив подруг невесты. Жених в это время раздавал подарки родителям и родственникам невесты, а дружки пели свадебные песни. После ужина обычно начинались пляски (под скрипку или другие музыкальные инструменты), которые продолжались до полуночи.

В воскресенье жених с невестой и сопровождающие их бояре и подружки отправлялись к утрени; после обедни молодых венчали, а после венца жених с боярами и с беседой (поезжанами) уезжал к себе домой, а молодая со своими подругами — в дом своего отца. У жениха бояре со светилкой, свахой, старостами и маршалками (дружками со стороны жениха) обедали, причем сваха и светилка в знак особого почета пришивали к шапкам бояр, старост и скрипача цветки из красных лент, за что получали от них денежное вознаграждение (по одной или по две копейки). После обеда родители жениха садились на шубу, положенную кверху шерстью, и держали в руках каравай хлеба. Сын кланялся в ноги сперва отцу, а потом матери и просил у них позволения ехать к невесте; родители отпускали его, благословив хлебом-солью, и молодой со всеми своими гостями отправлялся к невесте.

При приближении к дому невесты дружка и подружки отправлялись вперед, извещали родителей невесты о скором приезде жениха и клали на стол хлеб и склянку водки. Мать невесты, подарив им по ручнику, позволяла свадебному поезду въехать во двор, посреди которого заранее ставился стол, накрытый скатертью, а на нем — квашня, хлеб и посуда с водкой. Встречать жениха теща выходила в вывороченной шубе, сидя на вилах или кочерге и держа в руках горшок с водой и овсом; этот горшок она после приветствий

Свадьба

подавала зятю, а тот, не сходя с лошади, выливал его содержимое на гриву лошади и потом отдавал пустой горшок старшему боярину, который тут же бросал его в сторону (при этом считалось, что если горшок разобьется, то у молодых в скором времени родится сын, а если уцелеет — то дочь).

Как только жених сходил с лошади, брат невесты или какой-либо другой близкий и молодой ее родственник, вскочив на лошадь жениха, выезжал на улицу и скакал прочь со всей возможной скоростью. Верховые бояре гнались за ним, а настигнув, приводили обратно на двор, где дружка потчевал его вином, говоря при этом: «Прошу выкушать!», а брат невесты, не сходя с коня и не принимая чарки с вином, только кланялся. Дружка выпивал эту чарку сам, а потом наливал другую и снова подносил с теми же словами, но брат вновь отказывался от нее. Тогда дружка спрашивал: «Что тебе надобно?» — «Денег», — отвечал брат. Дружка подавал ему на тарелке несколько копеек и невестин брат, приняв деньги, выпивал вино и сходил с коня: тут его старались стегнуть прутиком, а он убежал к санным дверям и, взяв обнаженную саблю или просто палку, садился рядом с невестой.

Между тем жених со свахой и светилкой стояли в сенях за порогом. Невестина мать выходила к ним с зажженной восковой свечой и ею зажигала свечу в руках у светилки, а потом целовалась с ней через порог: после этого дружка, с позволения старосты, вводил жениха в избу, где сидела невеста со своими подругами и братом, держащим в руках саблю. Дружка спрашивал брата невесты: «Ты зачем здесь?» — «Сестру берегу». — отвечал он; «Она не твоя, а наша», — говорил дружка, а брат отвечал: «А если она ваша, то заплати за нее то, что я на нее употребил». «А что ты на нее употребил?» — спрашивал дружка; «Весьма много», — отвечал брат, — а именно: в пятнадцать лет пребывания ее в нашем доме она съела и выпила пять бочек бураков (свеклы), три бочки капусты, четыре вола (быка), шесть кабанов (откормленных баранов), десять овец, сто гусей, двести кур, семьдесят пять уток, двадцать кулей хлеба, пять бочек пива, две бочки меду, пять бочек горелки и прочее». Выслушав все это, дружка вынимал из кармана две или три копейки и, положив их на деревянную тарелку, на которой уже стояла налитая чарка вина, подносил ее брату, а тот начинал торговаться, пока не получал пять или десять копеек. Получив желаемое, он выходил из-за стола, а на его место садился жених, до того времени безмолвно стоявший посреди комнаты и наблюдавший за торговлей.

И жених, и невеста в это время бывали одеты особым образом. Невеста обычно надевала шитую узорами белую холстинную сорочку, поверх нее — пеструю шерстяную плаху (юбку), красную запаску (передник, фартук), поверх всего этого — суконный смурый или белый кафтан; на шее у нее были красные монисты (несколько корольковых ниток) и медный или серебряный крест, на руках кольца, а на ногах — козловые,

красные с железными подковками или высокими ободками сапоги, подбитые гвоздями; волосы у нее были заплетены в две косы и украшены шелковыми разноцветными лентами с висящими по спине длинными концами. Костюм жениха составляли суконный смурый кафтан, того же цвета шаровары, шерстяной пестрый пояс, суконная с окольшком из черной овчины шапка и сапоги, обильно смазанные смальцем (салом) или дегтем (в одном сапоге при этом лежала медная или серебряная монета); на руке он носил перстень или кольцо, а кафтан его был украшен красным кушаком, за который затыкался красивый шитый платок.

После купли невесты как новобрачные, так и поезжане садились за стол; затем отец и мать, а также родственники невесты выходили к гостям со стаканами, полными вина, и потчевали молодых и всю беседу. Потом дружка испрашивал позволения у старосты на раздачу подарков отцу, матери, родственникам и подружкам молодой, а затем начиналось одаривание: отцу вручался хлеб, матери — сапоги, родственникам — хлеба и платки, а подружкам невесты — по горсти орехов и по два бублика или кренделя. После этого жених с невестой одаривали родственников и друзей жениха: родственники получали в подарок хлеба и платки, а бояре — шитые или тканые платки. Потом дружка просил у старосты или посаженного отца позволения устроить пляски на дворе; получив позволение после трехкратного прошения, гости и молодые начинали плясать под звуки скрипки до самого обеда, к которому являлись также с позволения старосты или посаженного отца.

Стол в это время устраивался особым образом. Он покрывался поверх килима (ковра) скатертью; на него ставились деревянные белые или красные тарелки и ложки с несколькими ножами, но без вилок. Перед женихом и невестой ставили одну тарелку, клали крестообразно две ложки и целый ржаной, осыпанный солью хлеб. Посреди стола клался кулич (каравай), который крестообразно накрывали двумя утиральниками с вышитыми по концам красными бумажными нитями узорами и в который втыкали еловую ветку. Позади новобрачных, в углу под иконами, ставилась сабля с зажженными восковыми свечами — принадлежность светилки.

Как только на стол подавалось первое кушанье, состоявшее обычно из лапши со свиной и курицей, отец и мать невесты потчевали гостей вином и сами пили за здоровье молодых, которые весь обед ничего не ели и не пили. Поддача вина, пива или браги повторялась и при других блюдах: борще, жарком и пр. В продолжение обеда невестина сестра или другая родственница, сняв с жениха шапку, пришивала к ней сделанный из розовой ленты цветок, причем сопровождала работу приличествующей песней; в награду она потом получала несколько копеек. Перед концом обеда дружка, по благословению старосты, прочитав «Отче наш» и сняв с кулича ручки, брал один из них себе, а другой отдавал подружкам. Потом, повязав себе ручник через

Свадьба

плечо, дружка разрезал кулич на части и раздавал куски всем присутствующим за столом, причем каждый, получив кусок, должен был дать за него какую-нибудь мелкую монету «на разживу новобрачной». После обеда вновь начинались пляски, которые и продолжались до вечера.

В сумерки все собирались в избе и приступали к ужину, который проходил примерно так же, как и обед. После ужина подруги невесты, простясь с нею и откланявшись всей беседе, расходились по домам, получив перед этим в подарок по горсти орехов и по несколько бубликов; старшую подругу при этом с песнями, плясками и музыкой бояре провожали до самого двора. Когда подруги, а за ними и бояре удалялись, для молодых собирали ужин в особом уединенном месте (иногда — и в чулане), а пока они ели, дружки и свахи собирали невестино приданое и укладывали в повозку (телегу или сани — смотря по времени года); затем невесту со светилкой и свахой усаживали в ту же повозку, жених с боярами садились на коней и все они отправлялись в дом жениха. При самом отъезде в дом жениха в воротах зажигался обычно куль соломы, и через этот огонь проезжала повозка невесты и все следующие за ней: жених, бояре и пр. Жених ехал по правую сторону от повозки; вскоре после отъезда из дома тестя он несколько раз ударял новобрачную плетью по спине, приговаривая: «Покидай нравы отца и матери, а привыкай к моим».

Прибыв в дом жениха, новобрачные и все поезжане входили в избу; молодые кланялись отцу и матери, а затем все снова садились за стол ужинать, причем расаживались в том же порядке, что и в доме невесты. После ужина дружка со свахой и родственниками вводили новобрачных в подклеть, где и оставляли их одних. Невеста разувала жениха и брала деньги из его сапога себе, а муж в это время бил ее голенищем по спине; после этого они раздевались и ложились на приготовленную для них постель — постланную на полу солому, покрытую килимом (ковром) или войлоком вместо одеяла.

По прошествии какого-то времени молодой призывал к себе дружку и объявлял ему, что его жена сохранила девство до свадьбы (если, конечно, она оказалась невинна); дружка объявлял это всей беседе и предъявлял доказательство — сорочку невесты (молодой в это время подавали другую сорочку). После этого начиналось веселье, пляски и песни; потом гости жениха отправлялись в дом родителей невесты и там били посуду и окна, ломали столы и лавки, причем родители не обижались на них, а наоборот, награждали полотенцами и платками за радостную весть о благополучии дочери. Получив подарки, гости возвращались в дом жениха и там шумно проводили время до самого рассвета.

Рано поутру к новобрачной приходил старший боярин, который, взяв у нее красную запаску (передник), выставлял его высоко на шесте, как флаг, над домом молодого в знак целомудрия молодой. Потом дружки,

свахи, бояре, родственники, соседи и прочие гости, собравшиеся на свадьбу, под предводительством дружки отправлялись в дом старшей подруги новобрачной и ставили на стол хлеб и посуду с водкой, а та, со своей стороны, выставляла на стол различные кушанья и потчевала посетителей. Поев и выпив, гости выходили на двор и там пели и плясали. То же повторялось и у всех остальных подруг невесты.

Отпраздновав у всех по порядку, гости возвращались в дом жениха и просили у отца позволения вести молодых в церковь. Отец давал позволение и надевал на молодую кибалку (наметку); затем все отправлялись в церковь. Достигнув церкви, сопровождающие (дружка, поддружий и пр.) оставляли молодых на цвентаре (перед церковью) и все без исключения с песнями шли в дом священника, где, поставив на стол хлеб и водку, просили священника, чтобы он ввел молодых в церковь. Священник, получив надлежащую плату, принимал их прошение и вводил молодых в церковь, читал молитву, благословлял новобрачных и надевал на голову молодой серпанку (фату), а потом, окропив жениха и невесту святой водой, отпускал их с миром.

Из церкви гости и новобрачные возвращались в дом жениха, где молодых сажали за стол; туда же являлся и свекор, который, тыча невесте палкой в глаза, спрашивал: «Не слепа ли она?», — а потом снимал с нес серпанок и потчевал ее вином. Затем дружка угощал молодых хлебом, намазанным сотовым медом, а потом потчевал тем же и всех гостей.

После обеда все (как и прежде, с позволения старосты) выходили на двор, где устраивали песни и пляски, которые начинал дружка. Старший боярин, положив на тарелку несколько монет и поставив чарку вина, подносил все это молодой, которая, взяв деньги и выпив вино, начинала с ним плясать; таким же образом она плясала и со всеми остальными гостями. По окончании плясок гости, войдя в избу, садились за стол, а родители жениха потчевали их. Потом дружка, испросив благословение старосты и прочитав «Отче наш», разрезал кулич и подносил куски отцу и матери, а затем родственникам и всем гостям, которые в ответ отдаривались скотом, птицей и различными предметами, необходимыми в хозяйстве; все это поступало молодым «для обзаведения хозяйством».

По окончании угощения дружка брал стульни (пирог без начинки, лепешки) и вареную курицу, обкладывая ее ветвистой калиной и красными бумажными нитями, а затем вместе с молодыми и всей свадебной беседой под песни и музыку отправлялся к тестю. По прибытии он ставил курицу и пироги на стол, а теща и теща принимались угощать зятя и всех его сопровождающих всякими яствами. Дружка в это время, разрезав курицу, подавал тестю пару пирогов и куриную головку, теще — столько же пирогов и гузку (заднюю часть курицы), а прочим гостям — по ломтю пирога и по куску курицы. После этого теща вместе со

Свадьба

всеми гостями отправлялась к отцу ее зятя, где все, поужинав, веселились потом всю ночь.

Во вторник все гости, исключая только бояр и подруг невесты, собирались в гости к обоим сватам и, ходя компаниями из дома в дом, потчевали друг друга кушаньями и шумно веселились. Само свадебное пиrowание продолжалось обычно около недели.

БЕЛОРУССКИЕ СВАДЬБЫ.

Свадьбы в Белоруссии проходили, в общем, примерно так же, как и в Малороссии. Как и во многих других местах, деревенских ребят там женили очень рано — «как только подойдут законные года». парень, выбрав себе невесту, накупал подарков и сватался к иен. Если он получал согласие, то обе семьи по взаимному соглашению назначали день для свадьбы. В день этого сговора, в день помолвки, во многих местах принято было устраивать «лапшей», когда всех гостей угощали лапшой, т.е. похлебкой с вареным накрошенным тестом; при этом женщины подносили лапшу мужчинам, а мужья потчевали той же лапшой женщин.

Когда наступал день свадьбы, мужчины собирались в доме жениха, а женщины замешивали из кислого теста каравай и пели в это время свадебные песни. Изготовив хлеб, они заставляли мужчину вымести веником печь и посадить в нее каравай, т.е. проделать обычную «бабью работу», а сами в это время пели особые обрядовые песни. Тот, кто сажал каравай, поднимал правую ногу и три раза бил сапогом в край печи, чтобы принудить ее хорошенько испечь хлеб, — иначе, по поверью, «нехорошо будет молодым». Женщины в это время подхватывали и поднимали дежу, в которой замешивали хлеб, к самому потолку. Затем мужика, сажавшего каравай в печь, повязывали утиральником (полотенцем), чтобы он походил на бабу и смог обмануть печь, после чего усаживали его в задний угол, чтобы каравай не разошелся.

После того, как каравай «поспел» и его вынули из печи, жених брал его, садился на лошадь и отправлялся за невестой; его сопровождал сват с белой перевязью через плечо, едущий впереди. Каравай во время этого путешествия лежал на веке, т.е. на круглой доске, которой хозяйки прикрывали квашню. У дома молодой жениха встречала невеста и ее мать (теща), обе в полусубках наизнанку, шерстью вверх; теща при этом держала в руках ковш, который молодой забирал у нее, лил воду и бросал ковш через голову, после чего сходил с лошади и подавал каравай. Каравай этот всякий из присутствующих обязан был поднять и сказать: «Наше выше».

Молодым соединяли руки, вместе поворачивали их три раза, затем вводили в избу и усаживали. Невесте снимали с головы девичий косник и давали ей в руки черную барашковую шапку, которую она, два раза бросив на пол, надевала; женщины при этом голосили. Потом молодых выводили во двор, сажали на телегу, покрывали обоих полусубком шерстью вверх и везли в

церковь, а потом в дом жениха. Молодая, выезжая из отцовского дома, бросала через голову каравай или пирог, который потом поднимался, и невеста, подъезжая к женихову дому, снова бросала его, но уже впереди себя — в знак того, что о старом доме будет «хранить память и любовь», а в новом «думает заводить любовь вновь». В воротах женихова дома молодые встречали зажженная солома и мать жениха, также одетая в вывернутую шубу; она подавала невестке руку, а молодая ступала на квашню, а с нее на холст, по которому и входила в избу, где снимала шапку и повязывала бабий убор, называемый наметкой.

На следующий день молодой вновь отправлялся в дом к тестю — звать родителей невесты «делить каравай». Когда каравай делили, новобрачных подводили к колодцу и обливали их ноги водой — «для честного житья». После этого молодой брал посуду и передавал ее жене, а она должна была набрать воды, принести ее в избу и полить на руки тестю и теще, чтобы они вымыли руки, затем подать им полотенце, а остальную воду вылить на скамейку и вытереть. Все это были знаки покорности молодой и готовности ее к будущим занятиям в доме мужа. После этого молодая должна была испечь хлеб из ржаной муки; при этом, приготовив тесто, она клала на крышку квашни деньги и пирог, а потом оставляла пирог и деньги у того колодца, где ей поливали ноги водой.

МОРДОВСКИЕ И ЧУВАШСКИЕ СВАДЬБЫ.

В древности, когда в этих местах отец желал женить своего сына, то сперва сам выбирал подходящую невесту, а затем посылал к отцу избранной девушки каких-нибудь посторонних людей (соседей и пр.), чтобы узнать у него, не желает ли он выдать свою дочь замуж за такого-то парня. Если ответ был благоприятным, родители жениха и невесты договаривались между собой о калыме (выкупе) и о том, у кого будет первое свадебное пиршество, какие блюда будут подаваться на нем и т.д. Калым обычно назначался, смотря по состоянию жениха. Жениху и невесте объявляли о свадьбе обычно только в день бракосочетания.

В назначенный для свадьбы день родители жениха приезжали в дом невесты, которую к тому времени должным образом наряжали. Само заключение брака состояло в том, что отец, взяв свою дочь за руку, вручал ее свекру; мать невесты в это время подавала свекрови хлеб и соль. Невеста, поблагодарив своих родителей за труды и хлопоты по ее воспитанию и поплавав о родительском доме и покидаемых родственниках, покрывалась белым холстом до пояса, и в таком виде ее брат выводил ее из отеческого дома и подводил к саням или телеге; прочая родня невесты, проводив ее до половины дороги и встретив родню женихову, возвращалась обратно (на брачном пиру родня с невестинной стороны не присутствовала).

Как только невесту привозили в дом жениха, женихов брат или ближайший родственник, взяв невесту за

Свадьба

руку, вводил ее в избу и сажал за стол. Потом звали жениха, который, нахлобучив шапку, садился рядом с невестой. Отец жениха, при собрании всех родственников и других гостей, взяв поставленный на столе пирог аршина в полтора, концом его поднимал покрывало у невесты со словами: «Вот тебе свет! Будь счастлива к хлебу, животу и размножению семьи». В это время невеста в первый раз видела своего жениха, а жених — свою будущую жену. После этого отец жениха, в зависимости от того, который из его сыновей женился, менял имя невесты, называя ее Мезява (большая, жена старшего сына), Сернява (средняя, жена среднего сына), Вежава (меньшая, жена младшего сына) и т.д. После этого обряда начиналось застолье и веселье.

Подобные мордовские и чувашские свадьбы являлись языческими. Со временем, с принятием христианства, они сильно изменились и стали походить на свадьбы малороссов и пр., хотя имели, конечно, и свои особенности.

Так, например, мордовская невеста в день свадьбы надевала красное платье или кумашник и красную рубашку, а также красные сапожки; на всех пальцах обеих рук у нее были разноцветные перстни с подвешенными к ним небольшими цепочками с серебряными или медными монетками на концах. Голову невесты прикрывали красной фатой так, чтобы закрыть ее лицо. Затем перед невестой ставили скамейку, а на нее клали хлеб, соль и ставили ведро пива. Возле невесты садился пожилой мужчина с иконой, перед которой мальчик держал свечу. Все родственники невесты подходили к ней по одному, наклоняли головы под ее фату, а она оплакивала свое расставание с ними; кто-нибудь в продолжение всего этого обряда играл на гудке, а все прочие присутствующие приплясывали и пели: «Вой! вой!» При этом все угощались пивом или медом, и многие даже напивались допьяна. Из посторонних гостей во время этого обряда присутствовали только два дружки и сваха; сваха и один дружка при этом подносили напитки, а другой дружка безмолвно стоял перед невестой и держал в правой руке обнаженную саблю, которой время от времени взмахивал и ударял в потолок или матицу. Пока невеста оплакивала своих сродников, возле печки на столе клали ее постель и все приданое, на которые садилась невестина сестра или подруга; это приданое потом должен был выкупить дружка.

После того, как невеста заканчивала оплакивать родственников, начиналось церемониальное шествие к венцу. Первым шел дружка с саблей, потом невестина мать или бабушка со свечой, а за ней отец или ближайший родственник с иконой. Следом за ними волокли невесту: она всячески демонстрировала, что не хочет покидать родимый дом, и всеми силами препятствовала выходу из избы, хватаясь то за матицу, то за дверной косяк, то за скобу, в то время как все окружающие старались вывести ее на двор и даже нередко несли ее, держа кто за пояс, кто за руки и за ноги. Когда ее наконец

выносили во двор, дружка, вооруженный саблей, кричал, чтобы все зрители стояли рядом и чтобы никто не выходил навстречу невесте, так как это дурной знак. Двери избы между тем запирали и никого оттуда не выпускали, пока не усаживали невесту в повозку и не покрывали ее белой скатертью с бахромой.

После этого свадебный поезд отправлялся со двора в таком порядке: сперва ехал отец или брат жениха, потом невеста со свахой и дружкой в одной повозке, затем подруги невесты и все прочие. Эта свита, однако, провожала невесту только до половины дороги, а оттуда и до самой церкви ее сопровождал уже поезд жениха. Сам жених дожидался невесту у церкви.

После венчания все отправлялись в дом жениха. Жених ехал впереди всех, за ним — невеста, а следом и весь поезд. Прибыв домой, жених вел невесту в избу, причем молодые входили не сразу, а сперва оба становили одну ногу на порог избы, в то время как кто-нибудь ставил горячую сковороду с жмелем на ногу сперва жениху, а потом невесте. Жених сбрасывал сковороду ногой, потом то же делала и невеста, и за этим тщательно наблюдали все домашние, которые по этому обряду судили о будущем новобрачных: так, считалось, что чем дальше сковорода отлетит от ноги невесты, тем она будет сердитее и сварливее, а чем ближе, тем смирнее и добрее; сковорода, упавшая вверх дном, сулила несчастный брак, тогда как сковорода, упавшая дном книзу — брак благополучный и счастливый.

После этого обряда жених и невеста уже входили в избу и садились за стол; за ними следовали все гости, и начиналось пиршество (на котором, как и в языческие времена, не было никого из родни невесты). При этом перед пиршеством невеста убирала голову по-девичьи и ходила так до того времени, пока не встречалась с отцом и матерью или вообще с тем, кто ее выдавал замуж; только после этого она снимала все девичьи украшения и начинала убирать голову, как замужняя женщина.

У некоторых мордовцев существовал еще обычай раздавать крутую кашу всем, сбежавшимся посмотреть на свадьбу и молодым; раздавали обычно по чумичке на человека, кому в шапку, кому в полу, а кому и за пазуху.

Чувашские свадьбы были, в общем, схожи с мордовскими. Жених там, как и в Мордовии, должен был заплатить родителям невесты выкуп за нее, причем выкуп этот — калым — обсуждался особо; при этом, впрочем, приданое невесты обычно бывало соразмерно с калымом (оно состояло обычно из скота, домашней утвари и одежды), поэтому жених ничего не терял. После торга жених с родителями приезжал к невесте, предоставлял договорную сумму денег и дарил новым родственникам рубахи, платки или холсты, а также — для благополучия — пшеничный хлеб и небольшое количество меда-сырца, которые он подносил, держа в руках, против солнца и с молитвой. В этот же день устраивалась веселая пирушка, после которой семьи договаривались о дне бракосочетания.

Сварга

В день свадьбы невеста садилась с закрытым лицом в гостевой избе за загородкой; через некоторое время она выходила во двор и ходила вокруг избы с печальным лицом, а ее подруги носили перед ней пиво, хлеб и мед-сырец. Таким образом невеста обходила вокруг избы три раза, а затем жених, сорвав с нее покрывало, целовал ее и обменивался с ней кольцами. С этого времени невеста считалась обрученной. После этого обряда она, угостивши гостей хлебом, пивом и медом, вновь уходила за перегородку, где женщины, сняв с нее худую девичью шапку, надевали бабью, поновее, называемую «хуциу».

Свадьбу играли по большей части у жениховых родителей, причем гости со своей стороны никогда не приходили на свадьбу без съестного и напитков; в некоторых местах существовал даже обычай, согласно которому гости, придя на свадьбу, непременно клали какую-нибудь сумму денег на поставленный на столе хлеб с воткнутой в него стрелой — «на разавод молодых».

Как и у многих других народов, чувашская невеста в свою первую брачную ночь должна была разувать своего жениха. На следующий день гости выясняли, сохранила ли молодая свое девство до свадьбы, и если не сохранила, то ее стыдили стаканом с продырявленным дном (как у великороссов); впрочем, все это, как правило, кончалось смехом, без неприятных для молодой последствий. В первый день после свадьбы молодая принимала гостей как хозяйка, и день этот проходил в песнях и плясках под музыку, обычно даже веселее, чем самый день бракосочетания.

Сварга — см. **Вырий**.

СВАРОГ («небесный») — небесный бог, отчасти соответствующий греческому Гефесту и Зевсу; бог небесного огня, олицетворение неба и Вселенной, податель культурных благ; мужская половина, ипостась Рода; «бог-отец»; уподобляемый христианскому боготворцу Саваофу, отец Дажьбога и огня-Сварожича; небесный кузнец, победитель Змея. Род-Святovit-Сварог, до выдвижения на первое место Перуна, был главным, всеобъемлющим божеством отдаленных предков славян.

Согласно некоторым легендам, отцом Сварога был Род, вдохнувший в сына свой могучий дух. Сварог сотворил землю, создал Вырий-Сваргу и подземный мир. Ударив по Алатырь-камню (солнцу) своим молотом, Сварог создал светлые силы, небесное воинство; от искр, высеченных из камня, родился и огонь-Сварожич. С помощью кузнечных клещей Сварог запряг Змея, воплощение нечисти и зла, в плуг и провел по земле глубокие борозды, отчего образовались великие реки (Дон, Дунай и Днепр) и Змиевы валы; после этого Сварог низверг Змея и всю темную силу в Пекло, в подземный мир.

Сварог населил землю и создал первых людей из камня, а затем дал им законы (установил законы

моногамной семьи: «закон уставити женам за один муж посягати... а иже прелюбы деючи, казнити повелевайте, сего ради ирозваше») и научил их земледелию и кузнечному ремеслу, послав людям на землю плуг и кузнечные клещи, после чего люди стали пахать землю и «нача ковати оружие, преже бо того палицами и камением бивахуся»). Его считали первым князем славян, а вторым — его сына Дажьбога («и посем царствова сын его, именем Солнце, его же наричють Дажьбог... Солнце царь сынъ Свароговъ еже есть Дажьбогъ...»)

Этимология имени Сварога не вполне ясна, по чаще всего его связывают с санскр. *Svarṣa* — «небо» (слово, употреблявшееся и в смысле солнца). По-видимому, некогда ему посвящались празднества весенне-летнего цикла, отмечавшие «свадьбу земли и неба (огня и воды)». Славяне верили, что Сварог-небо, воплощавший в себе мужское начало, должен оплодотворить землю дождем, и только тогда она сможет «зачать» и «родить». Позднее та же функция оплодотворяющего божества была присвоена богу-громовнику Перуну

Ко времени принятия славянами христианства культ Сварога, как и культ Рода, уже несколько отошел на задний план, хотя и не исчез совсем; его просто отгеснил культ громовника Перуна. После крещения же Руси Сварог, как покровитель кузнечного дела, постепенно вытеснился христианскими святыми Кузьмой и Демьяном. В византийской традиции святые братья Косма и Дамиан не были связаны с кузнечным делом, но на Руси народ связал по созвучию имя Кузьма со словом кузнь, и таким образом Кузьма стал кузнецом, а так как кузнецы обычно работают в паре (мастер и подручный), то Демьян, брат Кузьмы, тоже оказался кузнецом. На тот факт, что под именами Кузьмы и Демьяна почитался Сварог, указывает, возможно, слияние в народном сознании имен святых братьев в одно — Кузьмодемьян. Кузьмодемьян являлся божественным кузнецом и покровителем брака; на Украине говорили: «Кузьма-Дем'ян, кажуть старі люди, що він був первий чоловік у Бога як світ отінявся». Нередко Кузьмодемьяну приписывались и все те культурные подвиги, которые совершил Сварог

Световит — см. **Святovit**.

Светлое Христово Воскресение — см. **Пасха**.

Световид — см. **Святovit**.

СВЯТКИ, коляды — один из самых больших, шумных и веселых многодневных народных праздников. Они приходились как раз на то время, когда все земледельческое население, обмолив хлеб и покончив со всеми работами, предавалось отдыху. Святки на Руси (да и вообще у всех славянских народов) сопровождался множеством обычаев, обрядов, поверий, примет, гаданий и т.д., в которых языческие мотивы тесно смешивались с христианскими воспоминаниями о Спасителе мира. Так, к языческим обрядам относились практически все святочные гадания, игры,

наряды и проч.; к дохристианским же временам принадлежал, судя по всему, и обычай колядовать, однако при этом само слово «святки» говорило о святости этих дней, освященных столь важным для христиан событием — Рождеством Спасителя.

Под святками славянские народы понимали две недели зимних праздников, начинающихся с Рождества и заканчивающихся Крещением, т.е. приходившихся на время с 25 декабря по 5 января ст.ст. (при этом, однако, в Малороссии, Польше, Белоруссии под именем святок (Swiatki) были известны как праздники, приуроченные к Рождеству и Новому году, так и праздники Троицкого периода — Зеленые святки). В древности на этот период падало сразу несколько знаменательных дат: зимний солнцеворот, Васильев день (делящий святки пополам) и, конечно, Рождество Христово и Крещение. Весь этот святочный цикл связанных между собой праздников нередко именовался в народе «колядой»; при этом рождественский сочельник (а иногда — Васильевский вечер) называли «первой (или богатой) колядой», а крещенский — «другой (или второй, бедной, постной) колядой». А так как обязательным обрядовым блюдом святочного периода являлась кутья, в некоторых местах канун Рождества мог именоваться также «первая кутья», канун Васильева дня (Нового года) — «другая (вторая) кутья», а крещенский сочельник — «третья кутья».

Со святками, как со святым, праздничным временем года, связывались в народе различные запреты, многие из которых были традиционными для всех праздников вообще (например, запрет на работу). Так, во время святок (и особенно в сочельник, а также с наступлением темноты) запрещалось работать; любая работа в это время считалась грехом, за которым могло последовать наказание свыше — град, неурожай, болезни и т.д. Прядение на святках, по народному убеждению, могло обернуться нападением на скот волков, неурожаем и градом (при этом во многих местах гребень и другие ткацкие инструменты на святки вообще выносили из дома, полагая, что это защищает скот от болезней, а людей от змей); в некоторых местах на святки даже не рубили дрова и не брали в руки топор, чтобы летом не было града.

Святки (особенно вторая их половина, именуемая в народе «страшными вечерами», «погаными» и «нечистыми» днями, «кривыми» неделями и т.д.) повсеместно считались временем особого разгула нечистой силы и появления на земле душ умерших; вероятно, эти поверья были связаны с представлением о святках как о границе, промежуточном периоде между старым и новым годом. Очевидно, свою роль сыграло и то, что именно на время святок приходились некогда языческие празднества, посвященные Велесу — «скотьему богу». Кроме того, появление на земле сверхъестественных, потусторонних существ нередко объясняли и тем, что на Рождество Бог, радуясь рож-

рождению сына, выпускает из «кинога» мира покойников и

нечистую силу «гулять по белу свету», и они остаются на земле до самого Крещения.

Так, повсеместно считалось, что на святки души предков посещают свои дома, поэтому в это время специально для умерших готовили поминальную пищу (обрядовый хлеб, кутью, блины), оставляли на столе остатки ужина, а также жгли костры у ворот, полагая, что усопшие родители прилетают к ним обогреться. Во многих местах верили, что на святки можно увидеть умершего последним членом семьи, ужинающего с живыми, если заглянуть в дом из сеней через дверную щель во время рождественского ужина; кроме того, в некоторых местах полагали, что если на святках заглянуть в «устье» печи, то можно увидеть своего покойного отца.

В связи с присутствием на земле в святочный период обитателей потустороннего мира, особое значение приобретала общесемейная трапеза. На святках обычно готовили нечетное количество блюд; обязательной обрядовой едой в это время считали блины и овсяный кисель, а также кутью — круто сваренную кашу из ячменной или пшеничной крупы, нередко разбавленную медом. Ужин начинали с молитвы и поминовения умерших родственников; при этом в некоторых местах на стол выкладывали столько лишних ложек, сколько членов семьи было похоронено за истекший год. Во многих местах перед ужином или в момент подачи на стол кутьи хозяин или старший в доме выходил на порог дома и приглашал умерших родственников (или иных мифологических персонажей — «тучу», «мороза», «волка», «ветер» и т.д.) к праздничному ужину. Во время самого ужина совершался обряд «кормления душ»: для «дзядов» откладывали в специальную миску понемногу от каждого блюда (или первую ложку от кутьи, первый испеченный блин); бросали пищу в углы дома, за окно, в печь; оставляли на ночь остатки пищи и посуду на столе и т.д. Все эти обряды могли проводиться в различные дни святочного периода, хотя чаще всего приурочивались к Новому году или рождественскому сочельнику.

Особые обряды были связаны и с последним днем святочного периода, когда все сверхъестественные существа должны были покинуть землю. Так, например, считалось, что после святок «дзяды» возвращаются обратно в потусторонний мир, поэтому в последние дни святок (обычно на Крещение) их с особыми обрядами «проводжали» из дома. В это же время устраивались и проводы других сверхъестественных существ — нечистой силы, а также «старого года», «кутьи», «коляды» и т.п.; однако их, в отличие от «дзядов», не проводжали с почтением, а изгоняли. Так, например, в Крещенский сочельник после ужина во многих местах «прогоняли кутью» выстрелами во дворе, ударами палкой в ворота и двери дома; в русских селах парни скакали верхом на конях вдоль села и с громкими криками били метлами и кнутами по углам и заборам, «изгоняя святки» и т.д. Нечистую силу обычно изгоняли

СВЯТКИ

схожим образом, но также нередко использовали и другие способы, прибегая к помощи молебнов, креста и пр.: так, например, повсеместно принято было на Крещение устраивать водосвятие, освящение воды в прорубях для того, чтобы изгнать из рек и озер всех находящихся там нечистых духов.

Как «переломное», пограничное время года, время особой активности нечистой силы и появления на земле существ с «того» света, а также время «поворота зимы на лето» и т.д., святки повсеместно считались самым подходящим временем для гаданий и свершения обрядов, связанных с урожаем, а также благополучием всей семьи. Во многих местах при этом гадали по различным приметам: так, например, во многих местах верили, что если на святки много звезд на небе или часто идет снег, на деревьях много инея, то год будет урожайным (и не только на хлеб, но и на ягоды и пр.), а у скота будет богатый приплод. Ясные дни в рождественский пост также обещали хороший урожай. «Темные святки» (облачность в ночь под Рождество), сулили большие удои молока в наступающем году. Во многих местах об удаче или неудаче в жизни и хозяйстве гадали по первому посетителю либо по рождественскому полену бадняку.

Вообще, обрядов, определяющих, по народному убеждению, благополучие хозяев на весь будущий год, было известно немало; они проводились в течение всего святочного периода, хотя, по большей части, были приурочены к трем главным праздничным дням святков. Так, на святках (обычно на Рождество и в Новый год) в дом вносили свежую воду и умывались ею для здоровья; ставили в красный угол первый сноп; устилали пол свежей соломой и т.д. Кроме того, на святки «прятались за пирогами», чтобы обеспечить урожайный год; обсыпали большаков в семье зерном; обвязывали соломенными «перевяслами» фруктовые деревья, чтобы они хорошо родили; кормили кутьей домашнюю птицу, окружив ее поясом, чтобы она «держалась своего двора»; обильно кормили скот, в том числе и обрядовым хлебом; «будили» коров и пчел, поздравляя их с праздником, и т.д. На Рождество или на Новый год повсеместно устраивали также сытное праздничное застолье, которое должно было обеспечить изобилие продуктов на весь будущий год; к святкам, и уж непременно к Новому году, старались избавиться от всех долгов и болезней, чтобы в будущем году быть здоровым и преуспевать в делах, и т.д.

Помимо этого, для святочных праздников были характерны очистительные обряды: подметание в доме и выбрасывание святочного мусора в пустынные места подалеже от дома; сожжение рождественской соломы или разведение костров; окуривание или окропление водой хозяйственных построек; надписывание освященным мелком крестов на дверях и воротах и т.п. На святки (чаще всего — на Новый год) во многих местах производили «обновление огня»: гасили в домах все огни и зажигали новые от «живого огня».

При этом собственно святки (коляды) с давних времен делились на две половины: первая (включая новогоднюю ночь с 31 декабря на 1 января) была посвящена гаданиям о судьбе, будущем урожае и благополучии семьи, а вторая (начиная с новогодней ночи) была связана со скотом и зверьем и была отмечена особым разгулом нечисти. В древности эта часть святков представляла собой разгульные «велесовы дни», когда рядились в медведей, туров, волков и т.д. При христианстве характер празднования святков, естественно, изменился, но сохранил многие языческие черты; так, например, сохранился обычай рядиться на святки в животных, а также в различных мифологических персонажах: в «оборотней», «кудесников», «волкодлаков», «страшилищ», «покойников», «кикимор», «стариков» и т.д. Подобное ряжение почиталось благочестивыми людьми за грех, однако обычай рядиться в маски на святки сохранялся долгое время во многих местах (хотя при этом нередко делались некоторые уступки христианским воззрениям: так, во многих местах рядились только парни, но ни в коем случае не девушки, а кроме того, все ряженные обязаны были после «очищаться», т.е. купаться в проруби в день Богоявления). Так, ряженные повсеместно участвовали в игрищах, разыгрывали различные сценки и т.д.; кроме того, они обязательно принимали участие в колядовании, обрядовых обходах и т.п.

Участники святочных колядных обходов воспринимались народом как священные гости, посланники с неба; их одаривали обрядовой пищей, предназначавшейся обычно для духов. Колядующие ходили по домам в вечернее время и ночью специально для того, чтобы получить от хозяев обрядовую пищу и высказать благопожелания, облаченные в форму колядных песен и приговоров; при этом считалось, что благосостояние семьи в текущем году напрямую зависит от одаривания колядующих. Если хозяева отказывались наградить ряженных, те могли даже прибегнуть к угрозам, обещая скупым людям неудожай и различные беды; если же угощение было щедрым, колядующие сулили хозяевам всяческие блага, большой приплод скота и т.п. (при этом считалось, что пожелания колядующих, плохие или хорошие, непременно сбудутся, поэтому крестьяне обычно старались встретить их как можно лучше).

Таким образом, святки были важным временем в жизни всей семьи; однако при этом в народе они считались преимущественно молодежным праздником, и центром всего праздника служили всевозможные затеи юношей и девушек. В это время принято было устраивать шумные веселые гульбища и игрища, собираться на посиделки, гадать и т.д.; это время было порой забав и развлечений всех людей, но особенно еще неженатой молодежи. К празднику святков готовились едва ли не за целый месяц: девушки шили себе наряды, парни готовили маскарадные костюмы и выбирали «жировую» избу, и т.д.

Центр девичьих развлечений в святочное время составляли всевозможные гадания о судьбе и замужестве.

СВЯТКИ

Вообще большая часть девичьих гаданий приходилась именно на святки, время особой активности нечистой силы, а также время «перелома года»: в это время все молодые незамужние девицы стремились узнать, хоть бы и с помощью нечистой силы, о том, состоится ли в грядущем году их замужество, красивым, богатым п добрым ли окажется муж, и т.д. Об этих святочных гаданиях в народе ходило множество рассказов, быличек, поверий и т.д.; практически в каждом, даже самом маленьком поселении находились люди (по большей части старухи и пожилые женщины), которые на посиделках рассказывали о случившихся во время таких гаданий с ними или с подругами страшных происшествий. Объяснялось это тем, что гадания повсюду считались делом нечистым и очень опасным: во время гадания человек сознательно входил в контакт с нечистой силой, чертями, именно в святочный период до самого Крещения находящиеся в состоянии особой активности и свободно расхаживающих по земле. А при таком близком контакте с нечистыми духами любая, даже самая маленькая оплошность, могла обернуться непоправимой бедой: человек мог оказаться во власти чертей и испытать на себе их пагубное воздействие. Так, например, множество быличек рассказывает о том, как гадающие по рассеянности забыли очертить кругом, способным оградить от нечистой силы, и злые духи, призванные во время гадания, довели их до гибели. При этом иногда гадающие оказывались во власти нечистой силы, даже соблюдая все меры предосторожности; правда, нередко причиной этого являлся их страх. Так, например, в одном из рассказов Новгородской губернии гадающие девки едва не погибли из-за того, что испугались и выскочили из очерченного круга; и если бы хозяйка того дома, куда они в страхе забежали, не сообразила надеть им на голову пустые глиняные горшки, нечистая сила извела бы их всех (а так нечистый дух в облике свиньи, забежав в избу, только перебил горшки у девок на головах).

Однако даже вероятность пугающей и опасной встречи с нечистой силой не останавливала молодых людей, желающих узнать свою судьбу. Святочных гаданий о судьбе и о браке, особенно гаданий девичьих, было известно множество. Многие из этих гаданий производились с использованием самых различных предметов: свечей, пояса, колец, святочного мусора, зерна, блинов, лучинок, колядного веника, воска, зеркала, священной воды в больших ритуальных чарах и т.д. Так, наиболее распространенными видами гаданий были: литье олова или воска; гаданье с петухом; выбрасывание за ворота башмаков; обычай «хоронить золото»; гадание с зеркалом и свечами; гадание у бань и овинов; подслушивание разговоров и т.д.

Все эти способы применялись практически повсеместно и лишь немного варьировались. Так, например, в некоторых местах полагали, что при гадании с петухом следует украсть у кого-нибудь из причта наваленного овса, чтобы им обсыпать свои кольца; в других местах овса не крали, но зато использовали более

сложный способ гадания: раскладывали на столе щепотку крупы, кусок хлеба, ножницы, золу, уголь и ставили миску с водой, полагая, что если петух клюнет крупу или хлеб, то суженый будет из богатой семьи, если ножницы — окажется портным, если золу — будет табачником, станет пить воду — муж будет пьяницей, если же вдруг клюнет уголь — девушка в будущем году вовсе не выйдет замуж. Иногда о будущем муже судили и по самому петуху: шли в полночь в курятник, ловили там петуха на насесте и по цвету его перьев судили о том, какой цвет волос будет у будущего мужа.

Гадания у бань и овинов также несколько варьировались: в некоторых местах девушки, подходя к овину, клали руку в окошко, в других местах становились к окошку задом и задирали сарафаны, обнажая зад, а иногда делали то же самое, зайдя внутрь строения; во всех этих случаях они произносили:

«Суженый-ряженный, погладь меня», а затем ждали, не дотронется ли до них овинный или банный дух (считалось, что если к руке или обнаженному задку гадающей прикоснется мохнатая рука, девушка скоро выйдет замуж за богатого мужика, а если голая рука — за бедного). Иногда подобный способ гадания несколько усложняли: сначала ходили гадать к овину, затем шли в овраг к бане, где снимали с себя кресты и проделывали у чела печки то же, что и у окна овина (только к печке подходили передом), также просили «суженого» погладить их и, кроме того, сеяли золу, которую потом каждая гадающая высыпала отдельной кучкой возле печки; на следующий же день к этим кучкам ходили смотреть, полагая, что если на кучке окажется след ног в сапогах, то это сулит богатого мужа, если будет след лаптей, то муж будет бедным, а если будут видны следы от удара кнутом — муж окажется сердитым, будет бить жену.

Многие из святочных гаданий состояли в том, что гадающие отправлялись слушать в какое-либо место и по услышанным звукам судили о замужестве. Подобных гаданий было немало: слушать ходили на перекрестки, на мусорные кучи, на пустыри и т.д. Наиболее же часто слушали под окнами в Васильев вечер, стараясь по долетающим отдельным словам узнать свою судьбу. Не менее часто ходили слушать на церковную паперть, полагая, что если почудится, что в пустой церкви поют «Исайя, ликуй», то замужество в этом году неизбежно, а если поют «Со святыми упокой», то неизбежна смерть.

Считалось также, что суженого девушка может увидеть во сне, если совершит перед сном определенные обряды. С этой целью, к примеру, девушки, ложась спать, оставляли на одной ноге чулок и продеизносили:

«Суженый-ряженный, разуй меня»; привязывали к поясу замок, запирали его и ключ клали под голову со словами: «Суженый-ряженный, отомкни меня», на сосуд с водой клали четырехугольником лучинки (это называлось «класть колодезь под головы»), говоря: «Суженый-ряженный, приезжай коня поить», и т.д.

Существовали в народе и другие, менее распространенные, но все-таки довольно популярные способы

святочных гаданий. При этом в большинстве случаев девушки гадали одни (т.е. без участия парней); по существовали также и способы совместных гаданий. К их числу, например, относились святочные «подблюдные песни», а также гадания на росстанях, в которых принимала участие молодежь обоего пола: парни и девушки садились в кружок на каком-нибудь перекрестке, очерчивали себя кругом, прикрывались белой полотняной скатертью и напряженно вслушивались в тишину новогодней ночи. Если кому-нибудь слышался звон колыбельцев, то считалось, что этот человек в той стороне найдет себе пару (т.е. девушка выйдет в ту сторону замуж, а парень оттуда возьмет жену); то же предвещал собачий лай, причем по нему можно было даже определить характер жениха или невесты (хриплый и грубый лай означал старого и ворчливого жениха, звонкий — молодого; лай слышится вблизи — жених будет из ближнего села, а если лай далекий — из дальних мест). Звук топора при таком гадании означал смерть, а звук поцелуя — потерю чести для девушки. При этом считалось, что никто из гадающих не должен выходить из круга, пока все не будут «расчерчены», то есть пока кто-нибудь из присутствующих здесь же, но не участвующих в гаданий, снова не очертит гадающих кругом; в противном случае, по народному убеждению, гадание не сбудется.

Гадания занимали важное место в святочных празднествах, однако при этом центром всего веселья считались посиделки. Для посиделок, как правило, избиралась какая-нибудь изба, именуемая «жировой»; вопрос об этой избе повсюду считался очень важным и решался сообща. При этом нередко случалось так, что избу для посиделок предоставляла молодежи за некоторую плату (например, за 2-3 рубля) какая-нибудь одинокая старуха; она позволяла вынести всю домашнюю рухлядь и убрать все в избе так, как захотят нанятели. Деньги за избу могли платиться наличными или отработываться; при этом взносы обычно вносили все, даже девушки (а иногда даже считалось, что девушка должна платить больше, чем парень, едва ли не в два раза, а в случае бедности обязана отработать нужную сумму, например, день жать).

Святочные посиделки начинались обыкновенно не ранее 6 декабря и отличались от всех других посиделок, в частности, тем, что на них и парни, и даже девушки рядились. Так, например, в первый день святок девушки наряжались в чужие сарафаны и закрывали лица платками, чтобы парни их не узнали; самые же бойкие девушки и парни наряжались в несвойственную им одежду противоположного пола: парни — в женскую одежду, а девушки — в мужскую. При этом чаще всего так рядились в то время, когда отправлялись на посиделки в чужую деревню, чтобы легче было дурачить знакомых. Сама же «интрига» в таких случаях была весьма незамысловата: парень, переодетый девушкой, избирал себе в кавалеры какого-нибудь простодушного парня и начинал его дурачить — заигрывал с ним, назначал ему свидания, кокетничал и даже

давал нескромные обещания, а к концу вечера, когда простак-кавалер уже «пламенел от страсти» и умолял свою «даму», чтобы она «осчастливила его немедленно», долго ломался, потом уступал, иногда даже выходил на свидание, и лишь затем открывался ему (либо разоблачал себя при всех, так что незадачливого кавалера поднимали на смех). При этом нередко случалось и так, что в тот момент, когда влюбленный кавалер уже заключал свою «даму», вышедшую к нему из дома на свидание, в объятия, из избы выскакивала целая ватага хохочущих молодцов, которые налетали на простофилю и набивали ему полные штаны снега. Приблизительно такой же характер носили интриги девушек, наряженных парнями: они также выбирали себе наиболее простоватых девиц, ухаживали за ними, уговаривали выйти за себя замуж и даже иногда выпрашивали «в залог» платок, колечко и т.п. Иногда такие забавы расшалившихся девиц отнюдь не отличались скромностью, однако подобные выходки обычно прекращали сами парни: они с хохотом и криками разоблачали озорницу почти донага и в таком виде пускали на улицу, где иногда еще и вываливали в снег. Кроме того, сдерживающим фактором на посиделках являлось также и присутствие в «жировой» избе посторонних людей, обычно ребятишек (которые во время посиделок нередко толпились под полатами, наблюдая за забавами и играми старших), а также пожилых мужчин и женщин: так, например, многие парни сдерживали себя, замечая, что вокруг них и их избранниц, которых они уже собирались заключить в объятия, крутятся ребятишки, младшие братишки и сестренки, которые все примечают, а потом, в случае надобности, не преминут рассказать обо всем матери или отцу. Из-за этого на многих посиделках парни устраивали целые побоища: один брал веник и хлестал не в меру любопытных и мешающих ребятишек, а другой в это время держал дверь и не выпускал никого из избы: после такого наказания ребята, как правило, тут же разбегались по домам, как только их выпускали.

Сдерживающим началом служило, кроме того, присутствие на посиделках парней и девушек из других деревень. Их принимали как дорогих гостей и старались, чтобы все было чинно и прилично. Хозяйка «беседы» (т.е. заправляющие всем на посиделках парни и девушки) уступали им место на лавках, а во время танцев следили, чтобы чужие девки не остались без кавалеров и чтобы с парнями-гостями танцевали девки «первого сорта», т.е. самые пригожие, лучшие в деревне. При этом, однако, во многих местах считали, что если парень из одной деревни ухаживает за девушкой из другой и ходит на посиделки в ее деревню, то должен непременно поставить парням из девушкиной деревни водки в качестве откупа; в противном случае он мог поплатиться побоями и даже увечьями. Случалось и так, что избитый парень подбивал парней из своей деревни на месть, и они являлись в село к оскорбителям целой ватагой, врывались на посиделки, где тут же завязывалась драка; девушки в это время обычно

разбегались по домам, а парни выходили на улицу, где дрались уже не на кулаках, как в избе, а «плахами» (поленьями). Такие драки происходили нередко по нескольку раз и кончались либо тем, что «коренные» парни, как побежденные, соглашались принимать у себя на игрищах чужаков «без водки», либо тем, что они, как победители, «сдирали» с противников водку, которую и распивали на посиделках.

Однако такие побоища возникали не слишком часто. Обычно же собравшиеся на святочных посиделках и гости, и хозяева веселились в полном согласии, в частности, устраивали танцы и гадали. Помимо этого, на святки повсеместно принято было устраивать игрища, иногда — целые комедийные представления, где «заводелами», авторами и актерами были, как правило, деревенские парни. Обычай устраивать подобные игрища был известен еще при язычестве; при христианстве эти игры, конечно, весьма изменились, однако сохранили разнузданность, буйство и свободу нравов (отчего церковь именovala их «бесовскими»). Так, например, во многих местах была распространена «игра в кобылы», во время которой парни, собравшиеся «на беседу» (т.е. на посиделки) строили девок попарно и, приказав им изображать кобыл, пели хором: «Кони мои, кони, кони вороные...»; затем один из парней, изображающий хозяина табуна, кричал: «Кобылы, славные кобылы! Покупай, ребята!» — а другой парень — «покупатель» — выбирал одну девку и осматривал ее, как на ярмарке осматривают лошадь, после чего сообщал, что он хочет ее купить. Далее шла «торговля», нередко полная непристойных жестов и неприличных песен; затем «купленная кобыла» целовалась с «покупателем» и садилась с ним. После этого, с теми же жестами и песнями, происходила переторжка. а потом начиналась «ковка кобыл»: один из парней зажигал пук лучины (горн), другой раздувал его (мехи), третий колотил по пяткам (кузнец), а «покупатель» держал «кобылицыны» ноги на своих, чтобы «не ушла». Игр такого тина существовало немало. Так, не менее, чем «игра в кобылы», была известна «игра в блины», состоявшая в том, что один из парней брал хлебную лопату или широкий обрезок доски, а другой поочередно выводил девушек на середину избы и, держа за руки, поворачивал их спиной к первому парню, который со всего плеча бил их по нижней части спины («пек блины»). Весьма распространена была и «игра в быка», а также сходная с ней «игра в гуся». «Игра в быка» состояла в том, что парень, наряженный быком, держал в руках под покрывалом большой глиняный горшок с приделанными к нему настоящими рогами быка; ими он и бодал девок, причем старался поддеть так, чтобы было не только больно, но и стыдно; девки поднимали крик и визг, после чего другой парень «убивал быка» — бил поленом по горшку, так, чтобы он разлетелся, после чего «бык» падал и его уносили. «Игра в гуся» отличалась от «игры в быка» только тем, что ряженный парень приходил не с горшком с рогами, а с торчащей из-под покрывала длинной

шеей с клювом (имитацией гусиной головы), и этим клювом «клевал» девок по голове (иногда и пребольно). В некоторых местах «быка» или «гуся» заменяли еще «лошадью»: парни наряжались лошадью и «лягали» девок, находясь в избе.

Более сложной, но не менее распространенной была «игра в кузнеца». Начинаясь она с того, что в избу на посиделки вваливалась толпа парней с вымазанными сажей лицами и с подвешенными седыми бородами, а впереди них шел главный герой — «кузнец»; одет он был только в портки, его верхняя часть туловища была разукрашена симметрично расположенными кружками, изображающими пуговицы, а в руках он держал большой деревянный молот. Следом за «кузнецом» в избу вносили высокую скамейку, покрытую широким, спускающимся до земли, пологом, под которым пряталось человек пять-шесть ребятишек. Кузнец расхаживал по всей избе и хвастал, что может сделать что угодно — замки, ножи, топоры, ухваты и пр., а сверх того умеет «старых на молодых переделывать»; при этом он обращается к какой-нибудь девице «не первой молодости» и предлагает ей «перековать» ее на молодую. Она при этом конфузится и отнекивается; тогда кузнец приказывает одному из ряженных стариков: «Ну-ка ты, старый черт, полезай под наковальню, я тебя перековую», после чего «старик» прячется под пологом, «кузнец» бьет молотом по скамейке и из-под полога выскакивает подросток, а у кузнеца при каждом ударе сваливаются портки и он остается совершенно обнаженным. «Перековав» всех «стариков» на молодых, «кузнец» вновь обращается к девушкам, спрашивая у каждой: «Тебе, красавица, что сковать? Тебе, умница, что сковать?»; при этом каждая девушка должна что-нибудь заказать, а затем, выкупая приготовленный заказ, поцеловать кузнеца, который старается при этом как можно больше вымазать ей лицо сажей.

Все подобные игры являлись, судя по всему, остатками каких-то древних языческих обрядов, связанных, очевидно, с плодородием и проводившихся в «велесовы дни». Так, например, святочная «игра в быка» была, вероятно, связана с культом «буй-тура», «яр-тура», т.е. с культом ярой жизненной силы. Однако при христианстве эти игры считались, в общем-то, неопасными, не оскорбляющими религиозные чувства собравшихся и относительно безобидными. Но одновременно с этими святочными играми в народе существовали и другие, также, по всей вероятности, являвшиеся остатками каких-либо древних обрядов и считавшиеся в народе опасными и «страшными»; такие игры церковь нередко признавала кощунственными. Такова, к примеру, была игра «в покойника» (в «умруна», «смерть» и т.д.). Состояла она в том, что один из парней (или даже из взрослых мужиков) соглашался быть «покойником»; остальные парни наряжали его во все белое, натирали ему лицо овсяной мукой, вставляли в рот длинные зубы из брюквы и клали на скамейку или даже в гроб (и при этом нередко накрепко привязывали его веревками, чтобы он, в случае

чего, не упал и не убежал). «Покойника» вносили в избу на посиделки четыре человека, а сзади шел «поп» в рогожной ризе, в камилавке из синей сахарной бумаги, с кадиллом в виде глиняного горшка или рукомойника, в котором дымилась угли, сухой мох и куриный помет. Рядом с «попом» выступал «дьячок» в кафтане, с косицей сзади, потом «плакальщица» в темном сарафане и платочке и, наконец, толпа провожающих «родственников», между которыми обязательно был мужчина в женском платье, с корзиной, полной шанег или онекишей для поминовения усопшего. Гроб или лавку с «покойником» ставили посреди избы и начинали «отпевать» его, причем такое отпевание состояло обычно из «самой отборной, что называется, осторожной брани» и прерывалось только всхлипываниями «плакальщицы» да кажением «пона». По окончании отпевания, всех присутствующих на посиделках девок заставляли «прощаться с покойником», и при этом непременно целовать его в открытый рот, набитый брюквенными зубами. Кончалась же игра тем, что часть парней уносила «покойника» хоронить, а другая часть оставалась в избе и устраивала поминки, состоявшие в том, что мужчина, наряженный девкой, оделял всех девиц из своей корзины «шаньгами» — кусками мерзлого конского помета. В некоторых местах та же «игра в покойника» была несколько проще и заключалась в том, что «покойника», обернутого в саван, носили на святки по домам, спрашивая у хозяев: «На вашей могиле покойника нашли — не ваш ли прадедка?»

К подобным играм большая часть населения (в частности, практически все люди «в летах») чаще всего относилась с осуждением; решалась же на эту игру обычно только молодежь, а зачинщиками, по большей части, являлись удалые молодцы, из тех, что слыли в деревне «сорвиголовами». Однако даже среди них роль «покойника» считалась нечистой и опасной, на нес соглашались только очень немногие и с большой неохотой. Народные поверья гласили, что человек, который изображает покойника, находится в большой опасности: считалось, что он будет схвачен «умрунами» в лесу и утащен ими неведомо куда. Так, в Вологодской губернии рассказывали, что один парень, рядившийся на святках в саван, был утащен покойником в болото и отдан во власть дьявола; дьявол долго бил сто дубинкой, заставляя снять крест и бросить в болото, однако парень, несмотря на мучения, все-таки не покорился и креста с себя не снял, чем и спасся от смерти, отделавшись только увечьями.

Но, несмотря на подобные «страшные» рассказы, бытовавшие в народе практически повсеместно, обычай рядиться покойниками был распространен довольно широко, особенно на севере, причем в некоторых местах (например, в той же Вологодской губернии) покойниками рядились не только молодые парни, но даже и женатые мужики (а изредка и бойкие девки, хотя такое случалось крайне редко), и притом по несколько человек сразу, так что в избу для посиделок на святки врывалась порой целая артель «покойников».

Иногда они являлись с туго свитыми жгутами в руках и этими жгутами нещадно, порой до синяков хлестали по спинам приезжих парней и девиц из чужой деревни, а то и вообще всех девок и ребят, собравшихся на беседу.

Святочные игры «в быка», «в покойника» и т.д. были весьма распространены, однако при этом было известно немало других игр, которыми забавлялась на святках деревенская молодежь; многие из этих игр были очень простыми и веселыми. Такова была, например, «игра в голосянку», когда один из парней выходил на середину избы и громко говорил: «Ну, давайте-ка, ребята, голосянку тянуть. Кто не дотянет, того за волосы-ы-ы!»; затем он и все другие начинали тянуть это «ы», а посторонние посетители (ребятишки и пожилые люди) всячески старались рассмешить их и тем заставить прерваться; тот же, кто первым не выдерживал и начинал смеяться или вообще прекращал тянуть свое «ы-ы-ы!», тут же подвергался атаке всех присутствующих на вечеринке: на него наскакивали и начинали теревить за уши, за нос, за волосы. Схожий азарт вызывала и «игра в молчанку», состоявшая в том, что по команде: «Раз, два, три», все парни и девушки должны были замолчать; тот же, кто первым нарушал это молчание, подвергался какому-либо условленному наказанию, например, должен был съесть горсть угля, поцеловать какую-нибудь старуху, позволить облить себя водой с ног до головы или сходить на гумно и принести горсть соломы (что считалось тягчайшим наказанием, так как ушедший мог угодить в лапы гуменника). Если же кто-то отказывался исполнить уговор и подвергнуться наказанию, то его начинали «катать на палках»: для этого несколько ребятшек приносили три-четыре круглых и гладких полена, раскладывали их на полу, а парни валили на эти поленья виновного, подхватывали его за руки и за ноги и начинали катать по поленьям.

Характерным элементом святочных посиделок являлись «святковские» песни, исполняемые только в рождественские и новогодние вечера и предаваемые забвению во все остальное время года (причем в некоторых местах само их пение в несвяточное время считалось грехом). Эти песни обычно сопровождалась хоровами и даже своеобразными игрищами; причем, хотя пение этих песен на беседах иногда начиналось уже с Николы зимнего, игрищами оно начинало сопровождаться только с наступлением рождественских вечеров.

Все эти забавы и развлечения обычно затягивались далеко за полночь, и при этом с посиделок нередко отправлялись не по домам, а на гулянья. Так, парни после беседы нередко отправлялись продолжать шалости на улицах. Иногда они просто забавлялись, например, заставляя хозяина выглянуть в окно, а затем перемазывая его метлой, намоченной в жидком конском помете, или стуча по стенам избы так, что в красном углу валились иконы (отчего разгневанный хозяин выскакивал из дома и долго гонялся за парнями). Однако при этом они часто устраивали и «бесчинства»:

утаскивали различные вещи, разрушали поленницы дров, разваливали печи в банях, заваливали утварью все выходы из избы и т.д. Подобные действия иногда, вероятно, совершались ради увеселения, однако нередко могли иметь и обрядовый характер: такая разрушительная деятельность символизировала отгон нечистой силы.

СВЯТОВИТ, Свентовит, Световид — у западных славян бог неба и небесного света; «бог богов», соответствующий восточнославянскому Роду, Перуну или Сварогу.

Согласно некоторым источникам, идол Святовита некогда располагался в Арконе. Четырехстолпный храм Святовита был сделан из дерева и увенчан красной кровлей; стоял он на равнине. Внутри храма имелись два отделения: первое окружалось пурпурной стеной, а другое состояло из четырех столбов с пурпурными занавесами; в этом отделении, окруженном пурпурным занавесом, и находилось капище с идолом. В сундуках храма хранилось множество пурпурных одежд, а также множество рогов диких зверей.

Идол Святовита был выше человеческого роста и имел четыре бородатых головы на четырех шеях; у передних и задних голов глаза были направлены: у одной вправо, а у другой влево. Холеные усы и подстриженные волосы Святовита были изображены сходно с обычной прической руян. В правой руке идол держал турий рог, сделанный из различных металлов и всегда наполненный вином; левая рука идола была согнута и упиралась в бок. Одежда идола достигала голеней; голени идола были сделаны из другого дерева и так искусно присоединены, что обнаружить это можно было только при тщательном осмотре. Ноги идола стояли прямо на земле. Около идола находились узда и седло, а также другие атрибуты бога. Всех удивлял меч необычайной величины; ножны и рукоять этого меча были украшены резным серебром. Атрибуты Святовита указывали на его основные функции: рог, наполненный вином, символизировал плодородие, а узда, седло и меч — воинские функции.

Возможно, четыре головы Святовита обозначали четыре стороны света и четыре времени года; бороды символизировали облака, застилающие небо, а меч — молнию; Святовит, едущий на коне на битву, отождествлялся с грозой. Славяне верили, что Святовит (как владыка небесных громов) выезжает по ночам сражаться с демонами тьмы; он разит молниями демонов (в древних легендах — своего змеевидного врага), а результатом этой битвы является дождь, проливающийся на землю.

В честь Святовита устраивались пышные праздники; главное же торжество происходило ежегодно после жатвы. За день до этого празднества жрец лично выметал храм, причем делал это, не переводя дыхания; если же ему требовалось перевести дух, то он выходил из храма, «дабы великое божество не осквернилось дыханием смертного». На само торжество собиралось

множество людей, приходивших даже из самых отдаленных мест; пришедшие на праздник приносили Святовиту дары (первые собранные плоды и т.д.).

Торжество начиналось с того, что жрец осматривал рог, бывший в руке у идола. Как божество, посылающее дождь, Святовит считался и богом плодородия; по его рогу, наполненному вином (вино — символ дождя), гадали о будущем урожае. Если рог был все еще наполнен вином, то жрец предсказывал хороший урожай и благополучную жатву на будущий год; в противном же случае (если рог был пуст) он объявлял, что будет неурожай. По окончании этого действия жрец выливал старое вино, наполнял рог снова и давал идолу отведать вина, после чего сам опорожнял рог, наливал его снова и опять вкладывал его в руку идола. После этого в жертву Святовиту приносили пирог из сладкого теста, круглый и вышиною почти в человеческий рост. Жрец становился за этим пирогом, и если пирог оказывался столь велик, что жреца не было видно за ним, то считалось, что божество будет благосклонно и даст в будущем году хороший! урожай; в противном же случае считали, что божество останется неудовлетворенным, и жрец просил людей принести в будущий праздник еще больший пирог. После всех этих обрядов начинался пир; при этом на пиру «почитали за грех, если кто не хотел много пить».

Святовит почитался оракулом, пророком; его пророчества у славян считались наиболее весомыми. В Аркон присылали дань из многих краев; иноземные же купцы, приезжавшие в Аркой, обязаны были отдавать Святовиту часть своих товаров. На эти сокровища при храме содержались триста всадников и триста коней; когда у рюгенцев была война, эти всадники отправлялись в поход, и вся добыча, полученная ими в сражении, принадлежала Святовиту.

Кроме этих трехсот коней, при храме Святовита держали еще и белого священного коня, принадлежавшего собственно божеству. Иногда после ночи этот божественный копь оказывался уставшим и покрытым грязью; верили, что ночью бог выезжал на нем для борьбы с врагами. Конь этот почитался столь святым, что никто не смел даже дотронуться до него, кроме жреца Святовита, лично ухаживавшего за священным конем божества; выезжать на этом коне также мог один только жрец.

По священному коню божества некогда предсказывали успех или неудачу в сражениях: перед храмом втыкали крестообразно три нары копий и подводили к ним коня. Если конь перешагивал через копь правой ногой, то это считали добрым предзнаменованием; в противном случае верили, что предприятие не удастся.

СВЯТЫЕ — персонажи христианской литературы и культа. События и деяния, явившиеся причиной почитания и канонизации святых, сохранялись в книжных текстах и легендах; однако в обрядовом фольклоре (колядках, песнях и т.д.) и народных верованиях славян образы Христа, Богородицы, ангелов и

святых претерпели существенные изменения и приблизились к персонажам низшей мифологии и духам. Многие христианские святые заменили в народном сознании языческих богов, восприняв их функции и заняв их место в пантеоне: так, Илья заменил громовержца Перуна; св. Николай, св. Власий, св. Георгий и др. — «скотьего бога» Велеса; св. Параскева Пятница — богиню Макошь, и т.д.

К святым в народной традиции обращались за помощью во всех случаях жизни, им давали обеты, приносили жертвы и подарки; на них также обижались за неисполнение просьб и даже наказывали их — отворачивали икону с изображением святого к стене, разбивали ее, бросали в воду и т.и.

Вместе с тем, святых почитали из страха перед ними, из боязни навлечь на себя их гнев. Так, в некоторых местах «Михайлу» праздновали, «чтоб гром не побил хату»; в его день не рубили дров, не стирали, ничего не резали ножом, не ткали и т.д., «чтоб не обиделся Михайла». В день св. Параскевы Пятницы не пряли и не ткали, не стирали, не пахали и не купались, считая, что за нарушение запрета работать в свой день Пятница отнимет зрение и здоровье. В Ильин день устраивали скотоводческие братчины и также не работали, опасаясь, что Илья, разгневавшись, поразит людей, скот или постройки молнией, налетит засуху, неурожай и пр. На Власия не причесывались и не работали, соблюдали запреты на прядение, вязание и шитье, чтобы не болел скот и его хозяин, «не появился влас в глазах», хлеб на корню не выросал без колоса, и т.д.

Формы обращения со святыми в повседневной жизни мало чем отличались от способов обращения с домовыми, лешими, водяными или русалками. В заговорах имена святых нередко упоминались вместе с именами мифических персонажей; обращенные к ним молитвы могли даже перемежаться рецептами черной магии и т.п. В Рождественский сочельник Бога, Богородицу, святых и ангелов приглашали на ужин вместе с ветром, морозом, волками, птицами, демонами туч, нечистой силой и т.п. Святым, как и языческим божествам или демоническим персонажам, во время семейных или сельских календарных праздников приносили жертвы: кур, свиней, баранов и др. животных; несжатый пучок колосьев «Николе (Илье, Христу, Кузьме-Демьяну и т.п.) на бороду», оставленный на поле по окончании жатвы, и т.д.

Образы некоторых святых в народной традиции сблизились даже с образами нечистой силы. Так, в Польше под именем Николая был известен злой дух, который загадывал загадки заблудившимся в лесу; если человек отгадывал их, то Николай выводил его из леса, а если нет, то человек попадал во власть нечистой силы, продавал душу дьяволу. Св. Касьяна иногда считали привратником ада; и вообще, образ св. Касьяна очень близок к образу Вия: оба они в поверьях не видят «божьего света» из-за ресниц, достигающих земли, оба живут под землей, у обоих губительный для

всего живого взгляд, и т.п. (длинные веки, смертельный взгляд и т.п. — признаки демонического существа).

Имена святых (часто в трансформированном виде) служили названиями праздников; и сами святые часто воспринимались как персонифицированные праздники.

СЕМАРГЛ. Семаргл — божество растительности, подобное иранскому Сэнмурву или греческому грифону («собаке Зевса») и упоминаемое в различных поучениях против язычества (ср.: «...верующе в Перуна и Хорса, и в Макошь, и в Семаргла, и в вилы, их же числом 30 сестрениць»). Идол этого божества был некогда включен в языческий пантеон Владимира: «Нача княжити Володимер в Києве един. И постави кумиры на хълме вьне двора теремьнаго: Перуна древяна, а главу его сьребряну, а ус злат, и Хърса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Макошь. И жъряху им, наричющея богы и привожаху сыны своя и дьщери и жъряху бесом и осквърняху землю требами своими».

Трудно сказать наверняка, что за божество был в древности Семаргл. Имя его, возможно, происходит от слова «семя» (Семаргл), что могло выражать его связь с молодыми всходами. Судя по летописным данным и образцам прикладного искусства, он, подобно вилам, был божеством низшего порядка и представлялся славянам в обличье крылатого пса, охраняющего семена и посевы (ср. иранское «сайна мрига» — «собака-птица»). Подобные псы встречались уже и трипольской росписи, где они изображались прыгающими и кувыркающимися (как бы летающими) вокруг молодых растений; кроме того, крылатые псы в окружении растительного орнамента часто встречались на различных колтах и браслетах более позднего времени. При изобилии в те времена мелкого зверья (косуль, серп, диких коз и пр.), вытаптывающего и поедающего посевы, охрана полей была очень важным делом; и заниматься этой охраной могли, в первую очередь, хищники, волки и собаки, которые, возможно, и стали прообразом Семаргла. Это божество было как бы олицетворением «вооруженного добра»: при мирных аграрных функциях он, тем не менее, был наделен когтями, зубами и вдобавок крыльями.

Несколько позднее образ крылатого пса Семаргла сменило другое божество — антропоморфный Персплут («обогащающий»), связанный с корнями растений; фактически, культ этих божеств слился в единое целое (так, в XI-XIV вв. в поучениях против язычества вместо Семаргла появляется Переплут). Переплут выступал в славянской традиции как бог изобилия, богатства, семян и всходов, в честь которого пили из рогов изобилия, исполняли ритуальные танцы (которые женщины танцевали «спустя рукава», т.е. сняв браслеты, при этом как бы превращаясь в вил-русалок, размахивающих крыльями-рукавами).

Семен-день

Возможно, что Переплут это одно из имен бога растительной силы Я рилы. На это указывают и функции этого божества, и то, что культ Смаргла-Перенлута издревле был тесно связан с русалиями, празднествами молодой зелени в честь вил-русалок; этот праздник также посвящался и Яриле как божеству яркой жизненной силы. Например, на старинных браслетах, изображавших как раз такие празднества, помимо игрищ в честь Переплута, нередко изображался и сам Смаргл. Так, на одном браслете, помимо традиционного «многовертимого плясания» в честь Переплута, была изображена сцена жертвоприношения Смарглу: девушка в ритуальной длинной узорчатой рубахе и с распущенными волосами подносит кубок изображению крылатого пса, как бы вырезанного из растущего в земле дерева и сильно изогнутого (повидимому, чеканщик изобразил не животное, а идол Смаргла, которому приносили жертвы).

Интересно, что именно Смаргл, второстепенное и к тому же зооморфное божество, был включен в языческий пантеон Владимира, наряду с такими почитаемыми высшими божествами, как Перун или Макошь. Повидимому, это объяснялось тем, что из всех богов, связанных с растительностью и «яркой жизненной силой», именно культ Смаргла был наиболее «пристойным» и не имел ярко выраженного эротического характера. Вероятно, под именем более «безобидного» Смаргла в языческом пантеоне понимался антропоморфный Переплут как одна из ипостасей Ярилы.

Семен—день — см. Семси-Летопроводец.

СЕМЁН-ЛЕТОПРОВОДЕЦ. Семён-день, Симеон Столпник — день преподобного Симеона Столпника и матери его, Марфы (1/14.IX). Согласно библейской легенде, Симеон родился в семье христиан; в детстве он пас овец, но однажды утром услышал в церкви Евангельские заповеди и «был потрясен их глубиной» так, что даже не заходя домой, отправился в ближайший монастырь. В 18 лет он принял иноческий постриг и предался подвигам строжайшего воздержания и непрестанной молитвы; его ревность, непосильная для других братьев, встревожила игумена, и он предложил иноку либо умерить свои аскетические подвиги, либо покинуть монастырь. Симеон выбрал второе. Какое-то время он жил на дне высохшего колодца, потом нашел каменную пещеру. Но толпы народа стали стекаться к нему, желая получить исцеление от недугов и услышать слово христианского назидания, и Симеон, стремясь вновь обрести утраченное уединение, построил столп высотой 4 метра, поселившись на его вершине в маленькой келье. Постепенно он увеличивал высоту столпа, так что тот, в конце концов, стал высотой 40 локтей (около 16 метров). Симеон прожил на свете 80 лет и из них 47 простоял на столпе, где и скончался в 459 г. Мать его, Марфа, после ухода сына из дома долгие годы искала его и, наконец, нашла стоящим на столпе; по так как столп был огорожен двойной оградой, не дающей толпам слишком близко подходить к

преподобному и нарушать его молитвенную сосредоточенность (а женщины за ограду вообще не допускались), Марфе не удалось свидеться с сыном; она так и умерла, прикинув к ограде. Столпник попросил принести к нему ее гроб и благоговейно простился с матерью, и тогда «мертвое лицо ее просияло блаженной улыбкой».

Летопроводцем Симеона называли за то, что около его дня обычно наступает конец лета и чувствуется наступление осени. С Семен-дня начиналось «бабье лето» — «бабий праздник и бабьи хлопоты», начало женских сельских работ: с этого времени бабы начинали «затыкать кроены (узкий холст)», а также мять и трепать пеньку, мять ее и стлать лен. С того же Семен-дня брались за веретено и пр. и начинали «засиживать» вечера, работать в избах при огне, при свечах (при этом под Семен-день принято было в избах гасить старый огонь, а утром зажигать новый, иногда — от «живого» огня). Вероятно, из-за этого обычая начинать работы с пряжей с Семен-дня, время с 1 по 8 сентября и именовалось в народе «бабьим летом».

На день Семена-Летопроводца приходилось множество сельскохозяйственных примет и обычаев. Так, например, к этому дню обязательно убирали хлеба, так как «коли на Семен-день не убрали колосовые, считай, пропал урожай — зерно выпало наземь»; «Семен-день — семена долой!» Вообще, к празднику Симеона Столпника старались завершить все работы с землей: «В Семен-день до обеда наши, а после обеда пахаря с поля гони» (впрочем, это присловье иногда понималось и как намек на то, что с наступлением сентября ясная погода с утра часто сменяется холодом и ненастьем во второй половине дня). Там, где имелись бабчи, в этот день снимали с гряд дыни и арбузы; в некоторых местах с этого времени начинали копать картофель.

Связывались с Семен-днем и различные поверья. Так, например, считалось, что в этот день ласточки вереницами ложатся в озера и колодцы на зимовку Ужи в это время выходят на берег и «ходят по лугам на три версты»; впрочем, в некоторых местах верили, что в этот день на лугах появляются не змеи, а рыбы угри, которые, выпрыгнув из реки, купаются в росе и смывают с себя все свои болезни. Считалось также, что на Семен-день бывает «воробьиная ночь»: черт меряет всех воробьев меркой, определяя, сколько взять себе, а сколько выпустить.

В некоторых местах в день Симеона Столпника совершался древний обычай: мальчиков по четвертому году сажали на коней, знаменуя их переход от младенчества к отрочеству. Про этот обычай говорили даже: «На Семена дитя постригай и на коня сажай и на лавлю в поле выезжай» (на Семен-день нередко устраивался праздник псарных охотников: охотники первый раз выезжали в отъездное поле и притравливали зайцев).

Во многих деревнях с Семен-дня, кроме обычных посиделок, сопровождаемых песнями и сказами, устраивались братчины, ссыпчины, опашки и т.п., на

которых всем миром варили пиво и стряпали кушанья для пиршества. Они продолжались обычно все «бабье лето», до самого Рождества Богородицы, когда во многих местах заламывали ульи.

Одним из самых распространенных обычаев Семен-дня считался обычай «хоронить» мух, тараканов, блох и прочих вредных насекомых, одолевающих крестьян в избах; при этом считалось, что «убить муху до Семина дня — народится семь мух; убить после Семина дня — умрет семь мух» (правда, обычай изгнания мух и проч. приурочивался не только к Семен-дню, но и к Воздвиженью, Покрову, а в некоторых местах — и к другим праздникам). Обряд этот обычно совершали девушки: они специально вырезали из репы, брюквы или моркови маленькие гробики, в которые потом сажали целыми горстями пойманных мух, закрывали гробики и торжественно (а иногда с плачем и причитаниями) выносили из избы, чтобы предать земле. При этом во время выноса кто-нибудь все время должен был гнать мух из избы «рукотерником» (полотенцем) и приговаривать: «Муха по мухе, летите мух хоронить», или: «Мухи вы мухи, Комаровы подруги, пора умирать. Муха муху ешь, а последняя сама себя съешь». Подобный обычай изгнания был известен на всем севере России и практически не варьировался; только в некоторых местах гнать мух советовали не полотенцем, а штанами, полагая, что это средство действеннее, и муха, выгнанная штанами, уже никогда не вернется в избу снова. При этом обычай этот, помимо изгнания мух, преследовал и еще одну цель — устроить своеобразные смотрины: девушки, изгонявшие мух, обычно одевались как можно лучше, и молодые нарны во время проведения обряда высматривали себе невест, а после Семен-дня начинали засылать сватов.

Поскольку день Симеона Столпника по старому стилю приходился на 1 сентября, ко дню его приурочивалось много начинаний или завершений сезонных работ. Так, например, этот день считался «срочным днем для взноса оброков, пошлин и податей»; с этого же дня обыкновенно начинались и прекращались все условия и договоры, заключаемые поселянами между собой и с торговыми людьми (например, к этому дню приурочивалась отдача внаем земли, рыбных ловель и других угодий). В этот день некогда устраивались царские суды, на которых разбирались такие дела, которые не могли решить наместники, приказчики, городовые и т.п.; на эти суды приезжали в столицу из самых дальних городов и поселений. Такие суды называли Божьим судом (так как, по народному убеждению, «то ведал Бог да государь»), и на них полагалось являться непременно к сроку, а неявившийся считался виновным, тогда как «правому или оправданному давалась первая грамота».

СЕМИК и **РУСАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ**. Зелёные святки — праздник молодой зелени. Собственно Семиком именовался седьмой четверг после Пасхи; он считался в народе очень большим праздником и открывал сложный

комплекс обрядов, знаменующих прощание с весной и встречу лета, прославляющих зеленеющую землю (центральным персонажем этих обрядов была березка). Семиковой или семицкой (а также «зеленой» или «грязной») называлась седьмая неделя после Пасхи.

В народе Семик считался преимущественно девичьим праздником. Так, например, характерным обычаем этого дня было завивание венков — исключительно девичий обряд. В некоторых местах он совершался примерно следующим образом: особо избранные девушки накануне Троицына дня ходили с раннего утра под окнами подруг и объявляли о наступлении Семика такими словами: «Троица по улицам, Семик но задам». После этого, когда каждая девушка украсила свою избу березками вдоль всей деревенской улицы, все деревенские девицы вместе шли за околицу под предводительством одной из них, избранной по жребью, наряженной в мужское платье и изображающей Семик. Шли девушки разодетые и с запасами — печеными и сырыми яйцами для яичницы, а также лепешками и пирогами. В ближайшей роще они выбирали кудрявую березу, срубали самую густую ветку и украшали ее лентами, а затем втыкали в землю и с песнями водили вокруг нее хороводы. Песни пели до обеда, т.е. до той поры, когда очередь дойдет до принесенных яств, после чего все с той же березы рвали ветки и плели венки, с которыми снова водили хороводы и пели обрядовые песни со следующими словами: «Мне куда тебя, веночек, положить?» — «Положу тебя, веночек, на головку ко душе милой девице, — ко названной сестрице»; песня эта сопровождалась соответствующим действием. В некоторых местах девушки сквозь венки целовались, обзавуясь на целый год сохранить дружбу. После этого девушки шли на пруд или на реку, а там, замутившись, бросали венки на воду и гадали: потонувший веночек сулил безбрачие и даже смерть, но если веночек выплыл, особенно если всплыл против течения, считалось, что гадающая скоро выйдет замуж.

В некоторых местах березку для семицких обрядов принято было ставить посреди озимого поля; когда же приходила пора угощения, девушки ели яичницу, бросая часть ее и целые яйца через голову в рожь, «чтобы она, кормилица, лучше уродилась» («колосок рожки уродился с ложку, а комелек рожки — со Христову ножку»). Затем девушки принимались кататься по ржаной полосе, переваливаясь с боку на бок для того, чтобы во время жатвы не болела спина и не «расхвталась» (от схватки пучков ржи на серп) рука, перевязанная на это время для предотвращения возможной беды ниткой в запястье. И только после этого начиналось плетение венков, причем девушки завивали венки не только на себя, но и на родителей, на жениха или просто на знакомых, оставляя их до Троицына дня, когда принято было ходить «ломать венки», т.е., погадавши, бросать их в воду.

Семик в народе тесно связывался с русальной неделей. Иногда саму семицкую неделю называли русальной:

однако чаще русальной считалась следующая за седмицей «неделя всех святых». Впрочем, обе эти недели перед Петровым постом являли собой единый комплекс тесно связанных между собой праздников, посвященных началу лета, молодой зелени, а также культу умерших, в том числе и русалкам. Вообще, культ предков издавна соотносился с сезонными изменениями природы, с ее весенним «оживанием» и зимним «умиранием»: повсеместно считалось, что души умерших появляются на земле с наступлением весны (как бы «оживая» вместе с ней) и способствуют росту и созреванию урожая. В связи с этим, к этому отрезку времени приурочивалось множество обычаев, связанных как с будущим урожаем, так и с душами предков, способными повлиять на этот урожай; особенно же много обрядов совершалось в главные, знаменательные дни этого цикла: в Семик, Родительскую субботу, на Троицу (на седмицей неделе) и в Духов день (на русальной неделе).

Очень многие обряды, приходившиеся на время седмицы-русальского цикла, были связаны с русалками. В русалок, по народному убеждению, превращаются души утопленниц и детей, умерших некрещеными; в древние же времена они почитались как сверхъестественные существа, близкие к вилам и могущие благотворно влиять на урожай. При христианстве русалки отчасти сохранили свои прежние функции: в народе они воспринимались как существа вредоносные и опасные, но, тем не менее, способствующие росту и обильному плодоношению растений.

Так, например, в некоторых местах к Семику или к последнему дню русальной недели приурочивался следующий обряд: молодые парни и мужики, женатые и неженатые, наряжались в торпища (большие холщовые простыни или мешочные дерюги в виде полога) и прятались около села во ржи, поджидая, когда туда придут девушки и молодые бабы. Тогда мужики начинали хлопать во ржи кнутами, а бабы и девушки испуганно вскрикивали: «Русалочки, русалочки!» — и разбегались в разные стороны: ряженые же пускались за ними вдогонку, стараясь ударить оплошавших женщин кнутами; бабы же спрашивали: «Русалочки, как леи (уродится)?» Ряженые в ответ указывали на длину кнута, чем вызывали восторженные бабы выкрики: «Ох, умильные русалочки, какой хороший!»

Вероятно, некогда именно на время седмицы-троицкого цикла праздников и приходился древний языческий праздник русалий. На это указывает, например, языческий по сути обычай ряжения: ряженые принимали участие практически во всех обрядах, приуроченных к Семику, Троице и т.д. Так, в обряде проводов весны (проводившемся обычно в последний день русальной недели, накануне Петровского поста) ряженые принимали самое непосредственно участие. Рядились в это время по-разному: один наряжался козлом, другой надевал на руки и на ноги валеные женские сапоги и изображал свинью, третий шаггал на высоких ходулях и т.д. Обязательно присутствовал и ряженный

конем: для этого увязывали все четыре конца торпища соответствующим образом толстыми бечевками, втыкали два колышка-уха, все это прикрепляли к палке, а затем кто-нибудь брал палку в руки и прикрывался торпищем, являя собой коня, поднявшегося на дыбы. Иногда конем рядились и по-другому: на палку надевали лошадиный череп, а саму палку обивали пологом и окручивали веревкой, оставляя один конец свободным; за этот конец как за повод уздечки брался один из ловких молодых, изображающий жока и как бы руководивший скачками и пляской норовистой лошади. Когда начиналось празднество, ряженые начинали скакать и бесчинствовать:

«лошадь» брыкалась, «козел» бодался, звенел привязанным колокольчиком и постукивал деревянными челюстями, разгоняя веселящую толпу, а один из ряженных обычно забирался в бабью толпу и там обнимал, подталкивал, повертывал и т.д. собравшихся баб и девок. Веселье обычно сопровождалось музыкой и громким шумом: ряженые пели даже обычные участники праздника били в печные заслонки, сковороды и т.д. Впрочем, в некоторых местах и ряжение, и сам праздник были значительно скромнее: так, ряженые ограничивались тем, что просто вымазывались в саже и с плясками, шумом и треском обходили всех состоятельных жителей, обычно угощавших их за это водкой.

Главным событием праздника проводов весны обычно являлась процессия, «провожавшая» весну (собственно, такой обычай, очевидно, являл собой разновидность обряда «проводов русалки»). Впереди этой процессии шли все те же ряженые с «лошадью», следом бежали впрысочку перепачканные ребятишки («помелешники» или «кочерыжники»), которые подгоняли кнутами идущих впереди. В поле, за деревней, делалось несколько холостых выстрелов из ружей, а какая-нибудь бойкая девушка, изображавшая, вероятно, русалку, с палками в руках скакала взад и вперед. Затем лошадиную голову бросали в яму, а после этого процессия иногда расходилась или отправлялась гулять и праздновать, а иногда переходила в соседнюю деревню и праздновала там. При этом нередко случалось и так: когда толпа редела и взрослые расходились по домам, а на улицах оставалась лишь молодежь, парни кидались к девкам и тащили их в сторону к амбарам и погребам; женщины при этом всячески сопротивлялись, так что обычно «все затеи женихов оставались безрезультатными». Все это весьма напоминает древние весенне-летние языческие обряды, с обрядовым ряжением, разгульным празднеством и т.д. СЕТЬ, мрежа, невод — предмет, обрядовая функция и символика которого определяются наличием переплетений, ячеек и особенно узлов.

Сеть в народной традиции часто использовалась в качестве оберега. Так, например, молодые перед венцом нередко опоясывались поясом из невода, сетью с рыбачьих вентерей или мережкой по голому телу и так ехали в храм для венчания; считалось, что «к перепоясанным

так колдун никогда не прикоснется». Нередко для того, чтобы уберечься от злого влияния колдуна, весь свадебный поезд «опоясывался под рубашкой сеткою». В некоторых местах в то время как молодые подходили к постели, сватья, убиравшая их, «валила молодых спать» и связывала им ноги сетью, «чтобы никто не испортил», так как, по поверью, «если враг хочет испортить молодых, то ему надо развязать каждый узелок, а у сети узелков много». Опясывание сетью в брачном обряде не только предохраняло жениха и невесту от порчи, но и способствовало деторождению, стимулировало беременность молодой.

Сеть использовалась не только в свадебных, но и в погребальных обрядах. Так, в некоторых местах ночью умершего покрывали рыбацкой сетью, чтобы он не стал вампиром и чтобы «не утащил с собой кого-нибудь». Верили, что тот, кто похоронен с сетью, не сможет вернуться на землю, пока не развяжет все узлы на сети.

На Русском Севере сеть использовали для избавления от сглаза: отрезали от сети кусочек, ссушили его с конопляным волокном «от себя» (крутя в обратную сторону) и читали заговор: «Как от сети узла пикто не может ни развязать, ни распустить — ни еретик, ни клеветник, ни завидник, так же бы рабу божию (имярек) никто не мог бы ни испортить, ни изурочить».

В хорватском масленичном обряде по селу ходили группы обнаженных, обернутых только в сеть парней; как нагота, так и сеть должны были отпугнуть, отогнать от села нечистую силу.

В некоторых местах женщины, вытаскивая коноплю из воды, бросали одно перевясло по течению реки, полагая, что «Божья Мать ловит эти перевясла, сушит их, треплет, прядет и из выпряденных ниток делает сети. Перед Страшным судом эти сети она будет три дня забрасывать в пекло: того, кто сравнительно мало грешил, она вытащит из пекла». В других местах существуют сходные поверья: Богородица плетет большую сеть из свечей, зажигаемых за души покойников, и забрасывает ее в ад; тот, кто не очень грешен, хватается за эту сеть и выбирается из ада, попадая в рай.

Симаргл — см. Ссмарг

Симеон Столпник — см. Семен-Лстопрводец.

Сирин — см. Алконост.

СМЕРТЬ — момент перехода человека из мира живых на «тот свет», в потусторонний мир. Смерть неизбежна и предопределена судьбой, но время и обстоятельства своей смерти человеку знать не дано. Однако, по народному поверью, можно угадать срок своей смерти с помощью различных примет: так, например, смерть в народных приметах и гаданиях предвещали многие сны (дом без окон, яйцо, встреча с умершим родственником, белый копь и т.д.) или же необычайные, редкие явления (собака долго воет, курица поет петухом, птица бьется в окно, кукушка «вещает», крот роет под домом, стены или пол в доме трещат, звезды

падают с неба и т.п.). При этом славяне верили, что в момент кончины человека гаснет или надает с неба его звезда.

Согласно народным поверьям, во время кончины человека за его душой приходит некое мифическое лицо — сама Смерть, либо Бог, архангел Михаил, святой, ангел и т.п. По восточнославянским верованиям, в момент агонии человека за его душу борются ангел и черт; победивший забирает себе душу. При этом считалось, что праведники умирают легко и их душа улетает в рай, а грешники, которым после смерти уготован ад, наказываются тяжелой смертью (так, колдуны не могут умереть, пока не передадут своего знания, и агония у них бывает очень тяжелой и продолжительной).

Чтобы облегчить предсмертную агонию, в народе совершали различные магические действия: перекладывали умирающего на пол, часто на солому; клали его вдоль матицы, к двери, за печь; переносили в овин; переворачивали ногами в изголовье; вынимали из-под головы подушку («куриное перо не дает умереть»); клали под голову житную или гороховую солому, снопик с крыши, веник, моток нестиранной пряжи или полотна; укрывали белым или черным платком, пасхальной скатертью, свадебной одеждой. Для того, чтобы «пропустить» душу, расстегивали одежду; открывали окна, двери, сундуки; снимали печную заслонку и т.п. В случае же особенно тяжелой агонии (грешника, знахаря, колдуна) просверливали дыры в потолке или в стене; вбивали в потолок вилы или кол; поднимали балку-матицу; разбирали потолок и крышу, печь; звонили в колокол и т.п. Кроме того, обливали, кропили и поили умирающего «святой» или «немой» (принесенной в молчании) водой, дождевой водой с крыши или из дорожной колеи, водой с колокола, с каменного креста или иконы; поили отваром или настоем из трав, из зелени свадебного венка и т.п.; окуривали ладаном, травами и т.д. Старались также не говорить об умирающем, считая, что чем меньше людей знает о нем, тем легче ему будет умереть.

По народным представлениям, момент «расставания души с телом» требует проведения специальных обрядов, без которых переход души в иной мир затруднен или вообще невозможен; душа останется в «этом» мире и будет обречена на вечные скитания. К обязательным элементам обряда при кончине относились: прощание умирающего с близкими, исповедь, зажжение свечи, «карауление» души; кроме того, строго соблюдалась тишина, запрет плакать и причитать, чтобы не спугнуть, не сбить с пути душу. Самым страшным считалась смерть без покаяния и без свечи: христиане верили, что в этом случае покойник будет блуждать во тьме, станет вампиром и т.п. Поэтому в народе считалось обязательным дать в руку умирающему свечу, освященную на Сретение, в Страстной четверг или на Крещение, или же поставить в изголовье умирающему чашку с зерном или мукой.

Совершаемые над умершим погребальные обряды (обмывание, облачение, отпевание, оплакивание, погребение, поминовение, траур), по народному представлению, не только обеспечивали беспрепятственный переход души от жизни к смерти, но и защищали живых от последствий соприкосновения со смертью. Нарушение или неполнота, неправильность погребального обряда грозили «возвращением» покойника, превращением его в вампира и т.д., а также возвращением смерти в дом, в село и т.д.

Предметам, использованным в погребальном обряде (платку, которым подвязывали челюсть покойнику; шнурку, которым были завязаны его ноги; иголке, которой шили саван и подушку; полотну, на котором гроб опускали в могилу, и т.д.), часто приписывалась магическая и целебная сила, хотя «покойнички» предметы обычно считались «нечистыми» и подлежали удалению, отправлению за пределы жизненного пространства: их бросали в реку, чтобы «поскорее уплыла смерть»; куда-нибудь забрасывали, относили в такое место, где никто не ходит; клали в гроб к покойнику и т.д. Однако эти предметы использовали и как средство от сглаза и болезней, как оберег от нечистой силы и т.п. Кстати, и сам момент смерти человека, несмотря на опасность, связанную с ним, иногда считался благоприятным временем для некоторых хозяйственных дел: так, например, в некоторых местах старались, пока покойник еще не погребен, посадить овощи, считая, что в этом случае будет хороший урожай.

В народных поверьях и обрядах Смерть нередко персонифицировалась. Некогда она, как и другие демонические персонажи, изображалась в виде чудовища, соединяющего в себе человеческие и звериные черты. Иногда ее также представляли себе в виде сухого, костлявого человеческого скелета с оскаленными зубами и провалившимся носом; в виде костлявой и безобразной старухи в белом саване и с косой или граблями. В календарных обрядах Смерть — персонаж рожения, а также чучело, уничтожаемое во время карнавалов похорон.

Смоки — см. Цмоки.

Смотреть — обряд, играющий символическую роль в похоронном и свадебном обрядах, при гаданиях, общении с душами умерших и с демоническими персонажами, а также в народной медицине. В первую очередь этот обряд относился к печи и некоторым домашним предметам: крестьяне заглядывали в печь, смотрели на огонь или на воду, чтобы таким образом очиститься от скверны и защитить себя от нечистых духов. А подсматривание через какие-либо предметы, замочную скважину, хомут и пр. воспринималось как возможность увидеть другой мир, заглянуть в будущее и т.д.

Так, например, у восточных славян при выносе покойника из дома или по возвращении с кладбища все участники процессии традиционно дотрагивались до

печи или заглядывали в нее, чтобы не бояться покойника; придя с похорон домой, грели руки в печи или, открыв заслонку, смотрели на огонь; при выносе покойника дети, девушки и женщины заглядывали в печь; вернувшись с кладбища, заглядывали в печь и в подполье со словами: «Ух, нету!»; при выносе гроба остающиеся дома дети засовывали голову в печь и смотрели в нее, чтобы не видеть покойника и самим вскорости не умереть, и т.д.

В некоторых местах по возвращении с кладбища заглядывали не только в печь, но и в пустую дежу, чтобы умерший «не стоял в очах», чтобы не тосковать по покойнику и скорее забыть свое горе. По некоторым поверьям, чтобы поскорее забыть покойного, следовало сразу после того, как его вынесут из дома, приоткрыть крышку дежи, заглянуть в нее и сразу же снова закрыть, «заперев» таким образом свой взгляд в дежу.

В древнем похоронном обряде девушку, обреченную на сожжение вместе с умершим мужем, подводили к заранее изготовленным воротам, сооруженным около будущего погребального костра. Девушку трижды поднимали над воротами так, чтобы она заглянула вниз, во внутреннее пространство, центром которого был подготовленный к сожжению покойник. Считалось, что, смотря таким образом через ограду, девушка увидит загробный мир, в который она вскоре попадет вместе со своим мужем, а также своих умерших родственников и знакомых.

У белорусов верили, что если в хате лежит кто-нибудь больной, то нужно, входя в нее, сначала посмотреть на печь, а потом на покуть, чтобы болезнь «не пристала» к вошедшему. При лечении детского испуга иногда также заглядывали в затопленную печь.

Молодая, приехав после венчания в дом молодого, смотрела на печь или печной столб, а затем трижды обходила с мужем вокруг стола, что означало ее приобщение к новому дому. Однако на Украине молодой запрещалось заглядывать в печь, придя в дом к жениху; когда она входила в дом молодого после венчания, бабы становились у печи как можно теснее, стараясь загородить ее от невесты своими телами. Вероятно, это делалось из опасения, что невеста найдет на родителей жениха порчу: полагали, что если молодая посмотрит в печь и скажет про себя: «Велька яма, сховается тато и мато», то родители молодого вскоре умрут.

При гаданиях девушки смотрели в воду или в зеркало, чтобы увидеть своего будущего мужа. Взгляд на отражающую поверхность открывал границу между «этим» миром и потусторонним, что позволяло заглянуть в грядущее. Однако такое установление контакта с иным миром считалось опасным для гадающего и требовало соблюдения ряда предосторожностей. Так, например, во многих местах девушки под Новый год гадали у воды, например, шли к проруби на реке, зажигали свечку или лучину и внимательно смотрели в воду, где должен был показаться суженый; увидев его образ в воде, девушка должна была тут же «зачураться» (сказать: «Чур меня!»), иначе нечистая сила,

Солнце

явившаяся ей в образе будущего жениха, могла утащить ее в воду.

Чтобы увидеть духов предков, домового или лешего, нечистую силу, а также чтобы распознать ведьму, крестьяне нередко смотрели через борону, замочную скважину, венки и т.д.; смотрели сквозь ноги, под левым плечом, через рукав, через вывернутую рубаху и пр. Широко распространен был и обычай в некоторые большие праздники стоять ночью на паперти и смотреть; считалось, что так можно увидеть тех, кому суждено умереть в этом году.

Иногда в народной традиции, наоборот, запрещалось смотреть на что-то, например, для того, чтобы «не сглазить». Так, например, посторонним обычно запрещалось смотреть, как пекут блины, так как считалось, что иначе они «не зададутся». Ночью, во время грозы и т.п. нередко запрещалось смотреться в зеркало, чтобы случайно не нарушить границу между «тем» и «этим» светом. На новорожденного ребенка часто не разрешалось смотреть посторонним, чтобы его не сглазили. Беременной женщине запрещалось смотреть на что-либо уродливое, чтобы ребенок не родился некрасивым, и т.д.

СОЛНЦЕ — небесное светило, почитавшееся как источник жизни, тепла и света. Солнечную природу имели Хоре, Дажьбог и Сварог. Хоре был воплощением светила как такового; Дажьбог воплощал солнечный «белый свет»; Сварог, отец Дажьбога, был еще и отцом земного огня, называемого Сварожичем. Солнце и «белый свет» четко различались древнерусскими людьми; солнце-светило рассматривалось лишь как нечто, испускающее свет, а сам свет вселенной оценивался как вездесущий и неосозаемый, т.е. без видимого источника.

В народной традиции существовало немало легенд о происхождении солнца. Например, согласно одной из восточнославянских легенд, когда-то солнца не было, и люди жили в полутьме; однако верховному божеству Сварогу нужно было наблюдать за землей и людьми (в некоторых мифах солнце — глаз верховного божества), и он выпустил солнце из-за пазухи. Люди обрадовались солнцу, а особенно обрадовались женщины: они вынесли из домов решета, чтобы набрать в них солнца и осветить жилища. Долго они трудились, по так и не набрали в решета солнца. Тогда, рассердившись, они стали плевать в сторону солнца и бранить его: солнце же обрушило на них свой гнев, превратив их в камни.

В фольклоре солнце нередко персонифицировалось как в женском, так и в мужском образе. Считалось, что Солнце живет там, где земля сходится с небом; где-то далеко на востоке, в стране вечного лета; в Вырие и т.п. Славяне верили, что бог-Солнце (Дажьбог или Хоре) каждое утро выезжает на небо на своей колеснице, запряженной белыми огнедышащими конями, и совершает круговой объезд по небу. Коней солнцу выводит его сестра — Утренняя Заря; Вечерняя Заря,

вторая сестра Солнца, заводит коней на конюшню после того, как Солнце закончит свой объезд. Кроме сестер, у Солнца есть прислужницы, которые разгоняют тучи и омывают лицо Солнца с помощью дождей. По некоторым поверьям, Солнце имеет мать и жену; так, в некоторых сказках оно похищает себе жену у людей. В закличках, исполняемых детьми для того, чтобы перестал идти дождь, упоминаются дети Солнца: «Солнышко-ведрышко, выгляни в окошко, твои детки плачут, на лавочке скачут». В русских песнях и загадках Солнце нередко изображалось в девичьем образе; так, в украинских колядках хозяин дома сравнивается с месяцем, его жена — с солнцем, а звезды — с их детьми.

Солнце всегда считалось священным: его называли красным, светлым, святым, добрым, праведным, божьим, чистым и т.д. На солнце крестились и молились; некогда моления солнцу и воде производились в июне — месяце летнего зноя, а праздником солнца (огня) и воды был Купала. Солнце и вода обеспечивали славянам богатый урожай; кроме того, солнце защищало людей от повсеместного зла, тьмы и холода. При этом защитить человека и его дом от нечисти могло не только само солнце, но и его символ, солярный знак (круг, крест в круге, колесо, розетка и т.д.), изображаемый некогда практически на всех предметах домашнего обихода, на одежде, на доме, на хозяйственных постройках и т.д.

Из уважения к солнцу старались не поворачиваться к нему спиной даже во время работы в поле; не справляли свою нужду так, чтобы это могло видеть солнце; не плевали в сторону солнца, считая, что иначе воцарится тьма; не показывали на солнце пальцем, опасаясь «выколоть ему глаз», и т.д.

После захода солнца ничего не давали из дома в долг, особенно огня, чтобы счастье и достаток не покинули семью; не выбрасывали на улицу мусор; не починали новую ковригу хлеба, и т.д. Тьма служит прибежищем нечисти, поэтому после захода солнца избегали выходить из дома или выносить детей и некоторые предметы (например, дежу, детские пеленки и т.д.). На заходе солнца не работали; после захода солнца не ходили в баню, не купались и т.д.

По народным представлениям, на ночь солнце опускается под землю (где оно светит в мире мертвых) или в море. Нередко такое исчезновение солнца и последующее его появление расценивалось и как умирание и воскрешение, потухание и разгорание небесного огня. По некоторым поверьям, когда рождается человек, от солнца отрывается кусочек, который превращается в звезду, а когда человек умирает, его звезда гаснет и надает; при этом душа праведного человека возвращается в солнце, а из звезд, гаснущих в момент смерти грешников, получается месяц. Считалось также, что души умерших уходят на запад, туда, куда заходит солнце; умерших хоронили головой на запад, чтобы, воскреснув в будущем, воскресший увидел солнце в момент восхода.

По народному убеждению, солнце «играет» пять раз в году: на Рождество, Богоявление, Благовещение, Светлое Воскресенье, Иоанново рождение.

СОЛЬ — вид пищи, используемый отдельно или в сочетании с хлебом в качестве оберега; использовалась обычно в свадебных и родильно-крестильных обрядах, а также в народной медицине. Так, в некоторых местах женщине, которую после родов ввели в баню, баба-повитуха терла лоб солью и приговаривала при этом: «Как эта соль не боится ни глазу, ни вару, ни опризорищей, ни оговорищей, так ты, раба Божия (имя) не боялась ни опризорищей, ни оговорищей», — и бросала соль наотмашь.

Крестьяне верили, что злой дух боится соли. Например, в некоторых местах считалось, что леший боится соли и никогда не подойдет к огню, если в него бросили соль. Однако с помощью подброшенной в дом или в пищу соли колдуй или ведьма могли навести порчу; от такого способа наведения порчи пошло выражение «насолить кому-либо».

Пресную пищу готовили в дни похорон и поминальных обрядов. Так, не солили хлеб, который пекли на поминки; на деды ели пресные лепешки, а также вареный горох без соли. В некоторых местах в начале ужина хозяин выливал на стол первую ложку, предназначенную для духов, потом все съедали по ложке и только после этого солили блюдо, которое ели уже все вместе. Хлеб, который собирались отдать на помин души, часто недосаливали, чтобы душе на «том свете» не было «солонно». Домового, как духа предка, также угощали кашей без соли.

В Страстной четверг заготавливали четверговую соль. Ее либо освящали в церкви, либо пережигали в печи, оставляли на ночь на столе или выносили на улицу под звезды. Четверговую соль хранили в течение всего года и использовали от сглаза и при лечении различных болезней, в том числе детских и домашнего скота.

В обрядах, связанных с рождением ребенка, а также в свадебных обрядах соль, как правило, охраняла ритуальный хлеб и дом в целом от воздействия злых, враждебных сил. Угощение «хлебом-солью» символизировало установление дружеских отношений между людьми; собственно же соль в этом обряде придавала таким дружеским отношениям оттенок сердечной близости. Русский государь во время пира иногда посылал кому-либо хлеб со своего стола, что считалось величайшей честью; таким хлебом он выражал свою милость, а солью — любовь.

Соль, как и другие виды пищи, применялась в любовной магии, сближаясь по признаку солёности с человеческим потом. Так, невеста, придя в баню, раздавалась и ложилась на полук, чтобы хорошенько вспотеть; крестная мать вытирала ее узелком с солью, так, чтобы соль намочила от нота, после чего выжимала потную влагу из соли на принесенный в баню пирог, которым молодого кормят после венчания. Это

делалось для того, чтобы муж любил свою жену. Соль же, оставшаяся после выжимания потной влаги, невеста клала в горшок со щами, которыми на свадебной трапезе угощают родных жениха, чтобы вся родня жениха полюбила ее.

СОРОКИ, кулики — день сорока мучеников Севастийских (9/22.111). Согласно народным поверьям, в этот день из теплых стран прилетает сорок птиц, и первая из них — жаворонок («Бывает, — уверяли опытные старики-крестьяне, — что прилетают жаворонки и раньше, да только те непутящие: прилетит и смерзнуть может. Л уж тот жаворонок, который на сороки прилетит, тот настоящий, он не сдохнет»).

На Сорок в народе принято было выпекать из ржаной муки «жаворонков» (в большинстве случаев — с распростертыми крылышками, как бы летящих, и с хохолками). Таких жаворонков выпекали иногда еще накануне Сорок, а утром, в день праздника, раздавали их детям. Утром же одна из женщин делала на дворе сорок соломенных гнездышек и в каждое клала по яичку из теста (делалось это отчасти для того, чтобы куры не ходили по чужим дворам, а неслись дома, и при этом неслись хорошо). Когда «жаворонки» поспевали, дети брали их и несли в сарай или под ригу — «закликать жаворонков». Там они сажали своих птиц, всех вместе, на возвышенное место и, собравшись в кучу, начинали, что есть мочи, кричать: «Жаворонки, прилетите, студену зиму унесите, теплу весну принесите: зима нам надоела, весь хлеб у нас посла!» или «Уж вы кулички-жаворонки, солетайтесь, сокликайтесь. Весна-красна, на чем пришла? На сошечке, на бороночке, на лошадиной голове, на овсяном снопочку, на ржаном колосочку, на пшеничном зернышку-у-у!» Такие песенки пелись несколько раз; затем ребяташки разбирали своих жаворонков и с той же песней бежали по деревне. Так продолжалось обычно до самого обеда, когда ребяташки, набегавшись вволю, опять собирались в одно место и начинали есть своих ржаных птиц (съедали обыкновенно все, кроме головы, которую ребята берегли каждый для своей матери). Кончалось празднество тем, что ребяташки целовались между собой, поздравляли друг друга с весенним праздником и разбегались по домам; дома же каждый отдавал голову жаворонка матери со словами: «На-ко, мама, тебе голову от жаворонка: как жаворонок высоко летел, так чтобы и лен твой высокий был, какая у моего жаворонка голова, так чтобы и лен твой головастый был».

В некоторых местах этот обряд проходил несколько иначе. Так, например, довольно часто некоторых жаворонков запекали вместе с какой-нибудь небольшой вещицей — копеечкой, кольцом и т.д.; каждая из этих вещей имела символическое значение: кольцо обозначало свадьбу, шепка — гроб, копейка — деньги и т.д. Потом этих жаворонков раздавали всем членам семьи, а не только детям, и по тому, какая из вещей у кого оказалась, судили о судьбе обитателей дома.

Сосед

Как и ко многим другим большим праздникам, ко дню сорока мучеников были приурочены различные гадания об урожае, погоде и т.д.; гадали обычно по различным приметам. Так, например, считалось, что если на Сороки было морозное утро, то весной будет сорок утренних морозов; в некоторых местах верили также, что если утренники с с 22 марта до 30 апреля (до Зосимы-пчельника) будут продолжаться постоянно, то лето будет теплое.

Сосед — см. Суседка.

Соседко — см. Домовой, Суседка.

Соседушко — см. Суседка.

СПАС — народное название сразу нескольких праздников, посвященных «Всемилоствому Спасу, Спасителю нашему Иисусу Христу» и как бы связующих вместе весь Успенский пост. Все эти праздники были связаны в народном сознании с урожаем. Вообще, Спасом в первую очередь именовали праздник Преображения Господня (6-го августа ст.ст.), повсюду считавшийся праздником земных плодов; однако, поскольку часть урожая созревала раньше этого дня, а часть — позже, из одного праздника сделали три: первый Спас праздновали 1-го августа, второй — 6-го августа, а третий — 16-го августа ст.ст. Из всех этих Спасов наиболее почитался второй, совпадающий с церковным праздником Преображения; первый Спас также праздновался повсеместно, но воспринимался как менее важный по сравнению со вторым Спасом и почитался, главным образом, в южной полосе Велико-россии, где раньше всего созревал хлеб и плоды. Третий же Спас был известен не всюду и праздновался довольно скромно, нередко выделяясь из деревенских будней только особыми церковными молебнами и обычаем печь пироги из нового хлеба.

Первый Спас был установлен церковью по случаю знаменит от икон Спасителя, Пресвятой Богородицы и Честного Креста во время сражений князя Андрея Боголюбского с волжскими булгарами в 1164 году. В народе этот Спас повсюду именовали «медовым», а кое-где и «мокрым». Название «медовый» произошло оттого, что к первому Спасу пчеловоды второй раз подрезывали ульи с медом (при этом считалось, что если пчельник не «заломает» соты в этот день, то соседние пчелы вытаскают из них весь мед) и, выбрав лучшие липовые соты, несли их в церковь «на помин родителей»; кроме того, они освящали первый свежий мед, а затем разговлялись им. Впрочем, мед в этот день ели не только пчельники: во многих местах на первого Спаса принято было варить «медяные» квасы, печь пироги с пшенной кашей и медом и угощать всех, пришедших в гости; при этом строгие блюстители обычаев и постники начинали есть мед только с этого дня. «Мокрым» же этот Спас называли потому, что, по постановлению церкви, в этот день устраивался крестный ход на реки и источники для водоосвящения;

после же крестного хода и освящения воды у крестьян принято было купаться в реках самим и купать скотину для здоровья и защиты от порчи и пр. В некоторых местах после водосвятия купали и детей, причем снятые с них старые рубашки бросали в воду, а после купания надевали новые.

Второй Спас был связан с праздником Преображения Господня, с тем моментом Священного писания, когда «взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних. И преобразился перед ними: и просияло лицо Его как солнце, одежды же его сделались белыми как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие... се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором мое благоволение; его слушайте» (Матф., 17). Праздник Преображения, второй Спас, в народе почитали, как очень большой праздник; однако при этом большинство крестьян даже не знало о том событии, которое в этот день отмечала церковь; лишь в некоторых местах второй Спас именовался «Спасом на горе». В большинстве же случаев второй Спас считался просто праздником земных плодов. Так, практически повсеместно второй Спас в народе назывался «яблочным», так как с этого времени практически повсюду начинали есть садовые плоды и огородные овощи, в частности, яблоки, поспевающие примерно к этому времени; есть яблоки (а нередко — и вообще любые плоды, кроме огурцов) до этого дня запрещалось, и если кто-нибудь, по забывчивости или невоздержанию, пробовал яблоки до этого срока, то он не должен был есть их в течение целых сорока дней после Спаса, чтобы искупить этим свою вину. Особенно же должны были воздерживаться от преждевременного вкушения яблок те люди, у которых умерли в младенческом возрасте дети, так как, по поверьям, в Царствии Небесном на серебряных деревьях растут золотые яблочки, которые раздаются только душам тех детей, родители которых чтили обычаи и строго воздерживались от употребления яблок до второго Спаса.

На Спас же повсеместно устраивались целые пиршества. Утром в этот праздник вся паперть в приходских церквях бывала обычно заставлена столами, на которых груды наваливали самые разные плоды нового урожая: яблоки, горох, картофель, огурцы, репу, брюкву, рожь, ячмень и проч. Все эти плоды священник после обедни благословлял и читал над ними молитвы, за что благодарные прихожане ссыпали ему в особые корзины так называемые «начатки», т.е. понемногу от каждого сорта принесенных плодов. После освящения и благословления крестьяне осеяли себя крестом и разговлялись освященными медом и яблоками (по народному выражению, «на второй Спас и нищий яблочко съест»); нищим в этот день раздавали яблоки). В некоторых местах принято было также разговляться горохом: отслужив в поле молебен, крестьяне всем селом отправлялись на гороховое поле и там до самого вечера лакомились зелеными стручками,

Сретение Господне

не различая своей полосы от чужой. Помимо этого, на второй Спас во многих местах традиционно устраивали «столование»: на площади перед церковью ставили длинный ряд столов, покрытых чистыми скатертями, и все деревенские хозяйки наполняли эти столы всевозможной снедью, которую после обедни и крестного хода вместе поедали все прихожане.

Третий Спас праздновался в честь Нерукотворенного образа (Спаса Нерукотворного, 17/29.VIII); в народе он именовался «Спас на полотне» или «ореховый» (реже — «хлебный») Спас. Церковное название этого праздника было связано со следующим преданием: во время проповеди Христа в сирийском городе Едессе правил Авгарь, пораженный проказой; до него дошел слух о великих чудесах, творимых Спасителем, и он написал Иисусу письмо с просьбой прийти и исцелить его, а с письмом послал в Палестину своего живописца Ананию, поручив ему написать изображение Учителя. Анания пришел в Иерусалим и увидел Христа, но не смог подойти к нему из-за большого стечения людей, слушавших проповедь; тогда он стал на высоком камне и попытался издала написать образ Спасителя, но никак не мог этого сделать. Иисус Христос сам позвал его, назвал по имени и передал для Авгаря письмо, в котором обещал правителю прислать своего ученика для исцеления; потом он попросил принести воды и убрис (холст, полотенце), умыл лицо, обтер его убрисом, и на полотенце отпечатался Его божественный лик. Авгарь же, получив желанное исцеление, написал на этом нерукотворном образе: «Христе Боже, всякий, уповая на Тебя, не постыдится», а затем украсил его и установил над городскими воротами; позднее этот образ был перенесен в Константинополь, и этот праздник — перенесение образа — праздновался 29 августа. Одно из народных названий третьего Спаса — «Спас на полотне» — также было связано с этой легендой; другое название — «ореховый Спас» — было, очевидно, дано этому празднику потому, что к этому времени в центральной полосе России поспевали лесные орехи. «Хлебным» третий Спас называли за то, что в этот день принято было печь пироги из хлеба нового урожая («Третий Спас хлеба принас»).

СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ - 2 февраля ст.ст. В этот день православная церковь справляла свой великий двенадцатый праздник — день Сретения (встречи) Господа Бога и Иисуса Христа (в этот день, 40-й по рождению, Иисус был принесен в Иерусалимский храм); праздновали в этот день и встречу последних праведников Ветхого завета Симеона и Анны с носителем Нового завета (в этот день, по легенде, Симеон и Анна, придя в храм, славили богомладенца и изрекли пророчество о Спасителе мира). Однако, хотя праздник Сретения Господня относился к древнейшим праздникам христианской церкви, в народе он не считался большим праздником, а само название праздника — «Сретенье» — иногда объяснялось в народе не

библейской легендой, а тем, что в этот день «зима встречается с летом», т.е. с этого дня начинают ослабевать зимние морозы и начинает чувствоваться приближение весны.

Как календарный рубеж, переломный день года, праздник Сретения Господня в народе соотносился с различными обрядами и гаданиями, связанными с урожаем и судьбой семьи. Так, к этому дню повсеместно приурочивалось множество земледельческих примет. Считалось, например, что снег в этот день предвещает хорошие летние дожди, капель — урожай пшеницы, а ветер — плодородие фруктовых деревьев (поэтому садовники в этот день, придя от заутрени, трясли деревья руками, чтобы они летом «были с плодами»). Если в Сретеньев день было «тихо и красно», то летом, по народному убеждению, будут хороши льны. По погоде этого дня судили также и об урожае трав, для чего бросали поперек дороги палку и наблюдали: если снег заметал ее, то считалось, что корм для скота «подметет», т.е. травы не уродятся.

Подобные гадания об урожае нередко совмещались с гаданиями и обрядами, связанными с благополучием домашних животных. Так, например, в Сретеньев день хозяйки начинали усиленно кормить кур, чтобы они лучше неслись.

Совершались на Сретение и некоторые другие обряды. Так, например, в праздник Сретения (иногда называемый также «Громницы») во многих местах освящали специальную «громничную свечу», которую потом в течение целого года хранили в красном углу и зажигали во время грозы для защиты от грома и молнии. В некоторых губерниях Великодержавии, кроме того, принято было обходить домашние постройки и пр. с иконой Спаса или Сретения Господня, причем, когда икону приносили обратно в дом, вся семья с домохозяином во главе падала ниц и восклицала: «Господи Боже наш, войди к нам и благослови нас».

Среча — см. Доля и Недоля.

СТОЛ — предмет особого почитания. Для восточных и западных славян наиболее характерным был высокий стол, стоящий в красном углу; южные славяне (сербы, македонцы, болгары) традиционно пользовались низкими круглыми столиками, появившимися у них под турецким влиянием. Однако в некоторых районах Украины, Белоруссии, Польши и Словакии были и другие виды столов: стол-скрыня, глиняный стол и др. Иногда также пользовались широкой переносной лавкой, табуреткой и т.д.

Стол, стоящий в красном углу, составлял неотъемлемую принадлежность дома. При продаже дома стол обязательно передавали новому владельцу. Стол двигали обычно только во время совершения некоторых обрядов, например, во время свадьбы или похорон: при этом во многих обрядах использовали такие свойства стола, как его неподвижность и неотделимость от дома (например, вертели только что купленных кур

Страстная неделя

вокруг ножки стола, приговаривая: «Как стол от избы не отходит, так бы и вы, куры, от двора не отходили!»).

В народной традиции стол уподоблялся церковному престолу; у всех восточных славян были известны формулы тина: «Стол — это престол Божий», а также предписания тина: «Стол — то же, что в алтаре престол, а потому и сидеть за столом, и вести себя нужно так, как в церкви». На столе не разрешалось помещать посторонние предметы, так как «это место самого Бога»; у восточных и западных славян на столе постоянно находился хлеб, что как бы превращало обычный стол в престол («Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска») и должно было обеспечить достаток и благополучие дома. На Русском Севере запрещалось стучать по столу, так как стол — это «ладонь Бога или Богоматери, протянутая людям». В некоторых местах во время обеда и ужина старались подольше посидеть за столом, полагая, что «сколько за столом просидишь, столько в царстве небесном пробудешь». На второй или третий день после крестин совершали обряд «хождения в рай», во время которого обходили вокруг стола, садились за стол п.т.д.

Ритуальный обход стола совершался обычно на свадьбу, родину и т.д. Так, вокруг стола обносили новорожденного; вокруг стола бабка-повитуха трижды обводила роженицу со словами: «Освободи, Господи, душу грешную, а другую безгрешную», и т.д. Однако при этом в повседневной жизни обход стола обычно возбранялся: считалось, что человек должен выходить из-за стола на ту же сторону, с которой входил за него, а у того, кто, выходя из-за стола, обойдет его кругом, умрет кто-нибудь из ближайших родственников.

Как сакральный центр жилища стол являлся и начальной, и конечной точкой любого пути. У восточных славян отправляющийся в путь человек целовал домашний стол: если предстоял дальний путь, он целовал середину стола; если близкий — один или оба угла, приходящиеся на избу. Стол целовали также и по возвращении домой.

Место, занимаемое за столом, было важным показателем семейного и социального положения человека. Хозяин дома обычно сидел во главе стола, в красном углу под иконами; это считалось самым почетным местом во всем доме. Однако при этом хозяин должен был сидеть не в самом углу и под иконами, а немного отодвинувшись, как бы оставляя место для Бога. Если в семье не было отца, то место хозяина занимал старший женатый сын; если же он еще не был женат, то главенство принадлежало матери. По сторонам от хозяина садились старшие мужчины, за ними младшие, а на самом нижнем конце стола — женщины (те из них, кому не хватило места за столом, ели на лавке или возле печи). Женщины (как правило, пожилые) могли занимать почетные места за столом; на почетные места сажали также женщин, игравших важную роль в некоторых обрядах (например, на почетное место за столом сажали куму на крестинах или крестную мать одного из молодых на свадьбе). Однако при этом считалось, что

женщины не должны садиться в красном углу, как как они «нечистые». Во многих местах был известен и другой способ рассаживания за столом: с одной стороны садились по старшинству мужчины, а с другой, напротив них, — женщины.

СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ — неделя перед Пасхой. Главным днем на этой неделе считался Страстной четверг; однако и к остальным дням были приурочены некоторые обряды, считавшиеся немаловажными.

На Страстной неделе ограждали поля от злых духов: нарни и девки с зажженными лучинами, метлами и кнутами в руках садились на лошадей и с дикими криками скакали по улицам, поднимая сильный шум и отпугивая им нечистую силу. После этого они мчались в поле, ставили две палки и строили вокруг них тесную изгородь, чтобы «нечисть не прошла».

На Страстной неделе в некоторых местах угощали водяного. Для этого люди (как правило, рыболовы) сбрасывались и покупали какую-нибудь лошадь за первую спрошенную цену, без всякого торга. Затем трое суток лошадь откармливали жмыхами, коноплей и хлебом. В последний вечер лошади намазывали голову соленым медом, гриву убирали мелкими красными ленточками; перед самым «угощением» ей спутывали ноги веревками и надевали на шею жернов, после чего в полночь вели лошадь к реке и топили ее. Если лошадь не тонула, то считали, что водяному не понравилось «угощение», он «не жалуется уважения», и это считалось большим несчастьем, так как водяной, проснувшись весной, бывает сердитым и голодным, и если его вовремя не задобрить, он замучает или угонит рыбу. Если же водяной примет жертву, то будет относиться к рыболовам с симпатией и станет им помогать: будет гнать рыбу в сети, переманивать ее из других рек к себе, спасать рыбаков во время бурь и т.п. В тех местах, где приносили жертву водяному, говорили, что водяной три дня и три ночи на Страстной неделе ждет своего «угощения», а если не дожидается, то передумит всю рыбу в реке или будет мстить людям — топить купающихся, угонять рыбу подальше от сетей, разливать реку и т.д.

Ранним утром во вторник на Страстной неделе хозяйки втайне от мужиков делали «соченое» молоко: сметали по закрамам конопляное и льняное семя, перемешивали и толкли его в ступе, после чего разводили водой и поили им домашнюю скотину для защиты от всяких болезней. Если же скотина не пила такого «молока», то считали, что на нее и на весь ее приплод напущена порча.

В Страстную среду скотину на дворе обливали водой, натаянной из снега, собранного по оврагам, и подсоленной прошлогодней «четверговой солью». Считалось, что это предохраняет двор и скот от всякого напуска на целый год.

Со Страстной неделей, и в особенности со Страстным четвергом было связано множество примет. Так, крестьяне верили, что какова погода в Чистый четверг,

Страстной четверг

такова она и в Вознесенье; если в Великий четверг холодно, то весна холодна до седьмой недели, а если идет дождь, то весна мокрая; если на Страстную пятницу пасмурно, хлеб будет с бурьяном; если под Страстную пятницу жарко, пшеница будет зернистая, и т.п.

СТРАСТНОЙ ЧЕТВЕРГ. Великий четверг, Чистый четверг, Пречистый четверг четверг на Страстной неделе перед Пасхой, в народном календаре отмечающий один из этапов перелома, смены сезонов, а также, вероятно, границу календарного года (некогда примерно в это время праздновался Новый год). Крестьянами он почитался как день обновления на весь предстоящий год всего хозяйства, а также как один из главных дней общения с умершими предками — покровителями хозяйства и семьи.

Со Страстным четвергом издревна был связан культ мертвых. Так, например, во всех славянских традициях (а в особенности у южных славян) существовал обычай топить в Страстной четверг баню и готовить трапезу специально для мертвых, а также разжигать костры и «греть предков»: «...и воду к кузьи заупокойней оставляют на столци, и сметье (мусор) у ворот жгут в великой четверг, моляще тако: “У того огня души приходящеогреваются” и мыльница топят, и на печь лютот, и попель посреде сыплот следа ради. И глаголють: “Мыйтесея!” И чехли вешають и убуси, и велят ся терти. Беси же смшотся злоумию их (хозяев дома). И влезаше мьютсея, и порплотсея в попели том, яко и кури след свой покажут на попело... п трутсея чехлы и убусы теми. И приходят топившей мовници и глядають на попеле следа и егда видят на попели след и глаголють: “Приходили к нам навья мьтсея!”». При этом навьи, хотя и являлись по происхождению душами умерших, нигде и никогда не считались духами предков, «дзядами», так как в них, по народному убеждению, превращались не свои, родные покойники, а души врагов, заложных, нечистых покойников, и, следовательно, сами навьи являлись не благосклонными к людям духами, а враждебными и опасными существами, нечистыми духами, которых в Великий четверг задабривали, чтобы не подвергнуться нападению с их стороны.

Вообще, Страстной четверг считался подходящим временем для общения со всеми сверхъестественными существами, в том числе и с нечистой силой, а особенно с теми духами, которые считались родственными человеку (т.е. с домовыми, дворовыми и ир., в которых, по поверьям, превращались души людей, умерших «нечистой» смертью или проклятых). Так, например, люди, желавшие увидеть лешего, старались сделать это именно в Страстной четверг: ночью шли в лес, садились на березу или на осину, снимали с себя нательный крест (иногда закапывали его в землю) и звали лешего: «Владыко лесной, есть у меня до тебя просьба», и т.п. Считалось, что после этого леший немедленно явится и тогда ему можно задавать вопросы (например, спрашивать о будущем), заключить с ним договор и т.д. Во

многих местах считалось также, что в Страстной четверг можно увидеть и домового, стоит только взять свечу, принесенную с вечерней службы, и подняться на чердак; при этом считалось, что увидеть мохнатого домового — к богатству, а голого (без шерсти) — к бедности, нищете. Задабривали домового также в Страстной четверг: заботясь о том, чтобы домовый оберегал скот и хозяйство, не мучил лошадей и т.д., ему под угол дома клали еду, а также пряли нитку в левую сторону, обводили ею кругом двора три раза, спутывали ноги цыпленка, также три раза, и обносили его кругом стола с приговором: «Чужой домовый, ступай домой, а свой домовый, за скотиной ходи, скотину паси».

Обшались в Страстной четверг и с другими сверхъестественными существами. Так, например, в этот день во многих местах «кормили Мороз киселем»: ставили на ночь на окно или выносили во двор овсяный кисель в миске, говоря при этом: «Мороз, Мороз, не мороз наш овес, киселя поешь и нас потешь»; верили, что после этого «Мороз» не тронет весенние всходы. Подобным же образом в Страстной четверг «кликали зверей»: дети носили в овин кисель и звали диких зверей: «Волки, медведи, лисицы, куницы, зайцы, горностаицы, идите к нам кисель есть!»; считалось, что после такого приглашения насытившиеся звери летом не тронут ни скот, ни сады. В некоторых местах (например, в Сибири) с той же целью поступали несколько иначе: хозяин в Страстной четверг раскладывал на перекрестках мясо и говорил: «Черные лютые звери, серые волки, принес я вам питание-еду. не надейтесе больше на меня»; считалось, что этим он убеждает себя и скот от волков.

На Страстной четверг приходилось множество обрядов, связанных с «магией первого дня», и большинство таких обрядов было связано с домашними животными. Так, например, в этот день хозяйки открывали печные трубы и, набрав в подол овса, взбирались на крышу и кричали в трубу: «Коровы-то дома?»; кто-нибудь из семейных отвечал им: «Дома, дома!», — после чего бабы «уговаривали»: «Так-то вот, коровушки, в лесу не спите, домой ходите», — а затем шли на двор, где скамливали скотине весь овес. Иногда такой обряд обставлялся несколько по-иному: соседки стучали друг к другу в окна и спрашивали: «Дома ли коровушки?», — на что хозяйка отвечала им: «Дома, дома!»; такой диалог продолжался до тех пор, пока соседка не перебирала по очереди весь скот, все огородные и зерновые культуры, а также множество предметов домашней утвари, надеясь на их приумножение в течение года. Иногда хозяева просто поочередно выкликали в открытую печную трубу весь скот, чтобы он летом не разбредался, не терялся и приходил домой.

Утром в Великий четверг, еще до восхода солнца, хозяева примечали: если скотина лежит головой на закат, то это, по народному убеждению, добрый знак, и такая животина благополучно проживет лето, нигде не

Страстной четверг

потеряется и не пропадет; если же она лежит головой к воротам, то она ненадежна для дома и может пропасть. Чтобы этого не случилось, маленьким ребятишкам велели ранним утром, до восхода солнца, с колокольцами (скотскими боталами) в руках три раза быстро обежать кругом двора с криком: «Около двора железный тын»; при этом бегать следовало так, чтобы не упасть, ни с кем не столкнуться и не поскользнуться (считалось, что этим от скотины отгоняется всякая нечисть п скот прямо с пастбища возвращается домой).

Для того, чтобы куры лучше неслись, хозяйка в Великий четверг пела в курятнике петухом пп сгоняла кур с насеста помелом, а также кормила утром петуха на печной заслонке (иногда — каленым порохом «для злости») и посыпала пол в курятнике золой. Чтобы куры не теряли яиц и неслись на своем дворе, их кормили зерном, насыпанным в обруче. От порчи и для того, чтобы летом коршуны не таскали цыплят, женщины до восхода солнца (чтобы никто не видел и не сглазил) надевали на колья забора перевернутые горшки (нередко — без дна), а кроме того, привязывали к кольям (по возможности — ко всем) спряденные «в левую сторону» нитки.

В Страстной четверг, называемый в народе «Чистым», совершались и различные очистительно-апотропоические ритуалы, направленные как на самого человека, так и на его ближайшее «окружение» — дом, двор, хозяйство, домашнюю утварь, одежду и т.п. Так, например, во многих местах хозяйки считали своим долгом выскоблить, выбелить и вымыть вообще всю избу, полагая, что «если в Чистый четверг все вымоешь, потом весь год чистота в избе водиться будет». К Чистому четвергу часто приурочивались: побелка дома, ритуальное очищение дежи, уничтожение старых вещей и т.д.; во многих местах принято было сбрасывать в проточную воду старую одежду, для того, «чтобы зло уплыло вместе с ней». В этот день перемывали всю домашнюю утварь; при этом хозяйки в некоторых губерниях полагали, что всякая посуда в этот день «сомнительна в чистоте» (так как некогда в этот день солонка была осквернена иудиным прикосновением), поэтому старались перемыть (пли даже окурить) все крынки женскими волосами.

В Страстной четверг обязательно мылись в бане (в некоторых местах — еще до восхода солнца), нередко обливались водой из проруби пли даже купались в проруби для здоровья и предохранения от порчи. Принято было также приносить домой свежую воду из источников и умываться ею для того, чтобы «весь год быть чистым», а также для того, чтобы избавиться от болезней (главным образом кожных) и обеспечить себя здоровьем на весь год; при этом для красоты и здоровья, а также для богатства старались умываться «с серебра», т.е. положив в воду для умывания серебряную монету. Девушки в Чистый четверг мылись с особыми целями, полагая, что если в этот день на утренней заре хорошенько вымыться, вытереть тело полотенцем и затем отдать это полотенце «оброшнику», то от

женихов отбою не будет, и в самом скором времени непременно состоится свадьба.

Вообще, обряд умывания, очищения в Чистый четверг нередко бывал весьма сложным. Так, например, в некоторых местах он совершался следующим образом: глухой ночью, еще «до света», чтобы «ворон не успел выкупать своих птенцов», бабы ходили на речку с ведрами и кувшинами; на восходе солнца они черпали воду (причем обязательно проточную) и несли ее домой. Возле самого дома они обливались с головы сначала сами, а затем обливали мужа и взрослых детей (маленьких мыли в нагретой воде); при этом в некоторых местах девки с бабами ходили окачиваться водой под куриный насест для красоты и долголетия, а некоторые девушки ходили умываться на хмельник «до вороны» (т.е. прежде, чем ворона закаркает), желая, чтобы люди любили их так же, как хмель. Омывшись, женщины перевязывали руки на запястьях, йоги на предплюснах и поясницу как себе, так и каждому из членов семьи нитками, которые каждая хозяйка дома пряла особым обрядом: до восхода солнца, еще до того, как идти на реку, раздевшись донага, сидя на пороге дома п крутя веретено или суча нить в левую, обратную сторону, не так, как обычно. Эти нити использовались как оберег от нечистой силы и вообще всяких бед; их носили обычно до тех пор, пока они не истирались, полагая, что все, исполнившие этот обряд, весь год не подвергнутся никакой болезни.

С целью защитить дом и домочадцев от всякого зла, от грома, нечистой силы, гадов и т.п., совершались и другие обряды. Так, например, с этой целью в Страстной четверг во многих местах окружали дом магическим кругом, объезжая его верхом на кочерге или помеле, обливая водой углы дома или очерчивая дом мелом или косой. После вечерней службы каждый хозяин старался принести домой еще горящую четверговую свечу; ее копотью на воротах, окнах и потолке прочерчивали кресты (заграждающие путь нечистым духам), сами же свечи от четверговой всенощной хранили в течение года и использовали их как оберег от грозы, нечистой силы и т.п.

В некоторых местах в Страстной четверг до солнечного восхода специально ходили в лес за вереском или можжевельником (могуществом своим, по народному убеждению, уступающим лишь сору из муравьиной кучи); при этом шли за растениями не умывшись и не помолившись, в строжайшей тайне (чтобы никто не увидел), а в лес входили со следующими словами: «Царь лесной и царица лесная, дайте мне на доброе здоровье, на плод и род». Принесенные из лесу растения разбрасывали по двору и хлевам, а иногда также зажигали их на сковороде или жестяном листе посреди избы, на полу, и через этот огонь скакали все члены семьи, а затем переносили маленьких детей и домашние вещи и даже переводили скот для того, чтобы уберечься от болезней и пагубного воздействия нечистой силы. Так, например, в старой Новгородчине считалось, что люди, совершившие этот обряд, т.е. прыгавшие черз

Страстной четверг

зажженный таким образом можжевелник или вереск и о курившиеся его дымом, на весь год будут обеспечены здоровьем и защищены от «дьявольщины», которая, по народному убеждению, в Страстной четверг бывает «особенно проказлива»: у колдунов и ведьм, к примеру, в эту ночь состоятся самые важные встречи с нечистыми духами, благодатной охраняющей силой против которых как раз и обладает можжевелник.

Одним из самых характерных обрядов, приуроченных к Страстному четвергу, был обряд приготовления «четверговой соли». Согласно поверьям, соль некогда была осквернена Иудой, который на Тайной вечере обмакнул хлеб в солонку, и в этот момент по руке в него вошел дьявол; для того же, чтобы соль очистилась, и совершался в Великий четверг этот особый обряд. Приготавливали соль по-разному, например, заворачивали ее в тряпочку и освящали в церкви или просто выносили «на зорю», под звезды. Во многих местах поступали и так: перепекали соль в печи (иногда — перемешав ее с квасной гущей, положив в старый лапоть и в таком виде бросив в огонь), а затем эту пережженную, сероватого или даже черного вида соль толкли, просеивали и хранили весь год. Подобная соль считалась в народе насколько чистой и священной, что ею лечили людей и скот, использовали ее как оберег от всего «нечистого» и вообще относились к ней так же благоговейно, как и к священным предметам. Такой солью солили первые освященные в церкви после святой заутрени пасхальные яйца.

Существовали в народе и другие поверья, обряды и обычаи, приуроченные к Страстному четвергу. Так, например, в некоторых местах считалось, что в полночь на Чистый четверг ворон купает своих воронят, поэтому на реке специально для него делали прорубь, полагая, что это приносит счастье; кроме того, считалось, что ворон, в благодарность за помощь, будет летом оберегать двор и ниву от хищников. В Страстной четверг во многих местах первый раз подстригали волосы у тех ребятишек, которых до сих пор еще не стригли с самого их рождения; при этом в этот же день подстригали у овец шерсть на лбу, у кур, коров и лошадей — хвосты, полагая, что от этого у овец руно будет длиннее и гуще, лошади не станут скакать через изгороди и портить колья, у коров не исчезнет молоко, а кроме того, все животные, меченные таким образом в этот день, не потеряются в лесных чащобах, не завязнут в болоте и к ним не посмеет прикоснуться ни гад, ни зверь. Нередко также принято было на Великий четверг выпекать особые просфоры, которые давали скоту по одному, а овцам по два (чтобы принесли ягнят-двойняшек).

Вообще, четверговой просфоре во многих местах придавалось немалое значение. Так, например, в воспоминание о преломлении хлеба в этот день крестьяне многих приходо́в считали обязательным подать в церкви заздравную просфору, по силе своей иногда приравнивавшуюся к благовещенской. Во многих местах считалось, что в Великий четверг Господь благословляет

вообще всякий хлеб, который подается в этот день к обеду; поэтому крошки и куски, оставшиеся на столе после трапезы, тщательно собирали и хранили как освященные предметы (тина четверговой соли), способные даже исцелять болезни и отгонять нечистых духов.

Особые обряды, связанные с хлебом и приурочившиеся к Великому четвергу, были у пермяков. Там вечером накануне Великого четверга хозяева приносили в избу в решете зерновой хлеб и, положив на него челпан печеного хлеба и соль в солонке, ставили решето на лавку в передний угол, под иконы. Помолвившись Богу, они оставляли все это в углу до первого дня насхи, а иногда даже до прихода священнослужителей с образом Богоматери: считалось, что в этом случае все эти предметы получат особую силу. Так, зерновой хлеб употреблялся потом как симпатическое средство, предотвращающее недостаток в хлебе (для этого хозяин высыпал его в закром). Печеный хлеб давали скоту, выпуская его весной первый раз на пастбище, полагая, что это предотвратит пропажу коров, и пр. Соль давали скоту в случае болезни; кроме того, мужики брали эту соль с собой, отправляясь в дальнюю дорогу на заработки, полагая, что она предотвращает несчастья (такую соль именовали четверговой).

Таким образом, практически повсюду к Великому четвергу приурочивались самые разные обряды, хотя в целом этот день у простых крестьян проходил одинаково. Так, например, в XIX в. в некоторых местах день этот начинался с того, что вся семья вставала очень рано, задолго до восхода солнца («до петухов»), и умывалась. Потом хозяйка в дымное окно кликала скот во двор, причем особым образом (коров — тпрука, тпрука; телят — тпрутя, тпрутя; лошадей — тпро-тпро; жеребят — чибу-чибу; овец — баль, баль; ягнят — мась, мась; коз — дедения; свиней — рюх, рюх; поросят — вих, вих); кликала она до тех пор, пока какое-нибудь животное не подавало голос, полагая, что в этом случае в наступающем году не надет и не заблудится в лесу ни одно животное этой породы. После этого она шла на двор и там, обогнав кругом столба коров (чтобы предотвратить их спянье во время выпаса), кормила и поила их. Далее она вешала на передний угол дома голик и худой лапоть для защиты цыплят от коршуна и других хищных птиц в продолжение лета. Окончив же свои дела на дворе и в избе, она топила печь и пекла хлеб, чтобы он в течение года «не выводился из сусеков». Хозяин в это время считал деньги и осматривал, передвигал, переставлял с места на место все хозяйственные орудия, затем делал на реке новую прорубь, чистил скребницей рабочих лошадей, кормил и поил их. Если он был охотником, то непременно стрелял из ружья в воздух до трех раз. Только исполнив все это, он мог пребывать в уверенности, что у него в течение года и деньги будут водиться, и орудия не сломаются и не потеряются, и лошади будут здоровыми и крепкими, не падут, и охота будет удачна. Между тем, малолетние парни и девки (если же их не

Стрибог

было, то сами хозяева) шли в лес за вереском (можжевельником), за татарником (который для этой цели помечался еще осенью) и за пихтой. Вереск жгли в печи и привязывали около нее к столбу, а также подтыкали его вместе с татарником иод матицу над избяными и санными дверями, полагая, что эти два растения защищают дом от злого влияния колдунов. Из пихты делали помело, которым обновляли печь (что защищало печь от разрушения). Девки (из тех, которые уже «ходили в невестах») в то же время подстригали себе волосы (чтобы они были длиннее и гуще) и с небольшим пучком соломы или неотрепанного льна ходили в отхожую избу или в баню; побыв там немного, выходили на улицу, жгли солому или лен и скакали через пламя (чтобы будущие мужья крепче их любили). Прочие взрослые домочадцы этим утром посвящали хотя бы несколько минут каким-либо сподручным работам: мужчины плели лапти, веревки, тесали топорича и проч., а женщины пряли или шили; все это делалось с уверенностью, что в этом случае в течение года все эти дела будут спориться, делать их будет легко и «в охотку». Кроме того, взрослые в это утро ходили из дома в дом бражничать, чтобы «иметь брагу в течение года и жить в довольстве и веселии». Многие в это время замешивали соль на квасной гуще и бросали в едва затопленную печь, а потом соль эту употребляли в пищу и давали скоту в пойле для здоровья.

СТРИБОГ — в восточнославянской мифологии одно из верховных небесных божеств; бог вихря, урагана, бури, дед и повелитель ветров, а также вообще всех воздушных стихий. Стрибог — один из древнейших славянских богов.

По-видимому, имя Стрибога происходит от слова «стри» — воздух, поветрие; недаром в «Слове о полку...» его называли дедом ветров: «се ветры, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами». Но вообще, по поводу этимологии имени этого божества существует несколько различных точек зрения. Так, некоторые исследователи истолковывали имя Стрибог как исконно славянское — «устроитель добра» — и сближали его с глаголом «строить». Другие рассматривали его как заимствование из древнеиранского со значением «возвышенный бог». Третьи возводили этимологию имени этого божества к индоевропейскому слову, имеющему значение «бог-отец». Из этих вариантов, по-видимому, наиболее вероятно последняя точка зрения, так как на ее основе в результате сравнения имен верховных небесных божеств в мифологических системах индоевропейских народов делается вывод о единой природе имен древнеиндийского бога неба Дьяуса, древнегреческого Зевса, древнеримского Юпитера и славянского Стрибога, что в свою очередь позволяет говорить о Стрибоге как о главном божестве неба, неботце.

Другие названия, даваемые славянами богу ветров, были *Pogoda Pochwist* (Погода и Похвист). В областных говорах погода нередко употреблялась в смысле

громовой тучи, ветра, метели, бури, дождливого или снежного времени; погодица — вьюга, метель, погодиться — становиться ненастью; пол. *pogoda* и чешек, *pohoda* — благоприятное для нив время. Похвист или Посвист (ср.: хвистеть — свистеть) воспринимался как бог бурь; и сам свист в народе сближался со звуками, издаваемыми ветром, бурей и пр. В одной малорусской думе, напечатанной в сборнике Кулиша, упоминается бог Посвыстач: собираясь отплыть в синее море, князь и его дружина стали «своему богу Посвыстачу молотья, щоб вин им годьну дав, та моря не турбував».

При этом функциями повелителя ветров в мифах многих народов нередко наделялись боги-громовники — Индра, Тор и пр. Существует вероятность, что Стрибог, Сварог, Род и Святovit — это имена-эпитеты одного и того же верховного небесного божества. Это небесное божество, воплощение неба — отец всего живого на земле: согласно древнему мифу, отец-небо, воплощение мужского начала, оплодотворяет мать-землю, воплощение женского начала, в результате чего появляется все живое на земле, в том числе и человек. Вероятно, этим олицетворением неба-родителя являлся не только Сварог, но и (возможно, ранее) Стрибог. Первая часть имени Стрибог того же корня, что и древнерусское Стрыи — дядя по отцу; это тоже может указывать на родительные функции Стрибога, так как в семейно-родственных отношениях многих первобытных племен дядя по отцу был даже значимее, чем отец.

Студенец — см. Мороз.

СТУПА — предмет домашней утвари; в обрядах — эротический символ, воплощение женского лона. В некоторых свадебных обрядах ступу рядили в женский наряд, а пест — в мужской; после свадьбы гости наливали воды в ступу и давали молодой толочь воду в ступе до тех пор, пока она не выплещет всей воды (этим испытывали характер молодой); в последний день свадьбы родителей новобрачных «венчали» вокруг ступы; в святочной игре также «венчались» вокруг ступы, изображавшей церковный аналой, и т.д.

У русских и украинцев ступу использовали в народной медицине. Так, крестьяне верили, что в ступе можно истолочь болезнь или «перетолочь» больное животное на здоровое; иногда пытались «заморить» лихорадку под ступой и т.д.

Ступа также являлась одним из атрибутов разнообразной нечистой силы. Так, например, в некоторых местах считалось, что планетники толкут лед в ступах, изготавливая град; ведьмы, Баба-Яга и шуликуны ездят в ступе, летают в ней по небу и т.д. Детей пугали Бабой-Ягой, которая толчет попавшихся ей детей в своей железной ступе и затем съедает, и т.д. По-видимому, такие поверья были связаны с представлением грозных туч ступой, а молнии — пестом, которая с грохотом-громом ударяет в ступу. Соответственно, и стихийные духи, олицетворявшие собой ветер, облака и пр., нередко наделялись пестом и путешествовали в ступе, т.е.

Суседка

перемещались с тучами, управляя ими при помощи молнии.

СУСЕДКА. суседко, дедушко-соседушко, сосед, соседушко — домовой (изредка, в некоторых местах — леший). Иногда под суседкой понимали не домового, а домаху или кикимору (так, например, в лечебнике XVIII в. кикимора именуется суседкой); нередко как домового, так и домаху одинаково именовали суседкой (или дедушкой-соседушкой и матерью-суседкой), т.е. духом, соседствующим в доме с людьми. Чаще всего домовых духов называли суседками в Сибири.

В большинстве поверий суседка, в общем, аналогичен домовому и домахе. Так, по народным поверьям, суседка живет в подполье, в углу под печью; может показаться кошкой и собакой, иногда в этом облике гоняет кур или обходит дом. Суседка (мать-суседка) любит пряхть; она нередко садится ночью пряхть оставленную хозяйкой кудель, и тогда слышно, как свистит веретено, а утром «прядево прибывает». Переходя в новый дом, суседку звали с собой («перекликали» из старой избы). Для того, чтобы угодить суседке, в разных местах при переезде, а также накануне Крещения и в другие праздники под голбец, за или над печку клали булочку «с гривну величиной» или краюшку хлеба с солью на лучинке.

В некоторых местах верили, что «в хозяйстве бывает не один суседко, а несколько: домовая суседка, банная суседка, скотская суседка и т.д.» (т.е. духи, обитающие в доме, в бане, в хлеву; например, считалось, что «домовая суседка» живет за печкой и присматривает за порядком в доме, а «скотская суседка» обитает в хлеву, в загородах, и ведаёт скотом). Изредка упоминалась также «земляная суседка», но подробных сведений о ней в поверьях нет.

Описывали суседку по-разному. Так, по некоторым поверьям, суседко — это «кикиморин муж», «тот же домовый» (хотя в некоторых местах суседку и домового различали); он очень маленький («ровно кужель отрепей»)

и редко показывается людям. Суседко, по народному убеждению, может принимать облик хозяина дома или же небольшого старичка; одет он в свитку и всегда носит большую лохматую шапку; у него длинные и свалявшиеся волосы на голове и в бороде. Зла суседко людям не делает: если его кормят в праздники, то он заботится о хозяйстве, ходит за лошадьми, предостерегает хозяев от грядущих бед и т.д.

По другим поверьям, «домовая суседка» — «то ж кикимора», женский дух дома; она обычно невидима, однако иногда ее, круглую, как клубок, с человеческим лицом и короткой жесткой шерстью, можно заметить в подполье; при этом она «укатывается, как шар без рук и ног». Ночью она может принять вид маленького ребенка с крохотными ручками и ножками, но очень тяжелого; иногда считалось, что она может иметь и облик хозяйки дома. «Домовая или избная» суседка заведует избой, людьми, а также животными, например, телятами и курами, когда они временно находятся в избе. Тем, кого любит, суседка заплетает косы, которые нельзя расплести; тех же, кого невзлюбит (и людей, и животных), суседка «трясет до поту» (при этом особенно часто вредит курам).

Как все домашние духи, суседка, по поверьям, предсказывает будущее. Так, считалось, что если ночью суседка навалится и подует холодным, как лед, дыханием, то это «к худу», а если «дует теплым духом» — «к добру». Помимо этого, суседка дает знать о грядущих бедах или радостях различными звуками: к беде стонет и плачет, к свадьбе играет на гребенке, и т.д.

По ночам суседка нередко находится рядом со спящими людьми: садится на грудь или около головы; давит человека, заплетает ему волосы; устраивается на печи возле спящего хозяина погреться и т.д. Немало быличек повествует о смельчаках, сбрасывающих суседку на пол, как кошку; суседка при этом «крякает». а человек утром обнаруживает в руке клок шерсти с короткими и жесткими, как у медведя, красными волосами. При этом, однако, обычно считалось, что на такое обращение суседка не сердится — «сонному человеку все простительно».

Местопробывание «избной суседки» в поверьях разных районов было различным, хотя повсеместно считалось, что он (как и домовый) находится где-то рядом с печью. Так, по некоторым поверьям, дедушко-соседушко живет в доме у огня на шестке (шесток — место перед устьем печи). По другим поверьям, мать-суседка обитает у кедринки, которую при начале строительства помещают в подполье под передним углом избы с приговором: «Вот тебе, мать-суседка, теплый дом и мохнатый кедр»; возможно, это говорит о том, что суседка воспринимался не только как дух дома, но и как лесной дух, переходящий в избу вместе с деревцем и становящийся после этого покровителем дома и семьи.

Таусень — с. Авсень.

ТОДОРЦЫ — персонажи сербской мифологии. Тодорцев представляли себе в виде коней, всадников или существ с конскими телами и человеческими головами.

По поверью, тодорцы появляются из «мира мертвых» в первую неделю Великого поста, наказывая людей, не соблюдающих пост. Главой тодорцев считался Великий Тодор, покровитель наездников, появляющийся в виде всадника в белом плаще на хромом коне; его днем (днем св. Феодора — Тодора Тирона, христианского великомученика IV в.) была первая суббота Великого поста, называвшаяся «Конской пасхой».

Тодорцы, по народному поверью, имеют силу ночью, до первых петухов. Они быют людей копытами, отпечатки которых остаются на теле, и после такого удара человек тяжело заболевает; для того, чтобы поправиться, он должен на следующий год, в Тодорову субботу, прийти на то место, где его ударил тодорец: там он либо сразу умрет, либо выздоровеет. Тодорцы могут убить ребенка, мать которого нарушила запрет готовить пищу в Тодорову субботу. Людям, нарушившим запрет на работу, тодорцы могут распороть живот и внутренностями привязать к дереву или забору. Считается, что тодорцы особенно опасны близ водяных мельниц, где от них погибают целые семьи.

Защитой от тодорцев служили чеснок, ножи и вилки, выставляемые в окнах. Превентивной защитой служит соблюдение запретов на Тодоровой неделе, а также обрядовая выездка копей, подрезание им гривы и хвоста, приготовления хлеба в виде подковы и т.и.

ТОТ СВЕТ — загробный мир, место пребывания душ умерших, а также демонических персонажей и божеств. «Тот свет», по народным представлениям, находится где-то в отдаленных местах, расположенных высоко в неприступных горах или же за горами, непроходимыми лесами, морями; на краю света, на острове посреди океана; за горизонтом (на западе или на севере); высоко в небесах или глубоко под землей. Однако и в окружающем людей пространстве существовали места, служащие входом в иной мир. Это прежде всего кладбище и места, которым приписывалась связь с духами: источники, колодцы, болота, овраги, пустыри; места, не освоенные человеком; печь, чердак, подпол, углы, порог и т.п.

Мир мертвых представляли себе по-разному, что, очевидно, было связано с представлениями о рае и пекле. С одной стороны, загробный мир считали

похожим на мир живых: там так же светит солнце, поют птицы, цветут деревья, есть юля и луга; там стоят дома, где и обитают души умерших. Умершие живут семьями, так же, как и живые люди; они занимаются привычным трудом и т.п. При этом загробный мир является миром изобилия и несметных богатств: так, верят, что в стране мертвых стоят прекрасные дворцы, текут молочные реки, растут золотые плоды и т.д.

С другой стороны, в похоронных причитаниях, заговорах, колядках и т.п. «тот свет» прямо противопоставлен земному миру. Он изображался совершенно чуждым человеческому миру, «нездешним», вечно темным и застывшим, недвижимым, холодным, беззвучным, невидимым, мокрым, грязным, безрадостным и т.п. Он располагается за темными и дремучими лесами, где «буйны ветры не проведают, птичьи не прилетают»; туда «нет проезду на ступистых лошадушках, нет проходу во темных лесах дремучих», и т.д. В заговорах «тот свет» является местом, где не поет петух, не лают собаки, не поют птицы, не светит солнце, не веет ветер, не идут дожди и т.п.

Путь на «тот свет» представлялся трудным, долгим и опасным, однако считалось, что душа праведного человека может легко проделать этот путь, например, в виде птицы. Так, Млечный путь называли «птичьей дорогой» или «дорогой души», считая его «дорогой умерших, идущих на вечное житье»; но пройти по этому пути могут только праведные люди, а грешники надают с него и попадают в пекло или остаются на земле и вредят людям.

Проводниками душ на тот свет служили ранее умершие родственники, ангелы, святой Николай, архангел Михаил и др. Главным рубежом, отделяющим «этот свет» от «того», считалась мифическая река («Забуть-река», огненная река), переправившись через которую, умерший забывал свою прошлую жизнь и окончательно приобщался к миру духов. Последней преградой на пути, ведущем на «тот свет», служили «врата загробного мира», охраняемые мифическими существами или святыми. Так, стражем райских врат считали святого Николая; привратником же врат ада считался старший бес или святой Касьян.

Представления о разграничении «того света» на рай и ад возникли, вероятно, под влиянием христианства. Архаические же верования изображали рай и ад территориально не расчлененными; считалось, что загробный мир расположен на земле за водным пространством и в нем соседствуют праведные и грешные души, хотя при этом страна грешников отделена от страны праведников пропастью, огненной рекой, глухой стеной и т.п. Этот мифический мир славяне называли

Травы чародейные

«Вырий» или «Ирий» и считали, что на зиму туда переселяются птицы, змеи и насекомые; птицы перелетают в Вырий по Млечному Пути, а змеи уползают туда осенью вверх по деревьям. Весеннее же «размыкание земли» и открывание небесными ключами врат загробного мира освобождает птиц и змей, которые весной вновь возвращаются на землю; вместе с ними мир живых посещают и души умерших, а также нечистая сила.

ТРАВЫ ЧАРОДЕЙНЫЕ — колдовские травы, которые обладают волшебными свойствами. Считалось, что все травы, а в особенности чародейные, набирают силу в ночь на Ивана Купалу или Аграфену Купальницу (Аграфену — Лютые Коренья); при этом травы получают не только добрую, но и злую силу. Так, одни травы способны лечить людей, оберегать от порчи, охранять от нечистой силы хозяйство и человека, показывать места, где лежат клады, и т.п.; другими же травами пользуются только ведьмы и колдуны для того, чтобы вредить людям, а некоторые травы и сами по себе вредят человеку: убивают его (например, своим криком), насылают болезни и т.п.

Все чародейные травы, по поверью, обладают какими-либо необычными свойствами: цветут огнем, клонятся и колышутся без ветра, летают, кричат человеческим голосом, имеют необычный цвет, запах и т.п. При этом некоторые растения могли обладать волшебными свойствами только в том случае, если их вовремя и правильно сорвали и использовали. Поэтому, как правило, чародейные травы собирали только люди, в совершенстве знавшие свойства этих трав; таких людей в народе называли «травниками» или «зелейниками», «травознаями». Обычно такими «зелейниками» были знахари и знахарки, передававшие свои знания из поколения в поколение.

Считалось, что чародейные травы цветут по ночам или на заре (утренней или вечерней), в полдень и т.п. Ночные травы, такие, как черная папороть, царе-царь, лев, голубь и т.п., цветут огнем; при этом некоторые цветки пылают неподвижным, сильным пламенем, а иные имеют вид молнии или летучего, призрачного огня. Так, про траву, называемую лев, рассказывали, что она «растет невелика, а видом как лев кажется. В день ее и не заметишь, сияет она по ночам. На ней два цвета, один желтый, а другой ночью как свеча горит. Около нее поблизости травы нет, а которая и есть, и та преклонилась перед ней».

Собирание чародейных трав нередко несло в себе определенную опасность, поэтому собирание таких трав сопровождалось различными обрядами. Так, некоторые травы (например, кликун-траву или колюку-траву, одолень-траву, метлику, папороть и т.п.) требовалось рвать, очертив их сперва вокруг золотом или серебром; это называлось «пронимать сквозь серебро (злато)». Делалось это следующим образом: на землю около травы с четырех сторон клали серебро (монеты или украшения) или же раскидывали вокруг травы золотую гривну (тяжелую шейную цепочку) и

лишь затем срывали или срезали траву. Часто при этом над травой нужно было произнести заговор, «уговорить» ее помочь человеку.

Трапеза — см. Еда.

Трескун — см. Мороз.

ТРОИЦА. Пятидесятница — один из важнейших праздников православного церковного календаря, отмечаемый в 50-й день после Пасхи (в этот день церковь вспоминала и прославляла сошествие на апостолов Святого Духа в виде огненных языков). Троицей этот день именовался потому, что в этот день церковь призывала всех верующих поклониться Троице Божеству: Сыну во Отце со Святым Духом.

Троица входила в цикл связанных между собой праздничных дней, начинающихся с четверга седьмой недели после Пасхи, называемого Семиком. Следующим праздником Троицкого цикла была суббота накануне Троицына дня, являвшаяся одним из главных поминальных дней в году; ее называли «родительской (задушной) субботой» или «троицкими дедами». После троицкого воскресенья начиналась Троицкая («русальная» или «проводная») неделя, в составе которой выделялись две даты: понедельник («Духов день») и четверг («Навская Троица», «Сухой день», «Кривой четверг»). Весь этот Семико-троицкий цикл праздников на Украине и в Белоруссии именовался «Зеленые святки».

Семико-троицкие обряды были тесно связаны с культом растительности. Так, например, повсеместно на Троицу принято было заготавливать зелень: срубленные молодые березки и ветки березы, клена, дуба, липы, орешника, рябины и т.п., а также травы и цветы; из этой троицкой зелени плели венки, которые носили на Троицу и в другие праздничные даты, а кроме того, троицкой зеленью и венками из нее украшали дома снаружи и внутри. Пол в храме на Троицу устилали свежей травой; прихожане же в этот день являлись к обедне в церковь с букетами полевых цветов. Троицкая зелень считалась очень действенным оберегом от злых сил, молнии, пожара, града и т.д., поэтому ее затыкали во все хозяйственные постройки, ворота, колодцы; надевали зелень на рога коровам; бросали ветки в огород и втыкали их в поля; закапывали молодые деревца во дворе возле дома, под окнами, по углам дома и т.д. Кроме того, зелень, собранную на Троицу, широко использовали для гаданий и в лечебной магии. По окончании праздников большая часть зелени уничтожалась: ее сжигали, забрасывали в глухие места и овраги, на деревья и крыши домов п бань, сплавляли по воде и т.д.; однако часть зелени оставляли и хранили в течение года, используя ее все в тех же магических целях. Особенно ценилась зелень, побывавшая на Троицу в храме: так, например, цветы, которые приносили в церковь на Троицу, хранили за иконами, а также клали их под свежее сено и в житницы, чтобы не водились мыши, и в норы на грядках от землероек; траву же, которой в церкви на праздник выстилали пол, примешивали к селу, а также делали из нее отвар и пили его, почитая целебным (по этой причине всякий прихожанин, выходя на Троицу от

Трясавицы

обедни, старался ухватить хоть клочок травы из-под ног).

Во время семицко-троицкого цикла повсюду проводились обряды с растущей и срубленной березой. Так, в Семик девушки ходили в лес и «завивали» молодую березку: закручивали ветки на растущей березе в виде венка, перевязывая их лентами. В некоторых местах вместо этого березку «заламывали» — пригибали ветки к земле и переплетали их с травой или заламывали верхушку березы. После этого в Троицын или Духов день березку обязательно «развивали», распуская венки на дереве; считалось, что в противном случае березка «обидится». При «завивании» и «развивании» деревца девушки гадали по венкам и цветам о судьбе и замужестве, «кумились» друг с другом, водили хороводы, устраивали под березкой обрядовую трапезу и т.п. После «развивания» деревце нередко срубали, рядили в девичий наряд или украшали лентами и цветами, а затем ходили с деревцем по деревне, после чего топили его в реке или сжигали; такой обряд был символическим «уничтожением русалки».

Троицкий цикл был временем проведения многочисленных поминальных обрядов. На Русском Севере Троица и предшествующая ей суббота считались главными поминальными днями в году. В южнорусских областях в пятницу и субботу перед Троицей («Троицкие деды») поминали заложных покойников, а особенно детей, умерших некрещеными, и девушек, не доживших до вступления в брак, так как троицкий цикл праздников повсюду считался порой появления на земле русалок. В это время обязательно соблюдали многочисленные запреты, чтобы ничем не обидеть присутствующих в это время на земле покойников и не навлечь на себя их гнев. Так, например, во время троицкого периода запрещалось шить, прясть, белить хату и печь, работать в огороде, купаться в реке и т.п. Особенно строго соблюдались эти запреты в тех семьях, где недавно похоронили незамужних дочерей; кроме того, такие люди должны были соблюдать еще и особый обычай: на ночь перед Троицкой субботой или перед Навской Троицей оставлять на столе номинальный ужин, вывешивать на ограду одежду, принадлежавшую умершим, и т.д.

С русалками был тесно связан обряд «завивания березки», производимый девушками в Семик; во многих местах он даже именовался «встречей русалок». «Завитая» березка считалась деревом русалок, местом их появления, поэтому на Троицу к такой березе старались не подходить, чтобы «русалки не зашекотали». Собственно говоря, в народных поверьях русалки связывались не только с троицкой березкой, но и вообще с троицкой зеленью. Так, например, троицкую зелень во многих местах раскладывали на полу и затыкали ее в стены дома, «шчоб тые русалки ходылы, шчоб ноги у их не поколюлыся» или «шчоб колыхались русалки на деревьях, на цих гилках (ветках)». В некоторых местах считалось большим грехом не «озеленить» хату на Троицу, так как, по народному поверью, в это время души умерших родственников приходят в дом и прячутся в зелень.

Обязательное уничтожение троицкой зелени в завершение праздничного периода мотивировалось необходимостью избавиться от русалок, «проводить» их обратно в загробный мир, чтобы они не навредили людям и хозяйству. Засохшую зелень убирали из дома через неделю после Троицы, полагая, что иначе «на ней русалка будет сидеть» или в доме «остаётся и плачет один родич». О сжигаемой троицкой березке говорили, что это «русалку палят», а сам обряд проводов весны, во время которого уничтожали березку, нередко называли «проводами русалки».

Троицкий цикл повсеместно завершался различными ритуальными «проводами»: уничтожением или выбрасыванием, сплавлением по воде троицкой зелени и березки; «изгнанием» или «похоронами» русалки, а также «вождением» ряженого «Куста» (или Веспы, Дремы), «проводами Семика и Семичихи», которых изображала пара ряженных, «похоронами кукушки» и т.п. В этих обрядах обычно использовались венки, цветочные букеты и различная зелень, ветки, а также сделанные из травы и цветов чучела. В обрядах обязательно участвовали ряженные, причем в этом случае рядились обычно только в зелень и сплетенные из нее венки: так, «русалку» в таких обрядах нередко представляла обнаженная девушка, прикрытая только венками и ветками; «Куст» также обычно был весь увешан одной зеленью.

Многие обряды, совершавшиеся собственно на Троицу, являлись лишь частью более сложных и долгих обрядов, проводившихся в течение всего Троицкого цикла (так, например, обряды, связанные с русалками, составляли единый комплекс, начинавшийся в Семик и заканчивавшийся в последний день русальной недели). Однако существовали и более простые обряды, приурочивавшиеся именно к Троицын дню и не проводившиеся в другие дни весенне-летних праздников. Так, например, к числу таких обрядов относился старинный обычай «трясти порох», бытовавший в Новгородчине. Состоял он в следующем: во время троицких гуляний на лугу, среди хороводов и игр в «огарыши» («горелки»), кто-нибудь из мужчин неожиданно хватал картуз с молодого новожена, тряс им над головой и кричал во все горло на все поле: «Порох на губе, жена мужа не любит»; на этот крик молодуха должна была как можно скорее выделиться из толпы, стать перед мужем, поклониться ему в пояс, сиять с него картуз, который в момент ее появления клали обратно на голову молодожену, затем взять мужа за уши и трижды поцеловать его, а затем снова поклониться ему и во все четыре стороны. При этом во время ухода молодой, а иногда и при ее появлении в толпе нередко начинали вслух оценивать ее качества и отпускать разные «площадные» шуточки, особенно если за молодой в девичестве водились какие-либо грешки: по этой причине молодухи обычно стеснялись этого обычая и говорили: «Когда трясут порох, лучше бы провалиться сквозь землю».

Трясавицы — см. Лихорадки.

УГОЛ — часть дома или хозяйственного строения, отделяющая «свое» замкнутое пространство от «чужого», не освоенного человеком. В народных верованиях, языке и фольклоре угол символизировал весь дом в целом; при этом «свой угол» всегда противопоставлялся «чужому», соотносимому обычно со смертью, запустением, горем и бедностью. В похоронных причитаниях последнее, посмертное жилище покойного описывается как дом без углов и окон. Напротив, в заговорах, которые должны обеспечить богатство и благополучие в доме, говорилось: «Наша изба о четыре угла, во всяком углу по ангелу стоит. Сам Христос среди полу стоит, со крестом стоит, крестом градит, хлеб и соль, скот и живот, и всю нашу семью». В белорусских заговорах дом, стоящий под мировым деревом в центре мира, имел не четыре, а три, девять, тридцать девять или другое нечетное количество углов.

В народных обрядах и верованиях угол символизировал внешнюю границу дома; устойчивости этой границы придавалось очень большое значение. Так, при выборе места под будущий дом в тех местах, где у дома будут углы, клали по камню, куску хлеба, сыпали по горсти пшеницы и т.п.; если через 2-3 дня после этого все предметы оставались на своих местах, считалось, что место выбрано удачно. Иногда по углам ставили четыре горшка с водой; если к утру воды в них прибывало, то это считали добрым знаком. Для того, чтобы обеспечить прочность границы дома, при строительстве дома под углы фундамента закапывали ветки вербы, освященные в Вербное воскресенье, остатки освященной пасхальной пищи и др. При строительстве дома в углу фундамента втыкали осиновые колышки, оберегая дом от всякой беды. Для того, чтобы в доме не переводилось богатство, под углы дома подкладывали монеты или хлеб. Однако некоторые предметы, положенные под угол строящегося дома, могли принести в дом и живущей в нем семье несчастье и смерть: так, кикимору плотники или печники «напускали» при строительстве, закладывая в переднем углу дома куклу из тряпок и щепок.

Угол дома как пограничное пространство (подобное порогу, воротам и т.п.) традиционно считался местом обитания нечистой силы и духов умерших. Так, крестьяне верили, что под углом дома обитает домовая змея, наделяемая функциями домового; в углу дома может показываться нечистая сила и т.д. В связи с этим, угол дома был объектом многочисленных очистительных, апотропеических и умилостивительных ритуалов: на Благовещение углы изб окуривали от нечистой силы и болезней; во время родов, происшедших в бане, повитуха отколупывала от каменки четыре камешка и бросала их в четыре угла со словами: «Этот камешек в уголок, черту в лоб»; белорусы,

желая избавиться от домового, портившего скот, окуривали углы дома освященным маком и говорили: «Домовой, иди домой, эта хата моя»; «провожая зиму» на Фоминой неделе, «выгоняли» ее кочергой из углов дома и из хлеба, и т.д.

Аналогичные обряды совершались и в хозяйственных постройках: так, при первом выгоне скота в поле читали заговор и секли топором по четырем углам хлеба, оберегая скот от зверей и «недоброго человека», первый раз разводя в овине огонь, трижды произносили заговор от пожара в каждом углу овина, и т.д.

Для того, чтобы летом гады не проникли в избу, в Страстной четверг крестьяне обливали холодной водой наружные углы дома; для избавления от мышей по углам дома разбрасывали скорлупу освященных пасхальных яиц; чтобы в доме не было блох, посыпали снегом углы; для защиты цыплят от хищных птиц подвешивали на угол дома веник и старый лапоть, и т.д.

Магически воздействуя на углы, крестьяне защищали также поля от мышей, грызунов, града, нечистой силы и др. Так, по углам поля в некоторых местах закапывали кости пасхального поросенка или пасхальные освященные яйца для защиты от града; по углам в поле втыкали ветки освященной вербы для защиты от грозы, града и насекомых, и т.д.

Снаружи под углами дома нередко помещали все, что могло оказаться опасным для домочадцев. Так, например, иод угол дома выливали воду, которой обмывали умершего; для того, чтобы в доме больше не умирали люди, на углу сжигали солому и мусор, оставшиеся после выноса покойного, и т.д. Кроме того, под углом дома хоронили детей, умерших некрещеными, т.к. угол дома, фактически образованный пересекающимися брусьями, воспринимался как аналог креста и детей хоронили как бы «под крестом».

Угол дома, связанный с нечистой силой и потусторонним миром, был также тесно связан с гаданиями и с магией. Так, девушки на святки отгрызали щепку от дома и бросали ее в колодец, считая, что если вода при этом сильно булькает, то это предвещает скорое замужество; для распознавания вора по углам дома разбрасывали орехи, которые затем собирали и клали на то место, где лежала украденная вещь: считалось, что после этого вор непременно сознается в содеянном.

Самым священным и почетным местом в доме считался красный угол. В этом углу хранили иконы и освященные предметы; этот угол считали обиталищем самого Бога, а также духов предков, посещающих землю в большие праздники.

Упир — см. Вампир, Упыри.

Упыри

УПЫРИ — вредоносные существа, некогда олицетворявшие собой все зло мира и противопоставлявшиеся берегиням — добрым духам-охранителям.

Поклонение упырям было известно у славян с древнейших времен, может быть, с самого палеолита. Культ упырей возник одновременно с культом берегинь — добрых духов-покровителей; упыри при этом противопоставлялись берегиням, как зло добру, мрак свету или холод теплу. Как упыри, так и берегини представляли собой стихии, природные явления, одни из которых были на благо человеку, а другие — ему во вред.

Одушевление природы, олицетворение природных стихий и явлений было свойственно еще первобытному человеку; и природа при этом издревле представлялась людям двойственной, являясь «то нежной матерью, готовою вскормить земных обитателей своею грудью, то злою мачехой, которая вместо хлеба подает твердый камень, и в обоих случаях всесылно властительницею, требующею полного и безотчетного подчинения». Противоположность света и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимнего омертвения — все это поражало человека и заставляло его предположить, что все это является следствием воздействия на мир каких-то сверхъестественных сил, находящихся в непрерывном противостоянии и сражающихся за власть над миром. Позднее это двойственное воззрение на мир выразилось в поклонении светлым и темным богам (например, Белобогу и Чернобогу); но в те времена, когда люди еще не знали персонафицированных божеств, они представляли благодатные и недобрые силы природы в виде множества духов. Добрых духов они называли берегинями, полагая, что они посылают людям все, что есть хорошего в мире, и защищают человека от духов зла — упырей. Упыри же считались той темной силой, которая насылает тьму и зиму с ее холодами, а также причиняет болезни, смерть, голод и т.д.

Теперь уже неизвестно, в каком именно облике представляли себе упырей древние люди. Как духи зла, которых следовало беречься, упыри никогда не изображались в искусстве и вообще, по-видимому, не сопоставлялись точно с чем-либо реальным. Их аморфность в фольклоре объяснялась очень просто: они являлись олицетворением такой могущественной и многоликой сверхъестественной силы, которую очень трудно было соотнести с каким-либо обликом. По-видимому, древние люди и не пытались как-то описать упырей; они просто знали, что есть некая сила, которая причиняет людям и вообще всему живому вред, и ей нужно «приносить требы», чтобы умиловить ее и тем предотвратить или хотя бы как-то уменьшить причиняемое ею зло.

Со временем облик упырей и сами предания о них стали, конечно, понемногу конкретизироваться и обрастать подробностями; может быть, это отчасти было связано с тем, что человек стал несколько меньше

зависеть от прихотей природы, наконец-то почувствовал себя под защитой могущественных добрых божеств и, отгородившись от зла молитвами, обрядами и оберегами, стал уже гораздо меньше опасаться страшных упырей.

При этом в народных легендах, обрядах и поверьях упыри стали все чаще отождествляться и заменяться другими мифическими персонажами, такими, как навьи или бесы. Фактически под всеми этими названиями понималась одна и та же темная, враждебная, демоническая, нечистая, черная сила мрака и холода. А потом в славянских землях появилось христианство, и упыри, равно как и другие подобные им демонические персонажи, стали ассоциироваться с чертями. Но старые воззрения все еще сохранялись в народных верованиях. Так, например, в XIX-XX вв. русские, украинцы и пр., как правило, называли упырями вовсе не чертей, а вампиров — «нечистых» покойников (колдунов, иноверцев и вообще людей, которых из-за их грехов «не принимает земля»), встающих после смерти из могил для того, чтобы бродить по земле и сосать кровь живых людей, насылать болезни, засуху и т.д. (впрочем, при этом нередко считалось, что это черти после смерти человека сдирают с него кожу и залезают в нее, чтобы в человеческом облике ходить среди живых и вредить им). Кроме того, упыри нередко ассоциировались в поверьях с волкодлаками — волками-оборотнями, которых также часто считали вампирами; может быть, основанием для их сближения послужил сам волчий облик (волк в народных воззрениях издревле соотносился с демонами, нечистой силой и олицетворял ночную тьму, грозные тучи, зиму и т.д.; поэтому волчий облик вполне мог быть присущ и упырям как вредоносным силам зла, ночи, холода и т.д.).

Упырь — см. Вампир, Упыри.

Усень — см. Авсень.

УСПЕНЬЕ, дожинки — день успения пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии (15/28.VIII). Согласно легенде, после Вознесения Господа Мария осталась на попечении апостола Иоанна Богослова; перед своим успением она пребывала в Иерусалиме, где дни и ночи проводила в молитве, нередко посещая Гроб Господень. В одно из таких посещений ей явился архангел Гавриил, возвестивший о ее скором переселении в жизнь небесную, вручив ей в залог пальмовую ветвь. С этой вестью Мать Божия явилась в Вифлеем, где призвала к себе праведного Иосифа из Аримафеи и учеников Господа, которым и возвестила о своем скором успении; кроме того, она молилась, чтобы Господь послал к ней апостола Иоанна, и Дух Святой перенес его из Ефеса, поставив рядом с тем местом, где возлежала Мария. После молитвы Богоматерь воскурила фимиам, и Иоанн «услышал глас с Небес, заключивший ее молитву словом “Аминь!”». Святые апостолы с песнопениями окружили благолепно украшенный

Успенье

одр Пречистой Девы и видели, как верх помещения мовно исчез в лучах необъятного Света, перед которым померкли пылавшие свечи, и в этом Свете сошел с Небес Иисус Христос, окруженный ангелами, душами праведников и другими небесными силами. Увидав своего сына, Мария воскликнула: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боже, Спасе моем, яко призре на смирение рабы своея!»; после этого она мирно предала душу свою в руки Бога. Тогда послышалось радостное ангельское пение, а апостолы, оплакав разлуку с Матерью Божией на земле, приступили к погребению. Во время торжественного шествия через весь Иерусалим в Гефсиманию над пречистым телом Богоматери и над всеми провожавшими ее внезапно «появился обширный и светозарный облачный круг, наподобие венца, и к лику апостолов присоединился лик ангельский; слышалось пение небесных сил, прославлявших Божию Матерь, которое вторило земным голосам». Этот круг с небесными певцами и сиянием двигался по воздуху и сопровождал шествие до самого места погребения. В Гефсимании, простясь с телом, святые апостолы положили его в гроб, внесли в пещеру и закрыли вход большим камнем. Когда же, по прошествии трех дней, они вошли в пещеру снова и открыли гроб, то нашли в нем только одни погребальные пелены Пресвятой Девы, вознесшейся на небеса вместе с телом. Вечером в тот же день, когда апостолы собрались на трапезу, им явилась сама Матерь Божия и сказала: «Радуйтесь! Я с вами — во все дни».

В народе об успении Божьей Матери ходили свои легенды, основанные на библейском рассказе. Так, например, в Вологодской губернии рассказывали, что Богоматерь прожила на свете шестьдесят два года; двадцати двух лет она родила сына Иисуса и умерла десять лет спустя после его смерти. Объятая великой материнской скорбью, она долгое время ходила на гору Елеонскую и там просила у своего божественного сына последней милости — поскорее освободить ее от тягостной земной жизни и принять к себе, на небо. Там же, на горе Елеонской, к ней явился архангел, сказавший: «Мати! Молитва твоя услышана, и ты будешь принята на небо»; но слова эти сбылись, только когда истек десятый год после кончины Иисуса. Когда же Богоматерь умерла и ее в гробу понесли на кладбище, то из какого-то дома выбежал еврей и хотел было опрокинуть гроб, чтобы осквернить христианскую святыню и поколебать веру христиан, принимавших участие в траурной процессии; однако Господь не допустил такого кощунства, и, по слову Божию, с небес слетел ангел с огненным мечом, который отсек дерзновенному руки. Чудо это произвело глубокое впечатление на всех присутствующих, а более всего — на самого еврея, сразу же истово уверовавшего и ставшего горячо молиться Богородице, после чего у него снова приросли отсеченные руки. На кладбище Богоматерь была опущена в могилу, но тело ее не осталось в земле, а нетленным было взято на небо. Ученики же Христовы

узнали об этом следующим образом: при похоронах Марии не было ученика Фомы, который, по своему маловерию, захотел разрыть могилу, чтобы убедиться в земле; однако, когда могилу разрыли, там оказались одни пелены, а тела не было, так как оно уже вознеслось на небо.

Успенем кончался Успенский пост, один из многодневных постов. Сам праздник Успенья во многих местах считался не только постным, но даже и траурным: так, например, многие старухи-крестьянки в этот день одевались во все черное в воспоминание праведной кончины Богоматери. Однако, тем не менее, проходил этот день обычно довольно весело, так как в крестьянском быту он считался днем окончания жатвы и посева озимого хлеба. Работали на Успенье с песнями и шутками, а окончив работу, многие кидались помогать соседям: так, например, во многих местах существовал обычай устраивать «выжанки», «помочь», «толоку» — взаимопомощь при окончании жатвы. Так, например, малосемейные, но зажиточные люди, а часто и просто люди богатые, приглашали к себе народ, чтобы ускорить сбор хлеба с полей. От помощи редко кто отказывался, так как убирать хлеб совместно, при немалом стечении народа, было весело и легко, а за уборкой следовало обильное угощение, смотря по возможностям и средствам людей, созывающих «помочь» (плата деньгами за такую работу не предусматривалась, хозяева жатвы ограничивались угощением). Если же «помочь» созывала вдова, с нею даже не взыскивали никакого угощения и ходили помогать без отговорок; в некоторых же местах вдовам и сиротам еще и сами несли продукты, а также сено, дрова и лучины, придерживаясь пословицы: «на вдовий дом хоть щепу кинь, все душе спасенье».

После окончания жатвы обычно наступало время собственно праздника, к которому приурочивалось обычно не только богатое пиршество и всякие развлечения, но и самые разнообразные обычаи, по большей части те, которые должны были обеспечить хороший урожай на будущий год, а также успешное окончание работ, связанных с урожаем, в текущем году.

Так, например, во многих местах в этот день считали своим долгом принести в церковь на литургию колосья нового хлеба, чтобы «Успенье-Матушка» благословила их труды и помогла благополучно управиться с молотью, оградив свеженный хлеб от пожаров и всякого несчастья. Бабы в день Успенья, покончив с жнитвом, «купались» по сжатой полосе, приговаривая: «Жнивка, жнивка, отдай мою силушку на пест, на колотило, на молотило, на кривое веретено».

По старому обычаю, окончив жатву, хозяева оставляли на поле небольшую горсть несрезанных колосьев, перевязывали их лентой («завивали бороду») и приговаривали при этом: «Дай Бог, чтобы на другое лето был хороший урожай!» Делалось это, вероятно, для того, чтобы вернуть земле силу, потраченную на выращивание урожая. Перевязанные колосья свивали в

Успенье

венки, пригибали его к земле и слегка присыпали землей, а под стебли клали хлеб с солью, затем низко кланялись и говорили: «Батюшка, Илья-Борода! Уроди ржи, овса, ячменя и пшеницы!» или: «Вот тебе, Илья-борода, на лето уроди нам ржи да овса!»

В Белоруссии и Малороссии, да и в некоторых других местах тоже, по окончании полевых работ, на которые приглашались работать безвозмездно окрестные жители, жнецы отправлялись в дом к хозяину и подносили ему и его жене венки, сплетенные из колосьев;

хозяева в благодарность угощали их, а жнецы после угощения обычно устраивали песни и пляски, продолжавшиеся «до глухой ночи». На Украине, Подоле и в Волыни существовал еще и такой обычай: при праздновании дожинок в деревнях по сжатии последнего снопа с песнями сплетали венки (иногда из двойных колосьев) и возлагали его на голову красивейшей девушки, которая должна была вручить его хозяину жатвы, поздравить его с окончанием жнивья и пожелать ему долголетия.

Ф

ФАРАОНКИ и **ФАРАОНЫ** — русалки и водяные; фантастические существа с человеческой головой и туловищем, но с рыбьим хвостом. По поверьям, в «фараонки» и «фараоны» превратились египетские воины, преследовавшие уходивших из Египта евреев; в основе этого сюжета лежат апокрифические легенды, возникшие в результате народной переработки библейского сюжета о переходе Моисея через Черное море. Так, согласно русской легенде, известной с XVI в., воды моря расступились, пропустив Моисея и ведомый им народ, но сомкнулись над головами преследователей, и в воде египетское войско превратилось в полулюдей-полурыб: «люди фараоновы обратившей рыбами, у тех рыб главы человеческие, а тулова нет, токмо едина глава, а зубы и нос человек; а где уши, тут перье, а где потылица, тут хвост, и не яст их никтоже». Обратились в рыб и оружие, и копи воинов: «...а на конских рыбах шерсть конская, а кожа на них толста на перст, ловят их и кожи с них снимают, а тело мечут, а в кожах переды и подошвы шьют; а воды те кожи не терпят, а в сухоноско, на год станут».

В народных поверьях образы фараонов и фараонки сливались с образами водяных и русалок; однако из-за «книжного» происхождения представлений о «войске фараоновом», полулюди-полурыбы часто представлялись обитающими где-то далеко, «за морем». Так, например, фараонки в поверьях — «чудные белотелые девы с русыми кудрями, которые плавают в море... У них рыбы хвосты». По некоторым поверьям, у фараонов «только голова человеческая, а остальное все рыбье»; в ясную погоду они иногда выскакивают из моря и кричат: «Царь Фараон в воде потонул».

В некоторых местах (например, в Орловской губернии) полагали, что фараоны отличаются от водяных тем, что водяные способны принимать различные облики, а фараоны неизменно должны оставаться в одном и том же образе (т.е. иметь человеческое туловище и рыбий хвост вместо ног); кроме того, фараоны смертны (и даже могут иметь свою собственную душу, как бывшие люди), а водяные — нет (по некоторым поверьям, их можно убить, но своей смертью они не умирают).

Однако во многих местах под фараонами и фараонками понимали именно водяных и русалок (в первую очередь, очевидно, морских водяных и русалок). Так, например, фараонками традиционно именовались изображения русалок в деревянной резьбе (изредка эти изображения сопровождалось изображением «фараонов» — существ мужского пола с рыбьими хвостами). По некоторым поверьям, «фараон!» —

излюбленный возглас водяного. Но при этом образ фараонов и фараонки скорее сказочный; в бытующих же народных поверьях русалки и водяные очень редко описывались как полулюди-полурыбы и так же редко именовались «фараоновым войском».

ФЕДОРЫ, федоры-обдёры — день святой Феодоры Александрийской (по народному произношению — «Федоры Александровской»), отмечающийся 11 24 сентября. Согласно легенде, некогда Феодора и ее муж жили счастливо и в согласии, что не понравилось дьяволу, который сделал так, чтобы один богатый человек прельстился красотой Феодоры и соблазнил ее. Феодора изменила мужу, но вскоре возненавидела себя за это и решила принять иночество. Тайно она покинула свою семью и, переодевшись в мужской костюм, пришла в мужской монастырь (так как боялась, что муж найдет ее в женской обители). Даже опытные иноки удивлялись ее терпению, смирению и самоотверженности. Но однажды ее послали купить хлеб и она, задержавшись в пути, остановилась на ночь в соседнем монастыре, где в то время проживала дочь игумена, пришедшая навестить отца. Прельщенная красотой Федоры, которую все принимали за молодого инока, она стала склонять ее к греху прелюбодеяния; услышав же ее отказ, она совершила грех с другим гостем и зачала, а когда это стало известно, сказала отцу, что ее соблазнил инок Феодор. Младенца вручили Феодоре и выгнали ее из монастыря; она же смиренно покорилась, видя в этом искупление прежнего греха, и поселилась с ребенком неподалеку в шалаше. пастухи давали ей молоко для младенца, а сама она питалась дикими травами. Через семь лет, по просьбе иноков, игумен позволил ей возвратиться в монастырь вместе с ребенком; скоро он получил от Бога откровение, что грех инока Феодора прощен. Перед смертью Феодора закрылась в келье со своим приемным сыном и завещала ему любить Бога, хранить молчание, быть кротким и добродетельным и вспоминать их скитальческую жизнь. После этого она в последний раз попросила прощения у Господа и умерла. Настоятель же, узнав о ее тайне в видении, призвал братьев своего и соседнего монастыря и открыл грудь умершей; тогда все собравшиеся стали просить прощения у покойной и прославлять ее. Известие о святой подвижнице дошло и до супруга Феодоры, и он принял постриг в том же монастыре.

В народе эта библейская легенда о святой Феодоре, естественно, претерпела значительные изменения. Так, например, в Ярославской губернии о преподобной Феодоре рассказывали следующую легенду: «В

Флор и Лавр

одной деревне жил крестьянин и у него была жена Феодора, женщина лицом красивая, а нравом распутная: при муже жила она в блуде со своим соседом... И захотел, видно, Бог взыскать грешницу: напала на нее тоска, опротивел сосед, опостылел муж, надоела прежняя греховная жизнь, — совесть, как зверь, и днем, и ночью грызла ее. А недалеко от ее деревни был скит женский, и игуменья там была старица святая, много приходило к ней народу за советом и молитвой. Пошла туда же, потихоньку от мужа, и Феодора. Пришла, покаялась в грехах и стала просить совета. И повелела ей старица одеться мужчиной, идти в дальний мужской монастырь и жить там, среди монахов, спастись в образе мужчины. Послушалась Феодора, ушла тихонько от мужа, остригла свою длинную косу, оделась мужчиной, назвалась Феодором и пошла в тот дальний монастырь. Однако в монастырь ее сразу не впустили: игумен, в виде послушания, приказал ей провести ночь у ворот монастыря, посреди опасностей от зверья дикого и всякого гада. Но Феодора не утратилась опасностей и безропотно подчинилась приказанию. Наутро же, когда она была принята в монастырь, игумен, опять-таки в виде послушания, приказал ей чистить помойные ямы и сорные места. Но и тут Феодора осталась верной себе и много лет несла эту работу со смиренством: никого не было в монастыре кротче, благочестивее и смиреннее ее. Смиренство инока Феодора заметил, наконец, игумен и начал его возвышать, а затем настало приближил к себе, что доверил ему закупать всю провизию, нужную для монастыря. Но тут и случилась с иноком беда. Проезжая за провизией в город, инок Феодор всегда останавливался по дороге у одного купца, у которого была красавица дочь. Эта-то дочь и послужила причиной несчастья. Она слобилась с каким-то молодцом, забеременела от него и родила сына, а когда старик-отец допытывался у дочери, кто был ее обидчиком, она всю вину взвалила на инока Феодора. Взял купец младенца, поехал в монастырь и рассказал все игумену. Игумен же оставил младенца у себя и, созвав всю братию, привел Феодора на суд. Долго думала братия, но так как Феодор не оправдывался ни в чем, то все и решили, что он согрешил, и постановили его наказать: заковать вместе с младенцем в пустой каменный чулан, замуровать камнями и подавать скудную пищу через маленькое оконце. Семь лет провел Феодор в этом чулане. На восьмом году однажды принес ему монах ежедневную пищу и увидел, что вчерашняя трапеза осталась нетронутой. Побежал монах к игумену, созвал братию, и решили иноки разломать дверь. Когда же они вошли в чулан, то увидели, что на полу лежит умерший брат Феодор, а на персях у Него умерший! мальчик. Стала братия готовить тела для погребения, стала раздевать их для омовения... Но тут-то все и увидели, что Феодор был не мужчина, а женщина, и что перед ними не грешник, а великая праведница. Сделал игумен пышные похороны новопреставленной рабе Божией, собрал народ и тут выяснилось

все: на погребение прибыл и купец с дочерью, и муж Феодоры, от которых братия и узнала всю правду».

День святой Феодоры в народе считался началом осени («Не каждое лето до Федоры дотянет»): осень в этот день встречали третий раз. Про Феодоры говорили, что в этот день «осень ездит на пегой кобыле», вероятно, имея в виду неустойчивость погоды в это время, т.е. падающий хлопьями мокрый снег и сменяющую его грязь (по этой причине день Феодоры именовали еще «Федора — замочи хвосты»). Считалось также, что в это время «осень с зимой спорят» (осень говорит: «Я поля хлебом уряжу», а зима ей отвечает: «А я еще погляжу»). Народное название праздника — «Федоры-обдеры» — было дано этому дню за то, что в этот день обивался оставшийся на корню хлеб.

Особых торжеств, народных или церковных, в день св. Феодоры обычно не устраивалось (исключение составляли только некоторые села, например, село Федоринское в Ярославской губернии, рядом с которым находился камень, на котором, по народному убеждению, Феодора явилась во сне благочестивому старцу: к этому камню стекалось множество богомольцев, а со временем там была выстроена часовня, где и устраивались праздничные службы в честь Феодоры).

Флори Лавр — см. Фролы.

ФОМИНА НЕДЕЛЯ — неделя, следующая за пасхальной и традиционно считающаяся поминальной неделей. Согласно народным верованиям, в пасхальный период души умерших предков посещают землю и свои дома, а также справляют свою Пасху; поминальные обряды Фоминой недели должны были обеспечить умершим достойное пребывание на земле и благополучное возвращение на «тот свет» по окончании праздников.

Вообще, коллективные поминовения умерших, происходившие как на кладбищах, так и в домах, производились в течение практически всей Фоминой недели, и особенно в первые ее дни. Но при этом главным номинальным днем на Фоминой неделе была Радуница («Навский Великдень»), отмечавшаяся обычно во вторник (реже — в понедельник); остальные же дни, предшествующие ей, являлись как бы подготовкой к этому важному дню.

Так, например, еду к Радунице (пирог, кокурки, оладьи, солянки, пшеничные блины, пшенники и лапшевики, вареное мясо, студень, яичницу и т.д.) хозяйки готовили заранее; при этом они нередко использовали и ту пищу, которую готовили на Пасху (например, пасхальные крашеные яйца). на Радуницу же женщины со всеми этими яствами отправлялись на погост, куда являлся и священник с причтом, чтобы служить панихиды на могилах (впрочем, иногда пищу относили в церковь, где и служились панихиды и обедни но умершим родителям и близким родственникам); за эти молебны по усопшим бабы, собираясь

Фомина неделя

обычно небольшими группами (человек по пять), в складчину платили духовенству пирогами, студнем и кашей. Во время панихиды бабы обычно поднимали по усопшим плач и вой с причитаниями и завываниями, поэтому мужики в это время избегали ходить на кладбище и присоединялись к женам лишь позднее, когда духовенство, отдавав угощения (которое для пего готовили особо), расходилось по домам, и на могилах умерших начинались различные обрядовые действия.

Кладбище на Фоминой педеле обязательно посещали все, и большинство посещений приходилось на Радуницу — в этот день каждый считал своим долгом прийти на могилы предков. После молебнов крестьяне, собираясь целыми семьями, подновляли могилы, посыпали их песком и убирали свежим дерном, вешали на кресты новые полотенца и т.д. После этого там же, на могилах, обязательно устраивали поминальную трапезу. Поминальные блюда, в том числе водку и брагу, ставили прямо на могилы, после чего окликали умерших по именам и приглашали их «попить-поесть на поминальной тризне», а затем приступали к еде, и при этом как бы приобщали «родителей» к этой трапезе: христосовались с покойниками, поминали их, а также поливали могилы брагой, зарывали в них крашенные яйца и т.д. (в тех же семьях, где были утопленники, поминальную пищу обычно оставляли у воды или бросали в реку специально для «душечек»). В это же время нередко зывали к умершим, просили их охранять дом и хозяйство, хранить семью и т.д.

Все эти обряды были связаны с представлениями о том, что на Радуницу умершие «родители» незримо присутствуют среди живых, едят и пьют вместе с ними, выслушивают обращенные к ним просьбы, пожелания и т.д. Вероятно, с этими же представлениями был связан и довольно распространенный обычай утром оплакивать покойников, а вечером веселиться. Так, хотя на Радуницу повсеместно принято было причитать и плакать по умершим родственникам, помянуть их и т.д., вечер этого дня нередко заканчивался плясками и весельем. В народе говорили: «на Радуницу утром напуг, днем плачут, а по обедне — скачут»; священники же с давних времен неодобрительно отмечали, что «мужи и жены», которые с утра сходились на жальники (кладбища) и там плакали на могилах «с великим кричанием», к вечеру, «когда станут играть скоморохи-гудошники, перестанут плакать и начнут скакать, плясать и в ладоши бить на тех же жальниках». Возможно, что такое сочетание надгробных плачей с песнями и плясками, сохранившееся, судя по всему, еще с языческих времен, было вызвано желанием противопоставить жизнь смерти; в некоторых же местах этот обычай объясняли тем, что «мертвые радуются, когда живые веселятся и не тоскуют по умершим родственникам».

Важнейшим ритуальным предметом поминальных обычаев Фоминой недели были яйца; при этом часто использовались крашенные пасхальные яйца, а иногда и яйца, специально покрашенные к поминальному

дню. При этом, если яйца готовили специально к поминальным дням Фоминой недели, то красили их не в красный цвет, а в какие-нибудь «жалобные» цвета — черный, желтый или темно-синий. С этими яйцами поступали по-разному: оставляли их на могилах и даже закапывали в могильный холм; крошили их для птиц, устраивая «птичий помин»; устраивали прямо на кладбище традиционные игры с пасхальными яйцами, бились ими и т.д.

На Фоминой неделе повсеместно соблюдались многочисленные запреты на разные виды домашних работ; причем большинство этих запретов было связано с опасением навлечь на себя гнев умерших предков. Кроме того, на этой педеле соблюдались и особые обычаи, также связанные с пребыванием на земле умерших. Так, например, на Радуницу принято было топить баню и оставлять там полотенец и мыло — специально для душ умерших предков, которые, по народному убеждению, в это время прилетают мыться; сами же хозяева в этот день в баню не ходили, опасаясь помешать моющим в бане «дедам». Во многих местах на Радуницу устраивали поминки («дзяды»), полагая, что в это время души предков приходят в свои дома и присутствуют на семейном ужине.

Впрочем, не все обряды Фоминой недели касались непосредственно умерших. Так, например, значительная часть обычаев Фоминой недели была связана с темой брака; самым же распространенным был обычай «окликать» молодоженов в воскресенье на Фоминой неделе, называемое «окликальным» или «вьюничным» («вьюницы» — обряд поздравления молодых в первую весну после брака). Заключался этот обряд в том, что после обедни деревенская молодежь целыми толпами отправлялась к домам молодоженов (молодых супругов, обвенчанных в прошедший мясоед) и там кричала: «Молодая, молодая, подай вьюнца, а не подашь вьюнца, будешь ветреница»; слова эти кричали до тех пор, пока молодая не распахивала окошко и не подавала собравшимся крашенных яиц и пирогов (а иногда и пива, вина, пряников и пр.). Вообще, в некоторых местах «окликать молодых» ходили не только группы молодежи, но даже и взрослые люди — женатые мужики и бабы; существовали и места, где «окликали» молодых только специальные группы мужчин. Но чаще взрослые смешивались с молодежью, вместе обходили в селе все дома, где жили супружеские нары, справившие свадьбы в течение последнего года, и исполняли под окнами новобрачных величальную песню, в которой славили и «окликали» молодых, называя их «вьюнцом» и «вьюницею». При этом они кричали: «Вьюн да вьюница, подайте кокурку

да яйцо, — если не дадите, вломимся в крыльцо». Молодая же непременно должна была одарить их яйцами и кокуркой — большим круглым пшеничным пирогом с изюмом. Такой пирог обычно пекли молодухи, первый год живущие замужем; предназначался он для бывших подруг-девиц и вручался им с низкими поклонами (и, вероятно, с безмолвной просьбой,

Фролы

чтобы девицы принимали гулять с собой и молодых, недавно обвенчавшихся женщин). Та девица, которая принимала кокурку из рук молодой, должны была отдать треть полученного каравая молодым, другую треть мужикам, старым женщинам и ребятишкам; оставшееся же девушки уносили в дом и вместе съедали под пение песен, от которых воздерживались всю пасхальную неделю.

В некоторых случаях старозаветный обычай «окликания выюниц» сопровождался особыми ритуальными обрядами: после обедни, где-нибудь на открытом месте посреди деревенской улицы собирались бабы, а в некотором отдалении от них становились все молодые нарочки, которые начинали подзывать баб к себе. В ответ на этот зов бабы начинали петь песни и медленно подходят к «новоженам», которые давали им по куску пирога и по одному яйцу.

Кое-где сохранились и выюнничные обряды, связанные с языческой богиней Лелей. Примерно на время Фоминой недели и Красной горки некогда приходился весенний праздник в ее честь, и, очевидно, некоторые обряды, связанные с этим днем, пережили христианизацию Руси и сохранились вплоть до XIX в. Так, например, в Костромской губернии «окликание молодых», приходившееся на воскресенье Фоминой недели, сопровождалось следующей песней: «О Лелю молодая, о Лелю, / Ты выюная, о Лелю, / Ты по горнице пройди, о Лелю, / Покажи свое лицо, о Лелю, / Да в окошечко, о Лелю, / Своево-тво выюнца, о Лелю, / Да пожалуй-ка яичко, о Лелю, / Еще красненькое, о Лелю, / Что на красном блюде, о Лелю, / И при добрых людях, о Лелю». Иногда при этом «окликали» и молодого, «выюнца»: «Ты вставай-ка, молодец, / Ты вставай, наш выюнец! / Ты расчесывай кудри / Костяным гребешком, / Уж ты выгляни в окошко / Косящее-тое! Тебе песню споем, / Тебе честь создаем. / Награди-ко нас подарком Сладким пряничком, / Белым сахарным!»

Кроме обычая «окликания молодых», с темой брака был связан и обычай устраивать в воскресенье на Фоминой неделе праздник, называемый «Красная горка». Во время этого праздника происходили массовые гуляния с хороводами и играми. Этот же день считался в народе днем свадеб и сватовства. Собираясь на «Красную горку», девушки обычно надевали свои лучшие, новые наряды, так как во время народных гуляний молодежь знакомилась друг с другом, родители присматривали юношам невест и т.д. Для девушек и парней считалось обязательным присутствовать на таких гуляниях, а избегающих праздника обычно осуждали и награждали насмешливыми прозвищами; кроме того, считалось, что тем, кто не пришел на праздник, грозит неудачный брак или даже безбрачие, а то и смерть. Свадьбы же, состоявшиеся в день празднования «Красной горки», считались счастливыми, так как, по народному убеждению, семьям, образовавшимся в этот день, во всем покровительствуют души умерших предков.

ФРОЛЫ — день памяти Флора (Фрола) и Лавра (Лавёра) — лошадиников, конский праздник (31.VIII). Согласно легенде, братья Флор и Лавр были каменотесами, верующими в Христа; полученные за работу деньги они раздавали нищим, а сами соблюдали строгий пост и проводили много времени в молитвах. Однажды, когда они трудились над постройкой языческого храма, сын местного жреца неосторожно подошел слишком близко, и осколок камня попал ему в глаз, сильно повредив его; братья обнадежили разгневанного отца, что сын его получит исцеление, и взяли юношу к себе, наставили в вере в Христа и, после того, как юноша исповедал ее, помолились о нем, и глаз его исцелился (после чего отец юноши также уверовал во Христа). Но по окончании стройки храма братья собрали христиан, сокрушили идолов и поставили в восточной части храма святой крест, за что были брошены в пустой колодец и засыпаны землей.

Флор и Лавр повсеместно почитались как покровители лошадей; их образ во многих губерниях вешали в конюшнях с правой стороны, над яслями. В некоторых местах такое представление об этих святых объяснялось легендой, являвшейся, очевидно, переделкой библейского предания. Легенда эта гласила, что оба брата, Флор и Лавр, жили тем, что ходили по деревням и рыли колодцы; один раз работа их была настолько неудачна, что земля обвалилась и похоронила их обоих, да так, что никто этого и не заметил. Но вскоре из-под обвала стала сочиться вода, и вскоре местные жители заметили, что одна чахлая лошаденка, приходившая туда и пившая эту воду, начала вдруг добреть и здороветь. Хозяева из этой деревни принялись гонять туда своих лошадей, и все лошади вскоре стали выглядеть так, словно за ними ухаживали лучшим образом. Тогда мужики раскопали колодец и наткнулись там на Флора и Лавра: братья стояли с железными лопатами в руках, целые и невредимые.

Известна была и другая легенда, объяснявшая связь Флора и Лавра с лошадьми. Согласно этой легенде, один мужик на второй день Спаса выехал в июле пахать, чтобы посеять озимую рожь; но лошадь его заартачилась и остановилась, и мужик с бранью и проклятиями принялся хлестать ее кнутом, а потом начал колотить и палкой, пытаясь заставить ее работать и угрожая в случае неповиновения вспахать на ней целую десятину в один день. Лошадь нала на колени и заржала, и в этот момент на поле вдруг появились два странника с посохами, которые спросили у мужика: «За что ты бьешь лошадь? Ведь ты ответишь за нее перед Богом, всякая животина на счету у Бога, а лошадь и сама умеет Ему молиться. У вас, вот, на каждой неделе полагается для отдыха праздник, а у коня твоего в круглый год нет ни единого. Завтра наш день — Флора и Лавра: вот мы и пришли заступиться и посоветовать свести твою лошадь на село к церкви и соседям то же наказать, если хотят, чтобы лошади их были

Фролы

здоровы и в работе крепки и охотливы. Мы приставлены к лошадям на защиту. Бог велел нам быть их заступниками и ходатаями перед Ним».

Очевидно, в связи с подобными легендами, день этих двух святых — покровителей лошадей был связан в народном сознании с лошадьми и именовался «конским праздником». В этот день на лошадях ни в коем случае не работали, давая им отдых; правда, в некоторых местах в этот день принято было устраивать конские скачки, по и в этом случае седлать лошадей было не принято. Лошадей на Фролы купали, завивали лентами их хвосты и гривы и хорошо кормили, а также приводили их к церкви для окропления святой водой. Этот обычай соблюдался повсеместно, и даже крестьяне придерживались его: неказистых, по выносливым крестьянских лошадок с утра кормили «в полную сыть», в том числе и овсом, и даже круто посоленными яичными хлебцами, а также расчесывали им гривы и хвосты; девки вплетали в них ленточки, кусочки кумача или ситцев ярких цветов, после чего хозяева пригоняли их к церкви, где священники служили молебен святым мученикам и кропили лошадок святой водой (на окропление каждый хозяин считал обязательным пригнать если не всех, то хотя бы одну лошадь).

Вообще, для «конной мольбы» в некоторых местах (например, в вологодских и ветлужских лесах) существовали особые деревянные часовни, предназначенные специально для чествования мучеников в день их памяти. Некоторые из этих часовен были значительно удалены от сел и ставились на лесных полянах; в течение года они обычно бывали совершенно заброшенными и забытыми, но на праздник мучеников к ним собирались толпы народа со всех окрестных сел. После торжественной обедни прихожане — кто верхом, кто в телеге, а кто и пешком — отправлялись, по народному выражению, «к пиву»; лошадей на таких сборищах собиралось столько, что они нередко занимали всю поляну перед часовней. В часовне совершались молебны, а иногда и водосвятие, причем в конце службы священник выносил крест со святой водой, благословлял

крестом и все время кропил водой, а прихожане проводили мимо него лошадей (при этом иногда считалось, что следует объехать на лошади вокруг часовни три раза), и каждый хозяин следил, чтобы хоть одна капля святой воды непременно попала на лошадь. Когда же все лошади объезжали церковь, священник осенял крестом и говорил: «С Богом», после чего все прихожане разъезжались по домам. Впрочем, нередко по окончании молебствий многие хозяева с лошадьми отправлялись на ровное поле, обыкновенно располагавшееся примерно за версту от часовни, где устраивались скачки.

«Фролы» в народе отличались особым торжеством и обилием различных яств. Хозяева к этому дню мыли и чистили избы, наряджались и готовили угощение, в том числе варили пиво: на «Фролах» даже женщины нередко давали себе волю и выпивали более обычного: при этом, однако, в некоторых местах (преимущественно в лесных губерниях) мужики, даже любители винца, пили очень мало, а некоторые даже отказывались совсем, по зато бабы пили и за себя, и за мужей, так что вечером едва добивались до дому.

Вероятно, такой обычай, как и обыкновение устраивать на «Фролы» скачки, являлся остатками какого-то древнего праздника, связанного с лошадьми (или даже со скотом в целом) и приурочивавшегося к этому дню в языческие времена. На это, возможно, указывает и обряд жертвоприношения, сохранившийся в некоторых местах вплоть до XIX в. и заключавшийся в том, что на вспаханное под пар поле приводили жертвенных животных (обычно молодых бычков), которым «жрец» перерезал горло; потом с животных сдирали шкуру, отрезали ноги и жарили туши на кострах; около двух часов ночи раздавался удар в колокол, возвещающий, что жертвенное кушанье поспело, и все собравшиеся немедленно набрасывались на горячее мясо, причем при дележке нередко образовывалась драка, так как мясо это в народе считалось обладающим «особым священным свойством», и каждый из участвующих в обряде желал первым получить лучший кусок.

ХАЛА — (от турецк.-балк. «змея») у южных славян дракон, чудовище. Его представляли себе огромным и иногда многоглавым змеем длиной в 5-6 шагов; считалось, что он «толстый, как человеческая ляжка, с крыльями под коленями и лошадиными глазами». Иногда халу также представляли себе шестикрылой и с двенадцатью хвостами; или считали, что хала — это змея с огромной головой, находящейся в облаках, и хвостом, спускающимся до земли. В народных поверьях халы иногда превращаются в людей или животных (например, принимают облик орла), по видеть их при этом может только особенный человек (шестипалый, наделенный особым знанием и т.д.).

В народной традиции халы считались стихийными духами, имеющими власть над погодой. Считалось, например, что хала может настать на землю в виде густой мглы или тумана, препятствующего созреванию хлеба. Хала обладает огромной силой и ненасытностью; она предводительствует черными тучами и градоносными облаками, приводит бури и ураганы и уничтожает посевы и фруктовые сады. Халы могут нападать на солнце или луну; они заслоняют их своими крыльями или стараются их пожрать, отчего случаются затмения и т.п. В некоторых местах считалось также, что иногда, чаще всего в канун больших праздников, халы водят хороводы, от которых поднимается вихрь; человек, захваченный таким вихрем, сходит с ума, становится бесноватым и т.п. Вообще, в облике халы крестьяне представляли себе бурю, дождевую тучу, скрывающую солнце и луну, проливающую на землю ливни и град, окутывающую мир мглой и т.д. Подобные представления были, в общем, схожими у всех славян; так, например, русские, украинцы и пр. также нередко представляли себе тучу в облике змея-дракона, с которым сражается громаносный Перун.

У западных славян главными противниками хал считались св. Илья (заменивший собой Перуна), а также змеи и духачи, охраняющие свои поля и сады. Считалось также, что халы нередко дерутся между собой за волшебный жезл и стараются поразить друг друга ледяными пулями; когда они дерутся, сверкает молния или бьет град. В подобных стычках халы иногда погибают или наносят друг другу раны; при этом в быличках и рассказах говорится, что раненая хала может упасть на землю, и тогда в этом случае ее следует отпаивать молоком из подойника или ведра (т.е. опустившуюся на землю халу-тучу нужно насытить молоком — метафорой дождя; тогда хала поднимется в небо). По некоторым поверьям, халы, подобно змеям и

здухачам, охраняют свои угодья от нападения чужих хал.

Близкий к хале мифологический персонаж — ламия (лама) — был известен в македонской традиции. Считалось, что ламия имеет вид огромной ящерицы или змеи с собачьей головой и с крыльями; живет она в пещерах и у источников. Ламия, по народным представлениям, алчна и кровожадна; она может погубить или отобрать урожай; остановить воду крыльями, требуя человеческой жертвы; упасть на землю туманом или темной тучей, и т.д. Считалось также, что ламия охраняет клады (т.е. ламия-туча скрывает золото солнечных лучей).

ХЛЕБ — наиболее сакральный вид пищи; символ благополучия, изобилия, достатка.

Хлеб издавна пользовался у славян особым почетом. В стародавние времена, «не озаренные еще светом веры Христовой», славяне-земледельцы верили, что хлеб — это дар Земли и Неба, Матери — Сырой Земли и небесного бога Сварога; по их поверьям, когда Небо-Сварог обнимает Землю со всех сторон и орошает ее животворным дождем, согревает солнечными лучами, Мать — Сыра Земля отвечает на эти ласки, рождая разнообразные земные плоды. Само происхождение земледелия народные легенды также связывали с богами; так, согласно древнему преданию, распахивать землю и засеивать ее людей научил небесный бог Сварог, который первый начал ковать железо и изготовил первый плуг. Большинство языческих славянских богов так или иначе было связано с земледелием и выращиванием хлебных растений; этим богам молились об урожае и приносили умиловительные жертвы, нередко тем же хлебными злаками, зернами, обрядовым хлебом.

С приходом христианства сама память о древних богах стала искореняться церковью, но древние обычаи и поверья, связанные с хлебом, лишь претерпели некоторые изменения, но отнюдь не исчезли. Древние земледельцы, сама жизнь которых зависела от урожая, считали необходимым препоручить заботы о хлебе каким-то высшим существам. Засуха или непрерывные дожди-хлебогной, ураганы, грозы и град могли легко погубить урожай, а предотвратить подобные беды способны были, по народному мнению, только сверхъестественные силы, такие, как языческие боги древности или явившиеся им на смену христианские святые. Поэтому в народных поверьях, обычаях и преданиях богиню земли Макошь, рожаниц, Рода, Сварога, Велеса, Ярилу и прочих богов заменили святые угодники Илья-Пророк, Николай Милостивый,

Петр и навел, Власий и другие. Теперь уже этим святым возносили молитвы о даровании хорошего урожая и приносили различные жертвы, в том числе и такие, какие ранее приносили языческим божествам (ср., например, восточнославянский обычай завивания «Миколиной бородки», восходящий к древнему славянскому обычаю завивания последних колосьев «Велесу на бороду»).

Точно так же, как в язычестве славяне-земледельцы считали хлеб даром небесных, благосклонных к человеку божеств, при христианстве они стали называть его «даром Божиим» (ср., например, поговорку: «Бог не родит, и земля не даст; Бог не даст, и земля не родит!»). В народном мировоззрении сам хлеб и все хлебные растения исконно были обличены святостью. Пахари-христиане верили, что сам Господь со своими святыми дарует его людям, помогает им пахать, сеять и убирать хлеб и даже сам не гнушается пахать на ниве; это верование, очевидно, было связано с древним преданием о том, что искусству пахать и засеивать землю людей научили небесные покровители. Подобные поверья нашли отражение во многих народных песнях, особенно в колядках и щедривках, где хлеб и хлебные растения выступают как признаки довольства и благосостояния. Так, например, в одной из малороссийских колядок о хлебе говорится как о великом даре Господа: «Одчиняй двери, ворота от себе! Бог тебе зове, дар тоби дас: Широке поле,

жито густее, Коренистее, стеблестее, / Колосистее, ядренистее: Из колосочка миса житечка, / А из снопочка — три з верхом бочки». В другой колядке Бог сам пашет и засеивает землю, а ему помогают святой Петр и Божия Матерь: «Ей, в поли, поли, чистейким ноли, / Там же ми оре золотий плужок, / А за тим плужком ходит сам Господь; / Ему погонят та святой Петро, / Матинка Божа насинячко (зерно) носит, / Насинья носит, нана Бога просит: / Зароди, Божейку, яру пшеничейку, / Яру пшеничейку, ярейке житце; / Буде там стебевле саме тростове, / Будут колосойки яко были нойки, Будут ми женци сами молодичи, / А вязальнички сами молодички; Будут копойки, яко звиздойки, / Будут стогойки, яко горойки!» Во многих щедривках и некоторых колядках даяние обилия свыше представлялось в образе ржаной плети, которой размахивает Бог или святой Илия: «Дала ему (Богу) мати житяную пугу: / Де пугою махне, / Там жито росте!»

Подобные колядки и щедривки являлись только малой частью обрядов, призванных сохранить и умножить урожай. Все эти связанные с урожаем обычаи и гадания совершались земледельцами круглый год, хотя, разумеется, наибольшее их количество приходилось на страдную пору, пору полевых работ. Так, например, практически повсеместно с ранней осени, с посева озимей, в течение всей зимней поры крестьяне прибегали к молитвам, заговорам и причетам, гаданиям и молебнам в церквях и домах. При этом нередко гадали о всяком хлебе вместе (а попутно и об урожае

на овощи и т.д.) или о каждом хлебном злаке в отдельности, соблюдая урочные для каждого из них сроки. Так, гадания об урожае совершались как на церковные праздники из двенадцатых, так и в дни, церковью не почитаемые, но чествуемые в народе: на Параскеву Пятницу, на Рождество Христово, на Якова-апостола, на Васильев вечер, на последние сутки масленицы и т.д. Гадания совершались по блеску звезд, по облакам и ущербам луны, но солнцу и выпавшему снегу, по изморози, морозу, утренникам, состоянию дорог и т.д. В некоторых местах ответ надеялись получить от самой земли-кормилицы: в Васильев вечер, во вторую кутью, ходили на перекрестки, где чертили пестом или палкой крест, прикладывали к этому месту ухо и слушали, полагая, что если послышатся звуки, похожие на то, что едут сани с грузом, то год будет хлебородный, а если пустые — неурожайный. При этом нередко считалось, что земля может не только ответить на все вопросы о будущем урожае, но и дать указания, когда начинать пахать и сеять. Так, по народным приметам, развернувшийся дубовый лист указывает на то, что земля вошла в полную силу и принялась за роды: березовый лист стал с полущку — земля указывает время, когда следует запахивать пашню, и т.д.

Первый сев повсеместно сопровождался многочисленными и самыми разными обрядами. Так, например, в некоторых губерниях полевые работы начинали следующим образом: в день Благовещенья в поле ставили стол, покрытый чистой скатертью, а на него ставили водосвятную чашу, свечи и ковригу печеного хлеба. Перед столом, полукругом, вставали мужики, держа в руках закрытые полотенцами иконы. Против них размещался священник с причтом, а за ними и весь народ, «от чрева матери обреченный в поте лица своего снести хлеб свой». Торжественно справлялся молебен, после чего священнику подавали севалку — лукошко с веревочкой, которую перекидывали через плечо; священник брал из нее горсть сборной ржи от каждого двора и разметывал зерна по пашне. Затем он шел краем поля, поперек всех загонов, и кропил все полосы святой водой; при этом хозяин той полосы, которую он окроплял, торопливо крестился, а иногда и шептал про себя молитву. После этого обряда иконы относили в церковь, а пона с дьячком звали в избу и предлагали посильное угощение, причем старались кормить «в полную сыть» (в некоторых местах считалось, что чем богаче будет такое угощение, тем богаче будет и урожай).

Иногда подобный обряд мог назначать и производить не священник, а какой-нибудь ветхий, древний старик, пользующийся в деревне уважением и считающийся «легким и удачливым на руку». Такой старик, признаваемый первым человеком на селе, назначал день сева, накануне обязательно парился в бане и одевался во все новое и чистое. Сеять он выходил нагошак и при этом, выйдя в поле, молился, снявши шапку, на восток: «Батюшка Илья, благослови семена в землю бросать. Ты напой мать — сыру землю студеной росой, чтобы

принесла она зерно, всколыхала его, возвратила его мне большим колосом»; или «Кузьма-Демьян — матушка полевая заступница, иди к нам, помоги нам работать!» (при этом так могли закликать не только обрядовый засеващик, но и вообще сеятели, засевающие свое поле). Разбрасывая по полосам зерна, старик-сеятель также шептал молитву: «Зароди на все души грешные, на всякого проходящего и заходящего, на калек и нищих, на братию имущую и неимущую», и т.д. При этом, как правило, этот же самый старик (или вообще старший в каждой семье) совершал и другие обряды, связанные с будущим хлебом, например, гадал в первый день Рождества (на «Колядах») об урожае, для чего в черной рубахе садился на печной столб и говорил особые, зачастую непонятные другим слова заклинания, например: «Иди, мороз, кутью есть на чугунную борону с железным кнудом» (т.е. «если придешь, то было бы что положить на сковороду (чугунную борону), было бы что вынуть сковородником (железным кнудом) из печи и поставить на стол»).

При посевах хлеба во многих местах большую роль играла «благовещенская» просфора (и особенно просфора, которую получили кусочком из рук священника при раздаче в конце обедни антидора, или сами подали за евхаристией, чтобы вынули части за здоровье живущих и за упокой умерших). Такую просфору клали или в сусеки, чтобы увеличить силу плодородия зерен, или на дно лукошка-севалки и в мешки с зерном; по окончании же сева ее делили между семейными и съедали. При этом в некоторых местах просфоры пекли дома и делали их разной величины (от обыкновенной до полуфунтовой) и столько, чтобы на каждого члена семьи пришлось по одной; по форме они были схожи с церковными, но лишь с оттиском на верхней половине обыкновенного шейного креста. Кроме того, в некоторых местах значение благовещенской просфоры отчасти оспаривалось силой и действием хлеба-«крестовика», который практически во всей России пекли на Средокрестной (четвертой) неделе Великого поста. Печенье таких «крестовиков» связывалось с гаданиями о том, кому доведется в тот год начинать сев и какие сорта хлеба сеять (счастье выпадало тому, кому доставался крестовик с запеченными в нем заметками: одни для мужчин, другие для женщин). Если жребий нал на ребенка, то его вели или несли в поле, давали ему горсть семян и он разбрасывал их; если же ребенок был грудным, святую обязанность за него исполняла мать.

Хлеб почитался в народе как дар Божий; но при этом и сам хлеб считался самостоятельным живым существом или даже образом самого божества. Он требовал к себе особо почтительного и почти религиозного отношения; он упоминался в сочетании с Богом, землей, солнцем и был практически лишен негативных ассоциаций. У восточных и западных славян было принято, чтобы буханка хлеба постоянно лежала на столе в красном углу, так как хлеб на столе символизировал богатство и благополучие дома, постоянную

готовность к приему гостя, а также был знаком божественного покровительства и оберегом от враждебных сил. Хлеб же, лежащий перед иконами, был символом отношений взаимного обмена между людьми и Богом: люди кладут хлеб перед Господом, свидетельствуя этим о своей верности Богу; Бог, в свою очередь, кладет хлеб на стол перед людьми.

Считалось, что хлебом человека наделяет Бог, причем вместе с куском хлеба он наделяет человека долей и счастьем. У белорусов на свадьбе родители молодого как бы принимали на себя функции Бога и давали жениху хлеб с солью, говоря при этом: «Дарую тебе счастье и долю, хлебом и солею, волами и каровами, усим добрым, што маю, и табе тое даю». Молодых во время свадьбы благословляли иконой и хлебом; на рукобитье при заключении договоренности о свадьбе их руки клали на хлеб.

Воспевали хлеб и в свадебных песнях. Так, в одной из этих песен каравай ублажали следующими словами: «Свети, свети, месяц, нашему короваю! Проглянь, проглянь, солнце, нашему короваю! Вы, добрые люди, посмотрите, вы нашего короваю отведайте, вы, князь с княгиней, покушайте!» Другая свадебная песня даже называлась «каравайною»: «Коровай катается, коровай валяется, коровай на лопату сел, коровай на ножки встал, коровай гряды достал. Уж наш-то коровай для всей семьи годен, для всей семьи — чужой родни: чужому батюшке заест, чужой матушке закутат, молодой княгине нашей утричком прикушать; молодому-то князю нашему сыто-насыто наесться!»

На день Успенья Пресвятой Богородицы (28. VIII) во время обедни традиционно святости новый хлеб — свежее испеченный каравай. До возвращения из церкви хозяина с освященным хлебом домашние ничего не ели, ожидая «свяченого куска»; разговлялись в этот день прежде всего хлебом, а остаток освященного каравая завертывали в чистую холстину и клали под образа. Кусочки такого хлеба считали необычайно целебными и ими лечили больных; считалось большим грехом уронить хотя бы крошку от такого хлеба на пол, а тем более — растоптать ее.

Вообще любая буханка хлеба и каждый его кусок (особенно первый) или крошка воплощали собой долю человека; считалось, что от обращения с ними зависит его сила, здоровье и удача. Один человек не должен доедать за другим хлеб, так как этим он забирает у него счастье и силу; нельзя есть хлеб за спиной другого человека, так как при этом «съешь его силу». Верили, что давшего во время еды хлеб со стола собакам ожидает бедность; что тот, кто оставил на столе кусок хлеба, похудеет, хлеб его «ест будет» или станет гоняться за ним на «том свете». Крошки, падающие во время еды изо рта, предвещают едоку скорую смерть; считается, что когда упадет хлебная крошка, ее нужно поднять, поцеловать и съесть или бросить в огонь.

Крестьяне верили, что разрезать хлеб и распределять его между едоками должен мужчина, но заквашивать

тесто и выпекать хлеб должна женщина. Выпекание хлеба обычно сопровождалось множеством правил и запретов: так, «нечистой» женщине (во время месячных, после полового акта или после родов) запрещалось выискать хлеб; нельзя было печь хлеб в великие праздники и в воскресенье и т.п. Бабу, которая месит хлебы, нужно было приветствовать: «Спорина в кашню!» , — иначе хлеб мог не удался. Сажать в печь хлеб нужно в молчании, а пока он находится в печи, нельзя громко разговаривать, браниться, шуметь или мести пол, так как хлеб от этого «пугается», «раздражается», начинает «капризничать» и потому не удался. Считалось, что пока печь открыта, никто не должен выходить из дома, иначе хлеб не удался. По некоторым поверьям, нельзя вынимать из печи и резать один хлеб ранее прочих, так как в этом случае другие хлебы испортятся, и т.п. Во время приготовления хлеба обычно неоднократно крестились сами и крестили муку, тесто в деже, буханку перед выпечкой и после нее. В одной из народных песен так поется о приготовлении хлеба: «Растворю я квашонку на доньшке, Я покрою квашонку черным соболем. Опояшу квашонку ясным золотом; Я поставлю квашонку на столбичке. Ты взойди, моя квашонка, с краями ровна, С краями ровна и полным-полна!»

Хлеб широко использовали в качестве оберега: клали его в колыбель к новорожденному; брали хлеб с собой в дорогу, чтобы он охранял в пути; клали хлеб на то место, где лежал покойник, чтобы хлеб «победил смерть» и умерший не унес с собой плодородия и благополучия; при приближении грозы или градовой тучи выносили хлеб, дежу и хлебную лопату на улицу, чтобы защитить посевы; обходили с хлебом загоревшееся строение или бросали хлеб в огонь, чтобы остановить распространение пожара, и т.д.

Хлеб оставляли на ночь на месте будущего дома, чтобы определить, подходит ли оно для строительства; при переходе в новый дом несли хлеб с собой и катили его по полу от порога, гадая о будущей жизни. Иногда на том месте, где собирались строить дом, ставили крест, а около него — стол с хлебом. Хлеб разрезали на четыре части: первую клали на крест, чтобы святые ели его и просили у Бога счастья для тех, кто будет здесь жить; вторую клали под стол для домового, чтобы он съел его и не вредил хозяйству; третью ели сами и просили Бога, чтобы всегда и во всем был достаток («и в поле родило, и в хлеве щатило»); четвертую давали скотине, чтобы она всегда была сыта и здорова.

Хлеб клали в гроб к покойнику; хлебные крошки сыпали на могилу для птиц, воплощавших души умерших; оставляли хлеб на перекладине креста, и т.д. Верили, что паром от горячего хлеба питаются души умерших. Мертвым также предназначали души выпеченный хлеб, помеченный крестиком; такой хлеб иногда разламывали надвое и клали на покути или на покутном окне для предков. Хлеб, забытый в печи, наделялся особыми свойствами: его давали человеку,

который тосковал по умершему или по любимому человеку, чтобы он забыл их.

Хлеб широко использовали и в качестве обрядового дара: брали хлеб с собой, отправляясь свататься; хлебом со вделанной в верхнюю корку солонкой с солью три раза благословляли молодых; хлеб возили с собой в церковь на венчание; с хлебом и солью встречали гостя и молодых по возвращении из церкви после венчания; хлеб везли вместе с приданным невесты: оставляли хлеб в качестве жертвы в поле, в лесу и т.д. Некогда хлеб, мед и сыр приносили в жертву Роду, рожаницам и т.п.

Про хлеб, необходимый для жизни людей, в народе ходило множество пословиц и поговорок. Так, например, подчеркивая его незаменимую роль в своей жизни, русские говорили о нем: «Хлеб — всему голова!», «Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска!», «Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай!», «Палата бела, а без хлеба — беда!». «И беду можно с хлебом съесть!», «Покуда есть хлеб да вода — вполбеды мужику лихая беда!», «Без хлеба — смерть!», «Не дорог виноград терский, дорог хлеб деревенский: немного укусишь, а полон рот нажухешь!», «Без краюшки не прожить и седой старушке!», «Без хлеба — не крестьянин!», «Родись человек — и краюшка готова!», «Люди за хлеб — так и я не слеп!», «Каков ни есть, а хлеб хочет есть!», «Урод-урод, а хлеб в рот несет!», «Как хочешь зови — только хлебом корми», «И пес перед хлебом смиряется!», «Нс держи денег в узлу, держи хлеб в углу!», «Хлебом мы сыты, хлебом мы п пьяны!», « Как хлеб да квас, так все у нас!», «Хлеб да вода — мужицкая еда!», «Только ангелы с неба не просят хлеба!», «Хлеб-батюшка, водица-матушка!», «Калач приестся, а хлеб — никогда!», «Бог на стене, хлеб на столе!», « Дай Бог покой да хлеб святой!» и т.д.

Так же многочисленны были и русские загадки о хлебе: «Лежит бугор между гор, пришел Егор, унес бугор (хлеб в печи)»; «Режу, режу — крови нету!»: «Что без кореньев растет, без костей встает?»; «Режут меня, вяжут меня, бьют нещадно, колесуют, пройду огонь и воду, конец мой — нож да зубы!» и т.д.

ХЛЕБ-СОЛЬ — сочетание хлеба и соли, характерное для их хранения и использования в быту и в обрядах; обобщенное название пищи. Такое сочетание хлеба и соли было очень емким символом: хлеб выражал пожелание благополучия и богатства, а соль играла роль оберега, защищающего от враждебных сил и злого влияния. Выражение «хлеб-соль» было обобщенным названием угощения; приглашение на «хлеб-соль» являлось формулой приглашения на пир. Пришедшего в дом за каким-нибудь делом старались непременно попотчевать хлебом-солью, причем отказаться считалось чрезвычайно неприличным. Угощение хлебом-солью было самым большим знаком признания и доверия, и отказ от него расценивался как страшное оскорбление: «От хлеба-соли не отказываются!».

Хмарники

Считалось, что если накормить своего недруга хлебом-солью, то он станет другом («ино вместо вражды дружба»). Выражение «ты забыл мой хлеб да соль» считалось самым большим упреком неблагодарному человеку. Само выражение «хлеб да соль» отгоняло, по народному убеждению, всех злых духов. Застав кого-либо за едой, русские обязательно кричали едокам: «хлеб да соль»; этими же словами обычно завершали трапезу.

Хмарники — см. Планетники.

ХОВАНЕЦ — у украинцев нечистый дух, обогащающий своего хозяина. Представления о нем были близки к поверьям о домовом; кроме того, его иногда сближали с василиском. Представляли хованца обычно в виде маленького мальчика или цыпленка, а иногда — в виде змеятицы, полу змея-полупетуха.

Согласно народным поверьям, хованцем становится выкидыш через семь лет после аборта (в течение этого времени он просит прохожих о крещении). Хованца можно было также вывести из яйца, снесенного петухом или черной курицей; такое яйцо нужно носить под левой подмышкой 9 дней, в течение которых нельзя умываться, стричь ногти, молиться и креститься; если же хованца не доносить, он замучает человека до смерти. Хованца можно было также купить, отрекаясь при этом от Христа и Богородицы, глумясь над крестом и иконами. Считалось, однако, что при покупке или выведении хованца человек продает свою душу дьяволу.

Крестьяне верили, что хованец живет в доме на чердаке и питается преимущественно несоленой пищей, прежде всего пшеничным хлебом, молоком и сахаром. При этом хованец обеспечивает богатство своему хозяину, процветание дому и хозяйству; он также заботится о скоте и т.п. Иногда считалось даже, что в доме может быть несколько хованцев, распределяющих в этом случае работу между собой: один из них охраняет дом от воров, другой заботится о пасеке, третий работает в поле и т.д.

По поверьям, если хованец обидится на что-то (например, ему дадут соленую пищу), то начнет буяннить в доме так же, как разозлившийся домовый: перебьет в доме всю посуду, переломает мебель и т.п.; может также выбить хозяину глаза или замучить его так, что тот повесится; может вообще уйти из дома, унося с собой богатство и счастье.

Со смертью хозяина хованца, по народным представлениям, исчезает и все богатство в доме, нажитое с помощью хованца. Смерть же хозяина хованца, по рассказам крестьян, бывает очень тяжелой, такой же, как смерть колдуна: считалось, что его душу хованец вынимает из тела и относит в ад самому старшему дьяволу, который загонит ее в яйцо, из которого после вылупится еще более злой дух.

Избавиться от хованца, по народным поверьям, можно с помощью священника, трижды освятив хату,

перебросив хованца через крышу или отнеся его за девятую межу. Как и другую нечистую силу, хованца убивает гром или удар наотмашь; однако хованца, убитого ударом наотмашь, можно оживить, стукнув его по голове буковой палочкой.

ХОЗЯЕВА — духи, распоряжающиеся определенной территорией и областью деятельности (лесом, домом, озером и т.д.; домашним хозяйством, охотой и пр.). По народному убеждению, у каждого места есть свой хозяин и своя хозяйка: у поля — полевой и поляха, у дома — домовый и домаха, у озера — водяной и водяница, у леса — леший и лешуха, и т.д. Почтительное обращение «хозяева» к таким существам помогало избежать произнесения их настоящих имен (что могло привлечь их внимание и навлечь на человека беду).

Иносказательное название «хозяин» определяло существенную роль различных духов как истинных владетелей тех или иных мест. По народному убеждению, любое вторжение в пределы их владений должно было сопровождаться соответствующим обращением; при этом вежливое обращение должно было задобрить строгих «хозяев» и тем самым обезопасить человека, устранить возможную угрозу его жизни, здоровью или благосостоянию. Так, например, входя в лесную избушку, охотники многих мест считали обязательным «попроситься у хозяев»; «а то, если не попросится, бывает, Хозяин пихнет чего-нибудь в огонь, напугает или еще что». Даже просто входя в лес, во многих местах спрашивали разрешения войти у лесного хозяина, полагая, что «своих гостей Хозяин не тронет, а чужака, кто не непросившись-то пришел, водить станет, так что и дороги не найдешь».

Входя во владения того или иного хозяина, ему нередко оставляли подношение: хлеб, пироги, соль, водку и т.д. Обычно это делали охотники, рыбаки и т.п., останавливаясь в лесных избушках; угощения они оставляли за печью или на столе на ночь. Угощали и вообще одаривали хозяев и в тех случаях, когда намеревались долго оставаться в их владениях; так, например, моряки, отправляясь в плавание, приносили жертвы водяному, чтобы он не разгневался и не потопил корабль вместе с людьми.

В народных поверьях под «хозяином» и «хозяйкой» чаще всего подразумеваются домовые и дворовые духи, невидимо господствующие в крестьянском дворе и доме. По народному убеждению, «хозяева в дому — такие, какие сами хозяин и хозяйка»; при переезде в новый дом их обязательно зазывали в то же время, когда в новую постройку приносили кошку, икону, горшок с угольями из старого очага и т.д. Так, повсеместно считалось, что хозяина и хозяйку нужно вежливо пригласить в новый дом, чтобы было хорошее житье: «Хозяин и хозяйка, будьте вместе с нами, дайте жизни хорошей. Нам не ночь ночевать, а век вековать»; при этом подобные приглашения обычно сопровождалась подношениями, угощением. Если же не пригласить «хозяев», то, по

Холера

народному убеждению, «не будет лада в доме»: не станет достатка, хозяйство разорится, хозяев будут преследовать беды, неудачи и т.д.

По народным поверьям, весь дом и двор всегда находятся под присмотром, невидимым попечением домовых хозяев. Они обладают властью не только над домом, но и над всеми его обитателями: и людьми, и животными. Так, по поверьям, домовому подвластна (или, по крайней мере, ведома) судьба всех домочадцев; домашний скот также находится в его власти и от него зависит, будет ли в доме счастье и богатство. По народному убеждению, если «хозяин» гневается на что-то, у него следует попросить прощения, задобрить его, так как иначе в доме «все пойдет вкривь и вкось»; так, во многих местах, «как случится чего», хозяева выходили на двор, кланялись и приговаривали: «Хозяин дворовой батюшка, хозяйка дворовая матушка с малыми дегушками, со внучатами, правнучатами, прости нас, грешных». Пренебрежительное же отношение к многочисленным хозяевам, окружающим людей, могло повлечь за собой различные беды и несчастья.

ХОЛЕРА — демонический персонаж, персонификация болезни. В народе она считалась одной из самых «ядовитых» и опасных болезней (так, по народному убеждению, «в холеру и лягушка не квакнет», «в холеру ни мухи, ни ласточки»). Может быть, поэтому холера чаще, чем все другие болезни (за исключением только лихорадок), представлялась народу живым и очень злобным существом; и выражение «холера идет, холера приближается» очень часто понималось крестьянами буквально.

Холера представлялась людям в разных обликах. Считалось, что наиболее часто она принимает вид безобразной женщины; но при желании она может также принять облик какого-нибудь животного, скота (напр., вид коровы) или любого человека, даже пона. В Малороссии верили, что холера носит красные сапоги, может ходить по воде, беспрестанно вздыхает, а по ночам бегаёт по селу с возгласом: «Була беда, буде лыхо!»; где она остановится переночевать, в том доме не уцелеет в живых ни единого человека. На Руси холеру часто представляли растрепанной и оборванной старухой со злобным, искаженным страданиями лицом; считалось, что она, переходя с места на место, поражает людей по деревням и городам, причем ходит больше сумерками и ночью, чтобы оставаться незамеченной людьми. Впрочем, при этом в некоторых местах люди во время холерной эпидемии уверяли, что своими глазами видели холеру: так, например, крестьяне Ярославской губ. рассказывали, что во время мора холера в облике женщины летала по воздуху и рассыпала какие-то ядовитые семена, которые падали в колодцы, источники, реки, на огороды и пр.; а крестьяне из Владимирской губ., совершившие в предупреждение холеры обряд опаживания села, говорили, что

после этого ночью «что-то белое подъезжало к селу, но, доехав до черты, повернуло назад».

В некоторых местах существовало представление о том, что холер несколько, и все они ходят по разным селениям. Так, например, крестьяне Воронежской и Владимирской губ. верили, что холера является из-за моря и что их три сестры (или брат и две сестры), одетые в белые саваны. В быличке из этих мест рассказывается, что однажды один мужик, отправляясь на базар в город, подвез с собой двух сестер-холер; они сидели на возу, держа на коленях узелки с костями, и одна из них отправлялась морить людей в Харьков, а другая — в Курск. В Калужской же губернии существовал рассказ о том, как убили одну холеру: «Ехал перед самым вечером один мужик по дороге, вдруг его кто-то окликает и просит подвезти. Оглянулся мужик, видит, гонится за ним старуха, худая, слабая, зипунишка на ней изорванный, из-под платка волосы треплются, смоклась вся. Жаль стало мужику старуху, остановил лошадь, посадил старуху к себе в телегу. «Ну, спасибо тебе, — говорит старуха, — услужил ты мне, услужу и я тебе». Мужик ее и спрашивает: «Чем же ты мне послужишь, бабушка?», а она ему: «Да ведь я холера. Приду в деревню, пушу яд во все колодцы, кто из них напьется, тот и захворает: а ты бери на свою семью воду из реки, откуда хворость пройдет, туда я не буду яд пускать». Посмотрел мужик на старуху, а она черная, страшная, глаза, словно уголья горят. Ну, думает, хорошо, что сказала, угощу я тебя, старую ведьму. Привез ее к себе, водочки поднес, угостил. Улеглась она на печку, захрапела. Мужик взял топор, подкрался, хватъ по шее, сразу голову отсек. Смотрит, а она вся начинена пузырьками с ядом».

Некоторые народные былички и рассказы создавали и вовсе фантастический образ холеры. Так, например, иногда холеру представляли в виде огромной черной птицы со змеинными головами и хвостом (сближая ее облик с обликом змея); при этом ее иногда называли птица-юстрица. По поверьям, эта птица-болезнь обитает на острове Буяне посреди океана; ночами она летает над селами и задевает воду своими железными крыльями, сея повальный мор. В некоторых местах еще различали холеру, которой болеют люди, и холеру — болезнь скота. Так, например, в некоторых местах считалось, что холера, поражающая скот, имеет коровью голову, конские копыта и человечесьи руки: «человек не человек, скотина не скотина, а так, смешана».

Наиболее действенным средством борьбы с холерой в народе считалось опаживание: по народному убеждению, «от холеры не запрешься, она во всякую щелочку пролезет», но переступить магическую борозду, опоясывающую село, никогда не сможет. Помимо опаживания, холеру часто отгоняли колокольным звоном: так, в некоторых местах, когда в окрестностях села появлялась холера, одна из деревенских девиц должна была в полночь тайком от всех забраться на колокольню и бить в колокол; жители выбегали из

домов, а девица в это время должна была незаметно вернуться домой; считалось, что после этого холера уже не посмеет вступить в село и вообще не приблизится к нему. Кроме того, для защиты от холеры нередко ставили специальные «холерные» кресты, а также обведенные церкви, которые при приближении мора строили «всем миром», начиная строительство с рубки деревьев и кончая освящением церкви и службой в тот же день. В некоторых местах при приближении эпидемии холеры в четырех концах села втыкали в землю срубленные осиновые деревца, ограждая таким образом село от проникновения болезни.

При повальных эпидемиях холеры крестьяне также нередко старались обмануть болезнь, заставить ее поверить, что дома опустели и ей не на кого напустить мор. Для этого обычно уходили в натопленную баню, залезали на полки и притворялись умершими; запирали двери в домах и делали вид, что дом пуст; прятались в погреб и т.д.

ХОРС — бог солнца, солнечного диска, воплощение солнца; славянский Гелиос. Возможно также, что Хоре был божеством небесного огня вообще, т.е. не только солнца, но и молнии; так, один из апокрифов указывает на то, что Перун и Хорс «два есть ангела молнииана».

Имя Хорс, очевидно, связано с понятием круга, круглого; так, «хоро», «коло» — обозначение ритуального хоровода и т.п. Возможно также происхождение имени бога из иранских языков, где это слово имеет значение «сияющее солнце» (ср. перс. хогэси — «солнце»). Некоторые исследователи связывали имя Хорс с прилагательным «хороший». В словарном составе русского языка прилагательное «хороший» занимает особое положение: его нет ни в западнославянских, ни в южнославянских языках, не имеет оно и родственных образований в других индоевропейских языках. Возможно, слово «хороший» представляет собой притяжательную форму от «Хорос» и означает собственно «принадлежащий, свойственный Хоросу»; с забвением же Хороса как реального имени божества остались значения «искусный, добрый, хороший».

Бог Солнца Хорс представлялся белым сияющим конем или молодым красивым юношей, едущим на коне или на колеснице с востока на запад. Согласно народным поверьям, утром Хорс выезжает на небо, а вечером спускается обратно; утром ему выводит коней его сестра Утренняя Заря, а вечером заводит коней в конюшню другая сестра — Вечерняя Заря.

Хорс был божеством, очень близким к Дажьбогу; иногда эти два божества даже отождествлялись так же, как нередко отождествлялись античные божества Аполлон и Гелиос. Однако изначально Хорс и Дажьбог — совершенно разные божества: Хорс — бог собственно солнца, светила, совершающего суточный объезд или облет земли и подземного мира на конях или лебедях; Дажьбог — бог «белого света», тепла как сезонного условия жизни растительности и т.п. В

древние времена дневной свет не воспринимали как результат солнечного излучения, а считали его эманацией божественной сущности. Солнце представлялось древним людям не причиной, не источником света, а всего лишь «дневным оком». Так, библейская легенда о сотворении мира гласит, что Бог приказал быть свету в первый день творения, а светила создал лишь в четвертый день. Христианский богослов Василий Великий так прокомментировал этот фрагмент из Библии: «Но солнца и луны еще не было, дабы не ведающие Бога не именovali солнца начальником и отцем света и не почитали его жиджителем земных произрастаний... Тогда произведено было само естество света, а теперь приготавливается это солнечное тело, чтобы оно служило колесницею тому первобытному свету». Таким образом, можно предположить, что Хоре — божество солнечного светила, но не солнечного света и тепла — представлял собой некое неотделимое дополнение к образу Дажьбога-Солнца, подателя всех земных благ.

ХРИСТИАНСТВО — одна из мировых религий, широко распространенная у славян. Изначально это была «религия угнетенных, искавших избавления от бесчеловечных условий жизни в приходе мессии (спасителя)». Христианская идея воздаяния «обещала страждущим и обездоленным обретение счастья и свободы в царстве небесном». В основе христианского учения лежит вера в богочеловека Иисуса Христа Сына Божьего, Спасителя, который принял страдания и смерть для искупления людей от первородного греха, а затем воскрес и вознесся на небо (в будущем, по христианскому вероучению, произойдет второе пришествие Христа для суда над живыми и мертвыми). Источником вероучения христианства является Священное предание; главное в нем — Священное писание (Библия), за которым по значимости следуют другие части Священного предания — «Символ веры», решения вселенских соборов и т.д. По христианскому учению, приверженцы христианства должны выполнять заповеди Христа, безропотно переносить тяготы жизни, как это делал Христос, а воздаяние за это они получают в загробном мире. Символ веры, т.е. краткое изложение основ христианского вероучения, должен приниматься христианами слепо, на веру, без всяких доказательств. Приобщение верующих к Божественной благодати осуществляется через участие в таинствах (т.е. особых обрядах, таких, как крещение, причастие, исповедь и пр.).

Процесс формирования христианской догматики растянулся на несколько столетий. Так, первоначально христианству не были известны появившиеся позже представления о Троице, первородном грехе, боговоплощении, крещении, причастии и т.д. Сформулированный Никейским и Константинопольским вселенскими соборами символ веры неоднократно дополнялся и изменялся. При этом как до соборов (т.е. официальных собраний епископов и др. представителей церкви для решения важных церковных проблем), так

Христианство

и в процессе их деятельности между отдельными христианскими объединениями велись ожесточенные споры по вопросам понимания различных догматов; растянулась на длительное время и борьба, связанная с различным отношением к некоторым обрядам, почитанию икон и т.д. В связи со всеми этими имеющимися разногласиями, христианство в ходе своего развития распалось на три основных ветви: православие, католицизм и протестантизм (в свою очередь, в каждой этой ветви со временем выделились различные течения, направления, группы).

Возникнув в I в. н.э. в восточных провинциях Римской империи, христианство в результате изменений, происходивших как в нем самом, так и в окружающем мире, в начале 4 в. стало государственной религией Римской империи. К 13 в. христианизирована была вся Европа, так как к 10 в. христианство уже стало крупнейшей политической силой в средневековом мире: сочетание Нового завета, проповедовавшего смирение и покорность, с архаичным воинственным, жестоким и весьма изворотливым Ветхим заветом сделало христианство в высшей степени удобным для властей. И потому «государственная власть империй и королевств для своего утверждения в стране и для войн с соседями широко использовала библейский «закон», а народным массам предоставляла евангельскую «благодать» с ее сильнейшим стержневым аргументом — восстановлением справедливости в будущей потусторонней жизни».

На Руси христианство распространилось под влиянием Византии с конца 10 в.: Византийская империя была прямо заинтересована в христианизации еще молодой, по уже могучей державы Руси, полагая, что каждый народ, принявший христианскую веру из рук императора и константинопольского патриарха, уже тем самым становится вассалом православной империи. Усиление христианства на Руси означало увеличение числа потенциальных союзников православной Византии. По этой причине Византия прилагала немалые усилия для введения на Руси христианства как государственной религии. Возникла, например, миссионерская деятельность греческой православной церкви: так, в 60-е гг. IX в. на Русь был послан митрополит Михаил (болгарин), крестивший киевского князя Оскольда и многих русов («... придет Михаил митрополит в Русь, послан от Василия Македона, царя греческого и Фотия патриарха, иже (Михаил) уверяя русь вверже евангелие в огонь и не изгоре. И сим чудом уяси русь и многия крести»).

Проникновению христианства на Русь немало способствовала торговля: во времена Игоря и Святослава русские дружинно-купеческие экспедиции в своих ежегодных путешествиях неизбежно соприкасались со многими христианскими странами (в эти времена христианским было уже население берегов Черного («Русского») моря (Херсонес, Керчь, Тмутаракань); христианство еще в 860-е годы приняла и родственная Болгария). В Царьграде русские обычно проводили

целых полгода, распродавая привезенные с собой «результаты зимнего полудья» и запасаясь различными греческими товарами (такими, как «паволоки (шелка), золото, вино и овощи (фрукты) разноличными»).

Естественно, что при таком тесном контакте с христианскими землями христианство постепенно начало проникать в земли русские.

Одним из путей проникновения христианства в Киев послужил, очевидно, и приход на службу к киевскому князю варягов, крещеных скандинавов, у которых был свой морской путь в Константинополь. Нестор так описывал путь по Восточной Европе из Византии, «из Грек», в Скандинавию: «Бе путь из Варяг в Грьки и из Грьк по Дънепру и верх Дънепра волок до Ловоти и по Ловоти вьнити в Ильмерь езеро великое, из него же езера потечеть Вълхов и вьтечеть в езеро великое Нево (Ладожское) и того езера вьнидеть устне в море Варяжское (Балтийское и Северное)»: далее же следовало описание пути «из Варяг в Греки». «И по тому морю ити даже и до Рима (путь вокруг Европы), а от Рима прити по тому же морю к Цесарюграду». Таким образом, скандинавские флотилии путешествовали по единому водному пространству от Балтики и Северного моря через Ла-Манш, мимо Нормандии, через Гибралтар в Средиземноморье к норманнским владениям в Италии и в Константинополь, где норманны служили в императорской дворцовой гвардии и «естественным путем принимали христианство». Из этих константинопольских варягов вербовались наемные дружины киевских князей («Варяги в весьма большом числе переходили из Константинополя в Киев»), и, вероятно, именно таких «частично византизированных» и знавших в какой-то мере греческий язык варягов-христиан киевские князья и посылали в Царьград с различными дипломатическими поручениями. Так, в княжеском посольстве Игоря в 944 г. были «людии русьские (русские подданные) хрьстьяне», а во время принесения присяги самим князем в Киеве часть дружины присягала в церкви св. Ильи на Подоле — «мьнози бо беша варязи и козаре хрьстьяне». Христианство здесь, очевидно, было не русской верой, а верой наемных чужеземцев (варягов).

Таким образом, христианство постепенно начало проникать в русские земли; однако киевские князья относились к нему весьма и весьма настороженно. Основой их опасений была политика Византийской империи: для Руси, «перемежавшей мирные торговые связи с военным нажимом на Византию», принятие христианства могло означать невольный вассалитет, нежеланную для князей зависимость от империи. Поэтому на протяжении нескольких десятилетий X в. на Руси наблюдалось значительное усиление язычества. В это время в жертву древним языческим богам даже приносились христиане: так, например, первым языческим действием, описанным летописью, было принесение в жертву Перуну христианского юноши-варяга. Варягов в это время не слишком жаловали на

Христианство

Руси: так, оформлению языческого пантеона 980 г. непосредственно предшествовало описанное в летописи изгнание варягов из Киева молодым князем Владимиром. Однако при этом причина недовольства варягами крылась, по-видимому, не в том, что они были христианами, а в том, что они «творили зло»: так, Владимир, «показав путь» наемникам, стремившимся в Византию, известил императора: «Се, йдутъ к тебе варязи. Не мози их държати в граде — оли то сътворять ти зьло в граде, якоже и съде (в Киеве). Нъ расто-чи я разно, а семо (на Русь) не пушай ни единого».

Довольно длительное время социальным верхам языческой Руси (как князьям п боярам, так и волхвам, языческим жрецам), искусственно поддерживавшим древнее славянское язычество, удавалось сохранять политическую независимость от Византии, не оставлявшей настойчивых попыток путем приобщения к христианству сделать Русь «дочерью» империи. Однако то, чего так опасались русские люди, все-таки случилось, когда русская княгиня Ольга, в то время вдова князя Игоря, начавшая свое правление как убежденная и беспощадная язычница, приняла христианство и даже стала ревностной сторонницей повой веры. Она благоволила христианам п собиралась креститься в Киеве, «но учинить было ей того без крайнего страха от народа никак невозможно. Того ради советовали ей ехать в Царьград, якобы для других нужд и тамо креститься». Летопись говорит, что она приняла этот совет и в 946 г. крестилась в Константинополе (получив при крещении имя Елены); «и крести ю цесарь с патриархьмъ». Существовала даже легенда, что император Константин, восхитившись Ольгой, захотел жениться на пей: «И по крышении призыва ю цесарь и рече ей: “Хощо ты пояти себе жене”»; Ольга же заявила ему, что ом не может сделать этого по закону, так как стал ее крестным отцом, на что цесарь ответил ей: «Преклюкала (перехитрила) мя еси, Ольга!» После крещения византийский император расцепил Ольгу, в то время регентшу русской державы при малолетнем сыне, как своего вассала: он «дасть ей дары мьногы и отпусти ю нарек ю дьщерью себе». При этом, согласно тексту летописи, он «нарек ее дочерью не в церковном, а в политическом смысле». После крещения Ольга не сама уехала из Царьграда: император отпустил ее, как свою подчиненную, обязав прислать военную помощь и ценные товары и напомнив о ее вассальном положении. Ольга испугалась создавшейся ситуации и призналась в своем страхе патриарху: «Людие мои погани (язычники) и сын мой поган да бы мя бог съблюл от вьсего зьла!»; патриарх же утешил ее, рассказав ей целый ряд библейских преданий о божественной помощи праведным людям, гонимым язычниками.

Принятие христианства княгиней-правительницей неимоверно обострило конфронтацию язычества и христианства. Началось противостояние двух мощных группировок, одну из которых составляли христиане (наемные варяги, греко-болгарское духовенство и

русские люди, принявшие новую веру), а другую — язычники (киевские русские бояре и дружинники, поклонявшиеся древним славянским богам и тесно связанные с «широким кругом племенной провинциальной знати и «всякого княжья», кругом еще целиком языческим»). Борьба с христианством на Руси при этом велась не только ради защиты «прадедовских богов и обычаев»; это была борьба за государственную независимость страны. Русь как государство в это время еще не считалась вассалом империи, так как еще не приняла византийского православия. При этом правительство Ольги весьма опасалось беспорядков в стране в случае христианизации Руси. Так, в Болгарии, после принятия князем Борисом христианства в 864 г., болгарская знать подняла бунт, пытаясь свергнуть князя и уничтожая византийское духовенство; то же самое могло теперь произойти и на Руси. Ольга, однако, до самой своей смерти уговаривала своего сына принять христианство: «Живяше же Ольга с сынъм своимъ Святославъм и учашетъ и мати крѣтити-ся. И не брежаше того, ни в уши вѣнимаше. Но аще кѣто хотяше волею крѣтити-ся — не браняху (не воспрещал), но ругахуся тому. Якоже бо Ольга часто глаголаше: «Аз, сыну мой, бога познах и радуюся; аще ты познаеши и ты радовати-ся начьнеши». Он же не вѣнимаше того, глаголя: «Како аз хощо ни закон прияти един? А дружина сему смеятися начьнуть!» Она же рече ему: «Аще ты крѣстиши-ся — вси имуть тоже творити». Он же не послуша матере и творяше правы поганьскыя Се же к тому гневашася на матерь». Святослав так и не принял крещение, и Ольга в последние дни своей жизни, опасаясь, что князь-язычник похоронит ее по торжественному языческому обряду, перед смертью специально пригласила его, чтобы сделать особые предсмертные распоряжения, повелев устроить ей погребение по христианскому обычаю: «Ольга призва сына своего Святослава и заповеда ему: с землею равно погresti ю, а могьлы не сути (не насыпать), ни тризи творити, ни бдына деяти...»; «И бе заповедала Олга на творити трызны над собою — бе бо имущи прозвотора (пресвитера — священника) втайне. И тьи похорони ю, блаженную Олгу Защитил бо есть господь сию блаженную Олгу от противника — супостата диавола».

У Ольги, очевидно, были веские основания для опасения, что ее могут похоронить по старинному обычаю в кургане. Святослав, судя по летописным источникам, был ярим язычником, суровым и победоносным князем, не желавшим зависимости от Византии и не собиравшимся принимать христианство. Он не только гневался на мать за принятие ею христианства, по даже запретил ей открыто отправлять православные обряды: она вынуждена была тайно исповедовать христианство. Очевидно, Святослав запретил публичное проведение христианского культа (молебны, крестные ходы, водосвятия и т.п.) и стал «творить норовы поганьскыя» сразу после того, как кончилось регентство

княгини, т.е. тогда, когда он достиг зрелости и стал полноправным князем, предводителем дружины.

Враждебное отношение Святослава к христианам особенно усугубилось после того, как в 971 г., во время войны с христианской Византией, он потерпел поражение: «у стены долги все войско погуби». При этом причиной поражения посчитали находившихся в русском войске христиан, которые, по мнению язычников, разгневали древних богов: «Тогда диавол возьмет сердца вельмож нечестивых, начата клеветати на христианы, сущия в воинстве, якобы сие падение вой приключилось от прогневания лжебогов их христианами. Он же (Святослав) толико разсвирепе, яко и единого брата своего Глеба не пощаде... они же (крещенные русы) с радостию на мучение идяху, а веры христовы отрещися и идолом поклонитися не хотяху. Он же видя их непокорение, наиначе на презвитеры яряся, якобы тии (православные священники) чарованием неким людем отвращают и в вере их утверждають, посла в Киев, повеле храмы христиан разорити и сожещи (среди разрушенных в это время церковей упоминается и церковь св. Николая, в которой был погребен «блаженный Оскольд»). И сам вскоре поиде, хотя вся христианы изгубити (эту смерть Святослава в бою с печенегами летопись приписывала божьей каре за расправу над христианами)».

Вскоре после смерти Святослава киевским престолом овладел юный Владимир Святославич, побочный сын Святослава, руководимый своим дядей по матери Добрыней. Этот князь, которого летописцы и церковные писатели со временем стали называть святым и равноапостольным, ставя ему в заслугу крещение Руси, был последним языческим князем Руси.

Ко времени начала княжения Владимира на Руси все еще продолжалось соперничество язычества и христианства, особо обострившееся после перехода власти в Киеве от княгини-христианки Ольги к князю-язычику Святославу. Киевская Русь уже почти два столетия была «языческой державой, которой требовалось религиозно-идеологическое подкрепление государственности и власти киевских князей». Христианство, еще шесть веков тому назад ставшее государственной религией в Византии, давно уже перестало быть религией «гонимого плебса», «бесправных и угнетенных», ожидавших награды только в потустороннем мире. Оно все дальше и дальше отходило от принципов «Нового завета», все в большей степени опираясь на «полный коварства, жестокости и автократизма «Ветхий завет» (Библию)». Силу такого государственного христианства составляло сочетание принципа незыблемости и безграничности власти, взятого из Библии, с принципом покорности и смирения, взятым из евангельского учения. Оно стало «хорошо разработанной религией классового общества с главным тезисом: “рабы да повинуются господам своим”». Такая религия была в высшей степени удобной для правящих верхов и содействовала укреплению государственности, что, естественно, весьма

способствовало распространению христианства: так, к 980 г оно уже более ста лет господствовало в славянской Болгарии. Однако принятие христианства таило в себе большую опасность, так как византийцы считали, что каждый народ, получивший новую веру из рук греческого духовенства, тем самым становился вассалом византийского цесаря, возглавлявшего как светскую, так и высшую духовную власть. Поэтому правительство Руси, в которое входили и языческие волхвы, чтобы сохранить суверенитет, вынуждено было противопоставить христианству нечто равноценное. Для этого требовалось как-то упорядочить первобытную языческую религию с ее локальными племенными культурами, создать особую систему, которая была бы в чем-то сопоставимой с христианством, но резко отличной от него в главном.

Создание такой системы было, по-видимому, делом целого сословия жрецов древней Руси. Результатом их работы стал пантеон, в который вошли разной л сменные боги: Перун, Стрибог, Дажьбог, Макошь, Симаргл

и Хорс. Идолы этих божеств были установлены в Киеве около 980 г.: «Нача княжити Володимер в Киеве един. И постави кумиры на хълме вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сьребряну, а ус злат, и Хърса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Макошь. И жьряху им, наричюще я боги и привожаху сыны своя и дъщери и жьряху бесом и осквьрняху землю требами своими». Выбор языческих божеств для этого пантеона был отнюдь не случаен. Язычникам времен Владимира христианство преподносилось примерно в таком виде: на главное место в нем ставился бог-отец Саваоф, библейский ветхозаветный творец мира; второе место занимал бог-сын Иисус Христос; Мария же была обрисована как женщина, воплотившая Слово бога и родившая от него сына. Упоминался просветителями (греками и болгарями, которые вели на Руси миссионерскую деятельность) и загробный мир, однако евангельское учение в своей сущности ими изложено не было; не было и упоминаний о Троице, совершенно непонятной язычникам, хотя говорилось о значении женщины, дерева («древа животьного») и об очистительной силе воды. В некотором соответствии со всем этим и был, по-видимому, создан пантеон 980 г., который содержал как средство противостояния христианству три божественных образа, которые могли быть прямо сопоставлены — или противопоставлены — христианским: богу-отцу Саваофу в известной степени соответствовал бог-отец Стрибог, богу-сыну Иисусу — бог-сын Дажьбог, а богородице — Макошь, «мать урожая», «мать судьбы». Единственное, в чем проявилось резкое и вполне осознанное противопоставление христианству, это — первенство в пантеоне Перуна, грозного божества грозы, войны и побед, покровителя русских князей и русской дружины. пантеон утверждал княжескую власть, ставя на главенствующее место Перуна, перед которым кланялись, положив обнаженные мечи, щиты и золото.

Христианство

Созданный в 980 г., пантеон просуществовал около восьми лет. В конце 80-х годов X в. Русь приняла христианство как общерусскую государственную религию, и капище древних богов было разрушено, а идолы уничтожены. Причиной тому послужила победа Руси в войне с Византией: после осады и взятия столицы византийских владений — Херсонеса-Корсуни — условия диктовал победитель, и киевское боярство и сам великий князь Владимир могли уже не опасаться того, что империя может расценивать принятие веры из рук цесаря и патриарха как знак признания вассальной зависимости Руси. Закрепить мир с греками Владимир решил женитьбой на византийской царевне; «еже и сбытася». При этом, по договоренности с цесарем Византийской империи, сын Владимира получил высочайший в Европе титул «цесаря», т.е. императора, а внуки и внуки Владимира породнились с крупнейшими королевскими домами континента.

Принятие христианства сразу же поставило Русь на один уровень с величайшими государствами того времени и весьма облегчило дипломатические связи, так как люди средневековья придавали очень большое значение религии, а христианство к этому времени уже охватило примерно три четверти Европы, все Закавказье и значительную часть Ближнего Востока. После крещения Руси великий князь Киевский стал монархом самого высшего ранга; таких монархов в Европе теперь было трое: цесарь Византии, император «Священной Римской империи» (Германии) и цесарь (царь) Руси.

Организационно христианство пришло на землю русов уже с готовой схемой церковного управления: во главе митрополит (или архиепископ), в крупных областях — епископы, которым подчинено все областное духовенство и игумены монастырей. Некоторое время, правда, оставался открытым вопрос о степени самостоятельности русской церкви: решалось, будет ли она независимой под властью киевского князя или же Византия будет удерживать ее во власти константинопольского патриарха и императора. Что же касается богослужений, тут для Руси благоприятным обстоятельством оказалось то, что родственная Болгария, принявшая христианство на 120 лет раньше, вела богослужение на славянском, а не на греческом или латинском языке и к концу X в. уже создала большой запас переводов христианской литературы, по языку вполне доступной и для русских.

После того, как христианство было принято на Руси в качестве государственной религии, оно стало постепенно распространяться по обширной территории русов. Однако процесс этот продвигался необычайно медленно. Так, например, на рубеже X и XI вв. христианство ограничивалось только городами, причем преимущественно городами Среднего Поднепровья, где располагались центры епархий; такими городами были Чернигов, Белгород, Юрьев-на-Роси и Переяславль-

Русский, первый церковный центр на Руси (в 1037 г. митрополия была перенесена из него в Киев, но

переяславский епископ носил титул митрополита и в конце XI в.). Такие города были «узлами прочности» церковной организации: в них строились церкви, проходили торжественные молебны и крестные ходы, читались проповеди; они снабжались богослужебными книгами и утварью, обслуживались причтом; вокруг них возникали монастыри. Но даже в этих оплотах церкви еще долгое время удерживалось язычество с его «погаными» и «нечистыми», с точки зрения церкви, обрядами и обычаями, что с горечью отмечали в своих трудах средневековые авторы летописей и поучений против язычества. Так, например, в XII в. автор «Слова о твари ...» с огорчением писал, что русские люди христианским церквям предпочитают шумные языческие игрища («...А на позорищех (театрализованных представлениях) ни крову сущю, ни затишью, но многажды дождю и ветром дышащую или вьялицы (метель) — то все приемлем радуюся, позоры дея на пагубу душам. А в церкви покрову сущю и заветрию дивну — и не хотять прити на поученье, леняться»).

Так обстояли дела в городах. За пределами же крепостных городских стен, в бесчисленных селениях, разбросанных по бескрайним степям и непролазным чащам лесов, о христианстве зачастую знали только понаслышке, либо вообще не знали. Деревня, по существу, стала христианской не ранее XIII в., и при этом утвердившееся там в конце концов православие вовсе не было той религией, которую проповедовали в Византии или в Европе.

Славянское язычество, имевшее тысячелетнюю историю, очень медленно отступало под настойчивым натиском православного духовенства. Церковь, как могла, искореняла языческие верования, но все равно растянувшийся на несколько столетий процесс христианизации, в который все время включались новые народы и народности, во многом был поверхностным, верхушечным. Христианство не столько сменяло языческие верования, сколько наслаивалось на них и смешивалось с ними, образуя особый сплав, совершенно новую своеобразную систему. Место языческих богов и духов в обрядах, обычаях и поверьях занимали христианские святые, но сами эти обычаи и обряды, хоть и претерпевали некоторые изменения, оставались, в сущности, языческими. Вера в духов природы, в духов предков, оберегающих, направляющих и помогающих во всех случаях жизни, была столь сильна, что фактически пережила христианизацию славянских племен. Так, например, русские крестьяне, принявшие крещение и истово верующие в святую Троицу и ангелов небесных, и в XIX в., не считая то за грех, относили подношения лешему, водяному, домовому и прочим духам. К христианским праздникам они приурочивали языческие по своему происхождению обычаи: рядились на святках в маски и вывороченные тулупы; зажигали на масленицу обрядовые костры; устраивали братчины в Петров день и «вторую трапезу» в честь

Христианство

рожаниц в праздник Рождества Богородицы; топили в реке или сжигали чучело в день Ивана Купалы, и т.д.

Очевидно, такая живучесть языческих обычаев объяснялась тем, что практически все они так или иначе были связаны с земледелием и плодородием. Плодородие земли и скота было основной заботой любой сельскохозяйственной общины; обеспечить же его, по народному убеждению, можно было только при помощи сверхъестественных сил и различных магических средств. Аграрная же магия, требовавшая близости к природе, к полям, «рощениям» и горам, являлась главным стержнем языческого культа. Перед приходом христианства у славян уже существовала разрабатывавшаяся веками детальнейшая система обрядов и обычаев, долженствующая обеспечить хороший урожай и благополучие скота. Христианство пыталось разрушить эту систему, но не предлагало ничего взамен; земледельцы же нуждались в покровительстве высших сил, в сверхъестественной защите от неуправляемых и грозных сил природы. Поэтому они создали новую систему — на основе старой, но с привнесенными в нее новыми элементами. Так, например, в древности у славян одним из наиболее известных языческих божеств была Макошь, покровительница полей и скота, а также женских работ и девичьей судьбы, «мать счастливого жребия», богиня плодородия и деторождения, изобилия, жизненных благ, удачи и судьбы, подательница живительной влаги. Она была воплощением «богини-матери», «Матери — Сырой Земли», т.е. самой природы. Ее культ возник у лесостепных земледельцев примерно за четыре тысячи лет до религиозной реформы князя Владимира. Естественно, что такое древнее и необычайно важное для земледельцев божество не могло исчезнуть бесследно. Христианское духовенство запрещало поклонение древним богам, в том числе и Макоши, поэтому крестьяне стали искать ей замену среди православных святых. Так языческая «богиня-мать» постепенно стала оттесняться христианской Богородицей, а культ ее начал превращаться в культ святой Параскевы Пятницы. В результате христианская святая стала в народе наделяться такими функциями, которые никак нельзя было объяснить повествованием о ее житии. Она стала почитаться среди простых крестьян почти так же, как Мать Божия; ей молились «о всяком благополучии и счастье домашнем», она признавалась покровительницей полей и скота. Девушки молились ей о скорейшем выходе замуж и о даровании хороших женихов; женщины же просили ее «пособлять» в обычных женских работах, особенно в тех, которые были связаны с прядением и вообще со льном или пряжей. Таким образом, на Параскеву Пятницу со временем перешли практически все те функции и атрибуты, которые были свойственны древней Макоши. Даже обряды поклонения святой Пятнице зачастую напоминали языческие жертвоприношения Макоши; так, например, женщины-крестьянки традиционно жертвовали Пятнице пряжу и кудель, бросая ее в колодез.

Духовенство, естественно, не одобряло подобные языческие по сути обычаи и всеми силами старалось

«изъять из обращения эти остатки старины». Однако многие из таких обрядов были слишком древними и, точки зрения земледельцев, необходимыми для благополучия, чтобы их можно было так просто искоренить. Не в силах побороть бесчисленные и разнообразные пережитки язычества, православное духовенство просто вынуждено было на многие из них смотреть сквозь пальцы. Поэтому в народных верованиях, обрядах и обычаях христианские нормы еще долгие века не только соседствовали с языческими, но зачастую и перекрывались ими. В некоторых случаях церковный канон требовал одного, тогда как народные обычаи, укоренившиеся в более древних языческих представлениях, требовали совершенно другого. При этом, однако, земледельцы редко открыто выступали против церковного канона, предпочитая маскировать обряды языческие обрядами церковными.

Так, например, церковные авторы XIV в. возмущенно писали, что русские люди, давно уже принявшие крещение, устраивали «трапезу» в честь языческих богинь рожаниц, причем делали это в праздник Рождества Богородицы; «...смешаемь с идольскою трапезою трисвятыя богородици с рожаницами в прогневаны? богу»; при этом, судя по древним поучениям против язычества, некоторые священники вовсе не противились этому; «череву работни (чревугодливые) попове уставиша трепарь прикладати рождества богородици к рожаничъне трапезе, отклады деочи...» (т.е. представители духовенства ради доли приношений соглашались и на второй трапезе пропеть трепарь Богородице, что особенно возмущало наиболее строгих церковников). Пирь в честь рожаниц были известны у славян с древнейших времен; «се же словене начали трапезу ставити Роду и рожаницам переже Перуна, бога их». Такие пиршества устраивали в складчину и справляли всенародно, открыто и разгульно даже спустя несколько веков после принятия христианства (так, например, в XIV в. это все еще были чисто языческие пиршества; «...ставяще трапезу крупичными глебы и сыры и черпала наполняюще вина добровоньного... и подавающе друг другу - ядять и пиють»), хотя многочисленные поучения Против язычества того времени не просто укоряли «ставящих трапезу», а прямо угрожали им и проклинали их (ср., например; «Возрадуются (верные) в веселии сердца, вы же, покорившиеся бесам, молящиеся идолам и устраивающие пиршества в честь Рода и рожаниц, — вы закричите в сердечной муке, будете рыдать в судорогах сердец своих!» («Слово Исаяи пророка», XII в.)). Устраивались «рожаничьи трапезы» в честь праздника урожая, завершения главного цикла земледельческих работ; по мнению древних славян-язычников, в это время непременно следовало чествовать покровительствовавших земледелию божеств, благодарить их за хороший урожай и приносить им необходимые жертвы, чтобы обеспечить хороший урожай и на будущий год. Важность этого обычая заставила православную церковь считаться с ним, так что языческая сущность праздника вошла в конце концов в церковную практику, несмотря на бурные и долгие протесты средневековых ригористов.

Царь-водяник

Ц

Царь-водяник — см. **Водяной**.

ЦМОКИ, смоки — (от «цмокать», «чмокать» — свистеть) духи, схожие с огненными змеями. По народным поверьям, они сожительствуют с женщинами, прилетая к своим любимым в облике кур, крылатых ящериц или змеек; кроме того, они могут открывать клады и обогащать своих избранниц, подобно хованцу и подобным ему духам.

У белорусов цмоками называли домашних змеи, ужен. Домового ужа считали покровителем дома и семьи; верили, что он носит своему хозяину деньги,

делает его нивы плодородными, а коров — донными. За это хозяин должен был ставить домовому ужу на кровле дома или на гумне сковороду яичницы; верили, что в противном случае цмок-домовик разгневается и сожжет весь дом.

По поверьям, кроме домовых цмоков-ужей существуют еще и лесные; эти лесные цмоки нередко считались вредоносными существами. Так, нередко считалось, что лесной цмок, в отличие от домашнего, вредит хозяйству: он может уморить у хозяина скот, высасывать ночью молоко у коров, делать нивы бесплодными и т.п.

Чаровники — с. Чароден.

ЧАРОДЕИ, чаровники — в народных поверьях люди, знающиеся с нечистой силой и способные напускать мороки; вообще «чародейство» означает «творить чары, волхвовать, кудесить, колдовать, знахарить, наводить обаяние, мару, мороку, отводить глаза, творить кудеса, чудеса при помощи нечистой силы».

Судя по всему, чародейство как способ колдовства восходит к древним магическим действиям над чарой — большим глубоким сосудом. Особые ритуальные чары в древней Руси применялись для гаданий, заклинаний и т.п.; отсюда «чародейство» — магические действия с водой и различными отварами из трав, требующие специального сосуда — чары. Синонимом чародейства было «волхвование», т.е. опять-таки обращение к воде («вологе»), которым некогда занимались волхвы (чародеи), управляющие дождем. Позднее же обозначение колдовских действий «чародеяние» получило более широкое значение «колдовства вообще».

Черная немочь — см. Коровья смерть.

ЧЕРНОБОГ — у славян злой бог, приносящий несчастье; воплощение всех темных сил, противопоставляемое воплощению сил светлых — Белбогу. Ему в некоторой мере соответствовали такие мифические персонажи, как Лихо, Недоля, Смерть, Мара и пр., т.е. сверхъестественные существа, связанные с неудачами, бедами, болезнями, злосчастной судьбой, смертью и т.д.

Как и Бел бог, Чернобог почитался славянами, но по другой причине: не из уважения или любви, а из страха перед его гневом. Ему приносили жертвы и поклонялись, надеясь этим умилостивить грозное божество и избежать насылаемых им несчастий. Так, например, в своей «хронике» Гельмольд сообщает: «Удивительно суеверие славян, ибо они на своих празднествах и пирах обносят круговую чашу, возглашая над нею слова — не скажу: благословения, но проклятия, во имя богов доброго и злого, так как ожидают от доброго бога счастливой доли, а от злого — несчастливой; поэтому злого бога даже называют на своем языке дьяволом или черным богом (Чернобогом — Zserneboch)».

О том, какой облик имел Чернобог, известно немного. По-видимому, в древности он был зооморфным божеством: так, в Бамберге был найден идол Чернобога с рунической надписью, начертанной так, как

произносили его имя поморские славяне: Царни бу; этот идол изображал зверя, льва или, скорее, волка (волк издревле считался мифическим представителем ночи, темных туч и зимы). Но вообще Чернобог как воплощение зла мог и не иметь какого-то конкретного облика: он, подобно упырям и навьям, мог представляться многоликим или безликим олицетворением тех несчастий, которые преследовали людей с древнейших времен.

Чернобыльник — полынь обыкновенная, на Украине называемая еще иногда «травой забвения», растение, широко употреблявшееся в календарной обрядности и в народной медицине славян.

Благодаря содержащейся в нем горечи, чернобыльник повсюду считался хорошим оберегом. Наиболее широко он использовался в летних купальских обрядах: так, согласно летописным данным, славяне некогда, празднуя священную пору солнцеворота, во время ритуальных плясок и игрищ кидали чернобыльник в купальские костры, а также опоясывали себя сплетенными из чернобыльника гирляндами или надевали себе на головы венки из этого растения, что, по их мнению, служило надежной защитой от призраков, колдунов и болезней.

Во многих местах крестьяне верили также, что всякий, кто будет смотреть на огонь купальского костра через венок из чернобыльника, в течение года не будет страдать ни болезнью глаз, ни головной болью; иногда считалось даже, что венок из чернобыльника сам по себе является предохранительным средством от глазных болезней. Отвар чернобыльника во многих местах пили или добавляли в еду, чтобы защитить себя от укусов диких зверей и от колдовства (однако при этом в некоторых местах считалось, что у женщин отвар чернобыльника вызывает выкидыш). Кроме того, отваром чернобыльника, собранного на Иванов день, хозяйки обмывали коров, чтобы защитить их от порчи, и для того, чтобы они давали больше молока. Для того же, чтобы уберечь от пагубного воздействия злых сил, особенно активных во время купальских праздников, все хозяйство, крестьяне затыкали чернобыльник во все щели домов, клали его на окна, в хлев и т.д., полагая, что после этого ни ведьмы, ни нечистые духи не посмеют проникнуть во двор или в дом и напустить злые чары.

В народной медицине славян чернобыльник также находил широкое применение. Его употребляли, например, как противосудорожное средство, от болей в горле и от простуды, от родимца, паралича, падушей болезни, от малярии и лихорадки. При этом в некоторых

Чернокнижник

местах верили еще, что в Иванову ночь под корнем чернойбыльника можно отыскать земляной уголь, который может использоваться для лечения падушей болезни и черной немочи.

Чернокнижник — колдун; вообще же такое обозначение колдующих людей в народных поверьях встречается довольно редко. Судя по всему, оно связано с поверьями о том, что у колдунов есть какие-то колдовские книги, которые и являются опорой их могущества; в некоторых местах считалось даже, что колдуну не обязательно уметь читать, а достаточно лишь владеть такой книгой (и носить ее при себе, например, под пяткой), чтобы уметь колдовать. Обычно считалось, что такую «черную» колдовскую книгу колдун получает от Сатаны при заключении договора.

Согласно некоторым поверьям, колдуна-чернокнижника можно узнать по внешнему виду — «такой колдун не стрижет ногтей, не чешет волос, не молится Богу». Заговоры чернокнижников, по народному убеждению, действуют ровно год, а потом их нужно «подновлять» в Христовскую заутреню: для этого колдун должен был молча, не оглядываясь, прочесть все заговоры; но если в это время кто-нибудь тронет чернокнижника и скажет: «Христос Воскрес!», то колдун тут же упадет мертвым.

ЧЁРТ — злой дух, общее название для многочисленных нечистых духов.

Вероятно, сам образ черта имел дохристианское происхождение, но христианские представления о дьяволе оказали сильное воздействие на его позднейший облик. Судя по всему, наименование «черт» сменило название «бес», которым после принятия христианства стали обозначаться самые разнообразные нечистые существа и силы «дохристианского происхождения» («Бес — дух, демон в самом общем понимании»). В народных поверьях черти могут отождествляться с бесами и демонами; черта могли также именовать дьяволом или сатаной. Однако нередко все эти «нечистики» воспринимались и как разные духи, «заведующие» разными злыми деяниями: так, по народному убеждению, «черт смущает, бес подстрекает, Дьявол нудит, а Сатана знаменья творит для колебания крепко в вере пребывающих»; согласно народной поговорке, «черт чертом, а Дьявол сам по себе».

Собственно, само слово «черт» в народной речи употреблялось довольно редко, так как считалось, что «слово черт произносить грех, не то он привяжется и будет причинять зло». По этой причине слово черт обычно заменялось различными прозвищами, характеризующими различные черты внешнего облика и характера этого демонического персонажа: нечистый, немытик, некошной, недобрик, лукавый, грешок, враг, рогатый, черный, плохой, шутник, шут, шишок, окаяшка и т.п. Нередко использовались также указательные наименования: «он», «тот» и т.п.

Легенды о происхождении черта, бытующие в народе, как правило, восходят к апокрифической литературе и базируются на представлениях о борьбе светлого и темного начал в мироздании, о борьбе сил Бога и Сатаны. По некоторым легендам, черти — это вышедшие из повиновения божьей воли ангелы, которых архангел Михаил сбросил с неба и которые упали на землю, но не прошибли ее насквозь, как Сатана, а остались на поверхности. По другим поверьям, черти произошли от плевка Бога или от Саганы (так, по некоторым поверьям, Сатана создал чертей, ударив молотом по камню).

Облик черта в народных поверьях был весьма разнообразен. Так, в фольклоре и на народных картинках черт изображался обычно как антропоморфное существо, покрытое черной шерстью, с рогами, хвостом и копытами. В русской средневековой живописи черт отличается от человека остроголовостью или волосами, стоящими дыбом, — шишом (отсюда названия тина «шиш», «шишига»); иногда — крыльями за спиной, и т.п. В поверьях многих мест традиционный облик черта, в общем, схож с обликом бесов: он — черное (синее или темное) мохнатое существо с крыльями и хвостом, с когтями, рожками и копытцами; глаза его горят, как угли, голос зычный и сильный, «каркающий»; он «востроголов, как сыч», может быть кривым, лысым, хромым (по поверьям, черти сломали себе ноги во время падения с неба) и т.д.

При этом, однако, по мнению некоторых исследователей, подобному образу беса-черта, напоминающего фантастическое животное, предшествовал (или сопутствовал) образ обнаженного женообразного юноши с женскими (часто поднятыми над головой и спутанными) волосами. Такой облик прослеживается в памятниках древнерусского и средневекового искусства: так, демон старинной живописи был даже не страшен по своему виду, а пугал только идеей вечной гибели; мастера же XVII в. «стали намеренно ухищряться в вымышлении отвратительных очертаний бесовских фигур».

Характерной особенностью черта в народных поверьях является его способность к оборотничеству, особая склонность к разнообразным метаморфозам. Так, по поверьям, черти могут принимать любой облик; наиболее же часто они превращаются в черную кошку или собаку, в человека (странника, ребенка, кузнеца или мельника, знакомого, монаха, священника, солдата и т.п.), в змея или змею, в свинью, мышшь, лягушку, рыбу, сороку, козла, барана, лошадь, зайца, волка, а также в клубок ниток, ворох сена, камень, вихрь, огненное колесо или шар, куст бузины и т.д. Так, в быличках и рассказах самых разных мест черт «каркает вороном, стрекочет сорокой»; принимает вид «животного с черной шерстью, человека с рожками»; «летает вихрем»; является «огненным помелом», и т.д. Согласно многим поверьям, «черти являются людям в разных видах, смотря по цели. Если нечистому, черту,

надо испугать человека, то он является в виде страшного зверя; если «самустить» (совратить) на худое дело — в виде человека; коли подурачиться, поглумиться над людьми — то в виде кошки, собаки и т.д. Столб ныли, поднимаемый вихрем, производят черти, когда они «входятся между собой». Помимо этого, черти, по народному убеждению, любят принимать неопределенный, но «страшный» облик, либо быстро менять обличья.

При всем при этом, однако, считалось, что черти почти никогда не принимают облика коровы (самого дорогого домашнего животного), петуха (вестника приближения светлого дня), голубя (самой чистой и невинной птицы, воплощения Святого Духа), а также осла (на котором сам Господь ехал во святой град). Не принимают черти и облика святых предметов (т.е. креста и т.п.). Остальные же обличья черт принимает с легкостью, и узнать его в этих обликах бывает весьма сложно.

Обычно считалось, что черта-оборотня можно узнать по какому-либо аномальному, нетипичному для данного облика признаку. Так, по некоторым поверьям, черт, даже обернувшись человеком, имеет едва заметные рожки и копытца (которые он обычно прячет, например, под шапкой и в сапогах), а также горящие глаза, хвост и зычный или силный голос. У него может быть подоткнута правая пола одежды; он может носить красную шапочку (реже — красную рубашку или пояс). Кроме того, он может быть кривым или хромым, иметь рыжие волосы, хвост и т.д. Черта-зверя также можно узнать, обычно по черному или рыжему цвету шерсти.

Во многих местах (по большей части — у восточных славян) черт — родовое понятие, включающее вообще всю нечистую силу («нежить», «нечистиков»), т.е. водяных, леших, домовых и пр. По некоторым поверьям, водяные, лесные, домовые и прочие духи — это водяные, лесные и т.д. черти, в которых «поделались» свергнутые с неба ангелы. Так, в народных легендах происхождение нечисти часто связывается с ветхозаветным мифом о падших ангелах: сброшенные с неба Богом, они летели сорок дней и попадали в леса, на поля, в реки и дома, превратившись в духов отдельных урочищ (т.е. в водяных, леших и т.д.). Вместе с тем, собственно черти в народных поверьях отличаются от прочей нечисти своей повсеместностью, свободой передвижения (повсюду, вплоть до церкви ночью), а также местами своего обитания.

В отличие от других персонажей нечистой силы, традиционное местообитание чертей во многих поверьях — ад, преисподняя, подземные вертепы, где они мучают грешников: «У них (чертей) есть дома глубоко в земле, и называемые адом... Там все черти живут, там и Сатана». В тех местах, где леших, водяных и пр. считали лесными, водяными и т.д. чертями, считалось, что «в аду живут «насыльные», самые «лихие» черти, существующие кроме постоянной нечистой силы, живущей на земле, в воде, лесах, оврагах, домах». При

этом, однако, по поверьям некоторых мест, «до Страшного Суда чертей в аду очень мало: они все почти на земле, около людей». Нередко считалось даже, что «много чертей в аду увечных, потому что Сатана беспощадно бьет их, жарит на сковородах, обрывает уши, хвосты и т.д., если они не исполняют в точности его поручений — не вылезают на землю соблазнять людей»; по этой причине черти большую часть времени пребывают на земле, занимаясь своими «бесовскими делами», а в ад спускаются лишь на время (за указаниями и т.д.).

Самые излюбленные места обитания чертей в народных поверьях — болота и глухие места, бездонные трясины, уходящие глубоко под землю: «На трясиных или заглохших и заросших озерах, где еще уберегаются пласты земли, сцепленные корнями водорослей, человеческая нога быстро тонет. Еще зияют кругом и около сохранившиеся во множестве окна — те места, где вода открыта и глубока, но где уже завязалась моховая поросль и скопились пльвучие зыбуны. Здесь отвердевающая почва еще зыблется; из-под ног выступает вода и ходить очень опасно: упругий пласт захлестывает ямки, замеченные ногой человека. Неосторожного охотника и дерзкого путника, очутившихся беспомощными и в одиночестве, засасывает вглубь подземная сила и прикрывает сырым и холодным пластом, как гробовой доской. Тут ли не водиться злой дьявольской силе и как не считать чертям такие мочаги, топи, ходуны-трясины и крепи-заросли благоприятными и роскошными местами для надежного и удобного жительства?»

Один из народных рассказов о сотворении мира объясняет местопребывание чертей в болотном подземно-подводном мире так: «Черт за щеку спрятал глину (при творении мира). Архангел донес на пего. Черту пришлось выплюнуть — образовались горы и озера. Бог в наказание посадил черта в самый глубокий и бездонный овраг и наполнил его вонючей водой и глиной. Поэтому черти теперь и бывают в оврагах и болотах, даже слышать можно, как они там стонут, визжат и хохочут».

Кроме того, по народным представлениям, черти любят жить не только в болотах, но и вообще в воде, особенно в воде стоячей. Так, по некоторым поверьям, молодые черти до 30-ти лет живут холостыми в речках; потом переселяются в болота и омуты, где женятся и «распложаются»; старые же черти живут в море. Попав в человеческое жилье, черт может забраться в воду, предназначенную хозяевами для питья и т.д.; так, повсеместно считалось, что если не закрыть посуду с водой если не дощатой крышкой или тряпицей, то, в крайнем случае, двумя лучинками, положенными крест накрест, и особенно если оставить сосуд с водой непокрытым на ночь, то в него непременно заберется черт. Одна из великорусских легенд повествует, что некий святой подвижник (по некоторым преданиям — Андрей Блаженный) встретил черта, всего перепачканного, и посоветовал ему: «Иди, обмойся водой

речной, что ты таким на костном ходишь?»; черт же ответил ему: «К реке меня не пускает ангел, а велит идти в ту первую избу, где стоит непокрытая кадка с водой и где она не ограждена крестным знаменем. Туда я и иду. Мы все там всегда и обмываемся».

Нередко считалось также, что черти любят появляться в сумрачных лесных дебрях, непроходимых пушках; по некоторым поверьям, черти по зорям собираются на советы на опушках глухого леса, а в жару прячутся в тени больших елей. В некоторых местах (преимущественно на севере) считалось, что черти больше всего любят селиться в глухих, непроходимых и болотистых лесах, там, где дремучий лес перемежается с бездонными трясинами болот.

Кроме того, повсеместно считалось, что черти любят появляться, собираться на перекрестках, на росстанях, где они играют, пляшут и дерутся, а на Пасху катают там крашенные яйца. Считалось также, что черти часто появляются в пустых, нежилых или неосвященных строениях, особенно на чердаках, где они устраивают свои собрания (по некоторым поверьям, если в это время войти с огнем, все они превратятся в черных кошек и разбегутся). Традиционным местом обитания чертей в народе считались и бани, а также мельницы, особенно старые и заброшенные; повсеместно считалось, что черти собираются там по ночам и устраивают гуляния и посиделки. Так, во многих местах верили, что «на мельницу, в баню нельзя ходить около полуночи — черти задавят»; повсеместно считалось, что «если оставить на ночь непокрытый сосуд с водою, то черти непременно войдут в него, а если оставить в бане воду, после того как вымоются люди, и не заминить ее, то черти будут мыться этою водою».

В некоторых рассказах черти появляются не только в банях, но и в других дворовых постройках; так, иногда полагали, что черт может поселиться в овине, на гумне и т.д. Кроме того, черти, по народному убеждению, свободно проникают в дома (преимущественно через трубы) и могут поселиться иод полом, под полатами, в трубе, в голбце, под столом, под печью и т.д.; они «приходят в деревню ночью и уносят то, что не благословяся положено». В некоторых местах вообще полагали, что «у каждой хаты, т.е. у каждого строения, как и у каждого человека, есть свой нечистый дух».

По различным поверьям, черти могут также жить на погостах и на церковных колокольнях (так, по поверьям Новгородчины, черт покидает колокольню лишь во время звона, при третьем ударе колокола). Согласно поверьям некоторых мест, черти иногда появляются и в церкви; они даже отправляют там по ночам свои службы. Так, в быличке из Симбирской губернии мужик, ночью проходящий мимо церкви, видит, что «церковь стоит, освещена, и в церкви служба идет». он входит, начинает молиться и в этот момент замечает, что «у попа и у причта лица какие-то неподходящие»; мужик догадывается, что это нечистые, черти, и спасается тем, что выходит из церкви, пятась

задом (нечистые, бросившись за ним в погоню, видят, что «из церкви назад ни одного следа нет, а только в церковь», и ищут мужика в церкви).

«Домашний быт» чертей, устройство их жизни в поверьях описываются по-разному. Согласно многим верованиям, черти могут жить семьями и иметь жен и детей; при этом, однако, считалось, что «в законный брак черти не вступают, потому что у них нет священника и их некому венчать». Женятся черти на чертихах, а также на ведьмах, удавленницах, утопленницах и т.п.; от такой связи, по поверьям, рождаются бойкие чертенята-хохлики, черные, мохнатые и в шерсти, двумя острыми рожками на макушке головы и длинным хвостом. Кроме того, повсеместно считалось, что черти нередко соблазняют женщин, которые потом рожают от черта уродливых детей, упырей или кикимор; по некоторым поверьям, черти также женятся на душах вдов, а от брака их рождаются гномы.

В некоторых местах считалось, что черт, будучи существом вездесущим, как бы бездомен, по в то же время дома повсюду; у него нет семьи, хотя он нередко сожительствует с женщинами и женскими демоническими существами (чертихами и пр.).

По другим поверьям, дом, семья и даже сама жизнь черта схожи с человеческими: он живет в добротной избе, у него есть хозяйство; жизнь его и его семьи протекает почти так же, как и у обычного человека (главное отличие в том, что черти не молятся, не ходят в церковь и т.д.).

Согласно поверьям, черти подвержены многим человеческим привычкам и даже слабостям: они любят ходить в гости друг к другу, не прочь «попировать с развалом», с музыкой, вином и плясками. Часто считалось, что черт очень любит музыку и даже может обучить игре на гармонии; в быличках он нередко приглашает людей-музыкантов к себе на свадьбу. На пирах, устраиваемых по случаю особенных побед над людьми, равно как и на собственных свадьбах, старые и молодые черти охотно пьют вино и напиваются; напившись, они любят поплясать и подражаться, а во время пляски после попойки поднимают вихрь. Желая «погулять от души», черт нередко заходит в кабаки и даже приглашает выпить с собой прохожих: так, в одной из быличек черт приглашает пастуха в кабак (по пастуху при этом приходится скинуть лапти, так как они плетутся крестиками); в другой быличке черт справляет в кабаке поминки по теще, и т.д. По народному убеждению, черти «любят курить табак, получаемый в дар от догадливых и трусливых людей». Однако самое любимое занятие чертей — игра в карты и кости: в игре они не знают удержу и «проигрывают все, что есть за душой (а душа им полагается настоящая, почти такая же, как у людей)».

Близость черта к человеку проявляется и в некоторых его отношениях с людьми. Так, часто считалось, что с чертом, как и с обычным человеком, можно вступить в соглашение (особенно после оказанной ему услуги: так, в быличке спасенный от грозы нечистый

идет вместо спасшего его мужика в солдаты). Черт поддается на обманы и хитрости, его можно напугать. Так, например, общераспространен сюжет о том, как мужик пугает чертей тем, что вьет у озера веревку или «морщит» воду (обведение водоема веревкой — один из старинных способов колдовства, «подчиняющий» воду). По другому известному сюжету, мужик, делящий с чертом репу, предлагает отдать репу тому, кто приведет наиболее удивительного зверя; черт приводит льва, которого мужик узнает; мужик же приводит свою жену, которая идет на четвереньках, задом наперед, распустив волосы и свесив их на лицо (черт не может узнать ее и рена достается мужику).

Распоряжается чертями (особенно обитающими в преисподней) старший нечистый дух — Дьявол, Сатана или «старшой дедушка», «чертов дед», который руководит всеми чертями, «дает советы и требует отчета». Такой «старшой» черт обычно помещался где-то в подземном мире, в аду; иногда считалось, что он сидит на железном троне, к которому прикован цепями («а как сорвется — тут конец света и наступит»).

Черти, по народному убеждению, владеют различными волшебными предметами: шапкой-невидимкой, неразменным рублем и т.д.; все это у них можно получить хитростью или купить. Так, для того, чтобы добыть шапку-невидимку, человек должен был найти цветок «адамову головку», который расцветает около Иванова дня; такой цветок следовало положить в церкви под престол, чтобы он пролежал там сорок дней. Считалось, что если после этого держать его в руке, то можно видеть дьявола, чертей и бесов, всю нечистую силу; тогда можно сорвать с черта шапку-невидимку, надеть ее на себя и стать невидимым. Но перед смертью эту шапку нужно бросить в реку, чтобы черти взяли ее обратно, иначе черти в аду замучают душу человека, который забрал и не отдал обратно их добро.

В сказках черт нередко выступает замороченным простофилей, которого легко обмануть; подобные сказки обычно бывают шуливо-ироничными. Однако в бытующих поверьях и быличках отношения человека с чертом обычно достаточно серьезны и нередко «равноправны»: с чертом заключаются договоры и сделки; к нему иногда обращаются за помощью, нанимаются к нему в работники или, наоборот, нанимают его на работу сами; его призывают в гаданиях, и т.д. При этом черт в поверьях часто является источником непредсказуемой и неуловимой, вызывающей различные события и беды силы; иногда чертом именовалась даже не столько злая, сколько двойственная в своих проявлениях сверхъестественная сила вообще («демон в самом общем пониманье»). При этом, однако, вступая в те или иные отношения с чертом, человек все время должен был помнить, что черт (в большей или меньшей степени) все-таки является носителем зла, и общение с ним может привести к различным бедам.

По народным представлениям, черти постоянно вмешиваются в жизнь людей; причиняют различные

мелкие неприятности; насылают мороки; провоцируют на преступления или самоубийство и т.д. По поверьям, «затем они на землю и являются, чтобы ввести человека в грех или нанести какой-либо вред». Так, например, повсеместно считалось, что черт «водит» и «носит», сбивает с пути людей; толкает под руку, а также похищает и прячет разные вещи; портит и похищает неблагословленную еду и питье; толкает, незримо присутствует за столом и ест еду за тех, кто шумит и болтает за столом, бросает недоеденные куски, крошит хлеб и т.д. Действию чертей часто приписывались как практически все более или менее мелкие несчастья (например, неловкие движения, потери), так и более серьезные опасности.

Согласно народным верованиям, черт, как и ангел-хранитель, дается человеку при рождении и всегда, в течение всей человеческой жизни, присутствует за левым плечом человека (тогда как ангел-хранитель находится за правым); очевидно, в этих поверьях нашло отражение представление о черте как о представителе злого начала, всегда неизбежно сопутствующего началу доброму. По народным поверьям, черт всегда нашептывает человеку в левое ухо, подталкивая его к «злым и греховным деяниям». В некоторых местах верили, что когда звенит в левом ухе — это черт «летел сдавать Сатане грехи того человека, сделанные за день, и вот теперь прилетел назад, чтобы снова стать на страже и выжидать случая и повода к соблазнам». По народному убеждению, между ангелом-хранителем и чертом-соблазнителем всегда идет борьба и вражда, каждый из них зорко следит за другим, уступая первенство противнику лишь в зависимости от поведения человека. Ангел записывает все добрые дела человека, а черт учитывает злые, и когда человек умирает, ангел спорит с чертом о его душе.

Черт, в народном представлении, — существо более злое, чем другие представители нечистой силы — леший, водяной и пр. Он любит подшутить над человеком и может подшутить очень зло; наиболее же опасен черт для пьяниц, особенно приподнявшихся в пути. Так, по народному убеждению, черт так любит пьяных по той причине, что пьяного человека ему легче «наманивать на всякий грех, внушать дурные мысли, подсказывать черные и срамные слова, наталкивать на драку и на всякие такие поступки, для которых у всех, за неимением верного, есть одно дешевое и вечное оправдание: “черт попутал”».

Подшучивать над пьяными — любимая забава черта. Существует немало рассказов о мужиках, возвращавшихся домой «навеселе, изрядно выпивши» и повстречавших черта. Как правило, черт является пьяному мужику в облике его знакомого или родственника и приглашает выпить с ним; мужик, согласившись, отправляется с чертом, выпивает и закусывает с ним, а потом вдруг оказывается где-то в совсем незнакомых местах и обнаруживает, что пил воду из проруби, закусывал сухими листьями, вместо рюмки держал шишку, а сидел на пеньке, на дереве и т.д. Так, например,

в одном из рассказов пьяный мужик стараниями черта оказался в колоде: «Позвал сват пить чай да пиво. Выпил чашку пива и увидел, что не у свата я в гостях, а в колоде, да и не пиво пью, а холодную воду. И не стаканчиком ее пью, а прямо захлебкую». При этом замороченный чертом человек может оказаться на краю гибели: так, в одном из рассказов мужик, по дороге домой заглянувший в «чертов кабак», оказывается вдруг на перилах моста («Шагнул бы еще разок — и оказался бы в реке, так что и следа не нашли бы»).

Человека, попавшего к ним, черти могут не только «заморочить», но даже и задавить, погубить. Так, в быличках многих мест люди, зашедшие в баню, на мельницу или в другое место, где водятся черти, оказываются задушенными, разорванными и т.д.; в популярном рассказе о чертях, в человеческом облике пришедших на девичью вечеринку, убитыми оказываются все девушки, кроме одной, случайно заметившей, что у «парней», зашедших в избу, есть рожки, и успевшей убежать.

Поверья о том, что черти любят приходить на девичьи вечеринки и сожительствовать с девушками и женщинами, были распространены повсеместно. Так, считалось, что черт может явиться девушке в облике красивого парня, и если она не распознает в нем нечистого духа, то он соблазнит ее и станет сожительствовать с ней. Во многих местах верили, что черти летают к тоскующим женщинам, принимая облик их отсутствующих мужей или любимых. При этом женщина, к которой ходит черт, вскоре начинает богатеть, но при этом сохнет, чахнет, болеет и может вскоре умереть. Если она забеременеет, то родит ребенка-урода, чертенка; например, в рассказе из Вологодской губернии женщина описывала родившегося от черта ребенка так: «Катается что-то черненькое, маленькое, а как поглядела — увидела хвостик, а над лобиком махонькие рожки». Иногда считалось, что от связи чертей с женщинами рождаются черные, глупые и злые дети, которые обычно живут очень недолго, «так что их даже никто не видит».

По общераспространенным представлениям, черти всегда стараются заполучить душу человека; «вводя во грех», они надеются, что душа грешника после его смерти достанется им. Души самоубийц также достаются чертям; так, по народному убеждению, «черту баран» «в равной мере и тот, кто прибегает к насильственной смерти, и тот, кто совершает преступление поджога, убийства по злой воле (по внушению дьявола), и те, которые попадают в несчастье от неравновесия душевных сил переходного возраста». Так, любой самоубийца, по народному убеждению, — «черту лошадь», «черту баран» (реже — «черту свечка» или «черту кочерга» — уголья мешать в геенне огненной). Согласно поверьям, все самоубийцы находятся в полной власти нечистой силы; черти возят на них воду и ездят сами. Так, в различных быличках черт ездит верхом на удавленниках, вихрем летит по дорогам и гонит душу самоубийцы, толкает человека в петлю,

помогая тому повеситься, и т.д. Согласно многим поверьям, сам Сатана на том свете запрягает одних самоубийц вместо лошадей, других сажает вместо кучера, а сам садится на главном месте вразвалку, понукает и подхлестывает; временами он ездит и по земле и тогда заезжает в кузницы, чтобы подковывать своих «коней» (так, в одной быличке кузнец, собираясь подковать лошадь черта, вдруг обнаруживает, что вместо лошадиного копыта держит человеческую руку).

Нередко считалось, что многие самоубийцы не сами решились наложить на себя руки, а им помогли черти. Так, например, согласно поверьям, если человек много пьет, то черт на него «напустит жуть, либо тоску, так и незнамо что представится. Со страху да тоски руки на себя наложишь, а он и рад: начнет иод бока подталкивать, на ухо нашептывать. Ты только петлю накинй, а он под руку подтолкнет — и затянет» В одном из народных рассказов мужик, решивший покончить с собой, идет в лес; один деревенский старик, поняв, что тот задумал недоброе, советует мужику, когда тот станет давиться, сказать: «Душу свою отдаю Богу, а тело черту». В лесу мужику встречаются черти, которые подхватывают его под руки и подводят к осине, у которой уже «собралось великое сборище всякой нечисти: были и колдуны, и ведьмы, и утопленники, и удавленники»; едва мужик подошел к осине, как она наклонилась макушкой, а черти «на радость кинулись навстречу, приняли из рук вожжи, захлестнули на крепкий сук — наладили петлю; двое растопырили ее и держат наготове, третий ухватил мужика за ноги и посадил головою прямо к узлу». Тут мужик вспомнил старика и сказал, как тот советовал; черти закричали: «Ишь, велико дело твое мясо, что мы с ним будем делать? Нам душа нужна, а не тело вонючее», — вытащили мужика из петли и швырнули его в сторону. Вернулся мужик в деревню; а старик, что ему совет дал, потом ему и сказал: «Пошла бы твоя кожа им на бумагу. Пишут они на той бумаге договоры тех, что продают чертям свои души, и подписывают своей кровью, выпущенной из надреза на правом мизинце».

По народному убеждению, свои души черту продают в первую очередь колдуны и ведьмы. Так, по поверьям, человек, желающий научиться колдовству, должен заключить договор с чертом; подписав этот договор своей кровью, он становится колдуном и на всю свою жизнь получит в свое распоряжение нескольких чертенят, которые станут помогать ему. Однако после смерти колдуна черти придут за его душой и заберут ее себе; если же колдуй перед смертью не передал своей силы, то черти, пока он еще не умер, будут мучить его, набиваться в его внутренности и т.д. Так, например, про одну ведьму рассказывали, что она, не передав своей силы, умирала две недели: «Вот уж совсем вроде померла... На стол ее положат, а к утру она на полу окажется, или вовсе где под печью али под порогом. И все кричала, сильно мучилась. Посинела вся, холодная стала, а умереть никак не

могла. Черти все ее мучили. Потом-то уж кто-то посоветовал — разобрали крышу, так и померла наконец. А дом, где жила, сожгли вместе с ней, так там, в огне-то, шибко что-то верещало».

Согласно народным поверьям, черти часто похищают людей и особенно детей, в первую очередь проклятых. Так, считалось, что черт непременно утащит человека, которого вольно или невольно послали «к черту». Особенно же часто черти похищают детей, оставленных без должного присмотра или проклятых родителями; иногда таких детей они подменяют чуркой, поленом, венником и т.п. Так, повсеместно считалось, что если младенца до крещения оставили одного (особенно в бане), если дали ему заснуть, не перекрестив, не пожелали ему роста и здоровья при чихании и т.д., то черт непременно придет и похитит ребенка, оставив на его месте свое уродливое дитя или чурку, полено и т.д., которым злые чары придали облик похищенного ребенка. Считалось также, что черт непременно утащит к себе ребенка, которого в сердцах прокляла мать или которому «в недобрый час сказали неладное слово» (например: «Хоть бы тебя черти взяли!», «Иди к черту!» и т.п.). К черту, по народному убеждению, попадают и души «приспанных детей» (т.е. случайно задушенных матерями во время сна); такие дети в народном сознании приравнивались к проклятым.

Похищенных детей черти забирают себе, растят и воспитывают, могут сделать их колдунами или обратиться в своих подневольных слуг; так, по некоторым поверьям, таких детей черти заставляют раздувать пожары, воровать неблагословленную еду, сторожить клады и т.д. В некоторых местах считалось также, что похищенного ребенка черт (дьявол) помещает в темную и сырую темницу, где ребенок будет навсегда лишен света и станет вечно проклинать свою мать за то, что она не уберегла его. Во всех этих случаях душа ребенка считалась погибшей, если мать не спасла ее постоянными молитвами в течение 40 дней при строгой посте. Подобным образом можно было вернуть себе ребенка: так, в одной из быличек проклятое и похищенное нечистой силой дитя по молитве матери является на своем месте и, по окроплении святой водой, остается невредимым. Однако в некоторых местах считалось, что так можно вернуть ребенка только в том случае, если его похитили «тайные люди»; если лее похитителем был черт, то матери «предстоит много хлопот».

Так, по некоторым поверьям, душу погубленного (присланного и т.д.), т.е. попавшего во власть чертей ребенка мать может спасти только одним способом: три ночи подряд простояв в церкви на молитве (правда, не всякий священник разрешал это). По поверьям, в первую ночь черти будут бесноваться вокруг женщины, поднимут позади нее хохот и свист, шум, возню, она услышит также детский плач и проклятия, а черти станут уговаривать ее обернуться, обещая в этом случае отдать ребенка; однако если она оглянется, то

погубит и ребенка, и себя (черти разорвут на части): если же она выдержит это испытание, то перед первыми петухами черти покажут ей ее ребенка, черного, как уголь. На вторую ночь произойдет то же самое, только ребенок уже не будет проклинать свою мать, а станет уговаривать ее молиться дальше; после вторых петухов он покажется матери наполовину белым. Третья ночь — самая опасная: черти станут дразнить женщину, кричать детскими голосами и умолять взять их на руки и т.д.; однако если женщина выдержит это, то после третьих петухов черти бросят перед матерью совершенно белого ребенка, мертвого, по спасенного. В одном из рассказов женщине, отмаливавшей таким образом свое приспанное дитя, посоветовали очертить-ся кругом; в первую и вторую ночи черти, беснуясь за пределами круга, пытались выманить мать, показывая ей дитя, а в третью ночь замучили ребенка у нее на глазах, однако с первым криком петухов исчезли, оставив дитя, и мать увидела, как ангел в белом взял ребенка на руки и вознесся с ним на небо.

Вмешательству черта часто приписывались болезни, особенно болезни душевные, сопровождающиеся истерическими припадками психические расстройства: так, по народному убеждению, «все душевнобольные и ненормальные суть люди порченые, волею которых управляет нечистая сила, кем-либо напущенная и зачастую наталкивающая на злодеяние — себе на потеху». При этом многие болезни, происходящие от неизвестной причины, объясняли тем, что в человека проник или посажен черт («на несколько лет или на смерть»). Черт в этом случае мог действовать самостоятельно, а мог быть напущен колдуном, недобрый, «лихим» человеком («на питье, еду») или «но ветру». От того, что в нем находится черт, человек, по народному убеждению, заболевает и начинает кликушествовать, у него случаются припадки, и т.д.

Внутри человека черт мог попасть разными способами. Так, по поверьям, «во время грозы непременно следует перекреститься, иначе в человека может войти черт, спасающийся от ангела». Человек мог также «выпить» черта вместе с водой: так, если человек пьет воду прямо из ручья или из сосуда, простоявшего какое-то время непокрытым, то в него, по народному убеждению, может войти черт, который сидит в этой воде. Считалось также, что черт может войти в человека, если тот не перекрестил рот во время зевка; ел и пил неблагословленное и не благословясь; не услышал «Будь здоров!» при чихании, и т.д. В одной из быличек

Новгородчины черт вселяется в жену крестьянина, который поспорил с ней и сказал: «Чтоб тебя черти-то взяли от меня». Жена после этого легла на печку, а через несколько минут встала и сказала, что ей нужно ехать в город и ее уже ждет у ворот приехавший за ней мужичок, а после этого стала рвать на себе платье: испуганный мужик попробовал ее успокоить, но она отшвырнула его в сторону. Женщина отказывалась от святой воды, не признавала своих детей, плевала на иконы, не понимала ни слова из воскресной молитвы;

собранный народ решил, что в нее «вселился Дьявол». Для того, чтобы изгнать его, стали «кадить ладаном», и когда дыму набралось много, женщина начала сильно волноваться, упала на лавку и уснула, а спустя час проснулась здоровой.

Часто считалось, что черт может вселяться не только в живых люден, но и в мертвых, покойников, прежде всего скончавшихся безвременно или умерших насильственной смертью; может он войти и в тело мертвого колдуна или большого грешника, «нечистого» покойника или человека, по которому сильно плачут родные. Так, во многих местах верили, что с покойника, по которому долго убивается жена, черти сдирают кожу и один черт залазит в нее, после чего начинает в таком виде ходить к жене покойного и сожительствовать с ней. Считалось также, что в умершего колдуна может вселиться черт, который станет вставать по ночам из могилы и бродить по миру, преследуя и заедая людей, насылая засуху, град и т.д.

Влиянию черта традиционно приписывалось пьянство, почитавшееся чем-то вроде душевного заболевания, наваждения; считалось, что «так как во всякого человека, которого бьет хмелевик (т.е. в страдающего запоем), непременно вселяется черт, то и владеет он запойным в полную силу: являясь в человеческом виде, манит его то в лес, то в омут». В некоторых местах запой считали чем-то вроде порчи по той причине, что «пьяный постоянно поминает черта». По народному убеждению, черт может вселиться в сердце пьющего человека, и это хуже всего, потому что такому человеку «не бывает нигде покоя и места от страшной тоски»; исцелить же от этого можно только «отчитыванием», т.е. чтением над ним «всей псалтыри три раза».

Вообще, по многим поверьям, именно черт изобрел вино и табак; некоторые староверы относили к «чертовщине» даже кофе и чай («Кто кофе пьет, того Бог убьет; кто пьет чай, тот спасения не чай»). Так, по одному из рассказов Новгородчины, один чертенок чем-то провинился и избежал наказания, обещав Вельзевулу души соблазненных им людей; он нанялся в работники и по его наущению люди построили первый винокурный завод; чертенок был прощен, а водка «осталась в миру». По рассказу из Орловской губернии, «черт изобрел вино, сделал снаряды, стал гнать водку, напустил по всему небу дым. Апостолы перепились. Тогда Бог прогнал дьявола в три шеи. Он провалился вместе со своим паровиком — с этого времени и образовался первый винокурный завод на земле». По поверьям Владимирской губернии, черт в обличье странника научил варить пиво какого-то мужика, встретившегося ему на дороге, выплакавшего ему свое житейское горе и разжалобившего черта. По поверьям некоторых мест, черт, нанявшийся в работники, научил доброго хозяина гнать водку как раз накануне свадьбы его дочери, и т.д. По народному убеждению, человек может стать пьяницей по вине черта: так, в некоторых местах верили, что для тех, кто любит выпивать, черти готовят в водке особого червя,

белого и величиной с волосок, проглотив которого, люди делаются горькими пьяницами.

Чертей нередко считали причиной тех или иных природных явлений. Так, по поверьям, черти могут насылать засуху, непогоду, град, проливные дожди, бурю и т.д. Причиной метели также считали возню чертей. Гроза, по поверьям, бывает оттого, что Бог или Илья-пророк пускает стрелы в чертей (черти поэтому боятся грозы и стараются спрятаться от нее). По народному убеждению, вихри — это беснующиеся, резвящиеся черти, чертова свадьба, пляшущая по дорогам; если нагнуться и посмотреть промеж ног, то можно увидеть внутри вихря чертей, а если бросить в вихрь нож или топор, то он окрасится кровью (а если в селе есть колдунья, то она после такого случая может долго ходить с перевязанной рукой или обвязанным лицом)

Согласно народным поверьям, особенно опасными черти бывают в «нечистых» местах и в «нечистое» время суток. Так, по народным представлениям, черти, хотя и способны появляться где угодно и когда угодно, предпочитают являться в банях, на перекрестках, на чердаках и т.п. в сумерках, по зорям, в полночь или в полдень, от полуночи до первых петухов и т.д.

Считалось также, что черти становятся особо деятельными в большие календарные праздники: на святки, на Пасху, в Иванов или Петров день и т.д.; в это время они появляются на земле между людьми, участвуют в гаданиях, «проказят», а также отмечают на свой лад праздники. Так, по поверьям Русского Севера, в Вербное воскресенье черти справляют свои свадьбы и обязательно присутствуют в церкви во время праздничной пасхальной службы. В Иванов день черти собираются вместе, играют и танцуют, по в то же время бдительно охраняют клады и расцветающий папоротник.

Именно во время подобных праздников, в «нечистое» время и в «нечистых» местах возможно было общение с нечистой силой и иным миром; в это время чертей призывали во время гаданий и т.д. Так, в старину, приступая на Рождество к гаданиям, девушки «засветят, бывало, лучину и ходят с огарком зачерчиваца в поле со словами: “Черти с нам, водяной с нам, маленьки чертяточки все по за нам, из черты в черту и девки к черту” и слушают: если кому послышатся колокольцы, то выдадут замуж, а ежели кому слышится, что тешут доски, то умирать; после гаданья расчерчиваюцца так: “Черти все от нас, девки от черта и черт от девок”».

Общение с чертом повсеместно представлялось делом опасным и даже грешным; а поскольку черт, по народному убеждению, всегда присутствует рядом с человеком и лишь ждет момента, когда к нему можно будет «подступиться», человек должен был быть всегда защищен. Охраняло же от чертей, по народному мнению, ношение шейного креста, крестное знамение, молебны, разные освященные предметы (в том числе и святая вода), а также вообще строгая, праведная жизнь. Действенным средством считались молитвы,

особенно воскресная молитва («Да воскреснет Бог и расточатся врази его и бежит от лица его, ненавидевшего. Они погибнут бесы от лица любящего Бога. Прогонят беса, силу дьявола даровал нам Господь свой крест честной для прогнания врага и супостата. Радуйся приживотворящим крестом Господним и помогай мне со святой девой Марией с Божьей матерью и со всеми святыми угодниками во веки веков. Аминь. Аминь»); текст ее даже носили на груди.

Отогнать чертей можно было и с помощью матерной ругани или различных заговоров и приговоров. Препятствием для черта могли служить чертополох, льняное семя, очерчивание, собранный на Крещение снег и т.д.; помогали против чертей и различные обереги, применявшиеся против нечистой силы вообще (например, плакун-трава, чеснок и пр.). Так, например, для того, чтобы помешать черту проникнуть в дом, по углам кропили святой водой; клали на подоконники и затыкали в щели чертополох и крапиву; рассыпали на пороге льняное семя; рисовали на дверях и окнах кресты; служили молебны и т.д. Действенным средством против чертей считался ладан (ср. выражение: «Бойтся, как черт ладана»): так, для того, чтобы защитить дом от нечистой силы, все помещения окуривали ладаном, а кроме того, для защиты от чертей во многих местах носили на шее вместе с крестами сумочки-ладанки, в которые зашивали, обычно вместе с какой-нибудь святыней, кусочки этой пахучей смолки.

Согласно некоторым поверьям, черт, как и другая нечистая сила, боится крика петуха, колокольного звона и т.п. Так, в некоторых быличках девушка, догадавшись, что к ней в гости пришел нечистый, спасается тем, что дает черту различные поручения (заставляет его до первых петухов ткать и пересчитывать свои платья, наматывать кудель на веретена крестиком, приносить ей различные наряды и т.д.), которые он и выполняет до первых петухов, после чего исчезает.

Убить черта, по народному убеждению, можно медной пуговицей, хлебным мякишем и др. Так, например, в одной из быличек черт, потешаясь, давал солдату стрелять в себя; солдат, сообразив, что перед ним нечистый, зарядил ружье медной пуговицей и выстрелил, после чего черт тут же упал мертвым. Убивает черта и молния (гром), поэтому черти, по народному убеждению, очень боятся грозы и прячутся от нее в дома, в деревья и даже в людей и животных, отчего деревья, человека и т.д. иногда поражает молния (по этой причине крестьяне при каждом раскате грома крестились и говорили: «Свят, свят, свят!», полагая, что это отгонит черта).

ЧЕСНОК — растение-оберег, весьма почитаемое славянами. В одном из раннехристианских поучений против язычества говорилось: «И чесноковиток богом же творят. Егда будет у кого пир, особенно на свадьбах, тогда кладут в ведра и чаши и пьют, веселятся о своих идолах». Чеснок некогда был необходимой

принадлежностью обрядов, связанных с поклонением Хорсу. За праздничной колядской трапезой головку чеснока клали на стол перед каждаым гостем для того, чтобы отогнать нечистую силу и болезни; у сербов пресный пшеничный хлеб, приготовляемый для этой трапезы, назывался чесноцею.

Из-за «горящих», жгучих свойств и из-за сильного и острого запаха чеснок считали могущественным оберегом. Ему приписывалась способность отгонять нечистую силу, ходячих покойников, порчу, болезни и всяческие беды.

Кроме того, особые, волшебные свойства приобрел, по народному поверью, чеснок, выращенный особым образом: посаженный в землю в сыром освященном яйце. Верили, что такой чеснок расцветает в полночь на Ивана Купал у; считалось, что тот, кто обладает им, может творить чудеса, общаться с нечистой силой и чародеями, ездить верхом на ведьме, и т.д.

По народному поверью, с помощью венка из чеснока можно пленить беса. Для этого нужно взять чеснок и тайком пойти за девушками, когда они на русальной неделе пойдут завивать венки. Когда девушки начнут завивать венки и надевать их на себя, нужно свить свой венок и вплести в него чеснок, после чего надеть этот венок на себя «и ходить с ним падаль (невдалеке)». Человек, на которого надет такой венок, увидит нечистую силу, которая в образе дородного молодца веселится вместе с девушками. Когда девушки пойдут домой, этот молодец пойдет провожать их, после чего вернется обратно и станет веселиться уже один на том месте, где девушки вили венки. В этот-то момент и нужно подойти к нему и заговорить с ним, как с человеком, о «гульбах и забавах», и во время разговора быстро накинуть на него венок с чесноком. Верят, что после этого демон «будет от того венка связан и непоколебим никуда, и что хошь, то и делай над ним; а если хочешь богатства или славы, то даст он все тебе и скажет: «Что хочешь от меня, я дам тебе, лишь венок сойми».

Тогда обвяжи его и с клятвою отпусти, и он исполнит...».

Чистый четверг — см. Страстной четверг.

ЧУДО — в религиозных и мифологических представлениях сверхъестественное явление, вызванное вмешательством богов или иной потусторонней силы; а также вообще нечто поразительное, удивляющее своей необычностью.

Чудо было одним из распространенных мотивов славянского фольклора. Способность совершать чудеса в языческих мифах приписывалась обычно богам и духам, а в христианской традиции — Богу, святым (совершавшим их как бы с божьей помощью), демоническим существам, сказочным героям и т.д. Чудеса могли быть самыми разными: превращение воды в вино, хождение по воде или сквозь огонь, способность летать, творить «из воздуха» различные предметы и пр. При этом в легендах и мифах способность творить

чудеса в большинстве случаев использовались для защиты людей от злых сил, помощи людям в противостоянии с нечистой силой и т.д.; но чудо также нередко являлось наказанием за какой-либо грех (так, например, крестьяне верили, что когда венчаются брат с сестрой, пересыхают водоемы или вода превращается в кровь, лес вянет, иконы надают и т.д.).

Народные сказки и рассказы испокон веку были полны самыми разными чудесами: удивительными людьми (например, псоглавыми, бегающими на одной ноге, имеющими один глаз посреди лба и т.п.) и животными (например, полурастениями-полуживотными или полулюдьми-полуживотными), а также непонятными явлениями, объясняемыми обычно вмешательством каких-либо высших сил, иногда светлых, а иногда и темных, недобрых, злых.

При этом мотив чуда, рассказ о чем-то необычном и удивительном, в народной традиции с давних времен использовался в качестве оберега, как охранительное и отвращающее средство. Например, для отвращения мифологического любовника в славянской традиции использовался ряд приемов, построенных на одном принципе, — удивить опасного пришельца чем-то необычным, из ряда вон выходящим, не вписывающимся в рамки нормальной человеческой жизни. Обычно в качестве подобного «чуда» использовался рассказ об инцесте, о каких-то нетипичных действиях. Так, рассказ о свадьбе брата с сестрой служил оберегом от русалок и ходячих покойников; тот же рассказ о свадьбе брата и сестры позволяет женщине избавиться от огненного змея, приходящего к ней в облике ее умершего мужа, и т.д. В многочисленных быличках женщина, к которой летает черт, огненный змей, покойник и т.п., для того, чтобы избавиться от своего сожителя, по совету соседей одевает своих детей, мальчика и девочку, в свадебные одежды или одевается в них сама, а пришедшему погустороннему гостю, удивленному этим, говорит, что это «брат сестру берет»; когда же гость спрашивает: «Но разве может быть такое, чтобы брат сестру брал?», она отвечает: «А разве может быть такое, чтобы мертвый к живой ходил?». По народному убеждению, этого достаточно, чтобы навсегда избавиться от подобных визитов: «гость» после такого ответа немедленно исчезнет и больше не вернется. Согласно же другой версии, в подобном случае женщина должна, сев на пороге, расчесывать волосы, выковыривать из них зерна конопля и поедать их, а на вопрос покойника: «Что ты делаешь?», — ответить: «Вшей ем» (далее в рассказах опять следует удивленный вопрос «гостя»: «Разве можно вшей есть?», — и ответ женщины: «А разве можно мертвому к живой ходить?»).

Подобные сюжеты имели общую черту с мотивом чуда и в русских песнях, исполняющихся при опахивании, а также с подобными мотивами в заговорах на отгон градовой тучи. В них также повествовалось о вопиющем нарушении нормального жизненного порядка, правил поведения человека: так, в русских песнях, распеваемых женщинами во время опахивания села, рассказывалось о засевании борозды песком вместо зерна, а в сербских заговорах, отгоняющих

грозу, говорилось о семилетней девочке, родившей тринадцатилетнего ребенка и закрывшей его пеленками поля, либо о родившей вне брака, о кощунственном крещении ребенка (когда поп держит, а кум крестит), об ожившем в своей могиле гайдуке, т.е. о тех событиях, которые, по мнению крестьян, являлись отклонением от нормы и могли внести хаос и подорвать упорядоченные устои человеческого мира. При угрозе мора скота, приближении градовой тучи, могущей погубить урожай, или посещения ходячего покойника, т.е. при приближении сил, стремящихся посеять хаос и беспорядок в человеческом мире, чтобы не допустить их в пределы охраняемого пространства, необходимо было сообщить им, что в данном месте произошло событие, которое само является гораздо более сильным источником хаоса, чем приближающаяся опасность. То есть избавиться от них можно было по принципу «клип клином вышибают» — с помощью искусственной имитации нарушения норм поведения и ритуальных запретов.

ЧУМА — одна из самых страшных болезней. Чума представлялась огромной растрепанной женщиной в белой одежде (саване); нередко также верили, что она летает уткой, а голова и хвост у нее змеиные. Кроме того, иногда считалось, что она может обернуться каким-либо животным или инородцем; так, когда при приближении эпидемии чумы женщины опахивали село, то сильно избивали или даже убивали любое живое существо, встретившееся им на пути, считая, что это Чума пытается проникнуть в село.

Крестьяне верили, что Чума, приближаясь к городу или деревне, точит стрелы и стреляет в первого человека, вышедшего за пределы селения, поэтому первыми заболевшими бывают приезжие люди или странники. Чума, по народным поверьям, способна оборачиваться кошкой, лошадью, коровой или клубком пряжи; она нередко летает уткой или другой птицей. Там, где она показается, начинают выть собаки; туда прилетает «необрая птица» (ворона или филин), садится на кровлю и кричит, предвещая беду.

Согласно народным поверьям, войдя в деревню, Чума прежде всего старается лишить голоса петухов и собак, так как боится петушиного крика и собачьего лая; поэтому во время чумы петухи хрипнут и замолкают, а собаки теряют способность лаять и могут только ворчать и визжать. Кроме того, Чума боится колокольного звона и не любит кошек, убивая их при всяком удобном случае. По некоторым болгарским поверьям, некогда кошка была старшей сестрой Чумы и часто била ее; теперь же кошки при появлении Чумы прячутся в печках.

В одной быличке рассказывалось, как один крестьянин прогнал Чуму: он спал на стогу сена и проснулся от лая собак, гнавших женщину, в которой крестьянин узнал Чуму. Женщина вскочила на лестницу и стала дразнить собак ногой; крестьянин подкрался к ней сзади и толкнул ее с лестницы. После этого Чума погрозила мужику пальцем и тут же исчезла; крестьянин же остался жив, но с той поры беспрестанно дергал ногой.

Чур - покровитель и хранитель границ поземельных владений, а также охранитель людей от всякой нечистой силы.

Чур — это плохо изученное божество, не упоминаемое в древних источниках (собственно, до сих пор достоверно не известно, существовало ли такое божество или нет). Однако его имя сближалось с существительным «пращур», т.е. «предок»; и народные представления о нем были, в общем близки к представлениям о духах предков, подобных домовому. По некоторым сведениям, «Чур — это одно из древнейших названий, какое давалось домовому пенату, т.е. пылающему на очаге огню, охранителю родового состояния»; «Чур или шур — предок, дед, пращур, т.е. тот же домовый». Души умерших, но убеждению славян, хранили живых от бед и несчастий; а дух старшего в роду становился домовым, который и охранял угоды семьи от посягательств чужаков. При этом он мог охранять как дом и двор, так и вообще все владения, т.е. также поля и пастбища для скота.

Судя по этнографическим данным, славяне считали Чура «хранителем межей, полей и нашей»; «его просили о сохранении межей на полях». Само слово «чур» могло толковаться по-разному; например, оно выделялось в наречии «чересчур» и имело в этом случае значение «граница, рубеж, межа, край, предел» (ср. старинные выражения; «не ступай за чур», «по чур наше!», «через чур и копь не ступит», и т.п.); кроме того, его сопоставляли с индоевропейским корнем *keru* — «резать, рубить», а также со словом «чурка, чурбан», принимая в этом случае значение «межевой столб». Известно, что в древности на границах своих участков люди иногда насыпали бугры, огораживая их частоколом, и такой бугор никто не смел разрыть. Сама порубежная полоса считалась неприкосновенной, пикто не смел своевольно переступить ее. На этой границе, на некотором расстоянии друг от друга, некогда ставились крупные камни или древесные стволы, носившие названия термов; по-видимому, они служили своеобразными идолами Чура. В некоторых случаях на межах ставились и настоящие идолы, как правило, довольно грубые, вырубленные из дерева; они имели форму кругляша, короткого обрубочка толщиной в руку (чурки, чурбана), и на нем иногда вырезалось грубое изображение божества, а также условные знаки, обозначающие владельца участка земли. Такие межевые столбы-идолы в древности устанавливались с соблюдением особых обрядов: например, в яму, в которой устанавливался терм, в некоторых местах клали горячие угли, хлебные зерна, караваи, плоды, лили мед и вино. Подобные идолы-термы почитались земледельцами как охранители участка и от нечистой силы, и от чужих людей.

Вообще, Чур в народной традиции почитался охранителем от всякой нечистой силы. Славяне верили, что «онный больше всех прочих богов имел власти над чертями» Собственно, слово «чур» и сохранилось в

народной традиции прежде всего как восклицание, выражающее запрет, первоначально, по-видимому, в магическом контексте. Так, у всех восточнославянских народов были известны выражения со словом чур (цур, чура) в заклинаниях против нечистой силы, а также в играх, ср., например, восклицания: «Чур меня!», «Чур меня от пего!», белор. «Чур мяне от цябе», укр. «чур тобі», «не хай йому цур», и т.д. Существовали и многочисленные формулы-обереги с этим словом, например, оберегающие от сглаза: «Цур, очей поганных», и т.п. Для того, чтобы не сбылось злое желание, пожелавшего также надо было «зачурать», сказав: «Чур тебе на язык!». Сходные же формулы упоминались и в заклинаниях, освящающих право собственности, неприкосновенности: «Чур! Наше место свято», «Чур пополам!», «Чур мое!», и т.д. — восклицания, употребляемые и поныне при неожиданной находке чего-либо несколькими людьми. Кстати, в древности подобные словесные формулы очень часто относились к поискам кладов: считалось, что найденный клад нужно немедленно «зачурать», чтобы нечистая сила или лихие люди не отобрали его и не навредили нашедшему сокровище.

Исходя из всего этого, можно предположить, что слово «чур» изначально было не просто восклицанием, а именем божества, охраняющего частную собственность от нечистых духов и вообще захватчиков. Еще более это подтверждается тем, что слово чур широко использовалось и в гаданиях именно для защиты гадающего от нечистой силы. Например, в русских деревнях при святочных гаданиях, вызывающих «суженогоряженого» на ужин, девушке неизменно советовали: как только покажется «суженый» (а на самом деле черт в его обличье), немедленно сказать: «Чур, тово, полно, чур не хочу», «Чур со мной» и т.п., — так как считалось, что если этого не сделать, гость задавит ее. В некоторых местах Чура поминали и при очерчивании защитного круга вокруг гадающих: гадающие становились на перекрестке, снимали тельные кресты и очерчивали лучиной круг, приговаривая: «Чур на меня»; затем приступали собственно к гаданию (например, ложились на землю в центре круга и, прижавшись ухом к земле, слушали и по звукам судили о будущем). Характерно, что глагол «зачураться» мог обозначать не только произнесение особых речевых формул, но и очерчивание магическим кругом («зачураться — значит оградить себя от нечистой силы, а также... провести черту углем или мелом или чем-нибудь другим на земле или на полу, за которую, согласно поверию, никакая нечистая сила не может перейти»). В Сибири «зачурание» применяли и против лешего: «если над заблудившимся человеком станет дековаться лешак и, откликаясь на зов голосом знакомого, заманивать в чашу и глушь, то, выворотив платье, как водится, наизнанку, должно зачураться, сказав: чур того, полно!» По-видимому, здесь слово «чур» было и призывом о помощи к добрым божествам, и заклятием от враждебных, дьявольских сил.

Шептуны — см. Знахари.

Шешка — см. Шиш.

Шилыхаты — см. Шуликуны.

ШИШ, шишик, шишко, шишок, шыш, шешка — черт, бес, нечистый дух, обитающий обычно на обочинах дорог, на перекрестках, в лесах и водах, в банях и овинах, на гумнах и вообще повсюду. Шишком, шишом мог в табуистических целях именоваться и леший, и водяной, и банник, и в особенности черт (бес). Как и черт, шишок — нечистый дух в самом общем понимании; это обобщающее, родовое название для всякой нечистой силы.

Повествования о шишках, нечистых духах, были известны практически повсюду и, в общем, были сходны с рассказами о чертах, а также леших, банниках и т.д. Так, в быличках Новгородчины шишки задерживают в лесу коней припозднившегося путника; появляются в бане; обитают в подполье и т.д. По поверьям разных мест, «под веником всегда живет домовой, а в бане живет шишок»; «в двенадцать часов в байну ходить нельзя, там шишки парятся»; «в ригачах есть особый хозяин, которого зовут Шишко»; «это уж в лесу живут, много их там, шишки его, леши, людей пугают». «как на росстанях гадаешь, очертиться нужно, а то шишок схватит»; «их повсюду много, шишков-то, и в лесу, и в байне, и в доме есть». Шишка-черта в быличке показывает сыну колдун; в рассказе шишок обучает парня игре на гармонии (шишок в бане учит парня, а когда тот, хорошо обучившись, спрашивает, какова будет плата, шишок велит ему: «Я стану раком, а ты меня ударь йогой, и все»; парень соглашается, но, ударив, попадает по по шишку, а по каменке: «вдарил ногой, себе йогу и выбил»).

По народному убеждению, когда шишки справляют свои свадьбы, на дорогах поднимается ветер, пыльные вихри; если в это время наклониться и посмотреть между ног, то можно увидеть шишей, пляшущих и беснующихся в вихре. Видеть шишей может и сильно пьяный человек: по народному выражению, «допиться до хмельных шишей» означает допиться до белой, опойной горячки, когда начинают грезиться чертенята. Так, в одном из рассказов мужик утверждал, что когда он напьется, то вокруг него появляются черти, у которых голова «с кулачок», а нос длинный и очень вертикальный, как шиш (кукиш).

Этимология слова «шиш» не вполне ясна. По большей части это слово связывается с поверьями о том, что у многих нечистых духов «голова шишом», т.е. они остроголовы (голова у них сужается кверху

клином), носят островерхие шапки или имеют спутанные, «всклоченные шишом» (т.е. стоящие дыбом) волосы. Представления об остроголовости черта и подобных ему персонажей нечистой силы были распространены повсеместно; поэтому связь названия «шишок» со словом «шиш» (означающим «шишка, дуля, кукиш; островерхая куча, маленькая копна сена») представляется вполне вероятной.

Кроме того, «шиш» — это и старое «лазутчик, соглядатай, переносчик» (возможно, некогда оно использовалось как подставное для слова «тать»), а также «разбойник, бродяга, мародер, праздничношающийся, никчемный человек»; бранное «шиш» — «разбойник, бродяга» — упоминается в тексте XVII в. по отношению к русским бродячим шайкам. По мнению некоторых исследователей, слово «шиш», могло быть заимствовано из зырянского языка, где *sys* — «лесной бродяга», или из эстонского языка, где *siss* — «разбойник, грабитель».

Северорусское «шиш, шишко», возможно, было заимствовано из финно-угорских языков как табуистическое наименование хищных зверьков, в первую очередь ласки, которая, по народному убеждению, может быть дворовым духом. По-марийски «шешка» — табуистическое, ритуально-почтительное наименование хорька, ласки; по-башкирски «шэшке» — «порка, хорь» и т.д. Мифологизация ласки, которая селится поблизости от людей, прослеживается на всем Русском Севере и северо-западе: по народным поверьям, она (или дворовой дух в ее облике) оберегает двор от всяческих бед, бережет скотину, приносит счастье и т.д.; в некоторых поверьях она отождествляется с дворовым, а также с хозяйкой дома. Возможно, со временем «произошло распространение табуистического наименования мифологизированного зверька и дворового на ряд иных персонажей и параллельно — вливание слова «шишко» в обширное гнездо слов с корнем шиш-». Наименования нечистой силы с корнем «шиш-» (например, шишапка, шишига, шишик, шиши-мора) были широко распространены во многих районах, преимущественно на севере и северо-западе России.

ШИШИГА. шишиха, шошычиха, шишитиха, шиши-мора — женский демонический персонаж; чертовка, лешачиха, кикимора, водяница. Шишига (как и другие наименования с корнем «шиш-») — родовое, обобщающее название нечистой силы, которое может быть отнесено и к нечистому духу неопределенного облика, и к духу банному, лесному, водному и т.д.

Во многих поверьях шишига весьма напоминала русалку, и особенно северную «страшную» русалку (разновидностью которой, возможно, являлись и кикимора, и лешуха, и водяница). Так, в великорусских поверьях шишига часто была связана с водой и банями; во Владимирской губернии на Троицу принято было тайно украшать березку специально для шишиг (считалось, что во время праздника шишиги пляшут перед такой березкой). По поверьям Костромской области, «шишига предстает в образе скромной, робкой, застенчивой и неповоротливой женщины, живет в воде, в болоте, часто выходит из воды на берег, а в воде то полощется, то моется... Живет иногда в лесу. Любит баню и ходит в нее, если дверь в бане оставлена без молитвы». По некоторым поверьям, «шошыга, леша-чиха — то онно»; считалось, что шишигу можно увидеть в лесу, например, сидящей на дереве или бегающей по лесу. В некоторых местах (по большей части на Печоре) шишигой называли даже Бабу-Ягу: «Ягабиха страшна шошычиха. Баба-яга та же шошычиха и есть».

Шишигу, образ которой весьма близок к образу кикиморы или Бабы-Яги, представляли в некоторых местах святочные ряженые: изображали ее в «бабьем» сарафане, но без кики, с распущенными волосами; мог ее изображать и парень, одетый по-старушечьи, в лохмотьях, с горшком на голове (вместо кокошника), который потом разбивали. Чаще всего, однако, шишигу изображали старухи: на Святках они «одевались шишиморами», т.е. наряжались в рвань и пряди, сидя на полатях (видимо, пародийно вторя действиям шишиморы-кикиморы): «Пряху (копыл) ставили меж ноги... Девушки смеялись над шишиморой, хватили ее за ноги, а она била их палкой».

В некоторых местах шишига воспринималась только как банный (реже — вообще домашний, пребывающий не только в бане, но и в овине, в риге, в избе и т.д.) дух. Так, согласно некоторым поверьям, шишига — демоническое существо, сходное с кикиморой или обдерихой и обитающее преимущественно в банях (хотя может селиться и в подполье, в голбце и т.д.). По народному убеждению, шишига часто кажется в бане тем, кто идет туда без молитвы: она принимает образ знакомой или родственницы и зовет с собой париться, по может запарить человека до смерти, если он уступит и подойдет к ней (о человеке, который вышел из бани поцарапанным, иногда говорили, что его «шишига драла»).

В некоторых местах шишигой называли преимущественно водяного духа (водяную чертовку). Такую шишигу иногда описывали как маленькое горбатое существо, брюхатое и хвостатое, очень холодное, с длинными сучковатыми руками. По поверьям, обитает она в камышах, в мелких речушках и болотистых озерах; появляется только в сумерках, а днем спит в камышовых зарослях или где-нибудь на дне. Считалось, что шишига набрасывается на зазевавшихся прохожих и утаскивает их в воду или щекочет до смерти. Существовали также поверья о шишигином хвосте, которым

она закрывает человека, после чего человек пронадает; «и сколько ни ищи — не найдут тебя, да и сам себя не найдешь». См. также *Кикимора*.

Шитик — см. Шиш.

Шишимора — см. Кикимора, Шишига.

Шишитиха, шишиха — см. Шишига.

Шитик, титко, титок — см. Шиш.

Шотычиха — см. Шишига.

ШУЛИКУНЫ. шилыханы — сезонные демоны (водяные черти), связанные со стихиями воды и огня, а также название святочных ряженных. По народному убеждению, шуликунов рождает на святки кикимора: считалось также, что шуликунами становятся проклятые или погубленные матерями младенцы.

Этимология слова «шуликун» ясна не вполне. Возможно, оно связано с мордовским названием женского головного убора «шалиган». Кроме того, в болгарских диалектах «шулек» означает «незаконнорожденный ребенок», а в южномакедонских кукушских диалектах «шул'ко» — «обращение к еще не крещенному мальчику» (что может прямо относиться к шуликунам и как к некрещеным детям, и как к демонам, появляющимся на Святках, у сербов называемых некрещеными днями).

Можно также предположить, что слово «шуликун» восходит к праславянскому *suĭ* — «левый; плохой; нечистый, неправедный, негодный» (противопоставленному *desnъ* — «правый» и *gravъ* — «правый», а также «прямой; справедливый, истинный, праведный, годный»). «Негодным» и «неправедным» в поверьях традиционно именуется нечистый дух, откуда могло возникнуть и его название — шуликун (с суффиксом «-ун», означающим действующее лицо).

Согласно поверьям, шуликуны — мелкие нечистые духи ростом с кулачок (иногда побольше); они могут иметь конские ноги и заостренную голову; изо рта у них вырывается пламя. Они носят белые самотканые кафтаны с кушаками и остроконечные шапки. В одиночку шуликуны появляются редко; чаще всего они ходят ватажками.

Поверья о шуликунах во многом близки к поверьям о проклятых, умерших некрещеными детьми. Так, по народному убеждению, проклятые или пропавшие без вести дети могут пребывать под водой у водяных и даже возвращаться от них, отыскиваясь у крещенской Иордани или в бане на святки, в Крещение. Облик и поведение шуликонов также близки к представлениям о проклятых и похищенных нечистой силой детях: они маленького роста, вездесущи и проказливы, носят белое (покойницкую одежду); им приписывалась способность воровать неблагословенную еду и т.д.

По народному убеждению, появляются шуликуны в сочельник (в канун Рождества, 6 января) из трубы или из воды (из крещенской Иордани), а на Крещение

Шут

(19 января) снова уходят под воду. Иногда это объясняли тем, что когда совершается водосвятие и крест погружается в воду, вся нечистая сила бежит от него из воды. В некоторых местах также верили, что Дьявол велит нечистым ходить во время святков по земле, чтобы быть поближе к людям и своей помощью в святочных гаданиях «обольщать слабые души». Кроме того, святочный мотив присутствия водяных духов меж людьми мог быть связан и с «характерным для празднования начала года воспроизведением состояния первотворения, когда мир словно бы заново рождается из хаоса и един, еще не разделен на сферы обитания людей и духов».

В некоторых местах считали также, что шуликуны выходят из воды не только на святки, но и в конце Петрова поста, оставаясь на земле приблизительно со дня Ивана Купалы до дня Петра и Павла, т.е. во время праздников, связанных с летним солнцестоянием. Таким образом, шуликуны в поверьях пребывают на земле в течение праздников, связанных с зимним и летним солнцеворотами. Возможно, это связано с тем, что, по народному убеждению, именно во время «перелома» года потусторонний, сверхъестественный мир сближается с миром обычным, и, следовательно, именно в это время на земле появляются разнообразные сверхъестественные существа.

Согласно поверьям, на святки шуликуны толкуются на перекрестках дорог или около прорубей; иногда встречаются и в лесу (так, в сибирских деревнях детей пугали: «Не ходи в лес — шулпкун пымает»). Они «пугают православных» и дразнят пьяных, кружат их и толкают в грязь, не причиняя при этом большого вреда; по иногда могут заманить пьяного человека в прорубь и утопить в реке.

Живут шуликуны в заброшенных постройках и пустых сараях, всегда артелями; в некоторых местах верили также, что они могут жить в проруби, а по ночам выходить на лед. По поверьям, они могут забраться и в избу, если хозяйка не оградила ее крестом из хлеба и т.п.; в этом случае выгнать их очень трудно. В доме и в амбарах шуликуны учиняют мелкие безобразия, накостничают и таскают все, что положено без благословения: так, по народным поверьям, «из воды, из крещенской Иордани после водосвятия они (шуликуны) вылезают, позднее снова туда возвращаются, но могут забраться и в дома, и тогда в амбарах, благодаря им, незаметно кончаются припасы».

В некоторых местах шуликунам носили в келью прялку с куделью и веретеном, чтобы они напряли шелку. При этом, однако, считалось, что шуликуны могут утащить кудельку у ленивых пряильщиц, не успевших к святкам выпрясть куделью.

Согласно поверьям некоторых мест, шуликуны, появляясь на земле на святках, в сумерках и ночью бегают по улицам, часто с горячими углями на железной сковородке или железным каленым крюком в руках, которым они могут захватить людей («закрючить

и сжечь»); могут они также ездить на конях, в ступах, на тройках или «каленных» печках.

На Русском Севере шуликунами называли святочных ряженных, подражающих «празднующим святки» сверхъестественным существам. Так, шуликунами во многих местах назывались «такие нарядчики, которые одеваются в белое, на голову надевают остроконечный берестяной колпак, в рот вставляют репные зубы, лицо расписывают себе углем и белой глиной»; впрочем, костюм ряженных-шуликунов мог варьироваться. При этом рядившиеся на святки 19 января обязательно должны были омыться в крещенской Иордани.

ШУТ и **ШУТОВКА** — нечистые духи, черт и чертовка. Шут — одно из традиционных названий черта; так, маленькие чертенята — помощники колдунов во многих районах России именовались шутиками, шутами. Вообще шутами могла именоваться «всякая нежить, домовая, леший, водяной»; во многих поверьях шуты схожи с проклятыми.

Шутовками в народе называли женских демонических персонажей, схожих с чертихами или со «страшными» русалками. Так, по поверьям некоторых мест, шутовка — это «чертовка, чертеница, демонница, омутница»; по другим поверьям, шутихи — это проклятые бабы и девки, напоминающие русалок.

Согласно народным поверьям, русалки-шутовки похожи на людей, но у них «лицо без румянца, космы длинные, груди большие»; в некоторых местах верили также, что они страшные, лохматые и черные. Шутовки обитают под водой, на дне водоемов; в быличках они появляются у прудов, озер, рек и т.д., где умываются и «чощутся», расчесывают свои длинные волосы (по некоторым поверьям, в это время с волос у них падают блески). Считалось также, что шутовки очень любят париться в банях, где «ржут и шутят»; ходят они в бани и затем, чтобы пряхть пряжу, оставленную бабами без благословения. Питаются шутовки рыбой и раками, а также, по некоторым поверьям, едой, оставленной без благословения.

Как и другие проклятые, шутовка, по народному убеждению, может вернуться назад к людям и стать обычной бабой или девкой, если кто-нибудь накинёт на нее крест (т.е. как бы заново окрестит ее). Так, например, по уральским поверьям, шутовки «обитают под водой, на дне озер и рек, где у них есть дома, но стремятся проникнуть к людям и даже выйти за обычных людей замуж. После замужества шутовка становится человеком».

В некоторых местах шутов и шутовок, как и фараонов и фараонок, считали «древними людьми», полагая, что «водяные, шуты, шутуля или шотоляги и русалки, лешиньки — шутовки — тоже весьма похожи на обычных людей»; в поверьях этих мест шуты — «нечто среднее между нечистыми духами и проклятыми, заклятыми людьми».

Шыш — см. Шыш.

Эротика

Э

ЭРОТИКА — (от греч. *эрос* — любовь, страсть) в широком смысле — совокупность всего, связанного с половой любовью, в более узком — психологические аспекты сексуальности (совокупности психических реакций, переживаний и поступков, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения), ее развития и проявления в общении, моде, искусстве и т.д.

Половые отношения с незапамятнейших времен были неотъемлемой частью человеческой жизни. Без них не могло появиться потомство, а следовательно, не мог продолжаться род. Естественно, что славяне, как и другие народы, придавали эротике большое значение. Некогда она была частью их языческого культа: так, например, древние поучения против язычества утверждали, что славяне «чтут срамные уды и в образ створены и кланяются им и требы им кладут». При этом, очевидно, имелись в виду славянские идолы, имевшие фаллическую форму. Среди идолов, причастных к культу «срамных уд», были и маленькие домашние, вырезанные из дерева и являвшиеся принадлежностью языческого свадебного обряда, и большие, деревянные или каменные, выставившиеся для всеобщего поклонения и принесения жертв. Все они были связаны с идеей рождения, жизни и выполняли функцию символа плодovitости, плодородия. Так, например, вид «лингaмa», символа жизни, имел т.н. збручский

идол, являвшийся, по всей видимости, идолом Рода — божества, олицетворявшего всю Вселенную, находящегося на небе и вдувающего жизнь во все живое, сопоставлявшегося русскими писателями XII в. с

вавилонским Ваалом-Гадом, египетским Озирисом и с Саваофом. Само имя этого бога было связано с понятием рождения, плодovitости; с теми же понятиями на протяжении веков связывалось и множество слов и понятий с корнем «род», образующих один семантический комплекс (ср., например, слова: род (семья, племя, династия), народ, родина, природа, родить, урожай и т.д.).

Различные обряды, так или иначе связанные с эротикой, во времена язычества бытовали у всех славян. Затем в славянские земли начало проникать христианство, которое смотрело на все эти исконные обычаи с откровенным негодованием и отвращением. Так что подобные обряды вскоре стали искореняться повсюду; но тем не менее, некоторые из них дожили и до XX в. Например, остатками подобных обрядов были святочные молодежные игрища, когда ряженые символически «женили» парней и девушек, валяли их вместе (это называлось «катать валенки»), заставляли молодежь на посиделках целоваться, задирали девкам платья, заставляли их целовать «срамное место» у одного из ряженых (обычно обряженного в «покойника»), и т.д. Все подобные обряды должны были стимулировать плодородие, причем как людей, так и полей, земли. Вообще, обряды, связанные с плодородием земли, с урожаем и пр. часто являлись по своей сути эротическими; так, например, в некоторых местах вплоть до XIX в. существовало представление о том, что для того, чтобы поля дали хороший урожай, муж и жена должны заняться любовью прямо на поле (это обычно делалось после сева, во время роста хлеба).

Ю

Юрий — см. Георгий Победоносец.

Я

ЯВЬ и **НАВЬ** — философские понятия, аналогичные Янь и Инь. В славянской традиции Явь и Навь (Правда и Кривда, Жизнь и Смерть, Белбог и Чернобог) вечно противостоят друг другу; сама жизнь представлялась иногда вечной борьбой между Явью и Навью. Явь — это добрая сила, управляющая миром; светлый мир, «белый свет»; «явскими» считали всех добрых богов, покровительствующих плодородию и дарующих людям счастье, богатство и т.д. Навь — это темная сила, загробный мир, воплощение смерти, связанное с представлениями о погребальной ладье, на которой плывут в царство мертвых. К представлениям о нави восходят целые классы мифологических существ, связанных со смертью: лавки, мавки, болгарские нави (злые духи, двенадцать колдуний, сосущих кровь у рожениц) и т.д. Общеславянским является поверье о «навьей косточке», которая считалась причиной смерти и сохранялась в разлагающемся трупе.

Яга, Яга Виевна, Яга Змиевна, Яга Ягишна — см. Баба-Яга.

ЯЗЫЧЕСТВО — «народная вера» («народ» — одно из значений древнеславянского слова «язык»). Язычество было мировосприятием древних людей; оно охватывало всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной, охотничьей и собирательской, т.к. эта культура была пронизана убежденностью людей в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы во всех делах людских.

Славянское язычество зародилось еще в те времена, когда люди еще не знали земледелия и скотоводства и вели охотничий образ жизни. Эти люди еще не знали богов и не отделяли себя от природы; но это не значит, что они не пытались понять и объяснить те природные процессы, которые их окружали. При этом древний человек постоянно ощущал рядом с собой присутствие некой незримой таинственной силы, от которой во многом зависела его жизнь. Все неизвестное, непонятное пугало человека, но и привлекало, и одним из первых способов постижения мира для него было перенесение своих собственных свойств и ощущений на весь окружающий мир. Так и появилось представление о том, что вся природа — живая. На основании этого представления и зародились первые представления о духах природы, существах, оживляющих весь окружающий мир. При этом предки славян различали добрых и злых духов — упырей и берягинь: первые считались воплощением того зла, с которым могли столкнуться люди, а вторые — воплощением

добра, оберегающими милостивыми существами, помогающими людям выжить.

Потом у людей появились представления о трехмерной структуре мира: верхнем мире с солнцем и светилами, среднем мире людей и нижнем мире мертвых предков, злых духов и диковинных ископаемых животных. Появились и представления о матери — прародительнице всего сущего. Люди видели, как из земли появляются ростки, как рождаются звери, птицы и сами люди; логично было предположить, что все на земле также было некогда кем-то рождено. Так возник культ первой богини — богини-матери, хозяйки вселенной и прародительницы зверей и людей. Собственно, у славян сперва существовали представления о двух богинях-прародительницах в зверином (лосином или оленьем) облике; но потом их образ слился воедино. Подобные представления, кстати, долгое время существовали у северных народов, ведущих охотничий образ жизни, — эвенков, кетов, селькупов и пр.: они верили, что Вселенная состоит из трех миров — подземно-подводного мира ящера, глотающего солнце (в виде солнечного лося), срединного мира, населенного людьми и животными, и верхнего, небесного мира, куда могут попасть только шаманы, получившие от небесных владычиц (а позднее — единственной владычицы-праматери) свою колдовскую силу

Так развивалось одушевление природы, представление различных стихий и явлений сначала в зверином, а затем и в человеческом облике. За первой богиней-матерью появились и другие божества — боги-покровители сперва охоты, а затем и земледелия. При этом весь пантеон божеств разделялся на высших и низших. К высшим богам относились такие божества, как Белес, Род, Перун, Макошь и пр.; их образы были индивидуальны, а их функции включали в себя покровительство различным сферам человеческой деятельности. К низшим божествам относились такие существа, как вилы и прочие духи природы, олицетворявшие воду, лес, поле и т.д., они выступали как бы помощниками главных богов. С культом таких божеств сближался и культ душ предков, после смерти превращавшихся в полубожественных существ, распоряжающихся дождем, покровительствующих плодородию и т.д. При этом наряду с подобными культурами существовали также и культы собственно воды, деревьев и пр., которым поклонялись, как божествам, порой олицетворяя их в зверином или человеческом обличье.

Олицетворение стихий, предметов окружающего мира было очень распространено в язычестве. Например, дождевые облака у древних людей традиционно представлялись дойными коровами, а также облачными

скалами, деревьями и пр.; сама гроза с ее молниями, громом и пр. представлялась кузницей, где боги куют стрелы-молнии, либо полем битвы, где бог-громовник сражается с демонами. Сама земля представлялась живым существом, богиней-матерью, которую бог-небо оплодотворяет дождем, после чего она может «родить».

Таким образом, славяне-язычники с древнейших времен поклонялись стихиям, верили в родство людей с различными животными, приносили жертвы божествам, населяющим все вокруг. Митрополит Макарий с укором писал в XVII в. о язычниках: «Таковы же скверные мольбища их: лес, и камни, и реки, и болота, источники, и горы, и холмы, солнце и месяц, и звезды, и озера. И проще говоря — всему существующему поклонялись яко Богу, и чтили, и жертвы приносили». При этом каждое славянское племя молилось своим богам; и религия северных (балтийских и новгородских) славян сильно отличалась от религии славян киевских и дунайских. Единых для всех славян представлении о богах никогда не существовало: поскольку славянские племена в дохристианское время не имели единого государства, они не были едины и в верованиях, хотя схожие, фактически общие божества у них все-таки существовали. Созданный при Владимире Святославиче языческий пантеон также нельзя назвать общеславянским: он состоял преимущественно из южнорусских божеств, причем их подбор не столько отражал действительные верования киевлян, сколько служил политическим целям.

С появлением и утверждением у славян христианства, язычество сразу же стало подвергаться гонениям: древних богов свергали, обычаи и поверья пытались искоренить, а поклонение стихиям осуждали и наказывали. Древних богов и духов священники объявили бесами, нечистой силой, отверженными ангелами, предавшими единственного Бога-Творца. Но при этом христианство, на протяжении веков борвшееся с язычеством, лишь частично смогло уничтожить его свободную и в некоторых отношениях достаточно аморфную структуру. Фактически, в народе произошло слияние христианства и древних языческих представлений! Да, языческие боги стали, в конце концов, считаться «отпадной силой», демонами, лжебогами, противопоставляемыми силе «крестной», чистой и преисполненной святости, представленной святой Троицей, а также ангелами и святыми. Но при этом те же святые и ангелы в народном представлении стали наделяться теми же самыми функциями, которыми ранее наделялись языческие божества; и с этими святыми начали связываться многие древнейшие языческие представления. Поклонение же многим стихиям, светилам и пр. (например, поклонение огню, воде, солнцу, земле и пр.) осталось едва ли не прежним: их и в XX в. считали чистыми, божественными, и фактически олицетворяли, обращаясь к ним в молитвах, заговорах, обрядах и пр.

ЯРИЛА. Ярило, Яр-Тур, Яровит, Яр-Хмель — веселый и разгульный бог страсти и удали; олицетворение весны, пробуждающейся от зимней спячки природы; воплощение могучей весенней силы, богатырской удали, молодецкого веселья и яркой страсти; древний славянский бог плодородия, «яри». Культ Ярилы был известен не только у восточных, но и у западных и южных славян. У балтийских славян Ярила, очевидно, был известен под именем Геровита; его символом был блестящий! золотой щит. Судя по всему, культ Ярилы возник еще до великого расселения славян в VI в. и.э. и, в результате, был известен практически повсеместно.

Имя Ярила, как и другие слова с корнем яр-, jar-, было, очевидно, связано с представлением о весеннем плодородии (русс. яровой, ярый — «посеянный весной, весенний», укр. ярь — «весна»), хлебе (яровой хлеб, ярь, ярица, ярина — ячмень, овес) и животных (бычок-яровик, ярка и т.п.); ср. также русское «ярый» в значении «горячий, огненный, яростный, буйный». Ярый, яровитый, яркий на русском наречии «вообще выражает характер с требованиями, не знающими препятствий, стремления, не знающие пределов».

Культ Ярилы был весьма близок к античным культам умирающего и возрождающегося бога плодородия вроде Диониса. У одних славянских племен Ярилин день отмечался в начале весны, у других — в конце весны или в самом начале лета. В некоторых местах праздники Ярилы отмечались ежегодно перед заговеньем Петрова поста (вплоть до вторника самого поста). В разных местах России празднование Ярилы происходило в разные дни: 4 или 30 июня; на Троицу; на всевятской неделе; в первый базарный день на первой неделе Петровок и т.д. В некоторых местах отмечалось целых два Ярилиных дня: один за неделю до Иванова дня (день молодого Ярилы), и другой — непосредственно перед Ивановым днем (день старого Ярилы).

В поверьях некоторых мест Ярила представлялся молодым и красивым юношей в белой одежде и босиком, с венком из весенних цветов на русых кудрях и с ржаными колосьями в левой руке (таким его изображали в различных обрядах, посвященных дню Ярилы).

Считалось, что весной он ездит на белом коне по полям и селениям; взгляд сто пьянит встречного и наполняет сердце любовью. Там, где проехал Ярила, по народному убеждению, быстрее распускаются цветы, буйно растут травы и рожь, вырастает богатый урожай.

Впрочем, в тех местах, где отмечалось два дня Ярилы, существовало и два облика божества. Так, если праздник Ярилы отмечался в начале весны, Ярилу изображал прекрасный молодой юноша; если же празднование происходило в конце весны — в начале лета, то Ярила изображался дряхлым стариком, символизировавшим собой состарившуюся уходящую весну.

Предположительно, некогда, во времена матриархата, когда лидирующее место занимали женские божества плодородия, Ярила был женским божеством и лишь позже, при переходе к патриархату, превратился в мужское божество. Возможно, такие архаичные представления о Яриле как о женском божестве нашли отражение в тех весенних обрядах, где Ярилу изображала женщина, а не мужчина. Так, в Белоруссии обряд встречи весны приурочивался к 27.IV; в этом обряде Ярилу изображала женщина или девушка, наряженная молодым красивым босоногим мужчиной в белой рубашке. В правой руке она держала человеческую голову, в левой — ржаные колосья; на голове у нее был веночек из полевых цветов. Девушку, изображавшую Ярилу, сажали на белого коня, привязанного к столбу; вокруг нее девицы в венках водили хоровод (иногда на засеянной пиве) и пели обрядовые песни. В одной из таких песен поется: «Волочился Ярила во всемо свету, полю жито родил, людям детей плодил. А где он йогою, там жито копою, а куда он взглянет, там колос зацветает».

Чаще, однако, Ярилу изображал юноша, а не девушка. Так, во многих местах праздник Ярилы начинался с того, что хоровод девушек выбирал самого красивого юношу, которого затем наряжали в цветы и сажали на белого коня. Девушки, одетые в праздничные одежды и украшенные венками из полевых цветов, возили юношу, изображавшего Ярилу, по полям и лугам, что должно было содействовать плодородию земли.

Сохранилось описание воронежского праздника Ярилы 1763 г. В этом описании говорится: «... На городскую площадь стекались горожане и окрестные сельские жители и составляли род ярмарки. К этим дням в домах по городу делалось приготовление, как бы к великому празднеству. На месте позорища избирался миром человек, которого обвязывали всякими цветами, лентами и обвешивали колокольчиками. На голову надевали ему высокий колпак... в руки давали позвонки. В таком виде под именем Ярилы ходил он, пляшучи, по площади в присутствии народа обою пола. Это празднество сопровождалось играми, плясками, лакомствами и пьянством, особенно кулачным боем... Праздник сей называют игрищем... люди ожидают его как годового торжества... и убираются празднующие в лучшее платье».

Другие источники, относящиеся к великорусским данным, также сообщают о всенародных гуляниях с песнями и плясками, относящихся к Ярилину дню. На таких праздниках изображавший Ярилу юноша с набеленным и накумаренным лицом и в бумажном колпаке, украшенном бубенцами, лентами и цветами, руководил неистовыми плясками и игрищами. На праздновании Ярилина дня устраивались угощения и кулачные бои, иногда кончавшиеся увечьями и даже убийствами. Эти народные гуляния, кое-где называемые «ярилками», нередко продолжались всю ночь вокруг костров, горевших на возвышенном месте.

Празднества Ярилы обычно носили весьма разнуданный характер; его праздник часто сопровождался различными непристойностями, весьма возмущавшими духовенство. Славяне считали, что «он, Ярила, любовь очень одобрял»; в ряде случаев его образ наделялся фаллическими чертами. На праздник Ярилы молодые девицы приходили «поневеститься»; на Ярилинудой неделе особую силу имели любовные заговоры. Эротическая символика Ярилы проявляется и в некоторых пословицах, загадках и т.п., таких, как: «Выбежал Ярилко из-за печного столба, начал бабу ярить, только налка стучит» (помело), и т.н.

В некоторых местах после праздника «погребали Ярилу»; обычно это делалось на холме, называемом в народе «Ярилина плешь». Кое-где для обряда изготавливали из глины фигуры Ярилы и Ярилихи, которые потом разбивались и сбрасывались в воду. «Похороны Ярилы» обычно приурочивались к дням летнего солнцестояния и были широко распространены в России. Они, очевидно, отражали важнейшую аграрную фазу полное отмирание старого зерна (семена, брошенного в землю весной) и вызревание новых зерен на колосьях. «Смерть» и «похороны» Ярилы были радостным праздником и никого не огорчали, так как в этот период хлеба уже взошли, посеянное зерно породило зерна нового урожая и «ярьость» Ярилы была уже не нужна. Поэтому соломенная или глиняная кукла, изображавшая старого Ярилу, погребалась весело, с обрядовыми песнями и непристойными шутками, а сразу после похорон начинались игры и пляски.

С принятием христианства культ Ярилы сближился с культом Георгия-Юрия. Но еще в XIX в. в русской деревне сохранялись остатки ярилиных праздников.

Яровит, Яр-Тур, Яр-Хмель — см. Ярила.

ЯЩЕР — хозяин нижнего подземно-подводного мира. Упоминания о нем малочисленны, но встречаются в поучениях против язычества и пр.; там он упоминался обычно как *lassa* или *lesse* где удвоение *s* соответствовало славянскому шипящему; т.с. фонетически это звучало примерно как «Яша» («Яжа») или «Еже». В Польше же, в Белоруссии и на Украине существовали легенды о змеях, которые, прожив дважды по семь лет, превращались в особые драконообразные существа, называемых по-польски «смоками», а по украински — «яжами». Такие «яжи» присутствовали, в частности, в детской игре, где Яша, или Ящер, роль которого исполнял мальчик, сидел в центре хороводного круга и выбирал себе девочку-жертву.

Подобные легенды и игры вполне соотносятся с древними русскими (и вообще восточнославянскими) представлениями о ящерах, будто бы обитавших некогда в реках. Например, в Новгороде в языческие времена существовало святилище какого-то водного божества, похожего на крокодила: «...Ов реку богыню нарицает и зверь, живушь в ней, яко бога нарицаая требу творить»; вероятно, этим божеством-крокодилем и

Ящерица

был Ящер. Возможно, что и так называемые «болотные городища» также посвящались Ящеру, так как болото с его неизведанными и недоступными глубинами, болотными огнями, коварством болотной зелени и трясин, зловредностью болотных лихорадок лучше всего выражало связь культа воды и подводно-подземного «нижнего мира».

Несмотря на народные представления о кровожадном Ящере, это божество, по-видимому, не являлось олицетворением активного, нападающего на человека зла, а просто представляло тот нижний мир, куда уходит солнце, где море мрака, т.е. тот мир, в который человеку не следует стремиться понасть. Именно как олицетворение нижнего, подземно-подводного мира, ящер изображался на многочисленных украшениях, различных предметах и пр. При этом ящер, как хозяин подземных вод, был божеством, способствующим плодородию; ему приносили жертвы, в число которых, возможно, входили и те чучела, которые в весенне-летний период топили в воде.

ЯЩЕРИЦА — животное, относимое к «гадам». Согласно некоторым поверьям, ящерица появляется на свет из яиц черта и может сглазить или околдовать человека.

Ящерица в народной традиции была подобна змее. Так, крестьяне верили, что укусы ящерицы бывают ядовиты, иногда даже смертельны; иногда считали, что ящерица может прогрызть кожу человека и добраться до самого сердца. Чтобы не умереть от укуса ящерицы или змеи, нужно, по народным поверьям, быстрее бежать к воде и напиться, причем сделать это нужно быстрее ящерицы, так как если ящерица первой доберется до воды и напьется, человек умрет; если же человек окажется быстрее ящерицы, то ящерица умрет, а человек быстро выздоровеет.

В то же время в народе считалось, что ящерица может снасти человека от укуса змеи. Например, если рядом со спящим окажется змея, то ящерица влезает ему за пазуху и щекочет, пока он не проснется. Иногда крестьяне верили еще, что ящерица берет себе хвост от гадюки; поэтому ее били, чтобы она сбросила свой хвост. Считалось, что ящерица, если у нее не оторвется

хвост, может превратиться в змею; оторванный же хвост сам может обернуться ужом или гадюкой.

Ящерицу часто использовали в магических целях, обычно для насылания порчи. Так, крестьяне верили, что если хлестать скотину тем же кнутом, которым били ящерицу, то скотина будет худеть и совсем иссохнет. Если подмешать в еду куски ящерицы, то из них выведутся маленькие ящерицы, которые будут потом клубками выходить через горло и задушат человека. Ведьмы сушили ящериц, стирали их в порошок и подмешивали в водку в убеждении, что тот, кто выпьет этой водки, умрет. Отвар из сушеных и истолченных ящериц девушки давали выпить парню, которого хотели приворожить; но при этом считалось, что если отвар простоит хотя бы сутки, он превратится в отраву, от которой человек сойдет с ума и умрет.

Убивать ящерицу в народе нередко считалось грехом; этот запрет, вероятно, был связан с представлениями о душе умершего, появляющейся в виде ящерицы. Крестьяне верили, что если убить ящерицу-самца, в доме умрет отец, а если ящерицу-самку, — мать; при этом женской считали зеленую ящерицу, а мужской — серую. Кроме того, в некоторых местах считалось, что «солнце плачет», увидев убитую ящерицу, поэтому ее следует зарывать в землю, иначе начнутся продолжительные дожди. Кстати, этот способ применяли иногда в земледельческой магии; так, во время засухи, чтобы пошел дождь, кое-где совершали ритуальное убийство ящерицы. При этом иногда считалось также, что палочкой, которой удалось разогнать двух борющихся ящериц, можно впоследствии разогнать тучи.

По народному убеждению, ящерицы не живут около человеческого жилья. Согласно поверьям, ящерица погибнет, если заглянет в окно дома; а если ящерица лежит у дома вверх брюхом, то в доме будет пожар. Увидев весной первую ящерицу, крестьяне расстилали пояс и перегоняли через него ящерицу, а затем вновь опоясывались им, полагая, что это уберезет от болей в пояснице. Девушки ловили первую ящерицу и пропускали ее через рукав, чтобы не потели руки. Для избавления от головной боли ящерицу сажали за пазуху или в шапку, которую затем надевали на голову вместе с ящерицей, и т.д.

Указатель

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдотья, 244
Авсень, 7; 8; 296; 297
Аграфена Купальница, 8-10; 59; 156; 265; 277; 508
ад, 10
Адам, 14-19; 35-37; 41; 58; 94; 163; 179; 185; 371; 440; 467
Адамова голова, 18; 37
Адамовы дети, 18; 19; 371
аист, 19
Алатырь, 21-23; 127; 129; 130; 207; 229; 252; 262; 385; 483
албаста, 23-25
Алконост, 21; 25; 206
амбарник, 25; 26; 372
амбарный, 25; 26
ангел, 26
Андрей, 30
антип, 31
ангинка, 31; 411
Антихрист, 31
антропологические мифы, 35
антропоморфизм, 38
апцибал, апцыбал, анцыбул, апчибал, анчибул, 40
анчутка, 40; 52; 94
апокрифы, 40
Аред, 41
архангелы, 41
архилим, 42
аспид, 42
баба, 43; 44
Бабай, 44
Баба-Яга, 13; 45-49; 105; 139; 193; 258; 409; 417; 505; 544
бага, 127
баган, 49
бажник, 114
бадник, 49
бадняк, 49; 50; 51; 63; 103; 109; 136; 189; 196; 218; 249; 276;
301; 421; 445; 446; 485
бадяй, 44
баечник, 51; 52
байница, 52
банная бабушка, 43; 52; 60
банник, 18; 25; 52-56; 85; 103; 155; 213; 235; 236; 246; 251;
337; 341; 370; 372; 380; 384; 418; 425; 543
банниха, 52; 54
банища, 52
баня, 55
баранец-трава, 60
барвинок, 60-62; 146; 158; 163
батаман, батаманка, батаманко, батамушко, батанушка,
62
батанушко, 235
Баусень, 7
баянная матушка, 52
бдение, 62-64; 431
беда, 64
Белбог, 65-67; 297; 532; 547
Белобог, 6; 65; 66; 511
Белун, 66; 67; 104
берегини, 5; 65; 68; 69; 170; 454; 460; 511; 547
береза, 69
беременность, 72
бессонница, 86
бесчинства, 88
бесы, 88
Благовещение, 11; 20; 94-97; 104; 108; 111; 119; 121; 145;
165; 182; 189; 210; 218; 219; 247; 254; 262; 308; 315; 317;
337; 354; 366; 412; 434; 435; 438-440; 498; 510
блазень, 89; 97
блазна, блазник, блазнь, 97
близнецы, 97
блины, 98
блуд, 85; 91; 92; 100; 101; 118; 213; 345; 435; 441; 515
блудь, 100; 101
блудячий огонь, 101
блуждающие огни, 101-103; 379; 381
богатство, 103
ботинки, 105; 115; 121; 218; 337; 373; 415; 417
Богородица, 10; 21-23; 41; 69; 71; 80; 81; 94; 96; 105-108;
129-132; 216; 221; 233; 247; 259; 282; 314; 315; 332; 344;
352; 392; 395; 400; 402; 415; 420; 431; 434-436; 440; 441;
443; 449; 450; 452; 470; 490; 491; 493; 495; 499; 511; 512;
521; 523; 528; 530
Божич, 50; 108; 109
болезнь, 109
Боли-бошка, 113; 114
болотник, 40; 42; 102; 114; 115; 371; 372
болотница, 114; 115
болотный, 40; 260
болотняник, 114
болото, 115
болотяник, 114
бомка, 127; 128
бор, 117
боровик, 117; 213; 220
боровики, 117; 324
боровой, 117; 118; 260; 372
борона, 118
босорка, 96; 105; 121; 271
босоркань, 121
брак, 121
бродячие огоньки, 101
буван, 127
бука, 127; 128; 464
букан, буканай, буканка, буканушко, букарица, 127
букачка, 127; 128
Буян, 21; 22; 25; 71; 128-130; 188; 199; 260; 331; 390; 393; 524
бык, 130
Базила, 135
вампир, 68; 118; 135; 136; 149; 189; 195; 210; 213; 253; 257-
359; 367; 393; 445; 495; 496; 511
ведогони, 119; 137
ведогоны, 137
ведун, 41; 137; 138; 352
ведунья, 48; 137-139; 190; 192

Указатель

- ведьма, 14; 30; 41; 43; 45; 46; 48; 56; 62; 70-72; 77; 78; 86; 88; 96; 105; 108; 109; 111; 115; 118; 119; 121; 126; 135- 152; 155-158; 160; 164-169; 172; 183; 184; 189; 190; 192-195; 206; 212; 216; 219; 223; 229; 230; 243; 245; 246; 252-255; 257; 259-262; 264; 265; 269; 287; 288; 291-294; 298-301; 304; 307; 311; 312; 316; 335; 337; 344; 354; 360; 362; 365; 379; 381; 382; 390; 392-394; 405; 407; 409; 413; 415; 417; 424-428; 433; 444; 445; 447; 454; 455; 459; 463; 497; 498; 504; 505; 508; 532; 535; 537; 540
- ведьмак, 139; 149-151; 187; 245; 287
- ведьмачка, 149
- ведьмица, 138
- ведьмовище, 149
- векшица, 77; 168
- Велес, 5; 39; 89; 151-153; 173; 185; 186; 188; 256; 258; 270; 271; 297; 324; 353; 376; 408; 414; 422; 434; 484; 491; 519; 520; 547
- велег, 153; 154
- Великий четверг, 18; 103; 104; 146; 175; 215; 291; 327; 344; 368; 386; 405; 424; 431; 446; 502-504
- веник, 155
- венок, 156
- венчание, 158
- верба, 160
- весна, 163
- ветер, 166
- вештица, 138; 168; 169; 271; 379
- вещейка, 168; 169
- вещица, 168; 169; 444
- Вий, 169; 170; 276; 491
- вила, 24; 25; 68; 69; 71; 118; 119; 133; 144; 162; 167; 169-172; 174; 183; 206; 219; 225; 229; 230; 237; 239; 249; 250; 254; 258; 260; 270; 339; 359; 360; 387; 445; 449; 454; 455; 458; 460; 478; 491; 492; 494; 495; 547
- вихревик, вихревой, 171
- вихрик, 171; 172
- вихрь, 171
- Влас, 173; 174; 395; 491; 575; 612; 627
- Власий, 80; 98; 99; 153; 173; 174; 254; 346; 390; 402; 491; 520
- вовкулака, 149; 187
- вода, 174
- водовик, 177
- водява, 177
- водяная баба, водяная чертовка, 177
- водяник, 128; 177
- водяниха, 177
- водяница, 23; 43; 177; 278; 387; 454; 523; 543; 544
- водяной, 40; 68; 90; 133; 162; 174; 177-182; 188; 213; 255; 337; 356; 370-373; 387; 459; 461; 462; 501; 523; 536; 539; 543; 545
- водяной дедушка, 177
- Воздвижение, 165; 182; 183; 262; 317; 325; 354; 601; 615; 616
- воздух, 183
- Вознесение, 11; 99; 166; 184; 390; 391; 434; 465
- волк, 184
- волкодлак, 187; 188; 287; 336; 464; 485; 511
- волколак, волкулак, 187
- волокита, 188
- волос, 188
- волосатик, 89; 188; 190; 372
- волосатый, волосеник, волосень, волосец, 188
- волот, 37; 153
- волхвы, 36; 66; 106; 138; 139; 150; 151; 184; 187; 190; 191; 201; 248; 264; 277; 305; 433; 453; 527; 528; 532
- ворог, 41; 111; 192; 214; 415; 495
- ворожейка, 192; 446; 447
- ворожея, 43; 117; 138; 192; 320
- ворон, 192
- ворота, 194
- воск, 195
- Восток, 195
- воструха, 196
- враг, вражина, вражной, вражня, вражье, 192
- встречник, 196; 197
- Вырий, 12; 25; 95; 130; 164; 182; 197-200; 223; 229; 242; 262; 308; 318; 385; 417; 483; 508
- гадание, 201
- гады, 206
- Гамаюн, 21; 206; 207
- гаркун, 207
- Георгий Победоносец, 207; 298; 402
- глухота, 209
- гнездо, 210
- гнетка, 210; 211; 234
- гнетко, гнеток, 210
- гнетюк, 210; 372
- голбечник, 211
- Головосек, 211; 212
- голос, 212
- горох, 213
- горшок, 214
- госпожинки, 216; 257
- гость, 217
- град, 217
- гребень, 218
- греть покойников, 219
- грибы, 219
- гром, 220
- гуменник, 221; 222; 372; 384; 489
- гуменный, гуменный хозяин, 221
- Дажьбог, 223
- Дажьбог, 5; 51; 66; 109; 185; 199; 223; 230; 275; 339; 483; 491; 497; 525; 528
- дводушник, 223; 256
- дворный, 224
- дворовая змея, 224
- дворовик, 49; 89; 224
- дворовой, 25; 49; 62; 89; 112; 128; 135; 137; 190; 221; 224-226; 235; 238; 240; 246; 251; 255; 260; 280; 299; 337; 370; 372; 414; 419; 524; 543
- дворовой хозяин, дворовый, 224
- дедушка, дедушка-соседушка, 235
- дедушко-соседушко, 506
- деды, 226
- дежа, 227
- демоны, 228
- дерево, 228
- джамалар, 307
- Див, 171; 229; 230
- дива, 170; 230; 254; 339
- дивии люди, 230
- Дивия, 254
- доброжил, доброхот, 235
- дождь, 230

Указатель

- дожинки, 511; 607; 608
Доля, 6; 65; 213; 231; 232; 391; 397; 437
дом, 232
доманушка, 234
домаха, 234; 237; 280; 506; 523
домашние духи, 234
домоведушка, домовид, 234
домовик, 234; 235; 531
домовиха, 234; 236
домовица, домовичка, 234
домовой, 4; 18; 19; 25; 40; 52; 53; 62; 68; 69; 84; 86; 89; 105;
112; 118; 119; 122; 128; 135-137; 155; 158; 164; 178; 188;
193; 196; 206; 210; 211; 213-216; 221; 224; 225; 227; 228;
234-241; 246; 250; 251; 254; 255; 260; 261; 267; 278-280;
291; 293; 298; 299; 301; 304; 311; 313; 316; 318; 321; 337;
341; 342; 345; 354; 358; 359; 365; 366; 368; 370-373; 384;
385; 413; 414; 419; 421; 423; 425; 432; 433; 437; 438; 447;
491; 497; 498; 502; 506; 510; 522-524; 529; 531; 534; 542;
543; 545
домовой хозяйин, 235
доможил, 234; 235; 237
доможириха, доможирко, доможирник, 234
Духов день, 157; 166; 300; 314; 315; 342; 343; 352; 388; 391;
422; 424; 458; 459; 494; 508; 509
душа, 241
дьявол, 16; 18; 28; 32; 34-36; 41; 42; 66; 88; 89; 92; 94; 102;
111; 140; 161; 167; 172; 177; 185; 219; 220; 236; 243; 253;
258; 262; 276; 277; 287; 288; 290; 314; 345; 361; 365; 407;
411; 427; 429; 432; 466; 489; 491; 504; 514; 523; 532; 533;
536-540; 545; 557
Евдокия, 244; 578
Егорий, 144; 185; 186; 200; 207; 208; 209; 240; 262; 268; 298;
299; 304; 317; 406; 412; см. также Георгий Победоносец
еда, 244
еретики, 245
жаворонок, 247
жареница, 247; 423
Жар-цвет, 248; 266; 394
Желя, 248
жертва, 248
Жива, 164; 250; 307; 318; 397
жировик, 164; 234; 235; 250; 251
жировый, 250
житный дед, 421; 429
жихарь, 251
Журба, 248
жыж, 251
заговор, 252
заложные покойники, 23; 24; 55; 56; 68; 70; 102; 103; 105;
114; 119; 136; 148; 172; 178; 252; 253; 321; 326; 359; 370;
371; 373; 374; 407; 415; 417; 424; 454; 459; 509
Запад, 195
запечельница, 43; 234; 253; 254
заригачник, 447
Заря, 254
засуха, 254
заяц, 255
здухач, 256
Зеленые святки, 145; 314; 315; 435; 484; 493; 508
земледельческие праздники, 256
зеркало, 257
злыдень, 65; 245; 258; 329
змея, 258
змея, 260
знахари, 262
Иван Купала, 8-10; 72; 108; 145; 156; 162; 163; 169; 175; 192;
194; 202; 248; 262; 264-266; 268; 273; 274; 283; 298; 299;
315; 353; 355; 365; 372; 386; 388; 390; 392; 394; 395; 410;
414; 428; 439; 444; 465; 508; 530; 540; 545
Иван Постный, 211; 264
игоша, 235; 267
икота, 93; 267
Ильин день, 130; 131; 221; 249; 250; 268; 269; 270; 299; 301;
325; 390; 409; 448; 491
Илья-Пророк, 22; 23; 93; 129; 186; 200; 220; 250; 267-270;
298; 301; 370; 374; 376; 407-409; 519; 539
имя, 271
иноронец, 272
инцест, 273; 541
Ирий, 12; 13; 70; 130; 165; 166; 193; 197-199; 200; 206; 215;
308; 309; 317; 508; см. также Вырий
кадильница, 274; 303; 304
каженник, 274
камень, 274
каравай, 61; 125; 126; 158; 225; 228; 234; 240; 275; 276; 366;
377; 379; 470; 476; 478; 479; 481; 517; 521
караконджалы, 172; 213; 276
карачун, 276; 632
Карна, 248
Касьян, 169; 276; 277; 375; 435; 491; 507
каша, 277
кикимора, 24; 40; 43; 46; 48; 56; 105; 215; 234; 236; 239; 242;
253; 263; 278-281; 290; 291; 313; 340-342; 363; 369; 370;
409; 416; 423; 438; 463; 485; 506; 510; 535; 543; 544
клад, 281
кладенец, 45; 283
кладовик, 68; 102; 132; 281; 283; 284; 341
кладовой, 283; 284
кликальщица, кликунья, кликуха, 284
кликуша, 56; 93; 161; 267; 278; 284-287; 303; 358; 428
кликушка, 284
коваль, 305
колдун, 9; 41; 42; 55; 56; 62; 70; 77; 101; 105; 109; 111; 126;
135-138; 140; 141; 143; 145; 146; 148-150; 152; 155; 156;
159; 167; 172; 183; 185; 187; 188; 189; 191-193; 201; 206;
213; 219; 223; 227; 229-231; 243; 245; 246; 252-255; 257;
258; 260-263; 266; 267; 279-281; 283; 284; 287-295; 298;
301; 304; 305; 310; 311; 313; 324; 327; 328; 332; 337; 352;
354; 355; 362; 365; 373; 374; 379; 381; 382; 386-388; 392;
399; 405; 407; 409; 413; 415; 417; 424-428; 433; 435; 438;
445; 447; 461; 469; 474; 495; 498; 504; 505; 508; 511; 523;
532; 533; 537-539; 543; 545
коледа, 7; 296
коловертыши, коловерши, 298
колокольный звон, 96; 182; 185; 206; 260; 294; 295; 374; 401;
524; 540; 541
колокольный ман, 295; 296
колокольный мертвец, 295
кололюка-трава, 296; 508
коляда, 8; 186; 187; 296; 297; 311; 365; 453; 483-485
конь, 297
коргоруши, 290; 298
корова, 298
Кострома, 117; 300; 417; 464

Указатель

- коструб, кострубонька, 300; 301
кошка, 301
кража, 301
Красная горка, 99; 164; 301; 302; 344; 403; 517
красный угол, 215; 234; 302; 378; 450; 485; 510
Крещение Господне, 211; 302; 303; 434
крикса, 86; 87; 304; 379; 423
крикса-варакса, 304
Кручина, 248
крькса, 304
кувшин, 214
кудельница, 274; 304; 305; 422
кудесник, 89; 187; 191; 201; 246; 305; 463; 464; 485
кузнец, 305
Кузьма-Демьян, 305-307; 491; 521
Кузьминки, 305-307
Кузьмодемьян, 305; 483
кукер, 307
кукиш, 186; 293; 307; 426; 543
кукушка, 95; 103; 164; 184; 200; 206; 210; 250; 307-310; 343; 417; 444; 495; 509
кулешата, 310; 311
кулики, 498
кулиши, куляши, 310; 311
кумаха, кумоха, 311
Купало, 72; 264; 311; 312; 344
курдуши, 290; 313
Куриный бог, 215; 239; 280; 313
Лада, 22; 119; 127; 139; 163; 164; 185; 228; 241; 250; 264; 312; 314-316; 318; 319; 448; 524
ласка, 315
ласточка, 317
ледаший, 318
Леля, 119; 127; 139; 163; 164; 250; 302; 314; 315; 318; 319; 448; 517
леман, лемба, лембай, лембей, 319
лембой, 319; 320
лесавки, лесная девка, 320
лесник, лесной, лесной дедка, 321
лесной хозяин, 321; 324; 327
лесовик, 100; 321; 327
лесовой, 321
лесунка, 321
летавец, 320; 358; 372
летавица, 320; 321
летун, 320
лехман, 319
лешак, 117; 321; 542
лешачиха, 43; 46; 117; 278; 321; 324; 326; 371; 462; 543; 544
леший, 4; 18; 19; 38; 40; 53; 54; 56; 68; 75; 80; 85; 89; 90; 100-102; 111; 112; 114; 115; 117-119; 132; 159; 165; 172; 178-180; 183; 185; 186; 188; 192; 201; 207; 209; 210; 212; 213; 219; 227; 237; 243; 250; 253; 255; 258; 260; 267; 274; 278; 281; 283; 291; 299; 312; 319; 320-329; 335; 337; 341; 353; 358; 365; 368-375; 381; 383; 392; 399; 407; 416-419; 421; 422; 433; 437; 438; 445; 455; 457; 458; 462; 466; 491; 497; 498; 502; 506; 523; 529; 534; 536; 542; 543; 545
лешуха, 321
лещина, 390
лизень, 250
лизун, 234; 235; 372
лисун, 321
Лихо, 45; 64; 105; 258; 311; 329; 532
лихоманки, лихорадки, 330
лобаста, 23; 24
ложка, 334
лопаста, 23
лопатница, 114
лоскотуха, 334; 372; 454
луговик, 334; 355; 372
луговичок, 334
луговой, 334; 355
луговые, 334
луна, 35; 38; 43; 68; 77; 129; 138; 145; 178; 184; 187; 190; 191; 198; 214; 252; 289; 295; 330; 334-336; 519; 520; 525
лягушка, 336
лядаший, 111; 318
Ляля, 163; 250; 302; 318
лямбой, 319
мавка, 310; 339; 454; 457; 547; 633
Макошь, 5; 24; 48; 89; 107-109; 139; 170; 174; 176; 231; 234; 279; 280; 305; 339; 340; 342; 350; 363; 397; 398; 408; 442; 450; 455; 460; 491; 492; 519; 528; 530; 547
ман, 295; 296; 340; 341
манилка, 340; 341
манило, 340
маниха, 340; 341
манья, 341
маньяк, 256; 341; 358; 359
мара, 43; 48; 65; 89; 105; 164; 165; 242; 253; 264; 279; 341-344; 363; 379; 423; 532
Маргоски, 342; 343
Маргоскина неделя, 342
Марена, 164; 264; 312; 313; 341-344; 363; 417; 577
Маржена, 343
Мария Египетская, 344; 345
Марья — Зажги снега, 344
Марья — Заиграй овражки, 344
масленица, 8; 44; 88; 96-99; 120; 121; 132; 134; 151; 156; 163-165; 169; 186; 197; 213; 220; 229; 272; 278; 315; 318; 344-350; 361; 403; 417; 429; 430; 434; 435; 440; 463-465; 477; 520; 529
Мать — Сыра Земля, 184; 231; 299; 311; 339; 350-352; 363; 387; 397; 424; 447; 519; 520; 530
медведь, 353
медяница, 261; 355
медянка, 262; 355
межевик, 355; 372
межевичок, 355
межевой, 355; 542
мельник, 355
месячные, 356
Микола, 374-376; 407
миряк, 284; 358
мифологический любовник, 358
Михаил Архангел, 41; 80; 93; 361; 440; 446; 466
могила, 362
мокоша, 139; 170; 340; 362; 363; 449
Мокошь, 170; 249; 339; 342; 363; 397; 449
мокуша, 4; 24; 43; 279; 340; 362; 363
молчание, 363
Морана, Морена, 343; 344
Мороз, Морозко, 364
Мороз-Трескун, 14

Указатель

- мост, 364
моховик, 364; 372
моховой, 364; 365
мрежа, 494
мусор, 365
мышь, 365
навки, 339; 547
навы, 367
навь, 331; 339; 367; 547
навье, 331; 367
навьи, 55; 56; 68; 88; 90; 367; 368; 371; 502; 511; 532
навья, 55; 367; 368; 502
наречницы, 391
невидимая сила, 368
невод, 494
недобрая сила, 370
Недоля, 6; 64; 65; 231; 232; 258; 391; 397; 532
нежить, 89; 235; 237; 369; 370; 372; 534; 545
немытик, 370; 372; 533
немыгтый, 370
неприятная сила, 370
Неразменный рубль, 370; 407; 536
Несреча, 65; 231
нехорошая сила, 370
нехороший, 320
нечистая сила, 9; 11; 13; 18; 19; 23; 29-31; 40; 41; 43-46; 52; 53; 55; 56; 61-63; 70; 72; 73; 77; 84; 86-96; 100-103; 105; 106; 108-112; 114; 115; 118; 119; 122; 123; 127; 132; 135; 136; 138-142; 145; 146; 148; 150; 155; 157; 159-161; 164; 165; 167; 169; 171; 172; 174; 175; 181; 182; 185; 188; 189; 190; 192-194; 201; 202; 204; 205; 210; 213; 216; 218; 219; 222; 227; 230; 234-236; 238; 239; 242; 243; 245; 246; 248; 250; 252; 253; 255-260; 262; 264-266; 268; 270-272; 275-277; 279; 281-283; 286-290; 292-295; 298; 301-303; 305; 307; 310-312; 319-322; 325; 329; 331; 335; 336; 341; 345; 352; 353; 355; 359; 363; 365; 368-374; 377-381; 384; 387-390; 392; 394; 395; 399; 403-407; 411-413; 416-419; 423-425; 427; 428; 433; 435; 437; 438; 444; 445; 447; 454; 455; 457-459; 461-463; 466; 474; 484-486; 490; 491; 495-497; 501-503; 505; 508; 510; 511; 523; 532; 534; 536-545; 548
нечуй-ветер, 374
Николай Чудотворец, Никола, Николай-Угодник, 131; 240; 269; 276; 298; 305; 268; 374-376
Новый год, 7; 8; 49; 51; 63; 95; 96; 103; 109; 120; 121; 151; 153; 175; 188; 191; 201; 202; 212; 219; 222; 277; 296; 304; 315; 337; 365; 377; 378; 386; 412; 437; 439; 484; 485; 496; 502
нож, 378
носак, 320
почницы, 86; 87; 304; 379; 423
обдериха, 54; 370; 372; 380; 544
облакогонители, 415
обман, 380
обмен, обменок, 417
обменыш, 417; 418
оборотничество, 381
обыденные предметы, 382
овинник, 54; 103; 188; 221; 222; 235; 236; 246; 251; 372; 383; 384; 447
овинный, 383
Овсень, 7; 8
огонь, 385
одолень-трава, 177; 387; 508
окно, 387
Олена — длинные льны, 388
омутница, 114; 545
он, 235
опахивание, 388
орел, 390
орешники, 390
орисницы, 210; 391; 392; 451
осепины, 216
осилки, 153
осина, 392
осна, 43; 58; 109-111; 230; 393
оспица, 393
оспожинки, 216; 257
папоротник, 394
Параскева Пятница, 77; 80; 108; 173; 174; 250; 395-397; 491; 520
настен, 432
пастух, 399
Пасха, 11; 55; 56; 62; 94; 95; 106; 108; 111; 145; 148; 150; 157; 162; 163; 165; 173; 175; 182; 184; 194; 195; 202; 210; 217; 218; 221; 225; 226; 248; 253; 254; 271; 272; 286-288; 295; 301; 310; 325; 332; 335; 337; 342; 358; 364; 370; 384; 394; 396; 399-407; 409; 410; 424; 430; 434; 435; 438; 439; 452; 454; 493; 501; 502; 504; 507; 508; 515; 535; 539
перебаечник, 51; 52
перекресток, 407
перепекание ребенка, 407
Перун, 5; 22; 23; 49; 51; 66; 68; 89; 129; 130; 134; 153; 154; 170; 191; 194; 220; 229; 230; 248; 249; 270; 271; 297; 305; 339; 367; 376; 378; 385; 390; 408; 409; 411; 447-449; 460; 483; 490-492; 519; 525; 526; 528; 530; 547
Перунов цвет, 248; 394
пест, 409
Петров день, 10; 95; 120; 131; 144; 192; 194; 223; 240; 248; 249; 274; 275; 288; 296; 308; 315; 369; 390; 394; 399; 409; 410; 411; 458; 460; 529; 539
Петровки, Петры и Павлы, Петры-Павлы, 9; 409; 410
петух, 411
печеньё, 412
печники, 279; 416; 510
печь, 413
пирог, 414
питьё, 414
плакун-трава, 108; 241; 263; 266; 292; 415; 540
плапетники, 217; 381; 415; 505
плотники, 141; 232; 233; 279; 416; 510
погребение, 417
подменьш, 54; 85; 155; 324; 392; 417-419; 425
подовинник, 54; 383
подпольник, 372; 419
подполяник, 234; 251; 419; 438
подрижный, 447
пожар, 419
Покров, 107; 216; 221; 257; 384; 407; 420; 421; 429; 434; 493
полазник, 50; 217; 272; 378; 421
полевик, 89; 236; 334; 355; 372; 421-423
нолевой, 421
Полкан, 422
полудницы, 64; 87; 89; 172; 247; 278; 279; 304; 342; 355; 417; 421-423; 453

Указатель

- полуночник, 87; 112; 379; 423; 424
полуночица, полночь, 423
поманиха, 340
поминование умерших, 424
помощники, 424
порог, 425
порча, 426
последний сноп, 428
пост, 429
постен, 235
постень, 432
поцелуй, 433
пояс, 433
праздник, 434
Преполование, 231; 388; 435; 436
Пречистый четверг, 502
привидения, 341; 358; 379; 436
приглашение, 436
прокленуши, проклитики, проклятые, 437
пускать по воде, 438
Пчелиный праздник, 439
Пятидесятница, 434; 435; 454; 508
пятница, 440
радуга, 443
разрыв-трава, 10; 172; 206; 210; 263; 266; 291; 337; 444
растения-обереги, 418; 445; 446
река, 446
решето, 446
ригач, ригочник, ригошник, рижный, 447
Род, 5; 37; 51; 68; 121; 139; 191; 214; 248; 367; 447-450; 460; 483; 490; 505; 519; 522; 530; 546; 547
роды, 72
рожаницы, 5; 24; 68; 107; 132; 139; 151; 152; 170; 214; 314; 315; 318; 319; 339; 340; 367; 392; 447-451; 460; 519; 522; 530
рождение ребенка, 451
Рождество Христово, 8; 49; 51; 267; 277; 296; 304; 434; 440; 441; 450; 452-454; 463; 484; 520
росомаха, 453
Руевит, 453; 454
русалии, 8; 151; 171; 223; 363; 448; 454; 460; 492; 494
русалка, 4; 19; 23-25; 43; 46; 48; 53; 56; 64; 68-71; 102; 105; 111; 114; 115; 117-119; 128; 150; 157; 160; 162; 170; 171; 174; 177; 188; 190; 213; 218; 219; 229; 230; 249; 250; 253; 254; 278; 288; 298; 305; 310; 319-321; 323; 334; 335; 339; 341; 342; 358; 359; 370-373; 390; 393; 406; 407; 409; 410; 417; 419; 421-423; 435; 446; 453-463; 465; 491; 492; 494; 509; 514; 541; 544; 545
русальная неделя, 23; 111; 319; 363; 372; 374; 435; 454; 457; 459; 493; 494; 540
рыбы, 461
рябина, 462
ряжение, 463
сам, 235
самовилы, 170; 190; 211; 213; 392; 443
самодива, 162; 170; 174; 211; 219; 229; 359; 392
Сатана, 10; 11; 16-18; 26; 29; 32-36; 42; 85; 88; 89; 91; 92; 97; 111; 112; 116; 149; 192; 195; 228; 243; 262; 268; 269; 289; 305; 330; 331; 361; 372; 400; 427; 445; 462; 466; 467; 474; 533; 534; 536; 537
Сатанаил, 466; 467
свадьба, 467
Сварга, 12; 197; 198; 483
Сварог, 5; 21; 109; 199; 223; 230; 305; 306; 350; 378; 385; 411; 414; 448; 483; 490; 497; 505; 519
Свентовит, 66; 134; 201; 297; 298; 411; 490
Светлое Христово Воскресение, 166; 399; см. также Пасха
Световид, 490
святки, 7; 8; 26; 44; 49; 51; 55; 56; 57; 88; 100; 103; 108; 120; 123; 132; 151; 153; 156; 160; 185-187; 194; 195; 202; 204; 213; 218; 219; 222; 265; 272; 276; 277; 279; 296-299; 302; 303-305; 310; 314; 327; 354; 365; 372; 376; 377; 381; 384; 412; 423; 435; 440; 445; 452; 454; 455; 458; 463; 464; 465; 483-489; 508; 510; 529; 539; 544; 545
Святовит, 191; 450; 483; 490; 505
святые, 490
Семаргл, 491
Семен-день, 492
Семен-Летоприводец, 492
Семик, 69; 253; 310; 314; 315; 457; 458; 460; 493; 494; 508; 509
сеть, 494
Симаргл, 491; 492; 528
Симеон Столпник, 317; 492; 493
Сирин, 25; 33; 130; 170; 206; 240; 455
смерть, 495
смоки, 531
смотреть, 496
солнце, 5; 7; 8; 12; 21; 22; 23; 27; 28; 35; 36; 38; 43; 49-52; 62-68; 72; 77; 82; 86; 88; 90; 95; 96; 99; 109; 111; 112; 115; 116; 129-133; 137; 138; 145; 156; 160; 162; 164; 166; 171; 175; 179; 180; 182; 187; 190; 191; 193-196; 198; 199; 202; 208-210; 212; 215; 223; 227; 232; 240; 242; 250; 252; 254; 264; 265; 275; 276; 289; 294; 295; 299; 300; 304; 308; 312; 318; 319; 321; 331; 332; 334-336; 343; 344; 349; 354; 355; 364; 365; 368; 372; 376; 379; 382; 385; 391; 394; 397; 400; 407; 409; 410; 411; 413; 417; 421-423; 428; 431; 435; 446; 448; 450; 452; 459; 472; 482; 483; 497-499; 502-504; 507; 519-521; 525; 547; 548; 550
соль, 498; 522
сороки, 498
сосед, 506; 515
соседушко, 506
Спас, 175; 184; 213; 271; 375; 389; 410; 411; 435; 499; 500; 512; 517
Сретение Господне, 434; 500
Среча, 65; 231
стол, 500
Страстная неделя, 54; 166; 226; 288; 365; 400; 431; 432; 440; 501; 502
Страстной четверг, 11; 94; 107; 165; 166; 175; 189; 195; 219; 226; 227; 294; 302; 316; 335; 368; 411; 413; 431; 495; 498; 501-504; 510
Стрибог, 109; 166; 339; 491; 505; 528
Студенец, 14; 364
ступа, 505
суседка, 128; 235; 236; 281; 384; 506
суседко, 235; 506
Таусень, 7; 296
тодорцы, 435; 507
тот свет, 507
травы чародейные, 508
Трескун, 14; 364

Указатель

Троица, 11; 29; 32; 34; 62; 64; 66; 69-72; 107; 109; 145; 157;
160; 163; 166; 194; 202; 217; 226; 295; 299; 300; 302; 306;
310; 334; 343; 354; 361; 390; 391; 399; 410; 424; 434; 435;
439; 440; 454-456; 458-460; 462; 465; 493; 494; 508; 509;
525; 528; 529; 544; 548
трясавицы, 330
угод, 510
упир, 135
упырь, 5; 54; 63; 65; 68; 88; 90; 115; 135; 149; 150; 170; 216;
223; 252; 253; 288; 294; 295; 335; 367; 368; 370; 371; 384;
415; 462; 511; 532; 535; 547
Усень, 7; 296
Успенье, 511; 512; 521
фараонка, 455; 514; 545
фараоны, 178; 337; 514; 545
Федоры, 514; 515; 593
Фомина неделя, 99; 164; 166; 301; 315; 424; 510; 515-517
Фролы, 298; 517; 518
хала, 42; 172; 194; 218; 220; 230; 260; 335; 336; 359; 411; 415;
519
хлеб, 519
хлеб-соль, 522
хмарники, 415
хованец, 105; 136; 260; 320; 358; 411; 523; 531
хозяева, 523
холера, 59; 156; 300; 382; 524; 525
Хоре, 170; 249; 449; 491; 497; 525; 528; 540
христианство, 525
цмоки, 531
чаровники, 532
чародей, 170; 187; 188; 248; 262; 263; 296; 387; 394; 532; 540
Чернобог, 6; 65; 66; 297; 511; 532; 547
чернобыльщик, 9; 146; 157; 266; 332; 445; 532; 533
чернокнижник, 253; 305; 533
черт, 533

чеснок, 540
Чистый четверг, 54-56; 80; 148; 172; 194; 199; 239; 400; 431;
501-504
чудо, 540
чума, 18; 34; 98; ПО; 190; 196; 541
Чур, 102; 182; 205; 274; 389; 496; 542
шептуны, 262
шешка, 543
шилыханы, 544
шиш, 52; 91; 310; 533; 543
шишига, 172; 236; 278; 371; 455; 533; 543; 544
шишик, 543
шишимора, 278; 543; 544
шишитиха, шишиха, 543
шишко, 543
шишок, 56; 533; 543
шошычиха, 543; 544
шуликуны, 276; 279; 310; 372; 435; 463; 464; 505; 544; 545
шут, 89; 177; 533; 545
шуговка, 454; 545
шыш, 543
эротика, 546
Юрий, 153; 163; 185; 186; 207; 209; 305; 379; 406; 407; 465;
549
Явь, 547
Яга Ягишна, 45
язычество, 547
Ярила, Ярило, 5; 127; 132; 134; 264; 297; 311; 417; 448; 492;
519; 548; 549
Яровит, 548
Яр-Тур, 127; 129; 134; 488; 548
Яр-Хмель, 548
Яшер, 10; 12; 116; 117; 174; 305; 391; 450; 547; 549; 550
ящерица, 550

Месяцеслов

ЯЗЫЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

В христианскую эпоху у славян существовал свой собственный, особый календарь. Народ, занимавший земледелие и имевший политические связи с соседями, должен был иметь понятия о времени, без которого нельзя было обойтись как в общественной жизни, так и в домашнем быту и другим народам древности, славяне началом года считали март; у них имелись и особо месяцев, из которых состоял год, причем названия эти очень ясно выражали особенности то. относились. и заимствованы были частично от явлений природы. а час-

НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ ИЗ СЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ КАЛЕНДАРЕЙ.

Месяцы	Названия
ЗИМА:	
Декабрь	др.-рус. — хмурень, студень, студный, стужайло.
Январь	др.-рус. — просинец, стужайло; укр. — січень; белор. — студень.
Февраль	др.-рус. — снежень, сечень, межень, лютень, бокогрей; укр. — лютий; белор. и польск. — лютий.
ВЕСНА:	
Март	др.-рус. — змобор, протальник, капельник, сухой. березозол; укр. — березень; белор. — соковик.
Апрель	др.-рус. — березозол, снегогон, цветень, водолей, ручейник; укр. — квітень; белор. — красовик.
Май	др.-рус. — травень, травник, ярец.
ЛЕТО:	
Июнь	др.-рус. — кресень, нзок-кузнечик, червень, хлеборост, разноцвет, скопидом; укр. — червень; белор. — червец.
Июль	др.-рус. — червень, страдник, сенозарник, липец, грозовик, жарник, серпень; белор. и польск. — липень; литов. — лиепас.
Август	др.-рус. — серпень, жнивень, густырь, хлебосол, зарев, разносол.
ОСЕНЬ:	
Сентябрь	др.-рус. — вересень, хмурень, ревун, зоревик; белор. и укр. — вересень, листопадник, златоцвет.
Октябрь	др.-рус. — желтень, позимник, листопад, грудень, грязник; укр. — жовтень; белор. — кастрычник.
Ноябрь	др.-рус. — грудень, листоной, полузимник; укр. и белор. — листопад.

всему, древнерусское и вообще древнеславянское времяисчисление не было вполне система! пример, римскому. Оно большей частью ограничивалось общими месяцесловными данными в народных наблюдениях и приметах, пословицах и поговорках. Но, тем не менее, наши пред-

Месяцеслов

вв.), когда славяне Среднего Поднепровья вели оживленную торговлю хлебом с Римской империей. Календарные знаки на сосудах, несомненно связанные с языческим ритуалом, подразделялись на две категории: одни из них при помощи различных символов («огненных крестов», земледельческих и промысловых орудий, аграрных символов и пр.) изображали все 12 месяцев года, другие же давали избирательно только летний сезон или часть годового цикла — от новогодних святок до конца жатвы.

Использоваться такие сосуды-календари могли с разными ритуальными целями. Например, найденные в 1957 г. в языческом жертвеннике чаши, широкий плоский венчик которых был разделен на 12 различных прямоугольных секций с различными рисунками (судя по всему, символами 12-ти месяцев, образующих годовой цикл), скорее всего, использовались для новогодних гаданий (подобные большие глубокие сосуды в Древней Руси именовались чарами: вероятно, отсюда гадание при помощи чар называлось чародейством). Во всем славянском годовом цикле обрядов известен только один момент, когда взор древнего славянина охватывал весь год в целом, все 12 месяцев. — это празднование Нового года, когда произносились заклинания на весь будущий год и одновременно с этим производились гадания о будущем. Число 12 чаще всего встречается именно в новогодней обрядности (ср. 12 «старцев», руководящих ритуалом: 12 снопов, по которым гадают о будущем урожае в начинающемся году: вода из 12 колодцев для подблюдных гаданий: священный огонь «бадняк», горящий 12 дней — шесть дней в конце старого года и шесть в начале нового, и т.п.). Торжественный цикл новогодних обрядов начинался воспоминаниями о прошлом (пение старинных былин), а завершался гаданиями о будущем. Для январских заклинаний и гаданий, связанных с подблюдными песнями, требовались специальные сосуды для священной воды, в которую опускали золотое кольцо (идея воды в чашах подчеркивалась массивной рельефной зигзаговой линией, идущей вокруг всего сосуда под самым венчиком); вода и золото при этом были обязательными атрибутами новогодних аграрно-магических гаданий, так как они символизировали воду и солнце, обеспечивающие древнему славянину урожай. Чаши со знаками 12 месяцев могли быть именно такими сосудами для священной воды, с помощью которых осуществлялось новогоднее гадание об урожае.

Примерно с теми же целями могли использовать и сосуды, на которых изображалась только часть годового цикла, например, только весение или летние месяцы. Так, известна чаша, содержащая 9 рисунков, часть из которых дублировала изображения на чаше с 12 рисунками, хотя при этом рисунки располагались в другом порядке. Такая чаша, по видимому, также использовалась для новогодних гаданий, но не для той части обряда, когда пели «славу хлебу» (в это время использовались сосуды, изображавшие полный годовой цикл), а для подблюдных песен, связанных с предстоящим замужеством. Сроки замужества в древности, вероятно, приходились на два периода: на летние месяцы, июнь и июль, буйные ярилыны дни, разгульные ночи Купалы, а также на осень после сбора урожая и зиму (сентябрь-ноябрь и февраль): при этом и в XX в. главный период деревенских свадеб падал на осень и на зиму — от Богоявления (6 января ст.ст.) до масленицы, т.е. до марта. А девичьи гадания предшествовали этому периоду и совершались на Новый год и святки, т.е. в период, определяющий весь будущий год; в это время девушки определяли тот месяц, в который та или другая из них выйдет замуж. Гадание с чашей, чарой, заключаемое в том, что в чашу с водой опускали ореховую скорлупу и взбаламучивали воду кругами; скорлупа плавала кругами и останавливалась у какого-то борта; знак месяца на бортике чаши означал срок выхода замуж, а если плавающий предмет останавливался у одной из трех широких ручек сосуда, не имевших никаких обозначений, то девушке было не суждено выйти замуж в этом году. Нарушение календарного порядка месяцев на чаше могло быть связано именно с гадательной практикой, а число 9, определяющее количество месяцев беременности, издревле считалось сакральным числом; при этом, как и во многих других случаях, аграрная магия здесь была сопряжена с идеей беременности женщины.

Помимо гаданий, сосуды-календари с символами различных месяцев могли использоваться и во время обрядов, связанных с праздниками и молениями об урожае, проводимыми вне дома, вне села, в непосредственной близости к природе, к горам, родникам, священным рощам и засеянным полям. Некоторые из подобных кувшинов и пр. были, возможно, не столько сосудами, сколько священным календарем для определения всех языческих действий над яровым полем. Они делали святой наполнявшую их воду; а этой водой потом могли поливать и первые ростки, и начавшую колоситься пшеницу во все жизненно важные этапы жизни нивы. С подобными кувшинами, как с вместилищем святой воды, земледельцы могли встречать и Семик, и Купалу, Ильин день и зажинки, когда святой водой следовало полить последний, оставленный Волосу сноп на поле. Жатвенные, урожайные сосуды с «календарными чертами и резами» во время праздников урожая славяне наполняли зерном и поднимают после жатвы к небу. Например, известно описание славянского жатвенного обряда у племени вятичей: «Во время жатвы они берут ковш с просом, поднимают к небу и говорят: «Господи! Ты, который снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии»: в качестве подобных ковшей могли выступать найденные археологами сосуды, покрытые преимущественно аграрными символами и предположительно содержащие обозначения 12 месяцев. Так, один такой кубок, или, возможно, ковш, обнаруженный в 1967 г. в кургане с сожжением у с. Войскового, был украшен календарными знаками таким образом, что если пить из него, держа его за ручку правой рукой, как положено при здравицах, то главный символический узел изображения — «сноп» в верхнем ряду и «нива» в нижнем — будет обращен во вне, к зрителям, участникам обряда. Кстати, словом «кубок» в древнерусском языке обозначался не только сосуд для пиришествнных здравиц, но и некая мера зерна; ковш-кубок из Войскового вмещал примерно 1/8 четвертика-амфореуса, которым славяне Черняховского времени мерили зерно.

Таким образом, можно предположить, что славяне задолго до появления христианского месяцеслова не только различали месяцы и отдельные праздничные дни, к которым приурочивались моления богам, различные жертвоприношения и прочие обряды, стимулирующие плодородие, но также и фиксировали на особых ритуальных сосудах, а возможно, и на других предметах, свой своеобразный календарь. Такие календари охватывали весь год, либо только его аграрную часть, давали приблизительную календарную приуроченность главных летних празднеств, преимущественно

связанных с кульминацией (купальские празднества) и завершением (жатва и уборка урожая) сельскохозяйственного цикла. Сосуды с изображенными на них символами различных месяцев являлись, по-видимому, праздничными обрядовыми чашами, частью многочисленных ритуалов, связанных с плодородием земли и вообще благополучием общины. Но, конечно, такие календари были куда менее разработанными, чем тот православный календарь, который славяне приняли после утверждения христианства.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

В православном календаре-месяцеслове почти весь год был расписан по православным праздникам или именам святых, память которых отмечалась в эти дни. Своим происхождением церковный месяцеслов обязан древнехристианскому Востоку: там он получил свое начало и принял полную и определенную форму. На Востоке с первых веков христианства начали вести записи важнейших церковных событий, христианских праздников, которые позднее и послужили основой для церковного месяцеслова (так, например, Киприан, епископ Карфагенский, советовал христианам замечать день кончины каждого мученика, чтобы потом каждогодно освящать эти дни общественным богослужением). Ко времени принятия христианства на Руси восточная церковь уже имела общий полный месяцеслов, и он, по-видимому, составлял уже одну из важных принадлежностей церковно-богослужебной жизни, так как именно по месяцеслову определялось время празднования важнейших священных событий и именно в нем указывались дни памяти святых, почитаемых христианами. Обычно церковный месяцеслов служил приложением к важнейшим церковно-богослужебным книгам: так, например, в самом кратком виде, в форме простого списка событий и имен, он находился в евангелиях, апостолах, требниках и т.п.; в более обширном виде, с кратким описанием праздников и дней святых, — в уставе. Следованной Псалтири: в полнейшей же форме, с подробнейшим описанием церковных праздников и жизни святых, он помещался в прологах и особенно в Четьих минеях.

Откуда первоначально заимствовала церковный месяцеслов Древняя Русь, сказать сложно. По-видимому, русская церковь получила его вместе с другими церковными книгами на славянском языке от одной из южнославянских стран (например, от Болгарии), прежде Руси принявших христианство. Святые просветители славянские Кирилл и Мефодий, отправляясь в Паннонию, еще в Константинополе перевели на славянский язык выбор евангельских чтений, которые были расположены по неделям на целый год, а следовательно, и на дни, в которые совершались праздники господние, богородичные и святых. На то, что первые древнерусские месяцесловы были взяты у южных славян, указывает и то, что в них встречается немало святых, которые могли быть внесены туда только из южнославянских церковных месяцесловов (таковы, например, день памяти святых Кирилла и Мефодия, обретение мощей св. Климента Римского — праздник, который принадлежал исключительно славянской церкви, и др.).

Первые месяцесловы на Руси были, по-видимому, очень неполными. Однако с течением времени, когда под влиянием христианской веры стали появляться лица и события, заслуживающие церковного прославления и чествования, русская церковь стала вносить их в свои церковные месяцесловы, и пробелы в них стали заполняться. Так, например, с XI в. в древнерусские церковные месяцесловы в число чтимых угодников Божиих были внесены: Владимир Великий, Борис-Роман и Глеб-Давид (1015 г.), преподобный Моисей Угрин Печерский (1041 г.), Демьян пресвитер Печерский (1071 г.), Анастасий преподобный Печерский (1073 г.), Феодосий Печерский (1074 г.) и т.д. С XI же века в русских церковных месяцесловах появились и такие церковные празднества, как освящение храма Великомученика Георгия в Киеве (1037 г.), перенесение мощей свв. Бориса и Глеба (1072 г.) и др. При этом на развитие древнерусского церковного месяцеслова сильно повлияло состояние письменности. Так, в южной Руси, где письменное искусство распространялось быстрее и успешнее, церковные месяцесловы были полнее по своему содержанию и распространялись в большем количестве, чем на русском севере. Первые довольно полные славяно-русские месяцесловы на юге были напечатаны уже в конце XVI столетия (например, при Острожском издании Библии 1581 г., при Краковском часослове Святополка Фиола 1591 г., при Цетинской Псалтири 1595 г. и др. важнейших церковно-богослужебных книгах).

По своему содержанию месяцесловы этого времени, как на юге, так и на севере, были не единообразны и сильно отличались от месяцесловов греческих, послуживших для них образцами. Так, в южнорусских месяцесловах дни памяти многих святых были установлены в совершенно иные дни и даже месяцы, нежели в греческих и даже московских месяцесловах; кроме того, в южнорусских месяцесловах встречались такие святые, каких не было ни в греческих, ни в московских святцах (а в некоторых частных изданиях церковного месяцеслова южной и северной Руси попадались даже и такие святые, которых не было ни в московских, ни в малороссийских месяцесловах). Причиной такого разнообразия послужило раздробление древнерусской жизни вследствие удельной системы, отделяющей древнерусские области одну от другой, обособляющей их в гражданском отношении и разъединяющей в церковно-народной жизни. В период господства удельной системы практически любая область и даже город имели свою местную святыню, например, какую-либо святую икону или особого покровителя в лице кого-либо из святых угодников христианских (так, один древнерусский летописец заметил: «Псков и Великий Новгород блажит Варлаама и Михаила юродивого Христа ради, Смоленск блажит князя Феодора, Московское же царство блажит Петра, Алексия, Иону и иных множество, Ростов блажит Леонтия, Игнатия, Исаию, Вассиана и Ефрема, Вологда бо блажит преподобного Димитрия и иныя тамо сущия многия, каяжда страна своих блажит»). Позднее, с исчезновением удельной системы, когда древнерусские области стали сливаться в единое целое и группироваться около нескольких общих центров, куда «стекалось все священное и заветное», господствовавшее до тех пор разделение в церковно-народной жизни само собой стало сглаживаться, и церковные месяцесловы к XVI и XVII вв. стали приходить к большему единообразию и полноте.

Месяцеслов

Укоренившийся на Руси и вообще у славян церковный месяцеслов получил самое широкое применение в жизни народной. По мере утверждения и распространения на Руси христианства на почти все стороны общественной и частной жизни наложился «особенный отпечаток церковности»; одним из таких следствий всеобъемлющего влияния христианской церкви на жизнь древнерусского народа и было приурочивание церковного месяцеслова к общественному и частному быту. С появлением систематизированного церковного месяцеслова славяне просто соединили свой древний языческий календарь со всеми его празднествами и молениями с новым, уже христианским календарем. При этом слияние древнего народного месяцеслова со всеми приурочивавшимися к нему обычаями, верованиями и т.д. и месяцеслова нового, появившегося вместе с христианством, происходило особым образом. Так, например, в народном православном календаре некоторые имена святых и названия событий искажались применительно к именам и названиям, принятым в народе. Древнерусскому крестьянину многое в церковных книгах было непонятно, он не справлялся со значением или смыслом того или иного имени или названия и «старался главным образом найти подходящий к своей простой речи звук или корень в известном слове, часто толкуя его по-своему, слишком своеобразно и желая этим все чужое и иноземное претворить в свое родное, легкодоступное его простому пониманию». Рассчитывая дни и распределяя занятия по святым, славяне непонятные для них по происхождению из чужих языков имена святых, названия церковных праздников сближали с различными выражениями родного языка, причем эти выражения зачастую определяли характер данного времени и имели отношение к различным сельскохозяйственным работам, состоянию времени года, погоды и т.п. Так, например, день памяти Феодосия Великого (24 января) именовался в народе Федосей-Весняк и т.д. Совпадение дней святых и церковных праздников со сроками сельскохозяйственных работ и обычных для простого крестьянина занятий породило многочисленные прозвища святых: так, святой пророк Иеремия (Еремей) получил прозвище «запрягальника», «занашника» (так как к его дню приурочивалась «запашка» полей), а святого мученика Никиту называли «репорезом» (т.к. в этот день принято было срезать и убирать репу).

Народное переосмысление различных церковно-исторических повествований о жизни и чудесах святых, богослужебных книг с песнопениями и молитвами этим святым и имен самих святых привело к тому, что многие святые стали наделяться различными функциями, которые могли бы быть полезны древнерусским земледельцам. Так, например, пророк Захария Серповиден, обязанный своим прозвищем одному из своих пророчеств, в котором он видел летящий по воздуху изогнувшийся серпом свиток, в русской народной традиции почитался покровителем жниц и жнецов, а святая Анастасия Узорешительница, названная так за свои труды по излечению людей, считалась у русских женщин покровительницей беременных. 1 декабря по церковному календарю являлось днем памяти святого пророка Наума; на Руси этот пророк слыл «грамотником» и покровителем наук, так как в декабре на Руси детей отдавали учить грамоте, да и само имя святого «На-ум» связывалось в народном сознании с именем наставника, учителя, что породило многочисленные присловья типа: «Батюшко Наум, наставь на ум». Славяне всю свою жизнь с важнейшими ее событиями и предметами старались передать на попечение тех или иных святых, представляя их ближайшими и непосредственными покровителями, защитниками от всяческих напастей. Таким образом, св. Николай Чудотворец стал почитаться хранителем от всяких бед и заступником людей перед Господом, Пресвятая Богородица — покровительницей женщин и их работы, Феодор Тирон — подателем украденных вещей, мученики Флор и Лавр — хранителями от конского надежа, свв. евангелисты Иоанн и Лука — покровителями живописи, царь-пророк Давид — музыки, праведный Иосиф — столярного дела и т.д.

Совпадение православных церковных праздников и праздников языческих также наложило свой отпечаток на народный месяцеслов. Так, например, праздник Иоанна Крестителя именовался в народе Иваном Купалой, и к нему приурочивались различные языческие по сути обычаи, так как в древности в это время отмечался очень важный для земледельцев праздник, связанный с урожаем и плодородием. Георгий Победоносец, сменивший языческого богатромовержца, почитался как святой, связанный с грозой, молниями и дождем; святой Власий почитался в народе покровителем скота, и в день его памяти совершалось немало обрядов, долженствующих предотвратить надеж коров и пр., так как культ этого святого сменил культ Велеса, языческого «звериного бога», и т.д.

Немало изменили народный календарь календарные реформы. Вообще, датой сотворения мира Богом христиане считают 1 марта 5508 года до Рождества Христова (таким образом, 2000 год соответствует 7508 лет от сотворения мира); до 1492 года год на Руси начинался с 1 марта; после — с 1 сентября, а с 1700 года по указу Петра Великого был совершен переход к юлианскому календарю, и начало года было перенесено на 1 января. Юлианский календарь был введен в 46 году до н.э. Юлием Цезарем и долгое время считался основным в христианских странах; в нем летоисчисление велось по старому стилю, сохранившемуся в православной церкви и до сегодня. С 14 февраля 1918 года вступил в действие грегорианский календарь, введенный напои Григорием XIII еще в 1582 году. Грегорианский календарь — календарь нового стиля; разница же между старым и новым стилем составляла в XIX в. 12 суток, а в XX в. составила 13 суток. Для того, чтобы перевести дату по старому стилю на новый стиль, нужно прибавить к ней 13 суток (так, в русском православии началом церковного новолетия считалось 1 сентября по старому стилю; по новому стилю этот день будет соответственно 14 сентября). Из-за всех этих перемен древние русские праздники, приуроченные к определенным астрономическим датам, были сдвинуты, а вместе с ними зачастую сдвигались и приуроченные к ним обряды, поверья и т.д.

Месяцеслов

Церковные праздники.

По времени все церковные праздники разделяются на неподвижные и подвижные. Неподвижные праздники приурочены к определенному дню и совершаются ежегодно в один и тот же день; даты же подвижных праздников меняются каждый год. Главный из неподвижных праздников — праздник Рождества Христова, а из подвижных — праздник Пасхи.

По важности воспоминаемых Церковью событий христианские праздники разделяются на великие, средние и малые. К великим праздникам относятся двенадцатые и некоторые недвенадцатые, а также праздники в честь святых. Особенностью двенадцатых праздников являются дни предпразднства, попразднства и отдания праздника. Предпразднство предшествует празднику, подготавливая верующих к его достойной встрече. Двенадцатые праздники имеют по одному дню предпразднства, за исключением Рождества Христова (5 дней) и Богоявления (4 дня). Дни попразднства продолжают праздник; число их неодинаково и, в зависимости от последующих праздников или дней поста, простирается от одного до восьми (у Пасхи — сорок). Последний день попразднства называется днем отдания праздника и отличается большой торжественностью богослужения.

Великие двенадцатые праздники:

1. Вход Господень в Иерусалим (за неделю до Пасхи);
2. Вознесение Господне (в 40-й день по Пасхе);
3. Пятидесятница, или Сошествие Святого Духа на апостолов — Троица (в 50-й день по Пасхе);
4. Крещение Господне (19 января);
5. Сретение Господне (15 февраля);
6. Преображение Господне (19 августа);
7. Воздвижение Честного Креста Господня (27 сентября);
8. Рождество Христово (7 января);
9. Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября);
10. Введение во храм Пресвятой Девы Марии (4 декабря);
11. Благовещение Пресвятой Богородицы (7 апреля);
12. Успение Пресвятой Богородицы (28 августа).

Великие недвенадцатые праздники:

1. Обрезание Господне (14 января);
2. Покров Пресвятой Богородицы (14 октября);
3. Рождество Иоанна Предтечи (7 июля);
4. День святых первоверховных апостолов Петра и Павла (12 июля);
5. Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (11 сентября).

ПОДВИЖНЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

К подвижным церковным датам относятся все даты, связанные со Светлым Христовым Воскресением, Пасхой, день празднования которой ежегодно меняется.

Несколько недель, отделяющих Крещение от масленицы, называются мясоедом или свадебными неделями, потому что преимущественно в это время устраивались крестьянские свадьбы. В церковном календаре есть также седмица (т.е. неделя), падающая на это время, — неделя о мытаре и фарисее, когда не соблюдается пост в среду и пятницу (т.е. можно есть скоромное всю неделю) — такие седмицы называются сплошными. Следующая за ней неделя называется в народе пестрой, так как на ней уже полагается соблюдать пост в среду и пятницу, перемежая его с мясоедением. Иногда погоду масленицы определяли по «пестрой» неделе. Вообще же «пестрая» неделя считалась не вполне счастливым временем, особенно для тех, кто вступает в брак, поэтому в эти дни старались не свататься и не венчаться; в народе даже существовала поговорка: «На пестрой жениться — с бедой породниться».

Масленица. Последняя неделя перед Великим постом называется сырной седмицей или масленицей. После нее уже начинаются приготовления к Пасхе. Масленица справляется за семь недель до Пасхи. Это самый веселый, самый разгульный всеобщий праздник. Каждый день масленицы имеет свое название, за каждым закреплены определенные действия, правила поведения и пр.:

понедельник — «встреча»;

вторник — «заигрыш»;

среда — «лакомка», «разгул», «перелом»;

четверг — «разгуляй-четверток», «широкий»;

пятница — «тешины вечера», «тешины вечерки»;

суббота — «золовкины посиделки», «проводы»;

воскресенье — «прощеный день», «заговенье на Великий пост».

С масленицей было связано немало народных примет. Так, считали, что ненастье в воскресенье перед масленой — к урожаю грибов; снег на масленицу — к урожаю гречихи; оттепель с заморозками в прощеный день — к урожаю грибов, и т.п.

Великий пост. Сразу за семью днями разгульного масленичного веселья начинается семинедельный период строгости, святости, воздержания — Великий пост

Обычай освящать постом время приготовления к великим праздникам восходит к древней Церкви. Посты были учреждены ею как средство, содействующее возвышению духа над плотью, господству духовно-нравственных стремлений над чувственными. Пост, по учению Спасителя, очищает душу от греха, освобождает ее от власти дьявола и возвращает к общению с Христом. Посты по продолжительности делятся на многодневные и однодневные. Великий пост, а также Петровский, Успенский и Рождественский посты относятся к многодневным. Во время поста следовало воздерживаться от пищи (или только от некоторых видов пищи); кроме того, в течение

постов Святая Церковь запрещала совершать таинства брака, а находящимся в браке предписывала воздержание от супружеского общения; запрещалось также участие в каких-либо светских увеселениях.

Первая неделя Великого поста — Сборная, о ней говорят: «Неделя сбор — течет вода с гор», поскольку Великий пост обычно приходится на март. Понедельник на этой неделе называется «чистым»: в это время люди моются, меняют белье, чистят зубы и т.п., это время прощания с буйным масленичным весельем.

Третья неделя Великого поста называется Крестопоклонной, так как в воскресенье на этой неделе Церковь прославляет Святой Крест и духовные плоды Крестной смерти Спасителя.

Четвертая неделя в народном календаре называется Средокрестие, так как на этой неделе в ночь со среды на четверг минует середина Великого поста, т.е. «пост ломается пополам».

Пятая неделя поста называется Похвальная, так как на этой неделе в субботу совершается в храмах служба «Похвала Святой Богородице». В среду на Похвальной неделе совершается в церкви всенощное бдение с каноном Андрея Критского, в народе именуемое «Андреевым стоянием» или просто «поклонами». Девушки считали обязательным выстоять эту службу, полагая, что Андрей Критский за такое рвение поможет им заполучить хороших женихов, о чем они ему усердно молятся.

Шестая неделя Великого поста, предпасхальная неделя, называется в народном календаре Вербной неделей, «вербницей». Основные обряды и действия, связанные с этой неделей, совершались в воскресный день, в Вербное воскресенье; весь этот день проходил под знаком освященной вербы. Канун Вербного воскресенья — Лазарева суббота; в этот день Церковь вспоминает чудо воскресения Господом Иисусом Христом Лазаря.

Последняя неделя Великого поста, Страстная неделя, посвящена воспоминаниям последних дней земной жизни Спасителя. Его страданий на Кресте, Его смерти и погребения. По величию и важности совершившихся событий каждый день этой недели именуется святым и великим. С апостольских времен дни Страстной недели глубоко почитались христианами; верующие проводили ее в строжайшем воздержании, усердной молитве, в подвигах добродетели и милосердия.

Пасха. Пасха Христова считалась праздником праздников и торжеством торжеств, высочайшим, радостнейшим и торжественнейшим. Светлый праздник Вознесения Христова назван Пасхой соотносительно с ветхозаветным еврейским праздником Пасхи, который был назван так в воспоминание того события, когда при исходе евреев из Египта ангел, погубивший первенцев египетских, видя кровь пасхального жертвенного агнца на дверях еврейских жилищ, проходил мимо (евр. «песах»), оставляя неприкосновенными первенцев еврейских. Сообразно с этим ветхозаветным воспоминанием. Праздник Воскресения Христова, обозначая переход от смерти к жизни и от земли к небу, получил название Пасхи.

Воскрешением Иисуса Христа из мертвых завершился Богочеловеческий подвиг спасения, воссоздания человека. Спасительная и светозарная ночь Воскресения Христова является для христиан провозвестницей будущего дня общего воскресения. Пасха — древнейший праздник христианской церкви; он был установлен и праздновался уже в апостольское время.

Божественной славе Воскресения Господа и величию светлого праздника Пасхи соответствует и высокая особая торжественность, которой сопровождаются все богослужения в первый день Пасхи и во всю Светлую седмицу — пасхальную неделю. Темные одежды священнослужителей в это время сменяются светлыми. До начала пасхальной заутрени храм, по древнему обычаю, наполняется финомом в знак изобилия благодати, полученной людьми через Воскрешение Христово; в древности для этого использовались сосуды с горящими углями и благовонным финомом. Во время пасхального богослужения в храмах зажигают все светильники; находящиеся в храме стоят со свечами в знак полноты духовной радости.

Светлая седмица заканчивается на восьмой день — в понедельник Фоминой недели, ибо в день восьмой Господь явился к лам, и именно апостол Фома собственным осязанием язва Господа удостоверился в действительности Его воскресения.

После Своего Воскресения Господь Иисус Христос пребывал на земле сорок дней, являясь апостолам и поучая их тайнам Царствия Божия. Поэтому и Праздник Пасхи празднуется в течение сорока дней.

Первая неделя после Пасхи именуется Фоминой неделей. Вторник Фоминой недели, девятый день от Пасхи, именуется в народе Радунницей; к этому дню относится пословица: «На Радунницу утром пашут, днем плачут, а вечером скачут». Радунница — это день поминовения умерших, один из главных родительских дней в году.

На 25-й день после Пасхи празднуется Преполование, т.е. середина срока между Пасхой и Троицей. Православная Церковь в день Преполования молится «о напоении всех жаждущих спасения водами благочестия». В крестьянской России в этот день совершался обряд освящения воды на реках, озерах, в колодцах, и такая вода считалась целительной; после освящения воды крестьяне в сопровождении священника отправлялись на засеянные поля, священник кропил нивы святой водой, а крестьяне молились Богу о ниспослании обильного урожая.

В 40-й день после Пасхи празднуется праздник Вознесения Господня — день, в который Господь вознесся на небо. Этот день всегда приходится на четверг шестой Пасхальной недели.

Седьмая неделя после Пасхи носит название Семиковой или «русальной», «зеленой», «грязной». Особенно отмечены три ее дня: Семик, Родительская суббота и Троица.

Семик — седьмой четверг после Пасхи. Он открывал сложный комплекс обрядов, знаменующих прощание с весной и встречу лета, прославляющих зеленющую землю с центральным персонажем — березкой. Селения на этот отрезок времени украшались березками и березовыми ветками, различной зеленью и цветами. Прихожане являлись в церковь к обеду с букетами полевых цветов, а пол в храме устилался свежей травой. Те люди, которые придерживались старинных обычаев, утром посещали кладбища, где и встречали Семик. После обеда начиналось веселье: молодежные гуляния, игры, хороводы, происходившие либо в лесу вокруг березки, либо в деревне, куда с песнями вносили срубленное и украшенное деревце.

В Родительскую субботу за богослужением в храмах поминались все от века усопшие православные христиане. Эта суббота посвящается поминовению умерших.

День Святой Троицы, называемый также Пятидесятницей, — 50-й день после Пасхи. Этот день называли еще Днем сошествия Святого Духа на апостолов, ибо в этот праздник вспоминается и прославляется сошествие на апостолов Святого Духа в виде огненных языков. В этот день Церковь призвала поклониться Троидиному Божеству: Сыну во Отце со Святым Духом.

Первый понедельник после Троицы, пятьдесят первый день после Пасхи, называется Духов день. Его нельзя официально причислить к христианским праздникам, но в народном календаре он существовал и сохранился.

С Духова дня начиналась «русальная неделя»; последний ее день, называемый в народе «русалкиным заговеньем», был последним днем перед Петровым постом. Пост этот начинался через неделю после Троицы перед праздником святых апостолов Петра и Павла (12 июля). Этот пост установлен Церковью для подражания примеру святых апостолов, которые, по принятии даров Святого Духа, постом и молитвой готовились ко всемирной проповеди Евангелия и таким же образом готовили своих приемников на это служение.

Месяцеслов

Кроме того, этот пост установлен для того, чтобы сделать верующих достойными даров Святого Духа и утвердить в них эти благодатные дары. Продолжительность этого поста бывает разной, так как начало его зависит от Пасхи; по наибольшей продолжительности этот пост шестинедельный, а самый короткий его срок — восемь дней.

Неподвижные православные праздники.

Примечание.

Данный месяцеслов — это, в первую очередь, перечисление различных примет, обрядов и поверий, приурочивавшихся к различным дням календаря. Поэтому в нем сознательно не указываются некоторые дни, с которыми не связывались какие-либо особые события или приметы. Кроме того, в месяцеслове указываются не все святые, которым был посвящен тот или иной день календаря. Например, 1 января (19 декабря ст.ст.) в православном календаре считалось днем памяти мч. Вонифатия, прп. Илии Муромца, св. Григория, еп. Омиритского, св. Вонифатия Милостивого, еп. Ферентийского, мчч. Илии, Прова и Ариса, египтян; а в католическом календаре с этим днем связывались и другие святые; но в данном календаре этот день отмечен только как день памяти мученика Вонифатия.

Зима.

Зима снежная — лето дождливое.
Зимой сухо и холодно — летом сухо и жарко.
Зима теплая — лето холодное; зима морозная — лето жаркое.
Если зимой вьюги — летом ненастье.
Если зимой иней — летом роса.
Большой иней всю зиму — лето тяжелое для здоровья.
Снежная зима предвещает хороший рост трав.
Кольцо вокруг солища зимой — к ненастью.
Сильно блестят звезды зимой — к морозу.
Если окна зимой начинают потеть при двойных рамах — к усилению мороза.
Если зимой лес шумит — дождайся оттепели.
Кошка зимой на печи — к стуже; на полу — к теплу.
Снегирь зимой под окном чирикает — к оттепели.
Воробьи дружно чирикают — к теплу.
Вороны и галки садятся на полдень носами — к теплу, на север — к холоду.
Зима без грех подзимков не живет.
Зима становится обычно через 6 недель после первого снега с морозом.

Декабрь.

У римлян месяц декабрь был десятым в году (так как год у них начинался с марта), отчего и именовался декемврием (лат. december; от decem — десять). У славян же он назывался студень (или студный, стужайло) — от стужи и морозов, обычных в эту пору, а также хмурспь — от хмурых снежных туч и ненастного неба в этом месяце.

Если в декабре большой иней, бугры снега, глубоко промерзшая земля — это к урожаю.

Привалит снег в декабре вплотную к заборам — лето будет плохое; если же останется промежуток — будет лето урожайное.

Если дым идет столбом — к морозу, к ведру; дым волоком — к ненастью. Когда дым без ветра бьет к земле — жди снега.

Опока (куржевица) на деревьях — к урожаю; чем богаче опока, тем богаче урожай.

1 декабря (18 ноября ст.ст.). Платон и Роман; день памяти мучеников Платона, Романа и отрока Варула.

Каков Платон и Роман — такова и зима.

Коли на мучеников-Платона и Романа день теплый, то и зима будет теплая.

Комар летит по комнате — к оттепели.

Ворона ходит по дороге — к теплу.

3 декабря (20 ноября ст.ст.). Прокл; день памяти святителя Прокла, архиепископа Константинопольского.

Если 3 декабря идет снег, то 3 июня пойдет дождь.

4 декабря (21 ноября ст.ст.). Введение; праздник введения во храм Пресвятой Богородицы.

Так как, по замечанию крестьян, около праздника Введения бывает то оттепель, то стужа (т.п. Введенские морозы), в простонародье об этом празднике ходило множество пословиц типа: «Введенье разводит леденье». При этом практически все такие поговорки основывались на созвучии названия праздника с названиями зимних явлений или на игре слов.

Введенье пришло — зиму привело.

Веденье ломает леденье (Тульская губ.)

На Введенье толстое леденье (Рязанская губ.)

Введенские морозы зимы не ставят (моск.).

До Введенья если снег выпадет, то растает.

После Введенья если снег пойдет, то ляжет зима.

В Введенье мороз — все праздники морозны, тепло — все праздники теплы.

Месяцеслов

На Введенье раньше делались пробные выезды на санях; в этот же день открывались Введенские ярмарки, где продавались всевозможные сани.

5 декабря (22 ноября ст.ст.). Проккоп; день памяти святого мученика Проккопия.

Считалось, что с Проккопа устанавливается хороший санный путь.

6 декабря (23 ноября ст.ст.). Митрофан; день памяти святителя Митрофана, епископа Воронежского, жившего в XVII в.

Если 6 декабря моросит снег и ветер с севера, то 6 июня будет ветер с севера и дождь побрызгает.

7 декабря (24 ноября ст.ст.). Екатерина-Санница; день памяти великомученицы Екатерины.

В старину праздник великомученицы Екатерины был одним из самых веселых праздников, особенно для молодежи. Одним из самых популярных развлечений в этот день исстари были гонки на санях, отчего святую Екатерину в параде нередко именовали Санницей.

Святая Екатерина у славян почиталась покровительницей беременных женщин и «помощницею женам в болезнях чадородения»; к ней обращались с молитвами во время трудных родов. Основанием для этого верования послужило, судя по всему, имеющееся в Четких минеях замечание о том, что святая великомученица Екатерина была очень просвещенная женщина, и между прочими занятиями «по врачебным умудрившись писменем, врачей книги добре у веде». Вероятно, русские крестьяне верили, что врачебные познания святой Екатерины как женщины были преимущественно направлены на лечение женских болезней, в первую очередь, болезней, связанных с беременностью и родами.

Особым образом отмечали праздник святой Екатерины молодые, еще не вышедшие замуж девушки. Так, например, во многих местах, и особенно на юго-западе, был распространен обычай, по которому девицы, мечтающие о замужестве, постились накануне дня памяти этой великомученицы, чтобы иметь добрых женихов; грамотные же девицы при этом еще читали житие святой Екатерины или апостола Андрея. Кроме того, вечер под Екатерину считался подходящим временем для ворожбы, особенно для девичьих гаданий о замужестве. Использовались самые разные способы гадания: так, например, девушки вечером под Екатерину клали перед сном под подушку кусок хлеба и загадывали, каков у них будет суженый. При этом во многих местах гаданиями занимались не только девушки, но и молодые парни, желавшие узнать, какие им суждены невесты.

Основанием для таких обычаев послужило, вероятно, сказание о жизни великомученицы. Согласно этому сказанию, святая Екатерина происходила из знатного рода и была «зело красна и возрастом висока»; но достигнув совершеннолетия, она не пожелала выйти замуж и сказала своим родителям, что выйдет только за того, кто превзойдет ее «в благородии, в богатстве, в красоте, в премудрости». Родители долго искали достойного жениха, но не нашли его. Наконец, мать св. Екатерины, тайная христианка, привела дочь к своему духовному отцу, благочестивому пустыннонику; тот выслушал Екатерину и сказал, что знает юношу, неисчислимо превосходящего ее во всем. Образ этого чудесного юноши так действовал на Екатерину, что она с этой минуты желал только одного: узреть его и сделаться его женой. Благочестивый старец вручил ей икону Божией Матери с Богомладенцем на руках и велел молиться Царице Небесной о даровании видения ее сына. После молитвы Екатерину посетило видение Пресвятой Девы, просящей своего сына посмотреть на коленопреклоненную девушку; но Иисус отворачивался от нее, говоря, что эта девушка безобразна, худородна, нища и безумна. Екатерина в печали вновь пошла к старцу; тот принял ее наставлять ее в вере Христовой и окрестил ее. И вновь было Екатерине видение Пресвятой Богородицы с Младенцем; но теперь взгляд Иисуса был ласков и светел, и он дал ей прекраснейший перстень со словами: «Се днесь приемлю тя в невесту себе, невесту вечно; сохрани убо согласие сие опасно, да не приемлещи отнюдь жениха земаго». Вероятно, это повествование о чудесном обручении святой Екатерины с самим Господом и послужило поводом молодым людям, ищущим счастья в семейной жизни, избрать эту святую своей покровительницей.

8 декабря (25 ноября ст.ст.). Климент; день памяти папы Римского Климента.

9 декабря (26 ноября ст.ст.). Егорьев (Юрьев) день, Егорий Осенний, Юрий Холодный; праздник освящения церкви св. великомученика Георгия в Киеве пред враты св. Софии.

Праздник этот был установлен великим русским князем Ярославом Мудрым, которому при крещении было дано имя Георгия. В честь своего ангела-хранителя великомученика Георгия-Победоносца князь выстроил в Киеве храм и мужскую обитель, которые были освящены митрополитом Киевским Илларионом 9 декабря (26 ноября); в память этого события князь и заповеди, по всей Руси «творити праздник св. Георгия месяца ноября 26-го числа».

В древнерусском сельскохозяйственном быту Юрьев день считался одним из важнейших годовых праздников, так как око; этого дня безземельные крестьяне имели право переходить от одного помещика к другому. В Судебнике об этих переходах говорилось, что они должны совершаться «за неделю до Юрьева дня и неделю по Юрьеве дне осеннем (т.е. спустя неделю после этого дня)», об этом же праве говорилось и в одной из древних грамот: «а крестьянам отказываться из города в волость и из волости в город на один срок в году: за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю по Юрьеве дне осеннем». В Стоглаво по указу царя и митрополита предписывалось «отказывать (отпускать) служилых людей при монастырях, домах монастырских, архиерейских и епископских на срок по Юрьеве дне осеннем по старине же». Однако позднее, в XVI в., царь Борис Годунов первый, а за ним и царь Василий Иванович Шуйский решительно запретили вольные переходы крестьян, и Юрьев день утратил свое прежнее значение, а в народе по поводу этого события возникла пословица: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» (менее распространенные пословицы о Юрьевом дне: «Наряжалась баба на Юрьев день погулять с боярском двора», «Верстался мужик на Юрьев день радеть о боярском добре: мужик не тумак, знает, когда живет Юрьев день», и т.п.).

Кроме пословиц, с прежним значением Юрьева дня был, по-видимому, связан распространенный в некоторых местах обычай, по которому 26-го ноября поселяне при отъезде куда-либо в дорогу служили молебны о благополучии предстоящего пути.

Многие другие обычаи, пословицы и поговорки, связанные с днем Юрия Осеннего, были связаны преимущественно с наступающей зимой. Так, например, во многих местах в этот день ходили слушать воду в колодцах: если тихо, не волнуется — зима будет теплая; послышатся звуки — жди сильных вьюг и морозов.

Месяцеслов

В народе говорили: «На Руси два Егорья: один холодный (9 декабря), другой голодный (6 мая)».

По народным наблюдениям, примерно с Юрьева дня волки начинают ходить за добычей, а медведь засыпает в берлоге.

10 декабря (27 ноября ст.ст.). Роман; день памяти преподобного Романа Чудотворца, «прозорливца и исцелителя».

На Руси святому Роману молились о разрешении бесплодия. Основанием для этого верования послужило, очевидно, содержащееся в Прологе свидетельство о том, что преподобный Роман, обладающий! даром чудотворения, «толики божественныя сподобился благодати, яко многим человеком недуги уврачеваша, и мнози жены неплодныя молитвою чада родити сотвори».

По наблюдениям рыболовов, на Романа идут на нерест налимы, сига и ряпушка.

Около этого дня у лосей обычно отпадают старые рога.

12 декабря (29 ноября ст.ст.). Парамон; день памяти святого мученика Парамона.

На Парамона утро красное — быть декабрю ясным.

На Парамона снег — быть метелям вплоть до Николина дня.

13 декабря (30 ноября ст.ст.). Андрей Первозванный; день памяти Андрея (брата св. ан. Петра), первого из апостолов последовавшего за Христом.

Андреев день — 30-е ноября ст.ст. — на Руси считался праздником, с которого начинался зимний цикл календаря. В этот день крестьяне ходили слушать воду в колодцах: тихая вода — будет хорошая зима; шумная — предстоят бури, морозы, метели.

Как и многие «переломные» дни, в народном представлении являвшиеся границей между летом и зимой, одним отрезком календарного цикла и другим, Андреев день считался временем опасным и одновременно чудесным, связанным с различными сверхъестественными силами. Ночь перед днем св. Андрея считалась временем особого разгула нечистой силы. В этот день крестьяне традиционно жгли на возвышенных местах «андреевские костры» для защиты от ведьм, а в некоторых местах устраивали еще и обрядовые бесчинства, во время которых стреляли в воздух, били в сковороды, производили невообразимый шум и т.д., чтобы отпугнуть нечистых духов.

Одним из самых распространенных обычаев Андреева дня были гадания о суженых. Так, например, в Полесье девушки, желающие увидеть во сне суженого, вечером Андреева дня сеяли лен в горшке с землей, а потом, прочитав над горшком «Отче наш» девять раз стоя, девять раз на коленях и девять раз сидя, говорили: «Святый Андрею, я на тебе лен сею, дай же мини знати, за ким я буду той лен рвати». Вероятно, обычай гадать в Андреев день, как и в день великомученицы Екатерины, был связан с присутствием в этот день в мире особых потусторонних сил, могущих открыть будущее. Кроме того, основанием для этого обычая могло послужить и само имя апостола — Андрей, которое по толкованию с греческого означает «муж». Девушки считали этого святого своим покровителем в делах замужества и по истари заведенному обычаю соблюдали накануне Андреева дня пост, а также молились апостолу о даровании им хороших женихов.

14 декабря (1 декабря ст.ст.). Наум-Грамотник; день памяти святого пророка Наума.

Святой этот на Руси повсеместно считался помощником в «умственных и механических занятиях», отчего и именовался Грамотником; о нем в народе говорили: «Пророк Наум наставит на ум», «Один пророк Наум наводит на ум» и т.п. К этому святому пророку обращались с молитвами начинающие учиться различным наукам, особенно грамоте. В азбуковниках XVII в. содержалась следующая молитва Науму: «Святый пророче Божий Науме, вразуми мя и накажи своею милостию добре руководствию навывкати»; при этом в одном из таких азбуковников замечалось: «Обычай есть многим (учащимся) совершати молебны свв. бессребреникам Косме и Дамьяну и св. пророку Науму и Ангелу своему, его же святого тезоименитство имать».

Поверье о том, что пророк Наум содействует всем, занимающимся науками, было, очевидно, связано с самим именем святого (отсюда и поговорки типа: «Батюшка Наум, наведи на ум»). Кроме того, верование это объясняется и тем, что с этого дня крестьянских детей в былое время начинали учить грамоте. Месяц декабрь, месяц зимний, практически свободный от работ, в сельскохозяйственном быту был самым подходящим временем для обучения; первый же день этого месяца — 1 декабря ст.ст. — церковь посвящала памяти пророка Наума, само имя которого в народном сознании имело отношение к «образованию ума». Потому ему и обращались с молитвами о «наставлении на ум», и не только в день его памяти, но и вообще во всякий день.

Начало обучения детей в былое время обставлялось весьма торжественно. Заранее извещали приходского дьячка, а затем все семейство отправлялось в церковь, где после обедни служили молебен, испрашивая благословение на отрока. Учитель являлся в дом родителей, где его встречали с почетом и поклонами, ласковыми словами и сажали в передний угол. Отец, держа сына за руку, передавал его учителю с просьбой научить уму-разуму, а за леность угощать побоями; мать в это время должна была, стоя у двери, плакать («иначе худая молва пронеслась бы во всем околотке»). Ученик обязан был приблизиться к учителю и сотворить ему три земных поклона, после чего учитель осторожно ударял его три раза по синие плеткой. Затем мать сажала сына за стол, вручала ему узорчатую косяную указку, учитель развертывал азбуку, и с этого момента начиналась уже учеба. Мать при этом на обычая громко плакала и умоляла учителя не морить сына грамотой. Первое учение обычно заканчивалось на одном азе, нос. чего учителя угощали и одаривали подарками; отец награждал его платьем или хлебом, а мать — полотенцем своего изготовления. После этого учителя провожали до самых ворот и при этом продолжали угощать. На другой же день уже ученика отправляли к учителю с азбукой и указкой, причем мать давала сыну с собой сытный завтрак и новый подарок для учителя, который обычно состоял из домашней птицы.

17 декабря (4 декабря ст.ст.). Варвара; день памяти святой великомученицы Варвары.

Святая Варвара у славян почиталась хранительницей от всякой внезапной смерти; на западе ее называли матерью исповеди (имея в виду, что она не даст умереть без покаяния всякому человеку, помолвившемуся ей о том). Основанием для такого верования послужило, очевидно, сказание о ее жизни. Согласно этому сказанию, святая Варвара, когда ее вели на место казни, обратилась к Господу с молитвой: «О Царь, услышь меня рабу Твою и подай благодать Твою всякому человеку, который будет воспоминать меня и мои страдания, да не приблизится к нему болезнь внезапная, и смерть нечаянная да не похитит его»; во время этой

Месяцеслов

молитвы послышался глас с небес, обещавший ей исполнение просимого. В житии св. Варвары, напечатанном при акафисте (христианском хвалебном церковном песнопении), составленном митрополитом киевским, замечалось также, что когда в XVII в. в Киеве повсеместно господствовала страшная эпидемия, благодаря заступничеству св. Варвары обитель Михайловская, где покоились ее мощи, «не видела ни одного мертвеца в своих стенах».

Приметы и пословицы, относившиеся ко дню святой Варвары, касались преимущественно погоды. Так, например, об этом дне говорили: «На Варвару зима дорогу заварварит (заварит), мосты замостит», «Варвара мостит, Савва гвозди острит, Микола прибывает» и т.п., имея в виду, что около этого дня устанавливается прочный зимний путь.

18 декабря (5 декабря ст. ст.). Савва, Саввин день; день памяти преподобного Саввы Освященного.

День памяти этого святого поселяне южной России считали довольно важным праздником и из уважения к нему в день повсеместно на Руси почитаемого Мирликийского чудотворца, хотя св. Савва жил в VI в., а св. Николай Мирликийский — в IV в.; основанием же для такого мнения послужило, судя по всему, то обстоятельство, что день памяти святого Саввы празднуется как раз накануне для памяти святителя Николая. Кроме того, особое внимание ко дню Саввы в южной Руси, вероятно, являлось выражением глубокого почтения к великому подвижнику Савве Освященному.

В пародии преподобный Савва почитался покровителем лошадей. Считалось, что па Савву нельзя ругаться тому хозяину, у которого есть лошадь.

Про Саввин день говорили: «Варвара мостит, Савва стелет», или: «На день Саввы зима реки засалит».

19 декабря (6 декабря ст. ст.). Никола Зимний, Микола Холодный, Николай Чудотворец, Николай-Угодник; день памяти святителя и чудотворца Николая.

Святой Николай на Руси был одним из самых почитаемых в народе святых. Ему посвящалось множество соборов, монастырей и церквей. Иконы его можно было увидеть практически в любом православном русском доме; перед его образом русские люди молились о помощи во всех более или менее трудных обстоятельствах своей жизни. Повсеместно на Руси святитель Николай почитался великим угодником Божиим, вторым после Бога заступником людей, покровителем земледелия и скотоводства, хозяином земных вод; в сказании о святых ему полагалась даже особая молитва («о заступлении от всяких бед и несчастий»). Дни, посвященные святому Николаю, считались в народе большими праздниками; народный календарь при этом различал два дня, посвященных Николаю-Угоднику: Никола Зимний — 19 декабря и Никола Весенний — 22 мая (17 февраля отмечался также Никола Студеный, но этот день посвящался памяти не Николая Чудотворца, а Николая-Исповедника, игумена Студийского).

Столь глубокое уважение к святителю Николаю объяснялось, по-видимому, сказаниями о его жизни и сотворенных им чудесах. Так, согласно сказанию из Четьх миней, молитвами святого Николая город Миры был спасен от голода: святой явился во сне одному итальянскому купцу и, оставив в залог три золотые монеты, попросил его приплыть в Миры, страдающие от голода, и продать там жито. Когда некий богатый ранее муж впал в горькую нужду и нищету и, чтобы не умереть с голода, решился отдать на блуд трех своих взрослых дочерей, святитель тайно ночью бросил ему в окно три мешочка с золотом и тем спас семью от «падения и духовной гибели». Вообще, согласно сказанию из Четьх миней, святитель не раз спасал голодающих и утопающих в море, выводил людей из плена и заточения в темницах, исцелял больных, воскрешал мертвых и т.д. Не раз он выступал и как смелый и открытый защитник людей, невинно гонимых и угнетаемых. Так, например, когда три человека несправедливо были осуждены корыстолюбивым градоначальником, святой смело подошел к палачу и удержал уже занесенный над осужденными меч; обличенный Николаем, градоначальник раскаялся и просил о прощении, а невинные были освобождены.

Праздники Николаи Зимнего в древности отмечались на Руси в старину очень торжественно и сопровождалась многими обрядами. Одним из главных событий праздника были так называемые братчины, или николющины, продолжавшиеся иногда несколько дней начиная с 6 декабря ст. ст. и представлявшие собой праздничные пиршества с пивом и брагой из зерна нового урожая. Начинались николющины обычно во время храмового праздника в честь святого Николая. Все поселяне собирались в церковь, где служили святому Николаю молебны, ставили ему сообща большую свечу, а затем собирали обща, в складчину, трапезу па всех. Во многих местах Николюские угощения устраивались и по домам, для отдельных семей, причем молодежь в подобных «николющинах», как правило, не участвовала: это был праздник стариков и старших их сыновей (большаков), наиболее уважаемых представителей деревенских родов. На Николюские угощения съезжались ближайшие родственники и непременно приглашались соседи; тех же, кто отказывался от складчины и уклонялся от празднования, нередко изводили насмешками целый год. Гостей, приходящих в этот день, потчевали пивом и приговаривали: «Холодненького с гвоздя» (т.к. цедили пиво обычно из бочки посредством деревянного гвоздя или крапа). В народе про праздник николющины говорили: «В Николин день во всяком доме пиво», «Николюскую брагу пьют, а за Николюское похмелье бьют», «На Николющину зови друга и недруга», и т.д.

С Николина дня во многих местах традиционно начиналось сватовство; служили молебны те, кто задумал жениться сам поженить детей. Молодежь с Николи начинала готовиться к святочным посиделкам, шить наряды, мастерить маски для ряжения и т.д.

В сельскохозяйственном быту день святителя Николая служил сроком для разного рода сделок, платежей и прочих хозяйственных договоров. Кроме того, к празднику Николи Зимнего приурочивалась распродажа лишнего хлеба; в народе говорили: «Цены на хлеб строит Николюский торг», «Николюский обоз для боярской казны — дороже золота».

Связывались с праздником св. Николая и различные приметы и пословицы о погоде и вообще состоянии природы, например: «Какой день на Николу зимнего, такой и на Николу летнего (весеннего)»; «Хвали зиму после Николина дня»; «Первые серьезные морозы — Николюские»; «Коли на Николин день след заметает, дороге не стоять»; «Перед Николюй иней — овсы хороши будут»; «Иней на Николу — к урожаю»; «Что, Михайла Архангел закует, то Никола раскует (т.е. после этого времени обычно бывают оттепели)»; «Варвара заварит, Савва засалит (сало — тонкие льдинки, плавающие на поверхности рек при их замерзании; так же называется первый снег, выпавший на воду и замерзающий), а Никола закует»; «Варвара (4 декабря) мосты мостит, Савва гвозди вострит, а Никола прибывает», и т.п.

Месяцеслов

- 20 декабря (7 декабря ст.ст.). Амвросий; день памяти святителя Амвросия, епископа Медиоланского.
Днем св. Амвросия кончались праздники уходящего года, поэтому в народе говорили: «Амвросии праздники отброси».
- 22 декабря (9 декабря ст.ст.)* Анна и Стефан; день зачатия ев. Анны, матери Пресвятой Богородицы, а также день памяти преподобного Стефана Новосиятеля.
В народно-русском быту день зачатия святой Липы праздновался преимущественно беременными женщинами. Основанием для такого обычая послужило, по-видимому, предание о матери Пресвятой Богородицы Анне: по этому преданию, святая Анна вышла замуж за святого Иоакима, но у них долго не было детей, и лишь по прошествии 20 лет, по горячим молитвам супругов, ангел возвестил им о зачатии дочери, которое свершилось в Иерусалиме, где и родилась Пресвятая Дева, нареченная Марией. Беременным женщинам в день зачатия св. Анны запрещалось в течение суток приниматься за какую-либо серьезную работу и полагалось поститься.
Вероятно, по созвучию день ев. Анны в народе связывался с концом осени и началом зимы: говорили, что «с праздника зачатия св. Анны зима начинается». По народным наблюдениям, около этого дня волки собираются в стан и становятся особенно опасными; разбегаются же они только после выстрелов на Крещение.
- 23 декабря (10 декабря ст.ст.). Мина; день памяти святого великомученика Мины.
По древнерусскому верованию, святой великомученик Мина обладал даром чудотворений. Так, например, в Четких минеях о св. Мине говорится, что «единою грядущу ему посреде града и народу последующу, прилучися на пути узрети множество калек, хромых и слепых, немых же и глухих и бесных. Святый, помоляся же Богу, да явит силу свою руками его уверения ради неверного народа, призва имя Христово и возложи руки своя на болящий, творя на коемждо их знамение креста и абие всем исцеление даровася, слепни прозреша, немии проглаголаша, хромии скочиша» и пр. В русской же традиции святому Мине молились преимущественно об исцелении «очных болезни»; при этом в сказании о святых ему назначалась особая молитва на эти случаи.
- 25 декабря (12 декабря ст.ст.). Спиридон-Солнцеворот, Поворот; день памяти святителя Спиридона Тримифунтского.
Спиридон в народе именовался Солнцеворотом, Поворотом, Солнцеворотом, так как в день его памяти «солнце поворачивается на лето, а зима на мороз», день начинает прибывать, а ночь умягаться, земля идет по зимнему пути к весне. В некоторых местах среди простых крестьян считалось даже, что это сам святой Спиридон поворачивает солнце «на лето» и следит, чтобы оно не отворачивалось, не скрывалось от людей.
На Спиридона ходили встречать солнце на заснеженные угорья.
После Спиридона хоть на воробыный скок, да придет денек.
Если па Спиридона светло, лучисто — новогодье простоят морозным, ясным; если хмуро и на деревьях повиснет иней — теплым и пасмурным.
В самый короткий день — спиридоньевские морозы.
С какой стороны на Спиридона-солнцеворота дует ветер, с той стороны будет дуть и до весеннего равноденствия (т.е. до Сороков, дня Сорока мучеников, 22 марта).
На Спиридона-солнцеворота медведь в берлоге поворачивается на другой бок (или ворочается с боку на бок), и коровка на солнышке бочок нагреет.
Если па Спиридона цена на хлеб упадет, то хлеб будет дешев.
На Спиридона кур закармливали гречихой из правого рукава, чтобы они раньше неслись.
Садовники в день Спиридона-Солнцеворота встряхивали яблони и приговаривали: «Спиридоньев день, подымайся вверх»
Начиная со Спиридоньева дня, дети с утра до вечера пропадали на горках — катались на салазках, ледышках, старых корытах и обледенелых рогожах; лепили снежных баб.
Взрослым запрещалось на Спиридона работать, они могли лишь выяснять, каков будет урожай в следующем году. С этой целью нарезали вишневых веточек, ставили их в горшок на покути (в переднем углу) и каждый день поливали, полагая, что если они зацветут па Рождество, то будет урожай на садовые плоды.
- 26 декабря (13 декабря ст.ст.). Евстрат и Евгений; день памяти мучеников Евгения и Евстратия, военачальника и градоправителя Саталиона.
С этого дня наблюдали за погодой в течение 12 суток, полагая, что каждый день покажет погоду одного месяца следующего года: 26 декабря соответствует январю, 27 декабря — февралю, 28 декабря — марту и т.д. до Рождества, которое укажет па погоду в декабре нового года.
- 29 декабря (16 декабря ст.ст.). Аггей; день памяти святого пророка Аггея, десятого из 12-ти малых пророков Ветхого завета.
Аггей иней сеет.
Если на Аггея сильный мороз, то он простоят до Крещения.
Если в этот день на деревьях иней, то святки будут теплые.
- 30 декабря (17 декабря ст.ст.). Ананий, Азарий и Мисаил; день трех отроков.
Согласно легенде, когда за 600 лет до Рождества Христова Иерусалим был завоеван вавилонским царем, среди пленников оказались трое знатных юношей -- Анания, Азария и Мисаил, хранившие заповеди старой веры и отказавшиеся воздать божеские почести огромной золотой статуе, изображавшей царя. За это царь велел свергнуть трех отроков в пылающую печь, но они остались невредимыми благодаря своей вере в Господа, а царь, увидев это, отпустил их «и обратился к Богу истинному». В течение нескольких веков эта история разыгрывалась принародно в Москве за неделю до Рождества, собирая огромные толпы людей.

Месяцеслов

31 декабря (18 декабря ст.ст.). Модест; день памяти святителя Модеста, архиепископа Иерусалимского.

У русских поселян святитель Модест считался покровителем и хранителем скота; в день его памяти ему молились о сохранении коров и другого скота от падежа. Основанием для подобного поверья послужило, очевидно, сказание об этом святителе, согласно которому «мужу некоему Иерусалимскому помираху скоты, источнику змиевым ядом наблваны наветом диавольским, на того же нашедшу святому, скоты воскреси и змия умертви».

День святого Модеста на Руси некогда отмечался мужскими братчинами (складчиной) с пивом и мясом посвященного святому животного.

Январь.

Холодные январы подряд почти не повторяются; если январь в прошлом году был теплым, то январь этого года будет холодным.

Сух январь — крестьянин богат.

Серый январь — хлебам беда.

Если январь холодный, июль будет сухой и жаркий: не жди грибов до осени.

Колн в январе март, бойся в марте января.

Если в январе частые снегопады и метели, то в июле частые дожди.

В январе висит много частых и длинных сосулк — урожай будет хороший.

Если в январе эхо далеко уходит — морозы крепчают.

Скоро рассвет занимается — непременно будет снег.

Солнцев кругу — к снегу, в рукавицах — к стуже.

Столбы (солнце с ушами, насолица) — к лютым морозам.

Лес трещит — мороз будет стоять долго.

Луна светит ночью ярко, пли небо без луны усыпано яркими звездами — завтра будет ясный морозный день.

Пушистые иней — к ведру. Дым столбом — к морозу.

Дрова горят с треском — к морозу.

Сильная тяга в печи — на мороз, слабая — на сырую погоду, красный огонь — к морозу, белый — к оттепели.

Ветер гудит в трубе — к морозу.

Кошка лезет на печь, сворачивается клубком, морду хоронит — к морозу или ненастью; скребет пол — на ветер, метель; крепко спит, ложится брюхом вверх — к теплу.

Собака катается — к снегу (летом — к дождю); валяется по снегу — к вьюге.

Курица летает по избе — к морозу.

Если петух поет ночью не вовремя, при сильных морозах, то стужа умерится.

Гусь стоит на одной ноге — к морозу; гуси хлопают крыльями — к морозу, полощутся — к теплу.

Вороны каркают стайей — к морозу.

Вороны и галки вьются в воздухе — перед снегом; садятся на снег — к оттепели; садятся на верхушки деревьев — к морозу, а если на нижние ветки — к ведру.

Снегирь под окном чирикает — к оттепели.

Воробы дружно собирают пух и перья около курятников, утепляют свои укрытия — через несколько дней наступят сильные морозы.

Рано в январе начинает стучать дятел — к ранней весне.

Лошадь зимой ложится — к теплу, хрипит — ко вьюге.

Зайцы держатся около жилья — к морозам.

В правом ухе звенит — к теплу, в левом — к холоду.

Гром зимой — к сильным ветрам.

1 января (19 декабря ст.ст.). Новый год.

На Новый год небо звездное — к урожаю.

В Новый год тепло — будет хорошая рожь.

По народному убеждению, «каков Новый год, таков и весь год». По этой причине в Новый год старались избегать любых неприятностей, ссор и т.п., т.к. считалось, что если на Новый год с человеком что-нибудь случится, то будет случаться с ним целый год; не платили долгов, чтобы не расплачиваться потом целый год, и не делали тяжелую и грязную работу, чтобы весь год не прошел в сплошном тяжелом труде без отдыха; новогодний стол по возможности собирали богатым, чтобы и в остальные дни года на столе был достаток, изобилие кушаний и т.п. В первый день Нового года старались одеться как можно наряднее, во все новое и чистое; девушки при этом не только надевали свои лучшие наряды, но еще и несколько раз переодевались, чтобы у них в году было больше красивых обнов. Первому покупателю в Новый год принято было отдавать товар за дешевую цену, «ибо дорог почин»

Во многих местах в Новый год принято было соблюдать такой обычай: соседи, родственники и дети в первый день Нового года ходили по домам под видом «сеятелей», бросали горсть земли в красный угол и поздравляли хозяев, желали им здоровья и урожая, а хозяева в благодарность угощали «засевальщиков».

4 января (22 декабря ст.ст.). Анастасия-Узорешительница; день памяти святой Анастасии.

Анастасия считалась покровительницей беременных, ей молились при родах.

Месяцеслов

7 января (25 декабря ст.ст.). Рождество Христово; праздник Рождества Иисуса Христа, Спасителя мира.

Этот праздник у христиан считался величайшим, всемирным и самым радостным; он служил началом и основанием для прочих праздников. Предпразднество Рождества Христова продолжалось пять дней — со 2 по 6 января; поспразднество Рождества продолжалось шесть дней и завершалось праздником Обрезания Господня. Рождеству предшествовал Рождественский пост, называемый также Филипповым постом (так как начинался на другой день после празднования памяти св. ап. Филиппа); этот пост был первым из четырех годичных постов, установленных церковью для подготовки встречи великих праздников (в народе про эти посты говорили; «Пост холодный (Рождественский), пост голодный (Петровский), пост великий да пост лакомка (Успенский)»). Продолжался Рождественский пост сорок дней (до навечерия Рождества Христова — 6 января) и поэтому иногда носил название Малой Четырдесятницы.

С Рождества некогда начинались двухнедельные новогодние празднества — святки (продолжавшиеся с 25 декабря по 5 января ст.ст.); первая их неделя называлась святыми, а вторая — страшными вечерами. Вечер и ночь накануне дня Рождества Христова назывались сочельником или кутейником (т.к. в это время полагалось готовить кутью).

Ужину в Рождественский сочельник в народе придавалось большое значение. Избу тщательно убирали, стол застилали чистой скатертью; ужинали обычно в торжественном и строгом молчании. При этом крестьяне нередко заставляли своих детей во время ужина лазить под стол и «цыпать» там цыплятами, чтобы хорошо водились куры, а также вытягивали из-под стола соломинки, полагая, что «какова длинна в Кутью былинка из-под скатерти, таков и лен будет».

Первый блин в сочельник отдавали овцам. Скот в эту ночь обильно кормили.

Под Рождество на дворах жгли костры, полагая, что в это время усопшие родители прилетают обогреться; верили также, что от этого огня пшеница народится ярая.

Коли в кутью небо звездисто — будет богатый приплод скота и много ягод.

Какова богата под Рождество онока на деревьях, таков и цвет будет на хлебе.

Коли в кутью тропинки черны — урожай на гречу.

Если перед Рождественским сочельником случится иней, то хлеб нужно сеять только до Петрова дня, а если иней случится после сочельника, то можно сеять и после Петрова дня.

Перед Рождеством все деревья в садах обвязывали соломенным «перевяслом», чтобы они хорошо родили.

Ясные дни в Рождественский пост — к хорошему урожаю.

Снег в Рождество — к урожайному году.

В Рождество день теплый — хлеб будет темный, густой.

На Рождество путь хорош — к урожаю гречи.

На Рождество метель — пчелы будут хорошо роиться.

Если Рождество на новом месяце, то год будет неурожайным.

На Рождество иней — урожай на хлеб; небо звездисто — урожай на горох.

На Рождество опутывали ноги столу, чтобы скот не терялся и не убежал от дома.

Кур на Рождество не кормили, чтобы они огородов не копали.

Для большого приплода ягнят первого гостя, в день Рождества Христова пришедшего «славить», хозяева сажали на шубу

В день Рождества хозяину не годится со двора идти — овцы заблудятся (или, по некоторым поверьям, скот во время летнего выпаса будет блуждать и теряться).

На Рождество надевали обязательно новую рубаху: считалось, что неную, пусть даже чистую, рубаху надевать нельзя — будет неурожай.

Нехорошо, если на Рождество из чужих первой войдет в избу женщина — в доме весь год будут болеть бабы.

В разговенье, в первый день Рождества, за завтраком запрещалось пить воду, т.к. считалось, что из-за этого человек будет часто пить на сенокосе.

Какова погода после Рождества, такова будет после Петрова дня.

От Рождества до Крещения охотиться на зверей и птиц — грех; с охотником несчастье случится.

О святках гнущей работы не работали (т.е. не делали обручей, полозьев и т.п.), считая, что иначе не будет приплода скота.

Темные святки — молочные коровы; светлые святки — ноские куры.

В период с Рождества до масленицы заключалось наибольшее количество зимних договоров, пых.

На Рождество — рождественские морозы. Вообще, в народе различали следующие морозы: введенские, Никольские, рождественские, крещенские (водосвятские), афанасьевские, сретенские, власьевские и благовещенские.

Солнце играет пять раз в году: на Рождество, Богоявление, Благовещение, Светлое Воскресение и Иоанново рождение.

8 января (26 декабря ст.ст.). Бабы каши; праздник повивальных бабок и роженниц.

В этот день чествовали повивальных бабок: вечером крестьяне, имеющие детей, приходили к ним со своими женами, принесли с собой водку, пироги и прочую снедь, угощали повитух и угощались с ними сами.

В этот же день принято было обращаться с молитвой к святому царю Израиля и пророку Давиду, победившему в единоборстве великана Голиафа и основавшему Иерусалим, прося его защиты в дороге от лютых зверей, разбойников и всяческой напасти.

9 января (27 декабря ст.ст.). Стефанов день; день памяти святого апостола Стефана, первомученика и архидиакона, старшего из семи диаконов, поставленных самими апостолами.

В Стефанов день лошадей поили через серебро.

Этот день считался одним из основных годовых сроков для найма батраков.

На севере России в это время обычно происходили выборы пастуха: с избранным пастухом договаривались об оплате, обычно закреплялось общей трапезой с хмельными напитками за счет пастуха (еду приносили наниматели).

Месяцеслов

- 11 января (29 декабря ст.ст.). День памяти 14-ти тысяч младенцев, убитых царем Иродом в Вифлееме.
В сумерки этого дня семья (кроме молодежи, проводившей время на посиделках) забиралась на печь и на полаты отдыхать; детям в это время рассказывали сказки и загадывали загадки.
- 12 января (30 декабря ст.ст.). Анисья-Желудочница; день памяти святой мученицы Анисии.
В этот день варили свиные желудки и резали гусей.
По внутренностям животных (печени и селезенке) гадали о зиме.
- 13 января (31 декабря ст.ст.). Маланья; день памяти преподобной Мелании Римляныши.
День святой Мелании (Маланьи) в народе именовался Васильевой колядой или «щедрым вечером», так как раньше он приходился па 31 декабря и был кануном Нового года. Поэтому с Маланьей издавна было связано понятие изобилия, больших приготовлений.
На Маланью день прибывает на куриный шаг.
Если на Маланью в ночь ветер дует с юга — год будет жаркий и благополучный; с запада — будет изобилие молока и рыбы; востока — хорошо уродаются фрукты.
- 14 января (1 января ст.ст.). Обрезание Господне; Васильев день, Василий Великий.
По преданию, на восьмой день после своего рождения Иисус Христос по ветхозаветному закону принял обрезание, установленное для всех младенцев мужского пола; при свершении этого обряда ему было дано имя Иисус, возведенное архангелом Гавриилом еще в день Благовещения Пресвятой Деве Марии. В честь этого события и был установлен праздник Обрезания Господня. Васильевым же этот день был назван в память о святителе Василии Великом, архиепископе Кесарийском.
Некогда этот праздник приходился па первое число января, т.е. на Новый год; вечер па 1 января в народе назывался Васильевым вечерком.
На Васильев вечер день прибывает на курячий шаг.
На Васильев день туман — к урожаю.
Васильева ночь звездиста — лето ягодное.
Вьюга в Васильев день — к большому урожаю орехов.
В полночь на Василия Великого садоводы встряхивали яблони, полагая, что это обеспечит хороший урожай плодовых деревьев.
Василий в народе считался покровителем свиней, свинятником; 1 января ст.ст. в его честь принято было подавать на стол свинину: «На Василия Великого свиную голову на стол». В Костромской губернии на Васильев день варили свиные ноги, а дети под окошком каждого дома собирали пироги с припевом: «Свинку да боровка для Васильева вечерка». Об этом обычае в Рязани говорили еще: «Кишку да ножку в верхнее окошко».
По южнославянским поверьям, если на Васильев вечер месяц исчезнет с неба, это значит, что его «скрали ведьмы».
- 15 января (2 января ст.ст.). Сильвестр, Сильвестров день; день памяти святого папы Римского Сильвестра.
На Сильвестра — куриный праздник: чистят курятники, ладят насесты, окуривают стены.
В Сильвестров день заговаривают лихоманку.
- 16 января (3 января ст.ст.). Малахия; день памяти святого пророка Малахии (букв, ангела, вестника), последнего из ветхо-заветных пророков.
В этот день лечили припадочных, изгоняли из них нечистую силу. При этом считалось, что, изгоняемая из человека, она с особой силой нападает па скотину, и для того, чтобы этого не случилось, скот оберегали с помощью заговоров.
По некоторым поверьям, на Малахию голодные ведьмы доят коров и могут задоить их до смерти, поэтому коров в этот день следует особенно оберегать.
- 18 января (5 января ст.ст.). Крещенский вечерок, Голодная кутья; второй сочельник. День этот знаменует канун Богоявления, канун великого церковного праздника — Крещения Господня.
Канун Богоявления — постный день. Из риса, меда и изюма в этот день готовили кутью.
Если на Голодную кутью метель — пчелы будут хорошо роиться.
На Голодную кутью снег — уродится гречка.
Если в Крещенскую ночь звезды очень блестят, хлеб уродится хороший.
Яркие крещенский звезды породят белых ярков.
Богоявление под полный месяц — к большому разливу.
Если в этот день метель — метель будет и на масленице; если сильные южные ветры — лето будет грозное.
В Крещенский сочельник ясный день — жди хорошего урожая гороха.
Накануне Крещения хозяин или хозяйка мелом рисовали кресты па стенах, дверях и притолоках всех строений — обереги от нечистой силы, болезней и т.д.
В канун Крещения воду освящали внутри храмов, а в самый день Крещения — на ближайшей реке или озере.
Существовало обыкновение ходить в полночь па Крещение за водой на реку. По поверью, если в полночь вода в реке или в чаше сама колыхнется, то в ней можно увидеть Господне Крещение; считалось также, что в эту пору вода в реках и источниках обращается в вино.
Канун Богоявления — один из главных дней святочных гаданий.

Месяцеслов

По народному убеждению, в Богоявленскую ночь, перед самой утреней, небо открывается, и о чем в это время помолиться открытому небу, то непременно сбудется.

19 января (6 января ст.ст.). Крещение, Богоявление, Водокрещи, Иордань.

Праздник этот был установлен в память о крещении Иисуса Христа. Согласно легенде, при Крещении Господа явилась миру Пресвятая Троица: Бог возгласил с небес о Сыне, Сын крестился в священной для иудеев реке Иордан от Святого Предтечи Господня Иоанна, и Дух Святой сошел на Сына в виде голубя.

Главное событие Крещения — водосвятие. В этот день в одном из водоемов на издавна установленном месте делалась прорубь — иордань; устраивался крестный ход, молебен и освящение вод. Освященная в этот день вода почиталась святой и необыкновенно целебной; считалось, что она совсем не портится с течением времени и может весь год, а иногда даже два или три года оставаться чистой и свежей, словно только что зачерпнутой из источника. Поэтому сразу же после водосвятия все собравшиеся черпали эту воду и уносили ее домой, где хранили долгое время и использовали при различных болезнях и как оберег от нечистой силы.

Если во время литургии, особенно во время хождения на воду, идет снег, то будущий год будет хлебродным, а от пчел получится много роев.

Коли на воду пойдут да будет туман — хлеба будет много.

Если прорубь в иордани полна воды, разлив будет большой.

После водосвятия втыкали в прорубь палку, чтобы плодились голуби и пчелы.

В День Крещения Господня, после молебна на реке, в проруби-иордани купались раздетыми, чтобы омыться освященной водой и очиститься от грехов, излечиться от болезней и т.д.; делали это, в первую очередь, те, кто рядился на святках.

В некоторых губерниях на Крещение устраивались смотрины. Наряженные девушки выходили к Иордани или собирались на берегу, а парни выглядывали себе невест.

Вообще, время с Богоявления и до самой масленицы во многих местах считалось подходящим временем для свадеб. Так, в Костромской губ. эти недели называли свадебными, так как в это время игралось много свадеб; да и сам месяц февраль во многих летописях именовался свадьбами.

Наступают крещенские морозы.

В день Богоявления нередко умывались не только водой, но и снегом; считалось, что крещенский снег хорош для умывания, поэтому воду из него старались сохранить надолго.

На Богоявление снег хлопьями — к урожаю, ясный день — к неурожаю.

В Крещенье метель — на Святой (на Пасху) метель.

На Крещенье поднимаются сильные вихри — к хорошему роению пчел.

На Богоявление день теплый — хлеб будет густой.

Звездистая ночь па Богоявление — урожай на горох и ягоды.

Пасмурное небо, идущий снег и большой иней в этот день предвещают плодородный год.

В Крещенье на полдень синие облака — к урожаю.

В Крещенье собаки много лают — будет много зверя и дичи.

20 января. Начало зимнего мясоеда.

В этот день предзимье о весне весть подаст.

С начала зимнего мясоеда до масленицы засылали сватов и играли свадьбы.

21 января (8 января ст.ст.). Емельяны-Перезимники, Накрути Буран; день памяти преподобного Емилиана Исповедника.

Коли на Омельяна ветер с юга — лето будет грозное.

От Емельяна-перезимника возникла поговорка: «Мели, Емеля, твоя неделя». С этой поговоркой был связан обычай в долгие зимние вечера рассказывать сказки и различные истории; «твоя неделя» — значит, неделя, на которую приходится Емельянов день.

В степных местах принято было в Емельянов день угощать кума с кумой, ибо считалось, что это приносит здоровье детям. Кума и кум, приходя в дом, приносили в подарок кусок мыла и полотенце и, вручая их, говорили: «Вот тебе, кума, мыльцо да белое белильцо для крестника». Использовать такие подарки нужно было при первом же купании ребенка.

23 января (10 января ст.ст.). Григорий-Летоуказатель; день памяти святителя Григория, епископа Нисского.

На Григория по инею примечают, какое будет лето — засушливое или дождливое.

Деревья в инее — небо будет синее.

Если на сенных стогах и хлебных скирдах есть иней — лето будет серое и мокрое.

24 января (11 января ст.ст.). Федосей-Весняк; день памяти преподобного Феодосия Великого, основоположника общежительных монастырей.

Федосеево тепло — на раннюю весну пошло.

Федосеевские морозы: если морозно — яровой посеешь поздно.

Бойся январской весны: хилая зима живуча.

25 января (12 января ст.ст.). Татьяна Крещенская; день памяти святой мученицы Татианы.

На Татьяну проглянет солнышко — к раннему прилету птиц: раннее солнце — ранние птицы.

Снег на Татьяну — лето дождливое.

Татьянин день считается праздником студентов.

Месяцеслов

- 28 января (15 января ст.ст.). Павел Фивейский; день памяти преподобного Павла Фивейского, отца православного монашества.
Звездная ночь — к урожаю льна.
Если ветер — год будет сырой.
- 29 января (16 января ст.ст.). Петр-Полукорма; день поклонения честным веригам.
Согласно легенде, когда апостол Петр по велению Ирода был заключен в темницу за проповедь о Христе, его сковали двумя железными цепями (веригами); но ночью накануне суда Ангел Господень снял с апостола эти цепи и чудесным образом вывел его из темницы. Христиане, услышав о чуде, взяли эти цепи и хранили их как драгоценность. 16 (29) января вериги апостола Петра, хранящиеся в Римском храме, традиционно выносятся на поклонение народу.
Петра-Полукорма, вышла половина корма.
Если корма осталось меньше половины, надо сократить норму пользования им, чтобы хватило до будущего урожая.
На Петра-Полукорма костромские крестьяне осматривали свои сеновни, замечая, сколько стравлено скотине корму и сколько его останется до весны.
В Псковской губернии, обильной льном, говорили: «Метла да костра (т.е. метлица и кострика) — будет хлеб до Петра, а си-нец и звонец — хлебу конец».
- 30 января (17 января ст.ст.). Антон-Перезимник; день памяти преподобного Антония Великого, основателя пустынно-жителства и отца монашества.
Перезимник обнадежит, обтеплит, а потом обманет — все морозом стянет.
- 31 января (18 января ст.ст.). Афанасий-Ломонос, Береги нос, Афанасий и Кирилл; день памяти святителей Афанасия и Кирилла, архиепископов Александрийских.
Праздник этот был установлен в знак глубокой благодарности святителям за их многолетние неустанные труды на ниве Православной веры (впрочем, 31 января посвящалось преимущественно Афанасию, а Кириллу праздновали 22 июля).
Пришел Афанасий-ломонос — береги щеки и нос.
Афанасий и Кирилла забирают за рыло.
В полдень солнце — весна ранняя.
Чистый закат солнца в морозную погоду говорит о том, что морозы будут и дальше.
На Афанасия знахари выгоняют ведьм и нечистую силу.
Продолжается свадебная нора. При этом в народе считалось, что те, к кому к этому времени не приехали сваты или кто не вы-брал себе невесту, до масленицы свадьбу не сыграют.

Февраль.

- После дождливого февраля можно ожидать мокрые весну и лето.
Если февраль погодливый — ожидай засуху.
Февраль холодный и сухой — август жаркий.
Как в феврале аукнется, так осенью откликнется.
В феврале много инея на деревьях — будет много меда.
Дует ветер, а инея нет — быть бурану.
Снег прилипает к деревьям — тепло будет.
Копыта у лошадей потеют — к теплу.
Луна ночью будто покраснела — жди завтра ветра, тепла и снега.
Если кошка встает на задние лапы и начинает скрести когтями стены — будет вьюга.
Февраль — бокогрей: чувствуется приближение весны, солнце идет на лето, а зима на мороз.
Человек, родившийся в феврале, в народе нередко слыл беспокойным, так как считалось, что в этом месяце «метель у земли дороги перенимает, уводит у человека путь из-под ног».
В дорогу выходить в феврале нельзя — с пути свернет.
Февраль — месяц свадеб.
- 1 февраля (19 января ст.ст.). Макарьев день; день памяти преподобного Макария Великого Египетского.
Какова погода первого числа, таков и весь февраль.
Ясный, солнечный Макарьев день — ранняя весна.
Коли капель — в весну раннюю верь.
Если на Макаря метель, то и на всю масленицу.
Чай из трав утром на Макаря считался в некоторых местах особо целительным.
- 2 февраля (20 января ст.ст.). Ефимий; день памяти святого Ефимия Великого.
На Макаря да на Ефимия метель — вся масленица метель.
На Ефимия в полдень солнце — ранняя весна.
Второй день февраля весну показывает: солнечно — к красной весне, пасмурно — жди поздних метелей.

Месяцеслов

- 4 февраля (22 января ст.ст.). Тимофей-Полузимник; день памяти святого апостола Тимофея, ревностного ученика и друга апостола Павла.
Сильные морозы, бывающие в этот день, называли тимофеевскими.
Тимофеевские морозы — поэмы: тимофеевский мороз ползимы с собой унес.
Не диво, что Афанасий-ломонос морозит нос, подожди тимофеевских морозов.
Если в мороз вспотели оконницы и рамы — жди потепления.
Вверх поднимаются по стеклу «снежные растения» — морозу продолжаться, наклонились их побеги — к оттепели.
Если в этот день в полдень видно солнце, то весна будет ранняя.
Чем больше выпадет снега, тем выше урожая зерновых.
- 6 февраля (24 января ст.ст.). Аксинья (Оксинья, Ксения) — Полузимница, Полухлебница; день памяти преподобной Ксении (в миру Евсевии).
Озимое зерно пролежало в земле половину срока до восхода.
С этого дня половина срока осталась до нового хлеба.
Полагали, что со дня преподобной Ксении до новых хлебов нужно столько же хлеба, сколько уже съедено; поэтому Ксению в народе называли полухлебницей.
Полузимница пополам, да не ровно делит зиму: к весне мужику тяжелее.
Считалось, что если на Аксинью-полухлебницу хлеб на рынке подешевеет, будет урожай и новый хлеб будет дешевле. Если на полухлебницу цена хлебу низкая, то до нового хлеба не подымется, и наоборот.
Если день преподобной Ксении случится прекрасным, то и вся весна будет красна.
Покойники по земле тоскуют; им нужно заступать путь, сыпать золу на загнетку.
- 7 февраля (25 января ст.ст.). Григорий Богослов; день памяти святителя Григория Богослова, архиепископа Константино-польского, Вселенского отца и учителя церкви.
В течение этого дня наблюдали за состоянием погоды: считалось, что каков день с утра до полудня, такова будет и первая половина следующей зимы, а каков с полудня до вечера — такова другая половина зимы.
- 10 февраля (28 января ст.ст.). Ефрем Сирин; день памяти преподобного Ефрема Сирина, учителя покаяния.
На Ефрема ветер понесся — к сырому году.
В Ефремов день ломовой «глумится» во дворах, и особенно досаждают тем, кто плохо вел хозяйство, не заботился о чистоте и порядке, лепился: таких хозяев он пугает и старается проучить. Для того, чтобы задобрить его, справляли именины домового: варили пшению кашу на молоке с медом и ставили ее на загнетке печи.
Вечером на Ефрема Сирина, кроме рассказов про домового, принято было забавляться и разными прибаутками, слушать которые особенно любили дети.
- 14 февраля (1 февраля ст.ст.). Трифон-Звездистый; день памяти святого мученика Трифона.
На Трифона звездно — весна поздняя.
В этот день сельские девицы молились о женихах.
На Трифона заговаривали мышей, чтобы не портили скирды с хлебом.
В некоторых местах верили, что па Трифона па звезды глядеть нельзя — «обожжет мышиним огнем»: звезды в эту ночь, что свет гнилушек, они не греют, а знобят.
- 15 февраля (2 февраля ст.ст.). Сретенье, Сустретьев день; праздник Сретения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.
Сретенье — это встреча последних праведников Ветхого завета Симсона и Анны с Иисусом Христом, Носителем Нового завета, в лице которого встретились Божество и человечество. Согласно легенде, в этот день, 40-й по рождению, Иисус был принесен в Иерусалимский храм; в этот же храм, по внушению свыше, явился и праведный старец Симеон, а также Анна Пророчица. Взяв Богомладенца на руки, они славили его и говорили о нем «всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме». Праздник Сретения Господня относится к древнейшим праздникам христианской церкви.
На Сретенье зима с летом встретились.
Солнце на лето, зима на мороз.
Покров не лето, а Сретенье не зима.
На Сретеньев день от воровья стена мокра (т.с. начинает притаивать снег па стене).
Со Сретенья нередко начинается весенняя теплота.
Сретенские морозы.
Какова погода па Сретенье, такова и весна будет.
На Сретенье снежок — весной дождок.
Снег метет через дорогу — будет поздняя весна, а коли не метет, то ранняя.
Если в Сустретьев день по дороге несет снег, значит, в квашни поведет — уродится хлеб.
На Сретенье утром снег — к урожаю ранних хлебов, в полдень — средних, к вечеру — поздних.
Если па Сретенье петух напьется воды — наберется пахарь беды (зима будет долго длиться, поэтому хозяева берегут хлеб и пшено).
Если на Сретенье метель дорогу переметаает, зима будет протяжная.
Снег через дорогу передувает — сей просо; если же оттепель и капель, то сей пшеницу.
По погоде в Сретенье судили также об урожае трав, для чего бросали поперек дороги палку и наблюдали: если снег заметет ее, то и корм для скота «подметет», т.е. травы будут дороги.

Месяцеслов

Если в Сустретьев день тихо и красно, то летом будут хорошие льны.

В Сретенье капель предвещает хорониии урожай пшеницы, а ветер — плодородие фруктовых деревьев.

В этот день садовники, пришедши от заутрени, трясли деревья руками, чтоб были с плодами.

В Сустретьев день начинали закармливать племенных птиц и кормить кур овсом, утверждая: «Корми кур овсом — весной и летом будешь с яйцом».

16 февраля (3 февраля ст.ст.). Симеон и Анна — расчиная починки; Власий.

Первое наименование этого дня было связано с именами Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы — последних праведников Ветхого завета, встретивших в день Сретения во храме Богомладенца Иисуса. Второе же название этому дню было дано по святому Власию Кесарийскому (Вуколу), бывшему пастухом (пастух по-гречески — вукол).

Семен с Липой сбрую починяют.

В починки дед встает чуть свет — чинит сбрую летнюю да борону столетнюю.

На Власия большие лужи.

По 24 февраля бывает семь крутых утреников: три до Власия, четыре после Власия.

Считалось, что на Власия домовой заезжает лошадой. Чтобы защититься от него, к лошади привязывали кнут, рукавицы и онучи (портянки, подвертки на ногу), вероятно, как умилостивительный дар «домовому хозяину».

17 февраля (4 февраля ст.ст.). Николай Студеный; день памяти преподобного Николая Исповедника, игумена Студийского.

Студеный день — шубу снова надень.

Наступает время звериных свайсб.

18 февраля (5 февраля ст.ст.). Агафья-Коровница; день памяти святой мученицы Агафии.

Агафья-коровница — береги коров.

Агафья оберегает коров от болезней.

В некоторых местах верили, что в этот день по деревням ходит Коровья смерть — губительница домашнего скота; для защиты от нее совершали обряд опаживания села.

19 февраля (6 февраля ст.ст.). Вукола-Телятник; день памяти преподобного Вукола, епископа Смирнского, ученика ев. ап. и евангелиста Иоанна Богослова.

Св. Вукола — телятся жуколы (т.е. коровы, обходившиеся со сгона).

20 февраля (7 февраля ст.ст.). Лука; день памяти преподобного Луки Елладского.

В этот день пекут пирожки с луком.

На Луку полуденный ветер — к урожаю яровых.

21 февраля (8 февраля ст.ст.). Захарий-Серповидец; день памяти пророка Захарии, одного из 12-ти малых пророков.

По преданию, Захария с юношеских лет «был призван к пророческому служению» и стал «зрителем премирных видений» В его книге содержится подробное пророчество о приходе Богочеловека. Своим прозванием «Серповидец» этот святой был обязан одному из бывших ему откровений, в котором он видел летящий по воздуху свиток, изогнувшийся наподобие угрожающего серпа.

Раньше Захарию-серповидцу молились бабы-жницы.

22 февраля (9 февраля ст.ст.). Никифоры-Панкраты; день памяти священномучеников Никифора и Панкратья, епископа Тавроменийского, ученика св. ап. Петра.

На Никифора плетут лапти.

Не всяк Панкрат хлебом богат.

23 февраля (10 февраля ст.ст.). Прохор-Лебедник; день памяти преподобного Прохора Печерского, «великого подвижника по строгому воздержанию».

По преданию, святой Прохор вместо хлеба употреблял в пищу лебеду, за что и был прозван «лебедником». Когда на земле Русской наступил голод, Прохор, чтобы накормить нуждающихся, с помощью молитв превращал золу в соль и готовил хлеб из лебеды, причем хлеб этот вкусом был лучше пшеничного, но лишь тогда, когда его брали с благословения преподобного.

Пришел Прохор да Влас: «Никак, скоро весна у нас!»

24 февраля (11 февраля ст.ст.). Власий — Сшиби рог с зимы, Власий — Скотий бог; день памяти священномученика Власия, епископа Севастийского.

Пришел Власьев день, пришли и власьевские морозы.

Власьевские морозы последние!, завершающие зиму.

Власий сшибает рог с зимы.

У Власья и борода в масле (заступник скота).

Власий — «скотий бог». В его день старались вообще не работать, чтобы предохранить скот от падежа; ему молились о здоровье скота, особенно во время мора.

Во многих местах Власьев день отмечали как большой праздник: устраивалось многолюдное молебствие, во время которого освящались караван ржаного хлеба, который хозяйки затем скармливали скоту для здоровья.

Месяцеслов

Начинаются скотские торги — базары.

- 25 февраля (12 февраля ст.ст.). Мселетий и Алексий; день памяти святого Мелетия, архиепископа Антиохийского, и святителя Алексия (в миру Елевферия), митрополита Московского и всея Руси Чудотворца.

Начиная с этого дня, в течение трех дней выставляли на утренний мороз зерно, предназначенное для посева, полагая, что тронутые морозом семена дадут лучший урожай.

- 27 февраля (14 февраля ст.ст.). Кирилл; день памяти святого равноапостольного Кирилла (до принятия схимы — Константина), учителя славян.

По преданию, Кирилл и старший брат его Мефодий по откровению Божию составили славянскую азбуку и перевели на славянский язык Евангелие. Апостол, Псалтирь и др. богослужебные книги, а также ввели богослужение на славянском языке.

На Кирилла хорошая погода - к морозам.

- 28 февраля (15 февраля ст.ст.). Онисим-Овчар, Овчарник; день памяти святого Онисима, «апостола от 70-ти апостолов».

Большая прибавка воды в этот день предвещает хороший сенокос.

На Онисима овчары окликали звезды, чтобы овцы ягнились (чтобы овец было столько же, сколько звезд на небе).

- 29 февраля. Касьян; день памяти святого Иоанна Кассиана Римлянина.

В народном календаре Касьянов день занимал особое место. Сам Касьян у многих славян вовсе не признавался за святого и считался существом недобрым, даже злым, сближаемым с нечистым духом. День его, приходящийся только на високосные годы, издавна считался самым страшным днем в году, находящимся во власти злопамятного святого. В нейтральной России в этот день и накануне прекращали все работы; при этом «Глаз Касьяна» считался настолько опасным, что 29 февраля крестьяне предпочитали вовсе не выходить из избы, особенно до солнечного восхода.

Касьян на что ни взглянет — все вянет.

Касьян на скот взглянет — скот валит, на дерево глянет — дерево валит.

Високосный год тяжелый на людей и на скотину.

Святому Касьяну три четверга празднуют: на седмицкой, на масленой и на святой неделе; в эти дни святого старались умилостивить: ставили ему свечку, молились и т.д.

Весна.

Весна на лугу — сено в стогу.

Весною день упустишь — годом не вернешь.

Рано затает — долго не растает.

Ранняя весна — признак того, что летом будет много непогожих дней.

Когда весенняя вода пойдет, а лед держится, то это к плохому году.

Если весной снег тает быстро, а вода бежит дружно — к мокрому лету.

Весною как грязь, так и хлебушка даст.

Перелетная птица течет стаями — к дружной весне.

Птицы выют гнезда на солнечной стороне — к холодному лету.

Когда весной появляется много мышей — это предвещает голодный год.

Если встретишь весной белого зайца, то снег обязательно выпадет еще.

Весной запашку затянешь — ножки протянешь.

В Великий четверг полнолуние — весной большая вода.

Когда весенний лед по затонам и озерам не тронется, а потонет, то год будет для людей тяжелый.

Река вскрылась в постный день — коровы будут недоины.

Март.

Март — не весна, а предвесенье.

Иногда и март на нос садится (т.е. иногда и в этом месяце бывают морозы).

В марте мороз скрипуч, да не жгуч.

Пришел марток — надевай семеро порток.

В марте облака плывут быстро и высоко — к хорошей погоде.

Если в марте вода не течет, в апреле трава не растет.

Если в мартовские метели снег ложится на полях неровно, волнисто, буграми, то хорошо родятся огородные овощи и яровые хлеба.

Частые туманы в марте предвещают дождливое лето.

В марте курица из лужи водицы напьется.

Сухой март — плодородие, дождливый — неурожай.

Случившийся в марте гром — признак плодородия.

Вода из мартовского снега целебная: она от веснушек и загара.

Чайка пролетела — скоро лед пойдет.

Месяцеслов

Кукушка, часто и сильно кукующая весной, предвещает теплое время.

Много майских жуков — к урожаю проса.

С марта до пахоты начинался дроворуб — заготовка дров, на которую позже не будет времени (заготовленные осенью дрова не успеют высохнуть к зиме).

1 марта (16 февраля ст.ст.). Мариамна, Маремьяна Праведная, Маремьяна-Кикимора; день памяти праведной Мариамны, сестры одного из 12 апостолов (Филиппа).

Трудно сказать, как именно святая праведница в народном календаре превратилась в Маремьяну-Кикимору. Судя по всему, свою роль сыграло то, что некогда на это время приходились языческие празднества, посвященные победе весны над зимой, Ярилы над Мареной, Марой, божеством зимних холодов и т.п. («Ярило Марену на вилы вздел»). В более поздние времена образ Мары, по-видимому, трансформировался в образ кикиморы — злого духа. Кикимору люди представляли себе по-разному: и невидимой хозяйкой избы, и женой домового или лешего, имеющей вид уродливой старухи маленького роста или девки с длинными черными волосами, белым лицом и черными глазами, живущей не только в доме, но и в бане, на гумнах, в курятниках, в пустых строениях. Обычно считалось, что кикимора — дух недобрый, вредящий обитателям дома когда по мелочам, а когда и по крупному (так, например, на Русском Севере полагали, что если кикимора поселится в доме, то вскоре выживет хозяев); однако, по некоторым поверьям, она может и помогать хозяевам, предупреждать о надвигающейся беде (так, например, считалось, что перед пожаром или смертью кого-либо из домочадцев она выходит из подполья и плачет).

О погоде 1 марта говорили: вздел Ярило зиму на вилы.

После Крещения цыган шубу продает, а морозов жди на Афанасия-пучеглаза, на Федора-тирана (Тирона) и Маремьяну-Кикимору

2 марта (17 февраля ст.ст.). Федор Тирон; день памяти святого мученика Феодора Тирона.

Федору Тирону молились об отыскании украденных вещей.

5 марта (20 февраля ст.ст.). Лев Катанский; день памяти святого Льва, епископа Катанского.

Существует поверье, что на Льва Катанского нельзя глядеть на падающие звезды.

6 марта (21 февраля ст.ст.). Тимофей-Весновей; день памяти преподобного Тимофея-пустынника.

По Тимофею весна.

Если в этот день была солнечная погода, старики выходили на завалинку, грелись на солнышке, вели разговоры, вспоминали смешные истории.

9 марта (24 февраля ст.ст.). День первого (в IV в.) и второго (в 452 г.) обретения главы Иоанна Предтечи.

Согласно легенде, после усекновения главы пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, глава его была сокрыта в бесчестном месте; но благочестивая жена царского домоправителя тайно взяла святую главу и погребла ее на горе Елеонской. Через много лет благочестивый вельможа Иннокентий стал строить в этом месте церковь и нашел сосуд с главой Иоанна; так произошло первое обретение главы. Перед своей смертью Иннокентий, опасаясь поругания святыни неверными, вновь зарыл главу в том же самом месте. При царе Константине Великом двум инокам, пришедшим на поклонение святым местам, явился сам святой Предтеча и открыл местонахождение своей главы; после этого глава была хранима христианами, пока ее обладателем не стал священник, «зараженный арианской ересью» и совращавший христиан. Когда все открылось, он бежал и закопал святую главу в пещере; но позднее в этой пещере поселились благочестивые иноки, а затем на этом месте возник монастырь, и архимандриту обители явился Иоанн Креститель, указавший место сокрытия своей главы. Это обретение стало праздноваться как второе.

День этот крестьяне увязывали с поведением птиц.

На Обретение птица гнездо обретает.

Своевременный прилет весной перелетных птиц обещает хороший урожай хлеба.

Если птицы выют гнезда на солнечной стороне деревьев, домов — к холодному лету, и наоборот.

Если дергач крикнет прежде перепела, то лошади все лето будут худы; если же перепел крикнет раньше дергача, то лошади будут сыты.

Если дятел стучит в марте, то весна будет поздней.

Синица запела — тепло ворожит.

Свирочек-зяблик свирлит к ненастью, к холоду.

Если в этот день выпадет снег, то и святая неделя (Пахса) будет холодной, а если будет сухо, то дождя не жди и в Пасху.

Рога луны яркие и крутые — к морозу.

10 марта (25 февраля ст.ст.). Тарасий-Кумошник; день памяти святителя Тарасия, патриарха Константинопольского.

Тарасий-кумошник запрещает с этого дня спать днем, иначе нападёт кумоха (лихорадка).

12 марта (27 февраля ст.ст.). Прокоп-Дорогорушитель; день памяти преподобного Прокопия Декаполита Исповедника.

Прокоп дорогу рушит.

13 марта (28 февраля ст.ст.). Василий Теплый, Капельник, Дроворуб; день памяти преподобного Василия Исповедника.

Полагают, что в этот день всегда бывает оттепель.

С этого времени снег под солнцем подтаивает и начинается капель.

На Василия теплое солнце в кругах — к урожаю.

Длинные сосульки — долгий лен.

Месяцеслов

Если с крыши капает, охотнику надо собираться на охоту на зайцев.

Спиленные дрова на санях вывозят в сплавных местностях к берегу реки.

- 14 марта (1 марта ст.ст.). Евдокия-Весновка, Авдотья (Овдотья)-Плющиха, Свистунья, Подмочи порог, Замочи подол; день памяти святой преподобномученицы Евдокии.

По старому стилю Евдокия выпадала на 1 марта, т.е. открывала весну. Ранее в этот день праздновался Новый год (авсень малый); к этому дню была приурочена первая встреча весны. Очевидно, по этой причине Евдокия-весновка с давних времен считалась в народе большим праздником, отмечаемым торжественно и весело.

Какова Евдокия, таково и лето.

На Плющиху погоже — все лето пригоже.

Плющихой этот день называли оттого, что в это время солнце начинает нагревать поверхность снега, а утренний холод сжимает ее, отчего на снегу появляются «плюшки» — черты, разделяющие всю снеговую массу на части.

Авдотья-вссновка весну сряжает.

Авдотья красна, и весна красна.

Если на Евдокию ясно — год прекрасный; если пасмурно — год плохой.

Авдотья-Свистунья — начинают дуть и свистать весенние ветры.

Откуда ветер на Плющиху подует, оттоль и придет весна.

С какой стороны в этот день дует ветер, с той будут ветры весной и летом.

На Евдокию теплый ветер — мокрое лето; ветер с севера — лето холодное.

С Евдокей еще встоячь собаку снегом заносит.

С Евдокей ветры и вихри.

Новичок (народившийся месяц) под Евдокию с дождем — быть лету мокрому.

Ясная погода в этот день предвещает хороший урожай пшеницы, ржи и трав.

На Евдокию снег — к урожаю.

День Евдокии красный — на огурцы и грузди урожай.

Коли курочка на Евдокию напьется — то и овечка на Егорья наестся.

Если грач прилетел до Евдокии — быть лету мокрому, а снег рано сойдет.

С Евдокии начинаются первые оттепели.

Если на Евдокию холодно, скот кормить лишние две недели.

В этот день сажают капустную рассаду.

Пришли Евдокеи — мужику затеи: соху точить, борону чинить.

По обычаю днем Евдокии оканчивались сроки зимних наймов и начинались весенние: «С Евдокии до Егорья», «с Евдокии по Петров день» и т.п.

- 15 марта (2 марта ст.ст.). Федот; день памяти священномученика Феодота, епископа Кириинийского.

Ожидается последняя оттепель. К этому дню в народе применялась поговорка «Федот, да не тот», когда вместо оттепели случался мороз.

На Федота запое (метель) — все сено снесет (долго не будет травы).

На Федота — суметы (сугробы).

- 17 марта (4 марта ст.ст.). Герасим-Грачевник; день памяти преподобного Герасима из Ликин (умершего в 475 г.), а также

Герасима — первого Вологодского чудотворца (скончавшегося в 1178 г.).

Прилетает первая весенняя птица — грач; говорят: «Герасим-грачевник грачей пригнал».

Если грачи прямо на гнездо летят — весна будет дружная.

Если грачи сели в гнезда, то через три недели можно выходить на посев.

Для рожденных в этот день обереги — веточки, оброненные грачами.

На Герасима заговорами выживали из дома кикимору.

- 18 марта (5 марта ст.ст.). Конон-Огородник, Градарь; день памяти святого мученика Конона Исаврийского.

В старинных месяцесловах писалось: «Хотя бы в день Конона-Градаря была и зима, начинай пахать огород, и ты только почи в этот день, непременно огород будет добр, и овощу будет много». Выражение «пахать огород» здесь имеет значение символическое: достаточно сделать несколько лупок или копков лопатой.

Если на Конона ведро, то града летом не будет.

- 20 марта (7 марта ст.ст.). Василий-Капельник; день памяти священномученика Василия.

С Василия весна идет. С крыши капает, а за нос царапает.

- 22 марта (9 марта ст.ст.). Весеннее равноденствие; Сороки, Сорок Мучеников; день памяти святых 40 мучеников.

Земля оканчивает весь зимний путь.

На Сороки день с ночью меряются.

Сорок мучеников — сорок утренников: с этого дня и до Зосимы-пчельника (30 апреля) считается сорок утренних морозов.

Если с этого дня утренники продолжаются постоянно, лето будет теплое.

Если на сорок святых пал мороз, то будет урожай на просо.

Гречу следует сеять спустя сорок морозов после сорока мучеников.

Во что Сороки, в то и Петровки.

Месяцеслов

Прилетел кулик из заморья, принес весну из неволя (Курская губ.).

Во многих местах существовало поверье, что в этот день из теплых стран прилетают сорок разных птиц, и первая из них — жаворонок. Те, что прилетали раньше, в народе считались «непутящими».

На Сороки принято печь фигурки жаворонков. При этом в некоторых местах с их помощью выбирали семейного засеващика: мужчины вытаскивали жаворонков, и тот, кому попала птичка с запеченной в ней монетой, первым начинал весною посев.

25 марта (12 марта ст.ст.). Феофан; день памяти преподобного Феофана Исповедника.

На Феофана туман — урожай на лен и коноплю.

Если на Феофана лошадь заболит, то все лето будет болеть, поэтому для летней работы она не годится.

29 марта (16 марта ст.ст.). Саввин; день памяти святого мученика Саввина.

На Саввина сани покинь, телегу подвинь.

Если в этот день тепло, то и весна будет теплая.

30 марта (17 марта ст.ст.). Алексей — Человек Божий, Алексей — С гор вода (С гор потоки), Алексей Теплый, Пролей кув-шин; день памяти преподобного Алексия.

На Алексея с гор потоки, а рыба со стану (т.с. рыба трогается с зимовья и трется под берегами).

На Алексея разверзаются все подземные источники.

На Алексея выверни оглобли из саней (т.с. покинь сани, снаряжай телегу; сани на повесть).

Если в этот день с гор бежит вода, то ожидай благоприятной весны и хороших урожаев.

Какovy на Алексея ручьи (большие или малые), такова и пойма (разлив).

На Алексия теплого доставай ульи (южные области).

День Алексея — день гусиных боев, спускают гусаков.

После Алексея Теплого в южных областях начинают сеять овес и ячмень.

31 марта (18 марта ст.ст.). Кирилл — Дери полоз; день памяти святого Кирилла, архиепископа Иерусалимского.

Около этого времени дороги портятся, ездить на санях становится трудно.

Апрель.

В апреле земля прет.

Апрель водою, а октябрь нивом обилен.

Апрель с водою — май с травою.

Первый апрельский дождь воза золота стоит.

Синие облака в апреле — к теплу и дождю.

Если в апреле днем жарко, а ночью прохладно — к хорошей погоде.

В конце марта — начале апреля прилетают скворцы.

В апреле огородные сверчки «начинают являти свои скачки».

В апреле издавна заготавливали соковицу — сладкий березовый сок (поэтому в Древней Руси апрель и назывался «березозол»).

Из березы течет много сока — к дождливому лету.

Апрель синит да дует, бабам тепло сулит, а мужик глядит — что-то будет?

Когда весной овражки заиграют и опять замерзнут, то будет помеха на урожай.

По весу первого куриного яйца весной судят об урожае.

1 апреля (19 марта ст.ст.). Дарья — Грязная пролубница, Грязнопролубка, Грязные проруби, Засори проруби; день памяти святой Дарии.

Какова погода 1 апреля, такова будет и 1 октября, и наоборот.

День этот в народе нередко именовался Грязными прорубями за то, что в это время солнце обычно начинает припекать и около прорубей на реках и прудах, где зимой брали воду или полоскали белье, начинает сильно таять, делается грязь, а вода становится желтой.

Ранняя весна — большое половодье.

4 апреля (22 марта ст.ст.). Василий-Солнечник, Василий-Парник, Василий Теплый; день памяти священномученика Василия.

На Василия Теплого солнце в кругах — к урожаю.

Если в этот день при восходе солнца на небе видны красные круги, то год будет плодородным.

На Василия выверни оглобли: прекращается санная дорога.

6 апреля (24 марта ст.ст.). Захария; день памяти преподобного Захария Постника Печерского.

Коли на Захария ночь теплая, то весна будет дружная.

В этот день начинали готовиться к одному из великих двенадцатых праздников: 6 апреля — предпразднество Благовещения

Месяцеслов

- 7 апреля (25 марта ст.ст.). Благовещение; праздник, посвященный дню Благовещения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.
Благовещение относилось к великим двенадцатым христианским праздникам. Согласно легенде, в этот день архангел Гавриил, посланный Богом, принес Деве Марии благовест, сообщив ей, что у нее родится сын Иисус, и это будет Мессия и Сын Божий.
Некогда, очевидно, в это время праздновалась языческая масленица, весеннее равноденствие, а также совпадавшие с равноденствием комоедницы, медвежин праздник. В народном календаре этот день отмечался как начало весны, день «открытия земли», пробуждения ее ото сна, выхода из земли гадов, мышей, насекомых; появления нечистой силы; пора прилета птиц, пробуждения пчел, медведя.
На Благовещение весна зиму поборолла.
Цыган на Благовещение шубу продает.
Благовещение — самый большой у Бога праздник.
На Благовещение и на Пасху грешников в аду не мучают.
Каково Благовещение проведешь, таково и весь год.
Каково Благовещение, таково и святая (т.е. в день Благовещения и Светлого Христова Воскресения бывает одинаковая погода).
Покров не лето, Благовещение не зима.
Зимний путь рушится за неделю до Благовещения или неделю спустя.
На Благовещение на суровую пряжу не глядят (Рязанская губ.).
На Благовещение и птица гнезда не вьет; в этот день запрещается работать.
На Благовещение в обычае птицам волю давать.
Благовещение без ласточек — холодная весна (южн.).
Девушки на Благовещение кос не плетут, чтобы летом не заплутаться в лесу.
На Благовещение под дымом не сидят.
В старину крестьяне с вечера этого дня переселялись в холодные клетки, в сени или вообще на улицу, а в теплых избах оставались только больные и старики.
Если на Благовещение ветер, иней и туман — к урожайному году.
На Благовещение дождь — родится рожь.
Мокрое Благовещение — грибное лето.
На Благовещение мороз — урожай на грузди.
На Благовещение гроза — к теплому лету и урожаю орехов.
Ведро в Благовещение — к пожарам.
Коли на Благовещение снег на крышах есть, так и будет еще и на Егорья в поле.
На Благовещение солнечный день — пшеница уродится.
Если на Благовещение на небе мало звезд, то будет мало яиц.
Коли ночь на Благовещение теплая, весна будет дружная.
В Благовещение мороз — и под кустом овес.
С Благовещения осталось сорок утренников.
На Благовещение выносят пчел (Украина).
На Благовещение нельзя надевать новую одежду, иначе порвешь ее или испортишь.
В некоторых местах иод Благовещение в избах на ночь не тушили огней, чтобы лучше уродился лен и не выжгло молнией урожай и постройки.
У крестьян в древности существовал обычай в ночь на Благовещение сжигать все соломенные постели, чтобы вместе с ними истребить и все болезни, а потом всей семьей прыгать через этот огонь и окуривать его дымом одежду, чтобы на целый год защитить себя от призора и порчи.
Благовещенскую золу сохраняют для капусты и других огородных растений: когда растения портятся, их посыпают этой золой.
Накануне Благовещения сеют горох.
На Благовещение хороший улов рыбы.
В Тульской губ. под Благовещеньев вечер клали кочан свежей капусты в подвал, а когда на другой день приходили от обедни, этот кочан разламывали и находили семена. По народному убеждению, рассада из этих семян не убивает мороз.
На Благовещение воры заворовывают для удачи на весь год (т.е. стараются украсть хоть какую-нибудь вещь, полагая, что если кража пройдет удачно, удача будет сопутствовать вору весь год).
В какой день недели Благовещение, в тот, во весь год, никакого нового дела не начинать.
- 8 апреля (26 марта ст.ст.). Гавриил и Василий; праздник собора Гавриила Архангела, принесшего благовест Деве Марии, а также день памяти преподобного Василия.
Какова погода 8 апреля, такова она будет и 8 октября, и наоборот.
Все, что ни родится на день Гавриила, уродливо, неспоро.
Если прясть на Гавриила — работа не впрок.
- 9 апреля (27 марта ст.ст.). Матрена-Настовица (Наставница), Полурепница; день памяти святой мученицы Матроны Солунской.
На Матрену прилетают чибисы.

Месяцеслов

Чиби́с кричит с утра — к ясной погоде.

Чиби́с летит низко — к продолжительной сухой погоде.

К Матрене поднимаются, вздуваются реки.

Настовицей Матрену называли потому, что около ее дня снег замерзает от утренников и образуется паст, т.е. корка на поверхности снега, подтаявшая под солнечными лучами, а затем замерзшая.

Полурепницей Матрену называли оттого, что поселяне в этот день отбирали годные репы для семян, что и составляло отдельную неприкосновенную половину.

12 апреля (30 марта ст.ст.). Иоанн Лествичник; день памяти святого Иоанна Лествичника.

Лествичником святого Иоанна именовали за то, что он написал знаменитое духовное творение, называемое «Лествицей» («Лестницей») — руководство для восхождения к духовному совершенству («как бы лестницу утверждenu, которая желающих возводит до Небесных врат...»).

На Иоанна Лествичника домовая бесится.

14 апреля (1 апреля ст.ст.). Марья — Зажги снега, Заиграй овражки, Пустые щи; день памяти преподобной Марии Египетской.

Мария половодье начинает.

Если разлив на Марию Египетскую, то травы будет много.

Если лед сходит вокруг (быстро) — год будет легкий, хороший.

Марья — пустые щи: выходит запас капусты.

Мария считалась покровительницей раскаявшихся блудниц и блудников и судьей на Страшном Суде тех, кто не раскаялся; поэтому в народе в этот день принято было поститься и почиталось за грех есть что-либо, кроме пустых щеп.

По старому стилю день Марии Египетской приходился на 1 апреля; полагали, что в этот день просыпается нечистая сила (по некоторым поверьям — домовой), и поэтому нужно обманывать друг друга.

15 апреля (2 апреля ст.ст.). Тит-Поликарпов день; день памяти преподобного Тита Чудотворца (IX в.) и святого мученика Поликарпа (IV в.).

Если вешний лед по озерам и затонам не тронется, а потонет, год будет тяжелым.

Весенняя вода течет медленно — народу будет тяжело.

Коли лед не ушел, то лов рыбы будет плохим.

Тит-Поликарпов день — начало бесхлебицы.

С Тита-Поликарпа начинается интенсивное токование глухарей.

16 апреля (3 апреля ст.ст.). Никита Вешний, Никита-Гусепролет; день памяти преподобного Никиты Исповедника.

Коли на Никиту лед не прошел по реке, то лов рыбы будет плохой (центральные области).

В этот день просыпается водяной и его нужно непременно задобрить подарками.

17 апреля (4 апреля ст.ст.). Иосиф-Песнопевец; день памяти преподобного Иосифа Песнописца.

Согласно легенде, святой Иосиф построил в Константинополе церковь во имя апостола Варфоломея, желая торжественно почтить его память, но сокрушался, что не было хвалебных песнопений, прославлявших память святого; накануне праздника апостола ему явился сам Варфоломей и благословил писать церковные песнопения. О Иосифе Песнописце говорили, что «когда он стал писать стихи, то и слух поражал чудной приятностью звука, и поражал сердце силой мысли».

Иосиф-песнопевец в народном сознании оправдывает свое определение тем, что с этого дня начинает звучать голос сверчка и впервые подает голос журавль.

Если сверчок кричит — время пахать под рожь (Воронежская обл.).

18 апреля (5 апреля ст.ст.). Федул-Ветряник, Ветряк; день памяти святого мученика Феодула.

Пришел Федул — ветряк подул.

Федул — теплый ветер подул.

На Феодула дует сиверок, с Феодула — теплынью тянет.

Если на дне оврага пятно снега осталось с корову, пахать можно.

На Феодула растворяли оконницу и заговаривали ее беречь избу от гнилых ветров и свирений-переполохов.

Около Феодула появляются бабочки-крапивницы, оживают божьи коровки.

19 апреля (6 апреля ст.ст.). Евтихий; день памяти святителя Евтихия.

На Евтихия день тихий — к урожаю ранних яровых.

20 апреля (7 апреля ст.ст.). Акулина; день памяти святой мученицы Акулины и святого мученика Руфина диакона.

Если на Акулину дождь — яровые плохие, калина хорошая.

В некоторых местах принято было на Акулину одаривать русалок хлебом и чистой тряпичей от рубахи.

21 апреля (8 апреля ст.ст.). Агафы-Руфы, Родион-Ледолом, Ледокол, Ревучие воды; день памяти апостолов Иродиона,

Агава, Руфа и др. святых из числа 70-ти апостолов, избранных Христом и посланных им на проповедь.

На Руфа дорога рушится.

Агафы-Руфы, земля рухнет (т.е. растает и будет принимать в себя воду).

Месяцеслов

На Родиона-Ледолома встреча солнца с месяцем: добрая — ясный день и хорошее лето, худая — ненастье и плохое лето.

Во многих районах к Родионову дню приурочивалось выражение: «Уставь соху, паши под овес».

Овес сеять хоть в воду, да в пору, а рожь — обожди часок, да посеи в песок.

Хоть грязь топчи, а овес мечи.

Когда па дороге грязь, тогда овес князь.

Лягушка с голосом — сей овес.

Если кроты и хомяки весной начинают выбрасывать из своих нор землю, то это знак, что пора сеять овес.

Овес сей, когда береза распускается.

Посев овса продолжается до тех пор, пока цветут яблоневые и грушевые деревья и пока не перестанут летать длинные черные мухи, называемые «овсяными», которые пропадают вместе с цветом этих деревьев.

- 24 апреля (11 апреля ст.ст.). Антип-Половод, Водопоп; день памяти священномученика Антипа.

Антип воду распустил.

На Антипа-водопола стоит полая вода; вскрываются реки и вода бывает в разливе. При этом па Волге существовало поверье, что реки всегда вскрываются, когда «дня бывает 14 часов».

Если начинается полая вода, но не видно птиц (чибиса и рыбака), то это не настоящая полая вода.

Снег после половодья — большое для озими невзгодье.

Если воды не вскрываются, то лето плохое. По Антиповой воде гадали о хлебе.

На Антипа медведь из берлоги выходит.

В этот день появляются крапивные всходы.

В некоторых местах первый выезд в поле — на Антипа.

Священномученик Антипа почитался в народе целителем разных человеческих болезней и в особенности утешителем зубной боли.

- 25 апреля (12 апреля ст.ст.). Василий Парийский, Васильев день; день памяти преподобного Василия Исповедника.

Василий Парийский землю парит.

Медведь в этот день обязательно должен вылезать и выйти из берлоги.

Зайцы бегают днем.

- 27 апреля (14 апреля ст.ст.). Мартын-Лисогон; день памяти святителя Мартина Исповедника, папы Римского.

На Мартина лисица поры меняет: старые на новые.

На Мартина на лисиц нападает куриная слепота.

- 28 апреля (15 апреля ст.ст.). Пуд; день памяти святого апостола Пуда.

На святого Пуда доставай пчел из-под спуда.

- 29 апреля (16 апреля ст.ст.). Ирина (Арина)-Рассадница, Разрой снега, Урви берега; день памяти святой мученицы Ирины.

Около этого дня лед в реках и озерах начинает таять у берегов (отсюда — Ирина — Урви берега).

Ирина-рассадница — сей капусту на рассадниках.

Сибиряки в этот день ждут вскрытия Иртыша.

- 30 апреля (17 апреля ст.ст.). Зосима-Пчельник, Зосима-Савватий; день памяти преподобного Зосимы, игумена Соловецкого, и преподобного Савватия.

Преподобный Зосима в народе почитался покровителем пчеловодства и хранителем пчел, поэтому его называли «Пчельником» и в его день вывозили пчел па пасеки. При этом вывоз пчел сопровождался особым обрядом: посреди пасеки накрывали чистой скатертью стол, ставили па него хлеб и соль, черенок с жаром, Богоявленскую воду и оставшуюся от пасхальной заутрени свечу; затем, помолясь Зосиме и Савватию, обходили вокруг пасеки с зажженной свечой и кропили ее освященной водой.

Без Бога — ни до порога, а без Зосимы-Савватия — ни до улья.

Рой родится — Зосима-Савватий веселится.

На какой хлеб пчела пошла, тот на зерно будет хорош.

Если пчелы садятся на вишневый цвет, вишни уродятся, если нет — вишен не будет.

Май.

Майская травка и голодного кормит.

Государь май тепел, да голоден.

В Польше говорили: «Хоть придет май, а скотине корма дай!»

Весенний дождь лишним не бывает.

Май холодный — год хлебородный.

Сколько в мае дождей, столько лет быть урожаю.

Первым весенним дождем смачивали голову, чтобы волосы росли также быстро, как майская трава.

Хорошее начало мая может обернуться холодом в конце месяца: «В рубахах пахать, в шубах сеять».

Когда цветет черемуха — всегда живет холод. Черемуховые холода.

Месяцеслов

Особенно бывает холодно, когда дуб развернется.

Соловей запеваёт, когда может напиток воды с березового листа.

Когда береза перед ольхой лист распустил, лето будет сухое; если ольха наперед — мокрое.

- 1 мая (18 апреля ст.ст.). Кузьма; день памяти святителя Космы, епископа Халкидонского.
Сей морковь и свеклу на Козьму.
По наблюдениям воронежцев, рыба плотва обыкновенно мечет икру около 1 мая; если она остается вместе только четыре дня и потом расходится, то лучше сеять раньше, а если остается вместе неделю и больше, то — позже.
- 2 мая (19 апреля ст.ст.). Иоанн Ветхопещерник; день памяти преподобного Иоанна Ветхопещерника.
Ветхопещерником этот святой был прозван потому, что жил в Лавре, которая называлась Ветхой, древней, как стар-шая из палестинских обителей.
На Ветхопещерника обновляли новину (холст).
В некоторых местах в этот день на зеленых кустах развешивали выполосканные в речной воде новые холсты и рубахи, чтобы они вобрали в себя чистоту первой зелени и силу вешней воды.
- 3 мая (20 апреля ст.ст.). Федор; день памяти преподобного Феодора Трихина.
По преданию, святой Федор был строгим подвижником и носил только грубую, колючую власяницу, отчего и был прозван Трихиною, т.е. «Власяничным».
На Федора покойники по земле тоскуют.
В этот день традиционно посещали кладбища, причитали или окликали родителей на погосте.
- 5 мая (22 апреля ст.ст.). Лука; день памяти святого апостола и евангелиста Луки.
На Луку высаживали на грядки лук.
- 6 мая (23 апреля ст.ст.). Юрьев (Егорьев) день, Юрий Вешний, Весенний, Егорий Храбрый; день памяти святого великомученика Георгия Победоносца.
Егорий землю отмыкает.
Егорий весну начинает, Илья лето кончает.
Коли весенний Егорий с кормом, то осенний Никола будет с мостом (т.е. зима установится, будет хороший санный путь).
Сена достаёт: у дурня до Юрья, а у разумного до Николы.
Егорий с водой, а Никола с травой.
На Егорья мороз — будут просо и овес.
На Егорья мороз — гречи хороши (Тамбовская обл.).
Когда на Георгия будет мороз и повторится через неделю — ожидай теплой осени (Тамбовская обл.).
Как на Егорьевскую ночь заморозит, так сорок утренников еще на хлеб надет. Юрий росу спустил.
На Юрья роса — будут добрые проса.
На Юрья роса — не надо коням овса.
Гони животину на Юрьеву росу.
Юрьева роса от сглазу, от семи недугов. Для здоровья катаются по Юрьевой росе.
В Белоруссии о человеке слабого здоровья говорили: «Вряд ли ему выйти на Юрьеву росу!» (т.е. выражали сомнение, что он доживет до весны).
На Юрья дождь — скоту легкий год, скот хорошо пойдет.
На Юрья снег — урожай на гречу, а если дождь — гречи недород.
Коли в Юрьев день лист в полушку, на Ильин день клади хлеб в кладушку.
На Егорья в некоторых местах запахивали пашню.
Юрин починает полевые работы, Юрий и кончает.
Ранний посев ярового — с Юрья (Воронежская обл.).
Ранний яровой посев — с Егорья, поздний — с Еремея (14 мая) (Ярославская обл.).
Не хвались на Юрьев день посевом, хвались на Николин травую.
Ясное утро на Юрья — ранний сев, ясный вечер — сев поздний (Новгородская обл.).
Ранний горох сей до Георгия, поздний — после Георгия (Нижегородская обл.).
Кто сеет овес с Егорья — убирает не зерно, а солому. Сей просо с Егорья, кончай Николой (Тамбовская обл.).
С Георгия начинают садить свеклу, сеять морковь и рассадку.
С днем св. Георгия связывался прилег ласточек.
С Юрья начинали прислушиваться к голосу кукушки; кукушка до Егория — к неурожаю и падежу скота. Услышав кукушку первый раз, брякали деньгами, «чтоб водились».
С весеннего Юрья по Семен день, до Покрова или Заговенья совершались сделки и наймы.
С Егорья открывался сезон хороводов: с Егорья хороводы, с Дмитрия (8 ноября) посиделки.
Сельскохозяйственные приметы на Егорьев день не всегда совпадают по местностям, но практически на всей территории России к Егорьеву дню был приурочен первый выгон скота в поле, воспринимавшийся как большой праздник и сопровождавшийся различными обрядами, песнями и приговорами.
На Егория скотину выгоняли в поле вербой, срезанной и освященной в Вербное воскресенье.

Месяцеслов

Егорий — покровитель всякой домашней скотины; кроме того, он воспринимался и как хозяин лесных зверей («Всяк зверь у Егория под рукой»).

6 мая молились святому Георгию, чтобы он защитил, уберег овец, коров, лошадей во время летнего выпаса. При первом выго- не скота в поле выносили стол, на него ставили икону и служили молебн.

Юрьев день — пастуший праздник: пастухов одаривали, кормили в поле мирской ячницей, а также окатывали пастуха во- дой, чтобы он не дремал летом.

В некоторых местах в Егорьев день совершали особые обряды, связанные с лошадьми: коней мыли, купали, кормили креста- ми, испеченными на Крещенье, и т.п.

7 мая (24 апреля ст.ст.). Евсей — Овсы отсей, Савва; день памяти святых мучеников Евсевия и Саввы.

Савва — кончается хлеб, начинается голодный май.

Пришел Евсей — овсы отсей.

Когда на дороге грязь, тогда овес — князь.

Сей рожь хоть на часок в пепелок, а овес хоть в воду, да в пору.

Овес должно сеять дня за два до или после наступления полнолуния и никогда во время затмения (Воронежская обл.).

Землю согрело, не опоздай с посевом.

Днем раньше посеешь — неделей раньше уберешь.

8 мая (25 апреля ст.ст.). Марк-Ключник; день памяти святого апостола и евангелиста Марка.

По поверью, святой Марк владеет ключами от дождей, поэтому его и называли в народе «ключником». В день святого Марка особенно молились и просили о ниспослании сильного дождя, необходимого в эту пору. Говорили: «Если выпадет в мае три дож- дя добрых, то и хлеба будет на три года полных».

Малый дождь землю грязнит, а большой очищает.

На святого Марка сеяли татарку (гречу).

На Марка небо ярко, бабам в избе жарко.

Прилет певчих птиц стаями.

Если пташки летят на конопляник, будет урожай конопли.

В Тульской губ. в этот день выходили ловить чижей.

10 мая (27 апреля ст.ст.). Семен-Ранопахец; день памяти святого апостола и священномученика Симеона.

Во многих районах с этого времени начиналась ранняя пахота.

Пора пахать, когда гром гремит, лес в листву одевается, жаворонок запел, а водяные лягушки квакать начинают.

Умирать собирайся, а земельку паши.

11 мая (28 апреля ст.ст.). Максим и Ясон; день памяти апостола Иасона и святого мученика Максима.

Начинается сбор березового сока.

На Максима больных отпаивают березовым сок

Теплый ветер на Иасона приносит здоровье.

Теплая и звездная ночь на Максима — к урожаю, а ясный восход солнца — к ведреному лету.

13 мая (30 апреля ст.ст.). Яков; день памяти святого апостола Иакова Зеведеева.

Теплый вечер па святого Иакова — к урожаю.

14 мая (1 мая ст.ст.). Еремей-Запрягальник, Яремник; день памяти святого пророка Иереми, одного из четырех великих ветхозаветных пророков.

По преданию, Иеремиа, обличая иудеев за отступление от Истинного Бога и поклонение идолам и предрекая им бедствия и разрушительную войну, надел себе на шею сначала деревянное, а потом железное ярмо, изображая предстоящее иудеям вавилонское рабство, и так ходил среди народа; очевидно, за это, а также за созвучие с именем его и стали именовать в пароде Яремником.

Со дня святого Еремея во многих областях начинался весенний сев.

Сей рожь в пору да в золу.

На Еремея и ленивая соха в поле выезжает.

На Еремея непогода — всю зиму промаешься.

Сей неделю после Егорья да другую после Еремея.

По обычаю, рожь сеяли преимущественно мужчины, а овес, горох и яровые — бабы.

В Вологодской и некоторых других губерниях существовал обычай при посеве хлеба молиться на полосе на вес три стороны, кроме северной, и при этом на каждую сторону бросать по горсти жита, а уже после этого начинать сев.

На Еремея — третья и последняя встреча пролетья (начало лета, пора до Петровок).

Кто первый сеет, тот первый и убирает.

Раннее яровое сей, когда сольет вода, а позднее — когда цвет калины будет в кругу (Воронежская губ.).

Если еловые почки распускаются рано и скоро, то не должно медлить с посевом; в противном же случае спешить не стоит (Воронежская губ.).

Хлеб на хлеб сеять — ни молотить, ни веять.

Не пиры пировать, коли хлеб засевать.

Не радей большому посеву, а радей большому урожаю.

Месяцеслов

Для получения хорошего урожая во многих губерниях соблюдали следующий обычай: в день засева ни один домохозяин не давал другому ни взаймы, ни за деньги ни одного зерна или куска хлеба, полагая, что нарушение этого условия может привести к неурожаю.

15 мая (2 мая ст. ст.). Барыш-день; Соловьиный праздник; Борис и Глеб — Сеятели; праздник перенесения мощей святых мучеников Бориса и Глеба в храм, построенный в их честь князем Изяславом в Киеве.

Борис и Глеб сеют хлеб.

Кто ленив сохой, тому весь год плохой.

Лучше голодай, а добрым семенем засевай.

Не земля плоха, а сеятель плох.

Обычно перед посевом произносили краткую молитву, а во время самого посева молчали.

День 15 мая в народе называли «барыш-день» и праздновали его для получения во весь год барышей. Так, торговцы в этот день старались что-либо выгодно продать, чтобы весь год торговать с барышом. Говорили: «Святого Бориса — сам хоронится: барышники плутуют».

День этот называли также «соловьиным праздником», так как с этого времени начинают петь соловьи.

Соловей запел — вода на убыль пошла, можно начинать посевную.

Соловей поет всю ночь — будет солнечный день.

Если соловья услышишь раньше кукушки, счастливо проведешь лето.

Если соловей запел на голые деревья, то неурожай на садовину (Воронежская обл.).

Кто при первом соловье скинет рубаху, того блохи не будут кусать.

16 мая (3 мая ст. ст.). Зеленые щи; Мавра-Молочница, Тимофей; день памяти святых мучеников Тимофея и Мавры.

В этот день крапива — царица. Ее принято было рвать голыми руками, хлестать себя ею для здоровья и готовить из нее пастой от внутреннего кровотечения и немочи. Крапиву, сорванную в этот день, хранили как оберег.

День 16 мая именовался в народе «Зеленые щи», так как в это время щи варили уже обычно не из кислой капусты, которой к этому времени в запасе оставалось немного, а из шавеля, лебеды, сныти, а также крапивы, которая, по народному выражению, «жгуча родится, а в щи годится». Но такие «зеленые щи» для русского живота — пустые, несытные.

Соловьи запели перед Маврой — весна зацветет дружно.

18 мая (5 мая ст. ст.). Ирина (Арнна)-Рассаdnица; день памяти святой великомученицы Ирины (до крещения — Пенелопы).

На Ирину худая трава из поля вон: это время считалось ветреным и потому удобным для палов, для выжигания травы па полях.

В день Арины высаживали на огороде капустную рассадy.

Когда сеяли капусту, на край грядки ставили горшок и под него клали крапиву, вырванную вместе с корнем, полагая, что от этого капуста скорее принимается и вилки бывают большие. При сажании капусты приговаривали: «Нс будь голеняста, а будь пузаста, не будь пустая, а будь тугая, не будь красна, а будь вкусна, не будь стара, а будь молода, не будь мала, а будь велика».

Во время пересадки рассады женщины обычно не ели хлеба, чтобы куры не выклевали капусту.

По традиции сажанном овощей, в том числе и капусты, занимались исключительно женщины, так как считалось, что «если посадит овощи мужик, то они зацветут, но не дадут плода».

В Новгородчине с Ирины начинали сажать огурцы.

19 мая (6 мая ст. ст.). Иов-Горошник, Белые горохи, Огуречник, Росенник; день памяти праведного Иова-Многострадального.

Иов росы распустил.

Большая роса утром — к хорошей погоде, нет росы — к дождю.

Большая роса — к урожаю огурцов.

Ясный день — обилие в этот год огурцов.

Иов-горошник — время посева гороха.

21 мая (8 мая ст. ст.). Иван-Пшеничник, Иоанн Богослов.

День памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова отмечался 9 октября, в день его преставления; 21 же мая отмечалось ежегодное исхождение в этот день на месте погребения святого тончайшего розового праха, который верующие собирали для исцеления от болезней.

На Ивана Богослова паши пашню под пшеницу.

Не сей пшеницу раньше дубового листа (т. е. раньше его появления); пшеницу сей, когда черемуха зацветет.

На Ивана Богослова принято печь обетные пироги — на угощение странников и нищих.

22 мая (9 мая ст. ст.). Никола (Микола) Весенний, Вешний, Травный, Теплый; праздник перемещения мощей святителя

Николая из Мир Ликийских в Бар.

Пришел бы Никола, а тепло будет.

До Николы крепись, хоть разопнись, с Николы живи не тужи.

От Николы осталось 12 морозов (утренников), коли не весной, то но Семен день.

С Николина дня травы начинают хорошо расти, и с этого дня в северных губерниях начинали средний посев яровых хлебов.

Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на Николин день травой.

Георгий везет корму в тороках, а Никола возом.

Месяцеслов

Егорий с ношей, а Никола с возом.

Велика милость Божия, коли в Николин день дождь пойдет.

Овес уже должен быть отсеян. Овес Микольский — ни хозяйский, ни конский (т.е. посеян поздно, и толку от него не будет)

О предстоящем урожае овса судили по поведению лягушек на Николин день: если на Николу лягушки заквакают — овес будет хорош.

До святого Николы не сей гречки, не стриги овечки.

Ольха зацвела — сей гречиху.

В Нижегородском крае с Николы сажают картофель.

До вешнего Николы не должно конопель мочить в воде.

До вешнего Николы не следует купаться.

Одним из главных событий Николина дня был выгон лошадей в поле. В Николин день выгоняли лошадей на починки, пашнищу, на ночной подножный корм.

Никола вешний — праздник конюхов.

Никола весенний лошадь откормит, Никола осенний — на двор загонит.

Николу считали покровителем лошадей: 22 мая во многих местах заказывали молебны с водосвятием, чтобы святой уберег коней во время летнего выпаса от волков и медведей, даровал табунам здоровье.

Городи городьбу (околицу) после Николина дня.

С Николина дня «заказывались» луга, что обыкновенно делалось посредством древесных прутьев и веток, которые втыкались в землю на межах, — признак, что пасти скот на этих лугах нельзя.

23 мая (10 мая ст.ст.). Симон Зилот; день памяти святого апостола Симона Зилота (букв. «ревниителя»).

Досев пшеницы.

Сей пшеницу на Симона Зилота — родится, аки злото.

Сей рожь в золу, а пшеницу в пору.

Коли босая нога терпит холод в борозде, то сей пшеницу.

Тамбовские крестьяне считали за грех пахать в день Симона Зилота, почитая землю в этот день именинницей.

Там, где 23 мая предпочитали работать, говорили: «Нынче день Симона-Гулимона, лентяя преподобного».

На апостола Симона Зилота копали коренья на зелья. В этот же день отхаживали порчу.

В некоторых местах на Симона Зилота принято было искать клады, так как считалось, что апостол Зилот всегда помогает кладоискателям в их предприятиях.

24 мая (11 мая ст.ст.). Мокий (Мокей) Мокрый; день памяти священномученика Мокия.

На Мокия мокро — все лето мокрое.

Туманна Мокия — к мокрому лету.

Восход солнца багряный — грозное и пожарное лето.

25 мая (12 мая ст.ст.). Елифан; день памяти святителя Епифания, епископа Кипрского.

Утром Елифана в красном кафтане — к жаркому, пожарному лету.

26 мая (13 мая ст.ст.). Лукерья-Комарница; день памяти священномученицы Гликерии.

С Лукерьи появляются первые комары.

Комаров мало — овсов и трав не будет (Тамбовская губ.).

Много комаров — готовь по ягоды коробов; много мошек — готовь по грибы лукошек.

27 мая (14 мая ст.ст.). Исидор (Сидор)-Огуречник; день памяти святого мученика Исидора.

На Исидора можно сажать огурцы.

Если день будет ясный, то будет хороший урожай огурцов; если утро холодное и пасмурное, но прояснится к вечеру, янные в этот день огурцы будут нехороши, а в поздних будет урожай.

На Сидора сеять ранние огурцы и лен, но если пыль, подобная перьям, висит на ивах или падает с них, не сеять льна (Тамбовская губ.).

Как кукушка закукует, так и сеять лен.

Как пройдут Исидоры, пройдут и сиверы (холода, стужи).

Исидора — отойдут все сиверы.

На Исидора сиверко — лето холодное.

До Сидоров заморозки бьют.

На Исидора прилетают стрижи и ласточки — приносят тепло.

Ранние ласточки — к счастливому году.

Ласточка день начинает, а соловей кончает.

Ласточки летают высоко — к вёдру.

28 мая (15 мая ст.ст.). Пахом-Бокотрей; день памяти преподобного Пахомия Великого.

Пришел Пахом — запахло теплом.

На Пахома тепло — все лето теплое.

С Пахомия устанавливается совершенно летняя погода.

С Пахомия сеют поздние овес и пшеницу.

Месяцеслов

На Пахома сеют ячмень.
Можжевельник зацветает — пора ячмень сеять.
Ячмень сеют, пока цветет калина.

- 29 мая (16 мая ст.ст.). Федор-Житник; день памяти преподобного Феодора Освященного.
На Федора непременно надо сеять жито.
- 31 мая (18 мая ст.ст.). Федот-Овсяник, Семь дев; день памяти святого мученика Феодота и святых мучениц семи дев — Тскусы, Фаины, Клавдии, Матроны, Иулии, Александры и Евфрасии.
Семь дев сеют лен.
Сеют лен у семи Олен.
Пришел Федот — берется земля за свой род.
Коли на Федота на дубу макушка с опушкой, будешь мерять овес кадушкой.
Придет Федот — последний дубовый листок развернет.
Дуб одевается, скотина наедается.
Дуб перед ясенем лист пустит — к сухому лету.

Лето.

Лето пролежишь — зимой с сумой побежишь.
Лето бурное — зима с метелями.
Лето дождливое — зима снежная, морозная.
Лето сухое, жаркое — зима малоснежная, морозная.
Урожайное лето предвещает холодную зиму.
Хлебород — к суровой зиме.
Каково лето — таково и сено.
Сырое лето и теплая осень — к долгой зиме.
Летний день год кормит.
Не моли лета долгого, моли теплого.
Если летом ночью не будет росы, днем будет дождь.
Если при ясной погоде летом отдаленные предметы не ясны, как бы в тумане — будет дождь.
Когда издали видимые предметы кажутся необыкновенно большими, можно ждать северного ветра и дождя (Воронежская обл.).
Если воздух над лесом посинеет — будет тепло.
Колодезный журавель скрипит — к перемене погоды.
Ветряки (ветряные мельницы) скрипят — будет буря.
Если голос звенит — будет ясно.
Если звон колокола раздастся явственно, будет ясно, а если глухо — будет дождь.
Табак лнет к крышке табакерки — к ненастью.
Грачи летом пасутся на траве - скоро будет дождь.
Если летом петух запел раньше девяти часов вечера — к дождю.
Петухи кричат взапуски с лягушками — жди скорого дождя.
Воробьи и утки купаются в пыли, на сухой земле — к дождю.
Вороны часто кричат — к дождю или буйной погоде.
Галки перед дождем с криками вздымаются высоко, роями.
Ласточка шныряет низко — к дождю.
Если летом совсем пауков незаметно — неминуемо будет дождь, а если пауков видно много — надо ждать хорошей погоды.
Скотина глухо мычит и рост землю — перед дождем или бурей.
Собака скучает и ест траву — к дождю.
Кошка летом спит, подвернув голову под брюхо, — к ненастью.
У людей болят мозоли, горят пальцы, появляется ломота в раненых или ушибленных членах — к перемене погоды, дождю, буре, ненастью.
Лучина горит с треском и мечет искры — к ненастью.
Первый туман лета — верная грибная примета.
Ясный Млечный Путь летом — к ведру.
Если солнце красно заходит — на другой день будет ветрено.
Когда муравьи летом наносят большие муравьиные кучи, то ожидай ранней и холодной зимы.
Если полевые мыши летом натаскивают в свои норы много хлеба, то можно ожидать холодной и продолжительной зимы.

Июнь.

Июнь - конец пролетья, начало лета.
Май творит хлеба, а июнь — сено.

Месяцеслов

Июнь — пустые закрома.

Проводит июнь на работу, отобьет от песен охоту.

Знойный июнь — на рыбалку плюнь.

Если в июне ночи будут теплые, тогда можно ожидать изобилия плодов.

Во время восхода солнца стоит духота — к ненастью.

Туман утром стелется поводе — будет солнечная погода.

Сильные росы — к плодородию, а частые туманы обещают урожай грибов.

Вода чиста как никогда — к дождю.

Утром трава пахнет сильнее обычного — к дождю.

Хорошо пахнет жимолостью — к дождю.

С утра мокрица распустилась и осталась раскрытой весь день — к хорошей погоде.

Стадо к вечеру разревелось — будет дождливо.

Если пчелы роем гудят на цветущей рябине — завтра будет ясный день.

Воробы веселы, подвижны, драчливы — к хорошей погоде.

Если вокруг муравейника много муравьев — к хорошей погоде.

- 1 июня (19 мая ст.ст.). Иван-Долгий; день памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского.

Оберег нивы.

Если первые два дня июня льет дождь — весь месяц сухой.

На Ивана-Долгого продолжают сеять огурцы.

Вороны садятся клювами в одну сторону — к сильному ветру.

- 2 июня (20 мая ст.ст.). Фалалей-Огуречник, Тепловой; день памяти святого Фалалея.

Средний посев огурцов.

Пришел Фалалей — досевай огурцы скорей.

К урожаю огурцов — множество шишек на елях.

Фалалей-Тепловой — прясла вей.

- 3 июня (21 мая ст.ст.). Константин и Елена, Олена (Алена) — Длинные льны, Леносейка, Льяница; день памяти святого равноапостольного

императора Константина Великого и матери его, святой царицы Елены.

Если на 3 июня дождь с градом, то 3 декабря снег с крупой.

Кончают сев хлебов, сеют лен и коноплю.

Посеешь лен на Олену — будут длинные льны.

Для того, чтобы лен уродился белый, пахарю, когда он ехал сеять, тихонько клали в мешок или лукошко два печеных куриных яйца.

Кукушка закуковала — пора сеять лен.

Льны Олене, огурцы — Константину.

В день Константина и Елены сеют позднюю пшеницу.

День Константина и Елены кое-где называли также «Овсяником», так как с этого дня сеют овес.

На Тамбовщине ко дню Олены-Леносейки приурочивался второй посев льна и поздней пшеницы; начинался ранний сев гречи и последний сев проса.

В Нижегородской губернии: «Ярицу, лен, гречиху, ячмень и позднюю пшеницу сей с Оленина дня».

В некоторых местах па Оленин день совершали следующий обряд: девушки сходились у трех дорог, трепали и пряли лен, чтобы волосы были длинными и крепкими.

- 4 июня (22 мая ст.ст.). Василиска — Соловьиный день, Васильковый; день памяти святого мученика Василиска.

На Василиску «не сеяли, не пахали — этот день пережидали, чтобы поля не засорились, васильки не уродились».

В некоторых местах на Василиску принято было варить все собранные куриные яйца, чтобы из них не уродился василиск — сказочное существо с убийственным взглядом.

- 5 июня (23 мая ст.ст.). Леонтий-Огуречник; день памяти святителя Леонтия, епископа Ростовского.

На Леонтия-Огуречника сажают последние огурцы.

Массовое появление оводов — к урожаю огурцов.

Во многих местах в этот день сеяли коноплю.

Коноплю в поле сей и на рябину гляди — коли цвет в круги, и конопли долги.

- 7 июня (25 мая ст.ст.). Иванов день; праздник третьего обретения честной главы святого пророка, Предтечи и Крестителя

Господня Иоанна.

По преданию, во время волнений в Константинополе глава Иоанна Предтечи была унесена из города сначала в город Емессу, а затем (во время набегов сарацин) в Коману, где и была скрыта в земле в период иконоборческих гонений; когда же иконопочитание было восстановлено, патриарху Игнатию было указано в видении место сокрытия святой главы. Так в третий раз была обретена глава святого Иоанна.

С Иванова дня пошли медвяные (вредные) росы.

Сильные росы — на хороший урожай.

Большая роса — к урожаю льна и конопля.

Месяцеслов

На Иванов день начало позднего посева яровых хлебов.

Внимание земледельца привлечено к рябине: именно теперь ей пора в полную силу зацвести.

Поздний расцвет рябины — к долгой осени.

Хорошо рябина цветет — к урожаю льна.

Когда на рябине бывает большой цвет, тогда можно надеяться на хороший урожай овса.

Кое-где в Иванов день производится главная посадка капусты.

- 9 июня (27 мая ст.ст.). Федоры; день памяти святой мученицы девицы Феодоры.

На Федоры не метут из избы сора.

- 10 июня (28 мая ст.ст.). Никита-Густыник; день памяти преподобного Никиты Исповедника, епископа Халкидонского.

Тихий день — ждут хорошего рожая.

- 11 июня (29 мая ст.ст.). Федосья-Колосьяница, Колосница, Колосава, Гречушница; праздник перенесения мощей святой мученицы Феодосии Тирской в Константинополь и Венецию.

В день Феодосии-Колосьяницы озимая рожь колосится, выметывает колос.

Федосьи-девицы, дак рожь на трубицы, начнет колоситься.

Колосится рожь — много грибов найдешь.

Рожь две недели зеленеет, две недели колосится, две отцветает, две наливают, две подсыхают.

По цветению ржи крестьяне гадали о цене хлеба. Считалось, что если рожь начинает цвести снизу — будет низкая цена хлебу, если с середины — средняя, если сверху — высокая. Очевидно, это поверье объяснялось тем, что здоровый и обильный колос обычно зацветает снизу, и если его не побьет град и не поест червь, то можно ожидать богатого урожая, следовательно, хлеб будет дешев; если же колос зацветает сверху, то урожай будет плохим, так как плевелки ниже цвета бывают пусты и зерна не дают, поэтому и хлеб будет дорог.

На Федосью ходили в поле смотреть всходы.

Взошли хлеба — не дивись, налились хлеба — не хвались, хлеб на току — про урожай толкуй.

Владимирицы называли Федосью Гречушницей — отсева гречи.

Спешу в ведро всю работу справить.

В день святой Феодосии повсюду давали скоту немного хлебного корма, чтоб плодился.

- 12 июня (30 мая ст.ст.). Исаакий; день памяти преподобного Исаакия.

В день Исаакия принято было садить бобы.

На Исаакия змеи скопляются, идут поездом на змеиную свадьбу.

Для лечения от змеиных укусов традиционно применялись некоторые травы: так, владимирицы советовали прикладывать к ране изжеванный корень любистки и ужачки; в Сибири использовали ужовник, а в других местах — медуницу, тертый свежий корень конского щавеля.

- 13 июня (31 мая ст.ст.). Еремей-Распрягальник, Повесть сетево; день памяти святого мученика Ермия.

На Еремея повесть сетево — лукошко с семенами: конец посеву яровых хлебов, кроме гречихи.

Когда кукушка закукует, надо, чтобы семена засеяны были; а если еще лежат в амбаре, а кукушка уж закукует — к плохому году (Пипежье).

Кукушка кукует — хорошая погода будет.

- 14 июня (1 июня ст.ст.). Устин; день памяти святого мученика Иустина Философа.

Красное утро на Устина — красный налив ржи.

Дождливый и пасмурный Устинов день — урожай на лен и коноплю.

- 16 июня (3 июня ст.ст.). Лукьян-Ветреник; день памяти святого мученика Лукиллиана и священномученика Лукиана.

На Лукьяна южный ветер — к урожаю яровых; северо-западный — к сырому лету; восточный — к наносным болезням.

Если в этот день случится гроза — к плохой уборке сена.

Если на Лукьяна хочешь рыть колодец, то опрокинь на землю сковороду и по сырости ее узнаешь, есть ли близко вода.

Дождь идет весь день — будет много грибов.

- 17 июня (4 июня ст.ст.). Митрофан; день памяти святителя Митрофана, первого патриарха Константинопольского.

На Митрофана окликают ветер.

В некоторых местах считалось, что если вечером в канун Митрофана ветер тянет с полудня, то яровому будет хороший рост; ветер с гнилого угла (северо-западный) — жди ненастья; ветер с востока — к поветриям (повальным болезням); сиверок (северо-восточный) — рожь дождями зальет.

С Митрофана сей гречу.

Гречиху должно сеять в самое полнолуние.

В Смоленской губернии гречиху сеяли, когда земляника начинала краснеть.

Гречиха любит, чтобы ее сеяли в сухую и пыльную или песчаную землю, и боится морозов.

Овес в кафтане, а на грече и рубахи нет.

Озимы в наливах, а греча на востоке.

Месяцеслов

- 18 июня (5 июня ст.ст.). Дорофей; день памяти священноуеника Дорофея, епископа города Тира Финикийского.
Если погода теплая и ясная — зерно будет крупное.
Начинаются самые короткие - воробьиные — ночи.
- 21 июня (8 июня ст.ст.). Федор Стратилат, Федор-Колодезник; праздник перенесения мощей великомученика Феодора Стратилата (букв. «Военачальника»);
Стратилат грозами богат.
Если во время грозы слышатся раскаты грома, жди затяжного ненастья.
Гроза на Федора Летнего — плохая уборка сена.
Росы с Федора — к урожаю льна и конопли.
Федора Стратилата именовали в народе Колодезником, потому что в этот день чаще, чем на Лукьяна, дезинки опрокидывали сковороды, чтобы узнать, где есть водяная жила.
Приходит пора прополки.
Поле полоть — руки колоть, а не полоть, так и хлеба не молоть.
Осот да лебеда — для посевов беда.
Посеяли злаки, а косим осот да маки.
С Федорова дня пошла навозница — вывозят навоз на паровой клин.
- 22 июня (9 июня ст.ст.). Кирилл Александрийский; день памяти святителя Кирилла, архиепископа Александрийского.
На Кириллу — конец весне, почин лету.
На Кириллу отдаст солнышко земле всю силу.
Поспевает земляника.
Земляника красна — сеять овес напрасно.
- 25 июня (12 июня ст.ст.). Петр-Поворот, Капустник, Солнворот; день памяти преподобного Петра Афонского.
С Петра-Поворота солнце поворачивает на зиму, а лето на жары.
Солнце укорачивает ход, а месяц идет на прибыль.
Выпадают большие росы.
Запоздальный капустник: последний посев огурцам и посадка рассады на грядки.
Последний посев поздней гречи.
- 26 июня (13 июня ст.ст.). Акулина-Гречушница, Задери хвосты, Акулины-Базы; день памяти святой мученицы Акилины.
На Акулину пойдешь лесом — комары взбесят.
Появление оводов. Акулины-Базы: коровы от множества мух, комаров и слепней не стоят на месте, хлещут себя хвостами (отсюда — Акулина — Задери хвосты), бегают из стада, ищут приюта в селениях под навесами, в тени строений (что и называется «базовать»);
Акулина-Гречишница — посев гречи в средних и северных районах. В Курской губернии на Акулину не работали, чтобы гречи хороши были.
На Акулину во многих местах принято было устраивать праздник каш: варили мирскую кашу для пищи братьев.
- 28 июня (15 июня ст.ст.). Модест, Амос; день памяти святого мученика Модеста и святого пророка Амоса.
Модесту молились на случай падежа скота.
Пришел Амос — пошел в рост и овес.
- 29 июня (16 июня ст.ст.). Тихон; день памяти святителя Тихона.
На Тихона солнце идет тише.
У Земли за год самый тихий ход.
На Тихона все певчие птицы (кроме соловья и кукушки) затихают.
Заканчивается поздний сев ярового хлеба.
На Тихона вози навоз на пар.
Унавоживание делалось обычно «помочью», т.е. при помощи соседей и т.д.; после него, как и после всяких работ, справляемых «всем миром», обычно устраивали пиршество, угощали всех работников.
К святому Тихону обращались в молитвах за помощью от зубной боли.
- 30 июня (17 июня ст.ст.). Мануил; день памяти святого мученика Мануила, а также братьев его, святых мучеников Савела и Исмаила.
На святого Мануила солнце застаивается.
Согласно поверьям некоторых мест, па Мануила мороки-туманы, молочные реки текут; к реке в этот день ходить нельзя: ходит по берегам старуха с клюкой — Маниха, а с нею и дочь ее — белая русалка Манья.

Июль.

Июль — макушка лета, декабрь — шайка зимы.
Всем лето пригоже, да макушка лета тяжела.

Месяцеслов

В июле на дворе пусто, а в поле густо.

В июле тучи простираются по небу полосами — к дождю.

Если утром трава сухая — к ночи ожидай дождя.

Зеленоватая окраска луны — признак наступления сильной засухи.

В июле, если можно мысленно повесить ведро на рог месяца, — быть суши, сухой погоде. Если же ведро «падает» — будет дождь. Эта примета предсказывает погоду за одну-две недели вперед.

Утром туман стелется по траве — будет хорошая погода.

2 июля (19 июня ст.ст.). Зосима; день памяти святого мученика Зосимы.

Зосима — пчелы меда запасают.

Пчела — Божья угодница, доставляет воск на свечи.

Пчелы сильно летят к своим ульям — к дождю.

Перед засухой пчелы становятся злее, чаще жалят.

Пчелы сидят на стенках улья - к сильной жаре.

3 июля (20 июня ст.ст.). Мефодий-Перепелятник; день памяти священномученика Мефодия, епископа Патарского.

На Мефодия праздник перепелятников.

Со дня Мефодия охотники живут в предвкушении скорой охоты на перепелов. Замечают: коли над озимью носится тенетник и мошка, будет улов перепелов хорошим.

Летят тенета — удачная охота.

Мефодий — паутинный день, погодоуказатель.

Паук предсказывает погоду за два-три дня. Так, пауки не раскидывают своих сетей для ловли насекомых с обычным старанием — перед дождем или бурей; нередко перед наступлением непогоды сами уничтожают сотканную паутину и поспешно забираются в щели; если же паук снова принимается за работу или же заделывает изъяны в своих тенетах, то это предвещает перемену погоды к лучшему; когда же паук трудится с особым старанием, то почти наверняка к продолжительной ясной погоде.

На Мефодия дождь — будет идти сорок дней.

В эти дни обращали внимание на поведение муравьев и лягушек: если муравьи прячутся в кучи — жди сильного ветра, дождя, грозы; лягушки расквакались и прыгают по суше — к дождю; жаба в траву выползла — перед дождем.

Если лебеди вечером раскричались — завтра будет дождь.

Если в деревню прилетит сова, сядет на крышу дома и будет кричать, то в этом доме или даже во всей деревне случится большой пожар.

6 июля (23 июня ст.ст.). Аграфена Купальница, Аграфена — Лютые коренья; день памяти святой мученицы Агриппины.

Аграфена Купальница, следующий за ней Иван Купала и праздновавшиеся через несколько дней «Петры-Павлы» сливались обычно в один большой праздник, наполненный для земледельца огромным смыслом и включающий множество обрядовых действий, песен, приговоров, всевозможных примет, гаданий, легенд и поверий.

В ночь с Аграфены на Ивана крестьяне «выкатывали ржи», т.е. мяли их, валяясь по полосе.

С Аграфены Купальницы или Ивана Купалы начинали купаться, «закупывались».

На Аграфену обязательно мылись и парились в банях.

Обыкновенно в день Аграфены заготавливали веники на весь год.

Одним из самых главных событий Аграфенина дня был сбор трав и кореньев для лечебных и магических целей (отсюда — Аграфена — Лютые коренья).

Накануне Ивана Купала девушки гадали по травам.

На Аграфену Купальницу цветет купальница (лютики). Дети и девушки плели из купальницы венки и украшались ими.

В Вологодской губернии крестьяне в этот день собирали траву купальницу, или купаленку, причем тогда, когда она еще окроплена росой; росу с нее собирали и хранили в склянках для здоровья, а из самой травы делали веники и парились ими.

На Аграфену принято было устраивать «обетные каши» — угощение в складчину для нищих.

Репу сей на Аграфену — хороша репа будет.

На Аграфену гречиха мала, овсу пороет.

7 июля (24 июня ст.ст.). Иван Купала, Иванов день, Иван Цветной; праздник рождества святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

Иван Купала принадлежал к числу самых почитаемых, самых важных, самых разгульных праздников в году; в нем принимало участие все население, строго исполняющее все касающиеся этого дня обряды. По старому стилю этот день приходился на летнее солнцестояние, солнцеворот.

Иванов день полон обрядами, связанными с водой.

На Ивана Купалу принято купаться в воде и в росе — для здоровья, красоты и благополучия.

Сильна роса на Ивана — к урожаю огурцов.

На Иванову ночь звездно — много грибов будет.

Если в Иванов день гроза, то орехов уродится мало и они будут пустые («громом выжжет»).

Перед дождем цветы сильнее пахнут.

До Иванова дня дождь в засек (прибавится хлеба), а после Иванова дня дождь из засека (в убыток).

Вовремя сенокоса дожди — сену плохо, зерну хорошо.

Травы черны — лошади кормны (сено погубило, а овес хорош).

В ряде мест на Купал у открывали большой покос.

Месяцеслов

На Иван-день жито выколоситься должно, а не заколосится, так это плохая примета. На Иван-день колосок, так на Ильин день колобок в хороший год.

За два-три дня до или после Ивана Купалы появляется мед.

Говорили: «Корми пчелу до Ивана, сделает из тебя пана».

Считалось, что в Иванов день все травы и корни получают особую чудодейственную силу. Их собирали ночью (в ночь с Аграфены на Ивана), а на заре клали под Иванову росу (т.е. выкладывали травы в поле, чтобы их окропила утренняя роса), после чего, когда солнце поднимется повыше, собирали, высушивали и хранили в течение года. Такие травы почитались более целебными, нежели собранные в другое время.

На Ивана Купалу девушки завивали венки из трав, а вечером пускали их по воде, наблюдая, как и куда они поплывут. Считалось, что если венок потонет, значит, суженый разлюбил и замуж не выйти (в других местах это означало не только безбрачие, но даже и возможную смерть).

Иванов день — день ведьм, оборотней, колдунов и т.п.; нужно защищать от них дом и двор с помощью оберегов. Следует также опасаться проказ нежити (домовых, водяных, леших, русалок и т.д.).

8 июля (25 июня ст.ст.). Петр и Феврония; день памяти святых супругов Петра и Февронии.

Согласно легенде, Петр был сыном муромского князя; за несколько лет до вступления на престол он заболел проказой, но во сне ему открылось, что его может исцелить дочь пчеловода дева Феврония. После исцеления князь женился на Февронии, но муромские бояре не захотели иметь княгиню из простого народа и потребовали, чтобы князь оставил ее; Петр отказался, и супруги изгнали. Они отплыли на лодке по р. Оке; но вскоре Муром постиг гнев Божий, и народ потребовал возвращения князя с женой. Святые супруги прославились благочестием и милосердием; скончались они в один час и были похоронены в одном гробе.

Святые Петр и Феврония считались «образцами христианского супружества, своими молитвами низводящие небесное благословение на вступающих в брак»; очевидно, поэтому их день считался счастливым для любви и влюбленных.

Со дня Петра и Февронии ожидается еще сорок жарких дней.

9 июля (26 июня ст.ст.). Давид-Земляничник; день памяти святого Давида Солунского.

Поспевает земляника.

По поверью, кто хочет занять деньги, тот должен положить травы земляники в карман и смело идти — отказа не будет.

10 июля (27 июня ст.ст.). Самсон-Сеногной; день памяти святого Самсона Странноприимца.

На Самсона дождь — через семь недель тож.

На Самсона-Сеногноя дождь — до бабьего лета мокро.

Идет подготовка к покосу.

Второй раз распахиваются поля, оставленные на пар. Большая часть пара идет под озимую рожь, остальная весной засеивается яровым хлебом.

12 июля (29 июня ст.ст.). Петров день, Петровки, Петры и Павлы; день памяти святых апостолов Петра и Павла (ап. Павел не знал Христа во время его земной жизни и не входил в число 12-ти апостолов, но за особые заслуги почитается церковью как первопрестольный апостол сразу после Петра).

На Петровки солнце играет радугой на восходе — то выказывается, то опять прячется.

Петр-Павел жару прибавил.

День убывает, жара прибывает.

Начинают темнеть ночи: Петр-Павел день убавил.

Доставай косы и серпы к Петрову дню.

Всяк, кто дорос, спешит на сенокос.

Худое лето, коли сена нету.

С косой в руках погоды не ждут.

С плохими косцами плох и укос.

Не то сено, что на лугу, а то, что в стогу.

Роса косу точит.

Если дождь на Петров день, то сенокос будет мокрый.

Если на святого Петра дождь — урожай худой, два дождя — хороший, три — богатый.

Если на Петра и Павла дождь, жито уродится.

На Петровки сенокос — не единственная забота: надо готовиться и к озимому севу.

Пахать да боронить — денечка не обронить.

До Петрова вспахать, до Ильина заборонить, до Спаса посеять.

К этому времени должны заколоситься яровые.

С Петрова дня зарница зарит хлеб.

Петровка — навозница, межипарье, междупарье. Возят навоз на пары.

После Петрова дня кукушка перестает куковать (ср. пословицу: «Недалече кукушечке до Петрова дня»).

Соловей поет до Петрова дня.

Петров день — «разговины», конец Петровского поста. В отличие от других постов, продолжительность этого поста бывает разной, так как начало его зависит от подвижного праздника — Пасхи (он начинается в понедельник 9-й пасхальной недели, 2-й недели после Троицы, а кончается в строго определенный день — 12 июля).

На разговины принято было ходить в гости и принимать у себя гостей; в гости ездили даже родственники из дальних деревень. В вечернем застолье, как правило, принимали участие только женатые и старики.

Месяцеслов

На Петровки или в первое воскресенье после дня свв. Петра и Павла в древности устраивали братчины, складчины. На такие праздники собиралось множество народа; праздник сопровождался непременно пиршеством. Перед обедней к этому пиршеству убивали быка, купленного за счет всей волости, разделявали его и варили в больших котлах; после обедни и молебна священник вместе со всеми богомольцами съедали это мясо, а также другие блюда, приготовленные сообща.

Сам день 12 июля в некоторых местах называли «Петры-Павлы — барашка в лоб». В Архангельской обл. с этим днем связывалась следующая легенда: некогда на праздник Петровок перед обедней из густого леса выбежал олень; народ, почитая его даянием Божиим, убил его и сварил в котле, приготовив пиршество в честь праздника; с тех пор несколько лет подряд в тот же день и в то же время из леса выбегал олень, но однажды он не появился, и тогда крестьяне вместо него убили быка; тогда олень на минуту явился среди народа, а затем исчез и после того никогда не являлся. Схожие легенды были известны и в других местах.

В некоторых местах Петров день считался праздником рыбаков, так как апостол Петр повсюду был известен как покровитель рыбного промысла. Рыбаки в этот день молились святому о хорошем улове, служили молебны и собирали на «мирскую свечу», которую ставили в храме к иконе Петра.

14 июля (1 июля ст.ст.). Летние кузьминки, Кузьма и Демьян; день памяти святых мучеников, чудотворцев и беспрерывников Космы и Дамиана.

В огороде гряды полют, вырывают корневые овощи.

Снятие первых овощей.

Работы в огороде сочетаются с сенокосом. Страдная пора в разгаре, трудиться приходится с утра до позднего вечера не покладая рук. Про эту пору говорили: «Кто рано встает, тому Бог подает»; «Наживать, так раньше вставать»; «Доход не бывает без хлопот»; «Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто».

На Кузьму и Демьяна женщины успевали не только справиться с огородом, накосить, выполнить всю домашнюю работу, но и отметить свой праздник — летние кузьминки. Этот праздник считался чисто женским; он включал в себя хождение в гости и женские братчины — угощения с пивом, разговорами и песнями (с обязательной растительной пищей), которые готовили и собирали в складчину.

Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем.

Без труда и отдых не сладок.

Жить в соседях, быть в беседах.

Не купи двора, купи соседа.

17 июля (4 июля ст.ст.). Андрей-Наливы; день памяти святителя Андрея, архиепископа Критского, а также благоверного русского князя Андрея Боголюбского, великого распространителя христианства на Руси.

На Андрея озими в наливах дошли, а батюшка-овес до половины дорос.

Озими в наливе, греча на всходе.

18 июля (5 июля ст.ст.). Афанасий Афонский; день памяти преподобного Афанасия Афонского (в святом крещении Авраамия).

В этот день вечером месяц «играет».

На Афанасия Афонского месяц на исходе играет — к урожаю.

Как медь желты облака — к дождю.

Из гнилого кута наволокло тучи — будет дождь.

19 июля (6 июля ст.ст.). Ермий, Сисой; день памяти святого мученика Ермия и преподобного Сисоя Великого.

Не то забота, что много работы, а то забота, когда нет работы.

21 июля (8 июля ст.ст.). Прокопий; Явление Казанской иконы Богоматери; день памяти святого великомученика Проккопия (в миру Неания), а также праздник явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани.

Праздник явления иконы Богородицы считался в народе большим праздником. Согласно легенде, когда после страшного пожара в Казани город начал вставать из руин, девятилетней девочке Матроне во сне явилась Божья Мать и повелела достать ее икону, зарытую в землю еще при господстве мусульман. Трижды являлась Богородица, и поскольку никто не обращал на слова девочки внимания, она и ее мать сами стали рыть в указанном месте, где и обрели святую икону. После молебна ее перенесли Крестным ходом в Благовещенский собор, а на месте явления царем Иоанном Грозным был выстроен храм в честь Казанской иконы Богоматери, где и поместили икону, ставшую вскоре всенародной святыней.

Около Прокопья дня сено начинают собирать в валы, потом копнить, а из копен складывать зароды.

Прокопий — жнец, жатвенник. жатву начинает.

Начало самой сильной жары.

В ягодный год дел невпроворот.

На Казанскую черника поспевает.

Черница-ягода поспела — поспела и рожь.

Черника зреет под комариные песни.

Черника — не только лакомство. Издавна в народе ее ягоды и листья употреблялись в качестве эффективного лекарственного средства, особенно при расстройствах желудка и кишечника, при сахарной болезни, ревматизме и подагре. Считалось, что очень полезно есть чернику в больших количествах в жаркое летнее время.

С Казанской начинают по-настоящему готовиться к жатве; в некоторых местах даже начинали жать рожь.

На Казанскую — зажин ржи.

Зерно в колосу — торопись жать полосу.

Месяцеслов

Пока колос в поле — трудись подоле.

В некоторых местах день Казанской Богоматери считался лучшим временем для сбора кумахи или червца — красной краски природного происхождения. По одним поверьям, червец в этот день собирается со всей округи под один куст, и кто найдет это место, найдет сразу много червца; но другим же поверьям, кумаха в день Казанской Богоматери, свившись в клубок, подкатывается под ноги прохожим, и находка ее предвещает благополучие на целый год.

На праздник Казанской Богоматери во многих местах традиционно устраивались молодежные гуляния, гостевания и т.п.; наиболее же торжественно день летней Казанской отмечали в тех деревнях, где Казанская была престольным праздником.

22 июля (9 июля ст.ст.). Панкратий и Кирилл; день памяти священномученика Панкратия, епископа Тавроменийского, и священномученика Кирилла, епископа Гортинского.
В этот день пробуют первые огурцы.

24 июля (11 июля ст.ст.). Ефимьи-Стожарницы; день «вспоминания чуда» святой великомученицы Евфимии Всехвальной.

По преданию, когда в Халкидоне, в церкви, где покоились мощи святой великомученицы, проходил IV Вселенский Собор, «где православное учение противостояло ереси монофизитов, вносящей в церковь смуту и раздоры», после долгих прений постановлено было предоставить решение спора Духу Святому, «через его несомненную носительницу святую Евфимию Всехвальную». Православные святители и их противники написали свое исповедание веры на отдельных свитках и запечатали своими печатями, затем открыли гробницу святой и положили оба свитка на ее груди. Потом в присутствии всего Собора открыли ковчег с мощами и увидели, что свиток с православным исповеданием святая держит в правой руке, а другой свиток лежит у ее ног; святая, как живая, подняла руку и подала свиток патриарху. Это чудесное событие, способствовавшее «укреплению православного исповедания и искоренению ереси», и отмечалось 24 июля.

Страдно-грозовая пора.

Глухой гром — к тихому дождю, гром гулкий — к ливню.

Если гром в постный день, будет хороший улов рыбы.

Сияние Стожар предвещает удачную охоту на медведя.

25 июля (12 июля ст.ст.). Прокл — Великие росы; день памяти святого мученика Прокла.

На Прокла поле от росы промокло.

Большие росы загнаивают село, поэтому крестьяне спешили до Прокла высушить сено грядучками.

По народному убеждению, роса на Прокла наделяет красотой и спокойствием. Старушки-лекарки обирали великие целебные росы для врачевания; прокловы росы, по их заверениям, — лучшее средство от призора и от глазу.

Роса да туман живут по утрам.

Утром сильная роса и туман — к хорошей погоде.

26 июля (13 июля ст.ст.). Гавриил; второй праздник собора архангела Гавриила.

Ржица-матушка поспела, к земле клониться велит.

Сухая погода сулит хорошую осень.

Сильные дожди губительны для урожая.

28 июля (15 июля ст.ст.). Кирик и Улита, Кирики-Улиты; день памяти святой Иулитты и ее сына Кирика.

Не жни на Кирика и Улиту — маньяки (видения) увидишь. На Кирики-Улиты полудницы над жатвой летают, мороками день путают. Зной в этот день пагубен.

Кирики — мокродырки.

Кириков день, да все мокро, он льет дождь.

29 июля (16 июля ст.ст.). Афиноген; день памяти священномученика Афиногена, епископа Ссвастийского.

Лето перешагнуло знойный возраст.

На Афиногена замолкают птицы.

Жатва продолжается.

Первый сноп обычно зажинала старшая в семье женщина. Такой сноп именовали раньше именинником; его украшали цветами и с песнями несли в дом, где ставили его в красный угол иод иконы. С него начинали осеннюю молотьбу, соломой его кормили большую скотину; зерна первого снопа считались целебными для людей и птиц.

Август.

Август — разносол, всего вдоволь.

В августе серпы греют, вода холодит.

В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять.

Что в августе соберешь, с тем и зиму проведешь.

В августе всего в запасе: и дождь, и ведро, и серопогодьё.

В августе всему час: держи рукавички про запас.

В августе до обеда — лето, после обеда — осень.

Коли грибовно, так и хлебовно.

Поспевает черемуха.

Месяцеслов

В августе дуб желудями богат — к урожаю.
Если листья на деревьях в августе желтеют снизу — ранний сев будет хорош.
В августе грачи устраивают пробные облеты, собираются станками.

- 1 августа (19 июля ст.ст.). Макрида; день памяти святой Макрины, сестры святителей Василия Великого и Григория Нисского.

Смотри осенью Макриде: Макрида мокра — и осень мокра.
Дождь с утра — не жди добра: осень будет вся мокра.
Ведро на Макриду — осень сухая.
Макрида сряжает осень, а Лина (7 августа) зиму.
Коли на Макриду мокро, то страда ненастная.
На Мокрицы если дождь — сев озимых хлебов будет хорош.
Если в этот день будет дождь, то не будет орехов.
Оводы кусают последний день.
Полетел пух с осины — иди за подосиновиками.

- 2 августа (20 июля ст.ст.). Ильин день, Илья-Пророк; день памяти святого пророка Ильи.

Илья лето кончает.
Петр и Павел на час день убавил, а Илья-Пророк — два уволок.
Придет Петрок — отщипнет листок, придет Илья — отщипнет два.
Во что Илья, в то и Воздвижение.
После Ильина дня в поле сива коня не увидишь — вот до чего темны ночи.
С Ильина дня ночь длинна: работник высыпается, а кони наедаются.
С Ильи работнику две угоды: ночь длинна да вода холодна.
С Ильина дня вода студена станет, купаться нельзя. Говорили: «Илья-Пророк в воду кусок льда обронил».
После Ильина дня грешно купаться порядочным людям.
На Илью до обеда лето, нос* л с обеда осень.
На Ильин день и кемень
ірозябнет (начинаются утренники).
До Ильина дня под кустом сушит, а после Ильин и па кусте не сохнет.
Придет Илья — принесет гнилья (дожди).
До Ильи тучи ходят по ветру, а после — против ветра.
До Ильи и пи дождя не намолит, а после Ильи и баба фартуком нагонит.

Илья в народе почитался хоть и щедрым, но грозным, суровым, карающим святым, распорядителем самых страшных в благодетельных сил природы. Считалось, что в его подчинении находятся все дожди, громы и молнии, которые он посылает на землю.

О грозе в народе говорили: Илья-Пророк по небу на шести жеребцах ездит; считалось, что гром происходит от колесницы святого, гонящего по небу нечистого духа или змия, а молнии — это стрелы Ильи, которыми он поражает чертей, бесов и пр. На Ильин день вся злая сила, спасаясь от огненных стрел Пророка, бежит прочь и обращается в различных зверей — зайцев, лисиц, волков, собак, кошек и т.д.; в связи с этим поверьем в народе существовал обычай в Ильин день не пускать в дом собак и кошек, чтобы не навести на избу гром и молнию.

На Илью бывают обыкновенно «воробьиные ночи», когда в течение целой ночи раздаются оглушительные раскаты грома, молния блещет почти непрерывно и ярко озаряет все небо, испуганные птицы постоянно мечутся, вспархивают, натываются на разные предметы и надают. В такую ночь ревет скот, страшно становится и не снится человеку.

Ильинским дождем принято было умываться, окачиваться от призора.

В Ильин день всегда бывает гром; а если и будет грома, то в этот год кого-нибудь уьет грозой или подожжет молнией дом. Глухой гром — к тихому дождю, гром гулкий — к ливню; гром непрерывен — будет град. Гром гремит долго и не резко — к ненастью; если же отрывисто и непродолжительно — будет ясно.

На Ильин день дождь — будет мало пожаров, ведро — много.

Ильинская пятница без дождя — пожаров много.

В эту нору крестьяне с тревогой смотрели на небо: урожай уже готов к жатве, но достаточно сильного ливня, града, палящей молнии, чтобы лишиться хлеба. Чтобы отвести беду, умиловить грозного святого, в Ильин день не работали в поле, не косили и не убрали сена, чтобы его не спалило грозой.

До Ильина дня дождь — в закрома, а после Ильина — из закрома.

Дождь в Ильин день предвещает обильный урожай ржи на следующий год.

Илья-Пророк — косьбе срок.

До Ильина дня сено сметать — пуд меду в него накласть.

До Ильина дня в сене пуд меду после Ильина дня — пуд навозу.

Сенокос надобно кончать до Ильина дня: после Ильи на вилах сено сушить.

С Ильина дня зашпиывают (собирают) горох.

Коли к Ильину дню рожь убрана, новый посев оканчивается до Флора и Лавра (31 августа); а коли рожь поспеет позже, то и сей позже, до Семена дня (14 сентября).

Первый спой — первый осенний праздник.

Новая новина на Ильин день — спят на первой соломе. Ильинская соломка — деревенская перинка.

К Ильину дню хоть кнудом ирохлестни, да заборони (нар).

До Ильи хоть одним зубом подери (пашню под озимые).

Месяцеслов

В Ильин день если с утра облачно, то сев должен быть ранний, и можно ожидать обильного урожая; если облачно в полдень — средний сев, а если вечером — сев поздний и урожаем плохой.

С Ильи-Пророка открываются волчьи норы; первый выезд на волков.

На Ильин день всем гадам да лютым зверям воля дастся. Скотину в этот день в поле не выгоняют, опасаясь змей, волков и грозы.

Муха до Ильина дня кусается, а после — запасается.

После Ильина дня комары перестают кусаться.

В день Ильи-Пророка капусту накрывают горшком, чтобы была бела.

После Ильина дня не советуют есть земляники, иначе будешь дремать.

На Ильин день перегоняют пчел, подчищают ульи, подрезывают первые соты.

До Ильи грачи поодиночке, а после Ильи большими стаями.

4 августа (22 июля ст.ст.). Мария Магдалина; день памяти святой равноапостольной мироносицы Марии Магдалины.

Громовой день. Коли гроза — сена будет за глаза.

На Марию Магдалину в поле не работают — грозой убьет.

На Марию сильные росы — льны будут серы и косы.

Стелят льны по росной траве.

На Марию вынимают цветочные луковицы.

5 августа (23 июля ст.ст.). Трофим-Бессонник; день памяти святого мученика Трофима.

Трофим-Бессонник, пора усиленных работ, страды.

В страду — одна забота: не стояла бы работа.

Хорошему хозяину день мал.

Если идет работа — спать неохота.

Долго спать — добра не видать.

На Трофима — калинники-малинники.

С малинника лыки не велики, да ягоды сладки; а с калинника лык надерешь, да ягод в рот не возьмешь.

6 августа (24 июля ст.ст.). Борис и Глеб; день памяти благоверных князей братьев Бориса и Глеба.

Борис и Глеб — поспел хлеб.

Бориса и Глеба — пали копна (гроза жжет копны); по этой причине в эту пору в поле старались не выезжать и за полевые работы не братья.

На Глеба и Бориса за хлеб не берися.

7 августа (25 июля ст.ст.). Анна, Макарий; день успения праведной Анны, матери пресвятой Богородицы, а также день памяти преподобного Макария Желтоводского и Унженского.

День калик переходжих.

По Анне судили о зиме.

Анна припасает утренники.

Если утренник холодный, и зима холодная.

Какова погода до обеда — такова зима до декабря; какова после обеда — такова зима после декабря.

Светлая и теплая погода предвещает холодную зиму; если же дождь — зима снежная и теплая.

Муравьи увеличивают свои муравейники — жди холодной зимы.

По преданию, святой Макарий родился в Нижнем Новгороде; в день его памяти в Нижнем Новгороде принято было открывать знаменитую Макарьевскую ярмарку.

9 августа (27 июля ст.ст.). Пантелеймон-Целитель, Пантелеймон Палий, Никола Кочанский (Кочанный); день памяти великомученика и целителя Пантелеймона и блаженного Николая Кочанова, Христа ради юродивого Новгородского.

Кочанный день. Вилки в кочаны завиваются.

У хозяина без капусты в брюхе пусто.

Пантелеймона в народе именовали Палий и опасались в его день грозы. Вообще, Пантелеймон-Целитель в народных поверьях сближался с Георгием-Победоносцем; в православной церкви он почитался как грозный святой, покровитель воинов.

На Пантелеймона грех возить хлеб и сено — Пантелеймон сожжет.

Палий — пали копны. Считалось, что Палий спалит двор того, кто возит в этот день копны на гумно.

В некоторых местах принято было на Пантелеймона-Целителя ходить за целебными травами и кореньями к заповедным лощинам, угорьям, полянам, болотам, урочищам.

10 августа (28 июля ст.ст.). Прохоры-Пармены; день памяти святых Прохора и Пармена.

Прохоры-Пармены — не затевай мены.

11 августа (29 июля ст.ст.). Калинник, Калинов день; день памяти святого мученика Калинника.

Коли на Калинника туман — припасай косы про овес с ячменем.

Около этого дня бывают морозы, вредные для хлеба, остающегося на корню.

В народе говорили: «Пронеси, Господи, Калинника морозом (туманом), а не морозом».

На Калинов день не будет утренников, так и Лупна (5 сентября) не заморозит.

Месяцеслов

Если спелый овес во второй раз зазеленеет — осень будет ненастной.

- 12 августа (30 июля ст.ст.). Сила и Силуян; день памяти святых Силы и Силуана, апостолов от 70-ти, учеников Спасителя. Сила хлеб силит.

На Силы и Силуяна рожь бывает пьяна (т.е. полна зерном и клонится к земле).

Рожь, посеянная на Силу и Силуяна, родится сильно.

Если в это время дни стоят пасмурные и прохладные, то дождя опасаться не должно, и работы могут продолжаться без остановки; когда же душно и тягостно и насекомые особенно злы и едки, то будет дождь.

Мужики говорили: «Яровой сею — по сторонам гляжу; ржаной сею — шайка с головы свалится, не подыму (некогда)».

На Силу ведьмы обмирают, опившись молока.

- 14 августа (1 августа ст.ст.). Первый Спас — Медовый, Мокрый; Маккавей.

14 августа издавна отмечался первый из трех праздников, посвященных Спасителю нашему Иисусу Христу, установленный по случаю знамений от икон Спасителя, Пресвятой Богородицы и Честного Креста во время сражений святого благоверного князя Андрея Боголюбского с волжскими булгарами. Кроме того, день 14 августа посвящался памяти семи святых мучеников Маккавеев — Авима, Антонина, Гурия, Елеазара, Евсенона, Адима и Маркелла, а также матери их Соломонии и учителя их Елеазара.

Первый Спас. В большинстве районов с этого времени начинался ранний посев озимой ржи.

Паши под озимь, сей озимь, готовь гумна и овины. Когда хлеб сеешь в погоду, больше родится приплоду.

В сырую погоду и в дождь не должно сеять ржи; как обмочило оглобли, так и поезжай домой.

Поспевает малина. Если во время созревания малины первые ягоды бывают крупные, то рожь следует сеять раньше; при мелких же ягодах средний или поздний посев ржи лучше.

Со Спаса начинается заготовка лесной малины — издавна известного лекарственного растения. При этом в народе использовали не только ягоды, но и сушеные травы, и цветки малины. Сушеную траву малины заваривали в виде чая при простуде; настой из цветков применялся как противоядие против укусов змей; отваром из цветков промывали воспаленные глаза, а водным настоем листьев полоскали горло при ангине.

На первого Спаса спешили собрать поспевшие ягоды черемухи — прекрасное средство, обладающее вяжущим, мочегонным и потогонным свойствами, употребляемое при желудочно-кишечных заболеваниях.

На Урале и в Сибири с первого Спаса начинают шишковать кедры.

На первый Спас защипывай горох.

Пчела перестает пость медовую взятку.

На Медового Спаса пасечники заламывают (подрезают) соты. Считалось, что если пчельник не заламает сот, то соседние пчелы повьтаскают весь мед.

На Медового Спаса принято было освящать в церкви мед; после освящения пчельники разговлялись свежим медом, а также пекли пироги с пшенной кашей и медом. Вообще, строгие блюстители народных обычаев и постники начинали есть мед только с этого дня.

Первый Спас — начало Успенского поста (до 28 августа), о котором в народе говорили: «Спасовка — лакомка, а Петровка (Петровский пост) — голодовка». В Петров пост, кроме лука, у крестьян обычно не бывало другой зелени, а к Успенскому посту появлялись огурцы, арбузы и пр.

На первый Спас отлетают ласточки и стрижи.

Отцветают розы, падают холодные росы.

На первый Спас святили колодцы, а также повсеместно устраивали крестные ходы на воду.

Лошадей, как и весь скот, на Спаса обычно купали в последний раз.

В Нерехте говорили: «В первый Спас, что на воде, олень обмакивает копыто, а во второй Спас, что на горе, обмакивает хвост» (т.е. вода в реках начинает быстро холодеть).

Первый Спас — мокрый.

У первого Спаса всего в запасе: и дождь, и ведро.

С первого Спаса и роса хороша; считалось, что с этого дня прекращаются ядовитые росы.

Во что Макавей, в то и разговенье (28 августа).

Дождь на Макавея — мало пожаров будет.

На Макавеи собирают мак. При этом дикий мак в народе употребляли как средство от ведьм: что стоит только об-сыпать им дом — и все козни ведьм окажутся недейственными.

- 15 августа (2 августа ст.ст.). Степан-Сеновал; праздник перенесения из Иерусалима в Константинополь мощей первомученика архидиакона Стефана.

Кончатся сенокосные работы.

В некоторых местах принято было на Степана вить венки из трав и цветов; этот венок потом всю зиму украшал икону и служил оберегом.

Каков Степан, таков и сентябрь.

На Степана поили лошадей с серебра (т. \ положив что-либо серебряное в воду).

- 16 августа (3 августа ст.ст.). Антон-Вихревей, Исаакий-Малинник; день памяти святого Антония Римлянина и преподобного Исаакия.

Каковы Антоны-Вихревей, таков октябрь.

По Исаакию октябрь.

Месяцеслов

На Исакия вихри — к крутой зиме.

Если ветер вихрями — ожидай снежную зиму.

Если в этот день ветер дует с южной стороны и по дороге кружат пыльные смерчи, то жди зимой больших снегов.

Считалось, что в этот день можно узнать, какой будет зима. Для этого нужно взять с собой нож и петуха и идти на перекресток; как только там начнет виться пыльный вихрь, нужно в его середину вонзить нож, держа в это время кричащего петуха за голову, спрашивать «летучего духа полуденного» — все, предсказанное вихрем, непременно сбудется.

На Исаакия полным ходом идет сбор лесной малины.

- 17 августа (4 августа ст.ст.). Авдотья-Сеногнойка, Малиновка, Огуречница; Семь отроков Эфесских; день памяти святой преподобномученицы

Евдокии, а также семи Эфесских отроков: Максимилиана, Иамвлиха, Маргиниана, Иоанна, Дионисия, Эксакустодиана (Константина) и Антонина.

Семь отроков — сеногной сено гноят.

Если дождь — все сено сгниет.

Какова Авдотья, таков и октябрь.

На Евдокию срывают огурцы.

На Авдотью сбор малины — готовь плетенки.

Рясная (обильная) малина — урожай на хлеб.

- 18 августа (5 августа ст.ст.). Евстигней-Житник; день памяти святого мученика Евстигния.

Каков Евстигней, таков и декабрь.

Одной рукой жни, другой сей.

День прозевал — урожай потерял.

На Евстигней-Житника жнивы заклинали на все четыре стороны, призывая мать — сыру землю на помощь.

Во время жатвы жнецы старались найти такой стебель, на котором оказалось бы большое число колосьев. Стебель, на котором оказывалось целых двенадцать колосьев, называли «житной маткой» или спорыньей: найти его считалось большой удачей и хорошей приметой. Такие колосья хозяева хранили как зеницу ока в продолжение всего года, приберегая к посеву; во время же посева их рассеивали первыми, полагая, что это способствует обильному урожаю.

По обычаю, известному во многих местах, жать следовало молча (особенно первые снопы); песни звучали по дороге на поле и с поля.

На Евстигнея убирали лук, чтобы луковицы успели высохнуть. Связки луковиц обычно развешивали в комнатах, чтобы воздух очищался.

На Евстигнея принято было есть сырой лук с хлебом, солью и квасом — для здоровья и свежего цвета лица.

- 19 августа (6 августа ст.ст.). Второй Спас — Яблочный; Преображение.

Праздник Преображения Господня связывался с тем моментом, когда «взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних. И преобразился перед ними: и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие... се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором мое благоволение; его слушайте» (Матф., 17).

Каков второй Спас, таков и январь.

В этот день принято было с песнями провожать закат солнца в поле.

В этот день — встреча осени, осенины, праздник первых плодов (до второго Спаса обычно не ели никаких плодов, кроме огурцов).

Второй Спас — срывают спелые яблоки. До этого дня не полагалось есть яблок, а в народе существовало поверье, что в Царствии Небесном тем детям, родители которых до второго Спаса яблок не ели, раздадут яблоки, а тем, родители которых до этого дня лакомились яблоками, яблок не дают. Поэтому многие взрослые, особенно те, у которых умирали дети, почитали великим грехом съесть хоть яблочко до второго Спаса.

На второй Спас по обычаю освящают яблоки и мед.

На второй Спас и нищий яблочко съест.

На второй Спас бери голицы про запас.

В это время к ночи обычно уже становится холодно.

С этого времени считается лучший посев ржи, если погода тому благоприятствует.

Рожь, посеянная при северном ветре, родит крепче и крупнее.

Посей под погоду, будешь есть хлеб год от году.

Со второго Спаса засевай озими.

Ко второму Спасу поспевают яровые (Нижегородская губ.).

Начинается отлет журавлей.

- 20 августа (7 августа ст.ст.). Марины-Пимены; день памяти мученика Марина и преподобного Пимена Многоболезненного, путем тяжелой болезни достигшего Царствия Небесного, а также Пимена — Постника Печерского.

Пимены-Марины — не ищи в лесу малины.

Спустя лето по малину в лес не ходят.

Если аисты готовятся к отлету, осень будет холодной.

- 21 августа (8 августа ст.ст.). Мирон-Ветрогон; день памяти святителя Мирона Чудотворца, епископа Критского.

Каковы Мироны, таков январь.

Месяцеслов

Мироны-Ветрогоны пыль по дороге гонят, по красном лете стонут.

Ранние инеи в конце лета — к урожаю будущего года.

- 23 августа (10 августа ст.ст.). Лаврентий; день памяти мученика архидиакона Лаврентия.
На Лаврентия смотрят в полдни на воду: коли тиха, то осень будет тихая, а зима без выюг.
- 24 августа (11 августа ст.ст.). Евил; день памяти мученика архидиакона Евила.
В некоторых местах полагали, что в ночь на мученика Евила на могилах ходят разные привидения, слышны свист, вой и песни, а также бегают белый конь.
- 27 августа (14 августа ст.ст.). Михай-Тиховой; день памяти пророка Михея.
На Михея дуют ветры-тиховои — к вёдреной осени.
На Михея буря — к ненастному сентябрю.
Михеев день с бабьим летом бурей-ветром перекликается.
Тихий ветер в сад — сухая осень в лес.
Средний срок начала листопада.
- 28 августа (15 августа ст.ст.). Дожинки, Обжинки, Оспожинки, Спожинки; Успенье; праздник, посвященный Успению Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии.
Конец Успенского поста.
Начало молодого бабьего лета (до 11 сентября).
С этого времени отлетают ласточки.
С Успенья солнце засыпается.
На Успенье огурцы солить, на Сергия (8 октября) капусту рубить.
Озимь сей за три дня до Успенья и три после Успенья.
До Успенья пахать — лишнюю копну нажать.
Успенье — дожинки. Оканчивается уборка и посев озимого хлеба. Сам обряд окончания жатвы во многих местах назывался спожинками.

По старому общерусскому обычаю на поле после окончания жатвы оставляли несколько несрезанных колосьев, которые перевязывали лентой — «завивали бороду» — и приговаривали: «Дай Бог, чтобы на другое лето был хороший урожай!», — делалось это, чтобы вернуть земле силу, потраченную на выращивание урожая. Перевязанные колосья свивали в венок, пригибали его к земле и слегка присыпали землей; под стебли клали хлеб с солью и, низко кланяясь, скрепляли сделанное словами: «Батюшка, Илья-борода! Уроди ржи, овса, ячменя и пшеницы!» (или: «Вот тебе, Илья-борода, на лето уроди нам ржи да овса!»).

Последний сноп обычно жали молча. В Костромской губернии у девушек при окончании жатвы принято было жать сноп чапушку, причем

считалось, что если в это время сказать хоть слово, жених будет слепой или с другим изъяном.

Последний сжатый сноп в народе называли «именинником» и окружали особым почетом: наряжали его в сарафан или обвивали ситцевыми платками, после чего с песнями несли на «пир честной», а затем ставили его на тязло (полку для икон), под образа. Последний сноп овсяной жнивы на Покров скармливали скотине или раздавали по горсточке курам, овцам, свиньям, коровам и лошадям (Костромская губ.). Во многих местах последний сноп сохраняли и до Нового года.

Пиршество, непременно устраиваемое в честь окончания урожая, называлось в народе «складчиной» или «братчиной», как устраивали его на собранные со всего села («со всего мира») деньги и готовили угощение из продуктов, собранных с каждого двора. Одним из главных блюд в этот день считалась пожинальница — ячница, которая обычно готовилась из большого количества яиц.

Тем, кто не успел к сроку окончить жатву, обычно старались помочь, устраивали «выжанки» — взаимопомощь при окончании жатвы. О том, что у такого-то тогда-то будет выжанка, односельчане оповещались заранее. Женщины обычно охотно собирались на выжанки, «имея в виду несколько повеселиться в разгар полевых работ и обеспечить себе подобную же помощь»; работали с песнями и шутками, подбодряя друг друга. Наградой за участие в выжанках являлось обычно угощение.

- 29 августа (16 августа ст.ст.). Третий Спас — Ореховый, Хлебный, Спас-на-полотне; праздник Спаса Нерукотворного.

По преданию, когда правитель Авгарь, пораженный проказой, услышав о чудесах, творимых Спасителем, он послал к нему письмо с просьбой прийти и исцелить его: с письмом он послал своего живописца, поручив тому написать изображение Иисуса Христа. Но живописец, найдя Господа, не смог подойти к нему, так как тот был окружен людьми, слушавшими его проповедь. Он попытался издала написать образ Спасителя, по ему это никак не удавалось; тогда Иисус сам позвал его, передал ему письмо для правителя с обещанием прислать своего ученика для исцеления, а потом попросил принести воду и убрूस (холст, полотенце), умыл лицо, обтер его убрусом, и на холсте отпечатался его лик. Этот убрूस живописец принес своему правителю, а тот, получив желанное исцеление, установил его над городскими воротами. Позднее этот образ был перенесен в Константинополь; это событие и праздновалось 29 августа.

К этому дню поспевают орехи (отсюда — Ореховый Спас).

Орехи начинали есть обычно с третьего Спаса.

Если год был урожайным на орехи, то на следующий год хорошо уродится хлеб.

Ласточки отлетают три раза, в три Спаса.

Если журавль отлетит к третьему Спасу, то на Покров будет морозно.

Третий Спас — «хлебный»: пекут пироги из нового хлеба.

Третий Спас хлеба припас.

Месяцеслов

В некоторых местах в день Спаса-на-полотне принято было ходить к святым источникам, умываться ключевой водой и утираться браным полотенцем.

31 августа (18 августа ст.ст.). Фролы, Флор (Фрол) и Лавр (Лавер) — Лошадники; день памяти святых мучеников Флора и Лавра.

Флор и Лавер — кончай посев ржи. Дожинки, досевки.

После этого дня посев ржи считается запоздалым.

Коли до Фрола не отсеешья - фролки (цветочки) и родятся.

Фролы — голы.

На Фролы смотрели корни у польни: если побеги корня толсты — следующий год будет урожайным.

Солят огурцы.

Фрол-Лавер — конский праздник.

Лошадей в этот день купали, завивали им лентами хвосты и гривы, кормили их в полную сыть и ни в коем случае на них не работали. Даже на скачках, которые устраивались в этот день в некоторых местах, седлать лошадей было не принято.

На Фрола и Лавра не выжигают тавра.

Фрол и Лавер до рабочей лошади добер.

На Фролы лошадей кропили святой водой.

С Фрола и Лавра начинаются осенние утренники.

С Фролова дня раньше начинали работать при огне; говорили, что «с Фролов засиживают ретивые, а с Семена (14 сентября) — ленивые».

Осень.

Весна красна цветами, а осень снопами (плодами).

Весна красна, да голодна, а осень дождлива, да сытна.

Осенью и у воробья пир.

Осень — погоды перемен восемь.

Весной дождь парит, осенью мочит.

Осенний дождь мелко сеется, да долго тянется.

Весной что рекой прольет — капли не видать, осень ситцем просеет, а воду хоть ведром черпай.

Нс будь в осень тороват (щедр, расточителен), будешь к весне богат.

Осенняя ночь на двенадцати подводах едет.

Осенью серенько утро, так жди красного денька.

Тепла осень — к долгой зиме.

Если с дерева лист не чисто спадает — будет холодная зима.

Если листопад пройдет скоро, надо ожидать крутой зимы.

Поздний листопад — к суровой и продолжительной зиме.

Лист хотя и пожелтел, но отпадает слабо — морозы наступят не скоро.

Если осенью листья березы начнут желтеть с верхушки, то будущая весна будет ранняя, а если снизу — то поздняя.

Появились опенки — лето кончилось.

Хлебород — перед строгой зимой.

Высоко птицы перелетные летят осенью, так снегу много будет, а низко — так малы снега будут.

Осенью птицы летят низко — к холодной, а высоко — к теплой зиме.

Строгой зиме быть, коли птица дружно в отлет пошла.

Если осенью луга опутаны тенетником, гуси гуляют стадами, скворцы долго не отлетают, а зайцы долго не белеют, будет протяжная р вёдреная.

Куры осенью начинают рано линять — к теплой зиме.

Пчелы рано закупориваются — зима будет ранняя и строгая; если же они заведут в другой раз детку, осень будет теплой и продолжительной.

Пчелы осенью плотно залепляют воском леток — к холодной зиме; оставляют его открытым — к зиме теплой.

Появление комаров поздней осенью — к мягкой зиме.

Большие муравьиные кучи к осени — на суровую зиму.

Если в зайцах много жиру, то зима будет суровая.

Коли заяц-беляк рано белеет — зима будет внезапная и холодная.

Если мыши во льну гнездо совьют, то в зиму большие снега будут.

Если мыши отрывают поры на теплую сторону — зима будет суровая.

Кроты и мыши делают большие запасы — к суровой и снежной зиме.

Если хомяк рано начинает таскать большие запасы — зима наступит ранняя и морозная.

Если кроты к осени натаскивают в свои поры много жнивья и соломы — зима предстоит холодная.

Месяцеслов

Сентябрь.

Сентябрь, девятый месяц в году, у римлян был седьмым (т.к. год начинался с марта), отчего и назывался Сентемврием (от septem). Известно, что некогда этот месяц был седьмым по счету и у славян, однако в 1342 году, при митрополите Феогносте, возникли прения о начале года, и собором в Москве было решено начинать как церковный, так и гражданский год с сентября-сентемврия; в 1505 г. последовало новое подтверждение праздновать церковно-гражданский год в этом месяце. Вводя эту перемену в свое летоисчисление, русская церковь следовала примеру греко-восточной церкви, которая установила празднование новолетия с 1-го сентемврия в память победы, одержанной Константином Великим над своим врагом Максентием, жестоким гонителем христианства. Впрочем, при этом славянам новое времяисчисление давалось с трудом и простые крестьяне еще долгое время по-прежнему считали началом года месяц март.

Коренным славяно-русским названием месяца сентября был, по-видимому, ряуинь — от рева осенних ветров и зверей, особенно оленей; именно это название месяца можно встретить в древнерусских месяцесловах и святцах. Позднее, правда, название это несколько исказили и стали называть сентябрь ревуном. Известны и другие названия сентября, нередко встречавшиеся в народе: др.-рус. — вересень, хмурень, зоревик; белор. и укр. — вересень, листопадник, златоцвет.

Холоден сентябрь, да сыт.

В сентябре синица просит осень в гости.

Батюшка-сентябрь не любит баловать.

В сентябре одна ягода, да и та горькая рябина.

У мужа в сентябре только те и праздники, что новые новины (холсты; зерно нового урожая).

Гром в сентябре предвещает теплую осень.

Пока лист с вишен не опал, сколько бы снегу ни выпало, оттепель его сгноит.

Если журавли летят высоко, не спеша и «разговаривая», осень будет стоять хорошая.

Много тенетника на бабье лето — к ясной осени и холодной зиме.

Паутина стелется по растениям — к теплу.

Осенний тенетник — на ясную погоду, на ведро.

Много желудей в сентябре на дубу — к лютой зиме.

Если в сентябре на дубах будет много желудей, то можно ожидать и много снегу перед Рождеством.

Частые и сильные туманы, бывающие в сентябре, особенно без ветра, причиняют различные болезни людям слабого здоровья

- 1 сентября (19 августа ст.ст.). Андрей-Тепляк, Стратилатов день; день памяти мученика Андрея Стратилата.
Ветер, дующий в этот день с юга, обещает хороший урожай овса.
Стратилатов день приспел — овес поспел.
- 2 сентября (20 августа ст.ст.). Самуил, Самойлин день; день памяти пророка Самуила, пятнадцатого и последнего судьи Израильского.
Самойлин день — Бога о мужике молит.
- 3 сентября (21 августа ст.ст.). Фаддей; день памяти Фаддея, апостола от 70-ти.
Если этот день будет ясный, то надобно ожидать, что еще четыре недели будет хорошая погода.
- 4 сентября (22 августа ст.ст.). Агафон-Огуменник; день памяти мученика Агафона.
Считалось, что в этот день леший выходит из леса и бегаёт по селам и деревням, дуриет и раскидывает снопы по гумнам. Мужики выходили стеречь гумна в тулупах наизнанку, с кочергами.
- 5 сентября (23 августа ст.ст.). Луппа-Брусничник; день памяти мученика Луппы, верного слуги святого великомученика Дмитрия Солунского.
Святой Луппа — мороз овсы лупит.
Начинаются утренники, вредные для овса и льна, поэтому надобно спешить их убрать.
Лен две недели цветет, четыре недели спеет, а на седьмую семя летит.
Если доспевает брусника, то и со жнитвом овса надо торопиться.
Если на Луппу журавли на юг потянули — зима наступит ранняя.
Если журавли летят низко, то зима теплая, а если высоко — холодная.
Журавли летят низко и быстро, молчком — жди скорого ненастья.
- 6 сентября (24 августа ст.ст.). Тихие зори.
Заря тихая всякую душу в одиночку в лес идти унимает.
По поверьям, в этот день то ли цветок какой, то ли огонь катается по лесным полянам, манит, ожечь норовит.
- 7 сентября (25 августа ст.ст.). Тит и Варфоломей; день памяти Тита, апостола от 70-ти, а также праздник перенесения в конце VI в. на остров Линару мощей святого Варфоломея, апостола из числа 12-ти апостолов Христовых.
Пришел Варфоломей — жито еа золу сей.
Святой Тит последний гриб растит.
Кто пораньше встает — тот грибов наберет, а сонливый да ленивый идут после за крапивой.

Месяцеслов

Большой урожай грибов в течение лета предвещает продолжительную зиму.
Грибы грибами, а молотьба за плечами.

- 8 сентября (26 августа ст.ст.). Наталья–Овсяница; день памяти мученицы Натальи.
Холодные утренники в это время предвещают раннюю и холодную зиму.
В этот день в одних местах закашивали овес, а в других оканчивали уборку овса.
На Наталью–Овсяницу принято было варить овсяный кисель и печь блины.
- 10 сентября (28 августа ст.ст.). Анна и Савва — Скирдники; день памяти праведной Анны Пророчицы и преподобного Саввы Крыпецкого, отшельника в Крыпецкой пустыне (близ Пскова).
Спешат убрать хлеб в скирды.
- 11 сентября (29 августа ст.ст.). Иван Постный, Полетний, Полетовщик; Головосек; день усекновения главы пророка, Пред-течи и Крестителя Господня Иоанна.
В этот день православная церковь издавна совершала поминовение воинов, погибших на поле брани.
Иван Постный пришел, лето красное увел.
Иван Постный — осени отец крестный.
С Постного Ивана не выходит мужик без кафтана.
С Ивана–Полетовщика, по народному убеждению, грешно купаться уже всякому, даже и сорванцу (т.к. к этому времени вода бывает уже очень холодна).
Иван Предтеча гонит птицу за море далече.
На Ивана Крестителя журавли пошли на юг — к ранней зиме.
На Ивана Купалу собирали преимущественно травы, а на Ивана Постного — коренья.
С Ивана Постного убирали репу. В некоторых местах в честь этого события устраивали «репный» праздник, который отмечался без песен, но с довольно обильной едой и традиционным угощением нищих, бедных странников, калек переходящих.
Со днем Головосека в народе связывался запрет есть все круглое или красное, напоминающее голову, кровь и т.д. Так, в этот день не варили щей, так как кочан капусты по форме напоминает усеченную голову; не ели яблок, так как считалось, что отсеченную голову св. Иоанна катали на блюде, как яблоко; не употребляли в пищу также картошку, арбузы, лук и т.п. Вообще, в этот день следовало соблюдать строгий пост (отсюда — Иван Постный).
На Ивана Постного считалось грехом брать в руки нож и резать что бы то ни было. Кроме того, запрещалось в этот день плясать и петь, так как, по преданию, дочь Иродиады своими плясками угодила Ироду, а когда тот пожелал вознаградить ее, попросила подать ей на блюде голову Иоанна Крестителя.
- 13 сентября (31 августа ст.ст.). Куприян; день памяти священномученика Киприана, епископа Карфагенского.
На Куприяна начинают дергать корнеплоды (кроме репы), копают картофель.
Журавлиное вече.
В некоторых местах после этого дня начинали ходить по клюкву, а раньше нельзя — тьме угождаешь.
- 14 сентября (1 сентября ст.ст.). Симеон и Марфа, Симеон Столпник, Семси-Летопроводец, Семен-день; день памяти преподобного Симеона Столпника, 47 лет простоявшего на столпе, предаваясь молитвам и посту, и матери его Марфы.
Название Летопроводца преподобный Симеон получил на Руси оттого, что в день его памяти — 1 сентября ст.ст. — славяне оканчивали и провожали лето. В Мирском Потребнике 1639 г. описывается обряд, совершавшийся некогда в этот день на Ивановской площади в Москве, между Архангельским и Благовещенским соборами; заключался он в том, что патриарх в «самой величественной обстановке», в присутствии царя и при большом стечении народа, совершал «молитвословие о благословении наступающего лета», после чего все присутствующие поздравляли друг друга с началом нового года. После этого молитвенного торжества все старались «ознаменовать начало года деяниями благотворительными»; люди богатые посылали еду и разные необходимые вещи живущим в странноприимных домах, а люди менее зажиточные раздавали милостыню.
На Симеона-Летопроводца русские государи некогда устраивали свой личный суд, на котором разбирали все имеющиеся жалобы. При этом в грамотах царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича значится, что монастырским людям и крестьянам «назначалось три срока в году ставиться на суд царский, именно; Семей день, Троицын день и Рождество Христово».
Поскольку по старому стилю день Симеона Столпника приходился на 1 сентября, с ним было связано большое количество начинаний или завершений работ, сроков и т.п. Так, в старину на Летопроводца в сельском быту оканчивались все торговые и хозяйственные договоры и сделки. Некогда с этого дня начиналась подготовка к военным походам.
С Семен-днем в древности связывался довольно важный обряд — так называемые постриги и сажание на коня при переходе из младенчества на четвертому году. Говорили: «На Семена дитя пострига», на коня сажай и на ловлю в поле выезжай». Об этом обычае довольно часто упоминается в летописях начиная с 1191 г. Обычай этот, судя по всему, соблюдался преимущественно княжескими родами и т.п.; само свершение его в старину (особенно в родах княжеских) имело, по-видимому, церковный характер: так, в 1-й Новгородской летописи сообщается, что обряд пострижения над Ростиславом, сыном князя Михаила, совершался в 1230 г. в Новгороде у св. Софии, и при этом замечается, что постригаемому «уя влас архиепископ Спиридон».
Другим немаловажным обычаем дня Симеона-Летопроводца был обычай «хоронить» мух, блох, тараканов и прочих домашних насекомых, чтобы они не водились в доме. Этот деревенский обряд совершали преимущественно девушки. Заключался он в том, что мух и тараканов хоронили в специально изготовленных коробочках и т.п., причем такие «похороны» нередко сопровождалась плачами или, наоборот, веселыми песнями. Некоторые исследователи полагают, что такой обычай несколько напоминает древнее почитание Белбога, который представлялся нередко в окровавленном виде, весь покрытый мухами, комарами и т.п., и относился вообще к божествам добрым, «белым».

Месяцеслов

Со дня Симеона-Летопроводца в деревнях начинались так называемые засидки, т.е. работа в избах при огне. При этом под Семен-день принято было вечером гасить старый огонь, а утром зажигать новый, добываемый по этому случаю особым образом — вытиранием из дерева; такой огонь в народе называли новым или «живым» огнем.

День Симеона-Летопроводца во многих местах считался праздником псарных охотников, днем первого выезда в отъезжее поле. С этого дня начинался охотничий сезон; у охотников в обычае было в этот день притравливать зайцев.

Время с Семена-дня до Гурия (28 ноября) в народе иногда называлось свадебными неделями и считалось самым добрым временем для свадеб.

По поверьям, переходы в Семен-день на новоселье — счастье и веселье.

На Симеона Столпника солят огурцы.

Там, где имеются бахчи, в Семенов день снимают с гряд дыни, арбузы.

Во многих местах с этого дня начинали копать картофель.

Яровое к Симеону Столпнику обязательно убирается.

Коли па Семен-день не убрали колосовые, считай, пропал урожай: зерно выпало наземь.

Семен-день — семена долой, т.с. семена сами выпадают из колосьев.

Семен-день — семена долой: грех хлеб сеять.

В Семен-день севалка с плеч; при этом, однако, во многих местах к этому дню приурочивался озимый сев.

В народе говорили: «В Семен-день до обеда паши, а после обеда пахаря с поля гони» (или: «На Семен-день до обеда наши, а после обеда руками маши»). Присловье это понималось по-разному: иногда — как намек на то, что с наступлением сентябрьских дней ясная утренняя погода к полудню часто сменяется холодом и ненастьем, но чаще — как напоминание о завершении работ на земле.

Если на Семен-день теплая погода, то вся зима будет тепла.

Если Марфа грязна вышла, то осень должна быть дождливой (Пинежье).

Сухая осень, коли на Семен-день сухо.

На Семен-день ветер дует из южного края — будет зима гнилая или теплая.

Если на Семен-день ветер из-под солнца, зимой ветры будут с севера (Воронежская губ.).

На Семеновы осенины много тенетника — осень долгая и ясная.

Если дикие утки садятся, а скворцы не отлетают — осень протяжная и сухая.

Если гуси улетают на Семен-день, жди ранней зимы (Подмосковье).

После Семена журавли отлетают в теплые края.

По поверью, на Симеона Столпника ласточки вереницами ложатся в озера и колодцы, где и зимуют.

В некоторых местах считалось, что на Семен-день ужи (или угри, змеевидные рыбы) выходят на берег и ходят по лугам на три версты, купаясь в росе.

На Семен-день, по народному убеждению, черт меряет воробьев меркою: сколько взять себе, а сколько выпустить; для этого все воробьи собираются к нему, и потому в Семен-день их нигде нельзя увидеть.

Со дня преподобного Симеона Столпника начинается так называемое бабье лето. Говорили: «Святой Симеон лето провожает, бабье лето наводит». Вообще, бабьим летом издавна называлось время с Семена-дня по день Рождества Богородицы (21 сентября); очевидно, такое название этому времени было дано потому, что в это время обычно начинались различные сельскохозяйственные работы (например, трепание пеньки, мочение льна и т.н.), которые выполняли преимущественно женщины па открытом воздухе; но сравнению со страдной летней порой это время считалось довольно легким.

С Симеона Столпника — бабий праздник и бабы хлопоты.

Если первый день бабьего лета ясный и теплый, то и вся осень будет теплая и ведреная, и наоборот.

Бабье лето ненастно — осень сухая.

С Семена-дня начинали мочить коноплю, сушить и мять лен.

Лен стели к бабьему лету, а подымай к Казанской (4 ноября) (Нижегородская губ.).

15 сентября (2 сентября ст.ст.). Мамонт (Мамонтий)-Овчарник, Федот и Руфина; день памяти святого мученика Маманта и родителей его, благочестивых Феодота и Руфины.

Федот и Руфина — не выгоняй со двора поутру скотину: выгонись — беду нагонись.

Святой Мамонтий повсюду в народе считался покровителем овец и коз. Так, древнерусские странники-богомольцы пели о святом Мамонте: «Попаси же ему (т.е. хозяину) Мамонтий козок»; хозяйева же, имеющие коз, овец и т.п., молились Мамонту о сохранности скота, полагая, что святой может защитить животных от мора и т.п. Очевидно, такие представления о покровительстве Мамонта овцам и козам возникли на основе сказаний о жизни этого святого. Так, по преданию, когда святой Мамонт жил в одиночестве на горе посреди пустыни, звери, живущие окрест, приходили к нему и слушали чтение Святого Евангелия, а дикие козы и лани позволяли святому доить себя; из их молока Мамонт приготавливал сыры, которыми питался сам и которые продавал, раздавая вырученные деньги бедным и неимущим. Это сказание коснулось и живописи: святой Мамонт нередко изображался в окружении оленей и диких коз.

Со дня святого Мамонта во многих местах полная свобода давалась парням, на долю которых выпадало идти в рекруты. После окончания всех полевых работ и до самого набора (проводившегося обычно в ноябре) они не занимались практически никакой работой, гуляли в нарядной, праздничной одежде и поочередно ходили друг к другу в гости.

16 сентября (3 сентября ст.ст.). Василиса, Домна; день памяти святых мучениц девы Домны и Василисы Никомидийской.

Василиса — со льнами торопись.

На Домну бабы собирали в дом всякую рухлядь, чтобы обеспечить благополучие на осень.

Месяцеслов

17 сентября (4 сентября ст.ст.). Неопалимая Купина; праздник в честь иконы Богородицы Неопалимой Купины. В этот же день отмечалась еще и память св. пророка Моисея, видевшего Купину Неопалимую.

На иконе Богородицы Неопалимой Купины изображалась Богоматерь с младенцем на руках, стоящая поверх горящего, но не сгорающего куста, а также восьмиконечная звезда со знаками Апокалипсиса и изображения архангелов. Изображение Богоматери в огненной купине имеет основание в церковных песнопениях; так, например, в догматике 2-го гласа поется: «Яко же бо купина не стараше опаляема, тако Дево родила еси», а в другой песне, как бы в пояснение этого, замечается: «Дева всенетая, юже в тебе тайну Моисей пророческими виде очима купину горящу и неопаляему; Божества бо огонь утробу твою, Чистая, не опали». То есть Пресвятая Богородица называлась Купиной Неопалимою и изображалась в середине горящего куста, так как она «в рождестве сохранила девство и осталась не опалимою от огня Божества».

Вероятно, на основании того, что Божия Матерь «сама осталась не опалимою от огня Божества, когда была его жилищем», и возникло поверье, что она может спастись от огня, молнии и пожара. Сами обстоятельства чудесного явления чудотворной иконы Купины несгораемой способствовали таким поверьям: «Сия икона кресто-Богородична, яко неопалимая Моисеева Купина, на месте, купини полном, бысть в Пинском повете в Кунятчах найдена, в огнезрачном свете». Кроме того, пресвятая Дева Мария сама представлялась славянам распорядительницей огненной стихии: так, например, в одном старинном русском сборнике было сказано, что «пресвятая Дева Мария угрожает испустить с неба на землю камень много, молние огненное, провести в страдное время сильный мороз и лед и страшное землетрясение»; в другом же сборнике рассказывалось, как в 1641 г. некой жене явилась сама Богородица и объявила, что если люди не будут свято праздновать праздничных дней, то она за непослушание будет посылать на землю «камень много» («Испущу, — говорит Богородица, — молние огненное с небес, и лед, и мороз лютый спущу на страдное время, на скот и на хлеб ваш и на все живущее, и по вся годы хлеба не будет, и камень горящее с небес спадет, и будет молние огненное, и хлеб и травы озябнут, и скоты ваши голодом погибнут»). Подобные поверья были известны не только у русских, но также и у чехов, сербов, поляков, литовцев. Пресвятая Богородица в некоторых местах вплоть до XX в. называлась громовницей и сближалась с Ильей-Пророком, ее считали распорядительницей грозных и в то же время благодетельных сил огненной стихии.

Очевидно, на основании всех этих представлений Богородица Неопалимая Купина и считалась повсеместно охранительницей от пожаров и молний; ей возносили особые молитвы о защите дома и скота от огня. Во многих местах даже существовал обычай обходить горящее здание вокруг с образом Богородицы Неопалимой Купины, чтобы прекратить пожар.

На Неопалимую Купину в некоторых местах начинали выкапывать лук из гряд; поэтому 17 сентября иногда пазы али еще Луковым днем.

19 сентября (6 сентября ст.ст.). Михаил; праздник, установленный в воспоминание о чуде, совершенном святым Архистратигом Михаилом в Хонах (IV в.).

По преданию, во Фригии находился храм во имя Архистратига Михаила, в котором в течение 60 лет служил пономарем благочестивый человек по имени Архиип, никогда не отлучавшийся от храма; когда язычники задумали разрушить храм и направили на него две горные реки, соединив их в одно русло, Архиип стал молиться, и около храма по его молитве явился Архистратиг Михаил, который ударом своего жезла открыл в горе широкую расселину, в которую и устремились воды бурлящего потока. Место, где свершилось это чудо, получило название Хоны (т.с. «отверстие», «расселина»).

19 сентября — Михайловские утреники.

День к этому времени укоротился уже па пять часов.

На Михаилу нельзя работать — Бог накажет.

20 сентября (7 сентября ст.ст.). Луков день; Созонт; день памяти мученика Созонта.

Повсеместно начинается уборка лука.

Начинаются торги репчатым луком.

Лук в косицы плетут девицы. Лук лечит гноевицы.

Много одежды па луковицах — быть зиме холодной.

21 сентября (8 сентября ст.ст.). Рождество Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии.

День этот в народе нередко именовали Оспожинками, Госпожинками или Пречистою другою (для отличия от дня Успения). С одной стороны, такие названия, очевидно, были связаны с церковными наименованиями Пресвятой Девы Марии (ее обычными эпитетами были Госпожа и Пречистая); с другой же стороны, в них имелся намек на ножни — время после жатвы, когда справлялся праздник урожая. Еще одно название этого дня — Осенины — отражало состояние природы в это время, наступлению осени. Все эти названия относились не только ко дню Рождества Богородицы, но и ко всей неделе, предшествующей этому дню (т.е. недели с 1 по 8 сентября ст.ст.).

Осенины, вторая встреча осени. Бабы осень встречают у воды.

С Рождества Богородицы начиналась луковая неделя, когда женщины убирали лук с гряд (впрочем, в некоторых местах лук начинали убирать и раньше, например, с 17 сентября).

В Пензенской и Саратовской губ. Рождество Богородицы именовали еще Пасиковым днем, так как в это время убирали пчел; пасек, пчельников.

21 сентября — Осножинки, праздник урожая. Справлялся он иногда в течение целой недели: чем урожайнее было лето, тем продолжительнее устраивался праздник. Отмечался он хождением в гости и широким хлебосольством; обязательным считалось приглашение молодых к родителям (тестю и теще) вместе со свекром и свекровью для установления и скрепления добрых, мирных отношений между невесткой и родителями мужа, между обоими семьями. Внуки нередко оставались у бабушки и дедушки на несколько дней после праздника.

Месяцеслов

- 23 сентября (10 сентября ст.ст.). Петры-Павлы, Петр и Павел — Рябинники; день памяти святителей Петра и Павла, епи-скопов Никейских. В этот день срывали ягоды рябины и кистями вешали их под крышу. При этом часть рябины оставляли на кусту — дроздам-рябинникам, снегирям-краснозобам и всякой другой птице.
Ели рябины в лесу много — осень будет дождливая, если же мало — сухая.
Много ягод есея рябине предвещает строгую зиму.
Около Петровок заготавливали рябиновый квас, слабительный и прохладительный, — от частых суровой зимой воспали-тельных болезней.
- 24 сентября (11 сентября ст.ст.). Федора-Обдера, Замочи хвосты; день памяти святой Феодоры Александрийской.
Третья встреча осени.
Нк каждое лето до Федоры дотянет.
Если пчелы заводят в другой раз детку, то будет продолжительная и долгая осень (Воронежская губ.).
Становится слякотно, вес чаще идут дожди: Федора — Замочи хвосты.
Осенние Федоры подол подтыкают, а зимние Федоры (12 января) платком рыло закрывают.
Федоры-Обдѣры: обивается оставшийся на корню хлеб.
В этот день осень ездит па гнедой кобыле.
Преподобная Феодора — всякому делу аминь.
Ходят смотреть озимые всходы.
Не хвали суело, а хвали пиво; не хвали озимей, а хвали жниво.
Озимь в сусек не кладут.
- 25 сентября (12 сентября ст.ст.). Артамон; день памяти Автонома, епископа Итальяского.
На Артамопа змеи уходят в леса и прячутся.
- 26 сентября (13 сентября ст.ст.). Корнилий; день памяти сотника Корнилия, первого язычника, принявшего крещение после Вознесения на небо Господа Иисуса Христа.
С Корнилья корень в земле не растет, а зябнет.
Убирают все корневые овощи -- картофель, брюкву, морковь, хрен и т.д., кроме репы.
- 27 сентября (14 сентября ст.ст.). Воздвиженье; праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.
По преданию, император Адриан некогда приказал засыпать землей Голгофу и гроб Господень, а на искусственном холме по-ставить языческое капище, чтобы полностью уничтожить воспоминания о священных местах, где пострадал за людей и воскрес Иисус Христос. Однако через 300 лет император Константин Великий, первым из римских императоров прекративший гонения на христиан, увидав на небе знамение Божие — кресте надписью «Сим победиши», задался целью отыскать крест, на котором был распят Господь. С этой целью он отправил мать свою, царицу Елену, в Иерусалим, и после долгих поисков гроб Господень был найден; рядом с ним оказались три креста. Чтобы узнать, на котором из них был распят Спаситель, патриарх Макарий по-очередно возлагал кресты на покойника, и когда был возложен Крест Господень, мертвец ожил. Собравшиеся христиане стали просить Макария поднять, воздвигнуть Крест, чтобы все могли созерцать его. Константин повелел воздвигнуть в Иерусалиме храм в честь Воскресения Христова, включавший в себя гроб Господень и Голгофу; 26 (13) сентября храм был освящен, а на следующий день было установлено празднование Воздвижения Честного и Животворящего Креста.
В древнерусских хрониках Воздвижение именовалось еще «ставровым днем» (от stauros — крест). В народе же этот празд-ник называли обычно по-своему — Вздвигеньем или Сдвижением, полагая, что в этот день все «сдвигается» (ер. выражения: « Пришло сдвижение — кафтан с шубой сдвинулся», или «хлеб с поля сдвинулся», или «лето на зиму сдвинулось»). В некоторых местах Воздвижение именовали еще «честным» (подразумевая, конечно, «крестом»).
Высоко летят гуси в Воздвиженье — к высокому половодью, низко — к мелкому.
В Здвижение север, так летом тепло будет.
Здвижение — хлебе поля па гумно движется.
Воздвижение — последняя копна с поля двинулась.
Воздвижение осень навстречу зиме двигает.
Воздвиженские зазимки не беда, что-то скажет Покров-батюшка.
Воздвижение кафтан с плеч сдвинет, тулуп надвинет.
В этот день медведь залегает в берлогу.
На Воздвиженье птицы в отлет двинулись.
По народному убеждению, на Воздвиженье все гады, а также многие птицы (в первую очередь ласточки) уходят в какие-то неведомые, теплые страны или, по крайней мере, прячутся в обычные для зимовки места. Так, например, по мнению крестьян-могих губерний, на Воздвиженье змеи сбиваются в клубки, прячутся под трухлявые пни и впадают в спячку; при этом часто счита-лось, что все они перед зимовкой собираются в какое-то потаенное место к своей «змеиной матке», а потом уползают в подзем-ные вертепы. Считалось также, что ласточки в этот день (или в день Симеона Столпника) прячутся в колодцы, вереницами ло-жатся на дно рек и озер, а также улетают за морс, в рай (Вырий) и т.н., где и остаются до весны.
По поверью, лешие в день Воздвижения сгоняют в одно место все подвластное им зверье, устраивая ему смотр перед насту-пающей зимой; поэтому в этот день в лее ходить нельзя.
Повсюду в народе считалось, что в день Воздвижения не следует начинать никакого важного дела, так как все начатое в этот день или закончится полной неудачей, или будет безуспешно и бесполезно.
С Воздвижения начинали рубить капусту.

Месяцеслов

У доброго мужика на Воздвиженьев день и пирог с капустой.

На Воздвиенье начало капустникам, капустницам, капустенским вечерам, кои длились обычно две недели. Вечеринки-капустники, затеваемые в это время молодежью, начинали посиделки.

28 сентября (15 сентября ст.ст.). Никита-Гусепролет, Гусарь, Гусятник, Репорез; день памяти святого великомученика Никиты.

С этого дня хозяева начинали дергать репу, обрезать ботву и корень; по этой причине Никиту в народе нередко именовали Репорезом.

Срезанную репу потом ели свежую, пареную или вареную, а также пекли пироги с репой, делали репный квас, варили репную кашу.

Поел бы репки, да зубы редки.

Репа брюху не укрепа.

Проще пареной репы ничего нету.

На Никиту во многих местах стригли овец. Делалось это с расчетом, что до больших холодов овцы успеют обрасти новой шерстью; снятая же шерсть шла на валенки и шерстяные онучи, необходимые зимой.

Повсеместно в народе Никита был известен под именем Гусенролета. Это название было присвоено ему оттого, что дикие гуси около этого дня обычно начинают отлеты на зимовье.

Гуси летят — зимушку на хвосте тащат.

Никита-Гусятник — праздник гусятников — охотников на диких гусей.

На Никиту-Гусятника с давних времен принято было задабривать водяного перед зимой, бросая ему целого гуся без головы; гусиную же голову хозяева уносили домой — «для счета домового».

Святой Никита почитался у русского народа защитником детей от болезни, известной в простонародье под названием родимца (падучей младенческой болезни). К нему обращались с особой молитвой, в которой просили защитить и избавить детей от родимца.

30 сентября (17 сентября ст.ст.). Софья, Вера, Надежда, Любовь; день памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

30 сентября — всесветные бабы именины; бабья выть, бабий праздник. В этот день у баб принято было выплакивать все тяготы и жали.

Октябрь.

Месяц октябрь у римлян именовался октоврнем (от octo — восемь), т.к. был восьмым по счету от марта, с которого начинался год. У славян этот месяц был известен под именем листопада (от частых листопадов) или наздерника (от наздери, кострики, т.к. этом месяце женщины начинали мять лен и коноплю); при этом первое из названий постоянно упоминалось в древнеславянских месяцесловах и святцах, а последнее, судя по всему, появилось не ранее XV в. и употреблялось главным образом в южнорусских месяцесловах. Еще позднее октябрь в народе стали называть грязником (т.к. в этом месяце от осенних дождей часто возникает непролазная грязь), а также свадебником (от свадеб, которые в это время справляли в крестьянском быту). Известны и другие названия октября: др.-рус. — желтень, позимник, грудень; укр. — жовтень; белор. — кастрычпик.

Октябрь-грязник ни колеса, ни полоза не любит.

В осеннее ненастье семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, ревет, сверху льет и снизу метет.

Октябрь — месяц близкой пороши.

В октябре на одном часу и дождь, и снег.

Сентябрь пахнет яблоком, а октябрь — капустой.

Апрель обилен водой, а октябрь пивом.

В октябре только и ягод, что рябина.

Ведем бы октябрь взял, да мужику ходу нет.

В октябре и изба с дровами, и мужик с лаптями, а спорины (прибыли, избылиия) все нет.

В октябре мужик живет с оглядкой.

Октябрьский гром — зима бесснежная.

Осенний иней — к сухой и солнечной погоде, к вёдру, к теплу.

Ива рано инеем покрылась — к долгой зиме.

С какого числа в октябре пойдет година (ясная погода, вёдро), с того числа весна откроется в апреле.

В октябре лупа в кругу — лето сухое будет.

Коли листе дуба и березы упал чисто — легкий год, нечисто — к строгой, суровой зиме.

Если лист ложится на землю вверх изнанкой — к урожаю.

Добрая отава — к озими.

Если много орехов, а грибов нет — зима будет снежная и суровая.

Если кроты носят много соломы в свои норы — зима идет холодная.

1 октября (18 сентября ст.ст.). Арина (Орина) — Журавлиный лет, Шиповница; день памяти святой мученицы Ариадны.

Если па Арину журавли полетят, то па Покров надо ждать первого мороза; если же их не видно в этот день — раньше Артемьева дня (2 ноября) не ударит ни одному морозу.

Улетающим журавлям принято было кричать вослед: «Колесом дорога!», чтобы весной они прилетели обратно.

Арина-Шиповница: собирают плоды шиповника и сушат их.

Месяцеслов

В этот день примечают: если бурьяны выросли очень высокими — будет много снега.

На Арину в некоторых местах заговаривали гнилые ветра.

- 2 октября (19 сентября ст.ст.). Зосима — Пчелиный заступник, Лакомый стол; Трофим; день памяти святых мучеников Зосимы Пустынника и Трофима.

С этого дня по 10 октября — пчелиная девятина.

Во многих районах в этот день ставили ульи в омшаник, готовили их к зиме. При теплой осени и в более южных районах ульи убирала па Савватия (10 октября).

Собирают мед.

Во время всей пчелиной девятины принято было па голодный желудок каждое утро съедать по чайной ложке меда и запивать теплой водой.

2 октября молодежь обычно устраивала Трофимовские вечерки, на которых выбирали женихов.

- 3 октября (20 сентября ст.ст.). Астафий; день памяти великомученика Евстафия.

Астафьевские, Астафьевы ветры.

Начинают работать ветряные мельницы.

На Астафия примечают ветер: северный — к стуже, южный — к теплу, западный — к мокроте, а восточный — к ведру.

Если в этот день ветер будет с юга, на будущий год можно ожидать хорошего урожая озимого хлеба (Тамбовская губ.).

- 4 октября (21 сентября ст.ст.). Кондрат; день памяти святого Кондрата, епископа Афинского, апостола от 70-ти.

Погода этого дня продержится без изменений четыре недели.

- 5 октября (22 сентября ст.ст.). Фока, Иона; день памяти священномученика Фоки и святого пророка Ионы.

Фока в народе особенно почитался как защитник от пожаров, а также как подающий помощь утопающим.

Если к 4 октября лист с березы не опал, снег ляжет поздно.

На Иону нельзя есть рыбу — в память о пребывании пророка в китовом чреве (но преданию, Иона, будучи посланным Господом к ниневитянам с проповедью о покаянии, попал па корабле в шторм, был проглочен китом и провел в молитвах и видениях в его чреве три дня и три ночи, после чего был извергнут па сушу).

- 6 октября (23 сентября ст.ст.). Иванов день; день зачатия пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

В народе с этим днем связывалось начало осени. О нем говорили: «Осень третье время года, сентября 23-го числа до декабря 25-го дня (имеется в виду старый стиль)».

- 7 октября (24 сентября ст.ст.). Фекла-Заревница, Запрядалня; день памяти святой первомученицы равноапостольной Феклы.

По преданию, Фекла была дочерью знатных родителей и отличалась необыкновенной красотой. Услышав проповедь апостола Павла, она решила не вступать в брак; родители принуждали ее, а Павла по их жалобе заключили в темницу, по Фекла ночью подкупила стражу и провела три дня вместе с апостолом, слушая его наставления. За непослушание и отказ вступить в брак Феклу приговорили к сожжению; но пламя ореолом окружило ее и не коснулось святой, а пошедший вслед за тем ливень погасил костер. Фекла покинула город; вместе с апостолом Павлом и его спутниками она ходила с проповедью, а потом поселилась в пустыне и прожила там долгие годы, безвозмездно врачую больных. Когда ей было уже 90 лет, языческие волхвы послали наемников убить ее; но когда они приблизились к ее жилищу, Фекла воззвала ко Христу и гора расступилась, сокрыв святую дему

Фекла-заревница — зарева от осенних огней.

Замолотки — начинают по утрам молотить с огнем.

В натопленных овинах молотят хлеб.

Овин в этот день — именинник. Такое почитание овина было связано с тем, что с этого дня в нем начинали работать, обмолачивать хлеб; вообще же, овин как место, где просушивается зерновой хлеб, издревле пользовался большим почетом. Известно, что некогда он даже был местом молений (так, в слове Христолюбца говорится: «Еже молятся огневи под овином»); в Орловской губернии вплоть до XX в. принято было при начале молотбы резать под овином кур, а в других местах столь же долго сохранялся обычай резать под овином петуха 1 -го ноября.

В честь овина-именинника и замолотокна Феклу-Заревницу повсеместно принято было варить работникам-молотильникам кашу и угощать их с особенным старанием.

В старину сам день Феклы-Заревницы отмечался как значительный праздник, с песнями, весельем и забавами; днем обычно не работали, и только к полуночи хозяева зажигали огонь в овине и при нем начинали молотбу. От этих-то огней-зарев святая Фекла и получила имя Заревницы.

Заревницей Феклу именовали и из-за многочисленных пожаров, случавшихся около ее дня. В осеннюю погоду овина без огня не высушить, но развести огонь там было непросто, требовались опыт и искусство; поручалось это обычно опытным мужикам или старикам. Немало овинов в это время сгорало из-за неосторожности или небрежности хозяев.

На Феклу ночи темны, день убывает лошадиными шагами.

Фекла — дергай свеклу.

- 8 октября (25 сентября ст.ст.). Сергей Радонежский; день памяти преподобного Сергия (до крещения — Варфоломея).

На Сергия начинается, а с Матрены Зимней (22 ноября) устанавливается зима (северные области).

Если первый снег на Сергия, то зима установится на Михайлов день (21 ноября).

Зимний путь устанавливается в четыре семини (седмицы) от Сергия.

Месяцеслов

Первый снег выпадает за сорок дней до зимы.

Первый сухой снег обещает хорошее лето.

Если снег падает на ущерб да на мокрую землю, зима скоро ляжет (Воронежская губ.).

Если первый снег упадет, когда на вишне петлица, зима ляжет.

На Сергия рубили капусту.

Сергий Радонежский считался у крестьян хранителем кур. Хозяйева молились ему о благополучии домашней птицы и о том, чтобы куры лучше неслись и не болели.

9 октября (26 сентября ст.ст.). Иоанн Богослов; день памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Если на Богослова снег, то зима ляжет на Михайлов день.

Иоанн Богослов повсеместно почитался наставником живописного, икононого дела. Очевидно, поводом к такому мнению послужило сказание, согласно которому Иоанн из одного гусаря (т.е. простого пастуха гусей) чудесным образом сделал искусного живописца. Согласно этому сказанию, один юноша-гусопас, ежедневно гоня гусей мимо ворот, на которых была икона Иоанна Богослова, задумал списать ее и для этого принялся упражняться на песке. Долгое время у него ничего не получалось, но однажды, когда он занимался своими упражнениями, ему явился сам Иоанн Богослов и дал юноше хартию к одному очень искусному царскому живописцу, жившему в Константинополе, чтобы тот научил его икононой живописи. Юноша отправился к живописцу и уже через несколько дней, под незримым руководством святого Иоанна, достиг таких успехов, что даже превзошел своего учителя-живописца в искусстве живописи. Очевидно, на основании этой истории Иоанна Богослова и стали почитать наставником и помощником мастеров икононого письма. В русских прописях и азбуковниках XVII в. встречаются и особые молитвенные обращения святому Иоанну: «Святый апостоле и евангелисте Иоанне Богослове! На тайней вечери возлегий на иереи Христова, вразуми мя и научи добре писати, яко же оного гусаря, на песке образ твой изображати».

10 октября (27 сентября ст.ст.). Савватий-Пчельник; день памяти преподобного Савватия Соловецкого.

Конец «пчелиной девятины» (начинавшейся с Зосимы — 2 октября).

Пчел убирают в омшаники на зимовье.

В этот день в большинстве областей центральной России укутывают на зиму ульи.

На Савватия пчеловоды заставляли молиться святому детей, так как пчелиный промысел считался одним из тех, которые требуют нравственной чистоты и праведной жизни перед Богом, а дети до 12 лет считались в народе безгрешными.

13 октября (30 сентября ст.ст.). Григорий Соломенный; день памяти священномученика Григория, «просветителя Великой Армении».

Если снег упадет, зима долго не настанет.

Григорий Соломенный — жгут старую солому из постелей и набивают матрасы повой.

На Григория детей купали из решета на пороге — от призору, от порчи.

14 октября (1 октября ст.ст.). Покров; великий христианский праздник чудного явления Покрова Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии.

По преданию, явление это произошло в середине X в. в Константинополе. В воскресный день 1 октября ст.ст., во время всеобщего бдения, Андрей, Христа ради юродивый, славянин, в юности попавший в плен и проданный в рабство местному жителю, подняв очи к небу, увидел Богородицу, озаренную небесным светом и окруженную ангелами и святыми. Пресвятая Дева, поклонив колена, стала молиться за христиан, а затем сняла с головы покрывало и распростерла его над молящимися в храме людьми, защищая их от врагов, видимых и невидимых. Затем Владычица исчезла и ее покрывало сделалось невидимым.

На Руси храмы в честь Покрова Богородицы появились в XII в. Праздник же Покрова Божией Матери был установлен в русской церкви около 1164 г. заботами Андрея Боголюбского.

У славян Покров повсеместно считался покровителем свадеб. Причиной такого убеждения послужило, очевидно, то, что название праздника ассоциировалось в народном сознании с покрывом-фатой невесты. У славян, как и у многих народов, фата или покрывало считались одной из важнейших свадебных принадлежностей и служили признаком замужества. Так, один арабский писатель XII в., описывая древнеславянский брак, упоминал, что «если кто чувствовал склонность к какой-либо девице, то набрасывал ей на голову покрывало, и она беспрекословно делалась его женою». Известно, что в древности на Руси принято было вести невесту под венец, закрыв ее фатой или закутав с головы до ног покрывалом; обычай этот в некоторых местах сохранился вплоть до XX в.

Свою роль сыграло, вероятно, и то, что около праздника Покрова обычно выпадают первые снега, которые покрывают землю. Зимний снежный покров издавна сближался в народном сознании с белой фатой невесты, с ее свадебным покрывалом. Возможно, из этих аналогий и возникло поверье, что если на Покров выпадет снег, будет много свадеб. В народе говорили: «Придет Покров, девке голову покроет»; девицы же, обращаясь с молитвами к Покрову, приговаривали: «Мать-Покров, покрой землю снежком, меня, молодую, платком», «Мать-Покров, покрой мать сыру землю и меня молодую», «Бел снег землю покрывает, не меня ли, молодую, замуж снаряжает», и т.п.

Помимо всех этих ассоциаций, на представления о Покрове как о свадебном времени повлияло, без сомнения, и то, что само время этого праздника совпадало с той порой, когда в сельскохозяйственном быту заканчивались все важнейшие сельскохозяйственные работы и хлопоты страдной поры. Именно в эти осенние недели, начиная с праздника Покрова Пресвятой Девы, крестьяне и начинали думать о свадьбах: срочные и необходимые дела, вроде полевых работ, теперь не мешали веселью, да и об урожае сразу после уборки урожая беспокоиться особенно не приходилось. В некоторых местах свадьбы устраивали иногда уже на сам праздник Покрова, так как считалось, что свадьба на Покров самая крепкая.

С Покровом, как с покровителем свадеб и невест, связывалось множество девичьих поверий и обычаев. Так, например, практически повсеместно девушки, веруя в силу Покрова содействовать брачному союзу, в первый день месяца листопада (по ст.ст.

Месяцеслов

Покров — 1 октября) спозаранку бегали в церковь, ставили там свечу перед иконой Покрова Богородицы и молились празднику Покрову или даже самой Пресвятой Богородице, считавшейся покровительницей девиц, о скорейшем выходе замуж (ср., например, такие молитвы: «Покров — Пресвятая Богородица, покрой мою бедную головку жемчужным кокошником, золотым подзатыльником»; «Святая Покровонько, покрой мене головоньку, та хоть бы вже и онучею (тряпкой), най ея девкою не мучу»); при этом считалось, что та девица, которая раньше других побывает в церкви и поставит свечу празднику, раньше других девушек выйдет замуж.

Сам праздник Покрова у девушек принято было проводить в веселии, так как считалось, что «если Покров весело проведешь, дружка милого найдешь».

С Покрова ранее начинались посиделки.

В народе говорили: «Зазимье пришло — засидки привело» (девушки в эту пору проводили много времени за шитьем и прядением).

По поверью, если на Покров ветрено — будет большой спрос на невест.

Покров — первое зазимье.

На Покров зима землю снегом покрывает.

Покров покроеет землю где листом, где снежком.

Если в Покров выпал снег, то и в Дмитриев день (8 ноября) будет снег.

Покров наголе — так и Екатерина (7 ноября) наголе.

Не покрыл Покров, не покроеет и Рождество.

От первого снега до санного пути шесть недель (Пинежье).

На Покров до обеда осень, а после обеда — зимушка-зима.

С какого краю на Покров ветер подует, оттуда и будет дуть всю зиму (Воронежская губ.).

Если в Покров ветер подует с востока, то зима будет холодной.

Если на Покров ветер с юга — зима будет теплой, а если с севера — холодной.

Если листе дуба и березы на Покров упадет чисто — к легкому году, а нечисто — к строгой зиме.

Отлет журавлей до Покрова — на раннюю, холодную зиму.

Коли белка до Покрова чисто вылиняла, то зима будет хорошая.

На Покров — последний сбор груздей и рыжиков.

С Покрова крестьяне начинали конопатить свои избы.

Чини избы до Покрова — не то не будет тепла.

В Тамбовской губ. в этот день в первый раз топили в жилых горницах печи. Хозяйки пекли блины, и это называлось «запекать углы».

Если на Покров истопить печь яблоней, то в доме всю зиму будет тепло (Тамбовская губ.).

На Покров скотину закармливали последним снопом овсяной жатвы; скот с этого дня держали дома.

От Покрова раньше нанимались на работу. Срок обычно устанавливали: от Покрова до Евдокеи, от Покрова до Егорья, от Покрова до Крещения. После уборки хлеба у парней бывало мало работы, и они охотно уходили в отходники.

С 14 октября во многих местах начинались Покровские ярмарки. В народе ходили присловья: «Приспевай, товарищ, к Покрову, сдам на Покровской ярмарке», «Подожди до Покрова, весь долг выплачу».

15 октября (2 октября ст.ст.). Куприян и Устинья; день памяти святых мучеников Киприана и Иустины.

По преданию, Киприан долгое время был языческим жрецом и чародеем, мог призывать нечистых духов и беседовал с самим князем тьмы. Однажды один юноша обратился к нему, прося его с помощью чародейства склонить христианку — девицу Иустину — к замужеству; Киприан же, как ни старался, ничего не мог сделать, так как Иустина молитвой и постом сокрушала все его чары. Тогда Киприан «отринул диавола» и принял святое крещение, вошел в число служителей церкви и добился сана епископа; святая же Иустина удалась в монастырь и была избрана в игумении. При императоре Диоклетиане Киприан и Иустина были усечены мечом.

Очевидно, в связи с этим сказанием у христиан принято было прибегать к молитвенной помощи святых Киприана и Иустины в борьбе с нечистыми духами. Так, например, русские молились этим святым об избавлении от злого очарования, а в Требнике митрополита Петра Могилы, в молебном повествовании об избавлении от злых духов, наряду с молитвами другим святым существовала и одна особая молитва к святым Киприану и Иустине; при этом в том же требнике, «в молитвенном последовании над домом очародееянным», говорилось: «Яко же святую Иустину креста знамением и на нем распятого Христа Бога нашего силою ограждаемую обавающе и убеждающе ничто же успеете, но со страхом и трепетом отбегосте, так и ныне от дома сего да изгонитесь» и т.д.

Подобная же молитва содержалась и в болгарском Дечанском сборнике, изданном в 1857 г. В церковной же службе, посвященной свв. Киприану и Иустине, в одной из песен канона говорится: «От художества волшебнаго обратився, бого мудре, к познанию божественному, покорилися еси миру врач мудрейший, исцеления даруя чествующим тя, Киприане со Иустиною, с нею же молися Человеколюбцу Владыце спасти души наша».

В это время деревенские девушки продолжали ходить на вечерки, но в будни не играли и не веселились, а сидели с прялками или шитьем; работали зачастую под пение проголосных песен.

16 октября (3 октября ст.ст.). Денис; день памяти святого Дионисия Ареопагита.

Денис — лихого глаза берегись.

В этот день читали заговоры от сглаза.

17 октября (4 октября ст.ст.). Ерофей; день памяти священномученика Иерофея, епископа Афинского.

С Ерофея холода сильнее.

На Ерофея зима шубу надевает.

Месяцеслов

На Ерофеев день один ерофеич кровь греет.

Крестьяне в этот день старались в лес не ходить. По народному убеждению, на Ерофея лешие буйствуют: бродят по лесам, кричат, хохочут, свистят, хлопают в ладоши, ломают деревья, гоняют зверей и т.д.; после первых петухов они проваливаются сквозь землю и остаются там до весны, до тех пор, пока земля не оттаяет с первыми оттепелями.

В некоторых местах на Ерофея последний раз относили лешему гостинец.

- 18 октября (5 октября ст.ст.). Харитины — Первые холстины; день памяти святой мученицы Харитины.
Солнце скатывается вниз.
Отстал от ночи день — запнулся валенком за пень.
Бабы сели за ткацкие станы, затыкают первые кросна, ткут первый холст.
- 19 октября (6 октября ст.ст.). Фома; день памяти святого апостола Фомы (прозванного Фомой Неверующим — за то, что не поверил рассказам о Воскресении Иисуса Христа).
Фома — ломит закрома, все бери задарма.
Фома — большая крома (сума): обилие хлеба и запасов.
В народе день 19 октября еще называли иногда — Денис-Позимний.
- 20 октября (7 октября ст.ст.). Сергей; день памяти святых мучеников Сергия и Ваха, а также преподобного Сергия Обнорского, Муромского, Вологодского Чудотворца.
С Сергия зима начинается.
Если Сергей снежком покроется, то с ноябрьской Матрены зима встанет на ноги.
Дневной снег не лежит, а первый ненадежный снег выпадает ночью.
- 21 октября (8 октября ст.ст.). Трифон и Пелагея; день памяти преподобного Трифона, архимандрита Вятского, и преподобной Пелагии.
С Трифона-Пелагии все холоднее.
Трифон шубу чинит, Пелагея рукавицы шьет.
- 22 октября (9 октября ст.ст.). Яков; день памяти святого апостола Иакова Алфеева.
Яков, брат Божий, крупицу (град, крупу) пошлет.
Позже всех до сего дня растут сыроежки.
Заготавливают на зиму дрова для русской печи.
- 23 октября (10 октября ст.ст.). Евлампий и Евлампия (Лампея); день памяти святых мучеников Евлампия и Евлампии, родных брата и сестры.
На Евлампия рога месяца кажут на ту сторону, откуда быть ветрам.
Если на Лампею рога месяца на полночь — быть скорой зиме, снег ляжет посуху; если на полдень — скорой зимы не жди. Будет грязь да слякоть, до самой Казанской (4 ноября) осень снегом не умоется, в белый кафтан не нарядится.
- 25 октября (12 октября ст.ст.). Пров; день памяти святых мучеников Прова, Тараха и Андроника.
На мученика Прова наблюдали за звездами и гадали по ним о погоде и урожае.
Яркие звезды в этот день — к морозу, тусклые — к оттепели.
Сильное мерцание звезд преимущественно синими оттенками — к снегу.
Много ярких звезд па Прова — к урожаю гороха.
- 27 октября (14 октября ст.ст.). Параскева-Грязнуха, Льяница, Трепальница; день памяти преподобной Параскевы Сербской.
В древних южнорусских церковных месяцесловах святая Параскева была известна под именем Терновки или Терновской — от болгарского города Тернова, куда в 1193 г. при царе Иоанне Асане были перенесены ее мощи.
У русских преподобная Параскева прозывалась Льяницей-Трепальницей, так как около дня ее памяти сельские хозяйки приступали к работам со льном: трепали его, терли, мяли и т.д.
Еще чаще святую Параскеву в простонародье называли Грязнухой, Грязнихой — за то, что около ее дня от осенних дождей образуется обычно большая грязь. В некоторых же местах ее называли еще и Порошкой — от порошей, т.е. легкого снега, выпадающего на замерзшую после оттепелей землю.
На Грязнуху не бывает сухо.
На Грязнуху большая грязь — четыре седмицы до зимы.
Если на Грязнуху грязь велика, лошадиное копыто заливается водой, то выпавший снег сразу установит зимний путь.
- 29 октября. (16 октября ст.ст.) Лонгин Сотник; день памяти святого мученика Лонгина Сотника.
По церковному преданию, Лонгин Сотник некогда командовал отрядом, который стоял на страже вокруг Голгофы, и был тем самым воином, который пронзил копьем ребра распятого Спасителя и от истекшей крови и воды получил исцеление больных глаз. После казни и погребения Христа Лонгин со своим отрядом стоял на страже у гроба Господня и видел Пресветлое Христово Воскресение. Уверовав в Спасителя, Лонгин и с ним еще два воина приняли крещение от апостолов и отправились с проповедью в родные места, где и были спустя некоторое время убиты по приказу Пилата. Головы их были отрублены и выброшены на свалку

Месяцеслов

но святой Лонгин явился во сне одной слепой женщине и велел ей найти их и предать погребению; слепая исполнила его повеление и, едва коснувшись головы мученика, прозрела.

Очевидно, в связи с этой легендой Лонгин Сотник и почитался в народе целителем разных глазных болезней. Существовала даже особая молитва этому святому о прозрении ослепших и исцелении от болезни.

30 октября (17 октября ст.ст.). Осий, Осия; день памяти святого пророка Осии.

На пророка Осию колесо прощается с осью.

По скрипу тележных колес на день Осия гадали об урожае.

31 октября (18 октября ст.ст.). Лука, Ульян; день памяти святого апостола и евангелиста Луки, а также день памяти святого Иулиана.

Апостол Лука исстари почитался наставником икононой живописи. Такое поверье было связано с церковным преданием о том, что Лука сам был живописцем и написал первые иконы Богоматери — сначала образ Богоматери с предвечным Младенцем, а потом еще две иконы Богоматери, которые он показал самой Пречистой Деве, и она благословила его благое дело, обещая «пробыть с этими иконами благодатью своею». Кроме того, поверье гласит, что святой Лука написал на досках изображение апостолов Петра и Павла, и вообще «от него распространилось по всей вселенной доброе и пречестное дело писания икон». Очевидно, по этой причине святой Лука и считался покровителем иконописания и иконописцев, которому мастера молились (в том числе и в день его памяти) о помощи и наставлениях в этом святом деле.

31 октября отмечался день памяти еще одного святого — Иулиана, который во многих местах, особенно в Малороссии, пользовался большим уважением как покровитель и хранитель маленьких детей (при этом, однако, малоросские крестьяне нередко ошибочно называли этого святого Иустинианом). Основанием для такого верования послужило сказание о житии этого святого, согласно которому «однажды преподобному Иулиану случилось быть в пути и остановиться у одной боголюбезной жены, имевшей единородное дитя, которое, предстоя у трапезы и прислуживая, вскоре от очию их изшедше, впаде в кладезь. Честная же та жена, увидевши сие, никакоже о том смутивши себе, но студенец закрывши и великодушие служаще. Святому же о отроче вопрошившу, увидено бысть бывшее, абие strapsы востав и двери студенца отверз, виде отрочище водою влаемо и здраво играюще, и, руку ему подав, извлече е от кладезя. И сему бывшу вопрошено бе отроча о бывшем ему. Никакоже пострадати ми. рече, старца сего ради».

На одной из старинных икон в Киево-Печерском монастыре ев. Иулиан был изображен в монастырском одеянии, стоящим перед иконой Богоматери на молитве и держащим на руках повитого ребенка; по сторонам самой иконы были надписаны тропарь и кондак, которые «вообще полагаются по церковному уставу преподобному», а внизу было приписано: «Святой Иустиниан молится о детях, о их возрасте и о многих letech». В Малороссии подобные иконы преподобного Иулиана с повитым младенцем в руках нередко встречались в крестьянских домах.

Ноябрь.

Месяц ноябрь у римлян именовался ноемврием (от novem — девять), т.к. был девятым месяцем в году. У славян этот месяц обычно назывался груднем или грудным — от груд замерзшей со снегом земли. Вообще, на древнерусском языке зимняя замерзшая дорога называлась грудным путем: так, например, преподобный Нестор в своей летописи писал: «Поидоша на колех (колесах) и по грудну пути, бе бо тогда месяц грудень, рекше ноябрь». В древнейших русских церковных месяцесловах и святцах месяц ноябрь постоянно именовался груднем. Другие же. встречаемые реже названия ноября, — листоной и полузимник; укр. и белор. — листопад.

Ноябрь — ворота зимы.

Ноябрь — сентябrev внук, октябrey сын, зиме родной батюшка.

Ноябрь — сумерки года.

В ноябре зима с осенью борется.

В ноябре мужик с телегой прощается, в сани забирается.

Ноябрьские ночи до снега темпы.

В ноябре снегу надует — хлеба прибудет.

Если снег ляжет на сырую землю и не растает, то весной рано и дружно зацветут подснежники.

Если снег выпадет на мерзлую землю, тогда можно ожидать в будущем году хорошего урожая хлеба.

Мокрый снег на озимь — тот же назем.

Коли лед на реке становится грудами — будут хлеба груды.

2 ноября (20 октября ст.ст.). Садок, Артемий; день памяти священномученика Садока и святого великомученика Артемия.

Святому Садоку принято было молиться об избавлении от напрасной, нечаянной и особенно неожиданной, без покаяния, смерти. Обычай этот, возможно, объясняется преданием о том, что когда святой Садок был за исповедание Христа подвергнут тяжким страданиям, то молился Богу, чтобы тот, кто призовет Бога имени его ради, удостоился спасения.

Святому Артемию славяне молились о помощи при «грыжной болезни». Очевидно, такой обычай был связан с повествованием о мучениях этого святого: по преданию, его несколько суток подряд сдвигали рассеченным надвое огромным камнем, чтобы выступили внутренности, но святой остался невредим («наче естества обретесе жив и хождаше»). В числе чудес святого Артемия упоминалось исцеление им отекавших внутренностей; при этом существовал рассказ об одном «швецце-сапожнике», который посмеялся над рассказом об одном из таких чудес, за что был поражен неожиданным отеком лона.

Месяцеслов

4 ноября (22 октября ст.ст.). Зимняя (Осенняя) Казанская; праздник явления иконы Пресвятой Богородицы в Казани в 1579 г.

Ноябрьское празднование Казанской иконы пресвятой Богородицы было установлено в благодарность за избавление Москвы и всей России от нашествия поляков в 1612 г., в период Смутного времени. По преданию, когда польские войска обманном путем завладели Москвой, в ополчение, возглавляемое князем Дмитрием Пожарским, был прислан из Казани чудотворный образ Пресвятой Богородицы. Зная, что беды обрушились на страну за грехи, весь народ и ополчение наложили на себя трехдневный пост и предалися молитвам; тогда от находившегося в плену у поляков святителя Арсения пришла весть, что ему в видении было открыто, что по заступничеству Пресвятой Девы Господь сменил гнев на милость. Воодушевленные известием русские войска перешли в наступление и 22 октября ст.ст. освободили Москву от польских захватчиков.

В простонародье праздник, установленный в честь этого события, назывался обычно Казанской или Зимней Казанской (реже — Казанской Богоматерью), а в некоторых местах — Казанскою Пречистою (очевидно, для отличия его от других Пречистых, например 15-го августа или 8-го сентября ст.ст.).

Пришла Казанская — зима стоит на пороге.

По дню Казанской во многих местах судили о зиме.

Пошел бы на Казанскую дождь, будет зима на дворе с сугробами.

Коли на Казанскую небо заплачет, то следом за дождем и зима придет.

По некоторым поверьям, в день Казанской, как и в день Преполовения, всегда бывает дождь.

Дождь пойдет, все луночки зальет, а снег пойдет, все дороги заметет.

Бывает, что на Казанскую с утра дождь дождит, а ввечеру сугробами снег лежит.

Выезжаешь о Казанской на колесах, а полозья в телегу клади.

До Казанской не зима, с Казанской — не осень.

Матушка Казанская необлыжную (настоящую, неложную) зиму ведет, морозцам дорожку кажет.

С Казанской тепло морозу не указ.

Ранняя зима — о Казанской на санях.

Казанская повсюду в народе почиталась «бабьей заступницей». Очевидно, это поверье основывалось на представлении о том, что Богоматерь покровительствует женщинам вообще, и особенно женщинам беременным, матерям (так как она сама вынашивала Христа и была матерью). Сам культ ее в русской народной традиции сближался и сливался с культом матери-земли, воплощающей женское начало. Поэтому очень многие праздники, так или иначе связанные с культом Пресвятой Девы, во многих местах считались своего рода женскими праздниками.

Казанская у крестьян считалась подходящим временем для свадеб. По народному убеждению, кто на Казанскую женится, счастлив будет.

Праздник Зимней Казанской был некогда еще одним традиционным сроком расчетов. К этому времени заканчивались обычно все строительные работы, рабочие получали расчет и возвращались домой, в свои родные деревни. В народе по этому поводу ходили присловья: «Потерпи, батрак, и у тебя на дворе Казанская будет»; «И рад бы хозяин поприжать батрака, да Казанская на дворе: она, матушка, всей ряде голова!»; «На Казанскую и у воробья ниво (имеется в виду, что это время расчетов)», и т.п.

5 ноября (23 октября ст.ст.). Яков; день памяти апостола Иакова, брата Господня.

8 ноября (26 октября ст.ст.). Дмитриев день; день памяти святого великомученика Димитрия Солунского.

По преданию, Димитрий Солунский вырос в семье тайных христиан; император, не зная, что Димитрий был наставлен в христианской вере, назначил его проконсулом. Главной задачей, возложенной на него, было истребление христианства; по Димитрию, едва приняв назначение, начал открыто учить жителей города христианской вере и искоренять языческие обычаи. Император, узнав об этом, заточил Димитрия в темницу, а затем приказал пронзить его копьями и выбросить тело на съедение диким зверям. Тело святого отыскали и тайно похоронили христиане.

Димитрий Солунский весьма почитался у славян. Память его на Руси издревле связывалась с воинским подвигом, патриотизмом и защитой отечества; так, многие славянские народы считали святого Димитрия представителем и покровителем храбрых воинов — юнаков. По представлениям сербов, святой Димитрий, как рыцарь, всегда ездил на коне и носил длинные копыя; на иконах же этот святой изображался обычно в виде воина в пернатых доспехах, с копьем и мечом в руках.

В Дмитриев день на Руси повсеместно справлялись поминки по усопшим. Неделя перед днем святого Димитрия называлась родительской; особенно же почиталась Дмитриева, Дмитриевская (или Поминальная, Родительская, Дедовская) суббота — суббота перед днем святого, когда совершалось церковное поминовение всех усопших. Установил это поминовение князь Димитрий Донской, который, одержав знаменитую победу над Мамаем в Куликовской битве в 1380 г., положил, чтобы перед этим днем совершалась вселенская панихида о всех погибших на поле битвы.

Димитриевскую субботу славяне отмечали с большой торжественностью. В этот день, по древнему обычаю, непременно посещали могилы своих близких и родных и там совершали панихиды и заупокойные литии. После этого обыкновенно следовали богатые угощения, пиришества-тризны, которые затевались прямо на могилах: живые как бы разделяли трапезу с покойниками. Обязательной в этот день была поминальная пища — блины, яйца, каша и т.п.; при этом часть этой пищи обычно оставляли умершим на могилах или даже зарывали ее в могилы. Не обделяли угощением и вниманием и отправляющих панихиды священников и причта: их одаривали и угощали, причем считалось, что чем щедрее будут приношения и обильнее угощение, тем быстрее и вернее обретет душа умершего па том свете покой и отраду.

Покойнички на Русь Дмитриев день ведут; покойнички ведут, живых блюдут.

Коли отдохнут (вздохнут) на дедовой неделе родители (т.е. случится оттепель), то и всей зимушке-зиме быть с мокрыми теплинами.

В Дмитриев день и воробей под кустом ниво варит.

Дмитриев день — зима уж лезет на плетень.

Месяцеслов

До Дмитровской субботы зима не становится.

Колн 8 ноября холод и снег, весна поздняя и холодная, а если оттепель — зима и весна теплые.

Колн Дмитриев день по снегу, то и Святая (Пасха) по снегу, а Дмитриев по голу, и Святая по тому.

На Митрия реки замерзают (Сибирь).

В некоторых местах говорили: «На Дмитрия девки хитрые — собираются выйти замуж» (т.к. после этого дня в деревнях до самого зимнего мясоеда уже редко случались свадьбы).

10 ноября (28 октября ст.ст.). Параскева Пятница, Параскева-Льянниха, Ненила-Льяница; день памяти святой мученицы Параскевы, нареченной Пятницей, и святой мученицы Неониллы (а также ее мужа Терентия и детей).

По преданию, святая мученица Параскева родилась в богатой и благочестивой семье; родители ее особенно почитали день страдания Господних — пятницу, поэтому и назвали дочь, родившуюся в этот день, Параскевою, что в переводе с греческого и означает — пятница. Очевидно, по этой причине имя святой Параскевы и ее культ у славян издревле связывались с пятницей. Так, святую эту на Руси обычно называли либо Параскевой Пятницей, либо просто Пятницей, Пятиною, Петной; в древних же месяцесловах и святцах писалось: Святая Параскевии, нареченная Пятницы. Даже храмы, посвященные святой Параскеве, на Руси в былое время назывались Пятницами. Почитание святой Параскевы также повсеместно связывалось с пятницей, и особенно с так называемыми обетными и временными пятницами. Почитая святую Параскеву, женщины-христианки в пятницу не пряли (хотя в некоторых местах при этом разрешалось шить), не варили щелока, не стирали белья, не выносили из печи золы, а мужчины в эти дни не пахали и не бороили, считая это за большой грех.

Святая мученица Параскева исстари пользовалась у православного русского народа особой любовью и почитанием; с днем ее памяти в славянской традиции связывалось множество самых разных верований, обычаев, поверий и обрядов. Иконы святой Пятницы в старину можно было найти практически во всяком доме: считалось, что иконы ее охраняют семейное благополучие и счастье. Русские иконописцы обычно изображали мученицу суровой подвижницей, худощавой и высокого роста, с лучезарным венком на голове.

В былое время в день памяти святой Параскевы принято было устраивать торжественные богослужения и приносить в церковь различные плоды для освящения; приношения эти потом хранились в домах как священные предметы в течение целого года. Иконы святой Параскевы, находившиеся в церквях, древнерусский люд чествовал особым образом: поселяне убрали их цветными лентами, цветами, монистами и разными душистыми травами и в таком виде носили с крестным ходом. В некоторых селах Малороссии существовал еще и такой обычай, приурочивавшийся ко дню святой Параскевы: поселяне водили женщину, избравшую Пятницу, по селу, а после этого она принимала от них дары («...водят женку простоволосу, под именем Пятницы; а водят в ходе церковном, и при церкви честь оной отдает народ и дары с упованием некия пользы»).

Святая Пятница повсеместно на Руси почиталась покровительницей полей и земных плодов; ей молились о ниспослании урожая, а женщины при начале жатвы просили ее помочь «без болезней и скорбей окончить работу». Кроме того, святая Параскева, наряду со святым Власием, повсюду считалась защитницей и охранительницей скота; ей молились о сохранении коров и прочей домашней скотины от мора, падежа и т.п., просили защитить животных от страшной коровьей смерти. В Болгарии на Власьев день хозяйки пекли «питы» (обрядовый хлеб), называемые «святая Петка» (святая Параскева Пятница) и «святой Влас»; затем хлеб «св. Петка» разламывали и раздавали соседям «за волево здравие», а хлеб «св. Влас» несли волам и скармливали его вместе с соевыми отрубями, чтобы животные были здоровы.

Святую Пятницу почитали и как целительницу самых разных людских недугов — и душевных, и телесных. Особенно же часто ей молились о помощи при «дьявольском наваждении», лихорадках, зубной и головной боли и т.п. Люди, страдающие от наваждений нечистой силы, считали за неперемное правило ставить перед иконой святой Пятницы свечи в надежде получить свободу от нечистого духа. Существовали даже особые молитвы святой Параскевы, которые записывались на кусочках бумаги и т.п.: крестьяне почитали их одним из лучших охранительных средств от злых духов и разных недугов и носили при себе, привязывая к шейному кресту, к голове (для исцеления от головной боли) и т.д. Действенным средством против многих болезней считались также цветы и травы, которые привешивали к образу святой Параскевы: их хранили в течение целого года или даже нескольких лет, а в случае какой-либо болезни готовили из них отвары и настои, которыми и поили больных.

Во многих местах мученице Параскеве приписывалось также покровительство над торговлей. С ее именем исстари связывались так называемые пятнички торги и ярмарки: так, например, во многих местах принято было устраивать девять торговых пятниц, обычно следовавших одна за другой в продолжение девяти недель после Пасхи. При этом в древности на городских торжищах непременно выставлялись иконы святой Параскевы как покровительницы торговли.

В честь Параскевы Пятницы в былое время принято было устанавливать на перекрестках и распутьях дорог особые столбы с изображениями святой Пятницы, которые и назывались ее именем — пятницы. Такие столбы по своему значению были весьма схожи с придорожными часовнями или крестами и считались у славян священными и таинственными местами. Возле них на древней Руси устраивались торжественные встречи или прощания с отъезжающими в дальний путь или возвращающимися из дальних краев родственниками и друзьями; у этих же пятниц девицы вымаливали себе хороших и добрых женихов.

Святая Параскева практически повсюду почиталась как бабья святая, покровительница женщин, а также брака и семейного счастья. Крестьянки считали ее своей заступницей и защитницей, а девицы молились ей о скорейшем выходе замуж и о хороших женихах, причем многие из этих молитв весьма напоминали молитвы Покрову (ср., например: «Матушка Пятница-Параскева, Покрой меня поскорее!» или: «Матушка Парасковья, отдай замуж поскорее!)). В некоторых местах существовало присловье: «На Пятницу бабы катаются, а девки ладаются (собираются замуж)».

Как бабья святая, Пятница считалась еще и покровительницей всякой женской работы, особенно работы зимней, т.е. в первую очередь, прядения, ткачества и т.п., а также работ, вообще связанных со льном. Около дня Параскевы Пятницы женщины во многих местах начинали мять и трепать лен; из-за этого мученицу Параскеву в народе еще нередко называли Льяницей. При этом во многих губерниях существовал обычай в день памяти святой Параскевы приносить в церковь оттрепанную первину льна, которую посвящали святой и привешивали к ее образу. Вероятно, с почитанием святой Параскевы как покровительницы работ,

Месяцеслов

связанных со льном, пряжей и т.д., было связано и известное кое-где на Русском Севере поверье о том, что если на Параскеву в бабьем куту слышен стук, то его нужно заговорить непременно ласково, обходя с куделью или с пряжей все углы дома.

Параскева Пятница, в общем, считалась милостивой святой, благосклонной к людям, заступницей людей перед Богом. Но иногда она также предстала бы грозной, даже страшной. Так, например, малороссийские крестьяне верили, что в пятницу по всей земле, по всем деревьям и селам ходит святая Пятница в облике молодой женщины и примечает, кто как живет, как соблюдает обычаи, запреты и т.д. Иных она милует и даже награждает, а иных строго наказывает; среди наказаний при этом упоминалась и смерть, и болезни, и трудные роды (так, в некоторых местах считалось, что женщина, которая прядла в пятницу, будет рожать долго и в муках). Во многих местах при этом считалось, что женщинам, нарушающим запрет на работу в ее дни, святая Пятница является в виде страшной растрепанной женщины, иногда нагой или в лохмотьях, исколотой иглами и изверченной веретенами, которыми нечестивые женщины шили и прядли в пятницу.

11 ноября (29 октября ст.ст.). Авраамий-Овчар и Анастасия (Настасья)-Овчарница, Овечница, Стригальница; день памяти святой мученицы Анастасии Римляныши и преподобного Авраамия, архимандрита Ростовского.

Как Авраамий, так и Анастасия на Руси считались, в первую очередь, покровителями овец и овцеводства. Так, например, в некоторых местах (в Рязанской и др. губерниях) день святых Анастасии и Авраамия в простонародье называли «овечьим праздником» и отмечали его торжественно и весело, с плясками, песнями и развлечениями, причем особым почетом на таких праздниках пользовались пастухи. Многие хозяева в этот день даже особо приглашали пастухов в гости и кормили их по домам в благодарности за работу, а также чтобы они берегли овец во время следующего летнего выпаса.

В одном из древних народных стихов, распеваемых обычно богоносцами (образносцами), к святой Анастасии обращались следующим образом: «Попаси ему (хозяину), Настасия, овечек». Сельские пастухи-овчары очень часто прибегали к молитвам святой Анастасии во время летнего выпаса, а некоторые даже ставили на деревьях в полях, предназначенных для выпаса овец, иконы этой святой, полагая, что само присутствие ее образа уже надежно охраняет овец от всякой напасти и особенно от диких зверей. В некоторых местах существовало даже поверье о том, что только одна Анастасия и может уберечь овец, одних из самых полезных в сельскохозяйственном быту животных, от волков и различных болезней.

Все эти поверья, связывавшие святого Авраамия и особенно святую Анастасию с овцами, были, очевидно, обусловлены тем, что в сельскохозяйственном быту по истари заведенному обычаю в последние дни октября (по ст.ст. день Авраамия и Анастасии приходился на 29 октября) оканчивались расчеты с пастухами-овчарами и начиналась (а в южных степных районах оканчивалась) стрижка овец.

12 ноября (30 октября ст.ст.). Зиновий-Сиинчик; день памяти священномученика Зиновия, епископа Егейского, и сестры его, святой мученицы Зиновии.

Синичкин праздник: прилетают птицы-зимники — синицы, щеглы, снегири, сойки, чечетки, свистелги и др. Невелика птичка-синичка, а и та свой праздник помнит.

13 ноября (31 октября ст.ст.). Юровая; праздник иртышских рыбаков и охотников.

Коли на Юровую волки стаями ходят — будет голод, мор, либо война.

Заяц поперек дороги перебежал — неудача будет.

14 ноября (1 ноября ст.ст.). Кузьминки; Кузьма и Демьян, Козмодемьян (Кузьмодемьян, Космодемьян), Кузьма и Демьян — Курятники, Рукомесленники; день памяти святых бессребреников Космы и Дамиана.

С именем святых братьев Космы и Дамиана и с днем их памяти на Руси связывалось немало поверий, обычаев и обрядов. Так, например, повсеместно эти святые считались великими лекарями, способными исцелять любые недуги; к ним обращались с молитвами о помощи при самых разных болезнях, особенно в день их памяти, 1-го ноября (ст.ст.). Верование во врачебную помощь этих святых возникло на основе сказаний о жизни Космы и Дамиана. Так, согласно Четым минеям, эти святые братья «прияша от Бога дар исцелений и подаваху здравие душам же и телесем врачующе всякие болезни, и исцеляюще всяк недуг и всяку язю в людех». При этом они «не точно человеком помогаху, но и скотом, и ни от кого же что за сие примяху, творяху бо сия вся не имений ради, дабы златом или серебром обогатиться, по Бога ради. Того ради и безмездные врачеве, и бессребреницы от верных наречены быша».

Святых братьев почитали также как святых наставников, покровителей наук и помощников в книжном учении; им молились о «прозрении разума к учению грамоте». В одном азбуковнике XVII в. по этому поводу говорилось: «Есть обычай многим учащимся совершати молебная святым бессребреникам Косме и Дамиану». В житии этих святых нет основания для такого верования; объясняется же оно, очевидно, обычаем, по которому детей начинали обучать грамоте 1-го ноября. При этом покровителями обучающихся грамоте Косму и Дамиана считали не только славяне, но и греки, которые для испрашивания этой помощи специально приходили в храм именно этих святых.

Кроме того, святые братья Косма и Дамиан считались покровителями разных ремесел. Во многих местах истари был известен обычай в честь Космы и Дамиана изготовлять к 1-му ноября какие-либо обетные работы, а вырученные за них деньги употреблять на покупку свеч к иконам или для раздачи нищим.

К числу работ, которым покровительствовали святые братья-бессребреники, относились, в первую очередь, кузнечное искусство и женское рукоделие. Вероятно, покровительство этих святых женским работам со льном объяснялось тем, что со дня памяти Космы и Дамиана женщины вплотную принимались за зимнюю пряжу; при этом во многих местах пряжи, с некоторым запозданием принявшиеся за работу, обращались к святым с просьбой помочь не отстать в работе от тех, кто начал ее раньше: «Батюшка Козьма-Демьян! Сравняй меня позднюю с ранними!»

Основанием для сближения святых братьев с кузнечным ремеслом послужило, очевидно, созвучие имени Кузьма со словом кузнь, кузница, а также со старым народным названием молота — кузлом. Как покровители кузнечного мастерства, святые Косма и Дамиан были известны повсеместно. Самих святых на Руси нередко называли Божиими кузнецами, полагая, что они сами

Месяцеслов

некогда занимались кузнечным ремеслом, причем ковали плуги и раздавали их людям для возделывания земли. В народных загадках кованую железную цепь именовали Кузьмою, имея при этом в виду святого Косму — Божьего кузнеца: «Узловат Кузьма, развязать нельзя». Атрибутом Божьих кузнецов святых Космы и Дамиана в народных поверьях нередко являлось одно из важнейших кузнечных орудий — молот. День памяти этих святых в народе считался особым праздником кузнецов; кузнечного дела мастера, почитая этих святых своими патронами, считали грехом работать в этот день.

Вообще, с Космой и Дамианом, как с «Божьими ковалями», связывалось множество примет и поверий, поговорок и обычаев. Так, например, в народе обычны были присловья и поговорки типа: «Кузьма-Демьян — кузнец, кует лед на земле и на воде», «Закует Кузьма-Демьян — до весны красной не раскопать»; «Не заковать реку зиме без Козмодемьяна»; «Кузьма-Демьян с гвоздем, Никола с мостом»; «Кузьма закует, а Мпхайло раскует (имеется ввиду, что 21 ноября часто бывает оттепель)», и т.д.

Кроме того, в восточнославянском фольклоре Косма и Дамиан — Божии ковали повсеместно выступали как «кующие свадьбы» персонажи. Так, например, в старинных обрядовых песнях к этим святым братьям (сливающимся зачастую в образ одного Божьего коваля Кузьмы-Демьяна или Козмодемьяна) обращались с просьбой «сковать свадьбу крепкую, вековечную, нераздельную», выковать свадебный венец, обручальный перстень, счастливую жизнь в браке и т.п. При этом святые братья у восточных славян выступали как покровители брака и супружества. Подобные поверья, очевидно, объяснялись связью святых с кузнечным ремеслом: кузнецы в народной традиции издревле связывались с браком, деторождением и т.п.; им приписывалась способность «скреплять брачные узы», выковывать амулеты, способствующие деторождению, и т.д. (при этом связь кузнецов с супружеством прослеживается не только у славян: так, например, у германцев благословение брака некогда совершалось через положение молота на колени невесте).

Почитание святых Космы и Дамиана как устроителей супружеской жизни объяснялось, кроме того, еще и одной из легенд о совершенных ими чудесах и богоугодных деяниях. Согласно этой легенде, однажды некий муж, собираясь в далекий путь, оставил свою супругу надолго одну, поручив ее покровительству святых Космы и Дамиана; когда же один лукавый человек обманом завлек женщину в пустынное место, собираясь надругаться над ней и убить, святые явились и спасли ее, наказав негодяя смертью. В связи с этой легендой Косма и Дамиан и почитались в народе как покровители святости и нерушимости христианского брака.

Возможно, покровительство Космы и Дамиана свадьбам и женскому рукоделию объясняло то, что повсеместно на Руси день их памяти, называемый кузьминками, слыл девичьим праздником. Существовал даже обычай, в силу которого девушка-невеста считалась в этот день как бы хозяйкой дома: она приготавливала для семьи кушанья и угощала всех, причем в качестве почетного угощения подавала куриную лапшу. Праздник кузьминок девушки отмечали обычно широко и весело: на три дня праздника они, если еще не начались регулярные посиделки в специально отведенной для этого избе, снимали помещение, устраивали ссыпчину и принимали у себя парней. На ссыпчину каждой девушке полагалось принести из дома что-либо съестное в сыром виде для приготовления угощения; при этом в некоторых местах девушки собирались вместе и обходили дома, выпрашивая припасы для кузьминок, а собрав продукты, все вместе готовили пиришество, обязательным блюдом которого была каша. Посиделки в честь праздника продолжались обычно «до света», причем парни, расправившись с приготовленным угощением, нередко отправлялись воровать соседских кур, чтобы девушки потом приготовили их. К кражам такого рода крестьяне, в общем, относились довольно снисходительно, и если бранились, то только «для порядка».

Обязательное угощение в виде курятины в день Космы и Дамиана объяснялось тем, что эти святые братья в простонародье на Руси слыли хранителями и покровителями кур; по этой причине их нередко называли Курятниками, а праздник в их честь — «куриным праздником» или «курячьими именинами». В день памяти Космы и Дамиана хозяева устраивали молебны в курятниках, кропили их святой водой и т.д., а также резали кур и готовили из них обрядовое угощение в честь праздника (отчего в народе существовало присловье: «Кузьминки — куриная смерть»); воронежские крестьяне при этом на Козмодемьяна непременно подавали на стол жареных курицу и петуха. В Москве хозяйки соблюдали еще и такой обычай: 1-го ноября собирались вокруг церкви свв. Космы и Дамиана с курами, а потом рассылали своим знакомым и уважаемым лицам кур в виде подарка. Почему крестьяне поручили святым Косме и Дамиану заботу о домашней птице, сказать сложно, но, вероятно, свою роль тут сыграло то, что куры в народной традиции считались непременной принадлежностью свадебных церемоний и составляли обрядовое свадебное кушанье; кроме того, они нередко использовались в девичьих гаданиях о замужестве и вообще наделялись брачной символикой.

Около дня Космы и Дамиана, по народному наблюдению, уже вплотную подступает зима: «Кузьминки — встреча зимы», «Кузьминки — об осени один поминки». Морозы, однако, начинались обычно позднее, отчего в народе и говорили: «Демьянов путь — не путь, а только перепутье». По погоде в день кузьминок крестьяне ранее судили о состоянии природы в последующие дни зимы или даже на другой год: так, например, по народной примете, если на «Козмодемьяна» лист остается па дереве, то на другой год будет мороз; снежный же день кузьминок обещает будущей весной большой разлив.

15 ноября (2 ноября ст.ст.). Акиндин; день памяти мучеников Акилдина, Пигасия Аннемподиста.

Акиндин разжигает овин, а Пигасий солнце гасит.

С Акиндина по деревьям постоянно слышались перестуки мялиц и цепов. Крестьяне обминали коноплю и лен, продолжали обмолачивать хлеб.

18 ноября (5 ноября ст.ст.). Галактион; день памяти святого мученика Галактиона и святой мученицы Епистимии.

Девы в этот день молились о женихах.

19 ноября (6 ноября ст.ст.). Павел и Варлаам; день памяти святителя Павла, архиепископа Константинопольского, и препо-добного Варлаама Хутынского (от названия урочища Хутынь, в 10 верстах от Новгорода).

Если день богат снегом, то зима будет снежная.

Если лед на реке к этому дню станет гремями, то и хлеба будут груды, а гладко — так и хлеба будет гладко.

Месяцеслов

- 20 ноября (7 ноября ст.ст.). Федот-Ледостав; день памяти мученика Федота Корчемника.
Мученик Федот лед ведет.
Если дорога бугром, то и хлеб должен быть бугром, т.е. хорошим, набористым (Воронежская губ.).
- 21 ноября (8 ноября ст.ст.). Михаил, Михайлов день; празднование Собора архистратига Божия Михаила «и прочих небесных сил бесплотных».
Совершался этот праздник в ноябре — девятом месяце от марта, с которого ранее начинался год, — в соответствии с числом девяти чинов ангельских.
Михайлов день отмечался в народе как веселый и сытный праздник. Объяснялось это тем, что хлеба в эту пору у крестьян обычно было еще много, деньги за коноплю и овес были уже вырученны, а все основные работы закончены.
С Архистратига Михаила скот переводили на зимний корм. Возможно, с этим обстоятельством был связан известный во многих местах обычай почитать в этот день домового (дворового), угощать его кашей и т.д., чтобы он ухаживал за животными, присматривал за скотом и не вредил ему.
Если к Михайлову дню выпал снег, в народе говорили: «Михайло приехал на белом коне».
Если со дня Михаила Архангела устанавливается зимний путь, говорили: «Михайла с мостом»; если же наступали оттепели, то говорили: «Михаил с полумостом». Вообще, около этого дня нередко случались оттепели (михайловские грязи), в связи с чем существовала примета: «Если Михайло Демьянов путь порушит — не жди его до Никола Зимнего»; при этом другая примета гласила: «Во что Михайла, в то и Никола».
Вообще, Михайлов день в народных пословицах и поговорках тесно связывался с погодой и утверждающейся зимой. Про него говорили, например: «С Михайла зима не стоит, не мерзнет», «Со дня Михаила Архангела зима морозы куст»; «Коли на Михайлов день иней — ожидай больших снегов, а коли день зачнется туманом — быть ростепели».
- 22 ноября (9 ноября ст.ст.). Матрена Зимняя; день памяти преподобной Матроны.
Матрена Зимняя — зима встает.
С зимней Матрены зима встает на ноги, налетают морозы.
Облачная, снежная погода в этот день предвещает ненастный май, иней — урожаем овса, дождь — пшеницы (Смоленщина).
Иней на деревьях — к морозам, туман — к оттепелям.
Каков иней на деревьях, таков и цвет на хлебе.
- 23 ноября (10 ноября ст.ст.). Родион-Ледолом, Ераст; день памяти святых Ераста и Родиона, апостолов из 70-ти.
На Ераста принято было одаривать нуждающихся.
С Ераста жди ледяного наста. Ераст — крепкий наст.
Ераст на все горазд: на стужу, на метель, на холод, на голод.
Пришел Родион — возьмет мужика в полон.
Если после Михайловского мороза на деревьях появится иней — ожидай больших снегов.
Если день начинается большим туманом — жди оттепели.
В народе говорили, что в день святого Родиона лед ломается, когда по нему ездят; за это Родиона и прозвали Ледоломом.
- 24 ноября (11 ноября ст.ст.). Федор-Студит, Федор Студеный; день памяти преподобного Феодора Студита.
Преподобный Феодор, по преданию, был игуменом Студийской обители, за что и был прозван Студитом. Русские же крестьяне, не понимая истинного значения этого прозвания, по созвучию связали его со словом «студеный».
По этой причине само имя святого Феодора и день его памяти стали связываться со стужей, зимними морозами, что отразилось в поговорках, присловьях и приметах: «С Феодора Студеного начинает студить и морозить». «С Феодора-Студита зима сердита», «Федор-Студит землю студит», «Со Студита стужа — что ни день, то хуже», «Федор — не Федора, знобит без разбора», «Федоровы ветры голодными волками воют» и т.д.
По примете, если день Феодора-Студита будет теплым, то и зима будет теплой; если же день холоден, то вся зима будет холодной.
- 25 ноября (12 ноября ст.ст.). Иван Милостивый; день памяти святителя Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского.
На Ивана снега.
Если на Ивана Милостивого дождь или снег — быть оттепелям до Введения (4 декабря).
- 27 ноября (14 ноября ст.ст.). Филипп; день памяти святого апостола Филиппа.
Филиппов день — последний день свадебных недель.
Иней на Филиппа — урожай на овес.
Воронье черное каркает — к оттепели.
14 ноября (ст.ст.) в народе отмечалось Филиппово заговенье. В этот день у крестьян принято было выносить во двор закуску домовому, чтобы в хозяйстве хорошо водился скот.
После дня святого апостола Филиппа начинался Рождественский «холодный» пост, который на Руси в старину называли Филипповым или Карачуновским, а то и прямо Карачуном. Так, в Новгородской летописи под 1143 г. значится: «Стояще вся осень дождева до Госпожина дни до Корочюпа». Судя по некоторым данным, Карачун в дохристианское время являл собой некое злое божество смерти (отсюда выражение: «пришел ему карачун», т.е. гибель, конец). Празднование Карачуна совпадало с Колядой и Рождеством Христовым: так, в Закарпатье канун Рождества называли «кречун-вечер»; в Болгарии Карачуном,

Месяцеслов

Крачуном называли Рождество и людей, родившихся 25-го декабря; у румын Кречуном называли Рождественские святки, и т.д. Очевидно, этим совпадением и объяснялось то, что Рождественский пост некогда называли Карачуновским.

Первую неделю Филиппова поста в народе называли куделицей, т.к. в это время женщины занимались прядением и т.п.

28 ноября (15 ноября ст.ст.). Гурий; день памяти святых мучеников Гурия, Самона и Авива.

Эти трое святых издревле почитались как «честного брака небесные покровители». Считалось, что они покровительствуют всем, кто призывает их с верой и любовью. На Руси, особенно в старое время, когда жены часто терпели притеснения и обиды от своих мужей и их семей, женщины с молитвами обращались к этим святым как к хранителям и защитникам от семейных неурядиц, заступникам и покровителям во всяких домашних горестях.

Очевидно, основанием для таких верований об этих трех святых послужила легенда о чуде, совершенном ими. Согласно этой легенде, однажды один воин-гот, посланный на службу в Эдессу, взял в супруги благочестивую девушку Евфимию, сказав ей и ее матери, что еще не женат. Он поклялся на могиле святых Гурия, Самона и Авивы не причинять супруге никакого зла и вечно любить ее; но вскоре изменил клятве. Оказалось, что на родине у него уже была жена и дети. Гот угрозами заставил Евфимию молчать о том, что он стал ее супругом, и сделал ее своей рабыней. Однако прежняя жена гота стала подозревать своего мужа в сожительстве с мнимой рабою и начала преследовать Евфимию, а когда у той родился сын, готчанка отравила его. Тогда Евфимия тем же самым ядом отравила саму готчанку и за это, по суду готов, была живою погребена вместе со своей умершей госпожой. Заключенная в гробе, она начала пламенно молиться святым мученикам Гурию, Самону и Авиву, и они явились ей. Успокоенная ими, она заснула, а проснувшись, обнаружила себя лежащей у гроба святых мучеников в Эдесском храме, во время совершения утреннего богослужения. Она невредимой вернулась к матери, а когда гот-клятвопреступник вновь приехал на службу в Эдессу, мать Евфимии обличила его и гот, по приказу правителя, был казнен.

Помимо покровительства «честного брака», святым Гурию, Самону и Авиву приписывалась способность исцелять зубную боль. Им молились как зубным целителям.

В этот день заканчивались свадебные недели, которые обычно тянулись «от Семена до Гурия».

Если в этот день были снег и грязь, в народе говорили: «Гурий на негой кобыле приехал».

29 ноября (16 ноября ст.ст.). Матвей; день памяти святого апостола и евангелиста Матфея (именуемого также Левием), брата апостола Иакова Алфеева.

На святого Матвея земля потеет (т.е. происходят оттепели, земля начинает сыреть, прет).

По народной примете, если в день апостола Матвея веют буйные ветры, то быть выгомам и метелям на Святой Руси до самого Николы Зимнего.

Послесловие автора

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Да, человек есть башня птиц,
Зверей вместилище лохматых,
В его лине — мильоны лиц
Четвероногих и крылатых,
И много в нем живет зверей,
И много рыб со дна морей...

Н. Заболоцкий.

Этими стихами начиналась повесть одного советского писателя-фантаста, Олега Корабельникова. Повесть так и называлась — «Башня птиц». Впервые она попала в мои глаза около двенадцати лет назад, и была это даже не книга (книги тогда были в дефиците), а фотокопия с нее — не очень хорошего качества, зато с прекрасными иллюстрациями. Вот это и была первая книга, затрагивавшая тему славянского язычества, которую мне довелось прочитать.

Конечно, это было не научное исследование. Это была стопроцентная беллетристика, и оно, наверное, к лучшему — не уверена, что меня в то время заинтересовали бы сухие научные факты. А эта книга вполне отвечала моему восприятию мира в то время. Поэтому я еще долгое время ходила под впечатлением и старалась отыскать хоть что-нибудь о тех персонажах, которые упоминались в «Башне птиц» (а упоминались там и лешие, и мавки, и Перун, и еще много кто). Отыскать не получалось. Нужных мне книг не обнаружилось ни в библиотеке (провинция, господа, провинция! Впрочем, может быть, в редком фонде что-то и было, да только мне так и не довелось до него добраться), ни на книжных торгах, которые тогда, увы, были довольно скудны и предлагали по большей части фантастику и приключенческие романы — приятно, конечно, но несколько не то...

Потом, помнится, в 1991 году, в продаже появился «Мифологический словарь», и вот с него-то и началось мое увлечение славянской мифологией. Словарь меня, можно сказать, вдохновил, причем не столько той информацией, которая в нем была, сколько ее бедностью: статьи по интересующей меня теме были малочисленны и лаконично кратки. Создателей, конечно, можно понять: возмись они подробно излагать мифы народов всего мира — и им пришлось бы издать как минимум пятьдесят таких словарей, да еще и затратить прорву времени на написание сего ученого труда. Вот только легче от такого понимания не становилось — информации по-прежнему было мало, и взять ее было неоткуда.

Но время шло, и помимо меня, по-видимому, славянской мифологией стали интересоваться и другие, так что уже через пару лет стали появляться разнообразные книги, как сугубо научно-исследовательские, так и те, что несколько позднее стали называть «русской фэнтези». В последних обычно фигурировали разнообразные герои-молодцы наподобие былинного Добрыни, а также всевозможные персонажи как низшей, так и высшей мифологии — змеи, лешие, русалки, грозные боги и т.д., и т.п. (кстати, некоторые из этих книг, на мой сугубо личный вкус, были очень даже ничего себе: например, я с удовольствием прочитала «Троих из леса» Никитина: а вот «Волкодав» и последовавшие за ним опусы на ту же тему у меня категорически «не пошли», что бы там ни говорили поклонники Семеновой).

Конечно, меня-то в первую очередь интересовали именно исследовательские труды, и я с восторгом приобрела неожиданно возникшие на прилавках (и очень скоро оттуда исчезнувшие) книги Афанасьева, Зеленина, Максимова, Даля. Не так уж много их было, этих книг, и хотя содержали они в высшей степени интересную информацию, я вскоре с некоторым разочарованием поняла, что информация эта касается преимущественно «низшей мифологии», т.е. поверий крестьян XIX-XX вв. о духах природы — русалках, леших, водяных и т.д. Исключение составлял, пожалуй, только Афанасьев, книги которого я и по сей день считаю лучшим исследованием славянской мифологии, какое мне только приходилось видеть.

Очень и очень помог мне в свое время и словарь славянской мифологии, вышедший в 1995 г. Собственно, с него начались и мои записи о поверьях, легендах, мифах славянских народов. Эти заметки существенно пополнились после обретения мной (надо заметить, после нескольких лет поиска) трудов Б.А. Рыбакова («Язычество древних славян» и «Язычество древней Руси»); эти книги я прочитала с искренним интересом, хотя, к сожалению, и не нашла там многих вещей, на которые, признаться, рассчитывала. Например, меня очень интересовала высшая мифология западных и южных славян, однако ни в одной из раздобытых

Послесловие автора

мною книг она толком не освещалась: исследователи, будучи, по-видимому, истинными патриотами Руси, придерживались преимущественно описания восточнославянских божеств.

Вообще, о верованиях древних славян в настоящее время известно очень мало. Стараниями отцов христианской церкви древние верования были практически уничтожены, так что мы теперь можем судить о них на основе только вторичных источников — письменных памятников (поучений против язычества, летописей и пр.), фольклора (былин, быличек, сказок, заговоров, обрядовых песен и т.д.), ну и, конечно, на основе археологических находок. Подобные источники далеко не всегда точны и никак не могут дать полное и верное представление о мировосприятии наших предков. Многого теряется, забывается; при этом не следует забывать, что языческие мифы на протяжении столетий сменяли друг друга, наслаивались друг на друга, так что перед христианизацией славяне верили уже вовсе не в тех богов, которых почитали первые земледельцы.

Но при этом дошедшие до наших времен данные все-таки позволяют судить об общей картине мира, как его видели наши предки. Мы можем не знать имен древнейших богов и способов поклонения им, но нам, по крайней мере, известно, что это были божества, олицетворявшие окружающую людей природу, вернее, те ее явления, от которых напрямую зависела человеческая жизнь и благополучие. Как писал один американский фантаст, «всех нас постоянно преследуют все эти фантазии, все эти грезы, все эти великаны-людоеды, которые когда-либо мерещились людям с того дня, когда пещерный человек впотьмах сидел на корточках у огня и всматривался в ночную мглу, расстилавшуюся за порогом его пещеры, воображая, что могло бы там происходить. Он знал все, что там происходит, ибо не мог не знать этого охотник, следопыт, странник в диком краю. У него были глаза, чтобы видеть, и нос, чтобы обонять, и уши, чтобы слышать, — все эти чувства наверняка были гораздо острее, чем у нас сегодня. Так что он точно знал, кто там рыскает во тьме. Он знал, но не верил самому себе, не доверяя своим чувствам. Ибо беспокойный маленький мозг его при всей своей первобытной неразвитости навязчиво создавал в воображении другие образы и формы, другие виды жизни, другие угрозы...»

Именно это и происходило с людьми на протяжении столетий. Неважно, что они жили уже не в пещерах, а в достаточно удобных домах; неважно, что они уже зависели не только от охоты, умели возделывать поля и разводить скот. Они научились делать орудия, они начали лучше понимать, отчего гремит гром, идет дождь, лето сменяет зиму, — но они продолжали верить. Верить в некие высшие силы, которые заставляют гром греметь, а снега таять, которые определяют судьбу каждого человека и от которых зависит, когда он родится и когда он умрет. Вся природа вокруг издревле представлялась людям живой, и они привыкли относиться к ней с почтением — и страхом, так же, как бедный крестьянин относился к правителю земли, на которой он жил. Кто знает, может быть, в таком отношении к окружающему миру сказывалось извечное человеческое желание обвинить кого-то в своих несчастьях, а также найти кого-то, кого можно было бы умолить, упросить, а может быть, и заставить дать что-то, в чем человек в данный момент нуждался. Возможно также, что люди чувствовали себя одинокими, и подсознательно искали рядом с собой другой разум — равный человеческому, а может быть, и превосходящий его. Так или иначе, но древние люди постепенно начали переносить свои чувства, свои желания, даже сам свой образ жизни на все, что их окружало, и так родились боги — подчас капризные, подчас мудрые и справедливые, а иногда и жестокие существа, лики которых славяне, как и многие другие народы, видели в бушевавшей грозе, в бездумно несущей свои воды реке, в плотно смыкающей свои стволы лесной чаще.

Конечно, все эти поверья со временем изменились, но не настолько, чтобы их нельзя было узнать. Они существуют и в наши дни, особенно там, где человек ощущает на себе постоянное воздействие окружающего мира. Тем, кому довелось хотя бы недолго пожить в лесу, в горах, вдали от людских толп и городов, где от человека, как часто кажется, зависит практически все, знакомо это чувство постоянного присутствия и могущества природы: лесу, скалам, воде все равно, есть человек или нет его; и дождь идет тогда, когда он должен это сделать, и неважно, что при этом чувствуют те, кто под ним мокнет. И, понимая это, человек начинает лучше понимать себя. Не отделяя себя от мира, не вычлняя себя из него, он может найти то, что ищет, — себя самого.

*Наталья Шапарова
Иркутск, 1989-2000*

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу, в 3-х томах. — М., Современный писатель, 1995
- Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. — Новосибирск, 1990
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета Канонические. — New Life Campus Crusade For Christ International, 1991
- Большой Энциклопедический Словарь. Энциклопедия. Гл. ред. Прохоров А.М. — М., 1997
- Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. — СПб., Северо-Запад, 1995
- Власова М. Русские суеверия. — СПб., Азбука, 1998
- Волошина Т.А., Астапов С.Н. Языческая мифология славян. — Ростов н/Д, Феникс, 1996
- Времена года: православный календарь. Сост. Соколовский В. — Ростов н/Д., Книга, 1995
- Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий. — Нижний Новгород, Русский купец и Братья славяне, 1995
- Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. — Нижний Новгород, Русский купец и Братья славяне, 1995
- Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. — СПб., Литера, 1996
- Даль В.И. Пословицы русского народа, в 2-х томах. — М., 1984
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, в 4-х томах. — М., 1978
- Демин В.Н. Загадки русского севера. — М., Вече, 1999
- Демин В.Н. Тайны русского народа. — М., Вече, 1997
- Женщины в легендах и мифах. Под ред. Кэролайн Ларрингтон. Пер. с англ. Перфильевой О. — М., Крон-Пресс, 1998
- Забьлин М. Русский народ. — Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992
- Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. Сост. Дурасов Г.П., Яковлева Г.А. — М., Советская Россия, 1990
- Ирасек Алоис. Старинные чешские сказания. Пер. с чешек. Боголюбовой Ф. — М., Правда, 1987
- Калевала. Пер. с финск. Бельского Л. — М., Художественная литература, 1977
- Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов. — М., Издательство АСТ, 1997
- Коринфский А.А. Народная Русь. — Смоленск, Русич, 1995
- Короткова М.В. Путешествие в историю русского быта. — М., Русское слово, 1998
- Костомаров Н.И. Славянская мифология. — М., Чарли, 1995
- Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. — Новосибирск, Наука, 1992
- Максимов С.В. Куль хлеба. — Смоленск, Русич, 1995
- Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — Смоленск, Русич, 1995
- Миролобов Ю. Сакральное Руси. — М., Золотой Век, 1996
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Сост. Зиновьев В.П. — Новосибирск, Наука, 1987
- Мифологический словарь. Энциклопедический словарь. — М., Советская энциклопедия, 1991
- Мифы народов мира. Энциклопедический словарь в 2-х томах. — М., 1995
- Народы и религии мира. Энциклопедия. Гл. ред. Тишков В.А. — М., 1998
- Панкеев И.А. Тайны русских суеверий. — М., Яуза, 1997
- Папюс. Практическая магия. — М., Ренессанс, 1991
- Персонажи славянской мифологии. Сост. Кононенко А.А., Кононенко С.А. — К., Корсар, 1993
- Покровский Д. Словарь церковных терминов. — М., Рипол, 1995
- Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М., Наука, 1975
- Православный календарь. Сост. Гаранин А., Новожилов И. — М., Онега, 1997
- Пропп В.Я. Собрание трудов. — М., Лабиринт, 1998
- Путилов Б.Н. Древняя Русь в лицах. — СПб., Азбука, 1999
- Рассказы русских летописей XI-XIV веков. — М., Детская литература, 1973
- Религии мира. Энциклопедия в 2-х томах. Гл. ред. Аксенова М.Д. — М., Аванта+, 1997
- Русские Веды. Велесова книга. Под ред. Асова А.И. — М., Наука и религия, 1992
- Русское колдовство, ведовство, знахарство. Сборник. Сост. Северов М., Ушаков Н. — СПб., Литера, 1994
- Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. — М., Наука, 1988
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., Русское слово, 1997
- Сахаров И.П. Сказания русского народа. — М., Терра, 1997
- Серия Беседы с верующими. Каргалов В.В. Покров. — М., Политиздат, 1974
- Серия Беседы с верующими. Короткова З.М. Богородичные праздники. — М., Политиздат, 1974
- Серия Беседы с верующими. Никоненко С.С. Вознесение. — М., Политиздат, 1973
- Серия Беседы с верующими. Осипов А.А. Снасы. — М., Политиздат, 1974
- Серия Беседы с верующими. Пинчук Л.Т. Ильин день. — М., Политиздат, 1974
- Серия Беседы с верующими. Титов В.Е. Троица. — М., Политиздат, 1975

- Серия Беседы с верующими. Филиппов Л.А. Крещение. — М., Политиздат, 1973
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М., Эллис Лак, 1995
- Соболев А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям. — СПб., Лань, 1999
- Соколова З.П. Животные в религиях. — СПб., Лань, 1998
- Тихонравов Ю.В. Религии мира. — М., 1996
- Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. — СПб., Литера, 1996
- Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. — СПб., Издательство С.-Петербургского университета, 1997
- Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Пер. с англ. Рыклина М.К. — М., Политиздат, 1980
- Христианство. Словарь. Под ред. Л.Н.Митрохина. — М., Республика, 1994
- Шастина Е.И. Сказки и сказочники Лены-реки. — Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975
- Шесталов Ю. Сказки таежного игрища. — М., Сов. Россия, 1972
- Элиаде М. Словарь религий, обрядов и верований. — М., Рудомино, 1997

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Энциклопедия.....	7
А.....	7
Б.....	43
В.....	135
Г.....	201
Д.....	223
Е.....	244
Ж.....	247
З.....	252
И.....	264
К.....	274
Л.....	314
М.....	339
Н.....	367
О.....	380
П.....	394
Р.....	443
С.....	466
Т.....	507
У.....	510
Ф.....	514
Х.....	519
Ц.....	531
Ч.....	532
Ш.....	543
Э, Ю.....	546
Я.....	547
Предметно-именной указатель.....	551
Языческий календарь.....	558
Православный календарь.....	560
Церковные праздники.....	562
Великие двенадцатые праздники.....	562
Великие недвенадцатые праздники.....	562
Подвижные православные праздники.....	562
Неподвижные православные праздники.....	564
Зима.....	564
Декабрь.....	564
Январь.....	569

Февраль.....	573
Весна.....	576
Март.....	576
Апрель.....	579
Май.....	582
Лето.....	587
Июнь.....	587
Июль.....	590
Август.....	594
Осень.....	600
Сентябрь.....	601
Октябрь.....	606
Ноябрь.....	611
Послесловие автора.....	618
Литература.....	620

За этимологическую информацию
и аутентичность цитат
ответственность несет автор энциклопедии

Компьютерный дизайн обложки Власова С.Е.
Художественный редактор Аласкина О.Н.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.08.2001.

Формат 84x108 У₁₆- Уел. печ. л. 65,52.
Тираж 6000 экз. Заказ 731.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 - книги брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

Шапарова Н.С.
Ш25 Краткая энциклопедия славянской мифологии:
Около 1000 статей/Н.С. Шапарова. - М.: ООО «Изда-
тельство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО
«Русские словари», 2001. - 624 с. - Предм.-имен.
указ.: с. 551-557.

ISBN 5-17-009469-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-02786-4 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-93259-023-8 (ООО «Русские словари»)

Энциклопедия содержит около 1000 статей, посвященных персонажам языческой и православной мифологии восточных, западных и южных славян. Объясняются основные термины, используемые в исследованиях по мифологии. Показана роль повседневных предметов и животных в обрядах и поверьях. Энциклопедию дополняет славянский месяцеслов.

Книга написана живым, увлекательным языком, в статьях излагаются интересные легенды и сказания.

Предназначена для студентов, школьников, широкого круга специалистов - историков, литературоведов, языковедов, а также для всех интересующихся историей и культурой славянских народов.

УДК 29
(031)

Справочное издание

Шапарова Наталья Сергеевна

**КРАТКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ**

Организация издания *Е. А. Гришиной*
Редакторы *М.В.Аверьева, Е.А. Гришина,*
Л.О. Савчук, С.О. Савчук
Технический редактор *Э.С. Соболевская*

Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 (ООО «Издательство АСТ»)
Лицензия ЛР № 066647 от 07.06.99 (ООО «Издательство Астрель»)

ООО «Издательство АСТ»
674460, Читинская обл., Агинский р-н, п. Агинское,
ул. Базара Ринчино, 84

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, проспект Ленина, 81

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Московская топография № 2 Министерства по делам печати,
информации и телерадиокоммуникаций. Тел. 282-24-91.
129085, Москва, пр. Мира 105.

Кто такие кикиморы, мавки, домовые и овишники?
Как гадали наши предки? Что за сказочные птицы —
Алконост, Сирин и Гамаюн? Какая символика
связывалась на Руси с перекрестком, с петухом, с кошкой,
с волком? Почему у святого Касьяна праздничный день
один раз в четыре года, а у Николая-угодника — два раза в году?
Где растёт плакун-трава и находится остров Буян?

Краткая Энциклопедия славянской мифологии

Что такое алатырь, Вырий, лоскотуха?
Как праздновали Масленицу?
На все эти и множество других вопросов вы
можете найти ответы в этой популярной и одновременно
содержательной энциклопедии, объединяющей около полутора
тысяч слов и понятий.
Книга — лауреат конкурса «Словари России» 2000 года.

ISBN 5-17-009469-8

9 785170 094691